

Б.Н. МОЗОЛЕВСКИЙ, С.В. ПОЛИН

КУРГАНЫ
СКИФСКОГО
ГЕРРОСА

IV в. до н.э.

БАБИНА,
ВОДЯНА
И СОБОЛЕВА
МОГИЛЫ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНЫ

Б.Н. МОЗОЛЕВСКИЙ, С.В. ПОЛИН

КУРГАНЫ
СКИФСКОГО
ГЕРРОСА

IV В. ДО Н. Э.

(БАБИНА, ВОДЯНА
И СОБОЛЕВА МОГИЛЫ)

*В Библиотеку Евразии
Abteilung.*

Колл

12.02.06

Киев
Издательский дом «Стилос»
2005

Der Bibliothek der
EurAsian-Abteilung des DAI
geschenkt von

УДК 903.5 (477.63) «-04» ББК Т4 (4Укр - 4Дне) 273.112 - 431.11
ББК 63.4(Укр)
М 74

Утверждена к печати решением Ученого совета Института археологии
Национальной Академии наук Украины 6 июня 2003 г.

Ответственный редактор:

В.Б. Виноградов, доктор исторических наук

Рецензенты:

Е.В. Черненко, доктор исторических наук

С.А. Скорый, доктор исторических наук

B. MOZOLEVSKIY, S. POLIN

**KURGANS OF SCYTHIAN
GERROS
OF 4th c. B. C.
(BABINA, VODJANA
AND SOBOLEVA MOGILY)**

Мозолевский Б.Н., Полин С.В.

М 74

Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). - К.:
Издательский дом «Стилос», 2005. - 600 с. + 24 табл. цв. илл.

Mozolevskiy B., Polin S. Kurgans of scythian Gerros of 4th c. B. C. (Babina, Vodjana and
Soboleva mogily). - Kiev: Stylos Publishing House, 2005. - 600 p. + 24 p. colour ill.

ISBN 966-8518-29-2

Публикуются и анализируются материалы курганов нашей скифской знати Бабина, Водяна
и Соболева могилы IV в. до н. э., исследованные под руководством Б.Н. Мозолева в 1986 и 1991-
1992 гг. в окрестностях г. Орджоникидзе Днепропетровской обл., в районе нижнеднепровского
Герроса, легендарного места захоронения скифских царей.

ББК 63.4(Укр)

© Мозолевский Б.Н., Полин С.В., 2005
© ИД «Стилос», издание, 2005

ISBN 966-8518-29-2

XV. ГЕРРИ

Гробниці [скіфських] царів містяться
в Геррах, до яких Бористен ще судноплавний.
Геродот

Життя і смерті сивши щедрий келих,
Усі літа спаливши на вогні,
Я, скіфський цар, лежу в двіпровських Геррах,
І стугонають століття по мені.

Колись цю річку звали Бористеном,
А Скіфією – всі оці краї.
Як пахли по степах тоді нестерпно
Кочівками осінні кураї...!

Гай-гай!.. Все так. Колись я був тут юним.
Ходив на бій. Поїв коня з ріки...
Моя сон, пройшли сармати, готи, гунни,
Авари, печеніги, кичаки.

Чиї тепер там кроки землю будить?
Яка зійшла над обрієм доба?
Я міцно сплю, тримаючи на грудях
Тяжінь високовольтного стовпа.

Над ним гудуть громи в сталевих струнах,
Під ними крає землю чересло.
Крізь мене йдуть я світи пекельні струми,
Чоло ж моє колоссям проросло.

І хай сіваць з блакитними очима
Ще грючі вищих обширів сягне –
Це наша з вами спільна Батьківщина,
Бо як ви з неї вирвете мене?

Бо хто вам майбуття з минулим зв'яже,
І хто навчить любити ці краєжі,
Коли і він зі мною поруч ляже,
Три кроки не дійшовши до межі?

А гуси знов гелгочуть на озерах,
І пахнуть медом плавні навесні!...
Я скіфський цар, похований у Геррах, –
Мій спис, і меч, і кінь мій при мені.

Б. Мозолевський

(Уривок з поеми «Ірій. Поема у витворах скіфського золотарства», 1980)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
В.Н. Мозолевский. Биографический очерк	9
Творческое наследие В.Н. Мозолевого	13
ГЛАВА 1. СКИФСКИЙ ГЕРРОС V-IV вв. до н. э. НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ И КУРГАНЫ ВОЗЛЕ г. ОРДЖОНИКИДЗЕ.....	17
1.1. Проблема локализации Герроса	17
1.2. Краткий очерк исследования курганов скифской знати в степях Северного Причерноморья в дореволюционный период	20
1.3. Исследование скифских курганов в Никопольском регионе до начала 1960-х гг.	29
1.4. Исследования скифских курганов у г. Орджоникидзе в 1964-1993 гг., «Эпоха» В.Н. Мозолевого	33
ГЛАВА 2. АРХЕОЛОГИЯ И ДОБЫЧА МАРГАНЦА В ОРДЖОНИКИДЗЕ.....	49
2.1. Открытие марганца и его добыча на Никопольщине.....	50
2.2. Послевоенный период	57
2.3. Военный период	61
2.4. Послевоенное восстановление	62
2.5. Эпоха открытой добычи марганца в Никопольском бассейне.....	63
2.6. Рекультивация земель, обработанных карьерами	66
ГЛАВА 3. ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ ВОДЯНА, БАБИНА И СОБОЛЕВА МОГИЛЫ В ОКРЕСТНОСТЯХ г. ОРДЖОНИКИДЗЕ.....	71
3.1. ВОДЯНА МОГИЛА	71
3.1.1. Методика раскопок	72
3.1.2. История сооружения кургана. Конструкция насыпи	72
3.1.3. Позднее ограбление кургана. Ментир	77
3.1.4. Кренида	77
3.1.5. Ров	78
3.1.6. Амфорные материалы из рва	79
3.1.7. Погребальные сооружения и захоронения кургана	81
Погребение конюшего (№ 1) - 81. Конская могила (погребение № 2) - 81. Основная гробница (погребение № 3) - 82	
3.1.8. Описание находок из погребений	85
Погребение конюшего (№ 1) - 85. Конская могила (погребение № 2) - 85. Конь № 1 - 85. Конь № 2 - 89. Центральная гробница (погребение № 3) - 90	
3.2. БАБИНА МОГИЛА	93
3.2.1. Методика раскопок кургана	94
3.2.2. Стратиграфия кургана.....	97
3.2.3. Первый строительный горизонт	97
I-я насыпь кургана - 98. Кренида № 1, наброска и панцирь первичной насыпи - 100	
3.2.4. Второй строительный горизонт	101
Кренида № 2 - 102. II-я насыпь кургана - 103. Кренида № 3 и ее наброска - 103. Ров и трезна - 104. Околокурганый вал - 107	
3.2.5. Третий строительный горизонт	107
3.2.6. Ограбление кургана.....	108
3.2.7. Исследование погребальных сооружений кургана	113
Гробница № 1 - 114. Гробница № 2 - 116. Входная яма № 1 гробницы № 2 - 116. Дромос № 1 входной ямы № 1 гробницы № 2 - 116.	

Входная яма № 2 гробницы № 2 – 117. Дромос № 2 входной ямы № 2 гробницы № 2 – 117. Камера гробницы № 2 – 118.	
Захоронение коней в дромосе № 1 гробницы № 2 – 119. Конь № 1 – 119. Конь № 2 – 122. Гробница № 3 – 122	
3.2.8. Описание находок из кургана	124
Находки из насыпи кургана и рва – 124. Скопление украшений погребальной повозки из насыпи – 124. Скопление украшений погребальной повозки и конской упряжки, найденное во рву – 126. Прочие находки из рва – 128.	
Находки из гробницы № 1 – 128. Находки из гробницы № 2 – 129.	
Гробница № 2. Находки из погребения коней – 133. Нагрудник коня № 1 – 133.	
Узда и седло коня № 1 – 133. Узда коня № 2 – 138.	
Находки из гробницы № 3 – 143	
3.3. СОБОЛЕВА МОГИЛА.....	143
3.3.1. Общая характеристика могильника и кургана.	
История и методика исследования.....	143
3.3.2. Половецкое святилище на вершине кургана	144
3.3.3. Структурные элементы кургана, последовательность его сооружения	145
3.3.4. Ров	150
3.3.5. Находки во рву	150
3.3.6. Ограбления кургана	150
3.3.7. Основные этапы функционирования кургана Соболева Могила	152
3.3.8. Погребение № 1	154
3.3.9. Погребение № 2	155
3.3.10. Захоронение лошади № 2-А	162
3.3.11. Погребение № 3 (впускное, женское)	162
3.3.12. Тайники в погребении № 3	163
3.3.13. Погребение № 4 (впускное, сопровождающее, женское)	166
3.3.14. Погребение № 5 (впускное, мужское)	166
3.3.15. Погребение № 6 (впускное, детское).....	166
3.3.16. Погребение № 7 («вестник»)	167
3.3.17. Погребение № 8 («виночерший»)	168
3.3.18. Описание находок в кургане	168
ГЛАВА 4. КУРГАНЫ ВОДЯНА, БАБИНА И СОБОЛЕВА МОГИЛЫ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ДРЕВНОСТЕЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ	196
4.1. О курганах Северного Причерноморья	196
4.2. О названиях курганов	219
4.3. Каменные бабы на курганах	224
Скифская стела на Бабиной Могиле – 228. Скифский менгир на Водяной Могиле – 229.	
Половецкое святилище на Соболевой Могиле – 230.	
4.4. Насыпи скифских курганов	236
4.5. Из чего строились скифские курганы	241
4.6. О продолжительности строительства скифских курганов	252
4.7. Структура насыпей скифских курганов	258
4.8. Илстые смывы	269
4.9. Каменные паншири	275
4.10. Крепиды	278
4.11. Поминальные приношения, тризны и сопровождающие захоронения	287
4.12. Рвы и выемки вокруг скифских курганов.....	294
4.13. Вали вокруг курганов	298
4.14. Обряд захоронения в Бабиной, Водяной и Соболевой могилах	298
4.15. Размеры курганов	299
4.16. Захоронения коней	300

4.17. Узды из конских погребений	301
Удила и псалги – 301, Украшения узды и седла из Водяной Могилы – 302, Украшения узды и седла из Бабиной Могилы – 303, Украшения узды из Соболевой Могилы – 315.	
4.18. Украшения погребальных повозок	316
4.19. Типы погребальных сооружений в наших курганах	319
4.20. Амфоры и чернолаковая керамика	321
4.21. Золотые изделия	330
4.22. Серебряная посуда из Соболевой Могилы	340
4.23. Вооружение	345
4.24. Вытовая утварь	354
4.25. Датировка наших курганов и общая хронология курганов скифской знати Северного Причерноморья	356
4.26. Хронология пантикапейских статов	392
4.27. Реконструкция уздечек из Бабиной, Водяной и Соболевой могил	410
4.28. Об источниках скифского золота	424
4.29. Об ограблении курганов	427
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	446
SUMMARY	447
ПРИЛОЖЕНИЯ	449
Приложение № 1. <i>Полин С.В.</i> Исследования Скифской Никопольской экспедиции А.И. Тереножкина в 1964–1965 гг. и Орджоникидзевской экспедиции В.Н. Мозолевского в 1969–1992 гг. в районе г. Орджоникидзе	450
Определения костей животных из скифских курганов из раскопок Орджоникидзевской экспедиции 1972 г. и 1994–2001 гг.	458
Приложение № 2. <i>Кривц С.И.</i> Новые антропологические материалы из курганов скифской знати Северного Причерноморья	459
Приложение № 3. <i>Трейстер М.Ю.</i> Об изделиях торевтики из скифского кургана Бабина Могилы	502
<i>Трейстер М.Ю.</i> Серебряная посуда из Соболевой Могилы	513
Приложение № 4. <i>Витрик И.С.</i> Результаты пробирного анализа драгоценных изделий из курганов Бабина и Соболева могилы	528
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	536
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	583
ИНДЕКС	586

ВВЕДЕНИЕ

Когда копались эти курганы и задумывалась книга о них, невозможно было себе представить, что осуществлять замысел придется уже без Бориса Николаевича Мозолевского, автора и вдохновителя этих исследований, вложившего в них столько сил, физических и духовных.

С именем В.Н. Мозолевского в украинской археологии связаны многие замечательные открытия в полевом скифоведении. Созвездие ярчайших скифских памятников – вот результат его тридцатилетних трудов на археологической ниве. Достаточно вспомнить Хомину, Денисову, Завадские, Репяховатую, Толстую, Желтокаменскую Толстую, Бабину, Водяну, Соболеву и многие другие могилы и безмянные курганы, раскопанные В.Н. Мозолевским, начало доисследования Чертомлыка, чтобы понять, что можно говорить об «эпохе Мозолевского» в отечественном скифоведении, а это ставит его имя в один ряд с выдающимися исследователями скифских древностей прошлого – И.Е. Забелиным, А.А. Бобринским и др.

В скифоведении имя В.Н. Мозолевского выделяется еще и тем, что при колоссальном объеме раскопок, выпавших на долю многих археологов в годы размаха новостроечных работ в 1960–80-х гг. на юге Украины, значительная часть исследованных им скифских памятников опубликована и введена в научный оборот. Ставшая уже классической, монография «Толстая Могила» впервые за 200 лет исследований скифских памятников воссоздала в полном объеме скифский царский курган как явление. Новая книга во многом восполняет «задолженность» по публикации скифских курганов, исследованных в окрестностях г. Орджоникидзе.

Раскопки курганов в районе г. Орджоникидзе на территории Орджоникидзевского ГОКа, ведущиеся здесь Орджоникидзевской экспедицией Института археологии НАН Украины почти 40 лет, внесли яркую страни-

цу в историю развития украинской археологии. За эти годы при всестороннем содействии комбината стали возможными исследования более трехсот курганов, в том числе и больших, принадлежавших самым различным народам, населявшим наши степи на протяжении последних пяти тысяч лет. Практически сплошное исследование курганов низовьев между речья Соленой и Чертомлыка позволяют восстановить историю освоения и хозяйственной эксплуатации этой территории на протяжении всего этого периода. Археологические и антропологические материалы, полученные из полностью исследованных курганных могильников, позволяют приступить к решению этнических, социальных и демографических проблем различных эпох.

Раскопки ряда курганов в районе г. Орджоникидзе привели к подлинным научным открытиям в археологии эпохи бронзы и раннего железного века. Материалы из них послужили основой для написания ряда разделов трехтомной «Давньої історії України» и «Етнічної історії давньої України», созданных коллективом Института археологии НАНУ. Эти работы получили высокую оценку специалистов и отмечены Государственной премией Украины за 2002 г.

Многие находки из орджоникидзевских курганов вошли в золотой фонд науки и культуры и достойно представляют орджоникидзевские земли в экспозициях Музея исторических драгоценностей Национального Исторического музея Украины, Археологического музея ИА НАНУ, на зарубежных выставках в Италии, Польше, Канаде, США, Франции, Финляндии, Швейцарии и других странах, пользующихся неизменным успехом. Знаменитая пектораль, найденная В.Н. Мозолевским в кургане Толстая Могила у г. Орджоникидзе, давно стала международным символом Украины.

Все эти открытия стали возможными только благодаря всесторонней технической

и человеческой помощи со стороны Орджоникидзевского ГОКа, его руководства, многих рядовых сотрудников управления, карьеров и различных подразделений комбината, жителей г. Орджоникидзе.

Особую признательность хочется выразить Председателю правления ОАО «Орджоникидзевский горно-обогатительный комбинат» В.В. Постоловскому, оказавшему финансовую поддержку изданию этой книги. Только благодаря этому стал возможным ее выход в свет. Большую моральную поддержку в этом вопросе оказал главный маркшейдер ОГОКа Н.Л. Лебединец.

В книге вниманию читателей, профессионально или по духовной потребности интересующихся древностями нашей Родины, предлагаются материалы из курганов скифской знати Водяня, Бабины и Соболева могилы, исследованных под руководством Б.Н. Мозолевского в 1986 и 1990–1991 гг. Введение к книге, главы 1, 2 и 4, заключение и приложение №1 написаны С.В. Полиным. Для написания разделов 3.1 и 3.2 о раскопках Водяной и Бабиной могил использованы отчеты о раскопках А.В. Николовой и С.В. Полина в редакции Б.Н. Мозолевского [Мозолевский, 1986–А]. Отчет о раскопках Соболевой Могилы в 1990–1991 гг. Б.Н. Мозолевский написать не успел. Имеются только отдельные рукописные наброски. Описание кургана (раздел 3.3) сделано С.В. Полиным на основе полевых дневников Б.Н. Мозолевского, чертежей кургана и погребений, полевой описи находок, с привлечением авторских набросков к отчету и консультаций с участниками раскопок.

Хочется выразить свою признательность ст. научному сотруднику отдела античной археологии ИА НАНУ А.В. Буйских, оказавшей огромную помощь в изготовлении графических иллюстраций к книге, и фотографам ИА НАНУ Г.И. Лысенко, М.Ш. Пятковскому и Ю.А. Декянчичеву за полевые съемки и фотографии находок. По договоренности с организаторами выставки «Scythian Gold. Treasures from ancient Ukraine», проходившей в США и Франции в 1999–2001 гг., для иллюстрирования книги также использованы слайды, подготовленные для каталога выставки мастерами художественной фотографии L. Gardiner и B. White [Scythian, 1999]. Приложение №3 М.Ю. Трейстера, посвященное анализу серебряных изделий из Бабиной и Соболевой могил, иллюстрировано его собственными фотографиями.

В результате раскопок курганов Водяня, Бабина и Соболева могилы были получены новые ценнейшие сведения по устройству курганов высшей скифской знати, технике их строительства, архитектуре, погребальному обряду, конструкции погребальных сооружений, материальной культуре, буквально по всем разделам скифской истории и археологии IV в. до н. э. Ввод в научный оборот этих материалов, их полноценное осмысление внесут много нового в наши представления буквально обо всех сферах скифской жизни, как материальной, так и духовной. Мы постарались донести до будущих читателей красоту и величие скифских курганов, выдающихся памятников древности украинских степей. Насколько это удалось – судите сами.

PS. Работа над книгой завершена в марте 2003 г.

¹ Из-за большого объема книги в тексте в ссылках на литературу указан только первый автор, год издания, номера страниц и иллюстраций. В списке литературы дан полный состав авторов работ.

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ МОЗОЛЕВСКИЙ (1936–1993)

Б.Н. Мозолевский родился 4 февраля 1936 г. в с. Николаевке Веселиновского р-на Николаевской обл. в крестьянской семье. Отец, Николай Иванович, 1904 г.р., в 1944 г. погиб на фронте. Растил Бориса мать Домна Алексеевна. В Веселиновке он окончил 7 классов средней школы. Еще в шестом классе начал писать стихи, в те времена – наивно-патриотические, в духе газетных передовиц. Нелегкой и голодной была жизнь в послевоенном селе, и каждый выживал как умел. В 1951 г. Борис попал в армию воспитанником. В те годы существовала такая форма подкорма полуголодной ребятни. Сначала он находился в Одесской спецшколе ВВС, после ее расформирования остался там же в военно-морской части. Позднее поступил в Военно-морское ордена Ленина авиационное училище имени Сталина в г. Ейске. По ходу обучения перевелся курсангом-летчиком в 93-е Военно-морское авиационное училище в Ленинградской обл., позже вернулся обратно в учи-

лище в Ейск. Здесь вместе с ним овладевали азами летного мастерства будущие космонавты, Герои Советского Союза Г. Шонин и Г. Добровольский.

В 1956 г. Борис попал под проходившее тогда сокращение Вооруженных сил СССР, был демобилизован и почти 10 лет после этого проработал кочегаром СМУ треста «Укрторгстрой» в Киеве. Одновременно, начиная с 1958 г., заочно учился на историко-философском факультете Киевского Государственного университета им. Т.Г. Шевченко, который окончил в 1964 г. Все эти годы Борис продолжал писать стихи, занимался в литературной студии при издательстве «Молодь» под руководством Д.Г. Белоуса. В 1963 г. вышел в свет его первый поэтический сборник «Начало марта».

Как писал сам Борис, до 30 лет он практически не помышлял об археологии. Первые поездки в археологические экспедиции, скорее всего, были достаточно случайными и проходили в поисках новых впечатлений, обогащали его жизненным опытом. С 1962 г. он успел побывать в Южно-Украинской экспедиции ИА АН УССР А.М. Лескова, затем в 1964–1965 гг. в Скифской Никопольской экспедиции А.И. Терепожкина. В 1965 г. несколько месяцев руководил археологическим кружком в Киевском дворце пионеров. В 1967 г. работал на Трахтемировском городище в экспедиции Г.Т. Ковпаченко.

После получения университетского диплома в 1965–1968 гг. Б.Н. Мозолевский работал в издательстве АН УССР «Наукова думка» редактором литературы по истории и археологии. За это время подготовил к изданию 10 монографий и сборников, в основном, по археологии. Среди них такие фундаментальные работы, как сборник «Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР» (1967), монографии В.П. Петрова «Подсечное земледелие» (1968), В.А. Ильиной «Скифы Днепровского лесостепного Левобережья» (1968), Е.В. Черненко

«Скифский доспех» (1968), вошедшие в золотой фонд отечественной археологии¹.

Годы поездок в археологические экспедиции, работа с археологической литературой, тесные контакты с ведущими археологами Украины, в частности с основоположниками украинского скифоведения А.И. Тереножкиным и В.А. Ильинской, пробудили в нем интерес к далекому прошлому. В это время появилась и возможность попробовать себя в археологии. Начинаясь великая эпоха неолитических исследований на степном украинском юге, и дотоле недоступный Институт готов был принять неопытного. И в 1968 г. Борис увольняется из издательства для поступления на работу в Институт археологии. По рекомендации А.И. Тереножкина, его оформили на должность зам. начальника вновь созданной Северо-Рогачикской экспедиции, которую и возглавил А.И. Тереножкин. Здесь ему впервые довелось принять боевое крещение в качестве ученика, а затем и самостоятельного раскопщика скифских курганов. Под началом В.А. Ильинской было исследовано 30 курганов скифского могильника Гайманово поле у с. Балки Запорожской обл. Так приобретался собственный археологический опыт.

Казалось бы, абсолютная поддержка маститого ученого гарантировала Борису возможность успешно совершенствоваться в новой области, но вдруг подвела неожиданная известность в качестве поэта. Неосмотрительно перепечатанные в канцелярии Института стихи, как считалось по тем временам, откровенно антисоветского свойства («...Хрущева и Брежнева я товарищами не назову...» – цитата вольная) попали на глаза бдительным товарищам и стали предметом разбирательства в институтской парторганизации. Не обошли вниманием и «товарищи в штатском». Перспектива отправиться «в края далекие» была вполне реальной. Двери Института захлопнулись перед ним на долгие три года. После полевого сезона на зимовку вновь пришлось возвращаться в кочегарку Киевского техникума транспортного строительства.

¹ Борис Николаевич также подготовил и издал следующие книги: *Археологія*. – 1966. – Т. 20; *Коваленко Г.Г. Племена скифського часу на Воєвкві*. – 1967; *Пархомчук С.М. Великий Жовтень і революційне піднесення в Румунії*. – 1968; *Коллар М.Ф. Галицка Русь в другій половині XIV – першій чверті XV ст.* – 1968; *Аланович О.М. Збройні сили України в першій чверті XVIII ст.* – 1968; *Слов'яно-руські старожитності*. – 1968.

В Институте опальному поэту оказывали негласную поддержку. В 1969–1970 гг. по договору, сезонно, он продолжал работать на должности зам. начальника Северо-Рогачикской экспедиции, которой с 1969 г. руководил В.И. Видзеля. Здесь он участвовал в раскопках знаменитого скифского царского кургана Гайманово Могила, курганов скифской знати в ур. Носаки и др. В конце 60-х гг. в г. Орджоникидзе Днепропетровской области продолжалось строительство новых карьеров и предприятий по добыче и обогащению марганцевой руды, и в 1969 г. здесь возникла угроза сноса курганов. Поскольку все штатные сотрудники Института археологии в те годы были загружены работами на других новостройках «под самую завязку», единственным свободным «кадром» с необходимым раскопным опытом, который мог быть туда направлен, был опальный и в общем-то безработный Борис. В Северо-Рогачикской экспедиции был создан Орджоникидзевский отряд в составе его начальника Б.Н. Молодецкого. Начальник Северо-Рогачикской экспедиции В.И. Видзеля повез новоиспеченного начальника в г. Орджоникидзе представлять местному руководству в качестве полномочного представителя Института. И в октябре–ноябре 1969 г. Борис провел здесь свои первые самостоятельные работы с помощью сотрудников Орджоникидзевского народного музея. Доходило до смешного – в 1969–1970 гг. летом по договору он работал заместителем начальника Северо-Рогачикской экспедиции и начальником различных ее отрядов, но зимовать возвращался в кочегарку.

Борис не был новым человеком в Орджоникидзе. В годы работы здесь в экспедиции А.И. Тереножкина в 1964–1965 гг. он успел хорошо узнать и полюбить здешние места. Работа в Орджоникидзе свела его с необычайным человеком – директором Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной премии УССР, кандидатом технических наук Григорием Лукичем Середой. Когда встречаются два увлеченных своим делом человека, на этого многое может получиться. «Технар» Г.Л. Середя был необычайно многогранным человеком. Его хватало на все: и на добычу марганца, и на строительство нового города Орджоникидзе, и на рекультивацию уничтоженных карьерами земель – возвращение их к жизни, и на создание музея в городе. Огромный интерес вызывали у него

и археологические исследования. Первое знакомство Г.Л. Середы с археологами состоялось в 1961 г., в с. Кирово Никопольского р-на, где Скифская экспедиция ИА АН УССР под руководством А.И. Тереножкина проводила раскопки скифских курганов.

В 1964 г. А.И. Тереножкин по приглашению Г.Л. Середы приступил к исследованиям курганов в районе г. Орджоникидзе, которые переросли в многолетнее сотрудничество, правильнее будет сказать – содружество. Часто общаясь с археологами в повседневной текущей работе, Г.Л. Середа с интересом и сочувствием, если не сказать больше, относился к мечтам археологов о раскопках скифских царских курганов. При его поддержке в 1965 г. был раскопан 7-метровый царский курган Страшная Могила, за 10 лет до того как ему начал угрожать карьер. С его же благословения предполагались раскопки самого крупного из сохранившихся на Украине 15-метрового царского скифского кургана Нечаева Могила. Однако археологические поиски увел А.И. Тереножкина из Орджоникидзевских краев, и этот проект не осуществился.

Осенью 1969 г., когда археологи в лице Бориса вновь появились в Орджоникидзе, прежние планы раскопок больших курганов, помимо охранных исследований памятников на карьерах, возродились вновь. Г.Л. Середу, вопреки пристальному вниманию Орджоникидзевского горкома КПУ, абсолютно не смущал «неблагонадежный» статус Бориса. На следующий год Мозолевский вновь был оформлен по договору в качестве зам. начальника Северо-Рогачикской экспедиции и начальника Орджоникидзевского отряда этой же экспедиции. И в том же году Г.Л. Середа «под Мозолевского» заключил договор с Институтом археологии о проведении археологических исследований на орджоникидзевских карьерах на 10 лет. Была создана постоянно действующая Орджоникидзевская экспедиция Института археологии во главе с Б.Н. Мозолевским. В сущности, это было спасение для Бориса – он получил постоянную любимую работу на 10 лет вперед. И той же осенью началась подготовка раскопок Толстой Могилы.

Исследования Толстой Могилы начались и были блестяще завершены весной–летом 1971 г. Эти раскопки круто изменили жизнь Бориса Николаевича. Уже после первых открытий – исследования гробницы скифской царицы с ребенком и захоронений коней и слуг –

в Орджоникидзе зачастили институтские комиссии во главе с директором, членом-корреспондентом АН УССР Ф.П. Шевченко. После находки пекторали в центральной гробнице для выяснения результатов исследований в Орджоникидзе прибыла Правительственная комиссия во главе с заместителем председателя СМ УССР П.Т. Тронько. После этого Б.Н. Мозолевский ездил в Киев для доклада в ЦК КПУ и Совете Министров, а также для подготовки материалов по результатам исследования кургана для Правительственной комиссии. Сразу по завершению раскопок наиболее выдающиеся находки из Толстой Могилы осмотрели члены Политбюро ЦК КПУ и правительства УССР во главе с П.Ю. Шелестом и В.В. Щербичем.

Опала окончилась. Задним числом, с начала года, Б. Мозолевского оформляют на постоянную работу в Институт археологии младшим научным сотрудником. Раскопки Толстой Могилы были отмечены Постановлением ЦК КПУ и СМ УССР № 380 от 10.09.1971 г., согласно которому Борис и остальные участники раскопок были награждены ценными подарками – золотыми часами и денежными премиями. Постановлением СМ УССР № 556 от 17.07.71 г. и Президиума АН УССР № 934 от 28.07.71 г. Борису была установлена персональная ставка в размере 200 рублей, предоставлена 3-комнатная квартира. В 1975 г. находки из Толстой Могилы и их автор были отмечены бронзовой медалью ВДНХ СССР.

Произошли изменения и на поэтическом поприще – он получил официальное признание – в 1971 г. был принят в Союз писателей СССР.

После раскопок Толстой Могилы Борис становится одним из самых авторитетных исследователей крупных скифских курганов. С его именем связаны раскопки таких курганов, как Хомина, Денисова, Завадские могилы, Репяховатая, Желтокаменная Толстая могилы, исследования Чертомлыка. И раскопки Желтокаменной Толстой Могилы, осуществленные в 1974–1975 гг., и исследования Чертомлыка, проведенные Б.Н. Мозолевским в 1979 и 1981 гг. и завершенные позднее В.Ю. Мурзиным и Р. Ролле, также стали возможными лишь благодаря всесторонней поддержке Г.Л. Середы. Большой раскопчный опыт в исследованиях курганов скифской знати в сочетании с недюжинной наблюдательностью позволили ему сделать важные выводы, благодаря которым стало возможным визуальное распознавание скифских курганов еще до их раскопок.

В 1978 г. Борис утвердил тему кандидатской диссертации по Толстой Могиле, а в 1979 г. издал по ней книгу – первую в отечественном и мировом скифоведении полноценную публикационно-аналитическую работу, дающую полное представление о скифском царском кургане. В 1980 г. он блестяще защитил кандидатскую диссертацию.

В последующие годы Б. Мозолевский успешно продолжал исследования, публикации и осмысление исследованных скифских памятников. В 1983 г. он становится старшим научным сотрудником отдела, с 1986 г. и до последних дней – заведующим отделом (после реструктуризации Института – заведующим сектором) скифской археологии.

В 80-е гг. Борис Николаевич подготовил публикацию Мелитопольского скифского царского кургана – выдающегося памятника, исследованного его учителем А.И. Тереножкиным. В эти годы он занимался проблемами этногеографии Скифии, вопросами ее территориального деления. Параллельно он проводил разведки на территории степной Украины на предмет выявления больших царских скифских курганов, осуществил исследования курганов высшей скифской знати – Бабиной, Водяной, а в предпоследний год жизни – замечательной Соболевой Могилы. Последние два года он интенсивно работал над докторской диссертацией, посвященной проблемам этногеографии Скифии, которую так и не успел завершить.

13 сентября 1993 г. Бориса не стало. Кажется, он был счастливым человеком. Любимая работа, настоящие друзья, впрочем, и враги тоже. В конце жизни у него был Дом, Семья. Его окружала масса самых разных людей, от люмпенов до интеллектуалов. Борис был человеком достаточно прямым и независимым, что не упрощало ему жизни с начальством.

PS. Сохранился любопытный «документ». Сразу после завершения раскопок Толстой

Могилы в г. Орджоникидзе Борис нашел Желтокаменскую Толстую Могилу или, как он ее всегда называл, Драну Кохту, и загорелся желанием ее раскопать. В лаборатории Института археологии, где хранился и обрабатывался монолит погребения царицы из Толстой Могилы, привезенный из Орджоникидзе, происходили шуточные споры о возможных грядущих находках, нашедшие отражение в своеобразном «документе»:

«В кургане Драная Кохта будет, ой будет!!!

1. Горит нового типа с металлической накладкой.

2. Золотая фиала.

3. Меч с золотой ручкой. М.б. и ножны.

4. Серебряная посуда.

5. Новые изображения скифов (не исключено, что на гребне, пекторали и т. д.).

6. Невиданным [подчеркнуто пять раз – П.С.], непреодоленные, единственные в истории конские уборы.

+ 1 (одна) неграбленная гробница.

29.02.1972 г.

Верно: В. Мозолевский (подпись)

Свидетели: Старшина милиции

Подковырин В.Н. (подпись)

Черненко Е.В. (подпись)

PS. Мозолевский допускает отсутствие одного или двух наименований.

В. Мозолевский (подпись)»

«Документ» заверен оттиском на пластике металлической печати Института, которой опечатывалась в нерабочее время лаборатория, где хранился монолит погребения царицы со всеми золотыми находками.

Надежды на находки в этом кургане, исследованном в 1974–1975 гг., не оправдались из-за сокрушительного двойного ограбления. Но если вспомнить все курганы, исследованные Борисом на протяжении жизни, то мы найдем в них почти все из загаданного.

Кому еще из скифологов выпала подобная судьба?

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА МОЗОЛЕВСКОГО

1963 г.

Начало марта. – Киев, Радянський письменник. – 1963. – Поэтический сборник.

1967 г.

Шиповник. Киев, Молодь. – 1967. – Поэтический сборник.

1969 г.

Отчет о работе Верхнехортицкого отряда Северо-Рогачицкой экспедиции ИА АН УССР. – НА ИА НАНУ.

1970 г.

Отчет о раскопках курганов у г. Орджоникидзе Днепропетровской обл. – НА ИА НАНУ.

Отчет о работе Северо-Рогачицкой экспедиции ИА АН УССР за 1969–1970 гг. (в соавт. с В.И. Бидзилей и Ю.В. Болтриком) – НА ИА НАНУ.

Отчет о раскопках Запорожской экспедицией группы курганов в урочище «Носаки». – НА ИА НАНУ.

1971 г.

Зарево. – Киев, Радянський письменник. – 1971. – Поэтический сборник.

Работы Северо-Рогачицкой экспедиции // Археологические исследования на Украине в 1968 г. – Киев, 1971. – Вып. III.

Скифы та фракійці, або курган Хомиша Могила і деякі питання скифської історії // Наука і суспільство. – 1971. – № 6.

Скарби Товстої Могили // Народна творчість та етнографія. – 1971. – № 6, (в соавт. с Е.В. Черненко).

Скифія з висот царських курганів // Наука і суспільство. – 1971. – № 9.

Шедевр Товстої Могили // Образотворче мистецтво. – 1971. – № 6.

Диалог со скифами // Знання – сила. – 1971. – № 8.

Заїт про роботу Орджонікідзевської експедиції за 1971 р. – НА ИА НАНУ.

1972 г.

Дослідження курганів доби бронзи у правобережній частині Нижнього Подніпров'я // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. – Київ, 1972. – Вып. IV.

Розкопки Гайманової Могили в 1969 р. // Там же (в соавторстві с В.И. Бидзилей).

Скифський царський курган Толстая Могила // Археологические открытия 1971 года. – М, 1972. (в соавт. с Е.В. Черненко и Н.П. Зарайской).

Товста Могила – видатна пам'ятка Скифії // Археологія. – № 5. – 1972.

Товста Могила // Пам'ятки України. – 1972. – № 1.

Дослідження Товстої Могили // Тези пленарних і секційних доповідей на XV науковій конференції Інституту археології АН УРСР. – Одеса, 1972.

Скифський царський курган Толстая Могила // Тезиси докладов на сесии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. – М, 1972.

Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине // СА. – 1972. – № 3.

Скарби Товстої Могили. Фотодобірка з текстами на укр., рос., англ. та франц. мовах. – Київ: Мистецтво. – 1972.

Товста Могила // Радянська енциклопедія історії України. – Київ. – 1972. – Т. 4.

Хомиша Могила // Там же.

Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции за 1972 г. – НА ИА НАНУ.

1973 г.

Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. – Киев, 1973 (в соавт. с А.И. Тереножкиным, В.А. Ильинской, Е.В. Черненко).

Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Там же.

Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1973 г. – НА ИА НАНУ.

Отчет о работе Покровской археологической экспедиции в 1973 г. – НА ИА НАНУ.

1974 г.

Раскопки на Днепропетровщине // Археологические открытия 1973 года. – М., 1974. (в соавт. с Т.С. Михольской и В.А. Рябовой).

Зустрічі із скіфами // Книга для читання з історії СРСР з найдавніших часів до кінця XIX ст. – Київ: Вид. Радянська школа. – 1974.

Ключі від Геррив // Наука і суспільство. – 1974. – № 9.

Отчет о раскопках курганов у с. Матусов Шполянського р-на Черкаської обл. в 1974 г. (в соавторстве с А.И. Тереножкиным и В.А. Ильинской) – НА ИА НАНУ.

1975 г.

Скифский курган у с. Еркоццы на Киевщине // Скифский мир. – Киев, 1975.

Фракийская уади из Хоминной Могила // Studia Thracica. – София, 1975. – Т. 1.

Работы скифской Среднеднепровской экспедиции // Археологические открытия 1974 года. – М., 1975 (в соавт. с А.И. Тереножкиным и В.А. Ильинской).

Скифские курганы V в. до н.э. у г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов Всесоюзной Конференции. – Киев. – 1975. – Ч. 2.

Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1974–1975 гг. (эпоха бронзы и скифское время) (в соавт. с В.А. Рябовой и Н.П. Шевченко) – НА ИА НАНУ.

1976 г.

Червоне вітрило. – К.: Радянський письменник. – 1976. – Поэтический сборник.

Работы Орджоникидзевской экспедиции // Археологические открытия 1975 года. – М., 1976 (в соавт. с С.В. Полиным, В.А. Рябовой, Н.П. Шевченко).

1977 г.

Толстая Могила // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1977. – Т. 26.

Скифский курганный могильник Гайманово поле (раскопки 1968 г.) // Скифы и сарматы. – Киев, 1977 (в соавт. с А.И. Тереножкиным и В.А. Ильинской).

Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясные могилы и Носаки. – Киев, 1977 (в соавт. с В.И. Видзильей, Ю.В. Болтриком и И.П. Савовским).

Стремление передать философскую картину мира // Курьер ЮНЕСКО. – 1977. – № 1.

1978 г.

Синтез скифо-античної думки. До інтерпретації некторалі із Товстої Могили // Всесвіт. – 1978. – № 2.

Головной убор скифянки из Толстой Могила // Археологические исследования на Украине в 1976–1977 гг. Тезисы докладов XVII конференции ИА АН УССР. – Ужгород, 1978.

Алексей Иванович Тереножкин. К 70-летию со дня рождения // Археологія. – 1978. – №25.

1979 г.

Товста Могила. – Київ, 1979.

Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции ИА АН УССР за 1979 г. (в соавт. с С.Ж. Путоваловым, О.В. Битковским, А.В. Николовой). – НА ИА НАНУ.

1980 г.

Веретено. – Київ: Молодь. – 1980. – Поэтический сборник.

Скифские курганы VI в. до н.э. у с. Матусов на Черкашине // Скифия и Кавказ. – Киев, 1980 (в соавт. с А.И. Тереножкиным и В.А. Ильинской).

Скифские курганы у г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Там же.

Задачи исследования Чертомлыка // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. Тезисы докладов XVIII конференции ИА АН УССР. – Днепропетровск, 1980.

Раскопки в курганной группе Чертомлыка // Археологические открытия 1979 года. – М., 1980.

Толстая Могила. – Автореферат дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. – Киев, ИА АН УССР. – 1980.

Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1980 г. (в соавт. с А.В. Николовой) – НА ИА НАНУ.

1981 г.

Раскопки курганов скифского времени у г. Орджоникидзе // Археологические открытия 1980 года. – М., 1981.

Отчет за 1981 г. о доисследованиях Чертомлыка. – НА ИА НАНУ.

Отчет о работе Чкаловского отряда Орджоникидзевской экспедиции в 1981 г. (в соавт. с А.В. Николовой) – НА ИА НАНУ.

1982 г.

Скифский «царский» курган Желтокаменка // Древности степной Скифии. – Киев, 1982.

1983 г.

Скифский степ. – Київ, 1983.

Работа Орджоникидзевской экспедиции // Археологические открытия 1981 года. – М., 1982. (в соавт. с А.В. Николовой).

Исследование лыка // Там же (в соавт. с Р. Ролле).

Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1983 г. (в соавт. с А.В. Николовой, Е.П. Вунятяк, О.Л. Москадыней) – НА ИА НАНУ.

1984 г.

Отчет о работе скифского степного отряда за 1984 г. (Разведки на Кировоградщине, Николаевщине, Херсонщине, в Запорожье и Крыму). – НА ИА НАНУ.

1985 г.

Кохання на початку осені. – Київ: Радянський письменник. – 1985. – Поетический сборник.

Отчет о работе скифского степного разведотряда в 1985 г. – НА ИА НАНУ.

1986 г.

К вопросу о скифском Герросе // СА. – 1986. – № 2.

Тасниці скіфських рік // Отчий край – 86. – Київ: Молодь. – 1986. – Вып. 2.

І мить як вік. – Київ: Дніпро. – 1986. – Поетический сборник.

Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1986 г. (в соавт. с С.В. Полным, А.В. Николовой, В.Н. Левченко) – НА ИА НАНУ.

1987 г.

Малый Чертомлык // Скифы Северного Причерноморья. – Киев, 1987.

Скифский курган Бабина Могила // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции (Суздаль, 1987 г.). – М., 1987 (в соавт. с С.В. Полным).

А.И. Тереножкин как исследователь скифской проблематики // Тезисы докладов Всесоюзного семинара, посвященного памяти А.И. Тереножкина. – Кировоград, 1987. – Ч. 1. (в соавт. с В.Ю. Мурзиным и Е.В. Черненко).

Вопросы этносоциальной структуры населения Скифии // Там же. – Ч. 2.

1988 г.

Мелитопольский курган. – Киев, 1988. (в соавт. с А.И. Тереножкиным).

Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции за 1988 г. (в соавт. с А.В. Николовой, С.В. Полным, В.П. Белозором) – НА ИА НАНУ.

1989 г.

Скіфи Північного Причорномор'я // Книга для читання з історії СРСР. – Київ, 1989.

«Кіммерійці та скіфи». Семинар, присвячений пам'яті О.І. Тереножкина // Археологія. – 1989. – № 2 (в соавт. с Н.М. Бокій).

1990 г.

Кургани вищої знаті і проблема політичного устрою Скіфії // Археологія. – 1990. – № 1.

Щодо започаткування у Скіфії династії скіфів царських // Археологія. – 1990. – № 4.

Бабина Могила // Радянська енциклопедія історії УРСР. – Київ, 1990.

Отчет о работе скифского степного разведотряда за 1989–1990 гг. – НА ИА НАНУ.

Отчет о работе Орджоникидзевской хандоговорной экспедиции в 1990 г. (в соавт. с А.В. Николовой и В.А. Василевко) – НА ИА НАНУ.

1991 г.

Дорогою стріли. – Київ: Радянський письменник. – 1991. – Поетический сборник.

Работа Орджоникидзевской экспедиции // Археологічні дослідження на Україні 1990 р. – Київ, 1991 (в соавт. с А.В. Николовой и В.А. Василевко).

Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции за 1991 г. (в соавт. с А.В. Николовой, В.П. Белозором, А.В. Василенко) – НА ИА НАНУ.

1992 г.

Під скіфським небом. Есе // Київська старовина. – 1992. – № 4.

Связь времен // Наука и культура. – М., 1992.

Отражение космогонических представлений скифов в погребальной обрядности знати // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Международной научной конференции памяти А.И. Тереножкина. – Мелитополь, 1992.

Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1992 г. (в соавторстве с С.А. Куприем) – НА ИА НАНУ.

1993 г.

Большие курганы на территории Украины // Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили в югоизточна Европа». – Казанлък, България. 4–8 юния 1993.

Дослідження Соболевої Могили // Археологічні дослідження в Україні 1991 р. – Луцьк,

1993 (в соавт. с В.П. Белозором и В.А. Василенко).

Робота Міжнародної конференції з проблеми «Киммерійці та скіфи», присвячена пам'яті О.І. Тереножкина // Археологія. – 1993. – № 4 (в соавт. с С.А. Скорым и В.Д. Михайловым).

1996 г.

Проблеми етнічної географії Скіфії // Археологія. – 1996. – № 4.

Новый погребальный памятник скифской аристократии Соболева Могила // Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили в Югоизточна Европа». – В. Търново, 1996. – Т. 2 (в соавт. с В.П. Белозором).

1999 г.

Курган «Довга Могила» з групи Чортomla // Культурологічні студії. – Київ, 1999. – Вип. 2 (в соавт. с С.Ж. Пустоваловым).

2000 г.

Курган эпохи бронзы на территории г. Запорожья // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя, 2000. – Т. VIII (в соавт. с Г.Н. Тоцевым).

ГЛАВА 1.

СКИФСКИЙ ГЕРРОС V–IV вв. до н. э. НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ И КУРГАНЫ ВОЗЛЕ г. ОРДЖОНИКИДЗЕ

«Могила скифских царей находится в области герров в том месте, до которого Борисфен судоходен»
Геродот. История, IV, 71, 1.

«Протекая с севера, он [Борисфен] известен до местности Герр, до которой сорок дней плавания, но никто не может сказать по землям каких людей он течет выше...»
Геродот. История, IV, 53, 4.

«Седьмая река – Герр – ответвляется от Борисфена в том месте этой страны, до которого [русло] Борисфена известно. Ответвляется она в этой стране, а название имеет то же, что и сама страна – Герр. Протекая к морю, она разделяет область кочевников и область царских скифов, впадает же в Гипакирис».
Геродот. История, IV, 56.

«... царь скифов Иданфирс сказал следующее: «...О Перс, ... у нас есть отчие могилы. Попробуйте найти их и попытайтесь разрушить, и тогда вы узнаете, будем ли мы сражаться из-за могил или не будем».
Геродот. История, IV, 127, 1–3.

1.1. ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ ГЕРРОСА

Древнегреческий историк Геродот в середине V в. до н. э. как будто бы посетил Северное Причерноморье и составил очень яркое, единственное в своем роде описание Скифии, ее истории, географии, повседневной жизни и обычаев причерноморских скифов и их соседей. В нем содержится и несколько свидетельств-указаний о расположении Герросса – области, где скифы хоронили своих царей. Геррос играет очень важную роль в описании Геродота, поскольку является одним из системообразующих узлов в его системе координат географии Скифии. Кроме того, захоронения скифских царей представляют немалый интерес и для археологических исследований. Поэтому проблема локализации места захоронения скифских царей издавна интриговала ученых.

Представления о географии Скифии у Геродота были чрезвычайно туманными, и потому попытка их переноса на современную карту была и остается камнем преткновения, благополучно одолеть который не удалось еще никому. В результате более чем трехсотлетнего изучения труда Геродота многими поколениями ученых сложилось несколько вариантов

карты Скифии, которые весьма разнятся между собою. Поэтому вопрос о размещении Герросса решается непросто.

Приваки его местонахождения у Геродота весьма противоречивые, если не взаимоисключающие. Согласно Геродоту, скифы погребали своих царей в землях народа герров, в местности Герры, до которой был судоходен Борисфен (Днепр), в целом известный грекам во времена Геродота. Сюда нужно было плыть по Борисфену 40 дней. Герры из подвластных скифам племен занимали наиболее отдаленные края. Вместе с тем, в этой местности от Борисфена ответвлялась речка Герр, которая разделяла земли скифов-кочевников и скифов царских, что, исходя из всех возможных толкований локализации территории проживания последних, могло иметь место лишь в степной части Украины. Кроме того, на предложение персидского царя Дария Гистаспа принять бой скифский царь Иданфирс ответил готовностью сразиться лишь в случае, если персы смогут размякать и разорить могилы предков скифов [*Геродот. История, IV, 53, 4; 56; 71, 1, 3; 127, 1–3*]. Правда, в последнем эпизоде осталось непонятным, идет ли речь о захоронениях в Герросе или о каких-то иных старинных могилах пращуров. Из контекста понятно одно: «отчие

могилы» скифов конца VI в. до н. э. находились в отдаленном и малодоступном районе.

Описал Геродот и обряд захоронения скифского царя, универсальный для всей скифской знати. Когда у скифов умирал царь, в землях герров выкапывали в земле большую четырехугольную яму. В это время тело царя бальзамировали, укладывали на повозку, и в таком виде царь в сопровождении большой свиты осуществлял последний прощальный объезд подвластных племен, которые по ходу присоединялись к процессии. Через 40 дней погребальный поезд прибывал в область герров, к месту захоронения. Здесь тело царя опускали в могилу, где его укладывали на подстилку из соломы. Вокруг покойника в землю втыкали копья. Вместе с царем погребали также предварительно задушенных наложницу, чапника, повара, конюха, прислужника, вествица, коней и определенную часть его вещей, а также золотые чаши, поскольку, как уверял Геродот, серебро и медь скифы совсем не использовали. После всего этого яму сверху перекрывали бревнами, застилали камышовыми матами и насыпали большой курган. Через год устраивалось поминовение. При этом из приближенных царя удушали 50 юношей и 50 коней из самых лучших. Этих людей и коней в виде «всадников» в полном снаряжении насаживали на колы и расставляли вокруг кургана в качестве вечной стражи царя. Древний историк привел еще ряд душераздирающих натуралистических деталей, которые заинтересованный читатель может найти в его труде [*Геродот. История. IV, 71–73*].

Как же решается проблема локализации скифского Герроса? Ученые, считавшие достоверными указания Геродота о 40-дневном плавании до Герроса, механически переносили на современную карту подсчитанные расстояния, в результате чего область герров «размещалась» у Могилева в нынешней Белоруссии (А. Геррен, Ф. Уккерт), к северо-востоку от Чернигова (А. Хансен), в районе Киева (К. Абихт, Х. Штейн, Г. Трейдлер) или в других не менее невероятных местах. Размещали его также на Молочных водах, Кальмиусе (Я. Потоцкий) или на берегах Выси и Тямина (Ф. Линднер).

Изучение Причерноморской Скифии длительное время проводилось иностранными учеными в рамках анализа IV книги «Истории» Геродота, попыток интерпретации и переложения Геродотовой этногеографии на географическую карту. Такое изучение во многом оставалось заочным, поскольку Северное При-

черноморье находилось во владениях Турции и Крымского ханства, а существовавшие в XVII–XVIII вв. географические карты и доступная для европейских ученых информация об этих территориях были весьма приближенными и ограниченными.

Уже после вхождения Северного Причерноморья в состав Российской империи по Кучук-Кайнарджийскому миру 1774 г., в конце XVIII–XIX вв., когда эти территории становятся доступными для изучения в географическом, в отчасти и в археологическом отношении, на основе знания реальной географической ситуации возникли новые представления. В этот процесс включились и российские исследователи.

Исходя из небывало высокой концентрации значительного числа курганов-гигантов, средних и малых по величине насыпей в стокилометровом радиусе от Днепровских порогов (еще до начала исследования самих курганов, когда еще не было известно, хотя бы приблизительно, время их сооружения), а также руководствуясь известиями Геродота о пределах судоходности Днепра (как предполагалось, до Днепровских порогов или даже только до больших мелей в районе Каменки и Никополя), с начала XIX в. большинство ученых размещали область герров в этих пределах. Н. Надедин полагал, что рекой Геррос, разделявшей земли скифов царских и кочевых, является Базавлук, а область герров расположена ниже порогов – «в Подпорожье» – между современными Запорожьем и Никоподем по обе стороны Днепра, где сосредоточено наибольшее количество курганов [*Наедин, 1844: 54, 71, 83*].

По наблюдениям А.В. Терещенко, территория высочайшей концентрации курганов в районе Днепровских порогов ограничивалась городами Екатеринослав (совр. Днепрпетровск), Новомосковск, Павлоград, Александровск (совр. Запорожье) в пространстве между реками Базавлук и Конка. Область же герров, по его мнению, находилась, в междуречье Базавлука и Днепра [*Терещенко, 1853-А: 9–10, 21; 1853-Б: 10, 30*]. Как писал И.Е. Забелин, «нигде нельзя встретить такого числа могил самой разнообразной величины и конструкции, как на пространстве, окружающем пороги верст на 200 или 300 в квадрате». Он также не сомневался, что геродотовский Геррос находится именно в этих пределах [*Забелин, 1865: 71*]. Такой же локализации Герроса придерживался и Э. Миннз [*Minns, 1913: 29*].

И хотя за последующие 100 лет археологических исследований здесь так и не были открыты архаические захоронения скифских царей, принадлежность исследованных курганов к скифам IV в. до н. э., то есть к послегеродотовскому времени, была уже точно определена, установлено и их несоответствие описанному Геродотом царскому обряду погребения, мысль о расположении области Герр именно в этом районе разделяла большинство ведущих советских ученых (М.И. Артамонов, Б.Н. Граков, А.И. Мелюков, И.В. Яценко, В.А. Рыбаков и др.).

В конце XIX в., после раскопок гигантских курганов VII–VI вв. до н. э. в среднем течении р. Сулы, где обнаружено некоторое соответствие описанию царского погребального обряда Геродота, родилась гипотеза о расположении раннескифского Герроса в Посулье (Ф.Г. Мищенко, Д.Я. Самоквасов). В наше время эту идею поддержала на современном уровне В.А. Ильинская, однако ее не приняло большинство исследователей [см. историографию проблемы: *Доватур*, 1982: 307, сл.; *Нейхардт*, 1982].

В 1960 – начале 1990-х гг. в степном Причерноморье в процессе строительства каналов и систем по орошению засушливых земель юга Украины проводились небывалые по своим масштабам раскопки степных курганов. На территории от Дона до Дуная практически во всех районах были исследованы сотни скифских курганов, в том числе и царского уровня. Однако результат по интересующей нас проблеме был отрицательным. Так, общее количество захоронений VII–VI вв. до н. э., известных ранее и вновь открытых на этой огромной территории, оказалось весьма невелико и в целом не превысило трех десятков. Нигде они не образуют могильников и среди них нет ни одного сколько-нибудь богатого [Дубовская, 1989: 145; 1997: 198, рис. 8].

Б.Н. Мозолевский с самого начала своей деятельности на ниве археологии был убежденным сторонником гипотезы нижнеднепровского Герроса. В 1972 г. он исследовал Чабанцову Могилу у г. Орджоникидзе – курган весьма специфической конструкции, принадлежавший представителям скифской знати. По находке в разграбленном захоронении кургана архаического наконечника стрелы он вначале был склонен датировать памятник VI в. до н. э. Исходя из этого, Б.Н. Мозолевский полагал, что в районе Нижнеднепровского Герроса IV в.

до н. э. впервые открыто царское захоронение архаического периода, являющееся первой ласточкой в решении этой животрепещущей проблемы. При этом он возлагал надежды на некоторые еще не раскопанные курганы, аналогичность которых Чабанцовой Могиле по конструкции ему удалось установить с помощью ручного бурения. Но после раскопок этих курганов выяснилось, что они, имея ту же конструкцию, датируются в пределах V в. до н. э., что также справедливо и для Чабанцовой Могилы, где ранний наконечник стрелы был случайным. Такие находки иногда встречаются и в более поздних курганах [Мозолевский, 1974: 311; 1975: 15–16; 1980-В]. Таким образом, аргументация гипотезы Нижнеднепровского Герроса была усилена обнаружением в Нижнем Поднпровье целого ряда курганов скифской знати V в. до н. э. [Мозолевский, 1986].

Однако это все же наматывки середины – второй половины V в. до н. э., и, таким образом, проблема поиска архаического Герроса оставалась нерешенной. Тем не менее, часть этих курганов датируется временем Геродота, есть в них и ряд соответствий погребальному обряду скифских царей, описанному Геродотом [Олещенко, 1985: 242; 1986-А: 285; Монахов, 1999: 106–111, табл.33–35]. Но можно ли их рассматривать в качестве Герроса? Изучение труда Геродота с привлечением современных данных по археологии Северного Причерноморья свидетельствует о механическом смешении в сведениях Геродота по скифской этнографии разновременной информации по крайней мере двух периодов – времени скифской архаики VII–VI вв. и времени Геродота, т. е. – V в. до н. э. Именно к V в. до н. э. относятся сведения о расселении племен в степной зоне [Палин, 1994: 97–100], и к этому же времени относится и образование Герроса в районе на Нижнем Днепре ниже порогов, в районе Каменка – Никополь [Мозолевский, 1986: 81]. В таком случае является совершенно очевидным, что в ответе царя Иданфирса персам упоминались совершенно иные давние могилы предков, не имеющие ничего общего с царским кладбищем V в. до н. э. в Герросе.

При современном понимании раннескифской истории возможно и такое толкование «отчих могил» скифов. За последние 40 лет в результате огромных по объему археологических исследований степного юга Украины надежно установлено практическое отсутствие стабиль-

ного скифского населения в этом регионе на протяжении VII–VI вв. до н. э. Культурный, политический и военный центр Скифии этого периода размещался на Северном Кавказе, игравшем на протяжении длительного времени роль плацдарма в походах в Переднюю Азию. Именно здесь в могильниках этого времени (Келермесский, Краснознаменский и др.) наиболее полно прослежены черты обряда захоронения, описанного Геродотом. Именно эти курганы могли быть могилами предков для скифов конца VI в. до н. э., за которые стоило сражаться с захватчиком.

Принципиально новую трактовку всего круга понятий, связанных со скифским Герросом, недавно предложил В.П. Белозор. Поскольку при современном уровне исследованности украинской степи в пределах Северного Причерноморья не осталось места для архаического скифского Герроса, он предложил другое понимание этой проблемы. Исходя из параллелей в мифологии различных индоевропейских народов, В.П. Белозор предполагает, что под «геррами» следует понимать либо умерших вообще, либо же героизированных предков, воинов, павших на поле брани. По его мнению, у Геродота смешаны конкретные сведения по географии, погребальному обряду скифов с одной стороны и понятия мифологического свойства – с другой. В целом «Геррос» является понятием не этнографическим или географическим, а мифическим, не связанным с реальной жизнью и не имевшим в ней реального воплощения. Смещение в изложении Геродота представлений о неких мифических землях предков – «земле герров» – с описанием конкретного ритуала захоронения скифских вождей и привело к возникновению абсолютно неразрешимого казуса и практической невозможности буквальной трактовки этого пассажа Геродота без серьезных противоречий [Белозор, 1987: 18–20].

Такое толкование снимает все противоречия в проблеме Герроса архаического времени, когда степное Северное Причерноморье еще не было основной территорией проживания скифов. Для V–IV вв. до н. э., периода расцвета Причерноморской Скифии, представляется, что, наряду с мифологическими представлениями о потусторонней обители, существовало и вполне реальное место захоронения скифских царей и знати этого периода. Гипотеза Геродота по поводу возникновения Герроса в V в. и его дальнейшего существования на протяжении

V–IV вв. до н. э. на Нижнем Днепре в районе Каменка – Никополь прекрасно аргументируется археологическими данными (рис. 1) [Малоземский, 1986].

Поэтому публикуемые в настоящей работе курганы Бабина, Водяна и Соболева могилы, исследованные в районе г. Орджоникидзе Днепропетровской обл., непосредственно связываются со скифским Герросом V–IV вв. до н. э. Остановимся на истории исследований скифских курганов в северопричерноморском регионе.

1.2. КРАТКИЙ ОЧЕРК ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ СКИФСКОЙ ЗНАТИ В СТЕПЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Археологические исследования скифских курганов в Северном Причерноморье начались около 250 лет тому назад. Наиболее ранней находкой из скифских курганов в Украине, по видимому, следует считать так называемый Полтавский ритон, найденный в 1746 г. на берегу Днепра, или Суоя. Предполагается происхождение ритона из разрушенного погребения [Макаренко, 1916-В: 5].

Первые же раскопки были произведены в 1763 г. по поручению генерал-губернатора Новороссийского края генерал-поручика А.П. Мельгунова, весьма просвещенного человека того времени. Неподалеку от форта Св. Елизаветы (совр. Кировоград) у с. Копани Знаменского р-на был раскопан большой скифский курган Литая Могила высотой 10,5 м, вошедший в науку под названием Мельгуновского кургана. Сохранившиеся сведения о раскопках крайне скудны и противоречивы. На вершине кургана была найдена половецкая каменная баба, изображавшая женщину. Верхний слой насыпи до глубины 0,6 м состоял из чернозема. Ниже шла пережженная до красноты земля. У основания кургана залегал слой белого или серого и пережженного красноватого грунта, где находились переплавленные металлы, перегоревшие кости, камни, земля и глина, перемешанные с угольями. На глубине 1,8 м от вершины находилось «плитамы обкладенное и покрытое место», где были найдены железный меч с рукоятью и ножьями, обложенными золотыми пластинами с изображениями фантастических зверей в переднеазиатском стиле, серебряные детали от ассирийского дворцового табурета, золотая диадема,

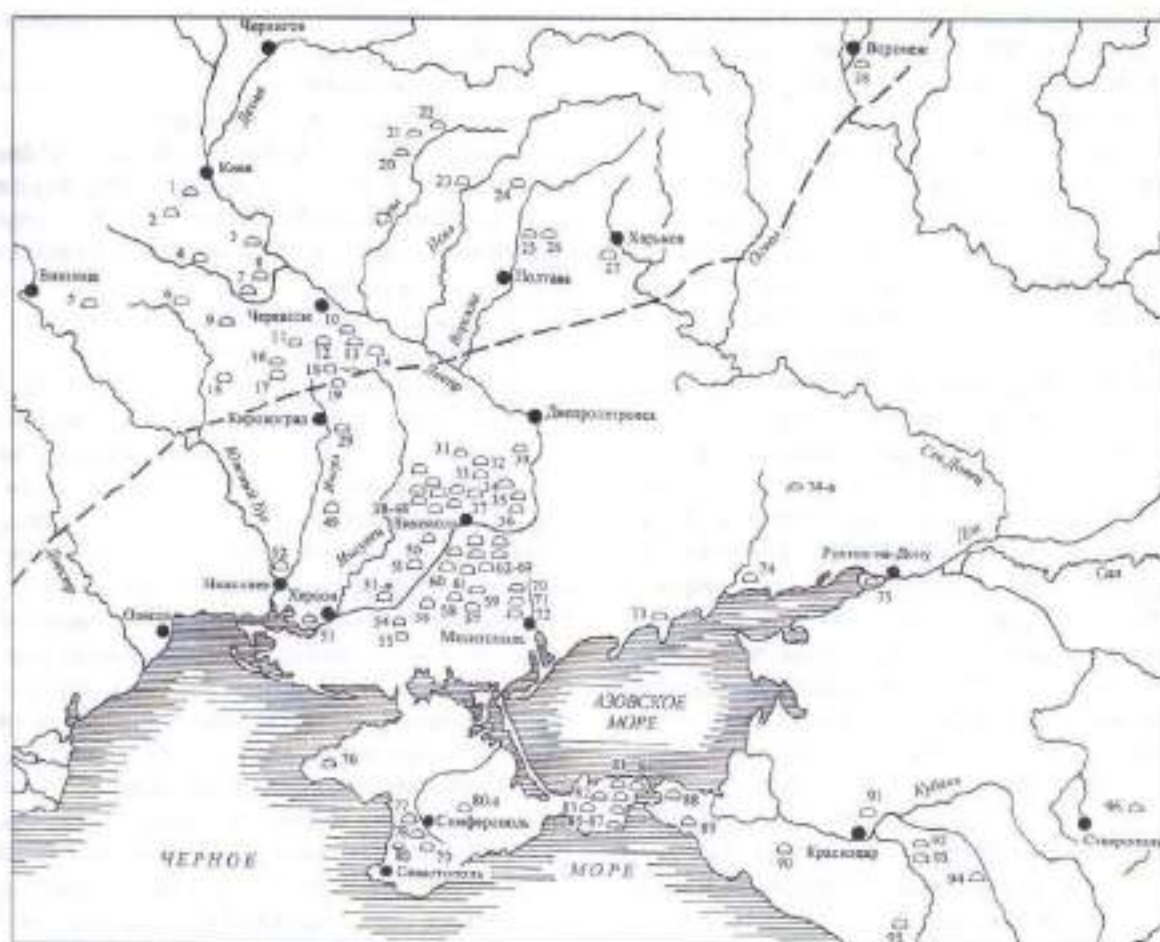

Рис. 1. Курганы высшей знати Причерноморской Скифии VII–IV вв. до н. э.
(пунктиром обозначена северная граница степи)

Правобережная лесостепь: 1 – Главаха; 2 – Перепятиха; 3 – Бобрица, курган 35; 4 – Силивка, курган 100; 5 – Ильинцы, курган 1901–1902 гг.; 6 – Рыжалоковский курган; 7 – Стеблев; 8 – Сахновка; 9 – Новоселитца; 10 – Гуляй-поле, курган 38; 11 – Матусов, Репиховата Могила; 12 – Великая Яблоновка; 13 – Жаботин, курган 524; 14 – Грушенка; 15 – Курган между Ромейковым и Петраковым; 16 – Журовка; 17 – Мартоновка; 18 – Мельгуновский курган; 19 – Модероно.

Левобережная лесостепь: 20 – Аксиютинцы, Старшая Могила и др.; 21 – Малые Будки; 22 – Волковцы, курган у хут. Шумейко и др.; 23 – Броварки; 24 – Скоробор; 25 – Витова Могила; 26 – Опицлянка; 27 – Песочинский могильник; 28 – Ворожежские курганы (Мастюгина, Частые курганы).

Правобережная степь: 29 – Ингуло-Каменка (Таранова Могила); 30 – Ванмачка; 31 – Александрополь; 32 – Краснокутский курган; 33 – Каменная Могила; 34 – Славоская Близница; 35 – Томаковская Близница; 36 – Геремесовская Близница; 37 – Чертомлык; 38 – Курган Баба; 39 – Раскопная Могила; 40 – Бабина Могила; 41 – Желтокаменка; 42 – Каменная Близница; 43 – Водяна Могила; 44 – Собалева Могила; 45 – Страшная Могила; 46 – Толстая Могила (Орджоникидзе); 47 – Хомшня Могила; 48 – Денисова Могила; 49 – Пески; 50 – Золотая Балка (Рядовые Могилы); 51 – Дудчаны; 51-а – Львово; 52 – Николаев (Новый Водопои); 53 – Херсон (Рожновский курган).

Левобережная степь: 54 – Краснопереконские курганы (Вольная Украина, Архангельская Слобода); 55 – Мордвиновские курганы; 56 – Братолобовский курган; 57 – Деев курган; 58 – Огуз; 59 – Козел; 60 – Малая Лепетиха; 61 – Вишнева Могила; 62 – Верхний Рогачик; 63 – Солоха; 64 – Лемешевы курганы; 65 – Гайманова Могила; 66 – Каменная Могила; 67 – Большая Цимбалка; 68 – Орел; 69 – Чмырева Могила; 70 – Таценок; 71 – Шульговка (Ново-Николаевка); 72 – Мелитопольский курган; 73 – Вердянский курган; 74 – Даугорбая Могила; 74-а – Передериева Могила; 75 – Пятибратние курганы.

Крым: 76 – Ак-Мечеть; 77 – Золотой курган; 78 – Талевский курган; 79 – Дорт-Оба; 80 – Курган Кулаковского; 80-а – Белогорские курганы (Веш-Оба); 81 – Курган Бекунатского; 82 – Куль-Оба; 83 – Курган Патинцоти; 84 – Баксы (Глазовка); 85 – Ак-Бурун; 86 – Нимфейские курганы; 87 – Трехбратние курганы;

Тамань и Прикубанье: 88 – Большая Близница; 89 – Семибратние курганы; 90 – Карагодеуашх; 91 – станция Ворожежская; 92 – Ульские курганы; 93 – Колермесский могильник; 94 – станция Костромская; 95 – Курджино; 96 – Краснознаменские курганы.

17 массивных золотых пластин с изображением орла с петлями на обороте, украшавшие пояс знатного воина, пластины с изображенными обезьян, птиц, бронзовая застежка с головками львов на окончатниках, 40 бронзовых наконечников стрел и другие уникальные вещи, принесенные скифами в Северное Причерноморье в качестве военной добычи из походов в Переднюю Азию. Находки, доставленные в Санкт-Петербург, вызвали огромный интерес и, по повелению императрицы Екатерины II, были переданы академику Российской академии наук Г.Ф. Миллеру для определения народов, «коим оные вещи приписуемы быть могут». Г.Ф. Миллер исследовал находки и установил их принадлежность скифам [Прудик, 1911]. Памятник имеет выдающееся значение, поскольку это единственный царский скифский курган второй половины VII в. до н. э., открытый в степном Северном Причерноморье. Эти, в общем-то случайные, раскопки можно считать началом скифской полевой археологии в России, хотя время научных полевых исследований наступило значительно позже.

От екатерининских времен сохранились упоминания периода российско-турецких войн о раскопках курганов на правом берегу Нижнего Поднепровья. «При прохождении через здешние места [район Мишурина Рога – Верхнеднепровска. – П. С.] воинских команд некоторые полковники вынимали из них [курганов. – П. С.] достопамятные старинные вещи» [Зуев, 1787: 246]. Какие-то раскопки были произведены по приказу светлейшего князя Григория Потемкина – «несколько курганов было прорыто насквозь крестообразно, и нигде не было найдено ничего – ни костей, ни следов гробниц» [Всеволожский, 1839: 19–20]. Как полагал А.В. Терещенко, отсутствие результатов было обусловлено тем, что раскопки курганов не были доведены до основания [Терещенко, 1853-А: 11]. Несколько курганов было разрыто в 1826–1827 гг. по поручению Новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова [Об археологических разысканиях, 1886: 51].

Дальнейшие открытия в области скифской археологии происходили в Крыму, возле Керчи, где находилась древняя столица Восточного царства Пантикапей. Выдающимся событием в изучении скифских древностей и становлении отечественной археологии стали раскопки кургана Куль-Оба в 1830 г. Здесь при добыче камня под 10-метровой каменной насыпью было обнаружено богатейшее скифское

царское захоронение [ДБК, 1854; Мозолевский, 1983: 47–64].

Несколько позднее начались исследования курганов в центре степной Скифии. Начало исследований курганов скифской элиты в середине XIX в. именно в степном Днепровском правобережье было обусловлено прочно утвердившимися представлениями в науке о локализации Герроса именно здесь.

В 1851 г. в с. Александрополе (Солонянский р-н Днепропетровской обл.) началось строительство церкви, для чего каждый поселенец обязывался доставить воз камня. Местные жители на протяжении 30 лет добывали камень из огромного кургана – Луговой Могилы, находившейся неподалеку. Но именно в этом году в кургане, более известном как Александропольский курган, были найдены золотые, серебряные, бронзовые и железные скифские вещи. В 1852 г. первичное обследование кургана провел член Одесского общества истории и древностей М. Бухтеев. Находки привлекли внимание министра внутренних дел графа Л.А. Перовского, по ведомству которого в то время проходили археологические изыскания на юге России. По его поручению внештатный сотрудник МВД А.В. Терещенко и директор Керченского музея древностей А.Е. Люценко в 1852–1856 гг. произвели раскопки кургана. Александропольский курган входит в четверку крупнейших курганов степной Скифии. Колоссальная насыпь высотой около 20 м диаметром свыше 100 м по основанию была обнесена циклопической каменной крепидой из гигантских плит, окружена рвом и земляным валом. Курган сооружен в четыре приема. В насыпи в разных местах найдены остатки тризны, по-видимому, связанные с различными захоронениями. Среди последних – кости лошади, быка и овцы, обломки амфор и лепных сосудов, наконечники стрел и копий, каменное скульптурное изображение собаки, золотые украшения деревянных чаш (головка кося, фигурка дикого кабана и др.), серебряные и бронзовые украшения узды, напершия и другие украшения погребального кортежа, обломки колес повозок и др.

Под курганом обнаружены три последовательных царских захоронения в сопровождении прислуги и лошадей: центральная основная гробница, сопровождавшаяся захоронением коня, в которую от края кургана был прорыт длинный ход для подзахоронения, и впускная, боковая, находившаяся в СВ секторе кургана.

Несмотря на ограбление, количество находок в погребениях было весьма значительным. В центральной гробнице найдены фрагменты амфор, лепной и чернолаковой посуды, бронзовые сосуды, три человеческих черепа, кости животных от жертвенной пищи, множество бронзовых и костяных наконечников стрел, обломки наборного железного панциря, плакированные золотом, несколько ножей, изделия из кости, серебра и свыше 700 золотых поделок различных типов, сопровождающее захоронение слуги. В длинном ходу вторичного захоронения по всей длине были размещены лошади (не менее 15). Большая часть их была разрушена грабителями. На большинство костяков были найдены остатки золотых, серебряных, бронзовых и железных украшений уады и седла с различными изображениями. В боковой гробнице во входной яме найдены остатки повозки с многочисленными золотыми украшениями, костяные изделия, пастовые бусы и др. В кзмере при костяке найдены две амфоры, золотые и серебряные украшения, бусы, серебряное веретено [Бухтеев, 1852: 535–540; Извлечения, 1855: 50–65; ДГС, I: 2–25; Лазаревский, 1894: 24–46].

Широкое развитие археологических исследований в России, возрастание к ним интереса в различных слоях общества обусловили создание в 1859 г. Императорской археологической комиссии, задачей которой стало систематическое и планомерное исследование древностей на территории Российской империи. Одним из первых ее шагов было продолжение исследований скифских курганов в том же районе предполагаемого Герроса на правобережье Днестра, неподалеку от г. Николая. В 1859–1863 гг. младший член Императорской археологической комиссии И.Е. Забелин исследовал ряд курганов скифской знати. В нижнем течении р. Томаковка возле совр. с. Марьевка Запорожского р-на Запорожской обл. он раскопал Геремесовскую Блианицу, а в районе Томаковки Днепропетровской обл. были исследованы Краснокутский курган у с. Григорьевка, Острая Томаковская Могила и Томаковская Блианица у Томаковки, Слоновская Блианица у с. Семеновка, Каменная Могила у с. Чумаки [ДГС, II: 29–42; 44–53; 59–69; 70–73; Семенов-Зусер, 1939; Мелюкова, 1981].

Венцом исследований И.Е. Забелина стали раскопки 20-метрового гиганта – скифского царского кургана Чертомлык возле современного с. Чкалово Никопольского р-на Днепро-

петровской обл. в 1862–1863 гг. Высота кургана, по разным данным, достигала 19–22 м, диаметр 110 м. Насыпь имела специфическую форму. Вершина представляла собой ровную площадку около 15 м в диаметре, в центре которой в яме была установлена половецкая каменная баба. Северный склон вершины был почти отвесным до высоты около 10,5 м, где была устроена терраса шириной до 2 м, делившая курган как бы на два яруса. Курганы по основанию был обнесен мощной каменной крепидой и наброской из мелких камней, высоко поднимавшейся по склонам. В разных частях насыпи и в крепиде часто встречались кости животных, обломки амфор, в том числе и клейменных, лепных сосудов, отдельные детали и наборы конской уады и наконечники стрел. Обнаружены также крупные скопления приношений – в центре кургана на глубине 6,5 м от вершины найдены около 250 комплектов уздечных наборов с различными бронзовыми украшениями, большое количество конских нагрудных украшений, несколько золотых уздечных деталей, украшения погребальных повозок – десять бронзовых наверший и 234 бронзовых круглых бляхи, бронзовая гривна, 267 наконечников стрел и ажурный предмет в виде черпака. На подкурганной поверхности в СЗ секторе перед стенкой крепиды сплошной полосой длиной около 14 м и шириной около 1 м лежали остатки тризны в виде костей коня и фрагментов амфор. Под центром кургана открыта основная гробница, сопровождавшаяся рядом захоронений в отдельных ямах. Под северо-восточной частью крепиды был захоронен подросток с копьем и оселком («страж»). Возле самой гробницы находились три конские могилы, где найдены останки 11 взнузданных и оседланных лошадей с украшениями, выполненными из золота и серебра. На двух костяках сохранились бронзовые наборы нагрудных украшений. Конские захоронения сопровождалась двумя захоронениями «конюхов».

Центральная гробница состояла из прямоугольного колодца, в котором на глубине около 11 м по углам были устроены четыре камеры. В юго-западной камере находился основной погребенный – «царь». На голове имел головной убор, украшенный золотыми бляшками, на шее золотую гривну. На поясе из бронзовых пластин крепился меч с обложенной золотом рукоятью, украшенной изображениями двух головок быка. На руках были широкие золотые браслеты, на пальцах – перстни, на голених –

бронзовые поножи. Возле скелета лежали нагайка, украшенная золотой лентой, и остатки кожного горита с большим количеством стрел, шесть наконечников копий и дротиков, бронзовая чаша и серебряный сосуд. Рядом находилось сопровождающее захоронение воина с золотой гривной на шее, серебряным браслетом и золотым перстнем на руке. Возле пояса, набранного из бронзовых пластин, находились меч и колчан с наконечниками стрел и ножом.

В северо-западной камере находилось захоронение «царицы» в расписном саркофаге. Женщина лежала в роскошном убранстве: головной убор, обшитый золотыми бляшками, с начельной лентой с подвесками, золотые гривна, браслеты, девять перстней. Рядом лежало бронзовое зеркало. За головой находился скелет ее слуги, при котором найдены бронзовый и железный браслеты и колчан со стрелами и ножом. Рядом стояли 13 амфор. В этой камере найдена знаменитая серебряная чертомлыцкая амфора, украшенная фризом с изображениями сцен укрощения скифами лошадей и великолепным растительным орнаментом. Рядом лежало большое серебряное блюдо с ручками, украшенное растительным орнаментом и женскими фигурами, в нем – серебряный черпак.

К камере с захоронением «царицы» примыкало обширное прямоугольное в плане подполье с несколькими нишами, представлявшее собой дополнительное помещение для размещения «царских» вещей и сопровождающих захоронений. Здесь обнаружены отчетливые следы неудавшегося ограбления через подземный ход из северной полы кургана. В северо-западной нише найден полуразрушенный скелет, бронзовая позолоченная чаша, колчан со стрелами, железный меч с обложенной золотом рукоятью. В южной нише-тайнике лежали остатки деревянного горита с золотой обивкой с изображениями сцен из греческой мифологии, меч с обложенными золотом рукоятью и ножнами, другой меч с такой же рукоятью, пояса с бронзовыми пластинками, ножи, крюки и гвозди. Еще три меча с золотыми ручками были воткнуты в стенку. Кроме того, в подполье найдены большой бронзовый котел с изображениями фигурок козлов по бортику, бронзовое зеркало, шестирожковый бронзовый светильник, большое количество золотых бляшек, украшений и обломков золотых изделий.

В северо-восточной и юго-восточной камерах помещалось драгоценное убранство «царя» и «царицы», от которых сохранилось большое

количество нашивных золотых бляшек, подвесок, бус и пронизей, бронзовое зеркало, веретено и т. п. Здесь же находился и хозяйственный инвентарь (бронзовый котел, амфоры, шесть ножей, серебряный черпак и пр.), а также наконечники стрел. У входа в северо-восточную камеру лежал «страж сокровищ», имевший бронзовую гривну, золотые височную подвеску и перстень, колчан со стрелами и нож [ДГС, II: 74–118].

Раскопки курганов скифской знати в Днепровском степном Правобережье в 1852–1863 гг., проведенные на достаточно высоком для того времени уровне, впервые дали ученому миру и просвещенной общественности наглядное представление о скифских царских курганах, о материальной и духовной культуре скифов и, как полагал Я. Лазаревский, послужили решающим аргументом в споре о местонахождении Герроса [1894: 24]. На их основе сложились представления о погребальном обряде и основных элементах скифской материальной и духовной культуры. Эти курганы по праву вошли в золотой (в прямом и переносном смысле) фонд отечественного скифоведения. В Императорском Эрмитаже в Санкт-Петербурге был открыт специальный Никопольский зал, где были достойно представлены находки из этих курганов [Придик, 1911: 21; Махаренко, 1916-А: 61].

Несмотря на такое многообещающее начало, дальнейшие исследования курганов скифской знати в степном Правобережье надолго прервались. Только в 1897 г. профессор Московского университета Д.И. Яворницкий исследовал курганы Баба и Раскопанная Могила вблизи совр. пгт Апостолово, а сотрудник Императорской археологической комиссии А.А. Спицын раскопал курган Башмачка у с. Башмачка Солонянского р-на [ОАК, 1897: 40–43, 133–137; Эварницкий, 1901: 718, сл.; Спицын, 1901: 69–79], содержащие захоронения высшей скифской знати. Зато достаточно успешно продолжали работу грабители. В коллекции Б.Н. и В.И. Ханенко имеется набор золотых бляшек и бронзовый сосуд из курганов Никопольщины, происходящие, по-видимому, из богатого захоронения [ДП V: 12, №№ 422–423, 514–526, 528–562]. В коллекции известного промышленника и археолога А.Н. Поля имелся ряд золотых и бронзовых вещей, приобретенных в районе Чертомлыка [Каталог, 1893: IV, 77]. Ряд скифских вещей из курганов Никопольщины демонстрировал Д.И. Явор-

ницкий в своей коллекции на выставке VI Археологического Съезда в Одессе в августе 1884 г.: «...много важных находок из области греко-скифских древностей можно отметить в выставленном собрании запорожских древностей Д.И. Эварницкого» [Труды, 1886: LXXIII]. В Метрополитен-музее в Нью-Йорке хранится золотая обивка ножен меча чертомлыцкого типа, также найденная в одном из никопольских курганов [Richter, 1932]. А.Н. Щеглов и В.И. Кац предполагают локализацию последней находки в западном Крыму, однако приведенные аргументы явно недостаточны. Трудно считать решающим аргументом в пользу такой локализации воспоминания человека, который за старостью лет указывал место находки то ли возле Еватории, то ли возле Мелитополя [Shcheglov, 1991]. И самое главное – в Крыму, за исключением окрестностей Керчи, неизвестны курганы такого уровня.

Со второй половины 1860-х гг. и вплоть до конца дореволюционного периода основные исследования курганов скифской знати проводились в степном Левобережье Днепра и Приазовье, на Тамани, в Прикубанье и Крыму. Здесь нет возможности детализировать события, поэтому ограничимся самым беглым обзором основных открытий.

После раскопок Чертомлыка И.Е. Забелин перенес свои работы на левобережье Днепра. В 1865 г. он исследовал курган Козел высотой 14 м у с. Новоалександровка Никнесергозского р-на на Херсонщине, где открыл ограбленное погребение в катакомбе, аналогичной по конструкции чертомлыцкой, сопровождавшееся тремя могилами с захоронениями 11 лошадей и двух конохов. В 1867–1868 гг. он раскопал 15-метровую Большую Цимбалку возле Большой Белозерки Запорожской обл., где была открыта ограбленная катакомба с тремя камерами, сопровождавшаяся захоронением 6 копей.

На Тамани у станции Стеблиевская И.Е. Забелин, Е.А. Люценко, С. Веребрюсов и Ф.И. Гросс на протяжении 1864–1885 гг. исследовали курган Большая Близища. В Прикубанье В.Г. Тизенгаузен в 1875–1878 гг. исследовал замечательные Семизратские курганы V в. до н. э. у станции Варениковская. Е.Д. Фелицын в 1888 г. раскопал курган Карагодеуных у станции Крымская.

В Крыму исследованы Нимфейские курганы у с. Героевское (А.Е. Люценко, Н.П. Ксидаков, С. Веребрюсов в 1867, 1876, 1878–1880),

курган Кулаковского в междуречье Альмы и Качи (Ю.А. Кулаковский, 1895 г.), Ак-Бурун у г. Керчи (1876 г.), Ак-мечеть возле г. Черноморска (1885 г.).

В Днепровском степном Левобережье исследования курганов скифской знати после краткого перерыва возобновились в 1883–84 гг. раскопками профессора Варшавского университета Д.Я. Самоквасова 5 скифских курганов возле с. Ново-Григорьевка, среди которых один высотой 7 м, и у с. Большая Знаменка такой же величины в Запорожской обл. Все эти курганы датированы Б.Н. Мозолевским V в. до н. э. [Мозолевский, 1986: 79].

Раскопками скифских курганов V в. до н. э. возле г. Ногайска и с. Владимировка в Приазовье и Цимлянского городища на Нижнем Дону в 1887 г. начал свою бурную археологическую деятельность в Северном Причерноморье известный востоковед, профессор Санкт-Петербургского университета Н.И. Веселовский (1848–12.04.1918), внесший столь «значительный» вклад в полевое изучение скифских древностей Крыма, Поднепровья и Прикубанья. Н.И. Веселовский был несущ. Подобно разрушительному смерчу, он носился по Поднепровью, Приазовью, Донской и Кубанской областям, Ставрополью и Крыму, одновременно присутствуя везде. С 1889 по 1917 г. 29 полевых сезонов без перерыва Н.И. Веселовский неутомимо копал, копал, копал... При этом он вел активнейшую научную работу по основной специальности – востоковедению, вплоть до 1910 г. читал курс лекций по истории древнего Востока в Петербургском университете. В 1889–1891 гг. был раскопан Шульговский курган у с. Новониколаевка близ Мелитополя. Одновременно Н.И. Веселовский в 1889–1893 гг. проводил исследования курганов в Крыму (Золотой и Талаевский курганы, Дорт-Оба, а также многие другие возле Симферополя, Старого Крыма, в Еваторийском уезде и на Перекопе), в 1889–1890 гг. вел раскопки городища Неалоля Скифского. Параллельно в 1890 г. было проведено обследование гротов знаменитой Каменной Могилы на р. Молочной, в 1891 г. исследовался Деев курган у Нижних Серогов на Херсонщине в порядке подготовки к раскопкам одного из крупнейших курганов Скифии – Огуза, высота которого превышала 20 м. В 1893 г. были проведены раскопки курганов с каменными бабами возле сс. Каиры и Горностаевка на берегу Днепра на Херсонщине. В те же годы были проведены разведочные обследования

Крыма, северной Таврии, южной части Донской области.

Раскопки Огуза были начаты в 1891 г. В течение 1891–1894 гг. Н.И. Веселовский частично открыл центральную часть кургана, где был найден совершенно ограбленный в древности каменный склеп с уступчатым перекрытием боспорского типа – уникальное явление для Скифии. Был обнаружен и подземный ход, ведущий в склеп, из которого были исследованы только первые 8 саженей, примыкавших к яме со склепом. Но далее из-за обвалов потолка исследовать его не стали. К сожалению, на этом раскопки были прекращены. «Результаты работы далеко не оправдали вложенной в них энергии: курган оказался начисто разграбленным еще в древности» [ОАК, 1894: 9]. Но не прекратилась история самого кургана. После обвала стенки раскопа в 1901 г., обнажившей продолжение хода, направленного в склеп, местные крестьяне добыли здесь значительное количество драгоценных находок. После этого были и грабительские раскопки, и массовые полицейские репрессии в связи с этим, неоднократно предпринимались попытки доисследования памятника. По свежим следам после грабежа кургана в 1902 г. провел небольшие работы член Археологической комиссии В.Н. Рот. В 1972 г. значительный объем работ по исследованию насыпи провел А.М. Лесков. И только в 1979–81 гг. Ю.В. Болтрик сумел довести исследования кургана до конца. И при этом были обнаружены новые захоронения знатных лиц в сопровождении лошадей в великокопных золотых и серебряных уборах, выяснены важнейшие детали погребального обряда [Лесков, 1974; Болтрик, 1991-А].

Неудача постигла Н.И. Веселовского и в Девом кургане. После грабительских раскопок крестьян он доисследовал в 1891 г. дважды разграбленное центральное захоронение, на чем раскопки были прекращены. Но в 1897 г. в обвалившейся стене захоронения местные охотники увидели богатое захоронение знатной скифянки. Курган доисследовал К.Е. Думберг, который установил наличие впускного погребения, а также открыл захоронения лошадей и слуги, связанные с центральной гробницей [ОАК, 1897: 31].

Почти на 10 лет Нижнее Поднепровье было оставлено. По поручению Археологической комиссии в связи с массовым разграблением курганов в Кубанской области в 1894 г. Н.И. Веселовский перенес свою деятельность

в Прикубанье, где трудился с еще большей интенсивностью до 1917 г. включительно. Только списочный перечень памятников, исследованных в эти годы, приводит в ужас, поскольку за этими названиями стоят многие сотни средних и больших курганов до 15 м высотой, датирующихся от эпохи бронзы до позднего средневековья. Города Анипа, Армавир и Майкоп, сс. Белое, Праздничное, Зубовский хутор, аулы Ульский и Хатажукаевский, станции Андриковская, Восленевская, Белореченская, Воздвиженская, Губская, Костромская, Крымская, Лабинская, Новолабинская, Псебайская, Царская, Чамлыцкая, Ярославская, Гастагаевская, Джегутинская, Дондуковская, Елизаветинская, Казэнская, Келермесская, Кужорская, Тифлисская, Калужская, Афинская, Гиагинская, Некрасовская, Петропавловская, Роговская, Кубанская, Абадзехская, Ладожская, Северская, Урупская, Ханская, Аншеронская, Гурийская, Семиреченская... При этом параллельно в 1908–1909 гг. проводились раскопки в Танансе на Нижнем Дону, в 1910 г. проведено разведочное обследование и раскопки курганов эпохи бронзы в Ставропольской губ. [Фармаковский, 1921: 362–373, 387].

Упомянем только наиболее яркие памятники скифского времени. У станции Ульская в кургане № 1 1898 г. 15-метровой высоты было обнаружено жертвоприношение более 400 лошадей. 360 из них были уложены на подкурганной поверхности группами по 18 лошадей возле специальных коновязей. Еще около 50 лошадей были обнаружены в насыпи кургана на специальной площадке. Курган относится к VI в. до н. э. и является скифским святилищем. В 1903–1904 гг. после грабительских раскопок Д. Шульца Н.И. Веселовский по поручению Археологической комиссии проводил доисследование знаменитых Келермесских курганов VII в. до н. э., содержащих захоронения скифских вождей того же периода. Богатейшие ближневосточные трофеи (секира с золотой рукоятью с изображением фантастических зверей, ритоны, знаменитое зеркало, меч с золотыми обкладками ножен, бляха в виде пантеры и многие другие уникальные изделия), предметы вооружения, бытовые вещи, украшения погребальных повозок в сопровождении большого количества конских захоронений – это только малая толика, уцелевшая от ограблений. В кургане у ст. Костромская была найдена знаменитая золотая бляха-накладка на

щит – так называемый «костромской олень». В Елизаветинских курганах V–IV вв. до н. э. в 1912–1917 гг. были открыты обширные сырцовые склепы, сопровождавшиеся крупными конскими жертвоприношениями – в одном из курганов их насчитывалось до 200 голов, весьма обильными они были и в других. Здесь же была найдена панафинейская амфора, знаменитый бронзовый нагрудник-кираса с изображением головы Медузы и замечательные наборы бронзовых уздечных украшений, остатки повозок.

При совершенно сумасшедшем темпе и масштабах работ на Кубани Н.И. Веселовский, тем не менее, в 1909 г. возобновил весьма крупные исследования в Нижнем Поднепровье. В 1909 г. был раскопан курган Орел у Большой Велозерки в Запорожской обл., где открыта дважды ограбленная центральная гробница. В 1909–1910 гг. там же были продолжены раскопки Чмыревой Могила высотой около 6 м, начатые еще в 1898 г. Ф. Брауном. Здесь в гайнике в захоронении найден уникальный сервиз из 10 серебряных сосудов с различными позолоченными изображениями, обнаружено сопровождающее захоронение 10 лошадей в богатых серебряных уборах высокохудожественной работы. В 1911–1917 гг. исследованы Лемешев курган высотой 8,5 м у с. Большая Знаменка в Запорожской обл., курганы у Малой Лепетихи высотой от 4 до 11 м и Верхнего Рогачика высотой 11 м на Херсонщине. В 1912–1913 гг. Н.И. Веселовский раскопал последний из четырех крупнейших курганов Скифии – Солоху 18 м высоты. В кургане были обнаружены два захоронения, сопровождавшихся захоронениями слуг и лошадей. Как выяснилось, центральная гробница была разграблена еще в древности, но боковая осталась нетронутой. Здесь обнаружили останки скифского царя и сотни изделий из драгоценных металлов: отделанные золотом предметы парадного вооружения, парадную посуду, в том числе серебряный сосуд с изображением охоты конных скифов на львов. Непревзойденным шедевром древнегреческого ювелирного искусства оказался найденный здесь золотой гребень, в верхней части которого помещено скульптурное изображение трех сражающихся конного и пешеходных скифов. Изображение необычайно реалистично как в воспроизведении мельчайших деталей вооружения, одежды всенов, конской узды, так и в эмоциональной передаче ярости смертельной схватки.

В целом археологическая деятельность Н.И. Веселовского производит грустное впечатление. При таком количестве раскопанных памятников (все частично, глухими траншеями) совершенно понятно, что он нигде физически не мог присутствовать лично хоть сколько-нибудь значительное время и, в основном, вел раскопки через своих помощников. Поэтому его колоссальная археологическая удачливость сочеталась с предельной небрежностью в ведении полевой документации. Курганы копались с огромной поспешностью и при неблагоприятных перспективах раскопки прекращались. Через несколько лет атмосферные осадки иногда «вскрывали» недоработки маститого профессора (Дзев курган, Огуз). Эти происшествия в те годы спровоцировали массовое ограбление курганов крестьянами на Херсонщине. Из-за дикой поспешности в работах не замечались и достаточно существенные элементы курганов. Крепида в Солохе, кольцевой ров и земляной вал, окружавшие курган, почему-то совершенно не упомянуты в отчете исследователя и были отмечены В.Н. Граковым только в 1946 г. [Граков, 1946: 56]. Еще более парадоксальна ситуация с кольцевым рвом, окружавшим Солоху. О нем нигде не сказано ни слова, но ров изображен на общем плане кургана! [ОАК, 1913–1915: 105, рис. 173].

Все отчеты Н.И. Веселовского отличаются поверхностностью, отсутствием или сомнительностью фиксации и игнорированием самых необходимых элементарных сведений. В этой связи печально звучат слова М.И. Ростовцева о раскопках Ульских курганов: «С особым сожалением приходится, однако, отметить здесь неудовлетворительность и неполноту обследования, вызванную тем, что курганы, погребения которых были разграблены, не показались достаточно интересными проводившему раскопку Н.И. Веселовскому. Между тем, полное восстановление истории этих погребальных сооружений и всех особенностей обряда погребения в научном отношении было бы несколько не менее важно, чем находка ряда, хотя бы и первоклассных, вещей» [Ростовцев, 1925: 314–317; Манцевич, 1987: 6; Гуцина, 1994: 7–8; Ольховский, 1995: 85, сл.; Отчет, 1997: 44–47; Галанова, 1999: 58–60].

Во всех случаях, когда курганы, частично раскопанные Н.И. Веселовским, согласно господствовавшей в те времена археологической методике, доисследовались уже в наше время, обнаруживались вопиющие расхождения его описания и чертежей с реальной ситуацией.

Сложившиеся представления о погребальном обряде в Келермесских курганах на основе информации Н.И. Веселовского, по результатам исследований А.Ю. Алексеева и Л.К. Галициной, должны быть кардинально пересмотрены. Так, при повторных исследованиях раскопанных в 1904 г. курганов № 24/1983 и 31/1990 не подтвердились сведения Н.И. Веселовского о конструкции погребальных сооружений, существование в них шатровых конструкций и иных деревянных перекрытий, столбовых конструкций, неверна локализация части сопровождающих захоронений лошадей [Алексеев, 1991-А: 23; Галицина, 1997: 28, 62-68].

Ситуация, установленная Г.Л. Евдокимовым в курганах возле Малой Лепетики при доисследовании в 1992 г., настолько отличается от описанной по материалам Н.И. Веселовского, что создается впечатление, что публикация составлялась не на основе отчетной документации, а по отрывочным воспоминаниям столетней давности потерявших память очевидцев. Во всяком случае, с полевой археологической фиксацией это ничего общего не имеет. Сходство устанавливается лишь по самым общим элементам. Действительно, т. н. «Большой курган» имел близкую величину и в своей основе содержал курган эпохи бронзы с захоронением ямной культуры в центре. Однако достаточно мощная каменная крепида пострадала от выборки камня лишь в отдельных местах, вопреки утверждению Н.И. Веселовского о ее полном уничтожении. Совпадает и размещение скифской гробницы – в южной поле кургана. Но в конструкции катакомбы, кроме набора составных элементов (входная яма, дромос, камера), искажено все – ориентация всего сооружения, форма входной ямы, дромоса и камеры, их соотношение по осям и все до единого размеры. Более-менее совпадает лишь глубина. В Малом кургане определенное сходство отмечается лишь по общей ориентации входной ямы и дромоса, их форме в плане и глубине. Однако план камеры и ее соотношение с ними совсем иные при недопустимо большом расхождении большинства размеров [Латышев, 1926: 204-205, рис. 3-4; Евдокимов, 1992-Г: 15-16, 21, 27, рис. 80,1-2]. Остается только гадать, что было в курганах №№ 2 и 3, где, согласно Н.И. Веселовскому, было открыто захоронение в сопровождении лошадей в простой грунтовой яме, а в одной из гробниц кургана № 3 – захоронение с сожжением.

Уже накануне мировой войны в 1914 г. Н.Е. Макаренко и В.В. Саханев по инициативе академика М.И. Ростовцева начали раскопки 7-метрового Мордвиновского кургана к востоку от Каховки. Раскопки должны были быть проведены по новейшей методике, с полным снятием курганной насыпи до горизонта, с тщательным ее изучением. Предполагалось образцовое ведение полевой документации, обязательное фотографирование всех этапов работ. В кургане была открыта основательно разграбленная центральная гробница чертомлыцкого типа с четырьмя катакомбами по углам входной ямы и детское боковое погребение с набором золотых украшений головного убора и одежды, ожерельем, браслетами и ритонном, в сопровождении слуги. Раскопки в связи с началом Мировой войны были прерваны. Вся документация не сохранилась. Не менее трагична и судьба находок. В 1939 г. Эрмитаж передал находки из Мордвиновского, Александропольского, Ильинецкого курганов, Чмыревой Могилы в Харьковский Исторический Музей, где они погибли при эвакуации в военные годы. Исследование кургана было завершено А.М. Лесковым лишь в 1970 г. [Макаренко, 1916; Лесков, 1974: 45-54; Алексеев, 1992: 149].

Работами Н.Е. Макаренко и Н.И. Веселовского в Нижнем Поднепровье и Прикубанье завершился первый этап в исследовании скифских царских курганов. Надолго, более чем на 50 лет, исследование крупных курганов в Северном Причерноморье прервалось. Мотивировалось это тем, что Императорская археологическая комиссия вела исследования памятников исключительно для пополнения драгоценными экспонатами Императорского Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Отчасти это соответствовало истине, поскольку объектами раскопок были действительно только средние и большие курганы. Курганы раскапывались частично, чаще всего одной глухой траншеей, в надежде на быстрое обнаружение подкурганых захоронений. И при появлении явных признаков ограбления, когда надежды на богатые находки исчезали или определялась принадлежность кургана к более древним эпохам, где драгоценные находки были заведомо исключены, раскопки нередко прекращались.

Правдой было и то, что мелкие скифские курганы, принадлежавшие рядовому населению, не исследовались и практически были неизвестны науке. Поэтому в советский период под лозунгом необходимости изучения памят-

ников, характеризующих жизнь трудящихся масс, в течение нескольких десятилетий велось планомерное изучение могильников рядовых скифов, а также памятников скифской оседлости (городищ и поселений). Все это было действительно совершенно необходимо для получения объективной картины жизни скифского общества. В то же время за идеологическими дозунгами скрывалась и бедность археологии. Бюджетные ассигнования на плановые полевые исследования всегда были невелики, особенно в Украине. А ручные или механизированные раскопки больших курганов по новой методике, с полным снятием и изучением насыпи и подкурганной поверхности, требовали необычайно больших средств, которых никто не давал. Со временем исчезли и специалисты, обладавшие опытом раскопок больших курганов.

Исключением в этот период были раскопки скифского царского кургана в г. Мелитополе. Здесь в 1954 г. в наполовину уничтоженном кургане, давно находившемся в пределах усадьбы местного жителя, при рытье погребя открылось подземелье, откуда было извлечено большое число золотых бляшек. А.И. Тереножкин и Е.Ф. Покровская, приглашенные Мелитопольским музеем, обнаружили на месте разрушенного кургана два ограбленных скифских погребения IV в. до н. э., сопровождавшихся захоронениями лошадей. Несмотря на ограбление, здесь было обнаружено весьма значительное количество замечательных находок – золотых украшений одежды, личных украшений, орудий труда, вооружения, узды, керамики, деталей повозки и многое другое. Наиболее замечательная находка – золотая обивка горита, идентичная найденной в Чертомлыцком кургане.

Более подробные сведения об этих раскопках заинтересованный читатель найдет в литературе, посвященной истории исследований скифских курганов или в отчетных публикациях материалов исследований [Артамонов, 1966; Брагинский, 1967; 1979; Лесков, 1974; 1981; Мазолевский, 1983].

1.3. ИССЛЕДОВАНИЕ СКИФСКИХ КУРГАНОВ В НИКОПОЛЬСКОМ РЕГИОНЕ ДО НАЧАЛА 1960 гг.

Следующий период интенсивных исследований скифских курганов в нашем районе и в степном Причерноморье в целом приходится на 1931–1946 гг. Раскопки проводились

в связи со строительством гигантского промышленного объекта в г. Никополе – нынешнего Южнотрубного завода («Никопольстрой»). Территория города и ближайшие окрестности издавна славилась обилием курганов. А.В. Терещенко отмечал, что «Никополь стоит на курганах, занятых постройками или сравненных с землей» [1853-Б: 19]. По-видимому, именно из них происходило собрание половецких каменных баб, упоминание о котором относится к 1840-м гг. и которое позднее было перевезено в Одессу [Юргевич, 1889: 7].

Исследовались курганы на так называемом Никопольском курганном поле. В 1931–1935 гг. раскопки проводились силами Никопольского музея под руководством Ф.Н. Киранова. После его внезапной смерти по приглашению Никопольского музея в 1935–1936 гг. работы продолжила экспедиция Института истории материальной культуры АН УССР (Киев) под руководством Л.Д. Дмитрова. В экспедиции работали сотрудники ИИМК АН УССР М.Л. Макаревич и Н.Д. Дубинская, Государственного Эрмитажа – А.П. Маппевич, Государственного Исторического Музея (Москва) – А.Я. Брюсов, Е.И. Крупнов и Г.В. Ильин. Помимо раскопок в Никополе, экспедиция проводила разведки окрестных курганов. Был произведен осмотр останцов Чертомлыка, в результате чего подтвердилось мнение М.И. Артамонова о недостаточной исследованности памятника в 1861–1863 гг. [Артамонов, 1935: 146–148]. Разведкой Каменских кучугур на левом берегу Днепра было подтверждено существование скифского поселения на огромной площади – 4 × 3 км, а также курганных могильников, примыкающих к поселению с юга.

Каменское городище, отмеченное Эрихом Лясотой еще в XVI в. [Мемуары, 1890: 184], в XIX в. попадает в поле зрения археологов. В 1850 г. здесь побывал А.С. Уваров, впервые собрав материалы, по которым определил поселение как греческое IV–II вв. до н. э. и соотнес с птолемеевским городом Серим [Уваров, 1851: 20–30]. В 1853 г. здесь был и А.В. Терещенко, увидевший в нем татарское городище Самыс [Терещенко, 1853-Б: 30–34]. Члены Одесского общества истории и древностей Н. Вертильяк и А. Чирков описали памятники, характеризуя как крупнейший из расположенных на Нижнем Днепре, в том числе и в сравнении с Ольгией [Вертильяк, 1858: 143–145; Чирков, 1867: 546]. Каменское городище постоянно привлекало внимание исследователей [Брун, 1870:

65–67; *Падалка*, 1891: 384–390; *Соколов*, 1892; *Браун*, 1899: 213–214, 224, 371–372]. Начиная с 1896 г. учитель школы с. Каменка Д.Я. Сердюков¹ в течение ряда лет собирал здесь находки, а в 1899–1900 гг. по поручению Археологической Комиссии провел первые раскопки [ОАК, 1899: 28–37; 1900: 31–33; *Граков*, 1954: 33–39].

В результате плодотворного творческого сотрудничества представители различных научных учреждений пришли к выводу о необходимости объединения лучших научных сил скифологов всей страны для исследований данного региона. Точкой приложения для них могло стать Каменское поселение и окружающие курганы. Важность раскопок Каменского поселения ученые сравнивали с исследованиями Ольвии, а, учитывая уникальный характер памятника и его роль для изучения скифской проблематики, ценность исследований могла быть еще выше [*Дмитров*, 1935–36; 1936; 1946; 1950].

В 1937 г. Никопольский музей перепоручил проведение раскопок Никопольских курганов Московскому отделению ИИМК АН СССР. В 1937–1946 гг. здесь работала экспедиция под руководством Б.Н. Гракова. В ее составе в разные годы работали сотрудники Государственного Эрмитажа Б.З. Рабинович и А.А. Потанов, ГИМв – О.А. Крицкова-Гракова, ИИМК АН УССР – Е.Ф. Покровская и аспирантка В.А. Ильинская, студенты МГУ, впоследствии аспиранты ИИМК АН СССР П.Д. Либеров, И.В. Яценко, А.И. Мелюкова, О.Н. Мельниковская, О.Д. Дашевская, Н.А. Овайко, Н.Я. Мерперт, студентка КГУ Г.Т. Титенко. В 1938 г. в экспедиции работал аспирант ИИМК АН СССР А.И. Терножкин. Это было его первое посещение Украины, с которой после 1948 г. связана вся его дальнейшая жизнь. Через школу раскопок Никопольского курганного поля прошло большинство будущих ведущих специалистов в области раннего железного века Украины, России и Белоруссии.

С самого начала Б.Н. Граков приступил к реализации идей, задуманных экспедицией Л.Д. Дмитрива. Помимо раскопок курганов на Никопольском курганном поле, с 1937 г. проводились разведки Каменских и Водяньских кучугур на левом берегу напротив Никополя, а с 1938 г. начаты стационарные раскопки Каменского городища, продолжавшиеся, за

вычетом военных лет, вплоть до 1950 г. Проводились также разведки окрестных курганов. При этом, как полагал Б.Н. Граков, были открыты скифские царские курганы Нечаева и Орлова могилы, расположенные у с. Лебединского Никопольского р-на. Согласно обмерам 1939 г., высота Нечаевой Могилы составляла около 19,5 м, диаметр – около 120 м, окружность по подошве – 370 м. На вершине была зафиксирована площадка диаметром 24 м.

Открытие этих курганов было повторным, поскольку они давно и хорошо были известны российским археологам. Первое описание и обмеры двух больших курганов с уплощенными вершинами и выходами камня в основаниях, расположенных в 10 верстах к югу от Александропольского кургана в имени Г.В. Нечаева, дал А.В. Терещенко. Согласно его описанию, к востоку от первого находится «долгая могила», по размерам вполне соответствующая существующей и сегодня возле Нечаевой Могилы. Он также отметил, что вся эта степная местность именуется в народе Орловской горой, а недалеко есть и балка Орлова [*Терещенко*, 1866: 4, примеч. 4].

Были известны эти курганы и И.Е. Забелину, который привел и названия этих могил: «...К северу видны еще две Толстые огромные могилы Гегелина и Нечаева, лежащие верстах в 30 от Чертомлыцкой» [*Забелин*, 1865: 76; ДГС, II: 75]. Эти названия он применяет к курганам, которые мы сейчас именуем Орловой и Нечаевой могилами. Существует определенная путаница в названиях, поскольку в другом месте сообщается несколько иное: «К западу видна огромная Толстая Могила Гегелина (Нечаева)» [ДГС, II: 70]. Я.М. Лазаревский, ознакомившийся с этими курганами при участии в раскопках Александрополя в 1855–1856 гг., также выделяет большие Нечаевскую и Гегеловскую могилы, относя второе название, несомненно, к Орловой Могиле, поскольку последняя, по его координатам, находится к юго-западу от Нечаевой [*Лазаревский*, 1894: 44].

В январе 1903 г. на заседании Московского предварительного Комитета по подготовке XIII Археологического Съезда в Екатеринославе при обсуждении программы планировавшихся к съезду археологических раскопок, Н.И. Веселовский предлагал раскопать курган Чертомлыцкого типа и в качестве конкретного объекта называл курган на земле Нечаева. Предложение не прошло, поскольку уже было получено разрешение раскопать курган на земле г-на Шип-

¹ Позднее был директором Мелитопольского музея. Умер в 30-х гг. [*Граков*, 1954: 38].

кива, находившийся недалеко от Чертомлыцкого и Нечаевского курганов и имевший большое сходство с обоими [Заседания, 1908: 128].

Однако, видимо, с раскопками последнего дело не сложилось, и весной 1903 г. профессор Д.И. Яворницкий посетил имение Б.А. Нечаева «Высокое» в Екатеринославском уезде для переговоров с владельцем о раскопках скифского кургана «Гостра Могила» высотой около 10 сажен, однако не сошелся в условиях [Доклад, 1904: 21]. Экономика этого имения находилась в с. Лукьевка Никопольского р-на в 8 км к юго-западу от Нечаевой Могилы, и, несомненно, речь шла именно о ней, поскольку ничего подобного по величине здесь больше нет. Такое название для Нечаевой Могилы вполне вероятно. Первичная форма верхушки нам неизвестна, поскольку, по описанию Д.И. Яворницкого, здесь был выкопан колодез глубиной до 5 сажен, а площадку на вершине диаметром в 6 сажен 2 аршина зафиксировал А.В. Терещенко еще в 1852–1854 гг. – в годы раскопок Александрополя. Площадка имела просадку в середине, также были осевшими и северный, и восточный склоны кургана, что дало основания А.В. Терещенко предполагать обвал подземных сооружений кургана [Терещенко, 1866: 4]. Если реконструировать контур существующей 15-метровой насыпи Нечаевой Могилы до высоты 10 сажен, то вполне может получиться гигантская «Гостра Могила». Таким образом, это название могло появиться значительно раньше, до разрушения вершины. Подобное изменение формы вершины зафиксировано для гигантского кургана Огуз возле Нижних Серогоз на Херсонщине. В 1891 г. Н.И. Веселовский, приступая к его раскопкам, отметил на вершине площадку диаметром в 20 саженей. Однако, по свидетельству старожилов, курган в прежние времена имел значительно большую высоту и более острую вершину [ОАК, 1891: 72]. Не лишним также будет вспомнить, что и курган Солоха имел острокопечную вершину [Бобринский, 1913: 225; Манцевич, 1987: 9]. Конический абрис и острую вершину имела также Страшная Могила. Кроме того, у нее было и второе название – Острая Могила [Терещенко, 1965: Дневник: 2; Мозолевский, 1983: 107]. Гайманова Могила своим силуэтом также ничуть не похожа на скифские толстые могилы [Мозолевский, 1983: 120, рис. 95].

Причины появления колодезя на вершине Нечаевой Могилы в начале столетия проясняет

рассказ местных жителей, записанный сотрудником Никопольского музея М.П. Жуковским, согласно которому мода на археологические раскопки не миловала и землевладельца Б.А. Нечаева. Нечаев подрядил местных крестьян на раскопки кургана, и они, не имея возможности отказать своему помещику, были вынуждены выполнять обременительные для них работы в самую горячую пору года. Это настолько вредило их интересам, что вынудило пойти на хитрость. Раскоп на вершине кургана в виде колодезя весьма солидной глубины в течение ночи был наполнен водой, что и было продемонстрировано помещику в качестве препятствия для дальнейших раскопок. После этого яма была засыпана и на вершине кургана установлена помещичья беседка.

После войны экспедиция В.Н. Гракова приступила к широкомасштабным исследованиям памятников скифского времени на Нижнем Днепре, продолжавшимся вплоть до 1964 г. Летом 1944 г. экспедиция работала по мандату Всесоюзной чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений фашистов, всего через несколько месяцев после освобождения Никопольщины Советской армией от немецких захватчиков (февраль 1944 г.). С целью определить степень разрушения памятников военными действиями были осмотрены курганы Никопольского курганного поля, Каменское городище, Нечаева и Орлова могилы. В целом ущерб, нанесенный оккупантами археологическим памятникам и Никопольскому музею, был оценен в 900 тыс. рублей, о чем составлен соответствующий акт. Уже тогда планировалось проведение раскопок скифских царских курганов, продумывались методика и технические приемы раскопок такого масштаба, составлялись предварительные сметы. В.Н. Граков предполагал применить при раскопках таких курганов современную землеройную технику и другие механизмы. Большие курганы он считал необходимым начинать копать не с вершины, а с подошвы, последовательно нарезая насыпь и тщательно фиксируя расположение слоев в полученных разрезах. Предварительная стоимость раскопок Нечаевой Могилы определялась в 500 тыс. руб., Орловой – в 120 тыс. руб. В 1945–1946 гг. исследования курганов в Никополе продолжались, а также были возобновлены исследования Каменского городища.

В 1946 г. работы на Никопольском курганном поле были прекращены. Хотя из зафиксиро-

рованных здесь 136 курганов раскопали только 79, было решено, что полученная в них информация вполне достаточна для характеристики погребального обряда и материальной культуры рядового скифского населения этого района. Такое решение имело печальные последствия для оставшихся курганов. Многие из них погибли при дальнейшем строительстве завода и прилегающих городских кварталов. В 1946 г. были продолжены разведочные работы по обследованию курганов. Восточнее Никополя до с. Покровское было учтено 20 курганных групп. На западной окраине с. Балки Васильевского р-на Запорожской обл. был открыт большой, по мнению В.Н. Гракова, скифский, курган высотой 7–8 м с насыпью в виде пирамиды Чертомлыцкого типа. По-видимому, имелся ввиду рисунок Чертомлыка 1862 г. [Брашинский, 1967; рис. на с. 65], поскольку В.Н. Граков писал в отчете: «...Курган кажется почти островерхим... Тип его, несомненно, тот, что называется «скифским царским» [Граков, 1946: 57; 1949: 115].

С 1947 г. исследования были сосредоточены исключительно на скифских и позднескифских городищах и поселениях на берегах Днепра от Никополя до Херсона. Параллельно продолжались разведки курганов в районе Камешка – Никополь. В 1947 г. были повторно обмерены Нечаева и Орлова могилы. Согласно новым измерениям, Орлова Могила имела высоту 9,5–10 м и диаметр 82–84 м. Высота Нечаевой Могилы составила 16,2 м с разных сторон и диаметр 110–120 м. В.Н. Граков, сравнивая новые результаты с обмерами 1939 г., писал, что последние были установлены визуальным путем [Граков, 1947-А: 9], хотя из отчета этого не следует. В 1939 г. замеры высоты кургана были произведены дважды – с севера, где по способу подобных треугольников получена цифра в 19,7 м, и с запада, где с помощью нивелировочной рейки получили 19,2 м. С учетом неизбежной погрешности взята средняя величина 19,5 м. Диаметр площадки на вершине составил 24 м, окружность по подошве – 370 м [Граков, 1939-В: 28]. Этим расхождениям следует искать другое объяснение.

Судя по снятому в 1947 г. плану, поверхность Нечаевой Могилы практически полностью была изрыта большим блиндажом наверху и многочисленными ходами сообщения, ведущими к нему, огромным количеством воронков от авиабомб и снарядов. Штурм Нечаевой Могилы, являвшейся узловым пунктом не-

мецкой обороны, длился около двух месяцев – с 5 декабря 1943 г. по 2 февраля 1944 г. Потери советских войск в этих боях составили около 4 тыс. чел. По этим данным можно предположить, что здесь творилось. А.И. Мелюкова и И.В. Яценко в 1944 г. на Нечаевой и Орловой могилах видели «блиндажи, соединительные ходы и остатки других сооружений военного времени, нарушившие целостность структуры памятников и привели к частичному, а возможно, и полному уничтожению находившихся в насыпи археологических комплексов, связанных с разными элементами царских похорон...» [Мелюкова, 1999-А: 218]. Именно разрушение насыпи в военные годы и могло стать основной причиной столь значительного расхождения в измерениях высоты даже с учетом всех возможных погрешностей полевых замеров. Согласно маршейдерским замерам, высота Нечаевой Могилы в 1966 г. составляла от 14 до 15 м с разных сторон [Пояснительная записка, 1966: 1–2]. Как видно, окончательное «закливание» военных ран на теле кургана сопровождалось дальнейшим уменьшением высоты.

В 1961–1964 гг. экспедиция В.Н. Гракова возобновила исследования курганов, но уже на левом берегу Днепра – могильников у г. Днепрорудного и возле скифского царского кургана Солоха в Запорожской обл. [Граков, 1937; 1939-А; 1939-В; 1946: 57; 1947-А; 1947-В; 1949; 1951-А; 1951-Б; 1962: 56–57, 81; Кривцова-Гракова, 1962: 5–6; Виноградов, 1990: 86–88; Пам'яті, 1996; Мелюкова, 1999: 60–90].

Последний на Никопольском курганном поле самый крупный из существовавших здесь 6-метровый курган эпохи бронзы, размещавшийся на территории городского стадиона, был раскопан в 1964 г. экспедицией Киевского Института археологии [Максимов, 1964].

Сведения о количестве исследованных курганов на Никопольском курганном поле противоречивы. По данным В.Н. Гракова, всего исследовано 79 курганов, преимущественно скифских [Граков, 1962: 58]. 11 курганов относятся к эпохе бронзы [Кривцова-Гракова, 1962: 6]. Курганов иной временной принадлежности здесь не обнаружено. В то же время В.Н. Граков пишет о 53 скифских курганах, содержащих 86 погребений, из которых доступны для изучения только 71 [Граков, 1962: 81, 95–96]. В своде погребальных памятников степной Скифии приведены такие цифры: исследовано 79 курганов, из них 53 скифских, содержащих 62 погребения. Еще 6 скифских

впускных погребений открыто в курганах эпохи бронзы [СПИ, 1986: 23].

На Никопольском курганном поле преобладали скифские курганы высотой от 0,5 до 1 м. И хотя здесь 9 курганов имели высоту от 1 до 2 м, около 20 катакомб достигали глубины от 3 до 5 м, а сопровождающий инвентарь отличался достаточным разнообразием, тем не менее, все они принадлежали беднейшим слоям рядового скифского населения IV в. до н. э. [Бунятян, 1985: 108–110]. Только два погребения датируются VII–V вв. до н. э.

Несмотря на продолжавшееся в послевоенные годы финансирование со стороны ИА АН УССР на долевых началах вплоть до 1949 г., участие сотрудников украинского Института археологии в экспедиции Б.Н. Гракова после 1946 г. прервалось. Научное лидерство в отечественном скифоведении в те времена принадлежало московской школе Б.Н. Гракова. Согласно неофициальному разделению сфер влияния, исследователи скифского отдела во главе с А.И. Тереножкиным в Институте археологии АН УССР, только стационарившегося на ноги, занимались проблематикой, связанной с памятниками лесостепной зоны [50 лет, 1984: 45–47; Черненко, 1990: 92–93]. Существовала довольно жесткая конкуренция, в которой всегда сохранялся перевес в сторону «центра».

Когда, согласно Постановлению СМ СССР от 21 сентября 1950 г. о строительстве Каховского гидроузла, Южно-украинского и Северокрымского каналов, об орошении земель южных районов Украины и северных районов Крыма, в 1950 г. были начаты археологические разведки и раскопки по берегам Каховского моря и в долине р. Молочной, то первоначально экспедиции Б.Н. Гракова было отказано в участии в работах на новостройках [Граков, 1951: А: 1]. И только в 1952 г. отряды Скифской степной экспедиции ИИМК АН СССР смогли приступить к работам на р. Молочной [Смирнов, 1960: 164] и берегах будущего Каховского водохранилища, где ИА АН УССР пришлось уступить некоторые объекты исследований, где уже были начаты раскопки. На Гавриловском городище в 1951 г. работы начали К.А. Бредэ и Р.И. Ветштейн, а с 1952 г. продолжила Н.Н. Погребова [Бредэ, 1960; Ветштейн, 1960; Погребова, 1958].

В те годы украинские археологи привлекались для раскопок в степи только в экстренных случаях – при обследовании берегов будущего Каховского водохранилища, долины р. Молоч-

ной, раскопки Мелитопольского кургана, разрушенных курганов у с. Кирова на Никопольщине, кургана в г. Никополе [Черненко, 1990: 92–93].

В 1951–1952 гг. в связи со строительством Каховского водохранилища на Днепре Д.Т. Березовец исследовал большой курганный могильник в низовьях р. Базавлук у с. Кут Апостоловского р-на, состоявший из 31 кургана. 16 курганов были сооружены в скифское время и содержали 50 погребений. Еще 23 скифских погребения впущены в курганы эпохи бронзы. При том, что и здесь преобладали мелкие скифские курганы (лишь два достигали высоты 1–1,5 м), в отличие от Никопольского курганного поля, в Кутянском могильнике были обнаружены катакомбы глубиной 4,5–6,8 м и площадью 12–22 м², которые, по мнению Д.Т. Березовца, напоминали сооружения больших скифских курганов в бассейне рек Солоня и Чертомлык. Захоронения в таких катакомбах отличались и наибольшим богатством. По характеристике Е.П. Бунятян, большинство захоронений Кутянского могильника принадлежало рядовым скифам, а последние могут быть отнесены к наиболее зажиточной прослойке рядовых скифов или к низшей прослойке скифской аристократии. 70 погребений датируются IV в. до н. э., два – V в. до н. э., и одно – VII в. до н. э. [Березовец, 1960: 39–89; Бунятян, 1985: 104–105; СПИ, 1986: 20–21].

1.4. ИССЛЕДОВАНИЯ СКИФСКИХ КУРГАНОВ У г. ОРДЖОНИКИДЗЕ в 1964–1993 гг. «ЭПОХА» Б.Н. МОЗОЛЕВСКОГО

Прологом к началу постоянных исследований скифских курганов в районе Орджоникидзе следует считать раскопки 1961 г. По приглашению Никопольского краеведческого музея Скифская экспедиция Института археологии АН УССР под руководством А.И. Тереножкина произвела доисследование разрушенных в процессе хозяйственной деятельности курганов у с. Кирова Никопольского р-на. В экспедиции работали В.А. Ильинская, Г.Т. Ковпаненко, Г.С. Ковпаненко, В.А. Круц, Е.В. Черненко, Э.В. Яковенко, горный мастер Р.Ф. Горозенко, шахтеры-проходчики Д.Г. Орленко и Ф.Е. Яковлен. Все исследованные здесь курганы имели высоту от 1 до 2 м. В них широко применялся камень для сооружения крепид, каменных

конструкций во рвах, закладов входов в погребения. Погребенных в потусторонний мир сопровождали захоронения лошадей и слуг. Отдельные катакомбы выделялись сложностью конструкции, глубиной и общим объемом. В них найдены остатки повозки (?), защитного и наступательного вооружения и многое другое. Все это в целом свидетельствовало о том, что здесь были захоронены богатые рядовые скифы и представители низших слоев знати [Черненко, 1967: 179, сл.; 1990].

И хотя курганы оказались основательно ограбленными, а полученные научные результаты – достаточно скромными, последствия этого не слишком удачного полевого сезона были чрезвычайно важными для украинского полевого скифоведения. Дело в том, что глубина подземных погребальных сооружений в Кировских курганах достигала 7 м, и их исследование было весьма сложным и опасным. Поэтому обеспечение техники безопасности подземных работ, а в значительной мере и их осуществление, по разнарядке райома КПУ было поручено управляющему рудоуправления им. Орджоникидзе Григорию Лукичу Середу. Он оказывал всяческую помощь археологам и шахтерами-проходчиками, и крепезным лесом, и многим другим, что далеко выходило за формальные рамки партийного поручения.

В процессе тесного общения на раскопках у с. Кирово глубокий интерес Г.Л. Середы к исследованиям археологов перерос в многолетнее сотрудничество. Спустя три года, в 1964–1965 гг., по его приглашению Скифская Никопольская экспедиция Института археологии АН УССР под предводительством А.И. Терезовкина начала исследования курганов на территории Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината [Орджоникидзе, 1973: 113]. Хотя в советском законодательстве об охране памятников истории и культуры существовало положение об обязательном исследовании археологических и прочих памятников истории и культуры, которым угрожало разрушение в процессе строительства и различных видов хозяйственной деятельности, в реальной жизни оно соблюдалось далеко не всегда. Пресловутое верховенство интересов народного хозяйства над всем якобы второстепенным нередко приводило к бесконтрольному уничтожению археологических памятников [Цвейбель, 1989: 63–64; Косикова, 1993: 11–12]. К сожалению, то же, но с иной мотивацией, происходит в наши дни. В нынешнее время

решающую роль играют экономические трудности – оплачивать проведение археологических исследований попросту дорого, и нередко предпринимаются попытки на этом «сэкономить». Положение может еще более ухудшиться в дальнейшем при переходе земли в частную собственность, если к тому времени эти вопросы не будут надежно урегулированы в законодательстве Украины.

Если учесть, что масштабная шахтная добыча марганца в районе будущего г. Орджоникидзе началась еще в предвоенные годы, а с 1954 г. здесь начали применять открытый (карьерный) способ добычи руды, и начиналось это с коренного левого берега р. Соленой [Замудько, 1973: 46–48], где на старых топографических картах фиксируется достаточно высокая концентрация курганов, то, несомненно, снос курганов без их исследования имел место и здесь.

В 1960-е гг. ОГЮК полностью перешел на карьерный способ добычи. В это время было заложено большинство карьеров, а также построен ряд предприятий по обогащению и переработке руды. Все это сопровождалось уничтожением значительных степных территорий в низовье междуречья правых притоков Днепра – рр. Соленая, Базавлук и Чертомлык. Здесь на площади около 200 км² разведками 1964–1965 и 1970–1972 гг. было обнаружено до 300 курганов различной величины. В их числе – знаменитый скифский царский курган Чертомлык 20-метровой высоты, а также ряд менее крупных курганов. И невелик был бы спрос за уничтожение памятников седой древности с управляющего трестом «Орджоникидземарганец», Героя Социалистического Труда Г.Л. Середы, выполнявшего важнейшие правительственные задания по добыче стратегического сырья. Однако широта жизненных интересов этого человека проявилась и в бережном отношении к памятникам далекого прошлого. Он призвал в Орджоникидзе археологов, с которыми познакомился на раскопках у с. Кирово. И с 1964 г. в сердце степной Скифии развернула постоянную работу экспедиция Института археологии АН Украины.

С самого начала в ее работе на ученической должности лаборанта принял участие В.Н. Мозолевский. Этот район был необычайно интересным и перспективным. По описанию, относящемуся к середине XIX в., «на пути через безузкий город Никополь до реки Базавлука, на 153 верстах, они (курганы. – П. С.) сгустились

в таком множестве, что поражают своим видом, разнообразием, величиною и устройством... протяжение между Базавлуком и Чертомлыком, на землях барона Штиглица и генерала Зейферта, покрыто большими буграми, которые занимают площадь в 70 верст. Почти все они осыпаны здесь мелкими курганами... Геррос должен быть на этой обширной площади и, конечно, он начинается от Базавлука, а оканчивается Екатеринославом» [Терещенко, 1853-В: 9–10, 16].

Работы экспедиции А.И. Тереножкина в 1964–1965 гг. у г. Орджоникидзе положили начало массовым раскопкам скифских курганов в украинских степях, ставших особенно масштабными на всем степном юге бывшего СССР в 70–80-е гг. Раскопки кургана Страшная Могила 7-метровой высоты, принадлежавшего представителю скифской элиты, малых курганов вокруг него, курганов группы ВОФ, шахты № 22, у с. Капуловка и др. впервые после до-революционных раскопок предоставили необычайно яркие материалы скифской степной культуры V–IV вв. до н. э. В эти годы здесь было исследовано 17 скифских курганов [Орджоникидзе, 1973], принадлежавших богатой скифской родовой группе, отдельные представители которой принадлежали аристократии [Бунатян, 1985: 119].

Несколько подробнее следует остановиться на раскопках Страшной Могилы, поскольку это был второй после Мелитопольского курган скифской знати значительной высоты (7 м), исследованный в советское время.

Очень долгое время изучению устройства насыпи скифских курганов вообще не уделялось внимания. Скифская археология в России с самого начала была нацелена на добычу вещей «архиважных», произведений высокохудожественного уровня. Именно такой была установка первого главы Археологической Комиссии Г.С. Строганова. Вещи «нехудожественные» не вызывали никакого интереса [Веселовский, 1907: 68].

Богатство скифских погребений породило представление о том, что все интересное находится в погребениях, в сопровождающем инвентаре. Соответствующим было и отношение к насыпи как к громадной куче земли, преграждающей путь к цели. Исходя из этого, формулировалась и задача – побыстрее, с наименьшими затратами, снести курган и перейти непосредственно к исследованию погребений. В XIX – начале XX вв. к этому подходили

предельно рационально. Раскапывалась только центральная часть кургана – колодцем, глухой или сквозной траншеей. Конечно, при этом определенные наблюдения по конструкции насыпи все же делались, но с единственной целью – для обнаружения признаков наличия могил.

Определенную роль в недооценке значения изучения скифских насыпей сыграло упрощенное понимание хронологических разработок М.И. Ростовцева. Он относил все скифские степные курганы знати к эпохе раннего эллинизма в пределах середины IV – середины III вв. до н. э. и в этом смысле считал одновременными. М.И. Ростовцев не считал возможным определение точных дат для памятников из-за неразработанности хронологии материальной культуры и не видел в этом необходимости, хотя прекрасно понимал, что при большой однородности внутри группы, конечно, есть и более ранние и более поздние памятники. Так, в качестве самого позднего был выделен Александропольский курган. Он не разделял датировок основного и впускного погребений в конкретном кургане совершенно сознательно, на основе общности вещей предполагал их теснейшую хронологическую близость, по его терминологии – одновременность. М.И. Ростовцев полагал, что задача состоит не в уточнении колебания даты в несколько десятилетий, а в принципиальном определении «имеем ли мы перед собой группу памятников раннего эллинизма ... или памятники позднего эллинизма», акцентируя внимание на принадлежности памятников одной эпохе, к одной хронологической группе [Ростовцев, 1914: 90–93; 1916: 70–71; 1925: 456–457; *Rostowzew*, 1931: 393–409, 430; 1934: 219–220].

Только в последние годы существования Археологической Комиссии начало складываться понимание порочности методики частичных раскопок кургана, проводившихся фактически без полевой фиксации, что «раскопки прежних поколений ученых – сплошная порча памятников» и необходимости исследования скифского кургана в целом при максимальной фиксации всего и вся [Спицын, 1910: 9]. По инициативе М.И. Ростовцева, в 1914 г. было начато такое исследование 1-го Мордвиновского кургана на Херсонщине. К сожалению, в связи с началом 1-й мировой войны раскопки были осуществлены только наполовину [Махаренко, 1916]. Не сохранилась и документация этих раскопок.

1960–70-е гг. были временем разработки и становления методики раскопок скифских курганов с помощью землеройных машин. В начале 60-х гг. делались только первые шаги в этом направлении. И хотя уже в то время в методических разработках по раскопкам курганов изучению всех элементов насыпи придавалось большое значение [Авдусим, 1959: 117–145], на практике это соблюдалось далеко не всегда. Исследователи курганов эпохи бронзы сравнительно быстро пришли к пониманию сложности конструкции насыпей этой эпохи и необходимости их тщательного изучения для выявления последовательности погребений. В 1960-х гг. при раскопках курганов эпохи бронзы в Нижнем Подонье В.С. Бочкарев, С.Н. Братченко, В.Я. Кияшко, А.Н. Мелентьев разработали методику раскопок курганов параллельными траншеями для получения максимального количества разрезов курганов на всей площади, что позволяло получить максимум информации для реконструкции пространственно-временной структуры памятника [Отрощенко, 2001: 7]. И хотя предполагалось использование этой методики и для раскопок скифских курганов [Телегин, 1974: 109], к сожалению, в среде скифологов к исследованию насыпей скифских курганов такие требования долго не предъявлялись. Исходя из хронологических разработок М.И. Ростовцева, от насыпи кургана не ожидалось ничего, заслуживающего особого внимания. Считалось вполне достаточным снятие кургана до уровня древнего горизонта или материка, оставление одной бровки для получения одного-двух разрезов, вполне достаточных для самого общего представления о конструкции кургана. По-прежнему считалось, что основная информация о кургане содержится в погребениях.

Таким образом были раскопаны курганы Глеваха, Бориспольские курганы, Толстая Могила, Мордвиновские и Краснопереконские курганы на Херсонщине и многие другие. Долгое время не считались необходимыми раскопки кольцевых рвов в курганах, очень мало внимания уделялось изучению тризн. Только постепенно утвердилось представление о высокой информативной ценности всех элементов скифского кургана и необходимости тщательнейшего исследования насыпи, крепида, рва, не говоря уже о погребениях.

Тогда никто и не предполагал существования сложных скифских курганов. И только с накоплением информации о многовариант-

ности конструкций скифских курганов, так сказать, учебы на ошибках, возникла потребность тщательного изучения скифских насыпей. Так, В.И. Биданля при изучении крепида Гаймановой Могилы уловил ее трехслойность и предположил вероятную связь слоев крепида с различными досыпками кургана. Но к тому времени насыпь кургана и верхний слой крепида уже были сняты, и надежно проследить это и зафиксировать в чертежах уже не удалось. Раскопки Желтокаменки впервые продемонстрировали сложнейшую структуру насыпи скифского кургана. И хотя связь ее основных элементов с конкретными погребальными сооружениями была установлена, при нескольких разрезах насыпи была бы получена информация по пространственной последовательности сооружения ее первичной и сложнейшей второй насыпи. Поэтому с середины 1970-х гг. и при раскопках скифских курганов также начали применять методику раскопок с большим количеством профилей, что дало колоссальный эффект. Так исследовались Вишневая Могила, Чертомлык, курганы в Золотой Балке, у с. Львово, в Первомайке, Дудчавах, Водославке и т. д., и наконец – Бабина, Водяна и Соболева могилы.

С возобновлением раскопок больших скифских курганов в 1960–1970-х гг. советские скифологи заново прошли путь от практики быстрого удаления насыпи, в стремлении побыстрее добраться к сокровищам скифских погребений, к восприятию скифского кургана как целостного памятника, где все его «верхние» элементы (насыпь, крепиды, ров, тризна) имеют не меньшее значение, чем захоронения и содержащиеся в них вещи.

Все это в полной мере относится и к раскопкам Страшной Могилы. В 1965 г. курган в центре был прорезан широкой траншеей по линии север–юг, достаточной для обнаружения центральной могилы. При этом весьма грубо зачищался, точнее – слегка подравнивался после бульдозера, только один профиль. Эта траншея была вырыта чашей – в центре до материка и по краям только до уровня древнего горизонта. В полевом дневнике в один из последних дней работы отмечен ров, обнаруженный в западной поле при поисках начала грабительского хода. Но поскольку зачистка рва на уровне материка не была сделана, и, собственно, была замечена только полоса камней, сползших в ров, то уверенности в его существовании не было. И сведения о наличии рва в Страшной Могиле не

вошли ни в отчет, ни в публикацию. Все земляные работы на кургане 7-метровой высоты длились 19 дней – 3 дня снималась насыпь (из которых набегает только две смены чистого времени работы бульдозера), 15 дней продолжалось исследование центральной гробницы и конской могилы, 1 день исследовался грабительский ход. Уже во время раскопок центральной гробницы бульдозер работал еще три дня, зачищая подкурганную поверхность на прилегающей территории [Терехожим, 1965: Дневник, записи с 5 по 26 июля]. Это абсолютно недостаточный срок для полного исследования насыпи кургана высотой 7 м. Даже снятие насыпи Толстой Могилы, ненамного превышавшую по высоте Страшную (7 и 8,6 м), которое велось самыми ударными темпами силами бригады больших скреперов и бульдозера весь световой день, длилось 10 дней. В целом Страшная Могила была исследована не полностью. По свидетельству В.И. Бидзили, осматривавшего курган в 1969 г., через четыре года после раскопок, восточная и западная периферийные части кургана сохранились на месте. В обрыве одного из останцов он видел какой-то материковый выкид.

В 2000 г. удалось найти остатки Страшной Могилы. За минувшие годы большая часть кургана была уничтожена карьером, сохранившаяся часть давно спланирована и частично присыпана карьерными отвалами. Уцелел небольшой восточный сегмент кургана с кусочком крепиды и рва. Мощная крепиды в виде каменной наброски сохранилась на высоту 1 м. За ней на расстоянии 5 м обнаружен кольцевой ров. К сожалению, не удалось довести раскопки до конца, но в целом информация о неполной исследованности памятника подтвердилась.

В процессе работ на курганах у г. Орджоникидзе А.И. Тереножкин широко применял метод предварительного выявления скифских курганов до их раскопок, с помощью ручного бурения. Ручной бур при раскопках курганов не использовался и раньше, но с другой целью – для поиска подкурганых каменных сооружений [МРЗ: 159]. Теперь же ставилась иная цель – поиск глубинного глиняного выкида из подземных погребальных сооружений, лежащего на подкурганной поверхности. В больших скифских курганах его толщина достигает значительной величины, и обнаружение такой прослойки в основании кургана является доказательством принадлежности кургана к скифскому времени [Мозолевский, 1990: 123].

В 1963 г. при раскопках у г. Борисполя под Киевом А.И. Тереножкин впервые опробовал ручной геологический бур для этих целей. Бориспольские курганы отличались небольшой высотой и слабой плотностью почвы. Здесь результат достигался сравнительно легко, хотя и не всегда [Ильинская, 1966: 152]. В степных курганах грунт значительно тверже, здесь часто встречаются камни, препятствующие бурению. И в крупных курганах ручное бурение является весьма непростым делом, требующим значительного времени и больших физических усилий. Колоссальная трудоемкость метода и, в общем-то, случайность результата не способствовали его популярности. Чтобы обнаружить выкид с поверхности насыпи, требуется везение или большое количество скважин. Так, в 1965 г. А.И. Тереножкин пытался бурить Печаву Могилу. Однако, несмотря на все ухищрения, по свидетельству Е.В. Черненко, бур ниже отметки 10 м не пошел. При бурении Толстой Могилы в 1964 г. выкид найти не удалось, и А.И. Тереножкин отнес курган к эпохе бронзы. Б.Н. Мозолевский, по форме насыпи определивший скифскую принадлежность памятника, в 1971 г. вновь принялся за бурение кургана и только с четвертой попытки получил необходимые доказательства [Мозолевский, 1979: 16].

Наиболее любопытно бурение Чабандовой Могилы, исследованной Б.Н. Мозолевским в 1973 г. Этот курган высотой 2,7 м, диаметром 30 м в 1964 г. бурил А.И. Тереножкин. Не обнаружив выкида, он датировал его эпохой бронзы. Позднее Борис, накопивший опыт, по форме насыпи безоговорочно определил его скифскую принадлежность. Но бурение 1971 г., проведенное им уже самостоятельно, снова ничего не дало. Уже накануне раскопок вновь бурили курган, пробрили 20 скважин, но серьезных доказательств так и не получили. Только в нескольких скважинах обнаружили тонкий слой светлой глубинной глины толщиной 0,5–1 см [Мозолевский, 1972: Дневник, № 1: 6]. И это в сравнительно небольшом кургане, где, кроме выкида из центрального погребения площадью 3 x 2,5 м, существовал мощный кольцевой выкид из рва шириной до 5,5 м [Мозолевский, 1980: 80–85]. То есть, более 60% подкурганной площади покрывали выкиды, которые не были обнаружены, несмотря на максимум усилий.

Возможность проверить результативность бурения представилась в 2001 г., когда Орджоникидзевская экспедиция провела раскопки

малых курганов группы Свиная Могилы на восточной окраине г. Орджоникидзе. Сохранились записи А.И. Тереножкина о результатах бурения курганов этой группы в 1964 г. Из 6 насыпей, сохранившихся на 2001 г., одна оказалась поодним образованием, два кургана принадлежали к эпохе бронзы и три сооружены в скифское время. По результатам бурения, к скифским А.И. Тереножкин отнес только один курган (№ 25 по нашей нумерации). В скифском кургане № 27, где мощный глинистый материковый выкид толщиной 0,7 м лежал на большой площади, А.И. Тереножкин его не обнаружил [Полин, 2002].

В 1965 г. А.И. Тереножкин после раскопок Страшной Могилы при поддержке Г.Л. Середы вместе с Е.В. Черненко и Б.Н. Мозолевским проводил поиски большого скифского кургана под будущие раскопки. Осматривались курганы в районе Томаковки и по р. Базавлук. Иногда Г.Л. Середа также принимал в этом участие. Наконец выбор пал на самый крупный из сохранившихся на Украине царский скифский курган – Нецаеву Могилу.

Службы ОГОКа в 1966 г. разработали инженерно-технический проект и смету раскопок. Поражает дотошность этих документов. Здесь учтено все: и климатические условия места предстоящих работ, и объем насыпи, и способ раскопок, и места складирования огромного количества грунта из насыпи, и количество, а также виды всей необходимой для исследования техники, горюче-смазочных материалов для нее, и многое другое, что только могло понадобиться для работы, вплоть до последней доски и гвоздя для крепления подземных сооружений. Видимо, планы были очень серьезными [Пояснительная записка, 1966]. А.И. Тереножкин в последующие годы занялся другими проблемами скифской археологии и отошел от исследований в районе г. Орджоникидзе. Этот проект так и остался неосуществленным.

Однако строительство новых карьеров и предприятий по добыче и обогащению марганцевой руды в г. Орджоникидзе продолжалось, и в конце 1969 г. здесь вновь возникла угроза сноса курганов. С этого времени и вплоть до 1992 г. археологические раскопки у г. Орджоникидзе неразрывно связаны с именем Б.Н. Мозолевского.

В 1969 г. были исследованы два кургана эпохи бронзы – один в группе Страшной Могилы и Стенной курган в одноименной группе к западу от с. Богдановка.

В 1970 г. исследовалась курганная группа у с. Нагорное, в которой из 13 курганов половина относилась к скифскому времени. «Возглавляла» группу знаменитая Хомина Могилка высотой 3,2 м, диаметром 34–44 м, окруженная по основанию крепидой. В кургане открыты три последовательные гробницы в катакомбах. В центральной во входной яме в нишах находились захоронения двух коней в серебряных уздечках фракийского стиля. В ограбленной камере найдены кости человека и животных, наконечники стрел, обломки железных меча, наборного пояса, наконечников копий, гвоздей и скоб, бронзового сосуда, амфор, детали костяного гребня, мелкие золотые изделия и ручка деревянного сосуда в виде золотой скульптурки венря. В первой впускной гробнице, ограбленной в древности, обнаружены человеческие кости, обломки амфор, пастовые бусы, более ста мелких золотых изделий, серебряные фиалы и килик, детали костяного веретена и гребня. Во второй впускной гробнице в стенке в специальной нише-подбосе находилось сопровождающее захоронение коня в уздечке с железными украшениями. В камере открыто захоронение подростка. При нем найдены наборный пояс из серебряных пластин, колчан со стрелами и ножами, кости животного из жертвенной пищи, наконечники копий и дротиков, амфора [Мозолевский, 1973-А: 187–234; 1975-А].

Характеризуя скифские курганы, исследованные у г. Орджоникидзе в 1964–1970 гг., Е.П. Бунятян отметила здесь незначительное количество погребений представителей беднейших слоев рядового скифского населения, преобладание захиточных скифов и принадлежность захороненных в Хоминой Могиле к скифской аристократии [1985: 118].

В 1970 г. был заключен договор о сотрудничестве между ОГОКом и Институтом археологии АН УССР на 10 лет на проведение археологических исследований на орджоникидзевских карьерах. Была создана постоянно действующая Орджоникидзевская экспедиция Института археологии во главе с В.Н. Мозолевским. Согласно этому договору, на археологические исследования ежегодно выделялось 5 тыс. руб. на зарплату научных сотрудников, обработку и публикацию материалов при полном техническом обеспечении со стороны комбината землярной и подъемной техникой, автотранспортом, рабочими-землекопами, необходимыми материалами. Перед экспедицией ставилась задача исследования всех курганов в зонах продвижения карьеров.

С появлением в Орджоникидзе Б.Н. Мозолевского, полного сил и энергии, желания проявить себя, вдохновленного грандиозными открытиями в Гаймановой Могиле, в которых ему посчастливилось принимать участие, прежние планы раскопок больших курганов, помимо обязательных охранных исследований памятников в зонах карьеров, возродились вновь. И осенью 1970 г. началась подготовка раскопок Толстой Могилы. Этот курган впервые обнаружил А.И. Терепожкин в 1964 г. при участии Б.Н. Мозолевского. Однако в те годы раскопки кургана не могли начаться из-за его крайне неудобного положения – на кургане вплотную к железной дороге стояли мачты высоковольтной ЛЭП. Да и никто и не настаивал – бурение не дало оснований предполагать его скифскую принадлежность.

Борис начал собственные работы в Орджоникидзе, уже будучи вооруженным определенным опытом. В Толстую Могилу он уверовал сразу. Неясно, когда начался серьезный разговор о раскопках кургана, но, судя по развитию событий, подготовка началась в конце 1970 г. Зимой 1970–1971 гг. была найдена и причина для раскопок, поскольку курган не подал под разрушение карьерами. Даже для комбината, с его колоссальными производственными мощностями, большая по масштабам работа по исследованию 8-метрового кургана с объемом насыпи около 12 тыс. м³ не могла быть проделана между прочим. Очень кстати для озеленения г. Днепродзержинска понадобился чернозем, и предполагалось взять его из насыпи кургана для вывоза на железнодорожных платформах. Курган, стоявший рядом с железной дорогой, для этого подходил идеально. Теперь неудобство расположения кургана обернулось достоинством – для производства погрузки достаточно было протянуть короткий путь от депо. Пока проект этой ветки разрабатывался и согласовывался, Борис, боясь ошибки, настойчиво искал подтверждений «скифскости» Толстой Могилы. Во второй половине февраля 1971 г. он четырежды бурил курган.

В первый раз пробрили скважину в 10 м к северу от центра. Безрезультатно. Вторая скважина, пробитая непосредственно в центре (глубина 8,6 м – выкида нет), была временно прекращена. После обнаружения «скифского» выкида в четвертой скважине вторая скважина была доведена до глубины 10,6 м, когда стало ясно, что попали во входную яму. Третья скважина в 7 м на юго-восток от центра дала

ожидаемый результат на глубине от 6,45 до 7,5 м. Однако Бориса смутил цвет – выкид состоял исключительно из бурой, как он тогда думал – поверхностной, глины, не характерной для скифских курганов. В четвертой скважине в 1,5 м ближе к центру от третьей был обнаружен выкид толщиной 0,9 м, состоявший из трех слоев: нижний и верхний – из бурой глины и средний – из светлой глубинной. Скифская принадлежность кургана была установлена. Как выяснилось при раскопках позднее, бурая глина была не поверхностной, а наоборот, глубинной, подстилавшей светлую.

Первоначальный проект железнодорожной ветки не подошел по условиям местности, и срочно был разработан иной вариант, при котором путь должен был пройти через западную полу кургана. Именно для снятия западной половины кургана под строительство полотна Борис по вызову срочно выехал в Орджоникидзе 29 марта 1971 г. [Мозолевский, 1971: Дневник № 1: 6]. 30 марта на рассвете он прибыл в город, бросил вещи в гостинице «Юность» и помчался на курган. Первым делом курган был сфотографирован, а в 8.00 туда прибыла бригада скреперов и бульдозер. После разметки кургана начали снимать западную половину Толстой Могилы. По-видимому, накануне выезда в Орджоникидзе уже существовал приказ об открытии экспедиции – 31 марта к Борису присоединился первый сотрудник Института археологии – А.Н. Загребельный.

10 дней с утра до ночи продолжалось снятие насыпи. При этом изучению стратиграфии насыпи был уделен минимум внимания. Была заложена одна центральная бровка. Поскольку изначально снималась западная половина насыпи, то западный профиль был получен на полную высоту, правда, в несколько своеобразном виде. Насыпь снималась автоскреперами, которые в силу специфики устройства ковша не могут брать грунт непосредственно под стеной бровки. И в ходе их работы вместо вертикальной стенки образовалась наклонная, поскольку при углублении скрепера образуется уклон в противоположную сторону от стены бровки и скрепер за каждым разом съезжает все дальше и дальше в сторону [Мозолевский, 1971: Дневник № 1: 6]. Поэтому западный профиль представлял собой наклонную стенку до глубины 7 м от вершины. Ширина наклона от линии бровки, намеченной по поверхности насыпи, до полученной в реальности внизу достигала 6 м. На этой глубине был устроен уступ шириной

1 м и вниз зачищена вертикальная стенка высотой в 1,5 м [Мозолевский, 1979: 16]. На полевых фотографиях западного разреза хорошо видна эта наклонная верхняя часть, заезженная колесами скреперов, незачищенная, и нижняя вертикальная часть бровки, более-менее зачищенная. На фотографии также видна в верхней части насыпи тонкая полоска материкового выкида, лежащего на продолжении линии насыпи, на которой внизу лежит выкид из бокового погребения и продолжением которого она является. К сожалению, зачищенная нижняя часть слишком мала для понимания всего разреза. По аналогии с курганами, исследованными позднее Толстой Могилой по иной методике, угадываются отдельные детали, точнее, есть понимание, как это должно было быть. Но это догадки, хотя и достаточно обоснованные. Больше остается вопросов, целый узел которых относится к соотношению линии насыпи, на которой лежит боковой выкид, и кромехов. Утверждение о том, что выше кромехов не прослеживались какие-либо линии насыпей, при такой зачистке профиля представляется излишне категоричным.

3 апреля был зачищен западный профиль (по-видимому, и зачерчен в тот же день), а уже 4 апреля с утра начали снимать восточную половину насыпи. Причем, верхнюю часть бровки столкнули на уже зачищенную западную половину кургана [Мозолевский, 1971: Дневник № 1: 10–12]. Таким образом, восточный разрез центральной бровки, зачищенный только 30 апреля [Мозолевский, 1971: Дневник № 1: 18], уже изначально не имел полной высоты и не мог помочь в выяснении деталей, упущенных в западном профиле. Единственный же полный профиль кургана, западный, не простоял и дня – самое минимальное время, необходимое для фиксации, изучения, осмысления, поиска деталей [Мозолевский, 1983: 147]. Борис успел заметить какую-то слоистость структуры грунта в полах насыпи (к сожалению, точное местонахождение не указано, но на фотографии что-то похожее как будто просматривается под выкидом из боковой могилы), но не изучить ее, ни понять не успел, о чем очень сожалел впоследствии (подробно об этом в разделе 3.1).

При работе на восточной половине прежде всего снималась полоса под центральной бровкой на ширину 12 м, в которую попали входная яма центральной гробницы и могилы лошадей и козлов. При этом далее в 12 м к востоку

образовалась еще одна бровка. Как писал Борис, 8 апреля основные работы по снятию насыпи были закончены, после чего остались две бровки шириной 1,5–3 м, проходящие по середине кургана, и засыпанная полоса шириной 12 м между ними. Зачистку бровок предполагалось провести позднее, после начала работ по выборке погребений [Мозолевский, 1971: Дневник № 1: 14–15]. К сожалению, 30 апреля был зачищен только неполный восточный профиль центральной бровки, вторая бровка в процессе поисков рва была сначала весьма основательно обрезана по краям, а затем окончательно снесена уже 14 июля, незадолго до окончания работ на кургане [Мозолевский, 1971: Дневник № 1: 18; Дневник № 2, запись от 14 июля]. Вопрос о ее зачистке больше не возникал, хотя на таком расстоянии от центра она могла дать максимум информации о наличии досыпок в кургане.

После окончания снятия насыпи кургана возникло окно для поездки в Киев за подкреплением. Вскоре прибыли сотрудники Института археологии, сформировалась полноценная экспедиция и начались работы по изучению подкурганых гробниц, длившиеся почти три месяца.

Дальнейшие परिпетии раскопок хорошо известны по литературе [Мозолевский, 1979; 1983-Б: 145–185]. Наверное, ни одно археологическое открытие в СССР не освещалось так широко буквально во всех газетах, журналах и по телевидению, как раскопки Толстой Могилы. Здесь так подробно рассматривается предыстория раскопок, поскольку бытует представление о некой случайности происшедшего. О случайности можно говорить только в одном отношении. О том, что в определенное время в определенном месте вдруг разом сыграли свою роль очень многие обстоятельства: Орджоникидзевский горно-обогатительный комбинат ведет свои разработки в очень перспективном для скифской археологии районе; в тот период его возглавлял такой незаурядный человек, как Г.Л. Серeda; в Орджоникидзе появился такой одержимый и верящий в свою звезду археолог, как Б.Н. Мозолевский, способный обратить в свою веру кого угодно; произошла встреча двух личностей – археолога Б.Н. Мозолевского и горного инженера Г.Л. Середы. А результат всего этого был уже вполне закономерным.

Замечательные открытия сезона 1971 г. в скифском царском кургане Толстая Могила

принесли г. Орджоникидзе и автору раскопок мировую известность. В исследованиях кургана участвовали многие сотрудники ИА АН УССР: В.В. Черненко, С.И. Круц, Н.П. Зарайский, Г.С. Ковпаненко, Г.Л. Евдокимов, А.Н. Загребельный, В.И. Вабикова (Институт зоологии АН УССР), Р. Ролле (ФРГ, Геттингенский университет), Г.А. Деревянко (Орджоникидзевский народный музей), а также шахтеры и многие жители г. Орджоникидзе. Курган в процессе раскопок посетили многие археологи. Здесь побывали А.И. Мелюкова, В.Г. Петренко (ИА АН СССР), А.П. Манцевич (Эрмитаж), Ф.П. Шевченко, В.Д. Баран, А.И. Тереножкин, В.А. Ильинская, Г.Т. Ковпаненко, Е.В. Максимов, В.И. Бидзиля, Ю.И. Козуб, В.Г. Збеневич, И.Н. Шарафутдинова, Е.А. Петровская, С.Б. Ястребова, А.В. Бодянский (ИА АН УССР), Л.П. Крылова (Днепропетровский исторический музей), О.Д. Ганна (Музей исторических драгоценностей УССР), И.Ф. Ковалева и Е.М. Апанович (Днепропетровский университет).

На волне всеобщего энтузиазма, вызванного грандиозными открытиями, возникла идея создания музея Толстой Могила на месте раскопок, поддержанная местными партийными и советскими руководителями. Предполагалось надежно укрепить погребальные подземелья, реконструировать на месте муляжи всех захоронений в сопровождении копий найденных здесь вещей и таким образом увековечить эпохальное открытие на орджоникидзевской земле. К сожалению, дальнейшего развития идея не получила. Зато 17 мая 1973 г. в Орджоникидзе открылся ресторан «Скиф», интерьер которого украшали скифские мотивы и копии конкретных находок из Толстой Могила.

Кроме исследований Толстой Могила, в 1971 г. были проведены охранные раскопки курганов на карьерах – двух курганов эпохи бронзы у с. Богдановка, и раскопками малого скифского кургана были завершены исследования курганной группы у с. Нагорное.

В 1972 г. исследования курганов на орджоникидзевских карьерах продолжались. Была раскопана замечательная по конструкции насыпи Чабанцова Могила в группе Страшной Могила. Были начаты исследования курганной группы Испановых могил у с. Нагорное, где исследованы три кургана – одна эпохи бронзы и два скифских, и группы Лисьей Могила. В последней раскопаны один курган эпохи бронзы и пять скифских, в том числе

и Денисова Могила [Мозолевский, 1972; 1980: 78–86, 116–136, 136–151]. Среди исследованных скифских курганов был открыт целый ряд памятников, надежно датированных V в. до н. э., что по тем временам для степной Скифии было явлением исключительной научной важности. В сущности, это было первое серийное открытие таких памятников в степи. Многие захоронения, исследованные в этом сезоне, принадлежали представителям зажиточных слоев рядовых скифов, а некоторые (Чабанцова, IV-я Испанова и Денисова могилы и др.) могут характеризоваться как аристократические.

Помимо охранных раскопок на карьерах, продолжались поиски больших скифских курганов в близлежащих районах. Еще в августе 1971 г., сразу по завершению раскопок Толстой Могила, Б.Н. Мозолевский обнаружил 9-метровую Толстую Могила близ с. Тарасо-Григорьевка Апостоловского р-на. Курган поразила его воображение своей необычностью, и Борис загорелся идеей его раскопок. Этот курган по старому названию ближнего села он всегда именовал Драной Кохтой. Но среди коллег столь неблагозвучное название не прижилось, и в публикации Б.Н. Мозолевский переименовал его в Желтокаменку, по названию железнодорожной станции. В августе 1972 г. он осматривал курган уже совместно с Г.Л. Середой более предметно. Тогда же пребурили курган, чтобы дополнительно убедиться в его скифской принадлежности. Раскопки предполагалось провести в 1973 г. [Мозолевский, 1972: Дневник № 1: 5]. Также были предприняты поездки на Чертомлык и Нечаяну Могила. Идея дальнейших раскопок больших скифских курганов разрабатывалась в нескольких направлениях.

В 1973 г. продолжались охранные исследования курганов в группе Страшной Могила, где были раскопаны один курган эпохи бронзы и один скифский. У с. Горняцкое начато исследование группы Завадских могил. В этом сезоне здесь были исследованы пять курганов – три эпохи бронзы и два скифских. Оба скифских кургана имели конструкцию насыпи, аналогичную Чабанцовой Могила. 1-я Завадская Могила высотой 4,3 м, как и Чабанцова, содержала аристократическое воинское захоронение V в. до н.э. По мнению Б.Н. Мозолевского, впервые в степи был открыт курган с погребальным обрядом, наиболее полно соответствующим описанию Геродота. В эту же серию входит и курган № 12 группы у шахты № 22, исследованный А.И. Тереножкиным в 1964 г.

[Орджоникидзе, 1973: 168]. И хотя от первоначальной датировки Чабанцовой Могила пришлось отказаться и датировать ее, как и остальные курганы этого типа, V в. до н. э., обнаружение на ограниченной территории в такой небывалой концентрации очень выразительных памятников этого времени (кроме упомянутых, Бабы и Раскопанная Могила Д.И. Яворницкого, находившиеся неподалеку, а также 2-я Завадская, 1-я, 2-я, 4-я и, возможно, 7-я Испановы могилы, многие из которых содержат аристократические захоронения, а также существование еще не раскопанных памятников конструкции, аналогичной Чабанцовой Могила), позволяли надеяться на открытие в ближайшем будущем крупных могильников V в. до н. э., а возможно, и более раннего времени, и продвинулись таким образом к решению проблемы поиска Герроса. Открытие ряда крупных курганов V в. до н. э. позволило Б.Н. Мозолевскому выделить признаки конструкции насыпей, погребальных сооружений и обряда этого времени, что было новым словом в отечественном скифоведении середины 70-х гг. [Мозолевский, 1975: 15–16; 1980-В: 70–71, 86–116, 136–151].

В конце сезона 1973 г., поздней осенью, Орджоникидзевской экспедиции пришлось экстренно заниматься доисследованием курганов у с. Покровское Никопольского р-на в группе Сторожевой Могила на коренном берегу Днепра. Здесь при устройстве орошения полей местный колхоз им. Горького самовольно разрушил 5 курганов в группе из 18 курганов. Господствовавшая в группе Сторожевая Могила 5-метровой высоты сохранилась, разрушению подверглись курганы высотой до 2 м. Было доисследовано четыре кургана – три эпохи бронзы и один скифский [Мозолевский, 1973-В; 1980: 71–81].

В 1974–1975 гг. Б.Н. Мозолевскому удалось провести исследование Желтокаменской Толстой Могила – еще одного скифского кургана царского уровня. Однако путь к ее раскопкам был весьма долгим и тернистым.

С конца 1973 г. Б.Н. Мозолевский начал вплотную изыскивать возможности раскопок большого скифского кургана – Нечаевой Могила или Желтокаменки. Курганы находились за пределами территории ОГОКа, и поэтому источники финансирования могли быть найдены только на стороне. Службами ОГОКа была переработана смета к проекту 1966 г. раскопок Нечаевой Могила, и с учетом произошедших изменений стоимость исследований кургана на

1974 г. определена в 70 933 руб. [Пояснительная записка, 1966]. На основе опыта раскопок Толстой Могила была определена также и стоимость исследований приблизительно равной ей по величине Желтокаменской Толстой Могила.

Уже имея определенный авторитет в качестве известного исследователя скифских курганов, автора раскопок Толстой Могила, Б.Н. Мозолевский, казалось бы, мог рассчитывать на определенную поддержку. Тем не менее, сразу возникли противоположные течения. Нашлись противники проведения этих раскопок. Мотивировалось это нецелесообразностью золотоискательства в то время, когда археологи едва успевают исследовать курганы, попадающие под разрушение на многочисленных неостройках Украины. Этим же курганам ничто не угрожает, и поэтому нет необходимости их копать. В отношении Нечаевой Могила выдвигался еще и тот аргумент, что это последний в Украине курган такой величины, и его необходимо сохранить для потомков. Если по Нечаевой Могила возразить было нечего, то для Желтокаменки необходимость раскопок существовала, поскольку «построенная в 20-е годы железная дорога частично разрушила курган, а в железнодорожных кюветах скапливаются осадочные воды, разрушающие подземные сооружения кургана...» Поддержку нашли у Председателя Украинского Общества охраны памятников истории и культуры П.Т. Тронько, который и санкционировал выделение необходимых средств на исследование памятника за счет Общества.

Из-за всего этого пребывание экспедиции на Желтокаменку проходило крайне медленно и изнурительно для Бориса. Летом 1974 г. Б.Н. Мозолевский успел принять участие в открытии замечательной Репиховатой Могила в Черкасской обл. [Ильинская, 1980]. Все препятствия удалось преодолеть только в конце осени, и раскопки кургана были начаты 4 ноября 1974 г. Орджоникидзевский ГОК полностью обеспечил техническую сторону работ – выделил бригаду скреперов и бульдозер, шахтеров, предоставил отопляемый вагончик.

Работа экспедиции холодной поздней осенью – в начале зимы проходила непросто. Собственно, это был первый опыт зимней экспедиции в степи, позже это стало обычной практикой. Сотрудники экспедиции жили в Орджоникидзе в гостинице «Юность». Ежедневно, затемно, в 6.00 у гостиницы собирались

водители скреперов и бульдозера, шахтеры, сотрудники Института. ГАЗ-51 автобазы АН УССР с фанерной будкой (водитель В.М. Вугай) со скоростью не более 30-40 км, преодолевая жуткие ухабы по дороге на Каменку, за час довозил до кургана. Здесь к приезду экспедиции ночной сторож из Тарасо-Григорьевки успевал нагреть огромную вагонетку воды, и сразу началось ритуальное действие по заведению промерзшей за ночь техники. Прежде всего общими усилиями заводился бульдозер. Первые лучи солнца прорезали утренний туман, в котором, как ископаемое чудовище, бульдозер с диким ревом, выбрасывая огромные клубы белого дыма, толкал далеко за курган упорно нежелающие заводиться скрепера. Постепенно работа входила в ритм, каждый занимался своим делом. Горячий обед, приготовленный цветущей (ей еще не было 50) шахтеркой-пенсионеркой Марией Ефимовной Величко, проходил в натопленном вагончике под мерное чтение полтинформации, которую добросовестно проводил старый шахтер Фока Сергеевич Бондаренко. Орджоникидзевский горюком КПУ продолжал опекать идеологически сомнительного Бориса, а заодно подковыкивалась и вся экспедиция. К 17.00 завершали работу и возвращались в город опять-таки затемно. Горячая ванна в гостинице быстро приводила в чувство замерзшие организмы, и к следующему утру все были в полной боевой готовности. И так каждый день.

В течение ноября – первой половины декабря была полностью исследована насыпь кургана. И, хоть и была оставлена только одна бровка, были получены удивительные результаты по конструкции насыпи, а также обнаружены многочисленные захоронения, раскопки которых были отложены на лето следующего 1975 г.

Работа экспедиции была завершена 14 декабря. С утра вагончик был перетянут в Тарасо-Григорьевку на зимовку. После обеда на курган прибыл трайлер, на который погрузили бульдозер. В конце дня повалил снег, и караван двинулся сквозь метель на Орджоникидзе. Имущество и снаряжение везли в нашем ГАЗоне, а сотрудники пристроились в кабинках скреперов, за спиной водителя, на аккумуляторе. Тесно, твердо, зато тепло.

16 декабря по хорошему морозу выехали на Киев. Эта экспедиция тяжело далась Борису: «16 декабря – выехали из Орджоникидзе и благополучно добрались до Киева. Если бы пришлось начинать все сначала, наверное, не

взялся бы ни за что! И так – до весны!» [Мозолевский, 1974; Дневник: 62]. Пессимизм последних слов – не более чем проявление усталости. Сколько раз до этого и после он брался и успешно осуществлял большие дела. И в этом был весь Борис. Сразу вспоминаются его слова: «Глаза боются, а руки делают».

В 1975 г. Орджоникидзевская экспедиция выехала в поле рано – еще в апреле. Были причины торопиться в поле. Весной, после таяния снега, произошел обвал свода центральной гробницы, и в центре кургана образовался большой котлован.

Летом 1975 г. исследования Желтокаменки были завершены. Здесь были исследованы захоронения в катакомбах александропольского типа – с подзахоронением через длинный дромос, а также совершенно уникальный для Скифии устроенный в катакомбе каменный склеп. В целом в результате раскопок Желтокаменки были получены ценнейшие новые данные по скифской курганной архитектуре, конструкции подземного погребального сооружения и в целом по погребальному обряду царских скифов. Однако безжалостное двойное ограбление кургана несколько обесцветило результаты [Мозолевский, 1976: 366-367; 1982]. Вероятно, они выглядели достаточно скромно на фоне предшествующих раскопок и на их оценке исследователем сказались несколько преувеличенные ожидания, стимулированные небывалыми открытиями в Толстой Могиле. На самом же деле, если вспомнить классические в представлении нескольких поколений скифологов курганы скифской знати, исследованные в прошлом веке – Томаковская и Слоновская Близницы, Каменная Могила, Гермесов курган, Башмачка, Баба, Раскопаня Могила и др., результаты раскопок которых были намного скромнее, нужно признать, что материалы из Желтокаменки еще не получили достойной оценки.

После завершения раскопок Желтокаменки – Драной Кохты начальник Управления строительства и эксплуатации Криворожских оросительных систем И.М. Чорба, проявивший большой интерес к нашей работе и постоянно нас опекавший, безвозмездно предоставил технику, и раскопанный курган впервые в практике отечественных раскопок был восстановлен. Правда, в силу специфических возможностей землеройных машин, добиться первоначальной формы кургана не удалось – по форме насыпи получилась не толстая, а острая

могила. Механизмами не удалось воспроизвести то, что некогда было создано вручную.

В 1975 г. на орджоникидзевских карьерах были завершены раскопки группы Испановых могил, где раскопано четыре кургана – два эпохи бронзы, два скифских, а также группа Лисьей Могилы. Здесь последний курган относился к эпохе бронзы. Начались исследования в Западно-Богдановской группе, где были раскопаны два скифских кургана [Мозолевский, 1975-В; 1980: 136–150, 116–136, 151–154].

В 1976–1978 гг. полевые исследования в районе Орджоникидзе были приостановлены. К этому времени задачи экспедиции по договору с ОГОКом 1971 г. были выполнены. Все курганы, попадавшие под разрушение вплоть до 1979 г., были раскопаны, и Б.Н. Мозолевский занялся подготовкой к изданию материалов собственных раскопок, и тех, в которых принимал участие. Готовилась публикация материалов раскопок в Орджоникидзе в 1972–1975 гг. [Мозолевский, 1980], а самое главное – обрабатывались материалы Толстой Могилы [Мозолевский, 1977; 1978-А; 1978-В] и готовилась по ним великолепная книга, увидевшая свет в 1979 г. Также была подготовлена и кандидатская диссертация по Толстой Могиле, успешно защищенная в 1980 г. [Мозолевский, 1979; 1980-Г]. В эти же годы Б.Н. Мозолевский принимал участие в подготовке публикаций курганов Гайманова поля раскопок 1968 г. [Тереножан, 1977], могильника Носаки в Запорожской обл. [Носаки, 1977] и раскопок в Матусово [Ильинская, 1980].

В 1978 г. в связи с дальнейшим продвижением карьеров дирекция ОГОКа подняла вопрос о доисследовании Чертомлыка. Были составлены смета и план работ на четыре года, в котором, наряду с раскопками Чертомлыка, предусматривалось исследование нескольких курганных групп вокруг него. Была проведена топографическая съемка Чертомлыка и его ближайшего окружения – Долгой Могилы и Малого Чертомлыка. На четырехлетний цикл работ выделялось 150 тыс. руб. Был также заключен договор на пять лет на исследование курганов, попадающих под разрушение карьерами. За ближайшие 10 лет предполагалось завершить исследование всех курганов на орджоникидзевских карьерах.

Раскопки Чертомлыка, осуществленные И.Е. Забелиным в 1862–1863 гг., дали блестящие результаты. В истории исследований скифских курганов это был единственный

степной царский курган такой величины, мало пострадавший от грабителей. Однако целый ряд вопросов по конструкции кургана и погребальным сооружениям остался невыясненным. Прежде всего, было неясно, сколько погребений находилось в Чертомлыке – одно или два? Кроме того, в силу особенностей методики раскопок курганов XIX – начала XX вв., большая часть кургана осталась нераскопанной. Необходимость его доисследования была крайне актуальной для скифоведения.

В 1979 г. Мозолевский по этому плану предварительно раскопал Долгую Могилу и Малый Чертомлык, находившиеся в непосредственной близости и мешавшие проведению работ на Чертомлыке. Малый Чертомлык оказался скифским курганом V в. до н. э., аналогичным по конструкции Чабанцовой Могиле. Несмотря на двойное ограбление, здесь были найдены многочисленные остатки сопровождающего инвентаря богатого женского захоронения. Долгая Могила высотой 7,4 м и длиной 110 м образовалась в результате слияния трех курганов эпохи энеолита-бронзы и содержала захоронения этого периода. При раскопках Долгой Могилы отработывалась методика раскопок курганов В.Ф. Генинга – с фиксацией горизонтальных зачисток по всей площади кургана, что требовало огромных усилий. По этой причине в экспедиции в том году работало более 50 человек [Мозолевский, 1987: 63–73; 1999: 118–140].

В результате предварительных работ разведочного характера на Чертомлыке была зачищена площадь между Долгой Могилой и Чертомлыком и пробито несколько траншей в поисках рва вокруг Чертомлыка, которые показали его отсутствие. Разрез юго-западного останца кургана в пределах раскопа И.Е. Забелина и зачистки его профилей, сделанные в 1979 г., обнаружили сложность конструкции насыпи – возведение ее в 5 приемов. Получены данные по конструкции каменной крепицы кургана. В этот сезон планировалось разработать методику раскопок кургана и определить последовательность различных этапов работ [Мозолевский, 1980-А: 308; 1980-В: 86; 1982: 218].

Попутно в 1979 г. продолжались охранные раскопки курганов на карьерах – два кургана эпохи бронзы в группе Черной Могилы к востоку от г. Орджоникидзе на Алексеевском заливе (бывш. речка Чертомлык), а также в группе Приют, или Бобушка, у с. Чкалово, где было

исследовано шесть курганов, из которых три относились к эпохе бронзы и три к скифскому времени [Мозолевский, 1979-А; Пустовалов, 1999: 141-164].

В 1980 г. экспедиция продолжила работы в районе Орджоникидзе в соответствии с четырехлетним договором. Однако в связи с тем, что АН УССР и Научно-исследовательское общество ФРГ (Бонн) заключили соглашение о научном сотрудничестве и совместных раскопках Чертомлыка в 1981 г., в этом сезоне работы на Чертомлыке были прерваны, и экспедиция исследовала курганы в зоне карьеров. Были завершены исследования группы Черной Могилы, где раскопан самый крупный курган, сама Черная Могила, содержащая захоронения эпохи энеолита-бронзы. Выше по течению р. Чертомлыка начаты исследования в группе Могилы Гурского, в которой раскопан курган эпохи бронзы, в районе с. Изобильное исследованы три курганные группы – Дедовой Могилы, Лаурки и третьей, названной по имени села, – курганной группы у с. Изобильное. В группе Дедовой Могилы было исследовано 6 курганов – три эпохи бронзы и три скифских, в группе Лаурки – четыре эпохи бронзы и два скифских. У с. Изобильного раскопано 8 курганов – два эпохи бронзы, остальные – скифские. В одном из курганов эпохи бронзы этого могильника была обнаружена культовая яма скифского времени со скифским мечом, по-видимому, связанная с культом бога войны – скифского Арея. В этом же районе был исследован одиночный скифский курган в группе Испановых могил [Мозолевский, 1981: 284-285].

В 1981 г. по договору ИА АН УССР с Немецким научно-исследовательским обществом (г. Бонн) для доисследований Чертомлыка и его курганного окружения была организована совместная советско-западногерманская Орджоникидзевская экспедиция под руководством В.Н. Мозолева. С немецкой стороны участвовала группа археологов Геттингенского университета в составе руководителя профессора Р. Ролле и аспирантов университета Г. Герке, Г. Лауэра и чертежника В. Херца.

Новая экспедиция продолжила исследования Чертомлыка. Полные разрезы кургана широкими траншеями, ориентированными по сторонам света, позволили получить достаточно полное представление о конструкции насыпи кургана, сложенного из кусков дерна, минимум в четыре приема. Каждую из этих четырех последовательных насыпей, изначально очень

крутых, по основанию окружали своеобразные земляные «крепиды», состоявшие из наклонно-слоистого бесструктурного чернозема. Получены дополнительные данные по конструкции каменной крепицы. Также были повторно расчищены ямы конских захоронений и слуги, исследованные в свое время И.Е. Забелиным. Могилы конюхов не сохранились. Попытка повторно исследовать центральное погребение кургана из-за изменившихся за прошедшие 100 лет гидрологических условий, высокого подъема грунтовых вод и образование пльвуна (грунта, перенасыщенного водой до степени жижки) окончилась неудачей. Огромные карьерные бульдозеры («Чебоксарец», ДЭТ-250) по мере углубления (исследование проводилось широкой траншеей для вскрытия погребальных сооружений по всей площади сверху) начали проваливаться в трясину. По этой причине раскопки центральной гробницы пришлось прекратить [Мозолевский, 1980-Б: 308; 1980-Г: 86; 1983-Б: 293].

На карьерах исследовались две курганные группы у с. Чкалово, завершены раскопки курганов у с. Изобильного и Лаурки. В Чкаловской группе № 1 (Привот, или Бобушка), основная часть которой была исследована в 1979 г., в 1981 г. раскопан один курган эпохи бронзы. В Чкаловской группе № 2 исследовано четыре кургана – два скифских и два эпохи бронзы. В группе у с. Изобильное раскопано восемь курганов – два эпохи бронзы и шесть скифских, в группе Лаурки – два кургана, эпохи бронзы и скифский [Мозолевский, 1983-А: 292-293].

В силу ряда обстоятельств В.Н. Мозолевскому в дальнейшем пришлось отойти от работ на Чертомлыке. Исследования Чертомлыка и его курганного окружения завершались в 1983-1986 гг. Совместной советско-западногерманской Чертомлыкской экспедицией ИА АН УССР и Немецкого научно-исследовательского общества под руководством В.Ю. Мурзина. Продолжались исследования конструкции насыпи, подтвердившие первоначальные результаты. Исследован участок крепицы в виде высокой каменной стены, сложенной из крупных, горизонтально уложенных необработанных плит. В 1984 г. в СЗ поле кургана были открыты погребение слуги («виночерлия»), входящее в комплекс захоронений, сопровождавших центральную гробницу, и восточная Северная гробница под СЗ частью крепицы. Именно через нее прошел гребителеский ход

в центральную гробницу. Здесь найдены бронзовый котел с костями жертвенного животного и деревянным черпаком внутри, серебряный кубок и амфора и др. В 1983–86 гг. были проведены раскопки около 50 курганов в нескольких курганных группах, окружавших Чертомлык [Мурзия, 1985: 324; 1987: 377; 1988: 314; 1993: 85–101; Чертомлык, 1991].

В 1983 г., после годичного перерыва, Орджоникидзевская экспедиция под руководством Б.Н. Мозолева возобновила охраняемые исследования на орджоникидзевских землях. В этом сезоне были проведены исследования группы Круглой Могилы у пос. Ленина на левом берегу Днепра выше впадения р. Базавлук, а также курганы группы шахты № 22, частично раскопанной А.И. Тереножкиным в 1965 г. Из 20 курганов группы Круглой Могилы было раскопано 18 – восемь эпохи бронзы, два скифских и два средневековых кочевников. В группе шахты № 22 раскопано шесть курганов – четыре эпохи бронзы и два скифских [Мозолевский, 1983-А].

Недожиданная наблюдательность Б.Н. Мозолева в процессе накопления полевого опыта позволила ему уже в самом начале археологической деятельности выработать визуальный метод определения временной принадлежности курганов с сохранившейся нераскопанной насыпью высотой более 3 м еще до их раскопок. Характерная форма насыпи, наличие или отсутствие выемок на окружающей курган поверхности и ряд других сопутствующих признаков позволили ему уверенно отличать курганы скифские от курганов эпохи бронзы [Мозолевский, 1975: 16; 1990: 123–124]. В свое время И.Е. Забелин, Д.И. Яворницкий и др. специально занимались такого рода наблюдениями. При раскопках они выяснили принадлежность курганов с насыпями различной конфигурации, получивших в народе характерные названия, к конкретным эпохам. Было установлено, что курганы, имеющие названия «толстая могила», относятся к скифскому времени, в то время как другие – к более древним эпохам [Ястребов, б/г: 7]. За многие годы, прошедшие после последних раскопок больших скифских курганов в 1914–1917 гг., из-за отсутствия практики раскопок таких курганов в советское время эти наблюдения были прочно забыты. Даже Б.Н. Граков типом скифского царского кургана считал острокопечную пирамиду Чертомлыцкого типа [Граков, 1946: 57].

Вооруженный новыми знаниями, Б.Н. Мозолевский на протяжении четырех полевых сезонов в 1984–85 и 1989–90 гг. объехал ряд степных областей Украины и осмотрел большие курганы высотой более 8 м, которые, согласно его классификации, принадлежат высшей скифской анатии IV в. до н. э. [Мозолевский, 1979: 156, 237; 1984; 1985; 1986: 70–83; 1989–1990; Мелитополь, 1988: Приложение 4]. Этому предшествовала длительная скрупулезная работа по изучению крупномасштабных топографических карт, по результатам которой удалось определить пределы распространения больших курганов высотой 8–15 м от р. Молочной на востоке до р. Южный Буг на западе. Таких курганов по картам он насчитал около 60. Из них после визуального осмотра к скифским отнесены 23 кургана. С учетом уже раскопанных в XIX–XX вв., в Скифии IV в. до н. э. существовало около 40 царских курганов. На основе географии распространения таких курганов в степных областях Б.Н. Мозолевский разработал оригинальную концепцию по этногеографии и политическому устройству Скифии [Мозолевский, 1986; 1990: 134–138; Мелитополь, 1988: 179–222].

В 1986 г. Орджоникидзевская экспедиция Института археологии АН УССР под руководством Б.Н. Мозолева произвела охраняемые раскопки трех больших курганов скифской анатии в зоне строительства Куйбышевской оросительной системы у с. Каменка Апостоловского р-на Днепропетровской обл. – Бабиной, Водяной и Кальковой могил. Эти памятники входили в обширный курганный могильник эпохи бронзы и скифского времени, названный Б.Н. Мозолевским Каменским курганным полем.

Каменское курганное поле – огромный курганный массив, расположенный в междуречье рек Желтевка и Базавлук. С юга массив ограничен руслом р. Каменка. Условную северную границу Б.Н. Мозолевский обозначал по линии севернее сс. Новоивановка – Тарасо-Григорьевка. Общая протяженность района с востока на запад составляет 15–17 км, с севера на юг – 18–20 км. На этой территории общей площадью около 300 км² находится огромное количество никем не подсчитанных курганов, распадающихся на множество отдельных групп. В сущности, Каменское курганное поле выделяется в регионе условно, в основном только по высокому уровню

исследованности на сегодняшний день курганов вообще и скифской знати в частности. Последних здесь раскопано шесть (Желтокаменская Толстая Могила, Каменская Близница, Бабина, Водяна и Калькова могилы, кург. 4 у с. Шолохово). По характеру курганов, их количественной концентрации и, по-видимому, культурной принадлежности, любое ближнее или дальнее междуречье на западе, севере или востоке имеет сходный характер. Только в южном направлении от р. Каменка заметны явные отличия – здесь наблюдается уменьшение количества крупных курганов высотой более 5 м.

Каменское курганное поле Б.Н. Мозолевский обнаружил сразу после окончания раскопок Толстой Могилы в 1971 г., когда ему впервые довелось увидеть Желтокаменскую Толстую Могила. Более подробно он его изучал в 1975 г., уже при раскопках Желтокаменки. Этот район поразил исследователя огромным числом курганов, в том числе и крупных, высотой 5–8 м. Целый ряд курганов он уверенно определял как скифские. Все они отличались мощными каменными конструкциями. Такое явление, по мнению Б.Н. Мозолевского, не прослеживается ни на одной другой территории. Поскольку его выход в этот район в 1974–1975 гг. был достаточно случайным, то он полагал, что «возможности провести здесь широкие исследования отсутствуют. Но отныне все мои помыслы будут связаны с этим районом» [Мозолевский, 1975-В: Дневник № 1: 3]. Однако пессимистический прогноз исследователя не оправдался.

Уже в 1974–1976 гг. экспедиция Киевского университета провела исследования нескольких курганных могильников у сс. Поддубное, Ленинское и Нововитебское в северной части поля, в которых открыто 9 скифских курганов, содержащих 12 погребений рядовых и зажиточных скифов IV в. до н. э. [Антоненко, 1975: 249–250; 1976: 295–296; Бондарь, 1977: 270–271; Пиоро, 2001: 26–29]. В 1976 г. экспедиция Днепропетровского университета исследовала 10 скифских курганов в южной части поля в курганной группе «Славянка» у с. Базавлук. Курган № 4 этой группы достигал высоты 4,3 м и принадлежал представителям скифской знати [Волнобой, 1979: 45–60].

В 1984 и 1985 гг. в процессе поисков курганов высшей скифской знати в степях Украины Б. Мозолевский более детально изучил и описал курганы Каменского поля. Собственно

тогда и появилось название «Каменское курганное поле» [Мозолевский, 1984: 29–30; 1985: 6–14]. В 1985 г. он обнаружил, что на этой территории полным ходом идет строительство крупной оросительной системы, в пределы которой попададо около 40 курганов, в том числе и несколько крупных высотой 3–8 м – Бабина, Водяна, Калькова могилы, Каменские Близницы. В годы массового строительства оросительных систем в украинских степях археологам далеко не всегда удавалось контролировать ситуацию³. В данном случае удалось своевременно овладеть ситуацией. Основную часть работ взял на себя археологическая экспедиция Днепропетровского университета под руководством И.Ф. Ковалевой, и в следующем, 1986 г. здесь были проведены крупномасштабные раскопки. В центральной части Каменского курганного поля, между сс. Каменка и Тарасо-Григорьевка, экспедицией ДГУ были раскопаны 39 курганов различных эпох в составе пяти могильников. 27 курганов принадлежали рядовому скифскому населению конца V–IV вв. до н. э., а курган Каменская Близница высотой 4,5 м содержал захоронения скифской аристократии конца IV в. до н. э. [Андросов, 1987: 54–74; 1990: 15–16; Костенко, 1988: 291–292].

Часть наиболее крупных скифских курганов Каменского поля – Водяна, Бабина и Калькова могилы – исследовались Орджоникидзевской экспедицией Института археологии АН УССР под руководством Б.Н. Мозолевского. В том же году экспедиция провела охранные раскопки кургана эпохи бронзы у с. Червоная Колодка Апостоловского р-на, разрушавшегося карьером Криворожского цементного завода [Мозолевский, 1986-А; 1987].

В 1988 г. были продолжены охранные исследования курганов на орджоникидзевских карьерах. Раскапывались курганы на новом Покровском карьере в двух группах: Чередниковой Могилы, где исследовано три кургана эпохи бронзы и шесть скифских, принадлежавших зажиточным представителям рядового скифского населения, и в ур. Озера – два малых кургана эпохи бронзы [Мозолевский, 1988; Полин, 1994].

³ Для примера достаточно упомянуть постройку Солонкино-Тумаковской оросительной системы к востоку от г. Тумаковки в середине 1970-х гг., когда были бесконтрольно снесены останцы Красноводского кургана высотой 6 м у с. Григорьевка Солонкинского р-на, частично исследованного И.В. Забелиным в 1860 г.

В 1990 г. были продолжены исследования группы Завадских Могил у с. Горняцкое, начатые Б.Н. Мозолевским еще в 1972 г. В этом сезоне были раскопаны три малых кургана – один скифский и два эпохи бронзы. Также были проведены подготовительные работы на самом крупном кургане группы № 10 – Соболевой Могиле. При этом были исследованы половецкое святилище на вершине кургана и скифское детское захоронение в поле кургана. Зачистка обреза южной полы кургана позволила предварительно установить наличие в кургане большого впускного захоронения. В следующем году здесь было обнаружено неграбленное захоронение скифского жреца, принесшее кургану заслуженную известность [Мозолевский, 1992].

В 1991 г. все усилия Орджоникидзеградской экспедиции были сосредоточены на раскопках в группе Завадских Могил. Предстояло провести исследования двух самых крупных курганов группы высотой 6 м – № 9 эпохи бронзы и завершить исследования Соболевой Могилы – кургана № 10. Попутно был также раскопан малый скифский курган. Проведение подготовительных работ на Соболевой Могиле в предшествующем году позволило успешно и быстро провести полное исследование кургана на протяжении сезона 1991 г. с 17 июля по 23 сентября. Работы 1991 г. производились уже недалеко от края котлована Запорожского карьера ОГОКа.

В 1992 г. – в последнем полевом сезоне Б.Н. Мозолевского – было завершено исследование группы Завадских Могил, где раскопан

малый курган эпохи бронзы. Были начаты раскопки курганов за Базавлуком, у пос. Токвского, разведанных при объездах больших степных курганов в 1989–1990 гг. [Мозолевский, 1989–1990: 17]. Здесь, на правом берегу р. Каменка, выше ее впадения в Базавлук, сосредоточено несколько крупных курганных групп, в которых, согласно карте 1861 г., насчитывались многие десятки курганов. Значительная часть из них сохранилась до сегодняшнего дня. По определению Б.Н. Мозолевского, многие из них относятся к скифскому времени. Самые крупные скифские курганы достигают 4 м высоты, преобладают же малые курганы. В западной части курганного массива господствует 8-метровый курган эпохи бронзы. Здесь, как и на Каменском курганном поле, наблюдается широчайшее использование камня. В 1992 г. для выяснения особенностей курганов здешнего района были исследованы два малых кургана с половецким и скифским захоронениями.

Начиналась новая страница в исследованиях курганов в районе г. Орджоникидзе, но не сложилось... А планов было множество. После успешных исследований Соболевой Могилы в г. Орджоникидзе разрабатывалась идея создания фонда по исследованию скифских курганов. Желание принять участие в его работе излили многие предприятия города. Б.Н. Мозолевский успешно работал над подготовкой докторской диссертации. В 1992 г. летом по предложению Б.Н. Мозолевского началась работа над этой книгой. И вот завершать ее приходится только сейчас. Без него...

АРХЕОЛОГИЯ И ДОБЫЧА МАРГАНЦА В ОРДЖОНИКИДЗЕ

Археологические исследования курганов в районе г. Орджоникидзе непосредственно связаны с добычей марганца, которую ведет здесь Орджоникидзевский горно-обогатительный комбинат (ОАО «ОГОК»). Марганец здесь добывают уже 115 лет. Длительное время добыча велась с помощью шахт. При этом сравнительно мало затрагивался поверхностный ландшафт. В начале 1950-х начался, а на протяжении 60-х – начала 70-х гг. завершился переход комбината к открытой добыче. При таком способе, значительно повышающем эффективность и безопасность добычи, полностью видоизменяется поверхностный рельеф. Первичный ландшафт уничтожается в процессе горных разработок и лишь много лет спустя восстанавливается уже в новом виде. С началом открытой добычи предварительные охранные раскопки археологических памятников, уничтожаемых карьерами, стали необходимыми и с 1964 г. до сегодняшнего дня здесь работает экспедиция Института археологии НАН Украины. Поэтому, прежде чем приступить к описанию археологических памятников, вкратце остановимся на истории добычи марганца в районе г. Орджоникидзе.

В геологической структуре наложенной земной коры Украины археологические памятники занимают лишь верхний тончайший слой – в пределах 20 м. Именно этот самый поверхностный слой земной толщи, образовавшийся на протяжении четвертичного периода, соответствует периоду существования человечества, занимающему в истории Земли (около 4,5 млрд. лет) очень незначительный промежуток, – не более двух-трех миллионов лет. Ниже залегают пласты отложений далеких геологических эпох, уходящих вглубь веков на десятки и сотни миллионов лет. И там, на глубине до 110 м, залегают слои марганца, образовавшегося около 30–40 млн. лет тому назад, когда здесь плескались волны олигоценового моря.

Этот внешне непримечательный минерал, сам по себе ни на что не годный, был известен

уже древним римлянам в виде некоего черного камня, употреблявшегося для обесцвечивания стеклянной массы (Плиний Старший). Под ним подразумевалась главная марганцевая руда – пиролюзит. Преимущественно в этом качестве, а также для изготовления отбеливающего порошка марганцевая руда использовалась вплоть до середины XIX в. В 1860-х гг. марганец начали широко использовать в металлургии при получении зеркального чугуна, используемого для изготовления высококачественной стали, и с тех пор в мире существует постоянная высокая потребность в марганце.

Черная металлургия к концу XIX в. непрерывно наращивала потребности в марганце. В Европе все марганцево-рудные месторождения, известные на то время, были относительно небольшими, многие из них сравнительно быстро выработались, остальные не могли удовлетворить постоянно возрастающий спрос. Положение существенно изменилось после начала добычи в Чиагурском (1879 г.) и Никопольском (1886 г.) месторождениях. Вплоть до 1914 г. в разные годы от трети до половины мировой добычи марганцевой руды производилась в России. Практически вся руда, добывавшаяся в Чиагурском месторождении, уходила на внешний рынок. Совершенно иное значение для России имело Никопольское месторождение, откуда экспортировалось не более трети добычи. Основная же масса никопольской руды потреблялась металлургическими заводами Юга России. Никопольский марганец сыграл решающую роль в становлении и развитии отечественной металлургии.

Столь же важное значение Никопольское месторождение имело и в советский период. На его долю приходилось до 80% разведанных запасов марганцевых руд СССР и около 80% в общем объеме добычи. Не меньшее, если не большее, значение никопольский марганец сохраняет и для независимой Украины.

И в настоящее время главным потребителем марганца остается черная металлургия,

где используется 90–95% всей его добычи, отчасти цветная. Используется также для изготовления гальванических элементов, в составе глазурей и эмалей, тканевых красителей, керамических красок, в химической и стеклянной промышленности, в микроудобрениях и др. Пока черные металлы имеют колоссальное значение в жизни человечества, несмотря на появление новых материалов, марганцевая руда остается одним из важнейших видов сырья на планете. По меткому замечанию поэта П. Биби из г. Марганца:

Без марганцю – ні сталі,
Ні машини, ні деталі,
Ні гармати, ні багнета,
Ні аварядди для поета.

На сегодняшний день Украина занимает ведущее место в мире по разведанным запасам и добыче марганцевых руд. Основные залежи марганца сосредоточены в Никопольском бассейне, который по разведанным запасам занимает одно из первых мест в мире и является крупнейшим в Европе. Больше-Токмакское месторождение на левом берегу Днепра в Запорожской обл. по запасам мало уступает Никопольскому. Однако, в силу сложности гидро-геологических условий месторождения, начатая там в 80-х гг. добыча руды носила, в основном, экспериментальный характер. Для выработки сложнейшей технологии добычи требовались колоссальные капиталовложения, которые в начале 90-х гг. оказались непосильными для государства, и Таврический ГОК, созданный для разработки этого, был закрыт. В Украине существует еще несколько мелких неразрабатываемых месторождений марганца. Никопольское месторождение на сегодня является единственным источником марганца на территории Европы. Ближайшие разрабатываемые месторождения находятся в Грузии и Казахстане. Крупные богатые месторождения марганца имеются также в Индии, Китае, в Африке (Габон, Гана, Южно-Африканская Республика), Бразилии, Австралии.

Никопольское марганцево-рудное месторождение разделяется на две части поднятием кристаллических пород по балке Малая Каменка (Никопольский каменный карьер). Западная часть, где сосредоточено более 60% запасов, расположена между гг. Орджоникидзе и Никополем в пределах Никопольского р-на и междуручье Балацук – Соленая – Чертомлык – Каховское море. Восточная часть находится восточнее г. Марганца в пределах

Никопольского и частично Томаковского р-нов. Руда залегает на глубинах от 7 до 110 м. Мощность рудного пласта колеблется в пределах 0,6–3,1 м. На сегодняшний день добыча в восточной части месторождения осуществляется шахтами и карьерами, в западной – исключительно открытым способом.

2.1. ОТКРЫТИЕ МАРГАНЦА И ЕГО ДОБЫЧА НА НИКОПОЛЬЩИНЕ

Эти земли ранее входили в состав Вольностей войска Запорожского и находились в самом сердце Запорожья, с которым связаны многие судьбоносные для запорожского казачества и Украины в целом исторические события. Именно в этих местах располагалось большинство Запорожских сечей. Вскоре после ликвидации последней Новой Сечи в 1775 г., на ее месте, после неосуществленного проекта создания здесь г. Покровска, кратковременного существования Покровской крепости, возникает с. Покровское.

В начале 1780-х гг. с. Покровское с окружающими землями было пожаловано Екатериной II во владение генерал-прокурору князю А.А. Вяземскому. Согласно атласу Екатеринославского наместничества, в 1795 г. «в с. Покровском насчитывалось 110 дворов, жителей мужского пола 408, женского 167, земли – под усадьбами 35 дес., под пашней вместе с селами Копиловка и Александровка 21.480 дес., под покосами 6.040 дес., под лесом 9.800 дес., неудобн – 3.522 дес. В селе ветряков – 5, земля черноземная, местами песчаная, болотистая, много озер. Урожай хлеба и трав обильные. Проходит столбовая дорога из Екатеринослава в Херсон». По купчей 1802 г. эти земли перешли во владение барона Штиглица. В 1861 г. здесь возникает Покровская экономия Великого князя Михаила Романова, ставшего новым владельцем этих земель.

На протяжении XVIII – большей части XIX вв. эти места были заселены довольно слабо. Кроме упомянутых, к середине XIX в. здесь существовали также с. Шолохово на Балацлуке и Чертомлыцкие хутора (позднее с. Ново-Николаевка, совр. с. Чкалово), Перевисские хутора. Имелось и несколько мелких хуторов – Неплюевский на Чертомлыцкой балке, ниже Чертомлыцких хуторов, хутор Мельников в верховьях балки Крепаковой, хутор Соленый на берегу р. Соленой, хутор Свинаярка в верховьях Свинаярской балки,

хутора Груковы на р. Каменка ниже Перевисских хуторов.

В 1883 г. горный инженер Российского Геологического Комитета Валерия Александрович Домгер (1851–1885), при сборе материалов для составления 47-го листа геологической десятиверстной карты Европейской России, в обнажении левого берега р. Соленой обнаружил пласт марганцевой руды. Он проследил его распространение вдоль реки от ур. Пекельное до Хоминой балки (район совр. с. Горняцкое) на протяжении 7 верст. Убедившись по данным химических анализов в металлургической ценности найденного минерала, В.А. Домгер пришел к выводу о наличии в районе р. Соленой весьма серьезного месторождения и вероятности открытия более мощных залежей марганца. Он обратил на это внимание Главного Управления именными Великого князя Михаила Николаевича, на землях которого преимущественно размещались обнаруженные залежи. По предложению управляющего именными Р.А. Мазинга В.А. Домгер должен был в следующем году провести детальное обследование. Однако внезапная смерть В.А. Домгера перечеркнула эти планы, и дальнейшие исследования были проведены в 1885 г. горными инженерами А.О. Михальским и Н.Д. Коцовским.

Последний обнаружил марганец и в низовьях р. Чертомлык, и по балке Довжик, и близ р. Базавлук. Надежными для разработки, по его определению, являлись мощные залежи по р. Соленой. Здесь он проследил их распространение по долине реки на весьма значительном протяжении и вглубь берега на 22 сажени. Н.Д. Коцовский не имел возможности провести буровые работы, но считал полученные результаты достаточными, «чтобы начать разработку месторождения на самых скромных началах». Первичные работы в долине реки предлагалось вести открытым способом («разносом»), а далее, вглубь берега, — несколькими штольнями, параллельно решая две задачи — добычи марганца и выяснения пределов его распространения вглубь берегового плато. Таким образом готовились будущие шахтные поля.

В 1886 г. в районе Хоминой балки был устроен первый на Никопольском месторождении частновладельческий марганцевый рудник, получивший название «Покровские марганцевые копи», принадлежавший Великому Князю Михаилу Николаевичу. В этом году здесь «при разведке, частью штольнями,

частью разносом» (по современной терминологии — карьером) 35 рабочими были добыты первые 250 тыс. пудов марганцевой руды. Так началась промышленная эксплуатация Никопольского марганцево-рудного месторождения. С начала освоения месторождения горный инженер Н.А. Соколов производил геологические съемки и систематическое изучение геологического строения Никопольского месторождения. В 1901 г. он опубликовал результаты своих многолетних исследований — «Марганцевые руды третичных отложений Екатеринославской губ. и окрестностей Кривого Рога». Монография была первым обобщающим исследованием Никопольского месторождения, где содержались карта распространения, первые подсчеты запасов марганца и изложены перспективы месторождения.

Развитие Покровских копей шло очень постепенно. В 1888 г. добыча здесь велась уже двумя шахтами, хотя это и не отразилось на ее объеме. В том же году выше по долине р. Соленой Акционерное общество Брянского рельсопрокатного, железнодорожного и механического заводов провело разведочные работы, при которых было добыто 600 пудов руды.

Дальнейшие поисковые работы открывали все большее распространение руды. В 1891 г. горный инженер А.М. Завадский обнаружил залежи марганцевой руды мощностью 2–4 аршина на площади 9 тыс. десятин в Судницко-Лимаяском имении графини Брунетто д'Уссо по р. Соленой. В восточной части месторождения в конце 1880-х гг. марганец был случайно обнаружен крестьянами с. Городище при рытье колодца. Однако проведенное тогда же первоначальное геологическое обследование окрестных территорий не дало результатов. Позже выяснилось, что здесь марганцевая руда залегала ниже уровня воды р. Томаковка и поэтому не выходила в береговые обнажения. Только в 1891 г. Южно-Русское Днепропольское металлургическое Общество заложило рудник на землях крестьян с. Городище, в районе современного г. Марганца, положивший начало эксплуатации восточной части Никопольского месторождения.

Городищенский рудник с самого начала рассчитывался на крупную добычу. Уже в 1892 г. здесь действовали 4 шахты. После ввода в действие второй Екатерининской железной дороги на направлении Долгинцево — Никополь — Запорожье — Волноваха в 1902 г., постройки железнодорожной станции Марганец

в 1904 г. на территории рудника и моста через Днепр в г. Александровске (совр. Запорожье) в 1908 г., соединившего Кривой Рог с Донбасом, Городищенский рудник стал самым мощным в бассейне.

В 1892 г. на Покровских марганцевых копях действовало уже три шахты. Шахтам давались женские имена – Вера, Надежда, Любовь, позднее – Софья, Анна. При Покровских копях возник поселок Причепыловка, в котором к концу XIX в. насчитывалось жителей мужского пола 242, женского – 90, молитвенный дом, церковноприходская школа и бакалейная лавка. В начале XX в. на его месте образовались поселки Верхние и Нижние Колодки.

Общество Брянского завода продолжало попытки организации собственной добычи никопольского марганца и в 1892 г. на землях графини Брунетто д'Уссо заложило Сулицко-Лиманский рудник, на котором первичные работы велись «разносом и шурфами». В 1901 г. этот рудник перешел во владение горного инженера А.М. Завадского. Объем добычи марганца в Никопольском бассейне в те времена был достаточным для полного насыщения южнорусского рынка и отчасти европейского.

Только в 1893 г. упоминается Запорожский рудник без указания владельца, малой производительности, видимо, быстро прекративший свое существование.

В 1893 г. горный инженер А.М. Завадский пытался открыть собственный Сулицко-Лиманский рудник. Были проведены пробные работы. В 1894–1895 г. существовал Сулицко-Лиманский рудник при с. Александровское. Не исключено, что это Сулицко-Лиманский рудник А.М. Завадского. В 1896 г. возник еще один Сулицко-Лиманский рудник, принадлежавший Н.М. Львову. Хотя рудники и получили название по с. Сулицко-Лиманскому, располагавшемуся на берегу Днепровской поймы, находились они на берегу р. Соленой, выше Покровских копей.

Многолетняя деятельность горного инженера А.М. Завадского в здешних местах зачтлена на карте в названии Завадской балки, впадавшей в долину р. Соленой, где находились его шахты. С легкой руки Б.Н. Мозолевского попало оно и в археологию. «Завадские могилы» – так назвал Б.Н. Мозолевский группу курганов возле этой балки.

В 1896 г. «Покровские марганцевые копи» арендовало учрежденное в апреле того же года акционерное «Никополь-Марьупольское горно-

металлургическое общество». Под учредительным актом этого общества стоят подписи гражданина САСШ Е.Д. Смита, германскоподданных А. Ротштейна, акционеров Г. Кольберга, И. Мейера, Б. Юнкера, И. Веберга и др. За добытую руду Общество выплачивало владельцу Покровского имения за первые два миллиона добытой руды по две коп. за пуд, за последующие – по одной. В целом плата землевладельцам за пуд добытой руды на Никопольском месторождении сохранялась в пределах 1–3 коп.

В 1897–1900 гг. работал «Никольский рудник Н.М. Львова». Возможно, это ранее упоминавшийся Сулицко-Лиманский рудник Н.М. Львова. Позднее перешел во владение А.М. Завадского. Имеются также сведения о недолго просуществовавшем руднике, открытом в 1898 г. южнее с. Николаевки, к востоку от р. Томаковка.

В 1898 г. на восточном участке Никопольского месторождения на земле крестьян с. Красногригорьевка открылся Красногригорьевский рудник, первоначально известный как «шахта Мосцицкого». В 1899 г. перешел в собственность акционерного Товарищества «Пиролозит», в 1906 г. попавшего под контроль австро-венгерского и германского капиталов. Его правление находилось в гг. Витковицы (Австро-Венгрия) и Бейтен (Силезия). Постепенно этот рудник превратился в один из крупнейших на всем месторождении и проработал вплоть до 1918 г. до полной выработки запасов руды. С самого начала деятельности Товарищество принимало упредительные меры против вероятных конкурентов, арендуя 7500 десятин земли. Из них было одновременно занято до 50 десятин, из которых подземные разработки велись на 6 десятин. Товарищество, кроме собственной добычи руды и ее реализации, занималось также комиссионной торговлей железной и марганцевой рудой и организацией экспорта руды из Никопольского бассейна. В числе владельцев рудников упоминается также Франко-бельгийское акционерное общество, однако, по имеющимся в нашем распоряжении источникам, установить принадлежавшие ему рудники не удалось.

Никополь-Марьупольское Общество поначалу также принимало меры против возможной конкуренции. В качестве таких действий можно рассматривать открытие и эксплуатацию нового рудника на земле графини Брунетто д'Уссо в 1899–1902 гг. Добыча на последнем была небольшой, и необходимость его открытия

неясна, поскольку и Покровский рудник развивался достаточно медленно и никогда не работал на полную мощность. С целью не допустить к добыче посторонних также арендовалась практически вся известная на то время территория распространения руды в данном районе. Из арендованных всеми рудниками земель на территории Никопольского месторождения площадью в 21 683 десятины в 1900 г., 14 тыс. десятины числились за Никополь-Мариупольским Обществом. Подземные выработки занимали лишь 20 десятин. Даже после кризиса 1903 г. Никополь-Мариупольское Общество арендовало 14 533 десятины, хотя подземные разработки велись всего на 12 десятинах. Но уже в 1907 г., несмотря на резкий рост добычи в том году, арендованная площадь сократилась до 245 десятин, при занятых подземными работами 36 десятинах.

После открытия Второй Екатерининской железной дороги и строительства на территории Городищенского рудника станции Марганец, в 1904 г. центр тяжести развития Никопольского месторождения окончательно переместился в его восточную часть. Западный участок из-за отсутствия надежных путей сообщения, по-видимому, утратил привлекательность для крупных потенциальных добытчиков. Для мелких же шахтовладельцев организация вывоза руды была просто разорительной. Не изменило ситуацию и открытие железнодорожной станции Чертомлык (Осокоровка), находившейся все же достаточно далеко от мест добычи – в 12 верстах от ближайшего. Во всяком случае, борьба с конкурентами на западном участке потеряла смысл.

В 1903 г. в связи с резким падением спроса на рынке добыча марганца в восточной части бассейна вообще остановилась, и только в западной части в малом объеме продолжали работу Сулицко-Лиманский рудник А.М. Завадского и Покровский рудник Никополь-Мариупольского общества. Работа рудника на земле графини Брунетто д'Уссо, принадлежавшего тому же обществу, с этого года прекратилась.

С 1904 г. спрос на марганец снова начал возрастать. В 1904–1906 гг. в западной части бассейна постепенно наращивали добычу Сулицко-Лиманский рудник А.М. Завадского и Покровский рудник Никополь-Мариупольского Общества. С 1904 г. Городищенский рудник Южно-Русского Днепропетровского металлургического Общества в восточной части месторождения возобновил добычу. Красногри-

горьевский рудник Товарищества «Пиролозит» в 1904–1906 гг. добычу не производил и работал только на обогащении ранее добытой руды.

В 1907 г., в связи с увеличившимся спросом со стороны южнорусских заводов и зарубежных потребителей, добыча никопольской руды резко возросла до 16 444 597 пудов обогащенной руды, из которых ушло на экспорт 6 109 379 пудов. Однако возмущенный спрос продержался лишь до августа. Выброс на мировые рынки дешевого индийского марганца летом вызвал падение цен и быстрое насыщение спроса. Неполучение предполагавшихся прибылей вызвало остановку мелких шахт и вынудило других владельцев остановить устройство новых рудников. В западной части месторождения добычу вели Покровские рудники Никополь-Мариупольского общества и Сулицко-Лиманский А.М. Завадского. В восточной части месторождения в 1907 г. работали Красногригорьевский рудник обновленного Товарищества «Пиролозит» и Городищенский рудник Южно-Русского Днепропетровского металлургического Общества. Последнее в 1907 г. открыло новый Трубочаниновский рудник, в том же году давший первую стабильную добычу. Возникли и вели добычу небольшие частновладельческие предприятия: рудник Ф.Б. Гантке, Николаевский рудник Е.Т. Короля, рудник «Дагор» А.А. Беклемишева. Последний к началу зимы работу прекратил. На руднике «Благодать» А.А. Беклемишева и М.К. Грекова были пройдены только штольни, однако добыча не велась. Упоминается также рудник С.С. Блюменфельда о котором известно только, что он существовал, но в 1907 г. не работал.

В советской литературе упоминается рудник «Провиданс» или «Русский Провиданс» на Грушевском участке восточной части месторождения Южно-Русского Днепропетровского металлургического общества, существовавший в 1905–1909 гг. Однако в статистических обзорах дореволюционного периода он не значится.

В восточной части в 1908 г. Южно-русское Днепропетровское металлургическое Общество пыталось расширить добычу – начал работу новый Шишкинский рудник, закрывшийся через год из-за неблагоприятной конъюнктуры рынка. В 1908 г. рудник С.С. Блюменфельда, по-видимому, не работал, а в 1909 г. окончательно закрылся. В 1908 г. открылись две новых частновладельческих шахты – «Эврика» А.А. Чебота-

рева и «Рой» П.Д. Зубенко, уже в 1909 г. прекратившие работу, как и Николаевский рудник В.Т. Короля. Рудник «Благодать» А.А. Беклемишева и М.К. Грекова в 1909 г. закрылся, «Дагор» А.А. Беклемишева в том же году перешел в аренду к Кравцову и Слуцкому, но так и не возобновил работу. Дольше всех продержался рудник Ф.Б. Гантке, производивший достаточно интенсивную добычу по 1912 г. включительно. Вероятно, это объясняется исключительно удачным расположением рудника, находившегося в 0,2 версты от ст. Марганец, с которой соединялся собственным подъездным путем на конной тяге.

Спад спроса отразился и на работе крупных рудников, значительно сокративших добычу. Сулицко-Лиманский рудник А.М. Завадского в 1909 г. приостановил работу, в 1910 г. частично возобновил добычу, но в 1911 г. окончательно закрылся.

К 1913 г. в Никопольском бассейне мелкие предприниматели полностью сошли с круга. Добычу марганца на Никопольщине отныне вели Акционерное Общество «Пиролозит» (Красногригорьевский рудник) и Южно-Русское Двепровское металлургическое общество (Городищенские рудники) в восточной части месторождения, где велась основная добыча, и Никополь-Мариупольское Общество (Покровский рудник) в западной, добывавшее менее 10% общей добычи по бассейну.

В 1911–1915 гг. (более поздние сведения отсутствуют) на Покровском руднике, помимо подземных разработок, на площади в 30 десятин велась открытая работа. Сухие цифры статистических таблиц ничего не говорят об их характере. Вероятно, они производились в долине р. Соленой, где руда находила на поверхность.

В 1913 г. была найдена марганцевая руда выше по р. Чертомляку, возле с. Ново-Николаевка (совр. с. Чкалово), где был заложен рудник акционерного общества «Русский Горный и Металлургический Унион». Вероятно, это Новониколаевский рудник. Несмотря на открытие здесь руды высокого качества, добыча на этом руднике так и не была развернута. В 1919 г. он закрылся.

В целом пик максимальной добычи марганца по Никопольскому бассейну приходится на 1893, 1897, 1900, 1907, 1912–1916 гг., реальных спадов – 1895, 1898, 1903, 1909, и полной остановки добычи – 1919–1920 гг.

Основная работа в шахтах Никопольщины производилась с помощью обушка и лопаты.

Шахтеры работали в мокрой шахте, по щиколотку и выше в грязи, при свете копилки или свечки, в спертom воздухе. Вентиляция шахт достигалась только естественным путем – сквозняком. Когда же воздуха не доставало даже для нормального горения свечки, применялись «подручные средства». По воспоминаниям шахтеров, в таких случаях снимались рубахи и дружными взмахами из забоя изгонялся застойный воздух. Также несложными приемами удалялась из шахт вода и грязь.

В забое выбиралась только чистая руда на толщину слоя. Поэтому для экономии забой делался максимально низким и работать в нем приходилось стоя на коленях или даже лежа на боку. Шахтер-забойщик обушком отбивал руду, лопатой отгребал за спинку, там ее подбирал откатчик и грузил в вагонетки, которые по штреку вручную выталкивались по наклону на поверхность. В шахтах Никопольщины очень редко применялась конная откатка. Позднее, с развитием шахт, вагонетки с рудой подгоняли к стволу, откуда конным подъемником поднимали ее на поверхность. С 1904 г. в единичных случаях начали устраивать паровые подъемы, с 1907 г. – электрические.

Никопольское месторождение в дореволюционный период разрабатывалось небольшими шахтами весьма нерационально, поскольку оставались невыработанными большие участки. Отделение руды от вмещающей песчано-глинистой породы осуществлялось либо ручной отборкой крупных твердых конкреций, либо применением так называемого «сухого обогащения» – руда высушивалась, глина из нее выбивалась обычными крестьянскими катками и вручную просеивалась на ситах. Зимой и осенью, в мокрое время года, практиковалась ручная сортировка. Выход товарного концентрата из сырой руды был очень низким – около одной трети с содержанием марганца 42–46% с большими потерями.

В 1900 г. на Сулицко-Лиманском руднике Общества Брилеского завода было построено специальное помещение для сортировки руды. Где-то около 1900 г. на Городищенском руднике была создана первая обогатительная фабрика, где обогащение велось с помощью промывки руды. При таком способе получали концентрат 1 сорта с содержанием Mn 50–51%, 2 сорта – 42–46% Mn. В 1907 г. возникла еще одна рудо-промывочная фабрика при Красногригорьевском руднике Товарищества «Пиролозит».

На протяжении всего дореволюционного периода в целом масштабы разработок были

достаточно скромными, особенно в сравнении с другими горнодобывающими районами Украины (Криворожье, Донбасс). Количество марганцевых шахт на Никопольщине и использовавшихся при них рабочих было небольшим. На шахтах работали жители окрестных сел, а также выходцы из Киевской, Черниговской, Курской, Орловской губерний. В период 1886–1900 гг. по всему Никопольскому месторождению максимальное число рабочих составляло 800–1000 чел. В 1900–1917 гг. в лучшие годы число рабочих достигало 1500–1800 чел., и только в 1907 г., когда здесь работало 9 рудников, доходило до 3000 чел. Для сравнения – в Кривом Рогу в 1900 г. действовало 48 рудников, где работали 4226 рабочих, в 1907 г. – 50 рудников, где трудилось 10 949 рабочих, в 1915 г. на 42 рудниках использовалось 18 567 рабочих.

Технический уровень марганцевых рудников Никопольщины был весьма низким по сравнению с угольными шахтами Донбасса и железорудными карьерами и шахтами Криворожья. О техническом оснащении можно говорить только в отношении работ на поверхности. Технология шахтных работ в дореволюционный период везде была одинаково примитивной и основывалась исключительно на использовании мускульной силы шахтеров. Отличие угольных и железорудных шахт от марганцевых состояло в широком применении взрывных работ. Однако и после них на долю шахтера оставалось очень много.

Для сравнения приведем данные по карьерам и шахтам Криворожья. Здесь уже через 6 лет после начала добычи в 1887 г. на Саксаганском руднике был устроен первый паровой подъем с использованием машины мощностью 56 л. с. В 1896 г. на Белокрысовском руднике для вскрышных работ начали применять паровой экскаватор. Постепенно конные подъемы на рудниках заменялись паровыми, а затем и электрическими. В 1900 г. на рудниках Кривбасса действовало уже 48 паровых подъемов общей мощностью 1151 л. с., в 1908 г. их количество достигло 77. В 1901 г. на Ушаковском руднике был устроен первый электрический подъем. К 1915 г. на рудниках Кривбасса действовало 27 конных, 52 паровых и 61 электрических подъемов.

На рудниках Кривбасса широко использовались паровые котлы (1901 г. – 95, 1914 г. – 225), паровые машины (1901 г. – 61, 1915 – 131 общей мощностью 11699 л. с.), электрические

машины (1905 г. – 5, 1915 – 49 общей мощностью 9644 кВт), электромоторы (1908 г. – 69, 1915 – 286 общей мощностью 7827 кВт), газогенераторы (в 1906 – 3, в 1915 – 16 общей мощностью 3882 л. с.). В 1902 г. на одном руднике на поверхности уже применялась электровозная откатка руды. В том же году на мощных рудниках появились электрические насосы для откачивания воды системы «Ворингтон». В 1905 г. в бассейне действовало пять электростанций, обслуживавших электрические подъемы, насосы, электровозную откатку, освещение промышленных и жилых зданий. С 1909 г. на Александровском руднике начали применять механическое бурение шпуров с помощью электрических и пневматических бурильных молотков. Последние оказались более продуктивными и нашли широкое применение после начала мировой войны. Для обеспечения их работы строились специальные компрессорные. После начала мировой войны на погрузке руды в вагоны начали применять паровые лопаты.

Совершенно иначе обстояло дело на марганцевых рудниках Никопольщины. С 1893 г. на Городищенском руднике начато применение паровой машины мощностью 18 л. с. В 1900 г. использовалось 5 паровых машин общей мощностью 184 л. с. и 10 паровых котлов, в 1905 г. – 4 паровых машины на Городищенском, 4 на Сулицко-Лиманском, 1 на Покровском, в 1907 г. – на всех рудниках 15 паровых машин и 4 электрических. Первый паровой подъем был устроен на Сулицко-Лиманском руднике Общества Брянского завода в 1900 г. В 1904 г. из 16 имевшихся на рудниках Никопольщины подъемов было 4 паровых (2 на Покровском и 2 на Городищенском), остальные конные. В 1907 г. 1 паровой подъем руды отмечен на Покровском и 2 электрических на «Благодати» Веклемишева и Грекова. Все остальные 23 – конные. В 1915 г. – 12 подъемов (1 паровой и 2 конных на Покровском, 3 электрических на Пироловнате, 2 электрических и 1 конный на Городищенском). В 1915 г. использовалось 9 паровых котлов с общей напр. поверхностью 2701 кв. футов, 2 газогенераторных двигателя мощностью 250 л. с., 5 электрических машин мощностью 360 кВт, 23 электромотора мощностью 412 кВт. Лошадей при добыче руды в 1900 г. использовалось 99 на всех рудниках – от 8 до 38 на каждом из рудников, в 1907 г. – 189, в 1915 г. – 80. К 1907 г. на Покровском руднике были построены собственные подъездные пути протя-

женностью 12 верст до ст. Чертомлык Екатери-
нинской железной дороги, на которых работали
два, а с 1913 г. – три собственных паровоза.

В первые годы существования рудников
жизнь шахтеров проходила на первобытном
уровне. Для жилья сооружались землянки с не-
обшитыми стенами, где устанавливались общие
нары. Соответственно был организован и ос-
тальной быт. Вода для питья и приготовления
пищи привозилась издалека в ограниченном
количестве, поскольку вода р. Соленой для
питья непригодна.

В 1900 г. на всех рудниках Никопольщи-
ны для жилья рабочих имелось 13 казарм на
400 чел., в 1902 г. – 81 на 1212 чел., в 1907 г. –
32 на 1250, семейных домов 64 на 94 чел.,
в 1907 г. – 111 на 202 семьи и 4 летних барака
на 160 чел. для сезонных рабочих. В 1900 г.
имелось три больницы на 32 кровати и 1 прием-
ный покой на 4 кровати при Красногригорьев-
ском руднике Т-ва «Пиролозит», в 1907 г. –
4 больницы на 27 мест и одна строилась. Мед.
персонал насчитывал 4 врача (2 постоянных)
и 4 фельдшера. На рудниках имелись три бани
на 555 чел. Количество бань менялось произ-
вольно от года к году – в 1902 г. отмечено 2 бани
на 90 чел. В 1904 г. после кризиса резко
сократилось число казарм для рабочих – 25 на
836 чел., больниц осталось две на 15 чел. и 4
приемных покоя на 15 кроватей. В 1900 г. при
рудниках Никополь-Мариупольского О-ва су-
ществовала школа на 40 учеников с одним учи-
телем. В 1907 г. упомянуты две школы – при
Городищенском руднике (40 чел.) и Покровских
рудниках (50 чел.), где также устраивались
воскресные чтения «с световыми картинами»
для рабочих. При Городищенском руднике
существовала библиотека, ссудосберегательная
касса и потребительская лавка. При рудниках
Никополь-Мариупольского О-ва имелся молит-
венный дом.

На двух рудниках, Красногригорьевском
Общества «Пиролозит» в 1900–1901 гг. и Горо-
дищенском Южно-русского Днепровского ме-
таллургического общества в 1900–1902 гг.,
возможно и несколько ранее, все рабочие были
застрахованы от несчастных случаев. Страховая
премия определялась в размере до 1000 руб.
После резкого спада добычи в 1903 г. эта прак-
тика была прекращена и больше не возобнов-
лялась.

На шахтах был установлен 12-часовой
рабочий день при сменной норме на двух шах-
терах в 600–650 пудов. По данным, имеющим-

ся для 1900–1915 гг., средняя заработная пла-
та рабочих на рудниках в 1900 г. составляла от
200 до 300 руб. в год и к 1915 г. достигла 410–
559 руб. в год. В советской литературе имеются
иные данные, согласно которым оплата труда
шахтера составляла около 30 руб. в месяц или
только 18–23 руб. На обогащении решетнику,
трясшему решето, платили 1 руб. в день, тачко-
гонам, подвозившим руду – 80 коп., подсеваль-
никам (подручным) – 30–40 коп. Девушки
и подростки на подсобных работах зарабаты-
вали 25 руб. за сезон от весны до Покрова (около
3 руб. в месяц).

Случались и массовые трагедии. В 1912 г.
вход в шахту в Завадской балке, вырытый близ
реки, после внезапного ливня был затоплен
водами р. Соленой, вышедшей из берегов. Из
смены в 27 человек, находившихся под землей,
спаслись только двое.

В отличие от Чнатурского марганцевого
месторождения в Грузии, разрабатывавшегося
с 1879 г. и работавшего почти исключительно
на экспорт, Никопольское месторождение в ос-
новном обслуживало металлургические заводы
Юга России. Добыча никопольского марганца
обходилась достаточно дорого. Цена пуда при
продаже на месте составляла 20–30 коп., что
значительно превышало аналогичную цену
Чнатурской руды – 4–5 коп. Однако дешевизна
последней при продаже на месте была обман-
чивой – доставка от места добычи до железно-
дорожной станции обходилась в 22–25 коп.,
перевозка по железной дороге – 1/30 коп. с пу-
да и версты. После строительства Чнатурской
железной дороги и наведения порядка с желе-
знодорожными тарифами, цена руды в Батум-
ском порту составляла около 14 коп. за пуд,
в Потийском – 23 коп., Мариуполе – 28,5 коп.,
в Донецком бассейне – 31,5 коп. Дороговизна
никопольской руды была обусловлена необхо-
димостью использования при добыче большого
количества дорогого на юге кременного леса,
а также сравнительно низким содержанием
марганца. Никопольская руда даже после
обогащения содержала 30–50% марганца, в то
время как в Чнатурской сырой руде его содер-
жание редко падало ниже 50%. Еще более
удорожало никопольскую руду и отсутствие
удобных и постоянных путей сообщения.

Из рудников западного участка руда до-
ставлялась в Никополь на Днепр или на приток
Днепра – р. Пидпильную – за 25–30 верст по
грунтовой дороге с крутым подъемом из доли-
ны р. Соленой и несколькими балками по пути.

В течение 3–4 месяцев зимы-весны навигация отсутствовала. В иные годы сильное обмеление Днепра, в особенности его притоков, значительно нарушало регулярность отправки грузов в течение лета и осени. В 1890-х гг. начали использовать для вывоза р. Базавлук в период весеннего половодья, когда она становилась доступной для грузовых барж. Для этого с Покровского рудника руда перевозилась за 10–12 верст к р. Базавлук возле с. Александровка, где и происходила погрузка. Грунтовые дороги подвезли осенью и на протяжении большей части зимы были малопригодны для перевозки грузов.

Рудники восточной части месторождения находились в несколько более благоприятном для вывоза положении, поскольку находились вблизи от судоходных притоков Днепра. Хотя и для них сохранялось все неудобство использования Днепра и его притоков в связи с сезонностью и обмелением.

Тем не менее, из-за дороговизны железнодорожных перевозок из Закавказья (до начала 1890-х гг. царил абсолютный произвол в железнодорожных тарифах) и их ненадежности (железные дороги из-за постоянной нехватки вагонов хронически не справлялись с перевозками) металлургические заводы юга России практически сразу перешли на никопольский марганец. Только в 1904 г. была открыта вторая Екатерининская железная дорога, напрямую связавшая Никопольское месторождение с южнорусскими заводами, после чего цены на руду значительно снизились. В результате этого рудники восточной части месторождения получили максимальный выигрыш, поскольку линия железной дороги и сама станция Марганец оказались непосредственно на территории большинства рудников, а рудники западного участка – в 12 и более верстах от ст. Чертомлык.

Наиболее интенсивно месторождение эксплуатировалось в 1915 г., когда было получено 276 073 т обогащенной руды. За 34 года эксплуатации в дореволюционное время было получено 3 657 767 т обогащенной марганцевой руды, из которой 793 466 т было экспортировано за границу. Главными потребителями за границей были Англия, Франция, Германия, Австро-Венгрия, Италия, Бельгия. С началом мировой войны, во второй половине 1914 г., экспорт прекратился.

В последние годы мировой и в период гражданской войны начинается вначале посте-

пенное, а затем стремительное падение добычи, завершившееся в 1919 г. полной остановкой всех рудников месторождения. В 1920 г. в бассейне не работала ни одна шахта.

2.2. ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Все рудники Никопольского бассейна, разоренные в военные годы, стояли вплоть до второй половины 1922 г. Новая власть на протяжении всех этих лет пыталась наладить работу отрасли. 2 апреля 1919 г. СНХ Украины принял постановление «О национализации рудной марганцевой промышленности», согласно которому все предприятия по добыче марганцевой руды со всем движимым и недвижимым имуществом и оборудованием объявлялись собственностью государства. Однако в условиях гражданской войны оно практических последствий не имело.

В конце 1920 г. была создана Комиссия по организации управления национализированными Криворожскими и Никопольскими рудниками, составившая производственную программу на 1921 г., рассчитанную на пуск 12 железных и марганцевых рудников. Было определено техническое состояние 7 марганцевых предприятий. Основные средства производства оценены в 1 192 800 руб., убытки от затопления шахт и обрушения горных выработок в 925 тыс. золотых руб. Запасы добытой ранее руды составили 80 тыс. т сырой и 59 200 т обогащенной. Никопольская марганцевая промышленность была передана в ведение Центрального правления Южно-рудной промышленности в Днепропетровске. На месте было организовано Управление Городищенскими марганцевыми рудниками. В 1924 г. организовано новое Управление Никополь-марганцевыми рудниками.

Происходило не столько восстановление, сколько воссоздание рудодобывающей промышленности заново. Первая производственная программа была выполнена на 39,9%. Отсутствовало топливо, лесоматериалы, существовала постоянная нехватка рабочей силы, ситуацию усугублял тяжелый продовольственный кризис. В результате сильнейшего неурожая 1921 г. в Никопольском регионе голодало до 80% населения. В 1921 г. на рудниках работали 235 чел., в 1924 – 1771 чел.

Из-за отсутствия рабочей силы восстановительные работы начались в восточной части бассейна только в 1921 г. Со второй половины

1922 г. частично восстановленный Городищенский (Трубчаниновский) рудник, переименованный в им. Коминтерна, начал добычу и обогащение марганца. Было начато строительство новых шахт, обогатительной фабрики, нового рудника «Новый пиролюзит», введенного в строй в 1923 г. вместе с двумя простейшими рудопромывочными фабриками. В 1924 г. ему было присвоено имя К.Г. Максимова – председателя ВСНХ УССР. Управляющим Никополь-марганцевыми рудниками в то время был Я.В. Тимошенко. В 1923 г. ВСНХ УССР утвердил пятилетний план развития производства марганцевой руды. В 1925 г. добыча сырой руды в Никопольском бассейне планировалась в объеме 30 млн. пудов сырой руды или 15 млн. обогащенной. Но вследствие повышенного спроса на этот вид сырья за границей план был увеличен до 41 млн. пудов сырой руды для увеличения экспорта.

В западной части месторождения работы налаживались медленнее. В 1921 г. на Покровском руднике велось обогащение руды, добытой в довоенные годы. В 1923 г. началось осушение и восстановление шахт. В 1924 г. эта часть месторождения переименовывается в Александровский участок Максимовского рудника. В 1925 г. была возобновлена добыча марганца, однако из-за отсутствия средств и разрушенности шахт ее объемы были невелики. К 1927 г. здесь уже работали 7 шахт. Покровский рудник какое-то время назывался Раковским, позднее – рудником им. тов. Л.М. Кагановича. За период 1928–1932 гг. добыча на участке составила 134 тыс. т.

Осуществлялась посильная механизация. В 1926 г. на руднике им. Коминтерна вводится в эксплуатацию районная турбинная электростанция им. Чубаря мощностью 2700 кВт, создаются центральные электромеханические мастерские, благодаря чему уже в 1927 г. была запущена линия механической подачи сырой руды с шахт к мойке бесконечным канатом. В 1926 г. в бассейне работали 5 обогатительных фабрик, которые в 1926–27 гг. дали 470 тыс. т концентрата.

Обогащения в то время оставались наиболее слабым местом. Малопроизводительные и предельно изношенные «гумбольдтовские фабрики», доставшиеся в наследство от «Пиролюзита», давали преимущественно продукцию низкого качества, что привело к затовариванию фабрик концентратом III сорта, практически не пользовавшегося спросом со стороны

предприятий черной металлургии, и, в результате, к омертвлению значительных капитальных вложений. В 1928–1929 гг. на рудопромывочных фабриках были установлены первые отечественные обогатительные аппараты конструкции Я.В. Тимошенко, разработанные в бассейне собственными силами. Мокрая осадка заменялась промывкой с последующим грохочением, что улучшило качественные и количественные показатели обогащения и позволило отказаться от выработки концентрата III сорта. Уже в 1927 г. было добыто 472,2 тыс. т руды, что почти вдвое превысило уровень максимальной годовой добычи дореволюционного периода.

В эти же годы были построены два жилищных поселка на рудниках им. Коминтерна и им. Максимова. За этим, на первый взгляд обыденным, фактом как будто нет ничего особо примечательного. Но в 1925 г. шахтеры ютились, что называется, под открытым небом, под любой крышей – в конюшнях, землянках и т. п.

В 1927 г. американский предприниматель А. Гарриман пытался взять в концессию Никопольское месторождение, но ему отказали. В 1925 г. он получил в концессию на 20 лет Чистурское месторождение в Грузии с условием расширения добычи марганца, постройки мощной обогатительной фабрики, строительства ширококолейной железной дороги для вывоза руды, внедрения новой техники. Однако вместо этого добыча в Чистуре была прекращена для поддержания высоких цен на мировом рынке на собственный марганец, добывавшийся в Бразилии. Поэтому в 1928 г. советское правительство расторгло контракт.

С 18 мая по 28 июня 1928 г. в Москве проходил т. н. Шахтинский процесс, по которому было осуждено 49 «вредителей». По официальной версии, в Шахтинском р-не на Донбассе еще в 1922–1923 гг. была создана контрреволюционная организация, связанная с бывшими владельцами шахт и иностранными капиталистами и работавшая под руководством т. н. «парижского центра». Эти люди были обвинены во всех неудачах в восстановлении и эксплуатации шахт Донбасса. Одновременно менее громкие процессы прошли во многих горнодобывающих центрах страны. «Вредительская группа, ставившая преграды техническому развитию района», была обнаружена и в Никопольском бассейне. После «пятьятия» этой группы на руководящую работу выдвинули «проверенные кадры старых практиков

и ряд молодых инженеров». Однако, видимо, корни проблем в развитии бассейна были не в этом, поскольку в 1930–1933 гг. добыча и выход готовой продукции значительно упали.

На 1930 г. была решена проблема энергообеспечения бассейна и повышения качества обогащения руды. Но подземные работы по-прежнему велись на примитивном уровне. Несмотря на определенный первоначальный рост добычи, к 1930 г. возможности ее экстенсивного наращивания при отсутствии необходимого количества рабочей силы исчерпались. В 1930–1932 гг. в силу ряда обстоятельств, провала нескольких неудачных проектов (ориентации на шахты-гиганты производительностью до 400 тыс. т в год), неудачных реорганизаций в 1932 г. Марганцевское рудоуправление разделили на два – им. Коминтерна и им. Максимова, которые не были обеспечены рабочей силой и инженерно-техническими кадрами (в 1930 г. в бассейне работало 4627 чел.), к 1933 г. произошел значительный спад в добыче и обогащении до трети объема. Марганцевый бассейн начал тормозить работу предприятий черной металлургии, развитие которой на тот период являлось жизненно важной задачей для страны. В 1931 г. ряд мелких низкопроизводительных шахт на участках рудоуправлений им. Коминтерна и им. Ворошилова был закрыт.

С 1933 г. началась активная борьба за перелом тенденции. Началось широкое внедрение нового метода разработки шахтных полей лавами. К 1934 г. уже 45% добычи производилось лавами. В 1934 г. был создан трест «Никопольмарганец», непосредственно подчиненный Главному металлургическому управлению Наркомтяжпрома СССР. В него входили рудоуправления им. Ворошилова, им. Максимова, им. Орджоникидзе. Новый трест возглавил Г.В. Кржеминский. На 1934 г. в бассейне насчитывалось 21 оборудованная в соответствии с геологическими условиями шахта и 4 обогатительных фабрики, на которых использовалось 737 электромоторов общей мощностью 13 743 кВт, 23,3 км ширококолейных путей, связанных со ст. Марганец и Чертомлык, собственный паротяговый и вагонный парк, 16 км узкоколейки, связывающей Покровский участок со ст. Чертомлык, обеспеченный соответствующим количеством мотовозов и 3-тонных думкаров, 60 грузовых автомашин, 6 тракторов, 5 экскаваторов, 220 лошадей. Все шахты, вплоть до забоя, были электрифицированы.

В 1934 г. вступил в строй рудник им. Ворошилова на Марьевском участке. Уже в 1934 г. удалось добиться значительного прироста добычи, что сразу сказалось и на заработках горняков. В 1930 г. средняя зарплата по бассейну составляла 77 руб., в 1934 г. достигла 133 руб. С переходом на электроэнергию Днепрогэса предполагалось значительное повышение уровня электрификации работ. На 1935 г. ставилась задача окончательного испытания и введения в эксплуатацию врубо-погрузочного комбайна конструкции НИС Днепропетровского горного института для производства нарезных и подготовительных работ, что должно было решительно изменить условия добычи, ликвидировать постоянный дефицит рабочей силы и обеспечить выполнение производственной программы 1935 г. в 1 млн 100 тыс. т обогащенной руды.

И хотя внедрение врубо-погрузочного комбайна происходило медленнее, чем предполагалось, – из-за многочисленных доработок сроки его поступления на производственные испытания в бассейн передвинулись на начало 1937 г., в усовершенствовании работ в шахте, их первичной механизации в 1933–1936 гг. было сделано очень много.

В 1934 г. был построен Днепрогэс и полностью решена проблема надежного энергоснабжения бассейна. Первые испытания отбойного молотка в Никополь-марганцевом бассейне были проведены еще в начале 1931 г. на шахте № 4 рудника им. Коминтерна. Внедрение его шло тяжело, и только в 1934 г. на руднике им. Орджоникидзе на шахте № 1 впервые в бассейне была налажена отбойка марганцевой руды отбойным молотком. К 1936 г. такие молотки применялись на ряде шахт, приступили к плановому переводу на отбойку молотками всех действующих и вновь закладываемых шахт, заканчивался монтаж первой в бассейне центральной компрессорной станции. Одновременно велись испытания электромолотков конструкции Томского индустриального института. За эти годы на шахтах возникла специализация труда, что также значительно повысило его производительность. Норма забойщика к 1935 г. составляла 23,54 т в смену, после введения в практику пневматических молотков – около 50 т в смену.

Настойчиво решались проблемы механизации погрузки в забой. Для этого использовались импортные пневматические самозагружающиеся лопаты, а также ленточные погрузчики

собственной конструкции. Испытывались и внедрялись погрузочные машины Криворожского завода «Коммунист».

При новой системе добычи лавами особую роль приобретал подземный транспорт. Началось применение длинных забойных ленточных транспортеров собственной конструкции, деревянные вагонетки заменялись металлическими повышенной грузоподъемности в 700–750 кг вместо прежних 377 кг. В главных откаточных штреках доставка руды была механизирована путем применения механической откатки бесконечным канатом. Была ликвидирована конная откатка. Ручная откатка оставалась только во второстепенных штреках краткосрочного существования.

Марганцевые шахты Никопольщины всегда отличались избытком почвенной воды и грязи. Началась большая работа по осушению шахт и очистке подземных выработок от грязи. Для этого на шахтах бассейна использовалось около 150 мощных насосных агрегатов у стволов шахт, а также переносные насосы «улитки» на низких заболоченных участках и ручные насосы «альзейеры» на участках временных работ.

За это время значительно видоизменился и характер работ на поверхности. В основном была ликвидирована ручная погрузка руды. Теперь для этого применялись паровые или электрические экскаваторы, скреперные лебедки завода «Коммунист» и ленточные транспортеры «Ленинец» Никопольского завода им. Ленина.

Отходила в прошлое и транспортировка руды от шахт к мойкам при помощи механической откатки бесконечным канатом, простаивавшая в непогоду. В доставке руды окончательно перешли к откатке контактными электровозами на руднике им. Орджоникидзе, мотовозами завода «Январское восстание» — на руднике им. Ворошилова, на Новоселовском и Николаевском участках рудника им. Коминтерна.

Поскольку в эти годы в добычу вводились участки с рудой пониженного качества, требующей усиленного обогащения (Тимашевский, Николаевский, Новоселовский, им. Кагановича и им. Орджоникидзе), то начиная с 1937 г. усложнилась технология обогащения, для чего использовались отсадочные машины Гардеского типа, гидравлические классификаторы Фаренвальда и Ричардс-Джаннея, концентрационные столы для обработки мелких классов ниже 3 мм, электромагнитные сепараторы

конструкции Механобра, грохоты Феррариса, реечные классификаторы Дорра. Решались также проблемы дальнейшей механизации работ по обогащению — завалки сырой руды на фабрики, внутрифабричного транспорта продуктов обогащения, механизация погрузки мытой руды и мн. др.

В связи с недостатком воды для промывки руды на фабрике им. Орджоникидзе в течение 1937 г. решалась задача использования оборотной воды для технических целей на этом руднике.

С 1936 г. попутно производилась отгрузка бедных марганцевых шламов сельскому хозяйству для использования в качестве удобрений.

Немалую роль в интенсификации добычи сыграло стахановское движение, развернувшееся с 1935 г. и принявшее массовые формы. Кроме чисто мускульных усилий, здесь главной была четкая организация работы при высокопрофессиональной специализации.

В годы второй пятилетки началось интенсивное развитие и западного крыла месторождения. В 1933 г. Александровский участок был выделен в самостоятельное рудоуправление, переименованное в 1934 г. в рудник им. Орджоникидзе (после посещения С. Орджоникидзе Криворожского бассейна). К нему присоединили и бывший Покровский рудник. В начале 1935 г. рудник им. Орджоникидзе был досрочно запущен в эксплуатацию, за что его начальник Ф.С. Демьяненко был премирован легковым автомобилем. В 1935 г. здесь вводятся в строй шахты №№ 1–4, обогатительная фабрика, завершается строительство поселка и железнодорожной ветки от ст. Чертомлык до обогатительной фабрики. К началу Великой Отечественной войны на руднике им. Орджоникидзе добывалось около 30% сырой руды всего бассейна.

С 1922 до 1941 г. было добыто в 3 раза больше руды в сравнении с дореволюционным периодом. К 1941 г. Никопольский бассейн давал 33% добычи марганца в СССР. На начало 1941 г. в Никопольском бассейне действовали 24 шахты и 4 обогатительные фабрики. В предвоенные годы по производству марганцевой руды СССР вышел на первое место в мире. Большая часть марганца потреблялась отечественной металлургией. Осуществлялись также поставки на внешний рынок: в Германию, Францию, Польшу, Чехословакию, Бельгию и Италию.

Бурное развитие Никопольского бассейна преобразило жизнь района. Возросло количество

населения, вовлеченного в марганцеводобывающее производство, разрастались села и горняцкие поселки. В восточной части бассейна в 1938 г. в шахтерских поселках Городище, Закаменка, Новоселовка, Николаевка и др. проживало 20,8 тыс. чел. Указом Президиума ВС УССР от 22.10.1938 г. они были объединены в новый шахтерский город Марганец.

Значительные изменения происходили и в западной части. В начале 20-х гг. поселки Верхние и Нижние Колонки объединились в поселок Покровские Колонки, переименованный в 1926 г. в с. Горняцкое. В годы второй пятилетки значительно выросли и улучшились поселки им. Орджоникидзе и Красный Горняк. Было начато строительство соц. городка им. Калинина, где в 1940–1941 гг. было сооружено три многоэтажных помещения, сад, заложен фундамент клуба им. Калинина, сдано в эксплуатацию 10,8 тыс. м² жилплощади. Перед войной в горняцких поселках рудника работали 2 школы, где преподавали 28 учителей, библиотека, два клуба. Медицинское обслуживание обеспечивала новая больница и медпункты в поселках. Накануне войны восточнее пос. Орджоникидзе началось строительство поселка им. Калинина.

2.3. ВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Все прервалось 22 июня 1941 г. Нападение гитлеровской Германии открыло новую трагическую страницу в жизни страны. Шахты Никопольского бассейна до последней возможности непрерывно вели добычу и обогащение марганца, крайне необходимого для военной промышленности. Только после возникновения непосредственной угрозы оккупации в начале августа 1941 г. по приказу ГКО было демонтировано шахтное и обогатительное оборудование бассейна. Исполком Марганецкого горсовета организовал эвакуацию населения и важнейшего оборудования горных предприятий. На восток ушло 142 состава. Более 500 шахтеров, инженерно-технических работников и служащих с семьями в эшелонах уехали на Северный Урал, куда были также эвакуированы люди и оборудование рудника им. Орджоникидзе.

На Северном Урале создавалась новая база по добыче марганцевых руд. В Свердловской обл., в 25 км от станции Ивдель, в тайге началось строительство Полуночного марганцевого рудника. В конце 1941 г. на новом месте

в тяжелейших условиях горняки Никопольского бассейна начали добычу марганца. Строительство возглавил начальник горных работ Ф.С. Демьяненко. В кратчайшие сроки были введены в действие три шахты проектной производительностью от 75 тыс. до 125 тыс. т в год, карьер, обогатительная фабрика, электростанция. Руду начали выдавать раньше, чем была достигнута железная дорога к месторождению. Все работы производились вручную. Уже в середине 1942 г. оборонная промышленность получила необходимое количество марганца.

18 августа 1941 г. немцы захватили территорию Никопольского бассейна. С первых дней оккупанты попытались наладить добычу марганца, столь необходимого немецкой военной промышленности. Для эксплуатации марганцевых рудников была создана компания «Ерцбергбау», которая начала строительство обогатительных фабрик, но завершить его не довелось – руда вывозилась в основном сырой, необогащенной. За время оккупации в Германию было вывезено 1 млн т марганца. Для обеспечения работы бассейна применялись все меры: принудительный труд военнопленных и мирного населения, террор и расстрелы. Согласно постановлению рейхскомиссара Украины Эриха Коха от 12 января 1942 г., горнякам за уклонение от работы грозила каторжная тюрьма. Тем не менее, работы на рудниках и обогатительных фабриках саботировались, портилось оборудование, устраивались аварии на шахтах.

Никопольский марганец имел колоссальное значение для военной промышленности Германии, и немцы до последней возможности удерживали Никопольский бассейн. Но 30 января 1944 г. советские войска перешли в наступление, и 4 февраля был освобожден рудник им. Орджоникидзе, пос. Орджоникидзе, Горняцкое, им. Калинина, в ночь с 5 на 6 февраля освобожден г. Марганец.

При отступлении немцы вывезли в Германию все ценное оборудование, взорвали и сожгли в г. Марганце все промышленные объекты: рудопромывочные фабрики рудников им. Ворошилова и Максимова, 19 шахт, 4 электростанции, 48 км железнодорожных путей, три железнодорожных моста, станцию, две водонапорные башни, презратили в руины 23 тыс. м² жилья, административные здания, больницу, поликлинику, детские сады, клубы, школы и др. По рудоуправлению им. Орджоникидзе было полностью и частично уничтожено 11 235 м²

промышленных помещений, 12 092 м² жилищно-шади, строений культурно-бытового назначения. Были затоплены шахты №№ 2, 3 и 6, демонтирована и вывезена с шахты № 12 подъемная лебедка, сжжена распределительная электроподстанция, повреждены подъездные пути от ст. Чертомлык к руднику, взорваны 11 стрелочных переводов и др. По предварительным подсчетам, общая сумма убытков в бассейне исчисляется в 143 194 100 руб.

2.4. ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Сразу после освобождения 21 февраля 1944 г. трест «Никопольмарганец» возобновил свою деятельность. На освобожденной территории существовал жесточайший дефицит рабочих рук. Многие находились в армии, около 10 тыс. чел. в период оккупации было угнано на работы в Германию, многие погибли от рук оккупантов. В районной газете было опубликовано «Обращение шахтеров рудника им. Орджоникидзе ко всем колхозникам и колхозницам Чкаловского района» (совр. Никопольский р-н) с призывом о помощи в восстановительных работах на шахтах. Рудник им. Орджоникидзе возглавил Ф.С. Демьяненко, возвратившийся с Урала. На этом посту он трудился до 1955 г.

Во втором полугодии 1944 г. в бассейне была возобновлена эксплуатация 9 шахт, заново отстроены две обогатительные фабрики, восстановлено 6700 м² жилья, 13 общежитий, 6 общеобразовательных и 3 школы ФЗО, 3 клуба, 7 столовых, 2 пекарни, 3 бани, 6 детских, 3 больницы. В конце 1945 г. были введены в строй еще 6 шахт и 2 обогатительные фабрики. В 1946 г. восстановление разрушенных шахт было завершено и построены две новых шахты на руднике им. Ворошилова. Рудник им. Орджоникидзе восстанавливался на протяжении 1944–1945 гг. и уже в 1946 г. давал около 70% довоенной добычи и 48,1% обогащения.

В 1944–1945 гг. оборонная промышленность страны получила 225 тыс. т марганцевого концентрата. План 1946 г. был выполнен на 116% по добыче и на 115% по выпуску концентрата. В 1946–1950 гг. было восстановлено и построено новых 24 шахты, новые обогатительные фабрики. Уже к 1950 г. добыча руды на месторождении превысила уровень 1940 г. и в последующие годы непрерывно наращивалась. На руднике им. Орджоникидзе в 1950 г. было добыто 154,9% довоенной добычи и про-

изведено 112,5% обогащения, в 1955 г. – 215,7% добычи и 208,5% обогащения.

Повышение темпов добычи было обеспечено внедрением новой системы отработки с широким фронтом обрушения, внедрением новой техники, механизацией трудоемких процессов.

В 1950–1951 гг. подземную ручную и канатную откатку в шахтах заменили электровозной. На рудниках им. Максимова и им. Орджоникидзе для доставки руды внедрили также забойные и штрековые конвейеры.

В связи с окончанием отработки месторождений с относительно неглубоким залеганием пласта и переходом на глубины 80–100 м, стала неотложной задача разработки и внедрения новых типов крепи. В 1951–1956 гг. на шахтах рудоуправления им. 40-летия Октября испытывалось свыше десяти видов металлической крепи различного профиля, в результате чего пришли к широкому использованию кольцевой податливой металлической крепи из специальных профилей.

В 1952–1955 гг. были испытаны первые горнопроходческие комбайны ДГИ-М, ДГИ-У, ДГИ-2м конструкции Днепропетровского горного института, комбайны С-153М, «Марганец-2» конструкции треста Никопольмарганец, комбайны НИГРИ-Е-60, НИГРИ-Е-100. Для механизации процессов отбойки и погрузки при подземных горных работах были созданы и применены комбайны типа МБЛ. Эти машины, хорошо зарекомендовавшие себя, широко применялись в шахтах бассейна в количестве около 100 шт. Один из первых таких комбайнов был внедрен на шахте № 15 рудоуправления им. Орджоникидзе.

Начали применяться погрузочные машины различных типов, как использовавшиеся в других бассейнах, так и специально спроектированные для условий марганцевого бассейна. Испытывались и внедрялись погрузочные машины ПМЛ-4, ПМЛ-5, С-153, позднее – ПМ-2 и МПЗ с нагребными лапами.

Для доставки руды из забоев и ее транспортировки по выемочным штрекам были внедрены забойные скребковые и штрековые ленточные конвейеры. Испытывались также цитовые механизированные комплексы ЦЦМ-М, ЦЦМ-57, «Мосбасс», «НИГРИ» и др.

Благодаря внедрению новой техники с 1955 г. в бассейне начали строить шахты производительностью 250–500 тыс. т сырой руды в год с увеличением срока эксплуатации до 25 лет и более.

На шахтах бассейна была внедрена выемка длинными заходками с односторонней и двусторонней отработкой с применением комбайнов типа МВЛ. Внедрялась новая высокоэффективная разработка – беспанельная отработка шахтных полей с сокращенными сроками подготовки к выемке, повышенной производительностью забойных бригад до 18 т/смену на одного лавойного и высокой интенсивностью погашения.

Интенсивно развивавшиеся рабочие поселки, находившиеся на территории рудоуправления им. Орджоникидзе, пгт им. Орджоникидзе с поселками им. Калинина, № 1 и с. Александровка Указом Президиума ВС УССР от 30.10.1956 г. объединены в единый населенный пункт – город Орджоникидзе районного подчинения. Указом Президиума ВС УССР от 04.01.1965 г. он отнесен к городам областного подчинения. В 1964 г. на базе рудоуправления им. Орджоникидзе был создан трест «Орджоникидземарганец», в июне 1970 г. реорганизованный в производственный Орджоникидзеский горно-обогатительный комбинат (ОГОК). В его состав были включены карьеры, шахты, обогатительные и агломерационная фабрики, транспортные цехи на хозяйственных правах. В том же году в восточной части месторождения был создан Марганецкий горно-обогатительный комбинат (Марганецкий ГОК).

Всего за послевоенные годы к 1970 г. в Никопольском бассейне были восстановлены, построены и сданы в эксплуатацию 31 шахта, 17 карьеров, 8 обогатительных фабрик, 2 рудоремонтных завода, свыше 300 тыс. м² жилья.

С начала 60-х гг. на западном крыле Никопольского месторождения прекращается закладка новых шахт. Последняя новая шахта на ОГОКе – № 22 – начала работу в 1965 г. После этого, по мере выработки, шахты постепенно закрывались. Последняя из них – шахта № 20 – была закрыта в 1974 г.

2.5. ЭПОХА ОТКРЫТОЙ ДОБЫЧИ МАРГАНЦА В НИКОПОЛЬСКОМ БАСЕЙНЕ

До 1952 г. в Никопольском бассейне марганец добывался только шахтным способом. В 1952 г. в рудоуправлении им. Орджоникидзе, впервые в Никополь-марганцевом бассейне, началось строительство Богдановского карьера. Зачинателем открытого способа добычи в бассейне был управляющий рудоуправлением им. Орджоникидзе Феодосий Сергеевич Демья-

ненко. Вероятно, в этом деле ему отчасти помогал опыт создания карьера в военные годы на Полуночном руднике на Урале. Уже в 1953 г. из 840 616 т сырой руды, добытой по рудопроизводству, 81 622 т было добыто открытым способом на Богдановском карьере – почти десятая часть общей добычи.

Этот карьер был своеобразной школой для всего бассейна, где разрабатывались методы и нарабатывалась практика открытой добычи марганцевой руды, всех видов землеройной техники – бульдозеров, экскаваторов (прямых лопат и драглайнов) и др. в условиях карьера, выверялись технологические схемы разработок применительно к конкретным горно-геологическим условиям месторождения, готовились высококвалифицированные кадры соответствующего профиля. В Богдановском карьере на передовых уступах, сложенных из мягких осадочных пород, использовался железнодорожный транспорт, что значительно усложняло работу, и в дальнейшем от этой практики отказались. Мощность перекрывающих отложений здесь составляла от 18,8 м до 82,5 м. Карьер достиг проектной производительности в начале 1960-х гг., когда пришло новейшее горно-вскрышное оборудование отечественного производства – мощные шагающие экскаваторы и др. На Богдановском карьере в 1964 г. впервые в СССР была применена специальная схема работы драглайнов, позволившая резко увеличить добычу руды без дополнительных затрат на капитальные горные работы. Благодаря этому в 1965 г. здесь была достигнута рекордная производительность – 1 734 тыс. т руды при проектной мощности карьера 1 100 тыс. т. В начале 70-х гг. карьер был оснащен 8 шагающими экскаваторами от ЭШ-6/60 до ЭШ-25/100, 27 механическими лопатами ЭКГ-4,6 и ЭКГ-8. В 1998 г. эксплуатация карьера после 46-летней работы была временно прекращена. За это время здесь добыто 43 301 тыс. т руды, объем вскрышных работ составил 730 978 тыс. м³ грунта. После проведения рекультивационных работ основное поле карьера площадью 960 га Указом Президента Украины объявлено заповедником.

В 1956 г. на должность управляющего рудника им. Орджоникидзе был назначен горный инженер, управляющий рудника им. Максимова треста «Никопольмарганец», Григорий Лукич Серeda. Г.Л. Серeda был энтузиастом открытой добычи марганца. За выдающиеся успехи по добыче марганцевой руды в июне

1958 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

По мере развития открытый способ добычи постепенно входил в практику Никопольского бассейна. В 1954 г. было начато строительство Мало-Шевченковского карьера, сыгравшего роль своеобразной строительной площадки для разворачивания будущего большого Шевченковского карьера. В 1955 г. здесь была добыта первая руда в количестве 108 тыс. т. После отработки намеченного участка в 1961 г. работы были прекращены. За 7 лет работы Мало-Шевченковского карьера было добыто 1 млн 597 тыс. т руды и произведены вскрышные работы в объеме 23 млн 277 тыс. м³ грунта.

В первые годы открытых работ до 1958 г. на карьерах основные работы велись шагающими драглайнами ЭШ-4/40 и ЭШ-6/60. В конце 50-х – начале 60-х гг. отечественное машиностроение начало производить мощнейшее горно-вскрышное оборудование – механические лопаты ЭКГ-4, шагающие экскаваторы ЭШ-10/60, ЭШ-10/70, ЭШ-14/75, ЭШ-15/90, ЭШ-25/100, с 1963 г. – роторные комплексы непрерывного действия ЭРГ-1600, ЭРГ-400/1000, отвалообразователи ОРШ-4500/180, ОРШ-4500/90, ОШ-4500/90, транспортно-отвальный мост М-3750/115-145, конвейеры с шириной ленты до 2 м. Годовая производительность шагающего экскаватора ЭШ-25/100 составляет 5 млн 385 тыс. м³, роторных комплексов – 3-4 тыс. м³/час, отвалообразователей, транспортно-отвальных мостов, забойных передаточных и отвальных конвейеров – от 1500 до 7500 м³/час (в разрыхленной массе).

Появление такой техники вызвало бурное развитие открытых горных работ в бассейне. Именно в это время в районе г. Орджоникидзе строится и вводится в действие большинство и поныне работающих карьеров и происходит полный переход от подземной добычи руды к открытой.

Горно-строительные работы на Шевченковском карьере начались в 1959 г. Здесь мощность перекрывающих отложений достигает 75 м, в среднем составляя 57 м. В 1963 г. карьер был запущен в эксплуатацию. В 1959 г. на Новокраматорском машиностроительном заводе были запроектированы, а в 1961-1963 гг. изготовлены и смонтированы на Шевченковском карьере первые опытные образцы отечественных роторных комплексов ЭРГ-1600 №№ 1 и 2. Они монтировались непосредственно в карьере 23 месяца. Пуско-наладочные работы продол-

жались до конца 1964 г. Роторные комплексы были введены в действие в 1963 и 1964 гг. К началу 70-х гг. на карьере работали транспортно-отвальный и конвейерный роторные комплексы № 1 и 2, шагающие экскаваторы ЭШ-10/60 и ЭШ-15/90, экскаваторы ЭКГ-4,6. Шевченковский карьер был испытательным полигоном для советских роторных комплексов, где в процессе монтажа и работы устранялись конструктивные недостатки и вносились сотни разнообразных усовершенствований.

Александровский карьер, введенный в эксплуатацию в 1957 г., тогда же дал первую руду в количестве 30 тыс. т. В последующие годы добыча составляла 600-700 тыс. т. В 1969 г. карьер был законсервирован. В 1976 г. эксплуатация возобновилась добычей 143 тыс. т руды. Максимальная добыча, достигнутая в 1989 г., составила 1 млн 131 тыс. т.

Восточный карьер разрабатывал участок карьерного поля будущего Северного карьера с 1961 по 1967 г. Здесь мощность перекрывающих отложений составляла от 35 до 78 м. Северный карьер послужил испытательным полигоном для роторных комплексов производства ГДР. В процессе монтажных и пусконаладочных работ был внесен целый ряд конструктивных изменений и усовершенствований для работы этих комплексов в условиях переувлажненных грунтов карьеров. Роторные комплексы введены в действие в 1971 и 1972 гг. В 1997 г. Северный карьер вышел на участок руды с пониженным содержанием марганца, и его эксплуатация была временно приостановлена, в 2000 г. карьер был запущен вновь. За время эксплуатации карьер дал 31 млн 620 тыс. т руды, объем вскрышных работ составил 574 млн 573 тыс. м³ грунта. В технологии карьера используются два роторных комплекса – транспортно-отвальный и конвейерный, шагающие экскаваторы ЭШ-15/90, ЭШ-20/90 и ЭШ-8/60.

Мало-Чкаловский карьер разрабатывал участок карьерного поля будущего Чкаловского карьера № 2 с 1964 по 1967 г. За время эксплуатации Восточного и Мало-Чкаловского карьеров было добыто 6 млн 681 тыс. т руды.

Алексеевский карьер был введен в эксплуатацию в 1964 г. Здесь средняя мощность перекрывающих отложений составляла 33 м. Проектная мощность карьера 1 млн 200 тыс. т руды, максимальная добыча, достигнутая в 1974 г., составила 2 млн 071 тыс. т руды. Карьер разрабатывался шагающими экскаваторами с емкостью ковша 10, 14 и 15 м³. Отработка карьера была

завершена в 1985 г. За время работы карьера добыто 30 млн 588 тыс. т руды, вскрыто 348 млн 932 тыс. м³ перекрывающих отложений.

Строительство Запорожского карьера началось в 1967 г. Перекрывающие отложения здесь достигали 75 м, составляя в среднем 55,7 м. В 1968 г. карьер дал первую руду, а в 1969 г. вышел на проектную мощность 1 млн 204 тыс. т. За время работы карьера здесь добыто 44 млн 085 тыс. т руды, вскрыто 693 млн 726 тыс. м³ поверхностных отложений. В технологии карьера используются транспортно-отвальный и конвейерный роторный комплексы, шагающие экскаваторы ЭШ-20/72.

Чкаловский карьер № 1 введен в эксплуатацию в 1969 г., в котором выдал 221 тыс. т руды. Толща перекрывающих отложений здесь составляла от 13,5 до 80,2 м. К 1973 г. уровень добычи превысил 1 млн т. Максимальная добыча в 1 млн 715 тыс. т руды была достигнута в 1983 г. Технология работ аналогична технологии Северного карьера. Здесь используются конвейерный роторный комплекс, введенный в действие в 1972 г., шагающие экскаваторы ЭШ-15/90, ЭШ-10/70, ЭШ-10/60. Всего за время эксплуатации добыто 35 млн 281 тыс. т руды, вскрыто 682 млн 729 тыс. м³ перекрывающего грунта.

Чкаловский карьер № 2 первую руду в количестве 200 тыс. т дал в 1978 г. Максимальной производительности достиг в 1992 г. Всего на карьере добыто 18 млн 500 тыс. т руды, объем вскрышных работ составил 426 млн 136 тыс. м³ грунта.

Самый «молодой» на ОГОКе Покровский карьер был введен в эксплуатацию в 1987 г. За время работы добыто 1 млн 809 тыс. т руды, вскрышные работы составили 30 млн 368 тыс. м³ грунта.

В западной части Никопольского месторождения за период ведения открытых работ ОГОК вел добычу марганца на 12 карьерах, из которых четыре уже отработаны (Мало-Шевченковский, Восточный, Мало-Чкаловский и Алексеевский), один находится в стадии завершения выработки (Запорожский) и один временно законсервирован (Богдановский).

Западный район Никопольского месторождения в силу средней мощности перекрывающих пород является наиболее благоприятным для добычи руды открытым способом, который в настоящее время является основным и единственным для Орджоникидзевского ГОКа. Удельный вес открытых работ в общей добыче вырос с 3,2% в 1953 г. до 37,7% в 1959 г.

Особенно резко объем открытой добычи возрастал в 60-е гг. с появлением мощной техники и введением в эксплуатацию новых карьеров – до 58% в 1963 г., до 85% в 1966 г. и до 90% в 1970 г. В 1971 г. карьерная добыча составила 91% из добытых за год 7 млн 800 тыс. т руды, а в 1975 г. ОГОК полностью перешел к открытым разработкам. Добыча в том году составила 9 млн 500 тыс. т руды.

При открытом способе добычи руды продуктивность возрастает на 22,5%, а себестоимость снижается на 33,2%. Производительность труда одного трудящегося на карьерах комбината в 1972 г. была в 4 раза выше, чем на шахтах (соответственно 2720 и 583 т), а потери марганцевой руды в 2,3 раза ниже (4,7 и 11%). По расчетам на 1974 г. себестоимость карьерных работ по разработке 1 м³ грунта составляла от 16,3 коп. при работе роторных комплексов, до 50,3 коп. при применении автотранспорта. До 90% себестоимости руды составляет стоимость вскрышных работ. Себестоимость 1 т руды, добытой подземным способом, составила 6 руб. 75 коп., на открытых работах – 4 руб. 86 коп. с учетом затрат на рекультивацию в размере 5,5 коп. на тонну добытой руды.

С начала 60-х гг. наметилась определенная дифференциация в способах добычи руды в западной и восточной частях Никопольского бассейна. Западная часть месторождения (ОГОК) имеет благоприятные по мощности перекрывающих отложений условия для открытой добычи и после появления мощной землеройной техники в последние 35 лет обрабатывается только открытым способом.

В восточной части месторождения (Марганецкий ГОК), где свыше 60% запасов руды залегают на глубине 70–110 м, руда добывается преимущественно подземным способом. Открытый способ добычи здесь применяется в ограниченных масштабах на площадях с небольшой глубиной залегания руды. В 1957 г. здесь были введены в действие Марьевский и Новоселовский карьеры, в конце 50-х – начале 60-х гг. – Грушевский и Басаянский карьеры. На последних работают роторные комплексы, введенные в действие в 1963, 1965 и 1972 гг. В связи со значительной разницей в глубинах залегания здесь в пределах одного карьера добыча ведется и открытым способом, и шахтами. В Грушевском рудоуправлении в 1963–1965 гг. введено в строй семь шахт. Марьевский и Новоселовский карьеры после выработки запасов руды были закрыты. В настоящее время здесь

продолжают добычу открытым способом два карьера – Грушавский и Васанский (лево-бережный и правобережный участки), а 7 шахт ведут подземную добычу. Марганцевый ГОК в 1975 г. открытым способом получил 38% добычи, которая в сумме с шахтной добычей составила 5 млн т руды. Удельный вес открытого способа добычи возрос с 34,3% в 1985 г до 50,5% в 1991 г.

В 1970–1975 гг. Орджоникидзевский ГОК стал ведущим горнорудным предприятием по добыче и переработке марганцевой руды. Его долевое участие в производстве товарного марганцевого концентрата по СССР составило 48,6%, а по выпуску высших сортов – более 54%.

Не меньшее значение имеет комбинат и для независимой Украины. На сегодняшний день Орджоникидзевский ГОК превратился в крупнейшее предприятие в мире по добыче и переработке марганцевых руд. По технике и технологии добычи, по фондовооруженности и энерговооруженности, по объемам горного производства и обогащения комбинату нет аналогов среди отечественных и зарубежных предприятий, добывающих марганец. На восьми карьерах комбината, трех обогатительных и одной агломерационной фабриках, в цехах комбината работают 9 роторных комплексов, 45 шагающих экскаваторов, 317 единиц дорожной и спецтехники, более 20 электровозов, более 500 единиц автотехники и спецтехники, тысячи единиц обогатительного и энергетического оборудования и др. техники.

Орджоникидзевский ГОК является перспективным и единственным предприятием, способным в настоящем и будущем обеспечить металлургов марганцем. Сырьевая база комбината оценивается в 406 млн 500 тыс. т марганцевой руды. Стоимость основных фондов комбината составляет около 1 млрд. гривен. На ближайшие 40–50 лет комбинат обеспечен запасами марганца для полноценной работы на уже существующих карьерах и на 80 лет с учетом балансовых запасов.

В начале 1990-х гг. ОГОК переживал сложности переходного периода, перестраивал работу в соответствии с новыми экономическими и политическими условиями. В 1991–1995 гг. прошел подготовительный этап приватизации государственного Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината, и в конце 1995 г. возникло Открытое акционерное общество «Орджоникидзевский горно-обогатительный

комбинат». На сегодня ОАО «ОГОК» производит более 70% товарного марганца на Украине, успешно решая задачу обеспечения украинской металлургии и выполнения экспортных поставок.

Следует отметить, что ОАО «ОГОК» – единственное предприятие на Украине, твердо соблюдающее требования Закона Украины «Об охране культурного наследия» даже в наше непростое время. В процессе проведения гигантских по масштабам земляных работ здесь не разрушен ни один древний курган без предварительных раскопок археологами Орджоникидзевской экспедиции Института археологии НАН Украины.

2.6. РЕКУЛЬТИВАЦИЯ ЗЕМЕЛЬ, ОТРАБОТАННЫХ КАРЬЕРАМИ

Пожалуй, единственным, но очень серьезным недостатком открытого способа добычи марганца является вовлечение в производство значительных площадей сельскохозяйственных земель, их изъятие из сельскохозяйственного производства. Никопольский марганцеворудный бассейн расположен на плодороднейших степных черноземах Украины. Площадь земельного отвода комбината составляет около 10 тыс. га. Ежегодно под карьеры комбинат занимает до 250 га новых плодородных земель. Поэтому восстановление отработанных земель, возвращение их в хозяйственный оборот, является важнейшей задачей, не менее значимой, чем сама добыча.

В начале открытой добычи об этом не задумывались. В проектах карьеров отсутствовали разделы рекультивации отработанных площадей, отвалы укладывались без учета токсичности пустых пород. Но уже вскоре проблема полноценного восстановления земель, нарушенных горными работами, привлекла внимание специалистов, и в 1960 г. на ОГОКе был создан участок рекультивации. С 1962 г. начались исследовательские работы по классификации разрабатываемых пород с точки зрения их пригодности для сельскохозяйств. Поскольку ранее не существовало опыта земледелия на рекультивированных землях, то совместно с Днепропетровским сельскохозяйственным институтом была осуществлена программа исследований по нескольким направлениям:

1. Наблюдение за процессом естественного зарастания внешних и внутренних отвалов

Шевченковского, Богдановского, Александровского и Запорожского карьеров для выявления наиболее перспективных растений, с помощью которых удастся создать травостой для борьбы с эрозией на склонах отвалов, а также для последующего их возделывания.

2. Поиск наиболее перспективных сельскохозяйственных культур, дающих максимальный урожай на рекультивированных землях. На отвальных породах и на насыпном плодородном слое почвы были испытаны 20 культур (озимая пшеница, овес, ячмень, сорго, кукуруза, гречиха, эспарцет и др.).

3. Определение влияния минеральных, органических и органо-минеральных удобрений на урожайность различных культур, выращиваемых на отвальных породах и на насыпном плодородном слое почвы.

4. Определение оптимальной толщины насыпного гумусного слоя на рекультивируемых площадях для создания более плодородных почв, чем природные.

Исследования показали, что испытываемые сельскохозяйственные культуры развиваются на рекультивированных участках неодинаково. Оказалось, что породы надрудной толщи (незасоленные лессы, смесь лесса с песком, отчасти серо-зеленые третичные глины и слабозасоленные красно-бурые глины) могут служить благоприятной почвой для возделывания многолетних бобовых трав (люцерна желтой и силе-гибридной, эспарцета песчаного). Даже без внесения удобрений урожай сена люцерны на лессе или смеси лесса с песком составил 30–45 ц/га, сена эспарцета 25–40 ц/га, т. е. не ниже чем на соседних старопашотных участках с полнопрофильным плодородным слоем почвы. При внесении удобрений урожай сена многолетних бобовых трав увеличивался на 10–25%. Таким образом, многолетние бобовые травы рекомендуются в первую очередь для посева на лессе или смеси лесса с песком. Эти травы обогащают бедные лессовидные породы питательными веществами, главным образом азотом, и ускоряют почвообразование. Они являются хорошим предшественником зерновых культур.

Возделывание зерновых культур (озимой пшеницы, ячменя, овса, кукурузы и др.) на этих же породах без удобрений оказалось невозможным. Урожай их иногда не превышал затраченных семян. Однако эти же зерновые культуры давали хороший урожай при возделывании на плодородном слое почвы, уложенном на лессовидном суглинке. Если плодород-

ный слой равен 35–40 см, то урожайность зерновых культур приближалась к урожайности соседней старопашотной почвы, а увеличение толщины плодородного слоя почвы до 50–80 см повышало урожайность зерновых еще на 20–50%.

В 1969 г. на отвалах Запорожского карьера был заложен опытный участок площадью до 105 га, где посажены фруктовый сад, виноградники, посеяны многолетние травы, выращиваются пшеница, овес, бобовые и бахчевые культуры. В этих условиях нормально развивались саженцы яблони сорта кальвиль снежный, самкириво, а также черешни и абрикосы. Уже на третий год яблони начинали плодоносить. При этом удачней всего оказалась посадка яблони в траншеи, заполненные черноземом. Под каждое дерево насыпался 1 м² чернозема.

Кроме того, были успешно проведены лесонасаждения на спланированных отвалах Александровского карьера на площади 300 га.

Выполненные на опытных участках исследования позволили разделить всю толщу разрабатываемых карьерами наносов на три группы, по их пригодности для возделывания сельскохозяйственных культур.

1-я группа – черноземы и их комплексы мощностью до 0,7 м. На участках, покрытых таким грунтом, возможно выращивание всех культур, районированных в области.

2-я группа – лессы и лессовидные глины, распространяющиеся до глубины 15–20 м от поверхности, являющиеся ближайшими заменителями чернозема. Покрытые этими породами поверхности отвалов могут использоваться под лесопосадки и кормовые культуры. Укладку этих грунтов целесообразно производить в верхнюю часть грунтов с последующим покрытием их слоем чернозема.

3-я группа – средние и сильно засоленные третичные глины, песчаные отложения и известняки, расположенные ниже 15–20 м от поверхности, непригодные для сельскохозяйственного производства. Они должны укладываться в нижнюю часть отвалов.

В соответствии с этими характеристиками разработана современная технология открытой добычи, по которой и производится вскрышные работы на карьерах для последующей их окончательной рекультивации и возврата в сельскохозяйственный оборот. Исследования по рекультивации земель позволили создать технологические схемы, по которым открытые горные работы и сельскохозяйственное освоение отработанных

земель представляют собой своеобразный производственный конвейер.

Для этого на всех карьерах поверхностный плодородный слой снимается отдельно и складывается в бурты. Как установлено, складированный чернозем при длительном хранении не теряет плодородия. Это подтверждают и результаты археологических исследований, согласно которым чернозем, пролежавший в насыпях курганов от 2 до 5 тыс. лет, сохраняет все свои полезные свойства. Основная толща надрудных наносов разрабатывается таким образом, что абсолютно неплодородные глубинные породы укладываются в нижнюю часть отвалов, а потенциально плодородные — в верхнюю.

Перспективным планом рекультивации земель, нарушенных открытыми горными работами, предусматривается возврат сельскому хозяйству более 80% всех отработанных площадей. На 2000 г. на ОГОКе рекультивировано 7460 га земель, в том числе под сельскохозяйственные угодья и пашню — 3847 га, под лесонасаждения — 347 га, под зеленую зону отдыха — 96 га, под строительство шламохранилищ — 764 га, под заповедники — 960 га.

Проводились также исследования в направлении повторного промышленного использования отработанных площадей. Совместно с институтами ВОДГЕО, ВНОГЕМ и Южгипроруда были проведены исследования возможности использования выработанного пространства Алексеевского карьера для складирования шламов обогатительных фабрик. В результате здесь на площади 250 га построено шламохранилище Чкаловской обогатительной фабрики емкостью 34 млн м³. На отвалах Александровского карьера построены одноэтажные здания и сооружения комбината бытового обслуживания, а на отвалах Запорожского карьера — здание лаборатории и другие сооружения опытного участка по рекультивации.

На отвалах Александровского карьера создана зона отдыха с благоустроенным пляжем и водоемом с проточной водой из р. Базавлук, заполнившей остаточную траншею карьера шириной 100 м и длиной 1500 м.

Накопленный опыт рекультивационных работ позволил сделать вывод о том, что все отработанные карьерами площади можно использовать под сельскохозяйственные угодья для выращивания всех зерновых культур, возделываемых в Днепропетровской обл., для создания лесных массивов, зеленых зон, зон отдыха,

прудов, строительства хвостохранилищ обогатительных фабрик и создания водоемов для складирования отходов других предприятий, строительства на спланированных отвалах отдельных одноэтажных зданий и жилых поселков.

Разработки по рекультивации земель, нарушенных горными разработками, имеют колоссальное значение для сохранения окружающей среды и давно уже получили заслуженную высокую оценку. Проект зоны отдыха на территории отработанного Александровского карьера был удостоен «Гран При» на Всемирной выставке в Марселе в 1970 г. В 1971 г. за разработку и внедрение прогрессивной технологии добычи марганцевой руды открытым способом и горно-технической рекультивации отработанных земельных массивов в Никопольском р-не (1958–1970) группе работников комбината и ученых присуждена Государственная премия УССР по науке и технике. Из числа сотрудников ОГОКа лауреатами стали директор ОГОКа Г.Л. Середа, главный инженер С.В. Лесников, начальник технического отдела М.Ф. Виднев, начальник Богдановского карьера М.И. Цыганок, машинист шагающего экскаватора А.И. Миларенко, машинист роторного экскаватора И.Г. Проценко. В 1988 г. за рациональную разработку недр и охрану окружающей среды на карьерах Орджоникидзевого ГОКа была присуждена Государственная премия СССР в области науки и техники Г.Л. Середе, С.В. Лесникову, А.Е. Добрышину.

Глава написана на основе следующих источников:

Амцилогов И.Ф. Первооткрыватель Никопольского марганцевого бассейна (К 115-летию со дня рождения В.А. Домгера) // *Марганец. Добыча, обогащение и переработка.* — Тбилиси, 1967. — № 2 (11).

Бицадзе Л., Замудько Н. Созвездие городов-побратимов. — Днепропетровск, 1980.

Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. — СПб., 1893.

Гергель М.Я. Развитие Никопольского марганцевого бассейна за 50 лет Советской власти // *Марганец. Добыча, обогащение и переработка.* — Тбилиси, 1968. — № 2 (15).

Гергель М.Я. Основы направления развития горных работ в Никопольском марганцевом бассейне // *Марганец. Добыча, обогащение и переработка.* — Тбилиси, 1970. — № 3 (20).

Гергель М.Я. О целесообразности применения открытых горных работ в западном районе

Никопольского марганцевого бассейна // Марганец. Добыча, обогащение и переработка. – Тбилиси, 1971. – № 1 (26).

Гергель М.Я. Развитие западного района Никопольского марганцевого бассейна за пятилетие 1966–1970 гг. // Марганец. Добыча, обогащение и переработка. – Тбилиси, 1971. – № 3 (28).

Горное дело в России. Перечень и справочная книга горнопромышленных предприятий Европейской и Азиатской России с статистическими сведениями за 1901 г. – СПб., 1903.

Гошхотелиани Л.В., Цицилашвили Г.Н. Краткий исторический обзор разработки Чиатурского месторождения марганца // Марганец. Добыча, обогащение, переработка. – Тбилиси, 1969. – № 2(19).

Домгер В.А. Предварительный отчет о геологических исследованиях, произведенных летом 1883 г. // Известия геологического комитета. – 1884. – Т. 3. – № 5.

Жуковский М.П. Историко-правовые аспекты генезиса м. Никополь. Про літочислення с. Покровського Нікопольського району. – К., 1999.

Занудько М.А. Орджоникидзевський народний історико-краєзнавчий музей. – Дніпропетровськ, 1973.

Занудько М.А., Береговський Л.Н. «Марганец – скарб народний». – около 1970 (не опубликовано).

Зив В.С. Иностранная капиталы в русской горнозаводской промышленности. – Пг., 1917.

Історія міст і сіл Української РСР. Дніпропетровська область. – К., 1969.

История городов и сел Украинской ССР. Днепропетровская область. – К., 1977.

История Украинской ССР. – К., 1983. – Т. 5.

Кочковский Н.Д. Разведки марганцевых руд в Покровской даче Екатеринославской губернии // Горный журнал, 1890. – Т. IV.

Краткий обзор горнозаводской промышленности и движения разных грузов в Екатеринославской губернии. – Екатеринослав, 1897.

Марганцевые руды Украины. – К., 1993.

Марганцовая промышленность Южной России в 1900 г. – Харьков, 1901.

Марганцовая промышленность Южной России в 1901 г. – Харьков, 1902.

Марганцовая промышленность Южной России в 1902 г. – Харьков, 1903.

Марганцовая промышленность Южной России в 1904 г. – Харьков, 1905.

Марганцовая промышленность Южной России в 1907 г. – Харьков, 1908.

Марганцовая промышленность Южной России в 1909 г. – Харьков, 1910.

Марганцовая промышленность Южной России в 1911 г. – Харьков, 1912.

Марганцовая промышленность Южной России в 1912 г. – Харьков, 1913.

Марганцовая промышленность Южной России в 1913 г. – Харьков, 1914.

Марганцовая промышленность Южной России в 1914 г. – Харьков, 1915.

Марганцовая промышленность Южной России в 1915 г. – Харьков, 1916.

Матеріали до звітної доповіді міськради за час 1930–1934 рр. на 1-му організаційному пленумі Нікопольської міськради членам і кандидатам Нікопольської міськради виборів 1934 р. – Дніпропетровськ, 1934.

Никопольский марганцеворудный бассейн. – М.: Недра. – 1964.

Нестеренко О.О. Розвиток промисловості на Україні. – К., 1962.

Обзор Екатеринославской губернии за 1886 г. – Екатеринослав, 1887.

Обзор Екатеринославской губернии за 1887 г. – Екатеринослав, 1888.

Обзор Екатеринославской губернии за 1889 г. – Екатеринослав, 1890.

Обзор Екатеринославской губернии за 1890 г. – Екатеринослав, 1891.

Обзор Екатеринославской губернии за 1891 г. – Екатеринослав, 1892.

Обзор Екатеринославской губернии за 1892 г. – Екатеринослав, 1893.

Обзор Екатеринославской губернии за 1893 г. – Екатеринослав, 1894.

Обзор Екатеринославской губернии за 1896 г. – Екатеринослав, 1897.

Обзор Екатеринославской губернии за 1897 г. – Екатеринослав, 1898.

Обзор Екатеринославской губернии за 1898 г. – Екатеринослав, 1899.

Общий обзор главных отраслей Горной и Горнозаводской промышленности к 1 января 1913 г. – СПб., 1913.

Отчет горного департамента за 1900 и 1901 гг. – СПб., 1903.

Приднепровская железная дорога (1873–1973). – Днепропетровск, 1973.

Календарь-ежегодник «Приднепровье». – 1908 г. – Екатеринослав, 1908.

Календарь-ежегодник «Приднепровье». – 1909 г. – Екатеринослав, 1908.

Календарь-ежегодник «Приднепровье». – 1911 г. – Екатеринослав, 1911.

Календарь-ежегодник «Приднепровье». – 1914 г. – Екатеринослав, 1914.

ОАО «Орджоникидзевский горно-обогатительный комбинат» – 115 лет. Годы и люди. – Никополь, 2001.

50 лет Никополь-марганцевого бассейна. – Днепропетровск, 1936.

Рекультивация земель, нарушенных открытыми горными работами при добыче марганцевой руды. – Днепропетровск, 1980.

Романченко Г.Н. Техническое развитие Криворожского железорудного бассейна (до 1917 г.) // Труды Института истории естествознания и техники. – М., 1966. – Т. 33.

Сборник статистических сведений о горно-заводской промышленности России в 1887 г. – СПб., 1890.

Сборник статистических сведений о горно-заводской промышленности в 1888 году. – СПб., 1891.

Сборник статистических сведений о горно-заводской промышленности России в 1889 г. – СПб., 1892. – Ч. 2.

Сборник статистических сведений о горно-заводской промышленности в 1890 году. – СПб., 1892.

Сборник статистических сведений о горно-заводской промышленности в 1891 году. – СПб., 1893.

Сборник статистических сведений о горно-заводской промышленности России в 1892 г. – СПб., 1895.

Сборник статистических сведений о горно-заводской промышленности в 1893 заводском году. – СПб., 1896.

Сборник статистических сведений о горно-заводской промышленности в 1894 заводском году. – СПб., 1896.

Сборник статистических сведений о горно-заводской промышленности в 1895 году. – СПб., 1896.

Сборник статистических сведений о горно-заводской промышленности в 1896 году. – СПб., 1899.

Сборник статистических сведений о горно-заводской промышленности в 1897 году. – СПб., 1899.

Сборник статистических сведений о горно-заводской промышленности в 1898 году. – СПб., 1900.

Сборник статистических сведений о горно-заводской промышленности в 1899 году. – СПб., 1901.

Сборник статистических сведений о горно-заводской промышленности в 1903 году. – СПб., 1906.

Сборник статистических сведений о горно-заводской промышленности в 1905 году. – СПб., 1908.

Сборник статистических сведений о горно-заводской промышленности в 1906 году. – СПб., 1909.

Середа Г.Л., Лесников С.В., Виднев М.Ф., Ткаченко Н.И. Рекультивация земель на карьерах Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината // Горный журнал. – 1973. – № 7.

Статистико-экономический обзор Екатеринославской губернии за 1897 г. – Екатеринослав, 1898.

Технический прогресс на марганцевых карьерах. – М., 1977.

Фомин П.И. Железорудная и марганцевая промышленность СССР. – Вып. 1. Краткий исторический очерк и современное состояние. – Харьков, 1930.

Шеклашвили Ш.С. 90 лет славного пути горняков Чхатура. // Марганец. Добыча, обогащение, переработка. – Тбилиси, 1969. – № 2 (19).

Щербина К.С., Арбулин А.Д., Николаев Б.И. Никопольскому марганцеворудному бассейну 90 лет // Марганец. Добыча, обогащение и переработка. – Тбилиси, 1973. – № 2 (35).

Щербина К.С., Середа Г.Л. Никопольскому марганцевому бассейну 90 лет // Горный журнал. – 1973 – № 7.

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ ВОДЯНА, БАБИНА И СОБОЛЕВА МОГИЛЫ В ОКРЕСТНОСТЯХ г. ОРДЖОНИКИДЗЕ. ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКОВ И НАХОДОК

3.1. ВОДЯНА МОГИЛА¹

Водяна Могила находилась в ЮВ части Каменского курганного поля на водоразделе между двумя балками в 6 км к СВ от с. Каменка слева от шоссе, идущего из нее в с. Славянка. Западная балка Криничка впадает в долину р. Каменка, а северо-восточная, именуемая Водяной, — в долину р. Вазавлук, правого притока р. Вазаялук. Курган был назван Б.Н. Мо-

золевским по имени балки. В 150 м от Водяной Могилы стояли курган эпохи бронзы высотой 2 м, а в 100 м — уничтоженный распашкой курган скифского времени, последованные экспедицией Днепровского университета в 1986 г. (рис. 2).

Высота кургана составляла 6,5 м от уровня древнего горизонта, диаметр вместе с растянутыми полями достигал 60 м. Насыпь Водяной Могилы имела вид усеченного конуса с пе-

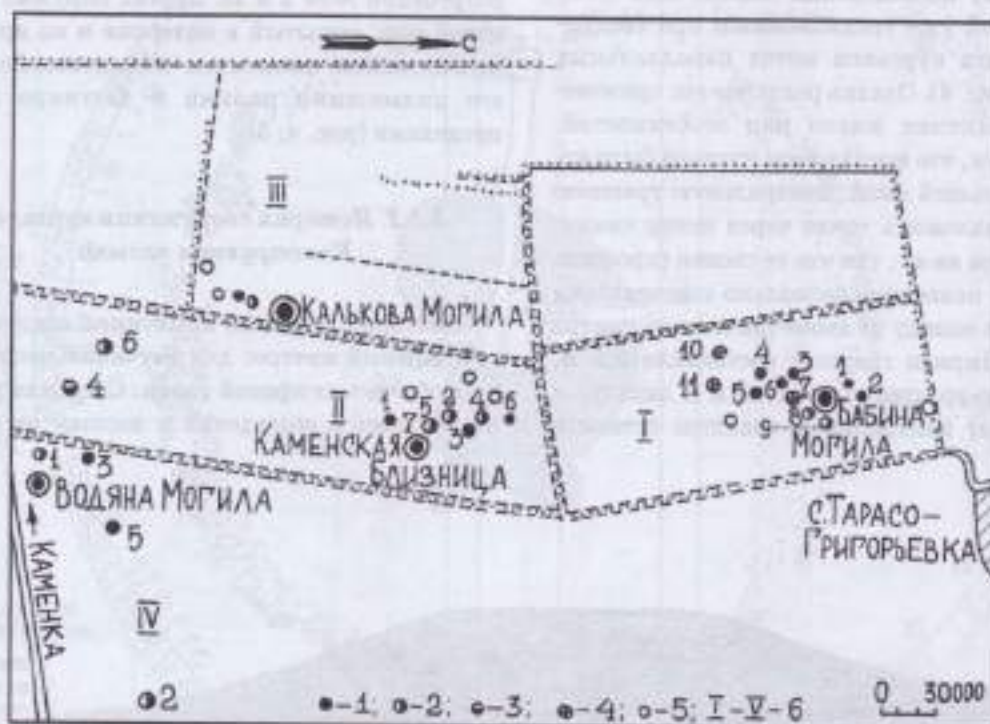

Рис. 2. Курганы на Каменском курганном поле

Усл. обозначения: 1 — скифские курганы; 2 — курганы эпохи бронзы; 3 — средневековые; 4 — неопределенные; 5 — перескопанные; 6 — номера курганных групп

¹ Раскопки Водяной Могилы проведены Орджоникидзешской экспедицией ИА АН УССР на протяжении июля-августа 1986 г. Исследованием кургана руководил А.В. Николаев. Состав экспедиции 1986 г.: Б.Н. Монозольский, С.В. Палли, В.Н. Левченко, С.И. Круц, А.В. Николаев, Е.Ю. Батуревич, Г.И. Лысенко,

О.Л. Москадыня, М.Ш. Питковский (сотрудники ИА АН УССР), водитель Автобазы АН УССР А.С. Старовойт, В.Д. Мозоловская, А.В. Назаренко, О.Ю. Добрянская, лаборант-экскурсионеры ОГЮКА Д.Я. Бондаренко, И.Д. Крыль, Г.Ф. Прус, В.П. Цыкин, И.М. Маллеренко.

сколько удлиненной южной полкой. Остальные склоны были довольно крутыми. Вершина кургана уплощена вследствие разрушения грабительским раскопом (рис. 3). В Ю и З полах зафиксированы большие оплывшие ямы недавнего происхождения. В стенках южной ямы просматривались остатки каменной наброски, лежавшей по склону насыпи выше крепиды. Крепида в значительной мере была выбрана жителями близлежащих сел. В результате вокруг кургана образовалась терраса из грунта, отброшенного при высачивании камней. На поверхности насыпи тут и там встречались отдельные камни. На вспаханном поле под западной полкой было собрано большое количество измельченных вспашкой обломков амфор, разбитых при отправлении тризны.

3.1.1. Методика раскопок²

В основу исследования насыпи был положен ставший уже традиционным при раскопках больших курганов метод параллельных траншей (рис. 4). Однако реальное его применение на практике имело ряд особенностей. В связи с тем, что южная полая кургана была испорчена большой ямой, центральную траншею пришлось заложить точно через центр памятника с севера на юг, так что ее стенки (профили №№ 3 и 4) оказались несколько смещенными к востоку и западу от геометрического центра кургана. Ширина траншей составляла 5,5 м. Первоначально предполагалось и к западу, и к востоку от центральной траншеи оставить

бровки на всю высоту, но в процессе раскопок от этого пришлось отказаться из-за чрезмерной рыхлости грунта насыпи, ко всему еще сплошь пронизанной лиственными норами. Западная бровка шириной 2 м, идущая вдоль центральной траншеи, была зачищена лишь в средней части на высоту 2 м для изучения стратиграфии выкидов из подземных погребальных сооружений (профиль № 5). К востоку от центральной траншеи насыпь снималась без зачисток на ширину 6,5 м. На этом расстоянии на всю высоту была оставлена восточная бровка шириной 2,5 м (профили №№ 1 и 2), сохранявшаяся до конца исследования памятника.

Таким образом, в процессе раскопок было получено пять профилей насыпи, которые позволили достаточно полно изучить особенности ее конструкции. Под насыпью была открыта единственная гробница в кургане (погребение № 3) в сопровождении захоронений коней и конюшего в отдельных могилах (соответственно, погребения №№ 2 и 1). Курган окружал кольцевой ров, вырытый в материке и ко времени исследования памятника находившийся под его оплывшими полами и частично за их пределами (рис. 4; 5).

3.1.2. История сооружения кургана. Конструкция насыпи

История создания памятника представляет огромный интерес для изучения погребальных обычаев скифской знати. Создание кургана началось с возведения к востоку от места,

Рис. 3. Водяна Могила перед раскопками

² Памятник были раскопан с полным исследованием насыпи на снос с помощью бульдозера ДЭТ-250 (машинист А.Д. Крыжановский) методом параллельных траншей с зачисткой и фиксацией максимально

возможного числа разрезов кургана. При проходке подземных сооружений использовался универсальный экскаватор на базе автомобиля «Татра» и автокран, предоставленные Орджоникидзевским ГОКом.

где впоследствии была выкопана основная гробница, первичного ядра земляной насыпи, состоявшего из кусков дерна. Высота его достигала 2,9 м, ширина с севера на юг – 10 м. Употребление параметра «ширина» вместо «диаметр» неслучайно, поскольку насыпь прослежена только в профилях №№ 1 и 2, и о форме ее в плане судить трудно. Не исключено, что она имела сферический вид, однако более вероятно (чему есть подтверждение на многих других памятниках), что сооружали ее в форме подковы, концы которой были обращены на запад. Во всяком случае, в Водяной Могиле, еще до рытья основной гробницы или одновременно

с ним, первичное ядро насыпи было уже перекрыто еще двумя досытками (также из кусков дерна), которые уже определенно приобрели вид подковы. Ибо внешние края выкида из гробницы были приподняты, т. е. лежали и с востока, и с севера, и с юга на склонах подковообразной насыпи (рис. 4; 5; 6).

После двух досыток высота первоначальной насыпи на востоке достигла 4, а диаметр 16 м. Внутри всех трех насыпей (и основной, и досыток) куски дерна были уложены довольно беспорядочно, сами же насыпи отделялись друг от друга четкой белесой полосой (рис. 7; табл. 2, 1).

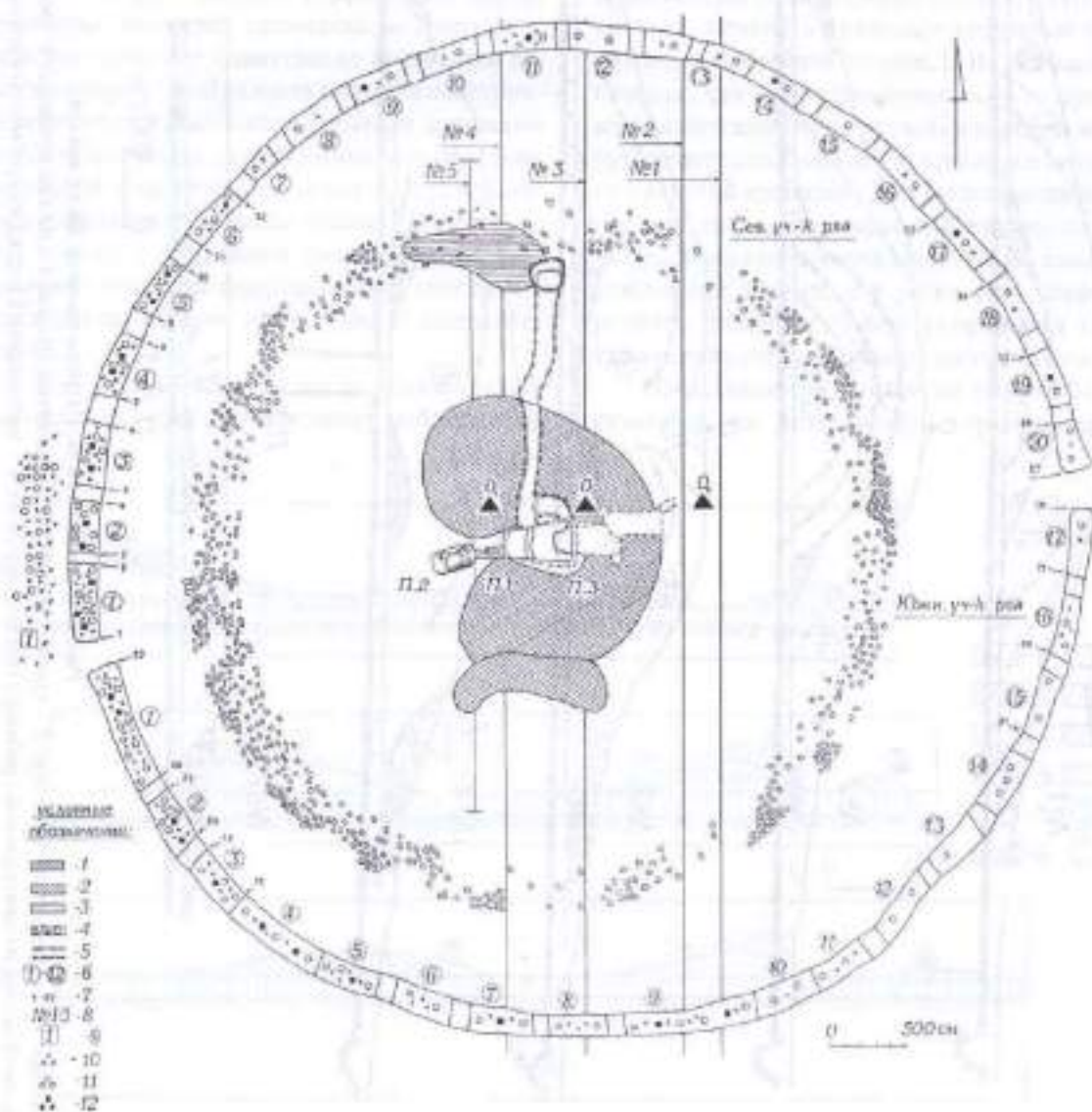

Рис. 4. Водяна Могила. Общий план

Усл. обозначения: 1-3 – материковые выкиды; 4 – камни кирпичи; 5 – грабительский ход; 6 – номера участков рва; 7 – номера разрезов рва; 8 – номера профилей насыпи кургана; 9 – поздние перекопы насыпи; 10 – обломки амфор; 11 – кости животных; 12 – речная галька

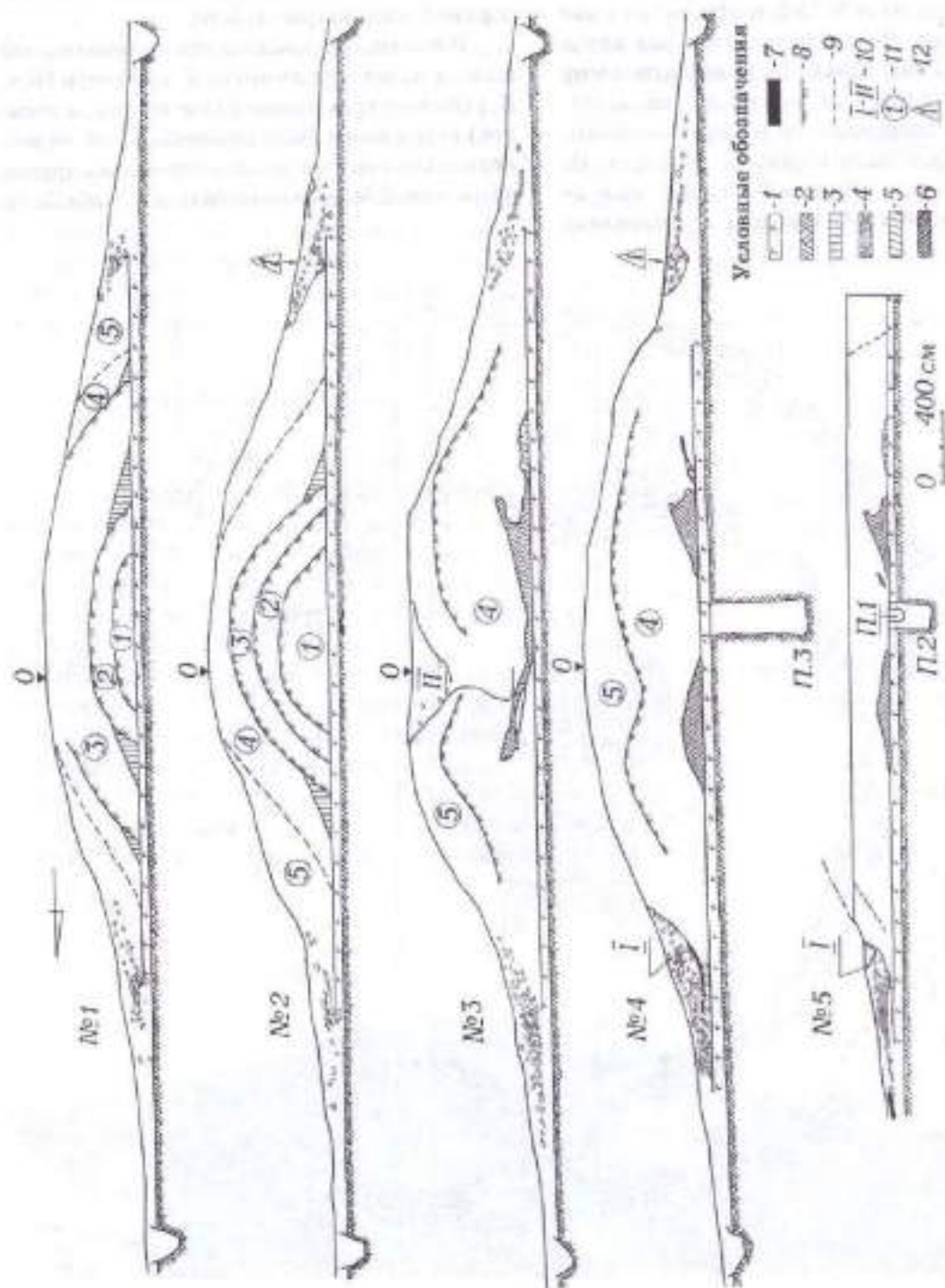

Рис. 5. Водная Могилья. Разрезы насыпи. Вид с запада

Усл. обозначения: 1 - погребенный черепицей; 2 - уровень материка; 3 - шпатель скелета; 4 - камни кремниды; 5 - материковый выклад из погребений № 1 и 2; 6 - материковый выклад из центральной гробницы (погребение № 3); 7 - материковый выклад из грабительского хода; 8 - линии конструктивных досылок; 9 - реконструированные линии досылок; 10 - грабительские ходы; 11 - помера конструктивных досылок; 12 - нарушения насыпи при выборке камня из скрепы

До раскопок Водяной Могилы у археологов бытовало представление, что такая полоса образуется за счет перегнивания травы, успевшей вырасти на поверхности предыдущей насыпи до того, как приступали к сооружению последующей. Высказывались предположения, что в таком случае перед созданием каждой последующей насыпи должно было проходить не меньше года, а более вероятно — несколько лет. Предельная ограниченность срока, в который создавалась подковообразная насыпь в Водяной Могиле (она ведь должна была быть построена за считанные дни от смерти погребаемого до его похорон, может быть, за те самые 40 дней, о которых говорит Геродот), не только полностью отвергает приведенную трактовку, но и предполагает единственно возможное решение вопроса: поверхность каждого конструктивного слоя насыпи облицовывали плитками дерева травой вверх, и вследствие перегнивания последней уже внутри кургана и образовывалась светлая пограничная полоса. По-видимому, наряду с приданием каждому конструктивному слою вида завершенности, этот прием имел и утилитарное назначение — укреплять насыпь.

По краям обеих досыпок подковообразной насыпи в Водяной Могиле внизу наблюдались

характерные смывы, отличные от основного слоя по качеству грунта. Они напоминали чернозем, смешанный с суглинком, и располагались наклонными прослойками (см. профили №№ 1 и 2 — рис. 5; 7; 8). Подобные смывы наблюдались ранее в Желтокаменке, Толстой Могиле, Чертомлыке и др. больших курганах.

В.Н. Мозолевский отстаивал точку зрения искусственного происхождения этих смывов. Доказательство этому на Водяной Могиле он видел в отличной окраске грунта этих образований. В отличие от дерна насыпей, они имели более светлый, иногда несколько желтоватый, оттенок. «Естественная» интерпретация их происхождения на Водяной Могиле, по его мнению, исключалась кратковременностью создания подковообразной насыпи. В.Н. Мозолевский полагал, что они были специально сооружены из жидкого ила для укрепления каждого конструктивного слоя насыпи и предлагал называть их «глистой крешидой». Он также предполагал, что эти крешиды образованы именно за счет смыва грунта со склонов насыпей, но только не дождевыми водами, а в результате преднамеренного полива с целью укоренения травы уложенного дерна на поверхности насыпи.

Представляется, что все же имеется больше указаний на естественное происхождение

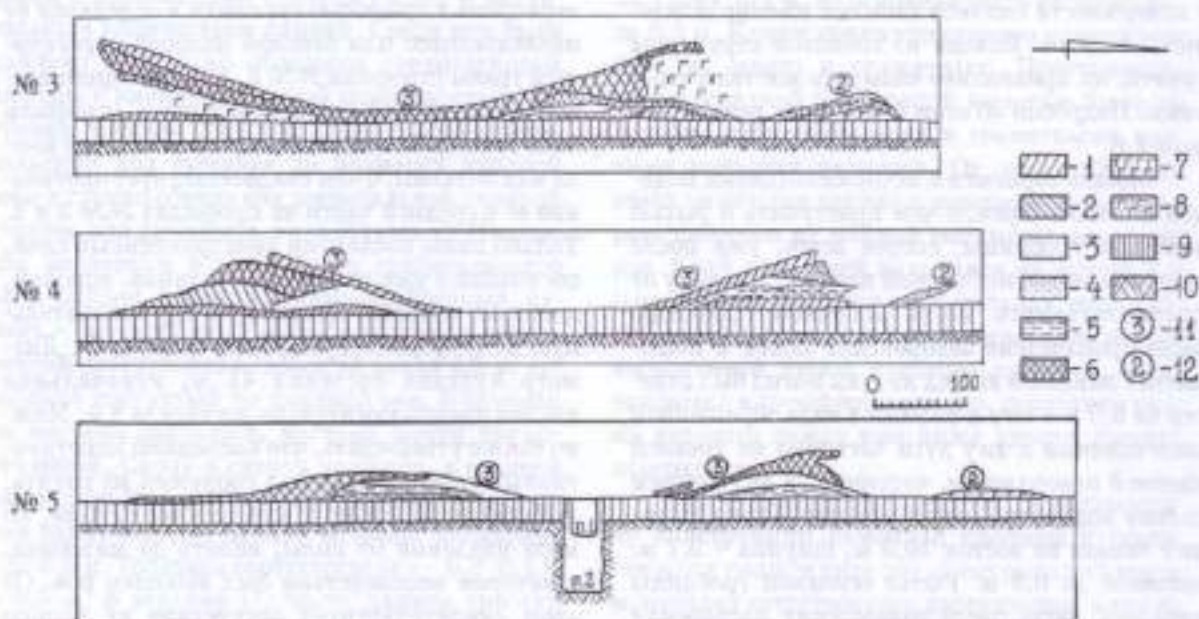

Рис. 6. Водяна Могила. Структура материковых выкходов в профилях кургана № 3–5

Усл. обозначения: 1 — темно-желтая глина; 2 — темно-желтая глина с вкраплениями чернозема; 3 — белая глина; 4 — светло-желтая глина; 5 — белая глина с вкраплениями чернозема; 6 — красная глина; 7 — чернозем; 8 — светло-желтая глина с вкраплениями чернозема; 9 — погребенный чернозем; 10 — материк; 11 — выкйд из центральной гробницы (погребение № 3); 12 — выкйд из захоронения лошадей (погребение № 2)

Рис. 7. Водная Могила. Конструктивные доски в профиле № 2

таких образований в результате смыва грунта с поверхности склонов насыпей именно дождевыми водами. Исходя из слоистой структуры грунта, их правильнее называть все-таки смывами. Подробно об этом будет идти речь в разделе 4.8.

Однако вернемся к истории создания Водной Могилы. Прежде чем приступить к рытью основной гробницы, скорее всего, уже после создания подковообразной насыпи, к западу от предполагаемого места основной гробницы было произведено захоронение коней и конюшего. Глиняный выкид из этих могил был отнесен на 6,0 м к югу и уложен в виде обращенной окончатостью к югу дуги частично на древней дневной поверхности, частично на внутреннем склоне подковообразной насыпи. Длина выкида с запада на восток 10,5 м, ширина – 2,7 м, толщина до 0,3 м. Рытье основной гробницы началось лишь после завершения погребения коней и конюшего, ибо эти могилы были перекрыты тонким слоем выкида из нее.

После завершения захоронения в основной гробнице сооружение насыпи было продолжено. В верхней своей части она состояла из двух конструктивных слоев. Первый был сложен

частично из кусков дерева, частично из рыхлого чернозема с примесью суглинка и отделился от последующего или светлой полосой перегнившей травы (профили №№ 3, 4), или коричневатой суглиняковой полоской грунта (профили №№ 1, 2, 5). Несомненно, и эта насыпь еще имела вид подковы, о чем свидетельствует прогибание ее в средней части на профилях №№ 3 и 4. Только лишь последний конструктивный слой, состоявший уже сплошь из суглинка, впрочем, довольно темного, придал кургану окончательную полуферрическую форму (рис. 4; 5). Диаметр кургана составил 41 м, изначальная высота предположительно достигала 8 м. Можно также утверждать, что последний конструктивный слой насыпи был сооружен из грунта, выбравшегося вокруг кургана все глубже, по мере удаления от поля, вплоть до материка, в котором впоследствии был выкопан ров. Об этом свидетельствует отсутствие не только линии древней поверхности, но и суглинякового слоя в непосредственной близости возле рва: чернозем здесь, явно уже переотложенный, смытый со склонов кургана, лежит непосредственно на материке. Еще одно доказательство в пользу этого факта – «зависание» камней,

скатившихся со склона насыпи, в грунте, ниже уровня древней дневной поверхности. Это явление прослеживается и на целом ряде других скифских памятников.

Строительство кургана завершилось сооружением каменной крепиды по основанию земляной насыпи и кольцевого рва в некотором удалении от нее.

3.1.3. Позднее ограбление кургана. Менгир

Описание конструктивных особенностей кургана будет неполным, если не отметить, что средняя часть насыпи была испорчена вторичным грабительским раскопом, придавшим вершине кургана уплощенный, с западиной по середине, вид. Курган подвергался ограблению дважды: первый раз – еще в скифское время через наклонный ход из северной полы кургана (см. описание основного погребения № 3 в разделе 3.1.7) и повторно – в прошлом веке через вертикальный колодец, выкопанный на вершине насыпи.

Контуры позднего грабительского колодца прослеживались только в профиле № 3, и то очень невыразительно, так как вся эта часть кургана была сплошь изрыта лисьими норами. В верхней части колодца образовалась внушительная воронка, заполненная затечным черноземом с прослойками грязной глины и значительным количеством камней. Среди них было найдено несколько обломков средневековой амфоры с каннелированной поверхностью. На уровне древней дневной поверхности грабительский ход сужался до размеров входной ямы и границ обвала над погребальной камерой (точнее, над дромосом, в нее ведущим). Именно над последним в заполнении грабительского хода найден огромный менгириобразный камень – брусковидный кусок кварцита с выветренной поверхностью, высотой около 4,5 м, несколько изогнутый по длинной оси. В сечении он местами овальный, местами почти прямоугольный. Снизу и сверху уплощен, в средней части толщина почти равна ширине. Последняя внизу доходит до 0,65 м, выше составляет 0,6–0,5 м. Толщина соответственно – 0,3–0,4 м и 0,5 м. В верхней (?) части камень треснул посередине, и один из углов его (до 0,6 м в длину) был отколот в древности (табл. 2, 3–4).

Несомненно, что первоначально камень был установлен на вершине кургана, затем был свален и отодвинут грабителями в сторону,

откуда и сполз впоследствии в грабительскую яму вместе с выброшенным грунтом. Точно так же не вызывает сомнения установка камня скифами, строившими курган. Правда, находка в грабительском ходе, кроме камней, обломков средневековых амфор как будто может указывать на установку его половцами. Однако среди половецких древностей подобные менгиры неизвестны, тогда как установка камней фаллического типа на скифских памятниках засвидетельствована документально (см. раздел 4.3). Такие камни по своей сущности соответствовали скифским антропоморфным стелам. В средневековые же скифские курганы с установленными на них бабами или менгирами продолжали использоваться в качестве святилиц.

3.1.4. Крепида

Конструкция крепиды на Водяной Могиле следующая. Край земляной насыпи был околочен небольшим кольцевым ровиком шириной около 0,5 и глубиной около 0,25 м (рис. 5), в котором были установлены вертикальные плиты, сохранившиеся на месте, преимущественно в западном секторе кургана. За плитами вокруг насыпи имелась каменная стена высотой до 1 м из плит, уложенных плашмя, как минимум в четыре слоя. Некоторые из них имели длину до 1 м, но основная часть не превышала 0,5 м. Камни преимущественно известняковые, но много и гранитных. Пространство между кладкой и земляной насыпью было заполнено известняковыми и гранитными камнями меньших размеров. От этой забутовки вверх по насыпи тянулась клиновидная в разрезе наброска из камней еще меньших размеров. Край последней находился на высоте 2 м (рис. 9). Впоследствии значительная часть камней скатилась со склонов и образовала вокруг выложенной стены крепиды широкое, уточняющееся к периферии кольцо, последние камни которого лежат уже ниже уровня древней поверхности.

Мы приводим обобщенную характеристику конструкции каменной крепиды кургана, так как в полном виде она не сохранилась нигде вследствие естественного разрушения, а также из-за выборки ее местными крестьянами. Тем не менее, нелишне отметить, что, по сравнению с другими скифскими курганами аналогичных размеров, крепида Водяной Могилы была довольно маломощной. Диаметр кургана после

Рис. 8. Водная Могила. Плистый слой у края 2-й доски первичного ядра кургана (профиль № 2)

сооружения крепида достигал, по-видимому, 42 м. В современном же состоянии каменное кольцо шириной 3 м имело диаметр 50 м.

3.1.5. Ров

Ров был выкопан на расстоянии 8–13 м от регулярной кладки крепида. С западной и восточной сторон он имел перемычки шириной 2,0 и 2,5 м. Условная ось, проходящая через перемычки, лишь незначительно отклонялась от длинной оси входной ямы основной гробницы и находящихся к западу от нее сопровождающих погребений (рис. 4). Очертания рва отчетливо прослеживались с глубины 0,7 м. Ширина на отмеченной глубине от 1,4 до 2,0 м. Профиль рва на всем его протяжении клиновидный, дно закругленное (рис. 11). Контуры рва в плане довольно извилистые. Его окончания у перемычек в плане имели различную форму: возле восточной – северный край трапециевидный, южный – прямоугольный, возле западной – наоборот. Таким образом, каждое из полуколец имело один расширяющийся и другой прямоугольный концы, следующие друг за другом, создавая висчатые движения по кругу.

Глубина рва на различных участках довольно значительно варьировала, в целом уменьшаясь к востоку. У западной перемычки она была максимальной – 2,0 м у южного окончания и 1,5 м у северного. У восточной перемычки глубина не превышала соответственно 1,5 и 1,3 м.

Ров раскопан полностью участками по 4 м в длину с оставленными между ними для фиксации разрезов метровыми перемычками, впоследствии также частично разобранными в тех случаях, когда в них встречались находки (рис. 4; 11).

На всем протяжении ров был заполнен однородным черноземным затеком. В 0,6–0,8 м выше дна по всей ширине рва, но чаще по его центральной оси, располагались остатки триапы в виде обломков костей животных и фрагментов не менее 32 амфор. Кости животных принадлежали 34 особям лошадей (436 костей), 7 особям крупного рогатого скота (16 костей), 2 особям овцы (3 кости), 1 – благородного оленя (1 кость) [Секерская, 1992-А: 87–88]. Какие-либо компактные сосредоточения находок не прослежены, хотя основная масса их концентрировалась у западной перемычки. В остальных местах отмечены лишь отдельные

кости и обломки амфор. Распределение амфорных фрагментов на протяжении рва показано в таблице 1.

Таблица 1

Поля кургана	№ участка	Количество фрагментов венчиков	Количество фрагментов ручек	Количество фрагментов ножек
Северная	1	2	6	2
*	2	-	2	1
*	3	2	6	1
*	4	2	4	1
*	5	-	1	-
*	6	-	2	-
*	7-10	-	2	-
*	11	-	3	2
*	13	-	1	-
*	14-19	-	1	-
Южная	1	2	11	4
*	2-6	4	-	-
*	7	-	1	-
*	8	-	1	-
*	9	-	2	1
*	11	-	1	-
*	16	-	2	-
Всего		12	46	12

Очень важно отметить, что, кроме костей и амфорного боя, по средней оси рва на той же глубине довольно часто встречались камни в виде окатанной известняковой гальки, безусловно, речного происхождения. Такая галька в каменных конструкциях Водяной Могилы отсутствовала.

Помимо остатков тризны, обнаруженных во рву, значительное сосредоточение их, как уже отмечалось, находилось в 2,5 м от СЗ края рва с его внешней стороны. Площадь скопления, к сожалению, определить не удалось. Находки здесь были представлены сильно измель-

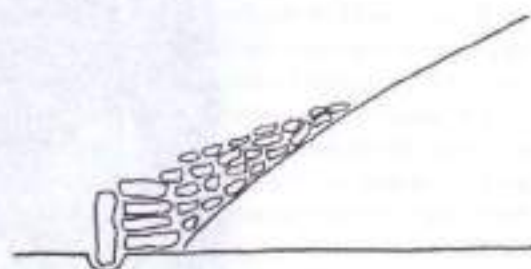

Рис. 9. Водяна Могила.
Реконструкция разреза крестиды

ченными вследствие постоянной распушки окружающего курган поля отдельными костями животных и довольно значительным количеством, как правило, невыразительных обломков стенок амфор. Тем не менее, среди них найден фрагмент фасосской амфорной ручки с клеймом (рис. 14, 1), описанным в составе находок из рва, поскольку нет сомнения в единстве всего комплекса.

3.1.6. Амфорные материалы из рва

В составе тризны во рву Водяной Могилы найдены профилированные части, происходящие не менее чем от 32 амфор. Подсчеты произведены по профилированным частям сосудов (ножки, придонные части, венчики и ручки) с учетом состава теста конкретных сосудов (таблица 2). Преобладают амфоры с рюмкообразной ножкой - производства Менды [Брашинский, 1976: 72], 11 экз. (рис. 12, 1-5, 11-13; 13, 1-10, 14), и амфоры производства Пепарета (тип Солоха II), как это недавно

Таблица 2

Тип амфор / Части амфор	Тип амфор					
	Менда	Пепарет	Амфоры типа Солоха I	Хиос	Фасос	Неопределенные центры
Венчики	6	2	-	2	2	-
Ручки	16	17	2	8	2	1
Придонные части	4	-	-	-	3	-
Ножки	5	2	-	2	1	2
Количество амфор	11	9	2	4	4	2

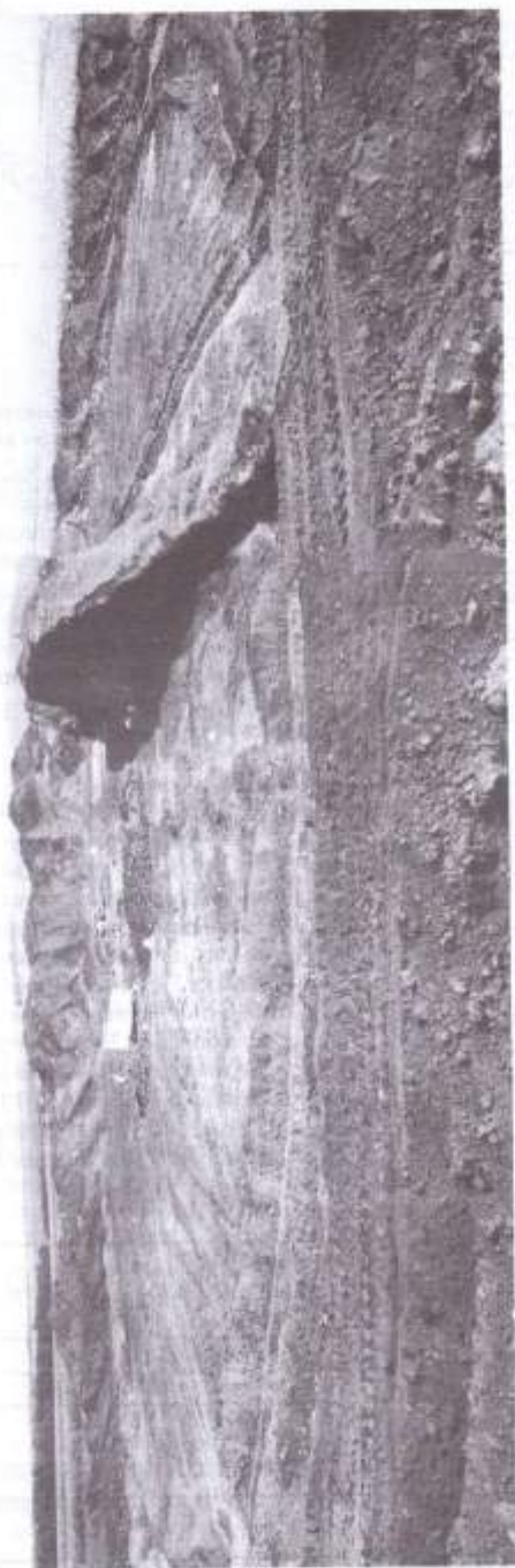

Рис. 10. Бодана Могила. Подземная поверхность после снятия насыпи (возле левого угла на плане из проекционного ряда)

установил И. Гарлан (1992: 39), 9 сосудов (рис. 12, 8, 10, 15, 16; 13, 19–35). Остальные центры производства представлены меньшим количеством сосудов: Фасос – 4 экз. (рис. 12, 9, 17), Хиос (колпачковые) – 4 экз. (рис. 12, 6–7, 14, 18; 13, 15–18), амфоры типа Солоха I – 2 экз. (рис. 13, 12–13), неопределенные – 2 экз. (рис. 13, 11).

На двух фрагментах верхних частей ручек фасосских амфор имеются клейма:

- а) [HPAKΛ|EIA]
эмблема зайца >
APCTO – (рис. 14, 1).
б) [Θ|AΣION]
эмблема кадуцей >
[A]PE[TA]N – (рис. 14, 2).

Кроме находок скифского времени, среди камней крелиды было найдено несколько фрагментов стенок средневековой красноглиняной амфоры с канвельированной поверхностью, из которых выделяется крупный фрагмент стенки с основанием круглой в сечении ручки (рис. 55, 2).

3.1.7. Погребальные сооружения и захоронения кургана

Погребение конюшего (№ 1)

Расположено в 0,3 м к западу от входной ямы основной гробницы. Совершено в прямоугольной яме с сильно закругленными углами, размером 2,0 x 0,65 м, ориентированной по ли-

нии В–З с незначительным отклонением. Дно на глубине 0,75 м от уровня древнего горизонта (рис. 15; 16). В рыхлом черноземном заполнении ямы встречался древесный тлея от провалившегося истлевшего перекрытия ямы, по-видимому, устроенного в виде дощатой крышки, с чем можно судить по находке железной щеколды (1). Погребенный (судя по костям – юноша) лежал вытянуто на спине головой на восток, в сторону основной гробницы. Руки вытянуты вдоль тела, ступни несколько повернуты влево. Возле левой руки находился колчан с набором стрел (2). Судя по пятну органического тлена, длина колчана составляла не менее 0,5 м.

Конская могила (погребение № 2)

Примыкала непосредственно к западному краю захоронения конюшего. Устроена в прямоугольной яме с сильно закругленной восточной стенкой. Ориентирована по длине с востока на запад. Поверху имела размеры 2,6 x 1,74 м, сужаясь книзу по ширине до 1,35 м. Перекрытие, как и в погребении конюшего, вероятно, было устроено в виде крышки на уровне древнего горизонта – в заполнении ямы вместе с древесным тленом найдена такая же железная щеколда (3). По-видимому, к перекрытию относится и найденная в заполнении железная скоба (4).

В яме вдоль длинных стен лежали скелеты двух коней, ориентированных головами на

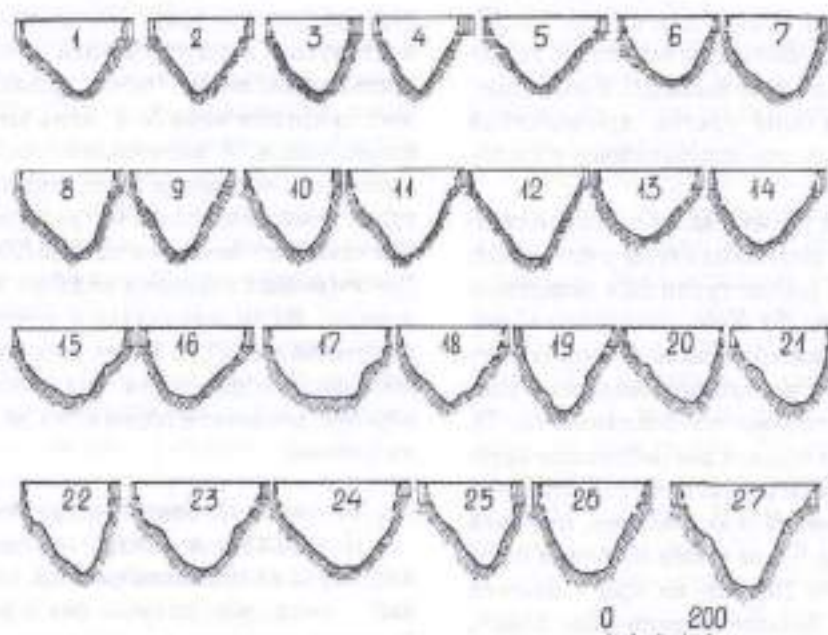

Рис. 11. Водина Могила. Разрезы pits

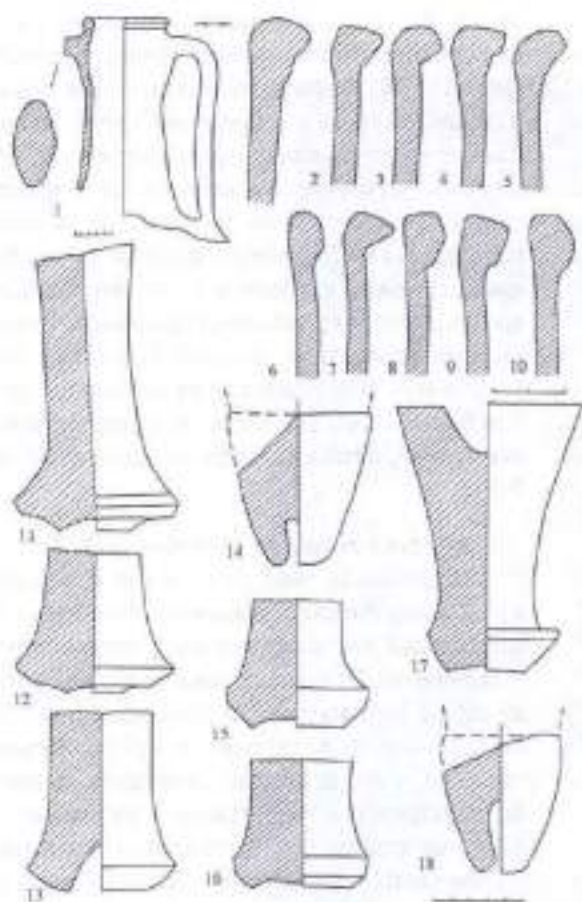

Рис. 12. Водяна Могила. Фрагменты шлемов
и ножек амфор из трезны
1-5, 11, 13 - Меша; 6, 7, 14, 18 - Хнос;
8, 10, 15, 16 - Пещарет (Солоха-II); 9, 17 - Фасюк

восток, в сторону основного погребения, и обращенных мордами друг к другу (рис. 16; 17; табл. 2, 2). Средняя часть ямы несколько углублена - в ней лежали тела лошадей. Вдоль поперечных стен сделаны слегка приподнятые уступы, на которых покоились головы и крупы коней.

Конь № 1 был уложен вдоль северной стенки на левом боку. Ноги подтянуты к туловищу. Между ребрами в районе груди был обнаружен наковечник стрелы (5). Конь похоронен вназданным. От уздечки сохранились металлические детали. Во рту находились железные удила, снабженные такими же псалиями (6, 7). Рядом с псалиями лежали две небольшие круглые бронзовые бляхи (8), за ними, на пересечении нащечных ремней и нахрального, по одной с каждой стороны, - две такие же бляхи большего диаметра (9). Дальше на краях нижней челюсти лежали бронзовые нащечные бляхи, по одной с каждой стороны (11). И левая и правая ориентированы перпендикулярно

к нащечному ремню, располагались ниже него и, таким образом, явно были вадеты не на нащечный, а на подбородный ремень. Непосредственно над верхним краем каждой из блях, на пересечении нащечного ремня с налобным, помещались еще две крупные круглые бляхи (10). Соотношение расположения их с нащечниками однозначно подтверждает несомненно вертикальное местоположение последних на подбородном ремне. На храле обнаружен бронзовый литой нахрапник (12), недалеко от него - костяная ворварка (13). Ниже холки на передних ребрах справа и под ними слева помещались четыре литые круглые бляхи (14), по-видимому, украшавшие нагрудный ремень крепления седла. За левой лопаткой найдена подпружная пряжка (15). Под нижней челюстью было обнаружено железное кольцо (16), по-видимому от чомбурного ремня.

Конь № 2 был уложен вдоль южной стенки ямы на правом боку. Передние ноги сильно подтянуты к корпусу, правая задняя - согнута лишь слегка, левая - почти прямая, располагалась за крупом коня № 1. Конь также погребен вназданным, с железными удилами во рту, снабженными такими же псалиями (17, 18). На храле лежал железный нахрапник (19), у нижней челюсти - железное кольцо (20) от чомбура. Две железных ворварки найдены в заполнении могилы. Их первоначальное местонахождение не установлено (21). Ниже живота обнаружена железная подпружная пряжка (22). Таким образом, все детали сбруи коня № 2 выполнены из железа.

Основная гробница (погребение № 3)

Находилась в центре кургана. Входную яму окружал подковообразный в плане глиняный выкид, обращенный разъемом на запад. Внешние края его располагались на внутренних склонах первичного ядра насыпи - подковообразной насыпи. Площадь выкида 17 x 16 м,

максимальная толщина 1,5 м. Глина уложена послойно, в последовательности ее выборки из могилы, обратной естественной стратиграфии. На юге выкид соприкасался с выкидом из погребений № 1 и 2. Хотя эти погребения в целом находились в раземе выкида, они также были перекрыты тонким – около 2 см – слоем глины выкида из погребения № 3 (рис. 6).

Входная яма трапециевидной в плане формы, длиной 4,0 и шириной 1,8–2,6 м. Широим торцом была ориентирована на восток. Ко дну постепенно расширялась во все стороны, кроме западной, до размеров 4,3 x 1,8–3,0 м. Дно с глубины 5,6 м от уровня древнего горизонта у западной стенки полого понижалось на восток, ко входу в подземелье. На глубине 6,3 м вдоль длинных стен были оставлены материковые полочки шириной 0,8 м с севера и 1 м с юга, между которыми находился спуск в подземелье. Длина спуска 1,6, ширина 1,3 м (рис. 23).

Глубина ямы у входа в дромос – 6,7 м. Вход смещен к северо-западному углу входной ямы. Из-за обрушения восточной стены его высота не установлена. Вход первоначально был заложен необработанными известняковыми и гранитными камнями. Заклад был полностью разобран при последнем ограблении гробницы, совершенном через входную яму сверху. Заполнение последней состояло из затечного чернозема со значительным количеством камней. На глубине 2,5 м в нем по длине ямы лежал вышеописанный менгирообразный камень. С глубины 5,6 м в южной половине ямы среди отброшенных сюда грабителями камней заклада начали встречаться кости животного, окрашенные окислами бронзы, по-видимому, выброшенные грабителями из бронзового котла, отдельные человеческие кости, обломки амфоры, происходившие от одного сосуда (23).

Дромос продолжал начинаться во входной яме спуск от 6,7 до 6,95 м. Ширина его 1,8–2 м, длина 3,6 м. Свод обрушен при ограблении. Дромос ориентирован по длинной оси входной ямы, со смещением по отношению к ней на юг.

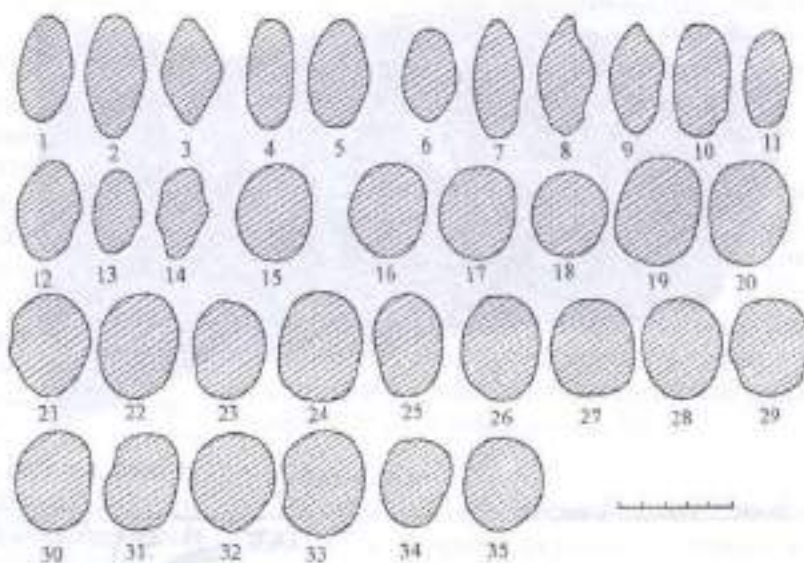

Рис. 13. Водяна Могила. Разрезы ручек амфор из тризны
1–10, 14 – Мшеда; 12, 13 – Пепарет (Солоха-П); 15, 18 – Хнос;
11 – неопределенный центр

В юго-восточном углу коридора была устроена продолговатая ниша № 1 размерами 1,0 x 0,8 м и высотой 0,8 м. Дно ее располагалось на 0,28 м ниже дна дромоса. Ориентирована с севера на юг. В юго-западном углу ниши была вырыта дополнительная нишка округлой в плане и разрезе формы, диаметром 0,3 и высотой 0,4 м. На дне обеих ниш прослежен белесый тлен. Перед входом в нишу № 1 на дне дромоса и выше обнаружено большое количество костей лошади со следами окислов бронзы, встречавшиеся и во входной яме, а также основная часть обломков все той же амфоры (23).

Вход в камеру находился в противоположном от ниши № 1 северо-восточном углу коридора. Ширина его 1,8 м. Между коридором и камерой была оставлена ступенька высотой 0,2 м. Дно камеры находилось на глубине 7,15 м. Камера прямоугольная в плане, размерами 3,6 x 1,8 м, вытянута по длине с запада на восток. Свод к моменту раскопок обвалился на значительную высоту. В северо-западном и северо-восточном углах подземелья устроены ниши № 2 и № 3. Ниша № 2 прямоугольной формы, размерами 0,92 x 0,6 и высотой 0,6 м, по длине ориентирована с юго-запада на северо-восток. Дно ниши на 0,2 м выше дна погребальной камеры. Ниша № 3 имела форму свода, вытянутого по длине с юго-запада на северо-восток, размерами 1,22 x 0,8 и высотой 0,8 м. Дно на том же уровне, что и в нише № 2.

Рис. 14. Водка Могилы. Амфорные клейма из триапы

После двойного ограбления гробница оказалась практически пустой. В заполнении погребальной камеры и грабительских ходов были собраны кости двух человеческих скелетов: мужчины и женщины. Как можно предположить на основании находок отдельных костей, скелет мужчины первоначально располагался вдоль южной стенки погребальной камеры, женщины – у ниши № 2. На костях ног мужчины заметны густые следы окислов бронзы, а на отдельных ребрах и лопатке – железной ржавчины, из чего можно заключить, что он был погребен в бронзовых поножах и железном доспехе. Из погребального инвентаря в камере найдены лишь бронзовый наконечник стрелы (24) и две детали наборного костяного веретена (25).

Первичный грабительский ход, ведущий в гробницу, начинался в 16 м к северу от нее, на поверхности у края насыпи с внутренней стороны крепиды. Выкид из него лежал на камнях крепиды и частично между ними. Размеры грабительского колодца в современном виде по верху составляли 2,4 x 2,0 м. Ориентирован по длине с запада на восток. На глубине 2,4 м под северной стеной оставлена материковая ступенька шириной 0,4 и высотой 0,5 м. Отсюда на юг тянулся наклонный лаз шириной в среднем 1,3 и высотой до 0,92 м. Через 8 м от начала направление хода было несколько скорректировано в южную сторону, в результате чего грабительский ход вышел прямо на северную стену входной ямы. На своде сохранились следы землеройного орудия в виде тесла. Пробив северную стену входной ямы, грабители побоялись продолжать далее ход в ее черноземном заполнении, по-видимому, еще достаточно рыхлом ко времени первого ограбления. И по этой причине направляли его по материку вдоль ямы на восток. Толщина простенка

между входной ямой и этим ходом составляла 0,4 м. Окончание хода было подвернуто к югу и выведено прямо в дромос погребения.

В различных местах грабительского хода были обнаружены два наконечника стрел (26), рукоять ножа (27), обломок рукояти зеркала (28), три втулки от древков дротиков (29), ножки амфоры (30), фрагмент П-образной скобы. Наряду с этим встречались мелкие осколки каких-то массивных железных предметов (вероятно, меч), пластинок от наборного доспеха (31).

По всей видимости, первичное ограбление произошло еще в древности, вскоре после совершения захоронения. Вторичное же, совершенное через вершину насыпи и входную яму, вероятно, осуществлено в XIX в.

3.1.8. Описание находок из погребений

Погребение конюшего (№ 1)

1. Железная щеколда в виде кованой прямоугольной пластины с удлиненной прорезью в расширенном конце. У противоположного конца через круглое отверстие пропущено подвижное кольцо крепления. Длина щеколды 12,0, ширина 1,6–2,8 см. Длина прорези 2,5 см, диаметр кольца 2,5 см (рис. 18, 14).

2. В колчанном наборе насчитывается 71 бронзовый втульчатый наконечник стрелы нескольких типов: а) 2 трехлопастных с чуть выступающей втулкой, ложком до острия. Во всех ложках имеется тамгообразный знак в виде наклонной рельефной линии. Длина 3,5–3,7 см (рис. 18, 1); б) 34 трехлопастных с выступающей втулкой, ложком до острия. В одном из ложков помещен тамгообразный знак в виде рельефного вертикального короткого отрезка, расположенного справа от втулки. Длина 3,8–4,0 см (рис. 18, 2–3); в) 2 трехлопастных со скрытой втулкой, наклонно сточенными острыми лопастей. Имеют те же тамгообразные знаки. Длина 2,8 и 3,2 см (рис. 18, 4); г) 1 трехлопастный с выступающей втулкой, ложком до острия. Во всех ложках имеются тамгообразные знаки в виде четырех поперечных полосок с обеих сторон втулки. В одном из ложков, в дополнение к указанным полоскам, в верхней части ложка имеется косой рельефный крест. Длина 3,3 см (рис. 18, 5); д) 3 трехгранных с выступающей втулкой, с небольшим овальным ложком. Острия граней вровень с основанием втулки. На всех плоскостях, чуть выше ложка, имеется метка в виде косой поперечной царапины. Длина 3,0–3,2 см (рис. 18, 6); е) 1 трехгранный со скрытой втулкой, ровным основанием, ложком на треть высоты головки в виде трех пар мелких квадратиков. Длина 2,8 см (рис. 18, 7); ж) 3 трехгранных со скрытой втулкой, дуговидной выемкой в основании. П-образным ложком на треть высоты головки. Длина 2,5–2,6 см (рис. 18, 8); з) 12 трехгранных со скрытой втулкой, дуговидной выемкой в основании, небольшим П-образным ложком. Во всех ложках имеется тамгообразный знак в виде рельефной косой полоски. Длина 2,7–2,8 см (рис. 18, 9); и) 7 трехгранных пирамидальных со скрытой втулкой, дуговидной выемкой в основании, очень маленьким П-образным ложком. Длина 2,6–3,1 см (рис. 18, 10–11); к) 3 трехгранных со скрытой втулкой, дуговидной выемкой в основании, двумя углубленными точками

в основании плоскостей. Длина 2,6 см (рис. 18, 12); л) 4 трехгранных со скрытой втулкой, ровным обрезанным основанием, гладкими плоскостями. Длина 2,1–2,6 см (рис. 18, 13).

Конская могила (погребение № 2)

3. Железная щеколда, аналогичная найденной в погребении № 1. Длина 12,2 см, ширина 1,5–2,6 см, длина прорези 2,5 см, ширина 0,6–0,9 см, диаметр кольца 3,1 см (рис. 21, 7).

4. Железная D-образная скоба с заходящими концами, из овальной в сечении проволоки, размерами 3,3 x 2,8 см. На поверхности сохранились следы дерева (рис. 21, 4).

Конь № 1

5. Трехгранный бронзовый наконечник стрелы со скрытой втулкой, дугообразной выемкой в основании граней и небольшим П-образным ложком. Длина 3,0 см (рис. 19, 4).

6, 7. Двучленные железные удила с прямыми псалиями с восьмерикобразным расширением в средней части с двумя отверстиями. Концы псалиев украшены уплощенными шариками. Во внешних петлях удила вместе с псалиями крепились прижки в виде кольца с треугольником для крепления повода. Стержни удила и псалиев круглые в сечении. Длина одного звена удила 12,5 см, длина псалия 20 см (рис. 22, 1).

8. Две круглые бронзовые гладкие слабо-вогнутые бляхи, изготовленные из листового металла. Прикрывали соединения удила с псалиями. Снабжены на обороте литой петлей, соединенной с бляхой заклепкой через отверстие в центре последней. Заклепка с лицевой стороны расклепана в виде выпуклой шишечки. Диаметр блях 4,5, ширина петли 2,7, толщина ее стержня 0,4 см (рис. 20, 5–6).

9, 10. Четыре круглые бронзовые гладкие бляхи, украшавшие пересечения нащечных ремней с нахрапным и налобным. По форме и конструкции аналогичны предыдущим. Диаметр 5,4–5,5, ширина петли 3,0, толщина ее стержня 0,4 см (рис. 20, 1–4).

11. Фигурные бронзовые пластинчатые нащечники типа «птицеклювых» (2 экз.). Лицевая сторона покрыта гравированным орнаментом, обычным для изделий такого рода. Из-за сильной окисленности пластины просматривается слабо. Волнистые торцевые края оформлены насечками. Нащечники на обороте снабжены одной литой поперечной петлей, помещенной в верхней части пластины, предназначенной для закрепления пластины в вертикальном

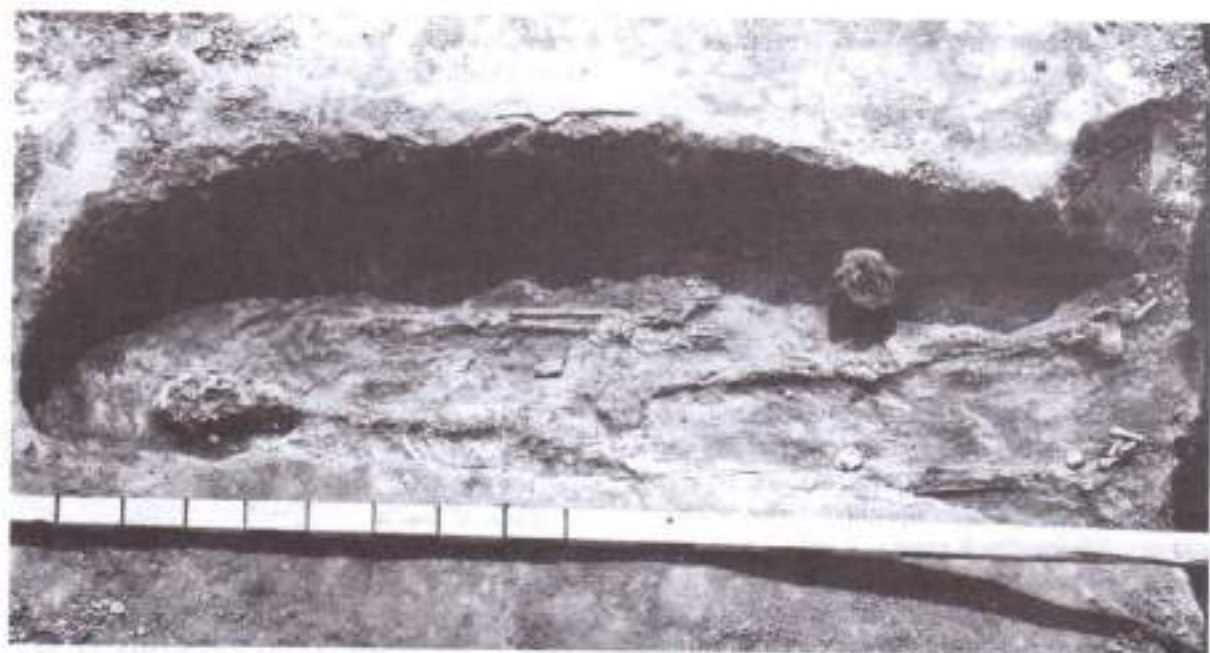

Рис. 15. Водяна Могила. Захоронение конюшего (погребение № 1)

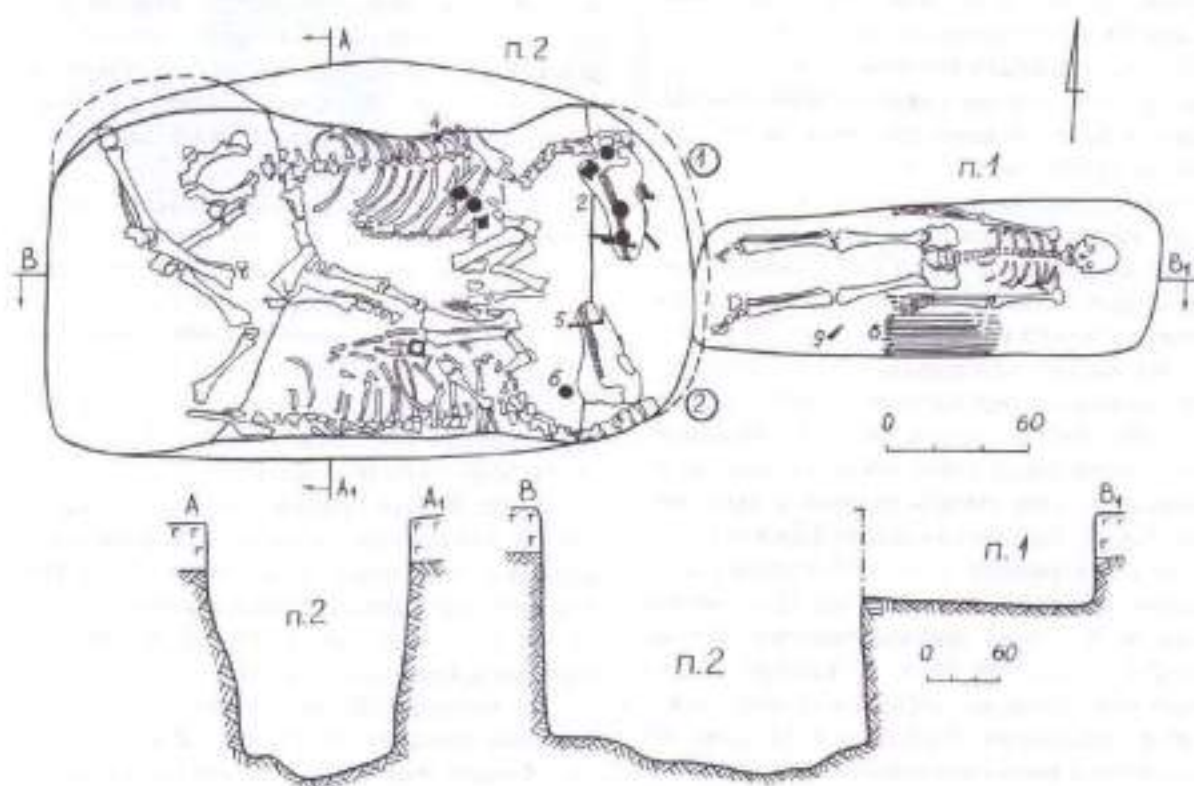

Рис. 16. Водяна Могила. Захоронение конюшего (погребение № 1) и лошадей (погребение № 2)

Усл. обозначения: 1 – наконечник стрелы; 2 – уздечный набор коня № 1; 3 – блики нагрудного ремня; 4 – подпружная пряжка; 5 – уздечный набор коня № 2; 6 – чомбурное кольцо; 7 – подпружная пряжка; 8 – колчан со стрелами; 9 – железная щиколда

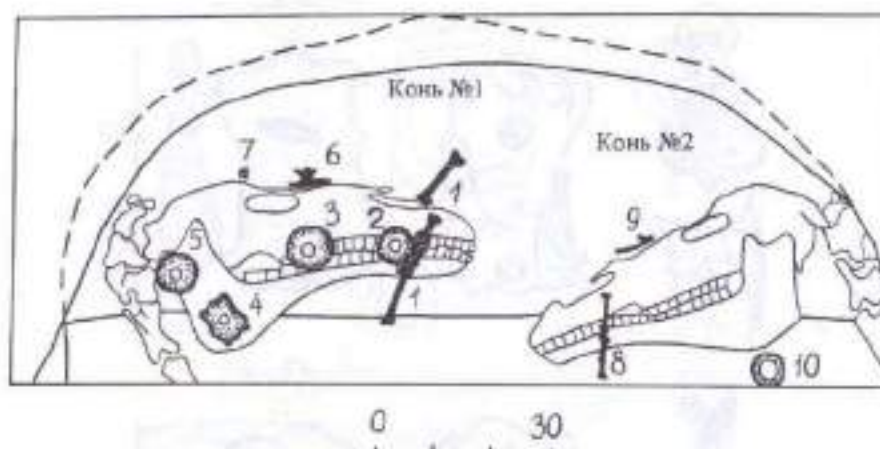

Рис. 17. Водяна Могила. Расположение уздечных украшений на головах коней
 Конь № 1: 1 – псахи; 2, 3, 5 – круглые бляхи; 4 – нащечник; 6 – нахрапник; 7 – ворварка.
 Конь № 2: 8 – псахи; 9 – нахрапник; 10 – чомбурное кольцо

(висячем) положении. Соединение петель крепления с пластиной нащечника аналогично петлям на круглых бляхах. Заклепка на лицевой части пластины уплощена. Симметрично ей на другом конце пластины припаяна на одном нащечнике коническая шишечка, возможно, утраченная на другом. Длина блях 8,1, ширина 4,1–5,3 см. Ширина петли 2,3, толщина ее стержня 0,4 см (рис. 19, 2–3).

12. Массивный литой бронзовый нахрапник в виде головы фантастического животного, помещенной на суженном в верхней части фигурном щитке. В нижней части щиток нахрапника оформлен в виде двух расходящихся крыльев с треугольным выступом между ними. Противоположный конец его закруглен. Орнаментация щитка из-за разрушенности окислами не читается. Морда у зверя укороченная, тупая. Пасть с толстыми губами, украшенными поперечными насечками, широко раскрыта. Из нее высунывается небольшой язык. Рельефный нос пересекают три глубокие морщины. Ноздри переданы кружками. Глаза небольшие, выпуклые. Уши торчат вверх и слегка разведены в стороны. Длинная шея расширяется к основанию, в котором имеется круглое поперечное отверстие для крепления на оголовье. Длина щитка 6,8, ширина внизу 3,5, посередине 1,2 см. Высота изделия 3,5 см (рис. 19, 1).

13. Коническая костяная ворварка диаметром 2,0 и высотой 1,0 см. Диаметр отверстия 0,5 см (рис. 19, 5).

14. Четыре круглые бронзовые цельнолитые бляхи с петлями на обороте от нагрудного

ремня. Слегка выпуклые. Лицевая поверхность гладкая, бортик по краю загнут внутрь. Диаметр 3,5 x 3,6, ширина петли 2,6, толщина ее стержня 0,4 см (рис. 20, 7–10).

15. Круглая в плане литая подпружная пружка. Оборудована перпендикулярным высту-

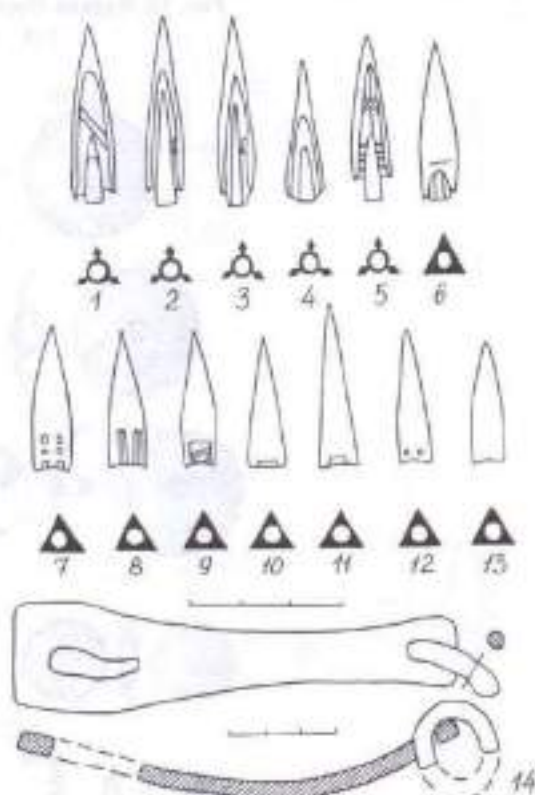

Рис. 18. Водяна Могила. Находки из захоронения конюшего (погребение № 1)
 1–13 – бронза; 14 – железо

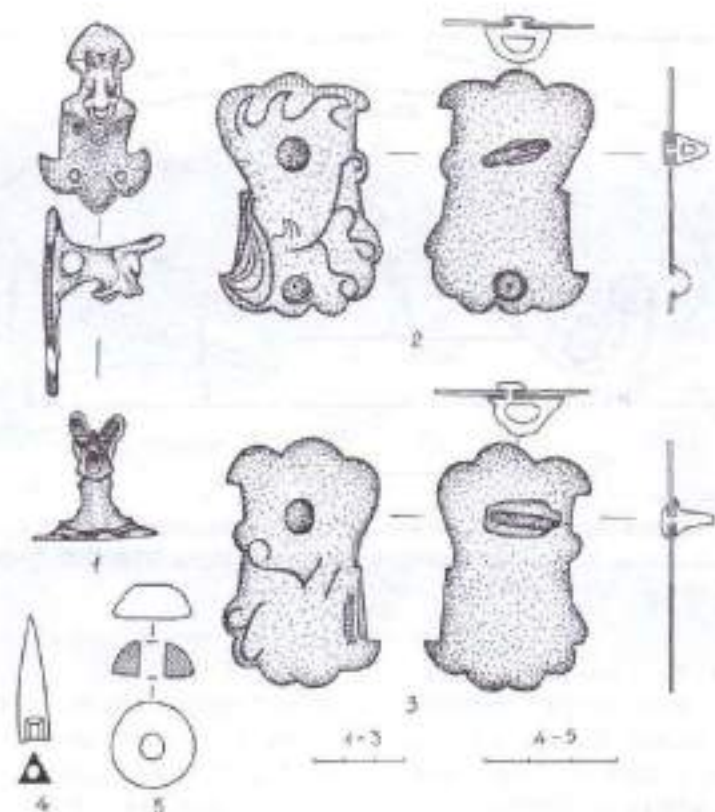

Рис. 19. Водяная Могила. Находки при коне № 1
1-4 - бронза; 5 - кость

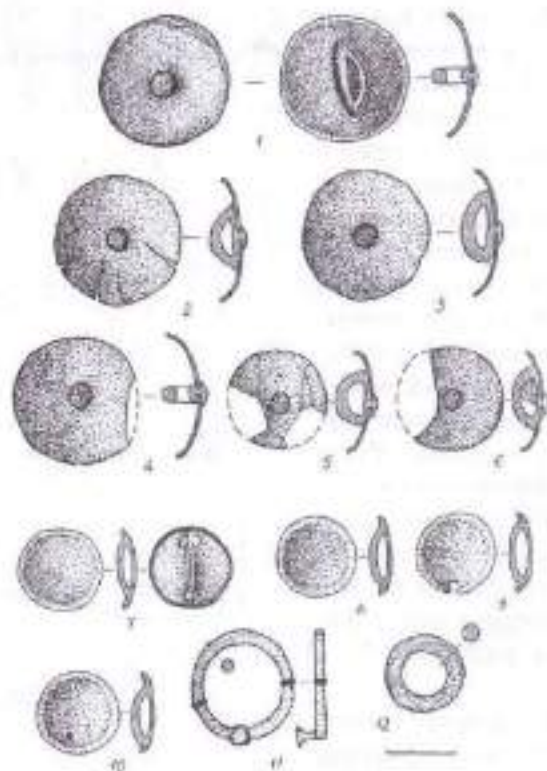

Рис. 20. Водяная Могила. Находки при коне № 1
1-11 - бронза; 12 - железо

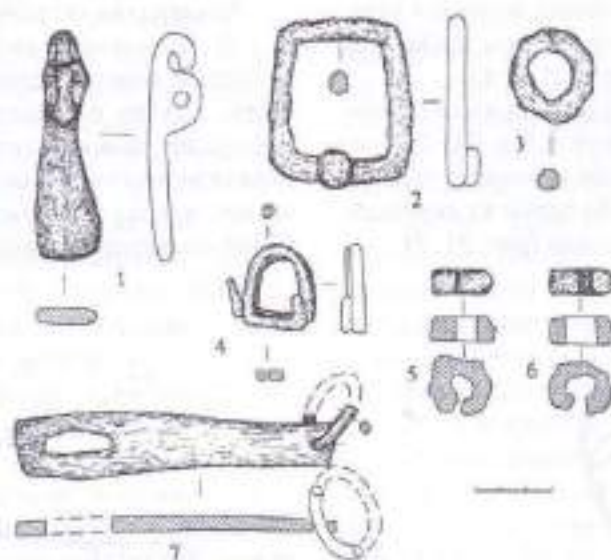

Рис. 21. Водяная Могила. Находки при коне № 2
1-7 — железо

ном-застежкой с грибовидной шляпкой. По обе стороны от него симметрично расположены литейные швы в виде рельефных поясков. Диаметр пряжки 4,8, толщина стержня 0,8, высота выступа 1,0 см (рис. 20, 11).

16. Круглое железное кольцо для крепления чомбура, изготовленное из круглого в сечении стержня. Диаметр 3,5, толщина стержня 0,8 см (рис. 20, 12).

Копь № 2

17, 18. Двулучные железные удила с прямыми псалями с восьмеркообразным расширением в средней части с двумя отверстиями. Концы псалиев оформлены в виде шляпок. Стержни круглые в сечении. Изнутри перед пеглами удила на стержни надеты прямоугольные пластины с шипами по углам, для усиления строгости удила, направленными внутрь. Длина одного звена удила 15,0, длина псаля 18,2 см (рис. 22, 2).

19. Железный пластинчатый нахрапник в виде удлиненного треугольника. Слегка изогнут по длинной оси. Верхний конец загнут вперед крючком. Ниже расположено откованное вместе с пластиной вертикальное кольцо с поперечным отверстием, в которое продевался ремень оголовья. Длина изделия 8,5, ширина основания 2,5, диаметр кольца 2,1 см (рис. 21, 1).

20. Круглое железное кольцо для крепления чомбура изготовлено из круглого в сечении стержня. Диаметр 3,2, толщина 0,6 см (рис. 21, 3).

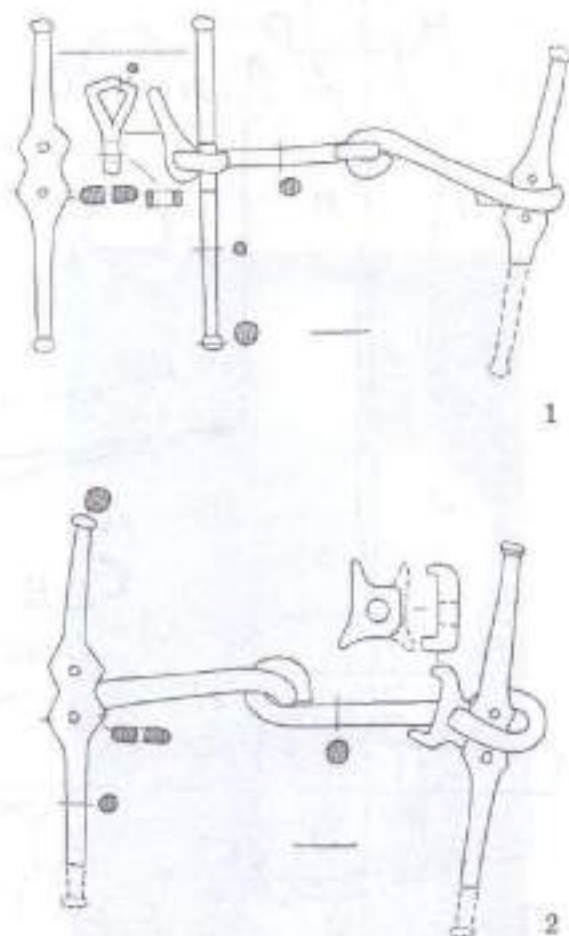

Рис. 22. Водяная Могила. Удила из конского захоронения
1 — копь № 1; 2 — копь № 2 (железо)

21. Две круглых железных ворварки изготовлены из уплотненной в сечении проволоки диаметром 1,9–2,1 см (рис. 21, 5–6).

22. Железная подпругная пряжка прямоугольной формы размерами 6,5 x 5,0–5,3 см. Изготовлена из квадратного в сечении стержня толщиной около 0,7 см. На одной из коротких сторон имеется выступ-кнопка (рис. 21, 2).

Центральная гробница (погребение № 3)

23. Остродонная амфора типа Солоха I. Яйцевидный корпус, сильно вздутый в верхней части, плавно переходит в крутые плечики. Небольшая ножка снизу снабжена выемкой. Короткие вертикальные ручки, овальные в сечении, вверху прикреплены под венчиком, внизу посредине плечиков. Грибовидный в с-

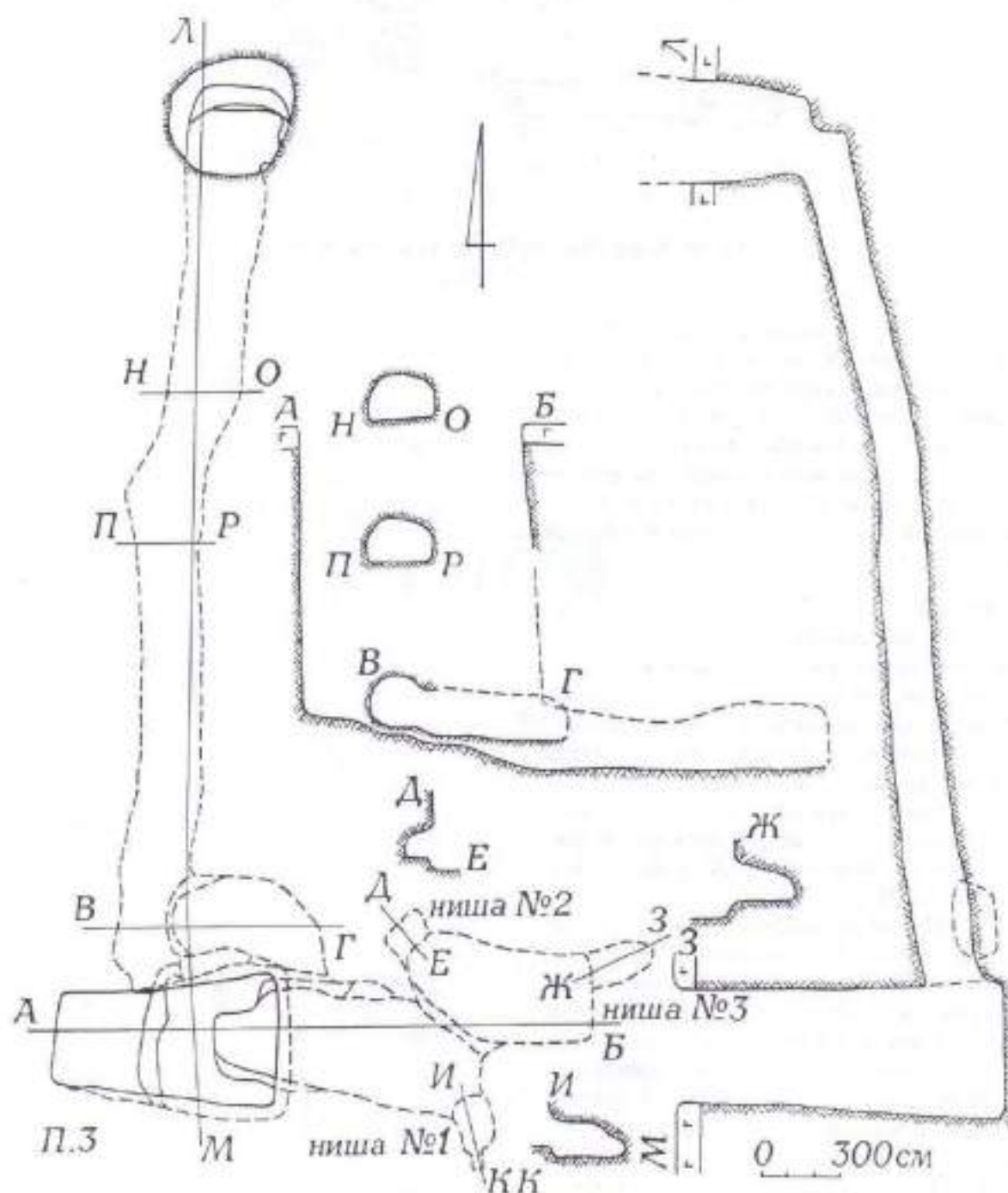

Рис. 23. Водяна Могила. План и разрезы центральной гробницы кургана (погребение № 3)

чени венчик сильно оттянут наружу, край его скошен. Тесто розово-оранжевого цвета с примесью мелкозернистого песка. Высота сосуда 68,8, высота верхней части 30,8, максимальный диаметр 41,5, диаметр венчика 16,5, устья 12,0, пятки 8,0, высота ручек 17,0 см. Глубина емкости 59,0 см (рис. 24).

24. Бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с чуть выступающей втулкой, прямоугольным ложком на 2/3 высоты головки. В двух ложках имеются тамгообразные знаки в виде горизонтальных рельефных полосок по одну сторону втулки. Длина 3,2 см (рис. 25, 6).

25. Две костяные насадки от рукояти составного веретена греческого типа в виде усеченного конуса с широким сквозным отверстием. Снизу, сверху и посередине украшены группами резных параллельных линий, между которыми в нижней части расположен ряд двойных concentрических колец с точкой посередине. Орнамент прокрашен красной краской. Высота насадок 3,0 и 2,7, диаметр внизу 1,7, сверху 1,2 см (рис. 25, 1, 2).

26. Два трехлопастных бронзовых наконечника стрел с короткой выступающей втулкой, ложком до острия. Во всех ложках имеются рельефные тамгообразные знаки в виде «галочки» и трех поперечных полосок сверху. Длина 3,3–3,4 см (рис. 25, 5).

27. Фрагмент цельной костяной рукояти ножа, расширяющейся книзу. Имеет восьмигранное сечение. Черенок ножа крепился в распиле рукояти с помощью железной заклепки. Сохранившаяся длина 6,4 см (рис. 25, 7).

28. Фрагмент полированной костяной рукоятки зеркала с расширенным овальным окончанием. Состояла из двух плоских пластин, скреплявшихся между собой бронзовыми заклепками. На одной из поверхностей окончания процарапан рисунок в виде треугольника. Длина обломка 3,3, сохранившаяся ширина окончания 2,8 см (рис. 25, 3).

29. Обломки трех цилиндрических железных штоков древков дротиков. Один из них имеет глухое окончание. Диаметр у всех одинаковый – 1,0 см. Сохранившаяся длина – 12, 8 и 6,8 см (рис. 25, 10–12).

30. Обломок ножки пепаретской амфоры (тип Солоха II) из красноватой глины с примесью крупных белых частиц (рис. 25, 4).

31. Фрагменты панцирного покрытия из удлиненных железных пластин шириной до 2 см с закругленными внизу углами (рис. 25, 13, 15). Низ панциря, по-видимому, был оформлен горизонтальным рядом, набранным из 8-видно изогнутых пластин высотой 4,7 см. Ширина не определяется из-за сильной разрушенности коррозией (рис. 25, 14).

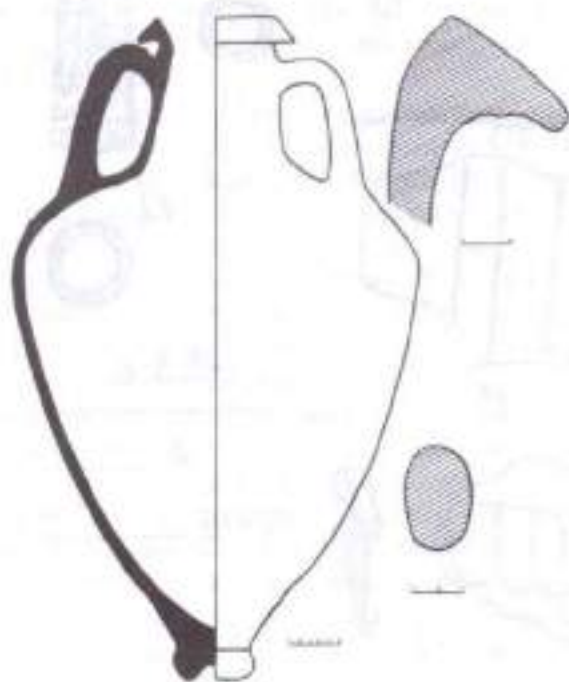

Рис. 24. Водяна Могила. Амфора из центральной гробницы (погребение № 3)
Тип «Водяной Могила» по С.Ю. Монахову

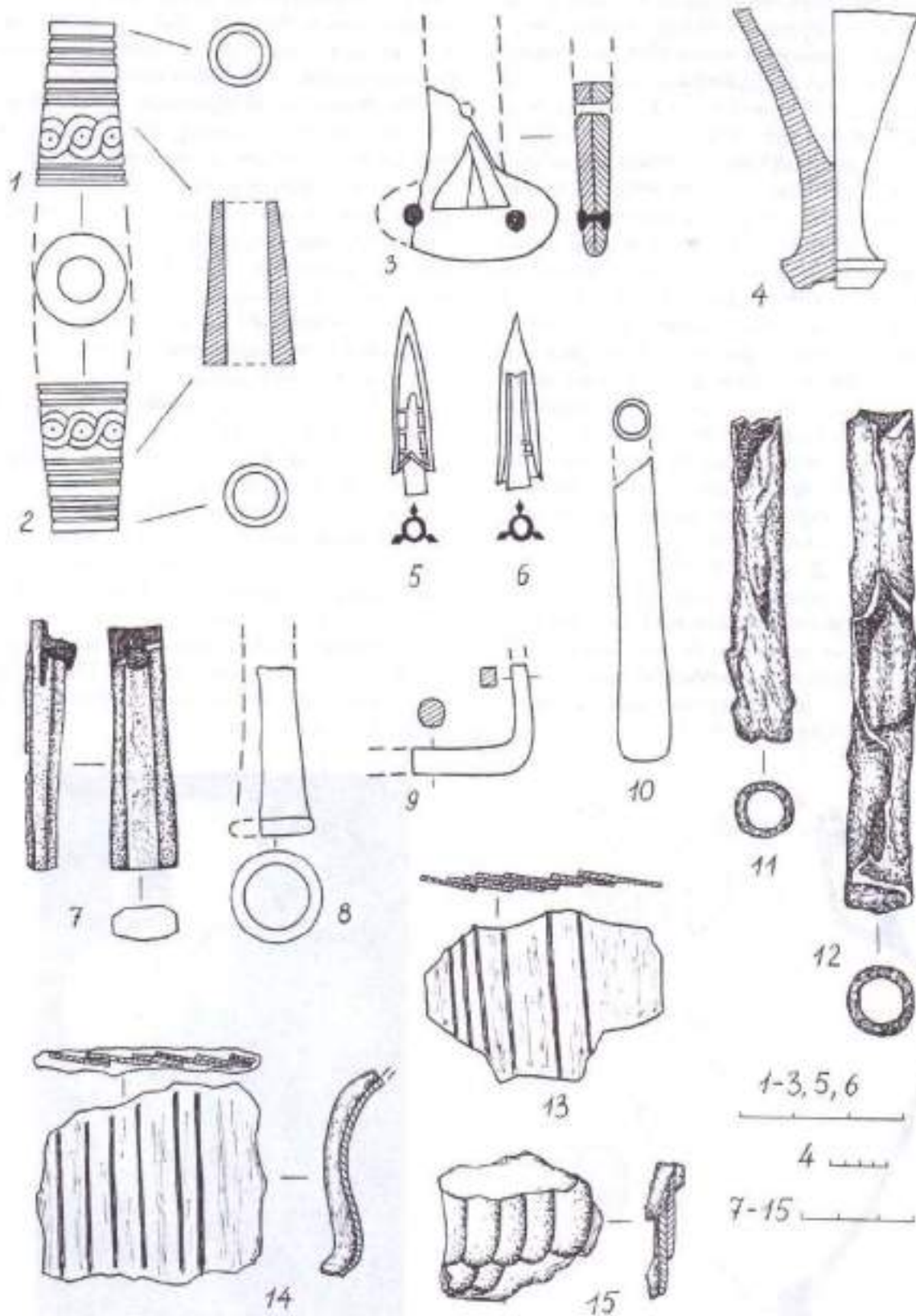

Рис. 25. Водяна Могила. Находки из центральной гробницы
 1, 7 – кость; 3 – кость с бронзой; 4 – керамика; 5, 6 – бронза; 8–15 – железо.

Рис. 26. Бабина Могила перед раскопками. Вид с востока

3.2. БАБИНА МОГИЛА³

Курган находился в 1,5 км к югу от с. Тарасо-Григорьевка Апостоловского р-на Днепропетровской области, в 4,5 км к СЗ от Водяной Могилы и в 3 км к ЮВ от Желтошаменской Толстой Могилы, исследованной Б.Н. Мозолевским в 1974–1975 гг. [Мозолевский, 1982]. Располагался на водораздельном плато, ограниченном с запада, юга и востока разветвленной сетью балок. Возле него располагались 13 распаханых курганов высотой до 1,5 м (рис. 2). Два кургана принадлежали ямной культуре, остальные – скифские. Группа исследована экспедицией ДГУ в 1986 г. [Костенко, 1988; Андросов, 1990].

Название кургана взято с трехверстка Российской Генеральной штаба середины XIX в. Это уже забытое название, сохранившееся на старой карте, как выяснилось при раскопках, отнюдь не случайно. В грабительском колоде на вершине кургана на глубине 2,8–3 м была найдена плита-постамент для установки скифской антропоморфной стелы (1). Сама стела не найдена. Видимо, она была сброшена с кургана во время позднейшего ограбления и в дальнейшем уничтожена при добыче камня из кургана. Скифская стела продолжала оставаться объектом поклонения и для более поздних кочевников. В доловецкое время ей осуществлялись подношения, о чем свидетельствует находка к северу от грабительского раскопа на глубине 1 м компактного скопления фрагментов средне-

вековой керамики, в котором выделился крупный фрагмент канвализированной амфоры (2). Как свидетельствует курганная топонимика, происхождение названий типа Бабина, Баба и т. п. связаны с каменными антропоморфными изваяниями, установленными на их вершинах. Вероятно, во время первых топографических съемок в середине XIX в., или незадолго до того, каменная баба на вершине нашего кургана еще существовала, что и было зафиксировано в названии памятника.

Форма насыпи кургана Бабина Могила в целом полусферическая. Южный склон при этом сильно растянут, остальные весьма крутые. Наибольшей крутизной отличался северный склон. Вершина кургана уплощена вследствие разрушения грабительским раскопом и имела вид площадки диаметром 8 м. На ней сохранились следы заплывших ям. Наиболее высокая точка кургана была немного смещена к северо-западу от геометрического центра и на 0,65 м возвышалась над ним. Высота от уровня древней поверхности до этой точки к моменту раскопок составляла 8,15 м, диаметр 60 м (рис. 26; табл. 3, 11).

Курган покрывала мощная степная травяная растительность. На краю ЮЗ поля кургана находились густые заросли терновника. По основанию насыпь опоясывала широкая терраса, образовавшаяся при выборке камней из последней крепиды. Особенно выразительной терраса была с восточной стороны, где сохранилась заплывшая канава глубиной до 0,5 м. В разных местах на террасе и выше нее сохранились ямы разных размеров, вероятно, также связанные с добычей камня.

Поля кургана ко времени раскопок были подрезаны в результате постоянной распашки

³ Раскопки Бабиной могилы проведены Орджоникидзевской экспедицией ИА АН УССР на протяжении апреля-июля 1986 г. Исследованием кургана руководил С.В. Ползи.

Рис. 26а. Бабина Могила. Начало раскопок

Булдозер ДЗТ-250. Справа налево сидят: А.С. Старовойт, С.Е. Мухомад, Б.Н. Мозолевский, А.Д. Крыжановский, С.В. Полин. Стоит внизу В.Н. Левченко

окружающего поля. С западной стороны от кургана на удалении до 15 м на поверхности поля встречалось значительное количество измельченных плугом обломков амфор и костей животных, являвшихся остатками тризны. С юго-западной стороны, под терновником, визуально прослеживался широкий ров, залпывший тучным черноземом. Следы его при целенаправленном наблюдении можно было заметить и на других участках. С северо-запада за ровом при определенном освещении на пашне хорошо была видна светлая дугообразная полоса, образовавшаяся на месте распаханного выклада из рва, вероятно, некогда образовавшего кольцевой вал вокруг кургана (рис. 27).

3.2.1. Методика раскопок кургана

Курган был раскопан полностью на снос. Исходя из опыта исследования крупных курганов скифской знати, вначале планировалось снять до уровня крепиды восточную половину верхней части насыпи, а затем, получив с помощью уступа полный вертикальный профиль кургана, проходящий строго через его центр, оставить в нижней части несколько дополнительных бровок меньшей, неполной высоты и вручную зачистить с внешней восточной стороны все полукольцо крепиды. Аналогичным образом предполагалось исследовать и западную половину памятника. Однако характер

конструкции кургана и условия его раскопок внесли в эти планы существенные коррективы.

Центральная траншея была заложена по линии С-Ю с отступлением на 2,5 м к западу от центра кургана. На глубине 3,2 м от центра (3,85 м от наивысшей точки насыпи) для безопасности исследований был оставлен уступ шириной 2,5 м, так, что его нижняя граница совпадала с центральной осью насыпи. При пробивке траншеи выяснилось, что курган имеет не одну, а несколько мощнейших каменных конструкций. Поэтому зачистка с внешней стороны лишь последней из них теряла всякий смысл. Тем более, что она весьма существенно пострадала при добыче камня, а также вследствие естественного оплывания пол кургана. Была намечена дополнительная бровка, параллельная центральному разрезу. Однако ее намеченная толщина в 2 м оказалась недостаточной, чтобы выдержать вес огромного количества камней, попавших в нее. Бровка начала разрушаться еще в процессе пробивки траншеи по мере их углубления, и ее пришлось убрать. В результате восточная половина насыпи была снята всплошную в пределах рва и для изучения конструкции памятника остался лишь центральный профиль № 1.

А между тем на этой половине кургана были открыты четыре погребальные ямы, т. е. все погребения кургана, а для установления как последовательности их сооружения, так и дополнительного оформления насыпи,

связанного с каждым из них, данных было получено в обрез (рис. 27; 28; 29). Поэтому были приняты все меры для получения дополнительных разрезов на западной половине памятника. Но и здесь провалилась первая же попытка, связанная с намерением оставить с высоты

уступа центральную бровку на его ширину – 2,5 м. И эта толщина оказалась недостаточной, чтобы удержать массу камня, и для безопасности работ ее пришлось снять, прирезав к существующему раскопу полосу шириной 5 м. Только на этом расстоянии удалось оставить дополни-

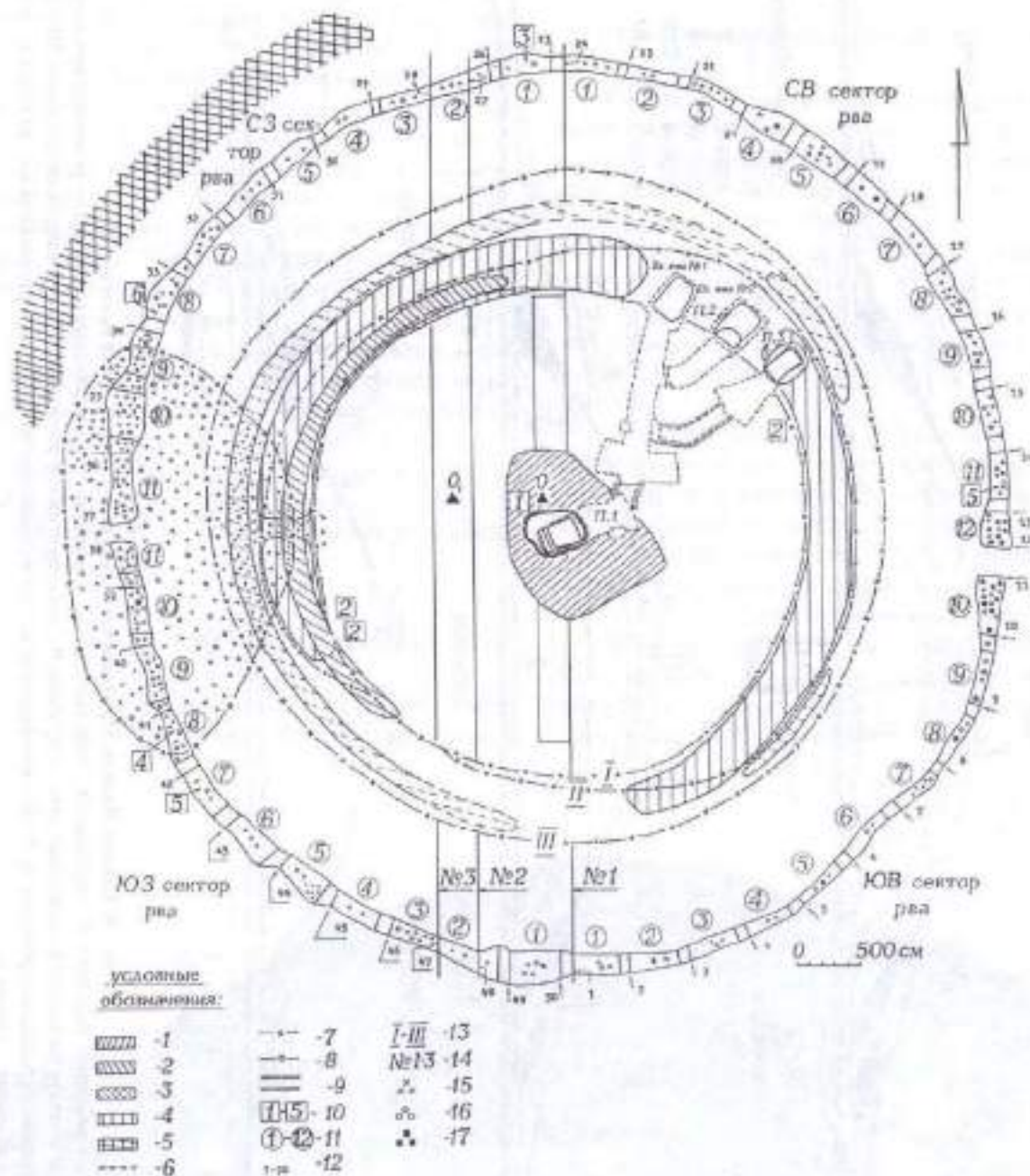

Рис. 27. Бабина Могила. Общий план

Усл. обозначения: 1 – материковый выкйд из гробницы № 1; 2 – материковый выкйд из гробницы № 3; 3 – материковый выкйд из рва; 4 – материковый выкйд из гробницы № 2; 5 – остатки околочурганного вала; 6 – контуры подземных сооружений; 7 – внешние границы каменных крепид; 8 – пределы распространения остатков глины; 9 – грабительские ходы; 10 – отдельные находки (1 – база стены, 2 – фрагменты амфор, 3 – скопление украшений погребального кортежа, 4 – кость руки человека, 5 – фр-ты чернолаковой керамики); 11 – номера участков рва; 12 – номера разрезов рва; 13 – номера крепид; 14 – номера профилей насыпи кургана; 15 – обломки амфор; 16 – кости животных; 17 – речная галька

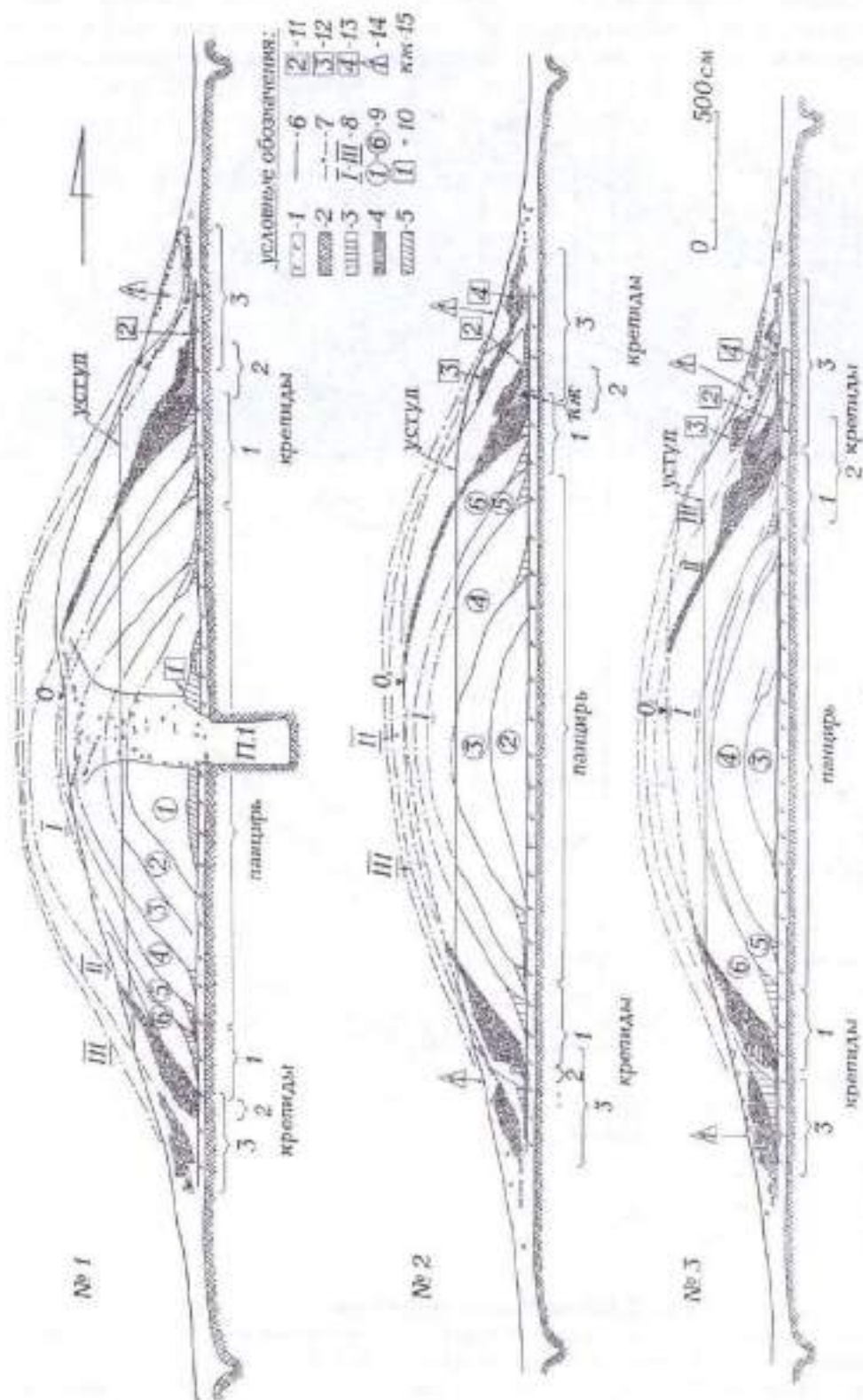

Рис. 28. Бабушка Могила. Профили насыпи кургана № 1-3. Вид с востока

Усл. обозначения: 1 - погребенный вертикаль; 2 - материк; 3 - илестые скалы; 4 - камень; 5 - материковые выканды; 6 - реконструированные линии насыпей; 7 - контур насыпи кургана к моменту раскопок; 8 - основные насыпи кургана; 9 - конструктивные доски в структуре периметрической насыпи; 10 - материковый выканд из гробницы № 1; 11 - материковый выканд из гробницы № 2; 12 - материковый выканд из гробницы № 3; 13 - материковый выканд из рва; 14 - переколы насыпи при добыче камня; 15 - лопатка круглого животного

тельную западную бровку шириной 3 м, высотой 4 м. Она была зачищена с обеих сторон и сохранялась до конца исследований. Благодаря ей получены профили западной половины кургана №№ 2 и 3 (рис. 27; 28). Каменные конструкции зафиксированы здесь в деталях и дают важные сведения для изучения истории сооружения памятника (рис. 35–41; табл. 3, 2; 4, 1–2; 5, 1). В результате удалось вполне надежно установить и последовательность погребений в кургане, и характер связанных с ними работ по оформлению насыпи. К западу от дополнительной бровки насыпь была снята сплошь в пределах рва, как и на восточной половине памятника. Какие-либо иные погребальные сооружения в кургане к западу от центрального разреза отсутствовали.

Таким образом, было установлено, что курган использовался для погребений четырежды. Большой объем подземных сооружений при колоссальном вертикальном давлении насыпи, чрезвычайно насыщенной камнем, обусловил прогиб древней дневной поверхности под центральной частью кургана на глубину до 0,3 м.

3.2.2. Стратиграфия кургана

В конструкции кургана отчетливо выделяются три последовательных строительных

горизонта, включающих работы по сооружению погребений, строительству связанных с ними насыпей и их оформлению различными каменными конструкциями, связанными с каждым конкретным захоронением кургана.

3.2.3. Первый строительный горизонт

Связан с первичной в кургане женской гробницей № 1. Глиняный выкид из нее был уложен на древней дневной поверхности вокруг входной ямы в виде неправильного кольца. Наибольшая его ширина (4,5–7 м) и толщина (0,5–0,8 м) зафиксированы вдоль северной, восточной и южной стен входной ямы. Свободный доступ к яме существовал только с западной стороны, где ширина выкида составляла 2,5 м при совсем незначительной толщине (рис. 27).

В нижней части толщи выкида лежал чернозем, выше он был перекрыт глиной. К северу от входной ямы в разрезе № 1 над черноземной частью выкида в глину вклинивался четкий черный квадрат размерами 0,3 x 0,4 м, происхождение которого не совсем ясно (профиль № 1 – рис. 28). Можно только предположить, что чернозем с дерном на месте будущей входной ямы вырезался кусками. Глина же после выемки из могилы подвергалась какой-то перепланировке, при которой разноцветные

Рис. 29. Бабина Могила. Профиль кургана № 1. Общий вид с северо-востока. Справа сверху – каменный панцирь, некогда покрывавший поверхность первичной насыпи

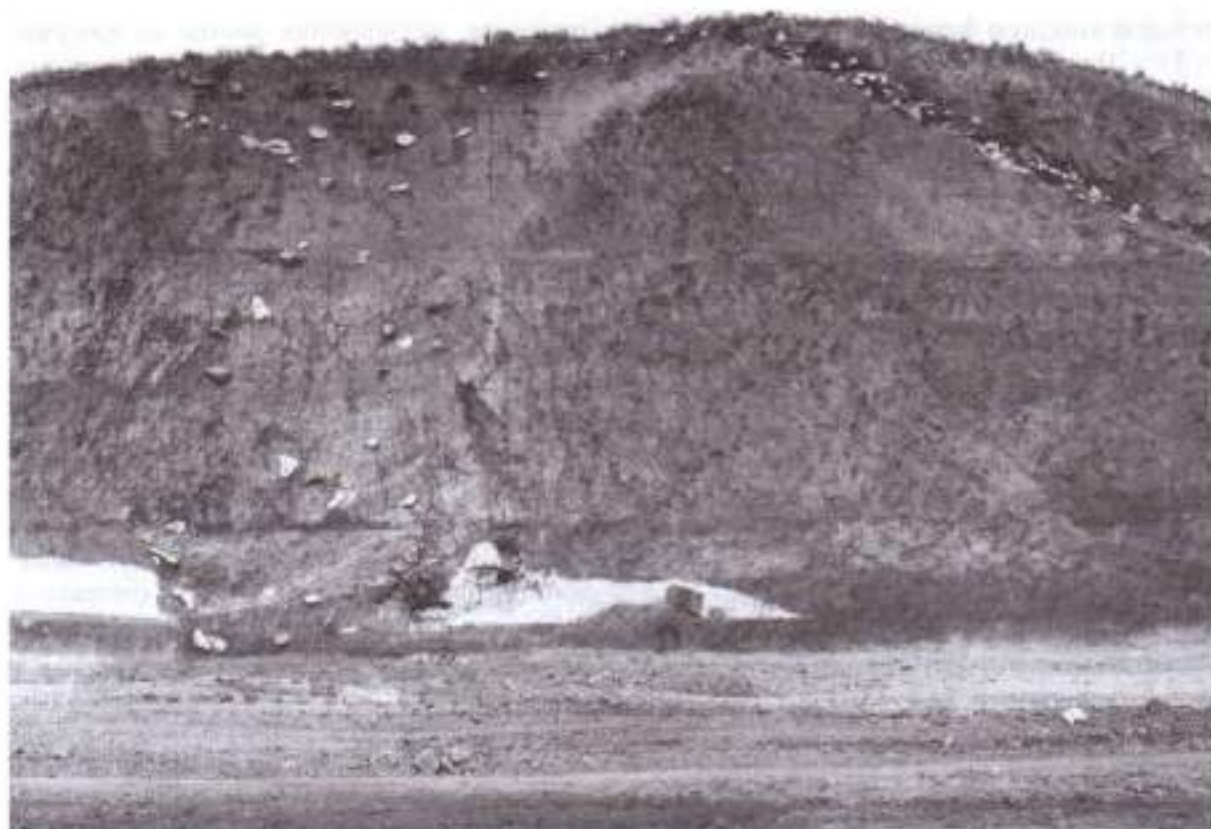

Рис. 30. Бабина Могила. Грабительский колодец с вершины кургана в профиле № 1

глины с разных глубин перемешивались. Во всяком случае, в отличие от многих других скифских памятников, здесь послойность укладки выкида отсутствовала. Как выяснилось в процессе исследований, значительная часть выкида была использована в дальнейшем на забутовку входной ямы.

Г-я насыпь кургана Бабина Могила

Грунтовая часть насыпи кургана над гробницей № 1 была возведена в шесть последовательных приемов, в результате чего равномерно наращивались и ее диаметр, и высота (рис. 27–29). Первичное ядро высотой 3,8 и диаметром 16,5 м имело уплотненную («толстую») вершину диаметром около 4 м. Последующие конструктивные досыпки первичной насыпи имели следующие параметры (высота/диаметр): 2) 5,2/20 м; 3) 6,7/23 м; 4) 7,5/28,5 м; 5) 7,7/32 м; 6) 9,3/37 м. Вершущи досыпок с 4-й по 6-ю разрушены позднейшим грабительским колодецем. Их высоты реконструированы в наиболее вероятных пределах.

Все шесть конструктивных досыпок сложены из кусков дерна, очень хорошо прослеживаемых в разрезах кургана (рис. 28–30). Друг от друга досыпки четко отделялись белесой линией иствелшей травы. Различия

в цвете грунта досыпок небольшие. Так, в первых трех из них дерн более темного цвета, в трех последующих – несколько светлее, с едва уловимыми местами рыжеватым оттенком.

Куски дерна во всех досыпках, как правило, лежали хаотично, однако кое-где удалось заметить и некоторую упорядоченность. Так, в третьей досыпке северный край имел уступчатое оформление, сверху его перекрывал наклонный слой кусков дерна. В пятой досыпке дерн был уложен слоями, параллельными склону насыпи, как и в шестой досыпке. Их уклон на всю ширину последней досыпки около 3 м составил 0,5 м. По наблюдениям, сделанным в профиле № 1, в верхней части насыпи слои дерна были уложены параллельно каменному панцирю, лежавшему на поверхности первой насыпи. При этом они имели то более черную, то коричневатую окраску.

Склоны всех шести дерновых досыпок первичной насыпи были очень крутыми. Все они, за исключением первоначального ядра и первой досыпки, имели с боков треугольные в разрезе черноземные смывы, тождественные уже описанным при изучении Водяной Могины. Грунт в смывах мелкоструктурный. Веде в смывах, в особенности в профиле № 3, удаленном от

Рис. 31. Вабина Могила. Общий вид профиля № 2

центра на 10,5 м, наблюдалась то более, то менее выраженная мелкоелюстоость, совпадавшая с направлением склонов досыпок. В центральном профиле №1 в смывах пятой и шестой досыпок визуально выделялись соответственно два и четыре приблизительно равных по мощности толстых слоев. Необходимо отметить, что смывы даже при одной досыпке в разных местах имели различную мощность, а кое-где и вовсе отсутствовали. Что является дополнительным доказательством их естественного, отчасти даже случайного происхождения.

Какие-либо находки в описываемых досыпках отсутствовали. Только в ЮЗ секторе перед крепидой № 1 в 1 м выше древней дневной поверхности найдено несколько обломков амфор.

На Чертомлыке, имеющем сходную конструкцию насыпи, основание каждой последующей досыпки лежало на все более мощном, по мере удаления от центра, слое, так называемом «рабочем горизонте», образовавшемся на древней дневной поверхности при строительстве кургана, скорее всего, в результате натаптывания его стротелями кургана при переноске грунта [Чертомлык, 1991: 35, рис. 10–15; 20; 22; 24; 28]. В Бабиной Могиле это явление отследивалось значительно менее выразительно, что, несомненно, обусловлено намного меньшими масштабами земляных работ при строительстве насыпи. Очень четкий грязевой слой, который можно определить в качестве «рабочего горизонта», зафиксирован в профиле № 3 под третьей и четвертой досыпками. Толщина его здесь составляла около 8 см (рис. 28).

Скоружением крепиды и каменного панциря завершилось создание первоначального кургана над гробницей № 1, но не всего кургана. В нем были обнаружены еще две крепиды и две насыпи. Поэтому для четкости описания памятника эту первую будем называть крепидой № 1.

Крепида № 1, наброска и панцирь первичной насыпи

Состояла из кольцевой, слегка наклоненной внутрь, стены шириной 0,5–1,0 м и высотой 1,3–1,8 м, забутовки, заполнявшей промежуток между каменной стеной и грунтовой насыпью кургана. Далее по склону первичного кургана до высоты 2,5–3,0 м поднималась наброска, где переходила в относительно равномерный по толщине панцирь, перекрывавший всю первичную насыпь (рис. 27–41; табл. 3, 2; 4, 1–2; 5, 1). Среди камней крепиды

в ЮЗ секторе было найдено несколько обломков стенок амфор.

Стена крепиды состояла из горизонтально уложенных больших необработанных известняковых и, в меньшем количестве, гранитных плит до 1 м длиной, но чаще более мелких. В наиболее хорошо сохранившихся местах стена крепиды № 1 состояла из 13–15 слоев камней, на южном участке – только из 10 и была здесь, соответственно, ниже.

Наброска состояла из более мелких камней различной формы (известняк и гранит приблизительно в равных количествах). Отдельные из них не уступали по величине камням стены. На самой насыпи и на поверхности наброски камни, как правило были расположены параллельно склону, в средней же части во многих случаях наблюдалось горизонтальное их расположение. Таким образом, название «наброска» применено здесь условно. Несомненно, и здесь камни не набрасывались беспорядочно, а планомерно укладывались.

Наброска, а частично и стена крепиды № 1 были возведены непосредственно на смыве последней конструктивной шестой досыпки первичного кургана. От внешнего края крепиды на 3,5–9,5 м по древней поверхности тянулся слой натоптанного чернозема толщиной до 8 см («рабочий горизонт»). На нем в небольшом количестве встречалась мелкая каменная крошка – следы строительства крепиды № 1.

Панцирь, покрывавший всю поверхность первоначального кургана, представлял собой довольно равномерную укладку в 2–4 слоя мелких, 0,2–0,5 м в поперечнике, камней. Общая его толщина в разных местах составляла 0,3–0,6 м. К югу от центра при позднейшем ограблении панцирь был уничтожен на значительной площади.

Последовательность, принятая нами в описании каменных сооружений первичного кургана, стена – наброска – панцирь, отражает последовательность их строительства. Все начиналось со строительства опорной стенки. Судя по наблюдениям, сделанным при исследовании крепиды в Чертомлыке, строительство стенки шло последовательно, отдельными участками, так называемыми «захватками» различной длины в пределах 2,2–5,7 м. В захватках соблюдена система перевязки, между захватками в местах смыкания отмечены переломы [Чертомлык, 1991: 35–47]. Наблюдения на Чертомлыке позволяют восстановить последовательность сооружения нашей крепиды. Строилась первая захватка опорной стенки,

Рис. 32. Бабина Могила. Профиль № 1. Южная часть. Разрез крепи. Вид с востока

сразу же параллельно укладывались подпирающие стенку камни забутовки и наброски на всю высоту по склону и далее панцирь. Вторая захватка – следующая порция забутовки-наброски-панциря и т. д., до полного замыкания окружности крепи. Таким образом сформировалась мощная единая каменная конструкция, включавшая крепиду № 1, наброску и панцирь, оформившие первичную насыпь кургана Бабина Могила.

3.2.4. Второй строительный горизонт

Связан с несколько более поздней зпущной боковой гробницей № 2, устроенной в поперечной катакомбе с длинным дромсом, направленным к центру кургана, но имеющей две входные ямы на краю первичной насыпи. Первая из них, № 1, выкопана в 17,5 м, а вторая, № 2, – в 18,5 м к северо-востоку от центра кургана. Расстояние между ямами 3 м. Перед прокапыванием ям, несомненно, частично разбиралась крепида № 1.

Материковый выкид из этих ям был уложен наклонным валом вдоль крепи № 1 на слое натоптанного грунта, толщина которого здесь достигала 10 см. Прилегающая к крепи сторона вала была почти вертикальной. Высота ее достигала 1,1–1,2 м. Ширина выкида в различных местах варьировала от 3,5 до 4,8 м,

а тонкий внешний его край (глина, просыпанная и растоптанная при переноске), был растянут намного дальше. Глина укладывалась послойно, по мере выборки ее из могилы (Рис. 28; 33; 36–39; табл. 4, 1–2).

В плане выкид представлял собой две длинных дуги. Западная дуга протяженностью 51 м начиналась в 2 м к северу от входной ямы № 1, восточная, протяженностью 44 м, – в 1,5 м к югу от входной ямы № 2. В южном секторе между окончаниями дуг выкида существовал разрыв протяженностью 28,5 м (рис. 27).

Планировка входных ям гробницы № 2 относительно друг друга, а также характер расположения выкида из них свидетельствуют об одновременности создания той и другой. Правда, можно было бы предположить, что весь описываемый выкид относится только к первоначальному созданию гробницы № 2 через входную яму № 1. Однако, в кургане не было какого-либо иного выкида, который по цвету и объему глины соответствовал бы глубине и размерам входной ямы № 2 и дромса, ведущего из нее в эту гробницу. По-видимому, единовременное сооружение двух входных ям в одну гробницу отражает равновысокий, но различный по содержанию, социальный статус погребенных здесь особ.

В западной дуге выкида из гробницы № 2, строго к западу от первичной в кургане основной гробницы № 1 был оставлен проход шири-

ной 1,4 м. Вал выкида, достигавший в высоту 1,1 м, здесь прерывался. Хорошо прослеживались почти вертикально обрезанные стенки прохода. Толщина выкида в проходе составляла лишь 0,15 м. Наличие этого прохода в выкиде из впускной боковой гробницы № 2 точно напротив гробницы № 1, со стороны, откуда осуществлялся к последней доступ погребальной процессии, при полной его нарочитости, отсутствии какой-либо функциональности (напомним, что ко времени сооружения гробницы № 2 первичный курган высотой более 9 м уже существовал) недвусмысленно свидетельствует об осознании строителями гробницы № 2 необходимости соблюдения неких формальностей по отношению к предшествующей гробнице № 1. Следует также отметить, что и перемычки кольцевого рва, который также связан с гробницей № 2, лежали на одной прямой, проходящей через упомянутый проход в выкиде и входную яму гробницы № 1.

В районе описываемого прохода под выкидом на древней поверхности была прослежена тонкая прослойка натоптанного черноземного грунта, содержавшая мелкую известняковую щебенку – следы строительства крепиды № 1 – вперемежку с фрагментами стенок амфор (около 50 экз.). Последние следует связывать

с тризной около первичного кургана и рассматривать как продолжение находок обломков амфор в насыпи, на древнем горизонте и среди камней в юго-западном секторе первичного кургана. При зачистке профиля № 2 в северной его части под выкидом из гробницы № 2 найдена одиночная лопатка крупного животного.

Крепиды № 2

На описанном выкиде была сооружена крепиды № 2, сложенная из крупных (до 0,8 м в длину) и мелких (0,2–0,4 м) необработанных плит и глыб гранита и известняка. Она имела вид каменной наброски, перекрывавшей выкид из гробницы № 2, стенку и частично наброску крепиды № 1. В разрезах № 1 и 2 это перекрытие выглядело весьма плавным и постепенным, в разрезе же № 3 наброска крепиды № 2 уложена двумя ступенями с наклонными краями в виде невысоких стенок. И ступени, и края завершены крупными плитами, что, видимо, и позволило крепиде № 2 сохраниться на этом участке в первоначальном виде (рис. 28; 32–41; табл. 3, 2; 4, 1–2; 5, 1). К западу от центра среди камней крепиды № 2 найден крупный фрагмент стенки амфоры.

Если на большей части площади кургана выкид из гробницы № 2 был полностью или

Рис. 33. Бабины Могилы. Профиль № 1. Северная часть. Разрез крепид. Вид с востока

почти полностью перекрыт крепидой № 2, то в северо-западном секторе она перекрывала выкид лишь наполовину, только наиболее высокую его часть, непосредственно примыкавшую к стенке крепиды № 1. Внешний же край выкида шириной до 2 м оставался свободным от камней и выходил на околочурганную дневную поверхность.

Судя по южным участкам всех разрезов, крепида № 2 была сооружена только над выкидом из гробницы № 2. В южной же части кургана, там, где зафиксирован разрыв между дугами выкида, ее в самостоятельном виде не существовало. Здесь она, постепенно сходя на нет, сливалась со стенкой крепиды № 1.

II-я насыпь кургана

По завершению строительства крепиды № 2 курган со всеми его элементами по всей площади был перекрыт II-й насыпью, сложенной из кусков дерна. У ее основания отмечены те же, что и во всех досылках предыдущей насыпи, черноземные, треугольные в разрезе, смывы, имеющие на различных участках различную мощность и конфигурацию.

При пробивке траншеи между разрезами №№ 1 и 2 в ее северной половине было найдено скопление украшений погребального corteжа, состоявшее из бронзовых заверший, круглых и ромбических нашивных блях, обломков железных изделий (4–10).

Обнаружено оно было в перемещенном состоянии уже в отвале, но, по-видимому, сохранилось почти в полном составе. Нет сомнения, что первоначально оно залегало ближе к вершине в северной половине кургана. Однако с какой насыпью его связывать, полной ясности нет. Судя по сухости грунта с малым содержанием камней, в котором обнаружены находки, можно предположить, что скопление вещей размещалось во II-й насыпи на уровне вершины крепиды или несколько выше. Однако, исходя из аналогий, вероятнее связывать его с женской гробницей № 1 и, таким образом, реконструктивно помещать на поверхности или в теле первичной насыпи, перекрытой затем насыпью II.

Крепида № 3 и ее наброска

II-я насыпь по основанию была обнесена еще одной, третьей по счету и последней в кургане, крепидой № 3. На западе под ней встречались отдельные обломки амфор и кости животных. Крепида находилась очень близко к поверхности кургана, вследствие чего сильно пострадала от естественной эрозии и еще в большей степени от выборки камней местным населением. Однако, судя по сохранившимся фрагментам, конструкция ее имела весьма значительную мощность. По характеру она была аналогична крепиде № 1 и состояла из вертикальной внешней стены, сложенной из круп-

Рис. 34. Бабина Могила. Профиль № 2. Южная часть. Разрез крепид. Вид с востока

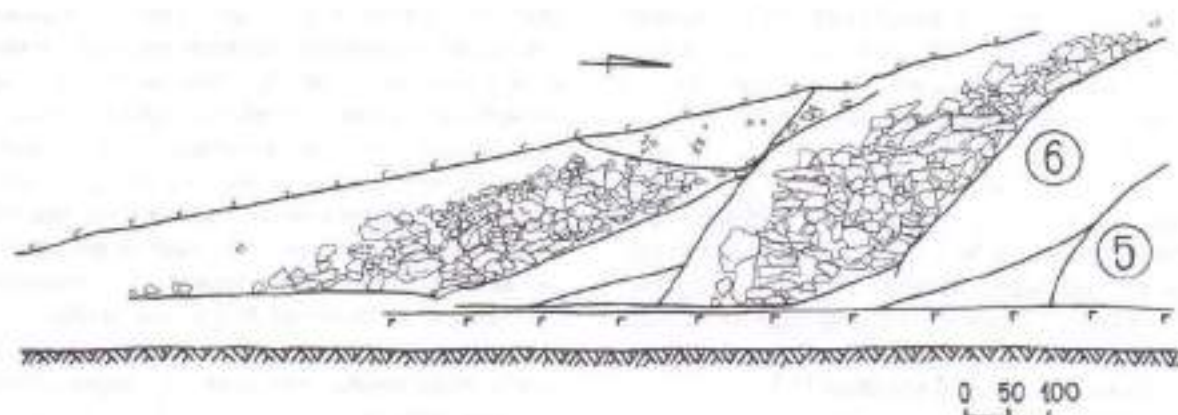

Рис. 35. Бабица Могила. Профиль № 2. Южная часть. Разрез кренид. Вид с востока

ных необработанных плит известняка и гранита, забутовки из более мелких камней, заполнявшей пространство между стеной и насыпью, и наброски, поднимавшейся вверх по склонам.

Наброска, судя по сохранившимся участкам или известняковому щебию на месте ее выборки, поднималась на курган до высоты 2,7 м. Общая ширина крениды № 3 вместе с наброской достигала 7 м. Последовательность сооружения здесь та же, что и в крениде № 1: первоначально строилась опорная стенка, параллельно укладывались забутовка между стенкой и насыпью, и по склонам основания кургана от низа кверху укладывалась наброска. Работа велась последовательными участками по окружности кургана.

Ров и трясина

Линия древней поверхности под курганом отчетливо прослеживалась до внешнего края крениды № 3. Дальше она исчезала, а вслед за этим плавно и неуклонно понижалась по направлению к полю и линия материка, переходя на расстоянии 6–10 м от последней крениды в канавообразный кольцевой ров. Таким образом, последний копался только с уровня материка, с глубины от древней поверхности порядка 0,8 м. Время создания рва отчетливо фиксируется по крениде № 3, камни которой в нижней части по всей окружности перемежались разсыпанным грязно-желтым материковым выкидом поверхностного происхождения, который может соответствовать только рву. Мощность кольца выкида составляла 0,4–0,5 м, ширина 0,8–1,7 м. Это кольцо прослежено практически повсеместно как в плане, так и в разрезах. Нет сомнения, что ров копался одновременно со

строительством крениды № 3. Сооружением его и завершился второй строительный горизонт, связанный с гробницей № 2. На этом этапе диаметр кургана достиг 50 м.

Диаметр рва по линии С–Ю составлял 72,5 м, 3–В – 71 м. С запада и востока во рву оставлены проходы шириной 1,2 и 2,2 м. В плане канава рва была сильно извилистой. Ширина ее колебалась от 0,8 до 3,0 м. Окончания рва у перемычек были оформлены в виде трапециевидных расширений с четко выраженными углами и почти вертикальными торцевыми стенами. Ширина последних составляла на западе 2 и 2,5 м, на востоке 2,2 и 2,4 м (рис. 27).

Ров имел клиновидное сечение, с сильно сужающейся нижней частью. Ширина уплощенного дна составляла около 0,2 м. Глубина колебалась в пределах 1,54–2,12 м от уровня древней поверхности. Преобладали глубины 1,8–1,9 м.

Ров раскопан на всем протяжении участками по 4 м в длину с оставлением между ними для контроля перемычек метровой ширины. На этих перемычках снято 50 разрезов рва, пронумерованных от южной оконечности центрального профиля № 1 против часовой стрелки (рис. 43). Нумерация раскопанных участков рва для удобства описания дана по секторам и велась от центрального профиля № 1 по направлению к перемычкам (рис. 27). Ниже приведены замеры глубины рва по разрезам, полученные с помощью нивелира.

Заполнение рва состояло из твердого черноземно-материкового затора, в котором преобладал чернозем. На дне рва находки практически отсутствовали. В северо-восточных и ближай-

Рис. 36. Бабина Могила. Профиль № 2. Северная часть. Разрез кренид. Вид с востока

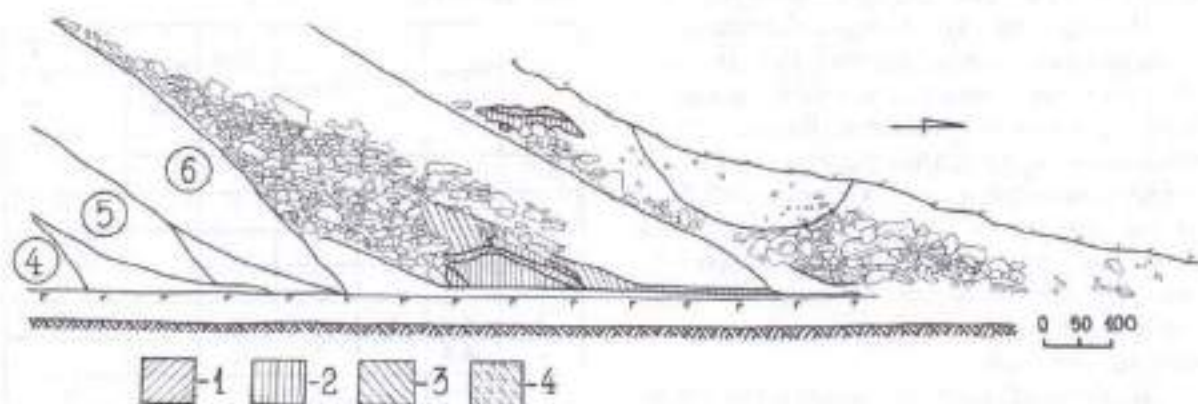

Рис. 37. Бабина Могила. Профиль № 2. Северная часть. Разрез кренид. Вид с востока

Усл. обозначения: 1 – белая глина с примесями; 2 – желтая глина; 3 – белая глина; 4 – рассыпный выкид из рва (желтая глина с черноземом)

ших к нему участках в юго-восточном секторе у дна в небольшом количестве встречалась каменная крошка, что еще раз подтверждает одновременность строительства рва и крениды № 3. По обе стороны от восточного прохода в придонной части замыва найдено более 30 мелких известняковых галек, окатанных водой. Такая же галька эпизодически встречалась на уровне залегания массовых остатков гризны по средней линии рва. На участке № 1 СЗ сектора, непосредственно под скоплением украшений «погребальной повозки» найдена лопатка

крупного животного. На участке № 5 ЮЗ сектора на дне лежал развал средней части амфоры. Ножка и верхняя часть сосуда выше ребра отсутствовали. Что любопытно, в месте находки развала ров у дна расширился до 0,4 м при обычной его ширине 0,2 м, что свидетельствует об укладке части амфоры в специально подготовленном для нее расширении. Его длина 1,1 м.

Все остальные находки во рву залегали в средней части заполнения, на подстилающем слое латечного грунта толщиной 0,7 м. Таким

№ раз-реза	Глуби-на	№ раз-реза	Глуби-на	№ раз-реза	Глуби-на
1	1,95	18	1,8	35	2,05
2	1,99	19	1,83	36	1,98
3	1,75	20	1,88	37	2,04
4	1,59	21	1,74	38	1,87
5	1,55	22	1,86	39	1,64
6	1,56	23	1,87	40	1,88
7	1,56	24	1,83	41	1,94
8	1,54	25	2,02	42	1,74
9	1,60	26	2,12	43	1,94
10	1,73	27	1,86	44	1,82
11	1,92	28	1,91	45	1,87
12	1,85	29	1,80	46	1,86
13	1,59	30	1,80	47	1,84
14	1,63	31	1,77	48	1,75
15	1,82	32	1,81	49	1,78
16	2,08	33	1,91	50	1,84
17	1,96	34	1,98		

образом, ко времени совершения тризны ров уже залыл грунтом на треть глубины. Глубина залегания находок от уровня древней поверхности 0,8–1,35 м при средней глубине рва 1,8 м.

Находки во рву не образовывали слоя, а как бы «висели» в заполнении. Исходя из этого, можно предположить, что часть из них попала в ров вместе с замывом. Видимо, первоначально остатки тризны размещались также и между насыпью и рвом, а в последний были смыты дождевыми водами вместе с грунтом. Кроме того, как отмечалось выше, значительная часть остатков тризны находилась и с внешней стороны рва на расстоянии до 15 м от западного края кургана.

На большей части рва остатки тризны немногочисленны. Скоплений, подобных открытым в Толстой Могиле и Желтокаменке, здесь нет. Найдены разрозненные кости животных, встречались отдельные обломки амфор, мелкие и средней величины камни, скатившиеся с крепиды № 3, а также уже упоминавшаяся галька, напроочь отсутствовавшая среди камней крепиды. Особенно много ее было во рву по обеим сторонам от восточной перемычки. Основная же концентрация остатков тризны зафиксирована на участках № 9–11 в СЗ секторе и № 10–11 в ЮЗ.

По определению Е.П. Секерской, в составе тризны обнаружены останки 35 особей лошадей (482 кости), 3 особей крупного рогатого скота (3 кости), 13 овец (171 кость), 1 собаки (3 кости), 4 благородных оленей (19 костей) и 5 диких кабанов (28 костей) [Секерская,

1992-А]. Особого внимания заслуживает находка среди остатков тризны плечевой кости руки человека на участке № 8 СЗ сектора рва.

Необходимо отметить сильную измельченность амфорного материала. Все ножки низко отбиты, и количество их, по сравнению с придонными частями, значительно меньше. Придонные части расколоты на много частей, ручки найдены в мелких фрагментах. Обнаружено очень немного фрагментов венчиков, мало реберных частей. В целом количество обломков амфор относительно невелико и разительно не соответствует числу сосудов, от которых они происходят. Распределение находок по участкам дано в приведенной ниже таблице. По профилированным частям, с учетом разницы в тесте конкретных сосудов сделан приблизительный подсчет количества амфор. К общему количеству в конце таблицы приплюсованы 9 амфор, фрагменты которых найдены в насыпи, среди камней крепиды № 1 и под выкидом из погребения № 2, связанных с тризной первичного кургана. Качественная характеристика амфорного материала дана ниже в общем описании вещей из кургана (3).

Сектор	Участок	Венчики	Ручки	Донные части	Ножки	Примерное количество амфор
ЮВ	№ 7	1	2	1	-	3
*	№ 10	1	-	1	-	2
СВ	№ 1	-	1	-	-	1
*	№ 3	-	1	-	1	1
*	№ 5	-	-	1	-	1
*	№ 8	-	1	2	-	3
*	№ 9	-	1	1	-	2
*	№ 10	1	1	-	-	2
ЮЗ	№ 3	-	1	-	-	1
*	№ 5	-	1	1	-	2
*	№ 10	3	9	3	1	6
СЗ	№ 7	-	2	-	1	6
*	№ 8	-	2	2	1	5
*	№ 9	1	6	6	1	6
*	№ 10	1	12	6	3	9
*	№ 11	6	22	8	1	8
Подъемный материал из рва		3	17	10	18	21-22
Площадка у западной перемычки		13	-	5	1	7-8
Итого		28	80	51	28	(82-84)+ 9-91-93

На участке № 1 СВ сектора в том же слое найдены фрагмент каменного блюда (11) и бронзовая нашивная бляха (12), а рядом, на участке № 1 уже СЗ сектора, – скопление таких же блях и других украшений погребальной повозки и конской уады, а возможно, и упряжи (13–22). Сосредоточение указанных находок залегало в плотном черноземном затеке достаточно компактно, плотным слоем 0,2–0,3 м в толщину и диаметром 0,5 м и начиналось на глубине 1 м. По глубине занимало среднюю часть рва. Вне скопления по краям участка лежали только отдельные бляхи. Крайни скопление поднималось по стенкам рва. Таким образом, вещи явно были уложены во рву на первоначальном его замыве (рис. 49; 50).

В СВ секторе на участке № 11 были обнаружены очень мелкие, не идентифицируемые с какой-либо формой, осколки чернотанкового сосуда (23), в СЗ секторе на участке № 10 – каменный терочник (24), на участке № 7 СЗ сектора – один фрагмент большой чернотанковой пиксиды (25).

Околокурганный вал

Как уже отмечалось, в 4–5 м на СЗ от рва на пухотном поле выделялась распаханная светлая полоса шириной 3–3,5 м и протяженностью по дуге около 40 м, свидетельствующая о выбрасывании выкида из рва на две стороны. Есть все основания предполагать, что на это же расстояние за рвом снимался и древний чернозем, аналогично тому, как это делалось с внутренней от рва стороны. Вместе с выкидом непосредственно из рва этот грунт должен был образовывать довольно внушительный внешний вал.

Необходимо также отметить, что с обеих сторон от восточной перемычки в заполнении рва зафиксированы большие скопления камней, поднимавшиеся почти до современной поверхности. Не исключено, что они представляли собой развал какой-то каменной конструкции, оформлявшей восточный вход на курган.

3.2.5. Третий строительный горизонт

Самый маломощный в кургане. Был связан с устройством поднейшей боковой гробницы № 3, впущенной в курган в 21 м к СВ от центра, в 3 м к ЮВ от входной ямы № 2 гробницы № 2. Входная яма гробницы № 3 прорезала северную оконечность дуги восточного вала выкида из предыдущей, для чего несомненно

разбиралась каменная крепида на этом участке. Все три боковые входные ямы были устроены в одном ряду с равными промежутками между ними и одинаковой радиальной ориентацией на центр кургана. Все это свидетельствует о точном знании устроителями похорон мест нахождения в кургане всех предшествующих погребальных сооружений и временной близости их сооружения.

Выкид из гробницы № 3 был уложен в виде дугообразной полосы шириной около 1,6 и толщиной 0,15–0,25 м поверх каменной наброски крепиды № 3 в западной половине кургана. Полосу удалось заметить только в 20 м к СЗ от входной ямы гробницы № 3. Возможно, ближе она не сохранилась ввиду малой мощности и последующей эрозии поверхности кургана, а также разрушенности насыпи в этом районе вследствие выборок камня из крепиды. Также вполне вероятно, что здесь она полностью или частично состояла из чернозема, вынутого из верхней части входной ямы и насыпи, почему и не была замечена нами. Во всяком случае, представляется маловероятным, чтобы строители начали укладывать выкид так далеко от ямы. Если только не преследовалась цель скрыть вход в гробницу от постороннего внимания. Протяженность зафиксированной дуги выкида составляла 46 м.

Чрезвычайно существенно отметить, что на всем протяжении полоса выкида лежит не наклонно, по склону кургана, а горизонтально – лишь внешний край ее незначительно опускается книзу по камням наброски. Все это не оставляет сомнения в первоначальном горизонтальном оформлении верхней поверхности края наброски крепиды № 3 и существовании вокруг кургана на высоте около 2 м террасы, подобной отмеченной И.Е. Забелиным на Чертомлыкше [ДГС II: 75; Чертомлык, 1991: 26, рис. 40]. Представляется очевидным, что реконструкция насыпей скифских курганов, во всяком случае, крупных, без учета этого наблюдения, будет уже неполной.

После похорон в гробнице № 3 курган в очередной раз был досыпан. К сожалению, у нас нет данных для оценки размеров этой III-й насыпи. Во всяком случае, несомненно то, что и выкид, и часть каменной наброски крепиды № 3 были присыпаны. К моменту раскопок выкид из гробницы № 3 залегал на глубине 0,15–0,3 м от поверхности насыпи. Как можно судить по северной части профиля № 2, III-я насыпь, как и предыдущие, также состояла из

Рис. 38. Бабина Могила. Профиль № 3. Северная часть. Разрез кренид. Вид с запада

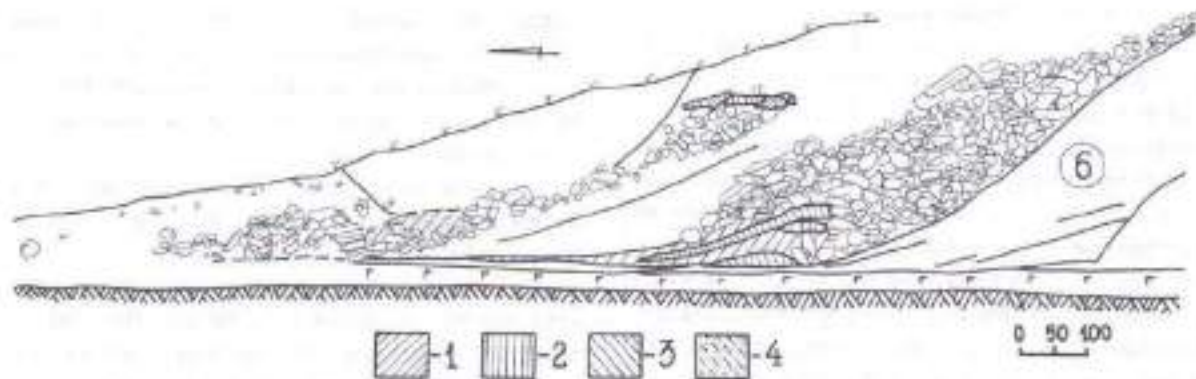

Рис. 39. Бабина Могила. Профиль № 3. Северная часть. Разрез кренид. Вид с запада

Усл. обозначения: 1 – белая глина с примесями; 2 – желтая глина; 3 – белая глина;

4 – рассеянный выквд на рва (желтая глина с червоземом)

кусков дерна. Однако нигде больше это наблюдение продублировать не удалось вследствие маломощности насыпи и, главное, плохой сохранности верхних слоев кургана.

В оплыве кургана в СВ секторе, в районе расположения входной ямы гробницы № 3, найдено около 10 фрагментов стенок амфор.

Общая высота кургана в древности в законченном виде, вероятно, составляла около 10 м при диаметре по основанию крениды № 3 около 50 м.

3.2.6. Ограбление кургана

Курган подвергался ограблению дважды. В первый раз – еще в скифское время. Судя по точному знанию взаиморасположения могил, ограбление было осуществлено современниками погребенных. Второе ограбление позднее, вероятно, совершено в XIX в.

Древнейшее ограбление было произведено через входную яму гробницы № 3. Несомненно, древнейшие грабители знали ее координаты

Рис. 40. Бабина Могила. Профиль № 3. Южная часть. Разрез кренид. Вид с запада

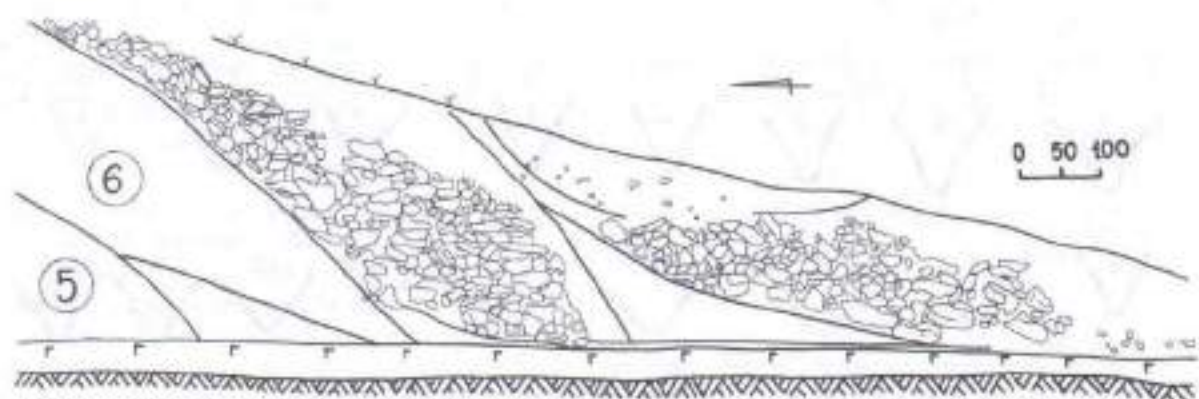

Рис. 41. Бабина Могила. Профиль № 3. Южная часть. Разрез кренид. Вид с запада

и копали колодец в СВ поле с уровня поверхности кургана точно над ней. Из ее погребальной камеры грабители пробили лаз длиной 6 м, шириной 1,2 м и высотой около 0,6 м, вышедший точно на восточную нишу в дромосе гробницы № 2. Ограбив и эту гробницу, из ниши, устроенной в дальней стене погребальной камеры гробницы № 2, они прошли дальше в погребальную камеру гробницы № 1. Толщина разделяющей стены между последними составляла всего лишь 0,4 м, и, таким образом, камера основного погребения здесь легко могла быть обнаружена при простукивании стены, если только из-за мягкости глины на этой глубине она сама по себе не обрушилась к этому времени (рис. 56).

По всей вероятности, ограбление произошло сразу после завершения похорон в гробнице № 3. Очень велика вероятность совершения этого ограбления непосредственными участниками погребальных церемоний, знавших устройство гробниц. Прежде всего об этом свидетельствует точное попадание на входную яму гробницы № 3. Обнаружить погребение, вписанное в 21 м от центра, в кургане диаметром 50 м, общая площадь поверхности которого составляла около 2000 м², без точного знания его координат практически невозможно. И выбор пути для ограбления именно через погребение № 3 также представляется далеко не случайным. Прежде всего грабители наверняка знали, что в кургане все входные ямы достаточно

Рис. 42. Бабина Могила. Постамент для скифской стелы

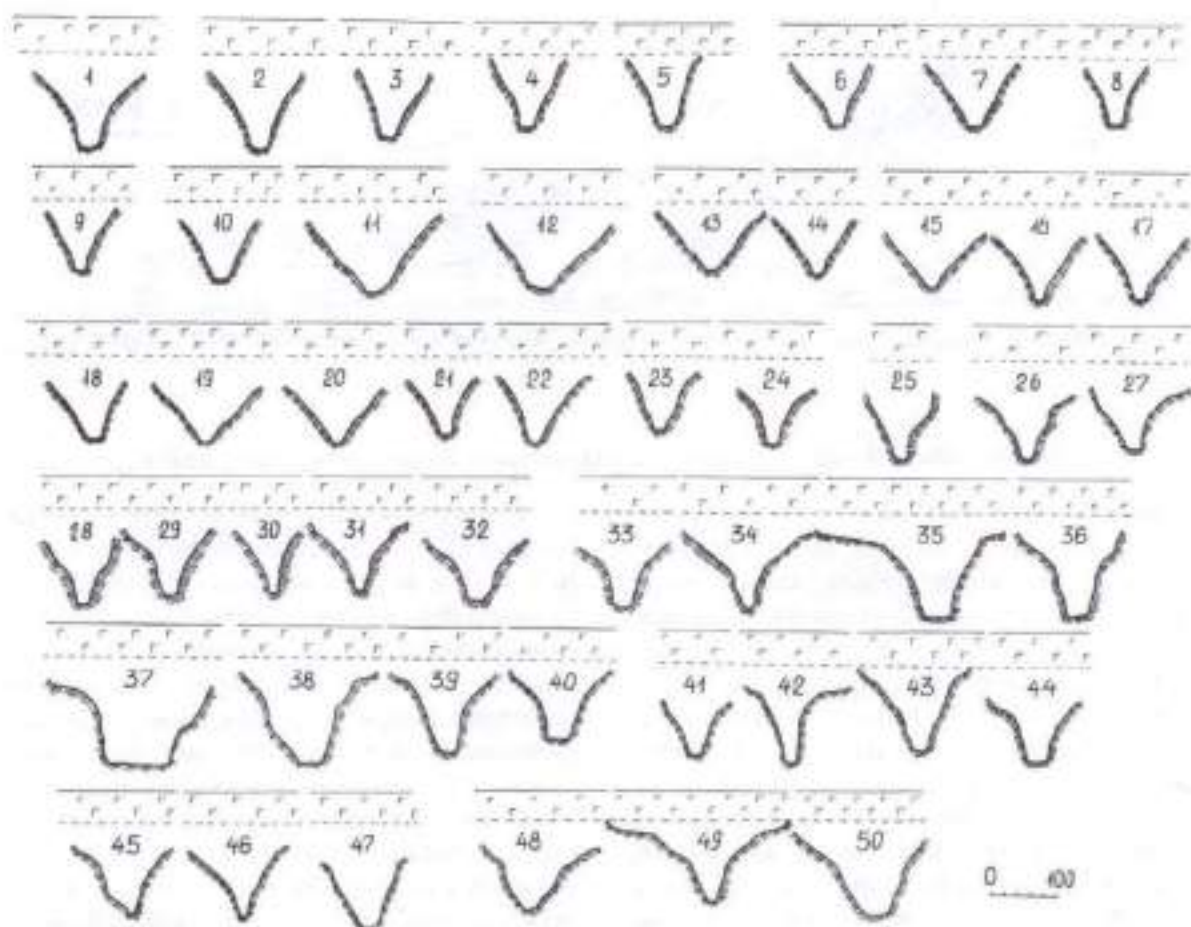

Рис. 43. Бабина Могила. Разрезы кольцевого рва

велики по площади, глубине, а кроме того, забиты камнем, поэтому и выбрали самую меньшую из них. Несомненно, принималось в расчет и то обстоятельство, что длинные дромосы гробницы № 2 могли быть засыпаны обвалами, чего можно было не опасаться в достаточно скромной по размерам и устойчивой по конструкции гробнице № 3. Наконец, лаз, пробитый грабителями из погребальной камеры гробницы № 3, точнее образом ориентирован на камеру гробницы № 2. Однако, возможно, по ходу его рытья они несколько ошиблись в расчете расстояния и преждевременно повернули лаз к северу и, вместо прямого попадания в камеру гробницы № 2, вышли в подсобную нишу длиннейшего первичного дромоса гробницы № 2. Впрочем, и в этом случае они не прогадали — длина лаза была сокращена на 0,7 м, т. е. на ширину ниши.

Подтверждением близости во времени захоронений кургана и их первичного ограбления могут быть и следы тесла на стенках грабительского лаза, выходившего из камеры гробницы № 3. Они совершенно идентичны следам, зафиксированным на стенках всех четырех входных ям кургана.

И то, что грабители не разрушили конские погребения в первичном дромосе гробницы № 2, вовсе не опровергает этот вывод, а, наоборот, подтверждает его. И дело здесь совсем не в том, что они не смогли добраться до коней вследствие обрушения свода дромоса. Древнейших грабителей интересовало прежде всего золото, поэтому им и не были нужны погребения коней, где, как они знали наверняка, ничего подобного нет. А то, что их привлекало только золото, и в первую очередь крупное, свидетельствует характер ограбления большинства скифских гробниц, опустошенных с помощью подземного бокового лаза из полы кургана. Подавляющее большинство таких ограблений относится к скифскому времени.

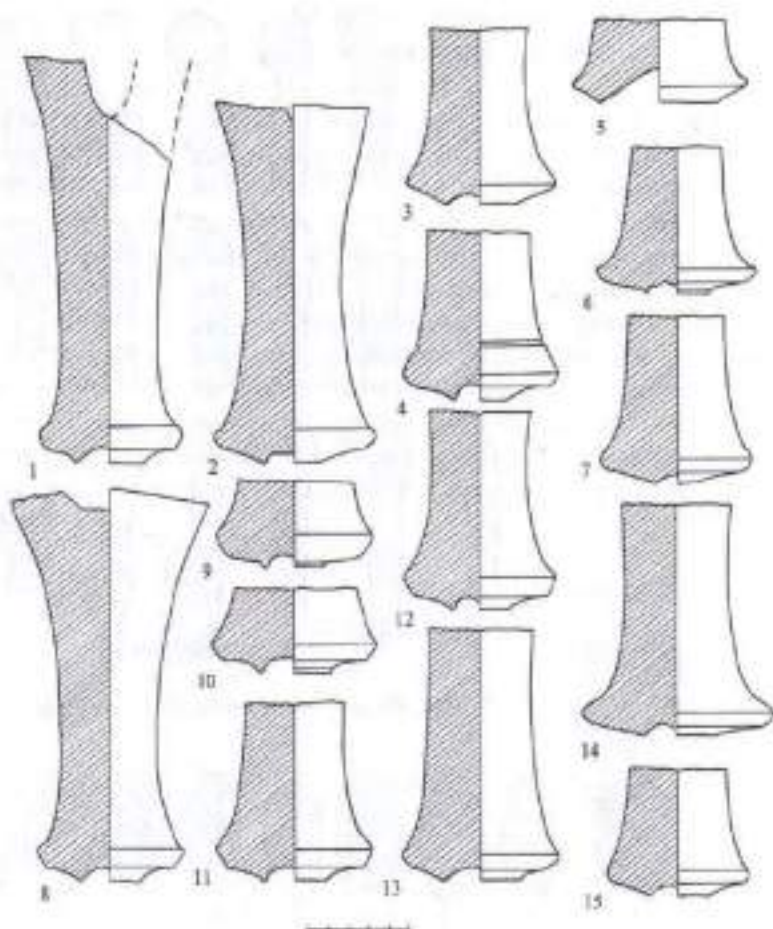

Рис. 44. Бабина Могила. Ножи амфор из тризны

Вторичное ограбление совершено через вертикальный колодец, прорытый с вершины кургана (рис. 27; 28; 30). Размеры этого колодца в насыпи Бабиной Могилы составляли не менее 4,5 x 3 м. При осуществлении этого ограбления был проделан огромный объем работ, не говоря уже о самой проходке колодца, прежде чем начать ограбление, частично была срыта и спланирована не менее чем на 2 м высоты верхушка кургана, а задно с этим удалена значительная площадь каменного панциря первичной насыпи в южной половине кургана. По-видимому, в эту сторону осуществлялся вывоз вынуженного из грабительской воронки грунта.

Стенки грабительского колодца до глубины 3 м обрушились и осыпались, в результате чего в верхней части диаметр его доходил до 10 м. Видимо, при обрушении стенок в колодец и упал постамент скифской стелы, о находке которого уже говорилось. В заполнении колодца было найдено большое количество камней. Среди них встречались крупные глыбы до 1 м в по-

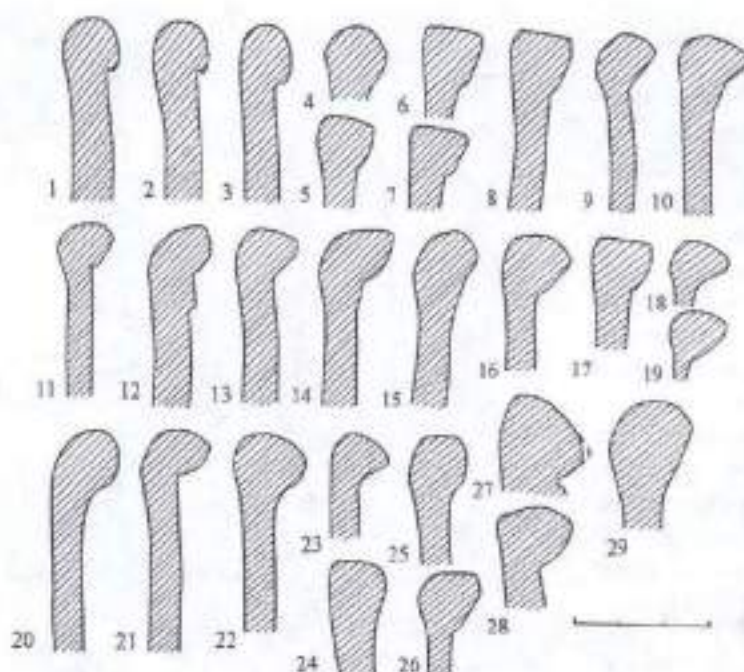

Рис. 45. Бабина Могила. Вешалки амфор из тризны

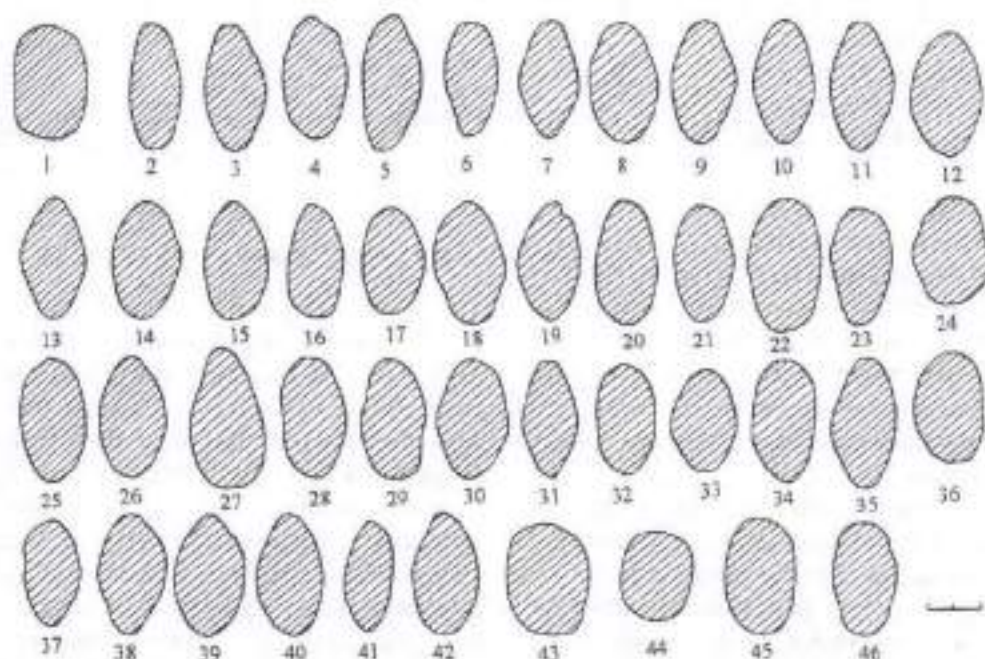

Рис. 46. Бабина Могила. Ручки амфор из тризны

перечники. В верхней части камни лежали дуговыми слоями, соответствующими горизонтам затека, постепенно заполнявшего колодец, который грабители бросили открытым. На глубине 7 м от вершины (в 1 м над уровнем древнего горизонта) начали встречаться фрагменты амфор, пропитанные окислами бронзы отдельные кости животных, перемешанные с большим количеством камней.

Попав на кольцо материкового выкида из гробницы № 1, грабители сузили колодец до размеров входной ямы. Забитая первоначально камнем, она была пройдена ровно настолько, насколько было необходимо, чтобы определить направление входа в подземелье — до уровня материковой ступеньки, оставленной под западной стеной на глубине 1,7 м. В противоположном конце яму пробрали до глубины 3,7 м, затем, пробив восточную стену и свод дромоса

наклонным ходом, вошли в подземелье, не разбирая нижнюю часть каменной забутовки ямы и каменный заклад входа в камеру.

Ко времени повторного ограбления произошло частичное обрушение сводов погребальных камер, и грабителям в поисках ценностей пришлось перебирать материковые завалы. При этом глина из камеры центрального погребения выбрасывалась во входную яму, частично даже поднималась на вершину кургана. В грабительском выкиде во входной яме обнаружена подавляющая часть костей животных и погребенных из гробницы № 1.

Через ходы, пробитые древними грабителями, более поздние прошли и в погребальные камеры впускных гробниц. Видимо, обвал свода камеры гробницы № 2, имевшей большую площадь, к этому времени был уже весьма значительным. Грабителям пришлось переместить из нее огромную массу глины в дромосы, ведущие из входных ям №№ 1 и 2, почти до самых входов, что на этот раз и спасло от разграбления погребения коней в дромосе № 1. Практически на всем протяжении дромосов в глиняном завале до высоты 1 м от дна встречались находки. В камере гробницы № 2 под западной стеной грунт был сброшен до высоты 1,5–1,6 м, о чем свидетельствуют находки во всей его толще золотых изделий, костей погребенных (в том числе черепа) и других вещей.

При обоих ограблениях Бабиной Могилы грабители прошли по всем трем гробницам в один заход. Если точность попадания древних грабителей была обусловлена знанием планировки, то в позднее время грабители прошли по уже существовавшим ходам повторно, но в противоположном направлении. В отличие от древних ограблений, позднейшие, как правило, осуществлялись колодцами, вырытыми с вершины кургана, и были направлены, в силу незнания подкурганной ситуации, в центральные гробницы.

3.2.7. Исследование погребальных сооружений кургана

После вторичного ограбления обрушение сводов подземелий усилилось, так что ко времени наших раскопок погребальная камера гробницы № 1 обрушилась полностью, а над камерой гробницы № 2 оставалась лишь тонкая прослойка материка, обрушившаяся при выходе бульдозера на уровень древней дневной поверхности. Вслед за этим просел и свод первичного дромоса гробницы № 2, длина которого составляла 10,2 м. Поэтому обе гробницы пришлось исследовать сверху, «открытым способом», вынимая верхнюю часть завалов с по-

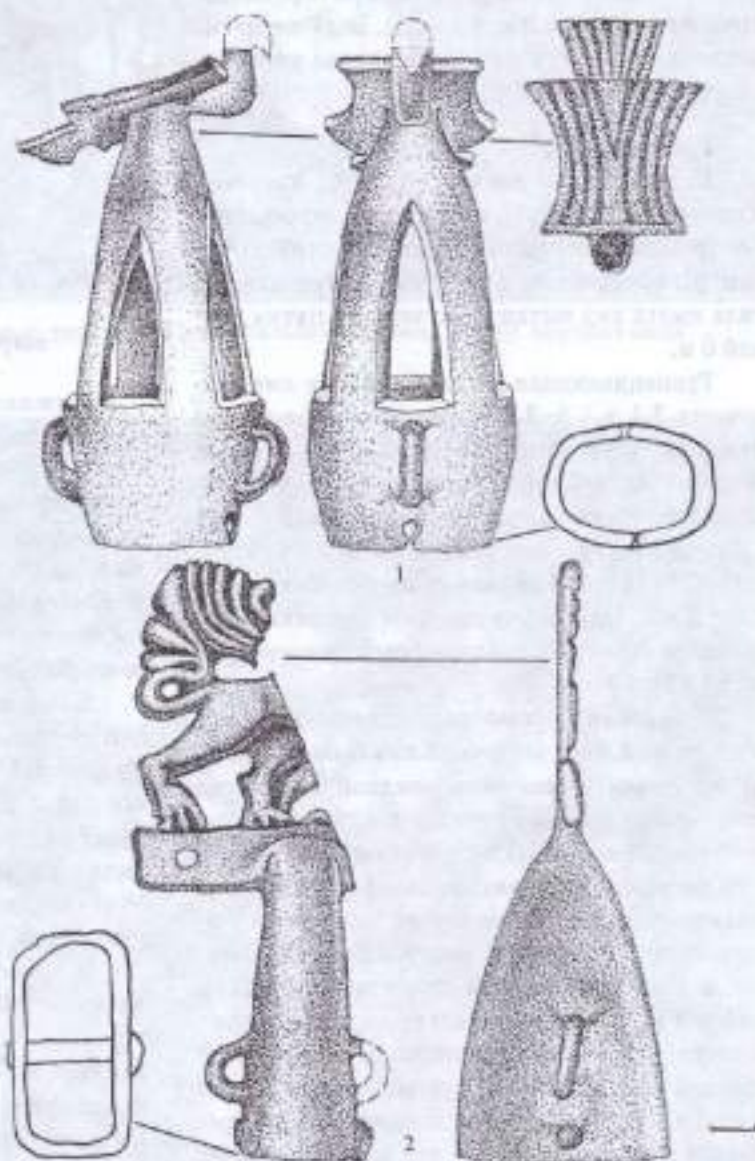

Рис. 47. Бабина Могила. Бронзовые навершия из скопления украшений погребального кортежа из насыпи

мощью экскаватора. Гробницы таким образом соединились, и на их месте под курганом был вырыт огромный котлован до 20 м в длину и 8 м в ширину. Входные ямы и нижняя часть подземелий были пройдены с помощью крепления распорками (рис. 58). Грунт перебирался вручную и поднимался наверх подъемным краном.

Когда была выполнена значительная часть проходческих работ в гробницах и уже расширены погребения коней в дромосе гробницы № 2, на курган в один день в два приема обрушился ливень небывалой силы, спасти от которого раскоп не было никакой возможности. И последний был до половины глубины заполнен водой. Под ней оказались и конские погребения. К счастью, своевременно устроенный над ними прочный деревянный настил спас конские костяки от разрушения при обрушении стен, начавшегося после дождя. Вода же мягко заливала скелеты, и они были заново расширены без особого ущерба.

Гробница № 1

Находилась в центре кургана. Устроена в катакомбе с камерой продольной ориентации. Ко времени исследований свод погребальной камеры обрушился, и на уровне материка могила имела вид вытянутого черного пятна длиной 6 м.

Трапециевидная в плане входная яма размерами 3,1 x 1,8-2,1 м ориентирована по линии ЮЗЗ-СВВ, широким торцом в восточную сторону. На глубине 1,7 м вдоль западной стенки была оставлена ступенька шириной 0,4 м. Книзу колодезь расширялся во все стороны, кроме западной. Его размеры у дна составляли 2,5 x 2,6 м. Наклонное дно ямы понижалось от западной стенки ко входу в камеру в восточной от 4,7 до 5,35 м.

До уровня ступеньки у западной стенки и глубины 2,6 м у восточной яма была заполнена зетечным черноземом средней плотности вперемешку с очень крупными, до 1,5 м в поперечнике, камнями. В нижней части, на стыке с не потревоженным ниже заполнением, была найдена основная масса костей человека и животных, выброшенных грабителями из гробницы, а также фрагменты лепного сосуда (26), амфоры (27), обломки железных наконечника и втока копья (28-29), скобы от деревянного настила или блюда (30), фрагменты бронзового зеркала (31). Часть костей животных была пропитана оксидами бронзы, что свидетельствует о первоначальном пребывании их в бронзовом котле, унесенном грабителями.

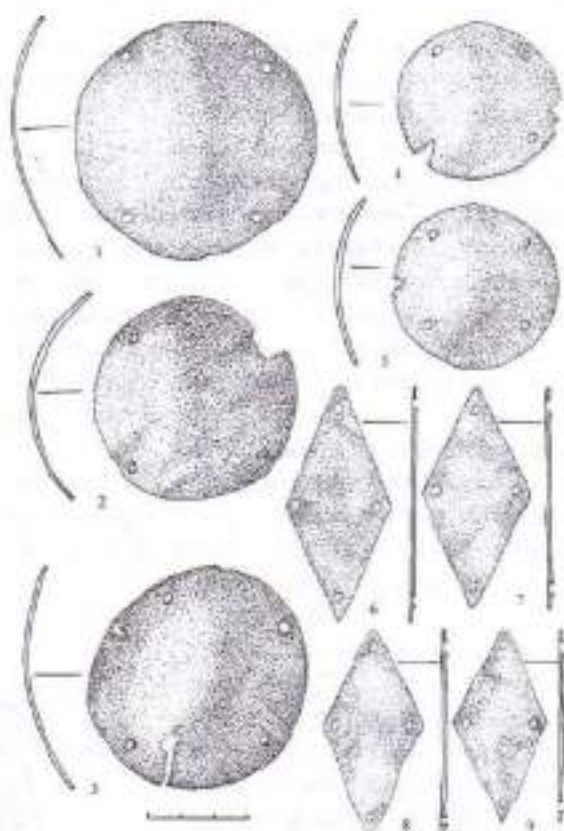

Рис. 48. Бабина Могила. Бронзовые бляхи из скопления украшений погребальной камеры из насыпи

Нижняя, не потревоженная часть заполнения ямы состояла из крупных и мелких камней, пересыпанных материковой глиной первоначального выкида из погребения. Вход в подземелье был устроен в восточной стене. Каменный заклад, его закрывавший, обрушился в погребальную камеру. В нижней части ямы на стенках сохранились следы тесловидного землеройного орудия.

В целом подземелье характеризуется подпрямоугольными очертаниями, вытянутыми по длинной оси входной ямы. Общие размеры его 4,5 x 2,8-3,1 м. Первоначальная высота свода камеры, судя по его остаткам, составляла около 1,6 м. Дно постепенно повышалось по мере удаления от входа до отметки 5,05 м (рис. 56; 57).

В южной стене помещения, ближе к его дальнему ЮВ углу, была устроена овальная в плане ниша размерами 1,65 x 0,7 м с углубленным на 0,2 м дном. Судя по аналогиям, можно предположить, что ниша предназначалась для погребения сопровождающего лица.

Частично сохранившееся захоронение слуги было обнаружено у северной стены подзе-

Рис. 49. Бабица Могила. Скопление украшений погребального кортежа во рву. Верхний слой

Рис. 50. Бабица Могила. Скопление украшений погребального кортежа во рву. Нижний слой

мелья, слева от входа. Покойник лежал вытянуто на спине, головой ко входу, на запад. Скелет был слегка развернут влево. Кисть его правой руки помещалась под тазовой костью. Кости ног ниже коленей отсутствовали, — вероятно, уничтожены при ограблении могилы еще в древности. После первичного ограбления северная стенка подземелья полностью осела, прикрыв погребение от поздних расхитителей. Кости слуги в результате обвала оказались раздавленными (рис. 59). В СВ углу помещения находилось отверстие шириной 1,1 м, пробитое первичными грабителями из камеры гробницы № 2. Его дно на 0,7 м выше пола камеры гробницы № 1.

Основное захоронение в гробнице № 1 в результате двойного ограбления было полностью уничтожено. В заполнении обнаружено лишь небольшое количество костей человеческого скелета, а также костей животных от жертвенной пищи (по одной особи лошади и овцы — *Секерская*, 1992-А), несколько бусин (37), фрагменты амфоры (27), обломок костяного изделия (38). В пол были втоптыаны отдельные золотые бляшки (32-36). Они обнаружены в дальнем конце подземелья, где, по всей вероятности, и располагалось основное женское захоронение.

Гробница № 2

Входная яма № 1 гробницы № 2. Первичной в данной гробнице была западная входная яма № 1. В плане она имела трапециевидную форму с закругленными углами, размерами 3,25 x 2-2,2 м. Широкий торцом была ориентирована на ЮЗ, на центр кургана. Яма была плотно забита дикарным камнем с небольшим количеством чернозема, просочившегося сверху в промежутки между камнями вместе с водой. Стены ямы были очень сильно побиты камнями и повреждены норами. ЮЗ стена до самого верха имела значительные трещины. Не вызывает сомнений, что камни забутовки ямы сбрасывались в нее сверху. Ко дну стены по всем направлениям расширялись, придавая яме колоколовидную форму. Наибольший отрицательный наклон имела ЮЗ стена над входом в камеру — до 1 м.

Среди камней заполнения ямы у ЮЗ стены на глубине 4,5 м найдена овечья кость, пропитанная окислами бронзы, вероятно, вынесенная сюда грызунами.

Дно ямы наклонно понижалось с СВ на ЮЗ от 5,1 до 5,4 м. Размеры ее у дна 4 x 2,6-3 м. На дне зафиксирован слой натоптанной глины

с вкраплениями чернозема и каменной крошки, образовавшийся при совершении погребения и при сбрасывании в яму камней. В ЮЗ углу на этом слое лежал железный накопечник копы (39), обращенный острием в угол.

Каменный заслон входа в подzemелье обрушился под давлением каменной забутовки входной ямы и камни заполнения ямы наклонно сползли в устье дромоса на расстояние 2,8 м от входа. Во входе в дромос высота каменной осыпи составляла 0,7-1,0 м — она закрывала вход в подzemелье лишь на половину высоты.

Вход был оформлен в виде арки шириной 2,2 и высотой 2 м. Его свод, весь в трещинах, держался в первоначальном положении на слое глины, выброшенной сюда из дромоса вторичными грабителями при переборке грунта в гробнице № 2 (рис. 56; 57).

Дромос № 1 входной ямы № 1 гробницы № 2. В самом начале дромоса, под каменной осыпью из входной ямы, лежали костяки двух коней, детальное описание которых будет дано после общей характеристики всей гробницы.

Начиная от самого входа, дромос поворачивал к востоку на 25° по отношению к длинной оси входной ямы. Представлял собой широкий прямой коридор с арочным сводом. Дно его, начиная от входа, плавно поднималось на всем протяжении к камере от 5,4 до 4,35 м. Длина дромоса составляла 10,2, ширина 2,0-2,05 м. Судя по остаткам просевшего свода, высота его равнялась 1,6-1,7 м.

Перед входом в камеру, в 0,8-0,95 м от нее, в стенах дромоса с двух сторон были устроены ниши. Западная из них круглая в плане, диаметром 0,9 м. Дно углублено на 0,2 м и лишь наполовину входило в стену. На дне найден нож с костяной рукоятью (40). Здесь же обнаружены отпечатки окислов бронзы, позволяющие думать, что ниша предназначалась для установки котла и размещения жертвенной пищи.

Восточная ниша полуовальной формы, размерами 1,85 x 0,6-0,85 м, была вытянута вдоль дромоса и широкой стороной ориентирована к камере. Дно ее находилось чуть ниже уровня пола дромоса. Свод был разрушен вышедшим на ниву из гробницы № 3 первичным грабительским ходом. Под северной стенкой ниши обнаружены в анатомическом порядке кости стоп человека, лежавшего головой к камере гробницы № 2, то есть, на юг. Рядом с ними лежали три железных штока от древков копий (41).

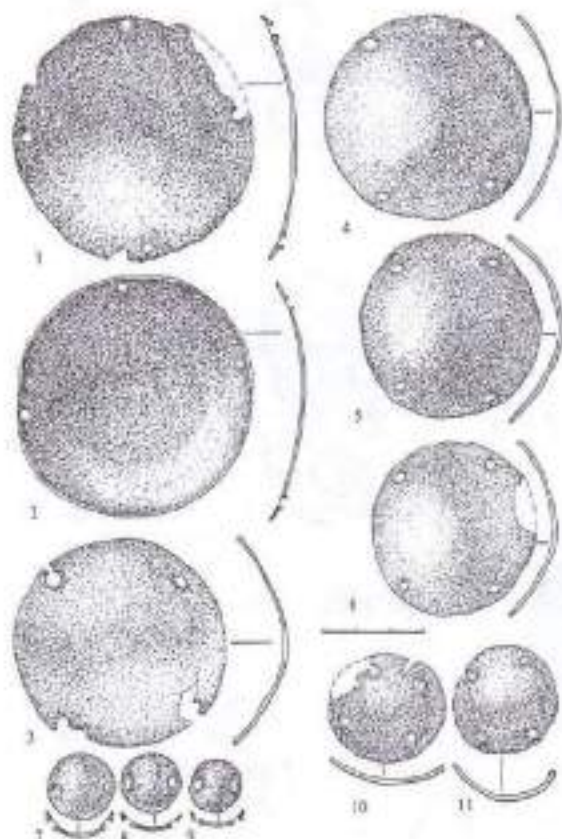

Рис. 51. Бабина Могила. Бронзовые блики из скопленного украшений погребального кортежа во рву

В 2,8 м от начала длинного дромоса в восточную его стену входил короткий дромос, ведущий из входной ямы № 2.

Входная яма № 2 гробницы № 2. В плане яма прямоугольная с закругленными углами, размерами 3,3 x 2,2 м, по длине ориентирована на центр кургана. Ко дну яма расширялась во все стороны. У дна ее размеры составляли 3,75 x 2,6–2,65 м. И здесь наибольший отрицательный наклон, до 0,4 м, имела ЮЗ стена.

На всю глубину яма была плотно забита крупными и мелкими дикарными камнями с преобладанием известнякового плитняка. Отдельные плиты достигали 1,2–1,5 м в длину. Камни пересыпаны профильтровавшимся сверху черноземом. И здесь при забутовке камни также сбрасывались сверху в яму. На глубине 1,8 и 2,5 м среди них найдены отдельные, разбитые при сбрасывании камней кости животных. Дно колодца имело легкий наклон к ЮЗ от 5,0 до 5,15 м. В северо-восточном и северном углах устроены угловые ступеньки шириной 0,15 и 0,35 при высоте 0,45–0,5 м. По длине они были чуть короче боковых стенок ямы, по

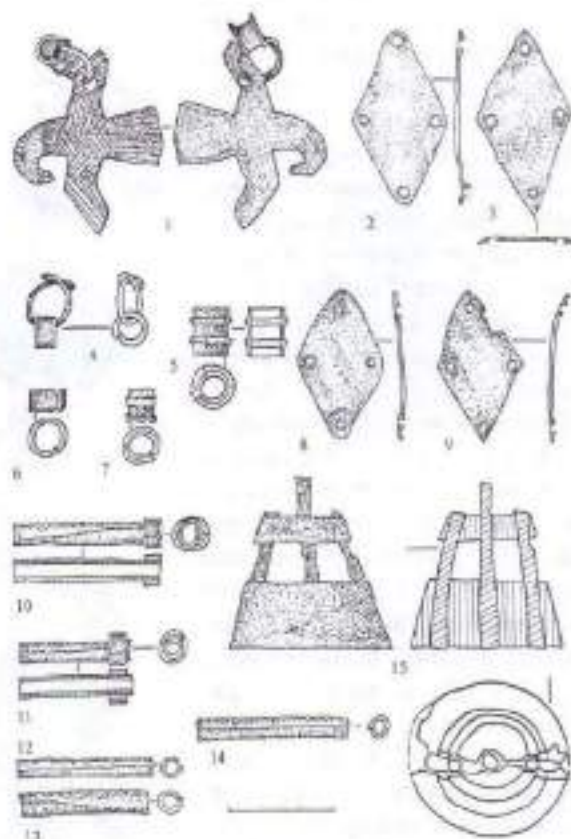

Рис. 52. Бабина Могила. Скопление украшений погребального кортежа во рву
1–14 – бронза; 15 – кость, железо

мере приближения к торцевой ЮЗ стене сходили на нет, сливаясь с боковыми стенами ямы.

В 1,5 м от этой стены в дне ямы начинался полукруглый в плане покатый спуск ко входу в дромос, устроенному в ЮЗ стенке. Дно его расположено на глубине 5,6 м. На дне ямы и спуска прослежен слой потоптанной глины с вкраплениями чернозема и каменной крошки. Возле ступеньки под СЗ боковой стенкой компактным скоплением лежали четыре лопатки крупного животного.

Дромос № 2 входной ямы № 2 гробницы № 2. Вход в дромос, по-видимому, не имел заклада. Камни забутовки из входной ямы наклонной осыпью заходили в дромос на расстояние 1,6 м. Под каменной осыпью у стенок были найдены еще две лопатки крупных животных.

В начале дромос был ориентирован по длинной оси входной ямы, но по мере удаления от нее плавно поворачивал к западу. Ширина его у входа составляла 1,7 м, после поворота он постепенно сужался до 1,5 м. Дно наклонно поднималось на 0,3 м, до глубины 5,3 м в месте соединения с дромосом № 1. Таким образом,

в точке стыка оно находилось на 0,35 м ниже дна последнего и соединялось с ним покатой ступенькой, шедшей на подъем.

Камера гробницы № 2.

Погребальная камера, весьма внушительных размеров, ориентирована перпендикулярно к большому дромосу. В плане прямоугольная, слегка изогнута по длине. Углы четко выделены. Длина у входа 5,3, у противоположной стенки — 6,5 м. Ширина у восточной стенки — 2,35, у западной — 2,8 м. Дно на глубине 4,4 м. Форма свода из-за полного обрушения не установлена. Предположительная высота около 1,8 м. В противоположной входу стене, напротив дромоса, была устроена полуовальная ниша с расширяющимся западным торцом, размерами 1,7 x 0,2–0,45 м. Дно ее на одном уровне с полом камеры. Из ниши был пробит грабительский ход в гробницу № 1. Толщина стены между нишей и углом последней достигала всего лишь 0,4 м.

Как продолжение стены дромоса, в дне камеры справа от входа четко прослеживался небольшой, плавно сходящий на нет небольшой уступ.

В результате двойного ограбления захоронения гробницы № 2 были полностью уничтожены. На дне погребальной камеры в неповрежденном состоянии в ЮЗ углу найдены лишь остатки колчанного набора в виде компактного скопления наконечников стрел (42), а в ЮВ углу несколько серебряных бусин, лежавших на тонком слое железного окисла (43).

Все остальные немногочисленные находки собраны в заполнении подземелий, тщательно перелопаченном и переброшенном с места на место подлыми грабителями. Толщина слоя с находками в обоих дромосах составляла около 1 м. В дромосе № 1, почти сразу от входа в него, начали встречаться в большом количестве человеческие кости, пропитанные окислами бронзы; кости животных, крупные и мелкие обломки амфор, единичные золотые украшения. В ка-

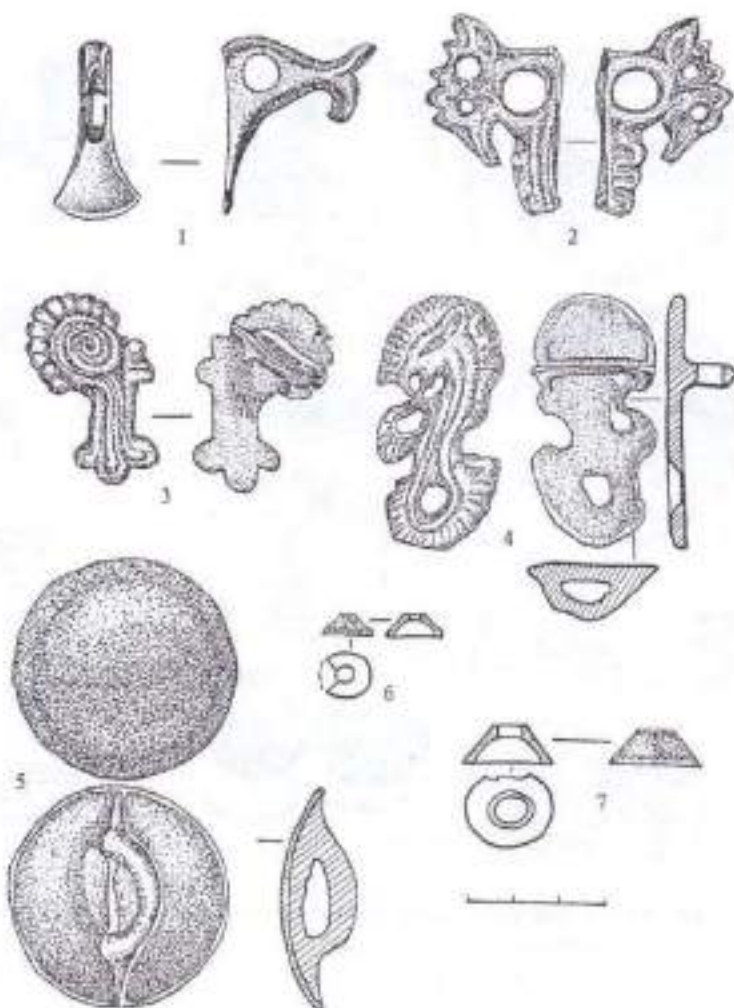

Рис. 53. Бабинка Могила. Бронзовые украшения уады из скопления украшений погребального кортежа во рву

мере большинство находок было сосредоточено в куче глины под западной торцевой стеной. Высота ее здесь достигала 2 м. Находки, обнаруженные в материковых завалах подземелий гробницы № 2, распределялись следующим образом.

Дромос №1: фрагменты втулки наконечника дротика (44), гвоздь (45), костяная пластинка от шкатулки (46), костяное кольцо (47), наконечник стрелы (48), горловины, донные части, ручки и стенки амфор (49), нашивные золотые бляшки (50–56).

ЮВ угол погребальной камеры: костяная ворварка (57), фрагмент рукояти ножа (58), две золотые полусферические бляшки (55).

Материковый завал у западной стенки камеры: бусы (59), круглые бронзовые бляшки

(60), три наконечника стрелы (61), бронзовые гвозди (62), обломки бронзовых пластин (63), фрагменты наконечников копий и дротиков (64), железный гвоздь (65), фрагменты амфор (49), золотые очелье и пластина от головного убора (66, 67), другие мелкие золотые украшения (68–78).

Здесь не упоминаются находки костей человека и животных, которые встречались практически повсеместно, в том числе и в завале дромоса № 2. Среди последних определены кости лошади и овцы (по одной особи – *Секерская*, 1992-А).

Захоронение коней в дромосе № 1 гробницы № 2

Находилась в 0,5 м от входа. Два лошадиных костяка располагались рядом, параллельно друг другу, по длине дромоса, головами в сторону камеры гробницы № 2. Были уложены вплотную к западной стенке дромоса таким образом, что между ними и восточной стенкой оставался проход шириной 0,5–0,7 м. Животные погребены в положении лежа на животе с подогнутыми ногами. Шей и головы в большей или меньшей степени повернуты на правый бок (рис. 56; 57; табл. 5, 2).

Конь № 1. Лежал под западной стенкой. Передняя часть скелета завалилась на правый бок. Череп стоял в наклонном положении, упершись правой височной частью в стенку (табл. 6, 1).

Конь погребен ввидуанным и оседланным. Во рту его находились железные удила, снабженные длинными псалиями, пряжками крепления поводьев и чомбурного ремня (107). Все украшения узды выполнены из серебра, с частичной позолотой изображений, которая в связи с сильной окисленностью большинства изделий сохранилась фрагментарно. Захоронение коней находилось в углублении на стыке спуска из входной ямы и вачаза подъема два дромоса и являлось естественным сборником почвенной, а также атмосферной воды, фильтровавшейся с поверхности через входную яму. Все это не способствовало сохранению серебряных

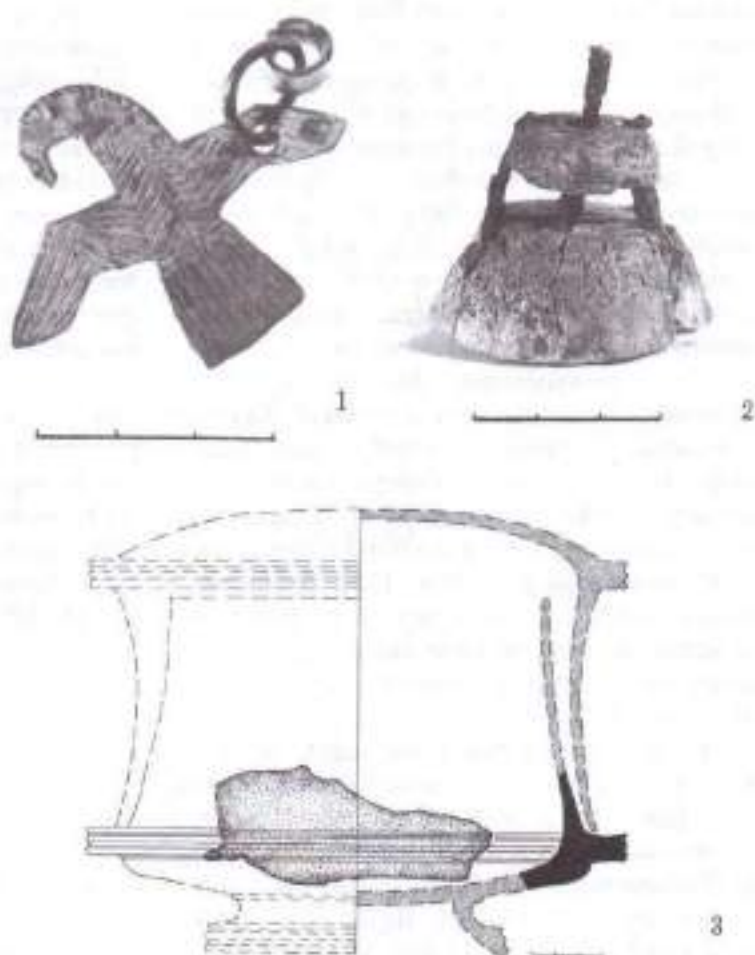

Рис. 54. Бабина Могила. Находки из рва
1 – бронза, 2 – кость и железо, 3 – керамика

украшений уздечек. Хорошо сохранившиеся изделия найдены на костях лошадей на некоторой высоте от дна ямы, что в какой-то мере ограничивало пагубное воздействие на них воды. Все то, что лежало на дне или в непосредственной близости, имело очень плохую сохранность или было полностью разрушено окислением.

На черепе коня № 1 в местах пересечения лобного и подбородного с нащечными ремнями помещались крупные бляхи с изображением бородатого сатира (91). На подбородном ремне с левой и правой сторон при расчистке зафиксированы округлые пятна серебряных окислов, диаметром до 6 см, на месте полностью разложившихся пластин, несомненно, выполнявших в наборе роль так называемых нащечников. С правой стороны между разложившейся пластиной и круглой бляхой

с изображением бородатого сатира располагалась фигурная бляшка с изображением розетки на фоне пары цветков лотоса (95). Пересечение напеченных ремней с нахрапными прикрывали крупные круглые бляхи с изображением головы безбородого сатира (92). В промежутке между налобным и нахрапными ремнями размещался большой овальный налобник с изображением отдыхающего Геракла (90). Для крепления такого налобника в узде необходимо наличие дополнительного ремня, соединяющего нахрапный с налобным и назатылочным, проходящего между глазами и ушами коня.

Кроме перечисленных крупных изделий, все ремни уздечки почти сплошь были обшиты разнообразными мелкими серебряными бляшками (93–102). В состав набора, кроме того, входили серебряные муфты, охватывавшие начало поводьев около удила (103), серебряные и костяные ворварки (104, 105), бронзовые шайбы (106). Расположение подавляющего большинства находок было зафиксировано на месте, что позволяет реконструировать узду (см. раздел 4.27).

На шее и под грудью коня было обнаружено большое количество перемешанных между собой бронзовых украшений нагрудного убора, подвешивавшихся к нагрудному ремню с помощью бронзовых шайб и железных проволочных соединений (80; 84). Набор нагрудных украшений состоял из 14 подпрямоугольных, 1 треугольной, 5 круглых и 25–27 лунообразных блях, 15 шайб и 5 колокольчиков (81–89). Нагрудный ремень, на котором крепился нагрудник, зафиксирован по размещавшимся на нем мелким серебряным бляшкам (93–102, 104). Здесь же, по-видимому в центре ремня, находились 2 крупные серебряные бляхи – круглая диаметром около 6 см и прямоугольная размерами около 6 x 6 см. Бляхи полностью разрушились, прослежены лишь пятна слоя окисла. При укладке коня нагрудник сместился, и большинство его деталей были найдены лежащими грудой на дне могилы под шеей животного. Достоверно установлено только, что самый нижний ряд украшений составляли крупные круглые бляхи. Все фигурные бляхи и колокольчики находились выше и, вероятно, составляли многоярусную симметричную композицию. В состав нагрудника, по-видимому, входила большая прямоугольная серебряная пластина, достигавшая размеров 25 x 15 см. Ее остатки в виде пятна серебряных окислов были прослежены под скоплением бронзовых укра-

шений. Реконструкция нагрудника предлагается на рис. 72.

О существовании седла на коне свидетельствует находка массивной подпружной пряжки (108), обнаруженной в нижней части живота слева. Судя по ее размерам, подпружный ремень был достаточно широким – около 6 см. Он также был украшен мелкими серебряными бляшками. Каких-либо данных о материале и конструкции седла нет. Можно лишь утверждать, что задняя его часть дополнительно фиксировалась подхвостным ремнем, наличие которого установлено по ряду серебряных бляшек с изображением женской головы (109), располагавшихся вдоль хребта.

При разборке скелета коня внутри его черепа найден бронзовый наконечник стрелы (110), несколько отличный по типу от найденных в кургане. Кости вокруг него были пропитаны окислами бронзы. При разборке в брюхе коня № 1 было найдено около 30 мелких серебряных бляшек, а также окончание железного псаля из уздечного набора коня № 2.

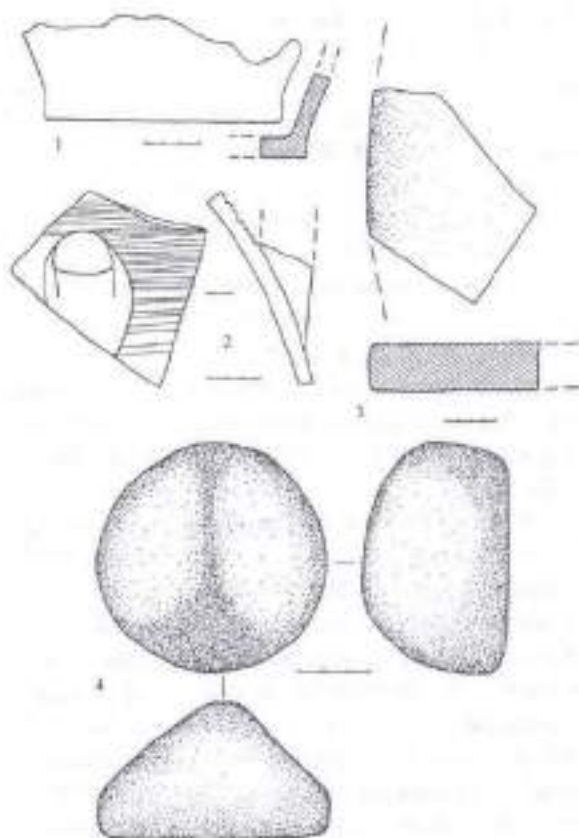

Рис. 55. Находки из Водяной (2) и Бабьей (1, 3, 4) могил
1, 2 – керамика; 3, 4 – камень

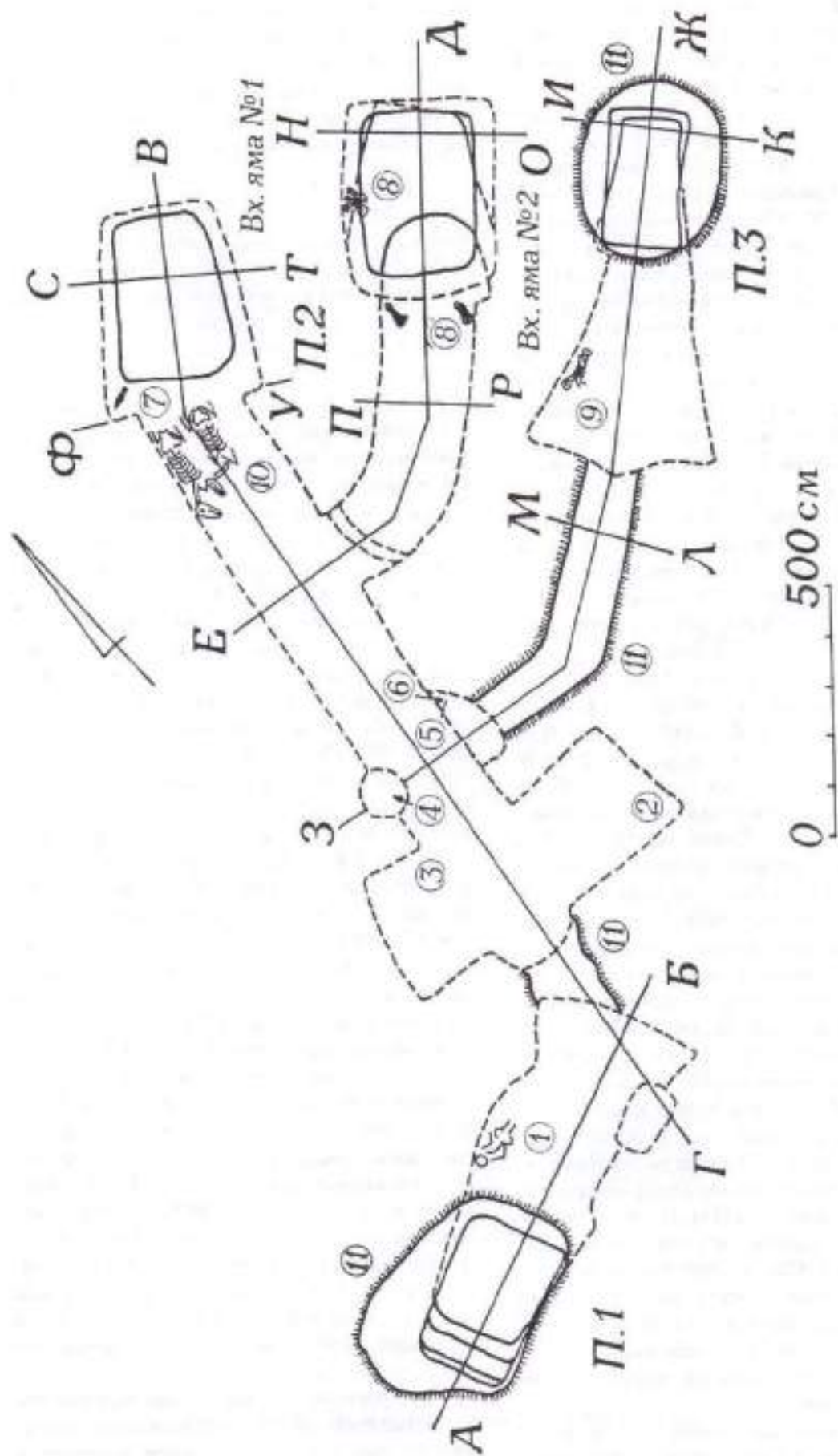

Рис. 58. Вабина Могила. Общий план погребальных сооружений кургана

Усл. обозначения: 1 - захоронение слуги; 2 - скопление бус; 3 - колчаный набор; 4 - нос и отпечаток кожаного бровового котла; 5 - иголки древних дротиков; 6 - остатки разрушенного захоронения воина; 7 - наконечник воина; 8 - дощаточные кости крупных животных; 9 - кости вилуэтуэвской племени; 10 - захоронения лошадей; 11 - грабительские ходы

Конь № 2. Лежал на животе. Голова вместе с шеей была отведена вправо и уложена правой щекой на костях левой передней ноги коня № 1. Конь № 2 также был погребен внизузданным. Какие-либо металлические детали нагрудника и седла у него отсутствовали (табл. 5, 3).

Во рту коня обнаружены железные удила с псалниями и пряжками для повода во внешних петлях (122). Узда была укомплектована четырьмя кожаными ворварками (121), расположение которых не зафиксировано. Комплект уздечных украшений изготовлен из серебра. На пересечении нахрапного ремня с нащечным, выше пряжек для повода, с обеих сторон располагались большие круглые бляхи с изображением Скиллы (115). На пересечении нащечного, налобного и подбородного – такие же бляхи с изображением Геракла, удушающего Цербера (справа) и немейского льва (слева) (113, 114). На подбородном ремне, ниже его соединения с нащечным, на левой стороне твердо зафиксировано расположение овальной нащечной бляхи с изображением змееногой богини (116). На правой стороне парная ей бляха отсутствовала, подбородный ремень здесь сплошь был обшит мелкими серебряными бляшками с изображением головы Горгоны (117), дополнявшихся спаренными бусами (118). Весь хвост и лоб коня закрывал составной налобник из двух больших серебряных пластин, расположенных вплотную по вертикали, общей длиной около 30 см (111, 112). Такой налобник требует обязательного наличия в устройстве узды ремня, соединявшего нахрапный с налобным и затылочным, проходившего между глазами и ушами.

Все ремни узды сплошь были обшиты серебряными бляшками с изображением головы Горгоны, молодого Геракла, маски льва (117, 119, 120). Единичными среди них оказались орнаментированная серебряная ворварка и бляшка, украшенная розеткой (121-б, 121-в). Бляшки вплотную примыкали друг к другу и крупным бляхам. Дополнительно к этому ремни вдоль одного края были расшиты мелкими серебряными бусинами-колечками, соединенных окислами по два вместе (118). Несомненно, что и на ремни они нашивались попарно. Целыми их обнаружено 426, но еще очень большое количество превратилось в мелкие обломки и глени, распавшийся при первом прикосновении. К сожалению, взаимное расположение на ремнях бляшек и колечек полностью проследить не удалось.

Найденные мелкие серебряные украшения обрुक обоих коней составляют лишь часть

первоначально существовавших, о чем свидетельствует обильная пропитанность окислами серебра грунта под и вокруг костяков. Размещение захоронений лошадей в самой глубокой точке подземелья, где скапливалась вода, сыграло свою разрушительную роль.

Гробница № 3

Совершена в продольной катакомбе. Верхняя часть ее входной ямы на глубину до 2,3 м была разрушена при ограблении. Ниже она имела прямоугольные очертания размерами 2,7 x 1,6 м. Ориентирована по линии СВ-ЮЗ, параллельно входным ямам гробницы № 2.

Удла вдоль всех стен, за исключением ЮЗ, в которой находился вход в подземелье, оставлены материковые ступеньки шириной 0,25–0,5 м и высотой 0,08–0,5 м. Постепенно уменьшаясь по ширине, посредине длинных стен они сходят на нет, сливаясь с ними. Дно плавно поднимается ко входу в подземелье от 4,05 до 4,6 м.

До глубины 2,3 м яма, несмотря на ограбление, была заполнена очень мягким черноземом. В заполнении встречались отдельные мелкие и крупные камни, а также единичные кости человека и животных. С указанной глубины грабительская воронка сместилась к ЮЗ стенке, врезавшись в нее, что позволило грабителям частично обойти каменную забутовку входной ямы. Здесь они спустились вниз вертикальным округлым в плане колодезем диаметром 1,3 x 0,8 м. Заполнение его состояло из плотного и вязкого чернозема. На остальном же пространстве первоначальное каменное заполнение ямы осталось непогрешенным. В отличие от остальных входных ям кургана, здесь камни не сбрасывались вниз, а укладывались горизонтальными слоями. Размеры отдельных плит забутовки достигали 1 x 1,2 x 0,3 м.

Вход в подземелье устроен почти на всю ширину ямы. Высота свода из-за обвала не установлена. Ведущий из входной ямы дромос, постепенно расширяясь, переходил в погребальную камеру. Контуры подземелья имели, таким образом, трапециевидные очертания. Размеры его составляли 4,35 x 1,65–2,35 м. Дно повышалось к дальней стене от 4,6 до 4,35 м. Высота свода предположительно достигала 1,7–2,15 м. К моменту раскопок подземелье было наполовину завалено обвалившимся сводом (рис. 56; 57).

Захоронение в камере полностью уничтожено грабителями. В непогрешенном состоянии на дне у западной стенки подземелья

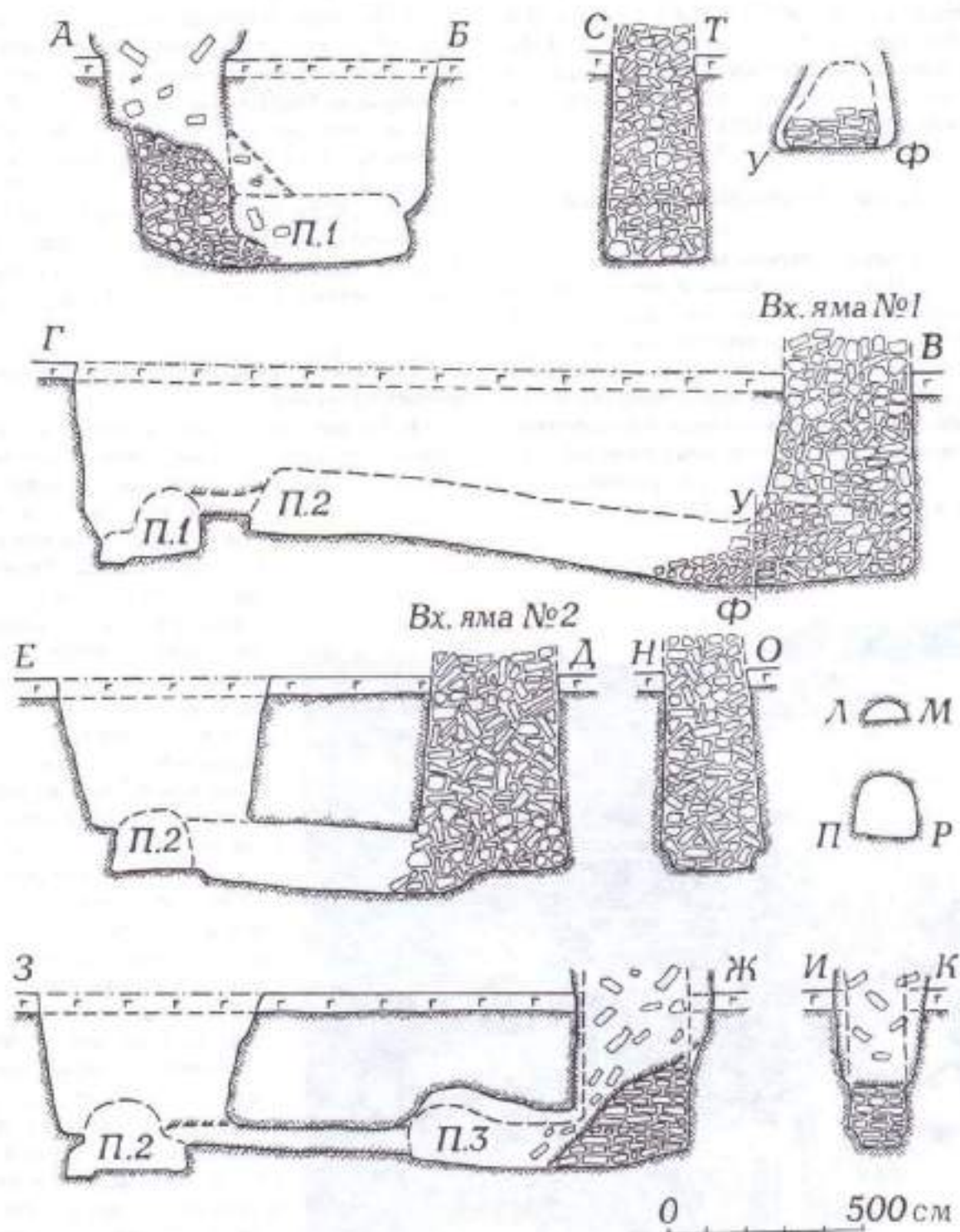

Рис. 57. Вабина Могила. Разрезы погребальных сооружений кургана

сохранились только кости лошади [Секерская, 1992-А], представлявшие собой остатки жертвенной пищи. В перемешанной грабителями глине, вместе с немногочисленными костями овцы и человека, обнаружены золотая прониз (123), бронзовый вток древка копья (124), фрагменты наконечников копья и дротика (126), костяная ворварка (125), две ножки и обломки стенок амфор (127).

3.2.8 Описание находок из кургана

Находки из насыпи кургана и рва.

1. Подпрямоугольная в плане плоская известняковая плита-постамент для установки антропоморфной стелы. Слегка подтесаны плоскости и подработан контур. В центре выдолблено овальное отверстие размерами 0,35 x 0,45 м. Стенки отверстия тщательно затесаны. С одной стороны плита вплоть до отверстия отбита. Обломок не найден. Размеры плиты 1,8 x 1,5 м, толщина 0,2 м (рис. 42).

2. Фрагменты круглодонной средневековой корчаги с каннелированной поверхностью корпуса. Представлены все части сосуда, за исключением венчика.

3. В трине представлены фрагменты не менее 91-93 сосудов. По центрам производства найденные амфоры распределяются следующим образом: Хлос (жолтачковые) - 2 экз. - 2% общего числа найденных амфор (рис. 46, 43-44), типа Солоха II - Пепарет - 5 экз. - 5% (рис. 45, 3, 20; 46, 45), Синопя - 3 экз. - 3% (рис. 45, 1, 2, 24; 46, 1), Менда (амфоры с рюмкообразной ножкой) - 80-82 экз. - 90% (рис. 44; 45, 4-19, 21-23, 25-26, 28; 46, 2-42, 45-46), неопределенный центр - 1 экз. - 1% (рис. 45, 27).

Скопление украшений погребальной повозки из насыпи

4. Бронзовое навершие с ажурной грушевидной втулкой с овально-прямоугольным отверстием снизу для насаживания на шест. В нижней части втулки с противоположных

сторон имеются два вертикальных ушка и под ними два сквозных отверстия для закрепления навершия на деревянном шесте с помощью штифта. Выше ушек прорезаны четыре крупных крестообразно расположенных треугольных отверстия. Навершие увенчано схематической фигуркой летящей птицы с расправленными крыльями. Толстая плоская фигурная пластина передает контур крыльев и хвоста. По верху пластины изогнутыми и прямыми продольными канавками схематично передано оперение. От верхней части пластины исподнизу выходит объемная часть изображения - гладкие грудная часть, шея и головка, обломанная в древности. Диаметр отверстия втулки 2,7 x 3,5, общая высота изделия 10,4 см, размеры птички 5,5 x 3,1 см (рис. 47, 1).

Рис. 58. Бабина Могила. Общий вид раскопа. Процесс выборки грунта и расчистки погребальных сооружений кургана

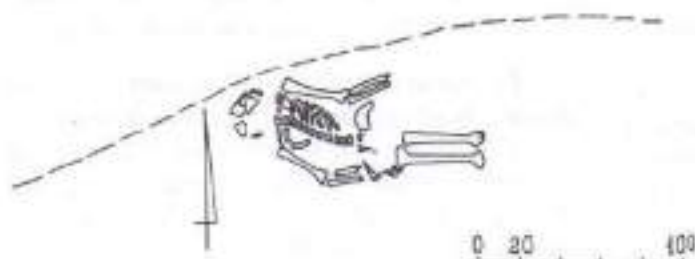

Рис. 59. Бабина Могила. Гробница № 1.
Остатки захоронения слуги

5. Бронзовое навершие с прямоугольной в сечении конической втулкой, снабженной в нижней части двумя вертикальными ушками. Под ушками через отверстие во втулке вбит расклепанный с обоих концов железный четырехгранный штифт, закреплявший навершие на древке. Втулка увенчана вертикальной пластиной-перекладной, на которой помещено одностороннее рельефное изображение шагающего крылатого грифона. Сохранилась лишь левая часть изображения, на которой показана задняя часть грифона - круп на мощных лапах кошачьего хищника и поднятый вверх пышный хвост, сливающийся с окончанием обломанного крыла. На навершиях из Близицы Слоновской, аналогичных нашему, между хвостами таких же грифонов и фигурой человека размещены ornamentированные сходными изогнутыми линиями крыловидные выступы, соединяющие хвост грифона с локтем человека. Эти «крылья» совершенно лишние в общей композиции изображения на навершии и, скорее всего,

являются технологическим элементом, служившим для лучшего протекания металла в таком тонком элементе изображения, как локоть человека. О том, что изображенный на навершии из Бабиной Могилы сюжет был более сложным и, помимо грифона, включал вторую фигуру - человека, свидетельствует неясный фрагмент изображения, на который наложена передняя лапа грифона. По-видимому, это нижняя часть человеческой ноги. Фрагмент короткой, резко изогнутой рельефной дуги, сохранившейся в верхнем углу обломанного «крыла», несомненно, является локтем человека. Была ли и здесь третья фигура - терзаемого животного, как на навершиях

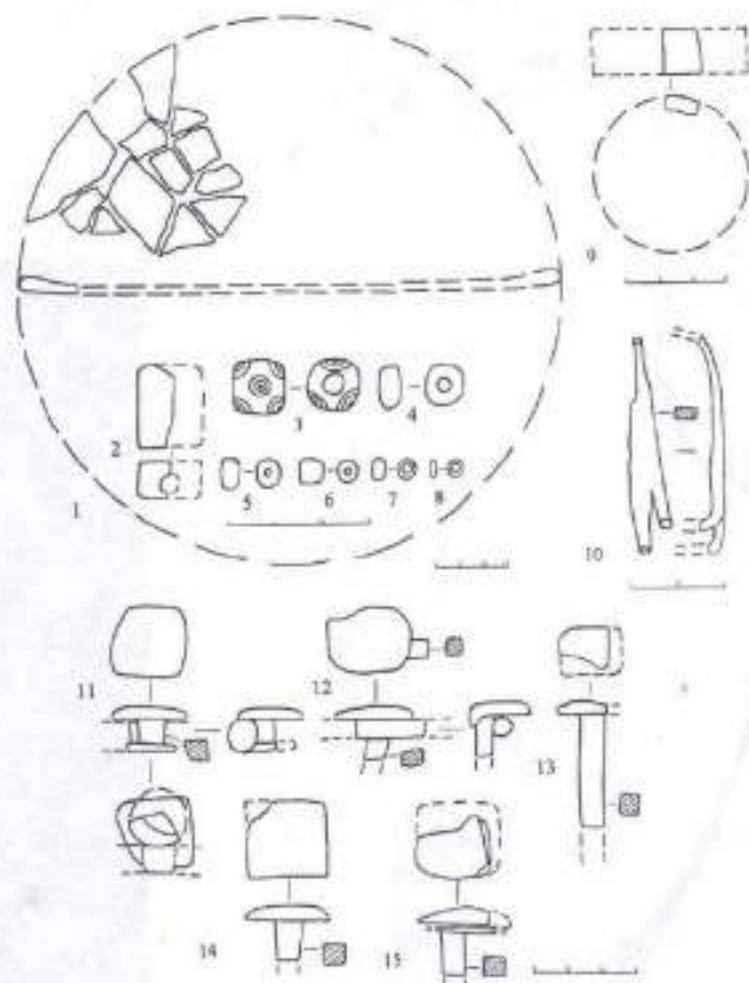

Рис. 60. Бабина Могила. Находки из гробницы № 1 (1-10) и скопления украшений погребального кортежа из насыпи кургана (11-15)
1 - бронза; 2-8 - стекло; 9 - кость; 10-15 - железо

из Слоновской Вданицы, — сказать трудно. В перекладине сбоку имеется сквозное отверстие диаметром 0,4 см, вероятно, для подвешивания колокольчика. Высота изделия 13,2 см, диаметр втулки 2,3 x 4,7 см (рис. 47, 2).

6. 20 целых и 16 фрагментированных круглых слабо выпуклых бронзовых блях из тонкой листовой бронзы. По краям имеются 4 сквозные, крестообразно расположенные отверстия. На некоторых бляхах заметны следы железа. На лицевой стороне блях сохранились следы чистки грубым абразивом — многочисленные мелкие царапины. Диаметр 6,4–7,2 см (рис. 48, 1, 3).

7. Такая же бляха диаметром 5,8 см (рис. 48, 2).

8. Две такие же бляхи диаметром 4,6–4,8 см (рис. 48, 4–5).

9. Восемь целых и четыре фрагментированных плоских ромбических пластины из листовой бронзы, с 4 отверстиями по углам. Размеры 5,5–6,5 x 2,8–3,3 см (рис. 48, 6–9).

10. Восемь фрагментов коррозированных, железных стержней с расклепанými шляпками. В сечении квадратные и круглые толщиной 0,6–0,7 см (рис. 60, 11–15).

11. Обломок плоского овального каменного блюда, изготовленного из плитки песчаника. Обе плоские поверхности имеют следы заполированности. Внешний край огранен (рис. 55, 3).

Скопление украшений погребальной повозки и конской упряжи, найденное во рву

12. Круглая слабо выпуклая бляха из тонкой листовой бронзы. Имеет 4 сквозных, крестообразно расположенных по краям отверстия. Диаметр 5,1 см (рис. 51, 1).

13. 75 целых и частично фрагментированных, а также обломки еще не менее 42 бронзовых блях того же типа диаметром 2,7–3,2 см (рис. 51, 10, 11).

14. 118 целых и 98 фрагментированных сходных бронзовых блях диаметром 5,0; 5,5; 6,0; 6,3 см (рис. 51, 2–5).

15. 10 бронзовых блях того же типа диаметром 1,7–2,0 см. Имеют по 2 отверстия для нашивания (рис. 51, 7–9).

16. 42 целые и 11 фрагментированных плоских ромбических блях из тонкой листовой бронзы с 4 отверстиями по углам. Размеры 4,8–5,0 x 2,5–2,6 см (рис. 52, 2–3, 8–9).

17. Набор бронзовых уздечных украшений: а) две круглые массивные литые выпук-

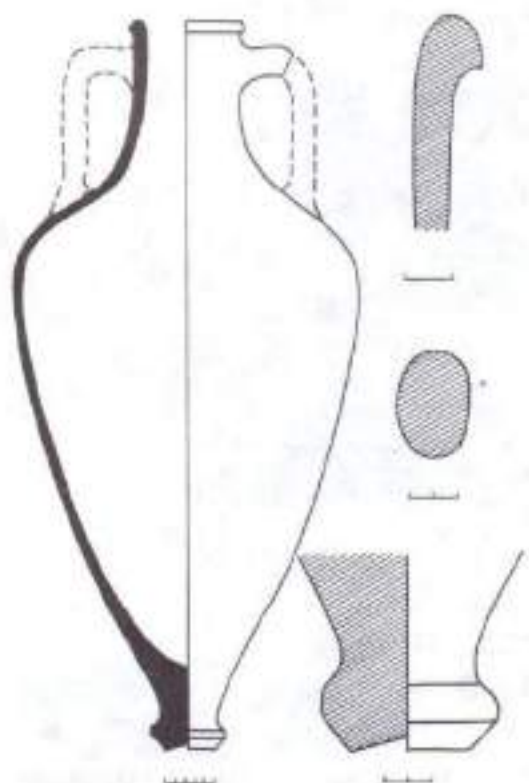

Рис. 61. Бабиня Могила. Амфора из гробницы № 1

лые гладкие блины диаметром 4,8 см с округлой петлей на обороте (рис. 53, 5); б) два ажурных литых нашечника в форме «петушка», склеенных поперечной петлей на обороте, размерами 5,2 x 2,7 см (рис. 53, 4); в) литая блишка в виде стилизованной лапы животного с диагональной петлей на обороте, размерами 4,2 x 2,7 см (рис. 53, 3); г) литой налобник с треугольным пластинчатым основанием. Украшен объемным изображением протомы травоядного животного. В основании имеет сквозное поперечное отверстие для крепления на ремне оголовья. Размеры основания 3,8 x 0,7-1,9, высота головки 3,3, диаметр отверстия 0,8 см (рис. 53, 1); д) литой плоский нахрапник с двусторонним ажурным изображением головки ушастого орлиноголового грифона. В основании — сквозное круглое отверстие для крепления на ремне оголовья. Размеры 4,5 x 2,9, диаметр отверстия 1,0 см (рис. 53, 2).

18, 19 трубчатых провизей, свернутых из тонкой листовой бронзы, длиной 3,9-4,3 и диаметром 0,5 см (рис. 52, 10-14).

19, 12 узких бронзовых муфточек, свернутых из узкой литой бронзовой пластинки. Три из них изготовлены из профилированной пластинки (рис. 52, 5, 7), остальные — из гладкой (рис. 52, 4, 6). Диаметр 0,7, ширина 0,6 см. Многие из них найдены надетыми на трубчатые провизы (рис. 52, 10-11). Одна из муфт имела продетое в нее бронзовое проволочное колечко (рис. 52, 4).

20, 2 бронзовые литые усеченно-конические ворварки, с диаметром оснований 1,9 и 0,9 см и высотой 0,8 и 0,3 см (рис. 53, 6, 7).

21. Тонкая бронзовая пластина, обрезанная по контуру схематического изображения парящего орла с расправленными крыльями и повернутой в профиль головой. На лицевой стороне ломаными или прямыми прочерченными линиями и короткими косыми насечками обозначено оперение. На голове точечной выпуклиной, выбитой заостренным инструмен-

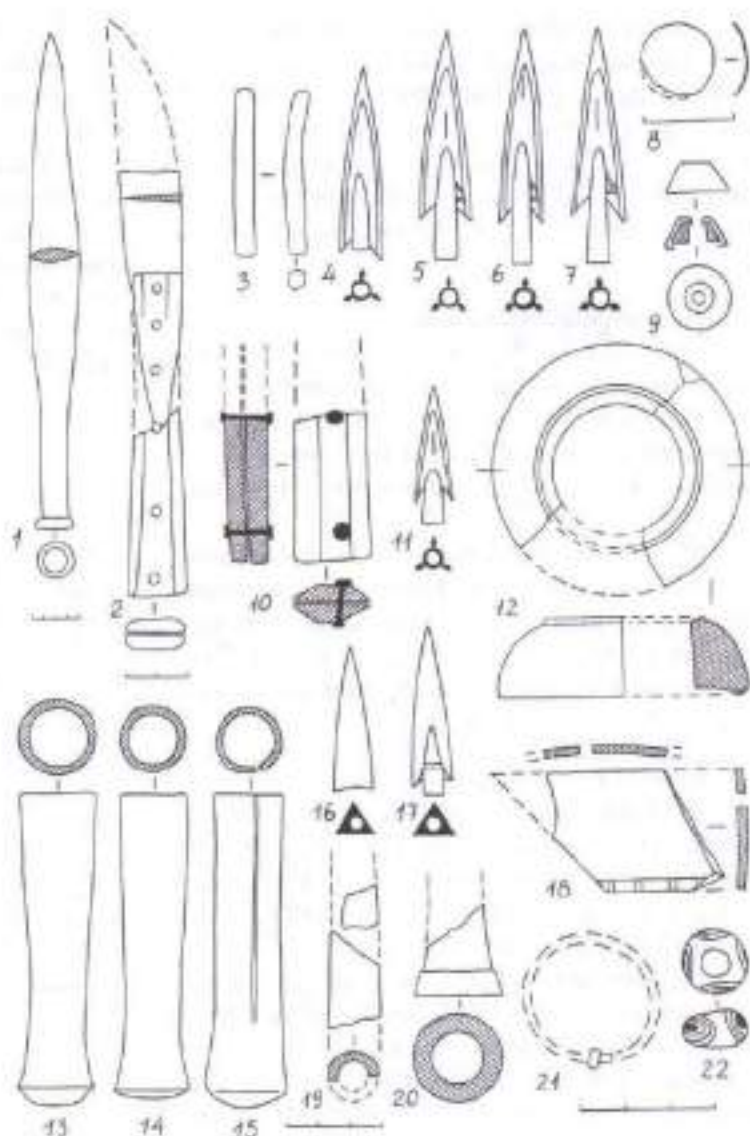

Рис. 62. Бабина Могила. Находки из гробницы № 2

1 — железо; 2, 10 — кость и железо; 3-8, 11, 16, 17 — бронза; 9 — кость и свинец (?); 12, 18 — кость; 13-15, 19, 20 — железо; 21 — бронза и стекло; 22 — стекло

том с противоположной стороны пластины, обозначен глаз птицы. В одном крыле проделано сквозное отверстие, в которое продето проволочное кольцо, вдетое в гладкую муфточку типа № 19. Размеры 5,3 x 4,3 см, диаметр кольца 1,5 x 1,3, диаметр муфты 0,9 см (рис. 52, 1; 54, 1).

22. Составное изделие неизвестного назначения (распределитель упряжи?) из двух плоских усеченно-конических костяных дисков, большего и меньшего диаметра, расположенных друг над другом на некотором расстоянии и соединенных через сквозные отверстия тремя железными стержнями. Отверстия для стержней расположены на одной прямой посередине

дисков. Два крайних стержня обрезаны по высоте изделия, средний возвышается над поделкой. Размеры: нижний диск – диаметры 3,3 и 4,5 см, высота 1,9 см; верхний диск – диаметры 2 и 2,5, высота 0,6 см. Зазор между дисками – 0,7–1,2 см. Длина стержней: крайние – 3,2, центральный – 4,9 см (рис. 52, 15; 54, 2).

Прочие находки из рва

23. 9 мелких фрагментов тонкостенного чернолакового сосуда неустановленной формы.

24. Каменный терочник с округлым плоским основанием и угловатой верхушкой. Диаметр основания 8,7 x 9, высота 6,1 см (рис. 55, 4).

25. Фрагмент нижней части чаши большой чернолаковой пиксиды. Имеет выступающий горизонтальный каннелированный бортик. Ниже него стенка резко загибается внутрь. Размеры 13,2 x 5,4 см. Диаметр пиксиды по бортику 24,5 см (рис. 54, 3).

Находки из гробницы № 1

26. Донная часть крупного лепного сосуда с небольшой закраиной по краю дна. Обжиг слабый, цвет поверхности от черного до оранжевого. Диаметр дна 14,7, сохранившаяся высота 7,6 см (рис. 55, 1).

27. Остродонная боспорская амфора [Зеест, 1960: 94, табл. XVII, 6, г]. С.Ю. Монахов недавно отнес этот тип амфор к ранней продукции Херсонеса [Монахов, 1989: 43–50, табл. 1–11]. Размеры: общая высота 74,3, высота верхней части 26,3 см. Диаметр венчика 11,8, диаметр тулова 35,4 см. Глубина емкости 66 см (рис. 61).

28. Фрагмент стержня железного наконечника дротика длиной 7,3, диаметром 1,5 см.

29. Фрагмент конической железной втулки наконечника кося или дротика.

30. Фрагменты железных скоб от деревянного настила или блюда (рис. 60, 10).

31. Фрагменты массивного круглого бронзового зеркала с утолщенным внешним краем. Реконструируемый диаметр – 22 см. Толщина 0,3–0,5 см (рис. 60, 1).

32. Нашивная золотая треугольная штампованная бляшка, покрытая псевдозернью. По углам пробиты отверстия для нашивания. Размеры 1,6 x 1,9 см (табл. 12, 14).

33. Золотая крестовидная штампованная бляшка в виде пяти соединенных кружков с полусферическими выпуклостями в них. На концах пробито 4 отверстия для нашивания. Размеры 2,4 x 2,5 см (табл. 12, 35).

34. Круглая штампованная золотая бляшка с рельефным изображением головы Медузы. Лицо Медузы крупное, круглое, щеки раздутые, губки сложены бантиком. Показаны также небольшой мощный треугольный нос, маленькие прищуренные глазки под мощными надбровными дугами. Пышная прическа передана многочисленными завитками. По краям бляшки пробиты крестообразно расположенные 4 отверстия для нашивания. Диаметр 2,8 см (табл. 12, 31).

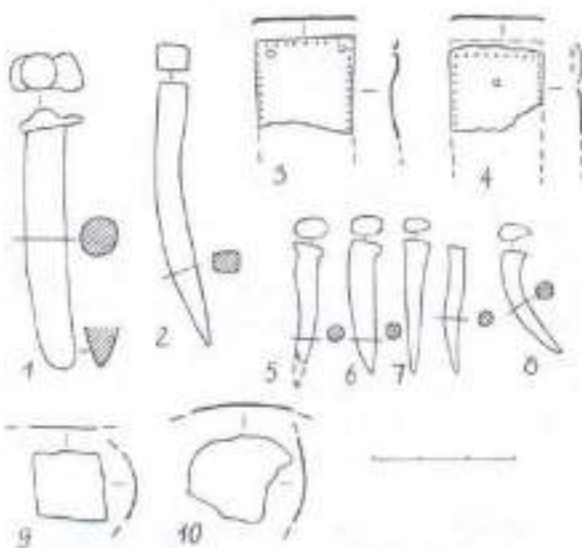

Рис. 63. Бабина Могила. Находки из гробницы № 2. Бронза

Рис. 64. Бабина Могила. Клеймо на амфорной ручке из гробницы № 2

35. Круглая выпуклая штампованная золотая бляшка со схематическим рельефным изображением мужского лица в фас. Волосы, зачесанные на лоб, переданы прямыми рельефными штрихами. Показаны также маленькие слепые глаза без зрачков, крупный треугольный нос и улыбающийся или ухмыляющийся рот. С боков пробиты 2 отверстия для нашивания. Диаметр 1,2 см (табл. 12, 28).

36. Золотая штампованная треугольная бляшка, покрытая псевдозернистой. По углам пробиты отверстия для нашивания. К основанию припаяна маленькая петелька, к которой подвешена полая амфоровидная подвеска, спаянная из двух половинок, украшенная тисненым рельефным орнаментом. На нижнем окончании припаяна маленький шарик. Размеры бляшки: 1,6 x 1,9, подвески — 2,4 x 0,9 см (табл. 12, 4).

37. Бусы следующих разновидностей: а) бронзовый бисер диаметром 0,3–0,4 см (рис. 60, 8); б) круглая пастовая бусина желтого цвета с синими глазками в белом обрамлении диаметром 1,2 см (рис. 60, 3); в) черная кольцевидная бусина диаметром 0,8 x 0,5 см (рис. 60, 4); мелкая желтая бисеринка (рис. 60, 7); д) две бирюзовых бусины круглой и вытянутой формы (рис. 60, 5–6); е) прямоугольная меловая пронизь с продольным отверстием размерами 1,8 x 1,4 x 0,7 см (рис. 60, 2).

38. Фрагмент крупного полированного костяного диска. На поверхности заметны следы окислов железа. Ширина 1,3, диаметр около 3,2 см (рис. 60, 3).

Находки из гробницы № 2

39. Железный наконечник копья с острелистым линзовидным в сечении пером и конической втулкой с муфтой по краю. Длина 43,2 см, ширина пера 4,2 см, диаметр втулки 3,5 см (рис. 62, 1).

40. Железный нож с 8-гранной в сечении костяной полированной рукояткой, состоящей из двух половинок, скрепленных 5 железными заклепками. Клиновидный в сечении клинок обломан. Общая длина 13,2, длина рукоятки 10,8, ширина 1,9 см (рис. 62, 2).

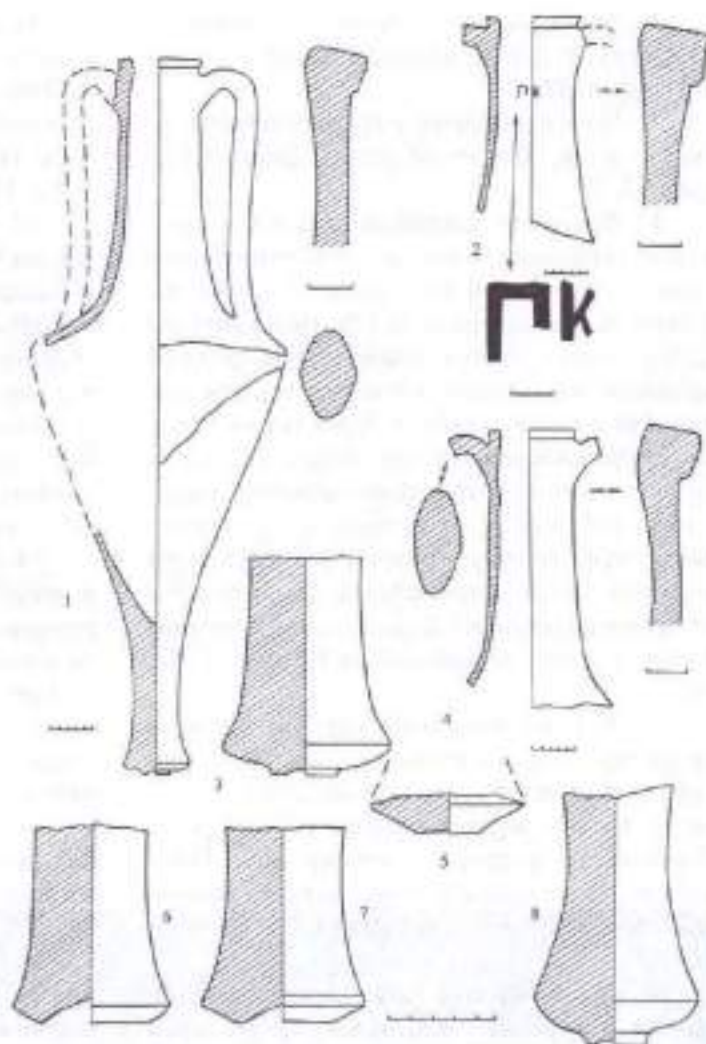

Рис. 65. Бабина Могила. Фрагменты амфор из гробниц № 2 (1–5, 8) и № 3 (6, 7)

41. 3 железных втуки от древков копий рюмковидной формы с расширяющимся глущим основанием. Длина 9,5 см, диаметр сверху 2,8 см (рис. 62, 13–15).

42. Среди наконечников найден короткий бронзовый, чуть изогнутый, круглый в сечении стержень, возможно, служивший колчанной застежкой. Длина 3,1, толщина 0,3 см (рис. 62, 31). Набор состоял из 18 бронзовых трехлопастных наконечников с длинной выступающей втулкой, ложком до острия. У 5 экземпляров в одном из ложек между втулкой и краем лопасти виден тамгообразный знак — маленький рельефный треугольник. Длина 4,8–5,2 см (рис. 62, 5–7).

43. 4 серебряные полые бусины биконической формы, размерами 1,3 x 1,4 см. Сохранность очень плохая.

44. Фрагмент железной втулки наконечника дротика с муфтой по краю. Диаметр втулки 2,6 см (рис. 62, 20).

45. Острые длинного четырехгранного в сечении гвоздя. Шляпка обломана. Длина 5,7 см (рис. 63, 2).

46. Фрагмент широкой прямоугольной с косым окончанием накладной костяной пластины от греческой шкатулки. Лицевая поверхность заполирована, на обратной нанесены грубые параллельные царапины (намеренное придание шероховатости поверхности для усиления прочности склейки). Здесь также заметны следы окислов бронзы. Вдоль одного из краев нанесен протертый орнамент в виде продольной линии, от которой к краю пластины через равные промежутки идут пары коротких поперечных черточек. Снизу имеется отверстие диаметром 0,2 см. Ширина пластины 2,6 см, в длину сохранилась на 3,8 см (рис. 62, 18).

47. Фрагментированное крупное широкое профилированное костяное кольцо. Внешний край кольца полукруглый, основание плоское, сверху вдоль отверстия выточен узкий бортик. Поверхность тщательно заполирована. Изготовлено на токарном станке. Диаметр основания 5,5, отверстия 2,7, толщина 1,7 см (рис. 62, 12).

48. Бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с короткой массивной треугольной головкой, ложком до острия и выступающей конической втулкой. Длина 2,8 см (рис. 62, 11).

49. Фрагменты 6 амфор с рюмкообразной шейкой производства Меанды. Представлены горловинами, ручками, придонными частями и ножками (рис. 65). На одной из ручек имеется рельефное клеймо — буква «Т» в маленьком кружке (рис. 64). На одной из горловин красной краской нанесено дипинто из греческих букв: «ПК» (рис. 65, 2). Тесто амфор плотное, коричневое с красноватым оттенком, отличное от теста амфор, найденных в тризне. На одной из горловин сохранился отпечаток ткани с толстой нитью простого переплетения.

50. Золотая треугольная штампованная бляшка, покрытая псевдозернью. По углам пробиты отверстия для нашивания. Размеры 1,7 x 2,2 см (табл. 12, 13).

50. 2 золотые плоские штампованные крестовидные бляшки в виде 5 соединенных кружков с полусферическими выпуклостями в середине. На концах пробиты отверстия для нашивания. Размеры 1,4 x 1,4 см (табл. 12, 34, 36).

51. 3 золотые штампованные бляшки с рельефным стилизованным изображением 9-лепестковой пальметки. По краям пробиты 4 крестообразно расположенных отверстия для нашивания. Размеры 3,7–3,8 x 3,0–3,1 см (табл. 12, 37–39).

52. 2 золотые выпуклые круглые штампованные бляшки с гладкой выпуклой серединкой и кольцом орнамента по краю в виде двусеянного меандра с точками в центре окружностей, образованных пересечениями линий. Орнаментальное кольцо ограничено по бокам гладкими рельефными полосками. На одной бляшке пробито три, на другой 4 крестообразно расположенных отверстия для нашивания. Диаметр 2,0 см (табл. 12, 1–2).

54. Золотая круглая, сильно выпуклая штампованная бляшка со схематическим изображением пышного соцветия с гладкой полусферической серединкой и рубчатым пояском по краю. Вдоль края пробито 6 отверстий для нашивания. На обратной стороне сохранились следы обломанных припаянных петель. Диаметр 2,5 см (табл. 12, 6).

55. 11 золотых круглых выпуклых гладких полусферических пуговиц с петелькой на обороте. Диаметр 0,7–0,9 см (табл. 12, 7–12, 15–20).

56. Золотая круглая выпуклая гладкая штампованная бляшка с узким рубчатым пояском по краю. По краю пробиты 3 отверстия для нашивания. Диаметр 1,8 см (табл. 12, 5).

57. Костяная усеченно-коническая ворварка, обтянутая светлым металлом (свицек?). Диаметр 1,4, высота 0,3 см (рис. 62, 9).

58. Фрагмент полированной костяной рукоятки ножа. В сечении 8-гранная. Состоит из двух половинок, соединенных железными заклепками. Длина 3,2 см (рис. 62, 10).

59. Стекланные бусы: а) круглая желтая с синими глазками в белом ободке, размерами 1,4 x 0,5 см (рис. 62, 22); б) мелкая желтая бисеринка диаметром 0,5 см. В отверстии сохранился фрагмент бронзовой проволоки толщиной 0,3 см. Видимо, это обломок проволоочной серьги диаметром до 3 см (рис. 62, 21).

60. 2 бронзовые круглые гладкие полусферические бляшки диаметром 1,1 см. Способ крепления неясен — нет ни отверстий, ни петель на обороте (рис. 62, 8).

61. 3 бронзовых наконечника стрел разных типов: а) аналогичный № 42, с таким же тамгообразным знаком; б) трехгранный с треугольной головкой, скрытой втулкой и дуговидной

выемкой в основании. Длина 3,2 см (рис. 62, 16); в) трехгранный с выступающей втулкой, заостренными концами граней и узким ложком на 1/3 высоты головки. Длина 3,7 см (рис. 62, 17).

62. 5 круглых в сечении бронзовых гвоздиков с небольшими плоскими шляпками. Длина 2,4–2,8 см (рис. 63, 5–8).

63. Обломки тонких бронзовых пластин разных типов: а) 2 прямоугольных с точечным пуансонным орнаментом вдоль краев. Имеют сквозные отверстия для крепления. Ширина 2,0 см, сохранившаяся длина 1,8–2,0 см. Вероятно, служили обивками деревянной чаши (рис. 63, 3–4); б) 2 обломанных со всех сторон фрагмента тонких выпуклых пластин. Размеры 1,5 x 1,4 и 1,8 x 2,2 см (рис. 63, 9–10).

64. Мелкие обломки 2 или 3 железных наконечников копий и дротиков (рис. 62, 19).

65. Круглый в сечении железный гвоздь с утолщенной шляпкой и клиновидным острием. Длина 5,7 см (рис. 63, 1).

66. Золотая ажурная штампованная пластина с изображением стоящей в полный рост нимфы. Фигура молодой женщины обращена

на три четверти влево. Голова обращена впол-оборота влево. Лицо округлое, с мелкими чертами, с выдающимися скулами и округлым подбородком. Распущенные пышные длинные волосы свободно висят на плечи. На запястьях обнаженных рук изображены двойные браслеты. Левая нога полусогнута в колене и чуть выставлена вперед и вправо.

Нимфа одета в длинный до пят хитон без рукавов с диплодином, свободно облегающий плотную приземистую фигуру. На груди обозначен треугольный вырез. Под пышными складками платья проступают груди. На талии платье перехвачено тонким пояском. На уровне середины бедра изображен нижний, приподнятый спереди, край диплодона с многочисленными мелкими вертикальными складками. Нижняя часть хитона справа, покрытая узкими вертикальными складками, висит свободно, левая, гладкая, обтягивает выставленную вперед ногу. Из-под нижнего края хитона выглядывают пальцы босых ног.

По бокам фигура обрамлена буйной растительностью. По особенностям позы создается впечатление, что нимфа выбирается из зарослей.

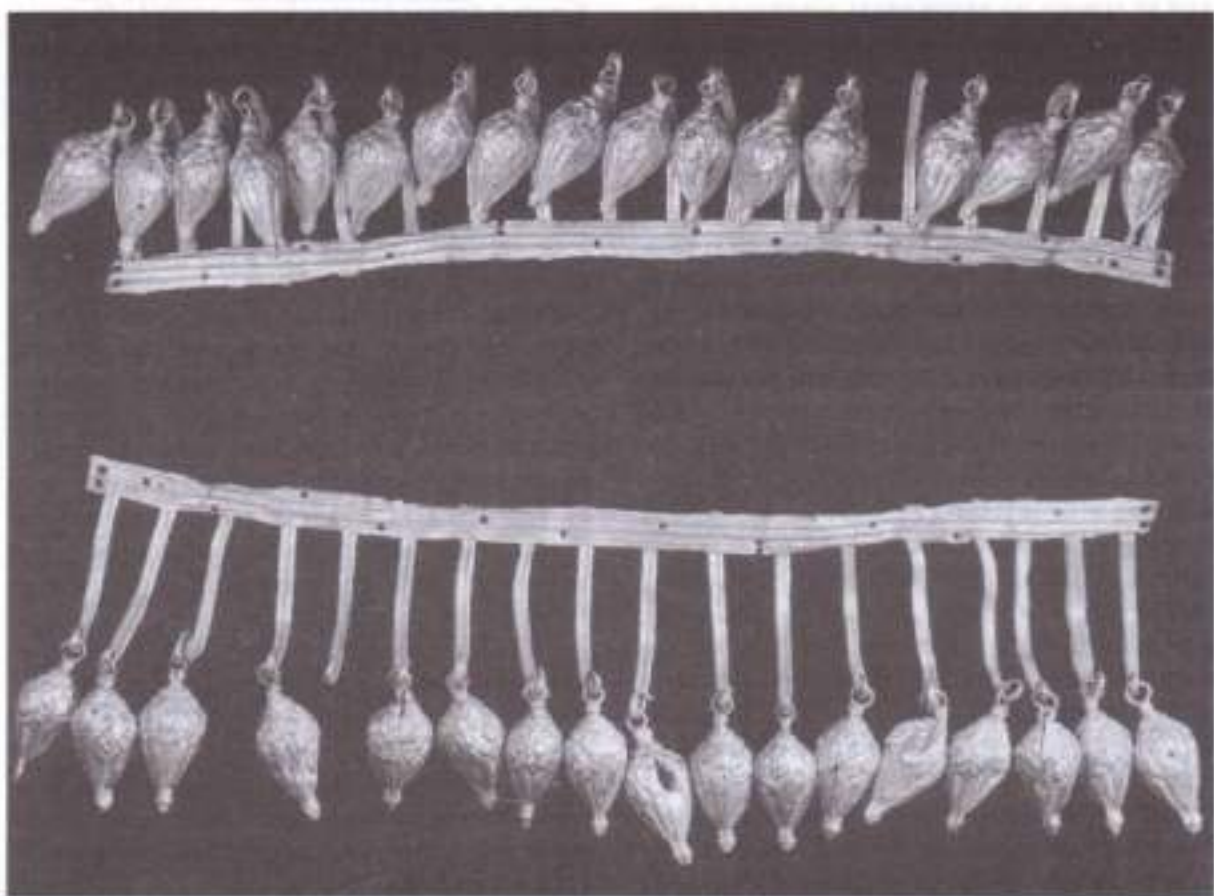

Рис. 66. Бабина Могила. Гробница № 2. Вязки женского головного убора. Золото

Прямая правая рука слегка отставлена от туловища, кисть с оттопыренным большим пальцем касается бедра. Полусогнутая левая рука с распрямленной кистью направлена вперед, как бы раздвигая, отводя в сторону ветки. Снизу под ногами изображена чашечка цветка в виде сдвоенного букrania с маленьким соцветием в виде колокольчика в центре, на котором и стоит богиня. По краям пластины беспорядочно пробиты 14 отверстий для нашивания. Размеры 7,6 x 4,7–6,2 см (табл. 6, 3).

67. Золотой венчик женского головного убора состоит из длинной узкой полоски с продольными рельефными валиками, к которой припаяно 18 изогнутых вперед узких профилированных пластинок-стоек с загнутыми в петли верхними окончаниями. К ним подвешены полые амфоровидные подвески с ушками-петельками сверху, спаянные из двух половинок. Украшены тисненым рельефным орнаментом. Одна из подвесок утрачена в древности. Нижнее окончание подвесок оформлено в виде небольшого расширения из двух горизонтальных выпуклых колечек с округлым выступом внизу. По краям полоски пробито по 2 вертикально расположенных отверстия для нашивания на основу, по длине вдоль верхнего и нижнего краев в шахматном порядке пробито еще 11 отверстий. Длина пластины 19,5, ширина 0,6 см. Высота стоек 2,9 см, размеры подвесок 2,9 x 1,1–1,2 см (рис. 66).

68. Золотая круглая штампованная ажурная бляшка с симметричным изображением двух одинаковых крылатых драконов лицом друг к другу. Маленькие головы драконов с раскрытым клювом увенчаны парой изогнутых рогов. На головах показаны маленькие глаза и круглые уши, носовые отверстия. Мощные длинные шеи увенчаны гребнем с зубцами. На уровне плеча показана слабо проработанная в деталях одна лапа, сложенная на груди перед мордой. Назад отходит мощное крыло с загнутым вперед окончанием, покрытое оперением в три ряда. Драконы стоят на толстых, свернутых в кольцо хвостах, снабженных крупными зубцами по хребту. Узкий рубчатый пояс окаймляет бляшку по внешнему контуру. В нем пробито 4 крестообразно расположенных отверстия для нашивания. Диаметр 4,5 см (табл. 12, 30).

69. 2 золотые штампованные круглые бляшки с изображением львиной морды в фас, оковтуренной двойным рубчатым пояском. Одна из бляшек выпуклая, вторая – уплощен-

ная. Сверху и снизу по краю пробиты 2 отверстия для нашивания. Диаметр 1,1 см (табл. 12, 22–23).

70. Золотая круглая штампованная бляшка со схематичным изображением в фас маски Медузы. По краю окаймлена узким рубчатым пояском. Сверху и снизу пробиты 2 отверстия для нашивания. Диаметр 1,1 см (табл. 12, 27).

71. Золотая круглая штампованная бляшка с сильно выпуклым схематичным изображением в фас человеческой маски с рубчатым пояском по краю. Вверху и внизу пробито 2 отверстия для нашивания. Диаметр 0,8 см (табл. 12, 21).

72. Золотая штампованная фигурная бляшка с изображением 8-лепесткового цветка с круглой серединкой. Заостренные лепестки чередуются с закругленными. По краям пробито 4 крестообразно расположенных отверстий для нашивания. Диаметр 2,4 см (табл. 12, 24).

73. Золотая штампованная фигурная бляшка со схематичным изображением цветка лотоса. По углам пробито 4 отверстия для нашивания. Размеры 1,9 x 1,4 см (табл. 12, 25).

74. Золотая штампованная бляшка с изображением летящего орла. Орел показан снизу. Крылья птицы расправлены, голова обращена вправо, лапы прижаты к груди. Оперение передано короткими вертикальными каннелюрами, разделенными на узкие горизонтальные ряды. Вдоль краев пробито 7 отверстий для нашивания. Размеры 4,2 x 2,4 см (табл. 12, 29).

75. Золотая миниатюрная поделка в виде 5-лепестковой розетки с подвеской. Розетка изображена сканью на фигурном щитке, повторяющем контур розетки. К его обратной стороне припаяны две петельки из тонкой проволоки. К одной из них с помощью промежуточного проволочного колечка подвешена гладкая полая амфоровидная подвеска, спаянная из двух половинок. Подвеска сверху и снизу украшена горизонтальными рельефными поясками. Нижнее окончание оформлено в виде шарика. Диаметр розетки 0,7, размеры подвески 2 x 0,8 см (табл. 12, 3).

76. 2 золотые рубчатые рифленые проны, свернутые из тонкой пластинки, диаметром около 0,3, длиной 2,8 и 0,9 см (табл. 12, 32–33).

77. Золотая фигурная штампованная бляшка с рельефным изображением бантика. У краев пробито 2 отверстия для нашивания. Размеры 1,4 x 0,6 см (табл. 12, 26а).

78. 4 обрывка тончайшей золотой нити.

79. Плоская золотая муфточка в виде свернутой в колечко узкой полоски. Размеры 0,5 x 0,4 см (табл. 12, 26).

Гробница № 2. Находки из погребения коней

Нагрудник коня № 1

80. Сильно поврежденные коррозией фрагменты железных звеньев соединения деталей нагрудника в виде тонких проволочек разной длины с загнутыми в петли окончаниями. Толщина 0,1 и 0,3 см. Длина не восстанавливается.

81. 10 подпрямоугольных, с вогнутыми сторонами, бронзовых блях. 8 из них имеют по углам отверстия с сохранившимися в них обломками железных соединительных звеньев. На 2 бляхах пробито только по одному отверстию вдоль одной из коротких сторон. Размеры 5,8-6,0 x 3,5-4; 2,8 x 5; 4,5 x 4 см (рис. 69, 1-3, 6, 7, 9).

82. Треугольная бронзовая бляха с вогнутыми сторонами с одним отверстием. Размеры 5 x 2,5 см (рис. 69, 8).

83. 4 подпрямоугольные фигурные бронзовые бляхи с вогнутыми длинными сторонами и овальными выступами на коротких. На одном из выступов пробито отверстие для подвешивания. Бляхи найдены соединенными окислами попарно. Размеры 6,8 x 3,3-3,8 см (рис. 69, 4-5).

84. 15 круглых бронзовых плоских шайбочек с отверстием посередине. Диаметр шайб 1-1,4, отверстий - 0,2-0,6 см (рис. 71, 4-6, 9-10).

85. 5 литых овально-конических бронзовых колокольчиков с отверстием для подвешивания сверху. В верхней части колокольчиков в стенках имеются 2 сквозных отверстия, в которые вставлялась тонкая железная проволочка для подвешивания изнутри язычка. Высота 3,1-3,7, диаметр 2,8-3,0 см (рис. 71, 1-3, 7-8).

86. 5 круглых плоских бронзовых блях с 2 сквозными отверстиями для подвешивания в верхней части. Диаметр 7,8-9,0 см (рис. 69, 10-12).

87. 23-25 бронзовых лунниц из тонкой листовой бронзы. Сохранились, в основном, в обломках. У верхнего края имеют отверстие

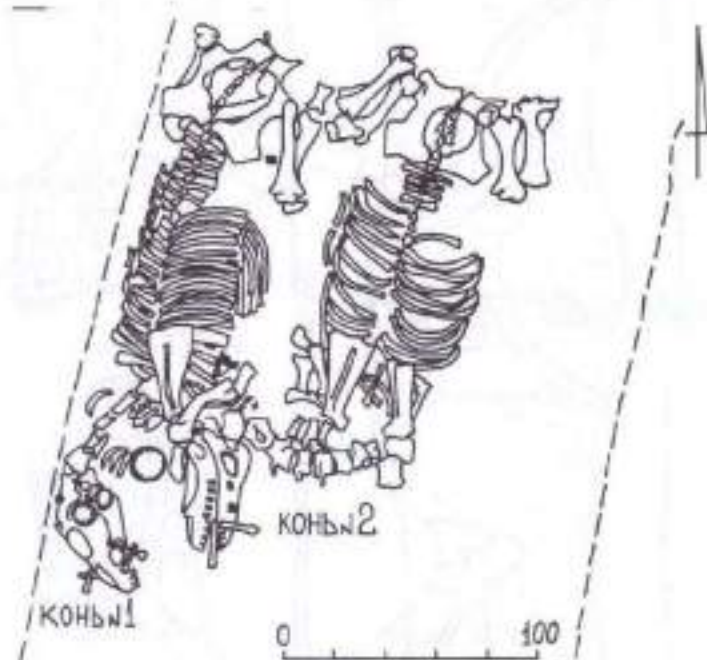

Рис. 67. Бабина Могила. Гробница № 2. Захоронение лошадей

для подвешивания. Размеры 7-8,5 x 2,7-3,2 см (рис. 70, 1-2, 5-19).

88. 2 бронзовые лунницы, изготовленные из массивного листа, возможно, литые, с сильно загнутыми книзу заостренными концами. Размеры 7,3-8,2 x 5,8-6,2 см (рис. 70, 3-4).

88. Фрагменты выпуклой круглой бляхи из тонкой листовой бронзы, с одним отверстием в центре и одним с краю. Диаметр около 3,6 см.

Узда и седло коня № 1

Все крупные бляхи, украшавшие уздечку коня № 1 (№№ 90-92), изготовлены из довольно массивного серебра толщиной около 1 мм, по-видимому, с помощью литья с дальнейшей доработкой. Мелкие бляшки, украшавшие ремни узды, и седла изготовлены из тонкого листового серебра с помощью штампа. На многих из них сохранились следы позолоты.

90. Серебряный массивный овальный выпуклый налобник с изображением в высоком рельефе фигуры отдыхающего Геракла. По краю обозначен невысокий узкий бортик. Обнаженный герой, в облике зрелого мужчины атлетического сложения, стоит, опершись левой подмышкой на рукоять сучковатой дубины,

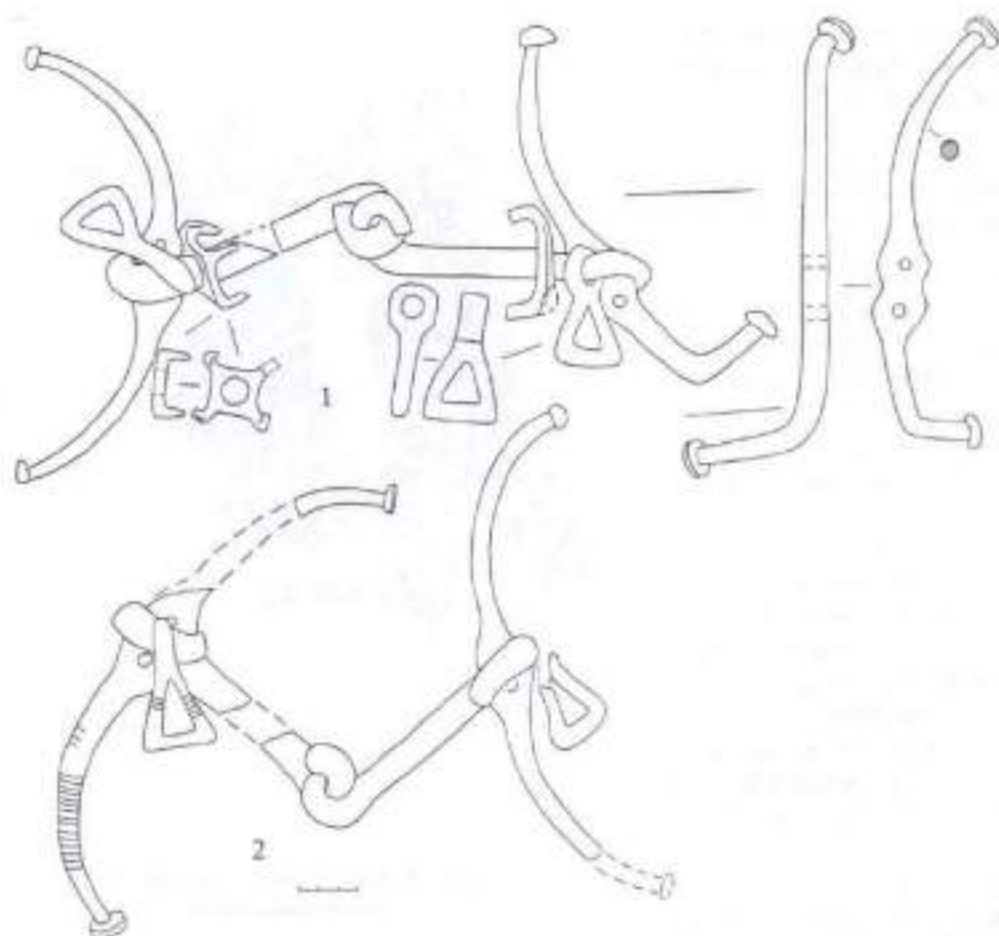

Рис. 68. Бабиня Могила. Гробница № 2. Захоронение лошадей. Удила и псални
1 – ковь № 2; 2 – ковь № 1 (железо)

обмотанной частью шкуры, слегка выставив вперед полусогнутую в колене левую ногу. Левая рука свободно свисает вдоль палицы, правая рука согнута в локте и кулаком упирается в бок. В рельефе показана развитая мускулатура тела, хорошо проработаны мышцы груди и живота. Спокойное округлое лицо с правильными чертами обрамлено короткой широкой бородой, показаны небольшие усы. Голова Геракла увенчана маской льва с длинной гривой, высоко поднятой вверх и в стороны. По бокам лица сзади выступают окончания львиных лап. На шее показана веревочная заплата шкуры-плаща. Под ногами герой изображен неправильной формы гладкие выпуклости, в нижней части начеканенные мелкими колечками. Вся фигура героя дышит покоем и силой.

Отдельные детали изображения покрыты позолотой (плащ, борода, усы, соски груди, гениталии, фон под ногами). С тыльной стороны налобника возле верхнего и нижнего окончаний концов были припаяны поперечные серебряные пластинчатые прямоугольные петли под

ширину уздечного ремня до 0,6 см. Размеры налобника 20,2 x 8,7 см (табл. 6, 2).

91. 2 однотипных серебряных круглых бляхи с очень узким рельефным бортиком по краю с изображением в центре головы старого бородатого сатира в фас. Широкое округлое лицо с невысоким, прорезанным вертикальной и горизонтальной морщинами лбом, коротким широким курносом ясом изображено в высоком рельефе. Косыми короткими нарезками обозначены насулепные брови. Выделены мощные скулы и складки над ртом, толстые усы, небольшой рот с толстыми губами. На голове изображена буйная копна волос, опускающаяся на лоб. Вдоль висков мелкими косыми насечками выделены козлиные уши. Снизу лицо обрамлено окладистой бородой. Борода, усы, брови, волосы и уши тщательно проработаны резцом и покрыты позолотой. На обороте были припаяны по две пластинчатых серебряных петли из полоски металла шириной 1,3 см для закрепления блях на ремнях уздечек. Одна из блях имеет прекрасную сохранность,

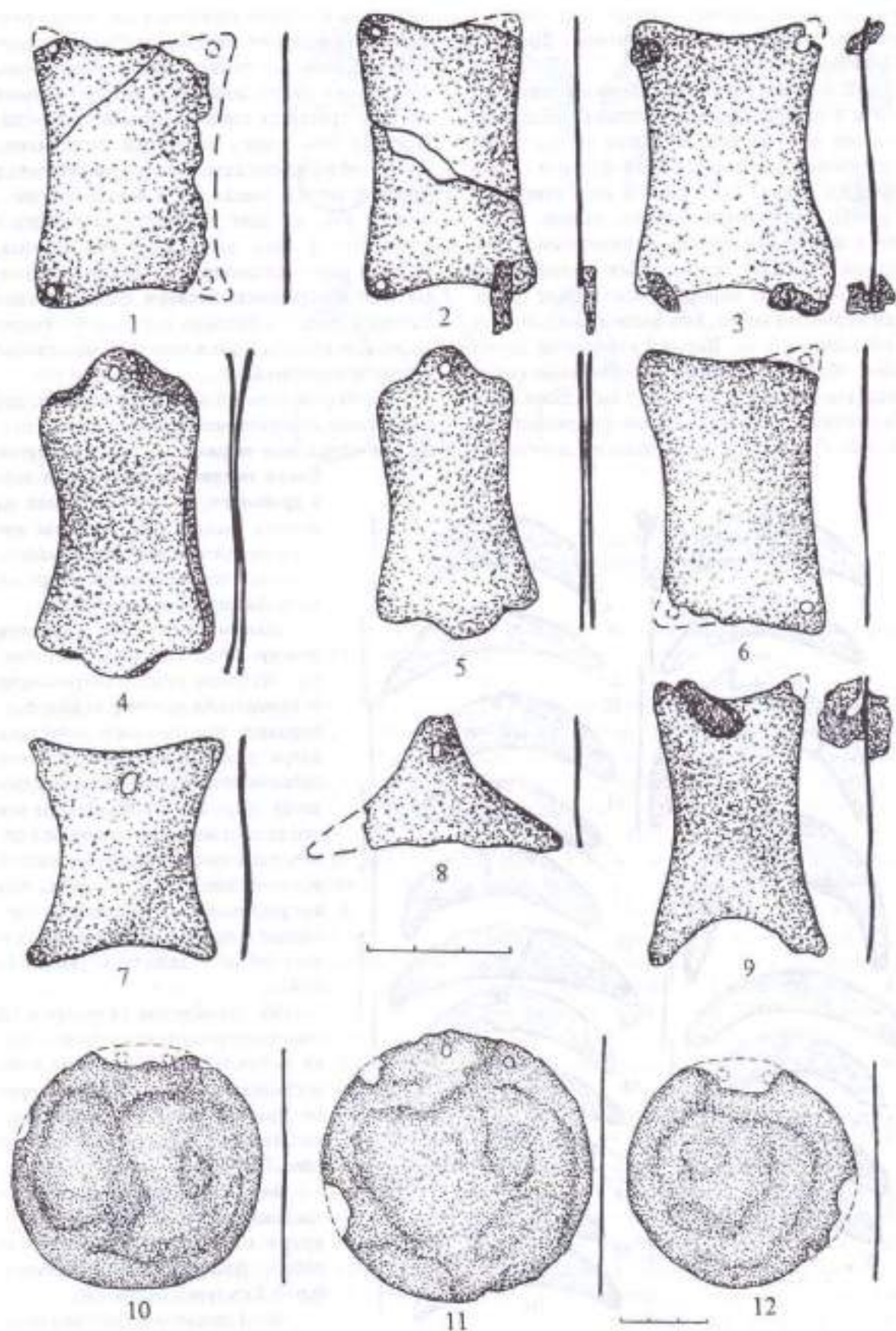

Рис. 69. Бабина Могила. Гробница № 2. Захоронение лошадей. Конь № 1. Детали нагрудника. Бронза

вторая, находившаяся снизу, под черепом лошади, сохранилась фрагментарно. Диаметр 7,5 см (табл. 7, 1-2).

92.2 однотипных серебряных круглых бляхи с изображением в высоком рельефе на гладком поле головы молодого сатира в фас в точечном обрамлении. Край фаларов слегка отогнуты вперед под углом в виде широкого бортика. Лицо сатира широкое, полное, округлое, с маленьким упрямо выпяченным подбородком с ямкой, с прорезанным вертикальной морщиной лбом, коротким массивным широким курносом носом, небольшим сжатым ртом с пухлыми губами. Косыми короткими нарезками обозначены брови. Общее выражение лица довольно суровое, может быть даже злое. На голове пышная шапка волос, опускающаяся на лоб. С боков мелкими косыми насечками

выделены козлиные уши с обозначенными в основании крупными точками ушными раковинами. Правое ухо менее удалось — возможно, здесь имел место дефект в литье, который мастеру пришлось дорабатывать по ситуации. Поэтому оно имеет странный вид далеко отогнутой в сторону дуги. Однако обозначенная крупной точкой ушная раковина, аналогично левому уху, не дает оснований сомневаться в том, что и здесь изображено ухо. Волосы, брови и уши тщательно проработаны резцом. На шее изображены завязки плаща в виде львиных лап, соединенных узлом на горле. Волосы, завязки плаща и точечное обрамление покрыты позолотой.

На обороте одной бляхи были напаяны две серебряные пластинчатые прямоугольные петли для крепления на ремнях узды. На другой бляхе петли были утрачены еще в древности, и для крепления на ремнях были грубо пробиты две пары отверстий, расположенных по сторонам головы юноши на уровне шеи. Диаметр фаларов 7,5 см.

Бляхи несколько различаются между собой степенью проработки — на бляхе лучшей сохранности (с пробитыми дырами) линию подбородка продолжают наискось вверх углубленные складки, что дополнительно подчеркивает суровость лица. На втором фаларе все эти детали менее выражены и в целом лицо производит более мягкое впечатление. Не исключено, что это результат работы окислов, благодаря которой все детали рельефа несколько сгладились (табл. 7, 3-4).

93. Серебряные 24 целых и 22 фрагментированных круглых, слегка выпуклых бляшек в виде 8-лепестковых розеток. По краям грубо пробиты 2-4 отверстия для нашивания. Диаметр 1,7-1,8 см (рис. 73, 11-33).

94. 23 фрагментированные гладкие трубчатые пронизи, свернутые из тонкого листового серебра. Длина 2,5-2,6, диаметр 0,6-0,7 см (рис. 73, 16-20).

95. 1 целая и 8 фрагментированных серебряных удлиненных фигурных пластинок с выпуклыми

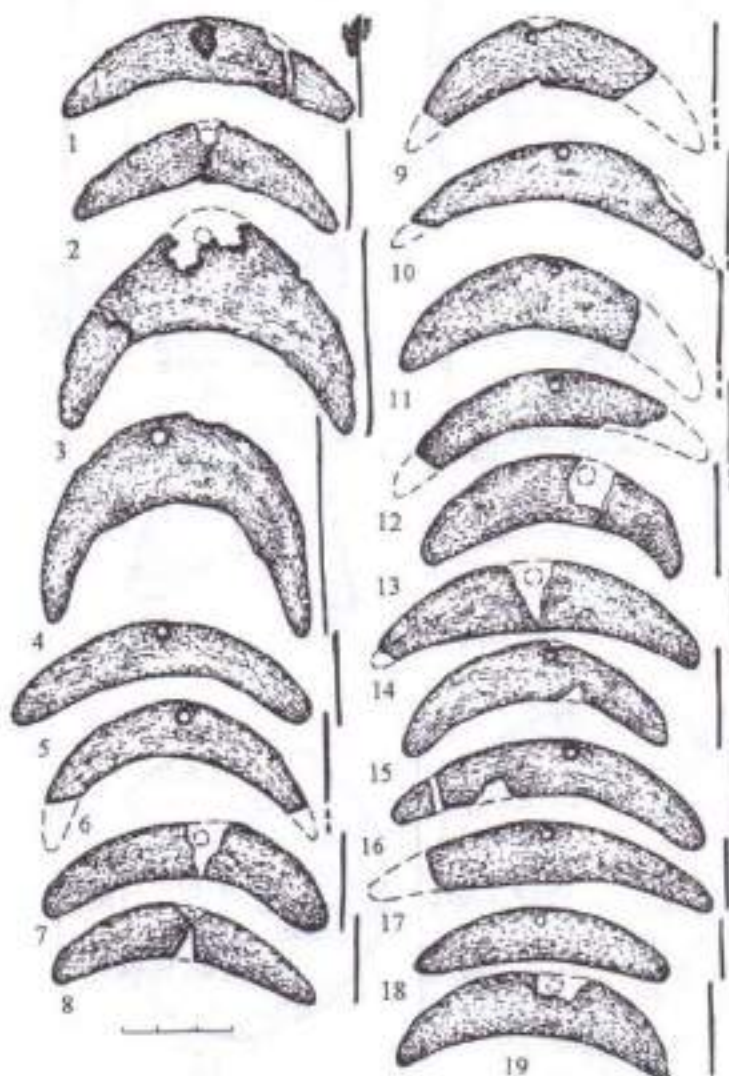

Рис. 70. Бабина Могила. Гробница № 2. Захоронение лошадей. Коль № 1. Детали нагрудника. Бронза

изображениями 6-лепестковой розетки в центре и расходящимися от нее в противоположные стороны двумя распустившимися цветами лотоса. По углам пробито 4 отверстия для нашивания. Размеры 4,2-4,4 x 1,6 (в средней части) - 3,2 (по краям) см (табл. 8, 1).

96. Серебряная вогнутая круглая бляшка в виде 8-лепестковой розетки, с обломанной напаянной петелькой для крепления на обороте. Диаметр 1,3 см.

97. 3 серебряных кольца, изготовленных из квадратного в сечении прута. Диаметр 1,8-1,9 см (рис. 73, 14-15).

98. 2 серебряные выпуклые гладкие круглые бляшки с припаянной на обороте проволочной петлей для крепления, диаметром около 1,5 см. Найдены сильно деформированными.

99. Серебряная прямоугольная бляшка с рельефным изображением выпуклого круга, в центре которого размещена 8-лепестковая розетка, аналогичная № 93 настоящего описания, но меньшего размера, в обрамлении многочисленных окончаний остроконечных лепестков. Короткие стороны бляшки украшены выпуклыми узкими валиками из мелких рубчиков. Размеры 2,2 x 2,6 см (рис. 73, 9).

100. 5 целых и 4 фрагментированных серебряных выпуклых удлиненных фигурных бляшек, украшенных в средней части прямыми каннелюрами, ограниченными сверху гладким, снизу покрытым мелкими насечками, выпуклыми поясками. Верхняя часть оформлена в виде стилизованного цветка, нижняя - в виде валика. Длина 2,4, ширина до 1,2 см (рис. 73, 2-7).

101. Бляшка по форме подобна предыдущим, но более крупных размеров. Средняя часть украшена прямыми каннелюрами, ограниченными сверху гладким, снизу покрытым мелкими насечками выпуклыми поясками. Один конец круглый, с изображением 8-лепестковой розетки, на другом изображен стилизованный цветок лотоса. Размеры 3,7 x 1,0-1,7 см (рис. 73, 10).

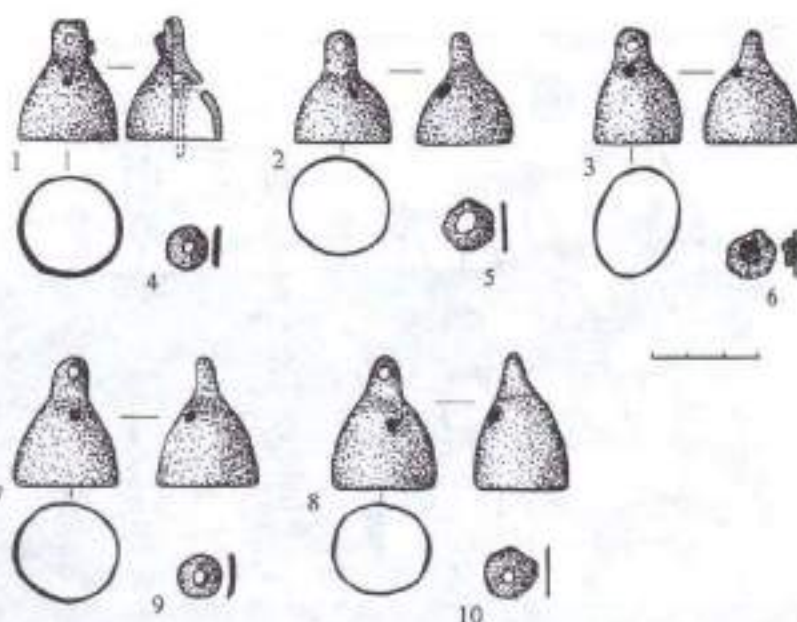

Рис. 71. Бабина Могила. Гробница № 2. Захоронение лошадей. Конь № 1. Детали нагрудника. Бронза

102. Большое количество мелких обломков серебряных бляшек всех перечисленных выше типов.

103. 2 прямоугольные плоские гладкие серебряные муфты, охватывавшие начало поводьев возле удила. Свернуты из полоски листового металла шириной 2,0-2,1 см. По углам имеют сквозные отверстия для пришивания к уздечным ремням.

104. 2 гладкие конические ворварки, с отогнутым наружу краем основания, изготовленные из листового серебра. Диаметр оснований 1,0 и 1,3, высота 0,5 см (рис. 73, 21-22).

105. 4 уплощенные костяные конические ворварки диаметром 1,0-1,4 см, высотой 0,4-0,7 см (рис. 74, 4-7).

106. 2 круглые плоские шайбочки из листовой бронзы с отверстием посередине. Диаметр 0,9-1,2 см.

107. Двучастные железные удила с С-видными псалиями и прижками в виде кольца с треугольником для поводьев во внешних петлях удила. На одном из псалиев и прижке сохранилась орнаментация в виде частых поперечных кольцевых нарезок. На стержни удила перед внешними петлями надеты прямоугольные пластины с перпендикулярными шипами по углам, направленными внутрь, для усиления строгости удила. Общая длина удила 28 см, длина псалиев 27-29 см. Крепление чомбурного

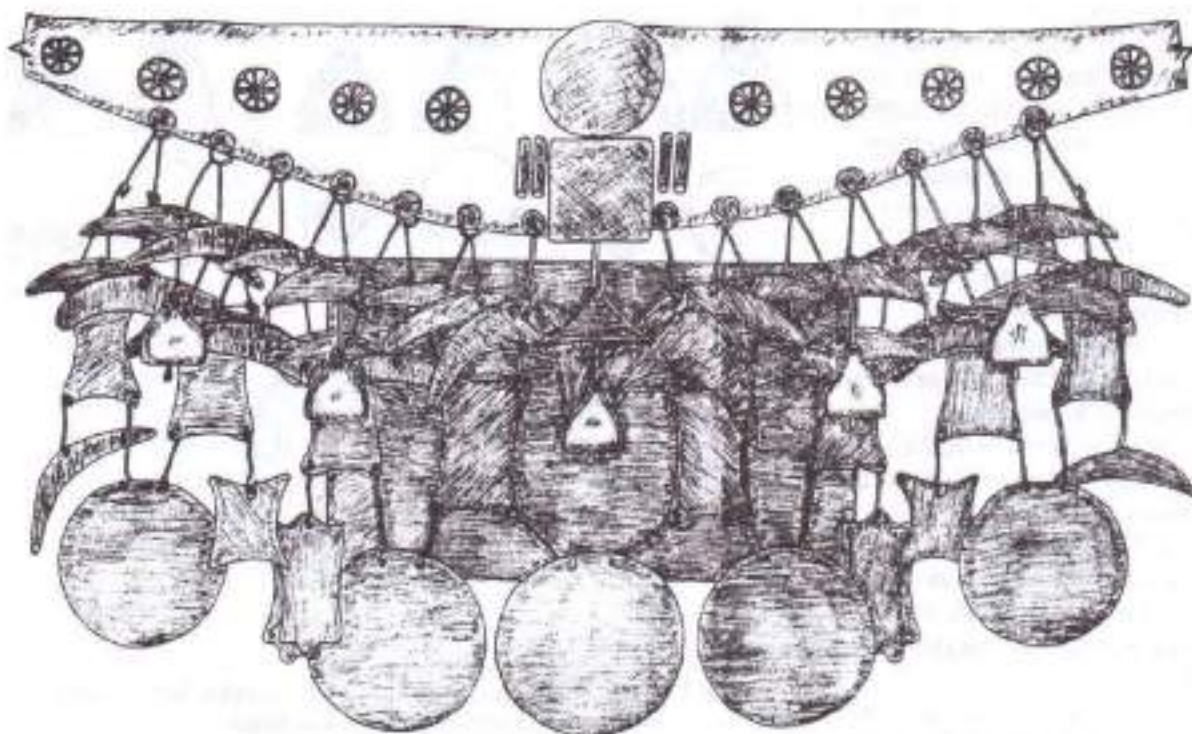

Рис. 72. Бабина Могила. Гробница № 2. Захоронение лошадей. Конь № 1. Реконструкция нагрудника

повода представлено железным кольцом диаметром 3,7 см (рис. 68, 2).

108. Бронзовая литая подпружинная пряжка с прямым основанием и полукруглой дужкой. По углам пряжка снабжена короткими грибовидными выступами. Гладкий язычок-застежка на дужке оформлен в виде головки утки. Прут в сечении круглый, толщиной 0,7 см. Размеры 7,7 x 4,4 см (рис. 74, 11).

109. 1 целая и 13 фрагментированных серебряных прямоугольных бляшек с рельефным изображением женской головы, слегка склоненной влево, во фригийской шапке с заломленным наперед верхом. Полное миловидное округлое лицо молодой женщины с правильными классическими чертами показано в четверть оборота влево. Верх головного убора покрыт складками. Окаймлен по нижнему краю выпуклым валиком, украшенным мелкими кружками с точкой в центре. Длинные волосы опускаются на плечи. Вертикальные стороны бляшек окаймлены узкими выпуклыми рубчатыми валиками. Вдоль краев пробито по 6 отверстий для нашивания. Размеры 3,5 x 2,5-2,7 см (табл. 8, 2).

110. Бронзовый трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой, свисающими острыми гранями. На гранях просматриваются

следы сточенных овальных ложковок на 2/3 высоты головки. Длина 2,6 см (рис. 74, 9).

Узда коня № 2

Все крупные бляхи, украшавшие узду коня № 2 – налобник, круглые бляхи, нашечник (№№ 111-116), – имеют общую конструктивную особенность. Все они изготовлены из двух пластин, гладкой нижней, с припаянными на обороте петлями для крепления на ремнях узды, и укрепленной на ней сверху с помощью загнутых вниз краев верхней пластины, украшенной рельефным изображением. Пространство между пластинами было заполнено плотной белой массой, напоминающей гипс, для придания прочности рельефам.

111, 112. Налобник на уздечке коня № 2 состоял из двух частей, крепившихся на ремне по длине одна над другой в стык, визуально составляя единое целое. Таким образом, общая длина составного налобника достигала 30 см.

111. Верхняя часть: вытянутая фигурная шестиугольная пластина с ромбическим расширением в средней части. На пластине в рельефе изображена фигура обнаженного крылатого юноши. Ноги показаны вполборота влево, туловище изображено фронтально, голова обращена вправо-вверх. Развитая мускулатура груди и живота, пупок и гениталии в нижней

части тела хорошо проработаны. Полные руки грациозно изогнуты и слегка расставлены в стороны. В правой руке он держит лазовый венок. В левой руке юноша сжимает пучок свисающих побегов плюща, верхняя часть которого передана в рельефе, а нижняя изображена тонкими гравированными волнистыми линиями. Чуть согнутая в колене правая нога выставлена вперед, левая отставлена назад. Сзади из-за плеч поднимаются вверх два длинных узких крыла. Нижняя часть крыльев покрыта многочисленными мелкими короткими перьями, расположенными радиально. Верхнюю часть завершают длинные узкие перья, расположенные параллельно, с загнутыми внутрь окончаниями. Юноша стоит на пыпочках на

длинном выходящем стебле растения, произрастающего из почвы, переданной в виде рельефных выпуклостей. Стебель завершается 5-лепестковой пальметкой. Судя по изысканности позы, юноша изображен в танце. В нижней части пластины грубо пробито мелкое сквозное отверстие. Размеры пластины – 11,0 x 3,7 см (табл. 9, 4).

112. Нижняя часть налобника: овальная пластина, с заостренными окончаниями, разрушенными окислами. Пластина по краю окружена орнаментальным поясом шириной до 1,0 см из ряда тонких рельефных дужек, открытых наружу. Участки фона внутри скобок гладкие. В стыках скобок с противоположной стороны помещены короткие рельефные каплевидные

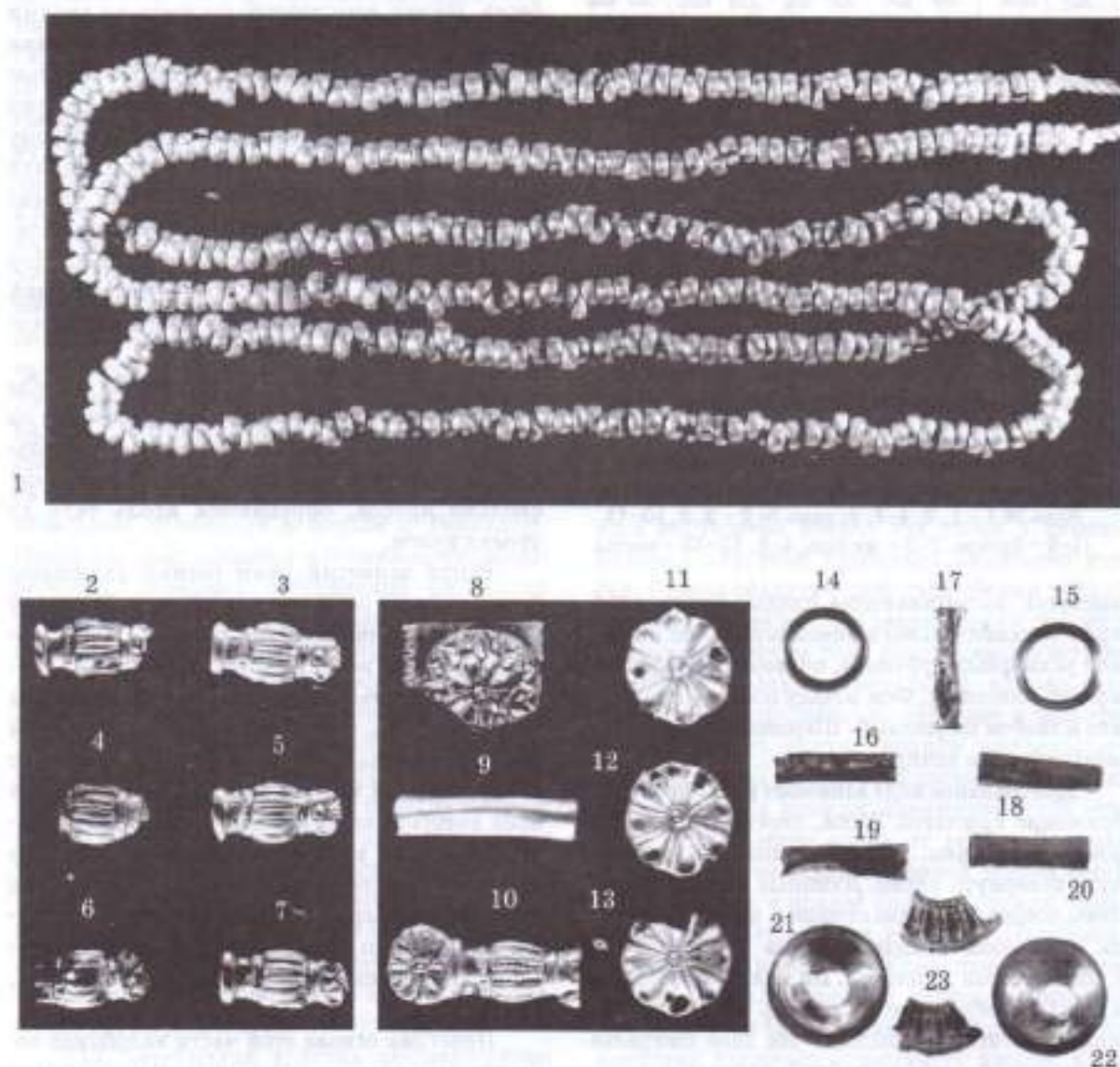

Рис. 73. Вабина Могила. Гробница № 2. Захоронение лошадей. Мелкие украшения узды
1-7 – конь № 2, 8-23 – конь № 1 (серебро)

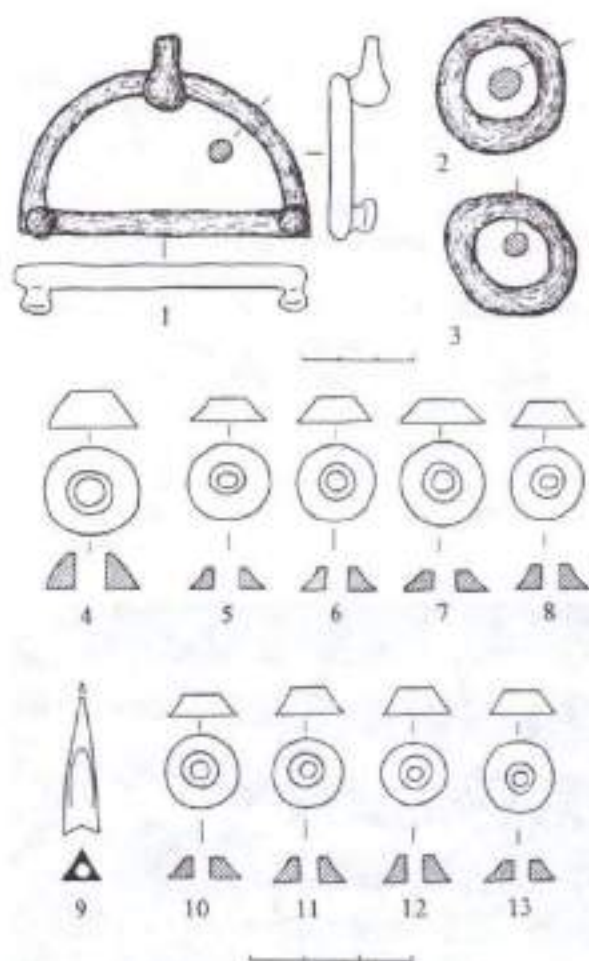

Рис. 74. Бабица Могила. Гробница № 2.
Захоронение лошадей. Детали узда и подпруги
Конь № 1 - 1, 2, 4-8, 9; конь № 2 - 2, 3, 10-13
(1-9 - бронза, 2-3 - железо, 4-8, 10-13 - кость)

выступы, напоминающие плоды. Внутренний край орнаментального пояса ограничен полоской рельефных рубчиков, повторяющей общий контур пластины. Фон между полосами рубчиков и скобок шершавый. Шершавость передана мельчайшими точками.

Центральное поле занимает рельефное изображение крылатой Ники, стоящей в полный рост фронтально. Голова молодой женщины чуть повернута влево. Длинные волосы разделены посредине на две стороны, подняты спереди надо лбом в виде валиков и опускаются с обеих сторон до плечей. На макушке собраны в узел, изображенный сверху над головой, между изгибами крыльев. На шее ожерелье в виде узкой слаборельефной полоски с круглым украшением в центре. Лицо полное, округлое, с правильными чертами.

Богиня облачена в длинный хитон, достигающий щиколоток, с диплодином, опускающимся до середины бедер. На плечах показаны завязки хитона, поверх которых помещены крупные круглые броши-застежки. Талия перехвачена витым веревочным пояском. Шея открыта, на груди имеется неглубокий треугольный вырез, креские полные руки богини обнажены.

Под платьем рельефно проступают маленькие груди. Ниже ткань дуговыми горизонтальными складками опускается к талии. От талии вниз диплодион расходится колоколом. Разнообразные фигурные складки мягко обозначают небольшой живот. Чуть ниже пояса углублением показан пупок. Нижний складчатый край диплодиона достигает середины бедер. Из-под него длинными частыми узкими вертикальными складками спускается нижняя часть хитона. Под натянувшейся тканью рельефно проступает левая нога, чуть согнутая в колене и отставленная в сторону. По правому краю двойной волнистой рельефной линией показан боковой разрез хитона. У ног справа сохранилась верхняя часть изображения орла. Его ракурс не согласуется с фигурой. Под ногами Ники в нижней фрагментированной части пластины сохранилась часть изображения пальметты.

Над головой богини возвышаются изгибы мощных крыльев, берущих начало на спине на уровне лопаток. Крылья, покрытые продольным оперением в виде узких каннелюр в несколько ярусов, опускаются вдоль тела до уровня колен.

Выше запястий руки богини украшены браслетами из ромбических звеньев. В правой руке, чуть отставленной в сторону, Ника держит лавровый венок, кистью левой руки, опущенной вдоль тела, вертикально удерживает на весу трезубец, выше лежащий на локтевом сгибе и предплечье. Трезубец представляет собой длинный тонкий шест-рукоять, нижний край которого находится на уровне колен и завершается на уровне макушки. У верхнего окончания шеста помещена косая перекладина с перпендикулярно загнутыми вверх короткими острями по краям. Средний отросток трезубца, являющийся продолжением рукояти, тупой.

Пластина-основа этой части налобника состояла из двух длинных полуовальных в плане гладких половинок, уложенных в стык. Ближе к верхнему краю у стыка на каждой из поло-

виник пробито по мелкому отверстию диаметром около 1 мм. Размеры налобника до реставрации 16,6 x 7,0 см (табл. 9, 1-2).

113. Серебряная круглая слабовыпуклая блиха с рельефным изображением поединка молодого Геракла с трехглавым Цербером. Круглое изобразительное поле обрамлено по краю узкой гладкой полоской, орнаментальной полоской рельефных точек, рядом сдвоенного меандра с точками в центрах кружков, образованных пересечениями линий меандров, и тонким гладким валиком.

С левой стороны изображена стоящая полусогнутая обнаженная фигура героя, обращенная вправо. Поза несколько неестественна — сказывается ограниченность изобразительного поля. Голова с коротко остриженными волосами наклонена вперед. Напряжение мускулистого тела выразительно передано в рельефе. Геракл сжимает между ног собачьи головы Цербера, из которых видны только две. Одновременно обеими руками он затягивает на шее чудовища ременную петлю-удавку. Левая рука выставлена локтем вперед, который упирается в плечо чудовища, кисть удерживает узел петли на загибке зверя. Отведенной назад правой рукой Геракл затягивает намотанный на запыстье ремень удавки. Цербер, расположенный справа, передней левой лапой охватывает правую голень Геракла сзади, левой задней лапой упирается в нее спереди. На заднем плане видно окончание правой передней лапы, охватывающей левую пятку героя. Цербер опирается на почву только правой задней лапой, все остальные используют в борьбе с Гераклом. Поединок приближается к развязке, что выразительно передают обессилевшая разинутая пасть средней головы со свисающим языком, положение лап, спадающее напряжение мускулатуры. На теле зверя в рельефе показаны волосы на загривке, бахрома шерсти снизу на задних лапах. Длинный тонкий хвост с изогнутым окончанием поджат между задними лапами. Позади Геракла сложен его плащ из львиной шкуры с головой и сучковатая палица с рукояткой, украшенной поперечными нарезками. Поединок происходит на каменной поверхности — под ногами Цербера и Геракла выпуклинами разной величины, разделенными на отдельные части, изображены камни. Диаметр блихи 8,4 см (табл. 8, 3).

114. Серебряная круглая слабовыпуклая блиха с рельефным изображением поединка молодого Геракла с немейским львом с таким

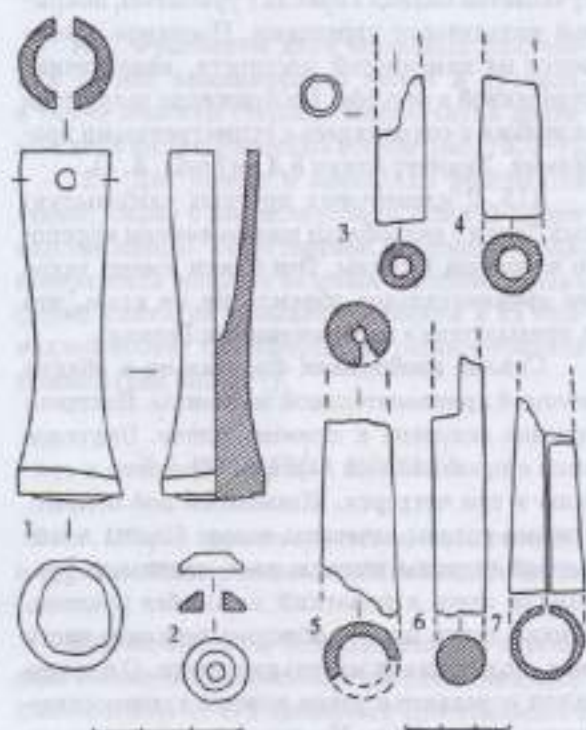

Рис. 75. Бабина Могила. Гробница № 3

1 — бронза, 2 — кость, 3-7 — железо

же орнаментальным обрамлением по краю, что и предыдущая. Изображение на ней является зеркальным по отношению к предыдущей блихе и в целом разработано по той же схеме.

С правой стороны изображена согнутая в поясе вперед обнаженная фигура сидящего героя, обращенная влево. Левая полусогнутая нога выставлена вперед для упора в камень. Голова с короткой прической наклонена вперед. Геракл обхватил шею льва обеими руками снизу и, сцепив кисти в замок, левым локтем и плечом всем весом тела давит шею животного на левом колене. Предельное напряжение мышц тела выразительно передано в рельефе. Из-под левого локтя Геракла выглядывает львиная голова с разинутой пастью и бессильно вывалившимся языком. Изогнутое дугой тело льва расположено слева от героя. Попытка освободиться от захвата, правой задней лапой лев упирается в правое колено Геракла, левая задняя лапа упирается в камень. Положение передних лап неясно из-за дефектности изображения. У льва показаны длинная грива, бахрома шерсти снизу на задних лапах, а также кисточка длинного опущенного хвоста, извивающегося между задними лапами. Под ногами между фигурами противников лежит

сучковатая палица Геракла с рукоятью, покрытой кольцевыми нарезками. Поединок происходит на каменной местности, ненавязчиво переданной в рельефе. Изображение разрушено окислами и сохранилось с существенными пробелами. Диаметр бляхи 8,4 см (табл. 8, 4).

115. 2 идентичных круглых слабовыпуклых бляхи с рельефным изображением морского чудовища Скиллы. Эти бляхи имеют такое же орнаментальное обрамление по краю, что и предыдущие с изображениями Геракла.

Скилла изображена фронтально в облике молодой привлекательной женщины. Изыщная головка склонена к правому плечу. Округлое лицо с правильными чертами обращено к зрителю в три четверти. Невысокий лоб открыт, прямые волосы зачесаны назад. Из-под волос с левой стороны выглядывает маленькое ухо. Скилла одета в короткий хитон без рукавов. Тонкая ткань плотно облегает верхнюю часть тела, подчеркивая маленькие груди. С плеч до талии опускаются узкие ремешки, пересекающиеся под грудью. На перекрестье помещена крупная круглая брошь. Ниже перекрестья показаны расходящиеся складки ткани, подчеркнутые снизу тонким витым веревочным пояском, стягивающим хитон на талии. Ниже ткань собрана в изящные изогнутые симметричные складки, обтягивающие небольшой живот с пушком. Нижний складчатый край хитона достигает уровня колен. В поднятых, согнутых в локтях обнаженных крепких руках она сжимает весло, занесенное над головой. На ручке весла видны кольцевые нарезки. Лопасть весла фигурная, сужающаяся посредине.

Из-под нижнего края платья, на фоне вероподобной пелерины, выглядывают в противоположные стороны симметрично расположенные протомы четырех гладкошерстных собак. Две собаки в центре изображены в стойке. Головы настороженно подняты, короткие уши стоят торчком. Собаки, расположенные по бокам, изображены с опущенными головами. Каждая из них удерживает во рту по рыбине. Сзади, с обеих сторон, тело Скиллы имеет продолжение в виде двух длинных могучих толстых змееподобных отростков с зубчатыми гребнями вдоль хребта, скрученных в тугие кольца и завершающихся раздвоенными вильчатыми окончаниями. Отростки покрыты крупной полукруглой чешуей, по бокам имеют по два острых коротких плавника-шпа. Над головой Скиллы изображен дельфин, плывущий влево. Диаметр блях 8,4 см (табл. 10).

116. Серебряный нащечник овальной формы с рельефным изображением змееногой богини. Верхняя пластина с изображением полностью уничтожена окислением и частично сохранилась в виде массы окисла, передающего рельеф изображения. Выделяется общий контур фигуры, детали просматриваются отдельными фрагментами. Фигура богини изображена фронтально в полный рост. Голова с округлым лицом, обрамленным длинными волосами, слегка откинута назад и широко. Правая рука опущена вниз, полусогнута в локте, отведена в сторону и назад. На туловище выделяется грудь и треугольный вырез платья над ней. Длинное платье в талии перехвачено узким пояском. Ниже пояса угадываются узкие вертикальные складки. С правой стороны внизу размещается окончание правой ноги, свернутой в кольцо, в виде львиной головы. Левая и нижняя части изображения не сохранились. Размеры 7,2 x 4,6 см (табл. 6, 4).

117. 17 овальных серебряных штампованных выпуклых бляшек с рельефным изображением головы Горгоны. Круглая голова окантована по краю бляшки узкой гладкой полоской. У Горгоны низкий лоб с рельефными надбровными валиками, округлые маленькие глазки, прямой мясистый широкий нос, пухлые щеки, маленький полуоткрытый рот с высунутым языком. Короткая прическа состоит из толстых изогнутых локонов, зачесанных в противоположные стороны, по 4 в каждую. Показаны также маленькие округлые уши. На обороте припаяно по 2 петельки для нашивания на ремень узды. Диаметр 2,0 x 1,8 см (табл. 11, 3).

118. 426 кольчатых серебряных бусин с сомкнутыми, ровно обрезанными краями, свернутых из литой полукруглой в сечении полосы. Ширина 0,25 см, диаметр 0,6-0,7 см (рис. 73, 1).

119. 13 прямоугольных серебряных штампованных бляшек с рельефным изображением головы льва сверху. В рельефе обозначены подпрямоугольный контур морды, узкий лоб, маленькие уши, открытые глаза и нос хищника. Три горизонтальными рядами косых насечек, разделенных вертикальной складкой, схематически изображена грива, идущая ото лба на затылок. Вертикальные стороны бляшек окантованы узкими рельефными полосками рубчиков. С обратной стороны припаяно по 2 петельки для нашивания на ремень узды. Размеры 1,6 x 1,4 см (табл. 11, 1).

120. 12 прямоугольных серебряных штампованных бляшек с рельефным фронтальным изображением бюста молодого Геракла. У героя широкое округлое юношеское лицо с правильными чертами. Мягкая линия подбородка, полные щеки, полное отсутствие растительности подчеркивают юный возраст. Голову увенчивает шлем из маски льва со свисающими с боков лапами. Плечи покрыты плащом, завязки которого из львиных лап перевязаны узлом на груди. Вертикальные стороны бляшек украшены узкими выпуклыми валиками из мелких рубчиков. С обратной стороны по углам припаяны 4 петельки для крепления на ремне узды. Размеры 2,9 x 2,5 см (табл. 11, 2).

121. а) 4 уплощенно-конические костяные ворварки диаметром 1,0–1,2 см, высотой 0,4–0,5 см (рис. 74, 10–13);

б) серебряная полая коническая ворварка, украшенная по поверхности сканным орнаментом из 12 напаянных петель из тонкой проволоки, образующих пышную розетку. Внутреннее отверстие окантовано узкой полоской мелких рубчиков. Диаметр основания 2,1, высота 1,2 см (рис. 73, 23);

в) фрагментированная прямоугольная серебряная бляшка с рельефным изображением сложной многолепестковой розетки – идентична № 99.

122. Железные двучастные удила с С-видными псалиями и треугольными пряжками для крепления повода, вставленными во внешние петли. На стержнях удила перед петлями насажены прямоугольные железные пластины с шипами по углам, направленными внутрь для усиления строгости узды. Один из псалиев под тяжестью грунта деформировался – нижний конец загнут под прямым углом. Общая длина удила 30,5 см, длина псалиев 24,3 и 24,8 см (рис. 68, 1).

Находки из гробницы № 3

123. Золотая рубчатая провизь из тонкого листка металла длиной 2,8 и диаметром 0,3 см (табл. 12, 23).

124. Бронзовый литой рюмковидный втек древка дротика с глухим расширяющимся основанием. Вверху расположено сквозное отверстие для закрепления штифтом на древке. Длина 7,1, диаметр в верхней части 1,8, внизу 2,2 см (рис. 75, 1).

125. Костяная усеченно-коническая ворварка. Диаметр 1,3 см, высота 0,4 см (рис. 75, 2).

126. Фрагменты двух железных конических втулок наконечников копья и дротика, а также обломки стержня наконечника дротика и двух цилиндрических втулок (рис. 75, 3–7).

127. Две ножики и несколько фрагментов стенок амфор с рюмкообразной ножкой производства Менды. Тесто светлое, синопского типа, поверхность покрыта белесым ангобом. Однако форма ножек не вызывает сомнений в их принадлежности к амфорам с рюмкообразной ножкой (рис. 65, 6–7).

3.3. СОБОЛЕВА МОГИЛА

3.3.1. Общая характеристика могильника и кургана. История и методика исследования

Курган Соболева Могила входил в курганный могильник «Завадские могилы», находившийся к ЮВ от с. Горняцкого Никопольского р-на Днепропетровской обл. на высоком плато левого берега р. Соленой, к ЮЗ от истоков Завадской балки, давшей название могильнику. Состоял из 12 курганов (рис. 76). Завадские могилы исследованы Б.Н. Мозолевским на протяжении 1972–1992 гг. 7 курганов принадлежали имной культуре. В скифское время в середине V в. до н. э. здесь была сооружена 1-я Завадская Могила, затем во второй половине V в. до н. э. – 2-я и 5-я Завадские могилы. Впускное скифское захоронение № 1 в кургане №3 и остальные скифские курганы могильника (№ 10 – Соболева Могила, и № 11) относятся к середине – третьей четверти IV в. до н. э. [Мозолевский, 1980: 86, рис. 23; Полин, 1987: 31].

Высота Соболевой Могилы накануне раскопок достигала 6 м, диаметр около 50 м. Насыпь полусферической формы с крутым северным и более пологими остальными склонами. По всем внешним признакам курган соответствовал скифским, что было определено Б.Н. Мозолевским еще в 1971 г. и подтвердилось при раскопках.

На кургане размещалась кладбище, функционировавшее с начала 20-х гг. вплоть до 1968 г. На вершине стоял памятник командиру эскадрона (он же комиссар полка) Д.С. Соболеву, погибшему здесь в октябре 1920 г. в битве у с. Шолохово 2-ой Конной армии с войсками Врангеля. В его честь и был назван курган. В 1959 г. останки командира-комиссара были перенесены с кургана и с почестями захоронены в братской могиле в с. Горняцком. Перенос

кладбища с кургана был осуществлен осенью 1990 г. в связи с приближением Запорожского карьера ОГОКа. По официальным данным, здесь числилось 60 захоронений, но в процессе перезахоронения их было обнаружено 165. Поиски проводились довольно бессистемно с помощью бульдозера и экскаватора «Беларусь». После проведения этих работ насыпь кургана в центральной части уцелела лишь на высоту от 1,5 до 3 м, поля же кургана были разрушены до уровня материка.

Во время проведения этих работ в 1990 г., осуществлявшихся под наблюдением Б.Н. Мозолевского, был зачищен вертикальный срез южной половины кургана, в который попала входная яма впускного погребения № 2 (рис. 77; 82 – профиль № 9). Тогда же были обнаружены и исследованы впускное детское погребение № 6 под СЗ полкой и половецкое святилище на вершине кургана. Также были сделаны некоторые наблюдения по характеру грунта насыпи на тех или иных его участках.

Исследование кургана было завершено летом 1991 г.¹ Исследование насыпи производилось с помощью бульдозера «Чебоксарец» параллельными траншеями, проложенными с севера на юг. Кроме центральной бровки, были оставлены также и по две боковых на каждой половине, что дало возможность получить 10 разрезов кургана. Вторая западная бровка, вследствие разрушения кургана, не содержала информации по конструкции памятника и потому не представлена чертежами.

3.3.2. Половецкое святилище на вершине кургана

Святилище было сооружено на вершине кургана поверх грабительского колодца в центральное захоронение кургана, выкопанного на его вершине. Камни святилища, обнаружен-

¹ В работах на Соболевой Могиле принимали участие В.П. Белозор, В.А. Василенко, А.В. Николова, Д.В. Стулак, (сотрудники ИА АН УССР), А.С. Старойт (зодитель автобазы АН УССР), А. Козырничий и др. Проходку и крепежные работы осуществлял Г.М. Пыхтин (шахтер-ленсменер ОГОКа) с помощью бригады проходчиков Марганецкого ГОКа. Раскопки кургана руководили Б.Н. Мозолевский и В.П. Белозор. Всею необходимую для исследований технику предоставил ОГОК.

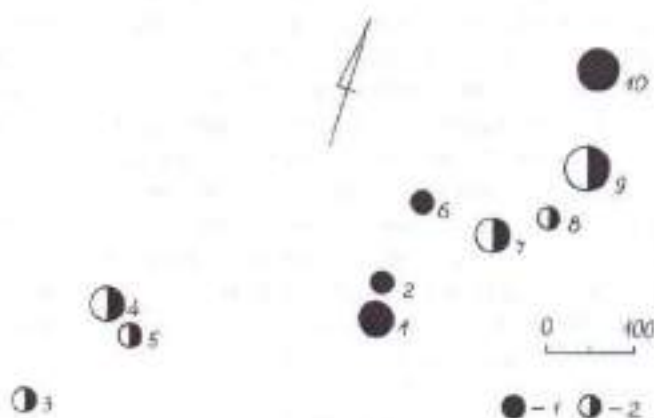

Рис. 76. Группа Завадских Могил (№ 10 – Соболева Могил).
Усл. обозначения: 1 – скифские курганы;
2 – курганы эпохи бронзы

ные на глубине 0,8–1,0 м от поверхности, свидетельствуют о том, что сооружение размещалось в специально вырытой для этого яме. Планировку определить не удалось вследствие разрушения при рытье современных могил. На СЗ от центра святилища был установлен памятник комиссару Д.С. Соболеву, фундамент которого был углублен в насыпь на 0,8 м. На юг от памятника располагалась и могила комиссара, также вырытая в пределах культового сооружения. Развалины святилища прослеживались в одном слое на одной глубине на площади около 8 x 8 м. Они были представлены крупными необработанными, в основном октаэдрическими, уплощенными камнями до 0,6 м в поперечнике. Камни лежали не вплотную, а на том или ином расстоянии друг от друга. Чаще всего оно было равно величине самих камней. Ближе к центру сооружения среди гранитных камней присутствовали в значительном количестве несколько меньшие по размерам известняковые, также округлой и подтреугольной формы.

В центре святилища с уровня 0,8 м от современной поверхности кургана в грунт была вкопана каменная баба. Судя по расположению основания, сохранившего первоначальное положение, скульптура была ориентирована лицом на восток. Обломки верхней части статуи были найдены рядом с основанием (1). У подножия изваяния симметрично лежали на расстоянии 0,8 м на север и юг от основания два известняковых круглых камня.

3.3.3. Структурные элементы кургана, последовательность его сооружений

Курган использовался для захоронения знатных скифов пятьюкратно. Как полагал Б.Н. Мозолевский, курган был сооружен в один прием над первичным захоронением № 1, а все остальные были впущены позднее

в готовый курган. Представляется, что имеющиеся данные свидетельствуют о более сложной структуре памятника.

Судя по тому, что ров, опоясывающий курган по основанию, имеет в плане форму геометрически правильного круга, центр которого находится в пределах восточной ямы первичного захоронения кургана № 1, ориентации последней

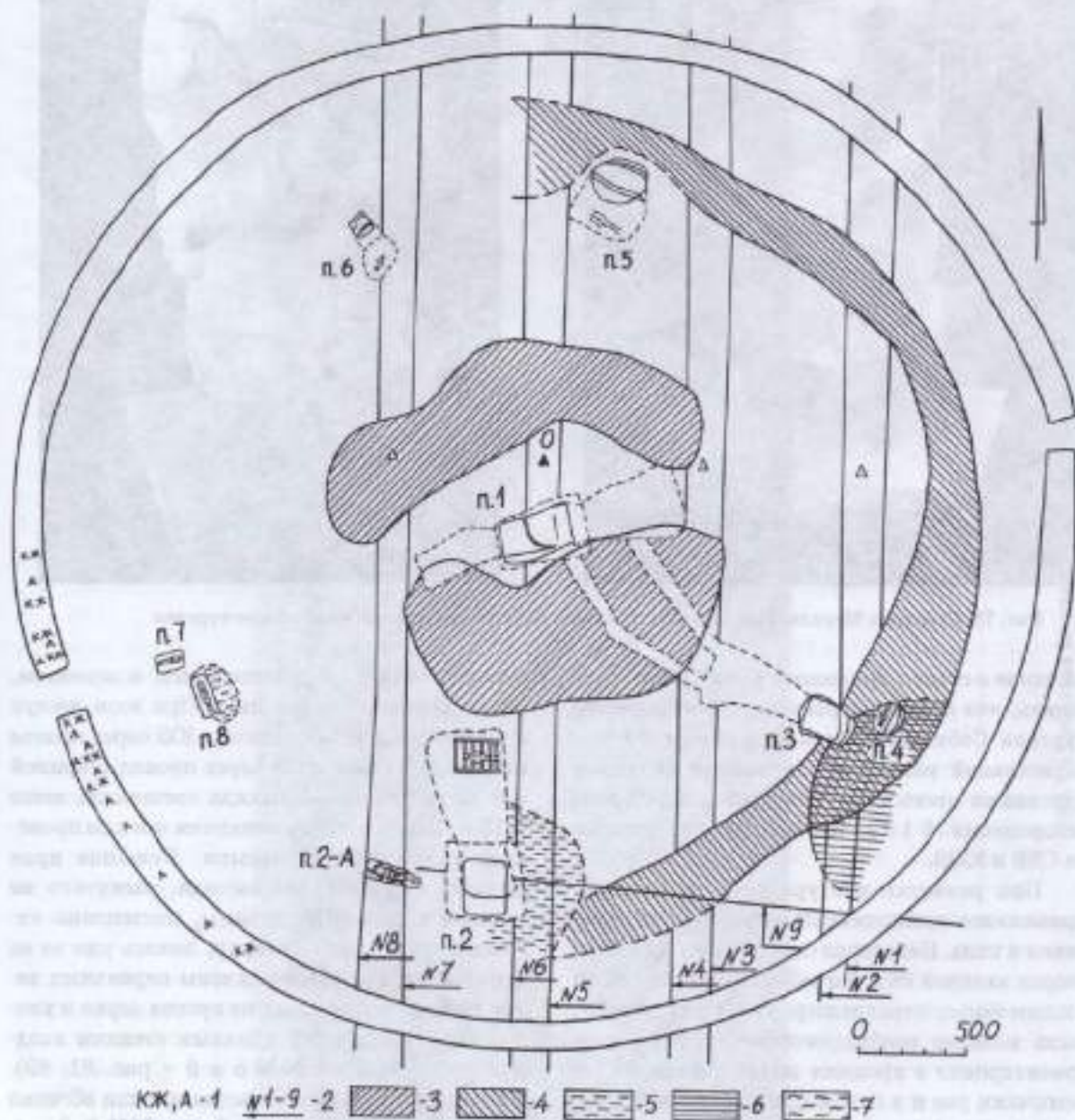

Рис. 77. Соболева Могила. Общий план кургана

Усл. обозначения: 1 – кости животных, обломки амфор; 2 – номера профилей насыпи кургана; 3 – материковый выкид из погребения № 1; 4 – материковый выкид из погребения № 5; 5 – материковый выкид из погребения № 2; 6 – материковый выкид из погребения № 3; 7 – вымостка из фрагментов амфор над погребением № 8

Рис. 78. Соболева Могила. Половецкая каменная баба из святилища на вершине кургана

по длине в створ с проходами во рву, можно полагать, что процесс строительства первичного кургана Соболевой Могилы начался с предварительной разметки планировки будущего кургана на местности – контуров входной ямы захоронения № 1 и кольцевого рва с проходами на СВВ и ЮЗЗ.

При разметке контура рва, несомненно, применялся примитивный циркуль в виде веревки и кола. Некоторая скошенность длинных сторон входной ямы погребения № 1, имевшей в плане форму параллелограмма, по-видимому, была вызвана необходимостью коррекции ее ориентировки в процессе выкапывания по перемычкам рва и в целом приведения ее в соответствие с точками восхода и заката в период совершения захоронения.

При сооружении погребения № 1 выкид из него укладывался вокруг входной ямы на уровне древнего горизонта кольцевым валом шириной от 3 до 7 м. Сначала чернозем и глина выкида переносились подальше от ямы, на рас-

стояние до 5 м, и укладывались, в основном, вдоль длинных стенок ямы. При этом доступ к яме оставался свободным: с ЮЗ через проход шириной 2,7 м и с СВ через проход шириной 3,0 м, где толщина выкида составляла всего 0,15 м. Параллельно с копаньем могилы происходило сооружение насыпи. Внешние края кольца материкового выкида, выкутого из могилы с большей глубины, постепенно наклонно поднимались кверху, ложась уже не на древний горизонт, а на склоны первичных валов насыпи, сложенных из кусков дерева и уложенных параллельно длинным стенкам входной ямы (профили №№ 5 и 6 – рис. 81; 83). Иногда процесс строительства насыпи обгонял копанье могилы. Так, в профилях №№ 5–8 первые порции выкида оказываются перекрытыми высокими валами насыпи кургана из дерна высотой 1,5 м, 2,5 или даже 3,5 м. Валу основания сооружаемой насыпи имели навальную планировку, но в целом были ориентированы в широтном направлении. Ширина их на

Рис. 79. Соболева Могила. Общий вид после снятия насыпи

различных участках колебалась от 2,7 до 8–9 м. Удивляет крутизна склонов вала – от 55° до практически вертикальных (профили №№ 5 и 6), достигавшаяся, видимо, благодаря свойствам строительного материала – кускам дерева.

Последующие порции материкового выкида из погребения № 1 укладывались уже на внутренний склон этих черноземных валов (профили №№ 5 и 6), или в промежутки между ними (профили №№ 7 и 8) и в свою очередь, как и предшествовавшие, перекрывались новыми слоями вала, всрастающего до высоты от 2,5 м до 4,5 м на разных участках. Последний этап обваловки непосредственно предшествовал совершению погребения. Вероятно, на этом этапе произошла остановка дальнейших действий по сооружению насыпи. Вдоль внешних склонов валов (профили №№ 1–8), а в одном случае и на внутреннем склоне южного вала (профиль № 5), зафиксированы илестые смывы, имеющие в разрезе вид наклонных треугольников. Такие смывы зафиксированы на многих больших скифских курганах. Подробно вопрос о природе образования этих элементов рассматривается в разделе 4.8. Здесь же необходимо отметить, что такие смывы образуются при прохождении кратковременного сильного или слабого продолжительного дождя. И если во всех предыдущих курганах смывы фиксировались у склонов основных насыпей курганов или их досыпок, что давало исследователям основания предполагать некое специальное их назначение и видеть в них искусственное, рукотворное образование, то обнаружение смывов в Соболевой и Водяной могилах у основания досыпок первичных обваловок, когда укрепление насыпи еще не имело никакого смысла, указывает на естественность их происхождения. В Соболевой Могиле смывы грунта с внешнего склона первичной черноземной обваловки и намыв грунта во рву, заполнивший его приблизительно наполовину, можно считать последствиями одного дождя и, следовательно, одновременными.

Окончательное завершение строительства первичной насыпи было осуществлено после совершения погребения в захоронении № 1, когда сначала было закрыто пластинами дерева все пространство внутри вала над входной ямой и в проходах к могиле, а затем сверху над ними была полностью сформирована первичная насыпь. Внешний край этой насыпи фиксирует рассеянный материковый выкид, лежащий у ее основания с внешней стороны. Ее диаметр до-

стигал 36–38 м при высоте первичного кургана близкой к современной. Этот выкид отмечен в профилях №№ 1–5 на восточной половине кургана. Его можно связывать с впускным в первичную насыпь погребением воина № 5. С этим погребением связана вторая насыпь кургана, сооруженная после его совершения.

С погребением № 1 также связаны и сопровождающие захоронения слуг №№ 7 и 8 («вестника» и «виночерпия» в интерпретации Б.Н. Мозолевского). Захоронение № 7 лежит на линии проходов во рву и входной ямы погребения № 1. Костяк в нем ориентирован на СВ, в сторону погребения № 1. На ту же пруроченность второго сопровождающего захоронения слуги № 8 указывает наличие над ним вымостки из фрагментов амфор, уложенной на уровне древнего горизонта в пределах первичной насыпи, а также однотипность амфор из этой вымостки и найденных во рву кургана. Хотя, конечно, его ориентировка в сторону от погребения (головой на СЗ) и вызывает вопросы.

О существовании второй насыпи можно уверенно судить по данным профилей №№ 1–2, где в местах впуска погребений №№ 2 и 3 хорошо видно, что они впущены с уровня второй насыпи и при этом прорезают материковый выкид из погребения № 5, лежащий на склоне первичной насыпи. Мужское захоронение № 2 сопровождалось захоронением лошади № 2-А, совершенном в отдельной яме в 2 м к западу от него. Женское захоронение № 3 сопровождалось захоронением девочки № 4, совершенным в отдельной могиле рядом с ним в 1,5 м к востоку. По данным указанных профилей погребения № 2 и № 3, вместе с сопровождающими № 2-А и № 4, перекрыты общей грядой насыпи, что указывает на их близость во времени. Об этом также свидетельствует общность ряда сопровождающих вещей, обнаруженных в этих погребениях.

Богатое детское погребение № 6 могло быть впущено в курган в весьма узкий промежуток времени, разделявший момент существования первичного кургана до появления второй насыпи или вскоре после того. Учитывая находку в нем амфоры с рюмкообразной ножкой, сходной по типу с большинством амфор из тризны во рву и найденными в погребении № 2, полному тождеству по тесту с амфорной ручкой, найденной в погребении № 3, по датировке оно от них не отличается.

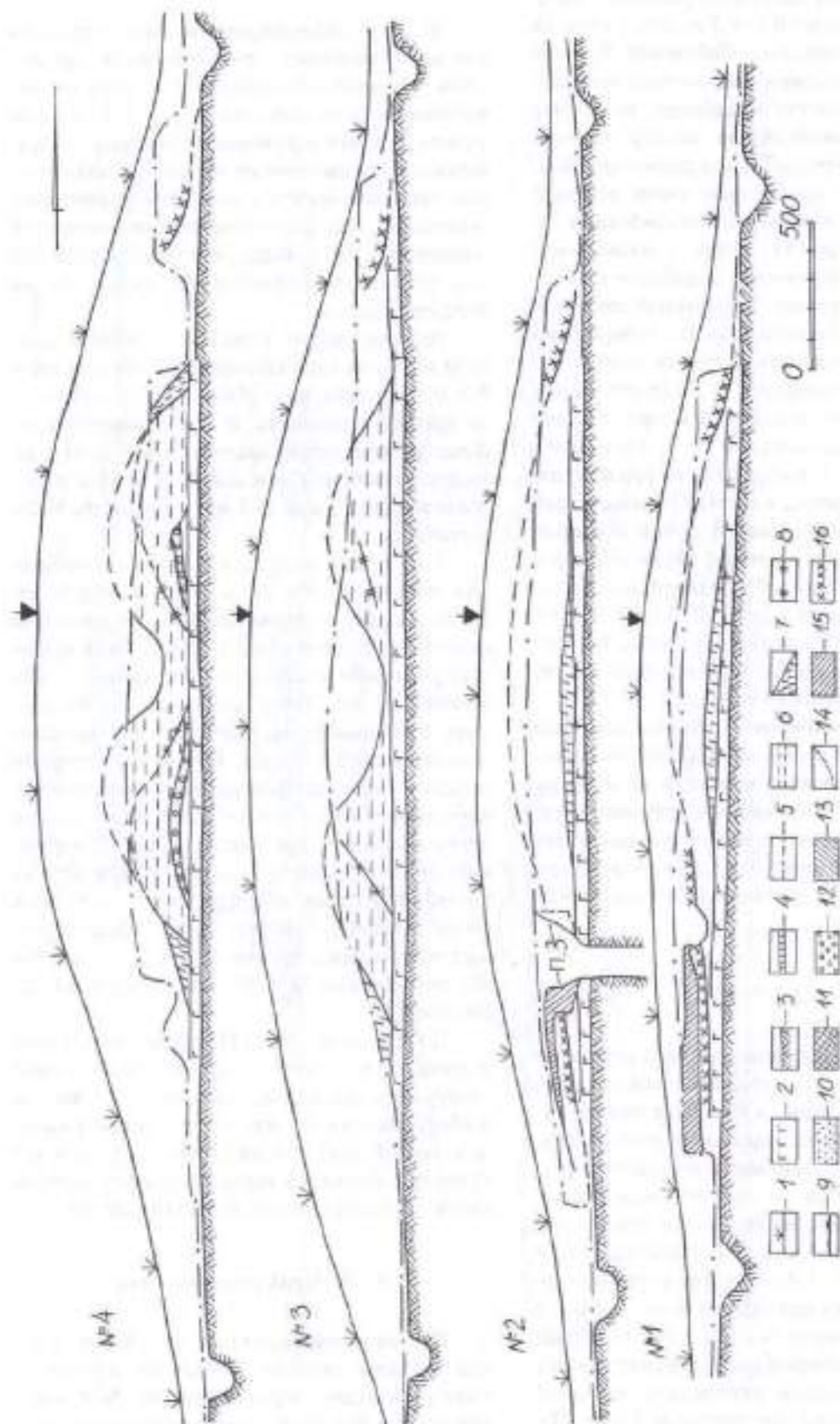

Рис. 80. Собалева Могила. Профиль насыпи кургана № 1-4. Вид с востока

Усл. обозначения для рис. 80-85: 1 - поверхность кургана до переноса владения; 2 - погребенный череполок; 3 - материк; 4 - древний горизонт; 5 - уровень насыпи кургана, сохранившийся после переноса владения; 6 - подковообразная насыпь из дерева; 7 - пластые смолы; 8 - конструктивные элементы верхнего яруса; 9 - насыпь из чернозема и суглинки; 10 - смесь глины с череполоком; 11 - бурый поверхностная глина; 12 - белая глубинная глина; 13 - белая глубинная глина с крошечной глиной красного оттенка; 14 - тонкая реконструкция; 15 - белая глубинная глина; 16 - насыпь из искусственных могил

И вторая, и третья насыпи невелики по толщине. В местах впуска погребеней фиксируется их мощность в 0,5–0,7 м, что, учитывая разрушенность вершины Соболевой Могилы при ограблении, сооружении половецкого святилища и устройстве кладбища, позволяет предполагать изначальную высоту кургана в древности в пределах 7 м при диаметре в 40 м.

Однозначное определение связи остатков тризны во рву с конкретным погребением затруднительно. С одной стороны, из планировки подкурганых сооружений и данных стратиграфии представляется несомненной связь рва с первичным захоронением № 1, с которым логично было бы связывать и остатки тризны. На это как будто указывает и общность типов фрагментов амфор, найденных в выемке над погребением «виночерпия» № 8, связанного с погребением № 1, и обломков амфор из тризны. С другой стороны, в составе тризны во рву найден фрагмент клеймевой ручки с частью горловины амфоры, по тесту, характеру обработки поверхности и клейму идентичный амфорам из погребения № 2 (рис. 88, 11; 94, 1). Несомненно, это амфоры одного выпуска. Вероятно, здесь представлены остатки двух тризн, чрезвычайно близких во времени.

Как было установлено в процессе раскопок кургана, древний уровень погребенного чернозема, сохранившийся под курганом, на 20–30 см возвышался над современным уровнем окружающего поля. Вероятно, это следует связывать с парезкой и выборкой дерна для сооружения насыпи Соболевой Могилы непосредственно вокруг кургана.

3.3.4. Ров

Его диаметр на уровне материка составлял 48,0–49,5 м. На уровне предматерика ров имел очень пологие склоны, в материке сильно сужался. Здесь он имел корытообразные очертания с наклонными стенками и широкам округлым дном. Ширина на уровне предматерика достигала 4,0–4,5 м, на уровне материка колебалась в пределах 1,4–2,2 м. Глубина, также непостоянная, 1,1–1,8 м от уровня древнего горизонта, достигала максимума возле проходов на СВВ и ЮЗЗ шириной 1,5 и 2,1 м на уровне материка, через которые осуществлялся доступ на курган. Последние находились на одной линии с входной ямой погребения № 1 (рис. 77).

3.3.5. Находки во рву

Во рву зафиксированы два горизонта находок, связанных с различными историческими периодами. У восточного прохода на значительном протяжении на глубине 0,4–0,5 м от уровня древнего горизонта встречались необработанные камни (известняк, гранит), аналогичные использованным в выемке половецкого святилища. Найдено также и несколько костей животных. Эти находки могли попасть в ров при устройстве половецкого святилища на вершине кургана.

Остатки тризны скифского времени залегали во рву на слое затечного грунта на высоте 0,3–0,4 м от дна, на глубине 1,2–1,3 м от уровня древнего горизонта. В подавляющем большинстве концентрировались возле проходов: на расстоянии до 6 м к северу и до 14 м к югу воле западного и до 2–3 м в обе стороны воле восточного.

У западного прохода к югу от него найдено довольно много обломков амфор и костей животных. Нередко встречались целые кости или даже части туши – «блоки». Здесь были найдены три черепа лошадей, части хребта, содержавшие по несколько позвонков, куски грудины с набором ребер, кости ног, сохранявшие анатомический порядок. Находки к северу от западного прохода представлены намного меньшим количеством костей животных (в т. ч. один череп лошади) и фрагментов амфор. У восточного прохода найдено всего несколько мелких костей животных и 2 фрагмента амфорных стенок. Общее количество амфор, представленных обломками в тризне во рву и в выемке над погребением № 8, составляло не менее 24 сосудов (2).

По определению О.П. Журавлева, кости животных из тризны кургана принадлежат следующим видам: бык домашний – 1 взрослая особь (9 костей); лошадь – 1 молодая и 6 взрослых особей (567 костей); овца – 1 взрослая (3 кости); собака – 1 взрослая (2 кости); дикий кабан – 3 полувзрослых особи (10 костей).

3.3.6. Ограбление кургана

Курган на протяжении своего существования грабился дважды. Первичное ограбление было произведено через погребение № 3, находившееся в ЮЗ поле кургана. Грабители с поверхности насыпи через вертикальный колодез

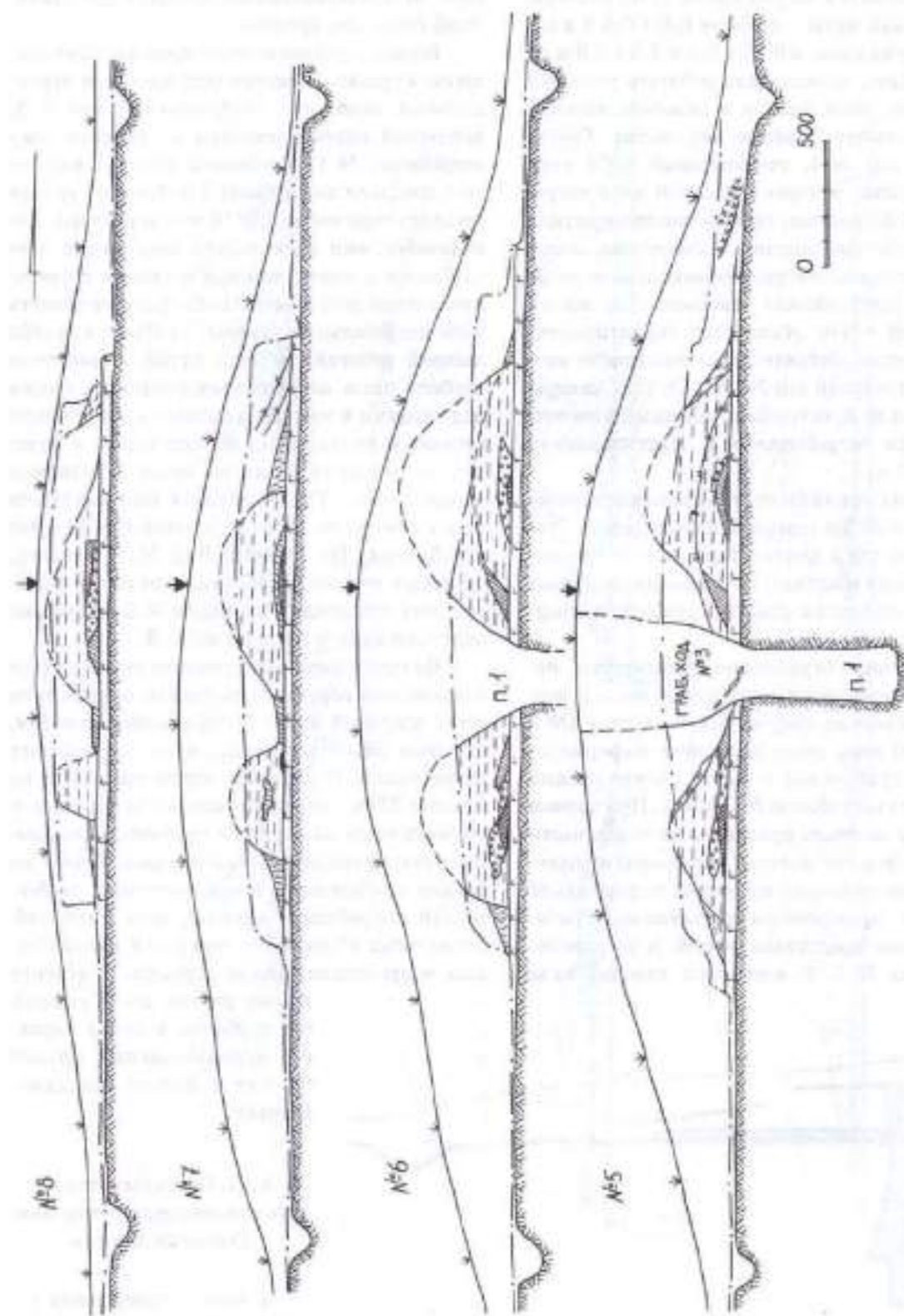

Рис. 81. Соболева Могила. Профили насыпи кургана № 5-8. Вид с востока
(см. усл. обозначения к рис. 80)

точно попали во входную яму погребения. При этом погребение было полностью опустошено. Затем из камеры были прокопаны два грабительских лаза в погребение № 1. Их размеры поразительно малы – не более 0,6 x 0,6 м в поперетнике на входе и 0,65 x 0,5 и 1,0 x 0,9 м на выходе. Здесь можно было работать человеку маленького роста только в лежачем положении, испытывая крайние неудобства. Грабительский ход № 1, прокопанный в СЗ углу камеры, попал в стенку входной ямы погребения № 1. Первичное ограбление происходило вскоре после совершения захоронения, когда еще не слежавшееся рыхлое заполнение входной ямы представляло опасность для жизни грабителей – его обвал был гарантирован. С учетом этого обстоятельства был пробит второй грабительский ход № 2 из СВ угла камеры погребения № 3, точно направленный в восточную камеру погребения № 1. Протяженность ходов 9 и 7 м.

В это же время было ограблено и захоронение юноши № 5 в северной доле кургана. Грабительский ход в центр с равным успехом мог быть выкопан и из него. Но по каким-то причинам для этой цели древние грабители предпочли погребение № 3.

Первичное ограбление произошло, несомненно, непосредственно вскоре после совершения последних погребений в кургане (№ 2 и № 3). Об этом свидетельствует информированность грабителей о месте расположения входных ям погребений № 3 и № 5. При полном отсутствии внешних признаков на поверхности насыпи найти эти могилы постороннему человеку, не располагающему точной информацией о кургане, практически невозможно. Грабители хорошо представляли себе и устройство погребения № 1. В восточной камере, куда

были наделены ходы, находился погребенный со всем своим скарбом, в отличие от западной камеры, где помещался хозяйственный инвентарь, не представлявший интереса для грабителей скифского времени.

Второе ограбление было произведено с вершины кургана. В центре был прокопан вертикальный колодец – грабительский ход № 3, попавший непосредственно во входную яму погребения № 1. Грабители прошли яму по всей площади до глубины 3,5–4,0 м от уровня древнего горизонта (9,5–10 м от вершины). По-видимому, они располагали сведениями о ее глубине и о существовании в данном погребении именно двух камер. Чтобы быстрее попасть в обе погребальные камеры, не обременяя себя лишней работой, на этой глубине грабители срубили часть материковых козырьков сводов над входами в камеры в западной и восточной стенках и наклонными ходами вошли в камеры, не вынимая нижнюю часть заполнения входной ямы. Таким образом был сокращен объем земляных работ и ускорен сам процесс ограбления. По мнению В.Н. Мозолевского, «авторы» второго ограбления еще раз воспользовались грабительским ходом № 2 и повторно очистили камеру погребения № 3.

На срубленных грабителями участках стен сохранились вертикальные следы орудия типа тесла шириной около 6 см, аналогичные тем, которые обычно фиксируются в скифских погребениях. Ограбление могло произойти не позднее XII в. – времени устройства половецкого святилища на вершине кургана, перекрывшего сверху грабительский колодец. Точное же знание грабителями конструктивных особенностей погребения (наличие двух катакомб, устроенных в одной входной яме и направленных в противоположные стороны, – явление

весьма редкое для Скифии), его глубины, а также характер использованных орудий говорит в пользу скифского времени.

3.3.7. Основные этапы функционирования кургана Соболева Могила

1 этап – совершение погребения № 1 и сопровождающих его захоронений слуг № 7 и 8, устройство рва и стро-

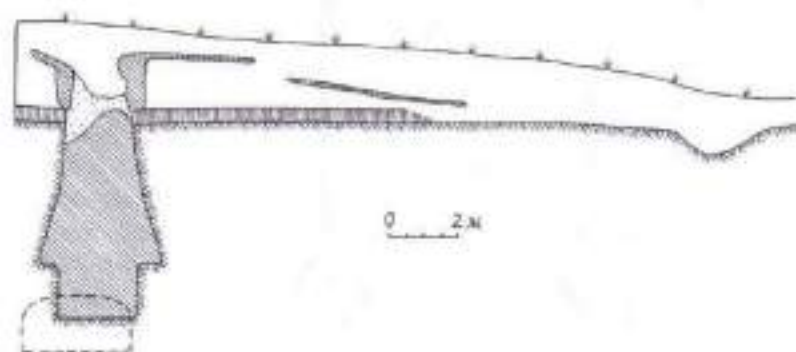

Рис. 82. Соболева Могила. Профиль насыпи кургана № 9. Вид с юга (см. усл. обозначения к рис. 80)

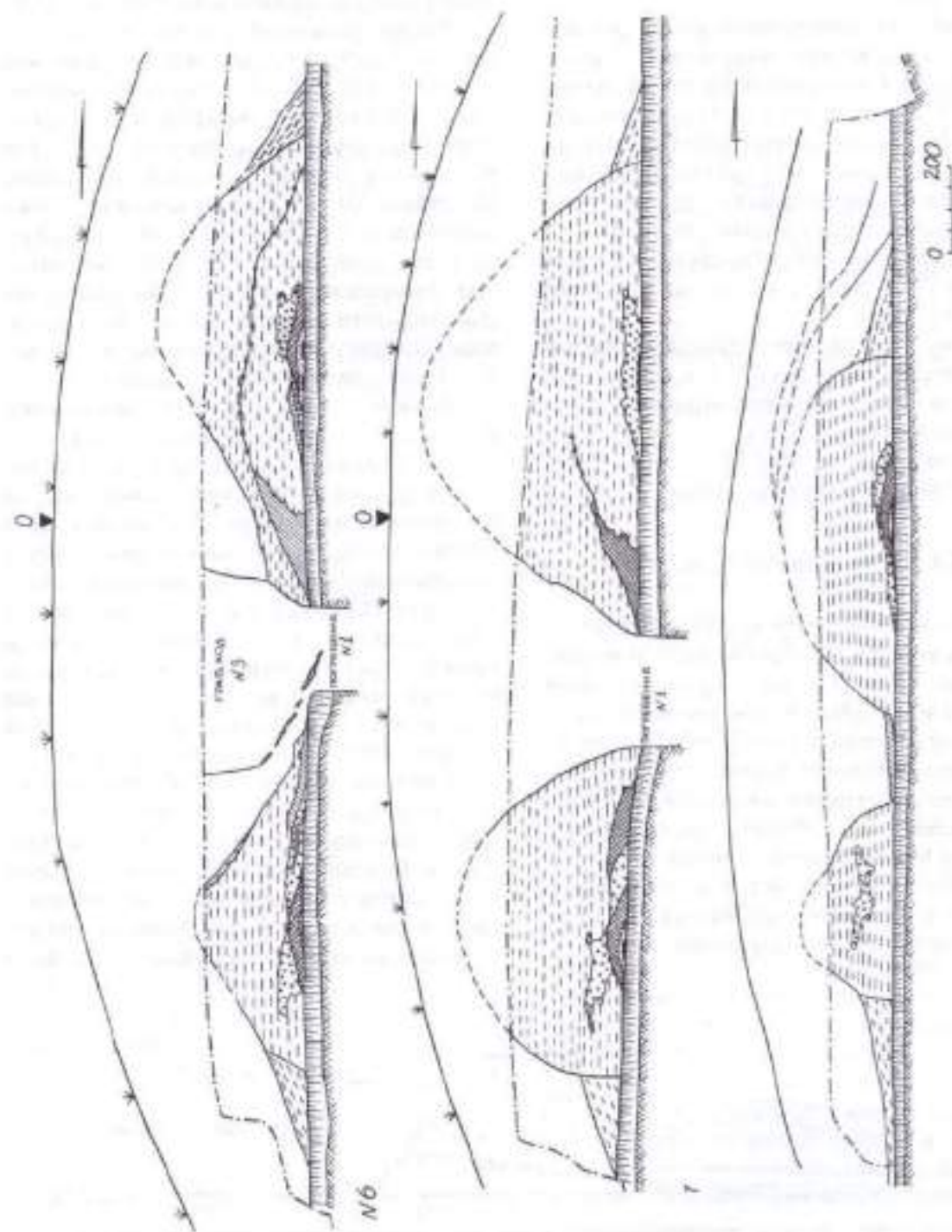

Рис. 83. Соболева Могила. Профили насыпи кургана №№ 5-7. Центральная часть. Структура верхней оболочки. Вид с востока (см. усл. обозначения в рис. 80)

ительство первичной насыпи, отправление первой триады.

2 этап – совершение погребения молодого сына № 5. Сооружение второй насыпи.

3 этап – совершение погребения подростка № 6. Последовательность этапов 2 и 3 могла быть обратной.

4 этап – совершение женского захоронения № 3 в сопровождении захоронения девочки-служанки № 4; совершение мужского захоронения № 2 в сопровождении захоронения лошади № 2-А. Сооружение общей третьей насыпи, отправление второй триады. На этом завершается функционирование кургана в качестве усыпальницы знатных скифов. Все это происходило в пределах середины – третьей четверти IV в. до н. э. на протяжении очень короткого периода.

5 этап – сооружение и функционирование половецкого святилища в XII в. н. э.

6 этап – разрушение половецкого святилища в первой половине XIX в.

7 этап – 1920-е – 1968 гг. Существование современного кладбища на кургане.

3.3.8. Погребение № 1 (рис. 89)

Находилось в центре кургана. Подпрямоугольная входная яма в форме параллелограмма в плане имела размеры на уровне материка 3,4 x 2,0 м. По длине ориентирована с СВ на ЮЗ. Книзу расширялась во все стороны, приобретая колоколовидную форму. У дна яма приобрела трапециевидные очертания. Ее длина здесь достигла 4,4 м. Узким торцом шириной 2,2 м она была обращена к западу, в сторону хозяйственной камеры № 1, и более широким в 2,8 м – в восточном направлении, к камере № 2, где размещалось захоронение.

Глубина входной ямы в западной половине достигала 5,83 м от уровня древнего горизонта, уровень с дном камеры № 1. Восточная половина ямы представляла собой пологий спуск в камеру № 2 до глубины 6,6 м. Вдоль южной продольной стены по всей длине была оставлена ступенька шириной 0,5 и высотой 0,25 м.

Грабительский ход № 3, начинавшийся на вершине кургана, прошел через входную яму по всей ее площади. По завершению ограбления ход был брошен открытым. Под воздействием атмосферных осадков яма постепенно наполнилась твердым затечным черноземом. На глубине 3,0 м от дневной поверхности в западной части ямы найдены кости барана, пропитанные бронзовыми окислами, выброшенные грабителями из котла. Ниже уровня два грабительского колодца (3,5–4,0 м) сохранилось непо потревоженное первоначальное заполнение ямы – чистый мягкий чернозем.

Камера № 1 (западная, хозяйственная). Вход в камеру шириной 1,4 м смещен к северной стенке входной ямы. Козырек свода над входом срублен грабителями. Первоначальная его высота не превышала 1,1 м. Перед входом найдены выброшенные грабителями из котла пропитанные окислами бронзы кости овцы – полувзрослой особи 2–2,5 лет, по определению О.П. Журавлева. Камера подпрямоугольной в плане формы, размерами 3,65 x 1,4–1,8 м, несколько изогнута по длине к северу. Стены камеры отвесные. Изначально уплощенный свод высотой 1,3 м ко времени раскопок осыпался не более чем на 0,1 м. Пол в начале камеры понижался на 0,08 м, а затем выходил на уровень дна входной ямы – 5,85 м. На дне прослежен белесый тлен подстилки. Большая часть камеры к моменту раскопок была практически свободна от грунта. Часть грунта попала сюда из входной ямы. Камера № 1 была

Рис. 84. Соболева Могила. Профиль № 1. Южная часть. Вид с востока (см. усл. обозначения к рис. 80)

полностью опустошена грабителями. Судя по скромным размерам камеры, отсутствию ведущих в нее ступенек, сужению входной ямы перед входом, а также по находке костей овцы из котла, камера № 1 имела подсобное, хозяйственное назначение.

Камера № 2 (восточная, погребальная). По сравнению с западной камерой была более обширной. Козырек свода над входом был срублен при ограблении. Первоначальная высота входа составляла около 1,6 м, ширина достигала 1,8 м. У входа в камеру найдены несколько обломков железных прямоугольных скоб со следами дерева от деревянного заслона, закрывавшего вход.

Трапециевидная в плане камера начиналась непосредственно от входа. Ее длина 4,6 м, ширина у входа – 1,8, в конце – 3,4 м. Дно у входа от глубины 6,6 м поднималось к противоположной стене до 6,45 м. Была заполнена обвалами стен и свода. Особенно сильным обвал был в дальнем конце подземелья, где в потолке образовался купол высотой 2,1 м от дна. Изначальная высота свода не превышала 1,5 м. В среднюю часть южной боковой стены камеры № 2 на высоте 0,4 м от пола врезался грабительский ход № 2. В результате двух ограблений из камеры было вынесено абсолютно все, кроме обломков костей и фрагментов прямоугольных железных скоб, вероятно, от деревянного гробовища, втоптаных в пол.

3.3.9. Погребение № 2 (рис. 90; 91; табл. 11)

Находилось в южной поле кургана на расстоянии 18,5 м от центра. При сооружении гробницы выкид из нее укладывался на склоны второй насыпи. После совершения погребения основная его часть была использована для засыпки входной ямы. Поэтому на склонах второй насыпи вокруг входной ямы погребения № 2 сохранились лишь незначительные остатки материкового выкида в виде прослойки толщиной до 0,1 м.

Входная яма прямоугольной формы ориентирована по длине с севера на юг. Ее ширина в пределах насыпи, как об этом можно судить по разрезу кургана № 9, составляла 3 м. На уровне древней дневной поверхности в яме со всех сторон были оставлены уступы, за счет чего ее размеры сократились до 2,0 x 2,6 м. Книзу яма значительно расширялась во все стороны, кроме южной, сохранявшей вертикальность.

На глубине 4,6 м от уровня древнего горизонта (6,6 от склона второй насыпи) в яме устроены уступы шириной 0,9 м с южной и 0,5–0,65 м с восточной и западной сторон, высотой 1,6 м. На уровне уступов размеры ямы составили 3,4 x 3,6 м, ниже – сократились до 2,4 x 2,4 м. Глубина ямы под южной стенкой достигала 6,2 м от уровня древнего горизонта (8,2 от склона второй насыпи). Дно ямы, сначала постепенно, затем достаточно круто, понижалось на север, ко входу в подzemелье, еще на 0,6 м. Понижение продолжалось и в начале камеры, где на расстоянии 1,1 м от входа достигло 7,4 м от уровня древнего горизонта.

Перед входом в подzemелье в дне была вырыта поперечная канавка шириной и глубиной около 15 см для установки деревянного заслона входа. Заслон полностью сгнил. Только в углу сохранился кусок бревна длиной около 15 см и толщиной около 8 см, а на дне собраны обломки железных гвоздей и скоб, скреплявших части заслона (3).

Первоначально входная яма сверху донизу была заполнена глиной выкида. Когда сгнил заслон входа в подzemелье, часть глиняного заполнения из ямы переместилась в камеру. В свою очередь, просевшая вниз глина в верхних слоях заполнения входной ямы была замещена черноземом, опустившимся сверху из насыпи (рис. 82).

Ширина входа составляла 2,2, высота арочного свода – 1,8 м. В древности его высота не превышала 1,4 м. Начиная от входа камера постепенно расширялась к западу от продольной оси с 2,4 до 3,6 м. Восточная стенка оставалась прямой. Длина камеры составляла 5,2 м.

Потолок камеры прямой, с закругленными углами. В древности его высота не превышала 1,6 м, понижаясь к дальней стенке до 0,9 м. Ко времени раскопок большая часть подzemелья была заполнена обвалами стен и потолка, а также глиной, переместившейся из входной ямы. После установки креплений в подzemелье и его расчистки открылась такая картина.

В 1,4 м от канавки для заслона возле восточной стенки дромоса лежали три амфоры, обращенные горловинами к середине коридора (4–6). Несомненно, первоначально они были установлены под стенкой вертикально и упали вследствие обвала стены (рис. 93).

За амфорами под стеной стоял бронзовый котел на ножке (7), наполненный пропитанными бронзовыми окислами костями овцы, среди которых лежал нож (8). По определению

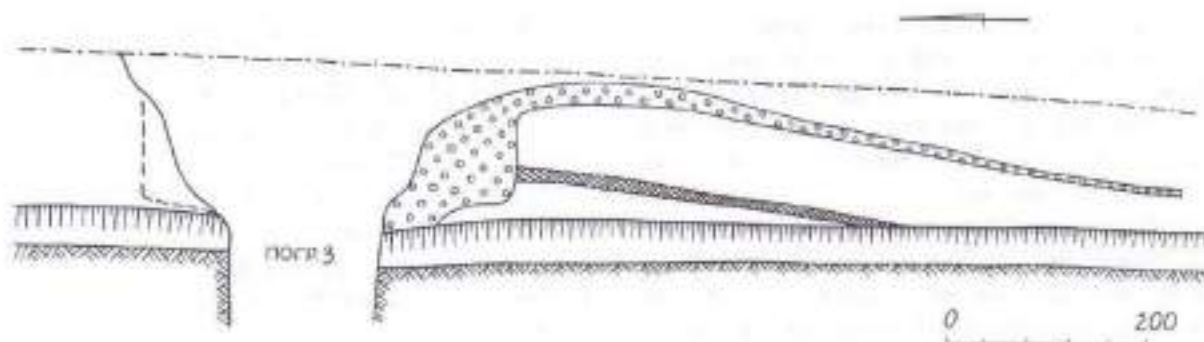

Рис. 85. Соболева Могила. Профиль № 2. Южная часть. Вид с запада.
(см. усл. обозначения к рис. 80)

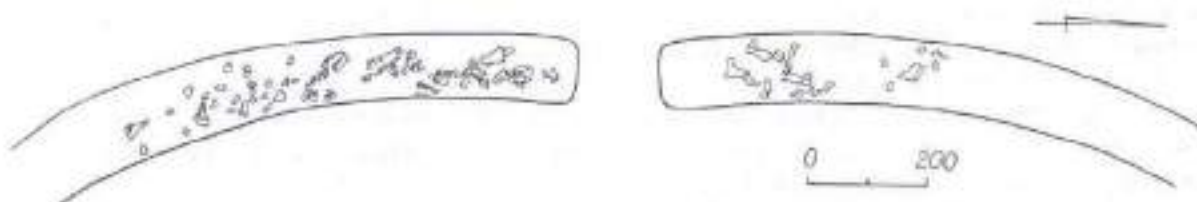

Рис. 86. Соболева Могила. Концентрация остатков трюны по рву возле западного прохода

О.П. Журавлева, здесь находился полный скелет полувырослой особи. На запад от котла, ближе к середине дромоса, обнаружены кости ног и ребер от мясной вырезки лошади. Мясо было уложено на большое овальное ное блюдо, от которого сохранились лишь несколько обломков железных скоб (9). Рядом с ребрами на западном краю блюда компактно лежали 3 железных ножа, обращенных остриями на север. Еще один нож, направленный в противоположную сторону, лежал поверх костей в средней части вырезки (10-13).

Следует отметить, что дерево в гробнице практически не сохранилось. Ни от упомянутых уже блюда и заслона, ни от прочих деревянных вещей, о которых речь ниже, не сохранилось почти ничего. Такая же судьба постигла и изделия из других органических материалов.

На ЮЗ от блюда, под противоположной западной стенкой четко прослеживалось большое, около 1,2 x 1,0 м, пятно жирного органического тлена серого цвета, под которым местами встречались пятна белого. Возможно, это остатки шкуры, скорее всего, овечьей. Возле пятна тлена, ближе ко входу, лежала кучка мелко нарубленных костей, среди которых

уверенно определяется нижний сустав человеческой малой берцовой кости (рис. 96).

В среднем участке пятна, наиболее толстом, в массе тлена встречались остатки разложившихся вследствие окисления серебряных бусин (14). Определенной системы в их расположении проследить не удалось, тем не менее, можно предполагать, что ожерелье окаймляло какой-то крупный предмет размерами около 1,0 x 0,35 м из ткани, меха или кожи. Посреди пятна, о контуренного ожерельем, обнаружен комплект деталей наборного костяного веретена, лежавших в разделенном состоянии (15).

Северную половину камеры занимали большие деревянные носилки решетчатой конструкции, на которых лежали останки погребенного. Носилки были смещены к восточной стенке так, что западная часть камеры оставалась свободной. От носилок сохранилась лишь отпечатки белой краски на полу камеры, дающие представление об их форме и размерах. Носилки состояли из двух продольных брусьев длиной около 2 м и шириной 10-12 см, соединенных между собой шестью более узкими (около 5-7 см) поперечинами длиной 1,4 м на расстоянии от 0,2 до 0,4 м. На месте соединения

продольных брусьев и поперечин найдево несколько обломков железных скоб и гвоздей (16).

Покойник был уложен на носилки на спине в вытянутом положении головой на запад. Позвоночник несколько искривлен. Череп сохранил первоначальное положение – подбородком вниз, глазами на восток. Ноги были слегка согнуты в коленях. Выпрямленная правая рука довольно далеко отброшена в сторону. Полусогнутая в локте левая рука также отведена от туловища. В целом сохранность костей скелета очень плохая, что является следствием длительного воздействия воздуха на кости в не заполненной грунтом камере. По-видимому, свод камеры и стены долгое время сохраняли первоначальное состояние.

Личные украшения погребенного изготовлены из золота. На шее размещалась массивная гривна (17). Ее наконечники находились на груди. Рядом с правым виском найдена прово-

лочная серьга (18). Запястья обеих рук украшали спиральные браслеты (19, 20). На безымянном пальце правой руки был надет перстень с изображением (21), на среднем – перстень с гладким щитком (22). Голені покойника прикрывали бронзовые поножи (23), разбитые на мелкие части при обвале потолка. Вдоль левой руки по краю носилок лежала обмотка рукояти нагайки в виде сплюсненной спирали (24). Под нижней частью левой руки вдоль бедра лежал горит, от которого сохранилось составное золотое покрытие (25–46). Внутри горита на его дне найдены бронзовые наконечники стрел (47), уложенные в специальный карман. Выше них найдена золотая обкладка застежки этого кармана (48). Посредине верхней части горита среди пластин покрытия найдена свернутая трубкой золотая пластина, покрывавшая рукоять лука (49). Общая длина горита (высота), зафиксированная

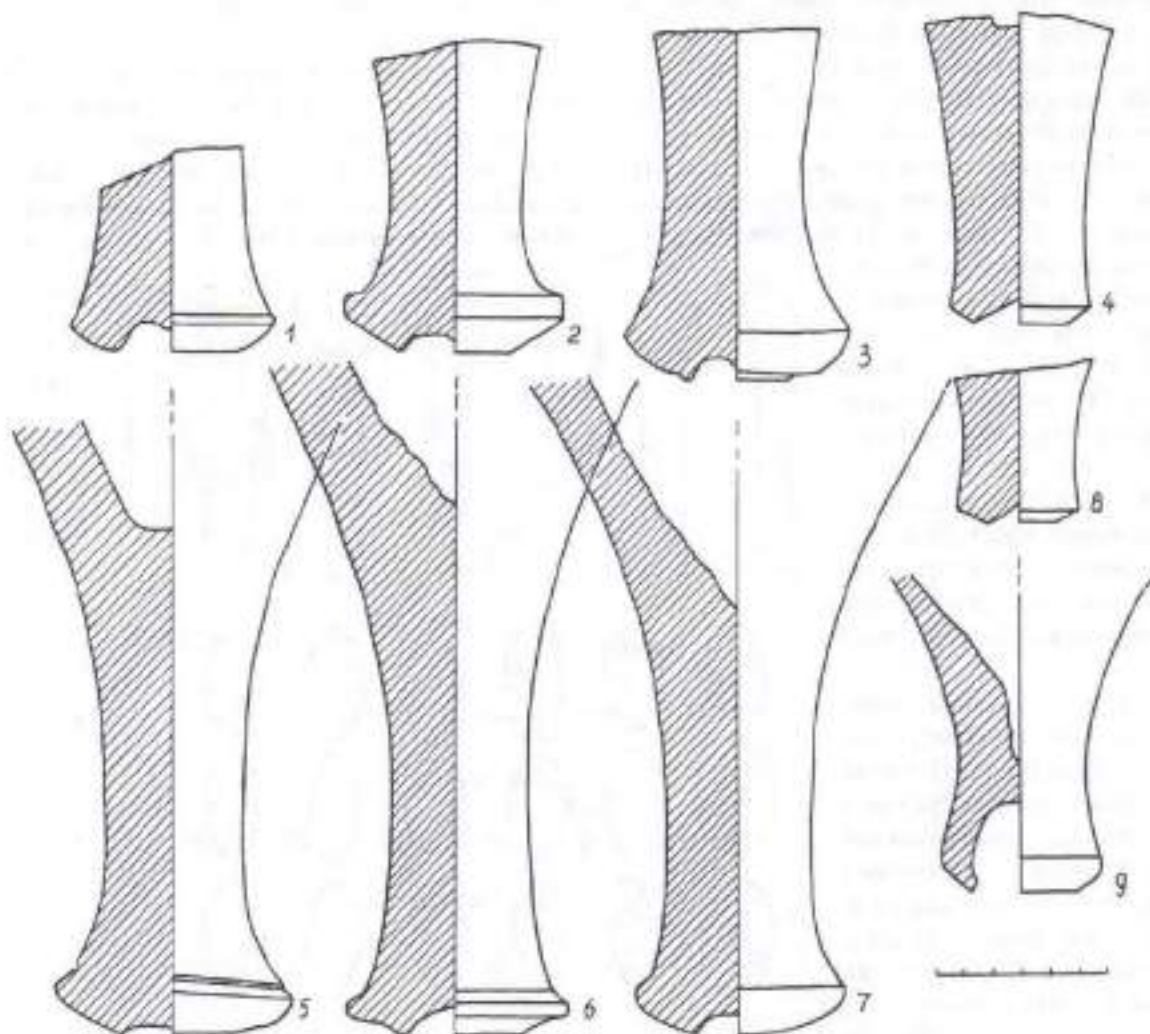

Рис. 87. Соболева Могила. Ножики амфор из тризны
1–3, 5–7 – Менда; 4, 8 – Гераклея; 9 – неизвестный центр

по золотым обивкам, составляла 59 см. Ширина в верхней части – до 32 см, в нижней – до 20 см. Длина кармана для стрел – не более 36 см, длина стрел, соответственно, до 34 см. На основании графической фиксации деталей металлического покрытия предлагается реконструкция горита (рис. 98; 98а; 99; 99а; табл. 5, 3–4).

Поверх горита лежал однолезвийный железный меч с рукоятью, обтянутой золотом (50). Меч имел деревянные ножны, от которых сохранились лишь мелкие кусочки древесины со следами резного орнамента (51) и треугольный наконечник, изготовленный из серебра. Меч был закреплен на горите. В верхнем левом углу горита на уровне перекрестья меча лежала золотая ворварка – остатки крепления верхней части меча к гориту (52). Ножны крепились к гориту с помощью золотой пластины (53), перехватывавшей их ниже середины выше наконечника. Рядом найдена золотая ворварка (54), которая, вероятно, также входила в систему крепления ножен к гориту.

Между верхней частью носилок и северной стенкой подземелья на полу на площади 1,0 x 0,4 м обнаружено скопление круглых золотых бляшек с изображением крылатого дракона и розеток (55–57). Многие из них лежали правильными прямыми или изогнутыми рядами. Скопление посредине толстое, в несколько слоев, по краям более тонкое. Часть бляшек лежала лицевой стороной вверх, часть – вниз. Под отдельными бляшками прослежены следы ткани простого плетения. Вероятно, бляшки украшали парадные одежды, первоначально висевшие на стене камеры.

Справа от головы погребенного лежали серебряные ритон (58), кубок (59) и килик (60). Ниже килика найдено несколько обрывков тисненой золотой ленты с отверстиями по краям для крепления гвоздиками (61). Исходя из того, что украшение обнаружено рядом с ритуальными сосудами, можно предполагать, что они происходят от истлевшей деревянной чаши.

Рядом с кубком и киликом, ближе к голове покойника, найден большой железный гвоздь с загнутым концом (62), вероятно, как и другие гвозди, скреплявший носилки. Однако его размеры и местонахождение несколько отличны от остальных, что, возможно, свидетельствует об ином применении.

В северо-восточном углу камеры, за пределами носилок, обнаружены пятна белесого органического тлена. Точно такой же тлен прослеживался на полу и выше головы погребенного. Далее за тленом, в северо-западном углу, размещались два железных наконечника копий (63, 64) и два – дротиков (65, 66), ориентированные на север. Три наконечника лежали компактно, а еще один – от копьа – немного выше. Длина копьа, которому он принадлежал, составляла 3,25 м, остальных дротиков и копьа – по 2,95 м. Расстояния замерены между остриями наконечников и пятками втоков деревьев, лежавших под западной стенкой в средней части камеры (67–70).

Между наконечниками копий и дротиков и западной стенкой камеры были уложены в ряд с севера на юг 5 колчанов, наполненных стрелами, частично друг друга перекрывавших. Разделить их можно по характерным блокам наконечников стрел (71–75). Стрелы, как

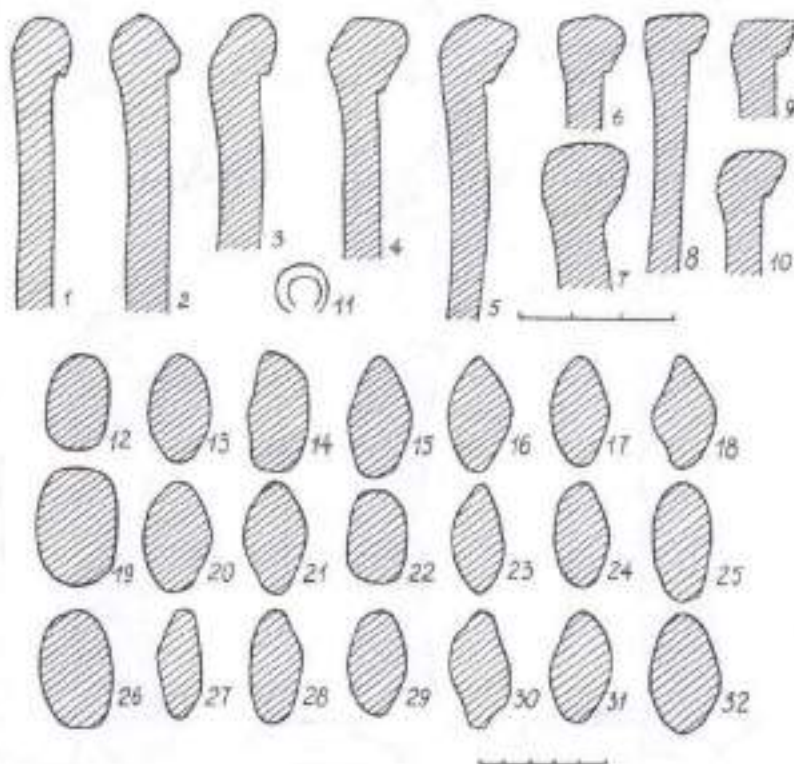

Рис. 88. Соболева Могила. Фрагменты венчиков и ручек из трисмы 1–4 – Пепарет; 5–10 – Гераклея; 11–27, 29–31 – Менда; 28 – Силопа

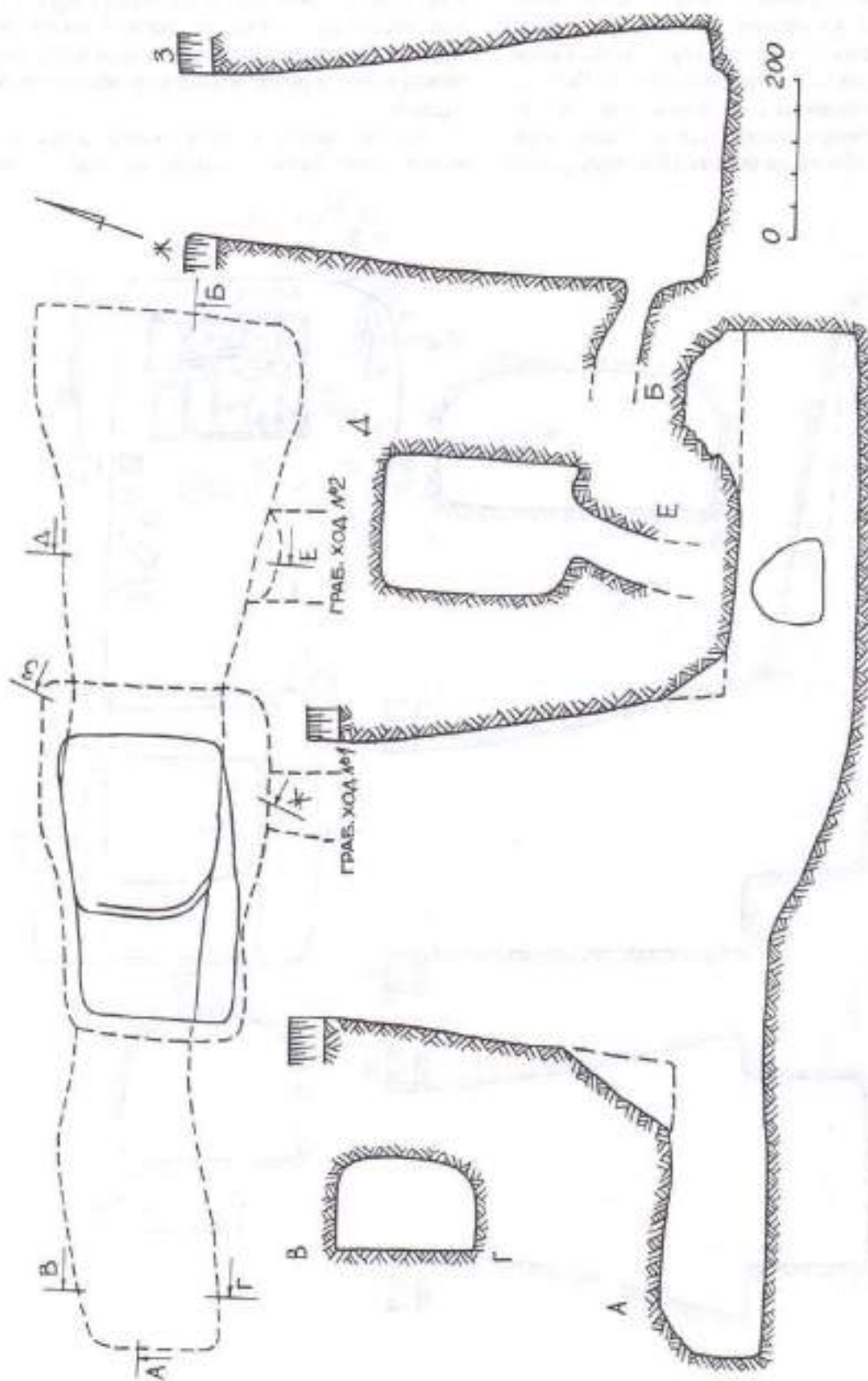

Рис. 89. Соболева Могила. Погребение № 1. Общий план и разрезы

и копья с дротиками, ориентированы остриями на север. От наконечников стрел к югу тянулась полоса древесного тлена от несохранившихся деревянных древков стрел, концы которых заходили под очередные колчаны. Поэтому установить размеры колчанов и стрел не удалось. 3 средних колчана были украшены золотыми и серебряными бусами (76), ворварками

с золотым покрытием (77). Здесь же найдена и бронзовая крестовидная ворварка (78), которая, вероятно, служила застёжкой одного из средних колчанов. Украшения перемешались между собой, и разделить их по комплектам не удалось.

Среди находок из погребения № 2 присутствует серебряная ворварка, которая имеет

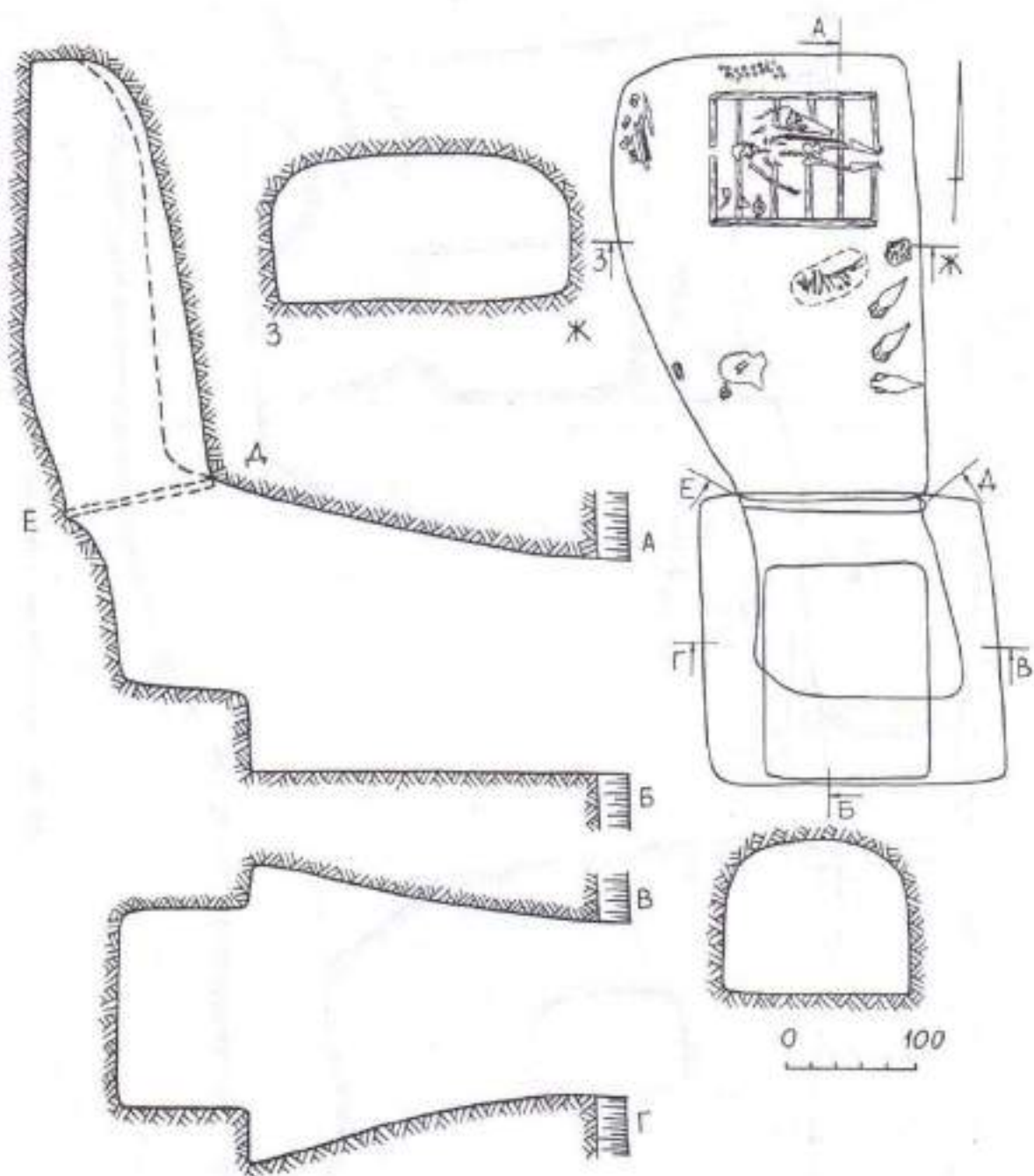

Рис. 90. Соболева Могила. Погребение № 2. Общий план и разрезы

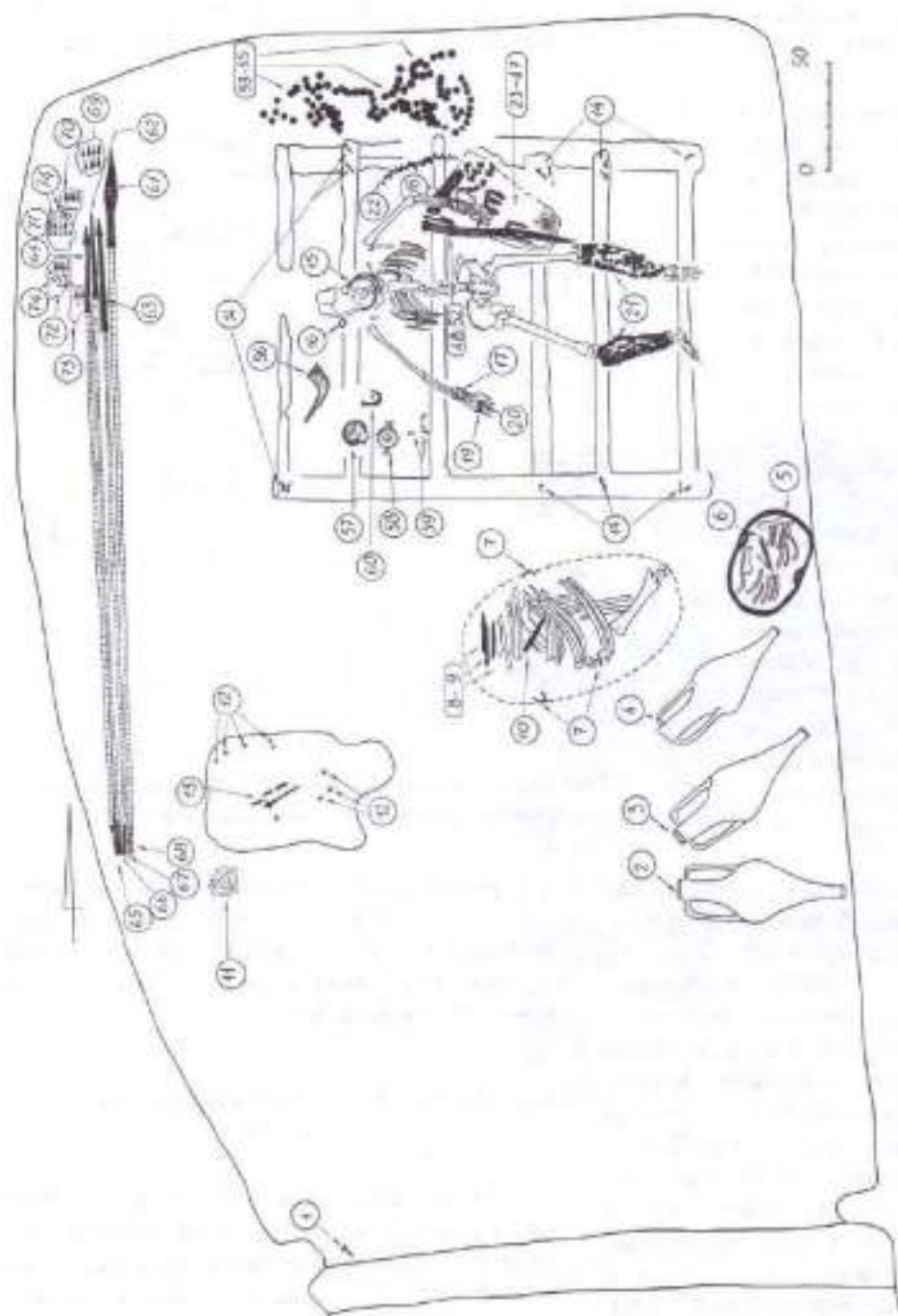

Рис. 91. Соболева Могила. Погребение № 2. План погребальной камеры

- 1 – железные скобы деревянного заслона входа в камеру; 2–4 – амфора; 5 – бронзовый котел; 6 – кости овец и коз; 7 – железные скобы; 8–10 – прожит; 11 – кучка зарубленных костей; 12 – серебряные бусы; 13 – бронзовые бусы; 14, 60 – железные скобы и гвозди настила; 15 – золотая гривна; 16 – золотая серьга; 17, 18 – золотые браслеты; 19, 20 – золотые перстни; 21 – бронзовые перстни; 22 – бронзовые пояски; 23–47 – золотые покрывные горты; 48–52 – железный меч с золотой обкладкой рукояти, фрагменты деревянных ножен, золотая муфта ножен, серебряная короччатый наконечник ножен, золотая ворварка крепления меча; 53–55 – золотые нашинные бляшки трех типов; 56 – серебряный ретон; 57 – серебряный кубок; 58 – серебряный кубок; 59 – золотые обкладки деревянной чашки; 61, 62 – наконечники копий; 63, 64 – наконечники дротиков; 65–68 – втулки дротиков; 69–73 – колчаны № 1–5; 74 – серебряные бусы

коллекционный шифр «ворварка от меча» (79). Однако в полевом дневнике В.Н. Мозолевского она не упоминается и на чертежах не значится.

3.3.10. Захоронение лошади № 2-А (рис. 106)

Сопровождало погребение № 2 и находилось в 1,5 м к западу от его входной ямы. Совершено в простой подпрямоугольной яме с зауженным окончанием, обращенным в сторону погребения № 2. Ее размеры 2,65 x 0,55-0,9 м. По длине ориентирована с запада на восток с незначительным отклонением. В восточной части ямы на глубине 0,7 м от уровня древнего горизонта устроена ступенька шириной 0,6 и высотой 0,1 м, служившая своеобразной подставкой для головы лошади. Далее к западу дно ямы понижалось от 0,8 до 0,9 м. В этой части ямы помещалось тело лошади, уложенное на брюхо, с подогнутыми ногами. Следует отметить изначальную заданность формы ямы и в плане: суженная восточная часть – под голову и широкая западная – для туловища.

Из-за малой глубины захоронения кости лошади был поврежден бульдозером при зачистке подкурганной поверхности. В особенности пострадал череп, на котором находились серебряные украшения уздечки. Во рту лошади находились железные удила с двудырчатыми псалиями, разрушенные коррозией, неустановленной формы и размеров. Чуть выше удила находились две крупных круглых серебряных бляхи (84), наложенные друг на друга. На правой стороне головы на уровне нижней челюсти зафиксированы 3 ряда серебряных бус-пронизок, украшавших поводья. В двух нижних рядах лежали мелкие бусины (80), а верхнем – более крупные (81). Нити, на которые были нанизаны эти бусы, крепились к серебряному кольцу, находившемуся на шее лошади (82). Под туловом лошади, ближе к левой передней лопатке, найдена подпружинная пражка (85). Возле репицы хвоста лошади

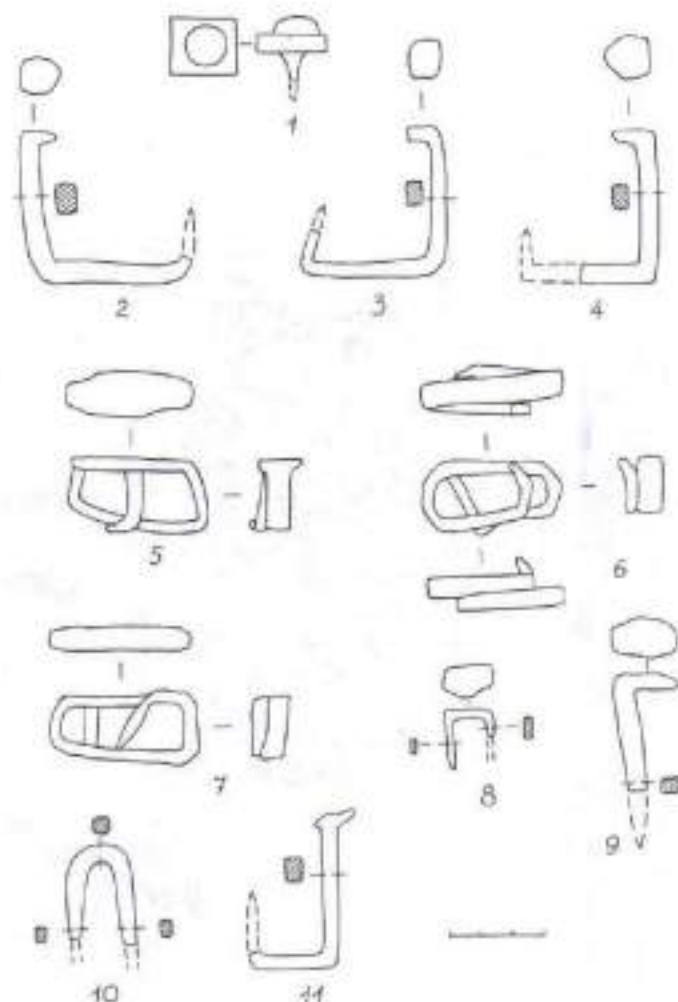

Рис. 92. Соболева Могила. Погребение № 2. Железные скобы от деревянного заслона входа в камеру

обнаружен клочок плотного войлока размерами 3,0 x 4,0 см, толщиной до 0,5 см. При разборке костяка в районе головы найдена крупная серебряная ворварка (86) и обломки серебряной дужки (87).

3.3.11. Погребение № 3 (впускное, женское) (рис. 107)

Находилось в 16 м к ЮЗ от центра. Впускно в курган с уровня второй насыпи. При этом был прорезан материковый выкйд из погребения № 5, лежавший на краю первой насыпи. Погребение совершено в яме с катакомбой продольной ориентации. Ширина входной ямы в насыпи, судя по профилю кургана № 2, составляла около 3,6 м. На уровне погребенного червоземы вдоль длинных сторон могилы оставлены уступы, сократившие ее ширину до 1,65 м, а длина составила 2,45 м. По

длине ориентирована с ЮВ на СЗ. Западная стенка входной ямы ко дну приобрела отрицательный наклон, три остальные сохранили отвесность. Вдоль ЮВ торцевой стенки на глубине 0,8 и 3,2 м от уровня древнего горизонта оставлены материковые ступеньки шириной 0,2 и 0,3 м высотой 1,6 и 0,2 м. Начиная с глубины 3,3 м, от ступеньки дно входной ямы понижалось до глубины 3,8 м ко входу в подземелье. Перед входом в полу прокопана поперечная канавка около 15 см глубиной и шириной для установки деревянного заслона входа в камеру. Перед деревянным был установлен заслон из крупных плит дикарного известняка, уложенных горизонтально. Сохранился на высоту 0,7 м от дна. Верхнюю часть входа прикрывали несколько наклонно установленных плит, отброшенных в сторону при ограблении. Найдена одна из них, размерами 0,8 x 0,9 x 0,2 м.

В заполнении входной ямы на глубине 2,3 м были найдены человеческий череп, выброшенный грабителями из камеры, обломки наконечника копья (88), бронзовая бляха, какие обычно используются в наборах украшений погребального кортежа (89), ручка амфоры (90), железные скобы, скреплявшие деревянный заслон входа в камеру (91). На уровне каменного заклада собрано 86 золотых пуговиц (92).

Ширина входа с арочным сводом в катакомбу составляла 1,4 м, высота - 1,3 м. Первоначальная его высота составляла около 1,1 м. Сводчатый потолок постепенно уплощался от входа к противоположной стене камеры. Здесь его первоначальная высота составляла около 1,4 м. Отметка глубины дна камеры 3,8 м от древнего горизонта (5,2 м от уровня впуска погребения). Камера в плане трапециевидная. Длина достигала 4,5 м, ширина от входа возрастала от 1,4 до 2,85 м у противоположной стенки. Камера была заполнена грунтом обвалившегося свода, а также, по-видимому, выброшенным грабителями из ходов № 1 и 2, пробитых из камеры погребения № 3 в сторону погребения № 1. В результате двойного ограбления камера погребения № 3 была опустошена грабителями подчистую. Только в 1 м от торцевой стенки, посреди камеры, найдены фрагменты костяного наборного гребня (93), втоптаннные в пол.

3.3.12. Тайники в погребении № 3

Под СВ стенкой камеры погребения № 3, в ее средней части, в 3 и 20 см от стены, на расстоянии 1,5 и 2,2 м от канавки для установки заслона, при прокопке дна на глубине 10 см обнаружены два тайника. Никаких видимых признаков тайников на поверхности дна камеры не было заметно. Не отличались они также и плотностью грунта. В первом тайнике был спрятан серебряный килик (94), во втором - серебряные украшения узды - 4 нахрапника (95-98), 6 нащечников (99), 8 малых (100) и 14 более крупных круглых блях (101) и несколько ворварок (102). Большинство вещей имеют следы преднамеренной порчи («умертвления вещей») в виде пробоя, разубоя, ударной деформации (рис. 113-115).

Рис. 93. Соболева Могила. Погребение № 2. Амфоры и котел у восточной стены камеры

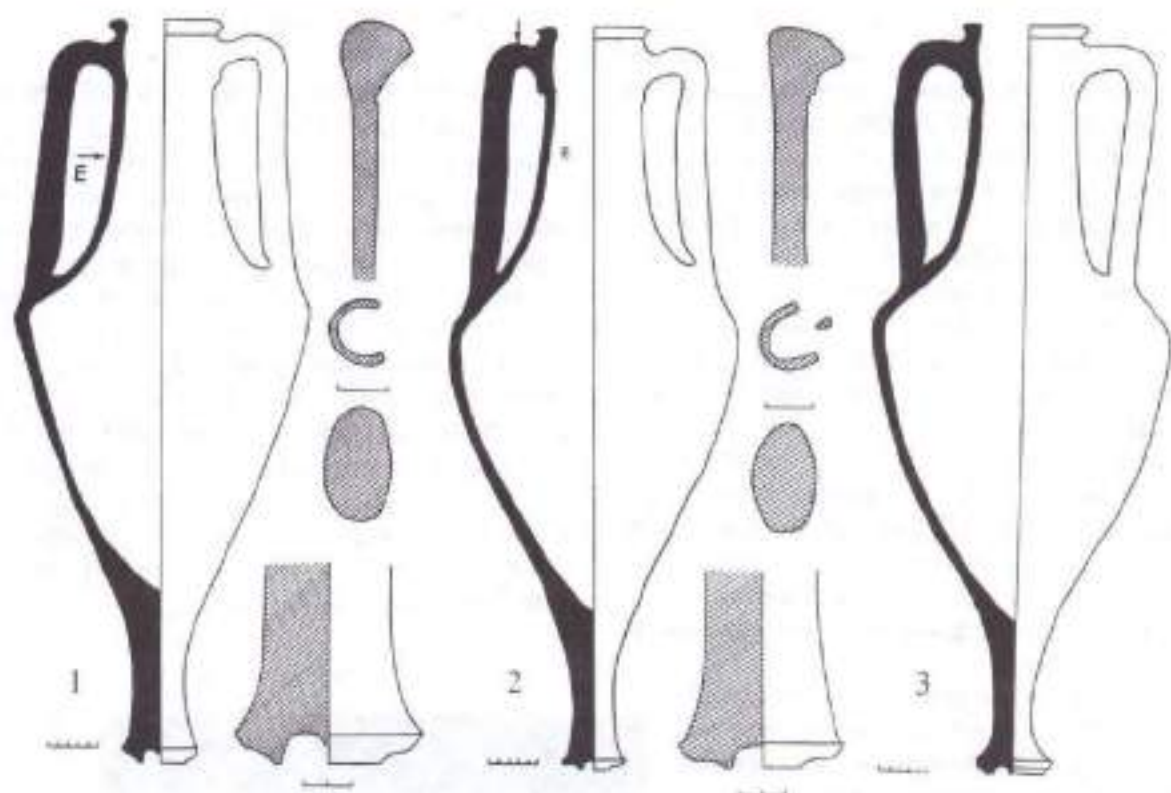

Рис. 94. Соболева Могилка. Погребение № 2. Амфоры
1 - № 1; 2 - № 2; 3 - № 3

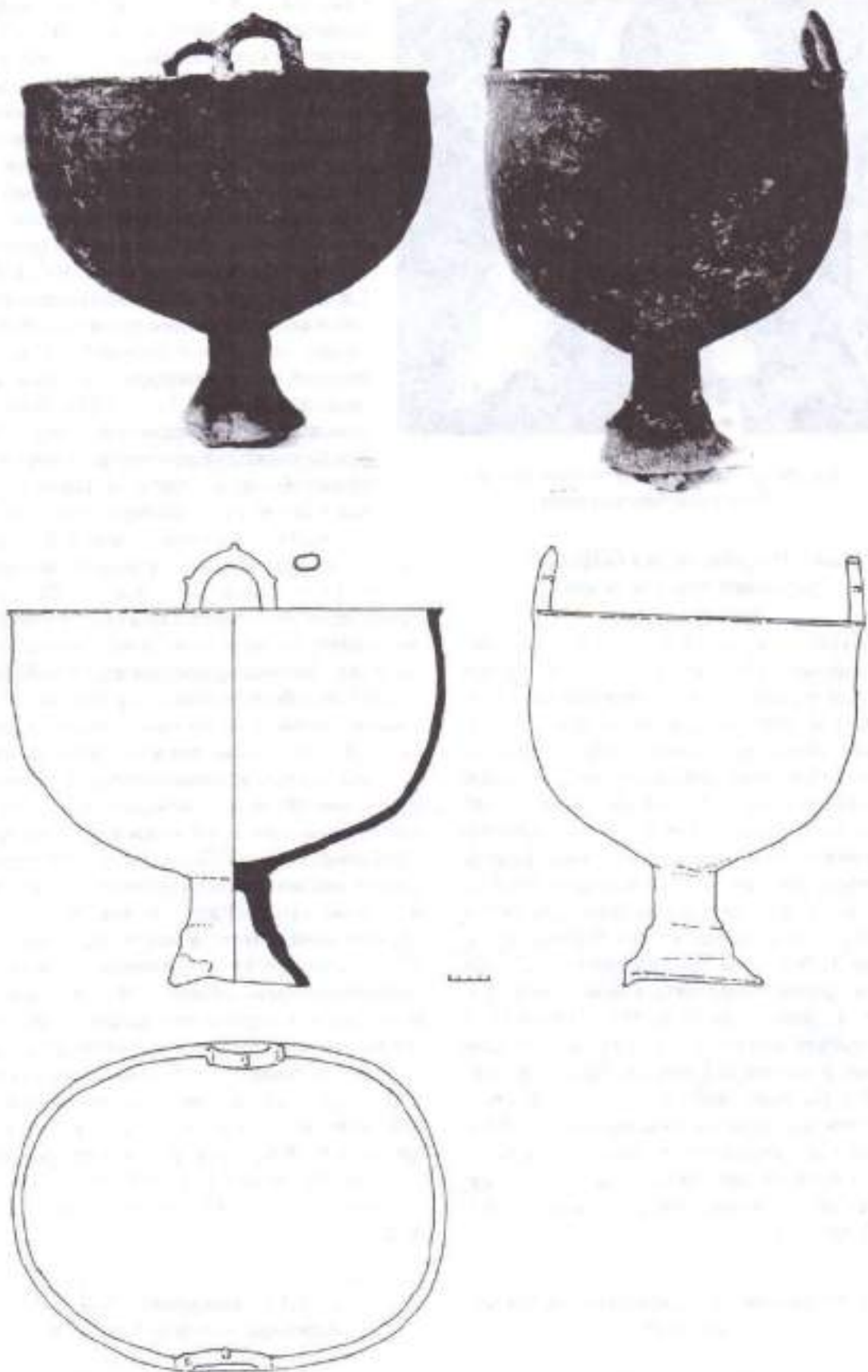

Рис. 95. Соболева Могила. Погребение № 2. Бронзовый котел

Рис. 96. Соболева Могила. Погребение № 2.
Кучка нарубленных костей

3.3.13. Погребение № 4 (впускное, сопровождающее, женское)

Впущено в курган в 20 м к ЮВ от центра, в 2 м восточнее погребения № 3, с которым связано и по отношению к которому является сопровождающим захоронением девочки-служанки. Совершено в яме с подбоем. Входная яма овальных очертаний размерами 1,5 x 0,55 м по длине ориентирована с СВ на ЮЗ. Вдоль ЮВ стенки на глубине 1,2 м от уровня древнего горизонта была оставлена продольная покатыя ступенька шириной до 0,15 м, высотой 0,3 м. В СЗ стенке ямы находилась погребальная камера подпрямоугольных в плане очертаний размерами 1,45 x 0,6 м. Дно на глубине 1,5 м от уровня древнего горизонта. Скелет лежал вытянуто на спине головой на ЮЗ. Прямые руки были плотно прижаты к туловищу. Ноги также прямые. У висков найдены серебряные сережки (103). На обеих руках на уровне локтей размещались браслеты из стеклинных бус (104), по-видимому, окаймлявшие края коротких рукавов платья. На дне камеры под костяком зафиксирован белесый глев растительной подстилки (рис. 116).

3.3.14. Погребение № 5 (впускное, мужское) (рис. 117)

Впущено в курган в 12,5 м к северу от центра. Совершено в яме с подбоем, расположенным в южной стене. Ограблено через верти-

кальный колодец, точно попавший во входную яму с поверхности насыпи. В заполнении входной ямы на глубине 2,3 м от древнего горизонта были найдены отдельные кости животного и мелкие обломки амфорных стенок. После ограбления стенки входной ямы и свод камеры в значительной мере обрушились. Входная яма первоначально имела подпрямоугольные очертания и размеры по длине в пределах 2,25 м при ширине до 1,8 м. На глубине 1,8 м от уровня погребенного чернозема вдоль северной стенки оставлена ступенька шириной 0,3 и высотой 1,2 м. Дно входной ямы наклонное, понижалось ко входу в камеру от 3,1 м до 3,35 м. В камеру вела наклонная ступенька высотой 0,25 м. Дно погребальной камеры на глубине 3,6 м от погребенного чернозема. Первоначальная высота обвалившегося свода камеры, по-видимому, не превышала 1,2 м. Подпрямоугольная в плане камера с закругленными углами, размерами 3,2 x 1,85–2,0 м, ориентирована параллельно входной яме. Скелет юноши лежал вытянуто на спине головой на запад. Частично разрушен при ограблении. Череп был отброшен к правому локтю скелета, нижняя челюсть оказалась у левого колена. При этом также были частично сдвинуты кости грудной клетки и позвоночника и локтевые кости левой руки, обнаруженные рядом с нижней челюстью и у входа в камеру. После ограбления сохранилось немного. На грудной клетке найдены итулки наконечников копья и дротика (105, 106), у входа обнаружены обломки меча (107) и наконечники стрел (108). В придонном слое заполнения найдено несколько серебряных бусин (109). Под костяком зафиксирован черный глев органического происхождения – остатки подпрямоугольной в плане подстилки. За головой, под головой и чуть ниже тазовых костей прослежены поперечные полосы белого цвета длиной до 0,85 м, шириной 0,06 м, вероятно, являющиеся отпечатками поперечия решетчатого гробовища, сходного с зафиксированным в погребении № 2.

3.3.15. Погребение № 6 (впускное, детское) (рис. 118)

Впущено в курган в 14 м к СЗ от центра. Совершено в яме с катакомбой поперечной ориентации. Входная яма в плане имела форму

слегка скошенного прямоугольника размерами 1,05 x 0,95 м. По длине ориентирована с СЗ на ЮВ. Была заполнена материковой глиной выкида из этого погребения. СЗ торцевая стенка входной ямы скошена внутрь на 0,1 м, остальные расширяются в стороны от 0,15 до 0,35 м. На глубине 2,0 м от древнего горизонта под СЗ стенкой оставлена горизонтальная ступенька шириной 0,65 м, высотой 0,25 м. Дно входной ямы на глубине 2,25–2,3 м. В камеру, находившуюся в ЮВ стенке, вел ступенчатый спуск высотой 0,2 м. Высота входа арочной формы составляла 0,8 м. Камера поперечной ориентации, неправильной трапециевидной формы в плане, расположена под некоторым углом к продольной оси входной ямы. Ориентирована по длине с СВ на ЮЗ. Размеры – 1,7 x 1,3 м. Дно камеры плавно понижалось от входа к противоположной стенке от 2,45 до 2,6 м от уровня погребенного чернозема (3,3 м от уровня склона древнего кургана).

Скелет ребенка лежал в ЮВ половине погребальной камеры вытянуто на спине головой на ЮЗ. Кости сохранились очень плохо. Прямая левая рука отброшена от тела. Кости правой руки полностью негнели, как и кости ног ниже колен. На шее находилась миниатюрная золотая гривна (110), специально изготовленная для ребенка. У правого виска обнаружена золотая сережка (111). В области левого предплечья и прилегающей части грудной клетки встречались мельчайшие обрывки тонкой золотой фольги. В 15 см к СЗ от кисти левой руки на боку, горловиной к покойнику, лежал серебряный кубок с отсоединившимся кольцевым поддоном (112). У входа в подземелье поперек лежала целая остродонная амфора (113).

3.3.16. Погребение № 7 («Вестник») (рис. 120, 2)

Находилась в 19 м к ЮЗ от центра. Совершено в прямоугольной яме размерами 1,5 x 0,7 м, ориентированной по длине с ЮЗ на СВ, глубиной 1,4 м от уровня древнего горизонта. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на СВ, в сторону

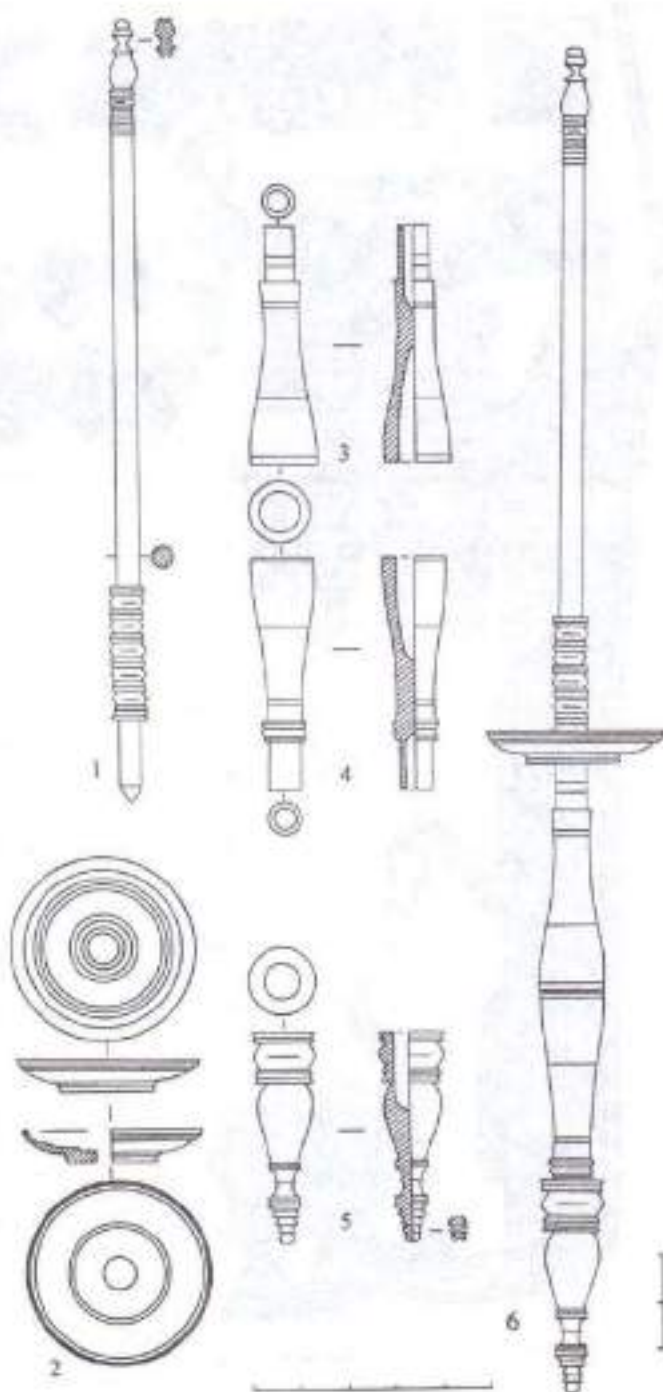

Рис. 97. Соболева Могила. Погребение № 2. Веретено

Рис. 98. Соболева Могила. Погребение № 2.
Схема размещения пластины покрытия горита

«господина», захороненного в погребении № 1. Замечен общий наклон костяка на правую сторону: череп лежал на правом боку, стопы ног также обращены вправо. Возможно, погребенный первоначально был уложен на правом боку, и только впоследствии, под давлением грунта, костяк занял зафиксированное на момент раскопок положение. Под правым виском найдена серебряная серьга (114).

3.3.17. Погребение № 8 («Виночерпий») (рис. 120, 1)

Находилось в 19 м к ЮЗ от центра, на расстоянии 0,6 м к ЮВ от предыдущего захоронения № 7. На уровне древнего горизонта яма погребения и пространство вокруг нее около 2 м в поперечнике были перекрыты вымосткой из обломков амфор. Захоронение совершено в прямоугольной яме размерами 2,35 x 0,9 м, глубиной 0,9 м от уровня древнего горизонта. Погребенный был уложен по диагонали ямы вытянуто на спине, головой на СЗ. Череп лежал на правом боку. Под правым виском найдена бронзовая серьга (115). Руки вытянуты вдоль тела. Прямые ноги стянуты в щиколотках – возможно, были связаны.

3.3.18. Описание находок в кургане

1. Половецкая каменная баба, изображающая мужчину-воина. Верхняя половина статуи – полнообъемная скульптура. Нижняя половина – объемная передняя часть изваяния составляет единое целое с прямоугольной в разрезе плоской плитой толщиной 0,1–0,15 и шириной 0,5 м, примыкающей со спины и превышающей длину фигуры. Ее заостренное нижнее окончание предназначалось для вкапывания в грунт. Общая длина составляла

1,85 м, высота фигуры – 1,57 м. Изготовлена из белого мелкозернистого известняка.

Статуя восстановлена из обломков, с утраченной большей части лица, головного убора и фрагментов рук. На голове имеются следы законченности. Хорошо сохранилось лишь правое ухо. Голова покрыта невысокой приземистой круглой конической шапочкой с заостренной верхушкой. Снизу окаймлена двумя узкими валиками, покрытыми косыми насечками. От нижнего из них на лоб между глазами опускается небольшой прямоугольник. Вероятно, шапочка является схематическим изображением шлема, а прямоугольный выступ изображает наносник. Голова и плечи чрезвычайно массивные, живот надутый. Сложенные ниже живота руки удерживают баночную посудину, несколько расширенную книзу. Ножки короткие, полусогнутые, с маленькими ступнями, сверху сильно утолщаются.

Сзади из-под шлема на спину спускаются волосы, заплетенные в 3 косички. Толстая средняя, завязанная в узел на затылке, опускается от темени, а более тонкие крайние берут начало за ушами. Последние доходят до лопаток, средняя свисает до талии. Мужчина одет в длинный кафтан, украшенный широкими полосами прочерченной штриховки в виде косой сетки, расположенными пониже по подолу и спереди по длине пол. Так же орнаментированы края рукавов. Предплечья выше локтей охватывают широкие кольца с такой же орнаментацией. С внешней стороны рукавов от колец этот орнамент широкой полосой заходит на плечи. Косые борта кафтана украшены узкими полосками с косыми насечками. Ниже их на живот спускается прямоугольная манишка, также орнаментированная косой сеткой. На правом боку ниже рук подвешены костяной гребень и каменный оселок на кольце, на левом – вероятно, колчан.

На спине ниже лопаток помещена большая круглая бляха, расположенная на перекрестье портупейных ремней. Они охватывают сверху плечи и соединяются спереди на груди двойным горизонтальным ремнем. Места соединения ремней отмечены двумя круглыми бляхами меньшего размера, чем наспинная. Концы наплечных ремней (завязки) опускаются ниже блях. От нагрудных блях в стороны отходят узкие ремни, охватывающие бока фигуры и соединяющиеся на спине под бляхой с портупейными наплечными ремнями. На ногах надеты короткие мягкие сапожки, окаймленные по

краю голенища узким пояском, украшенным косой штриховкой. Вниз от него нависают в обе стороны отходят на голенища аналогичные ремешки (рис. 78).

2. В составе тризны найдены профилированные части не менее 24 амфор (рис. 87; 88). Подсчеты произведены по профилированным частям (ножки и придонные части, венчики, ручки) с учетом состава теста конкретных сосудов. Амфоры изготовлены в следующих центрах:

Центр	Венчики и ручки	Ножки	Количество сосудов	%
Пепарет	2	1	2	8
Гераклея	3	3	3	13
Менда	17	13	17	71
Синопа	1	–	1	4
Неизвестные	–	1	1	4
Всего:	23	18	24	100

3. 63 фрагмента железных скоб различной конфигурации. Преобладают обломки крупных прямоугольных скоб с первоначальными размерами 4,5 x 4,5 см. У них один конец слегка расклепан в виде шляпки, второй – заостренный (рис. 92, 2–4, 11). 3 целых и 1 фрагмент скобы имеют вид подпрямоугольных рамок, дополнительно прошитых двумя гвоздями. Размеры – 4,8 x 1,5–2,0 см (рис. 92, 5–7). Один фрагмент имеет вид прямоугольной пластины размерами 2,1 x 1,5 см, пробитой гвоздем с круглой шляпкой диаметром 1,3 см (рис. 92, 1). На всех скобах сохранились следы дерева.

4–6. Амфоры принадлежат к продукции Менды. Тесто грубое, светло-коричневое, бежевого оттенка, с примесью крупного песка, белых частиц и слюдянистых включений. Поверхность шероховатая, с глубокими бороздками. Под венчиком и на ручках на всех амфорах имеются следы красной краски (рис. 94).

4. Амфора № 1. Под венчиком и на верхней части ручек, помимо красной, нанесена широкая, до 3,2 см, горизонтальная полоса черной краски. Под одной из ручек, на середине высоты горловины красной краской нанесено дипинто «Е» размерами 1,3 x 0,7 см. На другой ручке чуть выше изгиба нанесено энглифическое клеймо в виде несомкнутого колечка. В месте прикрепления ручек имеются глубокие трещины, образовавшиеся при обжиге. Общая высота сосуда 75,9 см, высота верхней части от

ребра – 30,9, глубина емкости – 58,5, диаметр венчика – 12,0, диаметр тулова – 30,2 см.

5. Амфора № 2. Как и предыдущая амфора под венчиком, помимо красной, имеет полосу черной краски и датирующее «Е» размерами 0,8 x 0,5 см на середине горловины. В нижней части горловины, на плечике в корпусе амфоры и в месте нижнего прикрепления одной из ручек имеются глубокие трещины, образовавшиеся при обжиге. Эти трещины в древности были промазаны черной смолой. На другой ручке выше изгиба нанесено английское клеймо в виде несомкнутого колечка с поперечной риской в разьеме. Высота амфоры 75,7 см, верхней части от ребра – 31,7, глубина емкости – 60,0, диаметр венчика – 11,6, тулова – 29,5 см.

6. Амфора № 3. Амфора была помещена в могилу с «прижизненным» дефектом – отбитой частью венчика. Отличается от остальных амфор несколько более тщательной заглаженностью поверхности. Общая высота амфоры 75,6 см, верхней части (от ребра) – 31,2, глубина емкости – 62,0, диаметр венчика – 11,8, тулова – 31,0 см.

7. Бронзовый литой котел с эллипсоидным в плане, несколько сужающимся сверху корпусом на конической ножке. Размеры устья 43,3 x 34,1 см. Венчик утолщен, поверху плоский, наружу выступает острым углом. Максимальный диаметр корпуса 43,8 x 34,5 см, высота – 26,6 см, глубина емкости 24,9 см. Рюмкообразная полая ножка прилита к тулову. На поверхности котла в этом месте заметны в металле следы примазки ножки к тулову, существовавшие в восковой модели. Внизу на поверхности ножки видны грубые бесформенные наплывы металла. От нижнего края ножки нависок вниз отходит на 1,0 см грубо обрубленный овальный литник размерами 1,55 x 1,95 см. Высота ножки 10,45, диаметр сверху 6,75, по основанию – 13,6 x 14,1, толщина металла – 0,8–1,1 см. Ножка и низ корпуса покрыты толстым слоем черной сажи. Петлевидные ручки крепятся к венчику по длинным сторонам вертикально с легким наклоном внутрь. Украшены рельефными полукруглыми выступами (по три на каждой), округлыми в сечении. Размеры – 8,55–9,05 x 5,4 см, диаметр сечения 1,65–1,75 см (рис. 95).

Рис. 98 а. Соболева Могила. Погребение № 2. Размещение пластики покрытия горла

8. Железный нож с горбатой спинкой и прямым лезвием с обломанным острием, цельной 8-гранной в сечении костяной рукояткой. Клинок крепится в пропилах ручки железными заклепками. Сохранившаяся длина 15,5, размеры ручки 1,6–1,8 x 10,0 см (рис. 104, 7).

9. 5 обломков мелких железных прямоугольных П-образных скоб с заостренными концами. Первоначальные размеры не установлены.

10–13. 4 железных ножа с горбатой спинкой, прямым лезвием, костяными рукоятками. Ножи № 11–13 имеют цельные рукоятки. Клинок крепится в пропилах рукоятей тремя заклепками. Ручка ножа № 10 состоит из двух половинок, скрепленных с помощью пяти заклепок. Размеры: № 10 – общая длина 18,7, ручки – 10,6 см, № 11 – соответственно 18,4 и 9,9 см, № 12 – 18,0 и 10,1 см, № 13 – часть ручки и клинка не сохранились. Длина сохранившейся части 9,4 см (рис. 104, 4–6).

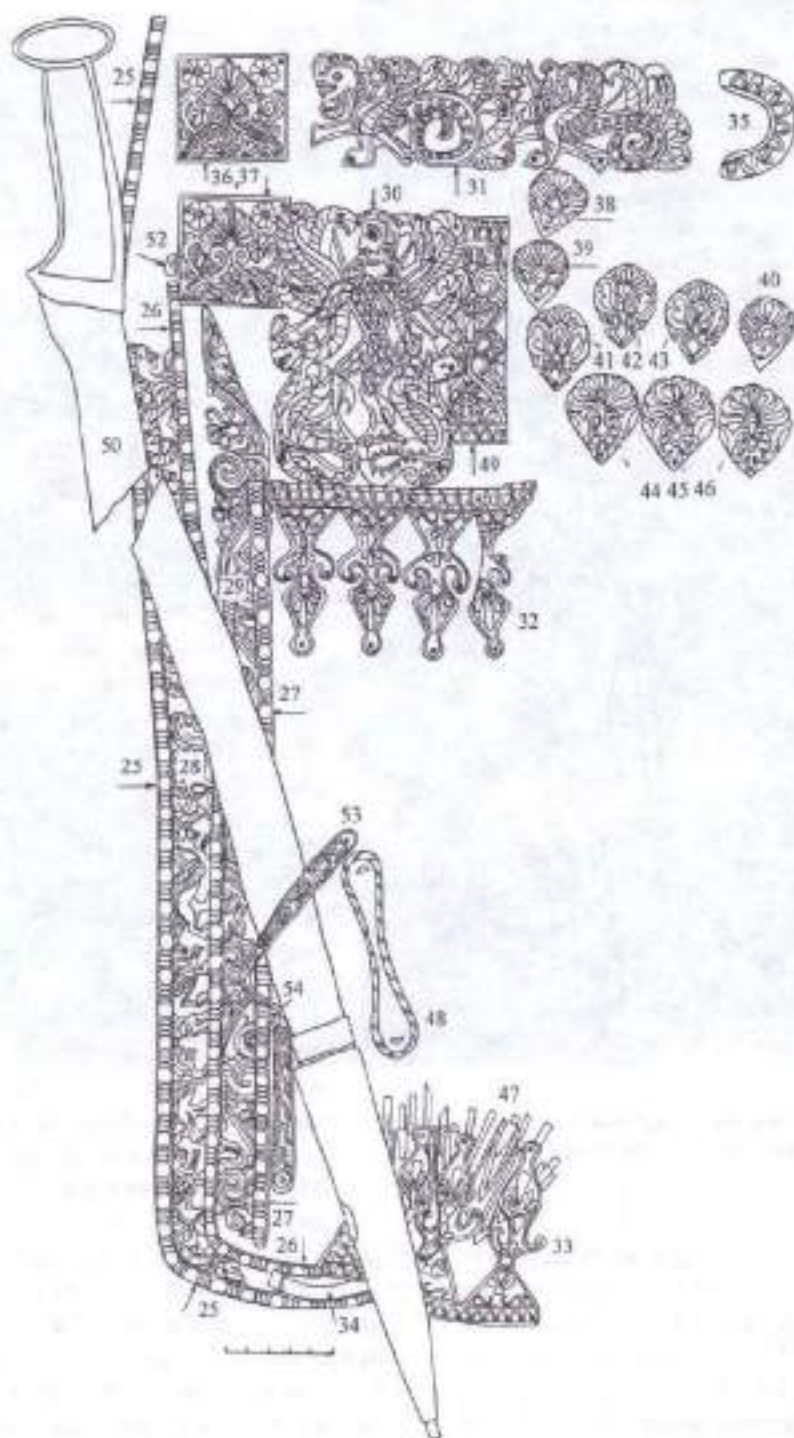

Рис. 99. Соболева Могила. Погребение № 2. Схема размещения пластины покрытия горита и крепления меча к гориту.

Номера на схеме соответствуют номерам описания в тексте: 25 – край внешний; 26 – край средний; 27 – край внутренний; 28 – ажурная пластина с изображениями крылатых грифонов; 29 – пластина с растительным орнаментом; 30 – пластина с изображением жреца; 31 – пластина с изображением двух шагающих крылатых драконов; 32, 33 – пластины с антропоморфными выступами, украшавшие карман для стрел; 34 – пластина, украшавшая дно кармана для стрел; 35 – подковообразная пластина; 36, 37 – квадратные пластины с изображением пальметок; 38–40 – каплевидные бляшки с изображением 7-лепестковой пальметки с остроугольным нижним окончанием; 41–43 – бляшки со стилизованным изображением соцветия лотоса с нижним окончанием в виде ромба; 44–46 – бляшка с изображением двух вертикально расположенных пальметок; 47 – наконечники стрел в кармане горита; 48 – застежка кармана для стрел; 49 – обкладка рукоятки лука; 50 – меч; 52, 54 – ворварки крепления меча к гориту; 53 – скоба крепления меча к гориту

Рис. 99 а. Соболева Могила. Погребение № 2. Размещение пластины покрытия гората и крепления меча к горату

14. 6 целых и 10 в обломках серебряных полых биконических бусин с тонким валиком вокруг отверстий. Размеры 1,3 x 1,3 см, диаметр валика – 0,75, отверстия для нанизывания – 0,3 см (рис. 104, 9).

15. Наборное костяное веретено греческого типа. Состоит из стержня (а), горизонтального чашевидного диска (б) и сборной рукояти из двух конусов (в, г) и фигурного накопечника-пятки (д). Все детали изготовлены на токарном станке и отполированы (рис. 97, 6).

а) Стержень, круглый в сечении, длиной 16,6 см. Диаметр 0,52 см внизу и 0,45 сверху. Фигурная верхушка стержня имеет вид головки шахматной пешки высотой 1,5 см. Ниже на протяжении 1 см стержень украшен

9 рельефными поперечными валиками. Нижнее окончание, предназначенное для вставки в рукоять, заострено. Его длина – 1,8, диаметр 0,5 см. Выше на протяжении 2,8 см стержень утолщается до 0,7 см. Эта часть украшена 5 широкими поперечными рельефными валиками, разделенными парами узких. Снизу помещено 3 узких валика (рис. 97, 1).

б) Чашевидный диск по профилировке напоминает широкую плоскую чашу на поддоне. Диаметр 3,75, общая высота 0,6 см. Край обломан с одной стороны в древности. Центральная часть утолщена до 0,3 см при диаметре 2,0 см. Диаметр сквозного отверстия 0,7 см. С обеих сторон диск украшен concentрическими рельефными кольцами (рис. 97, 2).

в) Верхний конус высотой 5,05 см сверху имеет трубчатый выступ высотой 1,25, диаметром 0,7 см, с глухим, высверленным сверху отверстием, диаметром 0,5 глубиной 2,1 см. Снизу этот выступ ограничен расширением до 0,8 см. Диаметр конуса внизу 1,4 см. Снизу также высверлено глухое отверстие диаметром 0,7, глубиной 2,45 см. Конус украшен двойными и одинарными желобками (рис. 97, 3).

г) Нижний конус имеет подобную конструкцию. Высота – 5,0 см. Снизу имеется цилиндрический выступ диаметром 0,7, длиной 1,05 см, вставлявшийся в пятку. В цилиндрическом выступе высверлено глухое отверстие диаметром 0,45, глубиной 1,75 см.

Назначение отверстия непонятно, поскольку оно не использовалось. Вероятно, верхний и нижний конуса рукояти были взаимозаменяемыми. По-видимому, при массовом производстве веретен такие детали делались одинаковыми специально. Нижний цилиндрический выступ ограничен сверху расширением с кольцевой рельефной орнаментацией в виде широкого валика, ограниченного двумя узкими диаметром 0,9 см, шириной 0,45 см. Диаметр нижней части конуса выше расширения составлял 0,8, верхней части конуса – 1,35 см. Сверху в конусе высверлено глухое отверстие диаметром 0,7, глубиной 2,45 см. Конус украшен двойными и одинарными кольцевыми желобками (рис. 97, 4).

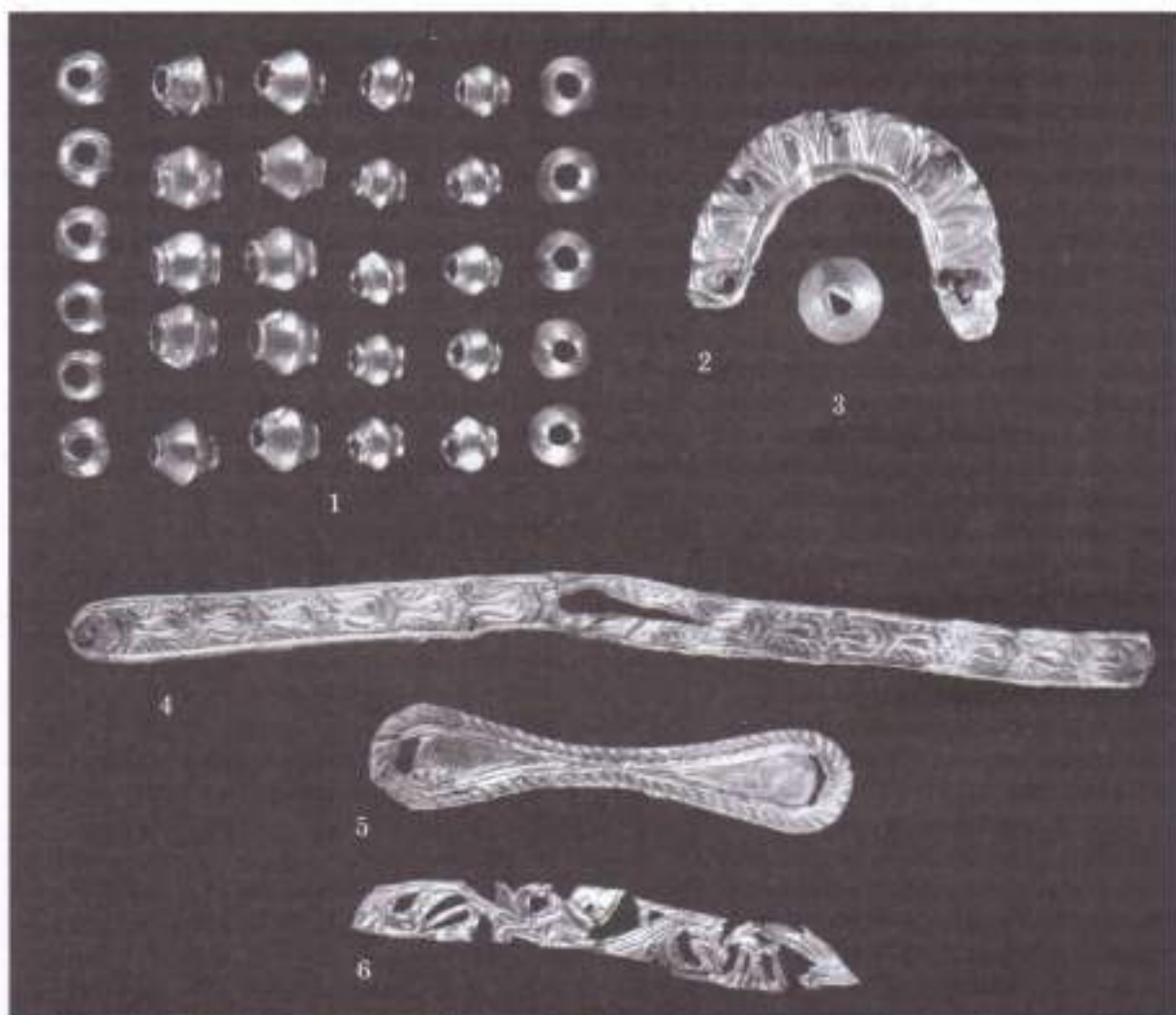

Рис. 100. Соболева Могила. Погребение № 2. Отдельные детали покрытия горита и колчанов. Золото
1 – бусы с колчанов № 1-5; 2 – подковообразная пластина; 3 – ворварка крепления меча;
4 – скоба крепления меча; 5 – застежка кармана для стрел на горите;
6 – пластина оформления дна кармана для стрел на горите

д) Пятка веретена имела сложный профиль в виде удлиненной головки шахматной пешки. Диаметр сверху – 1,35, внизу – 0,5 см. Высота – 4,45 см. Сверху высверлено глухое отверстие диаметром 0,7 глубиной 1,65 см, в которое вставлялся нижний конус рукояти. Снизу в пятке имеется углубление диаметром 0,2 и глубиной 0,15 см – след крепления костяной заготовки, из которой вытачивалась пятка, на токарном станке (рис. 97, 5).

Общая высота веретена в собранном виде достигала 28,5 см.

16. Мелкие незаметные фрагменты железных прямоугольных скоб со следами дерева.

17. Золотая литая двухвитковая гривна. Круглый в сечении стержень покрыт рельеф-

ным орнаментом из чередующихся звеньев из широкого в середине и двух узких выпуклых кольцевых валиков по краям. Длина одного звена – 0,95 см. Окончания гривны украшены стилизованными фигурками лежащих львов. Головы лежат на вытянутых передних лапах. Задние лапы подобраны под брюхо. И передние, и задние лапы зверей непропорционально длинные, чрезмерно велики уши. Грива и усы, шерсть на крупе и задних лапах переданы редкими нерегулярными нарезками, рисками, нанесенными тонким резцом. Размеры гривны 17,0 x 18,2, диаметр стержня 0,6, размеры фигурок 0,8–0,9 x 3,05 см (табл. 14, 1–2).

18. Золотая гладкая проволочная серьга в виде крупного кольца с заостренными

сомкнутыми концами. Размеры 3,7 x 3,7, диаметр проволоки 0,15–0,3 см (табл. 14, 3).

19–20. Золотые однотипные литые спиральные 5-витковые наручные браслеты. Изготовлены из длинной узкой профилированной полосы сечением 0,6 x 0,25 см. Внутренняя поверхность гладкая, лицевая – профилированная, с выступающим углом гребнем посредине и угловатыми валиками по краям, украшенными косыми насечками. Окончания украшены стилизованными фигурками лежащих волков. Головы хищников уложены на вытянутые передние лапы. Задние лапы подобраны под брюхо. Длинные морды хищников имеют чрезмерно широкие носы. Длинные уши плотно прижаты к затылку. Головы зверей проработаны в деталях в разной степени.

На большем браслете у обоих зверей обозначены усы, на меньшем – на одной голове показана шерсть на лбу, на другой – все подобные детали опущены. Шерсть на спинах всех фигурок передана косой нарезкой в елочку вдоль хребта. Диаметры браслетов 6,5 x 6,9 и 5,8 x 6,2 см (табл. 14, 5).

21. Золотой массивный перстень с изображением на овальном щитке сцены терзания в высоком рельефе. Большой лев с пышной гривой терзает круп меньшего животного, обхватив его двумя лапами. Фигура льва тщательно проработана резцом. Грива изображена угловатыми рельефными выступами с насечками. Шерсть на теле и лапах обозначена рисками. Хвост, свернутый бубликом, поднят кверху.

Терзаемое животное – как будто также лев, но значительно меньших размеров. Ракурс его не совсем ясен. Задняя часть тела соответствует положению лежа на брюхе – лапы подобраны под брюхо. На крупе резцом обозначена шерсть. Длинный хвост свернут бубликом книзу. Передняя часть тела слегка запрокинута на спину, голова поднята кверху, навстречу большому льву, затылочной частью обращена к зрителю. В передаче изображения на перстне мастер основное внимание уделил

фигуре большого льва, переданной с особой выразительностью и максимумом деталей. Меньший лев изображен бегло, фигура несколько деформирована, нарушены пропорции, ряд деталей опущен. Вид животного слабо узнаваем и определяется неуверенно. Округлая снаружи, плоская изнутри дужка перстня посредине имеет ромбическое расширение. Размеры перстня 2,72 x 2,4, щиток – 2,35 x 1,72 см. Высота рельефа – 0,5 см. Сечение дужки 0,45 x 0,15, ширина ромбического расширения – 0,75 см (табл. 18, 4а).

22. Золотой безразмерный перстень с массивным овальным гладким плоским щитком. Дужка состоит из двух пластинчатых отростков с заостренными окончаниями, отходящих

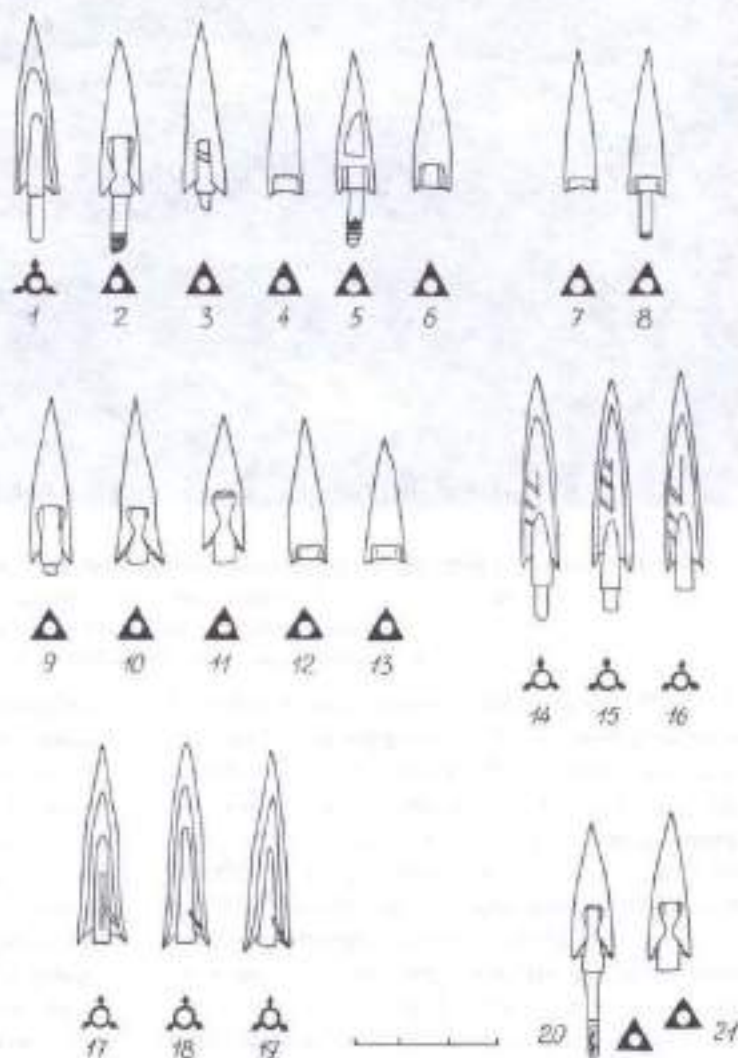

Рис. 101. Сobleва Мозаика. Погребение № 2.

Бронзовые наконечники стрел

1–6 – колчан № 1; 7, 8 – колчан № 3; 9–13 – колчан № 2;
14–16 – колчан № 4; 17–19 – горит; 20, 21 – колчан № 5

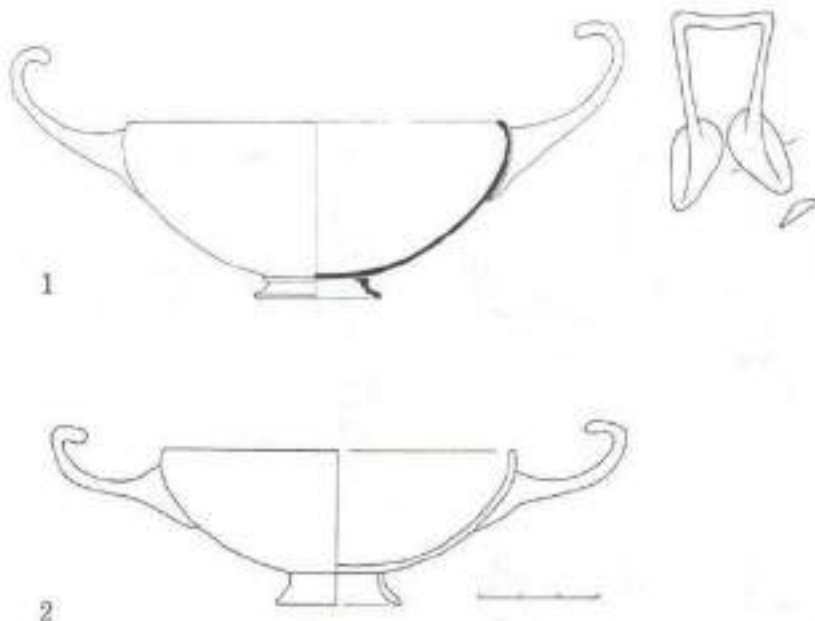

Рис. 102. Соболева Могила. Серебряные пластины
1 – погребение № 3 (тапки); 2 – погребение № 2

от щитка и изогнутых по размеру пальца владельца. Щиток отделен от отростков дужки рельефным уступом. Отростки возле щитка имеют овальное сечение, возле окончаний – прямоугольное. В отличие от многочисленных подобных перстней, вырезанных из листа металла, наш экземпляр изготовлен с помощью литья. Размеры перстня 2,35 x 2,3, щитка – 2,1 x 1,85, сечение дужки 0,5 x 0,2–0,25 x 0,15 см (табл. 18, 4b).

23. Бронзовые поножи. Раздавлены грунтом на мелкие фрагменты. Металл сильно окислен. Восстановлены в значительной мере правая и крупные фрагменты левой поножи, что позволяет охарактеризовать их форму в целом. Изготовлены из тонкого, судя по отдельным хорошо сохранившимся фрагментам, полированного листа золотистой бронзы. По всему периметру изделий сохранились парные прорисованные линии орнамента, что указывает на первоначальный вид поножей и отсутствие переделок в варварской среде.

Верхний край, ровно обрезанный, прикрывал лишь нижнюю часть коленного сустава и в рельефе передает его форму. Поножи полностью прикрывали ногу спереди от ступни до колена, внешние боковые и отчасти задние стороны икр. Внутренняя сторона икр прикрывалась лишь частично в нижней части, чуть выше щиколоток, специальным узким фигурным выступом.

Большая часть внутренних сторон икр оставалась открытой, что, по-видимому, было обусловлено всаднической спецификой использования изделий, когда внутренняя часть ноги, прилегающая к телу коня, не нуждается в дополнительной защите. Нижний край поножей отогнут наружу. Вдоль краев пробиты отверстия для подшивания мягкой подкладки, предохраняющей ногу от травм. Высота поножей около 37 см (рис. 104, 10–11).

24. Золотая обмотка несохранившейся деревянной рукояти пагайки в виде тонкой длинной узкой ленты шириной 1,0 см, закрученной спиралью по рукояти. Украшена по краям частыми выпуклыми

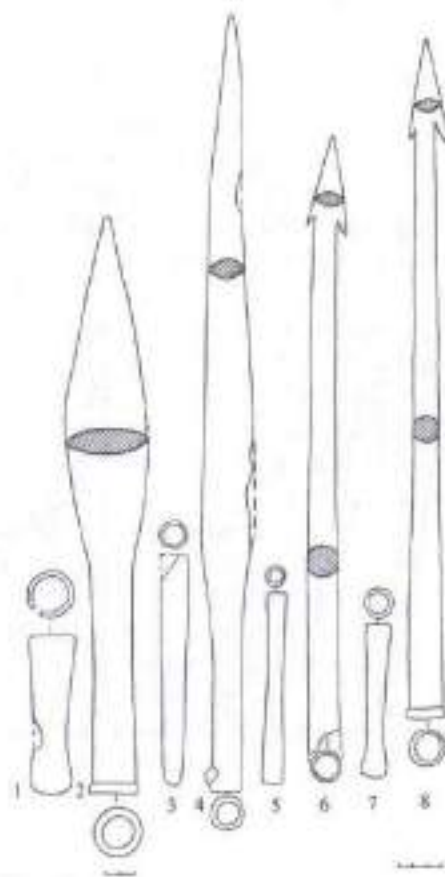

Рис. 103. Соболева Могила. Погребение № 2.
Железные наконечники копья и дротиков
со втулками

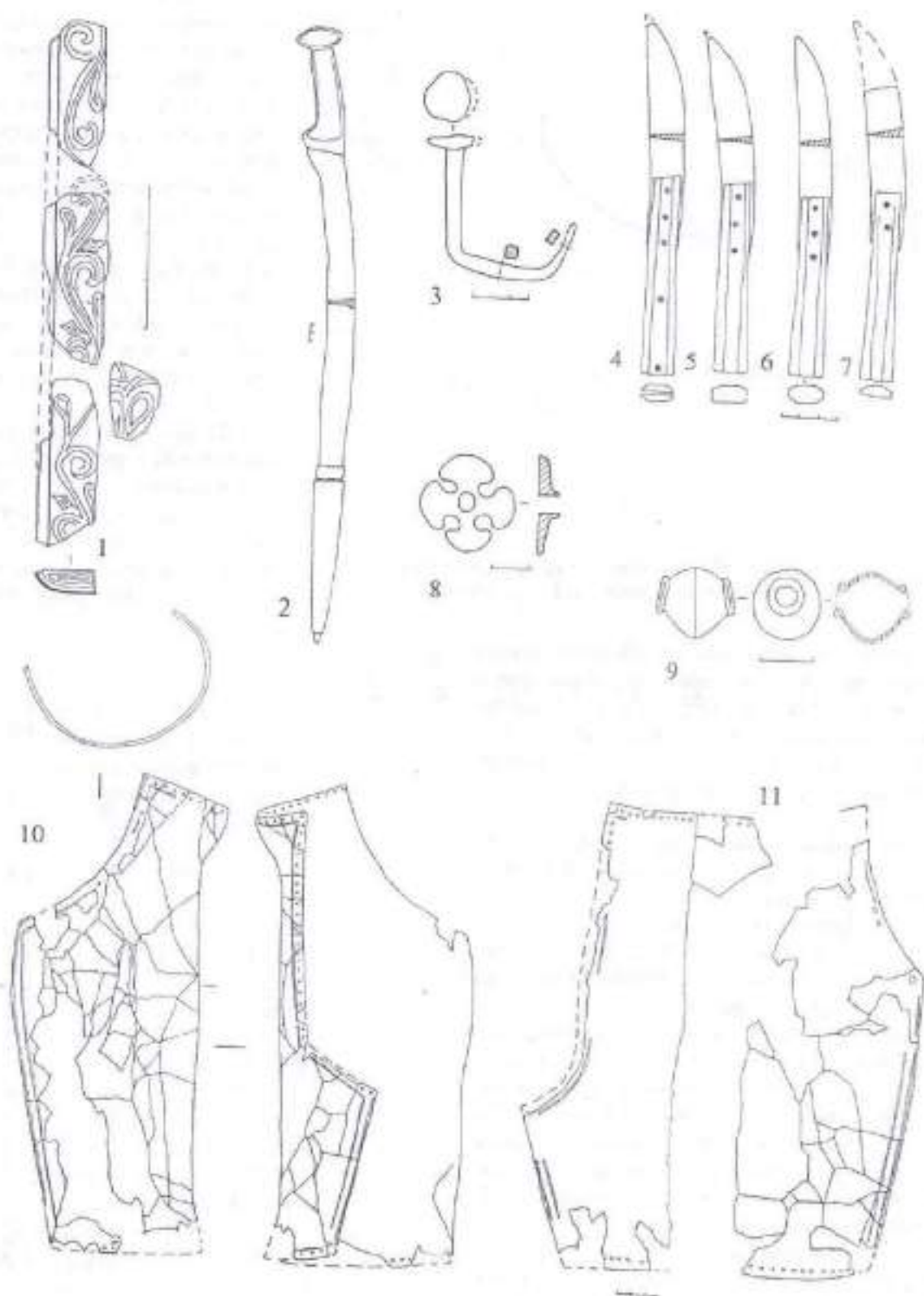

Рис. 104. Соболева Могилы. Погребение № 2

1 - фрагменты ножен меча; 2 - меч; 3 - гвоздь из погребального настила; 4-7 - ножи; 8 - колчанная застежка; 9 - бусина; 10 - правая поножка; 11 - фрагменты левой поножки (1 - дерево; 2 - железо, золото, серебро; 3 - кость, железо; 8, 10, 11 - бронза; 9 - серебро)

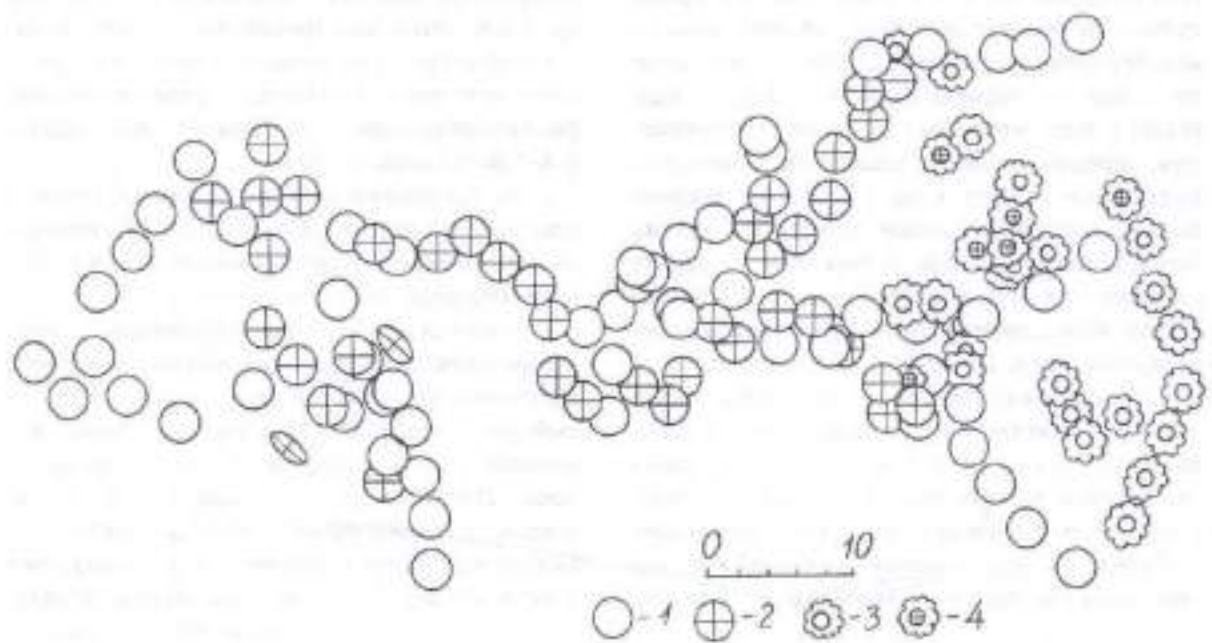

Рис. 105. Соболева Могила. Погребение № 2. Схема расположения золотых бляшек, украшавших одежду
 1 - бляшки с изображением дракона - лицевой стороной вверх; 2 - бляшки с изображением дракона - лицевой стороной вниз; 3 - бляшки с изображением розетки лицевой стороной вверх; 4 - бляшки с изображением розетки - лицевой стороной вниз

точечными наколами. На окончаниях пробито по 2 отверстия для прибивания гвоздями к деревянной рукоятке. Длина в свернутом состоянии около 40 см (табл. 14, 4).

25-46. Покрытие горита изготовлено из тонкого листового золота методом штамповки.

25. Кант внешний. Изготовлен из длинной узкой тонкой пластины, частично свернутой в трубку, с достаточно широкими плоскими краями-зажимами, с помощью которых кант крепился к гориту. Трубочатая часть канта сплошь покрыта рельефным орнаментом в виде повторяющихся звеньев из широкого выпуклого валика, ограниченного с двух сторон тремя узкими. Кант состоит из трех частей, закреплявшихся на горите в стык. Нижняя изогнута по внешнему контуру нижнего края горита. Диаметр трубочатой части 0,5 см, длина зажимов до 0,3 см. Общая длина до изгиба внизу - 62,0, изогнутой части - 19 см (табл. 17, 1а).

26. Кант средний. Также изготовлен из узкой пластины, свернутой в трубку, но зажимы в данном случае отсутствуют. Орнаментация та же. Состоит из 2 частей. Нижняя часть изогнута по контуру нижнего края накладного карма-

на для стрел. Длина до изгиба 46,0, изогнутой части - 14 см. Диаметр 0,5 см (табл. 17, 1с).

27. Кант внутренний. Цельный, прямой. По конструкции и орнаментации аналогичен среднему канту. Длина - 35,2 см, диаметр - 0,5 см (табл. 17, 1е).

28. Фигурная ажурная пластина с изображениями крылатых грифонов, шагающих чередой направо. Пластина состоит из 2 частей: прямой прямоугольной размерами 16,5 x 2,5 и прямой, с изгибающимся по контуру горита сужающимся нижним окончанием, размерами 27,2 x 2,0-2,5 см. На первой пластине изображены 3 крылатых грифона одинаковой величины, на второй - 6 аналогичных фигур, постепенно уменьшающихся в размерах по мере приближения к нижнему окончанию. Последняя фигура частично обломана.

Массивные головы грифонов с оскаленной частью увенчаны длинными, загнутыми вперед рогами и зубчатым гребнем из вертикальных отростков, продолжающимся на загривке. Показано округлое ухо, смещенное на затылок. Выпуклые линии по контуру шеи создают впечатление мускулистости тела. Чудовища начинают шаг с левой лапы, вытнутой вперед и поднятой вверх. От плечей отходят крылья

с чешуйчатым покрытием с взогнутыми вперед окончаниями. Из-за крупов с задней стороны туловища выступают еще по два крыла, аналогичные предыдущим. Интересно передано движение череды грифонов. При сохранении у всех животных идентичного положения передних лап, у животных чередуется положение задних лап: у первого грифона выставлены вперед левые передняя и задняя лапы, у второго — левая передняя и правая задняя и т. д. Пластины пришивались к основе горита через многочисленные существующие отверстия (табл. 17, 1b).

29. Ажурная фигурная пластина с растительным орнаментом. На длинном изгибающемся побеге аканфа с редкими лепестками чередуются четыре типа соцветий, последовательно повторяющихся: лотос, четырехлепестковая розетка, соцветие с гладкой круглой серединой и многочисленными короткими

лепестками, а также соцветие в виде сложной ажурной фигуры из 6 загнутых лучей. Верхний край пластины косо срезан. Вдоль него пробиты отверстия для пришивания. Остальная часть пластины крепилась к основе горита через существующие отверстия. Размеры 43,0 x 2,4–2,8 см (табл. 17, 1d).

30. Ажурная фигурная подпрямоугольная пластина с рельефным изображением мужчины-жреца в ритуальном костюме петуха. Фигура обращена влоборота направо.

У жреца грубое лицо с крупными непропорциональными чертами, обращенное влево. Выделены крупный прямой нос, большой левый глаз, крупный рот с узкими губами, небольшое ухо, помещенное на уровне основания носа. Лицо покрыто обильной растительностью: длинная узкая остроконечная борода, вытянутая вперед клинышком, короткими насечками переданы усы, баки, брови, на голове — длинные прямые волосы,

зачесанные назад, до плечей. Все тело человека, от шеи до колен, а также руки до локтей покрыты стилизованными изображениями перьев в виде мелких ромбиков, подчеркнутых дужками. Двумя завитками на шее обозначен воротник костюма (завязки?). Узким валиком на талии показан пояс. Из-за спины с уровня лопаток в обе стороны радиально расходятся 4 пары крыльев с загнутыми вверх окончаниями. Крылья покрыты стилизованными перьями в виде овальных чешуй. Сзади на крестце прикреплен хвост в виде пышной пятилепестковой розетки. Ниже колен ноги человека превращаются в типичные лапы петуха с когтями и шпорами. Этими лапами жрец стоит на змеиных телах двух крылатых драконов, головы которых он удерживает руками за рога.

Размещение драконов симметричное, по обе стороны от фигуры жреца. Морды чудовищ короткие, округлые, с сомкнутыми пальцами. На головах драконов показаны рога, длинные тонкие прямые уши, на затыл-

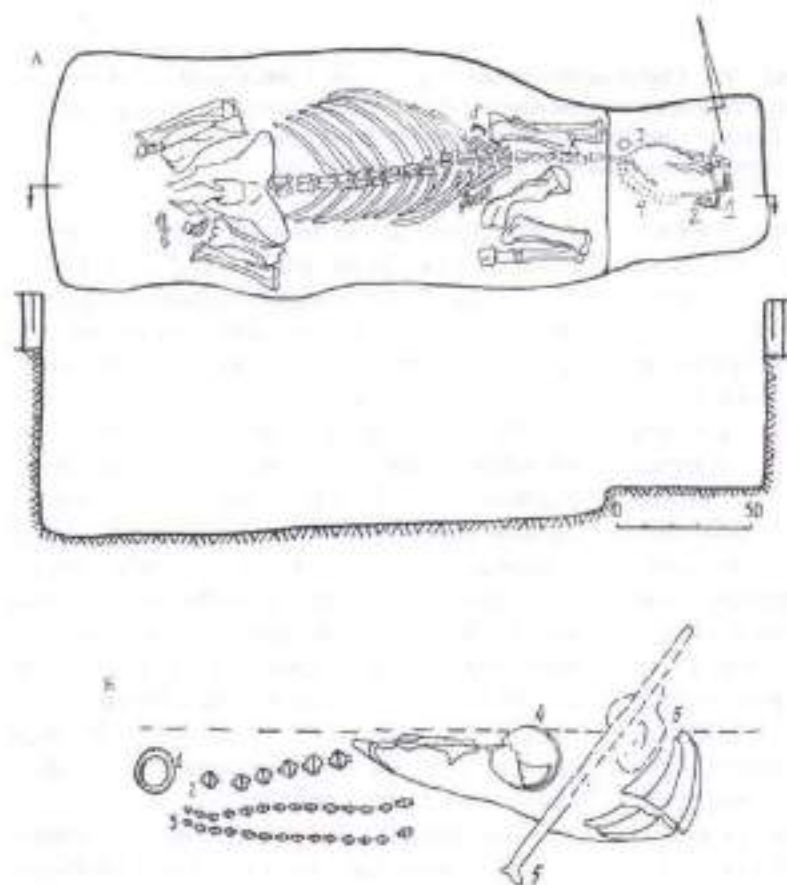

Рис. 106. Соболева Могила. Погребение № 2-А

А — план и разрез погребения: 1 — железные удила и псални; 2 — круглая серебряная бляха; 3 — серебряное кольцо; 4 — железная подпружинная прищипка; 6 — кусочек войлока. Б — размещение украшений на уздечном ремне: 1 — серебряное кольцо; 2, 3 — серебряные бусы; 4 — круглая бляха; 5 — остатки железного псални

ках – гребни. От туловищ назад отходят крылья с чешуйчатым покрытием, с загнутыми вперед окончаниями. Длинные змеиные тела, покрытые мелкой нерегулярной чешуей, заканчиваются хвостами с пышными окончаниями в виде соцветий с волнообразными завитками по бокам. В целом изображение человека на пластине передано в манере, напоминающую египетский стиль, когда тело человека изображается фронтально, а голова и ноги – в профиль. Пластина крепилась к основе горита с помощью серебряных гвоздей, для чего непосредственно по изображению по

краям пробито 11 отверстий. Размеры 12,7 x 8,8 см (табл. 17, 3).

31. Ажурная фигурная пластина с рельефным изображением 2 шагающих гуськом влево крылатых драконов. Чудовища начинают движение с правой лапы, вытянутой вперед. Левая лапа остается опорной. Головы драконов увенчаны рогами, загнутыми вперед, за которыми расположено длинное, тонкое прямое ухо. Пасти широко разинуты. Снизу от подбородков отходят длинные бороды, загнутые крючком вперед. На шнях обозначена чешуя. На телах драконов, начиная от плечей, последовательно

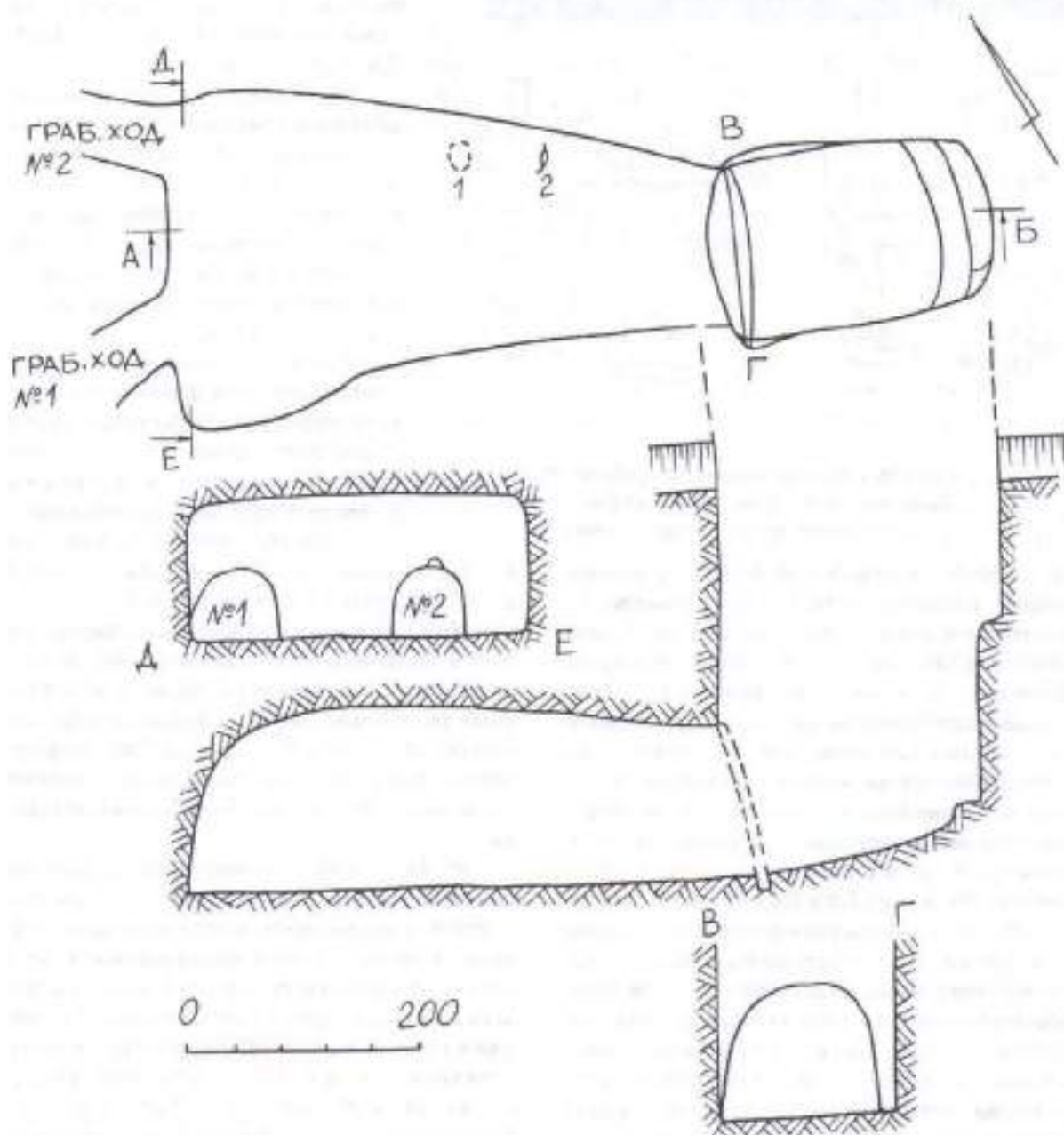

Рис. 107. Соболева Могила. Погребение № 3. Общий план и разрезы 1, 2 – тайники

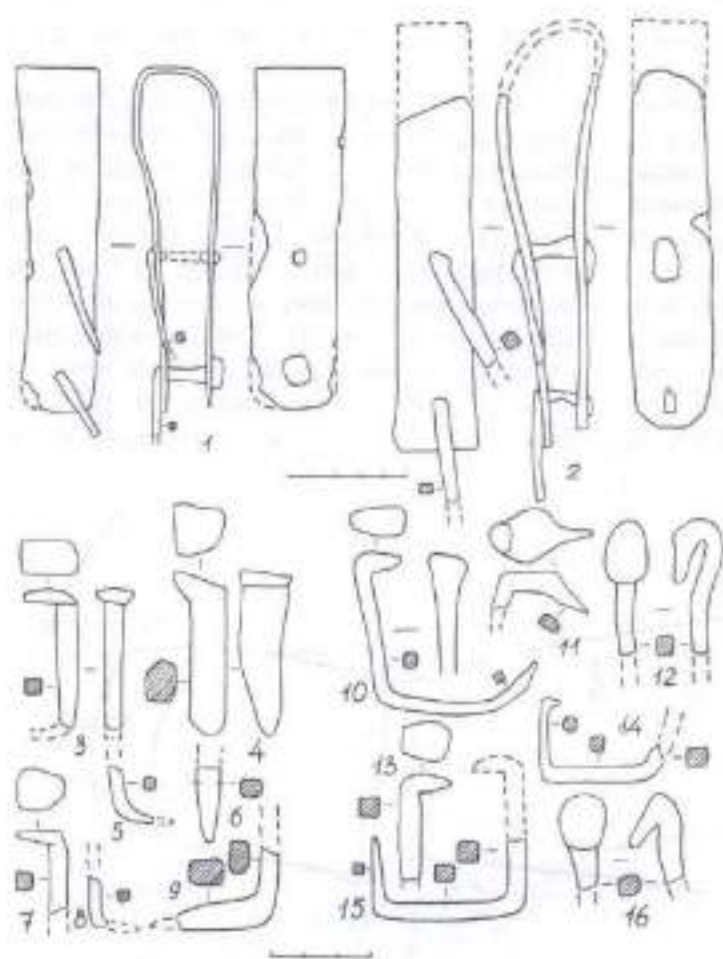

Рис. 108. Соболева Могила. Погребение № 3. Железные скобы и скрепляющие пластины деревянного заслона входа в камеру

размещены 5 крыльев с оперением, поднятые вверх, с загнутыми вперед окончаниями. От плечей из-под левых лап вниз и назад отходят крыловидные отростки с перьями по краю. Длинные змеиные тела драконов, также украшенные парными насечками, завершаются мощными хвостами, свернутыми в кольца, с утолщениями на концах. Пластина крепилась к основе горита серебряными гвоздями, для чего непосредственно по изображению пробиты вдоль краев и по середине пластины 19 отверстий. Размеры 17,3 x 5,0 см (табл. 18, 1).

32, 33. 2 однотипные фигурные пластины с четырьмя антропоморфными выступами, украшавшие карман для стрел на горите. Изготовлены из очень тонкого металла, что подразумевает их крепление на жесткой основе. Прямое узкое основание украшено горизонтальным рядом ов, оконтуренным с двух сторон рельефными валиками. От него отходят четыре фигурных антропоморфных выступа

с изогнутыми боковыми отростками, украшенными штампованным растительным орнаментом из пальметок. Пластины крепились к основе с помощью серебряных гвоздей, для чего по краям пробиты отверстия: на верхней пластине - 15, на нижней - 16. Верхняя пластина по верхнему краю, кроме 3 отверстий для гвоздей, по всей длине через 2-8 мм имеет мелкие отверстия для пришиваия, что, вероятно, обусловлено большей подвижностью этой пластины, крепившейся на подвижном клапане кармана для стрел. Размеры 12,8 x 7,6 и 11,8 x 7,5 см (табл. 17, 5).

34. Узкая длинная ажурная фигурная пластина с закругленными концами, украшавшая дно кармана для стрел. Эта деталь вырезана в соответствии с размером дна кармана из пластины, сходной с № 29. Крепилась к дну снизу через существующие отверстия. Размеры 10,2 x 1,3 см (рис. 100, 6).

35. Подковообразная пластина с закругленными окончаниями. По внутреннему краю украшена узким рельефным валиком, от которого наружу отходит ряд ов. Крепилась к основе горита пятью серебряными гвоздями через отверстия, пробитые непосредственно по орнаментации. Размеры 4,7 x 3,5, ширина 1,0 см (рис. 100, 2).

36, 37. 2 однотипные ажурные квадратные пластины. В тонкой квадратной рамке размещена пышная пальметка с двумя 8-лепестковыми розетками в верхних углах на длинных стеблях-отростках. По углам пробито по 4 отверстия для крепления серебряными гвоздями к основе горита. Размеры 5,0 x 5,0 см (табл. 17, 4).

38-40. 3 ажурные каплевидные бляшки с изображением 7-лепестковой пальметки с остроугольным нижним окончанием, образованным симметричным расположением двух лепестков и стеблей-отростков. Бляшки крепились к основе горита с помощью одного серебряного гвоздя через отверстие в остроугольном окончании. Размеры 3,2 x 2,55 см (табл. 17, 2с).

41-43. 3 ажурные фигурные бляшки со стилизованным изображением соцветия лотоса с 8-лепестковой пальметкой, помещенной в его

чаще сверху. Нижнее окончание бляшек оформлено в виде ромба. Крепились к основе горита с помощью одного серебряного гвоздя через отверстие в ромбическом окончании. На 2 бляшках ниже соцветия лотоса грубо пробить по 2 дополнительных мелких отверстия для нашивания. Размеры 3,75 x 2,9 см (табл. 17, 2b).

44–46. 3 ажурные фигурные бляшки с изображением двух вертикально расположенных пальметок, направленных в противоположные стороны. Большая верхняя 7-лепестковая пальметка имеет округлую форму. Окончание нижней 5-лепестковой пальметки малых размеров оформлено в виде угла. Крепились к основе горита с помощью одного серебряного гвоздя через отверстие в угловатом окончании. Размеры 4,2 x 3,2 см (табл. 17, 2a).

47. 42 целых и 4 фрагментированных бронзовых втульчатых наконечников стрел одного типа. Удлиненные трехлопастные, с ложками до острия, чуть выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей вровень с основанием втулки или опущенными чуть ниже. В одном из ложек имеется тамгообразный знак в виде косой рельефной полоски. Во втулках сохранились короткие фрагменты деревянных древков длиной до 2 см, диаметром около 3 мм. На одном из них сохранился узкий поясик, нанесенный красной краской. Длина наконечников 4,0–4,2 см (рис. 101, 17–19).

48. Фигурная штампованная застежка кармана для стрел в виде длинной узкой выпуклой 8-образной пластины с гладким внутренним полем. Украшена по краю рядом косых рубчишек, ограниченным изнутри выпуклым узким валиком. На окончаниях грубо пробиты поперечные удлиненные отверстия со рваными краями. Вокруг отверстий на пластине заметны следы железных окислов. Край пластины по всей длине загнуты внутрь – вероятно, для закрепления на деревянной основе для усиления жесткости. Длина 9,5 см, ширина окончаний 2,1, в центре 0,8 см (рис. 100, 5).

49. Обкладка рукояти лука представляла собой золотую прямоугольную ажурную пластину, свернутую в трубку. Изображение в центре пластины заключено в широкую прямоугольную рамку, поперечные стороны которой украшены овами, а продольные – двойным меандром с точками в центре окружностей, образованных пересечением линий. Централь-

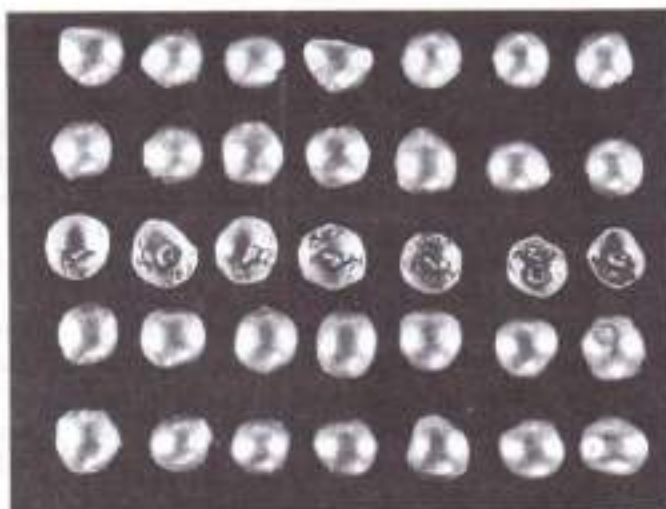

Рис. 109. Соболева Могила. Погребение № 3.
Золотые пуговицы

ное поле заполнено изображением пяти пальметок разного типа в затейливом переплетении побегов с листьями. Пластина крепилась к рукоятки серебряными гвоздями через 5 отверстий. Размеры 10,0 x 5,9 см. Диаметр обкладки в свернутом виде – 2,7 см (табл. 18, 2).

50. Железный меч с обложенной золотом рукояткой, в деревянных ножнах с серебряным наконечником. Представляет собой подражание греческой махайре. Имеет длинный слабоизогнутый однолезвийный клинок с выпуклой спинкой и вогнутым лезвием. В сечении клинок треугольный, с утолщением вдоль спинки с одной стороны (ребро жесткости). У перекрестья клинок плавно расширяется со стороны лезвия, образуя односторонний острый угловатый выступ-перекрестье. Золотое покрытие рукояти повторяет его форму. Узкая прямая рукоять завершается овальным навершием. Общая длина меча 66,7 см (рис. 104, 2; табл. 19, 1).

Рукоять обложена цельной золотой пластиной длиной 13,4 см с рельефными одинаковыми зеркальными изображениями на обеих сторонах. На узком овальном навершии в выпуклой овальной рамке помещено стилизованное изображение лани (?). Животное припало на передние ноги, круп приподнят. Ноги непропорционально тонкие и длинные. Голова на грациозно изогнутой тонкой шее обращена назад. Мордочка изящная, тонкая, с длинными узкими ушами. Тело и лапы начеканены редкими точками, вероятно, передающими рисунок меха. На ручке изображение ориентировано по длине и помещено в выпуклую

рамку размерами 8,0 x 2,0 см. В верхней части помещено стилизованное изображение лежащего оленя с подобранными под туловище ногами, опущенной вниз головой с большими ветвистыми рогами. Изображение оленя занимает 2/3 длины рукояти. Ниже оленя помещено мелкое неясное изображение, вероятно, кошачьего хищника, приготовившегося к прыжку. Зверь припал на передние лапы, круп приподнят, тонкий хвост закручен кольцом. Шерсть на теле хищника передана чеканными точками. На перекрестье, поперек рукояти, в трапециевидной выпуклой рамке размерами 2,0-4,0 x 2,5 см помещено нечеткое стилизованное

изображение, вероятно, кошачьего хищника с длинным тонким хвостом, повторяющим изгиб остроугольного выступа перекрестья. Зверь припал на передние лапы в изготовке к прыжку. Шерсть изображена чеканными точками. Длина рукояти 13,4, ширина 2,35-2,9, ширина перекрестья 4,6 см, размеры навершия 4,8 x 1,9 см (табл. 19, 2-3).

Серебряный треугольный коробчатый наконечник ножен имеет прямоугольное сечение. Сквозь окислы на поверхности просматриваются остатки орнамента вертикальными каннелюрами. Размеры поперку 3,0 x 1,0, длина 17,0 см. Выше наконечника расположена

гладкая золотая муфта шириной 1,45 см, охватывающая ножны (табл. 19, 4).

51. От деревянных ножен сохранились мелкие обломки дерева, пропитанные окислами железа, с остатками гравированного растительного орнамента греческого типа. Величина фрагментов 2,2-3,5 x 1,1-1,2 см (рис. 104, 1).

52. Костяная коническая ворзарка с золотым покрытием. Диаметры оснований 1,5 и 0,5 см, высота - 0,5 см (рис. 100, 3).

53. Золотая длинная узкая штампованная пластина-петля с закругленными окончанием, служившая для крепления меча к гориту. Внутреннее поле, ограниченное по краю узким гладким валиком, покрыто рельефным геометрическим орнаментом из повторяющихся петель с косыми лучами по внешнему краю. Пластина крепилась к основе горита с помощью железных гвоздей через одиночные отверстия на окончаниях и две пары отверстий, размещенных на расстоянии 1/3 длины от окончаний. Размеры 21,4 x 1,2 см. Нижняя часть пластины была жестко прикреплена к основе

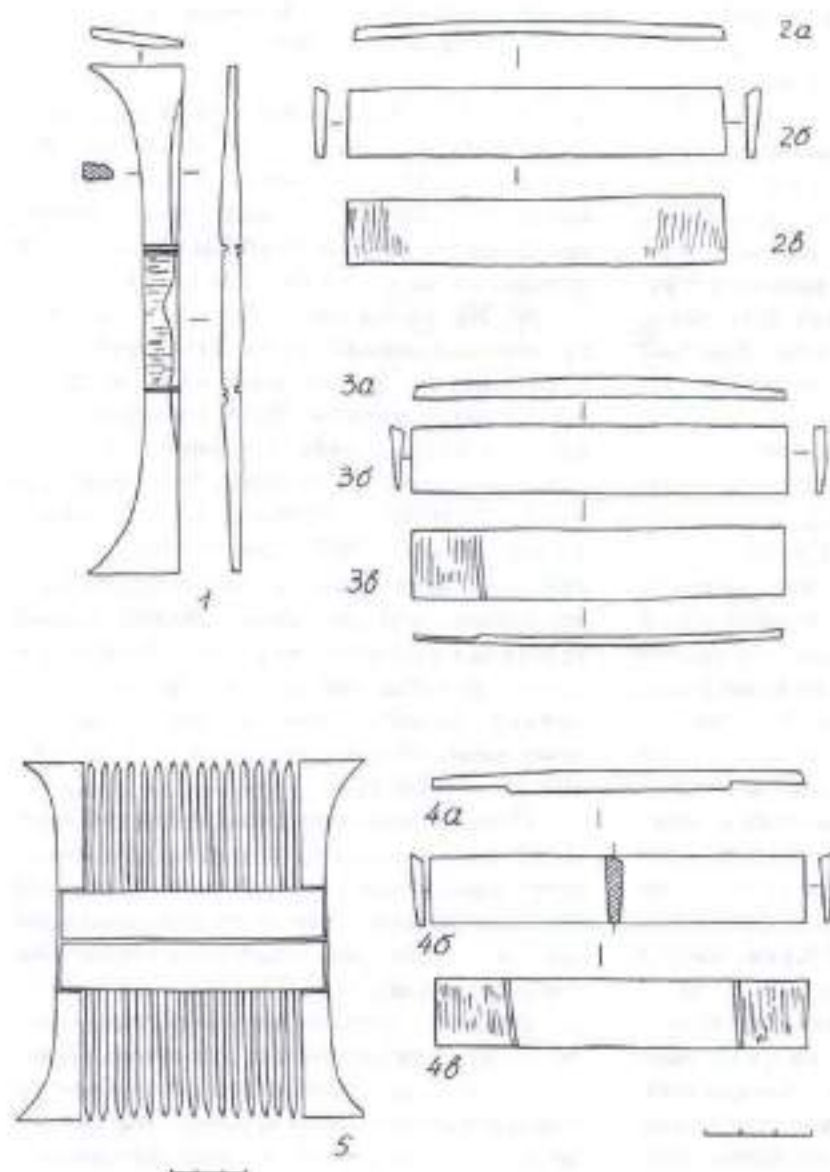

Рис. 110. Соболева Могила. Погребение № 3
1-4 - составляющие костяного гребня; 5 - реконструкция

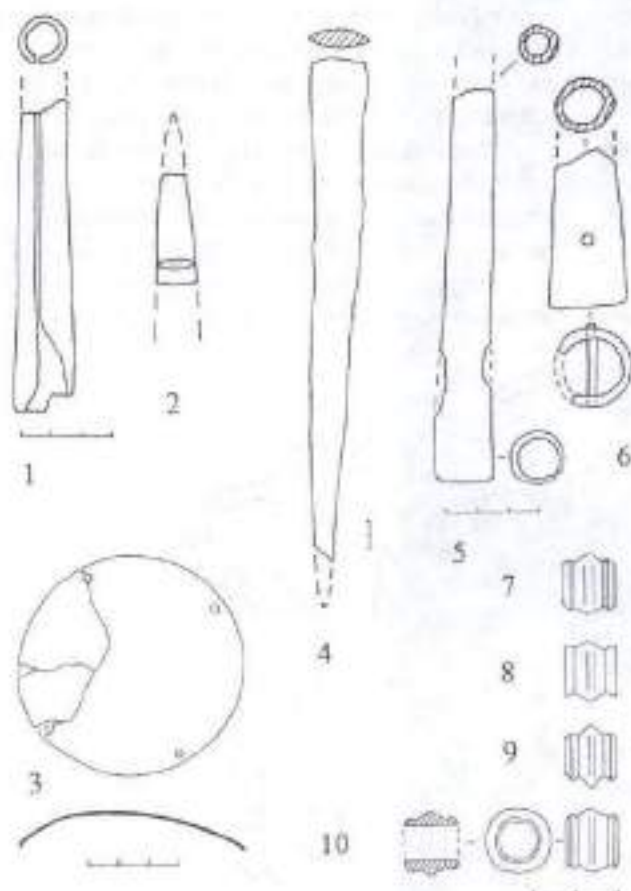

Рис. 111. Соболева Могила.

Находки из погребения № 3 (1-3) и погребения № 5 (4-10)
1, 2, 4-6 - железо; 3 - бронза; 7-10 - серебро

горита в вертикальном положении, верхняя - отходила от основы горита петлей вверх, отогнутой планкой вправо, и в таком положении с краю закреплена гвоздями. В эту петлю вставлялся меч в ножнах, о чем свидетельствуют обильные следы окислов железа, сохранившиеся на поверхности пластины. Посредине пластины, прямо по орнаменту, грубо прорезано продольное щелевидное отверстие размерами 3,2 x 0,1-0,7 см, через которое меч дополнительно закреплялся с помощью завязки (рис. 100, 4), от которой сохранилась ворварка № 54.

54. Костяная коническая ворварка с золотой обкладкой. Размеры: диаметры оснований 0,5 и 1,2, высота 0,5 см.

55-56. Золотые круглые штампованные нашивные бляшки с профильным изображением влево крылатого дракона, стоящего на свернутом в петлю хвосте. Крупная голова с тупой мордой и длинными прямыми ушами

завершает мощную шею с зубчатым гребнем вдоль хребта. От брюха отходит лапа, поднятая вверх. На теле дракона начеканены редкие точки. Среднюю часть тела от плеча скрывает мощное крыло с изогнутым вперед окончанием. Крыло покрыто крупными чешуями в нижней части и изогнутыми перьями с короткими насечками в верхней. Изображение драконов на бляшках представлено двумя разновидностями. На 71 бляшке - с покрытием нижней части крыла мелкими ромбиками в сочетании с пыльным тройным окончанием хвоста с волнообразными завитками по краям (табл. 18, 5а). На 36 бляшке - с покрытием крыла в нижней части толстыми короткими рельефными полосками поперечной и продольной направленности в сочетании с тонким раздвоенным вильчатый окончанием хвоста (табл. 18, 5с). Бляшки по краю украшены выпуклым узким валиком, расчлененным на участки тройными поперечными нарезками. По краям пробито 4 крестообразно расположенных отверстия. Диаметр 2,7-2,8 см.

57. 30 экземпляров золотых круглых штампованных нашивных бляшек с изображением 9-лепестковой розетки. Имеют по краям по 4 крестообразно расположенных отверстий. Диаметр 2,6- 2,65 см (табл. 18, 5б).

58. Серебряный ритон в виде рога животного Г-образной формы с позолотой и отдельными золотыми деталями (табл. 20, 1-5). Ритон собран из пяти частей. Сверху имеет широкий конический серебряный раструб с овальным в плане устьем размером 6,6 x 8,5 см, с отогнутым наружу краем венчика. Под венчиком расположен гравированный орнаментальный фриз, ограниченный углубленными полосками, с изображениями двух сцен терзания. Здесь изображены вплотную спина к спине два однотипных крылатых грифона, направленных в противоположные стороны. Имеют орлиные головы с острыми короткими ушами, на хребтах - зубчатые гребни, приподнятые большие крылья, покрытые сплошным оперением, мощные сбитые тела кошачьих хищников с длинными изогнутыми хвостами с кисточками на концах. Правый грифон передними лапами обхватил сзади круп убегающей самки лося, судя по удлинённости морды и горбоносости. Животное в испуге оглядывается

на хищника. На крупе лосихи показан характерный маленький хвостик, стоящий торчком. Тело покрыто редкими двойными черточками, по-видимому, имитирующими шерсть.

Левый грифон присел на передние лапы и готовится напасть на другое копытное животное. Далее изображение разрушено. Отсутствуют правая лапа грифона, а также ноги и голова парнокопытного, обращенные навстречу грифону. Порода объекта нападения неясна — у него

длинный изогнутый хвост с кисточкой на конце, опущенный вниз, шерсть обозначена на туловище редкими мелкими колечками и отдельными точками на хвосте. Такой хвост характерен для кошачьих хищников.

Фриз очень плотно заполнен изображениями. Здесь нет пространственного разделения отдельных сцен, изображения животных «ниползают» друг на друга. Проблему нехватки пространства мастер решил путем введения элементов многоплановости в плоскостную

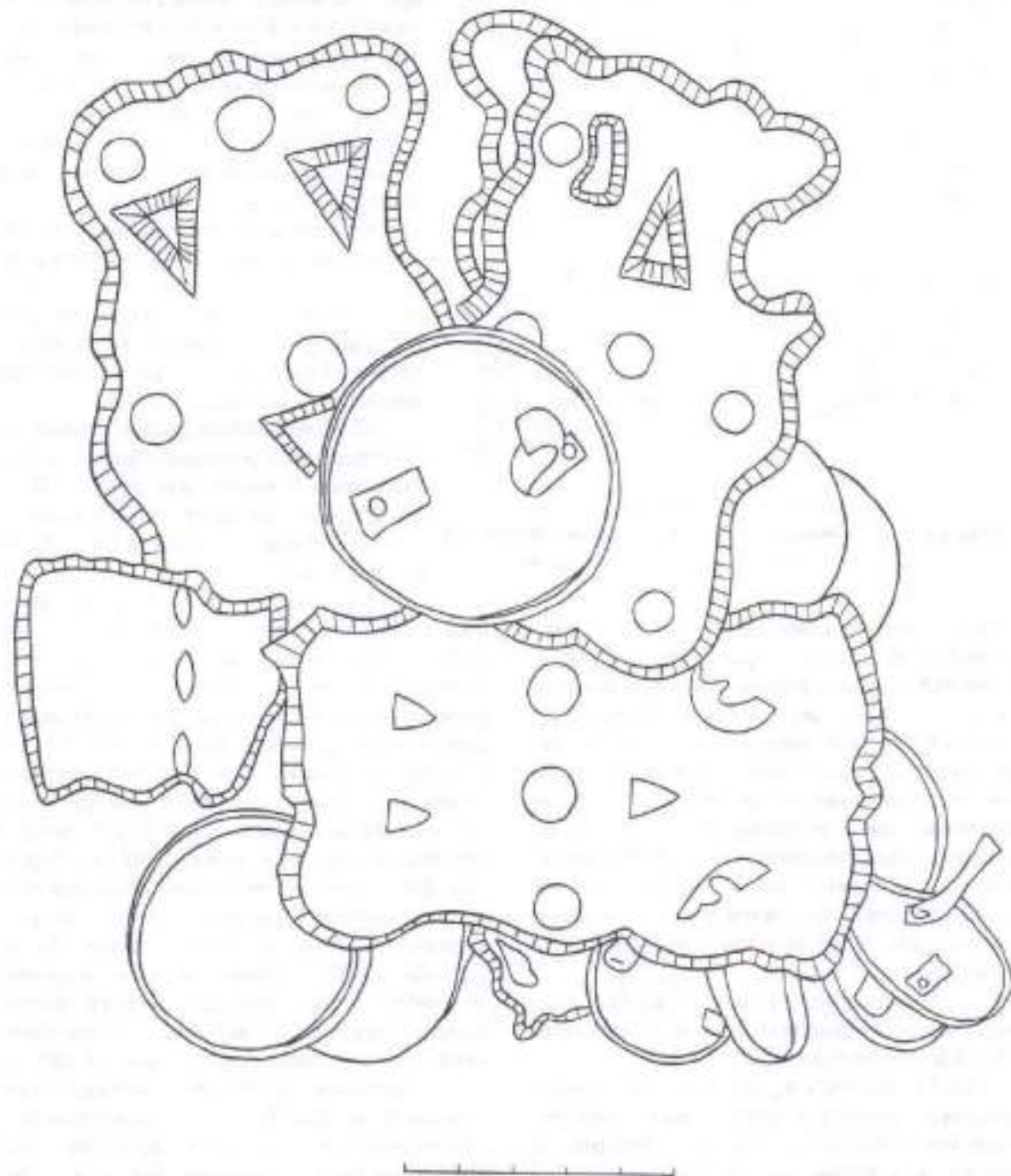

Рис. 112. Соболева Могила. Погребение № 3. Расположение уздечных украшений в тайнике № 1

композицию: левый грифон и второе копытное как бы вынесены на передний план, благодаря тому, что задние лапы и хвост левого грифона частично перекрывают те же части правого, задние ноги второго копытного — передние ноги досихи.

На поверхности раструба сохранились следы позолоты. Его нижнее окончание изогнуто коленом почти под прямым углом и соединено с узким серебряным усеченным конусом. На место соединения наложена гладкая золотая муфта шириной 1,0 см и диаметром 3,05 см с профилированной накладкой поверх нее в виде узкой полоски шириной 0,4 см с тонкими выпуклыми валиками по краям, украшенными насечками и напаянной посредине косичкой, сплетенной из тонкой золотой проволочки.

На узкое окончание серебряного конуса надет составной золотой наконечник, состоящий также из конуса и надетой на его окончание бараньей головки. Золотой конус гладкий, украшен по краям напаянными проволочными обмотками. Длина конуса до головки — 3,5, диаметры — 1,0 и 1,6 см. Полая головка барана спаяна из двух симметричных половинок. Заметен аккуратно зашлифованный ваечный шов. Представляет собой полнообъемное скульптурное изображение, выполненное в детализированной реалистической манере. Размеры головки 2,45 x 1,65 см. Общие размеры ритона: высота раструбной части — 11,5, длина нижней части с наконечником — 19 см.

59. Серебряный кубок с изображением сцен терзания (табл. 15, 1-2). Сосуд имеет круглотельный корпус, цилиндрическое горло с отогнутым наружу венчиком, округлое дно. От плечиков до края венчика поверхность покрыта позолотой.

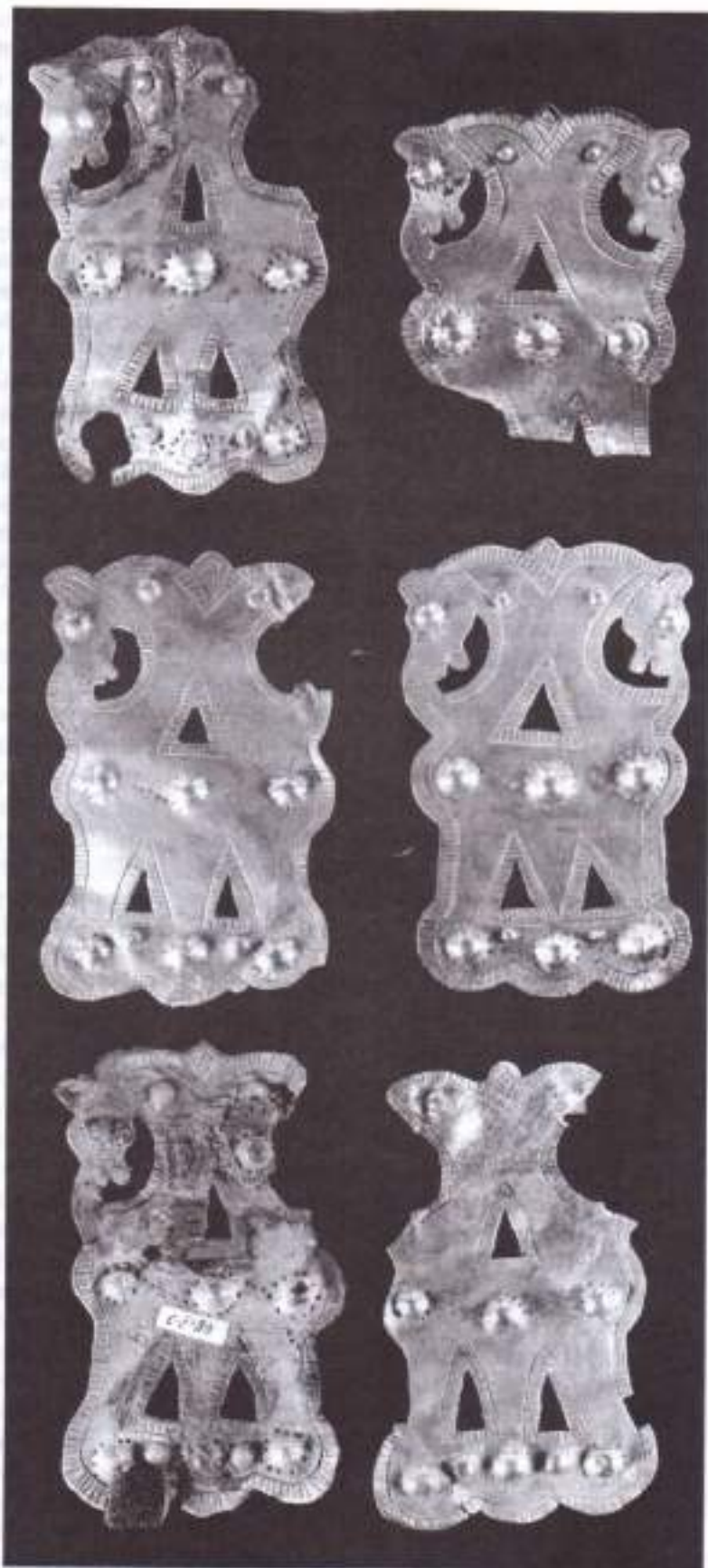

Рис. 113. Соболева Могила. Погребение № 3. Серебряные нащечники из тайника № 1

На плечике прочеканен горизонтальный выпуклый валик шириной 0,5 см, окомтуренный углубленными линиями. Украшен рельефными овами и мелкими ромбиками между ними. В верхней части тулова расположен горизонтальный фриз с позолоченными рельефными изображениями животных. Выделяются две отдельных сцены: а) пантера и лев терзают горного козла; б) пантера и лев терзают лошадь. Снизу фриз ограничен горизонтальной полосой шириной 1,25 см, орнаментированной гравированным сдвоенным меандром с точкой в центре окружностей, образуемых пересечениями линий меандров. Сверху и снизу полоса меандра ограничена парными гравированными линиями.

Ниже меандра вся придонная часть сосуда украшена изображением пышного многолепесткового соцветия, в центре которого небольшая круглая гладкая площадка дна, от которой радиально расходятся прочеканенные узкие удлиненные овальные лепестки с расширяющимися округлыми окончаниями шириной до 0,5 см (ромашка?). Размеры кубка: высота 11,25, диаметр венчика – 6,4, горла – 5,0, тулова – 10,2 см.

Изображения на фризе: а) пантера, приподнявшись на задних лапах, напала на козла сзади. Зубами впилась в левую часть крупа животного сверху, придерживая правой передней лапой бедро правой задней ноги козла. Лев, слегка приподнявшись на задних лапах, нападает на козла спереди, впевнившись зубами в шею животного сверху с левой стороны, скрытой от зрителя (большая часть его головы закрыта головой козла), удерживает его левой передней лапой за грудь с правой стороны. Пышная грива льва выглядывает поверх шеи козла. Козел, придавленный тяжестью нападающих хищников, из последних сил сохраняет вертикальное положение. Задние ноги подогнулись и разъехались в стороны, передние для сохранения равновесия в чуть согнутом положении жестко выставлены вперед. Бородатая голова козла, зажата в жестком львином захвате, бессильно обвисла, глаза вылезли из орбит, вывалился язык (табл. 15, 1);

б) пантера, слегка приподнявшись на задних лапах, впевнилась пастью сверху в левую часть крупа лошади, придерживая ее с другой стороны правой передней лапой за бедро. Лев, атакующий спереди, слегка приподнявшись на задних лапах, впевнился зубами в загривок лошади сверху с левой стороны, скрытой от зри-

теля, и дополнительно удерживает ее левой передней лапой за грудь. Львиная грива плотно прижата к голове. Голова лошади зажата в жестком захвате, рот ее раскрыт от напряжения, язык вывалился. Длинный развевающийся хвост поднят вверх. Лошадь, придавленная тяжестью нападающих хищников, с трудом удерживается на ногах. Схема изгиба тела, расположения задних и передних ног под тяжестью хищников почти те же, что и в предыдущем сюжете с козлом: задние ноги также разъехались в те же стороны, передняя правая нога для сохранения равновесия жестко выставлена вперед. Лошадь под напором льва вот-вот завалится на правый бок – левая нога уже утратила опору и беспомощно болтается в воздухе – она закрыта от зрителя телом льва – и только копыто выглядывает из-под подмышки хищника (табл. 15, 2).

В целом сцены терзания на сосуде выполнены в реалистичной манере с высокой степенью детализации. Хищники гладкошерстные, только у львов изображены гривы. Нижние контуры тел и конечностей всех животных подчеркнуты полосками мелкой насечки, отчасти передающими складки кожи. У пантер на телах мелкими кружками из точек изображены пятна окраса. Тело козла покрыто жесткой короткой шерстью, переданной тонкими короткими рисками. У лошади изображена короткая грива, что может быть признаком совсем юного возраста. Если же грива стриженная, это указывает на ее одомашненность и использование для верховой езды. На телах львов и лошади узкими полосами из коротких мелких насечек, по-видимому, подчеркнут мышечный рельеф, впрочем, по крайней мере на шее и голове у лошади не соответствующий реальному.

Напряжение и ярость нападающих подчеркивают прижатые гривы львов, выпирающие ребра и напряженно поднятые вверх хвосты. У всех хищников в обеих сценах подчеркнуты половые признаки самцов. Также отчетливо они обозначены у козла. Ракурс изображения не позволяет определить пол лошади.

И все же, несмотря на ряд деталей, подчеркивающих экспрессию и динамичность сцен, изображения хищников выглядят в определенной мере скованными в движениях. Вероятно, полной реализации замысла мастера помешала малая высота изобразительного фриза: ощущается неестественная придавленность изображений. Хищники нападают не сверху в яростном

прыжке, а делают это, едва оторвав передние лапы от земли, как бы играючи, не всерьез. Значительно большим динамизмом изображения отличаются терзаемые травоядные. Ощущается также дефицит пространства и по горизонтали — фриз очень плотно заполнен изображениями, нет пространственного разделения отдельных сцен, которые отчасти «наплывают» друг на друга. Действие происходит на неровной, как будто каменистой поверхности, переданной сглаженными выпуклостями разной величины, с отдельными элементами травяной растительности на них.

60. Серебряный тонкостенный килик с уплощенной круглодонной чашей с чуть загнутым внутрь краем венчика. Снизу припаян невысокий конический гладкий литой кольцевой поддон. К плечикам чаши листовидными расширениями крепятся литые изогнутые П-образные ручки, в верхней части приподнятые над краем венчика. Диаметр с ручками — 14,8, венчика — 8,6–9,2, тулова — 9,0–9,2, поддона — 3,25 см. Общая высота с ручками — 4,6, чаши с поддоном — 3,9–4,1, поддона — 0,8 см. Сохранность плохая, килик отчасти раздавлен и деформирован грунтом (табл. 21, 2; рис. 102, 2).

61. 4 узких золотых ленты, покрытые тиснением, имитирующим ткань мелкого плетения. Изготовлены из очень тонкого металла. Вдоль краев оставлена узкая гладкая полоска шириной до 0,2 см. На длинных лентах на одном из окончаний заметны поврежденные отверстия для гвоздей выпуклые изображения ов. На противоположном конце одной из лент помещена дополнительная маленькая пластинка-накладка, для предохранения от разрыва металла полосы при прибивании гвоздями из-за его тонкости. По узким краям всех пластинок поперек грубо пробиты по 2–3 отверстия для крепления гвоздями. Размеры: 6,4 x 1,2; 7,8 x 1,4; 4,1 x 1,1; 3,2 x 1,1 см (табл. 18, 3).

62. Большой массивный железный П-образно изогнутый гвоздь с круглой шляпкой и заостренным концом. Сечение прямоугольное, размерами 0,9 x 0,8 см. Диаметр шляпки 2,5 см, длина по изгибам = 6,0+5,5+3,0 см. На поверхности видны следы дерева (рис. 104, 3).

63. Железный наконечник копья с коротким массивным широким листовидным пером, листовидным в сечении, конической втулкой с валиком по краю. Общая длина — 39,8, длина пера — 27,0, ширина — 5,5, диаметр втулки — 3,7 см (рис. 103, 2).

64. Железный наконечник копья с длинным узким листовидным пером, с максимальным расширением в первой трети длины, короткой конической втулкой с валиком по краю. Длина 54,0, длина пера 44,5, диаметр втулки 2,3 см. К основанию втулки прикреплена маленькая коническая железная ворварка от завязок чехла наконечника с диаметром оснований 0,3 и 1,3, высотой 0,6 см (рис. 103, 4).

65. Железный наконечник дротика с треугольной головкой, короткими, отходящими в стороны жалами, длинным массивным, расширяющимся к основанию стержнем, частично обломанной конической втулкой. Общая длина 42,5 см, размеры головки 6,4 x 2,6 см (рис. 103, 6).

66. Наконечник дротика аналогичного типа. Общая длина 47,2 см, размеры головки 6,8 x 2,4 см, диаметр втулки 2,7 см. По краю втулки заметно слабое валикообразное утолщение (рис. 103, 7).

67–70. Железные подтоки древков копий и дротиков. 3 из них однотипные — рюмкообразные, с глухим расширяющимся основанием. Их размеры: длина 10,4, 12,8 и 10,8 см, верхний диаметр 2,0, 1,7 и 2,7 см, средний 1,4, 1,45 и 2,0 см, нижний 2,1, 2,0 и 2,8 см. Четвертый подток — конический, сужающийся к нижнему глухому концу. Длина 15,8, диаметры 2,1 и 1,5 см. Во всех подтоках внутри сохранились пропитанные окислами остатки деревянных древков (рис. 103, 1, 3, 5, 7).

71. Колчанский набор № 1. 64 бронзовых втульчатых наконечников стрел трех типов: а) 13 экземпляров трехлопастных с ложками до острия, чуть выступающей втулкой, заостренными шипами лопастей. Длина до 3,9 см (рис. 101, 1); б) 39 трехгранных с треугольной головкой, чуть выступающей втулкой, заостренными шипами граней, расположенными вровень с обрезом втулки. В нижней части граней помещен П-образный ложок на 1/3 высоты головки. Часть наконечников в одном из ложек имеет тамгообразный знак в виде рельефной поперечной полоски. Длина 3,1–3,5 см (рис. 101, 2–3); в) 12 трехгранных со сводчатой головкой, скрытой втулкой, слегка опущенными ниже основания втулки остриями граней. На гранях заметны неясные мелкие углубления, в основании расположены небольшие П-образные выемки. Длина 2,9–3,1 см (рис. 101, 4–6). Во втулках сохранились остатки деревянных древков длиной до 1,5 см. На расстоянии 1 см от наконечника на них красной краской

нанесен узкий кольцевой поясок шириной 1 мм. В отдельных случаях выше или ниже пояска отмечены следы окраски черной краской (рис. 101, 5).

72. Колчаный набор № 2. 37 втульчатых бронзовых трехгранных наконечников стрел со сводчатой головкой двух типов: а) 21 экземпляр с выступающей втулкой, П-образными ложками до половины высоты головки, заостренными концами граней. Длина 3–3,5 см (рис. 101, 9–11); б) 16 экземпляров со скрытой втулкой и чуть опущенными острыми гранями. На гранях внизу небольшие П-образные выемки. Длина 2,8–3,4 см (рис. 101, 12–13).

73. Колчаный набор № 3. 36 бронзовых втульчатых наконечников стрел одного типа: трехгранные со скрытой втулкой, аналогичные по форме и размерам типу «б» из предыдущего колчана (рис. 101, 7–8).

74. Колчаный набор № 4. 21 экземпляр бронзовых втульчатых наконечников стрел одного типа: трехлопастные с длинной выступающей втулкой, ложками до острия, заостренными концами лопастей. В одном из ложек имеется тамгообразный знак – три косых рельефных полосы. Длина 4,4–4,6 см (рис. 101, 14–16).

75. Колчаный набор № 5. 32 бронзовых втульчатых трехгранных наконечника стрел с фигурными П-образными ложками в нижней части граней. По форме и размерам аналогичны наконечникам типа «а» из колчанного набора № 2. Во втулках сохранились остатки деревянных древков до 6 см в длину. На древках на расстоянии 1 см от наконечника красной краской нанесен узкий кольцевой поясок шириной 1 мм. Ниже древко окрашено коричневой краской (рис. 101, 20–21).

76. Золотые и серебряные бусы одной формы – биконическая полая бусина с округлыми тонкими валиками вокруг отверстий. И в золоте и в серебре по размерам выделяется по две разновидности. Золотые: крупные, размерами 1,3 x 1,2 см, с отверстием диаметром 0,5 см (10 экземпляров); мелкие, размерами 1,0 x 0,95 см, с отверстием диаметром 0,4 см (10 экземпляров). Серебряные: крупные, размерами 1,2 x 1,1 см, с отверстием диаметром 0,3 см (8 экземпляров); мелкие, размерами 1,0 x 1,0 см, с отверстием диаметром 0,2 см (12 экземпляров) (рис. 100, 1).

77. Золотые конические ворварки двух разновидностей: а) 5 конических полых ворварок. Диаметры 1,2 и 0,5 см, высота 0,5 см;

б) 5 конических костяных ворварок, обтянутых золотым покрытием. Диаметр 1,2 и 0,5 см, высота 0,4–0,5 см.

78. Бронзовая крестовидная литая застёжка колчана с короткой перпендикулярной трубчатой втулкой посредине со сквозным отверстием. В отверстии сохранились остатки деревянного стержня. Размеры 2,6 x 2,6 x 0,15 см, диаметр втулки 0,8 см, ее высота 0,2 см, диаметр отверстия 0,4 см (рис. 104, 8).

79. Серебряная массивная коническая литая ворварка. Диаметры оснований 0,6 и 1,3 см, отверстием – 0,3, высота – 0,6 см.

80. 40 мелких серебряных бусин (5 в обломках) в виде свернутой в колечко литой профилированной пластинки с выделенными ободками по краям и рельефным угловатым выступом посредине. Размеры 0,6–0,7 x 0,6 см (типа рис. 111, 7–10).

81. 6 крупных серебряных бусин (4 в обломках). Биконические, полые, боченковидные, с округлыми валиками по краям вокруг отверстий. Размеры 1,3 x 1,3 см (рис. 104, 9).

83. Крупное серебряное круглое в сечении кольцо. Свернуто из полой трубки и спаяно. Заметен паечный шов. Диаметр 2,8 см, диаметр сечения 0,5 см.

84. 2 круглые серебряные плоские бляхи диаметром 5,45–5,65 см с перпендикулярно загнутым внутрь бортиком высотой 0,45 см. На обороте через сквозные отверстия серебряными заклепками крепились бронзовые пластинчатые петли, разрушенные окислением (типа рис. 114).

85. Железная прямоугольная подпружинная пряжка из круглого в сечении прута. Разрушена коррозией. Длина продольной стороны 6,0 см.

86. Коническая полая серебряная ворварка. Диаметры оснований – 2,4 и 0,9 см, высота 0,5 см.

87. Серебряная дужка из двух фрагментов прямоугольной в сечении пластинки. Размеры сечения – 0,45 x 0,15 см, длина фрагментов – 1,9 и 2,1 см.

88. Фрагмент линзовидного в сечении пера длиной 3,6 см и конической втулки с разъемом по всей длине железного наконечника копья. Длина втулки 10,0 см, диаметр основания 2,1 см (рис. 111, 1–2).

89. Бронзовая тонкая круглая выпуклая бляха имеет 4 крестообразно расположенных отверстия по краям. Диаметр 7,2 x 7,5 см, высота прогиба 1,0 см. Диаметр отверстий 0,3 см (рис. 111, 3).

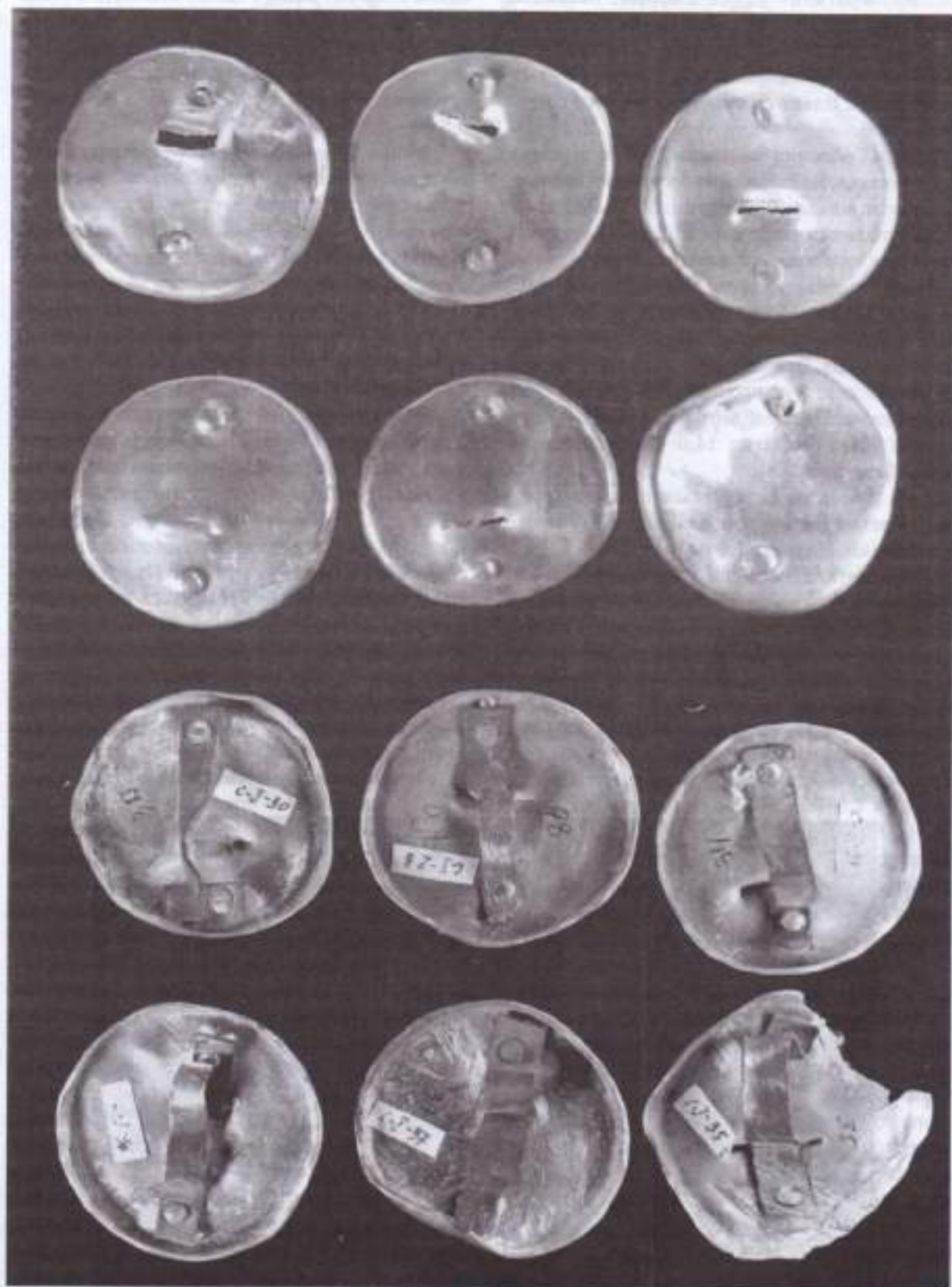

Рис. 114. Соболева Могила. Погребение № 3. Крупные серебряные уздечные бляхи на тайника № 1

90. Фрагмент ручки амфоры, овальной в сечении. Слабо изогнута по длине. Тесто светло-коричневое с большим количеством черного песка, слюдянистых и мелких белых включений. Идентично тесту амфоры из погребения № 6.

91. 42 обломка железных скоб от деревянного заклада. Подавляющее большинство фрагментов принадлежит крупным П-образным прямоугольным скобам с одним расклепанным концом в виде шляпки и вторым заостренным. Сечение прямоугольное. Ширина скоб 4,0–5,0 см. Среди скоб присутствуют две специфические широкие пластины, также соединявшие доски заклада. Эти пластины согнуты пополам (в обхват досок) и прошиты по длине двумя заклепками. На последних сохранились следы дерева. Длина пластин 14,0–15,0, ширина – 3,0–3,6 см (рис. 108).

92. 86 золотых круглых гладких полусферических пуговиц с напаянными на обороте петельками. Диаметр 1,0 см (рис. 109).

93. Детали костяного наборного гребня греческого типа представлены двумя разновидностями. 3 прямоугольных пластины, клиновидных в сечении, слабо изогнутых по длине с лапированной лицевой стороной. На обороте на двух из них на окончаниях сделаны прямоугольные выемки шириной 1,9–2,2 см (на

одной пластине лишь с одного конца) для более плотного прилегания к боковине. С оборотной стороны поверхность пластин на концах – в местах приклеивания – дополнительно продарана. Размеры: 10,5 x 1,75–1,85 x 0,1–0,5 см.

Узкая боковина имеет расширяющиеся секироподобные окончания-лопасти. В гребне таких пластин должно быть две. В утолщенной середине боковины с обеих сторон вырезаны выемки длиной 4,3 см, в которые вкливались поперечные пластины, которых в полном комплекте деталей гребня должно быть четыре. Между последними крепились зубья гребня. Размеры боковины: 14,15 x 1,0–2,65 x 0,2–0,65 см (рис. 110).

94. Серебряный тонкостенный килик с глубокой чашей с загнутым внутрь краем венчика, на литом профилированном кольцевом поддоне. П-образные изогнутые литые ручки высоко поднимаются над чашей. Крепятся к корпусу чаши двумя листовидными расширениями. На одной из ручек снизу, на утолщениях, имеется по два неглубоких поперечных надреза. Внутри поддона на внешней поверхности чаши среди многочисленных беспорядочных царапин, нанесенных острым предметом, просматривается графито «А». Общий диаметр с ручками – 17,3, венчика – 9,6–10,2 см, туло-

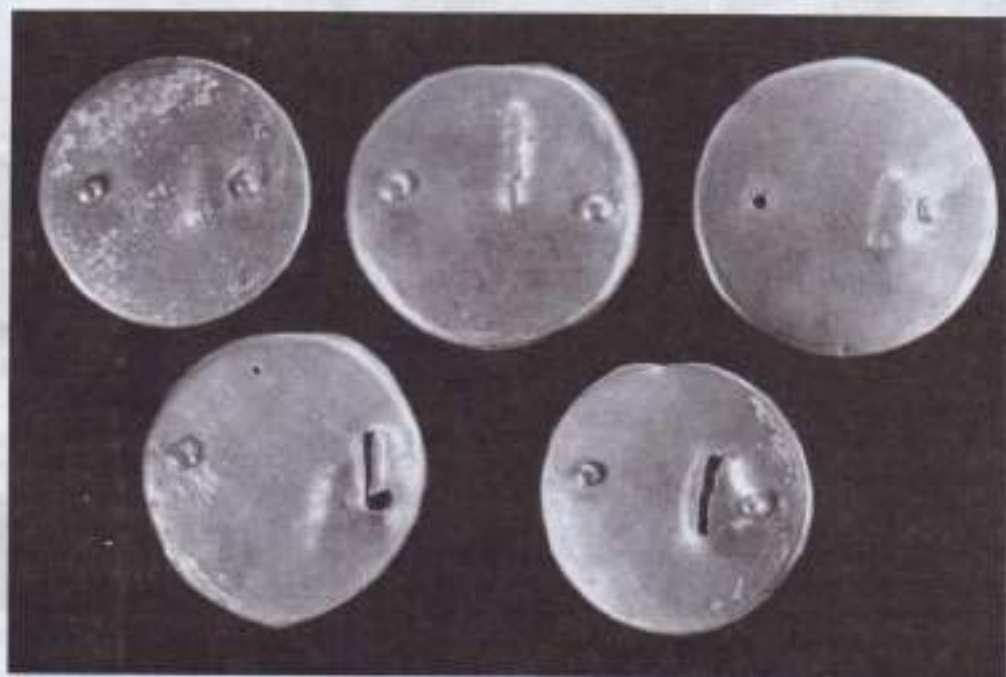

Рис. 115. Соболева Могила. Погребение № 3. Меньшие серебряные узелчатые блики из тайника № 1

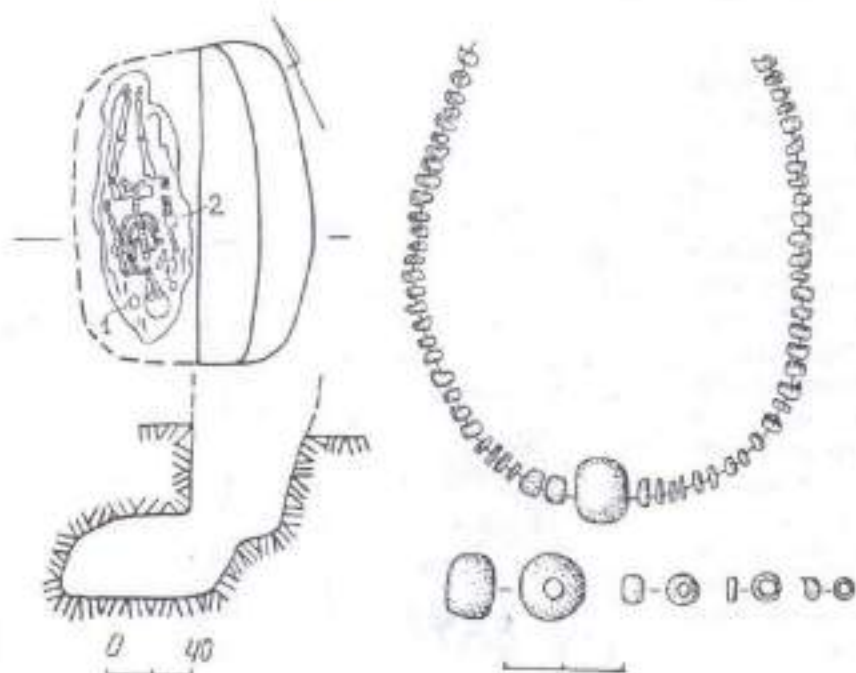

Рис. 116. Соболева Могила. Погребение № 4

1 - серьги; 2 - браслеты из бусин

ва - 10,9 см, поддона - 3,55 см. Общая высота с ручками - 7-7,9, чаши с поддоном - 5,0 см, поддона - 0,65 (рис. 102, 1; табл. 21, 1).

95-98. 4 массивных серебряных нахрапника с фигурными плоскими щитками, разделенными на две части и украшенными по краю гравировкой из коротких поперечных нарезок. На щитках посредине размещены скульптурные объемные изображения голов грифонов на длинных толстых шеях, с большими ушами и широко разинутой зубастой пастью. В основании шей находится крупные круглые поперечные отверстия диаметром 0,65-0,85 см для крепления на ремне оголовья. Кроме того, на двух нахрапниках на верхней лопасти щитка проделаны мелкие круглые отверстия диаметром 0,2-0,3 см. Степень проработки изображений голов грифонов на разных нахрапниках различная, поскольку каждый был изготовлен в индивидуальной форме по методу литья по восковой модели с утратой формы (табл. 21, 3, 4f, 5).

95. Нахрапник № 1. Здесь у грифона проработан прямой нос, показан язык. Сзади между ушами имеется рельефный треугольный выступ. На нижней лопасти щитка основания в средней части на чистом поле по обе стороны от основания шеи грифона процарапано по букве: «Ф» и «О». Размеры щитка 2,7-3,4-3,95 x 6,3 см. Высота головы грифона с шеей 2,95 см.

96. Нахрапник № 2. У чудовища кривой нос, между ушами сзади имеется рельефный

выступ. На тех же местах, что и на предыдущем налобнике, слабо процарапаны литеры «О» и «О». Размеры щитка 3,05-3,55-3,7 x 6,55 см. Высота головы с шеей 2,9 см.

97. Нахрапник № 3. Грифон имеет нос с горбинкой, показан язык и зубы. Правое ухо изгнуто внутрь. На обороте щитка основания имеется косая глубокая бороздка, нанесенная острым предметом - след преднамеренной порчи. Размеры щитка 2,95-3,55-4,3 x 6,7 см. Высота головы с шеей 2,9 см.

98. Нахрапник № 4. В процессе «умерщвления» был разрублен на три части и смят. На нижней лопасти щитка основания процарапаны две буквы «О» и «О». Вторая буква видна плохо из-за повреждений поверхности окислами. Не исключено и иное прочтение (табл. 21, 3).

99. 6 серебряных нащечников в виде массивных фигурных подпрямоугольных пластин с треугольными и фигурными прорезными отверстиями. Нашечники по краям и вокруг отверстий украшены гравированным орнаментом в виде узкой полоски поперечных нарезок. Поперек пластин вдоль верхнего и нижнего краев, а также посредине с оборотной стороны выдавлены округлые бугорки-жемчужины, на лицевой стороне по окружности подчеркнутые точечным пуансонным орнаментом. Имеется по 3 бугорка внизу и посредине и по 2 вверху по краям. В верхних углах пластин с помощью фигурной обрезки внешнего контура и фигурных прорезных отверстий, гравированного,

жемчужного и пунсоного орнаментов изображены стилизованные головки животных (пантера?), склоненные в противоположные стороны. На обороте всех пластин возле верхнего и нижнего краев заклепки через сквозные отверстия прикреплены по две поперечные прямоугольные петли из полос шириной до 1,0 см, рассчитанные на ширину уздечного ремня до 1,2 см. На четырех налобниках петли изготовлены из бронзы, на двух — из железа. 5 нащечников имеют следы преднамеренной порчи — грубо обломаны одна или две головки животных или часть пластины до 1/3 величины. Размеры 6,6–6,8 x 11,1–11,2 см (рис. 113; табл. 21, 4, с. d).

100. 8 круглых серебряных плоских блях малого диаметра. 3 из них представлены неполными фрагментами. По краям загнут прямой бортик высотой до 0,45 см. С обратной стороны заклепками через сквозные отверстия крепятся прямоугольные бронзовые петли из тонкой пластинки шириной 0,75 см под ремень шириной до 1,3 см. Все бляхи имеют преднамеренные повреждения — петли разрублены или сорваны, с обратной стороны нанесены пробойны орудием типа стамески шириной 1,1 см, имеются следы рубящих ударов, а также ударной деформации. Размеры блях 4,25–4,8 x 4,35–4,85 см (рис. 115).

101. 13 серебряных блях аналогичной конструкции большего размера. 2 из них представлены неполными фрагментами. Все бляхи

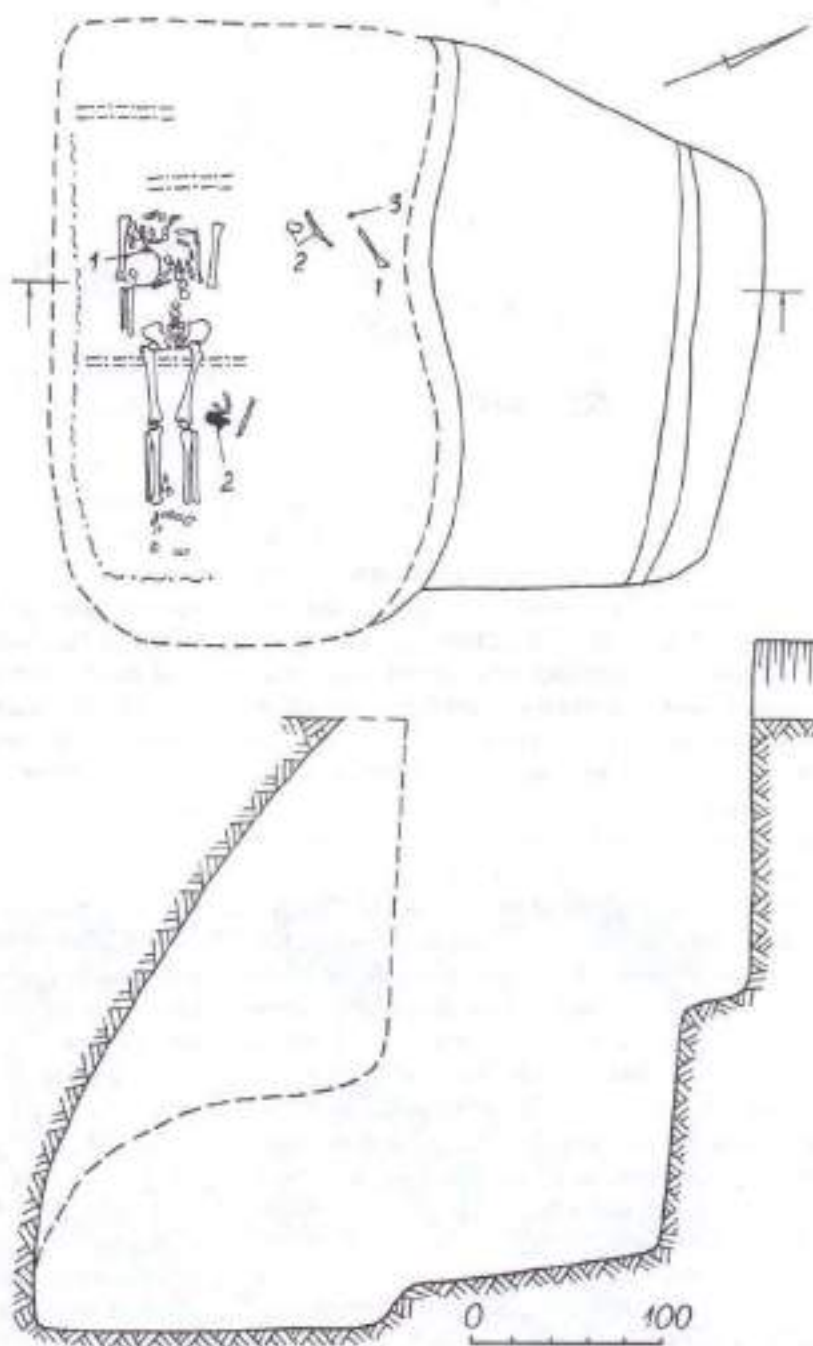

Рис. 117. Соболева Могила. Погребение № 5
1 — втск конья; 2 — обломки меча; 3 — наконечники стрел

имеют аналогичные следы преднамеренной порчи. Диаметр 5,3–5,7 см (рис. 114).

102. 8 серебряных ворварок, с одной стороны разрубленных и деформированных. Представлены двумя типами. 4 полых конических, изготовленных из полоски металла шириной 0,7–0,8 см. 4 массивных литых, уплощенно-сегментовидных, с вышуклыми боками. Диаметры оснований соответственно 2,0–2,35 и 0,75–1,15 см. Высота всех ворварок 0,4–0,5 см.

103. Серебряные серьги в виде проволочного кольца в полтора оборота с заостренными концами диаметром 2,3 x 2,4 см. Фрагментированы. На одной из них надета голубовато-зеленая кольцевидная глазчатая бусина размерами 1,2 x 0,6, диаметр отверстия 0,4 см.

104. 60 бусин, среди которых выделяется одна крупная округлая, слегка сплюснутая с боков бусина размерами 1,05 x 1,35 см. Диаметр отверстия 0,4 см. Поверхность скрыта патиной, цвет неясен. Остальные бусы мелкие

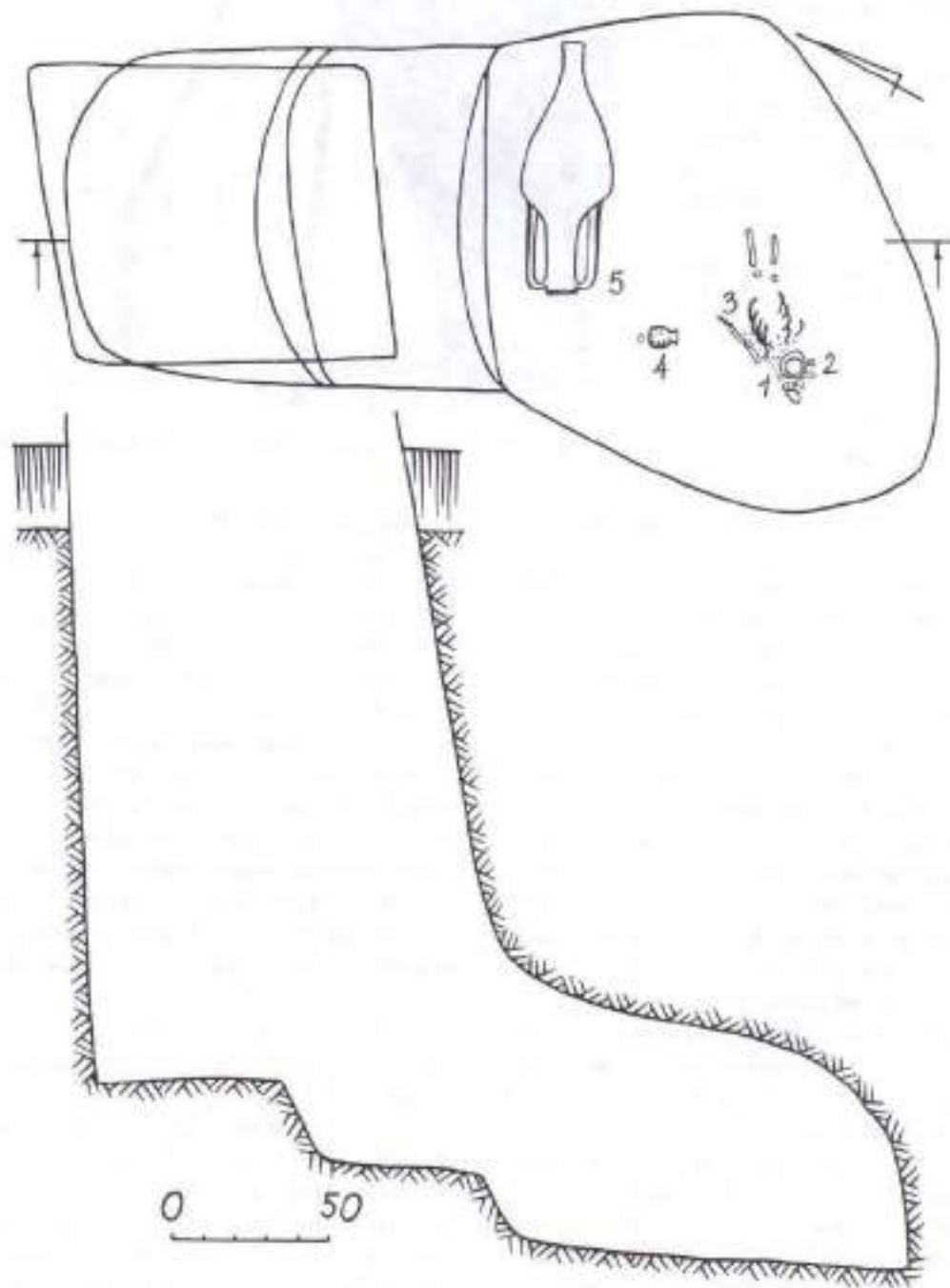

Рис. 118. Соболева Могила. Погребение № 6

1 – золотая гринья; 2 – золотая серьга; 3 – обрывки лопастной фольги; 4 – серебряный кубок; 5 – амфора

кольцевидные, неправильных очертаний. Среди них 3 желтых размерами 0,6 x 0,2–0,4 см, 9 белых размерами 0,45–0,5 x 0,1–0,2 см и 47 коричнево-черных размерами 0,45–0,5 x 0,2–0,35 см (рис. 116).

105. Фрагмент конической втулки железного наконечника копья, пробитой насквозь поперечным штырем, с помощью которого наконечник крепился на древке. Длина 5,2 см, диаметр основания 2,4 см (рис. 111, 6).

106. Коническая втулка железного наконечника дротика. Сохранившаяся длина 12,8 см, диаметр основания 1,6 см (рис. 111, 5).

107. Длинный треугольный в плане клинок железного меча, линзовидный в сечении. Рукоять обломана. На поверхности сохранились следы дерева от ножен. Длина 31,5 см, максимальная ширина 3,8 см (рис. 111, 4).

108. 2 сильно корродированных бронзовых втульчатых наконечника стрел.

109. 5 серебряных мелких бусин из свернутой в колечко литой профилированной пластины с выступающим гребнем посередине и угловатыми валиками по краям. Заметны следы пайки. Размеры 0,6 x 0,8 см, диаметр отверстия 0,45 см (рис. 111, 7–10).

110. Золотая литая спиральная гривна, свернутая в 2 и 1/3 оборота. Изготовлена из тонкого гладкого круглого в сечении прута диаметром 0,22 см. Окончания украшены стилизованными удлиненными головами животных неопределенного вида. Морды зверей завершаются широкими прямоугольными носами. К загривку плотно прижаты длинные уши. За головами стержень гривны украшен кольцевыми бороздками – 8 с одной и 10 с другой стороны. Размеры фигурок 2,2 x 0,5 см. Диаметр гривны 8,0 x 8,6 см (табл. 22, 2).

111. Тонкая проволочная золотая серьга в виде гладкого кольца с сомкнутыми заостренными концами. Диаметр сечения 0,1–0,2 см. Общий диаметр 2,5 x 2,6 см. На кольцо с помощью соединительного проволочного колечка подвешена полая подвеска с двусторонним изображением человеческой головы, спаянная

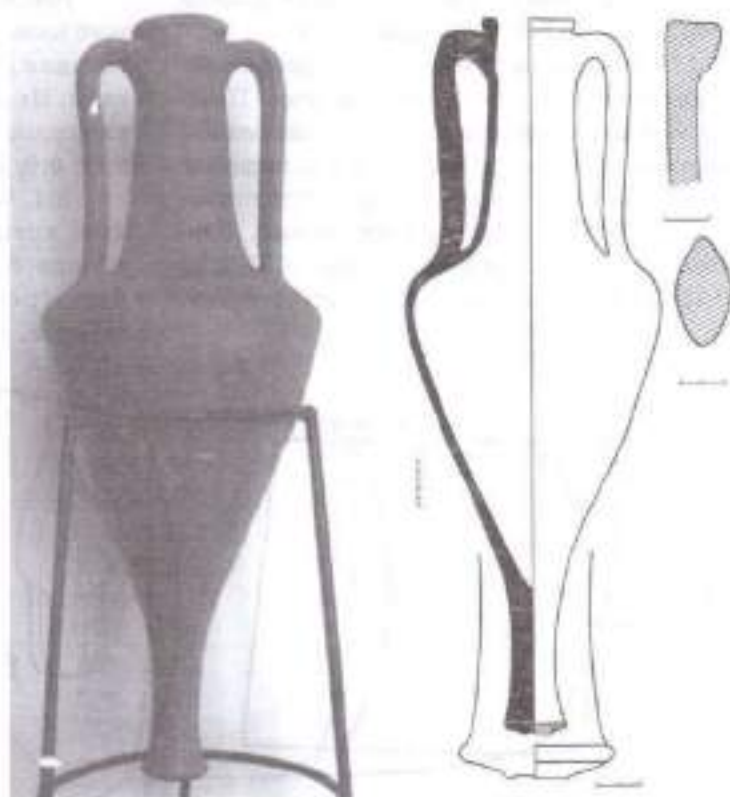

Рис. 119. Соболева Могила. Амфора из погребения № 6

из двух половинок. Пол изображенного веясея. Короткие волосы, зачесанные прямо на лоб, переданы прямыми рельефными рубчиками. Выпуклками с углублениями посередине изображены уши (табл. 22, 3).

112. Серебряный кубок с высоким цилиндрическим горлом, отогнутым наружу венчиком, с округлыми туловом и дном. На переходе шейки в плечико сосуд украшен выпуклым, прочеканным изнутри, горизонтальным гладким валиком шириной 0,65 см, ограниченным снизу двумя прочерченными линиями. Чуть ниже прочерчена еще одна горизонтальная линия, под которой размещен орнаментальный ряд из ов, прочерченных резцом. Сосуд имел кольцевой поддон в виде литого профилированного кольца. Размеры сосуда: высота 9,1 см, диаметр венчика 5,5 см, шейки – 4,32 см, тулова – 8,6 см. Размеры поддона: внешний диаметр 3,3 см, внутренний – 2,25 см, высота 0,45 см (табл. 22, 1).

113. Амфора с рюмкообразной ножкой производства Меанды. На верхней части ручек и под венчиком сохранились следы красной краски. Тесто плотное, приятного терракотового оттенка. Заметны обильные примеси черного, белого и серого песка с большим числом

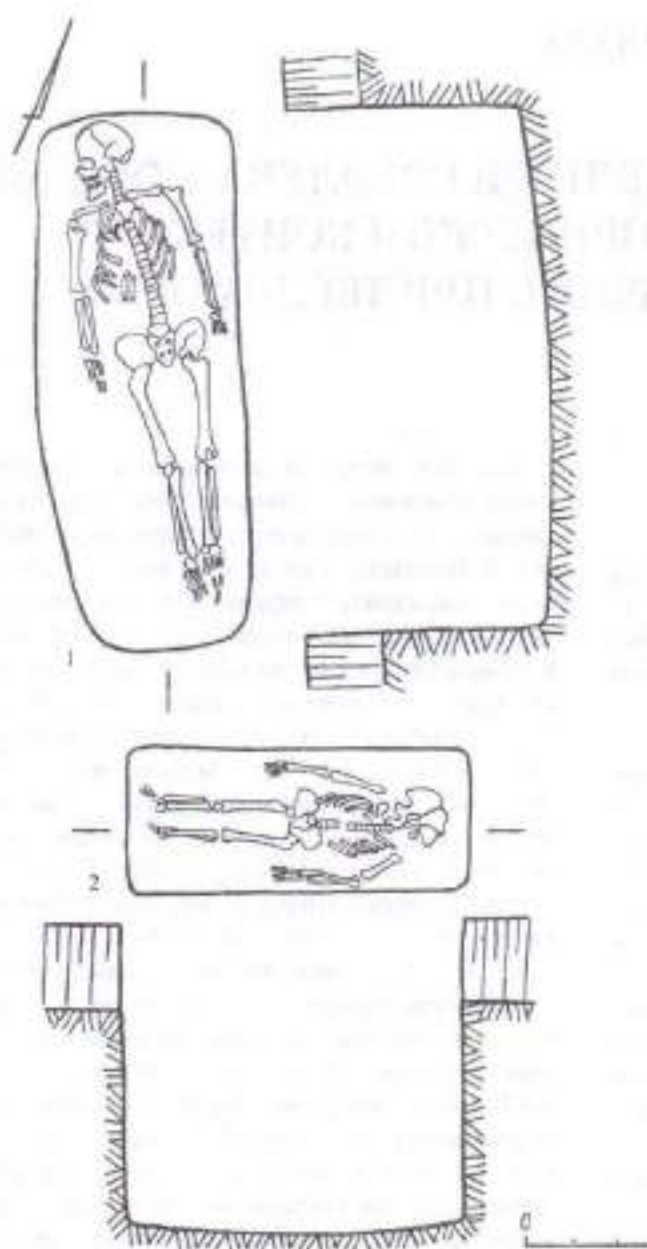

Рис. 120. Соболева Могила.
 Сопровождающие захоронения № 7 и № 8
 1 - погребение № 8 («позволокерший»);
 2 - погребение № 7 («вестник»)

мелких слюдянистых включений. Высота амфоры 79,1 см, высота верхней части от ребра 29,8 см, диаметр венчика: внешний - 10,6 см, внутренний - 8,5 x 7,6 см, тулова - 28,4 см, глубина емкости - 62,8 см (рис. 119).

114. Серебряная серьга в виде крупного гладкого проволочного кольца с заостренными, чуть заходящими концами. Диаметр 3,8 см. Диаметр сечения 0,25 см. К ней на круглом припаянном ушке из двойной проволоки (диаметр 0,07 см) подвешена округлая полая серебряная подвеска, сплюснутая и пробитая острым предметом.

115. Бронзовая сережка в виде проволочного колечка диаметром 1,45 x 1,6 см с ровно обрезанными сомкнутыми концами. Диаметр сечения 0,15 см.

КУРГАНЫ ВОДЯНА, БАБИНА И СОБОЛЕВА МОГИЛЫ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ДРЕВНОСТЕЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

4.1. О КУРГАНАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

«С тех пор как мы выехали... два месяца мы никогда не лежали в доме или в палатке, но всегда под открытым небом или под вашими повозками, и мы не видели никакого селения и даже следа какого-нибудь строения, где было бы селение, кроме огромного количества могил...» Так писал монах-минорит Гильом де Рубрук, посланник Людовика IX к Мянгу-хану, проезжавший причерноморскими степями в 1253 г. [Путешествия, 1957: 104]. Эти слова очень точно передают ощущения человека, впервые попавшего в степь: бескрайние безлюдные просторы и неисчислимое множество курганов.

Слово «курган» имеет тюркское происхождение и переводится как круглая могила, могильный дом, могильная насыпь, холм, укрепление. Отмечено территориальное совпадение распространения названия «курган» с территориями, некогда подвластными татарам [Келлен, 1908-Б: 10; Терещенко, 1853-А: 4, прим. 3; Черняков, 1993: 5].

По мнению А.С. Уварова, «курган» из всех обозначений погребальных насыпей является самым молодым, поскольку встречается в грамотах не ранее XVI в. Впервые употреблено в Новгородской летописи под 1224 г. в значении «городище», укрепление. Древнее название, бытовавшее в летописях с 945 г., – «могила» [Уваров, 1873: 6–7].

В процессе освоения присоединенных после русско-татарских войн земель Новороссии, заселявшихся в конце XVIII – начале XIX вв. различными группами украинского и русского населения, происходило «оживание» в новый, чуждый для большинства новоселов, степной ландшафт, «осмысление» новой окружающей среды. Курганы, или как их называли на Украине – могилы, являющиеся неотъемлемой и едва ли не основной деталью степного

ландшафта, не могли не привлечь внимания новых поселенцев. Предполагалась их глубокая древность – со времен потопа [Новицкий, 1908: 75]. В Приазовье курганы считали могилами неких «мамаев», живших в давние времена [Миллер, 1934: 162]. Осмысление происходило и в более близких временных рамках – интерпретация курганов как «казацких», «татарских», «турецких» или «шведских» могил [Черняков, 1993: 5]. И в ученом мире знания о курганах не отличались глубиной. На основании беглых упоминаний в русских летописях долго бытовало представление исключительно о половецкой принадлежности курганов [Келлен, 1908-Б: 36–37; Эварницкий, 1885: 718].

Среди различных типов археологических памятников курганы являются едва ли не самым массовыми. Они известны на всей территории Старого Света, существуют также и в Северной Америке. Традиция сооружения надмогильных сооружений в виде насыпных холмов – курганов – возникла в украинской степи и южном пограничье лесостепи очень давно – с началом широкого освоения степи, с выходом на степные просторы подвижно-оседлых скотоводов в IV тыс. до н. э. Древнейшие курганы наших степей являются современниками египетских пирамид.

Наибольшее количество курганов сосредоточено в степях Евразии и прилегающих районах лесостепи и предгорий. Особенно богато курганами Северное Причерноморье. Их общее количество в украинской степи неизвестно, поскольку полный учет не проведен и по сей день. По данным И.Т. Чернякова, в степях Украины насчитывается около 150 тыс. курганов [Черняков, 1993: 5]. По подсчетам С.Ж. Пустовалова, только в пределах Крымской АР, Николаевской, Херсонской, Запорожской и Днепропетровской областей количество курганов должно составлять около 139 тыс. [Пустовалов, 1997: 41–42].

Однако и эти расчеты представляются неполными. В целом среди курганов преобладают малые высотой до 1–2 м и диаметром до 20–30 м. Именно они подвергаются быстрому разрушению вследствие постоянной распашки, ежегодно уменьшающей высоту курганов на 5–10 см. И уже через 20 лет распашки большинство таких курганов практически сравнивается с землей. Этот процесс начался давно. Д.Я. Самоквасов при раскопках курганного могильника у с. Яблоновка на Киевщине в 1876 г. отмечал, что из более 100 курганов за 60 лет постоянной распашки сохранилось только 11 наиболее крупных насыпей [Самоквасов, 1908: 115]. Л.Д. Дмитров, осмотревший курганы к югу от линии Чертомлык – Каменские кучугуры в 1935–1936 гг., отметил отсутствие части памятников, отмеченных на карте XIX в. [Дмитров, 1950: 157]. На Белокипяжеском поле возле г. Василькова на Киевщине в середине XIX ст. насчитывалось около 400 курганов. В 1949–50 гг. здесь осталось только 4 больших и несколько распаханных мелких курганов [Тереможкин, 1954: 80].

«Простояв века и тысячелетия на целинных степях неприкосновенными, за последнее столетие под влиянием быстрого заселения края и ежегодно увеличивающихся запашек они быстро уменьшаются в размерах, и так же быстро уничтожаются на наших глазах под постоянным действием плуга, как быстро тает зимний снег от теплого весеннего ветра. Исчезающие курганы составляют большинство наших курганов; они скоро исчезнут с лица земли, и наука навсегда лишится в них материала для своих исследований и выводов» [Скадовский, 1897: 77]. Это написано в XIX ст., при сравнительно небольшой доле распахиваемых степных территорий простыми плугами на животной тяге. Что же говорить о нынешних временах, когда сплошная распашка степей с помощью мощных тракторов ведется на протяжении последних 50 лет? Реальный процент уничтоженных курганов может быть намного значительней.

Это становится очевидным на примере Орджоникидзевого региона, в географическом отношении охватывающего низовья междуречья Соленой и Чертомлыка. Здесь с 1964 г., в зоне добычи марганца в тесном содействии с ОГОбом, постоянно работает экспедиция Института археологии НАНУ, благодаря чему этот район максимально полно обследован в археологическом отношении. Площадь его

составляет около 200 км². В результате постоянно проводимых здесь разведок и раскопок обнаружено и в значительной мере исследовано около 300 курганов высотой от полностью уничтоженных распашкой до 9 м. Территория Днепропетровской обл. составляет 31 900 км² [Географический словарь, 1989: 155]. Несложный расчет показывает, что число курганов в ее пределах может составлять 40–50 тыс. Для сравнения – в середине XIX ст. П. Бурачков на территории треугольника Кизбура – р. Каланчак – Каховка, занимающего около 7 тыс. км², что составляет около четверти площади современной Херсонской обл., насчитывал до 20 тыс. курганов разной величины [Бурачков, 1875: 55].

На сегодняшний день сохранилось достаточно много курганов высотой 3–5 м. Как правило, такие курганы не распахиваются, и в целом они сохраняются намного лучше более мелких. Но и эти курганы не застрахованы от уничтожения в результате хозяйственной деятельности, чему имеется достаточное количество примеров. Значительно реже встречаются курганы высотой 7–12 м и предельно редки более крупные. В XIX – начале XX в. были исследованы 20-метровые гиганты – царские скифские курганы – Александропольский курган (Луговая Могила), Чертомлык, Огуз и Солоха. Единственный подобный курган на территории степной Украины, сохранившийся до наших дней, – скифский курган Нечаева Могила у с. Лебединское Никопольского р-на Днепропетровской обл. имеет высоту 14–15 м и диаметр 110–115 м [рис. 125; Пояснительная записка, 1966: 1–2].

В литературе упоминаются большие курганы в степях от Днестра до Молочной. В междуречье Днестра и Южного Буга отмечены такие курганы у с. Велкодолинское высотой 10–12 м, у с. Колосовка – два кургана высотой 19–21 м, вблизи г. Николаева – курган высотой 25,5 м, у с. Покровка – высотой 13 м [Фабрициус, 1951: 41, 55, 78, 98, № 64, 118, 171, 212]. Относительно курганов возле Николаева есть и другие указания: «...в пригор. Березнеговатом один курган в северной стороне, вышиной 22 саж. 2 арш... на В от него (в 104 саж.) еще большой курган (18 саж. вышиной)... в пригор. Висунске близ дороги ведущей из Висунска в Николаев (в 5 вер. от последнего), по правую сторону... курган (вышней 12 саж. 2 арш.)...» [Сведения, 1903: 91–92]. В 1902 г. в Елисаветградском уезде Херсонской губ. в Ольгопольской волости

на земле К.Д. Москопуло Н.С. Ковалев раскопал огромный курган эпохи бронзы высотой в 12 сажен [Раскопки, 1902: 111–112; Исследования 1903: 254–255]. Скифский курган Черверская Могила, подобный Александрополю по наличию крепиды и внешнего вала, высотой более 11 сажен, отмечен у с. Раздеришино Верхнеднепровского уезда в 10 верстах от Александрополя [Лазаревский, 1894: 45]. Д.И. Яворницкий описал огромную Толетую Могилу у с. Спасское Новомосковского уезда на берегу р. Кильчени – 500 сажен по окружности и диаметром 170 сажен через вершину [Яворницкий, 1907: 110]. «Превеликую могилу просто большим курганом называемую, которая однако кроме своей величины ничего особенного не имела», видел В. Зуев по дороге от Кичкаса верстах в 10 в сторону Томаковки после переезда р. Хортицы, «в трех верстах вправо» [Зуев, 1787: 261]. Южнее Екатеринослава у хут. Волосского в уроч. Могиля А.В. Терещенко осматривал высокую могилу, «ниже Александропольской» [Терещенко, 1853-А: 23], называвшуюся Рябой Могилой [Скальковский, 1885: 158, примеч.1]. В.Н. Ястребов отметил очень высокую Большую Могила близ д. Камышеваго Едиссаветградского уезда, а также Цареву Могила близ Кривого Рога высотой 12 саж., большие курганы близ Гречановки (Ивано-Петровское) на Ингульце, близ д. Дудчиной на Днепре и по дороге из с. Бокового в Кривой Рог Херсонской губ. [Ястребов, б/г: 6]. На Нижнем Днепре у с. Троицкое Вознесенский курган, по рассказам местных жителей, имел высоту около 30 сажень [Григоревич, 1874: 36].

Учитывая произвольный характер перечисленных измерений, «на глазок», трудно сказать, насколько реальны эти сведения. Заслуживают внимания сведения о разрушении скифского кургана высотой около 12 м возле Томаковки [Летопись, 1915: 369].

Имеющаяся информация о существующих больших курганах в степи не отличается полнотой. В низовьях Ингульца на протяжении 40 км от устья в 1928 г. зафиксировано 14 курганов высотой до 10 м [Летопись, 1929: 20]. Ряд курганов высотой 4–5 сажень отметил Н.И. Веселовский на территории Бердянского уезда [Протоколы, 1887: LXIX]. На территории Кировоградской, правобережной Днепропетровской, Николаевской областей и Крымской АР существует более 50 курганов высотой 7–12 м, относящихся к различным эпохам [Мозолевский, 1990: 126]. О крупных курганах восточной

Украины известно еще меньше, как из-за отсутствия сведений, так и сравнительной редкости памятников такой величины в этом регионе. Здесь даже курганы скифской знати имеют сравнительно скромные размеры. Двугорбая Могила в районе г. Мариуполя – 5 м [Гривалова, 1982], Передериева Могила в Донецкой области – 3,2 м [Моруженко, 1992: 68]. Бердянский курган высотой 8,4 м принадлежал к числу крупнейших в данном регионе [Болтрик, 1994: 140]. 9-метровый курган отмечен в г. Молочанске [Теренажский, 1960: 3]. На р. Калка у с. Шевченко существуют 9-метровый и несколько курганов высотой 5–7 м скифского времени [Шелко, 1998: 43]. Курган высотой 10 м, используемый под кладбище, существует у с. Прелестное Славянского р-на Донецкой обл. (информация В.А. Косикова).

Появление курганов в IV тыс. до н. э. связано с утверждением подвижного скотоводства в степи. С этого времени курганный обряд захоронения становится здесь господствующим. Для степняков курганы были не только насыпями над могилами. Возвышаясь на фоне однообразного степного ландшафта, они обозначали территории отдельных групп населения, служили ориентирами при перекочевках. Курганы являлись и своеобразными храмами. Возле них время от времени собирались общины для поминовения предков, принесения жертв богам, проведения различных праздников, обсуждения и решения повседневных дел.

Первые скотоводы придавали большое значение погребальным обрядам. Об этом свидетельствуют и древнейшие курганы. По устройству могил и сопровождающим вещам в погребениях они были очень скромными, что отражало в целом невысокий уровень жизни обитателей степей. Но иногда курган окружали массивные каменные плиты или деревянные колоды, поставленные вплотную друг к другу. Вместе с насыпью кургана они составляли монументальное сооружение, возведение которого требовало значительных затрат времени и физического труда. Так хоронили вождей и других важных лиц [Брилляк, 1998: 79].

В настоящее время господствует представление о кургане как о сложном архитектурном сооружении, сформулированное М.П. Грязновым. Ни один курган не насыпался шапками и не является просто кучей насыпной земли. Каждый из них представляет собой технически сложную конструкцию, сооруженную по заранее намеченному плану из дерна, дерна и камня,

дерна и дерева или совокупности всех этих материалов. Существовала определенная технология строительства насыпей, сохранявшаяся на протяжении многих поколений. Большинство технических приемов строительства насыпей и сопутствующих конструкций, а также различные элементы курганного обряда захоронения возникают на заре курганного строительства и в той или иной степени проявляются на протяжении всего периода бытования курганов вне зависимости от этнической принадлежности народов, их соорудивших. По мнению М.П. Грязнова, практически все курганы подверглись разрушению в результате природной эрозии, ни один из них не сохранил свой первоначальный вид и размеры [Грязнов, 1960: 22–25].

Подавляющее большинство курганов имеют круглую в плане и коническую форму насыпи. Основным строительным материалом для курганов в Северопричерноморском регионе служил насыпной грунт или нарезанные куски дерна, которые как своеобразные «кирпичи» укладывались соответствующим образом. Применение дополнительных приемов – утрамбовывание склонов, их обмазка или обкладка глиной, камнем, бревнами – позволяли в какой-то мере предохранить насыпи курганов от быстрого размывания и расползания. Для курганов эпохи неолита-бронзы характерны многочисленные периодические достройки курганов – досыпки, связанные с производством новых инвентарных захоронений в существовавшие более ранние курганы. Не все курганы имели правильную округлую в плане форму. Контуры отдельных насыпей иногда реконструируются как овальные или подпрямоугольные. Односторонние досыпки-достройки курганов нарушали их симметрию и в конечном итоге превращали круглый курган в длинный [Давня Історія, 1997: 500–501, 512–513].

Древнейшие надмогильные сооружения, которые можно квалифицировать как курганы, на территории степной Украины появляются в период 4550(?)–4000 гг. до н. э. по калиброванным радиоуглеродным датировкам и относятся к скалявской группе памятников. Это очень скромные по величине сооружения в виде каменных закладок высотой всего 0,3–0,5 м, под которыми произведены захоронения в каменных ящиках, углубленных в грунт. Возможно, в это время появляются и кромlechи – кольца из камней. Предполагается, что именно на территории между Северным Кавка-

зом и Балкано-Карпатским миром протекал весь ранний этап развития степной монументальной архитектуры [Рассамаким, 1999: 58–59]. Курганы эти единичны в силу крайней малочисленности степного населения того периода, а также потому, что наземные памятники с элементами каменного строительства в степях Северного Причерноморья в подавляющем большинстве уничтожены в результате добычи камня для строительства местным населением на протяжении последних двух столетий.

Речь идет о захоронениях, практически не имевших насыпи, окруженных вкопанными плитами, сопровождавшихся аллеями менгиров у подножий курганов, и других типах памятников с каменными элементами, известных нам по материалам Казахстана, Сибири, Алтая, где они существуют по сей день. Разумеется, это не только древнейшие курганы, но и курганы, и разнообразные ритуальные сооружения различных групп населения, проживавших в наших степях на протяжении неолита – эпохи бронзы – раннего железного века вплоть до развитого средневековья.

Такие плоские курганы, окруженные вертикальными каменными плитами, видел В. Зуев у с. Свиштуново на Днестре в конце XVIII ст. [Зуев, 1787: 246]. Среди разнообразных курганов степи И.Е. Забелин выделил такие курганы в отдельный тип, что свидетельствует об их сравнительной многочисленности еще в середине XIX в., и отметил их сходство «с подобными же могилами, существующими в Сибири и в киргизкайсацких степях» [Забелин, 1865: 73].

Точно также К.Н. Липин выделил в былин. Херсонской губ. в отдельный, весьма многочисленный тип курганы, «представляющие небольшие площадки, окруженные камнями и едва возвышающиеся над окружающей местностью... не более одного аршина», и раскопал в 1873 г. два из них у дер. Анювка на р. Синюха (совр. Кировоградская обл.). Эти курганы представляли собой довольно правильные овальные площадки, обложенные камнями, едва видными из-под земли, 4 были заметны только по поросшим камням и 1 имел вид довольно большой площадки, окруженной 19 громадными камнями. Раскопки показали, что окружающие эти площадки камни являются достаточно сложными конструкциями в виде двух концентрических колец каменных плит, вкопанных в грунт, с забутовкой мелкими камнями

между рядами. Приведенные цифры дают представление о весьма небольшой величине этих курганов – высота менее 0,7 м и диаметр 5,7–6,6 м. Кроме того, по описанию К.Н. Липина, многие из обычных крупных курганов снаружи были покрыты сплошными каменными панцирями, или обложены плитами по основанию, или имели каменные вымостки на вершинах [Липин, 1881: 20–23]. Приходится с огорчением констатировать, что ничего похожего в степях Кировоградской сегодня не сохранилось.

В. Зуев возле кургана Чертомлык наблюдал «премножество... известковых камней, будто по всему полю рассыпанных» [Зуев, 1787: 246, 264]. Уже к середине XIX ст. все это исчезло, и И.Е. Забелин уже со слов местных крестьян описал только дорогу, ранее тлеющую от Чертомлыка к востоку почти на версту и обозначенную «положенными в несколько рядов камнями». Подобные дороги, по свидетельству И.Е. Забелина, отчасти еще существовали при его раскопках возле Близицы Томаковской и Слоновской [Забелин, 1865: 73]. В 50 м к востоку от Близицы Слоновской и летом 1999 г. еще лежали несколько каменных глыб до 2,5 м длины. По данным В.С. Ольховского, длина такой гряды возле Томаковской Близицы составляла 200 м, возле Чертомлыка – 1,5 км. На основании находки нескольких крупных каменных плит размером 2,0 x 1,0 м возле кургана Желтокаменка предполагается и здесь существование аналогичной гряды [Ольховский, 1991: 132, 164]. По наблюдениям И.Е. Забелина, вымостка из щебня в западном направлении существовала и возле Огуза [Фиалко, 1994: 136].

О прежнем существовании неких сооружений в виде дорог возле Чертомлыка свидетельствуют аэрофотоснимки 1974 г., где более светлым цветом грунта выделяются две прямые параллельные линии, в 50 м друг от друга, протяженностью до 750 м от кургана, точно направленные на восток, в створ с курганом Чертомлыцкая Близица. При раскопках в 1984 г. установлено, что последняя также является скифским курганом и сооружена одновременно с Чертомлыком. На краю насыпи Чертомлыцкой Близицы со стороны Чертомлыка в 1984 г. лежало несколько крупных камней до 1,5 м длиной, вероятно отмечавшие эту дорогу [Мурзин, 1984: 24]. Южнее этих «дорог», в 50 м, на расстоянии 150 м на ЮВВ от Чертомлыка, на аэрофотоснимке заметна также замкнутая

линия, ограничивающая большой овал размерами 250 x 175 м. О его назначении можно только строить догадки. Возможно, здесь находится огромный поминальный комплекс, связанный с таким грандиозным курганом, как Чертомлык. При доисследовании Чертомлыка в 1979–1985 гг. эта информация была недоступной, и описанные сооружения остались неисследованными.

М. Бухтеев также описал группу из двадцати малых с господствующим в центре большим курганом на Базавлуке, в месте пересечения его старой дорогой Никополь – Кременчуг. Вся местность между этими курганами на пространстве трех верст в то время была усеяна вкопанными или лежащими на поверхности камнями. Некоторые плиты были вкопаны вертикально вокруг курганов [Бухтеев, 1852: 538]. Это отчасти напоминает описание половецких захоронений у Рубрука – бескурганные захоронения под круглыми и четырехугольными каменными вымостками, по краям которых по странам света вкапывались четыре ментира [Путешествия, 1957: 103]. По сводке Г.А. Федорова-Давыдова, такие захоронения (тип V его классификации) известны в Южном Приуралье, всего несколько – в Нижнем Подонье, но далее к западу отсутствуют [Федоров-Давыдов, 1966: 122, табл. 10]. Как видим, до времени составления сводки Г.А. Федоровым-Давыдовым в Северном Причерноморье они просто не дожили.

Различные типы древних степных погребальных памятников с наземными каменными конструкциями в нашем регионе на сегодня, в основном, утрачены для исследований. Камень как строительный материал имел большое значение для населения, заселявшего причерноморские степи в XVIII–XIX вв. По свидетельству В. Зуева, первые поселенцы в степях Херсонщины довольствовались камышовыми постройками или землянками, которые иногда устраивались в курганах [Зуев, 1787: 237–238]. Из-за острейшего дефицита строительных материалов в степи камень добывали повсеместно – собирали на речных берегах и в степных балках, устраивали ломки камня в местах его выхода на поверхность. Не были обойдены вниманием и курганы. Из Александропольского кургана на протяжении 30 лет, вплоть до начала раскопок в 1852 г., местными поселенцами было извлечено не менее 500 куб. сажень камня [Бухтеев, 1852: 536]. А.В. Терещенко отметил выборки грунта на высоту до 6 сажень

и в основании Нечаевой Могилы, свидетельствовавшие о том, «что здесь выбирали камень, как это делалось с другими курганами» [Тереженко, 1866: 5]. С той же целью местные крестьяне раскапывали курганы и возле Нововоронцовки [Тереженко, 1853-А: 67]. Но в первую очередь подвергались разрушению любые каменные конструкции, находившиеся на поверхности. Масштабы добычи камня из курганов носили столь значительные размеры, что В.Н. Ястребов назвал это «своеобразной отраслью горноделия». По его сведениям, камень добывался из курганов по всей Херсонской губ., в особенности – по Днепру и Ингульцу [Ястребов, б/г: 18]. При современных исследованиях скифских курганов с каменными крепидами всегда отмечаются поздние разрушения крепид. Степень разрушенности прямо зависит от близости или удаленности от населенных пунктов.

В наше время наземные каменные закладки сохранились только в сравнительно труднодоступных местах, откуда вывоз камня был затруднен – на Днепровских островах, в балках, труднодоступных участках берегов и в других подобных местах. Исследования закладок на островах Таволжаном, Сурском, р. Вороная, в балке Вашмачка, ур. Круглик, у хут. Орлово показали, что под ними содержатся захоронения неолитической эпохи, эпохи бронзы, а также скифского времени [Добровольский, 1949: 180–190; Лагодовська, 1949: 159–179].

Древнейшие курганы в полном смысле этого слова, являющиеся уже серьезными монументальными сооружениями, в наших степях были созданы носителями культур энеолитического круга: постмарипольской (квитянской) и нижнемихайловской, существовавших в период 3800 (3700)–3500 (3400) гг. до н. э., а также усатовской – 3500 (3400)–3000 (2900) гг. до н. э. по калиброванным радиоуглеродным датировкам. Эти культуры территориально охватывали степную полосу между Доном и Дунаем и южное пограничье украинской лесостепи между Днепром и Северским Донцом. Здесь уже в IV тыс. до н. э. сложилась развитая традиция строительства курганов, в которых мы находим практически весь набор конструктивных элементов, получивших столь яркое развитие в курганах скифской знати во второй половине V–IV вв. до н. э.

Курганы нижнемихайловской культуры, в основном небольшие, высотой до 1,5 м, в отдельных случаях достигали 3 м. Встречаются

кострища на вершинах курганов и на периферии. Для них характерно широкое использование камня в виде кромлехов или крепид, а также в погребениях для перекрытия ям или сооружения каменных ящиков. Уже в это время появляются погребения в подбоях. Вокруг курганов устраивались кольцевые ровики с выделенными проходами, материковые выкиды из которых использовались для облицовки краев черноземных насыпей. Вдоль краев насыпей иногда фиксируются ямки, в зольном наполнении которых встречены остатки столбов, а рядом – остатки тризны в виде костей животных и фрагментов керамики. Известны также курганы-святилища со сложными каменными или столбовыми конструкциями. Высота плит кромлеха в таком кургане у с. Тамофеевка на Ингульце превышала 2,5 м. Именно с нижнемихайловской культурой связывается появление развитой и конструктивно сложной культовой архитектуры [Археология УССР, 1985: 328; Николова, 1985: 39–42; Рассамкин, 1987: 42; 1990: 64–69; 1999: 59; Давня історія, 1997: 285–289; Rassamakin, 1999: 77, 167–168].

Высоты курганов постмарипольской (квитянской) культуры в Самарско-Орельском междуречье не превышают 1,5 м. Грунт для сооружения насыпей брался у подножия, и таким образом вокруг кургана возникала кольцевая выемка. Курганы часто окружены и специальными кольцевыми ровиками ритуального характера шириной до 1,5 м, углубленными в материк до 0,5 м. Рвы имеют проходы в восточной части. Грунт из рва иногда укладывался по краю насыпи или за внешними пределами рва в виде кольцевого вала. Во рвах отмечены остатки сгоревшего хвороста и травы, фрагменты керамики, ракушки. Особенностью постмарипольских курганов являются своеобразные кромлехи на уровне древнего горизонта, сложенные из бревен и иногда дополняемые камнями. В кургане № 1 у с. Спаевское площадка диаметром более 20 м была окружена массивными, толщиной до 0,5 м бревнами, соприкасавшихся торцами. В местах стыков для заполнения промежутков были вертикально установлены необработанные плиты. Дерево также использовалось и для облицовки насыпи. В кургане № 3 у с. Булаховка насыпь была покрыта радиально уложенными бревнами, подвергшимися сожжению. В результате поверхность насыпи прокалилась до красноты. В ряде случаев отмечено устройство

на подкурганной поверхности ям-бофров, заполненных углями, золой и раковинами. Иногда у могилы или в центре подкурганной площадки размещались костры. В отдельных случаях зафиксированы дорожки, усыпанные углями и пеплом, ведущие от центрального кострища к могилам. В двух случаях открыты отдельные могилы с захоронениями жертвенных животных – молодой особи крупного рогатого скота без черепа и череп быка с лежащей рядом крышкой человеческого черепа с обточенными краями, что, вероятно, позволяло ее использовать в качестве чаши [Ковалева, 1984: 10–14].

Курганы усатовской культуры в Северо-западном Причерноморье отличаются не меньшим разнообразием конструктивных элементов. Высоты курганов достигают 3 м при диаметре до 46 м. Для них характерно весьма широкое применение различных каменных конструкций – кромлехи-крепиды по периметру насыпей, одинарные или двойные, сплошные кольцевые и с проходами, сооруженные из плит, уложенных плашмя от одного до пяти слоев, или вкопанных вертикально, мощные многослойные каменные панцири, которые исследователи усатовской культуры именуют куполообразными сооружениями. Заслуживает внимания кромлех-крепида в виде стенки в кургане I–11 в Усатово диаметром 42 м, сложенный из пяти слоев плит размерами 1,4 x 1,2 м и 1,2 x 1 м на высоту 0,8 м. Широко применялись также каменные перекрытия могил. В погребениях изредка встречаются остатки запустевшей пищи – кости овцы, быка, лошади, собаки. Известны также и кольцевые рвы с проходами вокруг курганов с костями животных в заполнении [Збенович, 1974: 35–44; Патокова, 1967: 13; 1979: 43–88; Яровой, 1990: 214–215; Дергачев, 1991: 45–130; Петренко, 1992: 10].

С населением ямной культуры, существовавшей в период 3000 (2900)–2300 (2200) гг. до н. э. [Рассмакин, 1999: 77, 167–168], связывается пик курганного строительства на территории Украины. Предполагается, что в это время было сооружено до 80% курганов [Черняков, 1993: 7]. Наряду с колоссальным количественным ростом курганного строительства, несомненно, связанного с резким увеличением численности населения, в этот период происходит предельное упрощение конструкции насыпей курганов и погребальных сооружений. Курганы сооружаются из грунта в несколько приемов, в зависимости от количества

впускных захоронений, – чаще всего в 2–3, реже – 4–6. Высоты первичных насыпей составляют не более 1–2 м, в единичных случаях – до 3–3,5 м [Шапошникова, 1986: 11–13]. У с. Новокакры на Херсонщине в кургане высотой 5,8 м высота первичной насыпи достигала 4,4 м [Тоцев, 1990-А: 56]. В кургане Малая Лаура возле г. Орджоникидзе первичная насыпь достигала не менее 5 м высоты [Полин, 2001: 30].

Большинство ямных курганов в законченном виде имеют высоту 1–1,5 м, реже встречаются насыпи высотой 3–4 м, намного реже 5–6,5 м. Известны и курганы-гиганты ямной культуры, которые в результате многочисленных последовательных досыпок достигли весьма значительной высоты – 7–10 м и более: Сторожевая Могила к югу от Днепропетровска, Рябая Могила у с. Волоцкое, Толстая Могила у с. Беленькое, Высокая Могила у с. Балки, Бесчастная Могила у с. Ново-Григорьевка (более 14 м), Молочанское святилище, Тягунова Могила на Запорожье, курганы у сс. Староселье и Первоконстантиновка на Херсонщине, у с. Прибрежное в устье Днестра [Браун, 1906-А: 114; Тереножский, 1951: 183; ДПС II: 54; Бидзля, 1974: 148; МРЗ: 14–18; Пустовалов, 1999: 104; 2000; Шилов, 1975: 53; 1977: 48; Шапошникова, 1986: 11–13; Рябова, 1998: 67]. Высота Царевой Могилы у Кривого Рога по обмерам Ф. Брауна достигала 25 м [Браун, 1906-А: 115]. Отдельные курганы ямной культуры высотой 8–10 м известны и в Дунай-Пруто-Днестровском междуречье [Шмаглый, 1970: 6,52; Дергачев, 1986: 32; Чеботаренко, 1989: 50]. В пределах Кировоградской, Днепропетровской, Николаевской и Крымской областей зафиксировано 37 курганов высотой от 8 до 12 м, имеющих все признаки курганов эпохи бронзы и, несомненно, относящихся к ямной культуре [Мозолевский, 1990: 126].

Вямное время впервые фиксируется сооружение курганов из нарезанных кусков дерна [Кубышев, 1979: 143; Попандопуло, 1983: 308; Шапошникова, 1986: 11–13; Рассмакин, 1991: 43; Тоцев, 1990: 56]. В кургане Малая Лаура возле г. Орджоникидзе первичная насыпь высотой 5 м и диаметром 28 была сооружена в 5 приемов из кусков дерна последовательными концентрическими кольцевыми пристройками, как это неоднократно прослеживалось в курганах высшей скифской знати IV в. до н. э. (Желтокаменка, Чертомлык, Бабина и Водяна могила и др.) [Полин, 2001: 31–32].

Именно в ямной культуре возникает тот тип насыпи, который получил в народе название «острой могилы». В то же время встречаются и курганы с уплощенной вершиной, в виде усеченного конуса [Шалошикова, 1986: 11–13]. Отдельно следует остановиться на форме насыпи Толстой Могиле у с. Беленькое к югу от Запорожья. Этот курган высотой 8,5 м частично исследован И.Е. Забелиным в 1859 г. Насыпь имела усложненную конфигурацию: широкое пологое основание диаметром около 70 м – всеобразная платформа, на которой в центре устроена насыпь высотой более 6 м с очень крутыми склонами диаметром около 40 м с ровной площадкой на вершине диаметром 14 м. Древнейшее погребение в кургане, по-видимому, относится к ямной культуре, и окончательное оформление кургана связано с захоронениями той же культуры [табл. 24, 2; ДГС II: 54]. Таким образом, тип кургана «толстая могила», связываемый обычно со скифским временем, возникает намного раньше, уже на начальном этапе курганного строительства. Следует попутно отметить, что курганы с такой конструкцией насыпи в прошлом не были единичными. П. Бурачков в середине XIX ст. отмечал массовость курганов такой формы на территории левобережной Херсонщины к западу от линии Каховка – Перекоп [Бурачков, 1875: 55]. Причем речь идет о курганах небольшой величины. Поэтому становится понятным их исчезновение к нашему времени в результате распашки нижней части кургана, т. е. уничтожения платформы. Большой курган с аналогичной формой насыпи раскапывал венецианец Барбаро в начале XV в. близ устья Дона. Здесь также имелась нижняя часть – платформа – высотой 15 м, вершина которой представляла собой круглую площадку, на которой стояла насыпь в виде круглой шапки высотой до 4 м. Эта вторая насыпь отделялась от основания террасой-дорожкой, обведенной вокруг, по которой свободно могли проходить два человека рядом, т. е. шириной 1,5–2 м. Судя по описанию конструкции насыпи и находок, и этот курган относился к эпохе бронзы [Барбаро, 1971: 137–140, 166].

Также в ямное время возникают и «долгие могилы». Такой курган, собственно и имеющий название Долга Могила, был исследован возле скифского царского кургана Чертомлык. Это один из крупнейших памятников этой категории в Украине. Его высота достигала 7,4 м при длине 110 м и ширине до 62 м. Содержал

одно энеолитическое погребение, 8 ямных, одно катакомбное и пять КМК. В кургане обнаружено три самостоятельных первичных кургана энеолитического времени, в результате разрастания которых в процессе подзахоронений и соединения насыпей с помощью общих досыпок образовалось столь внушительное сооружение [Мозолевский, 1999: 133]. В Буджакской степи исследованы длинные курганы №№ 14–17 и 1–3 у сс. Балабаны и Киркзешты высотой 0,5–1,1 м длиной 70–85 м, образовавшиеся в результате взаимного перекрывания трех соседних курганов ямной культуры [Чеботаренко, 1989: 134, 157].

В курганах ямной культуры также известны ритуальные кольцевые ровики, углубленные в материк до 0,6 м. Рвы бывают сплошные и с проходами по линии восток – запад или с одним проходом на севере. В ровиках найдены кости крупных домашних животных, череп быка, обломки зернотерок [Щепинский, 1969: 45–47; Кольева, 1990: 133].

Отдельные курганы ямной культуры укреплены в основании каменными крепидами-набросками, иногда кольца двойные [Шалошикова, 1977-А: 120–121]. В Буджакской степи в кургане у с. Балабаны № 13 высотой 7,8 м камни уложены по склону до высоты 4 м. Зафиксирована крепида и в кургане № 2 у с. Хаджимус высотой 1,6 м [Чеботаренко, 1989: 50, 63, 157, 134].

В период существования катакомбной культуры – 2300 (2200)–1700 гг. до н. э., сменившей в наших степях ямную, ситуация решительно меняется. Собственных курганов катакомбной культуры известно крайне мало. В литературе упоминается около тридцати на степном пространстве от Дона до Дуная [Лесков, 1967: 7–9; Шалошикова, 1977-Б: 30; Отрощенко, 1977: 6–7; Нечитайло, 1984: 109–112; 1984-А: 7–13, 18–25; Дергачев, 1986: 92; Тоцев, 1990: 117–118; 1994: 86–96]. Крайнюю редкость собственных курганов катакомбной культуры демонстрирует такая цифра: в 1973–1988 гг. в Украине было исследовано 11 912 захоронений катакомбной культуры [Пустовалов, 1997: 42], практически все впускные. При совершении впускных захоронений производились досыпки древних курганов – кольцевые или, чаще всего, локальные, в большинстве случаев маломощные, плохо прослеживаемые.

Единичные курганы этой культуры характеризуются незначительной величиной, высотой до 1,5 м, и предельной простотой устройст-

ва. Из конструктивных особенностей отмечена только обкладка основания насыпи материковой глиной. Примерно в 30 захоронениях катакомбной культуры найдены кости животных или же их целые скелеты [Дергачев, 1986: 92; Тоцев, 1994: 86–96]. В ряде курганов, где древнейшими были захоронения катакомбной культуры, отсутствовали основные захоронения, совершенные с уровня древнего горизонта. Все катакомбные захоронения в таких курганах были впущены в готовую насыпь сверху. В.В. Отрощенко назвал это явление своеобразным «впускным комплексом». По его мнению, традиция впускать свои погребения в более древние курганы у катакомбников была настолько сильной, что даже в собственных курганах они иногда действовали по той же схеме – сначала насыпали курган, затем в него впускали захоронение [Отрощенко, 1977: 6–7].

Курган, по-видимому, с тем же «впускным синдромом», № 1 высотой 1,8 м с тремя захоронениями катакомбной культуры, а также курган № 3 высотой 1,5 м с основным и шестью впускными захоронениями катакомбной культуры у с. Чкалово в Крыму отличались более сложной конструкцией. Сооружены последовательно из насыпного чернозема и глины в 4 и 3 приема. Все досыпки связаны с катакомбными погребениями. В кургане № 1 на уровне древнего горизонта обнаружены остатки поминальной тризны – обломки керамики, костей животных, яичной скорлупы [Нечитайло, 1984-А: 7–13, 18–25].

Представляет интерес неожиданное явление и доминирование в этой культуре катакомбной формы погребальных сооружений. На этом основании предполагалось происхождение скифов от катакомбников [Клейн, 1963: 33], что не нашло поддержки у специалистов. В этой связи необходимо отметить, что сходство со скифскими обнаруживают буквально единичные катакомбы катакомбной культуры.

Курганы следующей по времени культуры многовалитковой керамики – КМК XVIII–XV вв. до н. э. [Отрощенко, 2001: 110–111], с собственными основными погребениями также малочисленны, хотя их количество несколько большее, чем катакомбных. В литературе упоминается около 70 курганов КМК. Однако, в сравнении с катакомбной культурой, общее количество захоронений КМК на порядок меньше. Среди курганов КМК преобладают мелкие насыпи высотой от 0,5 до 1,5 м, в редких случаях – 2–3 м. Структура насыпей однородная,

без ярких конструктивных особенностей. Крайне редко фиксируются досыпки собственных или более ранних курганов, связанные с впускными захоронениями КМК. В курганах Днепровского Надпорожья отмечены кромлехи из гранитных и известняковых камней, а также обкладка насыпи камнем. Фиксируются остатки тризны в виде обломков керамики, костей животных и т. п. Изредка прослеживаются кольцевые ровики вокруг курганов. Большинство захоронений КМК впущено в более древние курганы.

Одной из типичных форм погребальных сооружений для КМК являются ямы с подбоями, характерные для всего ареала культуры. Наибольшее количество могил этого типа находится в западном регионе – Нижнем Поднепровье (до 16%), Крыму, Понизувье и Побужье. Отличительной особенностью погребений КМК является наличие напутственной пицци в погребениях и остатки тризны в виде черепов и костей животных – быка, овцы, изредка лошади и свиньи. Население КМК также сооружало и длинные курганы [Отрощенко, 1981: 71–75, 83; Археология УССР, 1985: 453; Черняков, 1985: 130–134; Березанская, 1986: 25, 31; Савва, 1992: 65–94, 143; Субботин, 1995: 113, 125; Пасларий, 1983: 6, 13; Ковалева, 1985: 18–23; 1988: 21].

Следующая по времени срубная культура, или бережновско-маевская срубная культура (ВМСК) по терминологии В.В. Отрощенко (XV–XII вв. до н. э.), занимавшая восточный ареал степей Украины, широко представлена собственными курганами (около 500) и многочисленными впускными захоронениями в более ранних курганах (более 3000). Курганы, в основном, невелики по размерам – до 1 м высоты при диаметре 20–30 м. Наиболее крупные достигают высоты 2–3 м, максимум – 4,3 м. Большинство срубных курганов сооружено в один прием. Досыпки, чаще всего, носят конструктивный характер и редко связаны с впускными погребениями. Для облицовки склонов курганов широко применялась материковая глина. В нескольких случаях отмечено укрепление склонов мелкими камнями и щебенкой. В это время, наряду с грунтовыми ямами и каменными ящиками, сохраняется тип погребения в подбоях. Вокруг погребений устраивались круглые в плане каменные кромлехи. Погребенных иногда сопровождают остатки напутственной пицци – кости овцы, быка, лошади. Встречаются одиночные ямы ритуаль-

ного назначения. В одной из них обнаружены разрозненные человеческие кости. Зафиксированы остатки триси, нередко на специальных площадках или в ямах-бюфрах, или на подкурганной поверхности в виде костей и черепов животных (бык, лошадь, овца, козел, дикий кабан), обломков керамики, кострищ. В одном случае среди черепов быков были обнаружены захоронения детей. Нередко вокруг курганов фиксируются кромлехи, а также ровики разнообразной планировки – круглые, овальные, грушевидные, прямоугольные, изредка сплошные, в большинстве случаев – прерывистые. Количество проходов колеблется от 1 до 29. В одном случае ровик был двойным. В заполнении ровиков встречаются обломки керамики, а также кости и черепа животных – лошади, быка, овцы-козы. В нескольких курганах подкурганное пространство ограничивалось кольцом ям, в заполнении которых найдены кости животных, основания деревянных столбов, речные ракушки. В срубное время для строительства курганных насыпей также использовались куски дерева [Отрощенко, 1981: 10, 11, 17, 86–97; 2001: 162–163; Археология, 1985: 465–467; Березанская, 1986: 55–58, 93; Ковалева, 1989: 17; Шахров, 1990: 75; Самар, 1991: 133–134; Литвиненко, 1994: 23, табл. 5].

Синхронная срубной культуре (БМСК) сабатиновская культура занимала западный ареал степной зоны Украины. Характеристика погребальных памятников сабатиновской культуры представляется проблематичной из-за отсутствия отличий по обряду и инвентарю от срубной культуры (БМСК). Парадоксальность ситуации заключается в том, что на территории распространения поселений сабатиновской культуры известны тысячи погребений этого времени, формально не отличающихся от погребений срубной культуры (БМСК) ни по обряду, ни по вещам [Гершкович, 1998: 66]. По остроумному замечанию В.В. Отрощенко, «абсурдна ситуація, за якої населення однієї культури регіону (сабатинівської) жило і не вмирало, а іншої (БМЗК) всуціль вмирало і не жило, повинна бути логічно розв'язана». По логике они могут принадлежать только сабатиновской культуре, однако обоснованно отнести к сабатиновской культуре пока возможно только несколько наиболее ярких курганов, принадлежащих социальной верхушке. Среди таких можно назвать курганы №№ 3 и 6 возле с. Борисовка в Одесской обл. Последний из них выделялся высотой 4,5 м и наличием кромлеха

[Отрощенко, 2001: 165–177]. В целом же выделение сабатиновского массива погребальных памятников еще ждет своей очереди.

Во второй половине II тыс. до н. э. в срубной (БМСК) и сабатиновской культурах видное место занимают курганы в виде так называемых длинных могил, являющихся весьма яркой особенностью этого периода. Длинные могилы распространены на территории всей степной Украины вплоть до Дуная [с. Вагтановка, курган № 1–3 – Шмаглий, 1970: 69–71, рис. 53]. Существуют они также и на территории Болгарии [Шкорпил, 1898: 17]. По степному коридору в Приднепровской террасовой лесостепи распространяются далеко на север. Долгая могила высотой 4 м и длиной 70 м (курган № 5) известна севернее г. Переяслав-Хмельницкий Киевской обл. [Тереножкин, 1963: Дневник, № 2, с. 57, Чертеж № 26, Альбом, таблица III, фото № 9–11].

Основу длинных курганов составляли 2–3, как правило – более древних, кургана, чаще всего круглых в плане. В период существования ямной, КМК, срубной и сабатиновской культур они объединялись между собой досыпками, достройками в форме аллей камней и земляного вала с установленными наверху менигирами, специально оборудованными жертвенниками, а также еще больше разрастались в длину в процессе выпуска погребений по краям и соответствующих досыпок. В то же время существуют и исключения. Возле г. Орджоникидзе в группе Свиная Могила исследован длинный курган № 24 высотой 0,5 м и длиной 50 м, сооруженный именно как длинный курган над захоронением срубной культуры (БМСК) в один прием [Полли, 2002]. Такой же длинный курган высотой 1,3 м, длиной 63 м, сооруженный над единственным захоронением срубной культуры, известен в Крымском Пришивашье [Карлоса, 1992: 128].

Если для курганов вообще свойственна полифункциональность (места погребения и отправления поминальных и многих других ритуалов, племенные или родовые центры, своеобразные знаки территорий родовых и племенных подразделений, Н.А. Чмыхов и Ю.А. Шилов считают некоторые из них астрономическими обсерваториями), то длинные курганы могут рассматриваться как святилища высшего ранга. Об этом свидетельствуют как особенности их расположения, так и небольшое общее количество – около 3% общего количества курганов.

В отдельных случаях наблюдается концентрация до 5 длинных могил в составе одной курганный группы. Грандиозный ансамбль из 3 длинных могил известен на Мамай-горе возле Каменки-Днепровской. Комплекс из 4 курганов срубного времени, 3 из которых являлись длинными, исследован возле Верхнего Рогачика на Херсонщине. В основном длинные могилы имеют протяженность около 70 м при максимуме до 200 м. Гигантская длинная могила существует в Северном Приазовье – Канат-Могила высотой до 6 м и протяженностью около 500 м [Ковалева, 1988: 21; Евдокимов, 1991-Б: 20–21; Давня історія, 1997: 500–501, 512–513].

Святилища срубной культуры – длинные курганы – продолжали оставаться объектом поклонения и для скифов, о чем свидетельствуют частые находки в длинных курганах следов триан скифского времени – фрагментов античной амфорной тары и костей животных, при отсутствии скифских захоронений. Начиная с И.Е. Забелина, многие исследователи скифских курганов отмечали расположение в ближайшем соседстве с длинными курганами курганов скифских царей и знати IV в. до н. э. 20-метровый курган Чертомлык соседствовал с Долгой Могилой высотой 7,4 м [ДГС II: 75]. Небольшой длинный курган располагался у подножия Александропольского кургана [ДГС I: 7]. Долгая могила находилась в группе Геремесова кургана [ДГС II: 40]. Возле кургана Башмачка находились две долгие могилы [Спицын, 1901: 69]. Возле Нечаевой Могилы расположен безымянный длинный курган высотой около 4 м. В группе Толстой Могилы у г. Орджоникидзе находятся 6-метровая длинная Свишарева Могила и упомянутый малый длинный курган № 24. Возле Казенной, Гаймановой и Чмыревой могил, в урочище Носаки, среди курганов у с. Днепривка, на Рогачикском курганном поле в составе курганных групп были 1, 2, а то даже и 3 длинных кургана [Отроценко, 1982-А: 43–44]. Рогачикский курган высотой 11 м соседствовал с 3 длинными курганами. Высота одного из них достигала 4 м [Евдокимов, 1991-Б: 20–21]. По мнению В.В. Отроценко, скифы сознательно воздвигали курганы своих вождей рядом с древними святилищами, используя последние при погребальных церемониях [1982: 16; 1991-А: 324].

В долгой могиле в ур. Носаки прослежена досыпка скифского времени древнего вала, соединявшего курганы эпохи бронзы. Эта досыпка

была совершена над воткнутым в вал скифским мечом, что может указывать на существование здесь святилища в честь скифского Арея [Посаки, 1977: 124–125; Болтрик, 1978: 61]. Средневековые кочевники использовали длинные курганы для погребальных и культовых целей [Отроценко, 1982: 5–16; Ольховский, 1991-А: 119, 122].

В период существования белозерской культуры (XII–X вв. до н. э.) резко сокращается численность населения, что демонстрируется небольшим количеством курганов и захоронений этой культуры. Известно немногим более 100 курганов и более 800 подкурганных и грунтовых захоронений. Спецификой белозерских могильников является сочетание курганных и бескурганных памятников. Единичные курганы имеют высоту 0,5–1, очень редко до 4,0 м. Все насыпи возведены одновременно из кусков дерна. Отмечены случаи обкладки оснований крупных курганов кромлехами-крепидами. В кургане у с. Каиры на Херсонщине кольцевая крепида с разрывом в ЮВ части была сложена из 3 слоев плит. Крупные курганы нередко окружены кольцевыми рвами круглой или прямоугольной в плане формы, иногда с проходами. В заполнении рвов обнаружены кости животных и обломки керамики. Остатки тризны в виде обломков сосудов встречаются также и на подкурганной поверхности возле погребений. В Северо-западном Причерноморье в нескольких случаях отмечены каменные куполовидные перекрытия погребений. В белозерской культуре известен единственный тип погребального сооружения – обширные подквадратные ямы. Иногда в погребениях встречается напутственная пища – кости овцы, быка и козы [Шмаглий, 1970: 69; Субботин, 1973: 238; Агульников, 1983: 74–75; Чеботаренко, 1989: 48–49; Березанская, 1986: 126–127; Ванчугов, 1990: 41–56; Агульников, 1990: 69; Отроценко, 1991; 2001: 184].

Интереснейшие детали прослежены в кургане № 1 высотой 3,2 м у совхоза Степной в Запорожье. Здесь сооружение погребальной ямы происходило параллельно со строительством насыпи. Из ямы вынимался грунт и укладывался вокруг нее подковой, с сохранением прохода с южной стороны. Одновременно, видимо, также в виде подковы с разъемом с южной стороны, вокруг ямы сооружался кольцевой вал из чернозема с внутренним диаметром 15, шириной 1–1,5, высотой 0,5 м. Основная часть выкида была уложена на древнем

горизонте, а его внешний край поднимался вверх на черноземный вал. Внутренний склон образовавшейся вокруг ямы воронки был укрыт камышом, поверх которого уложены деревянные плахи перекрытия ямы. «Продуманная система в размещении выкида, травы и деревянного настила в белозерских курганах, предусматривающая проход к могильной яме, выстланной травой и плахами, предвосхищает организацию подкурганного пространства и приемы возведения скифских насыпей. Принципиально важным моментом является фиксация синхронного процесса копки ямы и возведения курганной насыпи» [Отроценко, 1975: 194; 1981: 124, 127].

Для белозерской культуры известен единственный большой курган высотой 9,6 м диаметром 120 м – Широкая Могила у с. Малая Лепетиха на Херсонщине. Курган был сооружен в один прием и содержал два белозерских погребения, ограбленных в древности. Над центральным захоронением на уровне древнего горизонта прослежено мощное перекрытие в виде сплошного наката из бревен. Курган по основанию обнесен кромlexом-крепидой [Латышев, 1926: 200–204]. Впрочем, поскольку раскопки проводил Н.И. Веселовский, остаются сомнения в правильном определении культурной принадлежности кургана, его стратиграфии и реконструкции погребального обряда.

Как продолжение традиции сооружения «долгих могил» в белозерской культуре можно рассматривать курган № 42–49–50 в могильнике Кочковатое в Одесской обл. Здесь три стоявших в стык насыпи перекрывали единый ряд из 9 белозерских захоронений. О том, что это не случайное совпадение, кроме расположения погребений в один ряд, свидетельствует также размещение погребений и непосредственно в стыках курганов [Ванчугов, 1990: 40–41, рис. 13, 2].

В позднейшее предскифское время, в период существования черногородовско-новочеркасских памятников (IX–VIII вв. до н. э.), связываемых с историческими киммерийцами, предшественниками скифов в причерноморских степях¹, традиция курганного строительства в степном Северном Причерноморье практически затухает. На территории от Заводжья до Дуная насчитывается 150 черногородовских погребений [Отроценко, 1989: 112] и 150 новочеркасских или позднечерногородовских по терминологии О.Р. Дубовской [Дубовская, 1997-А:

¹ По этому поводу существует и иная гипотеза [Алексеев, 1993].

185]. Практически все они впущены в более ранние курганы. Зато, как ни странно, на южной окраине украинской лесостепи, при том, что общее количество комплексов в целом здесь очень невелико, подавляющее большинство киммерийских захоронений новочеркасского типа совершены под собственными курганами высотой до 2–2,5 м: 14 на правом берегу и 8 на левобережье [Скорый, 1999: 12]. В степи можно назвать лишь два достоверных кургана этого времени, в Северо-западном Причерноморье – у с. Петродоллина и пгт Слободзея [Ванчугов, 1984: 65; Яровой, 1994: 155]. Где-то в этом же районе по сведениям Геродота находилась легендарная могила киммерийских царей [Геродот. История. IV, 11]. Долгое время единственным киммерийским могильником в степи считался Суворовский могильник в Нижнем Подунавье из 7 распаханых курганов [Черняков, 1977]. Сейчас его культурно-хронологическая позиция пересматривается. В.П. Ванчугов отнес его к рубежу смены белозерской культуры киммерийской, отметив при этом белозерскую принадлежность керамики и погребального обряда [Ванчугов, 1990: 120]. Т.И. Ойстрах считает его белозерским [Ойстрах, 1989: 41–42; 1991: 86]. В.В. Отроценко видит здесь более сложную ситуацию, выделяя черногородовские погребения, впущенные в белозерские курганы [Отроценко, 1989: 111]. Вслед за В.А. Ромашко и Е. Левицким продолжают считать киммерийским курган № 5 этого могильника Е.В. Яровой, М.Т. Кашуба и С.В. Махортых [Яровой, 2002: 286].

Курган возле Слободзеи высотой 1,5 м диаметром 32–35 м был сложен из чернозема. Основное погребение совершено в центре кургана в большой прямоугольной яме, окруженной валом материкового выкида, по внешним склонам которого были уложены радиально длинные жерди в виде шатра диаметром 9–9,5 м, высотой 1,5 м. Шатровая конструкция была сожжена, в результате чего вал выкида прокалился до красноты. По погребальному обряду захоронение соответствует новочеркасской группе памятников, по составу вещей – черногородовской. Впускное погребение в кургане также совершено в большой, по-видимому прямоугольной, яме в вытянутом на спине положении, но сопровождалось более поздним по времени сосудом [Яровой, 1994: 155–157; 2002: 290, 300].

² Без ссылки на публикации киммерийскими называются курганы № 8 у с. Провалье и № 6 у с. Александровка [Яровой, 2002: 302], что в целом не меняет ситуации.

Все остальные известные киммерийские погребения впущены в более древние курганы. Для захоронений знати использовались большие курганы. Яркими примерами в этом отношении являются 10-метровая Высокая Могила у с. Балки, 5-метровые курганы той же эпохи у пгт Большая Александровка и с. Золотая Балка (кург. № 14) на Херсонщине, 4-метровый курган у с. Зольное в Крыму эпохи энеолита-бронзы, в которые были впущены захоронения знатных киммерийцев [Видзиль, 1974: 148; Кубышев, 1979; 1985; Щепинский, 1962: 57]. Основная масса киммерийских захоронений впущена в малые курганы. Для черноморской группы ведущим типом являются захоронения в подбоях или катакомбах [Гошко, 1986: 168; Отрощенко, 1989: 111].

Совершенно гипертрофированные формы приобретает курганное строительство в скифское время. Как отмечал Геродот, для своих царей скифы стараются насыпать курганы как можно выше [Геродот. История. IV, 71]. Однако так было не всегда и не везде.

В VII-VI вв. до н. э. степи Северного Причерноморья были транзитной территорией для скифов. В этот период скифы проживали на Северном Кавказе, откуда совершали продолжительные походы в Переднюю Азию. Здесь в это время и сооружались курганы для захоронений скифских вождей и царей, здесь же, на основной территории обитания, в основном хоронились и рядовые скифы.

В степном Ставрополе выдающийся интерес представляет могильник скифской воинской аристократии VII - начала VI вв. до н. э. у хут. Красное Знамя из 9 курганов. Курган № 1 по всем показателям является царским. Его насыпь высотой 14-15 м, диаметром 70 м окружал ров 25-метровой ширины, глубиной 3,5 м. Отсюда брался грунт для сооружения насыпи. Курган возведен в несколько приемов. При этом использовался грунт, камень, плетни, камыш и шпые растительные материалы. Курган покрыт каменным панцирем, как и большинство скифских курганов Ставрополя. Панцирь покрывал и внутренние стенки рва вокруг кургана, что предотвращало осыпание земли и создавало впечатление большей монументальности памятника. В курганах Ставрополя зафиксированы остатки гризис в виде кострищ или обожженных участков, фрагментов керамики, костей домашних и диких животных, сосредоточенных на подкурганной поверхности вокруг выкида из могил. Обычно курган

сооружался над одной могилой. Погребальные сооружения размещались на уровне древнего горизонта и в ямах площадью 25-80 м², где устраивались гробницы из дерева и камня, сопровождавшиеся захоронениями коней. В случаях, когда курганы использовались неоднократно, насыпь возводилась после совершения последнего захоронения. До этого момента предшествующие могилы какое-то время стояли незасыпанными, окруженные оградами из камня или плетня или плетнем и каменной стеной-крепидой [Петренко, 1980; 1983; Степи, 1989: 217-218].

Обращают на себя внимание глубокие выборки грунта вокруг курганов, характерные для скифских курганов Ставрополя, за счет чего образовались гигантские рвы. На нашей территории такие рвы называются кольцевыми выборками грунта, в отличие от кольцевых рвов скифских курганов, и у нас они, как правило, сопутствуют курганам эпохи бронзы. Хотя известны такие примеры и для скифского времени.

В Прикубанье курганы высшей скифской знати VII-VI вв. до н. э. у ст. Келермеская, Костромская и др., в основном, имеют средние размеры насыпей - 4-7 м высоты и диаметр 40-60 м. Помимо основных, известны и впускные захоронения. Основные погребения принадлежали наиболее богатой и знатной прослойке общества, воинской аристократии. Представляли собой большие ямы площадью до 100 м² с деревянными конструкциями, сопровождавшиеся большим количеством воинских захоронений [Галанкина, 1997: 32, сл.; ОАК, 1898: 29-33, рис. 42-47, табл. к с. 30; 1903: 75, рис. 139-153; 1904: 85, сл., рис. 134-160; 1908: 118, рис. 166-169; 1909-1910: 147, сл., рис. 211-219].

Совершенно необыком и по величине, и по необычайности среди курганов Прикубанья и Причерноморской Скифии в целом стоят курганы возле Уляпского (бывш. Ульского) аула в Адыгее. Здесь исследована группа из 7 курганов-святилищ VI-V и IV вв. до н. э. - категория скифских памятников, очень редкая для Причерноморского региона, тем более в таком гипертрофированном проявлении. Благодаря раскопкам 1981-1983 гг., проведенным по современной методике, выяснилось непогребальное назначение этих памятников. Оставимся на кургане-святилище № 1, исследованном Н.И. Веселовским в 1898 г., с коррективами Ф.Р. Балонова на основе архивных материалов

Н.И. Веселовского и материалов последних раскопок. Курган 15-метровой высоты был сооружен в два приема. На высоте 5,35 м в центре была устроена платформа, на которой лежало более 50 костяков лошадей, скелеты волков, а также найдены кости баранов и двух ослов. На уровне дневной поверхности прослежена следующая картина. У края подкурганного пространства были врыты два толстых столба на расстоянии 5,35 м, представлявшие ворота, через которые осуществлялся доступ к центральной части. На расстоянии 15 м от них на одной линии поперек раскопа находились две коновязи длиной по 16 м из четырех вертикально вкопанных столбиков с длинной перекладиной сверху. У коновязей с обеих сторон лежало 72 лошади. Далее против каждой коновязи были врыты по три столба, вокруг которых лежали радиально в правильном порядке головами от столбов по 18 лошадиных скелетов (всего 108). За этими столбами был устроен сруб из бревен размерами 7,45 x 5,7 м, по бокам которого находилось по два костяка волков и множество лошадиных скелетов, лежащих в беспорядке. Сруб, волки и лошади были перекрыты слоем осолок толщиной около 10 см. По мнению Н.И. Веселовского, здесь должно было находиться захоронение человека со всеми приношениями, которое подверглось сокрушительному ограблению. В центре на месте сохранился только жертвенник в виде каменной плиты размерами 1,42 x 0,98 x 0,22 м с четырехугольным отверстием посередине. За срубом опять шли две таких же, как и в предыдущем случае, коновязи с 72 скелетами лошадей и далее шесть вертикальных столбов с 18 лошадьми возле каждого, расположенных радиально (всего 108). У некоторых лошадей, расположенных ближе к центру, находились железные удила [ОАК, 1898: 29–33, рис. 42–47, табл. к с. 30].

В остальных курганах Уляпского аула, исследованных в 1981–1983 гг., избежавших ограбления и близких по конструкции, человеческие захоронения отсутствовали. В то же время в них были найдены, наряду с приношениями животных и различных даров, многочисленные остатки человеческих жертвоприношений. Поэтому разрозненные человеческие кости, упомянутые Н.И. Веселовским в кургане № 1 1898 г. в других местах, Ф.Р. Балон трактует как остатки человеческих жертвоприношений. По аналогии с другими уляпскими курганами он отрицает существование здесь

человеческого захоронения и интерпретирует курган № 1 1898 г. в целом как святилище [Балон, 1987: 38–40].

В VII–VI вв. до н. э. скифы активно проникали и осваивались в украинской лесостепи, о чем неоспоримо свидетельствуют мощные курганные могильники. На левобережье в Посулье в пределах современной Сумской обл. существует достаточно много больших курганов, в том числе и 20-метровые гиганты, входящие в состав крупных курганных могильников. Курган у хут. Шумейко высотой 19 м, курганы у с. Аксютинцы в уроч. Стайкин верх – Старшая Могила высотой 21 м, 4 кургана высотой 8,5–10,5 м, 7 – от 4 до 5,5 м, в уроч. Солодка – 2 кургана высотой 7–10 м и 5 от 3 до 5,6 м. Курганы-гиганты сооружались в Посулье только в период арханки. К IV в. до н. э. здесь относится лишь один большой курган № 1, высотой 13,5 м у с. Волкоцы, исследованный в 1897 г. Все крупные курганы Посулья были окружены валом и рвом. К сожалению, кроме внешних характеристик, по архитектуре курганов этого региона данных нет. Известно только, что сложены они из чернозема [МРЗ: 95–104; Ильинская, 1968: 13, 24, 196–198].

На правобережье, в пограничье степи и лесостепи, VII в. до н. э. датируется единственный царский Мельгузовский курган высотой 10,5 м. Большие курганы арханческого периода известны и в правобережной лесостепи. Прежде всего, это не имеющая аналогов в скифском мире Перепятиха на Клевщине. Овальный в плане курган размерами 31 x 21 м представлял собой усеченную пирамиду высотой 11 м с ровной площадкой наверху до 3 м в диаметре. Курган имел очень крутые склоны, по подсчетам С.А. Скорого – до 77–80°. Верхний слой насыпи толщиной более 2 м был сложен из прямоугольных кусков дёрна. Под ним по периметру кургана была сооружена стена толщиной до 3 м, состоявшая из восьми горизонтальных слоев грунта, в некоторых местах смешанного с песком и глиной. Стена имела необычайную твердость и при раскопках поддавалась только лому и кирке. Не исключено использование здесь формованных вальков, типа зафиксированных на Мелитопольском кургане [Тереножкин, 1955: 30]. В пределах стены прослежен завал из необработанных гравитных камней, лежащий на слое трамбованного грунта, под которым обнаружен огромный деревянный склеп из толстых дубовых бревен. В разграбленном склепе обнаружены

остатки 14 костяков в сопровождении немногочисленных сохранившихся вещей и несколько ури с остатками трупосожжений [Скорый, 1990: 10–12, Фото 1 и 2].

Курган воле Глевахи в том же районе высотой 12–13 м и диаметром 60–70 м по основанию был окружен кольцевым рвом глубиной 2,1 м, шириной 3,5 м. Вокруг кургана существовала обширная неглубокая кольцевая выемка, откуда брался грунт для его строительства. Курган сооружен из чернозема в два приема: первичная насыпь высотой 10–11 м и вторая толщиной 1,5 м. Насыпи разделяла прослойка материкового выкида толщиной 0,15–0,3 м, по мнению А.И. Терезошкина происходящего из кольцевого рва. Этой глиной была полностью покрыта поверхность первичного кургана. Под курганом обнаружена обширная яма с дромосом, обшитая досками, со столбовыми конструкциями, поддерживавшими перекрытие из бревен и брусьев в два наката. Деревянные конструкции частично сожжены [Терезошкин, 1950: 1–6, дневники, чертежи № 12–14; 1954: 80–83]. К сожалению, курган был исследован не полностью. Осталась нераскопанной восточная часть шириной до 25 м и кольцевой ров. Объем глины, перекрывавшей всю огромную первичную насыпь, для выкида из рва чересчур велик. К тому же во всех известных случаях выкид из рва укладывался по основанию насыпи. Очень похожая ситуация прослежена в Солохе высотой 18–19 м, где первичная насыпь высотой 15 м по всей поверхности была перекрыта слоем материкового выкида толщиной 0,27–0,75 м из впускного захоронения [Манцевич, 1987: 9].

На правобережье исследовано еще несколько больших курганов VII–VI вв. до н. э. Курган у с. Иванковичи высотой около 10 м, Мартоноша – 8,5 м, Журовка кург. 406 – 7,9 м, Константиновка, группа «Г», кург. 2 – 7 м; Теклино, кург. 346 – 6 м, а также 11 курганов высотой 4–5,5 м. Исследовано 7 курганов высотой 4–6,2 м V в. до н. э. и 14 курганов высотой 4,5–8,5 м IV в. до н. э. Кроме того, раскопано два разграбленных кургана высотой 6–6,5 м, дата которых не установлена. Существуют также еще три нераскопанных кургана высотой 7 м [Скорый, 1990: 106–107; Солтис, 1999: 26–27]. Как видим, в правобережной лесостепи процесс строительства крупных курганов развивался более равномерно. Здесь нет курганов-гигантов и большие курганы свыше 9–10 м встречаются крайне редко, во в целом

крупные курганы высотой 5–8 м на протяжении скифского времени сооружались постоянно.

В конце VI–V вв. до н. э. завершается южнокавказский период истории Причерноморской Скифии, и скифское население в основной своей массе перемещается на запад. На протяжении V в. до н. э. происходит интенсивное заселение и освоение скифами степей Северного Причерноморья. С этого времени здесь появляются скифские могильники, начинают сооружаться курганы скифской знати. В V в. до н. э. курганы знати, в сравнении с курганами IV в. до н. э., имеют весьма скромные размеры – 2–5 м высоты, и лишь курганы у Ново-Григорьевки и Большой Знаменки достигали 7 м [МРЗ: 122; Мозолевский, 1986: 78–79, табл. 1]. Техника сооружения курганов в степном Причерноморье имела весьма развитый характер. Для V в. до н. э. характерна конструкция насыпи, сочетающая ядро насыпи, сложенное из кусков дерна, с мощными подсыпками материковой глины, происходящей как из подкурганых объектов, так и взятой со стороны, а также дополнительное укрепление насыпи снаружи каменной крепидой. Такую сложную структуру имеют Чабанцова, 1-я и 2-я Завадские могилы, курган № 12 группы шахты № 22, 1-я, 2-я, 4-я и, возможно, 7-я Испановы могилы [Мозолевский, 1975: 15–16; 1980-В: 70–71, 86–116, 136–151], курган № 19 у г. Орджоникидзе [Полин, 2001: 29–30], а также царский курган № 13 у с. Великая Знаменка высотой 3,6 м [Отроценко, 1985: 242; 1986-А: 285]. В то же время существовала и классическая конструкция – черноземная насыпь, сложенная из кусков дерна в один прием над материковым выкидом, уложенным вокруг центральной гробницы, получившая широкое распространение уже в IV в. до н. э. [кург. № 5 высотой 2,5 м у с. Архангельская Слобода на Херсонщине – Лесков, 1969: 103].

В IV в. до н. э. отмечается небывалый размах строительства больших курганов скифской знати, не имеющих аналогий ни в более раннее, ни в более позднее время. В этот период воздвигаются Александропольский курган (19–20 м), Огуз (20 м), Чертомлык (19 м), Большая Цимбалка (15 м), Козел (14 м), Верхний Рогачик (11 м), Желтокаменка (9,5 м), Толстая Могила (8,6 м), Краснокутский (8,5 м), Лемешев (8,5 м), Гайманова Могила (8 м), Малая Лепетиха (7,5 м), Сурашная Могила (7 м), Башмачка (7 м), Мордвиновский 1-й (7 м), Мордни-

новский 2-й (6,5 м), Мелитополь (6 м), Чмырева Могила (5,7 м), Каменная Могила (5,7 м), Дев курган (4 м), Хомина Могила (3,2 м). К этому же времени относятся и публикуемые нами курганы. К списку следует добавить еще более 20 нераскопанных курганов высотой 7–15 м [Мозолевский, 1990: 134–138], более полусотни исследованных на сегодня степных курганов скифской знати высотой от 2 до 7,5 м [Мелитополь, 1988: 246–249, Приложение 4] и не поддающееся учету число курганов такой же величины, еще стоящих в степях и ожидающих своего часа. Эта цифра показывает, что в тот период происходило нечто чрезвычайное.

Процесс этот имел необъяснимую неравномерность во времени. Если к концу V – первой половине IV в. до н. э. относится всего три кургана скифской знати – Солоха (18–19 м), Двугорбая Могила (5 м), Бердянский курган (8,4 м), то в середине – второй половине этого столетия сооружаются все остальные.

В IV в. до н. э. в Причерноморской Скифии возникают специальные курганы – святилища. У с. Первомаевка на Херсонщине насыпь кургана № 2 высотой 1 м диаметром 14 м была насыщена большим количеством костей животных и мелких фрагментов скифской лепной керамики. В центре прослежена овальная в плане выемка размерами 5,7 x 4,5 м, углубленная в древний горизонт на 0,7 м. В ней обнаружено большое количество золы, углей, костей животных, фрагментов лепных сосудов и амфор, сосредоточенных вокруг вкопанного в центре скифского антропоморфного изваяния контурного типа [Евдокимов, 1991-В: 90–92, рис. 14]. Вероятно, первоначально святилище представляло собой выемку, окруженную кольцевым валом, и лишь со временем, после залывания выемки грунтом, а еще более, вследствие распахивки, приобрело вид кургана. Этим же временем датируются святилища нескольких иного типа, открытые на Нижнем Дону и воле Кривого Рога. Курган Разрытый близ Азова представлял собой горизонтальную площадку, окруженную валом высотой 2,5 м, диаметром 76 м и широким рвом с широким проходом с СВ стороны. На площадке собраны фрагменты эллинистических амфор, кости барана и лошади. По отдельным находкам предполагается использование святилища и в сарматское время [Парусимов, 1992: 75]. Подобное святилище воле Кривого Рога представляет собой пло-

щадку около 20 м диаметром, окруженную рвом шириной около 20 м глубиной до 5,5 м и внешним валом высотой около 1 м диаметром до 90 м. На площадке и на дне рва обнаружены фрагменты лепных сосудов и амфор, а также кости домашних животных, в том числе и полные скелеты. Датируется второй половиной IV в. до н. э. [Мельник, 2002].

В конце IV в. прекращается сооружение царских скифских курганов и высшей знати. Началом III в. до н. э. датируются единичные позднейшие курганы рядового населения. На протяжении III – начала II вв. до н. э. происходит полная трансформация скифского общества. Скифское население резко сокращается по численности, сосредотачивается в районах речных долин и предгорий Крыма, Нижнего Поднепровья и Подунавья, в пределах так называемых Малых Скифий. Коренным образом меняется направление хозяйственной деятельности. Скифы становятся оседлыми скотоводами и земледельцами, живут теперь на поселениях и городищах. Соответствующим образом изменяется и погребальный обряд. Отныне это бескурганные могильники, приуроченные к поселениям. В отдельных случаях отмечается использование более древних курганов или склепов IV в. до н. э. для впуска захоронений этого времени. Вероятно, эти процессы связаны с изменениями климата [Полы, 1992: 99–123].

Сарматы, в середине – второй половине II в. до н.э. переселившиеся с востока в степи Северного Причерноморья, возобновили курганную традицию захоронений на нашей территории. Проживали они здесь до IV в. н. э. В целом отмечается преобладание впускных сарматских захоронений в более древние курганы, преимущественно – эпохи бронзы, очень редко – в скифские. Собственные сарматские курганные могильники известны в местах их постоянного обитания в Приазовье – Молочанские могильники, в Орельско-Самарском междуречье – Ново-Подкряж, Подгородное, Дмухайловка и др., в Нижнем Поднепровье – Усть-Каменка, у с. Брилевка на Херсонщине и в значительно большем количестве в Поднепровье и Подунавье – Алкалия, Виноградовка, Владычень, Дивизия, Казаклия, Нагорное, Новосельское, Огородное, Турлаки и др. [Вазьмитина, 1960: 17–21; Костенко, 1986: 10–35; 1993; Махно, 1960: 14–38; Симоненко, 1993: 94–98; Гросу, 1990: 110–121; Субботин, 1990].

² Следует учесть, что разведки Б.Н. Мозолева охватили только часть больших курганов.

В Северо-западном Причерноморье, в отличие от восточных территорий, сарматские основные подкурганные захоронения преобладают над впускными [Дзиговский, 1993: 9]. В этом регионе, в основном, в Днестровско-Прутском междуречье, известны также и грунтовые бескурганные могильники, имеющие планировку захоронений рядами [Холмское, Криничное, Васильевка, Селиште, Старые Куркешты I и II – Гросу, 1990: 26, 97; Дзиговский, 1993: 7–9]. Сарматские курганы отличаются малыми размерами (от 0,15 до 1,5 м высоты, лишь отдельные достигают 2,4–3 м) и в большинстве случаев простотой конструкции насыпи. Захоронения в курганах и грунтовые сопровождались ритуальными ровиками, круглыми, прямоугольными, трапециевидными и в одном случае треугольным в плане, с проходами и без [Гросу, 1979: 252]. По прямоугольным и трапециевидным ровикам, окружающим курганы, в некоторых случаях можно предполагать и соответствующую форму насыпей.

Известен и один сарматский длинный курган № 6 у с. Терны в Приорелье. Представлял собой восьмериковидную в плане насыпь длиной 55 м и шириной 32,5–37,5 м с двумя вершинами высотой 0,6 м, разделенными седловиной в центре. Здесь объединены в единую конструкцию два кургана с синхронными, сравнительно богатыми захоронениями. В стыке между ними в тайнике, устроенном с общего уровня древнего горизонта, был установлен котел, после чего оба кургана были объединены маломощной досыпкой [Мухомад, 1986: 137–142]. В кургане у с. Павловка на Херсонщине сарматское захоронение вшито в курган срубной культуры, досыпанный после этого в виде овала длиной около 40 м и укрепленный по краю подсыпкой из глины, взятой из двух ям, вырытых недалеко от кургана [Симоненко, 1993: 51, 76, рис. 14]. Курган высотой 2,1 м, также вытянутой формы, у с. Дракуля на Дунае был окружен трапециевидным рвом размерами 67 x 22–36 м. По-видимому, насыпь и в древности имела ту же конфигурацию [Гудкова, 1984: 50]. Вопрос о форме насыпи не всегда решается так однозначно. Например, курган № 2 у с. Нагорное высотой 1 м был окружен прямоугольным рвом размерами 54 x 10,5 м. Оплывшая овальная в плане насыпь кургана перекрывала ров только в центральной части [Гудкова, 1984: 42, рис. 42, 8], что свидетельствует о том, что в древности насыпь, имевшая

овальные очертания, занимала только часть пространства в пределах рва.

Лишь отдельные курганы сарматских царей и знати отличались усложненной структурой. Курган № 1 у с. Нагорное высотой 1 м сооружен в два приема. Первоначально погребение было перекрыто насыпью толщиной 12 см, в южной поле совершена тризна. Здесь обнаружено несколько скопленных обломков амфор. Практически сразу курган был досыпан и по основанию укреплен каменной обкладкой из вертикально вкопанных плит высотой до 1 м. С западной стороны в обкладке имелся разрыв шириной 4 м [Гудкова, 1984: 39–41]. Каменные крениды отмечены еще в нескольких сарматских курганах Северо-западного Причерноморья [Гросу, 1990: 28].

Курган у с. Семеновка сооружен в два приема. Первичное ядро кургана высотой 1 м диаметром 11,5 м по поверхности было покрыто трамбованным слоем глины толщиной до 0,2 м, перемешанной с соломой. После этого курган был досыпан до высоты 1,3 м и диаметра около 30 м [Дзиговский, 1981: 120, рис. 3].

Запорожский курган в г. Запорожье высотой 1,8 м и диаметром 20 м содержал захоронение знатного сармата. На глубине 0,35 м от поверхности в центре открыта вымостка из дикарного камня размерами 4,5 x 5,0 м. Центральное ядро насыпи диаметром 10,5 м окружала кренида из мелких камней. В центре подкурганной поверхности находилась прямоугольная яма глубиной 1,5 м, окруженная материковым выкидом. Выкид лежал на слое чернозема, что свидетельствует о том, что сооружение насыпи кургана началось до начала копания погребальной ямы, затем приостановлено, выкопана яма, после чего продолжено сооружение кургана. По-видимому, первоначально было сооружено центральное ядро насыпи диаметром 10,5 м и высотой 1,45 м, обложено кренидой по основанию, на вершине в центре выложена каменная вымостка, а затем курган досыпан до существовавших размеров [Mantsevich, 1982: 469–474, pl. 57–58; Шилов, 1983: 178].

Известно несколько чрезвычайно богатых захоронений сарматских царей и знати I–II вв. н. э., вшитых в большие курганы эпохи бронзы. В Соколовой Могиле высотой 6,4 м в Нижнем Побужье в простой яме с деревянным перекрытием на глубине 1,5 м открыто захоронение богатой сарматки [Ковпащенко, 1986: 9–11]. Курган у с. Пороги в Винницкой

обл. на Днестре высотой 4 м содержал два сарматских погребения – мужское и женское, совершенных в катакомбе и име глубиной 4,5–5 м [Симонович, 1991: 6, 29]. В Ногайчикском кургане в Крыму высотой 8,2 м погребение знатной сарматки сопровождалось мощной дощечкой кургана толщиной до 3 м, состоявшей из грунта, прокаленного в результате разлива и сгорания большого количества нефти на поверхности древнего кургана около места впуска погребения [Scepiński, 1994: 88–104; Симонович, 1993: 70–77]. На нашей территории открыто крайне мало сарматских захоронений царского уровня, что, вероятно, обусловлено традицией захоронения сарматских царей и высшей знати на родине – в Нижнем Подонье и Поволжье, в своеобразном сарматском Герросе.

В Северо-западном Причерноморье в составе сарматских могильников сооружались и ритуальные курганы незначительной величины, не содержавшие захоронений. В таких курганах открыты каменная крепида, следы кострищ и остатки приношений в виде амфорного боя [Гросу, 1990: 28].

Гуны вторглись в Восточную Европу в 70-х гг. IV в. н. э., что вызвало грандиозное перемещение народов на огромной территории вплоть до Пиренейского п-ова, получившее название «великого переселения народов». Это вторжение открыло эпоху продвижения на территорию Восточной Европы тюркоязычных кочевников, положивших конец тысячелетнему господству ираноязычных скифо-сарматских племен и европеоидных народов в целом. Гунские древности на нашей территории датируются концом IV–V вв. Захоронения этого времени крайне немногочисленны и, как правило, обнаружены случайно, вследствие чего достоверной информации по погребальному обряду имеется мало. У европейских гуннов сосуществовали захоронения грунтовые и под курганами незначительной величины до 0,5 м высотой. На территории Украины, помимо единичных одиночных захоронений, известен единственный бескурганый могильник из 9 могил у с. Ново-Григорьевка на Запорожье. На глубине 20–40 см эти могилы были перекрыты аккуратными вымостками из булыжника, мелкого битого камня и плиток диаметром 10,5–28,5 см до 40 см толщиной. Под ними в черноземе, достигавшем здесь толщины 1,1 м, обнаружены остатки захоронений, совершенных по обряду сожжения на стороне. Под

вымостками по всей площади встречались различные вещи и обломки обожженных костей животных и человека. Ни в одном случае не был нарушен материк. Несмотря на такую замаскированность захоронений, лишь два из них избежали ограбления [МРЗ: 132–136]. Предполагается, что каменные вымостки находились на поверхности и лишь с течением времени были затинуты грунтом [Засецкая, 1994: 12–15]. Однако представляется более верным, что вымостки были сделаны в углублениях и сверху присыпаны грунтом, с целью скрыть эти захоронения. Возможное объяснение такому обряду следует искать в предании о захоронении Атиллы, по-видимому, отражающем общую идеологию обряда захоронения гуннов. Согласно последнему, труп Атиллы был помещен в шелковый шатер среди степи, где с ним процарствовал воинство, после чего были совершены тризна и поминальный пар. Ночью труп, заключенный в три гроба (золотой, серебряный и железный), в сопровождении колоссальных сокровищ был тайно захоронен. Все участники захоронения, для сохранения тайны места погребения, были умерщвлены [Иордан, 1960: 117–118].

Раннесредневековые кочевники, прошедшие через наши степи на протяжении VI–IX вв. – гунны-акациры, оногуры, утигуры, кутригуры, сабиры, болгары, авары, хазары, – представлены единичными захоронениями в простых ямах, ямах с подбоями, иногда в сопровождении коня, впущенными в более древние курганы. Многие погребения обнаружены случайно, и с ними много неясностей. Единичные курганы этого периода незначительны по величине [Баранов, 1990: 105–115].

Позднесредневековые древности X–XIV вв. в наших степях оставлены печенегами, торками и половцами, последовательно сменявшими друг друга. В археологической периодизации выделяются два этапа: печенежский X – начало XI вв. и половецкий – середина XI – первая половина XIV вв. Для захоронений широко использовались курганы более древних эпох. Собственно кочевнические курганы этого периода по высоте не превышают 1 м. Распространены на территориях кочевий – в Донбассе, Приазовье, Крыму, на Нижнем Днестре и Днестре. Подавляющая масса курганов сооружена из грунта. Какие-то конструктивные особенности этого типа насыпей кочевнических курганов неизвестны. В районах выхода камня последний достаточно часто использовался при

строительстве насыпи в дополнение к массе грунта. Известны немногочисленные выкладки в виде колец на поверхности курганов, простейшие кромлехи-крепиды в основании насыпей. Изредка встречаются сплошные каменные обкладки поверхности курганов в виде панцирей. Внутри курганов камень иногда использовался для устройства оград вокруг погребальных ям, либо купольных перекрытий над ними на подкурганной поверхности [Федоров-Давыдов, 1966: 120].

Сообщение Г. Рубрука о том, что «команы [половцы] насыпают большой холм над усопшим» [Путешествия, 1957: 102], соответствует действительности только в части констатации существования курганного обряда. В украинских степях отсутствуют большие курганы, сооруженные средневековыми кочевниками. Исключение представляет единственный в своем роде Чингульский курган на р. Молочной высотой 5,8 м, где обнаружено захоронение половецкого хана середины XIII в. Но и здесь для впуска средневекового захоронения был использован курган эпохи бронзы высотой 1,5 м. Предварительно на поверхности древнего кургана была совершена тризна, от которой сохранились многочисленные обломки амфор. После этого вокруг вершины кургана из кусков дерна был сложен кольцевой вал высотой 3 м, в котором с востока и запада оставлено по два прохода. В центре пространства, ограниченного валом, была выкопана могила. По совершению захоронения яма была перекрыта деревянным настилом и вокруг нее были уложены пять вьюзданных и оседланных коней. Затем пространство внутри вала было заполнено грунтом, в результате чего на высоте 3,3 м образовалась плоская площадка. Площадка разделялась пополам по линии север-юг невысокой перегородкой из известняка. Вслед за этим курган был досыпан черноземом до высоты 3,6 м, в результате чего приобрел вид конуса со срезающей вершиной. На этом уровне на вершине были сооружены два каменных сооружения, в одном из которых обнаружены следы кострища. Последняя двухметровая черноземная досыпка скрыла и эти строения. После завершения сооружения насыпи курган окружили кольцевым рвом глубиной 2,2 м, диаметром 58–60 м, разделенным семью проходами. Безусловно, столь небывалая для средневековья величина кургана обусловлена рангом погребенного, в котором предполагают половецкого хана эпохи завоевания половецкой степи

ордами Батыея – хана Тигака, предводителя небольшой орды, состоявшего на службе у Даниила Галицкого в 1245–1253 гг. [Отроценко, 1986-В: 15, 32; 1986-В: 31–32; 1991: 271].

Собственные захоронения татаро-монголов времени завоевания Восточной Европы и существования Золотой Орды XIII–XIV вв. в наших степях неизвестны. Татаро-монголы в массе завоевателей, пришедших в Восточную Европу в XIII ст., были крайне немногочисленны и, по-видимому, представляли только высшее руководство и воинскую знать. Согласно Плаву Карпини (палекий посланник к монгольскому хану в 1245–1247 гг.), всех представителей высшей монгольской знати, где бы они не умерли, перевозят на родину и хоронят на специальном кладбище в земле монголов. Существовало также отдельное кладбище для погибших в Венгрии [Путешествия, 1957: 33]. Все обнаруженные в наших степях погребения этого периода принадлежат представителям подвластных монголам народов, покоренных и вовлеченных в завоевательный поток [Зяблин, 1955: 95], преимущественно половцев, остававшихся основным населением в причерноморско-приазовских степях и после монгольского завоевания вплоть до начала XV в. [Федоров-Давыдов, 1981: 231]. В качестве примера можно указать курган XIV в. у с. Каменка блин Очакова с захоронением знатного половецкого воина в сопровождении вьюзданного и оседланного коня в отдельной яме. Курган для кочевника необычно большой, высотой 2 м, был укреплен каменной крепидой или панцирем [Добролюбовский, 1991: 225–229].

Курганная традиция постепенно затухает на севере Украины – после принятия христианства (988 г.), на юге – после принятия ислама (1312 г.). Позднейшие кочевнические курганы датируются XIV в. [Федоров-Давыдов, 1966: 9], после чего традиция строительства курганов в восточноевропейских степях прекращается.

На протяжении всей курганной эпохи в украинских степях их строительство в различные периоды велось с разной интенсивностью. По подсчетам И.Т. Чернякова, на территории Украины 70–80% курганов сооружено племенами ямной культуры, 1–2% – племенами катакомбной культуры, 8–9% – представителями других культур эпохи средней и поздней бронзы, 2–3% – скифами, 2–3% – средневековыми кочевниками [Черняков, 1993: 7]. По-видимому, эти подсчеты являются усредненными, поскольку для Нижнего Поднепровья

доля скифских курганов в общем количестве несколько выше, при том, что средневековые курганы достаточно редки.

Кочевники, заселившие украинские степи в XIV–XVII в., перекопские татары и ногайцы, согласно свидетельству начала XVII в. доминиканского монаха Де-Люка, хоронили своих покойников на кладбищах, в гробах или без, в глубоких ямах, засыпанных сверху камнями или кучей земли [Де-Люк, 1879: 482, 487]. И такие кладбища, устроенные, в основном, в курганах эпохи бронзы, изредка в скифских и сарматских, хорошо известны. Как правило, такие захоронения встречаются группами до нескольких десятков. Устроены в узких прямоугольных ямах или ямах с подбоем в южной стенке, в подавляющей массе безыскусные. Изредка встречаются мелкие наметки или кремневые отщепы, найдено всего несколько выразительных вещей. Костяки в погребениях вытянутые или слабо скорченные западной ориентации. Нередко отмечается поворот лицевой части черепа, а то и всего костяка (при этом погребенный лежит на боку) вправо, то есть к югу, в сторону Мекки, что свидетельствует о магометанском вероисповедании погребенных. По установившейся среди археологов традиции, их именуют ногайскими [Клейн, 1960: 148, 156; Шмаглый, 1970: 32; Тоцев, 1978: 157; Ляшко, 1988: 63].

Такие могильники открыты в Дунай-Днестровском междуречье. В кургане № 9 у с. Нерушай высотой 2,5 м обнаружено 48 ногайских погребений [Шмаглый, 1970: 15–32]. В сарматском кургане Дракуля высотой 2,1 м открыто 148 позднесредневековых захоронений [Гудкова, 1980: 66–92]. В кургане у с. Мирное высотой 3,6 м обнаружено 46 ногайских погребений [Станко, 1972; Тоцев, 1978: 157]. Еще один ногайский могильник открыт в кургане у с. Кочковатое (Вашнево) [Добролюбовский, 1986: 23]. Ногайский могильник второй половины XVIII в. открыт у с. Бурсучень на территории Молдовы [Бачинский, 1990: 209].

Известны такие могильники и в Ногайской степи между Днепром и р. Берда. У с. Ново-Алексеевка (Лазурное) близ Скадовска в кургане высотой 3,9 м обнаружено 17 ногайских погребений [Черненко, 1974: 31–38]. В скифском Бердянском кургане высотой 8,4 м и вокруг него открыто 75 ногайских погребений [Черемиченко, 1981: 42–59]. У с. Балки в кургане высотой 5 м открыты 23 ногайских захоронения, которые, согласно антропологическим

определениям С.И. Круз, принадлежат смешанному типу с заметным валетом монголоидности [Ляшко, 1988: 63]. В крупнейшем в степной Украине позднесредневековом могильнике на Мамай-горе в Запорожской обл. среди 974 захоронений XII–XIV вв. [Ельмиков, 1998: 76; Тоцев, 1999: 250] часть безыскусных захоронений может быть более позднего времени и принадлежать ногайцам [Андрух, 1999: 121–122, рис. 33, 17].

Уникальное ногайское захоронение XVI–XVII в. исследовано у с. Троицкое в долине р. Молочной в восьмиугольном сооружении из сырцовых блоков с купольным или коническим перекрытием, типа юрты. Здесь под сырцовым надгробием обнаружено захоронение в деревянном прямоугольном гробу, обшитом железными полосами. Костяк лежал в характерном положении головой на запад, лицом к югу [Каленецкий, 1951: 1–9].

Ряд курганов, содержащих типичные позднесредневековые могильники, исследован на Перекопском перешейке и в прилегающем районе крымского Присивашья. У с. Рисовое в 4 курганах высотой 0,3–1,2 обнаружено в общей сложности 163 захоронения. Еще 48 подобных захоронений обнаружено в курганах № 14 высотой 2,6 м между сс. Старое и Красное, у с. Мартыновка в кургане № 2 высотой 2,3 м и в курганах №№ 7 и 8 у с. Колоски. Эти могильники трудно поддаются датированию из-за отсутствия инвентаря. Только в 3 захоронениях встречены невыразительные вещи. Погребения датированы в пределах XIV–XVII вв., а по наличию подбоев сделан вывод о нехристианской принадлежности. Тем не менее, предполагается, что данные кладбища-могильники оставлены более или менее оседлым населением [Когонашвили, 1969: 302–323].

Такие могильники открыты и в курганах №№ 15 и 16 у с. Целишше. Здесь в стоявших вплотную курганах высотой 0,7 м и 3 м, а также околокурганном пространстве обнаружено 60 аналогичных погребений в ямах и подбоях, составлявших единое кладбище [Корпусова, 1977: полевые чертежи, курганы № 15 и 16; 1984: 87–107]. В целом для курганов крымского Присивашья, в сравнении с «материковой» степью, отмечается значительный разбой в погребальном обряде. Господствуют узкие ямы, сильные колебания ориентировок в пределах западного сектора. Сравнительно редко прослеживается поворот черепов к югу, есть противоположные повороты при господстве

положения лицом кверху. По-видимому, это может объясняться пестротой состава здешнего населения, в котором представлены и кочевые татары перекопской орды, и ногайцы, и татары оседлые.

А.О. Добролюбовский захоронения этого типа в Северо-западном Причерноморье считает печенежско-торцескими, изменившими на протяжении XIII в. ориентировку, и датирует ордынским временем XIII–XIV вв. на основании находки наконечника стрелы в подбойном погребении № 143 могильника Дракуля [Добролюбовский, 1986: 70–73]. Однако речь должна идти прежде всего не о смене ориентировки погребенных с восточной на западную, в общем-то, существовавшей и в X–XIII вв., а об изменениях погребальной идеологии в целом. Это не единичные захоронения X–XIII вв., совершавшиеся исключительно на вершине кургана в центре или под собственными насыпями, а целые кладбища, как правило, смещенные в какую-либо из пол кургана, чаще южную, и редко захватывающие центр насыпи. О весьма значительных изменениях свидетельствует и практически полное отсутствие вещей при погребенных.

Погребение № 143 в Дракуле резко выделяется из ногайского массива прежде всего наличием набора погребального инвентаря. Здесь найдены обломки железа, предположительно определенные в полевом отчете как наконечник стрелы, кремневый желвак, ажурная костяная пряжка и остатки жертвенной пицци – кости крупного животного [Гудкова, 1980: 66–92]. Наконечник очень сомнительный: всего 2,5 см длины, черешок, если это черешок, плоский. В целом все это совершенно нехарактерно для наконечников стрел этого времени. По рисунку вещь больше похожа на обломок металла. Рядом с ним в погребении лежал кремневый желвак, в сумме с которым можно видеть огниво. Наличие напутственной пицци вообще исключает это погребение из данной группы. Костяная пряжка по геральдическим элементам формы скорее может относиться к кругу раннесредневековых древностей. В целом же это погребение полностью выпадает из контекста могильника и не может определять его дату. Поэтому датировка золотоордынским временем для могильников ногайского типа не может быть принята.

Датировка ногайских захоронений не ограничивается только XIV–XVII вв., а охватывает и конец XVIII – первую половину XIX вв.,

когда ногайцы, уже в качестве подданных Российской Империи, проживали на территории Бердянского, Мелитопольского и Днепровского уездов Таврической губ. (в пределах современных левобережных Запорожской и Херсонской обл.), а до начала XIX ст. и в Дунай-Днестровском междуречье. В литературе никаких сведений о погайских захоронениях этого периода нет. В XVIII в. татары Поволжья продолжали хоронить своих покойников в подбоях [Зяблин, 1955: 84]. Поэтому нет оснований считать, что и ногайцы в это время изменили свой погребальный обряд, несмотря на административное рвенние чиновников, ведавших устройством ногайцев в местах их проживания и стремившихся максимально быстро их «цивилизовать» и превратить в оседлых земледельцев. Это произошло в посадке близ ногайских кладбищ рощиц, называвшихся «родительскими памятниками», где «всякий набожный ногаец должен был в память умерших... посадить несколько деревьев и охранять их от повреждения и запустения в течение известного времени» [Скальковский, 1843: 178]. Скорее всего, и в это время они продолжали использовать древние курганы для захоронений.

В среде нового населения, осваивавшего степи Нижнего Поднепровья в XVIII–XIX вв., возникли представления о курганах как о казацких могилах и специальных сооружениях, выстроенных казаками для несения дозорной службы. В литературе также высказывалось такое мнение [Терещенко, Б: 10]. Н.И. Костомаров в перечне состава казацкого войска обнаружил неких «могильников», назначение которых, по его мнению, в документах определено совершенно ясно и доказывает, что в XVI–XVII вв. действительно насыпались сторожевые курганы со стратегической целью [Костомаров, 1878: XXXVIII].

Отнесение этих сведений к запорожцам вряд ли правомерно, поскольку в запорожском войске, в отличие от армий европейского типа, не существовало военной специализации. В конкретной ситуации все делалось по необходимости каждым – конный казак становился пешим и наоборот, в походах на чайках все превращалось в гребцов. Выделились только гармати, хотя при случае многие могли исполнять обязанности пушкарей. Подразделения такого рода, по сути саперы, должны были существовать в войске гетманской Украины, имевшем черты регулярной организации. Объем земляных работ по строительству и ремонту

различных земляных укреплений городов и замков или их ликвидации в условиях постоянной военной нестабильности в XVI–XVII вв. всегда был достаточно велик.

Также известно, что начиная со времен Хмельницкого все казачество и старшина, как в гетманщине, так и за порогами, в документах одинаково именовались «войском запорожским». Только в 1751 г. по жалобе запорожцев гетман К. Разумовский специальным универсалом запретил гетманской старшине именоваться титулом «Запорожского Войска» [А.Л., 1889: 740–741]. Видимо, эта двойственность лежит в основе неверного отнесения «могильников» к запорожскому войску.

К постоянной службе по охране границ запорожцы приступили лишь в XVIII в., уже в составе Российской империи. При этом службу на специально сооруженных редутах и фигурах несли регулярные российские и украинские полки. Посты эти, предназначенные не только для охраны границ, но и для контроля за низовым войском, всячески стесняли запорожцев, и они неоднократно хлопотали об их упразднении. На долю запорожцев выпадала пикетная служба («чаты») по наблюдению на линии границы в районах днепровских переправ и различных урочищах на направлениях набегов татар. В ней было задействовано до четверти низового войска [Посты, 1875: 208–210; Скальковский, 1885: 110–116]. Для этого не требовалось строительства специальных сторожевых могил, поскольку существовало более чем достаточное количество древних курганов любого размера на выбор. Здесь использовались существовавшие курганы, являющиеся древними погребальными памятниками. Подтверждение тому – раскопки Сторожевой Могилы возле Днепропетровска [Тереножкин, 1951].

Несомненно, такого рода посты при необходимости практиковались запорожцами и в XVI–XVII вв. По свидетельству Боплана, казаки стерегли татар в степи на каждых 2–3 милях и как только обнаруживали врага, немедленно отступали для оповещения приграничных жителей [Боплан, 1832: 33]. Но это не были стационарные, обустроенные посты, а скорее секретные, незаметные врагу. Их расположение и количество были непостоянными и зависели от ситуации в степи.

В.Н. Ястребов, хорошо знакомый с реальной ситуацией в степи, позагал, что число таких искусственных курганов должно быть

очень незначительно, так как практически в любой точке степи всегда существовало огромное число древних курганов, в том числе и больших, которые при необходимости можно было использовать в сторожевых целях [Ястребов, 5/г: 9, 15].

Д.И. Яворницкий писал об использовании древних курганов запорожцами для размещения наблюдательных постов, что действительно подтверждается сохранившимися названиями курганов на Нижнем Днепре – Сторожевая, Стереча, Бекетня, Маякова, Маячная могилы, Маяк и т. д. По-видимому, на основе мнения Н.И. Костомарова, он также выделял «особое сословие людей-могильников, по-теперешнему саперов, которые возводили всякие земляные насыпи». Он полагал, что казаки специально сооружали земляные укрепления, получившие в народе названия «роблени могилы», остатки которых легко распознаются по наличию вокруг них валов и канав [Яворницкий, 1990: 318]. Однако это не так. Кольцевые валы и рвы являются характернейшим признаком больших скифских курганов как в степи, так и в лесостепи. А «роблени могилы», или майданы, как это установлено многочисленными раскопками таких объектов, все до единого являются остатками древних курганов, разрушенных при добыче селитры [Полин, 1995: 86–87]. Академик Гильденштедт в 1774 г., посетивший земли Новороссии в 1773–74 гг., прямо называл майданы «селитряными холмами» [Guldenstedt, 1791: 173]. С.И. Мышецкий писал о том, что курганы были взяты (нем – не сообщает) для делания селитры, за что запорожское войско получало плату [Мышецкий, 1847: 75]. В целом существование курганов, специально сооруженных запорожцами в качестве сторожевых наблюдательных пунктов или укреплений, археологических подтверждений не имеет [Миллер, 1934: 126].

По утверждению С.И. Мышецкого, у турков и татар, запорожских казаков и поляков сохранился обряд захоронения в курганах [Мышецкий, 1847: 35], что не соответствует действительности. О поляках вообще говорить не приходится. Можно указать лишь единственный случай, имевший исключительно символическое значение и никак не связанный с обычной погребальной практикой. В 1820 г. близ Кракова был насыпан курган в честь Костошко [Келлен, 1908-В: 6]. Об использовании татарами (ногайцами) древних курганов для впуска своих погребений при отсутствии

собственной традиции сооружения курганов уже говорилось. Для времени казачества в древних степных курганах известны отдельные впускные христианские захоронения – вероятно, казаков, чумаков, купцов и прочего путешествующего люда [Ястребов, б/г: 14], несомненно являющихся следствием экстраординарных событий. В обычной жизни запорожцы, согласно христианскому обряду, устраивали обычные кладбища, хорошо известные по берегам Низового Днепра.

В с. Капуловка Никопольского р-на существовал курган с захоронением легендарного кошевого атамана Низового Запорожского Войска Ивана Дмитриевича Сирко. В 1967 г., в связи с разрушением берега водами Каховского моря, захоронение атамана было перенесено в безопасное место на большой курган в окрестностях села. Для этого было проведено раскопки первоначального кургана и извлечены останки атамана. Поскольку всей процедуре в те времена придавалось исключительное политическое значение, исследование происходило в условиях секретности и крайней спешке – в течение одного дня, при совершенно ненормальных погодных и психологических условиях.

Установлено было следующее. Захоронение атамана было впущено сверху в курган с полусферической насыпью высотой 1,5 м, диаметром 7 м. Яма прорезала насыпь и была углублена в материк на 1 м. Более древних захоронений в кургане не обнаружено [Бекетова, 1999: 44–45]. Учитывая целенаправленный характер раскопок, нет уверенности в отсутствии древних захоронений, над которыми был сооружен курган, оставшихся неисследованными. Но достаточно четко зафиксировано, что сооружение курганной насыпи не было связано с захоронением атамана и предшествовало ему.

В «межевых записях» 1705 и 1742 гг. о границе между Россией и Турцией упомянуты земляные насыпи, специально сооруженные для демаркации линии государственной границы в открытой степи между верховьями рек Кошка и Берда, где отсутствовали какие-либо естественные ориентиры [Инструмент, 1848: 834]. Они выполняли функции пограничных знаков и ставились парами, друг против друга, с турецкой и российской сторон. Эти насыпи в документах также названы «курганами». В 1746 г. при решении территориальных споров между запорожскими и донскими казаками несколько «складенных курганов» из земли

и камня были сооружены для обозначения разграничительной линии вдоль нижнего течения Кальмиуса. В 1774 г., при обозначении новой российско-турецкой границы по условиям Кучук-Кайнарджийского договора, ее степной участок от Голой Пристанки до Черного моря был обозначен по древним курганам, «случившимся» на линии границы. Несколько земляных насыпей для этого случая были специально насыпаны в промежутках между ними. В документе они также именуется «курганами». На правом берегу Днепра для маркировки линии границы в междуречьях малых рек по степи от впадения Ташлыка в Буг до впадения Каменки в Днепр (выше Берислава) также было насыпано около двух десятков «курганов». И здесь в качестве готовых ориентиров использовались также и древние курганы, попавшие на линию границы [Яворницкий, 1990: 32, 34, 40, 50–51], что нашло отражение в названиях курганов типа «Межевая Могила» [Ястребов, б/г: 9]. Специально насыпанные пограничные «курганы» сооружались в виде определенных фигур, «с положением уголья». На левом берегу они имели вид круглой насыпи диаметром в 4 сажени с продолжениями в виде валов, отходивших в противоположные стороны на 2 сажени по линии границы. Все сооружение насыпалось из грунта, взятого из рва, его окружавшего. На правом берегу пограничные знаки – «курганы» – ставились парами друг против друга: с российской стороны в виде прямоугольной насыпи, окопанной рвом, с турецкой – в виде круглой насыпи, также окруженной рвом. На древних курганах, попавших на линию границы, выкладывались специальные пирамиды. В целом число этих «курганов» на всем пространстве от Берды до Буга было невелико – не более четырех десятков [Топографическое описание, 1868: 166–167, 172].

Использование древних курганов в погребальных целях продолжалось и в XVIII–XIX вв. новым оседлым населением. Иногда это было связано с чрезвычайными событиями. Упоминаются Чумные Могилы близ Ольшанки и Знаменки бывш. Александрийского уезда, захоронения ратников ополчения в кургане в Николаеве. Достаточно часто в степных селах на курганах устраивались христианские кладбища [Ястребов, б/г: 14–15], что широко практикуется и в наши дни.

⁴ Одна из таких Межевых могил, являвшаяся курганом эпохи бронзы, была исследована у г. Ординокладне в 1992 г.

4.2. О НАЗВАНИЯХ КУРГАНОВ

Описанные в книге курганы имеют индивидуальные названия, различные по происхождению. Курган Водяна Могила был назван Б.Н. Мозолевским по имени одной из двух близлежащих балок – Водяной. Возможно, некогда он именовался иначе, по старое название не сохранилось. Название Бабина Могила, взятое с трехверстки Российского Генерального штаба середины XIX в., давно кануло в лету, и местное население знало его как Орлову Могилу. Возникновение названия Соболева Могила относится уже к советскому времени: названа именем красного командира (комиссара?) Д.С. Соболева, захороненного на кургане в годы гражданской войны.

Перенос географической топонимики на археологические памятники или присвоение им каких-либо имен издавна практикуется археологами и при обилии окружающих названий выбор «имени» для исследуемого памятника определяется вкусом исследователя. Скифский курган, входивший в состав Близиц возле с. Марьевка, И.Е. Забелин назвал по имени Геремесия, владельца близлежащего хутора, – Геремесов курган. Толстая Могила у дороги Екатеринослав – Никополь названа Краснокутским курганом по названию стоявшей рядом почтовой станции Краснокутская, в свою очередь названной по фамилии землевладельца. Одна из Близиц и Острая Могила, исследованные И.Е. Забелиным возле Томаковки, получили название Томаковских. Другая Близица, раскопанная здесь же, названа по фамилии владелицы земли г-жи Словова. Известный курган белозерской культуры Широкая Могила у с. Малая Лепетиха на Херсонщине высотой 9,6 м Н.И. Веселовский назвал, исходя из огромного диаметра кургана – около 120 м [Латышев, 1926: 200]. Хомина Могила, исследованная Б.Н. Мозолевским в 1970 г., была названа по близлежащей балке. Чабанцова Могила, исследованная в 1972 г., была названа по фамилии начальника экскаваторного парка ОГОКа, обеспечивавшего раскопки техникой. Денисова Могила получила свое название в честь шахтера Дениса Яковлевича Бондаренко, нашедшего в этом кургане знаменитый перстень.

Несомненно, в прошлом каждый более-менее значительный по величине курган имел собственное «имя». К сожалению, курганная топонимика мало привлекала внимание исследователей.

И на сегодняшний день эта информация в большинстве случаев безвозвратно утрачена. События революционных лет, гражданской войны, периода коллективизации, голода 1933 г., сталинского террора, Отечественной войны, повлекшие колоссальные перемещения населения и исчезновение целых его групп, изгладили в народной памяти большинство названий. В наши дни на юге Украины весьма редко можно узнать название какого-либо кургана.

Много старых названий крупных курганов сохранилось на картах Российского Генерального штаба, составленных на основе первых инструментальных топографических съемок 1845–1873 гг. [Сасса, 2000: 80]. Впрочем, и здесь эти сведения не отличаются полнотой. Так, Александропольский курган (Луговая Могила) и Нечлева Могила, по своей величине относящиеся к крупнейшим курганам Северного Причерноморья, Орлова Могила и Краснокутский курган высотой 8–10 м, а также Водяна Могила на этих картах остались безымянными.

Ряд наименований для таких курганов появляется на довоенных картах Генерального штаба РККА. Здесь трудно судить о времени возникновения этих названий. Данная топонимика вполне может быть как старой, так и вторичной и принадлежать недавнему прошлому. О переименовании Бабиной Могилы в Орлову уже говорилось. Курган, исследованный А.А. Спицыным в 1897 г., известный в науке под именем Башмачка, после его раскопок стал называться у местного населения Раскопанная Могила [Волковой, 1981: 45]. На трехверстках XIX в. Чередникова Могила возле г. Орджоникидзе [Мозолевский, 1988] имеет название Супруновой Могилы. Появление названия Испановы могилы, данное Б.Н. Мозолевским по Испановой балке, обозначенной на картах советского периода [Мозолевский, 1980: 136], можно объяснить только небрежностью картографов, неверно списавших старое название. Никопольский краевед А.Ф. Крестьянов обратил внимание на то, что на картах прошлого века это название пишется иначе – Мосманова балка.

По-видимому, эти карты являются единственным источником, наиболее полно зафиксировавшим названия курганов. В какой-то мере их дополняют археологические публикации XIX – начала XX вв. [Кенен, 1837; 1908; Ястребов, 1894; 6/г; Гошкевич, 1903]. Однако научная ценность информации по названиям

курганов в этих работах снижается из-за отсутствия топографических привязок курганов к местности.

Для украинской лесостепи известны единичные названия курганов, восходящие к временам Киевской Руси. В летописях значится в Киеве Дирова Могила за Святою Приною (882 г.), Ольгова Могила на Щекавице (912 г.) [Срезневский, 1989: 162]. Некоторые из них дожили до наших дней. Курганы Перепят и Перепятиха, Великая Могила в районе современного с. Марьяновка Васильковского р-на Киевской обл., зафиксированные археологами при раскопках в XIX в., упомянуты в древнерусских летописях и грамотах под 1151, 1159 и 1172 гг. [Древности, 1846: 1–4; Скорий, 1990: 5].

В документах XIV–XV вв. в Молдавском княжестве упоминаются Домнева могила, могила Русова, Ворлова, Додова, Ротымпанова, Душанная, Копана могила (встречается дважды), Роскопанница-могила, и в Волынской земле – Грицева, Дурная, Зборная, Медвижа, Чудова могила [Словник, 1977: 604].

На Слобожанщине названия курганов, как полагал В. Пассек, не древнее времени «Гетьманщины» и «Татарщины» [Пассек, 1838: 221].

В пределах «вольностей запорожских» каждый курган, как и каждая балка, ручей, речка и урочище имели свои имена. Однако после разгрома сечи и ухода большей части казачества, в связи со сменой населения, сохранилось немного. К тем временам восходят названия типа Сторожевая, Бекетная, Малчная и т. п. Возле с. Кодак на Днепропетровщине исследован курган ямной культуры Сторожевая Могила [Тереножкін, 1951]. Курган Бекетная Могила отмечен на карте XIX в. на высоком Днепровском берегу ниже г. Николая.

Ряд названий сохранили документы Коша Запорожского. В описании участка границы Запорожья 1764 г. значится: «От устья речки Орели Лысой горки, по Коммисареву Шуялковского могилу, которая потому называется «Шуялковского», что на оной комисара Шуялковского Запорожскими козаками, в то время, когда ляхов Запорожцы з Самары гнали, убито [1635 г.]. Нынчеже сия могила называется Олейниковою. От той могилы по могилу Цегловату, которая была разроблена давними временами. От той могилы Цегловатой, по три могилы, да по Рясские могилки. От Рясских могилки по Громовуку могилу, а ныне прозываемую Майданец, которая по той причине «Громовою» называется, что козака на оной

гром убил с конем. От той же могилки до могилки Три-Браты прозываемых, которые потому называются «Три-Браты-могилки», что при оных давними временами три брата от нападения Татарского отбивались, з коих одного было убито, а двух живцем взято; а там между Майданцем могилу и Рядовыми могилками... От тех же Рядовых могилки до Скотоватой, а от Скотоватой до Аслановой могилы, которая по той причине называется Аслановою, что на оной козака Стеблевского куреня, давних времен татарами убито; от Аслановой могилы до Окатых могил, которые потому называются Окатыми, что между ими козак женучись за зверем, как впал конь, то ему и коневи по одному оку выдралось. От Окатых могилки до Довгой могилы, от Довгой до Деевой, от Деевой до Лебежих могил розроблених; от Лебежих могил до речки Бузевки, на вершины могил раскопаных Бузевских от Хрищеватой могилы до Дунаевского байрака в урочище Берез... Между Выком и Добревками могила разроблена. От тех же урочищ на вершине Гришиной балки, могила разроблена...» [Скальковский, 1885: 103–104; 1886: 312–313].

В этом отрывке отражен целый исторический пласт жизни названий курганов. Названия связаны с конкретными местными событиями и легко меняются в связи с новыми происшествиями. Частая встречаемость названия «рооблени» могилы, переименование Громовой могилы в Майданец, по-видимому, фиксирует период широкой добычи селитры в пределах вольностей запорожских [Мышецкий, 1847: 75], уже относительно давний для запорожцев середины XVIII в. Уходят корнями в запорожские, а возможно, и более древние времена и названия классификационного уровня – Довги, Рядовые, Рясские могилы и т. п.

Основная же масса названий курганов степного Северного Причерноморья, дошедшая до нас, возникла в более поздние времена – при освоении присоединенных в результате русско-турецких войн земель Новороссии, заселявшихся в конце XVIII – начале XIX вв. различными группами украинского и русского населения. Иной раз в составе русских переселенцев встречались представители иных этносов. В Приазовье район Акимовки – Ефремовки под этим именем заселяли мордвины [Народи, 1997: 15]. При этой колонизации происходило обживание окружающего ландшафта новым населением, называвшего курганы «казацкими», «татарскими» или «турецкими» могилами, что на

самом деле не имело ничего общего с исторической реальностью. Некоторые из курганов носят такие названия как собственные. Так, знаменитый Братолобовский курган на Херсонщине, названный археологами по ближайшему селу, у местного населения именовался Турецкой или Татарской Могилкой [Дубышев, 1990: 18; 1994: 141–144].

При том, что в колонизационном потоке, заселявшем вновь присоединенные земли, заметную долю составляли зарубежные эмигранты и выходцы из западных губерний – менониты (религиозное течение, объединявшее фризов, фламандцев, немцев), немцы, шведы, евреи, поляки, чехи, албанцы, молдаване, армяне, гагаузы, греки, караймы, итальянцы [Скальковский, 1850: 256–292; Орлова, 1993: 38–49; Народы, 1997: 15–22], и в названиях населенных пунктов их проживание запечатлено, курганные названия, связанные с ними, нам неизвестны. На Нижнем Днестре В. Григорович отмечал отсутствие интереса к окружающим древностям и истории здешних мест у немецких колонистов [Григорович, 1874: 36], что может быть частичным объяснением этому.

Также вполне возможно, что они просто не дожили до наших дней или были переработаны в славяноязычной среде. В этой связи любопытно название населенного пункта и известного в скифской археологии одноименного кургана Мартоноша в Кировоградской области [Ковпаненко, 1989: 164, № 158/2]. Его шестилетнее звучание является результатом украинизации сербского названия Мартонош, принесенного на нашу территорию в середине XVIII в. при заселении тогдашней территории Новосербии выходцами из Австро-Венгрии. Среди гусаров полковника Хорвата были сербы, греки, молдаване, валахи, венгры, немцы, поляки. Многие вновь учрежденные селения (шанцы) были названы по родным местам переселенцев – Бечи, Вараждия, Глоговац, Сомбор, Вершац, Шолмош, Чонград, Павлыш, Глинск, Крылов, Крюков, Сланкамень. В 1784 г., после ликвидации Новосербии, они были переименованы по старым названиям запорожских зимников. Глинск, Крылов, Крюков, Павлыш сохраняли свои имена [Скальковский, 1850: 224; Примечания, 1884: 114, 118; Пишчевич, 1884: 118; Яворницкий, 1990: 47].

В причерноморско-приазовских степях наиболее древними из дошедших до нас являются названия курганов тюркского происхождения, хотя и для них трудно достоверно

установить время возникновения. Видимо, реально можно говорить о времени после распада Золотой Орды и возникновения Крымского ханства в 1449 г., и переселения ногайцев в конце XV – начале XVI вв. [Скальковский, 1842: 109; Бромевский, 1867: 339], когда наступила относительная стабилизация в распределении территорий. Ногайцы во второй половине XVIII в. вошли в число российскоподданных и были определены на постоянное жительство в Бердинском, Мелитопольском и Днепровском уездах Таврической губернии, где и пребывали до 1862 г., вплоть до массового бегства в Турцию. Здесь сохранялась ногайская и татарская топонимия вплоть до Великой Отечественной войны. Также и на территории Крыма, где постоянное татарское население сохраняло преемственность в названиях вплоть до сталинской депортации из Крыма (Куль-Оба, Алтын-Оба, Дорт-Оба, Кеми-Оба, Кара-Оба и многие другие). После войны значительная часть на территории Крыма и практически весь массив тюркских топонимов в Присивашье-Приазовье в административном порядке были заменены славяноязычной топонимикой [Скальковский, 1850: 299–303; Сергеев, 1912: 1–6; 1913: 186, 205; Орлова, 1993: 37–38; Белянский, 1998: 13–14].

На территории «вольностей запорожских» тюркские названия сохранились преимущественно в гидронимах. Реки Базавлук, Томаковка, Чертомлык в районе Николая и др. отражены в источниках с XVI ст. в связи с казачеством [Архив, 1886: 103–105; КБЧ: 112]. Вероятно, их возникновение предшествовало появлению здесь казачества. Название «могила Чертомлык» впервые засвидетельствовано около 1750 г. [Корж, 1842: 24]. Курган получил свое имя по названию р. Чертомлык, верховья которой находятся поблизости, в переводе означающей «речка, богатая щуками» [Янко, 1998: 389]. В 1781–82 гг. для него зафиксировано название «Толстая могила» [Зуев, 1787: 265], в 1852–54 гг. то же отметил А.В. Терещенко [Терещенко, 1866: 6]. Я.М. Лазаревский, принимавший участие в раскопках Александрополя в 1855–56 гг., со слов местных жителей записал название «Чертомлыкская могила» [Лазаревский, 1894: 43]. Название «Толстая Чертомлыкская могила» упомянуто в 1862 г. в письмах председателя Императорской Археологической комиссии С.Г. Строганова. И.Е. Забелин в 1862–63 гг. записал названия Толстая могила, Чертомлыкская могила или Черто-

млык [Забелин, 1865: 76; Чертомлык, 1991: 12]. На трехверстке Российского Генерального штаба издания 1863 г. курган обозначен как «Могила Баба» (ряд 28, лист 13), что связано с установленным на нем половецким изваянием. Археологи это название вообще не знают. Тем не менее, и на современных крупномасштабных топографических картах курган Чертомлык именуется именно так.

В Ногайской степи, помимо обильной гидро- и топонимии, известны и тюркские названия курганов. Сытыр (корова) назывался скифский царский курган высотой 14 м у с. Новоалександровка на Херсонщине вблизи Нижних Серогоз, исследованный в 1865 г. И.Е. Забелиным. Вошел в науку под названием курган Козел [ОАК, 1865: X–XI; Нейман, 1902: 166; Лесков, 1974: 14]. Остается только гадать, каким образом корова трансформировалась в козла. Название Огуз или Огюз (бык) носил один из крупнейших царских скифских курганов Северного Причерноморья высотой более 20 м, находившийся у Нижних Серогоз на Херсонщине. Считается, что от названий курганов Сытыр и Огюз получили наименования Серогозская балка и сами Серогозы, основанные в 1820 г. [Нейман, 1902: 166; История, 1972: 490]. Бердянский курган имел ногайское «имя» – Мизарли-Тубе [Болтрик, 1994: 140]. Курган Тащенак южнее Мелитополя расположен неподалеку от одноименной речки [Болтрик, 1991-В: 8]. По-видимому, и название Гаймановой Могилы, исследованной у с. Балки на Запорожье [Видзля, 1971], имеет тюркские корни.

Для Северо-западного Причерноморья зафиксированы многочисленные молдавские и тюркские названия курганов, связанные по происхождению с коренным населением. Здесь в первой половине XIX в. сохранялось достаточно много исторических названий курганов, связанных с событиями XVIII – начала XIX вв. – Шведский, Турецкий, Солдатский, Суворовский [Олофсон, 1850: 550–554]. Тюркские названия здесь, по-видимому, связаны с ногайцами. Остатки ногайских орд в 1806 г. были переселены из Нижнего Подунавья в Ногайскую степь между Днепром и Бердой, откуда они ушли в Турцию по условиям русско-турецкого договора 1812 г. После бегства большинства ногайцев из России в 1862 г. для заселения освобожденных земель правительство пригласило для переселения болгар, в результате чего появились названия курганов болгарского

происхождения, например, Мрескута Могила [Редина, 1989: 26, № 66]. На сегодня тюркские названия курганов в приазовско-причерноморских и отчасти крымских степях в основном забыты.

В Российский период истории Северного Причерноморья названия курганам чаще всего давались по имени или фамилии владельца земли, на которых они находились, по форме насыпи, по их количеству или по особым причинам [Пассек, 1838: 222]. Как отмечал А.С. Уваров, попытки отыскать в названиях курганов отголоски древнейших преданий, сохранившиеся в народной памяти, не обоснованы, поскольку названия давались случайно и в основном под влиянием позднейших, совершенно чуждых происшествий, не связанных с самими курганами [Уваров, 1873: 6]. И.Е. Забелин во время археологических раскопок на территории нынешних Днепропетровской, Запорожской и Херсонской обл. в 1859–1868 гг. составил первую систематизированную сводку названий степных курганов и предложил их объяснение [Забелин, 1908: 277–278]. Ряд названий курганов характеризуют форму насыпей или размеры: Толстая, Острая, Шпиль, Острый Шпиль, Долгая, Широкая, Большая или в украинском звучании Велька могилы, Крутецька [Ястребов, б/г: 6]. Эту категорию названий дополняют Высокая, Плоская, Двугорбая и Круглая могилы. По мнению Ю.В. Болтрика и И.П. Савоцкого, названия Плоская, Толстая, Тупая могилы характеризуют форму кургана с широкой ровной площадкой на вершине курганов, образовавшейся в результате действий грабителей [Болтрик, 1991: 98]. Б.Н. Мозолевский Толстыми могилами называл курганы с уплощенной или сферической вершиной [Мозолевский, 1975: 16; 1983: 66]. Согласно наблюдениям И.Е. Забелина, толстые могилы – «это могилы с значительно более крутыми боками, которые при обширности насыпи, действительно придают ей вид толготы, особенно в сравнении со всеми другими курганами обыкновенной конусообразной и притом более разлогой формы ... крутизна боков у толстых могил... поддерживается фундаментом или цоколем..., сложенным по подошве кургана из больших нетесанных камней» [Забелин, 1865: 73–74].

Как уже отмечалось, бесчисленное количество вариаций связаны с наименованиями урочищ, хуторов, землевладельцев, чабанов, имевших обыкновенные пастбища скот в этих местах

и проч. [Забелин, 1865: 73]. По имени первых крестьян-поселенцев, владельцев земли, получили свои названия Цимбалова и Чмырева могилы, Лемешевы курганы [Веселовский, 1910: 303; ОАК 1911: 33]. Свиная Могила (от Свиная хутора и, соответственно, фамилии владельца), Кованькина Могила, Нечаева Могила (от фамилии владельца имения – Нечаева) и мн. др.

Расположение курганов относительно друг друга зафиксировано в названиях. Вязицы – два рядом стоящих крупных кургана, Рябые – два или три очень близко расположенных кургана, наползающих друг на друга, в результате чего общая насыпь приобретает неправильную форму. Сюда можно добавить многочисленную серию названий типа Три брата, единственный известный случай – Три сестры [Кругликова, 1980: 6], Пять братьев, Семь братьев, отмечающие средоточия различного количества крупных курганов. Густые скопления мелких курганов отражены в названии Частые, Рясни, Рясские могилы. Широко распространено в Украине такое обобщающее название, как Могилки, относящееся к группам курганов вообще. Достаточно широко применялось название Рядовые Могилы, что означает расположение курганов в одну линию – в ряд.

Названия Раскопана, Розрыта могилы означают, что эти курганы некогда раскапывались то ли с грабительскими, то ли с археологическими целями, то ли для добычи селитры, широко производившейся на нашем юге в XVII–XIX вв. Так, курган Башмачка после раскопок А.А. Свинына и курган Чертомлык после раскопок И.Е. Забелина получили название Раскопанных могил. Большое количество крупных курганов, частично разрушенных при добыче селитры, имеют названия Роблена или Розроблена могила, Майдан, Городок и т. п. [Зварницкий, 1901: 724; Андриенко, 1971; Варьянська, 1996: 34–36].

Ряд названий отражает местные историю и фольклор: Рыдай маты [Гошкевич, 1903: 11], Злодийка, Цыганка, Солоха и мн. др. Названия курганов на Екатеринославщине – Бельмак, Гусарская, Цыганская могилы, Караватка, Галаганка, Медведь, Капитан, Савур [Новицкий, 1908: 30–52]. И как-то совершенно не укладывается в голову название Веселая Могила [МРЗ: 114].

Особый интерес для нашего исследования представляет название «Бабватые могилы»,

связанное с некогда стоявшими на курганах древними каменными антропоморфными изваяниями. Хотя И.Е. Забелин считал это название типичным [Забелин, 1908: 277–278], оно известно только для конкретного кургана близ Томаковки в Днепропетровской обл. [Лазаревский, 1894: 44–45]. Вязицы «Бабузины могилы» принадлежит группе курганов, расположенных в бывшем Днепровском уезде Таврической губ. в имении Штиглица близ современного пгт Верхний Рогачик [Келлен, 1908-А: 42; Пискарев, 1851: 212].

Названия Бабина, Бабыя Могила, Камено-баба, Ваба, Бабы и т. д. прочно связаны с некогда стоявшими на них каменными изваяниями, известными в народе как «каменные бабы» или «мамая» [Камев, 1892: 374; Зварницкий, 1890: 191–193], откуда производное – Мамаева Могила, смысловой эквивалент Бабиной Могилы. А поскольку количество изваяний на степных курганах в прошлом исчислялось тысячами, то и названия этого типа были распространены весьма широко во всем степном регионе Северного Причерноморья от Днестра до Дона [Келлен, 1908: 42; Пискарев, 1851: 209, 211–212, 216; Терещенко, 1866: 17; Керцелли, 1876: 54, № 17; Ястребов, б/г: 7; 1894: 138, № 30, 101, 142; Гошкевич, 1903: 13; Николаевщина, 1926: 188, 197].

Согласно сведениям академика И.П. Фалька, самые большие курганы Екатеринославской провинции высотой 5–8 сажен назывались «бабыми»... «от того, что на них стояли бабы или идолы» [Фундуклей, 1848: 77; Келлен, 1908-В: 22]. Поскольку речь идет о курганах бывшего Екатеринославского уезда, то это вполне соответствует фактам, так как известно, что на Александропольском, Чертомлыцком курганах, Томаковской и Геремесовской Вязицах в свое время стояли каменные изваяния [Зрев, 1787: 261, 265; Терещенко, 1853: 21, 52, 55; Уваров, 1871: 518; Матвеев, 1884: 73]. Как отмечалось выше, для Чертомлыка название курган Баба зафиксировано топографами. Не исключено, что и другие большие курганы с изваяниями на вершине носили подобные названия.

В результате археологических исследований была обнаружена тенденция принадлежности определенных типов могил конкретным эпохам. Раскопками И.Е. Забелина было установлено, что курганы с названиями «Толстая могила» – это «могилы суть царские гробницы, и несомненно гробницы царей скифских»

[Забелин, 1865: 74; Матвеев, 1884: 54; Ястребов, б/г: 7; Эварницкий, 1907: 117]. Однако не все «толстые могилы» являются скифскими. Так, Толстая Могила у с. Веленькое Верхнехортицкого р-на Запорожской обл., исследованная И.Е. Забелиным в 1859 г., содержала исключительно захоронения эпохи бронзы [табл. 24, 2; ДГС II: 54].

В результате раскопок последних десятилетий установлено, что большинство курганов с названиями Острая Могила сооружены в эпоху бронзы, но какая-то часть из них относится и к скифскому времени. Подавляющее большинство Долгих (Длинных) могил относится к эпохе бронзы, как это предполагалось археологами еще в XIX в. [Слицын, 1899: 81].

4.3. КАМЕННЫЕ БАБЫ НА КУРГАНАХ

В недалеком прошлом каменные бабы на курганах являлись характернейшей чертой степного ландшафта Причерноморья и Приазовья и практически единственными приметными дорожными ориентирами для путешественников [КБЧ, 1950: 64, 68, 86].

Не были исключением в этом отношении и наши курганы. В Вабинной и Водяной могилах найдены, в первом случае, известняковый постамент (база) для установки антропоморфной стелы, во втором – большой каменный менгир, изготовленный из кварцита, некогда венчавшие вершины курганов. Обе находки относятся к скифскому времени и датируются IV в. до н. э. На вершине Соболевой Могилы обнаружено средневековое половецкое святилище с установленной в нем каменной бабой.

Традиция изготовления антропоморфных изваяний в наших степях насчитывает около 5 тысяч лет и возникает уже на раннем этапе истории строительства курганов. Древнейшие антропоморфные стелы Украины обнаружены в захоронениях усатовской и ямной культур.

Известно около 20 стел усатовской культуры, сходных со стелами ямной культуры. Они перекрывали захоронения, стояли в могилах и внутри насыпей. Почти все изваяния гладкие, некоторые имеют гравировки, рельефные изображения и отверстия. Известно также 10 скульптур с изображением головы зооантропоморфного существа [Патоква, 1989: 93].

Любопытна история «опознания» стел ямной культуры. Открытие в 1920-х гг. в Белогрудовском лесу на Черкашине зольников

неизвестной ранее культуры эпохи поздней бронзы, получившей по месту находки название белогрудовской, сопровождалось находкой нескольких антропоморфных стел, которые ошибочно отнесли к этой культуре. Благодаря такой датировке, а также случайным находкам подобных стел в Северном Причерноморье, и западнее вплоть до Румынии, на всех территориях, где, согласно свидетельствам древнегреческих писателей, до прихода скифов жили киммерийцы, долгое время такие стелы считались киммерийскими. И хотя существовала достоверная находка такой стелы в погребении ямной культуры в кургане № 52 у с. Белозерка, исследованном Г.Л. Скадовским еще в конце XIX в., этот факт долго не привлекал внимания. Все прояснилось в 1951 г., после раскопок курганов на р. Молочной, когда аналогичная стела была найдена в перекрытии древлеямого погребения, что раз и навсегда подтвердило, что стелы данного типа имеют очень древний возраст и относятся к ямной культуре [Тереножкін, 1960: 7; 1978: 12].

Общее количество стел ямной культуры согласно Д.Я. Телегину составляет более 300 [Телегин, 1991: 11]. По-видимому, эта цифра на сегодня уже недостаточна. На 1980 г. только в Буто-Ингулецком междуречье их было известно более 170, на территории Одесской обл. и юга республики Молдова на 1989 г. – около 100 стел [Новицкий, 1990: 20]. Широкомасштабные исследования 1960-90-х гг. показали массовое распространение таких стел на территории Днепропетровской, Запорожской, Херсонской, Кировоградской, Донецкой, Луганской обл. и Крыма. Такие стелы имеют массовое распространение в захоронениях ямной культуры в местах выхода камня на поверхность, то есть, большей части территорий степи, кроме приморской полосы и глубинных районов степи.

По мнению Н.Д. Довженко, отдельные стелы ямной культуры могли временно устанавливаться рядом с погребениями, а затем, по прошествии некоторого времени, укладывались в заклад погребения [Довженко, 1980: 47]. В целом же стелы ямной культуры не предназначались для установки на поверхности курганов и во всех достоверных случаях найдены в закладах погребений или рядом с погребениями внутри курганов или в кромлехах.

О стелах катакомбной культуры известно крайне мало. Две стелы найдены в закладах входов в камеры погребений в Нижнем Подонье, несколько более – в Донбассе. Известны

они и в Нижнем Поднепровье – в курганах у с. Первомаевка на Херсонщине. Одна из них имеет фаллические очертания с выделенной головой и намеченными схематическими чертами лица, остальные напоминают стелы ямной культуры. Эти стелы также использовались в захоронениях погребений и, скорее всего, также никогда не устанавливались на курганах [Ладінська, 1960: 127–140; Отрощенко, 1982: 5; Писларий, 1988: 14; Ильюков, 1994: 262–265, рис. 1,1; Красильников, 2001: 135–139].

Небольшая серия антропоморфных изваяний известна и в срубной культуре. Они обнаружены, в основном, в длинных курганах. Эти изваяния предназначались для установки на поверхности курганов и использовались в качестве алтарей-жертвенников в святилищах на курганах. С ними в длинных курганах связаны находки остатков подношений – раздробленные кости животных, обломки сосудов, иногда зернотерки, а также следы кострищ [Отрощенко, 1982: 5–16]. В срубной культуре известны также немногочисленные стелы, сходные со стелами ямной культуры – с обозначенными плечами и головкой. Аналогичен и характер их использования – в перекрытиях захоронений [Самойленко, 1997: 85]. Две таких стелы, изготовленных из гранита, найдены в захороненных срубной культуры в каменных ящиках в курганах возле г. Орджоникидзе, в составе продольных стенок ящиков. По-видимому, их использование не было вторичным. В обоих случаях это были единственные гранитные плиты в составе известняковых камней и занимали они совершенно определенное, одинаковое положение в составе ящиков [Полук, 2002].

Открытие киммерийских стел стало возможным лишь сравнительно недавно, после определения археологического облика материальной культуры исторических киммерийцев [Тереножкин, 1976; 1978]. Также определяли данную серию изваяний в качестве киммерийских, Н.Л. Членова считает их разновидностью оленных камней, основной ареал распространения которых находится в Центральной Азии и лишь отчасти захватывает Восточную Европу [Членова, 1984: 6–7]. Эти стелы, достаточно специфического облика, уже являются полноценными надмогильными памятниками и были предназначены для установки на поверхности курганов над погребениями [Fabritius, 1929: 126–127, fig. 2; 2a; Тереножкин, 1978: 17; Карпусова, 1980: 240; Исмаилов, 1988: 32]. В кургане Птичата Могила возле Белогорца

в Болгарии на вершине была устроена специальная каменная вымостка, в центре которой установлена киммерийская стела.

Однако существуют и другие примеры. В кургане № 14 у с. Золотая Балка на Херсонщине киммерийская стела найдена среди камней забутовки ямы погребения. Часть стелы отбита в древности [Кубышев, 1978: 52]. По-видимому, в киммерийское время существовал еще один тип антропоморфных стел, использовавшийся в перекрытиях погребений и предназначенный для установки на поверхности курганов. Такая антропоморфная стела ямного облика найдена в перекрытии киммерийского погребения № 3 кургана № 6 у с. Головкивка в Кировоградской обл. [Полук, 1994-Д: 2, рис. 4, 1–5]. Вполне вероятно, что традиция изготовления стел ямного типа, прослеживающаяся в катакомбной и срубной культурах, доживает и до киммерийского времени. Последнее изваяние по обстоятельствам находки перекликается со стелами Прикубанья канонического киммерийского облика (хут. Зубовский и ст. Усть-Лабинская), которые также обнаружены в перекрытиях погребений.

В целом же серия киммерийских стел, найденных на огромной территории от Южного Приуралья до Болгарии еще весьма немногочисленна и, учитывая наши находки в Кальковой Могиле, у с. Скобелево в Николаевской обл. [Мозалевский, 1984: 20, схема № 50; 1986] и в Головкивке, насчитывает всего 14 экземпляров.

Скифская монументальная скульптура также не сразу была опознана среди многочисленных «каменных баб». Первоначально скифскими признавались отдельные половецкие изваяния, хотя первые скифские изваяния были найдены еще в 1870–86 гг. Они были атрибутированы в качестве скифских лишь в 1925 г. На сегодняшний день на территории от Северного Кавказа на востоке до Румынии на западе, от Крыма на юге и до Черкасской обл. на севере известно более 120 скифских изваяний VII–III вв. до н. э. [Ольховский, 1994: 16–34; 1997: 32].

В начале III в. до н. э. практически на всей территории Причерноморской Скифии вместе с исчезновением скифского степного населения прекращается и традиция изготовления скифских изваяний. Только в Крыму, одном из очагов позднескифской оседлости, такая традиция существует и позднее – в I в. до н. э. – I в. н. э. или даже до IV в. н. э. При некоторой неясности

в их определении – скифские или сарматские – совершенно очевидна связь этих стел со скифским каноническим предшествующего периода при наличии определенных новаций [Богданова, 1961; 1965; Полова, 1976: 116–121; Ольховский, 1990: 109; Волошинов, 1997: 41].

Подлинный расцвет в изготовлении каменных скульптурных изваяний и установке их на курганах связан со средневековыми кочевниками, населявшими украинские степи начиная с IV в. н. э. Древнейшие стелы средневековых кочевников в Северном Причерноморье датируются VI–VIII и VIII–X вв. Основная же масса каменных скульптур связана с половцами, проживавшими в наших степях в X–XIII вв. [Гераськова, 1991: 21, 67]. К сожалению, до наших дней сохранилась лишь малая часть этого бывшего великоления.

И хотя уничтожение половецких скульптур начинается вместе с падением могущества половцев при татаро-монгольском нашествии, когда зафиксированы отдельные случаи использования разбитых или обтесанных половецких статуй в перекрытиях золотоордынских захоронений XIII–XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966: 186], основные события разворачиваются уже в новое время.

Во второй половине XVIII в. после присоединения Причерноморья к России вновь обретенные степные пространства становятся объектом научных исследований. Начинаются научные путешествия с целью осмотра и описания новых земель. Российский академик В. Зуев в 1781–1782 гг. наблюдал множество «болванов» на курганах Новороссийской и Азовской губерний и описал некоторые из них [Зуев, 1787: 261, 265–266]. Академик Паллас, путешествуя по степному югу в 1793–1794 гг., также отметил изобилие каменных баб на курганах на территории от Кавказа до Днепра [Пискарев, 1851: 206]. В начале XIX в. большая часть каменных изваяний еще стояла на курганах, что отмечено рядом исследователей и путешественников [Федоров-Давыдов, 1966: 187].

Поражающее воображение изобилие каменных статуй на курганах запечатлено в фольклоре славянского населения, заселившего степное Причерноморье в XVIII–XIX вв. Попытка объяснения столь диковинного факта отразилась в народном сознании в наивной форме преданий: божий гнев на некий древний народ, живший в курганах, привел ко всеобщему окаменению. Другой вариант: божий плевко-

на землю, окаменевший на курганах в виде каменных баб. Третий переключается с предыдущим: жившие некогда в степях богатыри, рассердившись на солнце, начали на него плевать, за что и были обращены в камень. Такие рассказы записаны в Нижнем Поднепровье, на Харьковщине и в Подонье [Новицкий, 1905: 23–25; 1908: 75; 1911: 15]. Согласно другой группе легенд, статуи считались божествами плодородия, влияющими на урожай. За ними предполагались и карательные функции за непочтение к ним или за преступления, в частности, за конокрадство [Плетнева, 1974: 6].

Заселение вновь приобретенных территорий, широкое хозяйственное освоение некогда малонаселенных степей привело к повальному снятию изваяний с курганов [Спаский, 1844: 594] и нередко – к их уничтожению. «Лишь некоторые из них, охраняемые суеверным поклонением местного населения, сохраняют свое местоположение» [Фундуклей, 1848: 77]. Предполагается, что за полстолетия, прошедших после путешествий В. Зуева и Палласа, было истреблено более половины каменных изваяний [Пискарев, 1851: 207]. С. Всеволожский, проезжавший по Нижнему Поднепровью и Крыму в 1836–1837 гг., заметил всего несколько изваяний на курганах, хотя и писал о том, что некогда они стояли почти на каждом [Всеволожский, 1839: 19–20]. А.В. Терещенко полагал, что виденные им уже во вторичном использовании изваяния в левобережных уездах Екатеринославской губернии (район особо массового их распространения) составляли едва ли сотую часть от некогда существовавшего количества [Терещенко, 1866: 37]. Только в Области казачьего войска Донского, где земли не распахивались, еще сохранялось былое изобилие изваяний [Дежидов, 1853: 308, 314].

Уничтожение стел приняло столь устрашающие масштабы, что Российская Академия наук поручила своему неперемennomu секретарю П.Н. Фусу обратиться к министру внутренних дел Л.А. Перовскому: «Дорожа сохранением древних памятников, Императорская Академия наук, по удостоверению в том, что

¹И в наше время кое-где по отношению к половецким изваяниям совершаются некие действия уважительного характера. С.А. Плетнева во время поездок для сбора сведений о статуях в 1960-х гг. неоднократно сталкивалась с практикой мытья и побелки половецких баб, перенесенных в сельские дворы [Плетнева, 1974: 73]. О такой же практике, сохранившейся вплоть до 80-х гг. в пгт Черниговка Запорожской обл., нам рассказывал одесский художник А.И. Гаркавиченко.

так называемые каменные бабы, которые еще в недавнем времени во множестве стояли на степных могилах полуденной России, ныне более и более исчезают, поручила мне ходатайствовать перед вашим высокопревосходительством о принятии мер против дальнейшего расхищения каменных болванов. Известно, что они по святости с могил, нередко употребляются вместо простых камней, полагаясь в основании ветряных мельниц и других построек, или же служа для отягчения гнетов в маслобойнях, иногда они расставляются по поворотам меж вместо гранитных столбов, или ставятся у ворот помещичьих или в садах вместо статуй и пугала и т.п. Между тем же памятники эти от незапамятных времен до нас дошедшие, имеют и всегда будут иметь цену для историка и почитателя отечественных древностей». В качестве мер по сохранению этих памятников предлагалось собрать информацию об изваяниях, еще сохранившихся на курганах, а также ввести крупные денежные штрафы за их уничтожение – около 100 руб. серебром. В 1843–1844 г. были направлены запросы министра во все губернии от Украины до Сибири [Веселовский, 1915: 418–419, 421; Как составлялось 1915: 66–67].

Собранные сведения продемонстрировали значительно более худшее, нежели предполагалось, положение. Помимо крестьян, безжалостно использовавших и уничтожавших статуи, просвещенных помещиков, украшавших ими свои владения, свою лепту вносили и государственные службы. Из Таганрогского градоначальства доносили, что каменные бабы, прежде во множестве стоявшие на курганах вверенной территории, во время проезда Александра I по «полуденной России» в 1818 г. были сняты с курганов и расставлены вдоль почтовой дороги вместо дорожных знаков. Позднее, когда были изготовлены дорожные знаки установленного образца, статуи были зарыты в землю или уничтожены [МРЗ: 14; Веселовский, 1915: 420].

Использование каменных баб для украшения помещичьих усадеб превратилось в своеобразную моду и породило спрос на изваяния. В Бахмутском уезде Харьковской губ. такие бабы начали изготавливать специально на заказ [Веселовский, 1905: 27]. Образец такой бабы, сработанной под половицежку, хранится в Днепропетровском Историческом музее. На ней выбита дата изготовления – 1820 г. [Плетнева, 1974: 59, табл. 10].

По отрывочным сведениям МВД России, на 1851 г. на территории от Дона до Днестра было учтено 650 каменных изваяний. Из них свое изначальное размещение на курганах сохранили единицы – в Екатеринославской губернии из 428 изваяний лишь 14 [Пискарев, 1851: 207–220]. Нередко сбор сведений по административной линии давал непредсказуемые результаты: статуи преднамеренно уничтожались, с тем, чтобы во избежание всяческих беспокойств в дальнейшем раз и навсегда отрапортовать, что на вверенной территории ничего подобного нет и никогда не было [Веселовский, 1915: 421]. По-видимому, к этому же времени относится и разрушение святилища на Соболевой Могиле и святые стелы с Бабиной Могилы.

Продолжалось уничтожение изваяний и во второй половине XIX в. [Эварницкий, 1890]. Н.А. Афанасьев-Чужбинский, путешествовавший по Нижнему Поднепровью в 1861–1862 гг., видел единственную каменную бабу на кургане Чертомлык [Афанасьев-Чужбинский, 1891: 199]. Это был именно тот случай, когда изваяние охраняли суеверия. И.Е. Забелин при раскопках Чертомлыка записал бытовавшие у местных селян истории, связанные с этим изваянием. Существовало поверие об исцеляющей силе статуи, за что ей подносили деньги и хлеб. Мелкие российские монеты XIX в. были найдены у подножия статуи при раскопках. Увоз статуи с кургана в помещичью усадьбу для хозяйственных надобностей вызвал волнения у селян и в это время, как будто случилась четырехлетняя засуха. По некоторым сведениям, эти события имели место в 1833–1834 гг. [Сумцов, 1890: 69–70]. После этого баба была возвращена на прежнее место. Засухи возобновлялись и впоследствии, в случае каких-либо неуважительных действий по отношению к изваянию [ДПС II: 77–79]. Статуя по завершению раскопок кургана была установлена И.Е. Забелиным на одном из останцов Чертомлыка. Однако уже в 1908 г. В.А. Городцов нашел ее повергнутой и разбитой на части [Городцов, 1910: 349, примеч. 1]. В 1880-х гг. при постройке церкви в г. Вериславе мещане и крестьяне по наущению местного батюшки свозили десятками каменные бабы, разбивая их для закладки в фундамент церкви [Рябов, 1914: 23–24].

К концу XIX в. в российской археологической науке началась дискуссия о принадлежности каменных изваяний конкретному историческому народу. Предполагалось, что его

решение могло быть получено при раскопках курганов, на которых эти бабы установлены. Но к тому времени такие курганы стали чрезвычайной редкостью. Н.Е. Бранденбург на VIII археологическом съезде в Москве докладывал, что в Мариупольском уезде, некогда отличавшемся громадным количеством курганов с бабами, ему удалось отыскать таких только два [Бранденбург, 1897: 13]. Только на Нижнем Дону и Кубани в конце XIX в. на курганах сохранилось достаточно большое число каменных скульптур [Харламов, 1908: 237; Назретицкий, 1995: 157].

В результате раскопок курганов с половецкими каменными бабами было установлено отсутствие связи между ними и подкурганными захоронениями, которые в подавляющем большинстве случаев принадлежали к эпохе бронзы или скифскому времени. Случаи синхронности средневековых изваяний, установленных на курганах, и подкурганых захоронений крайне редки.

В начале XX в. в различных собраниях находилось более тысячи изваяний [Уварова, 1908: 95], а в области Войска Донского насчитывалось 443 бабы [Харламов, 1908: 237]. Общее количество скульптурных изваяний средневековых кочевников Восточной Европы, сохранившихся на сегодняшний день в различных музейных коллекциях, составляет около 1000 единиц [Герасьева, 1991: 21, 67]. Предполагается, что это лишь десятая-двадцатая часть некогда существовавших в стенах изваяний [Телегин, 1991: 3].

Курьеза ради стоит упомянуть следующее впечатление: англичанин Каррутерс, описывая тип лица тюркских каменных изваяний, виденных им в Монголии, находил в нем портретное сходство с любым полковником британской армии [Веселовский, 1915: 415].

Скифская стела на Бабиной Могиле

На вершине Бабиной Могилы, в заполнении грабительского хода, найдена часть постаментов в виде округлой известняковой плиты с отверстием в центре для установки каменной скульптуры. Эта плита-постамент аналогична найденным в скифских курганах у с. Красный Подол, Золотая Балка, Каменка-Днепровская и других памятниках Причерноморья, Крыма и Северного Кавказа VI–IV вв. до н. э. Всего известно 17 таких находок. Соответствующее оформление нижней части многих скифских стел указывает на то, что такие постаменты являлись чуть ли не обязательным элементом

для установки скифских изваяний IV в. до н. э. [Ольховский, 1994: 40–41, №№ 16, 24, 29, 52, 55, 88, 98, 99, 103, 108, 112, 122]. Ничего подобного для других эпох не известно. Судя по этим находкам, найденный фрагмент постаментов, бесспорно, относится к скифскому времени, и, таким образом, на Бабиной Могиле было установлено именно скифское изваяние, синхронное захоронениям кургана.

Возле места находки постаментов в Бабиной Могиле найдены фрагменты средневековой корчаги с каннелированной поверхностью, являющиеся остатками приношений уже половецкого времени. Вероятно, эти приношения подносились половецкими именно скифскому изваянию. У коренного степного населения поклонение каменным изваяниям, независимо от их принадлежности, сохранялось вплоть до недавнего времени. Исследователи XVIII–XIX вв. неоднократно наблюдали в Сибири и Монголии поклонение местного населения древним каменным изваяниям, наскальным изображениям, надмогильным сооружениям [Сулцов, 1890: 69–70]. В 1722 г. Д.Г. Мессершмидт присутствовал при поклонении хакасов древним изваяниям на р. Еси. Каждый всадник трижды объезжал наиболее почитаемую каменную бабу, а затем укладывал перед ней жертвенную пищу. А.А. Формозов по его зарисовкам определил принадлежность этих изваяний к эпохе бронзы [Формозов, 1986: 115–116]. Это святилище служило объектом поклонения на протяжении 4 тыс. лет!

Подавляющее большинство скифских изваяний связано исключительно со скифскими курганами или скифскими погребениями в более ранних курганах, и таким образом фиксируется непосредственная связь с погребенным в кургане, что может указывать на определенную персонафикацию скифских изваяний. В пользу этого также свидетельствует их количественное соотношение с половецкими изваяниями. На территории от Нижнего Подунавья до Северного Кавказа известно 137 скифских изваяний и 17 баз к ним, датируемых VII–IV вв. до н. э. [Ольховский, 1994: 41–44, 178]. Половецкие изваяния насчитывались тысячами, связь между ними и подкурганскими захоронениями отсутствует, что явно указывает на их иные функции.

Лишь одно скифское изваяние найдено вне связи с погребением в специально устроенном святилище. Это упоминавшийся выше курган-святилище № 2 у с. Первомаевка на Херсонщине [Ляшко, 1987: 77, № 16; Евдокимов,

1991-В: 90-92, рис. 14; Ольховский, 1994: 19, № 31). В качестве единственной параллели можно указать святилище второй половины IV – рубежа IV–III вв. до н. э. возле ст. Преградной на Ставрополье. Здесь возле кургана были установлены три скифских изваяния [Ольховский, 1994: 34–35, 44–45, № 123–125].

Интересный факт зафиксирован при раскопках скифского кургана № 13 высотой 4 м у с. Золотая Балка на Херсонщине в 1978–1979 гг. Здесь в первичной насыпи кургана и в крениде второй насыпи найдены две части разбитой статуи, а в закладе входа в камеру впускного захоронения воина № 5 обнаружен фрагмент базы для установки изваяния. Эти находки датируются концом VI–V вв. до н. э., а сам курган серединой – второй половиной IV в. до н. э. [Кубышев, 1979: 131, 133; Ольховский, 1994: № 34–36]. Несомненно, данное изваяние было свергнуто с какого-то соседнего, более древнего кургана, разбито и, таким образом, уничтожено и унижено. По-видимому, этот факт отмечает приход на данную территорию новой скифской группы. Разрушение и уничтожение статуи в данном случае могло иметь значение уничтожения прежних хозяев, их прав на данную территорию, утверждения здесь новых хозяев. Видимо, эта находка свидетельствует о том, что изваяния служили и знаками владения территорией.

Отмечен целый ряд случаев переиспользования изваяний, а также бережного отношения к их обломкам (помещение в жертвенную яму, на дно входной ямы), в чем В.С. Ольховский и Г.Л. Евдокимов видят подтверждение мнению Д.С. Раевского об определенном «сроке действия» изваяний и их десакрализации по истечении этого срока. Так же трактуются и весьма редкие случаи вторичного использования изваяний путем нанесения нового изображения на тыльную грань или на нижнюю его часть – «валетообразно» [Ольховский, 1994: 44–46].

Скифский менгир на Водяной Могиле

К редкому типу изваяний скифского времени относится каменный столб-менгир из Водяной Могилы. По классификации В.С. Ольховского и Г.Л. Евдокимова, он принадлежит к категории неантропоморфных гранитных скифских стел без изображений, появившейся в начале IV в. до н. э. Серия таких изваяний насчитывает всего 4 находки. Авторы отмечают, что на статистику могла повлиять внешняя невыразительность изваяний, отсутствие изоб-

ражений, обилие камня в скифских курганах, среди которых трудно опознать менгир [Ольховский, 1994: 48]. Но не исключено также, что такие памятники и не были многочисленными. Для всей Херсонской губернии в XIX в. на курганах их отмечено всего два [Ястребов, б/г: 8].

Разрушенная выветриванием поверхность и механические повреждения, полученные при сбрасывании бабы с кургана и в процессе раскопок, не дают возможности судить о степени антропоморфизации изваяния из Водяной Могилы. На сегодняшний день на нем отсутствуют изображения или закругленный верх, являющийся одним из простейших признаков антропоморфности.

Менгир из Водяной Могилы имеет ряд параллелей в скифских курганах IV в. до н. э. Необработанный камень, хотя и значительно меньших размеров, был зафиксирован на 1-ой Испанской Могиле у г. Орджоникидзе у западной перемычки во рву. Основание его было вкопано в чернозем, а вокруг на древней поверхности располагалось мощное скопление фрагментов амфор [Мозолевский, 1980-В: 136]. По-видимому, к этому же кругу находок относится и крупный обломок более грандиозного, чем водянский, гранитного камня, до недавнего времени лежавший под западной полой Чертомлыка, а в 1979 г. установленный Орджоникидзевской экспедицией к югу от кургана в расположении лагеря того сезона, где он и находится до сих пор. На кургане № 15 у с. Золотая Балка на Херсонщине на его вершине был установлен менгиобразный гранитный столб до 3,5 м высотой. Его поверхность была заполирована, столб имел округлые окончания и овальное сечение. Принадлежность к скифскому времени доказывается как находкой в скифском кургане, так и совместной находкой с ним типично скифской известняковой базы, предназначенной для его установки [Ольховский, 1994: № 36–37]. Весьма немногочисленные скифские изваяния данного типа характерны лишь для Причерноморских курганов IV в. до н. э. и неизвестны в Крыму и на Северном Кавказе [Ольховский, 1994: 48]. Этот краткий список можно дополнить еще одной находкой менгира в крениде Чертомлыка в 1984 г. [Чертомлык, 1991: 44, рис. 34].

Как скифская стела Бабиной Могилы, так и менгир на Водяной Могиле использовались средневековыми кочевниками в качестве святилища. На последней также были найдены подношения доловецкого времени в виде обломков канцелированных амфор.

Половецкое святилище на Соболевой Могиле

Половецкое святилище на вершине Соболевой Могилы представляло собой каменную вымостку неустановленной формы размерами 8 x 8 м из дикарных камней, устроенную в яме глубиной до 1 м. В центре была вкопана каменная баба, ориентированная лицом на восток, как это описано у Г. Рубрука [Путешествия, 1957: 102] и зафиксировано современными исследованиями половецких святилищ. У СВ подножия кургана во рву найдены камни, сходные с уложенными в вымостку, и отдельные кости животных. По-видимому, эти находки являются строительным мусором и остатками приношений, связанных со строительством святилища.

Изваяние из святилища на Соболевой Могиле принадлежит к наиболее характерному типу половецкой скульптуры Приднепровско-Причерноморской группы памятников. Наша баба относится к серии изваяний «с фоном» по классификации Л.С. Гераськовой или I типу «стоящих» изваяний по Г.А. Федорову-Давыдову или III типу по С.А. Плетневой. У таких изваяний верхняя часть выполнена в виде объемной круглой скульптуры, а нижняя – в виде барельефа на плоской плите-основе («фон»). Также характерны для данной группы изваяний и орнаментация нашей бабы, и материал, из которого она изготовлена.

По мнению Г.А. Федорова-Давыдова и С.А. Плетневой, «стоящие» половецкие бабы в целом являются более ранними, хотя и отмечается существование такого типа и на позднем этапе. Л.С. Гераськова наоборот, с учетом технологической сложности изготовления статуй с «фоном», в сравнении с круглой скульптурой, относит их к периоду расцвета половецкой скульптуры. В целом же все существующие системы датировки указывают на XII – начало XIII вв. [Федоров-Давыдов, 1966: 184; Плетнева, 1974: 65–71; Гераськова, 1991: 81–88].

Святилище на Соболевой Могиле выглядит достаточно скромно на фоне других памятников Половецкой степи. Эрих Лясотта, посланник императора Священной Римской империи Рудольфа II, посетивший запорожских казаков с тайкой миссией в 1594 г., упоминает святилище на курганах южнее о. Хортица, на татарском берегу Днепра, в урочище Семь Маяков, в котором насчитывалось 20 каменных баб [Мемуары, 1890: 185–186]. В Северо-восточном Приазовье встречается по несколько святилищ

в одном курганном могильнике и более одного изваяния в каждом из них [Плетнева, 1974: 73; Федоров-Давыдов, 1966: 190–193; Швецов, 1979; Евдокимов, 1991-А; Гугуев, 1991: 140].

По-видимому, это объясняется периферийностью нашего района, являвшегося западной окраиной Белой Кумани – территории обитания половцев. Основная зона постоянного проживания половцев находилась к востоку от Днепра. Подтверждения этому можно видеть в отсутствии половецких могильников и в небольшом числе одиночных захоронений, а также в сравнительной малочисленности находок изваяний (святилищ) на правобережье Нижнего Днепра, которые, как известно, устраивались на собственных землях. Правобережье Нижнеднепровской иалучины вплоть до р. Ингулец на западе включительно входило в кочевья известных по летописям конца XI – начала XII вв. половецких ханов Итлара, Катяна, Боняка, Тугоркана, Хотя и являлось второстепенной по своему значению территорией – возможно, в силу легкой доступности для походов русских князей. Сюда, «в луку», направлялись походы дружин киевских и переяславских князей против половцев в 1187, 1190, 1193 гг., причем, намного реже, чем к востоку от Днепра, на территорию основных кочевий [Плетнева, 1974: 17–23; Гераськова, 1991: 100].

Наиболее западные находки половецких изваяний известны в Нижнем Побужье вплоть до Тилигула [Фабрициус, 1951: 53–100, № 105, 121, 187, 192, 196, 200, 212, 225]. Г.А. Федоров-Давыдов отметил находки нескольких изваяний в Болгарии возле Плиски [Федоров-Давыдов, 1966: 167, примеч. 7]. Это выглядит странно, поскольку даже в Северо-западном Причерноморье изваяния отсутствуют, а отдельные позднекочевнические погребения, которые могут определяться как половецкие, здесь крайне немногочисленны и сам факт их пребывания здесь оспаривается [Добролюбовский, 1986: 65].

В послевоенный период был исследован целый ряд позднекочевнических святилищ, что создает надежную базу для реконструкций и их классификации [Федоров-Давыдов, 1966: 190; Плетнева, 1974: 72; Швецов, 1979: 199–209; Гераськова, 1991: 14–15].

Известно три основных типа половецких святилищ на курганах. Простейшие из них представляют собой одно или несколько изваяний, установленных лицом к востоку, у подножия которых фиксируются следы культовых приношений. Здесь отсутствуют дополнитель-

ные каменные конструкции, предполагается возможность существования каких-либо земляных конструкций, не сохранившихся к моменту исследований. Более сложный вариант включает каменные вымостки разнообразной формы вокруг статуй или установку последних в каменные панцири более древних курганов. В центре панцирей вкапывались изваяния, а также освобождались от камней овальные или круглые площадки для жертвоприношений.

Святилища следующего типа имеют прямоугольные каменные оградки, ориентированные по сторонам света. В центре находятся изваяния мужчины и женщины, по углам – жертвенные площадки или кострища.

Наиболее сложный тип святилищ отличается обширностью размеров и двойной оградой в форме усеченной трапеции с установленными в центре мужским и женским изваяниями [Швецов, 1979: 208–209]. Представляется, что последний тип является усложненным вариантом предыдущего и может быть с ним объединен.

Судя по описанию расположения половецкого изваяния на Чертомлыкe у В. Зуева и данным современных раскопок, а также тому обстоятельству, что остатки всех открытых святилищ обнаружены под поверхностью курганов, для их устройства на вершинах курганов выкапывались обширные прямоугольно-квадратные или овальные ямы глубиной около 1,0 м [Швецов, 1976: 199–207; Седюков, 1991-А; Гугуев, 1991: 116, 124].

Низами в XIII в. описал обряд поклонения половцев: «Все племена кыпчаков, когда попадают туда, сгибаются вдвое перед этой единственной в своем роде статуей. Пешком ли зайдут они туда, или верхом, поклоняются ей как творцу. Всадник, который подводит к ней коня, кладет стрелу из колчана в честь ее. Пастух, который заведет свое стадо, опускает перед ней овцу» [цит. по: Федоров-Давыдов, 1966: 191].

Во всех святилищах Северного Причерноморья зафиксированы остатки приношений – кости лошадей, коров, собак и других животных. Известны и случаи человеческих жертвоприношений. По этнографическим данным, в Монголии зафиксировано намазывание рта и чаши статуй жиром, привязывание к шее пучка волос или матерчатых ленточек. Находка скульптурного изображения медведя в половецком святилище в Донецке свидетельствует о существовании культа медведя у половцев, широко распространенного у кочевников от Кас-

пийского моря до Тянь-Шаня, в особенности – у народов Сибири [Федоров-Давыдов, 1966: 191; Швецов, 1979: 208–209]. Видимо, существовали и культы, связанные с другими животными. В Александровольской кургане найдено скульптурное изображение собаки, изготовленное из песчаника [ДГС I: 5], а в кургане у с. Балли в урочище Рясные Могилы, наряду с половецким изваянием, найдена скульптура фантастического животного [Отрощенко, 1977-А: 34–37, рис. 14, 2; 15].

Археологическими исследованиями установлено, что изваяния средневековых кочевников не были надгробными памятниками. Доказано для всего тюркского ареала, что они не связаны с погребениями человека. Половецкие каменные изваяния устанавливались как специальные святилища, в удалении от собственно половецких захоронений. Случаи синхронности средневековых изваяний, установленных на кургане, и подкурганных захоронений единичны [Трефилов, 1905: 142–144; 1907: 366–367], но и здесь связь погребений с установленными на курганах статуями отрицается [Плетнева, 1974: 72–73]. Они служили исключительно культовым целям, являлись объектом поклонения и устанавливались в виде святилищ на любых заметных в степях возвышенностях, в наиболее населенных местах, на пересеченных дорогах. Вероятно, они также служили своеобразными знаками собственности территории конкретных родов. Несмотря на некоторую обобщенную функцию покровителя рода, все же предполагается, что все изображенные на изваяниях были конкретными лицами, им воздвигались памятники после их смерти и они превращались в олицетворение предка [Городцов, 1905: 215; Федоров-Давыдов, 1966: 190–191; Плетнева, 1974: 73–75].

Таким образом, описание половецкого погребального обряда у Г. Рубрука, гласящее, что «команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке под пупком чашу» [Путешествия, 1957: 102], объединило два разных действия, происходивших в разных местах [Веселовский, 1915: 422].

Самыми удобными местами для устройства святилищ были курганы. В подавляющем большинстве случаев для этого использованы курганы эпохи бронзы [Бранденбург, 1897: 13–18; ОАК, 1891: 80–82; 1892: 37–39; 1895: 117–118; Груды, 1902: 78–80, 352; Городцов, 1905: 215, 234–236; 1907: 249; Шульц, 1937: 254; Швецов,

1979: 199–206; *Евдокимов*, 1975: 11–19; *Привалова*, 1998: 60–68; *Чередниченко*, 1976-А: 405; *Отрощенко*, 1977-А: 34–37, рис. 14; 15; 1982: 9, рис. 3; *Кубышев*, 1986: 41; *Куприй*, 1989; *Гугуев*, 1991: 116, 124).

Намного реже для этого использовались скифские курганы, прежде всего потому, что последние в количественном отношении намного уступают курганам эпохи бронзы, а также по той причине, что зачастую там уже были установлены собственные скифские изваяния, к которым половцы относились с таким же почтением, как и к своим собственным. Это подтверждается находками на Бабиной и Водяной могилах. Тем не менее, на некоторых курганах скифской знати были устроены половецкие святилища.

Согласно описанию половецкого святилища на Чертомлыке 1781–1782 гг., «посреди самого верха представляется ямина... и в оной ямине стоит каменный болван увеличенного роста» [*Зув*, 1787: 265–266]. Ориентация чертомлыцкого изваяния лицом на запад, зафиксированная В. Зуевым, вызвала недоумение у Н.И. Веселовского, усмотревшего в этом противоречие канону [*Веселовский*, 1915: 411]. Имеющиеся на сегодняшний день данные о конструкции половецких святилищ указывают на то, что яма на вершине Чертомлыка, в которой было установлено изваяние, является обязательным элементом половецкого святилища. При доисследовании Чертомлыка в 1979–1985 гг. среди фрагментов древнегреческих амфор, обнаруженных среди камней крепиды кургана, были найдены также и несколько характерных каннелированных фрагментов средневековых корчаг.

Изваяние сходного типа было обнаружено в Мельгуновском кургане [*Ястребов*, 1894: 132; *Придик*, 1911: 2]. Каменная баба, возможно, также половецкая, стояла на Александропольском кургане [*Терещенко*, 1853-А: 55; *Уваров*, 1871: 518]. Об этом косвенно свидетельствуют характерные средневековые железные наконечники стрел, найденные в верхних слоях насыпи кургана и являющиеся остатками приношений идолу, а также находка где-то у края кургана скульптурного изображения собаки [ДГС I: 5; Атлас, табл. I, 6, 9, 10]. Половецкие изваяния также стояли на одной из Близиц, исследованных И.Е. Забелиным близ Томаковки [*Эварницкий*, 1890: 191], на Геремесовом кургане [*Терещенко*, 1853-А: 21, 52], на скифском кургане Острая Могила,

исследованном Н.И. Веселовским воле Ногай-ска в 1887 г. [Протоколы, 1887: LXXI], на кургане Баба воле шт Апостолово, где у подножия статуи были найдены кости лошади [ОАК, 1897: 133–137; *Эварницкий*, 1901: 718–720]. Каменная баба неизвестной принадлежности стояла на Большой Цимбалке [ОАК, 1867: XIX]. Упоминается находка бабы в Мартонопском кургане [*Ястребов*, б/г: 11]. Половецкая каменная баба была установлена на вершине скифского кургана в Змеевском уезде Харьковской губ. на землях Раздольского товарищества [Труды, 1902: 78–80, 352]. Обломки половецкого изваяния, некогда стоявшего на вершине, найдены во рву 8-метрового скифского кургана у с. Новорайск Бериславского р-на Херсонской обл. [*Евдокимов*, 1977]. Открыты половецкие святилища на кургане № 4 у с. Первомаевка Верхнерогачикского р-на и кургане № 13 у с. Львово Бериславского р-на на Херсонщине. Авторы последних исследований предложили реконструкции святилищ, которые по своей грандиозности превосходят все известное в этой области. Поэтому остановимся на них детально.

У с. Первомаевка в скифском кургане № 4 группы I высотой 1,8 м на вершине в подквадратной яме размерами 5,0 x 5,5 м глубиной 0,8 м, вымощенной известняковым плитняком, были установлены два мужских изваяния лицом на восток. Возле них найдены обломки средневековой амфоры, бронзовый котел, многочисленные кости лошади и овцы. На камнях вымостки прослежены следы обожженности, найдены пепел и угольки, а также обожженные кости животных. Со святилищем авторы реконструкции связывают каменный панцирь кургана, а также яму под южным участком скифской крепиды, перекрытую известняковыми плитами, в которой были найдены лопатка, бедренная и тазовые кости и череп без нижней челюсти человека старческого возраста, а также кость крупного животного. Как полагают исследователи, скифская крепида была частично разобрана половцами для сооружения культового места [*Евдокимов*, 1991-А: 264].

Памятник опубликован по частям: отдельно реконструкция половецкого святилища [*Евдокимов*, 1991-А] и отдельно скифский курган [*Евдокимов*, 1991-В]. В публикации скифской части памятника содержатся разительные отличия по конструкции кургана от предлагаемой в реконструкции. Прежде всего допущена путаница: курган в тексте публикации

неверно обозначен под № 1, а на иллюстрациях – под собственным № 4. Совершенно не упомянут в тексте публикации и не обозначен на общем плане и разрезах каменный панцирь [Евдокимов, 1991-В: 75, рис. 1–3], который, согласно реконструкции, в виде «регулярной закладки» покрывал всю поверхность кургана [Евдокимов, 1991-А: 264]. В отчете о раскопках кургана также нет ни слова о каменном панцире, святилище описано как локальный объект, никак не связанный с остальными элементами кургана. Все средневековые находки сосредоточены в пределах ямы святилища, и только отбитая голова одного из половецких изваяний найдена в западной части насыпи кургана за пределами скифского рва [Евдокимов, 1981: 23]. Крепида в публикации описана как мощная, сложенная из необработанных плит известняка в несколько слоев высотой 1,0 м, шириной 4,5 м. Ни слова не сказано о разборке крепиды, что подтверждают общий план и разрез кургана, на которых по всей окружности кургана изображена мощная однородная крепида. Жертвенная яма в южной части подкурганной поверхности перекрыта этой крепидой. То же самое говорится и в отчете о раскопках кургана [Евдокимов, 1981: 23], и поэтому нет никаких оснований вырывать ее из скифского контекста и связывать с половецким святилищем. В публикации скифской стелы из этого кургана эта яма со всем содержимым, в силу того, что она перекрыта скифской крепидой, совершенно правомерно отнесена к скифскому времени [Ляшко, 1987: 76, № 14]. Все нарушения насыпи, в том числе и грабительский колодез, опущенный с вершины кургана в центре и перекрытый половецким святилищем, относятся к дополовецкому времени [Евдокимов, 1991-В: 72–76, рис. 1–3].

Итог анализа реконструкции следующий: половецкое святилище на первомаевском кургане № 4 имело вид большой прямоугольной ямы, вымощенной плитами, с установленными в центре двумя изваяниями, с различными подношениями, сосредоточенными в пределах ямы. Наличие каменного панциря в кургане, внезапно возникшего в реконструкции святилища, вообще ничем не документировано. Яма с остатками человеческих жертвоприношений находится под скифской крепидой и связана с культовыми действиями скифского времени. Поэтому значительная часть реконструкции является результатом последующего произвольного переосмысления памятника и допол-

нения его не существовавшими в действительности элементами.

У с. Львова на вершине скифского кургана № 13 высотой 4,5 м также обнаружено святилище. В квадратной яме с уступами размерами 4,4 x 4,4 м глубиной 0,65 м, вымощенной мелкими кусками известняка, стояло лицом на восток половецкое мужское изваяние. В яме обнаружены пепел и угли от костра, пережженные мелкие обломки костей животных, лепной и гончарной керамики. Авторы реконструкции связывают с половецким святилищем каменный панцирь из дикарного известняка, покрывавший поверхность кургана, последнюю досыпку кургана и окружающую ее крепиду диаметром 30 м, шириной 2 м, высотой 0,3–0,5 м и зольник под южной частью крепиды с костями человека, животных и обломками керамики [Евдокимов, 1991-А: 265–266].

Памятник опубликован по той же схеме, что и предыдущий: отдельно реконструкция половецкого святилища [Евдокимов, 1991-А: 265–266], отдельно скифский курган. Публикация скифской части памятника сделана крайне небрежно. Половецкое святилище в ней лишь упомянуто, но даже не нанесено на общий план. На общем плане отсутствуют номера погребений, нет увязки разрезов курганов с общим планом. Крайне бегло и без ссылок на конкретные профили описана стратиграфия кургана [Евдокимов, 1992-В: 136–138]. Все это вынуждает для анализа памятника вновь возвращаться к полевому отчету, поскольку публикация свою задачу не выполняет.

В трактовке стратиграфии допущено несколько последовательных ошибок. Так, первым по времени впускным захоронением в первичную насыпь кургана, сооруженную над древнейшим центральным захоронением кургана № 4, названо погребение № 2. Для его совершения, как совершенно справедливо пишут авторы отчета (и это подтверждено обоими профилями 1-й западной бровки, – в публикации рис. 2), была частично разобрана первая крепида и выкопана яма погребения, выкид из которой лег на край первичной насыпи и далее от кургана на поверхность древнего горизонта, а по бокам входной ямы на поверхность первой насыпи, на месте разобранной первой крепиды. После совершения погребения крепида так и не была восстановлена, первичный курган перекрыт второй насыпью и, соответственно, окружен второй крепидой, которые и должны быть связаны именно с погребением № 2, поскольку были сооружены после его совершения.

Далее в отчете и публикации скифских материалов утверждается, что вторая крепиды связана с дополнительным подзахоронением в центральное первичное захоронение № 4, совершенным через вторую входную яму (отдельного обозначения в общей нумерации погребений кургана она не имеет) и погребением № 3, хотя вторая насыпь кургана при этом связывается с погребениями №№ 1 и 2. Однако выкид из второй входной ямы погребения № 4 лежит не под второй крепидой, как это было бы при такой последовательности событий, а среди и поверх камней внешнего края второй крепиды (см.: 1-я западная бровка, западная сторона). Все это недвусмысленно указывает на то, что подзахоронение в центральное погребение № 4 через вторую входную яму было произведено в то время, когда вторая крепиды уже существовала, и для осуществления подзахоронения в центральное погребение она в западной точке была частично разобрана, выкопана вторая входная яма для подзахоронения, выкид из нее уложен дугой поверх этой крепиды, при этом глина заполнила промежутки между камнями, и затем, после завершения подзахоронения, восстановлена.

В публикации и тексте отчета о раскопках также утверждается, что южный участок второй крепиды был разобран в половецкое время для устройства святилища и сооружения панциря, покрывшего третью насыпь кургана, которую также связывают со святилищем. Однако на чертежах остатки разобранной крепиды не обозначены. По раскопкам многих скифских курганов, где крепиды разбирались местным населением, хорошо известно, как это происходит в реальности. При добыче камня никогда не закладывались какие-то большие по площади раскопы, позволяющие обнаружить и вскрыть крепиды по всей площади и таким образом выбрать все камни полностью. Обычно копаются ямы в месте обнажения или обнаружения камней и добыча ведется механическим перекапыванием земли вслепую. Таким способом выбираются, в основном, крупные камни и плиты, и всегда остаются более или менее значительные скопления средних и мелких камней, четко обозначающие место расположения крепиды. Такие остатки тем более были бы обязательны, поскольку вторая крепиды в данном кургане на всех остальных участках, где она действительно существовала, отличается весьма солидными характеристиками — шириной до 4 м и высотой до 1,8 м.

С южной стороны у внешнего края второй насыпи на месте якобы разобранной половинками крепиды на уровне древнего горизонта совершены скифские захоронения №№ 1 и 3. Относительно погребения № 1 утверждается, что материковый выкид из него лежал на поверхности 1-й насыпи, в которую оно и было впущено. Однако это явная ошибка, поскольку данное погребение находится за пределами не только первой, но и второй насыпи и устроено возле внешнего края последней, за ее пределами. И выкид из него лежит на поверхности древнего горизонта. Выкид из погребения № 3 лежит на склоне второй насыпи и далее, выходя за ее пределы, на древнем горизонте.

Есть все основания полагать, что строительство второй крепиды на данном участке так и не было завершено. В пользу того, что над погребением №№ 1 и 3 второй крепиды никогда не существовало, говорят и следующие обстоятельства. Оба погребения избежали ограбления, что выглядело бы очень странным, если бы крепиды над ними была выбрана в позднее время. Входные ямы погребений были заполнены мягким, несслежавшимся грунтом. Если бы над ними действительно лежала мощная вторая крепиды, то неизбежно произошло бы уплотнение грунта, а камни крепиды просели бы в обе ямы и на достаточно значительную глубину. Так, на Гаймановой Могиле обе входные ямы впускной Северной гробницы, заполненные материковым выкидом с прослойками чернозема, были перекрыты восстановленной крепидой, в результате чего ее камни просели в заполнение ям на глубину 0,4 м от уровня материка [Бидзіла, 1971: 45], т. е. более чем на 1,0 м. Здесь же этого нет [см.: профиль центральной бровки, вост. сторона — в публикации рис. 1, третий сверху — Евдокимов, 1992-Б].

И лишь после совершения подзахоронения через дополнительную входную яму в центральное погребение № 4 в западной точке второй крепиды, а также погребений №№ 1 и 3 на южном участке, строительством третьей насыпи над ними, третьей крепиды у ее края и покрытием поверхности третьей насыпи (т. е. кургана в целом) каменным панцирем и было завершено функционирование львовского кургана в скифское время.

Определенную ясность в причины отсутствия второй крепиды на южном участке вносят материалы Бабиной Могилы, Братолобовского кургана и кургана № 13 в Золотой Балке. В Бабиной Могиле крепиды первичной насыпи

в целом отличалась значительной мощностью и состояла из стенки, сложенной из 13–15 слоев плит в высоту, каменной наброски от нее вверх по склону, переходившей в каменный панцирь. При изучении крепиды бросилось в глаза, что на южном участке стенка крепиды состояла только из 10 слоев плит, факт совершенно непонятный, поскольку какие-либо следы поздних перекопов и разрушений отсутствовали. При строительстве второй крепиды Бабиной Могилы, связанной с впускным захоронением, на южном участке строители также основательно сэкономили – здесь она была плавно сращена с первой крепидой. Завершали конструкции Бабиной Могилы и кургана у Львова третья крепида. Только в первом случае каменный панцирь уже существовал в кургане, а в последнем он был создан вместе с последней крепидой. Аналогичный прием зафиксирован и в Братолюбовском кургане, где вторая крепида второй насыпи на южном участке сращена с крепидой первичной насыпи [Кубышев, 1996: 132–133, Abb. 1]. К этому будет уместным вспомнить, что вторая крепида в кургане № 13 у с. Золотая Балка имела достоверно зафиксированный разрыв протяженностью 3 м в юго-западном секторе [Кубышев, 1979: 133]. Если раньше этот факт представлялся непонятным, то теперь в свете новой информации представляется далеко не случайным. По-видимому, у скифов существовало какое-то своеобразное отношение к южному направлению, позволявшее некоторые вольности в соблюдении канонов. Если мы не можем объяснить почему это происходило, то по крайней мере можно считать установленным, что в каких-то случаях крепида на южных участках не доводилась до общего стандарта или даже не достраивалась вообще.

Кроме того, даже если гипотетически допустить разборку половцами второй крепиды скифского кургана для вымостки святилища и сооружения панциря кургана и третьей крепиды, то этого камня было бы совершенно недостаточно для всего предполагаемого строительства. Участок, на котором отсутствует крепида, имел протяженность 15 м, на котором ее объем составил бы около 60 м³ камня. Этого совершенно недостаточно для сооружения кольца третьей крепиды шириной 1,8–2,0 м, высотой 0,5 м при общей протяженности в 125 м, для которой необходимо около 120 м³ камня (это минимум, поскольку третья крепида частично выбрана местными жителями, и ее перво-

начальный объем неизвестен), облицовки поверхности кургана панцирем на площади около 1500 м², для чего необходимо около 250 м³, и устройства вымостки святилища на площади около 20 м², на которую требуется около 4 м³. Всего требуется около 370 м³ камня против 60 м³, которые теоретически можно было взять с недостроенного участка второй крепиды. Кроме того, отсутствуют прецеденты подобного крупномасштабного строительства и на основной территории обитания половцев, не говоря уже о Нижнеднепровском правобережье, где половецкие святилища весьма немногочисленны и имеют довольно скромное устройство. Неизвестны и примеры подобного обращения половцев, да и кочевников всех времен, с курганами предшественников.

Под третьей крепидой львовского кургана № 13 в различных местах обнаружено 5 ям. В тексте отчета и в реконструкции святилища их описания нет. Только на полевом чертеже на общем плане в яме, расположенной строго на север от центра, обозначены находки человеческих костей. О содержимом всех остальных остается только гадать. В публикации реконструкции половецкого святилища, в отличие от отчета, почему-то говорится о находке человеческих костей в южной яме, возможно, для большего сходства с первомышевским святилищем, также неверно реконструированным. По неведомым причинам в реконструкции эта яма именуется зольником, и неизвестно откуда в ней появляются кости животных и фрагменты керамики [Евдокимов, 1984: 98; 1991-А: 265–266; 1992-Б: 136–148].

В целом половецкое святилище на кургане № 13 у с. Львова в действительности имело достаточно скромный вид – яма, вырытая на вершине кургана на месте разобранного панциря, вымощенная камнем, с установленным в ней изваянием. Все же прочие каменные и земляные конструкции кургана и ритуальные элементы, с ними связанные (ямы под третьей крепидой), относятся к скифскому времени.

Предполагается, что курганы в Перемоаевке и во Львова выбраны для устройства святилищ по причине наличия в них камня [Евдокимов, 1991-А: 266–268]. Однако, если произвольно не навязывать половцам несвойственных им строительных работ, то это не имело абсолютно никакого значения. Гораздо чаще половецкие святилища устраивались на курганах эпохи бронзы, где не было никаких каменных конструкций, уже только потому, что

последние преобладают в количественном отношении. Да и использование камня в святилищах отнюдь не было обязательным, даже в тех случаях, где он имелся. Так, на Чертомлыке, где камень в изобилии лежал на поверхности на самом кургане и в ближайших окрестностях, половецкое святилище было устроено в обычной яме и не сопровождалось какими-либо дополнениями из камня. С другой стороны, на Соболевой Могиле, где абсолютно отсутствуют скифские каменные конструкции, камень для половецкого святилища был специально привезен на курган со стороны.

В сущности, нет и ни одного примера сооружения каменных панцирей на курганах при строительстве половецких святилищ. Г.А. Федоров-Давыдов в нескольких случаях ошибочно связывает панцири курганов эпохи бронзы с половецкими святилищами, поскольку, по его мнению, погребения в этих курганах относятся к таким эпохам, когда обкладки курганов камнем не практиковались [Федоров-Давыдов, 1966: 192], что неверно.

Как мы увидим в разделе 4.9, посвященном каменным панцирям, такая традиция существовала в Северном Причерноморье на протяжении всей истории курганного строительства. Из привлеченных Г.А. Федоровым-Давыдовым примеров, каменные панцири открыты в двух случаях в длинных курганах срубной культуры, для которых характерны самые разнообразные каменные конструкции, в том числе и панцири. На курганах, исследованных В.А. Городцовым, как выяснилось впоследствии, каменные бабы были установлены незадолго до его раскопок [Бранденбург, 1897: 13–18; Городцов, 1905: 234–236; 1907: 249], и поэтому панцири этих курганов связаны с захоронениями эпохи бронзы, а не с половецкими святилищами, которых здесь никогда не было. Есть и ошибочные ссылки на курганы, где панцири повросту отсутствовали [ОАК, 1895: 117–118].

В целом, по данным Г.А. Федорова-Давыдова, позднечетвертичные курганы с различными каменными конструкциями – выкладками в виде колец по поверхности насыпи и на периферии или сплошным панцирем по поверхности насыпи, а также курганы, насыпанные в два приема с обкладкой камнями поверхности первой насыпи, на территории от Южного Приуралья до Поднестровья, – встречаются крайне редко. Из известных ему 568 курганов таких насчитывалось всего 16 [Федоров-Давыдов, 1966:

120]. Указание на курганы с такими конструкциями в Поднестровье сомнительно – каменные конструкции вообще нехарактерны для средневековых курганов Северо-западного Причерноморья [Добролюбовский, 1986]. Имеется единственное упоминание о позднечетвертичном кургане высотой 1,5 м на Днестре с крепидой по основанию высотой 0,5 м [Фабрициус, 1951: 39, № 51]. Несколько больше позднечетвертичных курганов с панцирями открыто в последние годы в Донбассе. Но и здесь не известно ни одного случая строительства каменных панцирей на курганах иных эпох при создании на них половецких святилищ. Отмечено только вторичное использование более ранних или синхронных каменных панцирей курганов при устройстве святилищ [Швецов, 1979: 208].

4.4. НАСЫПИ СКИФСКИХ КУРГАНОВ

Археологи давно обратили внимание на асимметричность насыпей курганов. Южный склон у них всегда более длинный и пологий, в то время как северный – короткий и крутой. Это отмечено везде, где существуют курганы, сооруженные из грунта: в Северном Казахстане [Зданович, 1984: 35], Оренбургских степях [Руденко, 1918: 4], в нижних Подонье [Леонтьев, 1854: 399], Поднепровье [Забелин, 1865: 73; Скадовский, 1897: 77], Побужье [Шалошикова, 1986: 11] и Поднестровье [Кнауэр, 1889: 41], бывших Екатеринославской [Самохвасов, 1886: 189], Херсонской [Шмидт, 1863: 432], Таврической [Бурачков, 1875: 55] и Харьковской губерниях [Городцов, 1905: 178], что указывает на естественный характер этого явления.

По наблюдениям П.О. Бурачкова, весеннее таяние снегов быстрее происходит на южной стороне кургана и стекающая вода смывает много грунта, в то время как с северной стороны таяние идет намного медленнее и влага при этом успевает впитываться в землю, что способствует сохранению крутизны северных склонов [Бурачков, 1875: 55]. По мнению Г.Л. Скадовского, деформация курганов являлась результатом воздействия господствующих осенних ветров при сильных дождях, характерных для этого сезона [Скадовский, 1897: 77]. С.И. Руденко считал, что вследствие континентальности степного климата, быстрого наступления жаркого лета после кратковременной весны травяная и кустарниковая растительность хорошо сохраняется только на северном склоне

последние преобладают в количественном отношении. Да и использование камня в святилищах отнюдь не было обязательным, даже в тех случаях, где он имелся. Так, на Чертомлыкe, где камень в изобилии лежал на поверхности на самом кургане и в ближайших окрестностях, половецкое святилище было устроено в обычной яме и не сопровождалось какими-либо дополнениями из камня. С другой стороны, на Соболевой Могиле, где абсолютно отсутствуют скифские каменные конструкции, камень для половецкого святилища был специально привезен на курган со стороны.

В сущности, нет и ни одного примера сооружения каменных панцирей на курганах при строительстве половецких святилищ. Г.А. Федоров-Давыдов в нескольких случаях ошибочно связывает панцири курганов эпохи бронзы с половецкими святилищами, поскольку, по его мнению, погребения в этих курганах относятся к таким эпохам, когда обкладки курганов камнем не практиковались [Федоров-Давыдов, 1966: 192], что неверно.

Как мы увидим в разделе 4.9, посвященном каменным панцирям, такая традиция существовала в Северном Причерноморье на протяжении всей истории курганного строительства. Из привлеченных Г.А. Федоровым-Давыдовым примеров, каменные панцири открыты в двух случаях в длинных курганах срубной культуры, для которых характерны самые разнообразные каменные конструкции, в том числе и панцири. На курганах, исследованных В.А. Городцовым, как выяснилось впоследствии, каменные бабы были установлены незадолго до его раскопок [Бранденбург, 1897: 13–18; Городцов, 1905: 234–236; 1907: 249], и поэтому панцири этих курганов связаны с захоронениями эпохи бронзы, а не с половецкими святилищами, которых здесь никогда не было. Есть и ошибочные ссылки на курганы, где панцири попросту отсутствовали [ОАК, 1895: 117–118].

В целом, по данным Г.А. Федорова-Давыдова, поднекочевнические курганы с различными каменными конструкциями – выкладками в виде колец по поверхности насыпи и на периферии или сплошным панцирем по поверхности насыпи, а также курганы, насыпанные в два приема с обкладкой камнями поверхности первой насыпи, на территории от Южного Приуралья до Поднестровья, – встречаются крайне редко. Из известных ему 568 курганов таких насчитывалось всего 16 [Федоров-Давыдов, 1966:

120]. Указание на курганы с такими конструкциями в Поднестровье сомнительно – каменные конструкции вообще нехарактерны для средневековых курганов Северо-западного Причерноморья [Добролюбовский, 1986]. Имеется единственное упоминание о поднекочевническом кургане высотой 1,5 м на Днестре с крепидой по основанию высотой 0,5 м [Фабрициус, 1951: 39, № 51]. Несколько больше поднекочевнических курганов с панцирями открыто в последние годы в Донбассе. Но и здесь не известно ни одного случая строительства каменных панцирей на курганах иных эпох при создании на них половецких святилищ. Отмечено только вторичное использование более ранних или скяхронных каменных панцирей курганов при устройстве святилищ [Швецов, 1979: 208].

4.4. НАСЫПИ СКИФСКИХ КУРГАНОВ

Археологи давно обратили внимание на асимметричность насыпей курганов. Южный склон у них всегда более длинный и пологий, в то время как северный – короткий и крутой. Это отмечено везде, где существуют курганы, сооруженные из грунта: в Северном Казахстане [Зданович, 1984: 35], Оренбургских степях [Руденко, 1918: 4], в нижних Подолиях [Леонтьев, 1854: 399], Поднепровье [Забелин, 1865: 73; Скадовский, 1897: 77], Побужье [Шилошников, 1966: 11] и Поднестровье [Кнауэр, 1889: 41], бывших Екатеринославской [Сажоков, 1886: 189], Херсонской [Шмидт, 1863: 432], Таврической [Бурачков, 1875: 55] и Харьковской губерниях [Городцов, 1905: 178], что указывает на естественный характер этого явления.

По наблюдениям П.О. Бураčkова, весеннее таяние снегов быстрее происходит на южной стороне кургана и стекающая вода смывает много грунта, в то время как с северной стороны таяние идет намного медленнее и влага при этом успевает впитываться в землю, что способствует сохранению крутизны северных склонов [Бурачков, 1875: 55]. По мнению Г.Л. Скадовского, деформация курганов являлась результатом воздействия господствующих осенних ветров при сильных дождях, характерных для этого сезона [Скадовский, 1897: 77]. С.И. Руденко считал, что вследствие континентальности степного климата, быстрого наступления жаркого лета после кратковременной весны травяная и кустарниковая растительность хорошо сохраняется только на северном склоне

кургана. На южном склоне травяной покров уже в первой половине лета выгорает, и обнаженная поверхность кургана легко размывается и выдувается [Руденко, 1918: 4]. «Естественное» объяснение асимметрии курганов приписывается большинством исследователей [Литопис, 1929: 21; Грязнов, 1960: 23].

Существует также «искусственное» объяснение. Крутизна и пологость соответствующих склонов курганов, по мнению И.Е. Забелина и Н.И. Веселовского, зависели от направления, откуда возили землю и с какой стороны ее укладывали. При подвозе с юга эта сторона кургана оставалась пологой, и то время как северный склон в процессе укладки грунта приобретал большую крутизну [ДПС II: 84; Веселовский, 1911: 104]. Г.Н. Тоцев и В.А. Самар, отчасти признавая роль природных факторов, склоняются к «искусственности» причин формирования крутизны склонов курганов. Несдопкратно отмечая это явление уже в первичных насыпях крупных курганов эпохи бронзы, перекрытых многочисленными более поздними досыпками, они полагают, что на сооружение курганов именно такой формы влияли причины утилитарные – направление подъездных путей при использовании упряжных животных на подвозе грунта, определявшееся в соответствии с ходом солнца по небосводу, мешавшего работать этим животным. Отчасти влияли и причины идеологического и культового характера [Тоцев, 1990-А: 63].

Правильным представляется «естественное» объяснение. Если первичная насыпь, сооруженная из свежего насыпного грунта или кусков дерна, существовала в самостоятельном виде хотя бы на протяжении двух-трех лет, то она неизбежно подвергалась природному воздействию. И именно в самые первые годы существования, до полного оседания, слеживания, отвердевания грунта до природного состояния, образования плотного растительного покрова на поверхности насыпи, воздействие талой и дождевой воды было наиболее интенсивным и разрушительным. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и первичные насыпи древних курганов имеют асимметричные склоны. Когда-то эти первичные насыпи были единственными и подвергались воздействию стихии в полной мере.

В степном Приуралье вследствие природно-климатических условий эрозионные процессы на крупных курганах протекали с такой интенсивностью, что происходило

смещение вершин курганов к северу на 5–10 м. Предполагается, что максимум эрозии склонов курганов происходил в первые десятилетия существования, и стабилизация наступала через несколько столетий [Богданов, 1998: 18]. Однако такие сроки представляются завышенными. Естественные усадка и слеживание грунта, а также задернование поверхности происходят в течение нескольких лет, и поэтому ни о каких первых и тем более последующих десятилетиях, не говоря уже о столетиях, говорить не приходится.

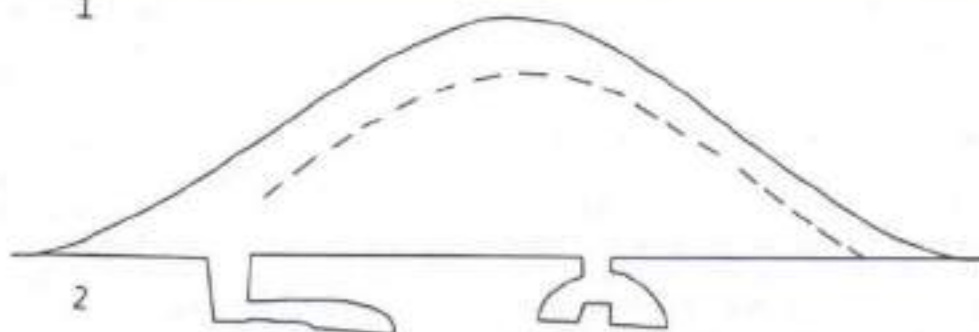
По наблюдениям В.А. Городцова в Харьковской губ., в отличие от курганов эпохи бронзы, курганы скифской и сарматской эпохи имели симметричные полусферические насыпи с вершиной над центром [Городцов, 1905: 178]. Следует отметить отсутствие на Харьковщине крупных скифских курганов, где асимметрия насыпи наиболее очевидна. Для больших скифских курганов Нижнего Поднепровья, т. е. «толстых могил», И.Е. Забелин отмечал общую для всех курганов деформацию, при этом указывая на весьма значительную общую крутизну их склонов, чему видел причины в наличии каменных покоев в основании этих курганов [Забелин, 1865: 73]. В целом и у скифских курганов, независимо от величины, северные склоны всегда значительно круче, чем южные, отличающиеся пологостью и удлиненностью, что при большой общей крутизне склонов несколько меньше бросается в глаза по сравнению с курганами эпохи бронзы.

Почему же курганы эпохи бронзы, из которых, по меньшей мере, некоторые, также выстроены из дерна, в основном имеют на сегодняшний день значительно более пологие склоны? По-видимому, в основном все заложено в начальной архитектуре и зависит от строительных материалов. Такая крутизна склонов, как у скифских курганов, у курганов эпохи энеолита-бронзы встречается нечасто. Кроме того, «виновато» и неумолимое время – любой скифский курган в сравнении с ними значительно моложе – от 500 до 2500 лет. И еще неизвестно, как будут выглядеть скифские курганы IV в. до н. э., которым сегодня «всего» 2400–2500 лет от роду, еще через две тысячи лет.

Начиная с И.Е. Забелина, принято считать основным типом кургана скифской знати т. е. «толстые могилы», имеющие крутые склоны и широкие плоские вершины. Но насколько такая форма насыпи изначально характерна именно для скифских курганов? Ведь в боль-

1

2

Рис. 121. Курган Солоха

1 - фото 2003 г. (фото С.В. Полина); 2 - разрез кургана [Манцевич, 1987: рис. 3]

Рис. 122. 1-й Мордвиновский курган перед раскопками в 1914 г.

[Ростовцев, 1916-А: мал. 1]

В большинстве случаев вершины скифских курганов разрушены позднейшими грабительскими колодцами, при установке триангуляционных знаков. На многих из них в годы войны строились различные военные объекты, что привело к образованию широких уплощенных вершин-площадок на курганах и решительным образом видоизменило их форму.

Курган Солоха высотой 18 м, один из четырех крупнейших царских курганов Северного Причерноморья, первоначально имел остроконечную коническую форму насыпи. Но

после того, как Н.И. Веселовский при раскопках в 1912–1913 гг. срезал вершину кургана по всей площади на 6 м высоты, останец кургана высотой около 12 м приобрел очертания, характерные для «толстых могил» [рис. 121, 1–2; Бобринский, 1913: 225; Манцевич, 1987: 9, рис. 2 и 3].

Изучение конструктивных насыпей в курганах Желтокаменна, Чертомлык, Вабина, Соболева могилы и др. показывает, что значительная крутизна склонов заложена в них изначально. По-видимому, в основном, благодаря

«строительному материалу» – кускам дерева и в значительной степени – каменным креплениям, скифские курганы в целом сохраняют значительную крутизну склонов. Крайне мало данных для суждения об изначальной «толщине» вершин «толстых» могил, поскольку, как правило, центральные части скифских курганов в наше время оказываются разрушенными, прежде всего, грабительскими ходами. Только вершины Солохи и 1-го Мордвиновского курганов не были повреждены грабительскими колоддами сверху. В первом случае вершина была остроконической, во втором – очень широкой, слабовыпуклой, по выражению Н. Макаренко – «формы приплюснутого полушария» [рис. 122; ОАК, 1912: 40; Макаренко, 1916: 267, сл., рис. 1; Ростовцев, 1916-А: 3, рис. 1]. Наблюдения в курганах Бабиной и Водяной могилы показывают, что «толстая» форма вершины кургана могла задаваться изначальной. В Бабиной Могиле первичное ядро кургана, сравнительно мало нарушенное грабительским ходом, уже имело сформированную «толстую» вершину и крутые склоны. Все остальные последующие насыпи, как конструктивные, так и основные, воспроизводили форму склонов первичного ядра в каждом случае в возрастающих размерах (рис. 28). Такой же абрис имело первичное ядро Водяной Могилы (рис. 5). Но повторяли ли «толстый» абрис вершины первичного ядра несохранившиеся вершины последующих насыпей?

Реконструкция первоначального вида вершин основных насыпей Бабиной Могилы сделана с учетом внешнего контура насыпи, существовавшего ко времени раскопок (рис. 26; табл. 3, 1). В то же время крутизна склонов основных и конструктивных насыпей и в Бабиной и в Водяной могилах очень значительна, и если реконструкцию делать на их основе, то в результате получится коническая остроконечная насыпь.

И этому есть примеры. Знаменитая Солоха, как отмечалось выше, имела остроконечную коническую насыпь. В то же время ее первичная насыпь, просматривающаяся в разрезах траншеи на фотографиях Н.И. Веселовского, имеет плавно округлую, достаточно широкую вершину, аналогичную контуру Александрополя и Толстой Могилы [ОАК, 1912: 41, рис. 54; Манцевич, 1987: рис. 2 и 6; ДГС I: рис. на с. 1; Мозолевский, 1979: рис. 1]. Страшная Могила возле г. Орджоникидзе также коническая с выраженной асимметрией склонов

(рис. 123), что точно согласуется с собственным названием кургана – «Острая Могила» [Тереножкин, 1965: Дневник, с. 2; Мозолевский, 1983: 107]. Чертомлык, как будто имеющий название «Толстая Могила», судя по известному рисунку П.С. Вольского 1862 г., сделанного накануне раскопок [Брашинский, 1967: 65], являлся типичной пирамидальной острой могилой с разрушенной средневековым святилищем вершиной (рис. 124). По данным Д.И. Яворницкого известно, что Нечаева Могила имела название «Гостра могила» [Доклад, 1904: 21], что, видимо, было обусловлено формой кургана в прошлом. И это вполне вероятно, поскольку вершина кургана давно разрушена и сегодня имеет типично «толстые» очертания И.Е. Забелин уже определял Нечаеву Могила как «толстую» [Забелин, 1865: 76; ДГС II: 75], что, вероятно, указывает на давность разрушения вершины (рис. 125). Здесь вполне возможно развитие истории насыпи по сценарию Солохи. Коническую форму с плавно поднимающимися склонами имела первичная насыпь высотой 2 м в скифском кургане № 11 у с. Львово на Херсонщине [Тереножкин, 1973: 71, табл. XXIV].

«Острые» насыпи в достаточной мере свойственны скифским курганам. Скифский курган IV в. до н. э. высотой 8,5 м Острая Могила исследован Д.Я. Самоквасовым в 1876 г. в бывш. Каневском уезде у с. Большая Яблонька [МРЗ: 115]. Следует также вспомнить скифскую 6-метровую Острую Могила возле Ногайска, исследованную Н.И. Веселовским [Протоколы, 1887: LXX–LXXVI]. Да и Гайманова Могила своим силуэтом ничуть не похожа на «толстые могилы» (рис. 126), как и Ближница Слоновская (табл. 23, 2). Известно также, что скифские курганы-гиганты, исследованные С.А. Мазараки у с. Волковцы Роменского уезда в 1899 г., имели следующую форму: первый высотой 19 м – остроконечный, второй курган высотой 18 м имел полусферическую насыпь [Летопись, 1899: 133].

Б.Н. Граков считал типом насыпи скифского царского кургана курган в виде пирамиды Чертомлыцкого типа, по-видимому, имея в виду вышеупомянутый рисунок Чертомлыка. Как писал Б.Н. Граков в отчете: «...курган кажется почти островерхим... Тип его, несомненно, тот, что называется «скифским царским» [Граков, 1946: 54–56; 1949: 115].

Б.Н. Граков очень верно подметил особенности формы насыпи Чертомлыка. В сущности,

Рис. 123. Страшная (Острая) Могила. Фото А.И. Терешожкина 1965 г.

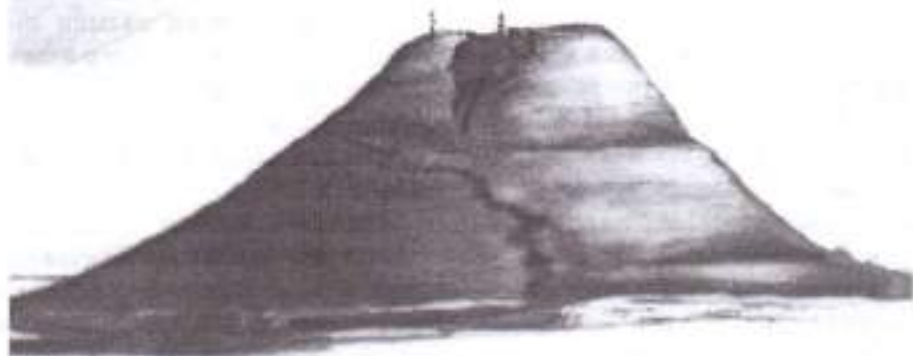

Рис. 124. Чертомлык в 1862 г. Рис. П.С. Вольского
(Рукописный архив ИИМК РАН в Санкт-Петербурге)

Рис. 125. Нечаява Могила весной 2003 г. Фото С.В. Полина

не очень понятна правомерность отнесения к нему названия «Толстая Могила», хотя оно и зафиксировано для кургана еще в 1781–1782 гг. и подтверждено в 1852–1854 и в 1862–1863 гг. [Зуев, 1787: 265; Терещенко, 1866: 6; ДГС II: 74]. По мнению А.В. Терещенко, насыпь Чертомлыка имела одинаковую конусообразную форму с Александропольской [Терещенко, 1866: 6, примеч. 5]. Однако рисунок Александропольского кургана передает типичную «толстую могилу», ничего не имеющую общего с известным изображением Чертомлыка (рис. 127; табл. 23, 1). Это может объясняться, тем, что этот рисунок был сделан не с натуры, а позднее, уже после завершения раскопок.

Кроме того, не все «толстые могилы» относятся к скифскому времени. Так, Толстая Могила у с. Беленькое Верхнехортицкого р-на Запорожской обл., исследованная в 1859 г. И.Е. Забелиным, была сооружена в эпоху неолита-бронзы [табл. 24, 2; ДГС II: 54]. Также не все большие курганы эпохи бронзы имеют насыпи типа «острых могил». Курган эпохи бронзы Высокая Могила высотой 10 м у с. Балки Васильевского р-на Запорожской обл. [Бабалла, 1974-А] имел бесспорно скифский облик и полусферическую насыпь с толстыми боками и широкой уплощенной вершиной (рис. 128).

В целом значительная часть крупных скифских курганов по типу насыпи является «толстыми могилами» (рис. 129; табл. 23, 3; 24, 1), в то же время часть из них воспроизводит тип насыпи, господствовавший в эпоху бронзы – «острые могилы».

4.5. ИЗ ЧЕГО СТРОИЛИСЬ СКИФСКИЕ КУРГАНЫ

В скифское время никаких новаций в этом отношении не отмечается. В этот период используются строительные материалы, техника строительства и принципы организации подкурганного пространства, сложившиеся еще на стадии становления традиции строительства курганов в Северном Причерноморье в IV–III тыс. до н. э. Принципиальное отличие курганов скифского времени состоит в том, что все это воплощено в больших курганах и курганах-гигантах высшей скифской знати и царей IV в. до н. э. в гипертрофированных масштабах, не ведомых ни в более ранние, ни в более поздние эпохи.

Известны и курганы эпохи бронзы высотой 10–12 м. Но они приобретали столь грандиоз-

ные размеры на протяжении 1000–1500 лет, в процессе многократных досыпок кургана, сопровождавших последовательные подзахоронения представителей различных культур, сменявшихся на протяжении всего этого периода⁶. Курганы скифской знати создавались большими одновременно, в результате трудовых усилий крупных человеческих коллективов. В них, как и в курганах эпохи бронзы, также прослеживаются досыпки, связанные с последовательными скифскими захоронениями. Однако эти подзахоронения очень близки во времени и совершались в период менее полувека. И таких досыпок бывает, как правило, одна-две, не более трех. И уже на первом этапе курган знатного скифа сразу возматывал «во весь свой рост», при последующих досыпках разрастался в диаметре и сравнительно мало увеличивался в высоту⁷.

Объемы работ, проделанные при сооружении курганов скифских царей и высшей знати, поражают воображение. Конечно, их не стоит сравнивать со знаменитыми египетскими пирамидами Древнего царства (III тыс. до н. э.) фараонов Джосера, Сехемхета, Снофру, Хеопса, Хефрена, Микерина. Каменные гиганты высотой от 60 до 146 м, с размерами оснований от 109 x 121 м до 233 x 233 м, объемом от 263 780 до 2 642 064 м³ вызывают благоговейное удивление [Матье, 1961: 48–66]. В наших курганах, на первый взгляд, все выглядит значительно скромнее. Здесь не вытесывались гигантские каменные блоки, которые транспортировались за сотни километров по воде и суше. Не было здесь и сверхточных инженерных расчетов, воплощавшихся выдающимися строителями древности в математически правильные фигуры. Все было гораздо проще. Но и здесь существовали свои тонкости: предварительная планировка, можно сказать – проект, отработанные технические приемы, высокий уровень организации труда. Основной строительный материал – дери – нарезался рядом с курганом.

⁶ Есть и исключения: знаменитый Майкопский курган на Северном Кавказе III тыс. до н. э. высотой около 5 саженей сооружен как будто в один прием [Отчет, 1997: 44].

⁷ Здесь не идет речь о конструктивных досыпках в первичных насыпях курганов высшей скифской знати, которых прослеживается от 3 до 6. Такие досыпки являются составными элементами первичного кургана и отражают технологические и ритуальные этапы его строительства. Термины «насыпь», «досыпка» для скифских курганов употребляются условно, поскольку во всех достоверных случаях установлено, что скифские курганы сооружены из кусков дерева.

Рис. 126. Гайманова Могила в 1969 г. Фото В.И. Бидзиди

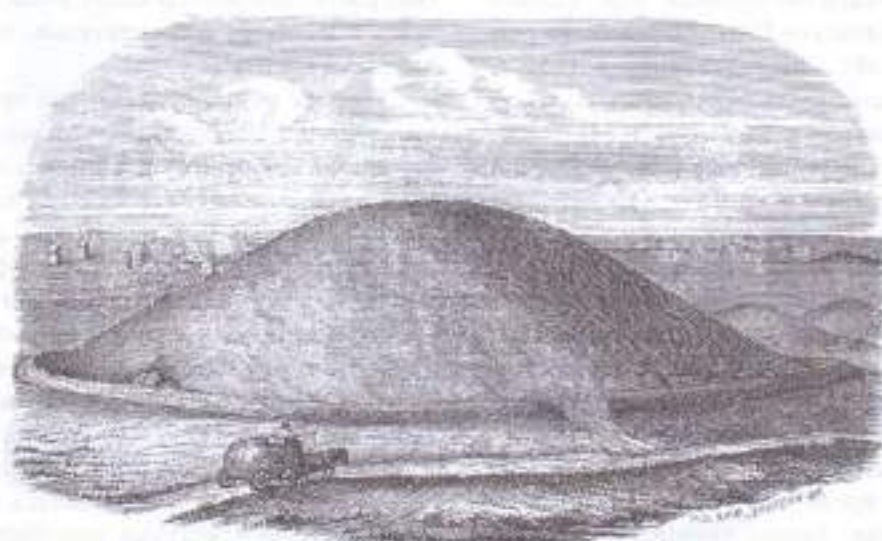

Рис. 127. Александропольский курган (Луговая Могила) [ДГС I: 1]

Рис. 128. Высокая Могила. Фото В.И. Бидзиди

Дикарный камень транспортировался из ближайших балок и речных долин. Пример самой дальней перевозки камня – курган Огуз, куда камень доставлялся из долины Днепра (52 км по прямой). Объемы самых крупных скифских курганов измеряются «всего лишь» десятками тысяч кубометров грунта, тысячами кубометров камня. Но тем больше они дают пищи для размышлений. Степные скотоводы, представители цивилизации совершенно иного уровня развития, оставили столь грандиозные памятники. Недаром у многих слово курган ассоциируется с определением «скифский». Даже сегодня, вырванные из привычного степного контекста, курганы скифских царей и рядовых воинов стоят посреди современных полей, ограниченных лесопосадками. Круто подрезанные плугами пахарей, искаженные древними грабителями и современными вандалами, молчаливые земляные пирамиды наших степей многое говорят просвещенному любителю истории.

Самый крупный курган Причерноморской Скифии, Огуз, высотой более 21 м по разным подсчетам имел объем насыпи от 117 тыс. до 140 тыс. м³ [Отрощенко, 1982-А: 42; Фялко, 1994: 123; Болтрик, 1998: 90]. Чертомлык высотой 19 м, – от 70 тыс. до 80 900 м³ грунта и около 1270 м³ камня для кrepidьы⁴ [Gauglitz, 1998: 88].

Александропольский курган⁵, высотой 19–20 м, по объему не уступал Чертомлыку. В кур-

⁴ Здесь не учтено, по-видимому, не меньшее количество камня, лежащее в виде каменной наброски по склонам кургана выше кrepidьы, а также каменная вымостка, укреплявшая террасу с северной стороны на середине высоты кургана [ДГС II: 76,83. Атлас, табл. Г].

⁵ В рукописном архиве ИИМК РАН в Санкт-Петербурге хранятся ряд иллюстраций по раскопкам Александрополя. Часть из них была подготовлена к «Вспомогательнейшему отчету» о результатах раскопок Александрополя в 1852–1853 гг. императору Николаю I. На чертеже № 80 к этому отчету дано описание и чертеж кургана, где обозначена высота в 8 сажень и приведены подсчеты объема насыпи – сколько раскопано и сколько осталось в четырех останках, из расчета высоты кургана в 8 сажень. Эти цифры Ю.В. Болтрик принимает за истинные размеры кургана [Болтрик, 1998: 90]. Это описание кургана и чертеж частично опубликованы без подсчетов объема насыпи и ряда других цифр [Изялечение, 1855: 52, рис. 22]. Однако этот чертеж не является полевым чертежом, а составлен по данным отчета А.В. Терещенко о раскопках в 1852–1853 гг. Как установил А.Е. Люценко в 1855 г., А.В. Терещенко очень сильно ошибся в определении уровня подошвы кургана и на самом деле не дошел до нее более чем на 1,5 сажени (3,2 м). Естественно, все это не могло войти в замеры А.В. Терещенко за 1852–1853 гг., поскольку эти работы были осуществлены

гале существовали грандиозные каменные конструкции – циклопическая кренида из гигантских плит в виде стены у подножья высотой в 2 саж. (около 4 м) и каменный панцирь, покрывавший поверхность кургана [Бухтеев, 1852: 536; Изялечение, 1855: 51–52].

Курган Нечаева Могила⁶ высотой 14–15 м и диаметром 110 м имеет объем в 54 тыс. м³ [Пояснительная записка, 1966: 2]. Выше приводились данные о разрушении кургана, и поэтому вполне вероятно, что еще в начале века его высота достигала 19–20 м, что подтверждается и данными Д.И. Яворницкого [Доклад, 1904: 21]. Существующий диаметр соответствует кургану именно такой высоты. Курган Огуз высотой более 21 м имел диаметр 100–110 м [Фялко, 1994: 123].

Курганы Большая Цымбалка и Козел высотой 14–15 м, вероятно, имели объем насыпи, близкий Нечаевой Могиле⁷. Объем насыпей курганов высотой 8–9 м (Чмырела, Толстая, Бабина, Гайманова, Лемешева и др.) колеблется в пределах 11–13 тыс. м³, курганов высотой 4–6 м (Деев курган, Орел, Каменская Близница, Купревы могилы-2, Носаки-4, Носаки-12, Носаки-14, Томаковская Близница, Владимировка-12, Владимировка-1, Заповитное-18, Марьевка-9, Первомаевка-2, Золотая Балка-13, Малый Огуз, Кара-Тюбе, Слоновская Близница, Шульговка, Мелитополь, Ташенк, Гюновка-14, Покровка, Сахиова Могила, Вишнева Могила, Рядовой-1, Рядовой-2 – в пределах 2400–4200 м³ [Мозолевский, 1979: 167; Болтрик, 1998: 89–91]. Объем Соболевой Могилой высотой 6 м к моменту раскопок составлял около 4400 м³, а в древности при первоначальной высоте кургана около 7 м достигал 5500 м³.

позднее, в 1855 г., уже А.Е. Люценко. Таким образом, 8 сажень делятся не высотой кургана, а глубиной раскопа А.В. Терещенко от уровня вершины, и соответствует только объему работ, сделанных А.В. Терещенко, как и приведенные на архивном чертеже подсчеты объема насыпи, но не учитывают последующие. Поэтому нет оснований принимать предлагаемую Ю.В. Болтриком высоту кургана 17 м и оптимизировать от традиционного определения высоты Александрополя в пределах 19–20 м при диаметре насыпи кургана около 45 сажень (более 96 м).

⁶ Здесь использованы результаты натуральных обмеров кургана, сделанные маршлейдерами ОГЮКа в 1966 г.

⁷ Учитывая неточность при подсчетах объема Нечаевой Могилой, нельзя принять предлагаемый Ю.В. Болтриком для курганов высотой 14–15 м объем в 36–42 тыс. м³ [Болтрик, 1998: 90]. Исходя из объема Нечаевой Могилой, его следует определять в пределах 50–54 тыс. м³.

В скифское время, в VII–IV вв., преимущественно в V–IV вв. до н. э., строительство гигантских курганов знати происходило по всему поясу евразийских степей от Болгарии на западе до Тувы на востоке. Но если в Северном Причерноморье скифские курганы строились преимущественно из кусков дерева, то во всех остальных регионах, за редким исключением, для этого использовался насыпной грунт и камни.

На Северном Кавказе использование дерева для строительства насыпи зафиксировано в Прикубанье в Келермесском кургане № 2 VII в. до н. э. [Галанина, 1997: 62]. На Ставрополье зафиксирована своя традиция. Курган № 1 у хут. Красное Знамя высотой 11 м сооружен последовательно во много приемов из насыпного грунта – земли, песка и глины, взятых из широкого кольцевого рва вокруг кургана шириной 25 м и глубиной 3 м. Конструктивные доски крепились от расположения концентрическими кругами плетня, дерева и камня. Снаружи курган укреплен мощной кренидой и панцирем из камня. Сходная ситуация зафиксирована и для других скифских курганов VII–VI вв. до н. э. на Ставрополье – Ново-заведенное, Ставропольский курган 1984 г. и др. [Петренко, 1974: 123–124; Степи, 1989: 217].

В Нижнем Поволжье господствуют мелкие курганы, курганы высотой 4–7 м единичны, более крупные курганы этого времени неизвестны. Даже погребения савромато-сарматской знати сопровождаются малыми насыпями или являются впускными в более древние небольшие курганы. Курганы здесь выстроены из грунта, взятого рядом. В редких случаях отмечено, что грунт насыпной, преимущественно материкового происхождения. Встречаются единичные мелкие курганы, сооруженные из камня [Синицын, 1960: 11, 79; Смирнов, 1960: 171, 221; 1964: 75–77; Дворниченко, 1989-А: 5–13; 1989-Б: 20].

В Южном Приуралье для савромато-сарматского времени также характерно преобладание мелких курганов. Изредка встречаются насыпи высотой 3–5 м. Кроме того, известны единичные большие курганы высотой 7–10 м. Сооружены из насыпного грунта, преимущественно материкового происхождения. Встречаются крениды или сплошные панцири. Новофилипповские курганы, среди которых исследованы гиганты высотой 6–10 м, имели земляные насыпи. Курган № 3 высотой 6 м

«сооружен из чернозема и предматерикового слоя, взятых рядом с курганом». К.Ф. Смирнов отмечал в разрезах ряда савроматских курганов некие отдельные крупные куски земли, на основании чего делал вывод о применении савроматами тары для перевозки грунта [Смирнов, 1964: 138]. В.С. Ольховский полагал, что речь идет об использовании дерева в строительстве савроматских курганов [Ольховский, 1991: 120]. Более широко, чем в Поволжье, здесь распространены мелкие курганы высотой до 1 м с каменными или каменно-земляными насыпями [Руденко, 1918: 5–12; Смирнов, 1963: табл. 2–5; 1964: 78; 1975: 16, 46, 49, 58, 93, 117, 107, 132, 144, 147; Пшеничнюк, 1983: 190–196; 1988: 192; Савроматская эпоха, 1994: 130; Раннесарматская культура, 1997: 75; Зев, 1999: 105–108, Golden Deer, 2000: 23].

В Северном Казахстане и южной оконечности Западно-Сибирской низменности достаточно широко распространены «крупные» курганы высотой 2–4 м савромато-сарматского времени, сооруженные из насыпного грунта – чернозема, суглинка и глины. Но здесь, в зоне распространения обыкновенных черноземов, для оформления верхней части курганов в это время в ограниченных объемах использовались куски дерева [Зданович, 1984: 41, 44].

В Восточном Казахстане в долине р. Чиликты находятся знаменитые Чиликтынские курганы. Это достаточно компактный могильник из 57 насыпей, где 13 курганов достигают высоты 8–10 м при диаметре до 100 м, а остальные – высотой 3–5 м и диаметром 20–40 м. Погребальные сооружения здесь имеют вид неглубоких ям с дромосами, перекрытых накатом из бревен и небольшой куполообразной каменной наброской из крупного битого камня. Нижняя часть насыпи кургана № 5 (современная высота 6 м, в древности – 8 м) на высоту 5 м и 40 м в диаметре сложена из плотной битой глины. Верхние слои кургана уложены последовательно из грунта с разделяющими прослойками гальки. Наружная поверхность облицована крупной светло-серой галькой до 15 см в поперечнике. Все остальные исследованные курганы имели сходную конструкцию. Глину, грунт и гальку брали из речного русла, расположенного в 200 м от курганов, камень привезен с гор, не ближе 15 км, листовничные бревна доставлялись из леса за 40 км [Черников, 1951: 144; 1965: 16–20, 186, табл. VI, XXII; Степная полоса, 1994: 142].

В юго-восточном Казахстане в Семиречье в долине р. Или Бесшатырские курганы сакской элиты высотой до 17 м (в древности значительно больше) сооружены в один прием. Насыпи имеют мощные кресиды в основании, переходящие в сплошную панцирь, покрывающий всю поверхность курганов. В 1-м Бесшатырском кургане, как и в большинстве азиатских больших курганов, в теле насыпи выделяется ядро высотой до 12 м из крупного битого

камня, перекрывавшее мощное бревенчатое погребальное сооружение на уровне древнего горизонта. Верхний слой до полной высоты кургана состоял из грунта со щебнем. В 3-м Бесшатырском кургане прослежена значительно более сложная конструкция насыпи: 17 прослоек камня толщиной 0,3–0,5 м разделяли слои насыпного грунта в 2–4 м толщиной. Меньшие курганы отличаются только размерами и объемом тех же строительных материалов

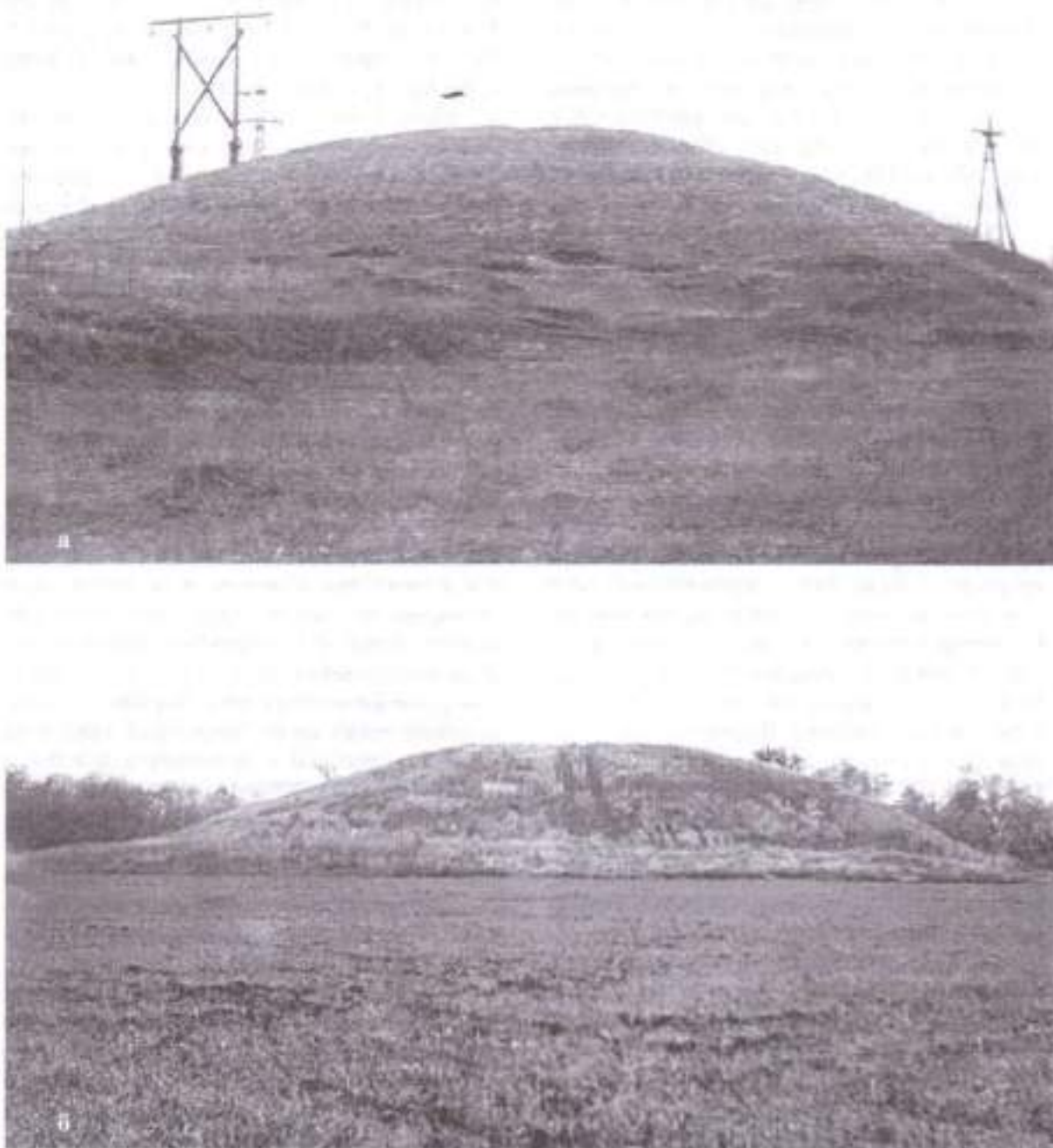

Рис. 129. Саянские «толстые» могилы

а – Толстая Могила возле г. Орджоникидзе; б – Желтокаменная Толстая Могила. Фото В.Н. Мозолевого

[Акишев, 1963: 31–72]. Курганы Иссык высотой 6 м насыпан в 4 приема из слоев речной гальки и щебеночно-глинистой массы [Акишев, 1978: 15].

На Алтае курганы знати пазырыкской культуры выстроены из камня. Их высота 2–5,4 м при диаметре 32–68 м. Сопровождались различными внешними каменными конструкциями. Под каменной наброской устраивалась земляная насыпь, состоявшая из выкопанных из погребальных ям, имевших здесь значительную площадь и глубину до 6 м. Объем погребальных ям 1-го Пазырыкского и 2-го Вашадарского курганов составлял около 200 м³. Малые курганы отличались только размерами [Грязнов, 1950: 13–15; Руденко, 1952: 56; 1953: 26, 362, 365, 369, 371, 372; 1950: 26, 30, 93, 106; Кубарев, 1987: 10; 1991: 21; Степная полоса, 1992: 164, 166; Полосымак, 1994: 17–21, 67].

В Туве курганы аржанского этапа алдыбельской культуры или раннего этапа уюкской культуры сложены из камня в обрамлении кренид из более крупных обломков. Курганы высшей знати имеют вид плоских каменных платформ высотой около 1,5 м при диаметре 80–100 м или традиционной конической формы. Конический курган № 1 в могильнике Хондей имел высоту 4,5 м и диаметр 25 м. Крупнейший каменный курган-платформа – Аржан – имел высоту 3–4 м при диаметре 120 м. Курганы последующей саглынской или позднеуюкской культуры V–III вв. до н. э. представляют собой каменно-земляные конструкции без кренид. Существуют также и земляные курганы высотой от 1 до 8 м при диаметре 30–70 м, иногда до 90 м, с плоской вершиной, окруженные рваки и каменными кольцами. Информация о характере грунта насыпей нет [Кыласов, 1958: 77; 1979: 35, 68–69; Маннай-Оол, 1970: 9–17; Грязнов, 1980: 5; Грач, 1980: 16, 25, 46].

В Южной Сибири в Минусинской котловине, в зоне распространения южных черноземов, для строительства курганов тагарской культуры использовался дерн. Здесь преобладают мелкие курганы высотой 0,5–1 м. Крупные достигают высоты 4–4,5, иногда 8 м. По основанию ограждены высокими каменными оградками. Группа Салбыкских курганов, наиболее грандиозных в регионе, насчитывает четыре кургана высотой 10 м и десять несколько меньшей величины. Большой Салбыкский курган IV–III вв. до н. э. к моменту раскопок имел высоту 11 м и диаметр около 160 м. Согласно реконструкции, его высота в древности достигала

25–30 м. Курган имел пирамидальную насыпь. Ограничивался по периметру прямоугольной оградой размерами 70 x 70 м высотой 2,5–2,8 м из циклопических плит и стел. Отдельные плиты достигали высоты 4–5 м при весе до 30 т. Большая часть насыпи кургана сложена из кусков дерна. Наружные части насыпи сложены из тонкодисперсной глины, взятой из солончаковых низин. Поверхность была облицована кусками дерна. Дерн и глина брались рядом, плиты для ограды привозились за 15 км, стелы – за 75 км [Киселев, 1951: 223–224; 1956: 56–58; Дэвлет, 1958: 61–67; Мартынов, 1970: 15–17; Вадецкая, 1986: 77; Курочкин, 1988: 11; 1993: 4, 23; Кузьмин, 1994: 7, 24].

То же отмечается и в западном направлении на территории Болгарии для курганов фракийской знати V–IV вв. до н. э., среди которых известны и гиганты высотой до 15 м, а по данным XIX в. – до 30 м. Здесь это действительно насыпи, сооруженные из насыпного грунта, уложенного многочисленными беспорядочными кучами и слоями, взаимно перекрывающимися друг друга. Разрезы фракийских курганов пестрят различными конструктивными прослойками и больше напоминают структуру городских культурных слоев. Отмечено наличие кренид [Шкорпилъ, 1898: 5–6; Филова, 1934: Обр. 8–10; 103; 122; 143; 151; 168].

В Северном Причерноморье дерн использовался для строительства скифских курганов как в степи, так и лесостепи. В этом регионе черноземы различного типа занимают основные площади. На черноземах произрастает обильная травяная растительность, образующая прочный толстый дерн. Корневая система растений пронизывает почвенный покров до 1,0–1,5 м глубины в лесостепи и 0,3–0,4 м в степи [Природа, 1985: 184–193; 1986: 65, 89–94, 105–119]. В отдельных случаях в районах распространения других типов почв использовались местные ресурсы. Курган № 8 высотой 9 м IV в. до н. э. в Елизаветовском могильнике в дельте Дона сооружен из песка [Шилаев, 1961: 152].

Вероятно, из дерновых «кирпичей» сооружались все скифские курганы, но не везде это прослежено или зафиксировано. Дело в том, что дерновая структура грунта сохраняется в курганах высотой более полуметра. В мелких курганах под постоянным воздействием фильтрующихся атмосферных осадков и мощной корневой системы растений грунт насыпи превращается в деструктурированную однородную

червоземную массу. В курганах большей высоты структура грунта сохраняется, в основном, в центральной части насыпи. В поверхностных слоях, а также полах больших курганов, подвергавшихся интенсивному воздействию прилегающей влаги и корневой системы растений, дерновая структура насыпи также разрушается [Мозолевский, 1982: 182; Мурзин, 1998: 83].

Некие куски чернозема, «имевшие форму квадратных кирпичей», слагали внешнюю оболочку кургана Перепахиха [Древности, 1846: 6]. Впервые строение скифского кургана из кусков дерна заметил А.В. Терещенко, осматривавший варварские раскопки Геремесова кургана помещика А.М. Миклашевского в окрестностях с. Беленькое [Терещенко, 1853-А: 54]. Позднее куски дерна наблюдал А.А. Спицын при раскопках Вашмячки [Спицын, 1901: 72-73], Н.Е. Макаренко видел их на 1-ом Мордвиновском кургане [Макаренко, 1916: 267-269], А.М. Лесков – на 2-ом Мордвиновском кургане [Лесков, 1974: 52-54; 1981: 157-158]. Из дерна были сооружены насыпи Гаймановой, Страшной, Хоминной, Чабандовой могил, Желтокаменки. По неясным причинам, только намеки на дерновую структуру насыпи отмечены в Толстой Могиле [Мозолевский, 1979: 149-150; 1982: 182], что, вероятно, объясняется тем, что в силу производственных обстоятельств здесь не было уделено должного внимания изучению насыпи кургана.

Строительство насыпей скифских курганов из пластин дерна фиксируется практически везде, где исследователи обращают на это внимание. К сожалению, в большинстве случаев наблюдения ограничиваются фиксацией состава насыпи из чернозема, или комковатого грунта различных оттенков. Чаще характеристике грунта вообще не уделяется внимания.

Большинство наблюдений такого рода сделано при раскопках скифских курганов в Нижнем Поднепровье. Чертомлык сложен из пластин дерна размером 15 x 25 см. Согласно подсчетам В.Ю. Мурзина и Р. Ролле, здесь в 1 м³ грунта насыпи содержится около 270 таких плиток, для получения которых снимался дерн на площади в 10 м². Для сооружения насыпи Чертомлыка, объем которой определен в 75 тыс. м³, по мнению исследователей, был снят дерн на площади в 75 га [Мурзин, 1989: 93; 1991: 171]. Почвоведы определили объем Чертомлыка в 70 тыс. м³ и при расчете получения 2000-2500 м³ дерна с 1 га, при снятии слоя около 20 см, определяют эту площадь в 35 га [Клам, 1991-А:

306]. Существуют также расчеты инженеро-строителей, основанные на современной практике сооружения земляных сооружений из дерна, согласно которым для сооружения насыпи объемом 80 900 м³ из плиток дерна размером 15 x 25 см необходимо снятие черноземного слоя толщиной до 28 см на площади 37,3 га, что соответствует площади квадрата размером 610 x 610 м [Gauglitz, 1998: 87-88] или кольцу вокруг кургана шириной до 300 м.

На Нижнем Днепре курганы № 11 у с. Львово высотой 2 м и № 1 и 12 у с. Владимировка высотой 2,5 и 5 м, курган № 92 у с. Выводово такого же размера – сложены из кусков дерна [Терещенко, 1973: 71; Чередниченко, 1976-А: 404; 1977: 125]. В курганах у с. Золотая Балка на Херсонщине зафиксировано сооружение насыпей из дерна в кургане № 13 высотой 4,6 м, № 15 высотой 6 м, № 22 высотой 5,15 м. В курганах №№ 13 и 15 зафиксирована горизонтальная укладка пластин дерна слоями в перевязку – наподобие кирпичной кладки [Кубышев, 1979: 131; 1982: 155-156, 188]. Здесь же исследованы курганы №№ 1 высотой 2 м и № 17 высотой 1,3 м, которые, по моим воспоминаниям, также были сложены из дерна. Однако эти «детали» почему-то не нашли отражения в отчете [Кубышев, 1978: 8,48]. Курган № 3 у с. Дудчаны высотой 3 м имел первичную насыпь, сложенную из дерна [Фридман, 1987: 159]. У с. Первомаевка в курганной группе I курган № 1 высотой 1,8 м, в группе II курган № 1 высотой 3,5 м, в группе III курган № 7 высотой 5 м сложены из кусков дерна [Евдокимов, 1987: 85; 1991: 75, 81], также и курган № 4 высотой 2,3 м у с. Ильанка [Плещивенко, 1991: 55].

По наблюдениям Н.И. Веселовского, грунт для сооружения 21-метрового гиганта кургана Огуз брали рядом с курганом: «брали правильно, не делая ни ям, ни рытвин». Доказательство этому он видел в существовавшей вокруг кургана в его время огромного по площади полижения, в котором ранней весной всегда стояла вода, и в результате этого почва приобрела болотистый характер [Протоколы, 1911: 104]. По наблюдениям В.Н. Мозолевского, в разрезах Огуза, сделанных А.М. Лесковым в 1972 г., хорошо прослеживались плитки дерна [Мозолевский, 1979: 149]. Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко строительный материал насыпи Огуза называют то дерновыми блоками-вальками, то просто вальками и предполагают их происхождение из Серогозской балки [Болтрик, 1991-А: 178; Фиалко, 1994: 122,138]. Представляются

более убедительными наблюдения Н.И. Веселовского и В.Н. Мозолевского.

При раскопках Соболевой Могилы установлена приподнятость древнего уровня погребенного черносема под курганом над современным уровнем окружающего поля на 20–30 см. Это следует связывать с нарезкой и сжатием слоя дерна для сооружения кургана непосредственно вокруг кургана. Исходя из нормативов, определенных для Чертомлыка [Кламм, 1991-А: 306], для Соболевой Могилы, объем которой при первоначальной высоте кургана 7 м достигал 5500 м³, площадь для нарезки дерна составляла 2–3 га. Таким образом, кольцевое понижение от выборки дерна вокруг кургана могло достигать 60–75 м ширины.

В Приазовье насыпь Бердянского кургана была сложена из прямоугольных плиток дерна разных размеров в пределах 27–30 x 5–20 см. Отмечена их горизонтальная укладка при отсутствии какой-либо системы кладки. Площадь, необходимая для получения дерна, использованного на строительство Бердянского кургана, определена в 10–15 га [Мурзин, 1989: 83–84]. Обоснование расчета не дается, однако если воспользоваться последними нормативами расчетов на Чертомлыке, то она составит 5–6 га. В том же регионе курган № 8 у с. Волчанск высотой 2,4 м сооружен из дерна. Здесь вокруг кургана зафиксирована большая кольцевая выемка шириной около 30 м, откуда брался дерн. У с. Водославка курган № 1 высотой 2,5 м, у с. Владимировка курганы № 1–4 высотой, соответственно 1,3; 0,8; 0,5 и 2 м также были сложены из дерна [Кубышев, 1985: 301–302; Полин, 1997: 7, 21, 26–27, 29].

В Поингулье в кургане № 3 высотой 3,9 м у с. Пески первичная насыпь сложена из дерна [Гребенников, 1987: 149].

Для сооружения скифских курганов равномерно снимался только дерновый слой окружающей степи, редко суглинок, без углубления в материк, в отличие от курганов эпохи бронзы, вокруг которых прослеживаются широкие кольцевые или траншейные выемки, иногда достигающие солидной глубины. Однако есть исключения и для скифских курганов. Широкая, до 30 м, кольцевая выемка, заполненная черным затечным грунтом, зафиксирована в Приазовье возле кургана № 8 высотой 2,4 м у с. Волчанск, сооруженным над погребением конца V в. до н. э. [Полин, 1997: 7, 41]. Вокруг кургана № 2 высотой 1,7 м у с. Корнеевка в Запорожской обл., сооруженного над погребени-

ем конца V в. до н. э., помимо традиционного кольцевого рва, также существовали неглубокая кольцевая выемка вокруг [Ковалев, 1991: 39]. Такая же, хорошо заметная визуально кольцевая выемка существовала возле кургана № 13 высотой 4,2 м у с. Новое Запорожье [Плещивенко, 1987: 52]. Как установил В.Н. Мозолевский, в ряде случаев рвы вокруг курганов V в. до н. э. имели вид широких кольцевых выемок, где чернозем и частично суглинок снимался вокруг кургана широким кольцом. И уже на дне этой выемки выкапывался традиционный ритуальный ров [Мозолевский, 1987: 63–65]. Слабая односторонняя выемка зафиксирована возле кургана № 13 высотой 2,1 м второй половины IV в. до н. э. возле г. Орджоникидзе [Полин, 1998: 6]. Такие концентрические выемки от выбранного грунта, иногда весьма значительные, зафиксированы вокруг скифских курганов в Елизаветовском могильнике на Нижнем Дону [Маллер, 1910: 91].

При раскопках Мелитопольского кургана были сделаны интереснейшие наблюдения по устройству насыпи. Стенки разрезов были как бы выложены из разноцветных плиток. После высыхания грунта из них начали вываливаться крупные комья, оказавшиеся «самым подлинным вальком, сбитым очень плотно». Как писал А.И. Тереножкин, «основание кургана не насыпь, а сплошная глинобитная кладка. Курган не только не насыпали, но его в прямом смысле строили». К сожалению, о структуре верхней части Мелитопольского кургана ничего неизвестно, поскольку, ко времени раскопок она была уничтожена. По заключению профессора почвоведения Пархоменко, посетившего раскопки, грунт в прослойках имел болотистый характер. Так как в окрестностях кургана почва состояла из каштанового чернозема, почвовед пришел к выводу, что грунт для строительства кургана доставлялся из поймы р. Молочной, находящейся примерно в 4 км к востоку от кургана. Здесь эти вальки формовались, высушивались и затем перевозились к месту сооружения кургана. Вальки были очень плотными и нередко извлекались из насыпи целыми. Форма их овальная, ширина равнялась 0,2–0,3 м. А.И. Тереножкин называет эти вальки «примитивными сырцовыми кирпичами» [Тереножкин, 1955: 30; 1955-А: 60; Мелитополь, 1988: 19; Іллінський, 1999: 102]. Образцы мелитопольских вальков меньшего размера представлены в экспозиции Национального исторического музея Украины. Визу-

ально они действительно представляют собой плотно сплетенные овалы комья, резко отличающиеся от кусков дерна.

В кургане № 7 высотой 1,6 м у с. Филатовка в северном Крыму в центре насыпи, а в большей степени по краям, в составе рыхлого чернозема отмечены вальки размерами 18 x 16 см, 23 x 14 см, 22 x 14 см, толщиной 7–8 см, изготовленные из илистого чернозема с примесью камки. В пределах насыпи они распространены неравномерно, в отдельных местах встречались в виде скоплений [Бессонова, 1984-А: 47]. В группе «Пять братьев» возле Блаватовского городища на Нижнем Дону отдельные курганы, по наблюдениям И.П. Хищнова, были сложены «из комков и пластин умятой глины, из сырцового земледитного кирпича, рядами складенного и залитого клейким болотным илом» [Марченко, 2000: 216].

Как отмечают В.Ю. Мурзин и Е.Е. Филалко, после открытия А.И. Тереножкина идея происхождения грунта для строительства курганов скифской знати из долин рек стала излишне популярной. Б.Н. Мозолевский предполагал происхождение грунта Толстой Могилы и Чертомлыка из долины р. Соленой [Мозолевский, 1979: 17, 150]. В.В. Отрощенко и Ю.В. Болтрик утверждают, что вообще все курганы скифской знати построены «из грязевых вальков или дерновых плиток, которые доставлялись с пойменных лугов или увлажненных низин» [Отрощенко, 1982-А: 42]. То же предполагал Н.Н. Чередниченко для Бердяевского кургана [Чередниченко, 1977–1978: 3–5]. При раскопках Двугорбой Могилы в восточной поле насыпи были зафиксированы какие-то элементы из илистого материала, по мнению исследователей происходившего из долины Кальмиуса [Шивалова, 1982: 151]. Ни в публикации, ни в отчете о раскопках невозможно выяснить характер этих материалов, их количество и конкретное размещение.

В связи с тем, что термин «вальковая насыпь» достаточно широко употребляется в применении к скифским курганам, сложенным из дерна [Чередниченко, 1976-А: 404], в некоторых работах эти термины употребляются как равнозначные [Отрощенко, 1982-А: 42; Кубышев, 1985-А: 302; Андросов, 1987: 56; Скорий, 1990: 22; Болтрик, 1991-А: 178; Филалко, 1994: 122, 138], возник даже такой бессмысленный гибрид, как «дерновые вальки» или «вальки дерна» [Чередниченко, 1977: 125; Ольховский, 1991: 74, 76, 120], необходимо окончательно

вести ясность в терминологию и расставить все точки над «i». Происходит явная путаница, обусловленная непониманием конкретного значения терминов и неподтвержденная достоверными наблюдениями.

Слово «валёк» означает: «грудка мокрой, змішаної з соломою глини для спорудження глиняних будівель або обмазування стін» [Словник, 1970: 287]. Можно еще дополнить: с добавлением князика, однако это не имеет отношения к нашей теме. Для нас важно одно – это высушенный блок, сформованный из предварительно замешанного грунта. В нашем случае – из чернозема. Судить о наличии органических добавок возможности нет из-за отсутствия специальных анализов.

После публикации писем А.И. Тереножкина о Мелитопольском кургане стало совершенно ясно, что здесь был зафиксирован первый достоверный случай использования вальков в скифских степных курганах. Вероятно, нечто подобное было отмечено в кургане у с. Филатовка, где в составе черноземных блоков отмечены добавки камки [Бессонова, 1984-А: 47], что свидетельствует о специальном замесе черноземной массы и смешивании его с добавками. Помимо дерна, вальковые материалы, вероятно, были использованы на Перепахтихе, где из них была сложена часть насыпи («стена»). Согласно описанию, она была сложена в восемь слоев и состояла из смеси чернозема с песком и глиной, напоминавшей кирпичную массу, и отличалась высочайшей плотностью грунта, поддававшегося только ломом и топорам [Древности, 1846: 6]. Вольше нигде такие элементы достоверно не прослежены. Факты строительства курганов из валькового материала уникальны и в каждом конкретном случае нуждаются в серьезных доказательствах. И поскольку в подавляющем большинстве случаев зафиксировано сооружение скифских курганов именно из дерна, то при описании насыпи и следует употреблять слова «дерн», «куски дерна», «пласты или пластины дерна», «блоки дерна», но ни в коем случае не «вальки», потому что это принципиально разные вещи.

В равной степени нуждаются в серьезной аргументации и предположения о доставке грунта для строительства курганов из долин рек. Как вполне обоснованно полагают В.Ю. Мурзин и Е.Е. Филалко, такие заключения могут быть сделаны только на основании заключений почвоведов и палеоботаников. Поскольку такие исследования проводились только для

Чертомлыка, где было установлено происхождение дерна из окружающей курган степи, и иных обоснованных наблюдений нет, предполагается, что и строительство Бердянского кургана происходило аналогичным образом – дерн брался непосредственно возле кургана [Мурзин, 1998: 84–85].

В нижней части разреза насыпи Толстой Могилы визуально было отмечено наличие марганца. Анализ одной пробы грунта из этой части насыпи, выполненный Центральной лабораторией обогащения ОГОКа, показал повышенное содержание марганца в грунте, что дало основание предполагать, что грунт привозился за 5 км из поймы р. Соленой, где, как предполагается, вследствие размыва выходов марганцевой руды, содержание марганца значительно выше, чем на плато в степи [Мозолевский, 1979: 17, 150].

В отчете о раскопках Толстой Могилы приведен анализ одного образца грунта, по поводу происхождения которого возникает ряд вопросов. При том, что насыпь кургана состояла из тучного чернозема без каких-либо глинистых включений, образец, представленный в лабораторию, являлся «пористым лессовидным суглинком бурого цвета, в котором присутствует незначительное количество мелких «зерен» или дендритоподобных включений окислов марганца». Рудные зерна здесь представлены псидомеланом сажието-песчанистого состава размером от нескольких долей до 2 мм. Количество марганцевых включений в пробе доходило до 0,4% [Мозолевский, 1971: 21, Приложение, № 4]. Если этот образец происходит из материкового выкида из Центральной гробницы, то вопрос о пойменном происхождении грунта насыпи отпадает автоматически.

Предположение о происхождении дерна из поймы р. Соленой высказывалось и по поводу грунта насыпи Чертомлыка. В отчете о раскопках Чертомлыка в 1981 г. приведен результат анализов 12 проб грунта из кургана, сделанных Институтом «Гинжжурда». 0,57% марганца содержала пигментированная полоса толщиной около 3 см, прослеженная в северном останце на 0,4 м ниже уровня древнего горизонта. По мере ее удаления к краю насыпи содержание марганца в ней падало и в 6 м к северу от конца линии составляло 0,23%. Остальные пробы грунта из насыпи показали содержание марганца 0,20–0,34%. По заключению главного геолога ОГОКа Н.А. Панченко, такое количество марганца в грунте кургана

превышало его содержание в грунте окружающей водораздельной степи в 2–6 раз. По мнению Б.Н. Мозолевского, это однозначно указывало на происхождение грунта из долины р. Соленой [Мозолевский, 1981: 11, 20–21].

В 1981 и в 1983 гг. на Чертомлыке был сделан дополнительный отбор проб, по которым помещские почвоведы проделали большую серию анализов по очень широкой программе, буквально по всем вопросам, связанным с историей кургана и слагающих его материалов. Было установлено, что земляной материал насыпи кургана был взят из поверхностного слоя чернозема толщиной 20–30 см. Дерн, составлявший земляное тело кургана, и подкурганый погребенный чернозем по всем показателям совпадали, что указывает на происхождение дерна насыпи из такого же черноземного материала. Место выборки дерна могло быть как рядом с курганом, так и на удалении от него, поскольку на всей окружающей территории чернозем и дерн имеют одинаковые свойства. Была опровергнута гипотеза о непригодности сухого чернозема степных плато для получения достаточно прочного дерна для строительства кургана и необходимости для этого доставлять его из удаленных влажных районов. Уложенные в кургане пластины дерна происходили из сухого, типичного для данного района, чернозема. Они недостаточно прочны для дальней, сопровождающейся тряской, длительной перевозки, что лишний раз свидетельствует о том, что они взяты в непосредственной близости от кургана. Сопоставление профилей кургана и окружающей территории показало, что прилегающая к кургану территория до глубины 25–30 см была лишена дернового слоя. Правда, этот дерн мог быть использован и для имеющихся здесь курганов эпохи бронзы [Клам, 1991: 310; 1991-А: 296–306], в том числе и для грандиозной «Долгой Могилой» высотой 6 м с объемом насыпи около 27 тыс. м³, находившейся в 40 м от кургана, для которой понадобилось бы срезать дерн на площади около 14 га.

При изложении результатов исследований остался неговоренным один момент – часть проб дерна из Чертомлыка показала более высокое содержание гумуса, что указывает на то, что часть строительного материала происходит из более богатых гумусом черноземных районов [Клам, 1991-А: 299]. К сожалению, исследователи не возвратились к этому моменту, и в окончательных выводах так и осталось неясным, соответствует ли он общим выводам

о происхождении дерна Чертомлыка или противоречит?

В связи с предположением о происхождении грунта Толстой Могилы и Чертомлыка из долины р. Соленой специальное внимание было уделено исследованию содержания марганца в образцах, которого обнаружилось от 0,14 до 0,43%, а в мелких осколках конкреций, обнаруживаемых под микроскопом, – до 1,4–2,2%. Такие показатели были одинаковыми как для грунта насыпи, перенесенного сюда, так и для подкурганых почвенных профилей. Разброс значений содержания марганца объясняется локальными золотыми примесями марганца в период образования лесса [Клам, 1991-А: 299]. Таким образом, сравнительно высокое содержание марганца в образцах из насыпи кургана само по себе не свидетельствует о его пойменном происхождении.

Современное содержание марганца в черноземе окружающей степи может быть пониженным в результате длительного вымывания атмосферными осадками, облегченного полным разрушением структуры чернозема в результате многолетней распашки. В теле насыпи кургана, по-видимому, происходили обратные процессы. Прежде всего, в скифское время для сооружения кургана был использован чернозем, никогда не подвергавшийся распашке и, несомненно, с относительно высоким содержанием марганца, в силу размещения курганов на поверхности Никопольского марганцеворудного месторождения. Кроме того, как показывают наблюдения по Толстой Могиле, марганец (визуально прослеживаемый) содержался только в нижних слоях насыпи, что, по-видимому, явилось результатом концентрации в результате промывания насыпи атмосферными осадками. Следует отметить, что все пробы грунта, взятые на Чертомлыке, также взятые из нижнего слоя насыпи – до высоты 3,5 м от древнего горизонта [Клам, 1991-А: 290–291, рис. 2–4].

Согласно выводам немецких почвоведов, возможное проникновение поверхностных осадков в тело насыпи, влекущее за собой изменение химических особенностей минерального тела, ограничивается верхними несколькими дециметрами [Клам, 1991-А: 297]. Однако согласиться с этим полностью нельзя. Неоднократно приходилось наблюдать в не потревоженных грабителями входных ямах впускных погребений, забутованных камнем, заполнение промежутков между камнями поверхностным

черноземом вследствие фильтрации поверхностных осадков. И это происходит в ямах на глубинах до 5–9 м, перекрытых также сверху еще несколькими метрами насыпи. Кроме того, хорошо известно, что корневая система поверхностной растительности принизывает насыпь на глубину 2–3 м. Не следует забывать также о степных животных-землероях, чья деятельность особенно интенсивно протекает в свеженасыпанных и свежерытых объектах. На Вердянском кургане мне пришлось наблюдать кротовины в стенках камеры Центральной гробницы, где глубина составляла 8,4 м толщины насыпи и до 15 м глубины в материке. Поэтому следует предполагать, что в течение первых нескольких лет, до тех пор, пока не произошло естественное уплотнение насыпи, она вполне доступна для промывания поверхностными осадками практически на полную глубину, и только со временем, после сложивания грунта, курган превращается в изолированную систему, недоступную для поверхностных осадков.

Руководствуясь наблюдениями В.В. Отрощенко и Ю.В. Болтрика, Б.Н. Мозолевский считал, что Вишневая Могила была сложена из вальков [Отрощенко, 1976: 71; Мозолевский, 1979: 150]. По мнению авторов раскопок, насыпи скифских курганов № 1, 7, 10, 11 и с. Гюновка были возведены из вальков-блоков чернозема, доставленных из сильно увлажненных низин или долин рек. Курган № 1 – Вишневая Могила – высотой 4,8 м сооружен в два приема. Первоначальная насыпь имела две конструктивные подсыпки из вальков, совершенные через весьма непродолжительные отрезки времени. Вторая насыпь сложена из однородного чернозема. Курган № 7, по утверждению авторов отчета, был сложен из грязевых вальков. О характере насыпи кургана № 10 специально не сказано ничего. Курган № 11 высотой 2 м сооружен в один прием и состоял преимущественно из грязевых вальков с последующей досыпкой рыхлым черноземом [Отрощенко, 1976: 71, 73–74, 119, 127, 131].

Только в полевом дневнике можно найти основания для таких утверждений. В центральной бровке Вишневой Могилы были замечены комья грунта, включавшие, по мнению Ю.В. Болтрика, окислы железа (Fe_2O_3). «Скорей всего, это свидетельствует о том, что земля для кургана бралась в виде вальков из болотистой местности (возможно, пойма р. Белозерка, или с дна большой балки, а возможно, и это

вероятнее всего, – насыпь кургана или часть ее привозилась с русла р. Рогачик» [Отрощенко, 1976: Дневник Ю.В. Болтрика, с. 4]. Однако такие рыжеватые прожилки, напоминающие по цвету ржавчину, встречаются практически в любом степном кургане и поэтому их о чем свидетельствовать не могут. Никто и никогда не определял их состав, мы не знаем, что это такое, и тем более ничего неизвестно об их происхождении. Кроме того, в Вишневой Могиле зафиксированы илстые смывы у краев первичной насыпи толщиной 5–15 см, лежащие на уровне погребенного чернозема, которые автор называет грязевой обмазкой. С западной стороны на этом смыве лежит тризна первичного кургана [Отрощенко, 1976: Дневник Ю.В. Болтрика, с. 4, 6–7, 10, 26].

Из всех этих данных невозможно извлечь какие-то серьезные доказательства использования вальков в насыпи Вишневой Могилы, и они совсем отсутствуют для курганов № 7, 10 и 11, где все ограничивается простыми констатациями. Еще меньше оснований для утверждения о пойменном происхождении грунта насыпи. Илстые смывы отношения к этому не имеют. Видимо, и здесь имеет место терминологическая путаница, что становится очевидным в более поздней работе [Отрощенко, 1982-А: 42].

4.6. О ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА СКИФСКИХ КУРГАНОВ

Возникает закономерный вопрос о продолжительности строительства курганов скифских царей и знати. Пока что в этом отношении можно сделать лишь самые ориентировочные прикидки.

Для эпохи неолита-бронзы по расчетам на основе экспериментально установленной производительности простейших землеройных орудий эпохи мезолита-неолита подсчитано, что сооружение кургана высотой 0,5–1,0 м, диаметром 8–20 м, объемом в 45–50 м³ из насыпного грунта могло быть осуществлено «небольшим коллективом» в течение 1–2 дней [Белов, 1991: 29; Семенов, 1983: 84–88]. Численность этого коллектива, при учете определенной этапности работ и ряда последовательных операций, ориентировочно определяется в 20–25 чел. Задача значительно усложнялась при сооружении каменных кромехов, каменных закладов погребений, каменных ящиков.

Требовались значительные дополнительные затраты труда и времени для подборки и ломки подходящих камней и плит, их простейшей подтески, транспортировки с помощью соответствующих средств к месту строительства кургана. Но в целом такое строительство было вполне по силам относительно небольшим группам людей и не занимало слишком много времени. В отдельных случаях, когда создавался курган в 3–4 м высотой с солидными каменными и деревянными конструкциями, безусловно, требовались большие затраты трудовых усилий и времени и, соответственно, привлечение более крупных коллективов. Однако они несопоставимы с масштабами работ на скифских курганах.

По подсчетам М.П. Грязнова, насыпь 1-го Пазырынского кургана на Алтае состояла из 1800 м³ камня, объем могильной ямы составлял 196 м³ вынутого грунта. Было заготовлено около 500 лиственничных бревен для погребальной камеры и наката, огромное количество бересты, лиственничной коры, курильского чая. Вольшого труда и значительных затрат времени требовал и монтаж подземных бревенчатых сооружений [Грязнов, 1950: 13–15].

По подсчетам С.И. Руденко, во 2-м Башадарском кургане для сооружения каменной насыпи высотой 3,5 м диаметром около 58 м с двумя кромехами нужно было доставить свыше 2000 м³ камня. Погребальная яма имела глубину 6 м при общем объеме около 200 м³. Для сооружения погребального сруба и его перекрытия требовалась заготовка сотен бревен. На все это нужно затратить от 3000 до 3500 человеко-дней без учета использования для этой работы упряжных животных. По этнографическим данным известно, что в поминках анатского казаха в прошлом веке принимали участие тысячи народу, преимущественно мужчины. Длитель они три дня и сопровождали различными состязаниями и обильными угощениями. Как полагают С.И. Руденко, такому количеству людей было под силу выполнить этот объем работ в короткий срок [Руденко, 1952: 56; 1960: 30–32, 328–329].

По подсчетам костей животных, найденных в тризне Толстой Могилы, установлено, что здесь на поминальном пирушестве было съедено около 6500 кг мяса, чего при максимальной среднесуточной норме потребления, известной по этнографическим источникам, хватило бы на 1300 чел. Поскольку была исследована приблизительно половина остатков

тризны, действительное число ее участников могло достигать 2500–3000 чел. [Бабакова, 1973: 67]. Исходя из сообщения Геродота, Б.Н. Мозолевский считал число участников тризны приблизительно равным количеству людей, принимавших участие в сооружении кургана. На этой основе было рассчитано время, затраченное на сооружение Толстой Могилы, первоначальный объем которой по его подсчетам достигал 12 тыс. м³. Грузоподъемность скифской повозки с воловьей упряжки, на основе данных В.О. Витта, определена в 0,5 т. При двух ходках в день одной повозки, при ежедневном участии в строительстве кургана 1500–3000 чел. курган мог быть сооружен за 4–8 дней [Мозолевский, 1979: 167].

На такой основе подсчитаны трудовые затраты для сооружения грунтовой насыпи малого скифского кургана № 15, исследованного у г. Орджоникидзе в 1998 г. В древности его высота составляла 1,5–2 м, диаметр 18 м. По костям животных, найденным во рву кургана, подсчитаны вес мяса, съеденного при отправлении тризны, составивший около 520 кг, и вероятное число участников тризны – людей, при норме потребления 3–5 кг, должно быть около 140 чел. Объем насыпи кургана составлял от 60 до 115 м³ (учитывая разрушение распашкой), объем погребенного чернозема, снятого вокруг подкурганной площадки – около 40 м³, объем грунта, вынутого из кольцевого рва – около 55 м³, погребальной катакомбы – около 34 м³. Общий объем земляных работ на этом кургане определяется в пределах от 190 до 234 м³ выкопанного и перемещенного грунта. Продолжительность выполнения всех этих операций, учитывая их определенную технологическую последовательность и сопровождающие ритуалы, вполне укладывается в недельно-полторы [Итали, 1998: 56–58].

По расчетам Р. Ролле и В.Ю. Мурашина, из 80 тыс. м³ объема насыпи Чертомлыка 75 тыс. м³ составлял дерн в количестве 15 млн кусков. По современным нормативам, один рабочий за день может заготовить 2 м³ дерна. В целом на заготовку всего необходимого количества дерна требуется 35 тыс. человеко-дней. Соответственно, 1000 чел. могут проделать эту работу за 35 дней. Один человек за одну ходку может перенести с поля к кургану с помощью специального устройства 20 кусков дерна, на что требуется полчаса. Дерн укладывался от края кургана к середине. При производительности 300 дернин за световой день 1000–1500 чел.

могут достаточно быстро справиться с работой по строительству земляной насыпи Чертомлыка. Согласно приведенной таблице расчетов, на все работы на кургане, включая выкапывание ям погребений, строительство земляной насыпи и строительство каменной крепицы, 100 чел. затрачивают до 160 дней, 700 чел. – около 3 недель [Rolle, 1998: 60–64, Abb. 24].

Эти подсчеты носят совершенно механический характер. Прежде всего, нужно помнить, что создание царского скифского кургана мало напоминало стройку коммунизма. Поэтому вряд ли следует говорить о 14–15-часовом рабочем дне. Совершенно не учитывается определенная последовательность, этапность строительства кургана. Первый этап – создание комплекса погребальных сооружений весьма большого объема – предшествовал строительству насыпи. В структуре Чертомлыка при доисследовании останцов в 1979–1985 гг. зафиксированы 4 конструктивных насыпи. Как показало изучение архивных материалов, структура кургана была значительно сложнее. И.Е. Забелин отметил наличие первичной насыпи и не менее 5, а возможно и 6 таких насыпей [Яценко, 2002: 141]. Каждая из насыпей не могла строиться вся сразу, а сооружалась в определенной технологической последовательности. Все эти насыпи сопровождалась мощными илистыми смывами толщиной до 1 м, в структуре которых отмечено от двух до шести последовательных слоев [Чертомлык, 1991: 33, рис. 11–13]. Высыхание такого слоя полужидкой грязи до отвердения (нигде не зафиксировано их разрушение, которое обязательно происходило бы, если бы работы по сооружению кургана велись непрерывно) может длиться от нескольких дней до недели. Все это указывает на существование определенных перерывов, технологического или ритуального (или то и другое вместе) характера между строительством конструктивных насыпей. С учетом всех этих факторов можно предполагать значительно большую длительность строительства Чертомлыка.

Кроме того, по совершенно справедливому замечанию Б.А. Шрамко, при использовании современных нормативов земляных работ в таких расчетах следует учитывать отсутствие у скифов железных лопат, что самым решительным образом меняет производительность труда, особенно в таком весьма трудоемком процессе, как нарезка целинного степного дерна, а также коэффициент трудности работ,

возрастающий по мере увеличения высоты кургана. Транспортировка грунта по ровной местности и на высокий курган требует различных усилий и времени [Шрамко, 1979: 276].

Насколько могут повлиять на подсчеты различные технологические моменты (характер используемых для копания земли орудий, характер и объем тары для переноски земли), показывают расчеты трудовых затрат по сооружению земляных насыпей высотой до 4 м объемом 2000–2100 м³ курганов Кара-Оба и Обалы в Северном Казахстане. Здесь для сооружения кургана равномерно снимался грунт непосредственно вокруг площадки курганов – чернозем толщиной 0,35 м и верхний слой материковой глины до глубины 0,6 м. Для сооружения насыпи такого объема было необходимо снять грунт на площади 0,35–0,4 га или по кольцу вокруг кургана шириной 20–22 м. По аналогии с орудиями, использованными для рытья погребальных ям, предполагается, что и грунт для насыпи рылся теми же орудиями с узким рабочим краем шириной 2,3 см. Из археологически зафиксированных в памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железного века Северного Казахстана, это могли быть костяные «наконечники мотыг» или железная «мотыжка» типа обнаруженной в кургане № 2 Покровского могильника (не опубликована, ее описания нет). По пестроте грунта удалось определить характер тары, использовавшейся для переноски грунта на курган (жесткая, типа корзин), и ее приблизительный объем. Для переноски 1 м³ грунта требовалось от 40 до 64 единиц такой тары. Исходя из веса 1 м³ сухого грунта в 1400–1600 кг, вес земли в такой единице тары составлял от 25 до 40 кг. Для сооружения кургана объемом 2000 м³ необходимо сделать от 75 тыс. до 120 тыс. ходок одной единицей тары. В течение рабочего дня каждый человек должен был погрузить и перенести от 2 до 2,7 м³ грунта. Если принять за среднюю длину ходки 30–40 м, а за время, необходимое для ходьбы и погрузки 7–10 мин., то при 12-часовом рабочем дне при работе единицей тары для подготовки грунта для насыпи понадобится от 1000 до 1400 суток. Для переноса тары и копки необходим труд не менее 2–3 чел. В целом для подготовки и транспортировки грунта требовалось минимально (фактически больше) от 2000 до 4200 человеко-суток или необходимо было привлечь к работе на 10 сут. от 200 до 420 чел., или на 1 мес. от 70 до 140 чел. Как полагают авторы, полученные расчетные нормы близки к су-

ществовавшим в Шумере. Здесь сделан расчет трудовых затрат только на сооружение земляной насыпи без учета работ по выкапыванию ямы, погребальной ямы, подготовки подкурганной площадки, заготовки и укладки древесины и прочих органических материалов [Зданович, 1984: 44–47].

Такие технические «мелочи» при расчетах времени строительства курганов скифских царей и знати являются новым моментом и остаются пока совершенно не учтенными при определении возможной производительности труда на земляных работах скифского времени. Как выяснилось по археологическим находкам, орудиями для рытья могильных ям в курганах пазырыкской культуры на Алтае служили длинные деревянные колья с заостренным окончанием (ломы), короткие деревянные клинья, роговые мотыги и массивные деревянные колушки. Выбрасывалась земля легкими узкими деревянными лопатами [Руденко, 1952: 28–29, рис. 4–7]. Орудия для копки и разрыхления грунта – обломки оленьих и козых рогов, а также деревянные лопаты – обнаружены в кургане № 1 могильника Юстыл-XXII пазырыкской культуры на Алтае [Кубарев, 1991: 24, 167, табл. LXIV, 11], а также в курганах № 3 и 8 могильника Саглы-Бажи II синхронной саглынской культуры в Туве [Грач, 1980: 75].

Сведения о землеройных орудиях лесостепной Скифии собраны В.А. Шрамко [Шрамко, 1965: 548–553]. В значительной мере о них можно судить по многочисленным следам орудий, зафиксированных на стенках погребальных и холщевых ям. В основном это следы тесловидных орудий – пальштабовидных мотыжек с шириной рабочего края 5–7 см. В кургане № 266 у с. Старосельечко в ограбленном погребении найдена часть большого рога оленя, превращенного в орудие «в виде лома» [Бобринский, 1901: 14]. При раскопках архаического могильника в урочище Таранов Яр установлено, что одна из ям была вырыта путем отваливания кусков земли ударами через 15–20–25 см орудия типа кайла с загнутым окончанием шириной 6–7 см [Рудинский, 1949: 64]. В.А. Шрамко на Люботинском городище в столбовой яме VI в. до н. э. зафиксировал следы тесла-мотыжки шириной 6,5 см. Деревянная рукоятка должна была быть короткой, поскольку иначе работать в узкой и глубокой яме было нельзя. Это подтверждается и небольшой протяженностью следов – 12–15 см. Здесь же в зерновой яме № 143 раскопа № 20 на стенках

обнаружены узкие следы орудия типа кирки или клевца шириной в верхней части 1,5 см, протяженностью 6–8–8,5–10,2 см. Отпечаток кончика орудия в плотной глине показал, что он имел полукруглое сечение. Длина следов и значительное углубление конца орудия в глину указывали на то, что это было тяжелое и прочное орудие, скорее всего железное. В связи с этим Б.А. Шрамко предположил, что часть скифских орудий, которые обычно описываются как боевые клевцы, могли быть землеройными орудиями типа кирки, которые были очень нужны при различных земляных работах, учитывая отсутствие у скифов железных лопат. В целом выделяется два типа скифских землеройных орудий – с плоским и сравнительно широким краем и со сравнительно тонким конусовидным рабочим концом [Шрамко, 1965: 549; 1998: 20, 94]. Находок самих металлических мотыжек известно довольно мало. В Старшей Могиле найдена пальштабовидная мотыжка длиной 19,3 см с шириной лезвия 4,9–5,0 см [Ильинская, 1968: 26, табл. III, 10]. Аналогичные мотыжки происходят из кургана № 8 у хут. Поповка [Бобринский, 1894: табл. 25, 3], из кургана № 7 в могильнике Частые курганы под Воронежем [Замлатин, 1946: 31, рис. 16, 2], скифского селища в ур. Чайкино у с. Первомайское, с Харьковщины – случайная находка [Шрамко, 1961: 87, рис. 11, 1; 1963: 38, рис. 1, 14]. Две втульчатые мотыжки найдены в кургане у с. Триполье [Шрамко, 1961: 89, рис. 12, 1–2]. По-видимому, землекопным орудием является железная втульчатая мотыжка из кургана 2 в Мастогино [Макаренко, 1911: 52, рис. 58]. Известны и

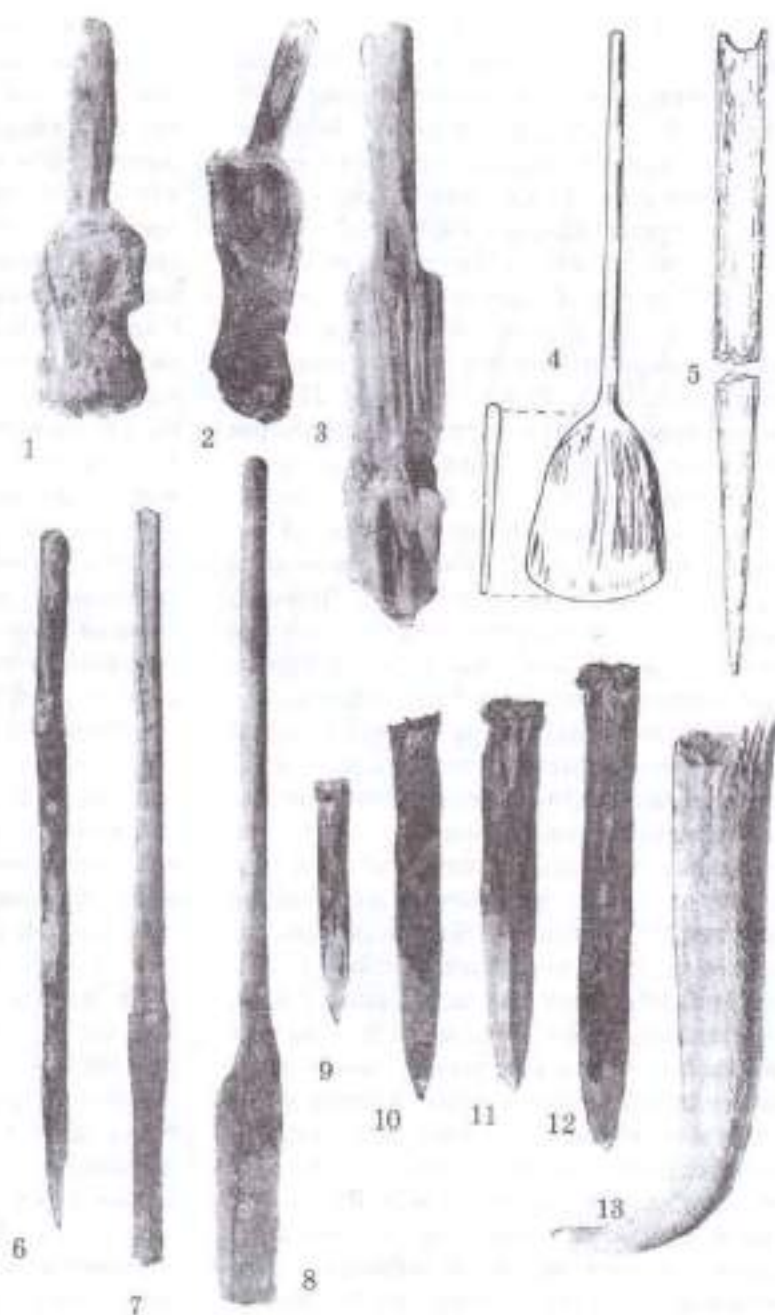

Рис. 130. Землеройные орудия скифского времени
1–3 – колотушки; 4, 7, 8 – лопаты; 5, 6 – пещия с обломанной пещией, лом; 9–12 – колья; 13 – рог. Пазырыкские (1–3, 6–13) и 1-й Тузунский курганы [Руденко, 1953: рис. 4–7; 1960: рис. 61–62] (1–12 – дерево; 13 – кость)

весьма немногочисленные находки костяных и роговых наконечников мотыг или орудий типа кирки. Мотыги со втульчатыми или роговыми наконечниками пригодны для разрыхления вспаханной почвы, для прополки, но мало эффективны при землекопных работах, особенно при копании твердой и вязкой глины или суглинки. Очень небольшое количество

находок металлических и костяных землекопных орудий, по мнению Б.А. Шрамко, заставляет предполагать, что помимо них применялись и другие, плохо сохраняющиеся землекопные орудия. Такими орудиями могли быть простые и общедоступные деревянные колья и заступы [Шрамко, 1961: 89].

В кургане № 249 у с. Гречковка на Тясмине в грабительском ходе скифского времени было обнаружено деревянное ведро, сделанное из луба, деревянный ковш и «деревянный лом» [Бобринский, 1901: 52, 54–55, рис. 12–13]. Последнее орудие, хранящееся в Национальном Историческом музее Украины, имеет вид узкого деревянного кола длиной 57,3 см, с обломанной верхней частью. Диаметр орудия 4,5 см, конец на протяжении 18,5 см заострен на клин шириной 4,7 см. Как считает Б.А. Шрамко, таким орудием можно успешно долбить сырую почву, откалывая небольшие куски. В 1964 г. на Люботинском городище было найдено деревянное орудие в виде кола. Такими кольями можно было откалывать куски грунта. На стенках ямы они оставляют следы, напоминающие удары клевца или кирки с коническим концом. Массивный железный ступельчатый наконечник, по-видимому, деревянного лома найден в кургане № 7 могильника Частые курганы под Воронежем. Здесь же найден фрагмент железного клинка длиной 13,5 и шириной 2,5 см, «чечевицеобразный» в сечении. С.Н. Замiatин предполагал в нем окончание клинка меча. Однако равномерная ширина клинка выше острия и его сечение вызывают сомнения в таком определении. Не исключено, что это железный клин для откалывания земли. В этом кургане найден целый комплекс землеройных орудий – пальштабовидная мотыжка, наконечник лома, этот клин и топор-молот с обухом, разбитым от ударов по металлическим предметам, возможно, при забивании в грунт таких клиньев [Замiatин, 1946: 31, рис. 16, 1–4].

По мнению Б.А. Шрамко, применение пальштабовидных мотыжек, роговых или костяных орудий типа кирки или мотыги, а также деревянных кольев и заступов все же не полностью объясняет процесс рытья ям в скифскую эпоху. Эти орудия только откалывали куски земли и разрыхляли ее. Для отгребания, отбрасывания и насыпания земли в какие-то корзины, деревянные ведра или иную тару для переноски земли, очевидно, применялись и небольшие деревянные лопатки типа найденных во 2-м Пазырыкском кургане.

Этот пробел восполняют находки в степной Скифии. Во входных ямах скифских погребений степи довольно часто встречаются лопатки крупных животных. Внимания на них никто не обращал. Обычно в них видят остатки гризны или налутственной пищи. В нескольких экземплярах такие лопатки обнаружены в непогребенных входных ямах Бабиной и Кальковой могил. В первой такая же лопатка найдена и на уровне древнего горизонта под материковым выкидом из боковой гробницы. Как правило, сохранность их оставляет желать лучшего, края чаще всего обломаны. В 1998 г. в кургане № 15 возле г. Орджоникидзе на дне входной ямы погребения № 2 найдены три таких лопатки животных, использованных в качестве лопаток для насыпания разрыхленного грунта. Широкое окончание лопаток заострено, продольные вертикальные ребра срезаны, ее узкое окончание в месте захвата рукой заполнено [Палин, 1998: 71, 73, рис. 119–121].

В степной Скифии находки металлических землеройных орудий также редки. Мотыжки найдены в 5 погребениях Ягорлыцко-Каланчакской и Поднепровской групп и в 1 в Крыму, а в 1 случае найден наконечник некоего почвообрабатывающего орудия [Ольховский, 1991: 107, 140]. Из них опубликованы две пальштабовидные мотыжки из курганов 11 и 16 могильника Широкое-III на Херсонщине [Черненко, 1977-А: 17, 29, табл. III; VII] и уникальное тесловидное орудие из 1-й Заведской Могилы. Последнее представляло собой железную насадку на коленчатую деревянную рукоятку, дуговидную в сечении с дуговидным лезвием шириной 6 см [Мололевский, 1980: 103–104, рис. 41, 1]. При единичности находок самих мотыжек в степи, их следы и резы – орудий типа клевца фиксируются при раскопках практически каждого скифского захоронения. Следует отметить, что эти следы производят впечатление не столько рубки грунта, сколько окончательной отделки стенок. Поэтому вполне вероятно, что основной объем работ по скалыванию грунта производился с помощью простейших клиньев и колотушек, а на долю тесловидных и остроконечных орудий оставались подготовительные работы по продалбыванию канавок на соответствующую глубину, с последующей основной работой с помощью клиньев и колотушек, и окончательные работы по отделке стенок (рис. 130; 131).

Для степного Северного Причерноморья нет археологических свидетельств использования

Рис. 131. Землеройные орудия сифского времени

1-3, 5, 13, 14, 16 – пальчатобовидные мотыжки; 15 – пальчатобовидная мотыжка. Реконструкция Б.А. Шрамко; 4 – топор; 6, 8, 9, 10, 11, 12, 17 – пальчатобовидные мотыжки других типов; 18 – лопатка (1-14, 16-17 – железо; 15 – железо, дерево; 18 – кость).

1 – селенце и уроч. Чайкино; 2, 3 – хут. Паслянка, курган № 5 (раскопки Д.Я. Самонясова); 4-7, 10 – Частые курганы; 8-9 – Прикубные; 11-12 – с. Триполье, курган № 2 (раскопки В. Хвойко); 13-14 – Широкое-III, курганы № 11 и 18; 16 – Смела; 17 – 1-я Завальская Могила; 18 – г. Орджоникидзе, курган № 15.
1-3, 10-12, 15 – Шрамко, 1961: рис. 11-12; 4-7 – Замлятин, 1946: рис. 16; 8-9 – Сокровища, 1985: рис. 49, кат. 247; 13-14 – Черненко, 1977-А: табл. III; VII; 16 – Бобринский, 1894: табл. XXV, 8; 17 – Мозолевский, 1980-В: рис. 41, 1; 18 – Полин, 1998: рис. 119

деревянных орудий для земляных работ. Дерево в условиях степи сохраняется крайне редко, и пока среди находок нет ничего подобного. Однако зафиксированное применение этих орудий в украинской лесостепи и других регионах скифского мира не вызывает сомнений в том, что также широко они использовались и в степной Скифии. Разработка тяжелых грунтов с помощью кирок с острым и тесловидным окончанием, ломов и клинзев является весьма эффективной и широко применялась на земляных работах вплоть до недавнего времени [Техническая энциклопедия, 1931: 443].

Для степной Скифии, где погребальные сооружения имеют весьма значительные глубины (до 15,5 м, при средних – 4–5 м) и объем, весьма актуальным является вопрос о способе извлечения грунта из них. При раскопках нигде не зафиксированы повреждения стенок входных ям, которые неминуемо остались бы при извлечении грунта волоком по стенкам в мягкой или жесткой таре с помощью веревки. Возможно, применялись простейшие подъемники-воротки колодезного типа, установленные на временном деревянном настиле над входной ямой.

Все перечисленные орудия могли быть достаточно эффективными для откалывания и разрыхления грунта при рытье глубоких погребальных ям в прочном материковом грунте степи. Однако насколько они производительны для нарезания цельного степного дерна, сказать трудно. По собственному опыту знаю, насколько тяжела эта работа даже при использовании современной лопаты. Ясно одно, что их производительность намного ниже обыкновенной металлической лопаты, и уже поэтому применение современных нормативов земляных работ к скифскому времени не может дать достоверный результат. В целом, до проведения экспериментальных работ по определению производительности всех этих орудий, наши расчеты продолжительности работ по сооружению скифских курганов остаются весьма условными и в значительной степени умозрительными. Но это сложности первого порядка. Есть еще и другие моменты, значительно хуже поддающиеся расчетам, о которых речь пойдет в следующем подразделе.

4.7. СТРУКТУРА НАСЫПЕЙ СКИФСКИХ КУРГАНОВ

На первый взгляд скифские курганы по структуре в целом выглядят более простыми в сравнении с курганами эпохи бронзы. Они имеют небольшое число основных досыпок – не более трех – и содержат значительно меньшее число погребений. Такое заключение совершенно справедливо по отношению к курганам рядового скифского населения, которые отличаются простейшим устройством и сооружались, как правило, в один прием. При этом в кургане может быть весь набор составляющих – планировка выкида, насыпь, крепиды, ров, тризна и т. д., но все это выражено в достаточно скромных масштабах. Усложнение конструкции и нарастание степени проявления различных элементов начинается в курганах с захоронениями представителей замкнутых слоев скифского населения высотой 2–3 м и достигает совершенно гипертрофированных форм в курганах высшей скифской знати.

Очень долгое время изучению устройства насыпи скифских курганов не уделялось никакого внимания. Из дореволюционного периода, когда было исследовано большинство наиболее значимых памятников, мало что можно почерпнуть по этому вопросу. Исследователи того времени изредка обращали внимание только на несколько элементов – форму насыпи, наличие крепиды как признак скифского кургана, находки в насыпи, материковые выкиды из могил, как приметы их близкого размещения. Но даже такие сведения предельно редки в «Отчетах Императорской Археологической Комиссии». Как писал Н.Е. Макаренко, «исследование самого кургана, его конструкция, за немногими исключениями, якобы не входили в задачу археолога. Поэтому, в раскопках кургана ограничивались прокладкой глухой траншеи, направленной от полы кургана к его центру, с целью возможно скорее, легче и дешевле извлечь оттуда имевшиеся в могиле предметы» [Макаренко, 1916: 267].

При раскопках Чертомлыка И.Е. Забелин практиковал равномерное снятие грунта «штыком» – слоем толщиной в 6–8 вершков (27–36 см) по всей площади траншеи [Забелин, 1876: 629]. По-видимому, так же копались Александрополь, Краснокутский курган и некоторые другие, что позволило сделать ряд существенных наблюдений по конструкции курганов и обнаружить большое количество находок

Рис. 132. Раскопки кургана Малая Блажница траншеей методом подбоев и мин. 1889 г.
[Спицын, 1910: рис. 62]

Рис. 133. Раскопки кургана Огуз траншеей методом подбоев. 1894 г.
[Спицын, 1910: рис. 70]

Рис. 134. Раскопки кургана Огуз траншеей методом подбоев. 1894 г.
[Слицын, 1910: рис. 71]

в насыпях. Позднее был выработан «экономичный» способ – выборка траншей «подбоем». Вертикальный обрез траншей высотой в 2 сажени (4,3 м) и более подрубывался по бокам и снизу подбоем и обрушивался сверху с помощью глубоко забитых ломов [Слицын, 1895: 17–21, рис. 9–11; 1910: 56–56, рис. 65–71; Городцов, 1914: 58–60, рис. 49–50]. При таком способе раскопок вообще невозможно увидеть что-либо (рис. 132–134). Результат не замедлил сказаться – мы почти ничего не знаем об устройстве курганов, раскопанных Н.И. Веселовским и многими другими. Нет и никаких находок на насыпях этих курганов, что совершенно невероятно.

В Александропольском кургане высотой 19–20 м было зафиксировано четыре последовательных насыпи, при том, что в кургане обнаружено три погребения. М.И. Ростовцев считал, что курган был насыпан в три приема [Ростовцев, 1925: 428]. Однако это ошибка. В горизонтальном срезе кургана, помимо первичной насыпи диаметром 16 сажень, четко выделялись 3 круга различной земли шириной 3 сажени, 2 сажени и 7 сажень [Лазаревский, 1894: 41]. Можно было бы предположить, что последняя насыпь являлась оплывом третьей насыпи. Оплыв краев в кургане имел место, был достаточно мощным и полностью скрывал крениду высотой 2 сажени. Однако все 4 насыпи Александрополя отмечены в пределах крени-

ды, а оплыв, перекрывший крениду, выходил за ее пределы. Размеры четвертой насыпи – ширина по основанию 7 сажень, упоминание о каменном панцире, покрывавшем наружную поверхность кургана до вершины, – свидетельствуют о том, что в кургане существовала полноценная четвертая насыпь [Извлечение, 1855: 51–52]. Кроме того, М. Вухтеев в 1852 г. производил пробные раскопки края кургана напротив восточного прохода в кольцевом валу, окружающем курган. На высоте 2 сажень среди камней крениды он обнаружил «желтоватую глину, какой на месте нет» [Вухтеев, 1852: 537], которая вполне могла быть вынудом из подлейшей впускной могилы, уложенным в камнях крениды. И кто знает, не скрываются ли под уродливыми кучами земли, ныне громождающимися на месте Александропольского кургана, ненайденное четвертое захоронение?

В Чертомлык И.Е. Забелин отметил мощную крениду. Было также установлено, что отвесность северной стороны вершины до 5 сажень высоты от верха была достигнута благодаря специальному укреплению террасы шириной около сажени у ее подножья несколькими ярусами камней. В западной части насыпи И.Е. Забелин проследил «откосные, значительно утоптаные, слои чернозема, шедшие с вершиной кургана к его окружности и указывавшие, что насыпь кургана соорудилась в разное время, как бы периодически, что в начале

курган был меньше и потом время от времени увеличивался новыми насыпями». В кургане были открыты Центральная гробница и комплекс сопровождающих захоронений, над которыми был сооружен курган, а также богатейшие приношения в насыпи [ДГС II: 75, 83, 115]. Как выяснилось из архивных материалов, И.Е. Забелин увидел и понял гораздо больше, чем сказано в публикации. Не только в западной части, но и в структуре насыпи кургана в целом он проследил первичную насыпь диаметром 16 сажень и не менее 5, а возможно и 6, мощных последовательных насыпей [Яценко, 2002: 14]. После доисследования Чертомлыка в 1979–1985 гг. становится понятно, что И.Е. Забелин увидел конструктивные насыпи кургана, состоявшие из дерна, и илстые смыты у их оснований.

Вместе с тем, И.Е. Забелин не смог распознать грабительские колодцы, выкопанные с вершин насыпей и заполненные камнями. На разрезах Каменной Могилы, Близиц Томковской и Слоновской, Краснокутского кургана изображены выполненные чуть ли не регулярной кладкой из дикарного камня цилиндрические колонны, вертикально пронизывающие насыпи [ДГС, II: Атлас, табл. С, D, E]. В последнем он впервые установил параллельность процессов выкапывания могилы и сооружения черноземной насыпи: «глину выбрасывали уже в то время, когда кругом гробницы был намошен и чернозем, по крайней мере сажени на две и более в высоту. Одним словом, ясно было, что по мере того, как вырывали для покойника гробницу, в то же время присыпали к ней и чернозем, так что слой глины в иных местах попадали уже через слой чернозема и перемешивались с ним». Как полагал И.Е. Забелин, камнем заполнялось пространство внутри вала чернозема над могилой после совершения захоронения, параллельно с дальнейшим строительством насыпи [ДГС II: 50–51]. Как отметила А.И. Мелюкова, этот каменный завал в центре является заложением грабительского колодца [Мелюкова, 1981: 9], что верно и для всех остальных случаев.

В Башмачке высотой 7,1 м была обнаружена одна центральная гробница в катакомбе, содержащая захоронение 3 человек, сопровождавшаяся погребением коня в отдельной могиле. В насыпи обнаружено нарушенное захоронение или скопление вещей и костей скифского времени. В кургане А.А. Спицына отметил три насыпи. Первая и вторая были сло-

жены из кусков дерна, а по основанию второй курган был окружен каменной крепидой. Третья насыпь из аморфного чернозема перекрывала крепиду [ОАК 1897: 40–43; Спицын, 1901: 72–79]. Последняя насыпь могла бы образоваться в результате оплыва второй. Но в этом случае смущает то обстоятельство, что третья насыпь, согласно чертежу А.А. Спицына, имела равномерную и весьма значительную толщину по всей длине, в том числе и в центре. Оплывы насыпи образуются только по краям кургана и никогда в центре. К сожалению, доисследование Башмачки в 1977 г. ничего не прояснило. Судя по публикации и полевому отчету, оно было проведено настолько формально, что в целом осталась непонятной его цель, кроме механического сноса насыпи для освобождения территории под строительство орошения. Авторы доисследования не удосужились проиллюстрировать процесс хотя бы плохоньким чертежом. Все вопросы по кургану, возникшие после раскопок А.А. Спицына, остались невыясненными [Волкобой, 1981: 45].

Ф. Браун отметил овальную в плане форму Чмыревой Могиле размерами 70 x 57 м. Как выяснилось при раскопках, ЮЗ пола кургана была присыпана позднее, что было связано с впускными захоронениями. Для них в первичном кургане, насыпанном над центральным погребением, с краю была сделана прямоугольная вырезка до уровня древнего горизонта и здесь вырыты катакомба и сопровождающая конская могила. Возле погребений лежал материковый выкид, четко ограниченный пределами вырезки в первичной насыпи. Поверх выкидов погребения были перекрыты слоем камки толщиной до 0,35 м и досыпкой мощностью в 1,06 м, придавшей кургану овальную форму [Браун, 1906: 97, 99].

Та же ситуация прослежена и во 2-ом Лемешевом кургане. Н.И. Веселовский отметил яйцевидность насыпи в плане, возникшую из-за растянута западной половины кургана, и предположил здесь существование «присыпки», связанной с впускной могилой. Что и подтвердилось при раскопках, когда здесь была открыта впускная катакомба [ОАК, 1911: 36].

В Солохе Н.И. Веселовский обнаружил две насыпи. Над первичным погребением был сооружен курган высотой до 15 м. Для совершения впускного захоронения была вырезана часть его ЮЗ пола. Выкид из него был равномерно разнесен по всей поверхности первичного кургана от вершины до подошвы, после чего

перекрыт черноземной насыпью толщиной 1,56–3,0 м [ОАК, 1912: 40; 1913–1915: 105]. Образовавшийся курган обнесен кренидой, рвом и внешним валом [Граков, 1946: 56].

В 1-ом Мордвиновском кургане насыпь в форме приплюснутого полушария состояла «из отдельных кусков верхнего покрова земли, ваятого вместе с травяной растительностью». Центральное захоронение повторяло конструкцию Чертомлыка. Впускное захоронение было впущено за пределами первичного кургана и перекрыто кольцевой досыпкой. Н.Е. Макаренко отметил также, что по поверхности досыпка покрыта слоем толщиной 0,1–0,15 м, который он назвал «обмазкой». Основание кургана было обложено черноземным и материковым выкидом из рва и на высоту до 6–8 сажен вверх по склону обложено широким кольцом каменной облицовки [Макаренко, 1916: 270–271]. Раскопки 1970 г. подтвердили существование двух насыпей в кургане, наличие материкового выкида из рва, уложенного по основанию насыпи (А.М. Лесков назвал его «обмазкой») и крениды поверх него, от которой сохранилось только основание на уровне древнего горизонта, и кольцевого рва. Грязевой обмазки поверхности кургана не замечено [Лесков, 1974: 52].

В Большом кургане 1917 г. в Малой Лепетихе высотой 4,25 м отмечено его строительство в два приема. Первичный курган насыпан над захоронением эпохи бронзы, в него впущено скифское погребение, после чего курган был досыпан на полную высоту, обнесен кренидой [Латышев, 1926: 205] и кольцевым рвом [Евдокимова, 1992-В: 15].

Собственно, это все, что можно узнать по конструкции насыпей скифских курганов, исследованных в 1763–1917 гг. Если вспомнить, что в этот период было раскопано большинство крупнейших курганов Причерноморской Скифии, то легко представить, какой огромный объем информации утрачен безвозвратно.

После возобновления массовых раскопок курганов скифской знати в 1960–1970 гг. поначалу изучению конструкции скифских курганов уделялось внимания не намного больше. Формально, конечно, оставалась одна бровка для получения одного-двух разрезов насыпи. Но заветной целью исследователей все же оставались скифские захоронения. При колоссальных объемах раскопок, выпавших на долю советских археологов в те годы, времени на полноценное изучение насыпи не оставалось практически никогда. И даже во вполне оче-

видных, с высоты сегодняшнего опыта, случаях, где структура кургана вполне читается даже по единственному профилю, часто стратиграфия курганов трактовалась ошибочно. Так, в могильнике Носаки в Запорожской обл. курганы высотой 3–4 м №№ 13, 14 и, по-видимому, № 4, содержавшие от 3 до 6 захоронений [Носаки, 1977: 82, рис. 9; 145, рис. 36; 153, рис. 39], судя по наличию кольцевых выкидов из боковых погребений в полах курганов, сооружены в два приема.

Более сложную структуру имели и насыпь Толстой Могилы. Б.Н. Мозолевский считал ее единовременной, хотя ряд фактов этому явно противоречит. Прежде всего, это констатация последовательности совершения погребений, выделение комплексов элементов кургана, связанных с разными погребениями. Комплекс каменных сооружений, связанных с центральной гробницей, имел вид двойного концентрического кромлеха диаметром 32 и 37 м. Внешний кромлех состоял из двух, а внутренний из трех ярусов плит, которые лежали один над другим, как будто они были уложены на склоне насыпи. На остальных участках прослежен только один ярус плит. Эти кромлехи были обнаружены частично разрушенными, что дало основания предполагать, что какое-то время они существовали в открытом виде, т. е. оформляли внешние склоны кургана. Кроме того, выкид из боковой гробницы лежал дугой на СЗ склоне насыпи, поднимаясь на него. Сама боковая гробница содержала два последовательных захоронения и, соответственно, имела две относительно разновременные входные ямы, которые должны были перекрываться индивидуальными насыпями [Мозолевский, 1979: 16–17, 93, 151, рис. 2–3]. На все эти противоречия в свое время обратил внимание В.А. Шрамко, обоснованно считавший погребения кургана разновременными [Шрамко, 1984: 274–275].

Имеющаяся на сегодняшний день информация по скифским курганам показывает, что выкиды боковых погребений никогда не оставались на поверхности открытыми и всегда перекрывались досыпками или кренидами. Кроме того, и слой насыпи над выкидом из бокового погребения в Толстой Могиле имел толщину около 2 м и не мог образоваться только в результате оплыва насыпи. Значительно более тонкая третья насыпь перекрывала выкид аналогичного типа в Желтокаменке. Здесь существование насыпи не вызвало сомнений, поскольку ее основание было обложено кренидой

[Мозолевский, 1982: рис. 5]. Некоторую ясность вносят полевые фотографии центральной бровки Толстой Могилы, где явно видна линия насыпи, поднимающаяся вверх, на которой в нижней части наклонно лежал материковый выкид из боковой гробницы. К сожалению, качество фотографий не позволяет рассмотреть ситуацию в центральной части в районе кромлехов [Мозолевский, 1971: Альбом контактных отпечатков].

В силу производственных обстоятельств единственный профиль Толстой Могилы, как это видно на полевых фотографиях, был зачищен только в нижней части на высоту до 2 м в центральной части и до 1 м на периферии от уровня древнего горизонта. Верхняя часть профиля представляла собой неровную незачищенную, наклонную до 45° поверхность, заезженную колесами скреперов и поэтому непригодную для наблюдений и фиксации. Но даже этот профиль в таком виде простоял всего несколько часов, затраченных на его черчение, после чего немедленно началось снятие второй половины насыпи [Мозолевский, 1971: Дневник № 1, с. 6–12; 1983: 147]. Поэтому сейчас можно только предполагать, что первичная насыпь Толстой Могилы, возведенная над Центральной гробницей, состояла из двух досыпок, каждая из которых сопровождалась кромлехом (крепидой). Захоронение в боковой гробнице, совершенное через входную яму № 1, было перекрыто второй насыпью. Дополнительной насыпью или локальной досыпкой в месте впуска должно было сопровождаться и подзахоронение в нее, совершенное через входную яму № 2. К сожалению, эта часть насыпи ко времени раскопок была уничтожена строительством.

При раскопках Желтокаменки высотой 9,5 м в 1974 г. – кургана, равного по величине Толстой Могиле, – изучению структуры насыпи было уделено гораздо больше внимания. Были оставлены на полную высоту два разреза центральной бровки и один короткий вспомогательный на высоту до 3 м с южной стороны. Все эти разрезы были тщательнейшим образом зачищены и зачерчены, что позволило получить совершенно небывалую информацию по конструкции скифских курганов. Выяснилось, что курган был сооружен в три этапа, что связано с первичной Центральной могилкой, последующим сооружением могильной ямы, по каким-то причинам не завершенной, и подзахоронением в Центральную гробницу через отдельную входную яму с длинным дромосом Александро-

польского типа. Сооружение первичной насыпи над Центральной могилкой было начато сразу же после начала выкапывания погребального сооружения. Об этом свидетельствовало то обстоятельство, что первая часть материкового выкида из могилы, уложенного на древний горизонт к западу от входной ямы, была перекрыта первичной обваловкой высотой 3 м – основной насыпью будущего кургана, а последующая основная масса выкида окончанием легла на склон этой обваловки. Уже после совершенного захоронения в Центральной могиле была сооружена первичная насыпь диаметром 27 м при реконструируемой высоте не менее 11 м. Через какой-то промежуток времени, о чем свидетельствуют илестые смывы у края первичной насыпи, возле ее ЮЗ края было начато сооружение входной ямы последующей впускной могилы, выкид из которой был уложен короткой дугой по основанию первичной насыпи в ЮЗ секторе с обеих сторон ямы. Однако по достижении глубины 1,9 м работа здесь была прекращена, захоронение здесь так и не было совершено, а сама могила была перекрыта второй насыпью, состоявшей из 3–4 конструктивных досыпок, разделенных четкими белыми линиями. Все это указывало на то, что вторая насыпь была сооружена в 3–4 этапа, разделенных определенными промежутками времени, о чем, кроме линий насыпей, свидетельствовали также довольно значительные илестые смывы, образовавшиеся возле оснований всех конструктивных досыпок. Как тогда полагал Б.Н. Мозолевский, эти досыпки производились на протяжении ряда лет после совершения захоронения. Через какой-то промежуток времени после завершения строительства второй насыпи, возле ее северного края была вырыта входная яма третьей могилы в кургане, из которой через длинный дромос было совершено подзахоронение в Центральную могилку. Мощный материковый выкид из нее был уложен по всему периметру основания второй насыпи сплошным кольцом. С третьим захоронением в кургане связана последняя совершенно незначительная третья насыпь, окруженная по основанию кольцевыми каменной крепидой и рвом. С западной стороны кургана между крепидой и рвом было обнаружено еще одно скифское захоронение в катакомбе, позднейшее в кургане и, по-видимому, случайное [Мозолевский, 1982: 180–185, 218].

К сожалению, отсутствие дополнительных разрезов не позволило определить схему после-

достоверности сооружения первичной насыпи, установить точную планировку и размеры первичной обваловки. Открытия на Водяной Могиле дают ключ к иному пониманию схемы сооружения первичной насыпи. Судя по расположению первичной обваловки только в западной половине северного профиля и ее отсутствию в южном разрезе кургана, она имела вид короткой дуги, окружавшей входную яму Центральной могилы только в секторе запад-север, может быть, еще и север-восток. В этом она напоминает планировку подковообразной первичной обваловки в Водяной Могиле. Не были также установлены детали планировки и размеры конструктивных досыпок второй насыпи и она представлялась в виде последовательных концентрических досыпок с центром над входной ямой первичного погребения. Однако неравное количество конструктивных досыпок в составе второй насыпи в профилях (3 в западной половине и 4 в восточной) указывает на то, что строительство конструктивных досыпок в западной и восточной половинах второй насыпи шло с различной интенсивностью и не всегда в концентрической планировке. По-видимому, четвертая конструктивная досыпка второй насыпи практически вся находилась на восточной половине кургана. К сожалению, эти детали остались невыясненными.

Такая же по сути, но значительно более грандиозная по масштабам картина была выявлена при доисследовании останцов одного из крупнейших царских курганов Скифии — Чертомлыка, высотой около 20 м. Как полагают авторы доисследования, вся насыпь кургана, связанная с Центральной гробницей и комплексом сопровождающих его захоронений, была сооружена в 4 приема, четко разделявшихся характерными полосами травяного тлена, а также мощными илстыми смывами, и обнесена могучей крепидой. При доисследовании были открыты остатки стены крепиды (наброска по склонам к этому времени не сохранилась), а также Северная могила, впущенная в полу кургана и не сопровождавшаяся досыпкой кургана [Чертомлык, 1991: 30–35]. Однако архивные материалы свидетельствуют о более сложной конструкции кургана. И.Е. Забелин в структуре насыпи проследил первичную насыпь диаметром 16 сажень и не менее 5, а возможно, и 6, мощных последовательных насыпей. При доисследовании Чертомлыка в 1979–1985 гг. были обнаружены 4 последних насыпи, сохранившихся в останцах кургана [Яценко, 2002: 141].

Только с середины 1970-х гг. в практике раскопок больших скифских курганов очень постепенно начал применяться метод раскопок с помощью параллельных траншей, с фиксацией максимального числа разрезов, что привело к решительному изменению представлений о конструкции насыпи скифских курганов.

Исследования одного из крупнейших курганов Причерноморской Скифии Огуза растянулись почти на 90 лет. Однако вся информация по устройству насыпи была получена при его доисследовании в 1972 и 1979–1981 гг. Высота кургана превышала 21 м, диаметр — 100–110 м. В кургане открыты первичное захоронение в боспорском каменном склепе, помещенном в огромный прямоугольный котлован, с ведущим в него подземным дромосом длиной 36 м, сопровождавшимся захоронениями слуг в нишах в стенках котлована и дромосе, а также две отдельные Западные могилы под внешним краем ЮЗ участка крепиды и отдельной могилой лошадей под западным проемом дорожки. Вокруг котлована прослежена кольцевидная в плане мощная первичная обваловка высотой 6–12 м и диаметром 60–70 м, с двумя проходами. Состояла из материкового выкида и дерна и являлась основой первичной насыпи. После совершения захоронения в Центральной Могиле пространство внутри обваловки было заложено кусками дерна, основание первичной обваловки несколько расширено и на этой основе сложена первичная насыпь на полную высоту кургана. Последующая вторая насыпь была обнесена крепидой диаметром около 105 м, кольцевым рвом без проходов диаметром 123 м, шириной до 4–5 м и внешним валом. Внешние склоны первичной обваловки, а также первой и второй насыпей имели мощные илстые смывы. Помимо Центральной гробницы и комплекса сопровождающих его захоронений копей и слуг, в Огузе обнаружены две впускных могилы — Северная и Южная. Достоверные данные для установления их стратиграфической позиции отсутствуют из-за разрушенности насыпи к моменту раскопок. Е.Е. Фялко полагает, что обе они впущены с уровня второй насыпи [Фялко, 1994: 122–142]. Если так, то получается, что весь курган связан с Центральным захоронением, а впускные Северная и Южная могилы впущены в завершенный курган и какими-либо изменениями насыпи не сопровождались. Ю.В. Болтрик пишет о наличии в Огузе впускного захоронения особы высшего царского рода (не уточняя

какое, вероятно, Северная могила), с которым связана досыпка кургана в 37 тыс. м³ [Болтрик, 1998: 90]. Со слов А.М. Лескова известно, что в 1972 г. в районе последующего открытия Северной могилы на уровне древнего горизонта был обнаружен материковый выкид.

В кургане № 11 у с. Львово высотой 2,3 м диаметром 32 м обнаружено 6 скифских погребений. Курган сооружен в 3 приема. Выкид из центрального женского погребения № 7 уложен кольцом вокруг входной ямы на уровне древнего горизонта. Высота первичного кургана 2 м, диаметр 13 м. За его пределами вшущено мужское погребение № 4, выкид из которого лег дугой на северный склон первичной насыпи. Перекрыто второй насыпью диаметром 18 м. В ее южный склон вшущено женское погребение № 2, выкид из которого уложен дугой на склон второй насыпи. Перекрыто третьей досыпкой, обнесённой по основанию кренидой. Парное погребение № 5 и 6 в общей катакомбе с подзахоронением через вторую входную яму вшущено в готовый курган [Тереножким, 1973: 56, 71].

В кургане № 18 у с. Львово высотой 3 м, сооруженном в 4 приема, открыто 5 погребений. Первичная насыпь над центральным погребением № 3 состояла из каменного ядра высотой 0,5 м диаметром 9,5 м, перекрывшего входную яму на уровне древнего горизонта, и земляной насыпи высотой 0,7 м. Следующее женское погребение № 1 перекрыто второй насыпью. Следующее впускное мужское погребение № 2 и, по-видимому, сопровождавшее его детское погребение № 5 перекрыты третьей насыпью, укрепленной кренидой по основанию и укрытой панцирем по всей поверхности. Последнее в кургане впускное погребение № 4 перекрыто четвертой насыпью, также сопровождавшейся кренидой и панцирем. С ним связана трезна, остатки которой собраны среди камней крениды [Кубышев, 1982-А: 131-132].

У с. Львово исследован еще один интересный скифский стратифицированный курган № 13 высотой 5 м, сооруженный в 3 приема. Содержал центральную гробницу с подзахоронением в нее через вторую входную яму и 3 впускных захоронения [Евдокимов, 1992-В: 136-138]. В трактовке стратиграфии здесь допущен ряд ошибок (см. раздел 4.3.), поэтому дается своя интерпретация. Первичная насыпь сооружена над центральным погребением № 4, где обнаружены останки троих взрослых и одного ребенка. Вторая насыпь сооружена над

впускным погребением № 2 с захоронением мальчика (?) 10-12 лет. В промежутке между сооружением второй и третьей насыпей было осуществлено подзахоронение через вторую входную яму в центральное погребение № 4. Третья насыпь сооружена над погребением № 1, где захоронен ребенок 8-10 лет (девочка?), и погребением № 3, где выявлены останки 4 детей - 3-5 лет, 7-10 лет и двоих 10-12 лет. Все три насыпи сопровождалась кренидами, а последняя еще и панцирем.

Замечательнейший скифский курган № 3 высотой 3 м исследован у с. Дудчаны на Херсонщине. К сожалению, при печати были утеряны таблицы с общими планами кургана и чертежами погребений, и в публикации представлены только разрезы кургана и таблицы с находками из погребений. Вследствие этого совершенно уникальный памятник не получил должного звучания. В интерпретации стратиграфии кургана допущен ряд логических ошибок [Евдокимов, 1981: 99-100; Фридман, 1987: 159-166, рис. 2; 3; 6]. Поэтому излагается свое видение конструкции кургана.

Курган по типу насыпи относится к толстым могилам. Очень сильно разрушенная при ограблении кургана вершина ко времени раскопок представляла собой обширную площадку с понижением в центре. По этой причине можно предполагать первоначальную высоту кургана не менее 5-6 м. Курган содержал 4 погребения. Сооружен в 2 приема. Первичная насыпь над центральным захоронением № 4 имела сложную конструкцию. Ядро насыпи сложено из дерева в виде круглой в плане плоской платформы высотой 1,8 м диаметром 12 м с крутыми выпуклыми боками. Перекрыто мощным куполообразным сооружением толщиной более 1 м, сложенным из известняковых плит. Его вершина, разрушенная при ограблении, судя по сохранившейся форме в крайних профилях, имела полушарическое оформление. Напоминает куполообразные сооружения в курганах усатовской культуры. Это сооружение в свою очередь было перекрыто земляной досыпкой диаметром 21 м с пологими склонами и, по-видимому, остроконечной вершиной. Уже в эту первичную насыпь было вшущено погребение № 2, выкид из которого уложен кольцом по ее основанию. Далее, к северу от этого кургана, было вшущено погребение № 1, выкид из которого лежал на древнем горизонте к северу от его входной ямы. Вероятно, погребения №№ 2 и 1 являются синхронными, поскольку перекрыты

единой второй насыпью. Эта насыпь укреплена кренидой с каменной наброской, поднимающейся высоко по склонам кургана и, по-видимому, переходившей в панцирь, покрывавший всю поверхность кургана и разрушенный в центральной части при ограблении, а также окружена кольцевым рвом. Ров содержал остатки мощной тризны. Возможно, здесь не прослежена тонкая досыпка, разделявшая эти погребения, поскольку материковый выкид из погребения № 2 не мог оставаться на поверхности, не будучи скрытым насыпью. Самым последним в край кургана, в крениду, впущено погребение № 3, для чего последняя, несомненно, разбиралась. Входная яма погребения № 3 на уровне поверхности второй насыпи перекрыта каменной вымосткой диаметром 5 м, после чего кренида была восстановлена.

Курган у с. Ильинка высотой 2,3 м в Запорожской обл. сооружен в 4 приема и содержал 6 погребений. Здесь прослежена сложнейшая картина последовательности запуска погребений, сопровождавшихся материковыми выкидами и последовательными насыпями [Плещиненко, 1991: 53–56], в которой сложно разобраться по предложенным в публикации чрезвычайно мелким чертежам.

У с. Братолюбовки на Херсонщине исследован замечательный курган высотой 6 м. На вершине, разрушенной грабителями, зафиксированы остатки воронки до 11 м в диаметре. По мнению авторов раскопок, курган сооружен в три этапа. Однако имеющиеся данные по стратиграфии показывают, что курган возведен в два приема. Первичная насыпь сооружена над единым комплексом из трех могил в центре кургана – центральной и сопровождающими ее захоронениями конюха с лошадью и воина, расположенными с восточной и западной сторон. Все 3 могилы находились в окружении материковых выкидов из них. Перекрыты первичной насыпью диаметром 33–35 м, сооруженной в 2 приема из дерна. По основанию окружена овальной в плане кренидой, поднимающейся по склонам в виде каменной наброски и переходившей в панцирь, полностью покрывавший насыпь. Вторая насыпь сооружена также из дерна над погребением № 4, впущенным возле СЗ края первичной насыпи за ее пределами. Выкид из него лежит дугой на первичной крениде. Перекрыто второй насыпью, окруженной по основанию второй кренидой. Южная часть второй крениды была сложена из камней гораздо меньших размеров и срасталась

на юге с первой кренидой. Под второй кренидой, напротив восточного прохода во рву, находилось сопровождающее захоронение слуги. Под захоронение в центральную могилу через длинный дромос с севера является позднейшим в кургане, впущенным с поверхности второй насыпи точно в промежуток между кренидами. Вместе с ним, рядом, также сверху, впущено и сопровождающее захоронение коней в отдельной яме [Кубышев, 1990: 19–24; Кубышев, 1996: 131–134, Abb. 1–4].

В кургане № 15 у с. Золотая Балка на Херсонщине высотой 6 м (в древности около 9 м) зафиксировано 3 насыпи, связанных с 3 последовательными захоронениями, совершенными через разные входные ямы с дромосами, ведущими в большую катакомбу в центре кургана. В структуре первичной насыпи, возведенной над женским погребением № 1, выделялось 3 конструктивных насыпи, четко разделявшихся между собой белесыми полосами. Снаружи первичную насыпь окружал широкий земляной террасированный уступ, достигавший 1/3 высоты первичной насыпи (4,8 м). Вторая насыпь связана с погребением № 2, сопровождавшимся захоронением слуги в отдельной яме. Обнесена по основанию мощной кренидой чертомлыцкого типа и рвом. С ним же связаны и остатки тризны, обнаруженные во рву. С погребением № 3 связана тонкая третья насыпь, обнесенная кренидой аналогичного типа меньшей мощности. Все конструктивные элементы кургана, включая крениды, сопровождались илистыми смывами различной мощности, что недвусмысленно свидетельствует об их естественном происхождении [Кубышев, 1982: 152–161].

В этом же могильнике исследовано еще два крупных кургана. В кургане № 13 высотой 4,6 м, сооруженном в 2 приема, обнаружено 8 захоронений. Первичная насыпь сооружена над центральным захоронением № 1. Вторая насыпь, очень маломощная, связана с погребением № 4. Обе насыпи укреплены кренидами. Все остальные погребения впущены в курган без дополнительных досыпок [Кубышев, 1979: 131–134].

В кургане № 22 высотой 5,15 м насыпь сооружена в один прием над единственным женским захоронением. По основанию курган обнесен кренидой и неглубоким рвом, не достигавшим уровня материка, с остатками тризны. В полах всех профилей поверх линии первичной насыпи везде прослежен мощный черно-

земный оплыв кургана из деструктурированного грунта [Кубышев, 1982: 187–190].

В кургане Каменная Блианица высотой 4,55 м (в древности более 7 м) зафиксированы 3 насыпи, связанные с последовательными впускными захоронениями. Первичная обваловка первичной насыпи состояла из дерна и материкового выкида, уложенных подковой вокруг входной ямы погребения № 1. После совершения захоронения превращена в горизонтальную платформу высотой 1,6 м с наклонными краями и только после этого достроена до полной высоты. Далее первичная насыпь наращивалась в диаметре, причем неравномерно: с восточной стороны зафиксировано 3 конструктивных досыпки, с западной только 2. Материковый выкид из впускного погребения № 2 уложен кольцом по основанию первичной насыпи. Связанная с ним вторая насыпь очень маломощная. Материковый выкид из последующего впускного погребения № 3 также уложен кольцом по основанию склона второй насыпи и далее на погребенном черноземе. Выкид был перекрыт очень слабой третьей насыпью, укрепленной каменной крепидой и окруженной кольцевым рвом с остатками тризны [Андронов, 1987: 55–57, рис. 1].

К сожалению, нет возможности привлечь все материалы, поскольку многие из раскопанных за последние десятилетия курганы скифской знати еще не опубликованы. Пока что можно высказать лишь самые предварительные соображения. Не каждое впускное захоронение в курганах знати сопровождалось досыпкой, и есть ли здесь какая-то закономерность в зависимости от статуса погребенного, его пола, возраста, сказать трудно. Неизвестно также, в каких случаях строились крепиды, панцири, выкапывались рвы. В.Н. Мозолевский пытался выяснить обязательность каменных крепид при очень богатых захоронениях и пришел к выводу об отсутствии зависимости [Мелитополь, 1988: 153]. Иными словами, жесткой регламентации погребального обряда скифского времени, обусловленной социальными факторами, либо не существовало и она проявлялась лишь в виде некой тенденции, реализуемой каждый раз в зависимости от многочисленных привходящих обстоятельств, либо мы пока не можем сделать правильные выводы из-за недостатка информации.

Все многообразие структурных элементов, выявленных в скифских курганах, присутствовало в Водяной, Бабиной и Соболевой могилах,

что детально рассматривалось в главе 3. Возникает естественный вопрос о реальных сроках продолжительности сооружения таких курганов, состоящих из ряда конструктивных насыпей. Контуры (границы поверхности) таких конструктивных, явно промежуточных, насыпей визуально не отличаются от линий основных насыпей. Как полагал А.А. Спицын, образование таких линий указывает на то, что насыпи были сооружены «по крайней мере через весну или осень» [Спицын, 1901: 73]. Для Желтокаменки В.Н. Мозолевский предполагал, что ее вторая насыпь, состоявшая из 3–4 конструктивных досыпок, достраивалась на протяжении ряда лет [Мозолевский, 1982: 218].

Благодаря наблюдательности В.Н. Мозолевского, раскопки Водяной Могилы дали ключ к пониманию этого механизма, по крайней мере, для курганов средней величины. Этот курган высотой 6,5 м (в древности не менее 8 м), сооружен над единственной гробницей, сопровождавшейся захоронением двух лошадей и конюха. Насыпь была окружена крепидой и рвом. Сооружение насыпи Водяной Могилы началось еще до рытья основной гробницы. В отдельных скифских курганах зафиксировано начало сооружения насыпи одновременно с выкапыванием подземного погребального сооружения или даже ранее, как это установлено на Водяной Могиле. Впервые это увидел И.Е. Забелин на Краснокутском кургане в 1860 г., где внешние края материкового выкида из Центральной могилы были уложены на черноземную подсыпку «сажени на две и более в вышину», а в некоторых местах прослойки материка были разделены слоями чернозема, из чего исследователь сделал вывод о начале сооружения кургана уже во время выкапывания могилы [ДИС II: 50–51; Мелюкова, 1981: 9].

Сооружение насыпи Водяной Могилы началось еще до рытья основной гробницы с возведения из кусков дерна первичного ядра в восточной половине кургана, имевшего в плане подковообразную форму. Еще до рытья основной гробницы, или одновременно с ним, первичное ядро насыпи было перекрыто еще двумя досыпками, также подковообразной планировки. После этого высота первоначальной насыпи на востоке достигла 4, а диаметр 16 м. Внутри всех трех насыпей куски дерна лежали довольно беспорядочно, в то время как насыпи были отделены друг от друга четкой белесой полосой. До раскопок Водяной Могилы бытовало представление, что такая полоса образовывалась за

счет перегнивания травы, вырастающей на поверхности кургана, до времени совершения нового погребения и сооружения последующей насыпи. Считалось, что перед созданием каждой последующей насыпи проходило не менее года, а еще более вероятно – несколько лет. Предельная ограниченность срока, в который создавалась подковообразная насыпь в Водяной Могиле – она ведь должна была быть построенной за считанные дни от смерти погребаемого до его похорон (может быть, те самые 40 дней, о которых говорит Геродот), – даст единственно возможное решение вопроса: поверхность каждого конструктивного слоя насыпи облицовывали плитками дерна травой кверху, перегнивание же последней уже внутри кургана и давало в курганах светлую пограничную полосу. Таким образом каждому конструктивному слою придавался вид завершенности. Однако, на некоторую растянутость работ по сооружению кургана во времени указывают илистые смывы, зафиксированные у оснований склонов второй и третьей конструктивных насыпей. Это свидетельствует о том, что по крайней мере между этими этапами следовали перерывы, необходимые для возникновения и полного высыхания этих смывов. Однако поскольку эти насыпи формировали только восточную половину кургана, то, по-видимому, курган все же был сложен в полном объеме непосредственно сразу после совершения захоронения. Учитывая размеры кургана, это было вполне возможно осуществить на протяжении одного сезона.

Впрочем, даже для определения продолжительности времени сооружения сравнительно простых курганов могут существовать неизвестные нам сложности. Логически мы имеем здесь один единый цикл работ, который связан с единственным захоронением кургана и который как будто должен быть завершен в короткий срок. Но... При исследовании 1-го Туэктинского кургана на Алтае, состоявшего из земляной насыпи, сложенной из выкида из могильной ямы и мощной каменной насыпи, было установлено, что его ограбление произошло еще до сооружения последней. С.И. Руденко предположил, что сооружение каменной насыпи происходило не во время похорон, а некоторое время спустя – при поминках. Благодаря уникальному стечению обстоятельств он установил, что время совершения погребения и строительства кургана разделял достаточно значительный промежуток – возможно, год

[Руденко, 1960: 328–329]. Существование и продолжительность такого перерыва невозможно даже и предположить при обычных исследованиях. Может быть, свидетельство Геродота о совершении поминков на кургане царя через год [IV, 72] следует рассматривать как косвенное указание на, по меньшей мере, двухэтапность в строительстве большого кургана, разделенную годом?

Гораздо труднее представить продолжительность сооружения второй насыпи Желтокаменки, достигавшей в древности более 10 м высоты и состоявшей из 3–4 конструктивных досыпок, сопровождавшихся илистыми смывами. Как уже отмечалось, предполагалось, что она достраивалась на протяжении ряда лет [Мозолевский, 1982: 218].

Еще более затруднительно определение периода сооружения 20-метрового Чертомлыка. Здесь в структуре единого кургана И.Е. Забелин отметил наличие первичной насыпи и не менее 5, а возможно и 6, дополнительных конструктивных насыпей [Яценко, 2002: 141]. Наличие мощных илистых оплывов у основания каждой из них свидетельствует о наличии перерывов в строительстве, необходимых для их образования и полного высыхания. Для последнего необходимо от нескольких дней до недели. Кроме того, в оплывах также фиксируется по несколько слоев, свидетельствующих о том, что они образовывались с какими-то интервалами. Крепидка, осыпавшая курган по основанию, также установлена на илистом смыве после его образования, а также полного высыхания [Чертомлык, 1991: 30–35]. Происходили все эти действия на протяжении одного сезона или нескольких лет?

Имеющиеся данные позволяют установить по крайней мере этапность этого строительства. Безусловно, на первом же этапе насыпь должна была перекрыть Центральную гробницу и комплекс сопровождающих его захоронений. Чертежи И.Е. Забелина показывают, что все это помещается в пределах первичной насыпи и первых двух досыпок, общий диаметр которых достигал 26 сажений (более 55 м), то есть чуть больше половины общего диаметра в 50 сажений [Яценко, 2002: рис. 1–2]. К сожалению, ничего не известно о высоте кургана на этом этапе – возводился ли он на полную высоту начиная с первичной насыпи или возрастал в высоту с каждой досыпкой, или вершина была окончательно сформирована только на последнем этапе, включавшем строительство еще трех

или четырех досынок и сооружение каменной крепиды с наброской по склонам? Учитывая специфическую форму внешнего абриса насыпи Чертомлыка – почти вертикальный северный склон, оформленный камнем, начиная от вершины до половины высоты в 20 м, более логичным представляется последнее. Последний этап не лимитировался временем и мог осуществляться на протяжении до 5 лет.

В камнях крепиды Чертомлыка найдены гераклейское, херсонесское и сивопское клейма, датирующихся в пределах последних 40 лет IV в. до н. э. и родосское клеймо, найденное в насыпи, широко датирующееся в пределах второй половины IV в. до н. э. Трудно разделить оптимизм С.Ю. Монахова в отношении высокой точности современных разработок хронологии клейменения различных греческих центров. По-видимому, какое-то сближение датировок клейм, найденных в насыпи этого кургана, со временем все же произойдет. Тем не менее, имеющиеся на сегодняшний день данные свидетельствуют о периодичной повторяемости поминальных действий на Чертомлыке на протяжении определенного периода. Но эти грязы происходили уже у подножия завершеного кургана. Амфорные материалы из тела кургана – связанные с погребением «виночерпия» и другие – дают широкую датировку в пределах середины–третьей четверти IV в. до н. э. [Шалин, 1991: 365, сл.; 1993: 79–80; 1994-А: 115–120; 1994-Б: 103–105; 1998: 153–164; Монахов, 1999: 362–369] и, к сожалению, ничего не проясняют в отношении выяснения срока длительности строительства насыпи Чертомлыка.

Еще больше вопросов возникает по определению времени сооружения такого гиганта, как курган Огуа. И ответов на эти вопросы пока нет.

4.8. ИЛИСТЫЕ СМЫВЫ

Впервые илистые смывы увидел И.Е. Забелин при раскопках Чертомлыка, где он отметил «откосные, значительно утоптаные, слоистые черищемя, ведущие с вершины кургана к его окружности» [ДПС II: 115]. Однако для того чтобы почитать этот фрагмент его описания, понадобилось более ста лет. Это стало возможным только в последние десятилетия, после открытия самого этого явления Б.Н. Мозолевским в 1974 г. на Желтокаменке, впоследствии прослеженного на ряде других курганов скифской

зваты IV в. до н. э. и с особой grandiozностью проявившееся на Чертомлыке, что было увидено и зафиксировано только при раскопках в 1979–1985 гг.

На Желтокаменской Толстой Могиле все насыпи, как основные, так и конструктивные, имели у оснований характерные, треугольные в разрезе, как их назвал Б.Н. Мозолевский, «присыпки», значительно менее крутые, чем склоны насыпей, и четко отличавшиеся от них по структуре. В отличие от насыпей, сложенных из кусков дерна, они состояли из мелко-слоистого илистого грунта. Ширина этих «присыпок» внизу составляла 2–3 м, длина по склону – 1,5–2 м [Мозолевский, 1982: 182].

Опыт раскопок Желтокаменки позволил Б.Н. Мозолевскому по-новому подойти к пониманию конструкции насыпи Толстой Могилы, где он видел нечто подобное. К сожалению, при раскопках Толстой Могилы изучению разрезов кургана было уделено минимальное внимание, и в документации эти наблюдения не нашли отражения. Сегодня по существующим чертежам и описанию мы не можем судить не только о местонахождении и параметрах илистых образований в Толстой Могиле, но и даже об их наличии. Поскольку в кургане, скорее всего, существовало две насыпи, то они могли размещаться либо при первичной, либо при второй насыпи, либо при обеих. По мнению Б.Н. Мозолевского, укрепление нижней части Толстой Могилы плом, «який, висихаючи набував надзвичайної міцності, виключило і необхідність обнесення її насипу кріпидою, характерною для більшості курганів скіфської звати» [Мозолевський, 1979: 150].

Руководствуясь мелко-слоистой структурой этих образований, повторяющих форму нижних окончаний насыпей, их образования в результате смывания со склонов насыпи мельчайших частиц грунта, считаю более правильным называть их смывами, и в дальнейшем при описании используется именно этот термин.

В 1979 г. такие смывы были отмечены при раскопках 6-метрового кургана № 15 в могильнике Золотая Балка на Херсонщине. Здесь они, при достаточно скромных размерах, размещались у оснований конструктивных и основных насыпей и даже у оснований стенок каменных крепид. Разной в размерах, несовместность этих смывов даже при одной конкретной насыпи свидетельствуют об их непреднамерен-

ном, естественном, отчасти случайном, происхождении [Кубышев, 1982: 156–161].

Значительно более грандиозная картина была зафиксирована при доисследовании Чертомлыка в 1979 и 1981 гг. Здесь все 3, а возможно, и 4, внешних конструктивных насыпи имели в основании мощные илистые кольца, достигавшие ширины от 5,7 до 9 м при высоте от 3,0 до 5,1 м. По мнению авторов раскопок, «это следы глиняной обмазки, которая первоначально покрывала склоны насыпей». Предполагается, что они «сооружались из увлажненного грунта, так как внутренние склоны илистых колец почти точно повторяют конфигурацию внешнего ряда дерновых пластов каждой из насыпей». Илистые смывы сооружались в несколько приемов. В одном из них прослежено минимум 5 слоев. Назначение этих илистых конструкций авторы определяют как своеобразный «каркас», основные «несущие конструкции» скифских курганов. Их назвали крепидами, согласно функциям, которые, по мнению исследователей, выполняли последние. В целом авторы настаивают на искусственном, рукотворном происхождении этих смывов [Чертомлык, 1991: 30–35]. Как показало изучение архивных материалов, при доисследовании кургана были обнаружены только последние конструктивные насыпи. В целом в структуре кургана существовала первичная насыпь диаметром 16 сажень и не менее 5, а возможно и 6, мощных последовательных насыпей, несомненно сопровождавшихся смывами [Яценко, 2002: 141].

В немецком издании этот вопрос освещается несколько шире. Этим смывам придается дополнительный технологический смысл. Они, по мнению исследователей, впитывали дождевую воду, стекающую с кургана, а то время как насыпь, сложенная из дерна, оставалась сухой. Приводятся расчеты количества воды, необходимого для создания этих смывов. По мнению Р. Ролле, требуется 0,5 л воды на единицу илистого материала и в целом для создания всех илистых смывов в Чертомлыке, а также для использовавшихся на работах людей и животных, было затрачено не менее 5 млн л воды (5000 м³ или 5000 т – П.С.). Для таких операций, по мнению исследовательницы, годилась далеко не всякая вода. Вода в р. Соленой из-за насыщенности минеральными солями по современным меркам считается непитательной. По мнению Р. Ролле, эта вода и в древности была не пригодна ни для людей, ни для рабочего ско-

та, участвовавших в процессе, и поэтому отсюда не могли брать воду для этих операций¹². Остальные речушки – Чертомлык и др. – находятся в 2–3 км и были, по ее мнению, маловодными и не могли дать необходимого количества воды. Поэтому, полагает профессор, непосредственно возле кургана в скифское время существовал источник, обеспечивший водой все работы. Об этом, по ее мнению, свидетельствует источник, существовавший возле кургана в 1930-х гг. [Сертонлык, 1998: 63]. Однако, по имеющимся сведениям, данный источник являлся колодезем, вырытым для обеспечения колхозной бригады, располагавшейся в те годы возле кургана. Разница между колодезем и источником весьма существенная. Никакого естественного источника посреди степного плато никогда не существовало и не могло существовать по гидрологическим условиям степи. Да и ни один степной колодезь не способен дать 5 млн л воды в течение короткого времени. Кроме того, и не было в нем нужды в скифское время, поскольку в ближайших отрогах балок в 1–1,5 км действительно имелись родники, вполне достаточные для собиравшихся на строительстве кургана людей и скота, но которые также ни при каких обстоятельствах не обладали такой мощностью.

При доисследовании Огуза в 1979–1980 гг. илистые смывы, названные автором раскопок грязевой обмазкой, были зафиксированы у внешних краев первичной обваловки (на чертеже не отмечены), первичной и второй насыпей. Судя по чертежу, эти смывы поднимались по склонам на 12 м первичной и на 25 м второй насыпей. У основания второй насыпи они достигали толщины 2 м, на них была уложена каменная крепида кургана [Физалко, 1994: 123, 138, рис. 6].

В кургане Вабина Могила склоны всех 6 конструктивных дерновых досыпок первичной насыпи были очень крутыми. Все они, за исключением первоначального ядра и первой досыпки, имели по краям треугольные в разрезе черноземные смывы. Грунт в смывах мелкоструктурный. Во всех из них наблюдалась то более, то менее выраженная мелкоклонность. Ее направленность совпадает с направлением склонов досыпок. Имеются все основания считать, что эти образования являются именно

¹² Тем не менее, современные коровы спокойно пьют воду из Соленой, Вавилука и других близлежащих рек и речушек, отличающихся высокой степенью минерализации.

смывами. Вопрос только в их происхождении – естественном или искусственном.

В центральном профиле № 1 смывы пятой и шестой досыпок делились соответственно на два и четыре приблизительно равных по мощности толстых слоя. Необходимо отметить, что смывы даже при одной досыпке в разных местах имели различную мощность, а иногда и вовсе отсутствовали, что является дополнительным доказательством их естественного происхождения.

В Водяной Могиле край обеих досыпок первичного подковообразного в плане ядра, составлявшего меньше половины кургана по площади, имели внизу характерные смывы. Это обстоятельство, как представляется, свидетельствует о естественном происхождении илистых смывов, поскольку не могла укрепляться только часть насыпи при отсутствии таких элементов у краев всего завершеного кургана.

В 1986 г. в кургане Каменская Близница было отмечены илистые смывы у основания первичного ядра первичной насыпи и всех ее 3 конструктивных досыпок. Как полагают авторы раскопок, «клиновидные в разрезе образования» отличались от дерна насыпи и состояли из мелкозернистого серого грунта без выраженной слоистости и возникли при естественном осыпании подсохших пластинок дерна [Андросов, 1987: 56]. Такое объяснение нереально в принципе и основано на явном недоразумении. Возможно, некачественная зачистка профилей кургана не позволила разобраться в природе явления. При нашем осмотре профилей Каменской Близницы в процессе раскопок наблюдались те же детали, характерные для илистых смывов, что были прослежены в Бабиной и Водяной могилах в том же году.

В 1987 г. илистые смывы были зафиксированы у оснований первой и второй насыпей в кургане высотой 2,3 м у с. Ильинка, сооруженном в 4 приема, где все насыпи связаны с последовательными захоронениями [Плешинко, 1991: 56].

В Соболевой Могиле в 1991 г. вдоль внешних склонов первичной обваловки кургана (профиля № 1–8), а в одном случае и на внутреннем склоне южного участка (профиль № 5) также зафиксированы илистые смывы. Существование илистых смывов в Соболевой Могиле у основания первичной обваловки погребения, укрепление которой еще не имело никакого

смысла, неопровержимо доказывает естественность их происхождения.

Предполагается, что такие же илистые смывы были зафиксированы в 1-ой и 2-ой Завадских Могилах [Чертомлык, 1991: 34]. Но здесь по периметру насыпей в основании был уложен вал материкового выкида из рва, перекрытый каменной крепидой [Мозолевский, 1980: 86, 112, рис. 26 и 48]. Между валами из выкидов 1-й и 2-й Завадских Могил и смывами Чертомлыка и других курганов нет ничего общего ни по происхождению, ни по составу. Некорректна и ссылка на курганы в Северном Казахстане. Здесь в курганах Кара-Оба и Обалы зафиксирована совершенно иная ситуация. После предварительной подготовки подкурганной площадки и выскапывания ямы захоронения сооружение кургана началось с устройства по его периметру в пределах рва вала из насыпной трамбованной глины, выполнявшего функцию крепиды [Здакович, 1984: 43–44]. По аналогии с причерноморскими скифскими курганами он соответствует первичной обваловке, являвшейся основой насыпи.

Представляется преждевременным утверждение о наличии сходных илистых конструкций в Двугорбой Могиле в Приазовье, основанное на беглом упоминании авторами раскопок илистого грунта в восточной поле Двугорбой Могилы и возможном его происхождении из поймы р. Кальмиус. Исследователи Двугорбой Могилы не останавливаются на этом, по-видимому, эпизодическом наблюдении. Не нашло оно отражения ни на чертежах кургана [Приказова, 1982: 51, рис. 2, 3], ни в полевой документации. В сущности, мы не знаем, что и в каком объеме наблюдалось на Двугорбой Могиле.

Как установлено почвоведом, грунт, из которого состоят илистые смывы Чертомлыка, имеет то же происхождение, что и пластины дерна, из которых сооружен курган. Не отличается он и по плотности¹³. Определен материал, из которого они образовались, – рыхлый грунт, оставшийся после транспортировки дерна, т. е. разрушенный дерн. Лишь верхние слои смывов немного уплотнены в результате давления уложенных на них пластинок дерна. Вероятно, под влиянием точки зрения авторов раскопок Чертомлыка, предполагающих назначение этих смывов в качестве некоего

¹³ Ранее приводились данные Института почвоведения Геттингенского университета, согласно которым плотность этих образований в 2 раза превышает плотность обычного грунта [Мурин, 1989: 94; 1991: 173].

каркаса жесткости насыпи, почвоведы предположили возможность укрепления этих смывов с помощью трамбования или утаптывания во влажном состоянии, но без уплотнения [Кламм, 1991-А: 296, 298, 306]. Последнее уточнение представляется совершенной казустикой. Ибо вряд ли кто сможет объяснить, каким образом может происходить трамбование или утаптывание грунта без его уплотнения. Против этого свидетельствует то обстоятельство, что, вне зависимости от словесной эквилибристики, более высокая плотность грунта в результате этих гипотетических действий совершенно не была достигнута, хотя, как известно из практики, грунт при трамбовке или утаптывании, даже в сухом виде, уплотняется весьма значительно. Против этого также свидетельствует то, что при якобы проведенной трамбовке мелко-слоистая структура этих смывов, естественно ориентированная вдоль склонов кургана, нигде не была нарушена внешним механическим воздействием.

Природа происхождения смывов может быть понята и объяснена только с учетом их структуры, фиксируемой при раскопках. Как это неоднократно наблюдалось мною на больших скифских курганах (Желтокаменка, Золотая Балка курган № 15, Бабина и Водяная могила, да и сам Чертомлык), в разрезе эти образования имеют параллельную склонам кургана мелко-слоистую структуру с толщиной слоев около 2–3 мм. В месте прилегания к поверхности насыпи и древней дневной поверхности (или рабочему горизонту) направление слоев смыва точно повторяет их дуговидную конфигурацию. По мере заполнения (замывания) угла, образованного краем насыпи и дневной поверхностью или рабочим горизонтом, линия смыва выпрямляется и становится наклонной. По мере дальнейшего развития смыв разрастается в длину продолжением, выдвигающимся на дневную поверхность на различное в каждом конкретном случае расстояние от края насыпи. В целом в разрезе смыв становится клиновидным, с отходящим в сторону поля изогнутым нижним краем внешнего контура.

В.Н. Мозолевский отстаивал точку зрения об их искусственном происхождении. Доказательства этому на Водяной Могиле он видел в отличном цвете этих смывов от цвета грунта насыпей. На Водяной Могиле, в отличие от дерна насыпи, они имели более светлый оттенок, иногда с некоторой желтизной. Препятствием для «естественной» интерпретации «присыпок»

на Водяной Могиле, по его мнению, было также и уже отмечавшееся обстоятельство: краткость срока, в который создавалась подколообразная насыпь Водяной Могилы. В.Н. Мозолевский полагал, что эти «присыпки» были сооружены из жидкого ила для укрепления каждого конструктивного слоя насыпи, и предлагал для них название илистой крепиды. Образование этих крепид, по его мнению, происходило за счет смыва грунта со склонов насыпей, но только не дождевыми водами, а в результате преднамеренной поливки.

При отсутствии сколько-нибудь существенных прочностных характеристик у этих конструкций, предположение о выполнении илстыми смывами функций «илистой крепиды», «каркаса», «основных несущих конструкций» скифских курганов повисает в воздухе.

Отличия же в цвете грунта дерновых пластин насыпи и илстых смывов, весьма яркие на Водяной Могиле, находят объяснение в материалах Чертомлыка, где эти илстые смывы, в силу грандиозности насыпи необычайно мощные, содержат до пяти слоев, различающихся по окраске. Как установили почвоведы, такие различия в цвете связаны с изменением агрегатного состояния грунта, разрушением почвенной структуры при смыве, при едином происхождении грунта смывов и дерна из насыпи [Чертомлык, 1991: 33; Кламм, 1991-А: 298].

Гипотеза искусственного происхождения смывов совершенно не учитывает технические сложности этого мероприятия. Для его осуществления в безводной степи вода в огромных количествах должна была транспортироваться за несколько километров (в чем?), подниматься на курган (никаких следов таких въездов нигде не зафиксировано) и уже сверху каким-то совершенно непостижимым способом одновременно равномерно (но в то же время и интенсивно, чтобы вода не впитывалась в несележавшийся дерн, а быстро стекала по склонам), должна разливаться по всей поверхности кургана, чтобы в результате получились те правильные по разрезу и слоистости конструкции, которые мы наблюдаем. Скифы не располагали необходимыми для этого техническими средствами.

Все имеющиеся данные, как по конструкции и структуре этих смывов, так и по физическим свойствам грунта, их составляющего, свидетельствуют о природном происхождении этих «присыпок», в результате смыва грунта с поверхности склонов насыпей дождевыми

водами. О времени, необходимом для образования смылов, и способе их создания, неожиданно представилась возможность узнать при раскопках Бабиной Могилы летом 1986 г. Здесь, в результате выпадения трехчасового мощного ливня, у подножия окончаний бровки кургана в результате смыва рыхлого грунта, насыпанного бульдозером на задернованную поверхность бровки, в траншее вдоль стенок бровок образовались аналогичные наклонные илстые конструкции высотой до 1 м, имевшие клиновидные в разрезе очертания, аналогичные зафиксированным во многих курганах. В специально сделанном разрезе этой конструкции я увидел мелкоячеистую структуру соответствующей направленности, идентичную проследенной при раскопках всех вышеупомянутых курганов. Разумеется, если бы смыв грунта происходил не только с нижней части насыпи, а с самой вершины, размеры смылов были бы намного большими. Илстые смылы, обнаруженные в скифских курганах, непосредственно указывают на то, что строительство этих курганов насыпи происходило в теплое время года – на протяжении весны-лета-осени.

По данным климатологов на территории Украины, в том числе и в степной полосе, в теплый период года (апрель-октябрь) выпадает 75–80% годовой суммы осадков. В этот период осадки нередко выпадают в виде мощных ливней длительностью до двух-трех часов. Обычно ливневые осадки выпадают летом в июне-июле. Для Нижнего Поднепровья зафиксированы максимальные суточные показатели таких осадков от 190 до 212 мм, с максимальным выпадением до 7–10 мм осадков в минуту. Эти ливни сопровождаются мощными разрушительными эффектами – очень интенсивными размывами поверхности площади водосборов, возникновением оврагов и грязевых потоков, смывами культурного слоя почвы [Природа, 1984: 86–89, 98–100, рис. 29, табл. 18]. Поскольку для V–IV вв. до н. э. установлен период повышенного увлажнения степного и лесостепного пояса юго-восточной Европы [Поли, 1984-В: 28–29; 1992: 104–106 – см. литературу вопроса], то, вне всяких сомнений, все эти природные явления проявлялись в значительно большей степени. Таким образом, подмеченная Б.Н. Мозолевским облицовка конструктивных насыпей скифских курганов IV в. до н. э. дерном имела далеко не декоративное назначение, а являлась необходимой предохра-

нительной мерой от разрушения свежих насыпей курганов в результате размывания ливневыми дождями.

Тот факт, что все курганы, в которых обнаружены илстые смылы, были сооружены в весенне-летне-осенний период, хорошо согласуется со всеми установленными случаями времени захоронения и сооружения курганов на всем протяжении евразийских степей в скифское время. Как было установлено на основе возрастного состава животных из тризны кургана Толстая Могила, поминальная тризна и, соответственно, похороны царя состоялись осенью [Бибикова, 1973: 64–68, 94–95]. Чертомлык сооружался в теплое время года – от весны до осени. На основе состава растительности в почве, сделан вывод о том, что этот курган возводился поздним летом, когда степь отцвела, а злаки достигли зрелости [Клям, 1991: 310; Čertomlyk, 1998: 60]. Захоронение во впускной Северной Могиле Чертомлыка, судя по составу диких животных, совершено ранней весной [Журавлев, 1991: 363]. В Переценинском могильнике, в окрестностях Бельского городища, в кургане обнаружен скелет теленка, по содержанию желудка которого был установлен характер растительности и сделан вывод о сооружении кургана в летнее время в июне-июле [Безусько, 1999].

По данным дендрохронологии, время сооружения кургана Аржан в Туве – август-сентябрь. В 1-м Тузуктинском, 1-м и 2-м Пазырыкских курганах на Алтае захоронение произведено осенью, в 5-ом Пазырыкском кургане – весной [Руденко, 1952: 34, 231; 1953: 326–327; Марсдалов, 1998: 51; 2000: 21]. В кургане № 2 в могильнике Уландрык-1 захоронение было совершено в весенний период [Кубарева, 1987: 128]. На высокогорном плато Укок в кургане № 1 могильника Ак-Алаха-1 захоронение было произведено весной. В кургане № 1 могильника Ак-Алаха-3 погребение было совершено во второй половине июня. Бальзамированное тело захороненной здесь женщины имело следы разложения. Предполагается, что до похорон тело сохранялось около 3 месяцев в прохладном сухом месте [Палосьяк, 1994: 11–15, 23; 2000: 67–68; Феномен, 2000: 254].

Как писал С.И. Руденко, «на основании целого ряда данных установлено, что захоронения в больших курганах производились или в начале лета или поздней осенью, во всяком случае не зимой. Последнее может быть объяснено теми трудностями, с которыми было

бы сопряжено устройство таких капитальных сооружений, с глубокими и большими могильными ямами, в зимнее время. ... Как выяснилось, орудиями для рытья могильных ям в основном служили деревянные колья и массивные деревянные колотушки. Выбрасывалась земля легкими узкими деревянными лопатами. Копать мерзлый грунт такими орудиями не было никакой возможности. Этот обычай – хоронить покойников весной или осенью в качестве пережитка сохранился у древних тюрков VI–VIII вв. н. э., несмотря на то, что они покойников вместе с лошадьми не зарывали в землю, а сжигали. Согласно китайской хронике, тюрки «умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть и опадать; умершего осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают развертываться» [Руденко, 1953: 326–327; Бичурин, 1950: 230].

Многочисленные данные о мумификации трупов с целью длительного их хранения до момента похорон получены при исследовании курганов сарагашенского этапа тагарской культуры IV в. до н. э. в Минусинской котловине [Кузьмин, 1985: 47–48]. Предположение о совершении похорон только в теплое время года высказывалось и в отношении населения ямной культуры [Шевченко, 1986: 137].

В раннесарматской культуре Нижнего Поволжья и Южного Приуралья IV–III вв. до н. э. планировка впускных погребений, палеокриогенный почвоведческий анализ, анализ археозоологических материалов свидетельствуют о том, что погребальные ямы выкапывались в теплое время года, животные, помещенные в погребения в качестве жертвенной пищи, также забивались в этот же период. Все данные свидетельствуют о том, что похороны производились в теплое время года [Клепиков, 2002: 130–131].

Все эти факты дают основания предполагать, что в скифское время захоронения и строительство курганов производились только в теплое время года. Пока неизвестно, всех ли хоронили в определенные сезоны года или только знатных, но все вышесказанное позволяет предполагать, что весна–осень могли быть общепринятым временем захоронения для всех представителей скифского общества, поскольку такая периодичность захоронений очень точно соответствует жизненному циклу скотоводов. Зима и ранняя весна для степных скотоводов были тяжелейшим периодом, который и неблагоприятные годы, нередкие для ското-

водческого типа хозяйства, переживали далеко не все.

По-видимому, возможность захоронения только в определенное время года обусловила необходимость бальзамирования тел умерших с целью предохранения их от разложения до момента захоронения. Все тела усопших из курганов знати пазырыкской культуры бальзамированы разным способом. Во 2-ом Башадарском кургане у покойника извлечены внутренности. В 1-ом Башадарском кургане высверлены позвонки и трубчатые кости для введения консерванта, удалены внутренности и трепанирован череп. Во 2-ом Пазырыкском кургане у мужчины на животе извлечены внутренности, из рук и ног удалены мышцы. У женщины трепанирован череп, заполнен землей и закрыт, удалены внутренности, мышцы на руках, ногах и ягодицах. Часть мышц заменена травой. В 5-м Пазырыкском кургане у мужчины и женщины трепанированы черепа, удалены внутренности и мышцы. В кургане № 1 могильника Ак-Алаха-3, содержащем рядовое женское захоронение, установлен несколько иной способ бальзамирования. Тело предварительно просушивалось и покрывалось минеральным составом на восковой основе. Череп трепанирован, удалены мозг, глазные яблоки и слизистая оболочка носа и околоносовых пазух и заполнены конским волосом, овечьей шерстью, волосками и корешками растений, а также песчаным и глиноземным материалом. Голова в процессе бальзамирования отделялась от тела. В теле удалены мягкие ткани, внутренние органы, ребра в хрящевых частях и грудина и заменены сухой травой, веществом типа торфа, содержащим корешки растений, шерсть, волосы, траву. Ноги и спина препарации не подвергались, на основании чего был сделан вывод, что мумифицировались только видимые при похоронах части тела. Предполагается, что основным консервантом являлись ртутьсодержащие вещества, в чем усматривается влияние китайских погребальных традиций. Исследования алтайских мумий показали, что, несмотря на мумификацию, в них шли гнилостные процессы, что, по-видимому, связано с несовершенством способа бальзамирования и необходимостью длительного хранения тела до похорон [Руденко, 1952: 231; 1953: 326–327; Полосымак, 2000: 68–71; Баркова, 2001: 80–85].

В последнее время обнаружены случаи мумификации и в курганах рядовых представителей пазырыкской культуры, что свиде-

тельствует о всеобщем характере подобной практики [Молодин, 1997: 43; Полосьмак, 2000: 67]. Массовые факты сложного бальзамирования, сопровождавшегося посмертной трепанацией черепов, получены в процессе исследований могильников саглынской (синхронной лазырыкской) культуры в Туве в рядовых захоронениях. Здесь в условиях мерзлоты обнаружены мумифицированные тела, подвергнутые простому бальзамированию. У них удалены мягкие ткани и мускулы, а освободившиеся полости заполнены травой и защиты сухожилиями и конским волосом. Как считал А.Д. Грач, и в тех случаях, где не сохранились мумифицированные останки, предпринимались меры для возможно долгого сохранения тел умерших [Грач, 1980: 73].

Для скифов Северного Причерноморья, по археологическим данным, бальзамирование не отмечено из-за отсутствия в нашем регионе соответствующих условий для сохранения мумифицированных останков. Однако существование у скифов практики бальзамирования, сопровождавшегося удалением внутренностей, замещением их различными травами, а также покрытием тела воском, засвидетельствовано у Геродота [IV, 71]. Бальзамирование описано Геродотом в связи с похоронами скифского царя, и насколько широко практиковался этот обычай среди остальных скифов, остается неизвестным. Косвенные соображения позволяют предполагать его весьма широкое распространение во всех слоях скифского общества. Почти все растительные составляющие скифского рецепта бальзамирования, упомянутого у Геродота, скифы могли легко найти в Северном Причерноморье и на Кавказе, а недостающую меньшую часть получить от греков. Вместе в живом виде все эти растения встречаются только на территории Ирана и Курдистана, откуда, возможно, скифы заимствовали рецепт бальзамирования в период переднеазиатских походов [Камелецкий, 1995: 68–77]. Хотя скифы Северного Причерноморья, в отличие от населения Алтая, располагали несколько большим набором землеройных орудий – в их распоряжении были металлические тесловидные мотыжки и орудия типа клевца, однако и эти орудия для выполнения сколько-нибудь объемных земельных работ в зимних условиях степи были непригодными.

4.9. КАМЕННЫЕ ПАНЦИРИ

Традиция покрытия курганных насыпей каменными панцирями, не будучи массовым явлением, бытовала в Северном Причерноморье-Приазовье на протяжении всей эпохи сооружения курганов – от энеолита-бронзы вплоть до позднего средневековья. Чаще всего панцирное покрытие встречается на курганах срубной культуры и скифских. Панцири в курганах различных эпох более широко представлены в восточных регионах Украины.

В этом отношении показательны исследования курганов в 1975 г. у с. Астахово Свердловского р-на Луганской обл. Из 22 курганов многие имели каменные панцири и иные разнообразные каменные конструкции, связанные с конкретными погребениями. Панцирь имела последняя насыпь кургана № 3 высотой 3 м, связанная с киммерийским погребением, а также первичная насыпь кургана № 8, сооруженная над погребением ямной культуры. Панцирь покрывал вторую насыпь катакомбного времени кургана № 3 высотой 3,0 м, курганы культуры КМК № 10 высотой 1,5 м и срубной культуры №№ 6, 7, 11, 14, 15, 17. Каменным панцирем были покрыты сарматский курган № 9 и хазарский курган № 4, а также курган № 5, сооруженный над позднесредневековым погребением. Ряд срубных курганов с панцирями содержал впускные позднечелювинские захоронения. На связь панцирей именно со срубным временем указывает то обстоятельство, что все курганы, сооруженные над позднесредневековыми захоронениями, за единственным исключением, панцирей не имели [Евдокимов, 1975: 5, 11, 15–16, 23, 26, 27; 1992: 3–6]. Эту ситуацию в отношении восточных регионов отметил М.Л. Швецов [Швецов, 1979: 208].

Впрочем, о подлинной ситуации в центральных районах украинской степи на сегодняшний день объективно судить трудно. Вероятно, и здесь панцири на курганах и другие внешние каменные конструкции до начала широкого хозяйственного освоения причерноморских степей в первой половине XIX в. были распространены в значительно более широких масштабах.

В целом же каменные панцири курганов встречаются на курганах всех степных культур. В наиболее крупных курганах позднетрипольской усатовской культуры присутствуют мощные каменные панцири, которые исследователи усатовской культуры именуют куполообразными

сооружениями [Збежович, 1974: 35–44; Патакова, 1979: 43–88; Яровой, 1990: 214–215; Дергачев, 1991: 45–130; Петренко, 1992: 10].

Мощный панцирь диаметром 28 м толщиной до 2 м, окованный по периметру крепидой из вертикально вкопанных плит, укрепленных в основании мелкими камнями, перекрывал первичную насыпь высотой 1,1 м в кургане № 14 высотой 5 м у с. Любимовка близ Каховки, сооруженную над погребением в каменном ящике энеолитического времени. В нем найдена характерная керамика с обильной примесью ракушки [Лесков, 1968; Болтрик, 1971: 7]. К этому же времени относится курган высотой 1 м, покрытый панцирем, с вытянутым погребением в узкой длинной яме под каменной вымосткой на уровне древнего горизонта, в долине Солгира в Крыму [Шульц, 1958: 56]. В 1902 г. в Елисаветградском уезде Херсонской губернии в Ольгопольской волости на земле К.Д. Москопуло Н.С. Ковалев начал раскопки огромного кургана высотой в 12 сажен, судя по всему, энеолитического времени. В основании на уровне древнего горизонта обнаружен мощный кромлех. Поверхность кургана покрывал панцирь из гранитных камней [Раскопки, 1902: 111–112; Исследования, 1903: 254–255]. Сплошной каменный панцирь толщиной 0,5 м имела предпоследняя насыпь высотой 8,5 м кургана Царева Могила возле Кривого Рога, содержавшего захоронения ямной и катакомбной культур [Fabritius, 1929: 126–134]. Такой же панцирь имел курган № 2 высотой около 1,5 м у хут. Черногородка в Изюмском уезде Харьковской губ., содержавший захоронения ямной и срубной культур [Городцов, 1905: 243]. Мощнейший панцирь и крепиду имела Томаковская Острая Могила, сооруженная в энеолитическое время и содержавшая богатое впускное скифское захоронение [ОАК 1861: VIII].

Однослойный панцирь из мелких камней покрывал последнюю насыпь кургана № 2 высотой 5,8 м, связанную с захоронением срубной культуры, у с. Новокапны Бериславского р-на Херсонской обл. Авторы пишут о некой крепиде, однако, судя по чертежам, речь идет о равномерном слое мелких камней, залегавших в дерновом слое, разрушенном в центральной части при установке триангуляционного знака и других позднейших перекопах [Тоцев, 1990-А: 57, рис. 5; 6]. Панцирь из нескольких слоев мелких камней общей толщиной до 0,5 м имел курган срубной культуры высотой 0,9 м у с. Терновое Шахтерского р-на Донецкой обл.

[Литвиненко, 1994-А: 116, рис. 2]. Однослойный панцирь покрывал курган ралнесрубного времени у г. Макеевки [Зарийская, 1992-А: 16]. По-видимому, однослойный панцирь из мелких камней, разрушенный вспашкой, имел курган белозерской культуры высотой 0,75 м у с. Капны Горностаевского р-на Херсонской обл. Его окончания, сохранившиеся в полах насыпи, описаны как крепиды кургана. Распаханная поверхность насыпи, по описанию авторов публикации, была усеяна отдельными известняковыми камнями [Агульчиков, 1990: 67], что все-таки больше говорит в пользу панциря.

Для позднесредневековых кочевнических курганов X–XIII вв. степного Поднепровья устройство каменных панцирей фиксируется исключительно редко. Так, каменный панцирь, разрушенный вспашкой, или кольцевая крепиды по основанию кургана отмечена в кургане № 3 высотой 0,4 м диаметром 10 м у с. Вольшемихайлово Покровского р-на Днепрпетровской обл. [Шалобудов, 1985: 139].

По сведениям В.С. Ольховского, каменные панцири в скифских курганах Северного Причерноморья конца V – начала III вв. до н. э. в степи от Дона до Дуная отмечены в 16 случаях: 1 в Придунайской группе памятников, 2 в Поднепровской, 1 в Северостепной, 2 в Буго-Ингульской, 4 в Ингулецкой, 6 в Поднепровской, а также на одном кургане эпохи бронзы со скифским впускным захоронением в Приазовской группе. В Крыму панцири из камней в 1–3 слоя отмечены на 8 насыпях эпохи бронзы, содержавших скифские впускные захоронения VII–VI вв. до н. э. Время их сооружения неясно. Курган № 7 у с. Мирисе V в. до н. э. имел панцирь. Для конца V – начала III вв. до н. э. отмечено 5 случаев: 1 в Западнокрымской группе, 3 в Предгорной, 1 в Восточнокрымской [Ольховский, 1991: 85, 91, 121, 145, 162, табл. 21; 29]. В 7 мелких курганах в Сакском р-не каменные ящики были окружены «чешуйчатой» обкладкой из плит радиусом 3–4 м, далее к полам переходившую в каменную наброску [Колотухин, 2000: 54, №№ 77–83]. Упоминаются панцири в Куль-Обе и Золотом курганах [ДБК I: XIV, Чертеж А; Сmealова, 1999: 177].

Сплошной каменный панцирь, полностью покрывавший первичную насыпь Бабиной Могила, благодаря тому, что он был перекрыт последующими земляными досыпками, несмотря на частичные разрушения, сохранился достаточно полно и впервые для Северного

Причерноморья скифского времени позволил увидеть каменную конструкцию данного типа во всей ее полноте и масштабности. Большинство исследований каменных панцирей в больших скифских курганах Северного Причерноморья относится к дореволюционному периоду. И при том, что их в общем-то, известно не так уж и мало, нет ни одного нормального описания, чаще всего это лишь беглое упоминание. В скифских курганах, исследованных уже в наши дни, они покрывали наружную поверхность кургана и в силу этого к моменту раскопок оказываются разрушенными при добыче камня местными жителями.

Согласно единственному упоминанию, каменный панцирь в Александропольском кургане покрывал «все наружные бока могилы до самой ее вершины». Неподалеку от Александрополя в те же годы было открыто еще несколько мелких курганов железного века (точнее определить нельзя) с панцирями в междуречье Базавлука и Суры [Извлечение, 1855: 49, 51–53].

Для бассейна р. Базавлук вообще характерно максимальное использование камня в курганах, что обусловлено многочисленными выходами разнообразных пород камня на поверхность в береговых обнажениях. В этом можно убедиться и при визуальном осмотре памятников. Так, ряд курганов, расположенных практически сплошным массивом к северу от с. Базавлук Апостоловского р-на Днепропетровской обл. на протяжении около 15 км до впадения в него Базавлукча имели насыпи высотой до 3 м сложенные из камня, что хорошо было видно в стенках современных грабительских колодцев в центре насыпей. Курганы датируются V в. до н. э. по фрагментам амфор. Курган высотой 7,2 м Батыкина (Батюкова или Батькова) Могила в том же районе (по форме насыпи вполне вероятна скифская принадлежность) под задернованной поверхностью имеет сплошной панцирь, сложенный из мелких плит. На землях к северу от с. Базавлук до впадения р. Базавлукча и на юг в направлении к устью р. Каменка в районе с. Ток, кроме крупных задернованных насыпей, в которых камни находятся на поверхности, существуют значительные участки полей, которые не распахиваются из-за мелких курганов со сплошными каменными насыпями. Такое пятно несправильной округлой формы диаметром около 70 м зафиксировано к югу от подножия Лысых Могил. Здесь в высокой

траве визуальво угадываются не менее 5 расположенных вплотную мелких курганов высотой около 0,5 м.

Панцирь имела Влизица Слоновская, исследованная И.Е. Забелиным, – «с первого же штыка по всей поверхности попадался камень, мелкий и крупный» [ДГС II: 65]. Скифский курган высотой 2 аршина (-1,5 м) возле с. Ново-Григорьевка в Александровском уезде Екатеринославской губ. под слоем дерна по всей площади был заложен колотым камнем [Саломасов, 1886: 190]. Большой курган 1915 г. возле Малой Лепетихи высотой 7,45 м, исследованный Н.И. Веселовским, имел каменное покрытие насыпи [ОАК, 1913–1915: 136].

О подлинном распространении скифских курганов с каменными панцирями в недавнем прошлом дают представление сведения В.Н. Ястребова. Характеризуя многочисленные курганы Херсонской губернии (современные Кировоградская, правобережные Днепропетровская и Херсонская, а также Николаевская и Одесская области), он выделил 4-й и 5-й типы курганов, которые, судя по обряду и многочисленным богатым находкам, являлись скифскими. Многие из таких курганов высотой от 2 аршинов и выше были покрыты каменной «броней» толщиной 1–3 аршина, засыпанной поверх земель [Ястребов, 6/г: 11–12].

В местностях, богатых естественными выходами камня на поверхность, такая ситуация отчасти сохранилась до наших дней. В надпорожской группе памятников степной Скифии из 100 курганов каменные панцири отмечены в 41. Курганы здесь мелкие – высотой до 0,4 м. Основной массив датируется IV – началом III вв. до н. э., единичные – концом VI – началом V вв. [Андросов, 1985: 124; Мухомед, 1992: 49].

Панцирь из мелких и средних камней до 0,3 x 0,2 x 0,4 м покрывал скифский курган IV в. до н.э. высотой 2,5 м у с. Новокиевка Томаковского р-на близ г. Марганца [Елинова, 1985: 13]. Разрушенные вспашкой каменные панцири имели скифские курганы V–IV вв. до н. э. №№ 23, 24, 26 в группе «Колония» в курганном окружении Чертомлыка [Мурлин, 1984: 9, сл.]. Покрытие из камней до 0,6 м в поперечнике имел курган № 26 высотой 0,35 м у г. Орджоникидзе, датируемый VI в. до н. э. [Палин, 2002: 223]. Панцирь из известняковых щебня и мелких камней покрывал насыпь кургана № 2 высотой 4,2 м середины IV в. до н. э. группы Кутаревых могил у с. Каиры Горностаевского р-на Херсонской обл. [Кубышев, 1988: 67].

В Братолобовском кургане на Херсонщине высотой 6 м IV в. до н. э. первичная насыпь по основанию окружена кренидой, поднимавшейся по склонам в виде каменной наброски и переходившей в сплошной каменный панцирь, полностью покрывавший насыпь [Кубышев, 1990: 19–24; Кубышев, 1996: 131–134, Abb. 1–4].

Уникальное мощное куполообразное сооружение толщиной от 1 до 2,8 м высотой, сложенное из больших известняковых плит, зафиксировано в структуре первичной насыпи высотой 3 м в кургане № 3 середины – третьей четверти IV в. до н. э. у с. Дудчаны на Херсонщине. Весьма грандиозные размеры имеет в этом кургане и кренида последней насыпи, зафиксированная на большей части поверхности кургана. Отсутствует она только на вершине кургана, имеющей вид уплощенной площадки диаметром около 15 м и образовавшейся в результате разрушения вершины при ограблении. Вероятно, что каменный панцирь покрывал и последнюю насыпь кургана, но центральная часть его была разрушена, точнее, снесена вместе с верхушкой кургана при рытье грабительского колодца, как это прослежено и на Бабиной Могиле [Евдокимов, 1981: общий план кург. № 3; Фридман, 1987: 159, 170, рис. 2].

В кургане № 13 высотой 4,5 м у с. Львово Бериславского р-на панцирь покрывал всю поверхность кургана в пределах последней третьей крениды. На основе ошибочной реконструкции стратиграфии кургана панцирь и кренида были соотношены с половецким святилищем, размещавшимся на вершине кургана [Евдокимов, 1991-Б: 136]. Однако реальных оснований для этого нет. Детальный анализ этого случая дан выше в разделе 4.3. Все каменные конструкции кургана относятся к скифскому времени и по чернолаковой керамике из многочисленных погребений датируются серединой – третьей четвертью IV в. до н. э. Так же и в кургане № 18 у с. Львово высотой 3 м первой половины – середины IV в. до н. э. панцирями и кренидами сопровождалась третья и четвертая насыпи кургана [Кубышев, 1982-А: 131–132].

Курган № 1 у пгт Калининское на Ингульце высотой 1 м сооружен в два приема на двух погребениях конца V в. до н. э. Обе насыпи имели каменное панцирное покрытие [Евдокимов, 1977: 74, табл. 10; Ольховский, 1994: 20, № 26]. В Николаевской обл. у с. Марьяновка Баштанского р-на курганы №№ 4, 5 и 6 высотой от 0 до 0,2 м IV в. до н. э. имели каменные панцири, разрушенные многолетней

вспашкой. Фиксировались в виде россыпи камней на поверхности насыпей [Билан, 1998: 83–90]. Сплошной панцирь из мелких и средних камней, в значительной степени разрушенный ко времени раскопок, имел крупнейший в Поингулье курган скифской знати № 3 у с. Пески Баштанского р-на высотой 5 м IV в. до н. э. [Гребенников, 1987: 148]. Курган № 1 высотой 0,8 м у с. Новорозановка V в. до н. э. также был покрыт каменным панцирем [Шалошикова, 1977: 66].

В Восточном Приазовье сплошной каменный панцирь из плит и глыб песчаника, уложенных в 2–3 слоя, покрывал поверхность Перадериевой Могилы высотой 3,2 м IV в. до н. э. [Моруженко, 1992: 68, рис. 1]. Бердянский курган также имел панцирь, остатки которого к моменту раскопок сохранились только на отдельных участках задернованной насыпи [Черемиченко, 1981: 3].

Панцирями укрывались не только степные, но и лесостепные курганы скифского времени. У с. Колодистое Звенигородского уезда (ныне Черкасская обл.) в 1899 г. раскопан скифский курган высотой около 1 м, поверхность которого была покрыта гранитными плитками [Летопись, 1899: 135].

Практика устройства каменных панцирей была достаточно широко распространена в скифском мире. Архаические скифские курганы Ставрополя (у хут. Красное Знамя, у с. Новозаведенное и др.) в большинстве своем были покрыты каменными панцирями [Степи, 1989: 217]. В качестве более далеких параллелей можно отметить каменные панцири в савроматских курганах VI–IV вв. до н. э. на территории Калмыкии, Башкирии и Северо-западного Казахстана [Смирнов, 1964: 77–78]. В больших сакских курганах V–IV вв. до н. э. в Центральном Казахстане также зафиксированы мощные каменные панцири [Акишев, 1963: 31, сл., рис. 10; 30; 52; 62].

4.10. КРЕПИДЫ

Кренидами принято называть каменные конструкции различного устройства, опоясывающие курганы по периметру основания. И.В. Забелин полагал, что значительную крутизну склонов скифских курганов поддерживали именно эти каменные фундаменты [Забелин, 1865: 73–74]. Однако, как показали современные исследования, форма кургана со-

В Братолюбовском кургане на Херсонщине высотой 6 м IV в. до н. э. первичная насыпь по основанию окружена кренидой, поднимавшейся по склонам в виде каменной наброски и переходившей в сплошной каменный панцирь, полностью покрывавший насыпь [Кубышев, 1990: 19–24; Кубышев, 1996: 131–134, Abb. 1–4].

Уникальное мощное куполообразное сооружение толщиной от 1 до 2,8 м высотой, сложенное из больших известняковых плит, зафиксировано в структуре первичной насыпи высотой 3 м в кургане № 3 середины – третьей четверти IV в. до н. э. у с. Дудчаны на Херсонщине. Весьма грандиозные размеры имеет в этом кургане и кренида последней насыпи, зафиксированная на большей части поверхности кургана. Отсутствует она только на вершине кургана, имеющей вид уплощенной площадки диаметром около 15 м и образовавшейся в результате разрушения вершины при ограблении. вполне вероятно, что каменный панцирь покрывал и последнюю насыпь кургана, но центральная часть его была разрушена, точнее, снесена вместе с верхушкой кургана при рытье грабительского колодца, как это прослежено и на Бабиной Могиле [Евдокимов, 1981: общий план кург. № 3; Фридман, 1987: 159, 170, рис. 2].

В кургане № 13 высотой 4,5 м у с. Львово Бериславского р-на панцирь покрывал всю поверхность кургана в пределах последней третьей крениды. На основе ошибочной реконструкции стратиграфии кургана панцирь и кренида были соотнесены с половецким святилищем, размещавшимся на вершине кургана [Евдокимов, 1991-В: 136]. Однако реальных оснований для этого нет. Детальный анализ этого случая дан выше в разделе 4.3. Все каменные конструкции кургана относятся к скифскому времени и по чернолаковой керамике из многочисленных погребений датируются серединой – третьей четвертью IV в. до н. э. Так же и в кургане № 18 у с. Львово высотой 3 м первой половины – середины IV в. до н. э. панцирями и кренидами сопровождалась третья и четвертая насыпи кургана [Кубышев, 1982-А: 131–132].

Курган № 1 у пгт Калининское на Ингульце высотой 1 м сооружен в два приема на двух погребениях конца V в. до н. э. Обе насыпи имели каменное панцирное покрытие [Евдокимов, 1977: 74, табл. 10; Ольховский, 1994: 20, № 26]. В Николаевской обл. у с. Марьяновка Баштанского р-на курганы №№ 4, 5 и 6 высотой от 0 до 0,2 м IV в. до н. э. имели каменные панцири, разрушенные многолетней

вспашкой. Фиксировались в виде россыпи камней на поверхности насыпей [Блан, 1998: 83–90]. Сплошной панцирь из мелких и средних камней, в значительной степени разрушенный ко времени раскопок, имел крупнейший в Понигулье курган скифской знати № 3 у с. Пески Баштанского р-на высотой 5 м IV в. до н. э. [Гребенников, 1987: 148]. Курган № 1 высотой 0,8 м у с. Новорозановка V в. до н. э. также был покрыт каменным панцирем [Шаломанникова, 1977: 66].

В Восточном Приазовье сплошной каменный панцирь из плит и глыб песчаника, уложенных в 2–3 слоя, покрывал поверхность Передериевой Могилы высотой 3,2 м IV в. до н. э. [Маруженко, 1992: 68, рис. 1]. Бердянский курган также имел панцирь, остатки которого к моменту раскопок сохранились только на отдельных участках задернованной насыпи [Чередниченко, 1981: 3].

Панцирями укрывались не только степные, но и лесостепные курганы скифского времени. У с. Колодистое Звенигородского уезда (ныне Черкасская обл.) в 1899 г. раскопан скифский курган высотой около 1 м, поверхность которого была покрыта гранитными плитками [Летопись, 1899: 135].

Практика устройства каменных панцирей была достаточно широко распространена в скифском мире. Архаические скифские курганы Ставрополя (у хут. Красное Знамя, у с. Новозаведенное и др.) в большинстве своем были покрыты каменными панцирями [Степи, 1989: 217]. В качестве более далеких параллелей можно отметить каменные панцири в сарматских курганах VI–IV вв. до н. э. на территории Калмыкии, Башкирии и Северо-западного Казахстана [Смирнов, 1964: 77–78]. В больших сакских курганах V–IV вв. до н. э. в Центральном Казахстане также зафиксированы мощные каменные панцири [Акишев, 1963: 31, сл., рис. 10; 30; 52; 62].

4.10. КРЕПИДЫ

Кренидами принято называть каменные конструкции различного устройства, опоясывающие курганы по периметру основания. И.Е. Забелин полагал, что значительную крутизну склонов скифских курганов поддерживали именно эти каменные фундаменты [Забелин, 1865: 73–74]. Однако, как показали современные исследования, форма кургана со-

храняется прежде всего благодаря строительному материалу насыпи. Курганы, сложенные из степного дерна, прекрасно сохраняют свою форму независимо от наличия или отсутствия крениды.

Толстая и Соболева могилы имели типичные «толстые» формы при отсутствии кренид. С другой стороны, Страшная Могила, сложенная из дерна и «укрепленная» мощной кренидой, имела пологие склоны и острую вершину, благодаря изначально заданной форме. Такая форма характерна для курганов эпохи бронзы, сооруженных из насыпного грунта, что и нашло отражение в его первом названии «Острая Могила». Прекрасно сохранил компактную полусферическую форму насыпи курган эпохи бронзы Малая Лаурка высотой 5 м, сложенный из дерна и не имевший каменных конструкций [Полин, 2001: 30–31]. По характерной форме насыпи Б.Н. Мозолевский задолго до раскопок относил этот курган к скифским.

Ни крениды-стенки, ни крениды-наброски или комбинации первых и вторых, ни крениды-кромлехи не выполняли своего назначения, точнее, того назначения, которое следует из названия «кренида». Они не предохраняли насыпи от расползания грунта. Ни один курган не сохранил свою насыпь в ее пределах. Дерновый материал, хотя и намного меньше, чем насыпной грунт, также подвергается водной эрозии. Грунт насыпей постепенно оплывал поверх кренид, со временем полностью покрывая их под своей толщиной. Так была скрыта под толщиной оплыва стенка крениды высотой 4 м в Александропольском кургане. Крениды также подвергались давлению оползающего грунта и, соответственно, разрушались. Так была разрушена вторая (наружная) кренида-кромлех кургана № 13 могильника Золотая Балка, крупные плиты которой давлением оплывающего грунта насыпи были опрокинуты наружу. Крениды-стенки последних насыпей кургана № 15 Золотой Балки и Бабиной Могилы (там, где они не разрушены выборками камня) имели вид развалов камней или наклонившихся наружу, готовых рухнуть, стенок, удерживаемых от рассыпания только подпирающим грунтом. Наиболее значительными такие разрушения бывают в южных полах курганов, подвергающихся максимальному воздействию эрозии. Это наиболее характерно для кренид, сложенных из мелкого камня и не имеющих оформления внешних краев из крупных плит. При этом грунт насыпей сползал наружу поверх

кренид, выходя далеко за их пределы, полностью при этом затягивая остатки кольцевых рвов, окружавших курганы. В зависимости от высоты курганов эти оплывы могут достигать 10 м, как это имело место на Чертомлыке, где очень мощная кренида-стена с каменной наброской, устоявшая под давлением грунта, не остановила оплывания грунта насыпи через нее и далеко за ее пределы [Чертомлык, 1991: рис. 8].

Б.Н. Мозолевский различал крениды и кромлехи и последние из числа кренид исключал. Поэтому он отрицал наличие крениды во 2-ом Мордвиновском кургане [Мозолевский, 1979: 150–151]. Оснований для такого разделения нет, поскольку, как отмечалось выше, ни один тип крениды не выполнял назначения «крепёжа» насыпи.

Кренида в скифских курганах, как правило – одна в кургане, в большинстве случаев сопровождает последнюю насыпь кургана и как бы завершает процесс его сооружения¹⁴. Если исходить из предположения о том, что кренида связана с конкретным захоронением и является его определенным социальным показателем, то невольно закрадывается сумасшедшая мысль о какой-то заданности, предварительном знании последовательности захоронений в курганах, что исключено в принципе. Поэтому логичнее предполагать, что одна кренида в кургане является отражением социального статуса всех погребенных и, помимо сакральной, в немалой степени несла декоративно-эстетическую нагрузку.

В публикуемых курганах прослежены следующие типы кренид.

На Водяной Могиле кренида состояла из внешнего ряда плит, установленных вертикально в неглубоком ровике, облицовывавших каменную стену высотой до 1 м из плит, уложенных плашмя не менее чем в 4 слоя. Пространство между кладкой и земляной насыпью забутовано мелкими камнями. Вверх по насыпи от нее поднималась клинообразная в разрезе наброска из камней меньших размеров до высоты 2 м.

Особенно грандиозные каменные конструкции были исследованы в Бабиной Могиле, где были обнаружены три крениды и панцирь. Кренида № 1, окружавшая первичную насыпь кургана, состояла из кольцевой, слегка

¹⁴ Погребения в кургане впускались и после строительства кренид, однако досылками они уже не сопровождались.

наклонной внутрь, стены шириной 1,0 м и высотой 1,3–1,8 м из горизонтально уложенных больших необработанных плит до 1 м в поперечнике в 13–15 слоев (на каждом участке – только из 10), а также каменной наброски, заполнявшей промежуток между каменной стеной и грунтовой насыпью кургана и далее наклонно поднимавшейся по склону первичного кургана до высоты 2,5–3,0 м, где переходила в относительно равномерный по толщине панцирь, перекрывавший всю первичную насыпь. Крепида № 2 имела вид каменной наброски, перекрывавшей выкид из гробницы № 2, стенку и частично наброску крепида № 1. Сложена из крупных (до 0,8 м в поперечнике) и мелких (0,2–0,4 м) необработанных плит и глыб. Крепида № 2 была сооружена только над выкидом из гробницы № 2. В южной части кургана она, постепенно сходя на нет, сливалась со стенкой крепида № 1. Крепида № 3, окружавшая 2-ю насыпь, аналогична крепиде № 1 и состояла из вертикальной внешней стены, сложенной из крупных необработанных плит, и наброски из более мелких камней, заполнявшей пространство между стеной и насыпью и поднимавшейся вверх по склонам.

При исследовании 2-й и 3-й крепид Бабиной Могилы установлено, что поверхности так называемых «набросок» на определенных уровнях формировались в виде горизонтальных террас. Поверхность 2-й крепида была оформлена крупными плитами в виде двух ступеней-террас шириной 1,5 м и высотой 0,5–0,7 м. В 3-й крепиде, общая ширина которой вместе с наброской достигала 7 м, наброска выше опорной стенки наклонно поднималась на курган до высоты 2,7 м. На этом уровне ее поверхность оформлена в виде горизонтальной террасы шириной более 1,0 м, подобно отмеченной И.Е. Забелиным на Чертомлыке [ДГС II: 75; Чертомлык, 1991: 26, рис. 40].

В Кальковой Могиле высотой 2 м крепида имела вид кольцевой каменной вертикальной стенки высотой 1 м. Пространство между ней и склоном земляной насыпи было заполнено мелкими камнями [Мозолевский, 1986-А].

В то же время Соболева Могилы высотой 6 м никаких каменных сооружений не имела. В свое время Б.Н. Мозолевский отметил, что у части курганов высшей знати высотой более 4 м, в том числе и с богатейшими захоронениями, крепиды отсутствовали. По его данным, это составляет менее 30% общего числа степных курганов высшей скифской знати IV в. до н. э.

[Мелитополь, 1988: 153]. В действительности эта цифра значительно ниже, поскольку о старых раскопках сведения нередко отсутствуют или крепиды по каким-то причинам не зафиксированы. Так, Б.Н. Граков при осмотре кургана Солоха в 1946 г. в южной поле кургана в обвалившихся стенах немецких блиндажей видел торчащие многочисленные плиты [Граков, 1946: 56], что не может быть ничем иным, кроме крепиды. Говорить о наличии или отсутствии крепиды в Деевом кургане не приходится, поскольку об устройстве насыпи кургана не известно ничего [ОАК, 1897: 31]. То же справедливо и для Николаевского кургана, насыпь которого была снесена строителями и информации о ней просто нет. Вопрос о крепиде Мелитопольского кургана также не имеет ответа, поскольку поля кургана не исследовались. Утверждение об отсутствии крепид в Шульговке и Чмыревой Могиле основано на явном недоразумении. Крепиды там были [ОАК, 1889: 17; Браун, 1906: 98]. Во 2-ом Мордвиновском кургане существовала маломощная крепида в виде однослойной обкладки из крупных плит и мелких камней. Тем не менее, Близица Томаковская, Гюювка-14, Вишневая, Плоская, Толстая (последняя насыпь) и Соболева могилы действительно крепид не имели, и этот факт на сегодняшний день удовлетворительного объяснения не имеет.

Что же мы знаем о крепидах скифских курганов Северного Причерноморья на сегодняшний день?

По сведениям В.С. Ольховского, крепиды в скифских курганах Северного Причерноморья в архаическое время известны только в Крыму, где две насыпи, несомненно датированные VII–VI вв. до н. э., имели кольцевую каменную крепиду из массивных плит. В V в. до н. э. эта традиция прослеживается уже на всей территории Скифии. Насыпи окружают крепидами из крупных плит, уложенных на склоны, или камней средней величины, образующих наброс шириной 2–4 м по периметру основания. Для этого времени крепиды известны уже в 26 скифских курганах и в 11 насыпях эпохи бронзы, содержащих впускные захоронения этого времени. Для степи IV – начала III вв. до н. э. крепиды отмечены в 101 из 634 учтенных скифских курганов и 23 из 104 эпохи бронзы с впускными скифскими захоронениями. И в этот период господствуют крепиды в виде каменного наброса по периметру. Появляются крепиды, сложенные из плоских камен-

ных блоков в виде кольцевой стенки, иногда на глинистом растворе. Изредка делались крепи-ды из одного-двух рядов вертикально стоящих плит, иногда подпираемых извне другими плитами. В трех насыпях (одна эпохи бронзы) отмечено по два кольца-крепиды. В этих курганах находилось по два-три скифских погребения. Только в кургане № 4 группы Показовое-1 открыто одно захоронение. Вторая крепида здесь возникла в результате поминального ритуала.

Каменные кольца имели и религиозно-ритуальный смысл, соотносимый с солярной символикой, хотя, как полагает В.С. Ольховский, очевидно утрата большинством скифских каменных колец ритуальной функции: это прежде всего крепиды. Корни этой традиции уходят в эпоху бронзы. Хронологический и территориальный диапазон обычая окружать каменными кольцами курганы чрезвычайно велик и охватывает весь евразийский пояс степей [Ольховский, 1991: 62, 75, 85, 91, 120–121, 162, табл. 21].

По данным сводки погребальных памятников, где учтены все скифские курганы степного Северного Причерноморья в пределах Украины, исследованные по 1980 г. включительно, картина несколько иная. Всего исследовано 1288 скифских курганов и 192 кургана эпохи бронзы, содержащих скифские впускные захоронения. Крепиды обнаружены в 481 кургане, что составляет около трети общего количества [СПП, 1986: 58–204].

Основная часть больших скифских курганов была исследована в дореволюционный период. Если вспомнить, что Н.И. Веселовский «збыл» отметить крепиду в описании Солохи, ни словом не обмолвился по поводу ее наличия в Огузе, то можно легко представить, сколько внимания уделялось тогда таким «деталям». С трудом можно отыскать упоминание о крепиде в Цимбалке – курган «лежит на цоколе из мелкого известнякового камня» [ОАК, 1867: XIX]. Нет ни малейших упоминаний о крепиде в таком кургане-гиганте, как Козел [ОАК, 1865: X–XI; 1868: XIV–XVI; РД, 1889: 115–116], что выглядит странно, поскольку другие примеры отсутствия крепиды в кургане высотой более 10 м неизвестны. Вероятно, крепиды здесь все-таки была, поскольку отмечено полное сходство по конструкции курганов Козел и Чертомлык [Забелин, 1876: 639].

Еще меньше внимания обращалось на конструкцию крепид. И.Е. Забелин прорезал

крепиду Чертомлыка по крайней мере в трех местах широкими траншеями, в общей сложности на протяжении 40 саженей – более 85 м из общей протяженности около 270 м. Однако описание ее весьма скупо: «...с восточной и западной стороны ... обнаружился сплошной каменный цоколь, складенный из нетесаных разной величины известковых и гранитных камней по всей окружности кургана. Иные камни были длиною от 1,5 до 3 и даже до 4 аршин, толщиной в 1 аршин и более». На плане и разрезе кургана изображена аморфная каменная наброска, поднимающаяся по склонам [ДГС, II: 85, Атлас, лист F]. Некоторые дополнения имеются в другой работе: «...этот цоколь имел толщины более сажени и простирался вверх по пологости боков могилы на 7 саж., а в иных местах и более» [Забелин, 1865: 77]. Конечно, после доисследования Чертомлыка в 1979–1985 гг., когда остатки крепиды были изучены и подробно описаны, легко можно понять, что речь идет о крепиде в виде стенки высотой более сажени, от которой далеко вверх по склону насыпи поднималась мощная наброска из камней.

Обзор отчетов И.Е. Забелина дает следующее. Геремесов курган «у подошвы был обложен рядом камней в виде венца» (ДГС, II: 80). В Томаковской Близнице специально отмечено отсутствие каменного цоколя, в отличие от других скифских курганов, почему И.Е. Забелин предположил, что строительство кургана по каким-то причинам было не завершено [ДГС, II: 68]. Близница Слоновская «у подошвы по всей окружности ... также была окладена каменным цоколем» (ДГС, II: 65). Каменная Могила «по окружности от подошвы ... была также окладена, почти на 8 сажень шириною, большими нетесаными камнями» [ДГС, II: 65]. Краснокутский курган – «сплошь окладена камнями и вся окружность насыпи, по подошве и по скатам ее боков. Ширина этой кладки по скатам простиралась на 7 саж., а толщина ее доходила в иных местах до 1 саж.» [ДГС, II: 44]. На разрезах этих курганов все крепиды обозначены одинаково схематично, точно также, как и на Чертомлыке [ДГС, II: Атлас, листы А, В, С, D, E, F]. Таким образом, исходя из общей характеристики скифских курганов И.Е. Забелина и кратких описаний, во всех этих курганах вполне можно предполагать аналогичное с Чертомлыком устройство крепид. Как показывают современные исследования больших скифских курганов, это довольно распространенный тип скифской крепиды.

Знаменитый Александропольский курган окружала циклопическая крепида из гигантских плит в виде стены высотой в 2 саж. (более 4 м). Ее кладка была весьма плотной, но произведена небрежно. По свидетельству очевидцев, «в основании сего кургана лежали камни такой величины, что пятнадцать человек с трудом поднимали их с места». Кроме того, поверхность кургана покрывал каменный панцирь. Выходы гранита, преобладавшего среди камней, находились не ближе 18 верст от кургана. Объем камня, уложенного в кургане, трудно себе представить, поскольку за 30 лет добычи камня из кургана, производившейся местными крестьянами, было его вывезено до 500 куб. сажений (около 4800 м³), и при этом крепиды и панцирь к началу раскопок сохранили свою грандиозность. Хотя и трудно считать эту цифру реальной, все же она дает представление о масштабах конструкции [Бухтеев, 1852: 536–537; Извлечение, 1855: 51–52].

В Башмачке «основание второго пласта [насыпи. – П.С.] укреплено до высоты 1 саж. стенкой из валунов и колотых камней, нередко большой величины» [Спицын, 1901: 73].

В Чмыревой Могиле открыты остатки разрушенной крепиды, о типе которой нельзя сказать ничего определенного: «...встречались на разных горизонтах камни разных размеров. Некоторые из них представляли собой огромные неотесанные плиты, пудов до 6 весом. Порядка в их расположении не было: во всяком случае они не лежали сплошными рядами и не были сложены стенкой, а казались разбросанными в насыпи. Их было особенно много близ периферии основания кургана, чем ближе к центру и чем выше, тем камни встречались реже» [Браун, 1906: 98].

Описания крепид в курганах, исследованных Н.И. Веселовским, отличаются изрядным лаконизмом. В Шульговке «курган ... некогда был обнесен стеной из местного, известкового камня. Стена давно выбрана, но местами видно, где она находилась» [ОАК, 1889: 17]. Следы солидной крепиды, некогда представлявшей собой мощную стену, сооруженную «из известковых хорошо обделанных камней», полностью выбранной местными крестьянами на постройку, были обнаружены в Лемешевом кургане высотой 8,5 м [ОАК, 1911: 33]. В Верхнем Рогачике, «по рассказам местных жителей, курган был обнесен каменной стеной, которую они давно уже стали разбирать, как строительный материал» [ОАК, 1913–1915: 132]. Боль-

шой курган в Малой Лепетихе 1916 г. «в прежнее время обнесен был каменной стеной, от которой не осталось ни одного камня» [Латышев, 1926: 204]. Иногда о них вообще не сказано ни слова (Солоха, Огуз), иногда и о насыпи вообще нет упоминаний [Деев курган – ОАК, 1897: 31].

Несколько больше внимания уделено устройству крепид в курганах возле Малой Лепетихи, исследованных в 1915 г. В Большом кургане в Малой Лепетихе 1915 г. была обнаружена крепиды неясной конструкции – «камни были положены в нижней части насыпи на высоту 1,5 м, а кругом до 20 м в диаметре, не очень тщательно. Кроме того, над гробницами сверху насыпи на высоте 3,2 м от материка был ряд мелких камней». Кроме неясности описания, не сходятся и размеры. Крепиды кургана высотой 7,45 м не может иметь диаметр 20 м. Неопытен и слой камней над гробницами – панцирь по первичной насыпи? В Малом кургане № 3 по основанию находилось «каменное кольцеобразное ограждение из одного ряда камней, поставленных стоймя и немного углубленных в материк» [ОАК, 1913–1915: 136–138, рис. 223].

Из всего этого можно предполагать, что по крайней мере Шульговка, Лемешев курган, Верхний Рогачик, Малая Лепетиха 1916 г. имели крепиды в виде стенок, а курган № 3 возле той же Малой Лепетихи имел крепиды из вертикально вкопанных плит в один ряд.

В Огузе при доисследовании кургана в 1979–1981 гг. выяснилось, что за минувшие после раскопок Н.И. Веселовского годы почти вся крепиды была выбрана местными жителями на строительные нужды. На сохранившихся трех небольших участках общей протяженностью 32 м (из всей длины крепиды около 330 м) была обнаружена горизонтальная вымостка шириной до 5–7 м у основания кургана, выложенная из плит и камней в 2–3 слоя на высоту до 1,62 м. Внутренний край крепиды выложен из крупных плит размерами 1,5 × 1,2 м, образовавших некую систему кладки [Физалко, 1994: 124]. Конечно, это далеко не полная конструкция крепиды, а лишь остатки ее нижней части. Вероятно, большей была и высота вымостки и, скорее всего, ее дополняла каменная наброска, поднимавшаяся по склонам кургана, как это отмечено во многих больших курганах с крепидами.

В Чертомлыкe при его доисследовании в 1979–1985 гг. при изучении сохранившихся трех участков крепиды общей протяженностью

73,5 м были получены интереснейшие данные. Внешняя сторона крепида была сложена в виде опорной стены высотой до 2,5 м из горизонтально уложенных в 7–8 слоев плит длиной от 0,8 до 2,5 м. Плиты имели следы грубой подгонки. Пространство между стеной и насыпью кургана заполняла забутовка из камней, поднимавшаяся по склону кургана на высоту 2,6–2,8 м от уровня древнего горизонта. В стенке выделены так называемые «захватки» – участки крепида, которые строились последовательно, независимо друг от друга. Захватки имели различную длину в пределах 2,2–5,7 м. В захватках в кладке плит соблюдена система перевязки, между захватками в местах смыкания отмечены переломы [Чертомлык, 1991: 35–47]. Во времени доисследования крепиды сохранилась также в неполном виде. Вероятно, сохранившаяся максимальная высота внешней опорной стенки соответствует существовавшей во времена И.Б. Забелина. Но каменная наброска, которая, по его свидетельству, поднималась по склонам кургана на длину до 7 саженей и более, практически не сохранилась. При длине склонов Чертомлыка в 24–26 саженей курган был укрыт камнем более чем на четверть – до высоты свыше 5 м. Выявленные захватки позволяют понять технологию сооружения крепида. Строилась первая захватка опорной стенки и одновременно укладывались камни наброски в промежутки между стенкой и насыпью и далее на всю высоту по склону, вторая захватка – следующая порция наброски и т. д., по часовой стрелке до полного замыкания окружности крепида.

На Страшной Могиле, согласно описанию, курган окружала мощная крепиды из гранитных камней, среди которых изредка встречались известняковые. Диаметр кольца 48 м, высота кладки 2 м. Длина самых крупных камней достигала 2 м [Орджоникидзе, 1973: 133, рис. 17]. Крепиды здесь не изучались. «Высоту кладки» можно понимать как угодно. При зачистке остатков кургана в 1999 г. был обнаружен внешний край крепида шириной около 3 м в виде слоя толщиной 1 м, из гранитных и известняковых камней, уложенных на уровне древнего горизонта. Выше крепиды была уничтожена при планировке территории.

В 1-ом Мордвиновском кургане в 1914 г. было установлено, что «все сооружение от основания и до 6–8 сажен вверх по поверхности обложено широким кольцом каменной обкладки» [Макаренко, 1916: 271]. Документация

раскопок, которые должны были заложить основы новой методики раскопок скифских курганов, не сохранилась. При доисследовании кургана в 1970 г. был обнаружен небольшой участок в СВ поле кургана, состоявший из мелких и средних камней, уложенных плашмя полосой шириной 3 м. Как выяснилось, крепиды кургана была практически полностью разобрана в 1921–1923 гг., когда строилось соседнее с. Калиновка [Лесков, 1970: 1–2; *Дневник Лескова*, с. 4, 7].

2-й Мордвиновский курган по основанию был обложен камнями. Половина крепида состояла из крупных плит размерами до 1,1 x 0,6 м, лежавших наклонно на основании склона на ширину до 1,0 м и отчасти напользавших друг на друга. В восточной половине крепида крупные плиты встречались изредка и были дополнены или полностью заменены мелкими камнями 0,2–0,5 м в поперечнике, которые лежали наклонной полосой шириной до 1,5 м. Можно предполагать, что все плиты и камни были уложены полосой шириной около 2 м в один слой. Некоторое нагромождение, зафиксированное при раскопках, произошло в результате последующего сползания камней вниз по склону [Лесков, 1969: 84, кадры №№ 49–50, 99].

Курган № 29 у с. Вольная Украина высотой 2,3 м, сооруженный в один прием над единичным захоронением, был обнесен крепидой в виде наклонной стенки высотой 1 м. Наклон довольно значительный – диаметр крепида по низу составлял 32 м, поверху 30 м. Крепиды состояла из 5–12 слоев тонких, глицельно подобранных плит, очень плотно сложенных в перевязку. Вероятно, плоскости и внешние ребра плит были подтесаны. Длина плит до 1,0 м при ширине 0,5 м. В отдельных местах с внутренней стороны зазор между стенкой и насыпью был заполнен более мелкими плитками [Лесков, 1971: 65–66, кадр 110–118; 1974: 108].

Хомина Могила высотой 3,2 м была обнесена крепидой в виде каменной стенки высотой 1 м и шириной 1,5 м, сложенной из крупных глыб до 1 м в поперечнике. От нее выше по склону на 1,5 м поднималась каменная выкладка из мелких камней [Мозолевский, 1973: 208–209, рис. 21–23].

В Чабанцовой Могиле высотой 2,7 м основание кургана было обложено вымосткой из камней размерами 0,15–0,25 м (отдельные – 0,5–0,8 м) на ширину 2,5–3,5 м при толщине 0,25–0,5 м, поднимавшейся по склону до высо-

ты 1,6 м [Мозолевский, 1980: 82, рис. 15]. Обычно крепиду такого типа называют наброской. Здесь примечательно, то что В.Н. Мозолевский назвал ее вымосткой, что подчеркивает тщательный характер укладки камней в крепиде.

В 1-й Завадской Могиле высотой 4,5 м склоны насыпи были облицованы кольцом из камней шириной около 6 м. Камни в основном мелкие, самые крупные до 0,7 м в поперечнике. Облицовка поднималась до высоты 3 м. Размеры камней уменьшались кверху. Толщина кольца у подошвы достигала 1,0–1,2 м [Мозолевский, 1980-В: 88, рис. 25–26; 31–32]. На полевых чертежах на разрезах кургана с северной стороны, где курган сохранил свою крутизну и крепиды меньше подверглась разрушению в результате осыпания насыпи, ее окончание оформляли два крупных валуна по 0,5 м в поперечнике, установленные друг на друга, образуя вертикальный внешний обрыв крепиды высотой в 1 м [Мозолевский, 1973-Б: чертежи 4,5]. В.С. Ольховский определил крепиду этого кургана как наброску. Последняя деталь показывает, что крепиды здесь имели более сложное устройство – внешнюю опорную вертикальную стенку и поднимавшуюся от нее вверх по склону насыпи вымостку из камней.

2-я Завадская Могила высотой 1 м имела наклонную облицовку нижней части склонов из камней 0,4–0,8 м в поперечнике, поднимавшихся по склону на 3 м. Наибольшая толщина облицовки 0,75 м. Внизу размещались более крупные, выше – более мелкие камни [Мозолевский, 1980-В: 112, рис. 48]. На полевых чертежах в разрезе кургана видно, что края крепиды оформлены вертикально установленными плитами высотой 1,1–1,2 м [Мозолевский, 1973-Б: чертеж 10]. Здесь представлен несколько иной тип крепиды – облицовка внешней стороны рядом вертикальных плит с забутовкой между ними и насыпью, поднимавшейся вверх по склону.

В Западнобогдановской группе в кургане № 2 высотой 2,5 м насыпь окружена кольцом высотой 1,2 м из вертикально установленных крупных плит. Размеры плит – 1,0–3,0 м в длину. Наибольшая имела размеры 2,4 x 3,6 м. На отдельных плитах были заметны следы грубой обработки. Самые крупные плиты вкопаны в погребенный чернозем на 0,3–0,4 м. Зазоры между ними были заполнены мелкими камнями [Мозолевский, 1980-В: 153, рис. 89]. В.С. Ольховский считал, что здесь крепиды сложены на

глинистом растворе [Ольховский, 1991: 121], хотя об этом нигде не сказано ни слова и сам тип крепиды не предполагает возможности применения раствора.

В кургане № 9 у с. Васильевка в Николаевской обл. высотой 1,5 м крепиды состояла из четырех рядов плит, вкопанных на ребро. Высота крепиды 0,5 м, ширина 3 м [Гребенников, 1991: 117, рис. 1].

В Толстой Могиле в теле насыпи зафиксирован кромлех из двух рядов наклонно установленных плит до 0,5 м в поперечнике. Расстояние между рядами составляло 2,5 м. В южной части внешний кромлех состоял из двух, а внутренний – из трех ярусов плит, которые лежали один над другим, как будто они были уложены на склоне насыпи. На остальных участках прослежен только один ярус плит [Мозолевский, 1979: 16, 93, 151, рис. 2–3]. Нижние ярусы плит были установлены на древнем горизонте, без вкапывания в грунт, и в таком случае они могли выполнять только функции облицовки, что подтверждается и их зафиксированным наклонным положением. Если исходить из представления о одновременной насыпи Толстой Могилы, то наличие этих облицовок внутри кургана объяснить невозможно. Но поскольку есть все основания считать насыпь сооруженной как минимум в два приема, то наличие облицовки плитами края первичной насыпи выглядит вполне естественным. Об этом также свидетельствует то, что выкид из боковой гробницы лежал дугой вдоль внешнего ряда облицовки. Требуется дополнительное разъяснение наличие двух слоев облицовки. Достаточно большое расстояние между рядами плит говорит о том, что это две одновременные облицовки, связанные с досыпкой или досыпками первичной насыпи, которые и были обложены плитами по основанию.

В кургане № 13 высотой 4,5 м могильника Золотая Балка, сооруженном в два приема, обе насыпи имели крепиды. Крепиды первой насыпи представляла собой ряд наклонно установленных на древнем горизонте крупных (до 1 м в поперечнике) плит и выкладки из мелких камней (0,1–0,3 м в поперечнике), поднимавшейся выше по склону, общей шириной до 1,2 м. Вторая крепиды состояла из вертикально установленных плит высотой 0,8–1,0 м и забутовки из мелких камней между плитами и насыпью, поднимавшейся выше по склону на длину до 3 м. В ЮЗ секторе крепиды зафиксирован разрыв длиной 3 м [Кубышев, 1979: 133].

В том же могильнике в кургане № 15 высотой 6 м, сооруженном в 3 приема, крепиды сопровождали все три насыпи. Крепида первой насыпи была сооружена из кусков дёрна и имела вид террасы с наклонным внешним склоном и ровной горизонтальной площадкой сверху. Высота этой уникальной крепиды составила 1,5 м от уровня древнего горизонта при ширине площадки наверху до 1,0 м. Вторая и третья насыпи сопровождалась мощными каменными крепидами в виде стенок высотой 1,25 м и 0,75 м, сложенных из крупных плит до 1 м в поперечнике, уложенных горизонтально в перевязку, и забутовки из мелких камней, заполнявшей пространство между каменной стеной и основанием земляной насыпи до уровня внешней стенки [Кубышев, 1982: 158–159, 161].

В кургане Двугорбая Могила высотой 5 м отмечена достаточно мощная, в основном разрушенная, крепида шириной на уровне древнего горизонта 2–3 м, поднимавшаяся клиновидной вымосткой по склонам кургана на 6–7 м. В профилях № XVI и XIX мощные каменные вымостки толщиной до 1,0–1,4 м снаружи ограничивались плитами до 0,5–0,7 м высотой, вертикально установленными в ровике глубиной 0,2 м. По-видимому, крепида здесь имела вид мощной вымостки из мелких и средних камней, уложенной у подножья кургана и поднимавшейся вверх по его склонам, снаружи ограниченной рядом вертикально вкопанных плит. Кроме того, на расстоянии 3 м от кургана зафиксированы остатки разрушенного кромляха, состоящего из 2 или 3 рядов вертикально установленных плит [Привалова, 1982: 154–156, 159–160, рис. 3].

В кургане № 3 у с. Пески высотой 3,9 м крепида состояла из внешней стенки высотой до 1 м, сложенной из крупных, в основном оббитых и подтесанных плит, уложенных горизонтально в 3–4 слоя, с подкладкой мелких камней между ними для выравнивания, и забутовкой мелкими камнями до высоты стенки между стенкой и насыпью [Гребенников, 1987: 148].

В кургане № 3 у с. Дудчаны высотой 3 м мощная крепида, сложенная из мелких камней размерами 0,3–0,6 м в поперечнике, имела следующее устройство. На древнем горизонте у подножья кургана уложена вымостка шириной до 3 м и высотой до 1,5 м. Без всякого перехода крепида поднималась по склону клиновидной в разрезе вымосткой и, по-видимому, переходила в сплошную панцирь. Внешний

край крепиды очень сильно разрушен, в результате чего огромное количество камней перекрыло ров слоем около 0,5 м толщиной [Фридман, 1987: 159, рис. 2]. По-видимому, внешний край крепиды, установленной вплотную возле рва, был оформлен в виде достаточно высокой вертикальной стенки и в целом часть крепиды у подножья насыпи имела вид высокого плоского широкого цоколя. Если бы к внешнему краю слой камней крепиды опускался наклонно, не было бы столь мощного обвала камней в ров.

Курган № 1 в группе I у с. Первомайка высотой 1,8 м окружала мощная крепида высотой 1 м и шириной 4,5 м из уложенных в несколько слоев необработанных плит. Внешний край крепиды стоял на краю кольцевого рва, окружавшего курган, и ров наполовину заполнен камнями, упавшими с крепиды [Евдокимов, 1991-В: 75, рис. 1]. Скорее всего, ее внешний край был оформлен в виде вертикальной стенки, о чем свидетельствует значительная толщина крепиды и мощный обвал ее камней в ров.

Курган № 7 в группе III у с. Первомайка высотой 5 м опоясывала крепида аналогичного типа высотой до 1 м и шириной около 3 м. На разрезах кургана обозначены развалы из крупных плит, по-видимому, составлявших внешнюю опорную стенку, и каменная наброска из более мелких камней, поднимающаяся вверх по склону [Евдокимов, 1991-В: 81, рис. 7].

Курган № 4 высотой 2,5 м у г. Марганица в районе шахты № 4–7 окружала крепида в виде вертикальной стенки высотой до 1 м, сложенной из горизонтально уложенных плит [Елинова, 1985: 13, рис. 50–52, 60].

В Братолюбковском кургане 7 м высотой у с. Ольговка на Херсонщине обнаружено две крепиды. Что здесь любопытно в связи с крепидами Бабиной Могилы, обе крепиды на юге сливаются в одну [Кубышев, 1996: 133, Abb. 1].

В кургане № 18 у с. Львово высотой 3,0 м, сооруженном в 4 приема, 2 последних насыпи сопровождалась крепидами не установленного типа и панцирями [Кубышев, 1982-А: 132, рис. 1–2].

В кургане № 13 у с. Львово высотой 5,0 м прослежены 3 крепиды [Евдокимов, 1992-Б: 136–138, рис. 1–2]. Первая насыпь при небольшой высоте в 2,5 м имела весьма крутые склоны – под 45°. Крепида у ее основания представляла собой треугольную в разрезе наклонную подпорную стенку высотой до 1,0 м возле насыпи

и протяженностью до 1,8 м, сходящую на нет к внешнему краю. Сложена из плит длиной до 1,3 м и мелких камней. Крепида второй насыпи, намного более мощная, представляла собой опорную стенку с уступом, сложенную из камней мелких и средних размеров. Ее основание шириной до 3,5 м лежало на древнем горизонте. Внешний край оформлен в виде вертикального обреза высотой до 0,7 м. От середины длины основания камни крепида в виде наклонной стены шириной около 2 м плавно поднималась на склон на высоту до 1,5 м. Здесь зафиксировано интереснейшее явление. Вторая крепида на южном участке на протяжении 15 м не была достроена. Факт недостроенности второй крепида на первый взгляд представляется странным. Однако после открытия таких же фактов в Бабиной Могиле и Братолюбовском курганах, где вторые крепида на южных участках также не были достроены, а вместо этого сращены с крепидами первых насыпей, а также в кургане № 13 у с. Золотая Балка, где во второй крепиде в ЮЗ секторе также имелся недостроенный участок, такие факты составляют определенную серию, хотя и не имеют пока должного объяснения. Последняя третья крепида, перекрытая тонким слоем грунта, во многих местах разрушена при добыче камня крестьянами. Тем не менее, концентрация мелких камней, уложенных у подножия кургана в 2–3 слоя на ширину до 2 м, указывает на то, что камни образовывали широкий низкий плоский цоколь высотой более 0,6 м.

В кургане Каменская Близница крепида, сохранившаяся в целом виде лишь на коротеньком участке, имела вид вертикальной стенки высотой 1 м и шириной 1,4 м, сложенной из крупных известняковых плит. Пространство между стеной и насыпью было забутовано камнями меньших размеров таким образом, что по основанию кургана образовался горизонтальный цоколь шириной 2,1 м и высотой 1,2 м с учетом подстилавшего материкового выкида [Андросов, 1987: 57, рис. 2].

Имеется еще ряд скифских курганов с разрушенными крепидами информация о которых ограничивается фиксацией их наличия и схематическим изображением на общих планах и разрезах (Бердянский курган и др.). Анализ привлеченной информации показывает, что устройству крепида при исследовании уделяется мало внимания. Специально крепида по всей площади исследовались всего в нескольких случаях: Гайманова Могила, Чабанцова Моги-

ла, Вольная Украина курган № 29, Чертомлык. Следует отметить, что исследование такого рода эффективно только в курганах с одной крепидой. В курганах с несколькими крепидами, тем более с панцирем, эффективным может быть только исследование крепида в процессе исследования кургана возможно большим числом траншей для получения максимального числа разрезов.

Как показывает опыт современных раскопок, в больших курганах крепида очень редко бывает разрушена полностью. Разная степень разрушения крепида была зафиксирована в Желтокаменке (полностью), Водяной (значительная), Бабиной могилах (сильно пострадала последняя крепида, однако в отдельных местах возможно определение ее типа), Чертомлыке (уничтожена на большей части протяжения, однако сохранился участок, позволивший реконструировать ее тип, уничтожена каменная наброска выше крепида на склонах насыпи), Золотобалковских (частичная выборка) и многих других курганах. Однако в большинстве случаев при наличии нескольких разрезов обнаруживаются отдельные участки, сохранившие изначальную конструкцию. Для полноты информации дополнительно необходимо исследовать в плане боковые периферийные участки крепида.

По имеющимся данным, уверенно выделяется несколько типов скифских крепида. Первый тип: ряд вертикально вкопанных плит, являющихся своеобразной оградой. Второй: облицовка нижней части кургана рядом уложенных на склон плит, иногда дополняемых вверх по склону еще и мелкими камнями. Третий: короткая стенка-упор, треугольная в разрезе, обращенная меньшим основанием к насыпи, сходящая на нет к внешнему краю. Четвертый: снаружи установлены вертикально плиты (вкопанные или установленные на древний горизонт), опирающиеся на внутреннюю стенку из плит и или забутовку из мелких камней вровень с плитами, или поднимающуюся по склонам кургана. Пятый: крепида выстроена из мелких камней, с внешней стороны образующих вертикальный срез. Имеет вид плоского цоколя, возвышающегося над уровнем земли, иногда дополняемого вымосткой камней, поднимающейся по склонам кургана. Этот тип крепида хуже всего фиксируется, поскольку внешние края крепида из мелкого камня наиболее интенсивно разрушаются оплывами насыпей. Именно этот тип крепида археологи

принимают за «наброску». Шестой: стенка, выложенная из горизонтально уложенных плит, с забутовкой между ней и насыпью, чаще всего поднимающейся вверх по склону в виде наброски. Седьмой: обкладка камнями различных форм и размеров в один слой. Последний тип характерен для мелких курганов.

По имеющимся данным, нельзя согласиться с утверждением В.С. Ольховского, что большинство крепид имело вид каменной наброски. Это совершенно не так в отношении больших курганов. Делать же такие выводы на основании раскопок мелких курганов, где крепиды полностью или в большей мере разрушены вспашкой и выборками камней и от них сохраняется в лучшем случае самый нижний слой, некорректно. Чаще всего здесь фиксируются развалы, или остатки развалов, перемещенные плугом, которые и выглядят как хаотические наброски. Но ведь это не значит, что они так-то создавались изначально. Приведенные данные показывают, что во всех случаях, где так называемая наброска¹⁷ имеет какую-то толщину, где камни уложены более чем в один слой, можно уверенно предполагать оформление внешнего края крепиды в виде вертикального обреза, цоколя или оклада, приподнятого над поверхностью, как это описывал И.Е. Забелин. И в случаях, когда действительно прослеживается однослойность каменных крепид в малых скифских курганах, видимо, правильнее называть их обкладками или облицовками, а не набросками.

На этом фоне три мощных крепиды, обнаруженные в Бабиной Могиле, не говоря уже о панцире, выглядят достаточно необычно для Скифии. Впервые три крепиды в скифском кургане отметил В.И. Видиля в Гаймановой Могиле, где они, в отличие от Бабиной Могилы, наслаивались друг на друга по вертикали [Видиля, 1969–1970:13–18]. Существенно дополняют эту серию курган № 13 у с. Львово и Вратолюбовский курган.

4.11. ПОМИНАЛЬНЫЕ ПРИНОШЕНИЯ, ТРИЗНЫ И СОПРОВОЖДАЮЩИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ

В курганах скифской высшей знати захоронения знатных лиц часто сопровождалось захоронениями зависимых лиц, а также и лошадей. Во время отправления погребального ритуала и следовавшего за ним строительства курганной насыпи и ее крепиды нередко совершались различные приношения в самых различных местах кургана. Окончание строительства кургана завершалось отправлением общей тризны. Все эти элементы присутствуют и в наших курганах.

Остатки тризны в Водяной Могиле в виде фрагментов амфор и костей животных были обнаружены во рву, а также на пахотном поле с внешней стороны СЗ участка рва. Найденные фрагменты происходят не менее чем от 32 амфор, изготовленных в 6 центрах. Кости животных принадлежали 34 особям лошадей, 7 особям крупного рогатого скота, 2 – овцы, 1 – благородного оленя. Кроме того, вместе с костями и амфорным боем довольно часто встречались обкатанная известняковая галька, безусловно, речного происхождения.

В Бабиной Могиле остатки тризны и связанные с ней поминальные приношения представлены в значительно большем объеме. Здесь прослеживается несколько последовательных тризн, связанных с разными захоронениями.

С женской гробницей № 1 и сооруженным над нею первичным курганом связаны находки более 50 фрагментов стенок амфор в первичной насыпи перед крепидой № 1 в 1 м выше древней дневной поверхности, среди камней крепиды № 1 в ЮЗ секторе, а также с западной стороны крепиды № 1, под выкидом из погребения № 2. Скопление украшений погребального кортежа, состоявшее из двух бронзовых нагвеший, более 50 круглых и ромбических бронзовых нашивных блях, мелких обломков железных изделий, размещалось, по-видимому, на поверхности первичной насыпи.

Мощный комплекс остатков тризны и поминальных приношений связан с последующей в кургане гробницей № 2. Большинство находок обнаружено во рву, а часть между рвом и последней крепидой в западной части кургана, а также за пределами рва к западу от него. Всего в составе тризны найдены фрагменты 91–93 амфор, произведенных в 5 центрах. Кроме того, найдены фрагменты чернолакового сосуда

¹⁷ Этот термин употребляется исключительно условно, потому что никогда камни не набрасывались хаотически, а всегда целенаправленно укладывались в определенном порядке.

неустановленной формы и большой чернолаковой пиксиды, каменный терочник, фрагмент каменного блюда, скопление украшений погребальной повозки, включавший более 430 бронзовых блях различной формы, набор бронзовых уздечных украшений, более 30 мелких известняковых галек, обкатанных водой. По костям животных установлено наличие останков 35 особей лошадей, 3 особей крупного рогатого скота, 13 овец, 1 собаки, 4 благородных оленей и 5 диких кабанов. Особого внимания заслуживает находка среди костных остатков тризны плечевой кости руки человека.

С наиболее поздней в кургане гробницей № 3 связана находка около 10 фрагментов стенок амфор в оплыве кургана в СВ секторе, напротив входной ямы этого захоронения.

В Соболевой Могиле остатки тризны размещались во рву. Часть фрагментов амфор была уложена в вымоетку над сопровождающим погребением № 8. Фрагменты амфор происходят не менее чем от 24 сосудов производства 5 различных центров. Кости животных из тризны принадлежат следующим видам: бык домашний – 1 взрослая особь, лошадь – 1 молодая и 6 взрослых особей, овца – 1 взрослая, собака – 1 взрослая, дикий кабан – 3 полу-взрослых особи.

Остатки поминальных тризн и различные приношения обнаружены в подавляющем большинстве скифских курганов, не только «царских», но и рядовых. Для последних характерна скромность масштабов – всего несколько фрагментов амфор, лепной керамики, небольшое количество костей животных (1–3 особи), изредка вещи: обломки каменных блюд, оселков, наконечники стрел, предметы узды, пращевые камни и проч. Для нескольких рядовых курганов Никопольского курганного поля В.И. Цалкин установил, что кости одних и тех же особей животных встречены и в остатках тризны, и в могилах при погребенных в качестве заупокойной пищи. Чаще всего в рядовых курганах остатки тризны размещаются в кольцевых рвах у одного из проходов. Изредка отдельные находки встречаются на подкурганной поверхности вблизи погребений или в толще насыпи. По наблюдениям В.Н. Гракова, на Никопольском курганном поле тризна в курганах помещалась в направлении ориентации головы погребенного в могиле: при западной – в западной, при северной, соответственно, в северной поле кургана [Граков, 1962: 82].

Картина резко меняется в курганах более замкнутого населения. Уже в отдельных курганах высотой 1–2 м остатки тризн иногда бывают значительными и разнообразными по составу. Так, в кургане № 1 у с. Владимировка в Приазовье во рву найдены кости 9 лошадей, 2 быков, волка, собаки и дикого кабана, обломки каменного блюда, фрагменты 6 амфор, развалы 6 больших лепных сосудов. Возле центральной могилы найдены уздечная бляха, кусок минерала оранжево-красного цвета и железные пружинные шипцы [Полин, 1997: 20–21, 61]. В кургане № 8 у станции Чертомлык, первоначально достигавшего высоты 2–3 м, во рву найдены остатки 34 амфор, из них 13 развалов полных форм, чернолаковый килико-каффар, обломки каменного блюда, пращевой камень, наконечник стрелы и многочисленные кости животных [Полин, 1994-В: 56].

Особенно пышными тризны и поминальные приношения бывают в курганах высшей скифской знати и в «царских» курганах. Размещение в последних самое разнообразное – в толще насыпи, на подкурганной поверхности, в крепиде, во рву.

В Александропольском кургане близ вершины кургана недалеко от поверхности найдены обломки бронзовой чашечки и железный наконечник копья. В разных частях насыпи, прежде всего между камнями крепиды и под ними, встречались кости лошади, быка, овцы, обломки амфор и лепных сосудов. Особенно много подобных находок отмечено в западной части кургана. Здесь же, в яме, заложенной камнями, найдено изображение собаки, изготовленное из песчаника.

С южной стороны крестьяне при добыче камня из крепиды кургана (собственно, эти находки и привлекли внимание археологов к кургану) нашли скопление украшений погребального кортежа, среди которых 3 бронзовых навершия, различные золотые и серебряные изделия в зверином стиле. Здесь же, уже при раскопках, найдены бронзовые бляхи и пластины в виде фигуры быка, какое-то зубчатое золотое украшение с отверстиями по краям, бронзовые бляхи и колокольчик, звездочки со следами позолоты, 20 пронизей, напизанных на ремешок, 3 изображения головок фантастических животных. Подобные вещи встречались и в восточной поле – около 20 различной формы и величины серебряных и бронзовых пластинок (гладких, с растительным и геометрическим орнаментом, частью обтянутых золотым листом).

Борис Николаевич Мозолевский
на раскопках Чертомлыка в 1981 г.

1

2

3

4

Табл. 2. 1 – Водяна Могила. Профиль кургана № 2;
 2 – Водяна Могила. Расположение удачных украшений на головах коней
 в конском захоронении (погребение № 2); 3, 4 – каменный менгир

1

2

Табл. 3. 1 – Бабиня Могила. Начало раскопок;
2 – Бабиня Могила. Профиль № 2. Южная часть. Вид с востока

1

2

Табл. 3. 1 – Бабина Могила. Начало раскопок;
2 – Бабина Могила. Профиль № 2. Южная часть. Вид с востока

1

2

Табл. 4. 1 – Бабина Могила. Профиль № 2. Северная часть. Вид с востока;
2 – Бабина Могила. Профиль № 2. Северная часть. Вид с запада

1

2

3

Табл. 5. 1 – Бабица Могила. Профиль № 3. Южная часть. Вид с запада;
2 – Бабица Могила. Гробница № 2. Захоронение лошадей. Одный вид;
3 – Бабица Могила. Гробница № 2. Захоронение лошадей. Голова коня № 2

1

2

3

4

Табл. 6. 1 – Бабина Могила. Гробница № 2. Захоронение лошадей. Голова коня № 1;
 2 – Бабина Могила. Захоронение лошадей. Ковш № 1. Налобник с изображением отдыхающего
 Геракла (серебро с позолотой); 3 – Бабина Могила. Гробница № 2. Пластина от головного убора
 с изображением нимфы (золото); 4 – Бабина Могила. Захоронение лошадей. Ковш № 2.
 Нащечник с изображением змееной богини (серебро)

1

2

3

4

Табл. 7. 1-4 - Бабина Могила. Захоронение лошадей. Конь № 1.
Удечные бляхи с изображением старого (1-2) и молодого (3-4) сатиров
(серебро с позолотой)

1

3

2

4

Табл. 8. Бабина Могила. Захоронение лошадей. Уздечные украшения.

1 – бляшка в виде Зеева перуна; 2 – бляшки с изображением головки амазонки;
3 – бляшка с изображением поединка Геракла с цербером; 4 – бляшка с изображением поединка
Геракла с немейским львом (серебро с позолотой, серебро) (1, 2 – конь № 1; 3, 4 – конь № 2)

1

2

3

4

Табл. 9. Бабина Могила. Коль № 2. Части составного налобника.
1, 2 – пластина с изображением крылатой Ники (1 – до реставрации, 2 – после реставрации);
4 – пластина с изображением Зевса или Диониса;
Александрополь: 3 – конский налобник [ДГС II: Атлас, табл. XIV, 5] (серебро)

1

2

3

4

Табл. 10. 1-4 - Бабина Могила. Коль № 2.
Уздечные бляхи с изображением Скиллы (серебро)

Табл. 11. Бабина Могила. Копь № 2. Украшения уздечных ремней.
Бляшки с изображением маски льва (1), Геракла (2), Медузы Горгоны (3) (серебро)

Табл. 12. Бабиня Могила. Гробницы № 1-3. Типы золотых бляшек

1

2

3

4

Табл 13. Соболева Могила. Погребение № 2.

1 – общий вид; 2-4 – детали погребения

Табл. 14. Соболева Могила. Погребение № 2.
 1 – гривна; 2 – наконечники гривны; 3 – серьга;
 4 – обмотка рукоятки нагайки; 5 – браслеты (золото)

1

2

Табл. 15. Соболева Могила. Погребение № 2.
1, 2 – кубок (серебро с позолотой)

Табл. 16. Соболева Могила. Погребение № 2. Горит. Расположение пластин покрытия

Табл. 17. Соболева Могила. Погребение № 2. Детали горита.
 1 – пластины оформления левой стороны горита; 2 – бляшки с изображением пальметок всех типов; 3 – пластина с изображением жреца; 4 – квадратные пластины с изображением пальметок; 5 – пластина с антропоморфными выступами (золото)

Табл. 18. Соболева Могила. Погребение № 2.

- 1 – деталь горита – пластина с двумя шагающими крылатыми драконами;
 2 – накладка на рукоять лука; 3 – накладки на деревянную чашу; 4 – перстни;
 5 – нашивные бляшки одежды (золото)

Табл. 19. Соболева Могила.
Погребение № 2. Меч.
(железо, золото, серебро)

1

2

4

2

4

Табл. 20. Соболева Могила. Ритон.
(серебро, золото)

1

2

3

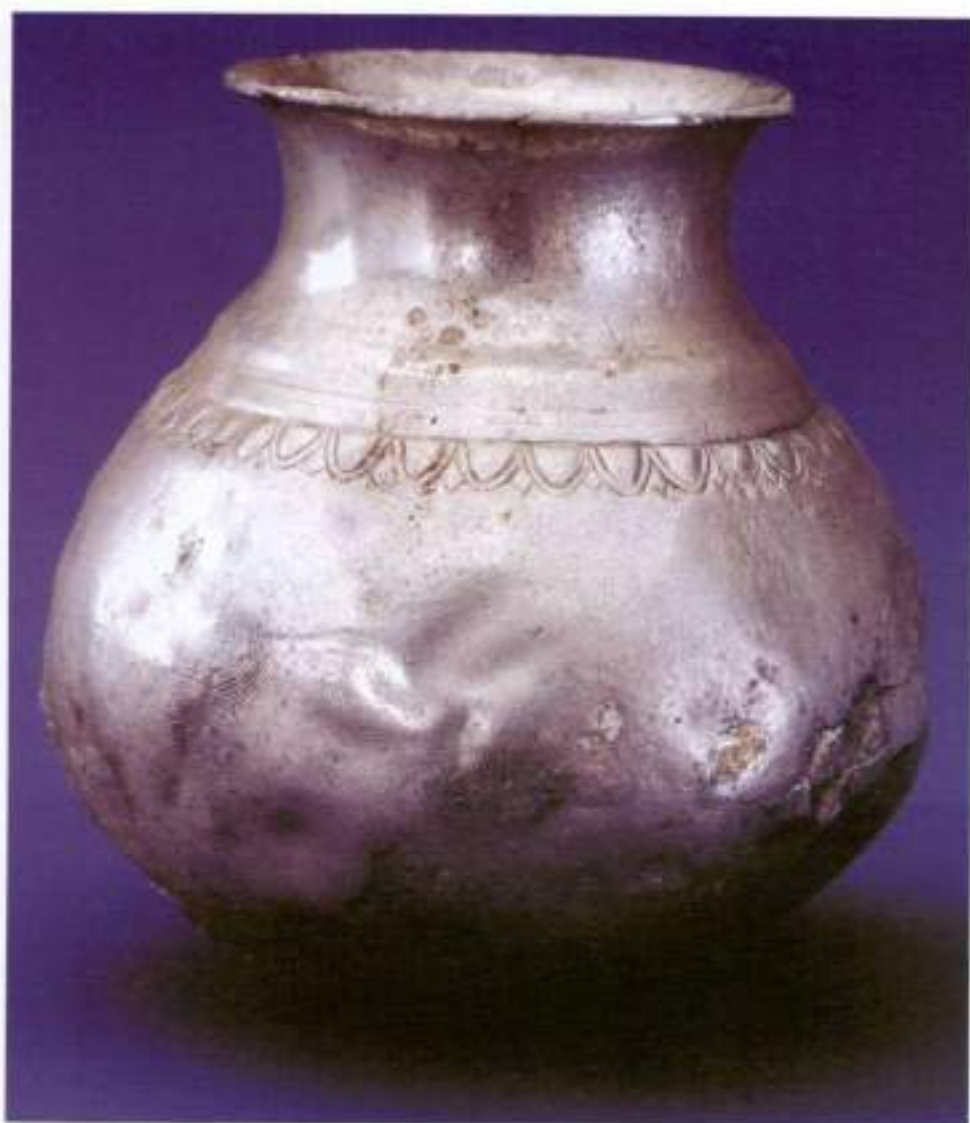

4

5

Табл. 21. Соболева Могила. Погребение № 2: 2 – килик. Погребение № 3. Вещи из тейшиков: 1 – килик; 3–5 – уздечные украшения (серебро).

1

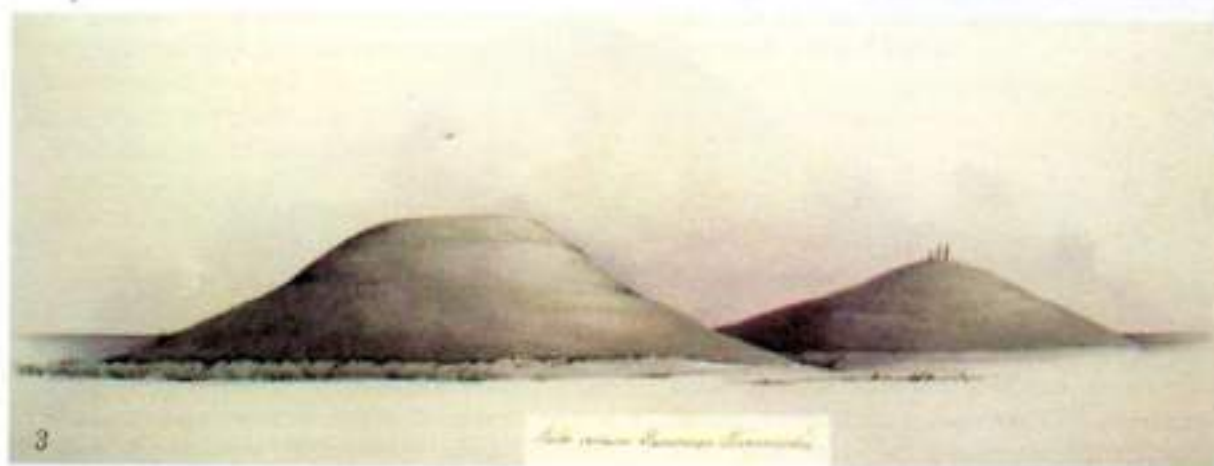

2

3

Табл. 22. Соболева Могила. Погребение № 6.
1 – кубок (серебро); 2 – гривна; 3 – серьга (золото)

· Табл. 23. 1 – Александропольский курган;
2 – Близницы Слоновские; 3 – Близницы Томаковские

Табл. 24. 1 – Каменная Могилы; 2 – Толстая Могилы у с. Беленькое;
3 – Томаковская Острая Могилы

том), 2 пронизы и 55 бронзовых наконечников стрел. Скопление металлических шин и боковых накладок от неизвестного количества колес «весом до 5 пудов» было найдено в насыпи кургана, в центре, на высоте до 4 саженей от основания кургана совместно с 6 навершиями и прочими многочисленными украшениями погребальной повозки. В северной части кургана, в 2 саженях от основания, найдено скопление вещей, среди которых толстое железное кольцо, обтянутое золотом, несколько серебряных колечек и черпак, золотые обкладки деревянных сосудов с изображениями животных [Издечение, 1855: 53–65; ДГС, I: 2–7, 14, 21–22; Лазаревский, 1894: 26–29]. К сожалению, остался неисследованным ров, где, как показывает опыт раскопок больших скифских курганов, скопления остатков тризны бывают особенно интенсивными, а также вал, окружавшие курган.

В Чертомлыкском поминальном приношении начали встречаться в верхней части насыпи, на глубине 1,0 м от вершины, где найдены обломки амфор и несколько уздечных наборов. На глубине 6,5 м в центре кургана была обнаружена куча бронзовых, железных, золотых и серебряных изделий, среди которых 10 бронзовых наверший, многочисленные бронзовые уздечные наборы, около 250 железных удила, около 300 наконечников стрел, конский нагрудный убор, бляхи-украшения погребального кортежа, серебряные бляхи и золотые ажурные пластины. Отдельные находки обломков амфор, бронзовых наконечников стрел, железных удила и проч. встречались и при дальнейшем исследовании насыпи вплоть до подошвы кургана. В западной части на подкурганной поверхности найден костяк взызданного коня. Многочисленные остатки тризны встречались между камнями крениды, а также с ее внешней стороны, где найдены кости лошадей, железные удила, наконечник стрелы, многочисленные обломки амфор. Под СЗ частью крениды на подкурганной поверхности полосой, протяженностью свыше 14 м и шириной больше 1 м, залегало скопление обломков амфор и костей коня. В районе СЗ участка крениды на подкурганной поверхности найдено 6 скоплений раздавленных амфор общим числом 37 сосудов, вкопанных в землю, а также многочисленные единичные фрагменты. В общей сложности при доисследовании в 1979–1985 гг. были обнаружены остатки 112 амфор [Палин, 1991: 365]. Однако это лишь какая-то часть общего

количества амфор, которое сейчас определить невозможно, поскольку ничего неизвестно об огромном количестве подобных находок И.Е. Забелина. Вдоль ЮЗ участка крениды найдены разрозненные человеческие кости [ДГС, II: 74–118; Чертомлык, 1991: 48–54].

В Краснокутском кургане на уровне древнего горизонта у восточного прохода в кольцо материкового выкида из центральной гробницы двумя кучами были уложены обломки металлических деталей двух четырехколесных повозок, 10 наверший, свыше 80 уздечек, около 800 бронзовых нашивных блях погребального кортежа, 54 наконечника стрел. Между камнями крениды в западной части найдены обломки 3 удила, горло амфоры с ручками, а в восточной части – 25 наконечников стрел [ДГС, II: 43–47; Мелюкова, 1981: 18, сл.].

В Толстой Могиле у г. Орджоникидзе на выкиде из боковой железной гробницы находилось скопление украшений погребального кортежа из 6 бронзовых наверший и около 400 бронзовых блях, колокольчиков, пронизей и колечек, нахрапников, нащечников, уздечных блях-фаларов и ворварок, а также многочисленные железные удила с псалями. К восточному проходу во рву, с внутренней стороны, примыкала площадка размерами 6 x 36 м, устланная слоем обломков амфор и костей животных. 13 ножек амфор были вкопаны в грунт. Основная масса остатков тризны была сосредоточена во рву, где они группировались в 11 скоплениях. Здесь обнаружены большое количество обломков амфор (из них 24 ножки), 3 пращевых камня, бронзовая пуговица или ворварка, железные удила с псалями, большое количество костей домашних и диких животных. Половина рва уходила под железную дорогу и осталась неисследованной [Мозолевский, 1979: 17–25].

Здесь обнаружены останки 35 особей домашней лошади, 14 – дикой свиньи и 2 – благородного оленя. Лошадь представлена черепами и всеми костями посткраниального скелета, дикие виды – только черепами. Кости лошади концентрировались в скоплениях северного сектора рва, а черепа дикой свиньи и оленя – в ЮВ части. Скопления с основной массой черепов лошадей примыкали к площадке с остатками тризны. Все эти находки являются не только остатками пиршества, но и специальным обрядовым захоронением костей животных во время ритуальной поминальной тризны. Вотинность захоронения остатков животных,

съеденных на этом пиршестве, подтверждается положением в ров черепов животных и особенно выборочностью использованных видов. Так, из домашних животных во рву найдены только останки лошади, в то время как в погребениях кургана в составе напутственной пищи находились части разных видов домашних животных – лошади, овцы, козы. В погребальном ритуале Толстой Могилы не использовался домашний бык, широко применявшийся в хозяйстве скифов, что, по мнению В.И. Бибикиной, отражает специфику идеологических воззрений скифов царских. Лошадь у степных народов не только широко употреблялась в пищу, но и была основным жертвенным животным. Основную массу забитых лошадей в тризне составляли животные от 4 до 15 лет (21 особь), молодые животные 3–4 лет (8 ос.), старше 15 лет (6 ос.). Лошади из тризны относятся к малорослым и среднерослым по классификации В.О. Витта (III и II группы), составлявших основную массу конского поголовья у скифов. Среди остатков дикой свиньи 6 поросят 1,5–2,5 лет и 8 взрослых животных 3,5 лет и старше. Из 14 особей дикой свиньи 7 принадлежит самцам, пол остальных не установлен. Благородный олень представлен одним молодым животным полутора лет и одним взрослым самцом. В.И. Бибикина пришла к выводу о том, что отмеченная повторяемость скопления костей соответствует группировкам участников поминальной тризны. Концентрация черепов лошадей в одних скоплениях, а дикой свиньи и оленя в других, отражает, скорее всего, социальное размещение или сгруппированность участников тризны. Дичь могла предназначаться для лиц более высокого социального положения, тогда как мясо коня, обычная повседневная пища, предназначалось для рядовых участников ритуала. В то же время в царские могилы кургана в виде напутственной пищи было положено мясо молодых животных. Для массового же поминального потребления забивались лошади различных возрастов, в том числе и старые. Кости съеденных животных, уложенные во рву, являлись жертвенными атрибутами, связанными с культом плодородия, возрождения. По подсчетам вес съеденного мяса составлял около 6500 кг, на основании чего предполагается 2500–3000 участников поминальной тризны [Бибикина, 1973: 64–68; Мозолевский, 1979: 167].

Близкая по характеру ситуация, но в значительно меньших масштабах, была зафиксиро-

рована в Желтокаменке. Отдельные фрагменты амфор встречались среди камней крепиды, но основная масса остатков тризны в виде костей животных и обломков амфор была сосредоточена во рву в 4 различной мощности скоплениях, расположенных по обе стороны от ЮЗ прохода во рву. На ЮЗ участке рва открыты 2 конских скелета, лежавших в анатомическом порядке. На остальном протяжении рва встречались лишь отдельные кости и черепки. Около 20% рва осталось неисследованным. Значительная масса фрагментов амфор располагалась к западу от кургана за пределами рва [Мозолевский, 1982: 180, 185–188].

Во рву кургана Каменная Близица остатки тризны были сгруппированы в 7 мелких скоплениях, в которых обнаружено 159 костей животных, среди которых присутствовали 5 черепов лошадей [Алдронов, 1987: 59–60, рис. 1].

Вывод В.И. Бибикиной о неслучайности отсутствия быка в тризне царского кургана Толстая Могила может считаться предположительным, поскольку исследована только половина рва кургана. Отсутствие костей быка в насыпи и крепиде Чертомлыка при доисследовании 1979–1985 гг. также ничего не доказывает, поскольку нет данных о находках И.Е. Забелина. Зато во входной яме впускной Северной Могилы присутствовали кости 5 особей быка, а, кроме того, в тризне кургана и непосредственно в Северной Могиле найдены кости домашней свиньи [Журавлев, 1991: 348–351, таблица 1], что еще менее согласуется со «спецификой идеологических воззрений скифов царских». По данным Н.А. Гаврилюк, полученным при исследовании нижнеднепровских поселений, в конце V–IV вв. до н. э. в среде степных скифов преобладал крупный рогатый скот [Гаврилюк, 1992: табл. 3; 1995: 53]. По материалам степных курганов, бык занимает традиционное третье место и его доля составляет 23,8% [Гаврилюк, 1987: 27, табл. 1].

По Никопольскому курганному полю имеется 69 определений костей животных из насыпей курганов, рвов и погребений. Из них: лошадь – 47; овца – 19; корова – 9; заяц – 1; дикий кабан – 1. В некоторых курганах определено по 2–3 вида животных. В тризнах, как правило, выявлено по 2–3 особи лошадей. В одном случае упомянута чешуя окуня [Браунер, б/г; Пидопличко, б/г; Громова, б/г; Грехов, 1962: 58–82].

Для курганов, исследованных в окружении Чертомлыка, определены следующие виды:

30 особей лошади, 10 – овцы и овцы/козы, 11 – быка, 1 – оленя, 1 кабана [Журавлев, 1991: 348–351].

Все эти данные свидетельствуют о наличии крупного рогатого скота в стаде степных скифов V–IV вв. до н. э. В.И. Цалкин отмечал для раннего железного века повсеместное падение в составе стада численности крупного рогатого скота, как в степной, так и в лесостепной зонах Восточной Европы, выход на первые позиции других видов животных [Цалкин, 1971: 14].

Можно сравнить масштабы тризны в Толстой Могиле и в наших курганах на основе примерных подсчетов количества съеденного мяса и выпитого вина и приблизительного числа их участников. К сожалению, сравнение будет неполным, поскольку для Толстой Могилы не делались подсчеты амфор, обнаруженных в тризне. На основании расчетных данных В.И. Бибиковой, а также справочной литературы рассчитан убойный вес животных, съеденных при отправлении тризны¹⁰. Средние значения емкости типов амфор, обнаруженных среди остатков тризны наших курганов, вычислены на основании данных И.В. Брагинского [1984: 198–199] и С.Ю. Монахова [1990: 597–624]¹¹. Разумеется, полученные цифры могут рассматриваться только как минимальные, поскольку остатки тризны дошли до нас далеко не в полном составе.

Подсчеты на основе этих данных дают следующие цифры. В Водяной Могиле при отправлении тризны было съедено 6960 кг мяса и выпито 524 л вина. В Бабиной Могиле – съедено 7240 кг мяса и выпито 1263–1290 л вина. В Соболевой Могиле съедено 1490 кг мяса и выпито 321,7 л вина. Число участников в тризнах определится следующим образом. Водяна Могила – в пределах 1392–2320 чел.,

Бабина Могила – от 1448 до 2413 чел., Соболева Могила – от 298 до 497 чел. При том, что Соболева Могила не намного уступает по габаритам Бабиной и Водяной могилам, на порядок меньшее число участников тризны и, соответственно, строительства кургана можно объяснить отсутствием каменных конструкций в кургане. По-видимому, ломка и сбор камня в речных долинах, а в особенности его транспортировка, даже на небольшое расстояние – до 10 км, но с достаточно крутыми подъемами, требовали наибольших трудовых затрат, как людских, так и транспортных. В отличие от нарезки дерева, осуществлявшейся рядом с курганом.

Для сравнения можно привести подсчеты по малым курганам, в которых были захоронены представители зажиточной прослойки скифов. В кургане № 1 у с. Владимировка в Приазовье, достигавшего в древности высоты до 3 м, во рву найдены кости 9 лошадей, 2 быков, волка, собаки и дикого кабана, обломки каменного блюда, фрагменты 6 амфор, развалы 6 больших лепных сосудов. Подсчет веса съеденного мяса по принятым значениям дает около 1960 кг. Подсчет количества участников тризны – от 392 до 653 чел.

В кургане № 15 у г. Орджоникидзе в остатках тризны найдены кости лошади – 1 взрослой и 1 полувзрослой особей, дикого кабана – 1 взрослой и 1 полукарослой ос., оленя благородного – 1 ос., косули – 1 ос., лисы – 1 ос. Подсчет съеденного мяса дает около 440 кг, что соответствует 104–173 чел. участников тризны.

Последние подсчеты дают неожиданный результат. Совершенно очевидно, что такого количества людей для строительства этих курганов не требовалось. Объем всех земляных работ на кургане № 15 у г. Орджоникидзе не превышал 230 м³ грунта, около 600 м³ он составлял и на кургане № 1 у Владимировки. Поэтому нельзя ставить знак равенства между количеством участников тризны и числом строителей кургана. Вероятно, этот вывод справедлив и для больших курганов, но проверить это можно только при знании производительности скифских орудий труда. Особенно значительное количество людей во Владимировке может отражать региональные особенности. В приморской полосе Днепро-Молочанского междуречья, где он расположен, отсутствуют большие скифские курганы и самые крупные из них имеют 1,5–3 м высоты. По-видимому, сюда, в наиболее безводные районы степи, вытеснялись беднейшие скифские кочевые группы. И именно эти курганы являлись местами

¹⁰ Поскольку известно, что в скифское время размеры домашних животных были относительно велики [Цалкин, 1971: 14], для расчетов взяты минимальные значения живого веса домашних животных и на основе существующих коэффициентов рассчитан их убойный вес [Бибикова, 1973: 67; Лыскун, 1949: 160, 168, 208, 274, 297; Литвяченко, 1979: 73]. Приняты следующие значения веса туши: лошадь – 160 кг, крупный рогатый скот – 200 кг, овца – 10 кг, благородный олень – 100 кг, дикий кабан – 100 кг, собака – 10 кг.

¹¹ Приняты следующие значения средней емкости амфор: с ромкообразной вошкой (Менда) – 13,3 л, типа Салуха II (Пепарет) – 16,95 л, Фисос – 10,55 л, Хаю (копачковое) – 22,5 л, амфоры типа Салуха I – 35,95 л, Синопс – 19,7 л, Гераклея – 10,5 л. Для неизвестных центров взято минимальное значение из этой серии – 10,5 л.

упокоения местной скифской знати относительно высокого ранга, что несомненно имело повышенный общественный резонанс.

Особый интерес вызывают находки среди остатков тризи скифских курганов разрозненных человеческих костей, которые совершенно правомерно рассматривать в качестве остатков ритуальных человеческих жертвоприношений. Имело ли при этом место ритуальное людоедство, остается только гадать.

Плечевая кость руки обнаружена во рву Бабиной Могилы среди прочих находок. В погребении № 2 Соболевой могилы в кучке нарубленных костей присутствовал обрубок по крайней мере одной кости ноги человека. В Каменской Близнице во рву кургана найдена плечевая кость руки человека. Воле западного прохода во рву, в основном, с внешней стороны, на площади 24 x 6 м располагалось скопление остатков тризны, где среди костей животных и обломков амфор обнаружены остатки вытянутого на спине скелета ребенка головой на ЮЗ [Андросов, 1987: 59]. В кургане № 13 могильника Золотая Балка на южном участке рва, частично его накрывая, лежали остатки вытянутого скелета, ориентированного на СВ. Связь его с курганом неясна, и не исключен более поздний возраст захоронения [Кубышев, 1979: 134]. В Чертомлыкe на различных участках крениды найдены разрозненные человеческие кости, принадлежавшие мужчине зрелого возраста от 30 до 59 лет, молодому мужчине в возрасте 20–25 лет, мужчине 20–29 лет, мужчине 40–59 лет, женщине юного или зрелого возраста [Шультц, 1991: 335–337, 340; Круц, 1991: 342]. Во рву кургана № 20 в могильнике Салехи найден череп с пробойной в черепной крышке, а во рву кургана № 25 – кость человека [Мельникова, 1999: 63, 65]. Во внешнем рву кургана у г. Каменка-Днепровская, исследованном В.В. Отроценко и Ю.Я. Рассмакиным в 1986 г., обнаружены обломки 3 черепов двух мужчин возмужалого и женщины юного возраста [Круц, 1991: 344]. В кургане у с. Сивашовка на Херсонщине во рву обнаружены разрозненные человеческие кости [Кубышев, 1980: 210]. В Александрополе в восточной части насыпи был найден обломок человеческой челюсти [ДГС, I: 5]. В кургане № 4 у с. Первомаевка под кренидой на южном участке в специальной яме, перекрытой известняковыми плитами, были найдены лопатка, бедренная и тазовые кости и череп без нижней челюсти человека старческого возраста и кость крупного животного [Евдокимов, 1991-В: 72–76,

рис. 1–3]. В кургане № 13 у с. Львасво под третьей кренидой обнаружены 5 им, в одной из которых найдены отдельные кости человека, животных и обломки керамики¹⁸. В могильнике Мамай-гора IV в. до н. э. разрозненные человеческие кости обнаружены во рвах курганов, а также в погребениях, где отдельные человеческие кости или их фрагменты сопровождали погребенных [Андрух, 2000: 114].

Отмечены такие факты и в лесостепи. В кургане № 3 у с. Ивановка в Поросье во рву найдены фрагменты черепов мужчины зрелого возраста и 2 женщины 25–35 лет и до 20 лет [Ковчаненко, 1988: 79–80; Круц, 1991: 344]. В Рыжановском кургане во рву также были обнаружены человеческие кости [Рыжановка, 1999: 290].

Что же все это означает? У Геродота в описании обряда похорон скифского царя, который в более скромных масштабах осуществлялся и у представителей скифской знати, в прямой зависимости от ранга каждого конкретного погребенного, упоминаются человеческие жертвоприношения. Так, Геродот перечисляет целый ряд лиц, которые умерщвлялись во время похорон царя и хоронились вместе с ним – наложница, виночерпий, повар, конюх, слуга и вестник. Еще 50 скифов-воинов умерщвлялись через год, и их тучела на конях расставлялись вокруг кургана царя в виде своеобразной охраны [IV, 71–73]. В скифоведении принято рассматривать этих людей в качестве лиц зависимого или близкого к рабскому статусу. Однако историко-филологическое исследование терминологии Геродота и близких по времени источников показало, что все перечисленные функциональные наименования, за исключением наложницы, – это все придворные чины, причем соплеменники царя, свободные или благородные. Правильнее их именовать «конюший», «резник» (резчик мяса), «виночерпий-чашник» и т. п. Весьма важной должностью при дворах был и «вестник», осуществлявший связь царя с его подданными, объявлявший его волю. И 50 юношей являлись представителями свободной знатной молодежи господствующего племени или царства [Грантовский, 1980: 130–132].

¹⁸ На основе ошибочной интерпретации стратиграфии последних двух курганов предпринималась попытка сопоставления этих находок с боловецким святилищем [Садокимова, 1991-А: 264; 1992-В: 136–148]. Однако все подобные построения курганов опосредованы к скифскому времени, и нет никаких оснований вырывать их из скифского контекста курганов.

Захоронения этой категории лиц хорошо известны по раскопкам скифских царских курганов. Однако в таком количестве и даже в несколько большем, как в рассказе Геродота, сопровождающие захоронения встречены только при Центральных гробницах в Чертомлыке и Двугорбой Могиле, где их насчитывается, соответственно, 10 и 7. В основном же встречается 1 сопровождающий. Большое количество отмечено в немногих курганах: не менее 6 при разных захоронениях в Гаймановой Могиле, 5 – в Желтокаменке, 4 человека при мужском и 4 при женском захоронении обнаружено в Толстой Могиле, не менее 3 – в Солохе, Огузе и Мелитопольском кургане, 2 – в кургане Козел [Мозолевский, 1979: 163–165, табл. 4; Привалова, 1982: 156–159, 165–170; Чертомлык, 1991: 75].

В наших курганах также имеются такие захоронения. В Водяной Могиле захоронение «конюшего» (погребение № 1) и двух лошадей в отдельных ямах сопровождали центральное захоронение. В Бабиной Могиле в гробнице № 1 в камере погребения находилось безымянное захоронение слуги. В гробнице № 2 знатных покойников сопровождали две взнузданных лошади, размещенных на входе в дромос, в нише размещалось захоронение воина. В Соболевой Могиле первичное в кургане погребение № 1 сопровождали захоронения слуг № 7 и 8 («вестник» и «виночерпий»). Мужское захоронение № 2 сопровождалось захоронением коня, совершенным в отдельной яме. Женское захоронение № 3 сопровождалось захоронением девочки, совершенным в отдельной могиле № 4. Однако эти захоронения никоим образом не могут сопоставляться с остатками человеческих жертвоприношений, перечисленных выше.

Еще один вид человеческих жертвоприношений упоминает Геродот в числе приношений скифскому богу войны, названному Геродотом по аналогии с греческим пантеоном Аресом. В специальных огромных святилищах, сооруженных из хвороста, устанавливались старинные мечи – символы грозного бога. Ему ежегодно приносили в жертву мелкий скот и лошадей, а также людей. Согласно Геродоту, это были пленные мужчины, из каждой сотни по одному. Жертву, предварительно полив голову вином, закалывали, собирали кровь в сосуды и относили ее наверх, где выливали возле меча. У трупов отрубалось правое плечо вместе с рукой, труп оставался на месте, а рука подбрасы-

валась в воздух и оставалась лежать в месте падения [Геродот, IV, 62]. У скифов обычай отрубать правые руки у принесенных в жертву пленников может объясняться стремлением помешать человеку вернуться после смерти для мести или равносилен изощренному надругательству над трупом злейшего врага [Бессонова, 1984: 7; Дюмезиль, 1990: 192].

Описанные у Геродота жертвенники Аресу остаются для нас ярким литературным образом, потому что если они и существовали в действительности, а не являются результатом изложения неправильно понятой информации [Доватур, 1982: 300, примеч. 398], то рассчитывать на их открытие при археологических раскопках не приходится из-за недолговечности материала, из которого они сооружались. По археологическим находкам фиксируются более скромные формы проявления культа скифского Ареса в достаточно простых по устройству святилищах [Бессонова, 1984: 7].

В урочище Носаки у с. Балки Запорожской обл. в длинном кургане эпохи поздней бронзы, в его валу-перемычке, найден скифский меч, датируемый V в. до н. э., воткнутый в гребень вала. Длинный курган окружали скифские курганы IV в. до н. э. Ю.В. Болтрик называет все это святилищем Ареса и находит параллели у Аммиана Марцелина [XXXI, 2, 28], согласно которому «аланы... по варварскому обычаю втыкают в землю обнаженный меч и с благоговением поклоняются ему как Марсу...» [Болтрик, 1978: 61–62].

У с. Изобильное возле г. Орджоникидзе исследован курган эпохи бронзы № 2 высотой 0,3 м, находившийся в окружении скифских курганов. Первичное погребение в кургане энеолитическое, все остальные 6 – срубной культуры. В центре находилась яма диаметром 0,6 м, вырытая с поверхности кургана и углубленная до уровня материка. На глубине 0,4 м в ней обнаружены кости ног крупного животного, – быка или коня. В дно по рукоять был вбит скифский железный меч [Мозолевский, 1980-Д: 48–50].

Вероятно, к этому же кругу относится находка в кургане эпохи бронзы № 3 высотой 1,5 м у с. Чкалово в Крымском Приславье. На его вершине на глубине 0,3 м обнаружено кострище, где найдены обожженные кости человеческого черепа, ребер и позвонков, железный меч и наконечник копья, бронзовые пластинки поясного набора. На краю кострища была вкопана хосская пухлогорлая амфора

с обугленной и закопченной боковинной, обращенной к вострищу. Авторы публикации определили данный объект как скифское погребение № 1 с остатками трупосожжения [Нечитайло, 1984-А: 18–20]. Обращает внимание лишь частичное наличие костей скелета (к сожалению, ничего не сказано об их расположении), а также отсутствие прецедентов обряду трупосожжения среди скифских погребений степи. Вполне возможно видеть здесь остатки жертвоприношения.

Значительно более яркие проявления этого культа открыты в курганах Уляпского аула на Кубани. В кургане-святилище Уляп 1/1981, датируемом IV в. до н. э., обнаружены расчлененные скелеты молодых людей. У одного из них отсутствует правая рука, найденная в другом месте совместно с железным мечом. Сходство со святилищами Ареса, описанными Геродотом, проявляется здесь и в специфической конструкции кургана в виде земляной платформы. В кургане Уляп 4/1982 череп человека находился на платформе рядом с намеренно поврежденными вещами из бронзы и драгоценных металлов. На другом конце платформы найдены кости лошади, быка и ребенка. У основания платформы находилось скопление костей девушки вперемежку с костями лошади, оленя и различными вещами, в т. ч. и золотыми. Рядом найдены кости лошади, а неподалеку – верхняя часть человеческого скелета. В других курганах-святилищах здесь также обнаружены многочисленные остатки человеческих жертвоприношений. Курган-святилище Уляп 1/1981 Ф.Р. Балонов прямо соотносит с Аресом, а об остальных высказался более туманно: в Уляпе 7 святилищ, скифских богов также 7 и с какими богами скифского пантеона связаны остальные, еще предстоит выяснить, если они связаны именно со скифским пантеоном [Балонов, 1987: 41–44].

Однако как все это может быть связано с находками человеческих костей в тризнах наших курганов? Определенный ответ дать сложно. Возможно, и здесь мы сталкиваемся с жертвоприношениями скифскому Аресу, выраженными в опосредованной форме, в почитании воина, захороненного в кургане. По наблюдениям В.Н. Мозолевского, остатки тризны у подножий курганов и окружающих их рвов связаны преимущественно с мужскими захоронениями, безотносительно к тому, первичными или вторичными они были в курганах [Мозолевский, 1982: 218].

4.12. РВЫ И ВЫЕМКИ ВОКРУГ СКИФСКИХ КУРГАНОВ

Почти у четверти общего количества скифских курганов отмечено наличие кольцевых рвов. Нередко такими рвами окружались и курганы эпохи бронзы, в которые скифы впускали свои погребения. Известно 14 курганов высотой до 1 м и один – 2 м, имевших по 2 рва. В большинстве случаев эти курганы содержали 2 и более захоронений, что указывает на связь вторых рвов с одним из последующих подзахоронений. На Никопольском курганном поле 3 кургана и курган № 22 у с. Семеновка имели 2 ровика, фиксирующих сооружение насыпи в 2 приема, но содержали лишь по 1 захоронению. Как полагает В.С. Ольховский, сооружение второго ровика может быть связано с устройством впускного захоронения, которое не сохранилось, или с совершением номинальной акции – укреплением и подновлением насыпи. В кургане № 2 у с. Заповитное высотой 2,6 м (раскопки 1973 г.), содержавшем 3 захоронения, отмечено 3 рва. Следует отметить, что курганы большей высоты сопровождаются только одним рвом [Граков, 1962: 70, 82; СПП, 1986: 58–204; Ольховский, 1991: 75, 129].

Ограничение подкурганного пространства сакральным кругом в виде рва, ограды или вала призвано оградить живых от вредоносного влияния покойника, либо табуировать место захоронения и разграничить мир живых и мертвых [Раллопорт, 1979: 156; Грач, 1980: 70; Белов, 1991: 29].

Кольцевые рвы в скифских курганах имеют круглую планировку, соответствующую форме насыпи. Во рвах оставались 1, чаще всего – 2 прохода с восточной и западной сторон, иногда более, через которые осуществлялся доступ к погребению, а после сооружения насыпи – на курган. Рвы скифских курганов нередко, особенно на крупных курганах, имеют извилистые очертания. В.Н. Мозолевский обратил внимание на довольно частые находки в тризнах Водяной и Бабиной могил среди костей животных и амфорного боя окатанной известняковой гальки речного происхождения. Впервые это было отмечено на кургане V в. до н. э. Малый Чертомлык [Мозолевский, 1987: 68]. По-видимому, только наличие в заполнении рвов и других мелких камней, скатившихся с крепины и склонов насыпи, позволяло в других курганах не заметить среди них гальки. Между тем попадание ее в ров, да еще

залегание на той же глубине, что и прочие находки, представляется отнюдь не случайным, так как галька в каменных конструкциях названных выше памятников отсутствовала. По мнению Б.Н. Мезолевского, эти находки, в сочетании с извилистыми очертаниями рвов, указывают на связь с культом змееной богини, праматери скифов. Такие находки были обнаружены и в Каменской Влизице [Андросов, 1989: 59].

В кургане № 22 у с. Волчанск ров имел нетрадиционную для скифского времени подквадратную планировку при ориентации по сторонам света с 4 проходами [Полин, 1997: 19, рис. 16]. Из-за распаханности кургана вопрос о форме насыпи кургана № 22 остается открытым. Курганы с насыпями прямоугольной планировки скифского времени и предшествующих эпох пока известны только в Минусинской котловине [Лаульс, 2000: 126].

Долгое время при раскопках скифских курганов рвы не привлекали внимания исследователей, и поэтому достаточно обоснованно можно предполагать, что во многих случаях они не были обнаружены при раскопках или просто не упомянуты в отчетах. Примеры Солохи и Страшной Могилы в этом отношении весьма красноречивы. Вероятно, также достаточно многочисленны случаи, когда рвы небольшой глубины находились в толще чернозема и не прорезали уровень материка, вследствие чего они не могли быть замечены в однородном грунте из-за разрушения вспашкой [Кубышев, 1991: 155; Полин, 1997: 19, 34]. Такой ров существовал в могильнике Золотая Балка возле кургана № 22 высотой 5,15 м, где он был замечен только благодаря фрагментам амфор и костям животных в его заполнении на глубине 0,6–0,8 м от уровня древнего горизонта. Ров был неглубоким, но, по-видимому, достаточно широким. Следует отметить, что основное и единственное захоронение в этом кургане принадлежало женщине [Кубышев, 1982: 189; Круц, 1986: 324].

Но есть курганы, где достоверно установлено отсутствие рвов. Такие случаи известны в нескольких курганах высшей скифской знати – Гайманова Могила, Бердянский курган, Чертомлык. Существует ряд документированных примеров и для малых скифских курганов.

В Приазовье возле кургана № 8 у с. Волчанск высотой 2,4 м на расстоянии 20 м от края насыпи визуально просматривалась кольцевая

выемка выборки грунта шириной около 30 м, заполненная черным затечным грунтом. Поиски рва в промежутке между курганом и выемкой результата не дали. Курган сооружен в один прием над погребением № 1, содержавшим останки двух мальчиков в возрасте 6–12 лет [Круц, 1986: 313; Полин, 1997: 7, 34]. Мужской пол погребенных подтверждается достаточно полным набором наступательного вооружения – меч, копья, наконечники стрел. Характер прочего инвентаря – миниатюрные формы посуды, ее обилие (4 экз.), набор из 10 овечьих астрагалов – подтверждает их юный возраст.

В последние годы у г. Орджоникидзе исследован ряд мелких курганов без рвов, где их отсутствие также достоверно установлено. Ров отсутствовал в кургане № 13 высотой 2,1 м. В древности его высота достигала 3,5–4,0 м. С восточной стороны визуально просматривалась неглубокая выемка выборки грунта. Курган содержал 3 захоронения: мужское, женское и детское. Вдоль западной доли на поверхности и в толще чернозема встречались фрагменты амфор и костей животных. Зафиксировано снятие чернозема вокруг кургана [Полин, 1998: 6, 13–14; 19]. Первичное захоронение в кургане, основательно разграбленное, было определено как мужское. Однако большое количество бус (52 экз.), являющихся обязательной принадлежностью женских погребений, а также вероятная принадлежность ажурной рукояти не мечу, а зеркалу, скорее, указывают на женскую принадлежность погребения. Бусы в мужских погребениях встречаются очень редко и в единичных экземплярах, никогда не образуя наборов. Вооружение встречается почти в половине женских скифских захоронений [Буятыл, 1985: 65, 92]. Уменьшенные размеры вооружения (наконечники копья и дротика, рукоять меча или зеркала), по-видимому, указывают на юный возраст погребенной.

Ров отсутствовал и в распаханном кургане № 20, содержавшем женское захоронение в катакомбе, датируемое концом VI–V вв. до н. э. [Полин, 2001: 30]. Курганы №№ 25 и 27 высотой 0,5 и 1 м, где основными и единственными в курганах были захоронения женщины достаточно высокого статуса, о чем свидетельствуют глубокие катакомбы (4,8 м и 6,4 м), сопровождающее захоронение слуги в кургане № 25, остатки достаточно разнообразного инвентаря, в том числе и изделий из золота. Рвы здесь отсутствовали, но вокруг курганов на большую ширину был снят чернозем и в этих

выемках, впоследствии запыливших черноземом, с западных сторон обнаружены остатки трисны в виде единичных обломков стенок амфор и костей животных [Полин, 2002: 222–223].

Как мы видим, образуется серия курганов с основными женскими захоронениями, вокруг которых отсутствуют полноценные ритуальные кольцевые рвы, и вместо них прослеживаются кольцевые выемки различной ширины, достигающие уровня материка. Такие выемки от выбранного грунта фиксировал вокруг курганов А.А. Миллер в Елизаветовском могильнике на Нижнем Дону [Миллер, 1910: 91]. Наличие такого рва у кургана № 22 в Золотой Балке высотой 5,15 м показывает, что выемки характерны не только для курганов рядового населения, но и для курганов знати. Дополняет эту подборку курган № 8 у с. Волчанск, сооруженный над захоронением двух подростков. Напрашивается вывод о связи отсутствия рвов в этих курганах с принадлежностью погребений, над которыми они воздвигнуты, женщинам или мужчинам незрелого возраста, т. е. лицам с неполноправным статусом в скифском обществе.

Конечно, вопрос о причинах отсутствия рвов в Гаймановой Могиле, Вердянском кургане и Чертомлыке требует особого осмысления. Но по крайней мере для части малых и средних курганов отсутствие рва может объясняться подобным образом. Возможно, наблюдение В.Н. Мозолевого о связи остатков трисны у подножий курганов в окружающих их рвах преимущественно с мужскими захоронениями, безотносительно к тому, первичными или вторичными они были в курганах [Мозолевский, 1982: 218], может быть расширено в том плане, что и сами рвы в курганах связаны, преимущественно с мужскими захоронениями. Но для этого требуется кропотливая дополнительная работа по учету различных нюансов, поскольку в курганах высшей скифской знати все обстоит намного сложнее. Так, в 1-ом Мордвиновском кургане материковый выкид из рва лежал по основанию второй насыпи кургана, связанной именно с впускным женским захоронением, и сооружен, соответственно, после его завершения.

Еще в середине XIX в., до начала массовой расчистки степей, рвы возле курганов нередко просматривались визуально. По обмерам И.Е. Забелина, ров возле Слоновской Влизицы имел поверху ширину 5 аршин и глубину 1 аршин, соответственно – 3,55 м и 0,7 м [ДГС, II: 64].

Разумеется, это неполная глубина рва, но заслуживает внимания ширина верхней части. На сегодняшний день, в результате тотального разрушения оснований курганов при расчистке, рвы давно перекрыты оплывами насыпей и внешне незаметны. При современных раскопках мы фиксируем только нижнюю часть рвов, углубленную в материк. Верхняя часть, расположенная в черноземе, как правило, разрушена расчисткой и не отличается по цвету от оплывшего грунта насыпи, и поэтому ее форма и размеры остаются неизвестными.

По-видимому, именно с устройства рва или кольцевой выемки начиналось создание кургана. Таким образом будущая обитель мертвых отделялась магическим кругом от мира живых и создавалась система координат для дальнейшей планировки подкурганного пространства. Скорее всего, при предварительной разметке кургана применялся примитивный циркуль – веревка с кольшком и т. п. [Ольховский, 1991: 175]. При этой разметке прежде всего намечались центр кургана, контур рва и размещение проходов в нем с западной и восточной сторон. Местоположение последних несомненно определялось по положению Солнца в точках восхода и заката в период строительства. Наряду с этим также производилось очищение подкурганной территории – сжигание травы и т. п. Такие следы зафиксированы на Чертомлыке [Кляш, 1991-А: 304; 1991: 310].

Затем в центре намечалась входная яма погребального сооружения. Неоднократно отмечалось, что длинная ось входной ямы погребения в скифском кургане ориентирована в створ с проходами во рву и находится на одной прямой с ними. В соответствии с расположением проходов намечались и места укладки валя выкида из могилы, в котором в соответствующих местах также оставались проходы.

Выкид из рва укладывался в виде валя чаще всего с внешней стороны рва. Значительно реже его укладывали с внутренней стороны. В таких случаях фиксируется расположение выкида на внешнем склоне насыпи. Однако и в этом случае выкапывание рва происходило в начале, только события развивались по более сложному сценарию; сразу начиналось и выкапывание рва, и строительство первичной обваловки кургана. Выкид из рва в этом случае ложился уже на склон обваловки. Такой ход событий подтверждается тем, что выкид из рва, лежащий на склоне насыпи, никогда не оста-

вался на поверхности, а перекрывался либо крепидой, либо слоем чернозема.

Остатки тризны во рвах скифских курганов, как правило, сосредоточены возле проходов во рвах, чаще возле одного из них. На остальном протяжении рвов концентрация находок резко снижается. Только в Толстой Могиле и Желтокаменке остатки тризны были сгруппированы в скопления, соответственно, в 11 и 4. Во всех скифских курганах во рвах очень редко и в незначительном количестве встречаются какие-либо находки, залегающие непосредственно на его дне. Основная масса остатков тризны находится на затечном слое заполнения на 0,5–0,7 м выше дна рва. Все эти черты прослежены и в наших курганах.

В Водяной Могиле остатки тризны в виде обломков костей животных и фрагментов амфор располагались в 0,6–0,8 м выше дна рва. Какие-либо компактные сосредоточения находок не прослежены. Основная масса концентрировалась у западной перемычки. В остальных местах отмечены лишь отдельные кости и обломки амфор.

В Бабиной Могиле на большей части рва остатки тризны были немногочисленны. Скоплений, подобных открытым в Толстой Могиле и Желтокаменке, здесь не было. Основная концентрация остатков тризны зафиксирована на участках рва, прилегающих к западной перемычке. На участке № 5 ЮЗ сектора на дне лежал развал амфоры. Важно отметить, что в месте находки ров у дна расширился до 0,4 м при обычной его ширине 0,2 м, что свидетельствует о нарочитости укладки амфоры в специально подготовленном для этого месте. Длина расширения 1,1 м точно соответствует длине развала амфоры. Можно утверждать, что амфора была уложена в ров в специально подготовленное для нее место непосредственно сразу после его выкапывания. Все остальные находки во рву залегают в средней части заполнения, на подстилающей подушке затечного слоя 0,7 м толщиной. Таким образом, ко времени завершения тризны ров уже заплыл грунтом почти на половину глубины, составлявшей в среднем 1,8 м.

В Соболевой Могиле остатки тризны залегают во рву на высоте 0,3–0,4 м от дна и в основном концентрировались возле перемычек: преимущественно возле западной перемычки и в значительно меньшей степени – возле восточной.

По мнению Б.Н. Мозолевского, расположение остатков тризны во рвах скифских курганов

не на дне, а на слое затечного заполнения указывает на принадлежность этих остатков тризне, согласно Геродоту, спрятавшейся через год после похорон [Мозолевский, 1979: 166; 1982: 219]. Однако возможна и иная интерпретация.

Как известно по Геродоту, похоронам скифского царя и, по-видимому, представителей знати предшествовал 40-дневный объезд подвластных земель для прощания с соплеменниками. В это время в месте будущих похорон выкапывалась могила. После прибытия погребальной процессии к месту упокоения совершался обряд погребения и производилось строительство кургана над захоронением. Основные работы – нарезка дров и заготовка камня – производились именно в это время, поскольку для их осуществления в силу значительной трудоемкости требовалось максимальное количество рабочей силы, прибывавшей к месту похорон только вместе с погребальной процессией. Вероятно, весь процесс перехода в мир иной, включающий 40-дневный объезд и подготовку могилы, а также последующее сооружение кургана со всеми сопутствующими ритуалами, занимал в общей сложности не менее двух месяцев.

Как отмечалось выше, работы на будущем кургане начинались с выкапывания рва, и весь этот период вплоть до завершения строительства кургана ров уже существовал. Во время раскопок Бабиной Могилы удалось сделать важнейшие наблюдения. После снятия насыпи и завершения раскопок кольцевого рва подкурганная поверхность имела вид площадки, окруженной рвом с валом грунта, выкопанным из рва и уложенным вдоль него. После завершения исследований рва прошло несколько дождей различной силы. Дожди небольшой интенсивности и продолжительности привели к слабому заиливанию дна рва слоем грунта толщиной в 5–10 см. Но однажды, после прохождения мощного нескольких часового ливня, ров оказался полностью заполненным водой. После ее высыхания обнаружилось, что ров стал наполовину мельче в результате заполнения грунтом, смытым в ров с поверхности вала выкида. Даже при относительной сухости современного степного климата можно считать гарантированным прохождение одного-двух мощных ливней на протяжении двух месяцев. Для второй половины V–IV вв. до н. э. в евразийских степях предполагается период повы-

шенного увлажнения, и дожди в тот период, по-видимому, шли значительно чаще [Полин, 1984: 28–31].

Таким образом, в осенне-летний период во время 40 дней, когда осуществлялась подготовка могилы и кургана к совершению похорон и отправлялась тризна, выпадали дожди, нередко ливневого характера. Ввиду этого рвы скифских курганов оказывались частично заполнены грунтом, и остатки тризны укладывались во рвы уже не на дно, а на слой намыва.

4.13. ВАЛЫ ВОКРУГ КУРГАНОВ

С СЗ стороны Бабиной Могилы на поле за пределами рва были заметны остатки распашанного вала, выделявшиеся на фоне пашни полосой желтоватого цвета. На сегодняшний день внешние валы возле скифских курганов фиксируются крайне редко из-за распашки земель, в результате чего не только уничтожаются валы вокруг курганов, но и подрезаются полы курганов, иногда на высоту до 1 м.

Возможно, внешний вал был обязательным элементом для скифских курганов, имевших кольцевые рвы, кроме тех, где выкид по рва уложен на край насыпи, как это имело место в 1-ом Мордвиновском кургане. По-видимому, не было также валов и вокруг курганов, вокруг которых по каким-то причинам ров не выкапывался. Чертомлык может быть тому примером. Здесь ров, как установлено современными исследованиями, отсутствовал. Не отметил ров и вал вокруг кургана и И.Е. Забелин, нет их и на известном рисунке кургана, в отличие от Александрополя, где вал и ров описывают все его исследователи и их изображение имеется на рисунке. Впрочем, как полагает С.А. Скорый, возле Перепятихи и Мартовоши, где рвы отсутствовали, грунт для сооружения валов брался где-то на стороне [Скорый, 1990: 22].

В недалеком прошлом валы вокруг курганов отмечались во многих местах. Такие валы отмечены исследователями вокруг Александрополя, где имелось два прохода в валу с восточной и западной сторон, напротив перемычек во рву. Вблизи Слоновской, Геремесова кургана, Огуза. Вал вокруг Слоновской Вблизи имел высоту 1 аршин и ширину 10 аршин, – 0,71 и 7,1 м [ДГС, I: 1; ДГС, II: 30, 64]. Предполагается, что вал вокруг Огуза достигал 2–

2,5 м высоты при ширине около 4 м [Филалко, 1994: 138]. Вал вокруг Солохи, «не замеченный» Н.И. Веселовским, наблюдал Б.Н. Граков в 1946 г. [Граков, 1946: 56]. Хорошо он заметен и сегодня в виде слабого возвышения шириной до 15 м вокруг неисследованной части насыпи. Упоминается курган высотой около 10 м в 10 верстах к северу от Александрополя с валом вокруг него [Лазаревский, 1894: 45]. Такие валы в сочетании с рвами в нескольких случаях отметил В.Н. Ястребов для курганов пралобережной Херсонщины [Ястребов, б/г: 7]. По мнению Б.Н. Мозолевского, в Толстой Могиле выкид из рва, имевшего значительные размеры, не зафиксированный в насыпи кургана, должен был быть уложен вокруг кургана в виде вала [Мозолевский, 1979: 153].

Не менее широко валы практиковались и в лесостепи. Скифские курганы-гиганты высотой 18–19 м, исследованные С.А. Мазараки у с. Волковцы Роменского уезда в 1899 г., а также Старшая Могила и курган у хут. Шумейко, были окружены рвами и валами [Летовиц, 1899: 133]. Перепятиха, Мартовоша высотой 8,5 м, курган № 11 у с. Степанцы Черкасской обл. значительных размеров, три кургана возле Мотронинского городища высотой 4 м, курган Острая Могила возле с. Острая Могила в Киевской обл. высотой 7 м имели кольцевые валы [ОАК, 1889: 29–31; Ковпаненко, 1981: 54–55; Скорый, 1990: 21].

Отмечены такие случаи и на Северном Кавказе, где курган № 4 у с. Гойты высотой 5,1 м, а также большой курган в некрополе Горгилии, исследованный в 1881 г., были окружены валами [Марковин, 1965: 166; Кругликова, 1980: 7].

4.14. ОБРЯД ЗАХОРОНЕНИЯ В БАБИНОЙ, ВОДЯНОЙ И СОВОЛЕВОЙ МОГИЛАХ

Геродот оставил яркое описание похорон скифского царя, согласно которому этот обряд в основных чертах был универсальным для всех скифов царских и кочевых, вплоть до частных лиц, по-видимому, отличаясь лишь масштабами и пышностью похорон. Но для всех отмечены те же 40 дней процессуального объезда ближайших друзей и родственников [Herod. IV, 71–73].

Описанный Геродотом обряд нигде в Скифии не встречен в реальном скифском захоронении в сколько-нибудь полном виде. Лишь

иногда прослеживаются отдельные его черты [Ольховский, 1978: 94–97; Доватур, 1982: 309, прим. 435]. Наиболее соответствуют по своему местонахождению в Герросе (в районе Никополи – Каменки Днепровской), по ряду черт погребального обряда (большие прямоугольные ямы, перекрытые бревнами, сопровождаемые захоронениями коней), а также по времени (середина-вторая половина V в. до н. э.), ряд курганов, среди которых прежде всего следует назвать 1-ю Завадскую Могилу и курган № 13 возле Большой Знаменки [Мозолевский, 1980: 86–87; 1986; Отроценко, 1985: 242; 1986-А: 285; Моныхов, 1999: 106–111, табл. 33–35].

Попытки соотнести с описанием Геродота некоторые черты погребального ритуала не всегда убедительны. Авторы доисследования Чертомлыка находки человеческих костей в крещиде кургана в сумме с находками лошадиных костей и уздечных принадлежностей из тризны в целом сопоставляют с рассказом Геродота об установке через год после похорон царя вокруг кургана стражи из 50 тучел умерщвленных воинов, посаженных на коней [Чертомлык, 1991: 54]. Согласно Геродоту, в качестве стражников выбирали юношей, в то время как обнаруженные в тризне Чертомлыка останки принадлежали мужчине зрелого возраста от 30 до 59 лет, молодому мужчине в возрасте 20–25 лет, мужчине 20–29 лет, мужчине 40–59 лет, т. е. далеко не юношам. Здесь также присутствуют и фрагменты черепа женщины юного или зрелого возраста [Шульц, 1991: 335–337, 340; Круц, 1991: 342], что и вовсе не укладывается в предлагаемую реконструкцию. Все кости обнаружены в составе тризны и хорошо вписываются в круг аналогичных находок остатков человеческих жертвоприношений в составе тризны скифских курганов (см. раздел 4.11).

В очень опосредованном виде отдельные элементы описания обряда захоронения Геродота можно найти и в наших курганах. Их можно видеть в наличии сопровождающих захоронений людей и коней, сооружении высокого кургана над погребением знатного лица, в некоторых других мелочах, но не более. Следует также отметить, что наши курганы сооружены через сто лет после Геродота, за которые скифский обряд захоронения претерпел определенные изменения.

4.15. РАЗМЕРЫ КУРГАНОВ

Как показано в разделе 4.7, насыпи курганов высшей скифской знати Северного Причерноморья отличаются сложной внутренней структурой. В зависимости от степени знатности погребенных эта структура может включать или не включать отдельные элементы, которые в той же степени зависимости имеют различные масштабы выражения в каждом конкретном кургане.

По мнению Б.Н. Мозолевского, отправной точкой для понимания зависимости размеров того или иного кургана следует считать слова Геродота о том, что в сооружении насыпи принимали участие все участники похорон, стараясь сделать ее как можно больше [IV, 71]. Это замечание свидетельствует о прямой зависимости размеров кургана от ранга погребенного. Однако нередко наблюдавшееся несоответствие размеров курганов размерам и богатству его гробниц показывает, что в действительности многие детали зависели от конкретных обстоятельств, при которых происходили похороны. Поэтому размер кургана – понятие достаточно условное, и, взятый сам по себе, он не отражает в полной мере ранг погребенного [Мозолевский, 1979: 156]. Попытку стратификации сакского населения долины р. Или на основании размеров курганов предпринял К.А. Акишев, считавший, что курганы высотой 8–17 м принадлежали царям, высотой 5–6 м – племенной знати, 1–2 м – «храбрым воинам» [Акишев, 1963: 86]. Подобное разделение, но с учетом богатства гробниц, предлагал А.Д. Грач для памятников Алтая и Тувы [Грач, 1976: 158–174].

Согласно Б.Н. Мозолевскому, курганы скифской знати Северного Причерноморья разделяются по высоте на 4 группы, которые могут быть соотнесены с определенными социальными слоями скифского общества. Такое разделение является весьма приблизительным, поскольку в действительности социальная структура могла быть намного сложнее. Первое место среди них занимают курганы-гиганты высотой 14–22 м, принадлежавшие верховным царям Скифии (группа IV). Курганы высотой 8–11 м, вероятно, принадлежали членам царской семьи и царям, возглавлявшим три составных части Скифии (группа III). За ними следует группа курганов высотой 4,8–7,0 м, принадлежавшие номархам, в которых А.И. Тереножкин и В.А. Ильинская видели военных вождей

значительных племенных подразделений или племен (группа II). Курганы высотой 2-4,5 м принадлежали родовым старейшинам, а также и наиболее богатым рядовым скифам (группа I).

Условность такого разделения курганов на группы по высотам демонстрирует то обстоятельство, что курганам-гигантам IV-й группы — Солоха, Чертомлык, Огуз, Александрополь, возможно, принадлежавших верховным царям Скифии, по богатству инвентаря и пышности ритуала почти не уступают не только большинство курганов III-й группы высотой 8-11 м, но и такие сравнительно небольшие по размерам памятники, как Мелитополь и Чмырева Могила из II-й группы курганов высотой 4,8-7,5 м. Так, В.М. Массон по характеру обряда и богатству инвентаря совершенно справедливо считает Толстую Могила царским курганом, во всем равным Чертомлыку [Массон, 1976: 175]. По наблюдениям Б.Н. Мозолевского наиболее глубокие захоронения (9,6-15 м), отличающиеся также богатством, за исключением захоронений высшего царского уровня в курганах Чертомлык и Козел глубиной 12,2 и 9,6 м, открыты в курганах I-й и II-й групп высотой 2,5-8,4 м. Поэтому для полной характеристики кургана и захороненных в нем лиц, помимо высоты насыпи, глубины и обширности погребальных сооружений, должны также учитываться сложность конструкции насыпи кургана, наличие и масштабы каменных конструкций, наличие и количество сопровождающих захоронений слуг, наличие и количество конских захоронений, пышность погребального инвентаря, масштабы и характер гримзы [Мозолевский, 1979: 157; Мелитополь, 1988: 157, табл. 3, 246-249, приложение 4].

Исходя из учета всех этих факторов, наши курганы распределяются по следующим группам: Бабиная Могила — III группа, Водяная и Соболева могилы — II группа.

4.16. ЗАХОРОНЕНИЯ КОНЕЙ

В дромосе впускной гробницы № 2 Бабиной Могилы были захоронены 2 взызданных лошади в роскошных серебряных уздечках. Конь № 1 также был оседлан и имел нагрудное украшение из многочисленных бронзовых блях и колокольчиков. В составе нагрудника также зафиксированы остатки большой прямоугольной серебряной пластины размерами 25 x 15 см. О наличии седла у коня № 2 нельзя сказать ничего определенного из-за отсутствия

металлических подпругных пряжек. Однако нельзя исключать, что пряжки в данном случае были изготовлены из дерева. Конские захоронения Бабиной Могилы по расположению в длинном дромосе, количеству коней и материалу уздечных украшений (серебро) сходны с захоронением коней в Желтокаменке [Мозолевский, 1982: 200, рис. 27; 28]. По размещению захоронения коней, а также по сходству погребальных сооружений гробницы № 2 Бабиной Могилы и подзахоронения в Желтокаменке они сопоставимы с захоронениями коней в дромосе впускного захоронения Александрополя с соответствующей поправкой на ранг погребенных. При этом, как отметил М.Ю. Трейстер, уздечные наборы из Бабиной Могилы представляют собой один из самых богатых комплексов гоневтики так называемого греко-скифского стиля, когда-либо найденных в скифских курганах IV в. до н. э. (см. Приложение № 3). В целом конские захоронения Бабиной Могилы по количеству коней и пышности уборов соответствуют уровню курганов высшей скифской знати III-й высотной группы.

В Водяной Могиле захоронение двух взызданных и оседланных лошадей с уздечками с бронзовыми и железными деталями находилось в отдельной яме и сопровождалось захоронением конюха. По обряду захоронения, количеству коней и материалу уздечных наборов аналогично конскому захоронению Мелитопольского кургана [Ильинская, 1973: 45-50, рис. 2; 4] и в целом по своему уровню соответствует курганам II-й высотной группы. Аналогичное по обряду и количеству коней захоронение известно и в царском кургане Солоха [Манцевич, 1987: 10, рис. 4].

В Соболевой Могиле захоронение одного взызданного и оседланного коня в отдельной яме с уздечкой с серебряным набором соответствует аналогичным захоронениям во 2-ом Мордвиновском кургане, Страшной Могиле [Ильинская, 1973: 50-53, 55-56, рис. 5; 8, 10] и Башмачке [Слицып, 1901: 77-78] — курганах II-й высотной группы. В то же время следует отметить, что подобные по обряду и количеству захоронения, с поправкой на материал уздечных украшений, встречаются в курганах как I-й (Деев курган), так и IV-й группы (Александрополь, конская могила при Центральной гробнице).

В Бабиной Могиле внутри черепа коня № 1 и в Водяной Могиле между ребрами в районе груди коня № 1 были обнаружены наконечники стрел. Подобные случаи известны в Желто-

каменке, где у коня № 2 в области груди найден наконечник стрелы, и в Толстой Могиле, где в конской могиле № 2 в шее коня № 1 также был найден наконечник стрелы [Мозолевский, 1982: 200; 1979: 39]. Один наконечник стрелы упоминается в составе украшений узды коня № 5 в конской могиле при впускном погребении Солохи. А.П. Манцевич считала, что он попал туда случайно из захоронения конюха [Манцевич, 1987: 27, 78, кат. 54, 11]. Перечисленные выше находки позволяют предполагать, что он также мог находиться в теле коня. Конечно, кони не убивались с помощью стрелы. Скорее здесь приходится предполагать некий ритуальный момент, требовавший определенного «обозначения». В курганах пазырыкской культуры коней убивали ударами чекича в теменную часть головы [Палосьяк, 1994: 23]. Ничего подобного в Скифии не отмечено, хотя в целом не приходится сомневаться в насильственном способе перехода коней в потусторонний мир вслед за своим хозяином, как это описывал Геродот.

Ф. Браун, исследовавший конское захоронение в Чмыревой Могиле, содержавшее 10 скелетов, лежащих в беспорядке, частично друг на друге, увидел здесь нечто совершенно фантастическое. По его мнению, коней ввели в могилу живыми, могилу закрыли и кони умирали здесь в страшных мучениях [Браун, 1906: 99–100]. Современные исследования скифских курганов показывают, что в конских захоронениях, где содержится более двух скелетов, кони укладывались, а может быть, и сбрасывались в яму, довольно беспорядочно. В конских захоронениях Толстой Могила костяки лежат в настолько причудливых положениях, что трудно разобраться, какие части какому коню принадлежат [Мозолевский, 1979: рис. 12–13]. При избытке фантазии здесь можно вообразить все что угодно.

4.17. УЗДА ИЗ КОНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ

Удила и псални (рис. 22; 68). Удила, обнаруженные в Бабиной и Водяной могилах, двучастные, с загнутыми в кольца окончаниями большего и меньшего диаметра. Перед внешними кольцами на стержни удил надеты квадратные пластины с откованными по углам короткими шипами, загнутыми внутрь, что указывает на строгость узды. Во внешние кольца вставлены псални, а также с помощью спе-

циальных петель надеты дополнительные треугольные звенья для прикрепления повода. При удилах коня № 1 в Бабиной Могиле и у обоих коней из Водяной Могила найдены кольца для крепления чомбура, которые, по-видимому, надевались или подвязывались к левому внешнему кольцу удил. Удила в наших курганах имеют крупные размеры. В Водяной Могиле длина удил достигает 25 и 30 см, в Бабиной 28 и 30,5 см, что обусловлено крупными размерами лошадей. Удила снабжены псалнями разной формы. В Водяной Могиле псални прямые, в Бабиной – С-видные, также отличаются крупными размерами. В Водяной Могиле их длина достигает 18–20 см, в Бабиной – 25–29 см. Столь крупные размеры псалней характерны только для царских курганов Нижнего Поднепровья [Мелюкова, 1981: 58].

Такие удила и псални широко представлены в скифских курганах середины – второй половины IV в. до н. э. В большинстве случаев эти удила имеют квадратные насадки для строгости и внешние треугольные звенья для прикрепления повода, надетые на внешние кольца удил. Форма псалней не является датирующей, поскольку в одних и тех же комплексах встречаются оба варианта и наравне с ними и третий – 8-видные псални. Появление в Скифии С-видных псалней датируется IV в. до н. э. [Мелюкова, 1981: 60].

На одном из псалней из Бабиной Могила сохранилась орнаментация в виде поперечных нарезок (рис. 68, 2). Орнаментация сходного характера в виде поперечных рельефных поясков отмечена на одном из псалней в Чертомлыке [Чертомлык, 1991: 148, кат. 8].

Наиболее ранние образцы бронзовых С-видных псалней длиной около 12 см представлены в конском захоронении при боковом погребении в Солохе [Манцевич, 1987: 106, 110, кат. 83, 106]. В середине – второй половине IV в. до н. э. эти изделия изготавливались из железа. В Толстой Могиле в тризне и в конских могилах представлены как прямые, так и С-видные псални [Мозолевский, 1979: рис. 6, 1; 18, 2, 5, 7; 24, 2, 5, 7; 97, 1]. В Чертомлыке представлены исключительно прямые псални. Следует отметить, что эти находки происходят из тризны и нам неизвестны типы псалней из конских могил кургана [Чертомлык, 1991: 147–149, 252, № 4, 1–2; 5, 1; 6, 1–2; 7–9; 216]. В Краснокутском кургане из 60 пар удил 45 имели прямые псални и 11 удил – С-видные. В кургане Козел С-видные псални имели все 10 лошадей

каменке, где у коня № 2 в области груди найден наконечник стрелы, и в Толстой Могиле, где в конской могиле № 2 в шее коня № 1 также был найден наконечник стрелы [Мозолевский, 1982: 200; 1979: 39]. Один наконечник стрелы упоминается в составе украшений узда коня № 5 в конской могиле при впускном погребении Солохи. А.П. Манцевич считала, что он попал туда случайно из захоронения конюха [Манцевич, 1987: 27, 78, кат. 54, 11]. Перечисленные выше находки позволяют предполагать, что он также мог находиться в теле коня. Конечно, кони не убивались с помощью стрелы. Скорее здесь приходится предполагать некий ритуальный момент, требовавший определенного «обозначения». В курганах пазырыкской культуры коней убивали ударами чекана в теменную часть головы [Палсымак, 1994: 23]. Ничего подобного в Скифии не отмечено, хотя в целом не приходится сомневаться в насильственном способе перехода коней в потусторонний мир введ за своим хозяином, как это описывал Геродот.

Ф. Браун, исследовавший конские захоронение в Чмыревой Могиле, содержавшее 10 скелетов, лежащих в беспорядке, частично друг на друге, увидел здесь нечто совершенно фантастическое. По его мнению, коней ввели в могилу живыми, могилу закрыли и кони умирали здесь в страшных мучениях [Браун, 1906: 99–100]. Современные исследования скифских курганов показывают, что в конских захоронениях, где содержится более двух скелетов, кони укладывались, а может быть, и сбрасывались в яму, довольно беспорядочно. В конских захоронениях Толстой Могила костяки лежат в настолько причудливых положениях, что трудно разобраться, какие части какому коню принадлежат [Мозолевский, 1979: рис. 12–13]. При избытке фантазии здесь можно вообразить все что угодно.

4.17. УЗДА ИЗ КОНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ

Удила и псални (рис. 22; 68). Удила, обнаруженные в Бабиной и Водяной могилах, двучастные, с загнутыми в кольца окончаниями большего и меньшего диаметра. Перед внешними кольцами на стержни удил надеты квадратные пластины с откованными по углам короткими шипами, загнутыми внутрь, что указывает на строгость узды. Во внешние кольца вставлены псални, а также с помощью спе-

циальных петель надеты дополнительные треугольные звенья для прикрепления повода. При удилах коня № 1 в Бабиной Могиле и у обеих коней из Водяной Могила найдены кольца для крепления чомбура, которые, по-видимому, надевались или подвязывались к левому внешнему кольцу удил. Удила в наших курганах имеют крупные размеры. В Водяной Могиле длина удил достигает 25 и 30 см, в Бабиной 28 и 30,5 см, что обусловлено крупными размерами лошадей. Удила снабжены псалнями разной формы. В Водяной Могиле псални прямые, в Бабиной – С-видные, также отличаются крупными размерами. В Водяной Могиле их длина достигает 18–20 см, в Бабиной – 25–29 см. Столь крупные размеры псалней характерны только для царских курганов Нижнего Поднепровья [Мельюкова, 1981: 58].

Такие удила и псални широко представлены в скифских курганах середины – второй половины IV в. до н. э. В большинстве случаев эти удила имеют квадратные насадки для строгости и внешние треугольные звенья для прикрепления повода, надеты на внешние кольца удил. Форма псалней не является датирующей, поскольку в одних и тех же комплексах встречаются оба варианта и наравне с ними и третий – S-видные псални. Появление в Скифии С-видных псалней датируется IV в. до н. э. [Мельюкова, 1981: 60].

На одном из псалней из Бабиной Могила сохранилась орнаментация в виде поперечных нарезок (рис. 68, 2). Орнаментация сходного характера в виде поперечных рельефных поясков отмечена на одном из псалней в Чертомлыке [Чертомлык, 1991: 148, кат. 8].

Наиболее ранние образцы бронзовых С-видных псалней длиной около 12 см представлены в конском захоронении при боковом погребении в Солохе [Манцевич, 1987: 106, 110, кат. 83, 106]. В середине – второй половине IV в. до н. э. эти падали изготавливались из железа. В Толстой Могиле в тризне и в конских могилах представлены как прямые, так и С-видные псални [Мозолевский, 1979: рис. 6, 1; 18, 2, 5, 7; 24, 2, 5, 7; 97, 1]. В Чертомлыке представлены исключительно прямые псални. Следует отметить, что эти находки происходят из тризны и нам неизвестны типы псалней из конских могил кургана [Чертомлык, 1991: 147–149, 252, № 4, 1–2; 5, 1; 6, 1–2; 7–9; 216]. В Краснокутском кургане из 60 пар удил 45 имели прямые псални и 11 удил – С-видные. В кургане Козел С-видные псални имели все 10 лошадей

из конского захоронения. В Огузе из старых раскопок известен 1 экземпляр С-видных псалов [Мелюкова, 1981: 54, 60, рис. 15; 17, 11]. При доисследовании Огуза обнаружены еще несколько удил с прямыми и С-видными псаллами [Фіалко, 1996: 94–94, рис. 1–2; *Boltrik*, 1996: 124, Abb. 5]. В Мелитополе один конь имел С-видные псаллы, второй – прямые [Мелитополь, 1988: 131, № 115, 140, № 135, рис. 152, 5; 153; 155–156]. В конском захоронении Башмачки единственный конь имел удила аналогичного нашего типа с прямыми псаллами [Спицын, 1901: 77, рис. 20]. В конском захоронении 2-го Мордвиновского кургана в комплект с удилами идентичной конструкции входили С-видные псаллы [Ильинская, 1973: 55, рис. 8, 12]. При таких же удилах С-видные псаллы присутствуют и в Александрополе [ДГС, I: Атлас, табл. VII, 9].

Украшения узды и седла из Водяной Могилы (рис. 19–21). Уздечки из Водяной Могилы по декору разительно отличаются между собой. Уздечка коня № 1 украшена набором бронзовых украшений: зооморфным нахрапником, парой нащечников типа «птицеклювых» с характерной гравировкой [Мозолевский, 1979: 188] и 6 круглыми бляхами с кнопками в центре. Нахрапник и по материалу, и по форме притка находит ближайшее сходство в конской могиле Лемешева кургана [ОАК, 1911: 34, рис. 62]. По основным характеристикам входит в большую серию нахрапников с изображениями львиноголовых грифонов [Мелюкова, 1981: 83–85].

«Птицеклювые» нащечники широко представлены в курганах высшей знати Северного Причерноморья середины – второй половины IV в. до н. э. При сходстве формы и близости размеров они имеют различный гравированный орнамент на внешней стороне. Плохая сохранность нащечников из Водяной Могилы не позволяет охарактеризовать орнаментику в деталях, однако общность элементов с хорошо известными образцами не вызывает сомнений. В конской могиле Мелитопольского кургана нащечники обеих коней изготовлены из бронзы [Мелитополь, 1988: 132–136, 141, № 145, рис. 152, 6–7; 155, 1], в Огузе такие нащечники золотые [Лесков, 1974: 16, рис. 7; *Boltrik*, 1996: 124, Abb. 5], в Толстой Могиле – серебряные, золотые и бронзовые [Мозолевский, 1979: 34–35, 41–45, 115, № 29–30, 77–82, рис. 21, 5–6; 25, 7–8; 26, 1–6; 99, 1–8], в Чертомлыке – в составе трианы бронзовые, в конских могилах серебряные [Чертомлык, 1991: 153, 160–167,

кат. 19; 44, 2; 46, 2; 48, 2; 50, 2; 51, 2; 52, 2; 53, 2; 54, 2; 55, 2], золотые на бронзовой основе и серебряные в Чмыревой Могиле [Браун, 1906: 102–103, рис. 41; 43; 49], из бронзы в Лемешевом кургане [ОАК, 1911: 33, рис. 61] и Страшной Могиле [Орджоникидзе, 1973: 138, рис. 21, 3].

Составные круглые бляхи с петлей на обороте и кнопкой-заклепкой в центре снаружи, оформленной в виде полусферического выступа или зачеканенной заподлицо, широко представлены в курганах высшей скифской знати середины – второй половины IV в. до н. э. и различаются только по материалу, из которого они изготовлены. Мелитополь – бронза [Мелитополь, 1988: рис. 152, 9], Огуз – золото [Лесков, 1974: 16, рис. 7; *Boltrik*, 1996: 124, Abb. 5], Толстая Могилы – в конских могилах серебро, серебро на бронзовой основе со свинцовой прокладкой и золото, среди украшений погребального кортежа – бронзовые [Мозолевский, 1979: 32, 34, 36–37, 40–41 рис. 19, 4; 21, 1–3; 25, 1–6; 98, 1–6], Чертомлык – бронза, серебро и золото [Чертомлык, 1991: 153–167, кат. 22.6; 44, 4; 45, 4; 46, 4; 48, 7; 50, 4; 51, 4; 55, 4], Страшная Могилы – бронза [Орджоникидзе, 1973: 138, рис. 21, 7–8].

Для украшения нагрудного ремня крепления седла коня № 1 использованы цельнолитые круглые бляхи с петлей на обороте, несколько меньшего размера, слабовыпуклые, с отогнутым внутрь краем. Такого типа бляхи имеют более широкий хронологический диапазон и представлены в Солохе и Цимбалке [Малцевич, 1987: 107, № 86–88], Мелитополе [Мелитополь, 1988: рис. 152, 8] и Краснокутском кургане [Мелюкова, 1981: 62, рис. 16, 9].

Уздечку коня № 2 в Водяной Могиле украшал только железный пластинчатый нахрапник с крючком и петлей в верхней части и расширенной плоской нижней лопастью. Узда с налбонниками этого типа широко распространена на Среднем Дону с конца V до рубежа IV–III вв. В курганах степного Поднепровья такие нахрапники распространены в памятниках IV в., для части которых установлена более узкая датировка в пределах второй половины IV в. до н. э. [Фіалко, 1996: 96].

Подпругиные пряжки, с помощью которых крепились седла на обоих конях – круглая бронзовая и прямоугольная железная, обе с грибовидными кнопками-фиксаторами, – широко представлены на территории Скифии IV в. до н. э. [Ильинская, 1973: 61, рис. 12, 4–5].

Украшения узды и седла из Бабиной Могилы. В Бабиной Могиле уздечные наборы найдены в скоплении украшений погребальной повозки во рву и в конском захоронении в дромосе гробницы № 2.

Набор цельнолитых бронзовых уздечных украшений из скопления украшений погребальной повозки включал 2 круглых массивных выпуклых бляхи с петлей на обороте, 2 ажурных нащечника в виде «петушка» с поперечной петлей на обороте, бляшку в виде стилизованной лапы животного с диагональной петлей на обороте, налобник с треугольным пластинчатым основанием и объемным изображением протомы травоядного животного, плоский нахралник с двусторонним ажурным изображением головки ушастого орлиноголового грифона (рис. 53).

Круглые бляхи такого типа в Солохе и Цимбалке имеют золотое покрытие [Манцевич, 1987: 106–108, 110, 115, кат. 82, 86–88, 104–105, 132]. В Гаймановой Могиле в Северной гробнице в уздечном наборе представлены аналогичные бронзовые изделия [Ильинская, 1973: 55–56, рис. 8, 3, 6], как и в Чертомлыке, где они обнаружены в составе приношений [Чертомлык, 1991: 148, 153, кат. 5, 2; 22, а]. В Мелитопольском кургане такие же бляхи использованы для украшения нагрудного ремня крепления седла у коня № 1 [Мелитополь, 1988: 137, рис. 152, 8], в конском погребении кургана № 4 в урочище Носаки 14 таких блях трех размеров украшали уздечку и нагрудный ремень крепления седла. Большая часть из них имела золотую плакировку [Носаки, 1977: 100, рис. 15, 5–14, 21–22]. В Краснокутском кургане есть сходные бронзовые бляхи [Мелюкова, 1981: 62, рис. 16, 8], то же в 1-ой Испановой Могиле, дата погребения которой по лехифу с пальметкой и краснофигурному килику определяется около середины IV в. до н. э. [Мозолевский, 1980: 140, рис. 74, 14] и в Чмыревой Могиле в составе узды коня № 1 [Браун, 1906: 101, рис. 57]. Известны они также и в рядовых курганах IV в. до н. э. – кургане № 3 у с. Ново-Владимировка и кургане № 71 могильника Широкое-II под Скадовском [Ковпаненко, 1973: 264, рис. 2, 21; Черненко, 1977: 92, рис. 16, 3].

Для ажурных нащечников в виде «петушка», по определению В.А. Ильинской [1973: 56], существуют и иные интерпретации. Б.Н. Граков видел в них сильно стилизованные изображения задних лап льва [Граков, 1962: 91]. Визуально к такому пониманию и А.И. Мелюкова,

которая вслед за Е. Малкиной считает, что здесь в предельно стилизованной манере изображены круп и задние ноги с лапами хищника. Стилизация зашла настолько далеко, что трудно понять, что лежит в основе. Это выясняется только при сравнении с бляхами V в. до н. э., где в достаточно реалистичной манере показаны круп и пара ног с лапами хищника [Malkina, 1926: 176, Beil. 2, 1–4; Мелюкова, 1981: 62]. По мнению В.Н. Мозолевского, это стилизованные изображения гиппокампа [1979: 195]. Все же ближе к истине А.И. Мелюкова.

Такие нащечники в курганах в Скифии представлены серией находок: 2-й Мордыновский курган [Ильинская, 1973: 55–56, рис. 8, 20], Чертомлык [Чертомлык, 1991: 153 кат. 20], Краснокутский курган [Мелюкова, 1981: 62, рис. 17, 1–2]. В Гаймановой Могиле в Северной гробнице такие бляхи изготовлены в иной технике – на тонкой пластине нанесено гравированное изображение, а две петли на обороте крепятся с помощью заклепок. Такую технику В.А. Ильинская связывала с фракийским влиянием [Ильинская, 1973: 55, рис. 8, 8–9]. По-видимому, реплику причерноморских прототипов таких нащечников во фракийском стиле можно видеть в серебряных гравированных нащечниках в узде коня № 1 в Краснокутском кургане [Мелюкова, 1981: 67–68, рис. 19, 2–3]. На золотых обкладках ригова из Толстой Могилы стилизованные изображения гиппокампа, как их трактовал Б.Н. Мозолевский, переданы в рельефе [Мозолевский, 1979: 59, рис. 39]. В Александрополе такие нащечники изготовлены в варварски роскошной манере, свойственной для этого кургана, и представляют собой золотые накладки со штампованным изображением, по-видимому, крепившиеся на бронзовой основе [ДПС, II: Атлас, табл. XIII, 5, 8]. Известны они также и в курганах рядового населения в традиционном исполнении (литые, бронзовые) – в насыпи кургана № 8 группы II Николаевского курганного поля [Граков, 1962: рис. 10, 1]. Достаточно широко они представлены и в лесостепи, где появляются во второй половине V в. до н. э. Это предполагается по материалам единственного кургана № 2 у с. Галуцино [Ильинская, 1968: 133]. Однако такая датировка вряд ли правомерна. В.А. Ильинская считала единым набор уздечных принадлежностей, помещенный Б.Н. и В.И. Ханенко на одной таблице. Но в пояснительном тексте к таблице значится, что здесь собраны несколько наборов, происходящих из урочища Галуцино [ДП, II 1899: 27, табл. XIX]. По степным

комплексам, по-видимому, следует говорить о времени около середины IV в. до н. э.

Зооморфные блихи в виде стилизованной лапы животного также широко представлены в курганах Северного Причерноморья. Наиболее ранние образцы представлены в кургане Солоха, где бронзовая основа имеет золотое покрытие [Манцевич, 1987: 107, 110, кат. 91, 109]. В Бердянском кургане, курганах Карагодешашх и Чертомлык это бронзовые изделия [Чердиченко, 1988: 157, рис. 6, 3; Карагодешашх, 1894: 62, рис. 39; Чертомлык, 1991: 148, 153, 163, кат. 4, 4; 5, 3; 20, 6; 47, 2]. Известны они и в рядовых курганах Причерноморской Скифии IV в. до н. э. — в кургане № 29 группы Гаймановой Могилы [Ильинская, 1973: 53–54, рис. 7, 3] и в кургане № 3 у с. Нововладимировка близ Скадовска [Ковпащенко, 1973: 264, рис. 2, 22].

Налобник с треугольным пластинчатым основанием и объемным изображением протомы травоядного животного не имеет аналогов. Отдаленное соответствие демонстрирует налобник из Чертомлыка, также существующий в единственном экземпляре. А.Ю. Алексеев трактует его как изображение орлиноголового грифона [Чертомлык, 1991: 151, кат. 17].

Для плоского нахрапника с двусторонним ажурным изображением головки ушастого орлиноголового грифона имеются ближайшие соответствия в Чертомлыке, где такие изделия представлены в значительном количестве [Чертомлык, 1991: 151, 163, кат. 17; 47, 2].

Украшения уздечки и седла коня № 1 из гробницы № 2. Характеристика украшений уздечки Бабиной Могилы дана М.Ю. Трейстером (см. Приложение № 3). Здесь предлагаются дополнения по трактовке сюжетов, аналогиям и датировке изделий.

Уздечка коня № 1. Налобник с изображением отдыхающего Геракла (табл. 6, 2). На великолепном налобнике помещено изображение отдыхающего Геракла со всеми характерными атрибутами в трактовке, получившей особую популярность в греческой скульптуре IV в. до н. э. [Давыдов, 1997]. Не вызывает сомнения существования в древности скульптурного прототипа изображения на налобнике, хотя и нет возможности его указать. Не входя в детальный анализ, нужно отметить следующее. В отличие от всех остальных деталей уздечек из Бабиной Могилы, изображения на которых выполнены в высоко реалистичной манере и могут на сегодняшний день считаться

лучшими образцами греческой торевтики IV в. до н. э., изображение Геракла на этом налобнике характеризуется определенными нарушениями анатомических пропорций. Крупная выразительная голова и мощные длинные ноги резко диссонируют с укороченным широким туловищем. Также режет глаз рахитично короткая и тонкая, в сравнении с остальными частями тела, правая рука, явно уступающая по длине левой. В целом по манере исполнения это изображение близко к изображениям Геракла во фракийской торевтике IV в. до н. э. Геракл в поединке с немейским львом на уздечных бляхах из Долной Косницы и Мрамор-Могилы, в сцене соблазна Авги на фиале из Рогозенского сокровища дает представление об этом стиле, который, при всем стремлении к реализму, несет отчетливую печать примитивизма [Ancient Gold, 1998: 107, № 20; 173, № 103; 177, № 107]. Вероятно, также о фракийской традиции свидетельствует и техника частичной позолоты отдельных элементов изображения на налобнике с Гераклом, представленная и на бляхах с изображениями молодого безбородого и старого бородатого сатиров из этой же уздечки.

Бляхи с изображением молодого безбородого сатира (табл. 7, 3–4). Наличие завязок лапы на шее в виде львиных лап как будто указывает на связь с Гераклом, что в свое время послужило для нас основанием для отождествления данного изображения с Гераклом. Представляется верным отождествление с сатиром, предложенное М.В. Русаевой [2001: 54–55]. Единственное, что нужно уточнить в этой связи: у сатира изображены не рожки, а козлиные уши, что подчеркивают ушные раковины, обозначенные крупными точками в их основании. Наличие завязок на шее сатира вполне естественно, поскольку Дионис и представители его свиты, в которую входили и сатиры, иногда изображались в шкуре кошачьего хищника на плечах с завязками из характерных лап на шее [Simon, 1981: В.124/XXXIII]. В то же время по атрибутам и взаимному присутствию в сюжетах давно отмечена тесная связь Геракла с Дионисом [Стефани, 1872: 40–41; Акимова, 1996: 267].

Бляха с очень близким изображением в высоком рельефе найдена в кургане Вербица во Фракии. Воспроизведение находки в издании плохое, и детали не видны. Но, судя по описанию, выделяются венок и заостренные уши, вокруг шеи наметана козья шкура, под подбородком

родком копыта. Тип лица поразительно сходен с нашим изображением. В. Филов датировал комплекс концом IV в. до н. э., возможно первой половиной III в. до н. э. [Филов, 1934: 174, 215, 231, Обр. 186, 1: 200, а]. Однако в захоронении найден сетчатый лекиф, что указывает на его датировку около середины – третьей четверти IV в. до н. э.

Бляхи с изображением старого бородатого сатира с козлиными ушами (табл. 7, 1–2). В трактовке сюжета изображений на этих бляхах действительно все соображения, изложенные выше для блях с изображением молодого сатира. Что представляется важным для блях с изображениями обоих типов, это то, что сатиры на них изображены в достаточно реалистичной манере, сходной с великоленными выразительнейшими фисовыми и профильными изображениями сатиров на пантикапейских статерах 1–3-го типов 350–336 гг. до н. э., резко отличающейся от более поздних изображений сатиров на тех же статерах 4–6-го типов с утрированными лицами, выпученными глазами, шишковидными наростами на лбу и вздернутой бородой [Зограф, 1951: табл. XI, 7–9; Шелов, 1956: 29–31].

Прямоугольные бляшки с изображением женской головки во фригийской шалке (табл. 8, 2). М.Ю. Трейстер видит в них изображения амазонок (см. Приложение № 3) по аналогии с изображениями таких головок на боспорских пеликах второй половины IV в. до н. э. [Кобылина, 1951: 135, сл.]. К. Шефольд отмечал условность такой атрибуции и считал, что, скорее всего, эти изображения воплощают Великую Богиню [Schefold, 1934: 148; Ходза, 2000: 207–208].

Крупная фигурная бляшка в форме Зевсова перуна (англ. – *thunderbolt*) воспроизводит форму оберега, достаточно популярного в греческой тюретике (табл. 8, 1). Из звеньев такой формы состоят золотые ожерелья из Огуза, кургана Карагодеуашх [Scythian, 1999: 220–221, № 101; Scythian, 1986: № 254], из гробницы 1854 г. в Пантхасее 400–380 гг. до н. э., ожерелья из Тарента (?), датирующегося 350–330 гг. до н. э. [Вильямс, 1995: 152–153, 205, № 94, 135], другого ожерелья из Тарента начала IV в. до н. э. [Higgins, 1961: Pl. 28].

Крупная бляшка с каннелированной серединой, розеткой и соцветием на окончаниях (рис. 73, 10). Бляшки такого типа известны в центральной гробнице кургана Кара-Тюбе в Приазовье второй–третьей четверти IV в. до

н. э. [Болтрик, 1993: 189, 194, № 11, рис. 5], в гробнице № 2 кургана № 4 группы Страшной Могилы в составе парадного пояса [Мозолевский, 1973: 146, № 5, рис. 29, 1, 3], датирующейся в тех же пределах по чернолаковой миске и всему комплексу вещей. Аналогичный пояс с такими же элементами декора, выполненными из золота, хранится в Музее исторических драгоценностей Украины в Киеве. Обстоятельства находки неизвестны [Болдарь, 1975]. Известны также украшения и на территории Фракии в курганах Долна Косница и Кралево IV в. до н. э. В последнем они золотые [Ancient Gold, 1998: 108, 120, fig. 23; 41].

Мелкие бляшки с каннелированной средней частью подобного типа (рис. 73, 2–7). Для этих бляшек можно отметить близкие изделия только в кургане Долна Косница IV в. до н. э. во Фракии [Ancient Gold, 1998: 109, fig. 25].

8-лепестковые розетки (рис. 73, 11–13). Идентичные розетки с отверстиями для нашивания, но изготовленные из золота, происходят из Чмыревой Могилы [Окайко, 1970: 106, табл. ХLI, 496-л], Верхнего Рогачика [ОАК, 1913–1915: 135, рис. 221], кургана Кара-Тюбе [Болтрик, 1993: рис. 6]. В Толстой Могиле в уздечном наборе коня № 3 из северной ковской могилы № 1 сходные серебряные розетки, но с 9 лепестками, имели петлю на обороте [Мозолевский, 1979: 38, № 43, рис. 22, 6–7]. Аналогичные 8-лепестковые золотые розетки, но также с петлями на обороте, имеются в кургане Цвяткова Могила середины IV в. до н. э. Находки таких украшений достаточно многочисленны во Фракии [Ancient Gold, 1998: 103, fig. 13]. В целом такие бляшки в греческой тюретике известны с микенского времени [Higgins, 1961: 78, Fig. 14, a].

Прямоугольная бляшка с рельефным изображением 8-лепестковой розетки в центре выпуклого круга с рубчатым валиком вдоль двух сторон (рис. 73, 9) по схеме полностью соответствует крупным золотым звеньям ожерелья из Чмыревой Могилы [ОАК, 1909–1910: рис. 193] и золотого ожерелья из Нимфея V в. до н. э. В последнем розетки, выполненные сканью, напаяны на звенья [Higgins, 1961: Pl. 27, A].

Украшения ремней крепления седла коня № 1. Ремни крепления седла были расшиты различными серебряными бляшками описанных типов. Кроме того, нагрудный ремень украшал набор украшений – т. н. нагрудник.

Конские нагрудные уборы в скифских курганах

Название кургана	Большие округлые бляхи	Лунницы	Колокольчики	Шайбы	Фигурные бляхи	Другие
Солоха (при впускном), конь № 2	–	более 7	12	–	10	+
Солоха (при впускном), конь № 3	1	1	4	–	–	+
Солоха (при впускном), конь № 4	1	1	4	–	–	+
Солоха (при впускном), конь № 5	–	–	6	–	19	+
Вердянский курган, Восточная могила	–	более 3	20	–	22	+
Толстая Могила	2	10	9	–	–	–
Мелитопольский курган	3	8	5	–	–	+
Бабина Могила	5	25–27	5	15	15	+
Краснокутский курган	10	28	16	42	–	–
Лемешев курган	несколько	более 4	4	?	?	?
Огуз, 1902 г.	несколько	11	9	?	?	?
Огуз, конская могила 1981 г.	+	+	+	?	?	?
Огуз, конская могила 1981 г.	+	+	+	?	?	?
Чертомлык, средняя могила, конь № 3	3	10	8	–	–	–
Чертомлык, северная могила, конь № 3	3	11	8	–	–	–
Чертомлыцкая Близница	3	12	7	–	–	14
Александрополь, конская могила, № 1	5	5	6	–	–	+
Александрополь, дромос, № 2	?	?	2	–	?	+
Александрополь, дромос, № 3	?	?	?	?	?	22
Александрополь, дромос, № 4	несколько	несколько	5	–	5	6
Александрополь, дромос, № 5	–	–	–	–	2	1

Нагрудник состоял из бронзовых 14 подпрямоугольных, 1 треугольной, 25–27 лунообразных блях, 5 колокольчиков, 15 шайб и 5 крупных круглых блях, а также полностью разрушенных окисленным серебряных блях: прямоугольной размерами 25 x 15, квадратной 5 x 5 и круглой диаметром 6 см. Все простые и фигурные бляхи и колокольчики составляли многоярусную симметричную композицию. Бляхи соединялись между собой с помощью коротких железных проволоочных звеньев. Примерное расположение блях нагрудного убора коня № 1 показано в реконструкции (рис. 72).

Конские нагрудные уборы обнаружены по одному в Мелитопольском, Лемешевом и Краснокутском курганах, Толстой Могиле, по два – в Солохе, Чертомлыке, Коале, Чмыревой Могиле, не менее 1 в Огузе [Мелитополь, 1988: 246–249, приложение 4]. Эту серию дополняет

курган Чертомлыцкая Близница, синхронный Чертомлыку, в конском захоронении которого 1 из 3 коней имел нагрудный убор [Мурзин, 1986: 278], а также 2 убора из конского погребения Огуза, открытого в 1980–1981 гг. [Болгарик, 1991-А: 179]. Украшения нагрудного убора найдены в тайнике № 1 в Восточной Могиле Вердянского кургана. В состав украшений нагрудника можно выделить кожаный ремень с 22 нашитыми бронзовыми ромбовидными бляхами, 202 трубчатых пронози с надетыми на них 57 гладкими узкими муфтами, 20 бронзовых колокольчиков, 3 целых и несколько фрагментированных бронзовых лунниц [Черевиченко, 1988: 157, рис. 4, 1–2, 6–8].

В Александрополе существовало не менее 5 конских нагрудных уборов – 1 в конском захоронении при центральной гробнице и не менее 4 у коней в дромосе подзахоронения. Первый набор имеет полные количественные

характеристики (см. таблицу). О наличии второго свидетельствуют «два бронзовых колокольчика на железных кольцах, несколько бубенчиков и подвесок», найденных в куче конских костей, помимо многочисленных золотых и серебряных украшений уздечек. В составе третьего убора обнаружены «22 золотых и серебряных четырехугольных пластинок», по-видимому, нашитых на нагрудный ремень. В составе четвертого убора перечислены 5 круглых серебряных узорчатых (прорезных?) блях, 6 золотых бусин, 5 бронзовых колокольчиков и несколько «кругов и полумесяцев» на таких же цепочках. Особой роскошью отличался пятый убор, состоявший из золотых ажурной ленты и 2 полукруглых пластин с изображением сцен терзания [ДГС, I: 8-9, 16, 19-20]. В.А. Ильинская в реконструкцию убранства последнего коня включила ряд золотых блях и ажурных пластин из других наборов Александрополя [Археология УССР, 1986: 146, рис. 39].

В Огузе детали конского нагрудного убора из находок 1902 г. изготовлены из золота, бронзы и серебра, что дало основания А.А. Слицину предполагать их происхождение более чем от одного убора [Слицин, 1906: 158].

Б.Н. Мозолевский предполагал 2 набора нагрудных украшений в конской могиле при впускном погребении Солохи. А.П. Манцевич, следуя описанию Н.И. Веселовского, условно распределила их детали между 4 конями № 2-5 [Манцевич, 1987: 27, 107-116, кат. 98-100; 102; 112-114; 122-125; 130-135; ОАК, 1913-1915: 125-132]. Исходную информацию точной считать нельзя и в целом вопрос о количестве и составе конских уборов в Солохе остается неясным.

Бросается в глаза чрезмерное для одного набора количество всех деталей в Краснокутском кургане. А.И. Мелькова предполагает здесь большее количество нагрудных уборов, нежели один [Мелькова, 1981: 52]. Соотношение количества всех типов деталей позволяет видеть здесь 2 или 3 набора.

Аналогичные найденным в Бабиной Могиле колокольчики, а также сходные лунницы без выделенного ушка есть в Толстой Могиле и Мелитопольском кургане [Мозолевский, 1979: 35, рис. 21, 7-8; Мелитополь, 1988: 145, № 167-174, рис. 159-160]. Аналогичные большие круглые бляхи имеются в Огузе [Слицин, 1906: 164, рис. 23] и Краснокутском кургане. В последнем представлены и круглые шайбы [Мелькова, 1981: 49-53, рис. 14, 1-4, 12-17].

Из приведенной таблицы видно, что наборы нагрудных украшений включают близкое количество обязательных элементов (крупные круглые бляхи, колокольчики и лунницы), в некоторых случаях дополненных нестандартными деталями. Не соответствуют общей тенденции количественные характеристики нагрудных уборов из Солохи, что вполне может быть результатом недостоверной фиксации Н.И. Веселовского.

Подпружная пряжка (рис. 74, 1). В.А. Ильинская упоминала среди скифских подпружных пряжек IV в. до н. э., наряду с типичными круглыми и прямоугольными, также и полуовальные, не давая рисунков и смысла [Ильинская, 1973: 61]. Судя по литературе, такая форма была достаточно редкой для Скифии IV в. до н. э. 2 таких пряжки иных пропорций и декора происходят из беспаспортных находок в бывшей Киевской губернии [ДИ, II 1899: 24, табл. XV, № 237-240]. Еще 2 пряжки такого типа найдены в кургане № 1 у с. Волковцы (1897 г.) в Посулье [Ильинская, 1968: 124, рис. 34]. Одна из пряжек имеет рамку из витого стержня. Вторая, судя по рисунку А.И. Мельковой, отличается от нашей равной величиной сторон и изогнутостью планки, к которой наглухо крепилась подпруга. Однако основные функциональные и декоративные элементы – две кнопки-выступа по углам и изогнутый зооморфный шип-крючок для застегивания свободного конца подпруги – совпадают. По данным А.И. Мельковой, пряжки такого типа достаточно широко распространены в курганах Фракии IV в. до н. э. Такие пряжки употреблялись только в обиходе скифов и фракийцев и неизвестны на более восточных территориях [Мелькова, 1979: 220-223, рис. 47]. Однако и среди фракийских находок полных аналогий нет. Сближает их с нашей пряжкой выраженность всех выступов и средние размеры длины планки крепления подпружного ремня 4-6 см.

Уздечка коня № 2. Налобник здесь составной, из двух частей – ромбической и овальной, крепившихся в стык по вертикали на одном ремне. *Ромбический налобник* (табл. 9, 4) имеет форму, сходную с налобниками из Цимбаловой [РД, 1889: 115, рис. 99] и Толстой могилы [Мозолевский, 1979: 39, рис. 23], которые, по мнению М.Ю. Трейстера, отгиснуты в одной форме и по технике изготовления идентичны нашему налобнику. По мнению М.Ю. Трейстера, на налобнике изображен шагающий крылатый Эрот с венками в руках [Трейстер, 2001:

149–151]. Нельзя исключать и иную интерпретацию. Это вполне может быть юный Дионис, произрастающий из побега, с венками из лавра и плюща в обеих руках. Дионис есть бог, составляющий причину возрождения, восстанавливающий формы воплощения и принуждающий все, что возникает и рождается, выходить наружу [Лосев, 1957: 169, 174]. Один из эпитетов Диониса – Дендрит («юноша-дерево»). За спиной от лопаток высоко поднимаются над головой непропорционально огромные, равные росту, крылья, не имеющие ничего общего с обычными крыльями зротов. Хотя и известна одна из ипостасей превращения Диониса и в дракона, но нет никаких упоминаний о крыльях. Крылья, изображенные на пластине, очень необычные: в нижней части их перьевое покрытие образует некий ореол вокруг головы. Может быть, эти крылья-лучи можно объяснить из определения «Зевс-Дионис лучезарный» [Грейвс, 1992: 76].

Овальный налобник с изображением крылатой Ники (табл. 9, 1–2) является полной аналогией налобнику из Александрополя [табл. 9, 3 – ДГС, I: Атлас, табл. XIV, 5]. Считалось, что на александропольском налобнике изображена Афина в полный рост, в шлеме, с копьем и венком в руках и совой у ног [ДГС, I: 20; РД, 1889: 98; Овайко, 1970: 102, № 4296]. Однако плохая сохранность александропольского налобника не позволяла рассмотреть детали. Видимо, поэтому исследователи не обратили внимания на крылья богини и в целом изображение на александропольском налобнике осталось непонятым. На сегодняшний день этот налобник утрачен. Все вещи из Александрополя, переданные из Эрмитажа в Харьковский Исторический музей, погибли во время эвакуации в военные годы. находка в Бабиной Могиле, благодаря талантливой реставрации А.П. Березкина³, помогает понять изображе-

ние на александропольском налобнике. К сожалению, и налобник из Бабиной Могилы сохранился не полностью и остались неясными детали изображения выше крыльев над головой, с левой стороны фигуры у ног, а также под ногами. С другой стороны, александропольский налобник помогает определить полную форму налобника из Бабиной Могилы, нижнее окончание которого было разрушено окислами уже к моменту раскопок. Оба этих налобника по форме аналогичны налобнику с изображением отдыхающего Геракла из уздечки коня № 1.

В античном мире изображение Ники было весьма популярным в различных видах изобразительного искусства – в вазовой живописи, живописи стенной, резных камнях, в рельефах, терракотах, в статуях из мрамора, бронзы, золота и серебра [Миронов, 1911: 4]. Однако ни в одном случае не использовался такой атрибут, как трезубец.

И только на золотых монетах Александра Македонского появляется Ника, показанная в профиль влево, голова в профиль, с венком в правой руке. В левой полусогнутой руке, вытянутой вдоль тела, она удерживает трезубец (т. е. стилиск), именно того типа, который изображен на нашем налобнике. На некоторых монетах имеется также изображение орла у ног Ники, с правой стороны фигуры [Прудик, 1902: 63–65, № 27, 29]. Первоначально предполагалось, что это эмблема монетного двора [Muller, 1855: 182], позднее эти эмблемы были соотнесены с магистратами, выдавшими монетной чеканкой [Seltman, 1960: 206]. Таким образом, орел на монетах не имеет отношения к божественным атрибутам. Тем не менее, у ног Ники Пеонии размещался орел, как предполагается, для более ясного обозначения полета богини [Миронов, 1911: 99]. Таким образом, орел у ног Ники на нашем изображении не случаен. Считается, что изображения Ники на монетах македонских царей, начиная с Александра, восходят к статуарным изображениям [Миронов, 1911: 34].

Наша Ника отличается от изображенной на монетах прежде всего фронтальным расположением, но самое главное – божественной величавостью, которая несомненно свидетельствует о том, что оригиналом для нашего изо-

³ А.П. Березкин – реставратор «божьей милостью», работающий в Государственном историко-культурном заповеднике Киево-Печерская Лавра. Кроме налобника с Никой, он реставрировал второй фалар с изображением Силлы. Специфика реставрации этих предметов, отличавшихся очень плохой сохранностью, состояла в том, что в обеих пластинках с изображениями не сохранился живой металл. Изображение сохранилось только благодаря тончайшей первичной пленке окисла, образовавшейся в начальный период пребывания этих вещей в погребении. Впоследствии в результате дальнейшего окисления металл разрушился полностью, образовав поверх и снизу этой пленки рычкий слой серого окисла. Задача реставратора заключалась в кропотливом механическом удалении тонкой иллой под

микроскопом этого окисла с поверхности окисной пленки, сохранившей форму изображения, с последующим восстановлением металла изделий при соответствующей температуре. Выражаем ему свою глубочайшую признательность.

бражения, а также прототипом для изображений Ники на монетах Александра послужила статуя, судя по нашему изображению, исполненная скульптором высочайшего класса. Но каких? Сохранившиеся скульптурные изображения Ники – терракотовая статуя с южного склона афинского акрополя (ок. 475 г. до н. э.), изваяние Песония из Менде (ок. 420 г. до н. э.), изображения на баллюстраде храма Афины-Ники на Афинском акрополе (411–407 гг.), Ника Самофракийская трактованы в сходной традиции, что и наше изображение, но совершенно иные по ракурсу и атрибутам [Колликовский, 1970: рис. 180а; Мифы, 1988: 217, рис. 1–3]. Ничего подобного среди сохранившихся греческих статуй не известно.

В 1932 г. на Афинской Агоре в заполнении цистерны первой половины III в. до н. э. была найдена бронзовая скульптурная головка. Г. Томпсон посвятил ее интерпретации великодушное исследование. При изучении этой головки он обнаружил остатки золотой и серебряной с позолотой облицовки, некогда покрывавшей головку. По характерным следам он установил, что эта облицовка наносилась и удалялась неоднократно. Если первоначально драгоценное покрытие было удалено весьма аккуратно, то в последний раз эти действия носили характер варварского обдиранья. Г. Томпсон интерпретировал головку как часть полнообъемной круглой составной бронзовой скульптуры крылатой Ники. Такие статуи с золотым покрытием весом около двух талантов для каждой (52 кг золота) служили своеобразной формой хранения золотого запаса Афин на протяжении V–IV вв. до н. э. Как полагали П. Фукар, В. Фергюсон²⁰ и Г. Томпсон, всего таких статуй было изготовлено не менее 10, по числу афинских демов. Все Ники не были идентичными и при общем сходстве различались в деталях. По эпиграфическим и письменным источникам, хронология изготовления статуй Ник выглядит следующим образом. В 443 г. было изготовлено не менее трех статуй, в 430–425 гг. еще две, в 426/5 г. – также две и около 410 г. – еще две. В кризисном 406/5 г. все статуи, за исключением одной, лишились золотого покрытия,

²⁰ К сожалению, осталась недоступной фундаментальная работа Ferguson W.S. *Treasurers of Athena*. – Cambridge, 1932, где, судя по многочисленным ссылкам, содержится ценнейшее сведение по истории золотых Ник. Сердечно благодарю д-ра А.Наллера (Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung) за помощь в подборе редкой зарубежной литературы по этому вопросу.

переплавленного в монеты. В 374/3 г. одна Ника была восстановлена, а в 334/3–331/0 гг. Ликург восстановил все остальные. В 296/5 г. их история завершается, когда тиран Лахар переплавил все Ники, и, судя по находке 1932 г., бронзовые статуи были также уничтожены. Больше упоминаний о них нет [Foucart, 1888: 283; Ferguson, 1932; Woodward, 1937: 159–170; Thompson, 1940: 183–209].

По определению Г. Томпсона, бронзовая головка была изготовлена в 430-х гг. и по уровню мастерства скульптура относится к концу творчества Фидия или к периоду сразу после него (рис. 135). По его мнению, это одна из трех Ник, установленных в Афинах в 434/433 г. до н. э. Изображение на нашем наброске вплоть до деталей совпадает с реконструкцией Г. Томпсона: характерная прическа, с волосами, собранными в узел наверху, легкий поворот влево взгляда Ники (на несколько градусов), ожерелье, внешнее сходство лица. Г. Томпсон, исходя из сохранившихся описаний, предполагал наличие накладного венка [Thompson, 1940: 183–209]. Судя по нашему изображению, венок не был обязательной принадлежностью всех золотых статуй Ники.

На панафинейских амфорах 336 г., в год архонта Пифодела, впервые появляются изображения крылатой Ники с трезубцем [Swindler, 1929: 189–190, Fig. 347], которые, как давно предполагалось, являлись изображенными золотых афинских Ник. Они точно соответствуют изображениям Ник на оборотных сторонах статов Александр Македонского, особенно наиболее ранних, и резко отличаются от изображений богини на монетах других греческих центров IV в. до н. э. По мнению Г. Томпсона, скульптурный прототип Ники на монетах Александра на сто лет старше этих монет. Он отметил безусловное сходство изображений на монетах Александра с головкой из Афин и с той позой скульптуры, которую он реконструировал для нее. В целом Г. Томпсон сделал вывод о том, что на монетах Александра 336 г. и панафинейских амфорах 336 г. изображена одна из Ник, восстановленных Ликургом, чему как будто противоречат эпиграфические документы, отмечающие восстановление Ник Ликургом не ранее 334/3 г. до н. э. Однако неоднократное появление крылатых Ник на амфорах и монетах именно в 336 г. до н. э. свидетельствует о том, что одна или несколько Ник были восстановлены в 336 г., но не Ликургом, а с помощью Александра Македонского

Рис. 135. Бронзовая голова афинской Ники (В 30, II 0.20)
[Томпсон, 1972; Frontispiece, Pl. 98]

[Thompson, 1940: 206–207]. Александр, всячески старавшийся привлечь Афины на свою сторону, поскольку нуждался в афинском флоте в действиях против персов, взял эти фигуры в качестве символа для своих монет, чеканка которых началась в том же 336 г. до н. э. Этот символ приобрел всегреческое значение – Ника как символ грядущей победы над персами [Seltman, 1960: 204–205].

Г. Томпсон полагал, что всю историю этого изваяния узнать вряд ли удастся. Но находка в Бабиной Могиле позволяет увидеть одну из статуй Золотой Ники, работы Фидия или его ближайших последователей, некогда существовавших в Афинах, в достаточно полном, первоначальном виде.

Появление изображений афинской Ники с трезубцем, ставшей благодаря монетам Александра общезнаменным символом, на конских налобниках в скифских курганах Северного Причерноморья в целом не случайно. Арриан сохранил сведения о войнах Александра на северных границах накануне восточного похода. Переправившись через Дунай, Александр умиротворил гетов [Arrian, I, 4]. Однако здесь наверняка присутствовали и скифы. По-видимому, можно предполагать у Арриана употребление территориального этнонима (по типу Истрияне, Борисфен – борисфениты, Тирас – тириты) для обитателей Гетской пустыни в междуречье Дуная и Днестра, где, наряду с гетами, обитали скифы, хорошо известные по археологическим источникам V–IV вв. до н. э. не только к северу от Дуная, но и к югу, на территории Добруджи румынской и болгарской [Андрух, 2000-А: 71]. По-видимому, фраза о том, что «скифы наблюдали за замыслами своих соседей» [Плутарх, 1993: 430], характеризующая ситуацию после смерти Филиппа накануне похода Александра на Дунай, свидетельствует о том, что скифы были прочно вовлечены в македонские дела. Следует также вспомнить о неудачном походе Зепариона в Скифию в 331 г. до н. э. Несомненно, абсолютно неслучайным было направление европейскими скифами послов к Александру Македонскому в 328 г. до н. э. [Arrian, 4, 1: 4, 15]. Все это свидетельствует о том, что скифы Северного Причерноморья располагали полной информацией об Александре, и, по-видимому, его эмблематика была хорошо им известна.

Следует отметить, что изображение Ники в том же виде воспроизводилось и на монетах преемников Александра, дублировавших тип

его монет – Филиппа III Арридея – 323–316 гг. до н. э., Лисимаха – 306–281 гг. до н. э., Селевка I и Дмитрия Полнокрета [Придик, 1902: табл. XI–XII]. Однако датировка амфорного материала из Бабиной Могилы в пределах третьей четверти IV в. до н. э. исключают эти аналогии из числа вероятных.

Бляхи с изображением единоборства Геракла с немейским львом и цербером (табл. 8, 3–4), расположенные на уздечке с двух сторон головы коня в местах пересечения налобного ремня с нащечными, подбородным и затылочным, являются как бы зеркальными в отношении изображения фигуры Геракла. Но на разных бляхах его партнерами в поединке выступают в одном случае немейский лев, в другом – цербер. Такой зеркальностью достигалась определенное расположение фигуры Геракла на ремнях узды, подчеркивавшее его роль победителя. Такие моменты тщательно предусматривались, о чем свидетельствует оформление узды того же времени в кургане Мрамор Могила в Болгарии. Здесь две бляхи украшены идентичными, но зеркальными, изображениями поединка Геракла с немейским львом, выполненными в несколько схематичной, наивной манере, свойственной фракийской гоневтике [Венедиков, 1973: 384, № 293; Ancient Gold, 1998: 172, №103].

В значительно более фракийской манере этот же сюжет изображен на бляхе идентичного размера из кургана Долна Косница также IV в. до н. э. [Ancient Gold, 1998: 107, № 20]. На наших бляхах изображения выполнены в строго реалистической манере великолепного стиля, названного «аттической версией», что характерно для изображений Геракла в греческой гоневтике первой половины IV в. до н. э. [Davidson, 1943: 127, Fig. 68; 103].

Изображение сцены единоборства Геракла с немейским львом на бляхе из Бабиной Могилы является зеркальным и по отношению к аналогичным изображениям на монетах Кникиа, Гераклен, знаменитых сиракузских монетах резчика Эванета [Seltman, 1960: Pl. XVII, 13; XVIII, 11; XXIII, 8], на гемме из Катании [Furtwangler, 1900: 47, № 49, Taf. IX, 49], золотых бляшках из курганов Чертомлык, Верхний Рогачик, Чмырева Могила, Шульговка, Куль-Оба, Желтокаменка, 1-й Мордавиновский курган [Артамонов, 1961: 79; 1966: 53, № 103, табл. 218; Одайло, 1970: 105–106, №№ 491в, 493г, 496в, 498а; Мозолевский, 1982: рис. 37, 21]. Существование скульптурного прототипа

в древности вполне вероятно, и, возможно, не одного, поскольку на этих изображениях по-разному решены весьма существенные детали.

Декоративная окантовка изобразительного поля на бляхах с изображением Скиллы и единоборства Геракла аналогична декору бронзового зеркала IV в. до н. э. из Парижской национальной библиотеки [Raftoroulou, 1991: 271–272, fig. 15].

Бляха с изображением единоборства Геракла с Цербером (табл. 8, 3) по схеме до деталей сходна с аналогичным изображением на камее I в. до н. э. из собрания Эрмитажа, найденной в 1523 г. в Кампании [Античные камни, 1988: 91, № 163]. И на бляхе, и на камее изображены абсолютно тот же ракурсе фигуры Геракла, наклон головы, постановка рук и ног, «техника» удушения с помощью удавки. Совершенно идентична и позиция Цербера – вплоть до расположения лап, положения именно двух (!) голов. Также позади героя лежит плащ из львиной шкуры с головой скальпом. Только сам Геракл на камее изображен в зрелом возрасте, что наиболее типично для традиций римского времени. Все это наводит на мысль о существовании общего прототипа – объемной скульптуры великолепного исполнения, изготовленной в V–IV вв. до н. э. О камее из Кампании Бенvenuto Челлини заметил следующие: «Он был такой красоты и так великолепно сделан, что нашему великому Микеланджело пришлось сказать, что он никогда не видел ничего изумительнее» [Челлини, 1987: 71; Неверов, 1985: 15]. Немалая часть этого отзыва по справедливости должна быть отнесена и к прекрасной совершенной скульптуре, изображенной на гемме.

Бляхи с изображением Скиллы (табл. 10) частично воспроизводят сюжет, весьма популярный в греческой торевтике с начала V в. до н. э. и вплоть до раннего средневековья. Морское чудовище Скилла убивает неслом спутника Одиссея, плывущего в волнах. В нашем случае изображение неполное – отсутствует фигура пловца, что обусловлено ограниченностью изобразительного поля. В целом трактовка изображения Скиллы на бляхе из Бабиной Могилы характеризуется нейтрально-отрешенным спокойствием, отсутствием динамики. Скилла представлена в облике миловидной молодой женщины, и даже ее звериные проявления не выглядят устрашающими, что резко отличает ее от известных изображений этого времени [Балимович, 1962: 132–142, рис. 1–4;

Трейстер, 1994: 191] и описания Скиллы в Одиссее:

Страшная Скилла живет искони там. Без умолку лая,
Визгом пронзительным, визгу щенка молодого
подобным,
Всю ослабляет окрестность чудовище. К ней
приближаться
Страшно не людям одним, но и самим
бессмертным. Двенадцать
движется спереди лап у нее: на плечах же
косматых
Шесть подымается длинных, изгибистых шей;
и на каждой
Шею торчит голова, а на челюстях в три ряда
зубы.
Частые, острые, полные черною смертью,
сверкают;
Вдвинувшись задом в пещеру и выдвинув грудь
на пещеры,
Всеми глядит головами ужасная Скилла.
Лапами шаря кругом по скале, обливаемой
морем,
Ловит дельфинов она, тюленей и могучих
подводных
Чуд, без числа населяющих хладную зыбь
Амфитриты.
Мимо ее ни один мореходец не мог невредимо
С легким пройти кораблем; все зубастые пасти
разинув,
Разом она по шести человек с корабля
похищает...

Знай же: не смертное зло, а бессмертное
Скилла. Смысла
Дико-гиблого, некамытна, тражение с ней
невозможно.
Мужество здесь не поможет; одно спасение –
бегство.
Горе, когда ты хоть миг там для тщетного боя
промедлишь:
Вылукет снова она из своей недоступной
пещеры
Все шесть голов и опять с корабля шестерых на
пожранье
Схватит...

Тою порой с корабля шестерых, отличавшихся
бодрой
Силой товарищей, разом схвати их, похитила
Скилла;
Взор на корабль и на схваченных вдруг
обративши, успеха
Только их руки и ноги сверху над своей
головою
Мельком приметить: они в высоте призываю-
щим глазом
Имя мое прокричали с последною скорбью
сердца...

Так трепетали они в высоте, унесенные жадною Скиллой.

Там перед входом пещеры она сожрала их причащих

Громко и руки ко мне простирающих в лютотерапию.

Страшное тут я очами узрел, и страшней ничего мне

Зреть никогда в продолжение странствий моих не случалось.

(*Одиссея*, XII, 80–100; 118–124; 245–250; 255–259)

Подобная нашей, «идиллия» изображена и на бронзовом шлеме из Археологического музея в Софии. Здесь тело Скиллы также имеет 2 свитых в кольца хвоста с вылообразными окончатиями и 4 протома собак в нижней части тела, выглядывающих из-под пелерины. Эта находка отнесена к римскому времени и датирована II–III в. н. э. [Фракийское искусство, 1974: 342, Кат. № 388, Инв. № 5754; *Thracian Treasures*, 1979: Sofia, № 5754]. Сам тип шлема не имеет отношения к римскому времени и вне всяких сомнений принадлежит к раннеэллинистическому времени. Более ранняя датировка П. Динтиса первой половиной II в. до н. э. [Dintsis, 1986: № 21, Taf. 5, 3–4] представляется все же недостаточной.

В Северном Причерноморье известны единичные находки изображений Скиллы на изделиях IV в. до н. э. В кургане воле Анепы 1881 г. найден круглый золотой наушник, привешивавшийся к головному убору [ОАК, 1882–1888: 35, Атлас, табл. I, 14]. Скилла изображена на серебряных накладках на нащечниках шлема из Керчи из гробницы 1834 г., датируемой по монете Деметриха концом IV – началом III вв. до н. э. [ДБК: 190–192, Атлас: табл. XXVIII, 1]. Упоминается также изображение Скиллы на обломке золотой пластины из Куль-Обы [Комдахов, 1888: 35]. В Эрмитаж эта пластина не попала и опубликована в редком издании, оставшемся недоступным [Montperoux, 1843: Pl. XXI, fig. 2]. Два первых изображения профильные. Все они имеют общие изобразительные элементы, но в целом различны по характеру.

Наличие мотивов водной стихии в оформлении деталей уздечных наборов соответствует одной из ипостасей коня в иранской [Вольная, 1997: 12; Колтухов, 1997; Шаповалов, 1997: 119–120], а также греческой мифологии. Еще Гомер видел связь коня с водной стихией, преимущественно с бьющими клыками. В целом греки считали лошадь созданием Посейдона,

а в нем самом видели покровителя коневодства [Илиада, VI, 506; XV, 263; Аристотель. История животных. VIII, 23,6; Элиак. De nat. anim. IV, 6; XI, 36; XVI, 24]. По общим воззрениям древних греков, существовала теснейшая связь между водою (не только рево струящимися ручьями, но и могучими морскими волнами) и конем. Вода являлась непосредственным символом коня, а конь – символом воды. Посейдон настолько же верховный покровитель моря, насколько и творец, и могущественнейший покровитель коня [Стефани, 1864: 24; 1872: 37; Грейс, 1992: 42].

Нащечник с изображением змееподобной богини (табл. 6, 4). Этот образ в женской и мужской ипостасях известен в искусстве греческого мира с архаического времени [Копейкина, 1986: 54; Савостяна, 1996: 80–81]. Начиная с IV в. до н. э., в женском варианте широко используется в искусстве Северного Причерноморья и в греческой, и в скифской среде. Его можно видеть на самых разнообразных предметах: на золотых бляшках, навершиях, саркофагах, рельефах и т. д. [Шелов, 1950: 65–66, рис. 18, 4–5; Артамонов, 1961: 65–70; Онайко, 1970: 32; Бессонова, 1983: 93–98]. В скифских курганах середины – второй половины IV в. до н. э. известны золотые нашивные бляшки с изображением змееподобной богини – Куль-Оба, ст. Лабинская, Большая Близица, Неаполь Скифский [Копейкина, 1986: 54, № 24, 24а; ОАК, 1909–1910: 214, рис. 245; ОАК, 1866: Атлас, табл. II, 30; Scythian, 1986: 233, № 107], на серебряном блюде из Чертомлыка, бронзовом навершии из Александрополя [Артамонов, 1961: рис. 13; 15], облицовке деревянной чаши из ст. Ивановская [Шедеры, 1987: 101, 111, № 87, рис. 38], а также золотом и серебряном конских налобниках из Цамбалки и Толстой Могилы. Вызывает удивление очень широкое распространение этого сюжета на Боспоре и ближайших территориях и нечастые находки подобных изображений в Нижнем Поднепровье, по соседству с Геродотовой Гилеей – местом обитания змееподобной деи, где, казалось бы, этот сюжет должен быть особенно популярен.

Прямоугольные бляшки с изображением Геракла (табл. 11, 2) выделяются ярко выраженной портретностью. И время кургана, и сюжет изображения делают очень соблазнительным предположение об изображении на бляшках из Бабиной Могилы главного героя античного мира этого периода – Александра

Македонского. Тетрадрахмы Александра Македонского считаются первыми портретными монетами. Здесь изображен профильный портрет Александра, облаченного, подобно Гераклу, в львиную шкуру со скальпом на голове [Зюгаф, 1951: 70, табл. XI, 5]. В общем-то можно говорить об их сходстве с бляшками из Бабиной Могилы, и в то же время все они обнаруживают определенное сходство со скульптурной головкой, идентифицируемой с Александром, из гробницы Филиппа Македонского в Вергине [Андроникос, 1991: 117, рис. 6], вероятно, работы Лисиппа [Лесницкая, 1990: 157–159, рис. 1]. Конечно, «томность взгляда» Александра, о которой упоминает Плутарх, на наших бляшках уловить трудно, поскольку материал совершенно иной. Однако наши бляшки выгодно отличаются значительно большим сходством, нежели изображения на накладке на серебряном алабастре из Вергины, которая также считается портретом Александра [Манцевич, 1991: 164, рис. 2].

Прямоугольные бляшки с изображениями скальпов льва сверху (табл. 11, 1). На золотом браслете из Куль-Обы на пластину браслета вдоль краев разреза напаяны по 4 золотых пластинки тех же размеров с изображениями бляшкой трактовки. На куль-обских пластинках шерсть гривы показана реалистично, в виде длинных прядей, на бляшках из Бабиной Могилы – схематично, в 3 ряда. На куль-обских, кроме того, показаны окончания лап. Н.Л. Грач считает, что по стилю и манере изображения эти маски ближе всего стоят к изображениям на самосских монетах первой половины IV в. до н. э. и в целом датирует браслет из Куль-Обы началом IV в. до н. э. [Грач, 1994: 137, рис. 3].

Аналогичные изображения имеются на напаянных пластинках на окончаниях золотых браслетов из Старшего Трехбратнего кургана и кургана близ Феодосии 1853 г. [Кирилин, 1968: рис. 6, 1; ДБК: табл. XII-а, 7]. По сюжету они аналогичны бляшкам Бабиной Могилы, а передача гривы аналогична изображениям на браслете из Куль-Обы. По расписной целике и бронзовым пантикапейским монетам Д.С. Кирилин датировал захоронение Старшего Трехбратнего кургана 330–320-ми гг. [Кирилин, 1965: 15–18], 320-ми гг. до н. э. датирует фасосскую амфору с клеймом магистрата Криниса из этого кургана С.Ю. Монахов (личное сообщение).

Возвращаясь к прототипам этого сюжета, следует отметить, что изобразительные соот-

ветствия этому сюжету имеются на монетах Самоса, начиная с конца VI в. до н. э., когда появляется изображение маски льва в прямоугольном обрамлении, что по схеме вполне соответствует нашему сюжету. Но наибольшую близость к изображениям на бляшках из Бабиной Могилы и Куль-Обы действительно обнаруживают монеты Самоса первой половины IV в. до н. э., где передан прямоугольный абрис морды, окруженной шерстью. Здесь появляется и вертикальная срединная складка, проходящая через шерсть и морду. Но уже на монетах 310–300 гг. до н. э. показан круглый абрис головы льва и его гривы, совершенно растрепанной, в отличие от более ранних, аккуратно уложенных [Barron, 1966: Tabl. 1, 13: XVIII–XXI; XXIII–XXV]. К сожалению, Самос не чеканил свою монету после 365 г. и на протяжении большей части второй половины IV в. до н. э., в период афинской оккупации, а наиболее интересное для нас время. Нужно также отметить, что большое сходство с нашими имеет изображение львиной маски на статере Гортинны 480–440 гг. до н. э. [Regling, 1924: Taf. XIII, 315]. Но членистые шерсти на лбу льва на несколько горизонтальных линий, изображенное на наших бляшках, отсутствует как на бляшках из Куль-Обы, так и на монетах.

Сюжет с изображением львиной маски или львиной головы сверху достаточно широко представлен на монетах греческого мира. Прежде всего это монеты Восточного Восточного Востока VI–V в. до н. э. [Анохин, 1986: табл. 1–2]. Хотя Д.Б. Шелов категорически возражал против атрибуции изображений на восточных монетах в качестве львиной маски (скальпа), однако такие изображения здесь все же имеются, наряду с преобладающими изображениями львиных голов сверху [Шелов, 1951; Анохин, 1986: табл. 1, 33, 34, 36, 37, 40; 2, 48, 49, 55, 68–71]. Изображения львиных голов сверху или масок, или скальпов присутствуют на монетах и других центрах VI–IV в. до н. э. – Афины, Регнум, Мессана, Гортинна, Фестус [Regling, 1924: №№ 166–167, 374, 519, 730; Seltman, 1960: IV, 12; XIV, 1–4; XXI, 1–2; XXXVI, 9–11].

Ближний характер имеет изображение маски льва на нижней плоской лопасти золотого налобника из Чмыревой Могилы из уздечного набора коня № 3, также оформленное в прямоугольник. Здесь это крупное изображение, примерно вдвое большее нашего. Иначе, в реалистической манере, моделирована грива и лапы льва, свисающие по бокам морды [Браун, 1906: 102, рис. 46–47а].

Значительно больше сходных изображений по сюжету, трактовке и размерам именно среди уздечных бляшек имеется во Фракии IV в. до н. э. Ближайшие бляшки происходят из клада в Луковите. Два варианта того же мотива, изрядно схематизированные, имеются в кургане Долна Косница. Чрезвычайно близкие золотые бляшки происходят из Цвятковой Могилы середины IV в. до н. э. Здесь на части бляшек повторено членение гривы на три яруса, как и в Бабиной Могиле [Ancient Gold, 1998: 100, 106, 108, 126, № 10, 19, 22, 46].

Бляшки с изображением Медузы-Горгоны (табл. 11, 3). Изображение Медузы является одним из существенных атрибутов Афины и очень широко использовалось греками и римлянами в качестве амулета-оберега в жизни от беды, а после смерти, в могиле – от подземных духов. Помещалось, прежде всего, на оружии – щитах, панцирях. В качестве апотропейческого знака нашло широкое распространение в захоронениях скифской знати середины – второй половины IV в. до н. э. [Веселовский, 1918: 4; Колейкина, 1986: 45–46], где золотые нашивные бляшки образуют внушительную серию, которая будет рассмотрена ниже в разделе 4.21.

Изображение Медузы в единственном случае встречено и на украшении конской узды. В Елизаветинском кургане 1914 г. найден бронзовый налобник с изображением Медузы в солнечных лучах [Веселовский, 1918: 4]. Бляшки из Бабиной Могилы дополняют пока немногочисленную группу уздечных украшений.

В отличие от архаических изображений, где подчеркивались устрашающие черты образа Медузы [Wilson, 1920: 232–240], изображения на бляшках из Бабиной Могилы выдержаны в значительно более спокойной манере, что связано с традициями греческого искусства классического периода [Онайко, 1970: 48; Колейкина, 1986: 43]. Только в Куль-Обе имеются очень близкие по штампу золотые нашивные бляшки с пробитыми отверстиями, по-видимому, украшения одежды [ДБК: табл. XXI, 12–13]. Определенная близость в общей композиции имеется и с одной из разновидностей бляшек с изображением Медузы из Чертомлыка [Алексеев, 1986-А: 67, 158, № 20].

Украшения узды из Соболевой Могилы. Уздечные украшения из конского захоронения Соболевой Могилы практически не сохранились. Уцелевшие фалары аналогичны по конструкции и размерам фаларам, обнаруженным

в составе уздечных украшений в тайнике в погребении № 3, и рассматриваются вместе с ними.

Нахрапники (табл. 21, 3, 4f, 5a-b). 4 серебряных нахрапника из тайника в погребении № 3 пополняют большую серию находок этого типа из курганов высшей скифской знати Северного Причерноморья. Аналогичные бронзовые нахрапники обнаружены в Мелитопольском кургане, Страшной Могиле и Александрополе, бронзовые и золотые в Толстой Могиле, золотые – в Огузе, серебряный – в Краснокутском кургане, бронзовые, серебряные и золотые в Чертомлыке, серебряные и золотые – в кургане Козел [Мелитополь, 1988: 136, 142, №№ 124, 146; Ильинская, 1973: 51; ДГС, I: Атлас, табл. XIII, 6, 7; Мозолевский, 1979: рис. 27–28; Лесков, 1974: 20, рис. 10; Boltrik, 1996: Abb. 5; Артамонов, 1966: рис. 126; Мелюкова, 1981: 74, 83, рис. 22, 1; Чертомлык, 1991: кат. 18, 44–46, 48–55].

Все эти нахрапники, скульптурное оформление которых рассматривается как изображения львиноголового грифона, А.И. Мелюкова считает скифским воспроизведением продукции греческих мастеров [Мелюкова, 1981: 83–85]. Еще более справедливо такое определение для нахрапников из Соболевой Могилы, с той лишь разницей, что моделью для них служили уже скифские изделия, о чем свидетельствует максимально упрощенная орнаментация щитков. А.И. Мелюкова появление такой орнаментации в IV в. до н. э. на уздечных украшениях связывает с фракийским влиянием. Помимо орнаментации, изготовленной при литье, на щитках заметны слабо процарапанные пары колечек, в которых как будто можно видеть греческие буквы, в одном случае – «Ф» и «О» и в двух – «О» и «О». Их размещение указывает также и на то, что это могут быть и не буквы, а последующее восполнение орнаментации, характерной для всех без исключения нахрапников этой серии, заданной в литье и имеющей вид сходных по величине колечек. Возможно, по каким-то причинам «забытая» при изготовлении моделей для литья налобников из Соболевой Могилы орнаментация была восполнена «в жизни» процарапанными кружками.

Прототип для нахрапников этой серии А.И. Мелюкова видит в великолепном нахрапнике греческой работы из Чмыревой Могилы. Здесь на нижнем щитке изображен львиный скальп с лапами по бокам. Соответственно, верхний щиток, покрытый геометрической орнаментацией, можно рассматривать как

изображение продолжения львиной гривы. Вне всякого сомнения, это изображение связано с мотивами Геракла, столь ярко представленными в уздечных украшениях лошади № 3 из Чмыревой Могилы [Браун, 1906: рис. 47]. По мысли исследовательницы, на щитках всех остальных нахрапников этой серии помещены те же, максимально стилизованные, изображения львиной маски [Мелюкова, 1981: 85–86], что вполне вероятно.

В.И. Гуллев всю эту серию нахрапников считает фракийской продукцией и видит им аналогии в нахрапниках из фракийских курганов Аджиголь и Крайова [Гуллев, 2001: 140]. Последние можно считать аналогиями лишь с большой натяжкой [Мелюкова, 1976: рис. 4, 5, 7]. Несомненно, наделия из Аджиголя и Крайова выполнены во фракийской изобразительной манере, с использованием собственной орнаментации, под скифским влиянием. Однако сходство здесь весьма отдаленное, и, скорее, именно эти нахрапники могут рассматриваться как результат скифского воздействия. Поэтому ставить в зависимость происхождение от них нижнеднепровской серии нахрапников не приходится. Скифское происхождение нижнеднепровской серии не вызывает сомнений [Мелюкова, 1981: 85–86]. В Скифии известна серия удил, псалиев, нахрапников, других украшений узды, да и целых уздечных наборов, безусловно, фракийского происхождения, резко отличающихся от скифских. Хотя и те и другие в ряде случаев содержат сходные элементы общего порядка и восходят к общим мотивам [Спицын, 1906: рис. 44–46; Мозалевский, 1975-А: 166–179; Мелюкова, 1976: 118–126; 1981: 57, 61, рис. 16, 3–4; 17, 8; Финало, 1995: 133–145]. Представляется более верной мысль А.И. Мелюковой о том, что скифские и фракийские уздечные украшения IV в. до н. э. являются двумя направлениями развития от общих скифских прототипов V в. до н. э. В оформлении фракийских уздечных украшений IV в. до н. э., помимо фракийского и скифского элементов, очень сильно проявилось греческое и ахеменидское влияние [Мелюкова, 1979: 217; 1981: 86].

Нащечники из Соболевой Могилы (рис. 113) среди древностей Скифии имеют параллели только в Краснокутском кургане в уздечном наборе № 3 с изображениями гиппокампов [Артамонов, 1966: рис. 128]. Последние, по мнению А.И. Мелюковой, в какой-то степени перекликаются с произведениями фракийских

мастеров, и стилистически они ближе к фракийским, чем к скифским. Однако, как она считает, здесь от фракийцев идет лишь оформление сюжета полосами штриховки и воллями, тогда как сам сюжет не имеет аналогий во фракийском мире, а, видимо, был воспринят скифами из греческого искусства. Для краснокутских нащечников нет аналогий среди фракийских древностей. Для фракийского искусства не характерно расположение пары животных головами в противоположные стороны. В скифском искусстве эта композиция известна с VI в. до н. э., а в IV в. представлена в нащечниках из Цимбалы и кургана № 63 у Бобрицы, в которых можно усматривать прообраз для краснокутских [Мелюкова, 1976: 124, рис. 7, 5; 1981: 91–92, рис. 21, 2–3].

Следует сказать, что нащечники из курганов Цимбалы и № 63 возле Бобрицы являются очень специфичными и весьма нетипичными для Скифии. Они не могут выступать в качестве прообраза для краснокутских, поскольку найдены в курганах, синхронных Краснокутскому кургану. И все эти образцы, включая и нащечники из Соболевой Могилы, являются разными вариантами разработки одного сюжета в одно и то же время.

Орнаментация в виде выпуклых шишечек, по наблюдениям А.И. Мелюковой, присуща для скифских изделий, хотя и встречается редко – в Александрополе, в курганах № 9 у с. Прусы, № 63 у с. Бобрица и неизвестна для фракийских древностей [ДГС: Атлас, табл. V, 10; Петренко, 1967: табл. 28, 3–4, 6; Мелюкова, 1981: 92].

Гладкие плоские круглые бляхи с высоким прямым бортиком с обратной стороны и петлей из широкой тонкой пластины, приклепанной двумя заклепками, оформленными снаружи в виде полусферических выступов (рис. 114; 115; табл. 21, 4, а, б, в, г) имеют аналогии только в уздечных наборах №№ 2 и 3 Краснокутского кургана [Мелюкова, 1981: 70, 74, рис. 20, 8–11; 21, 4–7].

4.18. УКРАШЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПОВОЗОК

В Бабиной Могиле обнаружены два скопления бронзовых украшений погребального corteжа – в насыпи и во рву. В скоплениях из насыпи найдены два навершия, 39 круглых

слабовыпуклых (36 крупных, диаметром 6,4–7,2 см, и 3 меньшего диаметра – 4,6–5,8 см, 12 плоских ромбических размерами 5,5–6,5 x 2,8–3,3 см, 8 железных стержней-гвоздей с расклепанными шляпками (рис. 47: 48). Из скопления по рву происходит 217 больших круглых диаметром 5,0–6,3 см, 117 среднего размера диаметром 2,7–3,2 см и 10 мелких диаметром 1,7–2,0 см, 53 плоских ромбических бляхи размерами 4,8–5,0 x 2,5–2,6 см, 19 трубчатых прошивкой длиной 3,9–4,3 и диаметром 0,5 см, 12 колечек-муфточек, гладких и профилированных, плоская тонкая пластина в виде орла и составное костяное изделие неизвестного назначения (рис. 51; 52; 54, 1–2). Здесь также найден набор уздечных украшений (рис. 53), который уже анализировался в разделе 4.17.

Во входной яме женского погребения № 3 Соболевой Могилы найдена бронзовая бляха диаметром 7,5 см с 4 крестообразно расположенными отверстиями по краям (рис. 111, 3), аналогичная найденным в насыпи Бабиной Могилы. Несомненно, и в Соболевой Могиле во входной яме находилось скопление украшений погребальной повозки, связанное с женским погребением № 3, уничтоженное сокрушительным двойным ограблением.

И.Е. Забелин предполагал, что навершия и разнообразные бронзовые бляхи могли быть украшением повозки. В качестве альтернативы предполагалось, что это могли быть украшения кочевой палатки или шатра, сложенные в одну кучу вместе с обломками повозки [ДГС, II: 45]. Первое объяснение принято последователями скифских древностей [Ростовцев, 1914: 47; Мозолевский, 1979: 173; Мелюкова, 1981: 49; Мелитополь, 1988: 166; Болтрик, 1991: 106]. Более широкий спектр использования наверший, но также в рамках погребального обряда, предполагают Е.В. Переводчикова и Д.С. Раевский [Переводчикова, 1981].

Находки такого рода присутствуют в курганах скифской знати всех четырех высотных групп: Водославка курган № 6, Денисова Могила, Носаки курган № 2, Пески курган № 3, Гюновка курган № 14, Плоская Могила, Гайманова Могила, Краснокутский курган, Толстая Могила, Чертомлык, Александрополь, Огуз, Чмырева Могила (?), Покровка, Мелитопольский курган, Близница Слоновская, Малая Лепетиха-2, Бердяевский курган, Татьяна Могила, Каменская Близница [Бессонова, 1982; Мозолевский, 1979: 173; Мелитополь, 1988; Приложение 4; Болтрик, 1991: 107; Андросов,

1987; Мурлин, 1993]. Наличие повозки в процедуре похорон является надежным показателем высокого социального статуса [Бессонова, 1982: 111–112]. По мнению В.Н. Мозолевского, остатки повозок и наборы их украшений сопровождали в потусторонний мир женщины, являвшиеся служительницами женского божества, которому и посвящались эти передвижные храмы-повозки [Мозолевский, 1979: 174; Мелитополь, 1988: 166].

Навершия. Навершия с прорезными грушевидными втулками с петлями у основания и фигурками птичек сверху, сходные с нашим, найдены в Александропольском (2 экз.) и Краснокутском (2 экз.) курганах, Чертомлыке (2 экз.), Каменской Близнице (1 экз.). Еще 2 таких навершия найдены на Нижнем Днепре [ДГС: Атлас, табл. II, 5; Чертомлык, 1991: № 28; Андросов, 1987: 64, рис. 6, 1; Мелюкова, 1981: 39–40, рис. 9, 4]. Изображения фигурок птичек на всех доступных для изучения навершиях, в отличие от нашего, объемные. Навершия из Каменской Близницы и Чертомлыка имеют только по две прорези в грушевидной втулке. В целом наше навершие (рис. 47, 1) органически вписывается в эту серию, хотя и не имеет полных соответствий.

Фрагментированное навершие с вертикальным плоскостным изображением (рис. 47, 2) по общей постановке фигуры животного и остаткам обломанной фигуры человека чрезвычайно похоже на навершия из Близницы Слоновской с изображениями сцены нападения человека на грифона, терзающего лань [Scythian, 1986: № 148].

По классификации Е.В. Переводчиковой, навершие с птицей относится к подвиду IX типа, навершие с грифоном – ко II типу, которые, исходя из современной хронологии скифских памятников, датируются в пределах середины – второй половины IV в. до н. э. Ареал распространения обоих типов ограничен степным Поднепровьем [Переводчикова, 1980: 32; Глинська, 1963: 40–42].

Круглые слабо-выпуклые бляхи (рис. 48, 1–5; 51, 1–11; 111, 3). Такие бляхи, а также треугольные, крупного размера Е.В. Черненко и В.Ю. Мурлин относят к деталям панцирного доспеха коня [Черненко, 1980-А: 166], что не подтверждается контекстом находок и характером самих блях. Как правило, все эти бляхи вырезаны из очень тонкой листовой бронзы и не могут выдержать серьезный механический удар, тем более острым оружием. Даже для

блях, выделяемых исследователями в одну размерную группу, отмечается существенный разницей в размерах, в порядке размещения и количестве отверстий, что крайне затрудняет их нашивание в единой системе рядами внахлест и указывает на раздельный характер прикрепления к основе, при котором такие мелочи не имели значения. Все это свидетельствует об их декоративном назначении.

Бляхи, найденные в обоих скоплениях Бабиной Могили, условно распределяются на 5 групп разного диаметра: 6,4–7,2 см, 5,0–6,3 см, 4,6–5,8 см, 2,7–3,2 см и 1,7–2,0 см. Бляхи крупного и среднего диаметра разделяются на группы очень условно, поскольку во втором скоплении представлены размеры, объединяющие все 3 первых группы. Более уверенно выделяются 2 группы малого диаметра, хотя и здесь нет полной стандартизации размеров. Последняя группа отличается от всех предыдущих еще и наличием только 2 отверстий для крепления (рис. 51, 7–9).

Практически для всего набора круглых блях всех размеров из Бабиной Могили найдены соответствия только в Краснокутском кургане. Надо только отметить, что крупные краснокутские бляхи имеют в большинстве случаев по 4 пары крестообразно расположенных отверстий по краям для нашивания. Встречаются и отклонения от этой нормы – 5 пар отверстий или 4 одиночных крестообразно или иначе расположенных отверстий. То есть, здесь отмечается отсутствие унификации и по этому признаку. Бляхи мелкого диаметра и здесь имеют только по 2 отверстия [Мельникова, 1981: 46, рис. 13, 1–14]. Бляхи малого диаметра – 2,5 см, наряду с крупными диаметром 6 см, найдены в Татыщиной Могиле. Но здесь и те, и другие имели по 4 отверстия по краям [Мурлик, 1993: 90, рис. 6, 1].

Во всех остальных курганах представлены только бляхи крупного и среднего размеров, чаще всего с 4 крестообразно расположенными отверстиями по краям. В насыпи Чертомлыка найдены 138 круглых блях диаметром 6,5–6,7 см и 96 диаметром 4–5 см [ДГС, II: 82; Мельникова, 1981: 49; Чертомлык, 1991: кат. 246]. В Гаймановой Могиле найдены 108 круглых блях, многие из которых аналогичны Краснокутским [Мельникова, 1981: 49; Болтрик, 1991: 106]. В Александропольском кургане найдены 318 блях с гладкой поверхностью и 510 – с тисненным орнаментом [ДГС, I: 6, № 7 и 8; Атлас, табл. V, 8]. В Толстой Могиле обнаружено

около 170 круглых блях диаметром 3,8–5,0 см [Мозолевский, 1979: 94, 117–118, 192, рис. 101, 6–12], в Носаках в кургане № 2 – 124 экз. диаметром 6–6,5 см [Носаки, 1977: 71, рис. 5, 2], в Гюновке в кургане №14 – 85 круглых, в Водославке в кургане № 6 – 24 круглых, Огузе – свыше 140 круглых блях, в Плоской Могиле – 133 бляхи диаметром 4–6,5 см [Болтрик, 1991: 103, рис. 4, 1–3], в Денисовой Могиле – 30 блях диаметром 6,5 см с крестообразно расположенными отверстиями [Мозолевский, 1980: 130, рис. 67, 9–10], в Песках в кургане № 3 – 39 блях диаметром 4 и 6 см [Гребенников, 1987: 149, рис. 1, 8], в Мелитопольском кургане – 3 бляхи диаметром 5,8 см [Мелитополь, 1988: 100, рис. 107, 20; 108].

Ромбические плоские бляшки (рис. 48, 6–9; 52, 2–3, 8–9). В обоих скоплениях найдены 65 плоских ромбических бляхи размерами 4,8–6,5, х 2,5–3,3 см. Являются редкой находкой и представлены только в Огузе – более 1000 экз. [Болтрик, 1991: 106] и Мелитопольском кургане – более 60 аналогичных нашим пластин размерами 3,5–4,4 х 1,6–2,3 см с 4 отверстиями для нашивания. Здесь все они имеют индивидуальные очертания и размеры [Мелитополь, 1988: 97–99, № 66, рис. 105].

Пронизи и муфточки (рис. 52, 4–7, 10–14). Во рву найдены также 19 трубчатых пронизей длиной 3,9–4,3 см и 12 колечек-муфточек, гладких и профилированных. Многие из муфточек найдены надетыми на пронизи. Одна из муфт имела продетое в нее бронзовое проволочное колечко. На такой же подвеске крепилась пластина с изображением орла. Аналогичные находки известны в Толстой Могиле, где найдена «куча» таких же пронизей длиной 3,7 см, диаметром 3–3,5 мм и узких гладких колечек шириной 3–4 мм, диаметром около 0,5 см. Некоторые из колечек обнаружены надетыми на пронизи [Мозолевский, 1979: 94, 119, рис. 101, 3–4]. «Двенадцать медных трубочек на перегнувшем ремне» упомянуты среди приношений в южной части крепиды и 66 бронзовых трубочек разной величины – в западной части насыпи Александрополя [ДГС, I: 4, 6]. 202 аналогичных трубчатых пронизи с надетыми на них 57 гладкими узкими муфтами, по-видимому, входили в состав украшений вонского нагрудника в Бердявском кургане [Чередниченко, 1988: 157, рис. 4, 1–2].

Пластина в виде орла (рис. 52, 1; 54, 1). Это изделие представляет собой нечто новое для скифских древностей. Примитивизм замысла

и его воплощения находятся в вопиющем противоречии с традициями скифского звериного стиля. Какие-то параллели в скифских памятниках Северного Причерноморья отсутствуют. Возможно, что-либо подобное было найдено при раскопках Александропольского кургана. В отчете упоминаются контурные изображения быка, орла, каких-то фантастических животных и т. п., вырезанные из листовой бронзы [ДГС, I: 4]. Однако отсутствие описания и рисунков не дает возможности для сравнения.

4.19. ТИПЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ В НАШИХ КУРГАНАХ

Погребальные сооружения в наших курганах отчасти принадлежат к уже хорошо известным типам скифских катакомб [Граков, 1964: 120–124; Ольховский, 1977: 109; 1991: Табл. II], а в некоторых случаях демонстрируют и новые разновидности известных типов.

В Бабиной Могиле гробницы № 1 и № 3 по своей конструкции принадлежат к скифским катакомбам II-го типа. Тип катакомбы гробницы № 2 представляет новую разновидность 2-го варианта III-го типа, отличаясь от уже известных катакомб необычайной длиной дромоса – около 10 м. Размещение на входе в дромос захоронения коней, а также наличие ниш перед входом в камеру (одна с захоронением слуги-воина, вторая – хозяйственная, для установки котла и размещения напутственной пищи) показывают, что и площадь дромоса использовалась для расположения различного погребального инвентаря. Вероятно, здесь были установлены и амфоры, многочисленные фрагменты которых встречались в заполнении. Значительно усложняет общую конструкцию гробницы восточная яма № 2, подсоединяющаяся под углом к основному дромосу собственным, более коротким, дромосом длиной около 6 м. В результате, перед нами предстает новая, неповторимая по своеобразию, конструкция погребального сооружения скифов царских.

Любопытно рассмотреть конструкцию типа погребального сооружения гробницы № 2 Бабиной могилы с точки зрения эволюционного развития. Типологически она занимает промежуточное место между захоронениями Толстой Могилы с одной стороны и Желтокаменки и Александрополя с другой. Если в Толстой Могиле захоронения совершены в отдельных гробницах, далеко стоящих друг от друга,

то в Желтокаменке и Александрополе подзахоронения внесены в камеры центральных гробниц через длинные дромосы, берущие начало в полах курганов. В Бабиной Могиле в гробнице № 2 длинный дромос из полы кургана также приводит в центр, но не соединяется с центральной гробницей, а завершается самостоятельной погребальной камерой. Если учесть, что Толстая Могила датируется серединой – началом третьей четверти IV в. до н. э., а подзахоронения в центральные гробницы Желтокаменки и Александрополя, соответственно, – 340–330 гг. и 330–300 гг. до н. э., то появление в этом промежутке своеобразной конструкции гробницы № 2 Бабиной Могилы может отражать хронологию развития данного типа погребального сооружения [Мозолевский, 1979: 229; Алексеев, 1992: 150, 154; Монахов, 1999: 394–397, 423–438]. Впрочем, возможно, в своеобразии конструкции гробниц Бабиной Могилы отражены семейные связи. Первичная гробница № 1 содержала захоронение женщины. Гробница № 2 являлась местом упокоения мужчины и женщины равного статуса – вероятно, новой малой семьи.

Истоки идеи конструкции такого типа сооружений возникают в более раннее время. Первую попытку осуществления данной идеи можно видеть во впускном погребении Солохи с дромосом длиной 10,65 м, направленным в центр из полы первичного кургана и завершающимся собственной обширной камерой сложной конфигурации, далеко не доходя до центра кургана. Вероятно, значительная удаленность камеры впускного захоронения от центрального обусловлена значительным смещением в противоположную сторону к северу от центра первичного кургана. Впрочем, общий план Солохи не принадлежит к числу достоверных документов [Малцевич, 1987: 16, рис. 2: 5], и, возможно, в действительности ситуация здесь была более нормальной.

В Водяной Могиле основное погребение совершено в катакомбе II-го типа усложненной модификации, которая по классификации В.С. Ольховского может быть определена как 2-ой вариант. Специфика данной катакомбы состоит в наличии необычно обширного дромоса шириной 1,8–2,0 м и длиной 3,6 м, в котором размещались котел с напутственной пищей и амфоры. В его СВ углу находился вход в погребальную камеру, смещенную далеко к северу от длинной оси входной ямы и дромоса, но при этом сохранившую общую ориентацию

сооружения. Сопровождающее захоронения слуги-воина («конюшего») в Водяной Могиле при конской могиле совершено в обычной неглубокой узкой подпрямоугольной грунтовой яме с дощатым перекрытием. Вплотную примыкало к конскому захоронению № 2, совершенному также в грунтовой прямоугольной яме с дощатым перекрытием, но более обширной площади и глубины. Яма по ширине сужалась ко дну, что, вероятно, связано с обрушением продольных стенок при спуске лошадиных туш в могилы. Как и в большинстве конских могил в скифских курганах, здесь прослежены определенные конструктивные особенности, связанные с размещением лошадей. При исследовании конских могил нередко возникает ощущение определенного безразличия к их обустройству. И здесь средняя часть ямы была углублена таким образом, что туловища коней лежали в этом углублении, а головы и крупы покоились на слегка приподнятых уступах, оставленных вдоль поперечных стенок.

В Соболевой Могиле центральное погребение № 1 совершено в яме с двумя катакомбами, ориентированными в противоположные стороны по длинной оси входной ямы. Этот многокамерный вариант катакомбы II-го типа хорошо вписывается в классификацию В.С. Ольховского, где занимает место 3-го варианта этого типа, пустовавшее во время ее разработки [Ольховский, 1977: рис. 2; 1991: Табл. II]. Идея данного типа сооружения – распределение расположения захоронения и сопровождающего хозяйственного инвентаря в разных камерах – впервые отмечена в первичном захоронении Солохи, датированном рубежом V–IV вв. до н. э., где камеры имеют вид подбоев. В Соболевой Могиле эта идея воплощена уже в виде катакомб продольной ориентации, также направленных в разные стороны.

Несколько иначе эта идея реализована в Бердянском кургане – в виде расположенных рядом отдельных ям с катакомбами, ориентированными в противоположных направлениях: центральная могила, содержащая захоронение царя, и южная, для размещения хозяйственного инвентаря и, вероятно, сопровождающих лиц [Болтрук, 1994: 140–141]. Датировка Бердянского кургана – конец первой – начало второй четверти IV в. до н. э. [Полін, 2000: 109]. Более сложная реализация той же идеи прослежена в Двугорбой Могиле начала IV в. до н. э. – в виде нескольких самостоятельных катакомб, где отдельно размеща-

лись амфоры с вином, котел с напутственной пищей, повозка. Из-за сильной ограбленности многих сооружений ряд деталей остался невыясненным [Привалова, 1982: 162–173].

В начале IV в. до н. э. формально сходные конструкции с двумя камерами в виде подбоев в противоположных продольных стенках входных ям известны в курганах рядовых скифов: в погребении № 3 кургана № 48 у с. Любимовка и кургане № 10 группы I у с. Привольное на Херсонщине [СПП, 1986: 132; 147]. В середине – второй половине IV в. до н. э. такая конструкция погребального сооружения продолжала существовать в виде катакомб, расположенных в противоположных торцевых стенках входных ям. В могильнике Мамай-гора такие случаи отмечены дважды. В кургане № 11 в погребении № 1–2 одна камера по соотношению к входной яме соответствует II-му типу, вторая – I-му варианту типа V. В кургане № 20 в погребении № 9 расположение обеих камер по отношению к входной яме соответствует I-му варианту типа V. Все камеры здесь использовались в качестве погребальных и, вероятно, в разное время, для равных по статусу захоронений [Андрух, 1999: 83–85, 123, рис. 22; 34].

Подобные примеры известны и в курганах скифской знати. В Казенной Могиле впускная могила также имела 2 камеры в противоположных стенках входной ямы, сооруженных последовательно. По мендеевской амфоре мелитопольского типа из северной катакомбы захоронения датируются концом второй – третьей четвертью IV в. до н. э. [Бидзиля, 1974: 111; 1975: 17].

Отличие всех этих двукамерных погребений состоит в том, что камеры в них разновременные, в которых последовательно захоронены близкие родственники, и создавались они в процессе подзахоронения через входную яму старого погребения, но с устройством новой отдельной камеры. В то время как в Солохе и Соболевой Могиле двукамерные конструкции создавались одновременно, по предварительной схеме, и камеры имели разное назначение.

Захоронения слуг № 7 и № 8, сопровождавшие погребение № 1 Соболевой Могилы, совершены в обычных грунтовых неглубоких узких прямоугольных ямах.

Мужское и женское погребения № 2 и № 3 Соболевой Могилы совершены в классических катакомбах II-го типа. Захоронение коня № 2-А, сопровождавшее мужское погребение № 2, совершено в простой длинной узкой подпрямо-

уольной яме. Форма и глубина ямы обусловлены расположением туши коня. В месте размещения головы яма сужена и здесь оставлена специальная ступенька-подставка для ее укладки. В остальной, более глубокой и расширенной, части ямы помещалось тело лошади, уложенное на брюхо, с подогнутыми ногами. Погребение № 4 девочки-служанки, сопровождавшее погребение № 3, совершено в яме с подбоем – катакомбе I-го типа. Аналогичная конструкция катакомбы зафиксирована в этом кургане и в мужском погребении № 5, с захоронением одного из знатных представителей скифского рода. Здесь зафиксировано редкое для этого типа катакомб расположение камеры с южной стороны входной ямы.

Погребения № 4 и № 5 Соболевой Могилы, как и погребение № 3 в Кальковой Могиле [Мозолевский, 1986-А], демонстрируют продолжение использования ям с подбоями как для сопровождающих захоронений, так и для знатных покойников во второй половине IV в. до н. э. В кургане № 9 у г. Орджоникидзе в 1995 г. открыто впускное подбойное захоронение № 2, являвшееся подвешшим в кургане. Предшествующие захоронения № 1 (основное) и № 3 (впускное) совершены в катакомбах II-го типа. Погребение № 3 по чернолаковому канфару датируется второй–третьей четвертью IV в. до н. э. Соответственно, погребение № 2 датируется не ранее этого времени. Входная яма и подбой имели весьма обширные размеры – 2,8 x 2,0 м и 3,6 x 2,6 м, при глубине 5,0 м [Полин, 1995-А: 5-9], вполне сопоставимые с параметрами захоронений скифской знати. Подбой с входной ямой еще более обширных размеров открыт в кургане № 8 у ст. Чертомлык в группе Чередниковой Могилы. По большому комплексу амфор производства различных центров, в том числе набору клейм на гераклейских и фасосской амфорах, и чернолаковой керамике комплекс надежно датируется 340 гг. до н. э. [Мозолевский, 1988; Полин, 1994-В; Молахов, 1999: 346]. Серединой – третьей четвертью IV в. до н. э. датируются подбойные захоронения № 1 и 2 в кургане № 18 и № 1 и 2 в кургане № 13 у с. Львово [Кубышев, 1982-А; Евдокимов, 1992-А], третьей – началом последней четверти столетия – погребение № 1 в кургане № 9 у с. Пески [Гребенников, 1987: 153; см. датировку погребения в разделе 4.20].

Поэтому представляется необоснованной попытка ограничить датировку подбойных погребальных сооружений Скифии V – началом

IV вв. до н. э. [Болтрик, 1986: 23]. В Скифии в IV в. до н. э. действительно доминируют катакомбы, но это еще не означает исчезновения подбоев, которые продолжали употребляться на протяжении всего столетия. Продолжалось их использование и в позднескифское время.

Погребение № 6 Соболевой Могилы с захоронением знатного ребенка совершено в катакомбе V-го типа 1-го варианта по В.С. Ольховскому. По его данным, этот тип весьма многочисленный и содержал исключительно захоронения рядового населения. Наше погребение показывает, что в каких-то случаях он использовался и для знати, возможно, для захоронения лиц с неполноправным статусом, посетителем которого, вне всякого сомнения, являлся ребенок, несмотря на его родовитость.

4.20. АМФОРЫ И ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА

Как известно, датировка импортной греческой керамики – амфор, чернолаковой и расписной посуды – наиболее точно соответствует дате совершения скифских захоронений. Это тем более справедливо для захоронений скифской знати и царей, богатейший набор остального сопровождающего инвентаря которых мог накапливаться на протяжении определенного периода времени [Брашинский, 1965: 90]. Поэтому прежде всего рассмотрим эту категорию находок, достаточно широко представленных в наших курганах.

БАБИНА МОГИЛА. Курган сооружен в 3 приема и содержал 3 последовательных, близких во времени, захоронения. Во всех погребениях и связанных с ними триазах присутствует керамический импорт.

Амфора из первичной в кургане гробницы № 1 принадлежит к типу, до недавнего времени определявшемуся как пантикапейский или боспорский [Зеест, 1960: табл. XVII, 34,6,г]. С.Ю. Молахов отнес эти амфоры к амфорам Херсонеса начального этапа производства винной тары в этом центре. Наша амфора соотносится с наиболее ранними типами I-A-1 и I-A-2 его классификации (рис. 61), время производства которых датируется концом второй – третьей четвертью IV в. до н. э. Очень близкие по пропорциям и форме амфоры происходят из кургана № 13 у с. Буторы и погребения № 7 (1965 г.) Северного некрополя Херсонеса третьей четверти IV в. до н. э. [Молахов, 1989: 43–

50, табл. 1–II; 1993–А: 133, табл. 9, 31; 1999: 408, 412, табл. 182, 3].

В гробнице № 2 Бабьей Могилы найдены 6 фрагментированных амфор с рюмкообразной ножкой. Среди них выделяются 4 амфоры стройных пропорций с необычным для этого типа коричневым тестом (рис. 65). На одной из ручек есть рельефное клеймо в виде монограммы «Т» в маленьком кружке (рис. 64). К сожалению, подобные клейма, спорадически встречающиеся на амфорах Менды, пока не имеют точных датировок.

С гробницей № 2 связан кольцевой ров, окружавший курган, с обильными остатками поминальной тризны, содержащими фрагменты 90–93 амфор и чернолаковой пиксиды. Представлены амфорами следующих типов: Хиос (колпачковые) – 2 экз., типа Солоха-II (Пепарет) – 5, Синопя – 3, неопределенного центра – 1, все остальные 79–81 экз. относятся к продукции Менды (рис. 44–46). Среди последних выделяются три фрагмента красноватого теста с большим количеством пироксена, покрытые белым ангобом, что весьма напоминает синопскую продукцию (рис. 45, 24; 46, 5, 14). Выделяются также несколько ножек с пяткой меньших размеров, близких по профилировке классическим фассоским биконическим амфорам. Однако тесто их не отличается от остальных образцов амфор с рюмкообразной ножкой (рис. 44, 1, 8, 11).

Амфоры с рюмкообразной ножкой относят к продукции Менды И.Б. Брашинский. Вслед за И.Б. Зеест он отметил значительную вариативность элементов формы и теста амфор этого типа, принадлежавших различным центрам производства. Образцы из гробницы № 2 Бабьей Могилы и связанной с ней тризны кургана во рву по морфологическим особенностям относятся к поздним образцам, представленным в Мелитопольском кургане, которые исследователь датировал IV в. до н. э. вплоть до последней четверти – конца столетия [Брашинский, 1976: 72]. На сегодняшний день ранний тип мендейских амфор («портучалло») датируется первой третью, возможно, первой половиной IV в. до н. э. Поздний – типа амфор Мелитопольского кургана, появившийся в 60-е гг., – выпускался на протяжении третьей четверти IV в. до н. э. По последним данным, Мелитопольский курган датируется 340–330 гг. до н. э. [Монахов, 1999: 224, 405, 422]. В комплексах более позднего времени такие амфоры не встречаются.

Недавно С.Ю. Монахов продлил время существования мендейских амфор мелитопольского типа до конца IV в. до н. э. на основании единственного комплекса, содержавшего мендейскую амфору, – впускного погребения № 2 в кургане № 9 у с. Пески, которое он относит к этому времени [Монахов, 2001: 62]. Однако эта дата не может быть принята ни для этого погребения, ни для датировки времени завершения изготовления амфор мелитопольского типа по целому ряду причин.

Такая поздняя дата впускного захоронения № 2 в кургане № 9 у с. Пески обусловлена датировкой центрального захоронения № 1 этого кургана серединой последней четверти IV в. до н. э. В центральном захоронении были найдены херсонесская неклеяная амфора и гераклейская с клеймом Этюма. По определению С.Ю. Монахова, херсонесская амфора относится к типу I-B, датирующемуся концом IV – концом III вв. до н. э. [Монахов, 1999: 428–430, табл. 186; 1989: 57]. Однако по своим размерам и пропорциям эта амфора находит достаточно близкие соответствия и среди херсонесских сосудов типа I-A-2, датирующихся третьей четвертью IV в. до н. э. [Монахов, 1989: 50, табл. II, 9]. Лунарная сигма в клейме Этюма на гераклейской амфоре не может датироваться по аналогиям в керамической эпиграфике Фасоса началом III в. до н. э., поскольку имеются свидетельства ее употребления в гераклейских клеймах третьей четверти IV в. до н. э. – клейма Галоса в тризне кургана № 8 группы Чередниковой [Монахов, 1999: 340: табл. 145, 6–9]. Клеймо гончара Этюма, которое известно по находке в Александропольском кургане и датировка которого изначально определялась поздней датировкой этого кургана, имеет достаточно широкий хронологический диапазон. Известно около десятка вариантов этого клейма с разным написанием имени различными шрифтами. Вполне вероятно существование двух гончаров этого имени, работавших достаточно длительное время в пределах второй половины IV в. до н. э. В комплексе XII Беглицкого некрополя найдены гераклейские клейма Этюма и Апсога с херсонесским клеймом Аполлониды, относящимся к группе I-A 325–315 гг. до н. э. по В.И. Кацу [Монахов, 1999: 432, табл. 188]. Клеймо Этюма также найдено в кургане № 4/1909 г. Елизаветовского могильника [Брашинский, 1980: 120] в комплексе с чернолаковой керамикой третьей – начала четвертой четверти IV в. до н. э. [Полин, 1992: 33].

Кроме того, приведенные С.Ю. Монаховым аналогии по форме гераклейской амфоре из Александрополя – амфоры из 8-го Пятибратнего кургана и ямы № 9 поселения у с. Николаевка относятся соответственно к 350–330 и 330-м гг. [Монахов, 1999: 358, 369, табл. 157–158, 162]. Гераклейская амфора из погребения № 2 у с. Пески отнюдь не принадлежит к позднейшим формам гераклейской тары, а ее сходство по морфологии с фасосскими биконическими амфорами IV в. до н. э., которые в конце третьей четверти этого столетия сменяются новым типостандартом фасосской тары, так называемыми «позднеконическими» [Монахов, 1999: 421; 2002: 62–63], неминуемо указывает на датировку такого гераклейского подражания фасосской таре в пределах третьей четверти IV в. до н. э. В.В. Рубан и И.В. Брашинский отметили кратковременность существования и малочисленность такого типа гераклейской тары и его датировку третьей четвертью IV в. до н. э. [Рубан, 1976: 195–196; Брашинский, 1980: 24]. Таким образом, в целом датировка амфорного комплекса из центрального погребения № 2 кургана № 9 у с. Пески должна укладываться именно в этот промежуток. Соответственно и дата впускного захоронения, содержавшего мендейскую амфору мелитопольского типа, должна определяться, исходя из памятников третьей четверти столетия – Чертомлык, Мелитополь, Огуз, Желтокаменка и др., поскольку более поздних надежно датированных комплексов с такими амфорами в Северном Причерноморье не существует. Следует отметить, что несколько ранее С.Ю. Монахов датировал комплекс впускного погребения в кургане № 9 у с. Пески 310–320-ми гг. до н. э. [Монахов, 1999: 406, 430], что несколько ближе к истине, но все же недостаточно. По-видимому, здесь определяющей является отмеченная С.Ю. Монаховым аналогичность амфоры из Песок и Северной Могилы Огуза, которую он сам же датировал 330–320 гг. до н. э. [Монахов, 1999: 406]. Такая дата, с учетом отсутствия мендейских амфор в комплексах Северного Причерноморья последней четверти IV в. до н. э. и более позднего времени [Монахов, 1999: 529], является максимально поздней для амфор этого типа.

Время производства хосских колпачковых амфор И.В. Брашинский ограничивал первой половиной IV в. до н. э. [Брашинский, 1984: 138, табл. XXXI]. С.Ю. Монахов полагает, что этот период охватывал и середину сто-

летия, а на основании комплексов амфор из Никонова и Топалы распространяет датировку таких амфор и на третью четверть IV в. до н. э. [Монахов, 1993-А: 126; 1999: 394].

Амфоры типа Солохи-II И. Гарлан недавно надежно идентифицировал с продукцией Пепарета. Их датировка – первая половина – середина IV в. до н. э. [Брашинский, 1984: 136–138; Doulgeri Intzessiloglou, 1990: 380, 384; Гарлан, 1992: 39]. После открытия значительной серии таких амфор в Чертомлыке предполагается довольно активный ввоз пепаретской тары в Северное Причерноморье и на протяжении 340–330 гг. до н. э. По-видимому, в конце третьей четверти их изготовление прекращается, поскольку в комплексах Северного Причерноморья последней четверти столетия эти амфоры уже не встречаются [Монахов, 1999: 423, 529].

Фрагменты синопских амфор из тризны Бабиной Могилы, производство которых начинается в первой трети IV в. до н. э. и продолжается на протяжении эллинистического периода [Монахов, 1992], для определения хронологии памятника непригодны, поскольку среди находок отсутствуют клейма и диагностичные профилированные части.

Среди остатков тризны, связанных с гробницей № 2, найден также крупный фрагмент нижней части большой аттической черволаковой пиксиды александропольского типа. Ее диаметр по профилированному выступу 23 см, реконструируемая высота без крышки 14,5 см (рис. 54, 3). Такая форма пиксид в малых размерах возникает в середине V в. до н. э. и становится особенно популярной в конце V – первой половине IV вв. до н. э. Наиболее близкий по форме, но не по размерам, ранний образец датируется 400–390 гг. до н. э. [Sparkes, 1970: 176, № 1301]. Во второй четверти появляются, а во второй половине столетия достаточно широко распространяются и большие пиксиды данного типа [Kordecke, 1964: 26, 70–71, №№ 1–22, tabl. 9, 1–2; 11, 3; 14; 15]. Существование такой формы зафиксировано и для позднеэллинистического времени, но уже с качественно иными характеристиками лака и орнамента [Ростовцев, 1912: 149; Максимова, 1979: 8, III, № 89]. Наш экземпляр с учетом размеров, особенностей декора и качества лака может быть отнесен к середине – третьей четверти IV в. до н. э. Обоснованность такой датировки подтверждается датировкой пиксиды из Васюрянской горы значительно более позднего

облика, датирующейся около 300 г. до н. э. [Корска, 1964: 82–84].

В гробнице № 3 найдены две ножки, принадлежащие амфорам с рюмкообразной ножкой (рис. 65, 6–7). Тесто розовое, с большим количеством диоксида, поверхность покрыта белым ангобом, что очень напоминает синопские амфоры. Наличие подобных фрагментов в тризне, связанной с гробницей № 2, а также «вписанность» данного захоронения в планировку кургана относительно обеих входных им гробницы № 2, по-видимому, свидетельствует о значительной близости во времени обоих захоронений. В целом керамический комплекс Бабиной Могилы твердо датируется в пределах третьей четверти IV в. до н. э.

ВОДЯНА МОГИЛА. Здесь в составе тризны найдены фрагменты 32 амфор. Преобладают амфоры Менды мелитопольского типа – 11 экз. и амфоры Пепарета (типа Солоха-II) – 9 экз. Присутствуют также Фасос – 4 экз., Хиос (колпачковые) – 4 экз., амфоры типа Солоха-I – 2 экз., неопределенные – 2 экз. (рис. 12–14).

Среди фрагментов амфор Менды с характерными для этого типа морфологическими особенностями (рис. 12, 1–5, 11–13; 13, 1–10, 14) выделяется ножка плотного красного теста с примесью мелкого песка, близкая по тесту и, отчасти, по профилировке амфорам типа Солоха-II (Пепарет – рис. 12, 13). Такое сходство было отмечено по материалам тризны кургана Чертомлык [Полин, 1991: 370]. Подобная находка в Водяной Могиле, учитывая редность этого явления, указывает на хронологическое единство этих памятников.

Фрагменты амфор Пепарета (рис. 12, 8, 10, 15, 16; 13, 19–35) и хиосские колпачковые амфоры (рис. 12, 8, 10, 15, 16; 13, 19–35) в Водяной Могиле представлены деталями с характерными для этих типов профилировками ножек, венчиков и ручек. Две ручки принадлежат двум различным амфорам типа Солоха-I (рис. 13, 12–13). Неизвестный центр представлен двумя сколотыми ножками и невыразительным фрагментом ручки (рис. 13, 11). Фасосские амфоры относятся к характерному для IV в. до н. э. биконическому типу (рис. 12, 9–17). На двух фрагментах ручек имеются клейма, анализ которых будет дан ниже (рис. 14).

В центральном погребении Водяной Могилы, по-видимому, присутствовал набор амфор. По сохранившимся после двойного срабления фрагментам установлено наличие амфоры типа Солоха-II (Пепарет), аналогичной найденным в

тризне кургана, и полностью восстановлена амфора типа Солоха-I с грибовидным венцом развитого типа (рис. 24; 25, 4).

В Северном Причерноморье наиболее ранние образцы амфор типа Солоха-I обнаружены во впускном погребении Солохи первой четверти IV в. до н. э. [Алексеев, 1994: 7], датирующиеся 380-ми гг. до н. э. [Монихов, 1999: 243, 252]. За последние десятилетия установлено, что такие амфоры самой разнообразной формы, но обязательно с грибовидным венцом, производились на Самосе, Родосе, Наксосе, Паросе, Великой Греции и Сицилии, на Косе, Книде и Пепарете. По материалам слоев античных центров амфоры типа Солоха-I датируются очень широко в пределах IV – начала III вв. до н. э. [Лейпунская, 1981: 67; *Empereur*, 1986: 504, Fig. 9; *Avram*, 1989: 247–249], что, безусловно, требует уточнения.

В. Грэйс выделила группу самосских клейм, часть из которых стоит на ручках горловин амфор с развитыми грибовидными венцами. Для этих клейм она привела ряд соответствий на монетах, амфорных клеймах и геммах в пределах 365–300 гг., но, исходя из датировки основания Александрии Египетской в 331 г. до н. э., в целом предлагала для них датировку последней четвертью IV в. до н. э. Однако, как выяснилось, в районе Александрии находки греческого импорта не ограничиваются в датировке годом основания города [Garlan, 1990: 481]. На более раннюю датировку самосских клейм указывают и достаточно ранние аналоги по форме амфор, приведенные В. Грэйс для самосских клейменных ручек, хотя она и была уверена в отсутствии самосского клеймения в V в. до н. э. Что касается самосских амфор с грибовидными венцами в целом, то она отметила большое количество таких амфор в комплексах Афин середины IV в. до н. э. и несколько более позднего времени. По материалам Атики развитие такой формы венца она прослеживала в амфорах от V к IV в. до н. э. В. Грэйс предполагала возможность появления амфор этого типа на Самосе после 365 г. до н. э. с началом афинской оккупации. Подтверждение существованию таких амфор в конце IV в. до н. э., помимо клейм, она предполагала по составу комплекса кораблекрушения у побережья Кипра воле Киринии, где в составе большого числа амфор, по ее определению – самого раннего родосского типа с грибовидными венцами, была найдена одна амфора с грибовидным венцом типа Солоха-I предположи-

тельно самосского производства, аналогию которой она привела на иллюстрации, но только ее верхнюю часть [Grace, 1971: 63–68, 67–68, 74, Pl. 15, 13]. К сожалению, окончательной публикации результатов исследования кораблекрушения в Кирени с полноценной датировкой все еще нет¹¹. А она должна быть более ранней, поскольку авторы исследования отметили в составе амфор три типа сосудов, а само кораблекрушение датировали второй половиной IV в. до н. э. [Bass, 1968: 171–173, fig. on p. 172 – здесь прекрасный рисунок якобы «раннеродосской» амфоры; Katzev, 1969: 55–59; 1970: 841–857]. Чернотемные гуттусы с петлевидной ручкой такого типа из груза корабля по материалам Афинской Агоры датируются от начала IV в. до н. э. до начала последней четверти столетия [Sparkes, 1970: № 1192–1196]. Ближайшие аналоги по форме относятся к середине столетия (№ 1194). Часть амфор имели на ручках мелкое рельефное клеймо API в круге, которые никто и никогда к раннеродосским не относил. Позднее В. Грэйс нигде больше не подтвердила это определение и датировку амфор из Кирени и вообще не возвращалась к этой находке, хотя вопросами морфологии родосской амфорной тары она интенсивно занималась до конца жизни. По-видимому, исследовательница отказалась от них.

«Раннеродосские» амфоры из Кирени имеют развитый грибовидный венчик, но морфология сосудов совершенно отлична и от «протородосских» амфор В. Грэйс, и от пифонных амфор типа Солоха-1. Все они имеют высокое цилиндрическое горло с массивными ручками соответствующей длины и коническое тулово с крутыми плечами. Ножка оформлена в виде низкого конического налета. По общей конфигурации эти амфоры очень напоминают хиосские колпачковые амфоры конца V–IV вв. до н. э. или амфоры типа Солоха-2 (Пепарет), с которыми их обближает и высота сосудов более 90 см. В составе груза была также обнаружена единственная пифонная амфора с развитым грибовидным венцом типа Солоха-1, как полагала В. Грэйс самосского производства [Grace, 1971: 67, 78, notes 41, 68; Bass, 1968: fig. on p. 172]. Все это указывает на датировку комплекса амфор из кораблекрушения в Кирени не позднее третьей четверти IV в. до н. э.

¹¹ Благодарю профессора N. T. De Grummond (Florida State University) за вечернюю консультацию по этому вопросу.

Более раннюю датировку амфор типа Солоха-1 дают материалы агоры Фасоса, где самосские амфоры этого типа с развитыми грибовидными венцами присутствуют в надежно датированных комплексах первой половины IV в. и 360–330 гг. до н. э. [Carian, 1985: 743, Fig. 13; 14; Blonde, 1991: 229–230, 241–242, Fig. 6]. И.В. Брашинский по материалам закрытых комплексов Северного Причерноморья определял время бытования амфор типа Солоха-1 с развитыми грибовидными венцами в пределах второй – третьей четверти IV в. до н. э. [Брашинский, 1984: 138–139]. А.П. Абрамов, благодаря уточнению датировки кургана Солоха и привлечению новых данных, уточнил ее в пределах первой–третьей четверти IV в. до н. э. [Абрамов, 1993: 6, 39, 102, № 3.34–3.38].

А. Аврам датирует амфоры типа Солоха-1 вплоть до начала III в. до н. э. по находкам в Севтополе, имеющим историческую датировку в пределах 323 – около 270 гг. до н. э. Однако такая датировка для амфор с развитым грибовидным венцом по условиям находки неправомерна, поскольку на месте Севтополя существовало фракийское поселение второй–третьей четверти IV в. до н. э., надежно датированное античной керамикой этого времени и почти 150 монетами Филиппа Македонского 359–336 гг. до н. э. [Чичикова, 1984: 82; Балканска, 1982: 145; Димитров, 1984: 10]. Найденные здесь амфоры типа Солоха-1 относятся к более позднему времени нет оснований. А. Аврам выделил группу амфор с грибовидными венцами с клеймами, которые идентифицировал с продукцией Коса и датировал началом III в. до н. э. Все это позволило ему отнести к продукции Коса целый ряд неклеяемых амфор с развитыми грибовидными венцами середины – второй половины IV в. до н. э. [Avram, 1989: 247–248, 251, note 10, Abb. 1–2]. Однако датировка началом III в. до н. э. клейменных образцов на основании единичной находки в слое поселения с синопским клеймом IV группы («рядом лежало») вызывает сомнения. Не исключая возможности такой даты для амфор с клювовидными в сечении венчиками, по аналогии с раннеродосскими амфорами типа Александрия-Корони [Grace, 1963: fig. 1, 2, 5], такая датировка именно этого образца с прямым грибовидным венцом представляется необоснованной. Это типичный образец IV в. до н. э. и далеко не позднего.

Предлагается также изготовление амфор типа Солоха-1 на Пепарете. Независимо от

решения этого вопроса, фрагменты амфор с развитым грибовидным венцом найдены на Пепарете в Панермосе в комплексе мастерской первой половины IV в. до н. э. [Daujgeri-Intresiloglou, 1990: 378–379, 386–387, Fig. 29].

В Северном Причерноморье и за его пределами за последние десятилетия открыт ряд узко датированных комплексов второй-третьей четверти IV в. до н. э., содержащих амфоры типа Солоха-1 с развитыми грибовидными венцами. Это курган № 9 у с. Малая Лепетиха, курган № 8 группы Чередникова Могила, курган № 12 у с. Владимировка, кораблекрушение у Балеарских островов, курган № 7 у с. Верхний Рогачик, яма из Лесовичей, Чертомлык (знаменитая серебряная амфора из центральной гробницы и фрагменты из тризны), погребения некрополя поселения Панское-1, курган Баш-Оба-IV в Крыму и курган Т-IV в Оргаме в Румынии [Монахов, 1990: 140; 1999: 324–325, 345, 372–379, 382, 387, 413–414, табл. 138, 8; 150, 2; 163, 1–2, 164, 2–5; 165, 1–5; 169, 2; 171, 6; 185, 1; Полин, 1994-А: 116, рис. 1, 15; Колтухов, 1999: 262–266; Lungu, 1999: 72, 76, Fig. 4, a].

К типу амфор с грибовидными венцами также относят амфоры более поздней разновидности, в которых можно видеть дальнейшее развитие амфор типа Солоха-1. В свое время В. Грейс выделила протородосские амфоры с грибовидным венчиком иной разновидности – прижатым к горловине под углом, клювовидным в сечении – и датировала концом IV в. до н. э. по находкам в Александрии. Судя по находкам в Корони, такой тип амфор, а также с плотно прижатым манжетовидным венчиком существовал на протяжении первой половины III в. до н. э. [Grace, 1963: 322, fig. 1–5; Vanderpool, 1962: Pl. 19, 5].

Все же раннеродосская тара типа Солоха-1 с нормальными развитыми отогнутыми грибовидными венцами, по-видимому, существовала. На поселениях у Евпаторийского маяка и Ново-Федоровки присутствуют фрагменты таких амфор, по тесту и клеймам отождествляемые авторами раскопок с раннеродосской продукцией. Здесь они датируются не позднее третьей четверти IV в. до н. э. [Колесников, 1985: 78; Ланцов, 1994: 84, рис. 9, 2, 3, 6, 10, 14–15].

По мнению С.Ю. Монахова, аналогичные амфоре из Водяной Могилы по форме и фактуре глины сосуда происходят из подвала 1988 г. на Елизаветовском городище и усадьбы № 6 посе-

ления Панское-1, которые автор датирует последней четвертью IV в. – первой четвертью III в. до н. э. [Монахов, 1999: 485–486, 497–509, табл. 207, 8]. По составу глины определенное сходство действительно есть, однако в отношении формы какое-либо сравнение вряд ли возможно. Прежде всего, в Елизаветовском подвале найдена только горловина амфоры, грибовидный венец которой, довольно плотно прижатый, имеет остроугольное (клювовидное) сечение, резко отличающийся от далеко отогнутых развитых грибовидных венцов IV в. до н. э., в том числе и от венца амфоры Водяной Могилы. Кроме того, наша амфора имеет ряд индивидуальных особенностей, аналогии которым в доступных публикациях отсутствуют. Это, прежде всего, отогнутый наружу верхний край горловины при том, что горловина расширяется книзу, а также ручки, нижние прилепы которых широко расставлены в стороны, что не имеет ничего общего с елизаветовским образцом и со всеми остальными амфорами этого типа. Не менее своеобразна и ножка, имеющая форму валикообразного кольцевого налета на нижнюю часть корпуса без какого бы то ни было перехода от корпуса к ножке [ср.: Абрамов, 1993: 102, рис. 3.36]. Сходную профилировку тулова и ножки имеют амфоры совершенно другого теста и иными элементами профилировки верхней части из некрополя Херсонеса второй – начала третьей четверти IV в. до н. э. [Монахов, 1993-А: 129–130, табл. 7, 22] и некрополя Керкинитиды, широко датированные в пределах IV в. до н. э. Последние также обнаруживают сходство и в значительной отогнутости наружу края горловины до такой степени, что устье напоминает воронку [Михлиш, 1981: 183, рис. 1, 7–8].

Все сказанное выше в полной мере относится и к амфоре с грибовидным венцом из усадьбы № 6 поселения Панское-1 [Монахов, 1999: 508, табл. 214, 4]. Кстати, комплекс усадьбы № 6 поселения Панское-1 имеет значительно более широкий диапазон, в который прочно входит и середина – третья четверть IV в. до н. э. По-видимому, именно к этому времени относится и указанная амфора, судя по развитому характеру грибовидного венца, в отличие от остальных амфор этого типа с плотно прижатыми, клювовидными в разрезе венчиками, найденных здесь. С.Ю. Монахов, ссылаясь на В. Грейс, датировал ее около 300 г. до н. э., полагая при этом, что В. Грейс так датировала время появления афинских клерухов на Самосе. Приве-

дневные вышние рассуждения В. Грэйс по этому поводу свидетельствуют, что дата начала афинской оккупации Самоса была прекрасно ей известна, как и С.Ю. Монахову и Н.А. Касаткиной [Монахов, 1989: 507, прил. 160]. Уже отмечалось, что датировка В. Грэйс этой амфоры требует удреждения. Также неправомерна ссылка на амфору с грибовидным венцом из Кастро-Тигани и ее датировка тем же временем. Во-первых, здесь найдена только горловина амфоры с венчиком и ручками, что затрудняет достоверную характеристику амфоры в целом. Во-вторых, она происходит из мешаного слоя городской застройки, где присутствует керамика от геометрической до эллинистической [Kas, 2002: 106, Ad 80, Pl. 48; Tolle-Kastenbein, 1974: 158, Abb. 259a], что позволяет лишь распределить керамику по периодам без какого-либо определения точных дат. По имеющимся датированным аналогиям, горловина из Кастро-Тигани не может датироваться позднее третьей четверти IV в. до н. э.

В целом следует отметить, что достоверных находок амфор с развитыми грибовидными венцами в узко датированных комплексах Северного Причерноморья последней четверти IV в. до н. э. нет. Здесь присутствуют амфоры этого типа с плотно прижатым клювовидным в разрезе венчиком, типа «протородосских» по В. Грэйс и других центров производства этого времени с аналогичной профилировкой [Монахов, 1999: Табл. 204, 1; 207, 8]. Наличие амфор с развитым грибовидным венцом в комплексах усадеб № 6 и 7 поселения Панское-I, которые С.Ю. Монахов датировал последней четвертью IV – первой четвертью III вв. до н. э. [Монахов, 1999: 497, 509, Табл. 214, 3; 221, 5, 8], объясняется только тем, что хронологический диапазон поселения определен не полностью. Имеющиеся в обеих усадьбах материалы (амфоры Менды, Гераклея, типа Солоха-I, раннехерсонесская, клейма Синопы и Гераклея, ряд фрагментов и целых форм краснофигурной и чернолаковой керамики, а также монеты свидетельствуют о том, что середина – третья четверть IV в. до н. э. прочно входит в период существования поселения [Монахов, 1999: 515–516, 518; Kas, 2002: 110–112, 123–124, Ad 38, 80–81, 92, Ae 100–110, 117–118, 125; Hannestad, 2002: 132–144, B 1–3, 98–99, 108, 121, 129, 145–146, 169–171; Gilevic, 2002: 249–250, № 1–3]. В материалах поселений херсонесской хоры, диапазон которых определен верно, начиная с середины IV в. до н. э., отмечены

такие же находки (Ново-Федоровка, усадьбы у Евпаторийского Маяка). Присутствуют на них и амфоры с развитыми грибовидными венцами типа Солоха-I, Менды мелитопольского типа, херсонские колпачковые и даже Солоха-II [Колесников, 1984: 85; Ланцов, 1994: 84, рис. 9], вне всяких сомнений относящиеся к третьей четверти IV в. до н. э. Особенно многочисленны свидетельства существования поселения Панское-I в третьей четверти IV в. до н. э. содержатся в материалах некрополя Панское-I [Монахов, 1990: 135–139; Рогов, 1998]. Таким образом, время бытования амфор типа Солоха-I с развитыми грибовидными венцами в пределах первой-третьей четвертей IV в. до н. э., установленное И.Б. Брашинским и уточненное А.П. Абрамовым по закрытым комплексам Северного Причерноморья [Брашинский, 1984: 138–139; Абрамов, 1993: 6, 39, 102, № 3.34–3.38], полностью сохраняет силу.

Дата нашей амфоры с грибовидным венцом типа Солоха-I («тип Водяной Могилы» по определению С.Ю. Монахова) прекрасно определяется по фасосским клеймам из тризны Водяной Могилы. Амфора из основного погребения кургана при любых обстоятельствах датируется ранее этих клейм и в целом ее дата – середина – третья четверть IV в. до н. э.

Фасосские клейма из тризны Водяной Могилы любезно обработали И. Гарлан (Реннский университет, Франция) и С.Ю. Монахов (Саратовский университет, Россия) в начале 1990-х гг. Выражаем искреннюю признательность коллегам за прочтение, восстановление, датировку и подбор аналогий. Клейма следующего содержания:

1) [HPAKAIEIA] 2) [Θ]ΑΣΙΟΝ
заяц кадуцей

ΑΡΙΣΤΟ – (рис. 14, 1) [Α]ΡΕ[ΤΩ]Ν – (рис. 14, 2)

Аналогии первому клейму: *Vol 1957*: № 253, 1295 (не читается легенда); *IPE III*: № 1029–1032; *Garlan 1986*: tabl. A, группа G; второму: *IPE, III*: № 1838; *Garlan 1986*: fig. 35a.

Клейма принадлежат к разным типам. Клеймо с зайцем относится к ранним клеймам, в которых легенда включает два имени и, нередко, этникон и расположена по четырем или трем сторонам рамки. Клеймо с кадуцеем относится к сменяющему ранние клейма новому типу поздних клейм с легендой с одним именем и этником, расположенными вдоль двух длинных сторон. Общая датировка комплекса клейм И. Гарлана – около 335 г. до н. э., С.Ю. Мона-

хова – около 330 г. до н. э. Недавно С.Ю. Монахов определил датировку комплекса фасосских клейм Водяной Могилы в пределах 330-х гг. до н. э. [Монахов, 1999: 485], а И. Гарлан включил клеймо с зайцем в группу G-2, датированную 345–335 гг. до н. э., для второго клейма отметил его принадлежность к самому началу выпуска поздних клейм. Он детально рассмотрел вопрос датировки смены ранних фасосских клейм поздними [Garlan, 1999: 45, 48–54, 266, 291, № 959].

По данным имеющихся на сегодняшний день исторических, археологических, нумизматических и эпиграфических источников, это происходит в интервале от 350 до 330 гг. до н. э. Сам И. Гарлан сейчас склоняется к дате 335–330 гг. до н. э., хотя еще совсем недавно предполагал 330 г. до н. э. [Garlan, 1990: 482; 1999: 45, 48–54, 266, 291, № 959], как и В.И. Кац и С.Ю. Монахов [Монахов, 1999: 390; Кац, 1999: 107]. Учитывая достаточную условность определения начальной даты фасосского клеймения, по-видимому, было бы преждевременным ограничивать время перехода к подному типу клейм именно 330–335 гг. и полностью отказываться от свободы маневра в датировке времени перехода от «старых» к «новым» фасосским клеймам в пределах 350–330 гг. до н. э. Представляется, что датировка В. Грэйса этого перехода 340 г., или даже несколько ранее, не утратила значения [Grace, 1965: 122–123; 1985: 4–5]. И тому имеются определенные доказательства и в причерноморском материале, о чем речь пойдет ниже при рассмотрении датировки кургана Каменская Близница.

Следует отметить находку аналогичного нашему клейма Аретона с кадушеем в Олинфе, разрушенном Филиппом II в 348 г. до н. э. И. Гарлан считает, что эта дата не может быть принята для клейма, поскольку разрушение не было окончательным и отдельные кварталы продолжали существовать и после гибели большей части города [Garlan, 1999: 53; Olynthus, 1950: 260, № 1097; Вол, 1957: № 1876].

Клеймо с именем Аретона с эмблемой «рыба» имеется на фасосской амфоре из Куль-Обы, которое И.В. Брашинский датировал после 332/331 гг. до н. э. по находке в Александрии Египетской, основанной Александром Македонским в 332/331 г. до н. э., клейма с тем же именем, но другой эмблемой [Брашинский, 1975: 37]. Однако коллекция фасосских клейм, найденных в Александрии, весьма неоднородна по составу и содержит ряд фасосских клейм,

датируемых значительно более ранним временем [Garlan, 1990: 481], что указывает на поступление греческого импорта в этот район еще до основания города. Постоянное присутствие греков (торговцы, заемники) в районе Нильской дельты фиксируется с VIII в. до н. э. [Борухович, 1966: 18–31] и поступление различных категорий греческого импорта в этот район осуществлялось практически непрерывно. Соответственно, снимаются ограничения для датировки клейм Аретона. А. Анрам и Г. Поенару-Бордя на основе хронологии М. Дебидура и И. Гарлана с собственными корректировками датируют аналогичное куль-обскому клеймо Аретона, найденное в Каллатии, в пределах 340–325 гг. до н. э. [Anram, 1988: 27–28, № 2].

Особо следует остановиться на датировке начала поздних фасосских клейм Ю.Г. Виноградова, который выделил незначительную часть таких клейм в подгруппу 5а (отличаются наличием дополнительных символов), датированную в пределах 340–320 гг., и основную массу, куда входит и клеймо Аретона из Александрии, – в подгруппу 5б, существовавшую после 320 г. до н. э. [Виноградов, 1972: 35–40]. Появление последней даты является результатом явного недоразумения, поскольку эта дата определялась по году основания Александрии Египетской, которая в результате несомненной опечатки обозначена в таблице комплексов под 322/1 гг. до н. э., и, соответственно, дата всей группы определена после 322/1 гг., округленно после 320 г. до н. э. [Виноградов, 1971: 52, Приложение 7, № 16], вместо 332/1 г. до н. э. Ошибочная дата вошла в отечественный археологический обиход. А.Ю. Алексеев при датировке клейма Аретона из Куль-Обы ссылается на работы И.В. Брашинского и Ю.Г. Виноградова, видимо, подразумевая идентичность датировок, но все же дает дату после 320 г. до н. э. по работе последнего, хотя И.В. Брашинский приводил верную дату [Алексеев, 1987: 33; 1992: 156; Брашинский, 1975: 37].

Но самое интересное состоит в том, что в Александрии вообще не известны находки клейм Аретона. Нет его на амфоре, учтенной в каталоге А. и М. Вон, на которую сослались Ю.Г. Виноградов и И.В. Брашинский [Вол, 1957: № 245], не известны здесь такие клейма и по другим находкам, как старым, так и новым [Debidour, 1986: 330].

Правильность датировки клейма Аретона румынскими коллегами в пределах третьей четверти IV в. до н. э. находит ряд подтвержде-

ний. Клеймо Аретона в Куль-Обе оттиснуто на классической фасосской биконической амфоре IV в. до н. э. поздней разновидности, идентичной найденным в комплексах конца второй – третьей четверти IV в. до н. э., таких как Гайманова Могила, курган № 8 группы Чердицовой Могилы и др. [Брашинский, 1975: рис. на с. 37; Монахов, 1999: 346, 390, табл. 149, 1, 172, 1; Garian, 1999: 68–69, 199, 220, № 614, Pl. VI, 614/5]. По данным С.Ю. Монахова, в конце третьей четверти IV в. до н. э. типостандарт фасосской керамической тары кардинально меняется [Монахов, 1999: 421], что дополнительно не позволяет датировать кульобскую амфору позднее этого времени.

Вопрос о датировке Куль-Обы достаточно сложен. Ряд вещей из кургана датируется первой половиной IV в. до н. э. [Передольская, 1945: 77; Колейкина, 1986: 35], а некоторые еще более ранним временем. Н.Л. Грач установила наличие разновременных погребений в Куль-Обе. Первичное относится ко времени впускного погребения Солоха, другое – ко времени Чертомлыка, хронологическая близость комплекса Куль-Обы к которому подтверждается многими, почти буквальными, вещевыми соответствиями [Алексеев, 1992: 156; Чежина, 1994: 108].

Такая интерпретация памятника при условии датировки позднего комплекса Куль-Обы в пределах третьей четверти IV в. до н. э. полностью устраняет все противоречия. Эта дата может быть ограничена в пределах 350–330 гг. в связи с находкой клейма Аретона в комплексе Водяной Могилы. Есть еще один аргумент в пользу такой датировки. Начиная с М.И. Ростовцева, считающийся синхронным Куль-Обе по вещевому комплексу, курган Патиноти содержал гераклейскую амфору с клеймом Эварха и Аристоня. Последний входит в группу гераклейских магистратов второй четверти IV в. до н. э. [Монахов, 1999: 249–250]. Разумеется, синхронность, установленная по драгоценным вещам, не может быть абсолютной, но, тем не менее, клеймо второй четверти IV в. до н. э. является дополнительным указанием на отсутствие значительного разрыва между комплексами кургана Патиноти и позднего захоронения Куль-Обы.

Что же касается датировки фасосских клейм из Водяной Могилы и амфор из кургана в целом, время их изготовления ограничивается пределами 350–330 г. до н. э.

СОБОЛЕВА МОГИЛА. Здесь в составе тризны во рву и в перекрытии сопровождающего погребения № 8 найдены профилированные части не менее 24 амфор: Пепарет (Солоха II) – 2 экз., Гераклея – 3 экз., Менда (с рюмкообразной ножкой) – 17 экз., Синопя – 1 экз., неизвестный центр – 1 экз. Фрагменты амфор из рва и перекрытия сопровождающего захоронения слуги № 8 («виночерпий») в целом связаны с центральным захоронением кургана № 1. Однако во рву найден фрагмент ручки с венчиком мендейской амфоры с энглифическим клеймом в виде колечка, идентичный по форме, тесту и клейму амфорам из погребения № 2. Вне всяких сомнений – это амфоры одного «тиража», что указывает на то, что какая-то часть фрагментов амфор из рва относится к несколько более поздней тризне, связанной с погребением № 2 (рис. 87; 88; 94).

В составе тризны уверенно господствуют амфоры Менды (с рюмкообразной ножкой) мелитопольского типа середины – третьей четверти IV в. до н. э.

Фрагменты амфор Пепарета немногочисленны. Выделяются среди прочих характерной мощностью профилированных частей, в особенности ручек. Ножка из Соболевой Могилы имеет несколько необычную для этого типа амфор форму. По профилировке скорее сходна с ножкой фасосской биконической амфоры, значительно превосходя по размерам фасосские стандарты и отличаясь по тесту (рис. 87, 2). Имеется также определенное сходство с рюмкообразными ножками. Такое взаимное сходство амфор типа Солоха II и амфор с рюмкообразной ножкой отмечено для красноглиняных амфор обоих типов по материалам Чертомлыка [Поблак, 1991: 370], что, по-видимому, имеет место и в нашем случае.

Гераклейские амфоры по характерной форме цилиндрических ножек и ломаной профилировке ребра тулова относятся к позднему типу гераклейских амфор – тип II по И.В. Брашинскому, хорошо известному в курганах середины – второй половины IV в. до н. э. [Брашинский, 1984: 109; Монахов, 1990: 134, табл. 3]. К продукции Синопя принадлежит единственный фрагмент ручки, надежно определяющийся по характерному составу теста. Остается только сожалеть об отсутствии синопских и гераклейских клейм.

Амфора неизвестного центра принадлежит к редкому типу (рис. 87, 9). В 1988 г. такая амфора найдена в составе комплекса третьей

четверти IV в. до н. э. в кургане № 8 группы Чередикиной Могилы. С.Ю. Монахов отметил такую амфору в кургане № 69 могильника Ширское-II [Полин, 1994-В; Монахов, 1999: 345-347, табл. 150, 3; Черненко, 1977: 45].

Три амфоры из погребения № 2 производства Менды принадлежат к мелитопольскому типу середины – третьей четверти IV в. до н. э. (рис. 94). Отличаются грубостью состава теста и небрежностью обработки поверхности. На ручках выше изгиба имеют энглицеские клейма в виде несомкнутых колечек с риской или без в раземе. В целом амфоры из погребения № 2 по составу теста и фрагмент венчика и ручки с клеймом идентичной амфоры из тризны по небрежности в изготовлении и обработке поверхности, форме и размерам весьма близки с мендейской амфорой из Северной Могилы Чертомлыка, датированной С.Ю. Монаховым рубежом 340–330 гг. до н. э. [Чертомлык, 1991: кат. 226; Полин, 1991: 372, рис. 3, 16–19; Монахов, 1999: 406]. Энглифические клейма в виде колечек спорадически встречаются на амфорах различных центров в очень широком хронологическом диапазоне [Зеест, 1960: 72]. Известно такое клеймо и в тризне Чертомлыка на ручке мендейской амфоры [Полин, 1991: 370].

Амфора из погребения № 6 также принадлежит производству Менды поздней разновидности – мелитопольскому типу (рис. 119). По форме и размерам сходна с амфорами из погребения № 2, заметно отличаясь от них высоким качеством теста и обработки поверхности. В погребении № 3 найдена ручка амфоры, совершенно идентичная по форме, составу теста и характеру обработки поверхности амфоре из погребения № 6.

В целом амфорные материалы из всех объектов Соболевой Могилы обнаруживают тесное хронологическое единство и принадлежат к короткому периоду времени в пределах третьей четверти IV в. до н. э.

4.21. ЗОЛОТЫЕ ИЗДЕЛИЯ

БАБИНА МОГИЛА. Немногочисленные золотые изделия, сохранившиеся после грабителей в гробницах № 1–3, рассматриваются суммарно, без разделения на комплексы, поскольку они относятся к одному хронологическому периоду, о чем свидетельствует и общность типов отдельных бляшек из обоих погре-

бений. Кроме того, в процессе двойного ограбления грунт перемещался в разные стороны и нет уверенности в точном распределении всех найденных бляшек по комплексам.

Ажурная пластина с изображением нимфы (табл. 6, 3). По-видимому, здесь изображена босоногая лесная нимфа (ореада, дриада, альсеида) с распущенными волосами, пугово выходящая из чащи. Нимфа является символом плодородия. Ее связь с растительным миром подчеркивается тем, что она как бы произрастает из мощного соцветия. Вероятно, эта пластина является украшением налобной части женского головного убора. Ничего подобного в скифских древностях Северного Причерноморья не известно. Определенные созвучия в одежде, распущенных волосах и босоногости можно усматривать только на бляшках с изображениями танцующих менад из Деева кургана, Гаймановой и Денисовой могил, Рыжановки и Большой Близицы [Рабова, 1979: 47–51; Круглов, 1997]. Однако по содержанию это уже другие сюжеты.

По-видимому, от того же головного убора происходит *венчик с шумящими подвесками* (рис. 66). Аналогичный по конструкции венчик известен в Деевом кургане, где амфоровидные подвески имеют более простой тисненый декор [Scythian, 1986: pl. 135] и в Рыжановском кургане, где стоечки с аналогичными подвесками припаяны к гладкой нижней полосе-основе [Ростовцев, 1917: табл. VI, 2]. Серию из 4 венчиков, аналогичных по конструкции венчику из Бабиной Могилы, составляют женские головные уборы из Чертомлыка. Каждый из них представляет собой отдельную комбинацию составляющих элементов. Аналогичный Рыжановскому по всем составляющим элементам венчик происходит из СВ камеры Чертомлыка. Отличие здесь состоит в том, что стоечки нижней частью наложены на полоску основы с лицевой стороны, их окончания загнуты и припаяны с обратной стороны [Чертомлык, 1991: кат. 113]. Второй убор из той же камеры имеет такой же венчик с более простыми по тиснению подвесками [Чертомлык, 1991: кат. 122]. Венчик головного убора из ЮВ камеры Чертомлыка сходен с венчиком из Бабиной Могилы по профилированному оформлению полоски-основы и стоечек, которые, как и в Бабиной Могиле, припаяны с обратной стороны. Но характер оформления подвесок здесь совершенно иной, отличный от всех известных венчиков [Чертомлык, 1991: кат. 128]. Новую комбинацию

оставляющих демонстрирует венчик второго головного убора из ЮВ камеры. Здесь профилированные стоечки расклепанными основаниями припаяны с наружной стороны к широкой гладкой полосе-основе. Амфоровидные подвески здесь представлены по крайней мере двумя вариантами, один из которых аналогичен подвескам на венчике из Бабиной Могилы [Чертомлык, 1991: кат. 136].

В Куль-Обе и в кургане в Аджимушке 1840 г. в окрестностях Керчи представлены аналогичные венчики головных уборов, отличающиеся более изысканной работой. Они имеют профилированные полоски-основы и стоечки, как и в Бабиной Могиле. Однако здесь имеются дополнительные соединительные колечки между петлями стоек и подвесками с припаянными миниатюрными круглыми щитками с 6-лепестковыми розетками, оформленными сканью. Более пышным и тонким оформлением с помощью зерни отличаются и амфоровидные подвески этих венчиков [ДБК: табл. VI, 2; Артамонов, 1966: табл. 199].

По-видимому, также в состав декора головного убора входила *треугольная бляшка, украшенная псевдозернью, с амфоровидной подвеской* (табл. 12, 4). Серия подобных и несколько более сложных изделий с подвесками, использовавшихся в украшении скифских женских головных уборов, в ожерельях и височных подвесках с иной системой отверстий, в середине второй половине IV в. до н.э. достаточно представительна. Однако именно такая комбинация встречена впервые.

Миниатюрная поделка в виде щитка с 6-лепестковой розеткой и подвеской (табл. 12, 3). Размеры и конструкция поделки указывают на ее использование в сложном ожерелье тонкой ювелирной работы. Такие же разрозненные поделки обнаружены в Александрополе [ДГС, I: Атлас, табл. X, 25]. Аналогичные подвески без щитков использованы в оформлении женского головного убора из Куль-Обы и Александрополя [Артамонов, 1966: табл. 199; ДГС, I: Атлас, табл. XI, 5]. Такие изделия составляют первый ряд подвесок в знаменитых феодосийских серьгах, а также второй ярус подвесок в роскошном ожерелье из кургана № 1 в Феодосии 1853 г., датирующегося 330–300 гг. до н.э. [Золото Восточного, 1995: 264–266, № 200–201]. Аналогичные подвески имеются в ожерелье из Тарента начала IV в. до н.э. [Higgins, 1961: Pl. 28]. Они же использованы в качестве сережек у женской головки в паре золотых под-

весок из каменной гробницы в некрополе Пантикапея 1840 г., датирующейся около 350 г. до н.э., и в декоре пары серег из Куль-Обы. Сходные подвески, но с иными щитками, использованы в оформлении непарной серьги из Куль-Обы, и пары серег из Большой Близницы, в ожерельях с о. Мелос, из Мадита и Митилены. Ожерелья датируются 330–300 гг. до н.э. [Уильямс, 1995: № 22, 64, 68, 88, 89, 103, 122].

Крупная круглая бляшка с изображением двух крылатых драконов (табл. 12, 30) относится к редкому типу бляшек. Бляшки несколько меньших размеров с аналогичным сюжетом и без ажурных прорезей происходят из курганов Орел [ОАК, 1909–1910: рис. 205] и № 15 могильника Золотая Балка [Кубышев, 1982: табл. 15], а также Александропольского кургана [ДГС, I: Атлас, табл. VIII, 9].

Круглая бляшка с изображением Медузы (табл. 12, 31) пополняет многочисленную серию находок таких бляшек из скифских курганов Северного Причерноморья. В Куль-Обе представлено 12 вариантов бляшек такого типа [ДБК: Табл. XXI, 10–21]. Имеются они и в Хоминной, Денисовой и Толстой могилах [Мозолевский, 1973: рис. 37, 6; 1979: рис. 38, 7–8; 1980: 68, 4, 10], Геремесовом кургане [ДГС I: рис. на с. 42], Мелитопольском кургане, Верхнем Рогачике, Цимбалке, Чертомлыке, Чмыревой Могиле, Шульговке, Огузе, Александропольском и Деевом курганах [Онайко, 1970: 48, №№ 491-е, 493-з, 494-г, 496-в, д, е, 497-б, 498-в, 500-б, 501-а], Татьяниной Могиле [Мурзин, 1993: рис. 5, 13], Рыжиковском кургане [Рыжиков, 1999: Fot. 4А], Большой Близнице [ОАК, 1865: Атлас, табл. III, 6, 7, 29; Артамонов, 1966: рис. 148], Феодосии [Scythian, 1999: 186, № 73]. Такие бляшки малого размера найдены в кургане Ташенак [Болтрик, 1991-В: 34, рис. 1]. Бляшки с изображением Медузы отличаются исключительным разнообразием. Тем не менее, аналогии бляшке из Бабиной Могилы среди них отсутствуют.

Крупные бляшки в виде пальметки (табл. 12, 37–39). Бляшки этого типа обнаружены в Мелитопольском кургане [Мелитополь, 1988: 94, № 49, рис. 98, 17; 101], в Гаймановой Могиле [Золото степи, 1991: № 101-к], в кургане Ташенак [Болтрик, 1991-В: рис. 2], Шульговке [Онайко, 1970: № 498-и], в кургане № 15 могильника Золотая Балка [Кубышев, 1982: табл. 15]. Сходные бляшки малого размера найдены в Александрополе [Лазаревский, 1894: табл. V, 46].

Бляшка с изображением летящего орла (табл. 12, 29). В курганах Северного Причерноморья такие бляшки представлены большой серией: Носаки курган № 4 [Носаки, 1977: рис. 16, 3], Чмырева Могила [Онайко, 1970: табл. XLII, № 496-к], Огуз [Лесков, 1974: рис. 11], Орел [ОАК, 1909-1910: рис. 204], Александрополь [ДГС, I: Атлас, Табл. VIII, 14, 20, 22], Желтокаменка [Мозолевский, 1982: № 42, рис. 37, 25], Карагодеуашх [Карагодеуашх, 1894: Табл. III, 4-5], Курдэшиш [Галанина, 1980: № 40], Большая Близница [ОАК, 1869: Атлас, табл. I, 21-22; ОАК, 1872: Атлас, табл. III, 7-8], Старший Трехбратний курган [Кирилл, 1968: рис. 3, 4]. За исключением одного из трех вариантов в Александрополе и двух из четырех бляшек из Большой Близницы, изображающих орла на валете в боковой проекции, все остальные показывают орла в полете снизу, с расправленными или вытянутыми параллельно телу крыльями, лапами, прижатыми к телу, и головой, обращенной вправо или влево, что в целом совпадает с композицией бляшки из Бабиной Могилы. Но ни одна из них не является аналогией нашей бляшке.

Бляшка со схематичным изображением цветка лотоса (табл. 12, 25). Бляшки с вариантами этого сюжета обнаружены в Куль-Обе [ДБК: табл. XXII, 28], кургане Ташенак [Болтрик, 1991-Б: рис. 2], Гаймановой [Steppens, 1994: 39, № 52] и Татьяниной могилах [Scythian, 1999: 119-120, № 16], Большой Близнице [ОАК, 1866: Атлас, табл. II, 32], кургане № 1 у с. Дуровка [Пузикова, 2001: 209, рис. 7, 8]. Аналогичные найденной в Бабиной Могиле бляшки присутствуют только в комплексе Александрополя [ДГС, I: Атлас, табл. IX, 22].

Круглая бляшка со схематическим изображением мужского лица в фас (табл. 12, 28) принадлежит к многочисленной серии разнотипных бляшек с изображениями мужских личин, бытовавших на протяжении всего IV в. до н. э. и особенно широко распространенных в середине - второй половине столетия. Наша бляшка является новым вариантом.

Круглые бляшки с гладкой полусферической серединкой и кольцом орнамента по краю в виде двоянного меандра (табл. 12, 1-2). Единственные аналогии известны в кургане Александрополя [ДГС, I: Атлас, табл. IX, 5, 11].

Круглая бляшка со схематическим изображением пышного соцветия с гладкой полусферической серединкой и рубчатым пояском по краю (табл. 12, 6). Аналогичные бляшки без

пояска известны в Огузе и Татьяниной Могиле [Онайко, 1970: № 500-р; Мурлин, 1993: рис. 4, 12].

Круглая полусферическая гладкая бляшка с узким рубчатым пояском по краю (табл. 12, 5) имеет аналогии только в Чертомлыке и Александрополе [Алексеев, 1986-А: № 1; ДГС, I: Атлас, табл. IX, 23].

Две разновидности круглых бляшек с изображением львиных морд в фас, окаймленных двойным рубчатым пояском, являются новыми разновидностями в достаточно многочисленной серии подобных бляшек (табл. 12, 22-23).

Круглая бляшка с выпуклым схематичным изображением в фас личины с рубчатым пояском по краю (табл. 12, 27). До конца неясно - личинка принадлежит человеку или льву. Имеет аналогии в I-м Мордвиновском кургане, в Шульговке и Огузе [Лесков, 1974: 46, рис. 36; Онайко, 1970: № 498-б; Спицын, 1906: табл. XIII, 3].

Фигурная бляшка с изображением 8-лепесткового цветка с чередующимися заостренными и закругленными лепестками (табл. 12, 24) имеет единственную аналогию в Александрополе [ДГС, I: Атлас, табл. IX, 17]. Аналогичные по схеме соцветия изображены на звеньях ожерелья из Ольвии, которое широко датируется в пределах середины - второй половины IV в. до н. э. [Онайко, 1982: 255, рис. 16].

Фигурная миниатюрная бляшка в виде бантика (табл. 12, 26а) представлена в Малом кургане возле Огуза, Александрополе, кургане № 4 у с. Владимировка, Рыжановском кургане и Кальковой Могиле [Спицын, 1906: табл. XIV, 7, 13; ДГС, I: Атлас, табл. IX, 27-28; Полин, 1997: рис. 24, 10; Рыжановка, 1999: Фото 4; Мозолевский, 1986-А].

Треугольные бляшки, украшенные псевдозернью нескольких размеров (табл. 12, 13-14). Являются наиболее распространенным типом бляшек в IV в. до н. э. Перечень курганов, в которых они найдены, охватывает большинство курганов скифской знати. Бердянский, Мелитопольский и Александропольский курганы, Солоха, Куль-Оба, Шульговка, Цимбалка, курган Пастака, Девя курган, Ташенак, Кара-Тюбе, Башмачка, Толстая Могила, Огуз, Чертомлык, I-й Мордвиновский курган, Желтокаменка, Верхний Рогачик, Чмырева Могила, Большая Близница и др. Идентичные нашим треугольникам малого размера бляшки проис-

ходят из Огуза [Лесков, 1974: 21, рис. 11; Спицын, 1906: табл. XIV, 20].

Крестовидные бляшки в виде пяти соединенных кружков малого и крупного размеров (табл. 12, 34–36) также принадлежат к одному из наиболее распространенных типов бляшек в Скифии IV в. до н. э. Бердянский курган, Огуз, Шульговка, 1-й Мордвиновский курган, Красноперекопские курганы, Толстая Могила, Желтокаменка, Башмачка, Девя курган, Чертомлык, Александрополь, Большая Близнаца. Это далеко не полный перечень курганов, в которых они найдены. Идентичные бляшкам большего размера из Бабиной Могилы происходят из Толстой Могилы и Желтокаменки, меньшего – из Красноперекопских курганов и кургана Татьянина Могила [Мозолевский, 1979: 131, рис. 113, 4; 1982: 211, № 45, рис. 37, 19; Лесков, 1974: рис. 45; Мурзин, 1993: рис. 4, 6].

Полусферические пуговицы с петелькой на обороте (табл. 12, 7–12, 15–20) и *трубчатые рифленные пронизи* (табл. 12, 32–33) очень широко использовались на протяжении IV в. до н. э. и представлены практически в каждом богатом кургане, преимущественно в женских захоронениях.

СОБОЛЕВА МОГИЛА. В Соболевой Могиле золотые изделия имеются в комплексах мужского погребения № 2, женского № 3 и детского № 6.

Погребение № 2. В этом погребении найдены золотые личные украшения, украшения одежды, обмотка рукояти нагайки, обкладки деревянной чаши. Основная часть золотых изделий связана с предметами вооружения. Прежде всего это пластины покрытия горниса. Из золота также изготовлены обкладки рукоятей меча и лука, а также скобы и ворварки крепления меча к горниту. Эти изделия рассматриваются ниже в разделе 4.23.

Личные украшения. Спиральная *шейная гривна* (табл. 14, 1) по сплошной орнаментации всего стержня сопоставима с гривнами из Солохи и Куль-Обы, хотя последние имеют другой орнамент, имитирующий витой жгут [Петренко, 1978: табл. 35]. Сходную с нашей орнаментацию стержня на участках, прилегающих к наковечникам, имеют гривны из Куль-Обы, погребения № 3 Гаймановой Могилы, кургана Апан-Сарча, из курганов № 2 у с. Ковалевка и № 22 в Красном Перехопе, из СЗ камеры Чертомлыка, Рыжановского кургана, курганов № 2 у с. Пески и № 9 у с. Звонец-

кое. Все они, за исключением гривен из Куль-Обы и Песков, имеют и близкое оформление наконечников в виде лежащих на брюхе хищников [Scythian, 1986: № 125; Петренко, 1978: табл. 32, 1–2, 4; 33, 2–3; 34, 1; Рыжановка, 1997: Фото 9, 10; Мухомад, 1992: 61, рис. 7, 2; Королькова, 2001: рис. 2, 1, 3, 7].

Спиральные пластинчатые многовитковые браслеты (табл. 14, 5) относятся к редкой разновидности браслетов Скифии. В.Г. Петренко выделила их в тип 4 Отдела II, куда относит спиральные браслеты из золотой или серебряной пластины, орнаментированной по краю рубчатой полосой, а по концам – головками львов. Сюда она включила 5 целых и 2 фрагмента браслетов. Большая часть из них отличается от наших относительно широкой и уплощенной полосой. И только серебряный 3-витковый браслет из Девя кургана имеет аналогичные нашим браслетам ширину пластины, повторяет ее сложнопрофилированное сечение и оформление насечками по краю. Сходную ширину полосы и оформление по краю, при том же сечении пластины, изготовленным более сложным способом, имеют фрагменты серебряного браслета из кургана № 26 группы Гаймановой Могилы [Петренко, 1978: табл. 47, 15–16].

Подобное оформление окончаний браслетов фигурками лежащих хищников крайне редко встречается на браслетах Скифии IV в. до н. э. (можно назвать только серебряные браслеты из кургана № 13 группы БОФ и Матеуц) и гораздо чаще использовалось для оформления шейных гривен этого времени.

В Скифии IV в. до н. э. подобные нашим многовитковые браслеты встречаются очень редко. Помимо упомянутых браслетов из кургана № 13 группы БОФ и клада в Матеуцах, можно назвать находки из курганов № 58 у с. Калиновка, и № 13 у г. Орджоникидзе [Петренко, 1987: табл. 44, 2, 6; Королькова, 2001: рис. 3, 4; Полин, 1998: рис. 53].

Серьга (табл. 14, 3) – подобные серьги являются наиболее массовым типом ушных украшений в Скифии IV в. до н. э. Имели широкое распространение преимущественно среди рядового населения. Изготовлены, в основном, из бронзы и серебра и единичные экземпляры – из золота. В курганах знати у основных погребенных практически неизвестны. Такие серьги найдены в курганах № 3 Белозерского могильника, № 5 (1905 г.) у с. Аксютинцы, № 1 (1908 г.) у с. Мастюгино и № 15 у Старинской птицефабрики [Петренко, 1978: 35–36, табл. 23, 2, 5, 8, 11].

Рис. 136. Изображения нагаек на скифских стелах

1 - Сибиоара; 2 - Кировоградский музей; 3 - Краснодарский музей; 4 - ст. Маньчская;
 5 - Ольховчик; 6 - хут. Прохладный; 7 - Александровское (по: Ольховский, 1994)

Перстни. А) Гладкий безразмерный щитковый перстень (табл. 18, 4б) принадлежит к наиболее распространенному в Скифии IV в. до н. э. типу. По данным В.Г. Петренко, известно 127 таких перстней [Петренко, 1987: 61]. В отличие от подавляющего большинства перстней этого типа, вырезанных из расклепанной золотой пластины, щитковый перстень из Соболевой Могилы относится к достаточно редкой разновидности, изготовленной методом литья. Отсюда его вес в 16,8 г, небывалый для таких перстней, визуальная массивность щитка и дужек, а также овальное сечение дужек в местах, прилегающих к щитку и изменение на прямоугольное к окончанию. Аналогичные перстни найдены только в женской гробнице Толстой Могилы (один из десяти – вес 11,76 г, все остальные вырезаны из расклепанной пластины – вес в пределах 4,90–7,29 г), и в Казенной Могиле [Мозолевский, 1979: 141, 235–236, № 193–194, рис. 125, 25; Tessori, 1996: № 42].

Б) Золотой массивный литой перстень с рельефным изображением на овальном щитке сцены тероания (табл. 18, 4а). В литье был задан лишь общий рельеф изображения, основная доработка произведена резцом. Работа в целом довольно грубая. Аналогий нет.

Обмотка рукояти нагайки из Соболевой Могилы (табл. 14, 4) пополняет достаточно многочисленную серию подобных находок в скифских курганах IV в. до н. э. Впервые такие золотые спиральные ленты соотнес с нагайками М.И. Ростовцев [Ростовцев, 1914: 88, прим. 2]. Не вызывает сомнений, что основой всех рукояток этих нагаек были деревянные стержни.

Находки таких обмоток из золотой фольги большей или меньшей толщины известны в ряде курганов. Толстая Могила [Мозолевский, 1979: 69, 179, рис. 52, 3], Чертомлык [ДГС, II: табл. XXXVII, 14], Куль-Оба [Артамонов, 1966: 63], ст. Елизаветовская курган № 1 [Миллер, 1910: рис. 5, 12], Старый Мерчик курган № 11 [Бандуровский, 2000: рис. 19, 7], Аксютинцы курган 1905 г.; Волковцы курган № 1 1897–1898 гг. [Ильинская, 1968: 37, 48, табл. XXII, 10; XXXVII, 24], Калермес курганы № 1/В и 2/В [ОАК, 1904: рис. 144; Галанина, 1983: 37–38, табл. 5, 14 и 7, 12], 8-й Пятибратный курган [Шилов, 1961: 158], Мастюгино курган № 2 [Либеров, 1965: табл. 21, 16], Колбино курган № 7 [Гудлев, 1999: 155], Русская Тростянка курган № 20 [Пузикова, 2001: 174,

рис. 33, 2]. В погребении № 1 кургана № 9 у с. Пески отмечено более сложное сочетание металлических деталей, украшавших рукоять. Здесь на основание рукояти надета серебряная рифленая трубка длиной 8 см, а верхушка рукояти (по-видимому, выше места расположения отверстий для привязывания кожаного хвоста) на длину 3,5 см обмотана тонкой серебряной проволокой, вероятно, предохранявшей верхушку от расщепления [Гребенников, 1987: 154, рис. 4, 6]. По сведениям В.С. Ольховского, существуют и бронзовые обмотки рукоятей нагаек [Ольховский, 1991: 117], которые найти не удалось.

Аналогичные нашей, ленты с пурпурным орнаментом по краю происходят из Толстой Могилы, кургана № 1 у с. Волковцы, кургана № 11 у с. Старый Мерчик, кургана № 20 у с. Русская Тростянка, кургана № 1 у ст-цы Елизаветовская, 8-го Пятибратного кургана.

Нагайка (или кнут, плеть, камча, канчук) является обязательной принадлежностью конников всех народов, стран и эпох. Не были исключением в этом отношении и скифы. Курьезное подтверждение обязательного наличия нагайки у каждого скифа-кочевника сохранил Геродот, согласно которому скифам по возвращении из походов в Переднюю Азию на родине пришлось выдержать битву с восставшими сыновьями их прежних рабов. И пока скифы сражались оружием, рабы оставались непобедимыми. Но как только они взяли в руки нагайки, потомки рабов бежали с поля боя [Герод. IV, 2–4]. Нагайка была настолько обязательной принадлежностью скифа, что даже скифские лучники-рабы, выполнявшие в Афинах функции полицейских пешим способом, сохранили нагайку в своем снаряжении. Здесь она использовалась в качестве орудия полицейского воздействия [Фролов, 1998: 146].

У кочевых народов плеть для устрашения злых духов вешается над колыбелью младенца. Плетью отгоняют злых духов от роженицы. То же значение имеют стрелы [Веселовский, 1921: 277–279].

Представление о внешнем виде скифской нагайки и о способе ее ношения дают их изображения на скифских антропоморфных стелах (рис. 136). Здесь нагайка имеет прямую рукоять, иногда с утолщенным основанием (стелы из Ольховчика и Титарки), и в некоторых случаях утолщенную изогнутую верхушку (Кировоградский музей, Ольховчик, Александровское, Прехладный). Предполагается, что

это зооморфные наконечники в виде птичьих головок [Дубовская, 1997: 62]. Носились нагайки, по-видимому, с помощью ременной петли, на запястье правой (Сибисара, Александровск) или левой руки (Ольховчик, Маньчская). Или затыкались за пояс (Кировоградский музей, Прохладный, Татарка), или же подвешивались к поясу опять же с помощью ременной петли (Краснодарский музей). Кожаный хвост нагайки крепился к деревянной рукояти на некотором расстоянии от верхушки, ниже изогнутого ее утолщенного окончания в тех случаях, когда тело

вое имелось. Судя по изображению на стеле Краснодарского музея и хут. Прохладный, хвост мог быть раздвоенным. Примечательно, что по датировкам В.С. Ольховского и Г.Л. Ендокимова все стелы с нагайками датируются в пределах VII–V вв. до н. э. Для IV в. до н. э. такие стелы неизвестны [Ольховский, 1994: 66, табл. 12, илл. 1, 43, 48, 71, 77, 85, 89]. Входит в этот круг и новая стела из с. Татарки на Ставрополье [Саламатина, 1995: 104–105, рис. 1, а].

Имеются и иные изображения. Нагайку с прямой ручкой и раздвоенным хвостом сжимает в руке упавший с лошади всадник на костяной пластине из Куль-Обы (рис. 144, 5). На нагайки с утолщенными изогнутыми верхушками опираются беседующие скифские пары на чаше из Гаймановой могилы (рис. 137, 1). Нагайка-двуххвостка изображена в руке одного из скифов на Воронежском серебряном сосуде (рис. 137, 2) [Ростовцев, 1914: 88].

С.И. Вайнштейн, имевший возможность изучить оригинал, увидел изображение нагайки на шейной гривне из Куль-Обы. У одного из двух всадников на окончатых гривнах в левой руке находится повод, а правая рука свисает, сжимая в плотно сжатой кисти некий отсутствующий предмет, как утверждает – нагайку. Рукоятка давно обломана – сохранилось только отверстие в кисти правой руки, куда она вставлялась. Зато по внутренней стороне правой ноги идут, опускаясь вниз, две узкие золотые полоски, тщательно сплетенные между собой. Чуть ниже колена плетение заканчивается небольшим узелком и продолжается в виде двух свободно свисающих узких хвостов, не доходя-

Рис. 137. Изображения нагаек на серебряных сосудах

1 – чаша из Гаймановой Могилы;

2 – Воронежский сосуд

щих до конца штанов. Причем один конец короче другого [Вайнштейн, 1984: 119].

М.В. Русьева находит изображения нагаек на золотой обшивке ножен из Чертомлыка [Русьева, 1996: 47]. Однако это не так. Скиф (вторая фигура от устья ножен) сжимает в левой руке лук, большая часть которого скрыта развевающимся плащом греческого воина. Из-за него выглядывает только один изогнутый рог с обмоткой и с закруглением на конце для крепления тетивы. Еще одна нагайка, по мнению исследовательницы, изображена у восьмой фигуры. Однако здесь изображен скиф, готовящийся соскочить с падающей лошади. Правая рука его занята копьем.левой же рукой он удерживает не нагайку, а провисший повод, использовавшийся до последнего момента для управления конем [Scythian, 1986: № 221–222].

Археологические находки нагаек в Северном Причерноморье немногочисленны и, прежде всего, из-за недолговечности материала, из которого они были изготовлены, – дерева и кожи, в условиях степей сохраняющихся крайне редко. В тех немногих случаях, когда в курганах обнаруживаются остатки нагаек, они почти всегда представлены спиральными металлическими лентами, украшавшими несохранившиеся деревянные рукояти.

Интерпретация в качестве рукояти нагайки подпрямоугольно-овального в сечении деревянного стержня, обломанного с обоих концов, из кургана № 1 группы Маеровой Могилы на Днепропетровщине, представляется произвольной. В ограбленном погребении обнаружено большое количество обломков дерева от разных изделий, к одному из которых вполне

мог относиться и данный стержень [Мухомед, 1992: 53, рис. 4, 5].

Единственная кожаная плеть, в авторской реконструкции приобретшая форму современного английского хлыста, происходит из кургана № 1 группы Первомайка-2 на Херсонщине [Евдокимов, 1987: 93, рис. 3, 6].

Навершиями нагаек А.И. Пузикова называет бронзовую и золотую ворварки весьма замысловатой формы, найденные в кургане № 15 у с. Дуровка в Среднем Подонье [Пузикова, 1999: 277, рис. 7-8].

В.В. Отрощенко считает, что рукоять нагайки из Толстой Могилы была изготовлена из кожи [Отрощенко, 1986: 229]. Основанием для этого послужило наличие органического глена густо-коричневого цвета в районе места наход-

ки обмотки нагайки и золотых бус воле нее. Однако, судя по чертежу, контуры кожаного глена не совпадают с расположением рукояти и могут быть фрагментами частично сохранившейся подстилки. На это указывает прежде всего то, что глен находился не внутри обмотки, а на дне погребения, как и предполагается подстилке. Тонкая магкая золотая лента обмотки не могла обеспечить необходимой жесткости рукояти нагайки, если бы последняя была изготовлена из кожи. Противоречит этому также способ закрепления обмотки на рукояти - с помощью гвоздиков, что подразумевает наличие твердой основы - древесины [Мозолевский, 1979: 53-54, 69, рис. 37].

Аналогичная причерноморским, золотая лента-обмотка деревянной рукояти нагайки найдена в сакском кургане Иссык IV в. до н. э. в Казахстане [Акишев, 1978: рис. 32]. Уникальная для скифского мира нагайка найдена в кургане № 83 сакского могильника Уйгарак в низовьях р. Сыр-Дарья VII-VI вв. до н. э. Нагайка имела костяную рукоять с пятью кольцевыми рельефными выступами в верхней части. Снизу на рукоять была насажена бронзовая втулка с широким кольцевидным основанием. На ней имеется непонятный по рисунку выступ, возможно, прикипевшая ворварка для кожаной петли, надевавшейся на руку всадника. Сверху на рукоять была насажена бронзовая втулка с ушком сбоку для привязывания кожаного хвоста нагайки, остатки которого были найдены рядом. Судя по масштабу рисунка, длина рукояти нагайки составляла не менее 35 см [Вишневская, 1983: 57, табл. XIX, 10-11].

В хронологическом отношении все материалы по нагайкам Северного Причерноморья - Приазовья и Кавказа, распределяются следующим образом: изображения на стенах - VII-V вв., изображения в терракоте и на кости - IV в., археологические находки - две в Келермесских курганах - VII в., все остальные - середина - вторая половина IV в. до н. э.

В качестве рукоятей нагаек интерпретируются несколько костяных изделий из погребений раннего этапа срубной культуры (XVI-XIV вв. до н. э.) Нижнего Поднепровья и Поволжья [Отрощенко, 1986: 227-230]. О.Р. Дубовская предполагает использование в качестве рукоятей нагаек серии костяных изделий неизвестного назначения из предскифских погребений широкой территории - от Северной Болгарии до Нижнего Поволжья [Дубовская, 1997]. Однако для таких реконструк-

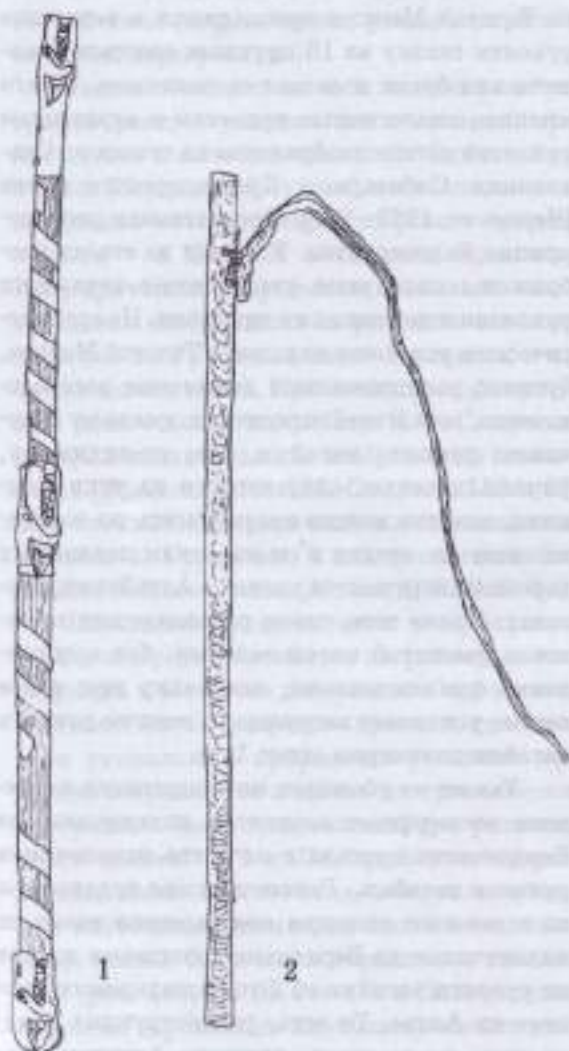

Рис. 138. Нагайки из алтайских курганов

1 - 2-й Вашадарский курган;

2 - 1-й Паазырыкский курган

[по Руденко, 1953: рис. 140, б; 1960: 78, табл. L]

ций оснований недостаточно. У всех этих находок отсутствуют отверстия для привязывания кожаного хвоста нагайки. Большое сходство они обнаруживают с церемониальными железными тростями срубной культуры, известными на территории от Урала до Днестра [Отроценко, 1993: 101–106]. Золотые ленты-обмотки в знаменитом погребении в кургане у Белоградца, которое по современным представлениям датируется не позднее VIII в. до н. э., можно интерпретировать и подобным образом, хотя Г. Тончева видела в ней обмотку рогов лука или портупей меча [Тончева, 1974: 28; 1980: 12; Тончева, 1980: 22, Tabl. IX, 4–6].

Неубедительными представляются реконструкции нагаек О.Р. Дубовской и для скифского времени. Так, использованию костяной головки из погребения № 3 Комаровского могильника на Северном Кавказе [Абрамова, 1974: 202] в качестве наконечника верхушки ручки нагайки противоречит наличие единственного широкого овального отверстия крепления, не предусматривающего использование данного изделия в таком положении. Известные стержни с гравировкой из Кармир-Блур также мало подходят для рукоятей нагаек. Такая интерпретация произвольна, поскольку по условиям находки они служили украшениями плетеной корзинки, как и другие костяные детали в виде скульптурных львиных головок [Пиотровский, 1955: 17, рис. 9]. Этому противоречит также отсутствие отверстий для привязывания кожаного хвоста и окончания изделий, оформленные в виде шипов для вставки. На изделиях отсутствуют отверстия для фиксации предполагаемых насадок, что указывает на их использование в каких-то неподвижных жестких конструкциях и непригодность для такого динамичного орудия, как нагайка, которое при использовании по назначению испытывает определенные нагрузки.

Л.К. Галанина объясняет появление традиции украшения нагаек у скифов Северного Кавказа воздействием ближневосточных культур, где золоченые нагайки имели распространение в придворных кругах переднеазиатского мира. В подтверждение приводится письмо митаннийского царя Туратты фараону Аменхотепу III, в котором египетский владыка извещался об отсылке ему высокоценных даров, в числе которых упоминается и кнут, украшенный золотом и камнями [Галанина, 1983: 40].

Все нагайки найдены в мужских погребениях. Если учесть, что нагайка была обязатель-

ной принадлежностью конного скифа, то, по-видимому, следует считать, что металлическая обмотка рукояти нагайки из драгоценного металла, в подавляющем большинстве случаев – из золота, является показателем высокого социального статуса.

Возвращаясь к археологическим находкам, необходимо отметить несколько моментов. Обмотку из кургана № 1 (1897–1898 гг.) у с. Волковцы В.А. Ильинская сначала связывала с нагайкой или рукоятью топора. Далее, по аналогии с находкой из Талаевского кургана, она назвала ее обмоткой рукояти клевца, хотя из описания погребения следует, что топор и обмотка находились в погребении в разных местах и обмотка относится именно к нагайке [Ильинская, 1968: 48, 93].

Е.В. Черненко в реконструкции нагайки из Толстой Могилы присоединил к верхушке рукояти связку из 18 крупных золотых биконических бусин и назвал ее темляком. По его мнению, аналогичные привески и верхушкам рукоятей нагаек изображены на стелах из Ольховчика, Сибиряры и Краснодарского музея [Черненко, 1975: 171]. Предлагаемая реконструкция маловероятна. У нагаек на стелах изображены изогнутые утолщенные верхушки рукояток и нет никаких привесок. По археологическим условиям находки в Толстой Могиле, бусины, расположенные достаточно рассредоточенно, вероятнее относятся к нижнему окончанию рукояти нагайки, где, по-видимому, украшали петлю, одевавшуюся на руку всадника, как это можно предполагать по изображениям на стелах и по находкам подлинных деревянных рукояток нагаек в Алтайских курганах. Кроме того, такое расположение достаточно увесистой массы золотых бус неоправданно функционально, поскольку при ударе весьма усиливает нагрузку на тонкую рукоять нагайки диаметром около 1 см.

Также не убеждает интерпретация костяного зооморфного костяного наконечника из Бердянского кургана в качестве наконечника рукояти нагайки. Реконструкция предложена на основании сходства изображения волка на наконечнике из Бердянска с головами волков на рукояти нагайки из 2-го Башадарского кургана на Алтае. То есть, реконструкция принята не на основе единства функционального назначения вещей, а по формальному сходству изображений на отдельных элементах изделий, идентичность назначения которых недоказуема. Рукояти нагаек в процессе

использования испытывают деформацию на разрыв и на излом, и поэтому наличие отдельного наконечника, не имеющего специального скрепления с деревянной частью рукояти (например, отверстие для штифта, как это делалось для фиксации металлических втулок на древках копий), противоречит эксплуатационным требованиям. И коническая форма внутреннего отверстия Бердянского наконечника указывает на то, что в него вставлялась заостренная часть рукояти, что при отсутствии дополнительного крепления практически исключает возможность использования Бердянского и других сходных изделий, привлеченных в качестве аналогий, для рукоятей нагаек. Вероятнее всего, эти наконечники, при наличии деревянного сердечника, могли использоваться в качестве рукояток орудий нажимного действия (шпатель, ножи, резы для резьбы по кости, дереву и т. п.).

Также обращает на себя внимание и география распространения наконечников, привлеченных в качестве аналогий. Один найден в степи (Бердянский курган), а все остальные за пределами кочевого мира скифского времени в целом – в Нижнем и Среднем Прикамье. Категорические возражения вызывает также трактовка изображения на рукоятке костяной ложечки из Грушевки всале Николая в качестве головы волка. При этом для подтверждения дана ссылка на работу К.Ф. Смирнова, который видел в данном изображении головку вепря [Фиалко, 1993: 198; Смирнов, 1984: 62]. При сложной синкретичности изображения на ложечке из Грушевки, в нем нет ничего, связанного с образом волка [Полым, 1992: 142–143].

Наглядное представление о несохранившихся скифских нагайках, их размерах, конструкции и богатстве декора дают находки из курганов Алтая скифского времени, где благодаря уникальным природным условиям прекрасно сохраняются изделия из органических материалов. Здесь представлены три разновидности нагаек. В 1-м Пазырыкском кургане нагайка имеет простое гладкое круглое в сечении кнутовище диаметром около 1 см, оклеенное кожей. Окончания окрашены в красный цвет (рис. 138, 2). Во 2-м и 4-м Пазырыкских курганах деревянные кнутовища имеют утолщенные верхушки. Оба украшены тонкой резьбой с изображениями лошадей, в одном случае – терзаемой копытным хищником. Кнутовище из 4-го кургана имеет утолщение и снизу. Оба окрашены ярко-красной киноварью [Руденко,

1953: 227, рис. 140,5; 142, табл. CVI,2]. Параллельный вариант нагайки найден во 2-м Башадарском кургане. Цельное кнутовище длиной 42 см сверху становится несколько более тонким. По длине обмотано золотой спиральной лентой. На окончаниях кнутовища и посередине, в специально оставленных утолщениях, вырезаны рельефные волчьи головы, обложенные тонким золотым листом (рис. 138, 1) [Руденко, 1960: 78, табл. L].

Все перечисленные нагайки имели в верхней части кнутовища 2 или 3 отверстия, сквозь которые специальным ремешком подвязывался кожаный хвост нагайки. Эти отверстия размещались ниже верхушки. У нижнего окончания имелось отверстие для крепления наружной кожаной петли. Длина кнутовища в установленных случаях составляла 40–42 см [Руденко, 1953: 227–228; 1960: 78]. Аналогичный размер около 40 см зафиксирован и в Северном Причерноморье в кургане № 9 у с. Пески [Гребенников, 1987: 154]. По-видимому, этот размер является оптимальным для кнутовища.

Близкие по характеру золотые ленты-обмотки в каждом конкретном случае иных размеров использовались для декора и других парадных скифских вещей. В Талаевском кургане в Крыму такой лентой была украшена рукоять топора [Мамцевич, 1957: рис. 4]. Видимо, также обмоткой рукояти топора является лента-обмотка из кургана № 2 в Мастюгино. Ее длина в свернутом состоянии составляет, судя по масштабу рисунка, не менее 38 см [Либеров, 1965: рис. 21, 16]. В Чертомлыке стержень парадного костяного наборного веретена греческого типа также был украшен золотой спиральной-обмоткой размерами 13,5 x 0,4 см [Чертомлык, 1991: № 110, 8].

А.П. Бороздовский предполагает использование скифских нагаек в качестве боевого оружия. Не отрицая такой возможности в безвыходных ситуациях, когда в борьбе за жизнь используется абсолютно все, следует отметить, что в этих рассуждениях подменяется понятие «нагайка» или «плеть» понятием «бич». Последний существенно отличается и конструкцией (мощная короткая рукоять при очень длинном хвосте), и возможностями. Человек, искусно владеющий бичом, может на достаточной дистанции выбить оружие у противника, парализовать его сильным ударом, удушить, связать или сбросить с лошади. Все приведенные примеры из средневекового эпоса различных народов относятся именно к бичу

[Бородовский, 1987]. Никаких указаний на существование бичей в скифское время, в частности, в Северном Причерноморье, не имеется. Руководствуясь рассказом Геродота [Herod., IV, 2–4], где боевое оружие и нагайки прямо противопоставляются друг другу, можно утверждать, что нагайки у скифов оружием не являлись.

Обивки деревянной чаши (табл. 18, 3). Среди найденных в Скифии подобные найденным в Соболевой Могиле обивки неизвестны [Манцевич, 1966; Рабова, 1984; 1987; Физико, 1993].

Бляшки – украшения одежды (табл. 18, 5). Бляшки с изображением дракона являются новым типом для Скифии и пополняют до недавнего времени немногочисленную серию изображений драконов, или, как их определяла А.И. Мелюкова, «грифонов-гиппокампов», известных на других изделиях [Мелюкова, 1981: 40]. Напротив, бляшки в виде 9-лепестковой розетки хорошо известны в курганах скифской знати. Аналогичные розетки найдены в Куль-Обе [ДБК: табл. XXII, 5; Копейкина, 1986: 47, № 16]; Огузе [Лесков, 1974: 21, рис. 11], Гаймановой Могиле [Золото степу, 1991: № 100]. Очень близкие бляшки, отличающиеся только меньшей величиной круглой серединки, найдены в Чертомлыке, Александрополе, Татьяниной Могиле и Большой Близнице [Алексеев, 1986: № 14; ДГС, I: Атлас, табл. IX, 3; Мурлин, 1993: рис. 4, 1; ОАК, 1865: Атлас, табл. III, 18].

Погребение № 3. Сохранившиеся здесь после ограбления золотые мелкие полусферические пуговицы (рис. 109) принадлежат к хорошо известным типам, широко представленным преимущественно в женских захоронениях IV в. до н. э.

Погребение № 6. Детская шейная гривна (табл. 22, 3). Сходную с нашей гривной орнаментацию стержня на участках, прилегающих к наконечникам, и гладкий стержень на большей части имеют гривны из Куль-Обы, из кургана № 2 у с. Ковалевка, погребения № 2 кургана № 22 в Красном Перекопе, из СЗ камеры Чертомлыка, Рыжановского кургана и кургана № 2 у с. Пески. Оформление наконечников в виде стилизованных удлиненных голов животных неопределенного вида с длинными прижатými ушами на скифских гривнах из Северного Причерноморья неизвестно. В качестве аналогии можно указать только серебряные спиральные браслеты со сходными головками из кургана № 13 у г. Орджоникидзе [Палин, 1998: рис. 54].

Серьга с подвеской в виде двуликой человеческой головки (табл. 22, 3). Такие серьги встречаются довольно редко и в каждом случае изображения на подвесках сугубо индивидуальные. Подвеска с изображением двуликой головки негра происходит из захоронения конюха в кургане Чертомлык [Чертомлык, 1991: № 58]. Женские головки разных типов изображены на подвесках сережек из кургана № 17 в Золотой Балке и Песочинских курганов [Кубышев, 1978: табл. LXVI, 1; Бандуровский, 2000: рис. 64, 5].

4.22. СЕРЕБРЯНАЯ ПОСУДА ИЗ СОБОЛЕВОЙ МОГИЛЫ

В Соболевой Могиле найден великолепный набор серебряной посуды: в погребении № 2 – кубок, ритон и киллик, в погребении № 3 – киллик и в погребении № 6 – кубок. Специальная характеристика этих сосудов содержится в работе М. Трейстера (см. Приложение № 3). Здесь остановимся на общих вопросах.

Шаровидные кубки. Великолепный орнаментированный кубок из погребения № 2 (табл. 15) по форме, элементам орнаментации (аналогичная орнаментация донной части, фриз ограничен поясом меандра) и сходному по характеру и композиции сюжету орнаментального фриза (лев и пантера терзают оленя) наиболее сходен с кубками из Куль-Обы и Рыжановского кургана. Совершенно идентична кубку из Соболевой Могилы орнаментация нижней части электрового кубка из той же Куль-Обы [ДБК: табл. XXXIII; XXXIV, 1; Scythian, 1986: № 184, 190; Рыжановка, 1997: фото 11]. Также близок по форме и кубок из погребения № 6 (табл. 22, 1). На нем орнаментальная полоса на плечике выполнена теми же элементами, что и на кубке из погребения № 2.

В свое время И. Толстой и Н. Кондаков, описывая кубки из Куль-Обы, отмечали, что «их неразвитой и неуклюжий контур и ручной размер указывают на восточное и притом кочевое происхождение» [Толстой, 1889: 140]. Впервые ритуальное назначение сосудов этого типа, изготовленных из драгоценных металлов, предположил М.И. Ростовцев. Он связывал их происхождение с круглотельными сосудами с резной орнаментацией жаботинского типа [Ростовцев, 1914: 83]. Культурный характер кубков является общепризнанным, но единства мнения относительно определения божества,

мужского или женского, атрибутом которого они являются, пока нет [Бессонова, 1983: 102].

Хотя преобладание металлических кубков от раннескифских форм была признана, А.П. Манцевич настаивала на фрако-македонском изготовлении всей серии металлических кубков из Скифии, а Н.А. Онайко, напротив, отрицая какую-либо взаимосвязь между скифскими и фракийскими кубками, полагала, что скифские кубки «выработаны в Северном Причерноморье под влиянием местных, а также греческих форм сосудов» [Манцевич, 1945: 217–218; Онайко, 1970: 38].

В.А. Ильинская нашла корни этой формы сосудов в лесостепной белогрудовской культуре и проследила ее существование до конца VI в. до н. э. Затем керамические кубки вновь появляются в лесостепных памятниках только в IV в. до н. э. (курган у с. Будки, Мاستюгино курган № 40/26). В это же время эта форма широко воспроизводится в металле греческими мастерами. Если античные металлические кубки IV в. до н. э. являются воспроизведением более ранних металлических форм, то керамические этого же времени, по мнению В.А. Ильинской, уже являются местными подражаниями металлическим формам. В степи, где их появление, по мнению исследовательницы, также связано с белогрудовско-чернолесскими импульсами, кубки имели широкое распространение на протяжении белозерского и киммерийского времени в X–VIII вв. до н. э. [Ильинская, 1968: 163–164; 1975: 167].

А.И. Мелюкова согласна с мнением А.М. Лескова о том, что кубок как форма ритуальной посуды вырабатывается в белозерской культуре в степи, хотя и под внешним воздействием культур фракийского гальштата Подунавья, и отсюда становится известной лесостепным племенам чернолесской культуры. Менее вероятно их происхождение в связи с кубками белогрудовской культуры. Отмечая отсутствие керамических кубков у скифов как степи, так и лесостепи позднее VI в. до н. э. и их единичное появление в памятниках Крыма только в IV в. до н. э. [Троицкая, 1957: 230, рис. 5], А.И. Мелюкова считает, что этот хронологический разрыв около 200 лет не позволяет считать окончательно решенным вопрос о зависимости металлических кубков от местных глиняных. Однако она также отмечает и отсутствие иных прототипов на соседних территориях, тем более близких по времени. У фракийцев сопоставимые по форме керамические кубки исчезают в середине VI в. до н. э. Ме-

таллические же появляются в V в. до н. э.; близкие скифским фракийские серебряные кубки из северной Болгарии датируются также IV в. до н. э. А.И. Мелюкова на основании различий стиля считает, что скифские кубки изготавливались специально для скифов в иных центрах, нежели фракийские, и поддержала мнение М.И. Ростовцева об их изготовлении в одном из городов Северного Причерноморья, скорее всего, в Пантикалее [Ростовцев, 1914: 83–84; Мелюкова, 1979: 49–56, 186–193].

Н.Л. Грач среди серебряных кубков из Куль-Обы выделила изделия двух центров. Один из них она традиционно видит в Пантикалее и к его продукции относит основную массу изделий торевтики из скифских курганов. Хотя в связи с открытием в Вергине гробницы Филиппа Македонского возможно появление новых гипотез, и Восток может оказаться не единственным центром изготовления предметов из драгоценных металлов для Скифии. Второй центр характеризуется воздействием древних скифо-восточных традиций и, по мнению исследовательницы, локализуется в восточной зоне Причерноморья, скорее всего на Северном Кавказе. С этой школой, возможно, восходящей ко времени Келермеса, она связывает ряд золотых изделий V–IV вв. до н. э. [Грач, 1984: 100–108].

Н.А. Гаврилюк, оперируя исключительно степными материалами, отмечает полное отсутствие в степи керамических кубков VII–IV вв. до н. э. и на этом основании считает металлические кубки IV в. до н. э. подражаниями античным культовым и туалетным сосудам [Гаврилюк, 1989: 66].

В.А. Рябова на основании материалов лесостепи и степи полагает, что хронологического разрыва между керамическими и металлическими кубками не существует, так как керамическая форма кубков к IV в. до н. э. не исчезает. Малочисленность находок керамических сосудов этой формы и незначительные ее видоизменения не могут быть веской причиной для отрицания связи металлических и керамических кубков. Преобладание тем более очевидно, что, как отмечалось многими исследователями, подобной формы кубков нет ни в античной керамике и металле, ни во фракийской [Рябова, 1986: 139].

Для подтверждения преобладания от ранних форм постепенно накапливаются дополнительные доказательства. Кубки сходной формы существуют по V в. до н. э. исключительно в низил-кобинской культуре Крыма, где

являются самой многочисленной категорией в группе столовой посуды [Коловухин, 1996: 42]. В тризне скифского кургана № 4 у с. Вфремовка в Приазовье первой половины IV в. до н. э. найден керамический круглодонный кубок [Кубышев, 1984]. Особый интерес вызывает то обстоятельство, что этот кубок в верхней части тулова имел две горизонтальные сегментовидные ручки – типа чаши из Гаймановой Могилы [Рябова, 1987: рис. 3]. Здесь сочетаются элементы двух форм скифской деревянной и металлической посуды – двуручной чаши и кубка. Глиняный неорнаментированный круглодонный кубок найден и в Среднем Подонье в кургане № 40/26 у с. Мاستюгино первой половины IV в. до н. э. [Пузикова, 2001: 107, рис. 34, 4].

В кургане № 13 погребении № 7 в могильнике Золотая Балка в воинском захоронении середины IV в. до н. э. найден маленький кубок, изготовленный из кожи. Сохранилась верхняя часть – невысокое цилиндрическое горло с отглаженным наружу венчиком и часть шаровидного тулова. Целая горловина на уровне перехода в плечики шита изнутри в тулово горизонтальными железными скобками. Внешне это имеет вид ступенчатого перехода – горизонтальный край кожи тулова, наложенный на кожу горловины [Кубышев, 1979: 141–142]. Именно такой переход изображен на серебряном кубке из 8-го Пятибратного кургана [Шилов, 1961: рис. 9]. Технологическая сложность формы не позволяет предполагать, что такие кубки могли изготавливаться из дерева. Известны только деревянные круглодонные двуручные чаши [Рябова, 1987: 1–2], отличающиеся от кубков меньшей высотой, значительно более широким устьем и отсутствием сложнопрофилированного высокого горла, что и позволяло изготавливать их из дерева.

Находка в Золотой Балке открывает новые возможности для понимания ряда аспектов, связанных со скифскими металлическими кубками. Становится ясным, что эта категория находок, изготовленная из кожи, в силу природных условий Северного Причерноморья остается археологически неуловимой. По-видимому, это и есть недостающее звено, заполняющее хронологический разрыв V в. до н. э. Эта находка объясняет также наличие на большинстве гладких металлических кубков и на всех без исключения орнаментированных, рельефной полосы, подчеркивающей нижнюю часть горловины на переходе в тулово. Это не что иное, как моделирование в металле конст-

рукции таких сосудов из кожи – воспроизведение горловины, шитой в тулово. С другой стороны, чуть ли не обязательность такого элемента в серебряных сосудах свидетельствует о достаточно широком бытовании кожаных кубков наряду с металлическими. Еще более ярко это отразилось в круглодонной керамике раннесарматской прохоровской культуры, начиная с IV в. до н. э., а возможно, и раньше, на которой нередко встречается орнамент на переходе горловины в плечико в виде двух горизонтальных параллельных линий с зигзагом, разнообразными вдавлениями или пунктиром между ними. Широко распространена такая орнаментация и на плоскодонной керамике. Здесь также имеет место использование модели кожаного сосуда в качестве прототипа – показано соединение отдельных горловины и тулова, сшитых между собой [Машкова, 1963: табл. 8–10].

В Северном Причерноморье металлические кубки найдены в основном в мужских погребениях, 1 – в детском, 4 – в парных и 3 – в женских [Рябова, 1986: 146]. На сегодняшний день известны следующие находки металлических кубков на территории Скифии.

В Нижнем Поднепровье: Краснокутский курган [Онайко, 1970: № 442; Мельникова, 1981: 98, рис. 30, 7], Пески курган № 9 [Гребенников, 1987: 156, рис. 5, 4], Красный Подол [Полин, 1984: рис. 14, 2], Чмырева Могила – 2 экз. [ОАК, 1909–1910: рис. 201], Толстая Могила [Мозалевский, 1979: рис. 129], Гайманова Могила – 2 экз. [Бидзиль, 1971: рис. 5], Водославка курган № 6 [Рябова, 1986: рис. 2, 1], Солоха – 3 экз. [Манцевич, 1987: 92–94, №№ 64–66], Носаки курган 4 [Носаки, 1977: 93; Рябова, 1986: рис. 2, 7], Изобильное [Рябова, 1986: рис. 2, 10], Чертомлык – 2 экз. [Чертомлык, 1991: №№ 85, 227].

В Крыму: Куль-Оба – 5 экз. [Грач, 1984], Керчь – некрополь Пантиканей [ДБК: Табл. XXXV, 2], курган Патиниоти [Яковенко, 1974: 66, рис. 26], Керчь – плитовая гробница в Катерлесе 1835 г. [ДБК: табл. XVIII, № 11; LXXXV, 1]².

² Этот сосуд В.А. Рябова связывает с курганом Патиниоти [Рябова, 1986: рис. 2, 12], кубок из которого, по данным Н.Л. Грача, не сохранился [Грач, 1984: 106, прим. 16]. Э.В. Яковенко со ссылкой на И.А. Петраца, без указания работы, воспроизвела таблицу с вещами из кургана Патиниоти, где изображена фрагментированная нижняя часть совершенно иного орнаментированного кубка с фризом с утками [Яковенко, 1974: 66, рис. 26].

На Нижнем Дону и Северном Кавказе: 8-й Пятибратный курган [Шилов, 1961: 159, рис. 9], Зеленской курган – здесь кубок найден со статером Александра Македонского 332–320 гг. [Гайдукевич, 1948: 134, рис. 21; Зограф, 1945: 93–95].

В лесостепи: Рыжановка – 2 экз. [Бобринский, 1894: табл. XVI, 7; Рыжановка, 1997: Фото 11], Бобрица курган №33 [Бобринский, 1901: табл. XX, 7], Букрия [Петренко, 1967: рис. 15, 14], Великие Будки, Волковцы курган № 1, Волковцы курган [ДП, II 1899: табл. XXX, 451–452; Ильинская, 1968: 163; Онайко, 1970: № 785–786], Старый Мерчик курган № 11 [Бандуровский, 2000: рис. 19, 1], Частые курганы курган № 3 [Артамонов, 1966: табл. 195–198], Дуровка курган № 14 [Пузикова, 2001: 243, рис. 41].

В целом хронология металлических кубков из скифских курганов выглядит следующим образом. Наиболее ранние происходят из кургана Солоха. Основная же масса найдена в памятниках середины – третьей четверти IV в. до н. э., едва ли заходя в последнюю четверть столетия. При том, что нет оснований связывать изготовление кубков из Скифии с Фракией, поскольку все имеющиеся факты свидетельствуют о северопричерноморском происхождении подавляющего большинства из них, следует отметить, что пик их изготовления приходится на время наиболее активных контактов с Фракией и Македонскими провинциями в период деятельности Атея в Подунавье и вскоре после него.

Ритоны²² (табл. 20). Согласно М.И. Ростовцеву, скифские ритоны, как и шаровидные кубки, имели культовое назначение, причем специфического характера, имеющего отношение к царской власти, и являлись ее атрибутами [Ростовцев, 1913: 1–62, 133–140; 1914: 83; 1918: 53–54]. По мнению А.П. Мапцевич, при наличии ритуальных функций, что зафиксировано в изображении на пластине из Карагодеуашха, условия археологических находок (Талаевский курган, Солоха) указывают скорее на повседневное употребление ритонов для питья вина. Назначение ритонов на статуях воинов остается неясным. Ритон, не будучи только царским или жреческим символом,

²² Е.В. Власова совершенно правильно разделяет изделия, которые принято называть скифскими ритонами, на собственно ритоны, имеющие слав, и скифские рога, таковыми не имеющие [Власова, 2000: 46]. Рогом является и ритон из Соболевой Могилы. Однако по традиции здесь используется название «ритон».

обычен в инвентаре богатых скифских погребений, а также богатых погребений и за пределами Северного Причерноморья во Фракии [Мапцевич, 1987: 103–104, 118].

Вполне вероятно независимое появление ритонов в различных регионах, поскольку свое происхождение они ведут от натуральных рогов животных. Как полагала М.И. Максимова, простые скифские ритоны были изготовлены из рогов тура, широко распространенного в то время. Находки из рога не сохранились, но эта форма широко воспроизводилась в драгоценных металлах. Она назвала эту форму ритона скифской [Максимова, 1956: 218, 220, 222]. В то же время необходимо отметить, что металлические ритоны в этот период существовали только у скифов и фракийцев, а в более восточных регионах скифского мира неизвестны.

Согласно В.А. Рябовой, представление о широком распространении ритонов у скифов в качестве культовых сосудов, как будто бы подкрепленное многочисленными изображениями ритонов на скифских стелах, не соответствует действительности. По ее данным, серия находок ритонов на территории собственно Скифии весьма немногочисленна и насчитывает всего 5 экз. (Толстая и Гайманова могилы, Солоха, 1-й Мордвиновский курган, Скоробор и «полтавский ритон»). Большинство этих курганов относится к середине IV в. до н. э. Основная же масса находок ритонов вообще и ранних в частности (V в. до н. э.) связана с Фракией и Северным Кавказом, а также близкими к последнему районами Боспора. В свою очередь происхождение ритонов в этих регионах связано с Малой Азией и Восточным Средиземноморьем, где их корни уходят вглубь II тыс. до н. э. Дальнейшее их независимое развитие на Северном Кавказе и во Фракии, по мнению В.А. Рябовой, кажется вполне обоснованным, хотя они и испытывали независимо друг от друга влияние мьялозийских и восточносредиземноморских (греческих) мастеров на протяжении всего V–IV вв. до н. э. Северопричерноморские ритоны из скифских курганов относятся к середине и началу второй половины IV в. до н. э. – времени наибольшего расцвета Скифии и могущества царства Атея, когда в состав Скифии вошло до разгрома и гибели Атея в 339 г. входила и часть Северной Фракии. Кратковременное и ограниченное появление ритонов в Скифии, не имеющих генетических корней, как в скифских памятниках, так и в местных северопричерноморских культурах, по мнению

В.А. Рябовой, является результатом заимствования скифской племенной верхушкой военных ритуалов и связанных с ними ритонов у племен Северного Кавказа, Малой Азии, Восточного Средиземноморья и Фракии [Рябова, 1987-А: 53–56].

В этой гипотезе не учтено очень многое. Одной из исходных территорий появления ритонов назван Северный Кавказ, с которым непосредственно связан ранний этап истории Причерноморской Скифии VII–VI вв. до н. э., откуда на протяжении VII–V вв. до н. э. происходил отток скифского населения и перемещение политического центра Скифии сначала в украинскую лесостепь, а позднее в Нижнее Поднепровье, завершившееся к середине V в. до н. э. Ритоны в скифских памятниках Северного Кавказа фиксируются с VII в. до н. э. [Максимова, 1956: 215]. В самой же Фракии наиболее ранний ритон из Башовой Могилы датируется концом V – началом IV вв. до н. э., остальные относятся к более позднему времени [Маразов, 1978: 159]. Кроме того, изображения ритонов встречены на 29% скифских антропоморфных стел VII – начала III вв. до н. э., общее число которых на сегодняшний день насчитывает 137 изваяний. Причем наиболее ранние из них, датируемые VI–V вв. до н. э., а также наиболее многочисленные V в. (69% памятников) найдены именно в причерноморском регионе. На рубеже V–IV вв. изображения ритонов появляются на крымских изваяниях, где они становятся достаточно популярными в IV–III вв. В степном Причерноморье в это же время ритоны изображаются значительно реже, чем в Крыму и на Северном Кавказе [Ольховский, 1994: 67], хотя именно отсюда происходит основная серия находок металлических ритонов этого периода.

Изготовление скифских ритонов из рога документально подтверждено находкой в Талаевском кургане в Крыму [Манцевич, 1957: 158–167]. Рог очень плохо сохраняется в грунте, и поэтому не приходится сомневаться, что такие находки в скифских курганах были значительно более массовыми и что, вероятно, часть золотых и серебряных накладок, традиционно связываемых археологами с деревянными чашами, может происходить от ритонса. А.П. Манцевич относил к накладкам ритонов «золотые набивные пластинки треугольной формы» из кургана Баба, Чигиринских №№ 401 и 402, Карагодеуашка, 2-го и 4-го Семибратних курганов [Манцевич, 1987: 118]. Также вполне

достоверно изготовление скифских ритонов из дерева [Ольховский, 1994: 67], которые, по-видимому, наряду с роговыми, были самыми массовыми в скифском обиходе и при отсутствии металлических деталей не оставили никаких следов в археологических памятниках Северного Причерноморья из-за неблагоприятных условий для сохранения изделий из органических материалов. Не следует также упускать из виду то обстоятельство, что ритон является, в основном, мужской принадлежностью, а количество скифских мужских погребений, уцелевших от разграбления, можно пересчитать по пальцам. Находка ритона VII–VI вв. до н. э. переднеазиатского происхождения в Люботинском кургане под Харьковом [Бандуровский, 1998: 148, рис. 4, 1] дополнительно свидетельствует об использовании ритонов скифами с самого раннего времени. Да и серия находок металлических или с металлическими деталями ритонов в Причерноморской Скифии хронологически неоднородна и отнюдь не принадлежит только времени задонаунайской эпохи Атея, как это представляется В.А. Рябовой.

Ритон из Солохи, безусловно, датируется в пределах первой трети IV в. до н. э. В великоленском кургане № 13 у с. Великая Знаменка в Запорожской обл. середины V в. до н. э. обнаружены металлические детали деревянного (!!!) ритона [Отроценко, 1985: 245; Золото степу, 1991: 318, № 120с]. Не позднее начала IV в. до н. э. датируются орнаментированные металлические детали несохранившегося рогового ритона из Братолюбовского кургана на Херсонщине [Кубишев, 1994: 144].

Ритоны найдены в одном случае в женском погребении, в одном – в детском (вероятно, мальчик – Толстая Могила). Шесть погребений с ритонами – парные, все остальные, поддающиеся определению, – мужские [Лебедева, 2000: 127]. Согласно Е.Ю. Лебедевой и Е.В. Власовой [Власова, 2000] и некоторым дополнениям, на сегодняшний день известны следующие находки ритонов в Северном Причерноморье в пределах степной и лесостепной зон от Дуная до Северного Кавказа: Александрополь [ДГС, I: Атлас, табл. X, 37]; Толстая могила – 2 экз. [Мозолевский, 1979: 58–59, 144, 195, рис. 39: 127, 2]; 1-й Мордвиновский курган [Лесков, 1974: рис. 38]; Гайманова Могила [Бидзия, 1971: рис. 5]; Солоха [Манцевич, 1987: 102–104, № 78]; курган № 13 у с. Великая Знаменка [Отроценко, 1985: 245; Золото степу, 1991:

318, № 120с); Братолюбковский курган [Кубишев, 1994: 144]; Талевский курган [Манцевич, 1957: 158–167]; Куль-оба – 2 экз. [ДБК: Табл. XXXVI, 4–5; Артамонов, 1966: табл. 251]; Керчь [ДБК: Табл. XXXVI, 1]; Керченский ритон 1889 г. [Придик, 1912: 173, табл. IV–V]; ст-ца Елизаветовская курган № 9 [Миллер, 1910: 112, табл. 5, рис. 24]; Полтавский ритон [Маразов, 1973: 1–10]; Показовое [Бокий, 1971: 155]; Рыжановка [Скорый, 1998: 129, X, 8]; с. Дулебы воле г. Ровно [Ильинская, 1983: 288]; Люботинский курган [Бандуровский, 1998: 148, рис. 4, 1]; Скоробор курган № 17 или № 7 [Шрамко, 1987: 95, рис. 40, 1; 1994: 115]; Мастогино курган № 29/21 [Либеров, 1965: табл. 30, 5]; Дуромка курган № 1 [Пузикова, 2001: 208, рис. 6]; Карагодеуашх – 3 экз. [Карагодеуашх, 1894: 44, рис. 11; Придик, 1912: 167]; Келермес курган № 3 (1903 г.) – 2 экз. [Максимова, 1956: 215]; II-й и IV-й Семпратше курганы – 5 экз. [ОАК, 1876: табл. 4, 8; ОАК, 1877: табл. 1, 5–7; Артамонов, 1966: рис. 52, 59; табл. 117, 119]; аул Улуп курган № 4 – 2 экз. [Сокровища, 1985: рис. XII–XIII, №№ 364–365]; ритон из Мерджан [Артамонов, 1966: табл. 331]; с. Казбеги [Маразов, 1978: 53–58, рис. 50–51]; Краснодар [Власова, 2000: 62, № 35]; Майкопский клад – 4 экз. [Greifenhagen, 1970: 57–60, Taf. 31, 35, 36, 1–5].

Действительно, для середины – третьей четверти IV в. до н. э. – времени наиболее интенсивных скифо-фракийских контактов – отмечается количественное преобладание находок металлических ритонов. Однако оно отнюдь не является каким-то внезапным, поскольку имеет прочные корни в предшествующем периоде. Ряд находок ритонов, а в основном – достаточно многочисленные изображения на стелах, свидетельствуют, что эта форма, преимущественно в ином материале, имела широкое распространение в Скифии VII–V до н. э. Преобладание же ритонов, изготовленных из драгоценных металлов в середине-третьей четверти IV в. до н. э., обусловлено прежде всего тем, что именно для этого времени известно наибольшее количество захоронений высшей скифской знати. При том, что среди этих ритонов есть изделия переднеазиатского и фракийского производства, северопричерноморское происхождение большинства из них не вызывает сомнений.

Серебряные килки, подобные нашим (рис. 102; табл. 21, 1–2), в скифских курганах Северного Причерноморья обнаружены как в курганах знати, так и в небогатых захороне-

ниях. Серия таких находок весьма представительна: Широкое-II курган № 11 [Черненко, 1977-А: 17, рис. 5, 7], с. Ильинка курган № 4 [Плещивенко, 1991: 63, рис. 4, 5], Нагорное курган № 6, Хомина Могила, группа Лисьей Могила курган № 1, Денисова Могила, Толстая Могила [Мозолевский, 1973: 198, рис. 12, 2, 37, 2; 1979: 143, рис. 127, 1; 1980: 121, 131, рис. 55, 4, 67, 2], Бердянский курган [Чередиченко, 1988: 151, рис. 3, 16], Мелитопольский курган [Мелитополь, 1988: 100, № 73–74, рис. 83, 1], Чертомлык – 2 экз. [Чертомлык, 1991: №№ 84, 228], Чмырева Могила [ОАК, 1909–1910: рис. 198], Солоха [Манцевич, 1987: № 7], Рыжановка – 2 экз. [Рыжановка, 1996: рис. 6; 1997: фото 12], 8-й Пятибратний курган [Шилов, 1961: рис. 10], Карагодеуашх [Карагодеуашх, 1894: рис. 12], Зеленой курган [Гайдукевич, 1949: 135, рис. 22], Огуз [Фиалко, 1996: 189], Гайманова Могила [Бидзия, 1971: рис. 5], Башмачка [Онайко, 1970: № 403], Татьяна Могила [Мурзин, 1993: 98].

Хронология металлических килков, найденных в скифских курганах Северного Причерноморья, выглядит следующим образом: наиболее ранний найден в Солохе, все остальные происходят из памятников середины – третьей четверти IV в. до н. э., с заходом в начало последней четверти столетия.

4.23. ВООРУЖЕНИЕ

БАБИНА МОГИЛА. В этом кургане предметы вооружения представлены исключительно наступательными видами. В женской гробнице № 1 найдены фрагменты железного наконечника дротика. В гробнице № 2 в ЮЗ углу входной ямы № 1 лежал железный наконечник копья, в восточной нише длинного дротика, при разрушенном скелете слуги, найдены 3 втока от древков копий. В камере гробницы № 2 найдены остатки колчанного набора из 18 однотипных крупных бронзовых трехлопастных наконечников стрел длиной 4,8–5,2 см с длинной выступающей втулкой. В заполнении длинного дротика найдены фрагменты втулки наконечника дротика, а в заполнении камеры – 4 наконечника стрел, фрагменты 2 или 3 железных наконечников копий и дротиков, наконечник стрелы. Еще 1 наконечник стрелы, несколько отличный по типу от найденных в кургане, найден внутри черепа коня № 1. В гробнице № 3 найдены бронзовый вток

древка копья, фрагменты железных наконечников копья и дротика (рис. 62, 1, 3-7, 11, 13-20; 74, 1; 75).

На этом фоне выглядит странным утверждение А.В. Андросова и С.Е. Мухомова об отсутствии вооружения в курганах знати на Каменском курганном поле вообще и в частности в Бабиной Могиле, а также в Желтокаменке. В обоих курганах представлен полный набор наступательного вооружения: стрелы, копья и дротики, меч, топор [Андросов, 1987: 71; Мозолевский, 1982: 206-208, № 18, 20, 21, 25].

Находка наконечника копья в углу входной ямы № 1 у входа в дромос гробницы № 2 Бабиной Могилы перекликается с курганом № 4 в ур. Носаки, где во входной яме № 2 центральной могилы в углах ямы по обе стороны входа были воткнуты в дно наконечники копий [Носаки, 1977: 93].

Наконечник копья из входной ямы Бабиной Могилы листовидным очертанием пера с расширением посередине, с линзовидным сечением, в сочетании с муфтой по краю ступки, в целом нетипичен для IV в. до н. э. и более характерен для предшествующего времени (рис. 62, 1). Ближайшие аналогии для него находятся в курганах IG Марицынского могильника и кургана № 425 у с. Кулешовка конца VI-V вв. до н. э. [Мелюкова, 1964: 30, табл. 13, 1, 6]. Рюмковидные втулки из гробницы № 2 имеют характерную для IV в. до н. э. форму (рис. 62, 13-15). До недавнего времени такая форма втулок в степном Поднепрорье не была известна [Мелюкова, 1964: 45]. На сегодняшний день они достаточно широко представлены и в курганах степной Скифии. Совершенно уникальным является бронзовый литой рюмковидный втек древка дротика с глухим расширяющимся основанием из гробницы № 3 (рис. 75, 1). Ничего подобного в Скифии не известно. Остальные наконечники копий и дротиков из Бабиной Могилы не поддаются характеристике из-за их фрагментарности.

Среди наконечников стрел из Бабиной Могилы выделяются крупные трехлопастные наконечники из колчанного набора из камеры гробницы № 2 (рис. 62, 5-7). Их необычность состоит в значительной длине втулки, что более нигде в Скифии не отмечалось, а также в общих крупных размерах. А.И. Мелюкова отметила отсутствие таких наконечников в курганах рядового населения и наличие в комплексах некоторых царских курганов IV в. до н. э. —

Деев и Краснокутский курганы, курган Кекуватского, Шульговка, Козел [Мелюкова, 1981: 65]. Тамгообразные знаки в ложках наших наконечников по схеме сходны с таковыми на наконечниках из Краснокутского [Мелюкова, 1981: рис. 18, 1-в] и Александропольского курганов, но имеют противоположную ориентацию — косою угол вправо. Среди находок наконечников из гробницы № 2 Бабиной Могилы один экземпляр относится к чрезвычайно редкой разновидности (рис. 48, 17), вообще не представленной в классификации А.И. Мелюковой [Мелюкова, 1964: 28, рис. 1]. Этот наконечник аналогичен типу 4 из Александропольского кургана [Алексеев, 2000: табл. П].

ВОДЯНА МОГИЛА. В захоронении конюха найден колчаный набор, состоявший из 71 наконечника стрел (рис. 18, 1-13). В Центральной гробнице, судя по обильным следам металлических окислов на костях, погребенный был одет в железный наборной доспех, отдельные фрагменты которого были найдены в грабительском ходу (рис. 25, 13-15), и бронзовые поножи. В камере и в грабительском ходу также найдены два наконечника стрел, три втулки от древков, скорее всего, дротиков, а также мелкие фрагменты клинка меча (рис. 25, 5-6, 8, 10-12).

Наконечники стрел в колчане конюха представлены трехлопастными и трехгранными формами, характерными для IV в. до н. э. [Мелюкова, 1964: табл. 9]. Среди них присутствуют трехлопастные экземпляры, имеющие тамгообразный знак в виде рельефной дужки с одной стороны ложка (рис. 18, 2-3). Такие экземпляры, сходные также и по размерам, в свое время были отмечены А.И. Мелюковой в Краснокутском кургане [Мелюкова, 1964: табл. 9, 0-1]. В более поздней публикации Краснокутского кургана эти знаки изображены несколько иначе — в виде смягченного угла [Мелюкова, 1981: рис. 18, 1-в]. Еще несколько разновидностей тамгообразных знаков представлены и на других наконечниках нашего набора. На трехлопастных — в виде косою черты поперек ложка и комбинации из косою креста выше втулки и четырех горизонтальных полосок по обе стороны от нее, на трехгранном — косою черта в небольшом П-образном ложке. Оба наконечника из центральной могилы имеют тамгообразные знаки: а) 3 горизонтальных полоски по обе стороны втулки, подчеркнутые снизу ломаной дугой, соединяющей окончания лопастей (рис. 25, 5); б) 2 коротких горизон-

тальных полоски с одной стороны втулки. Наконечник второй разновидности с прямоугольным ложком имеет башнеобразную головку, что более характерно для V в. до н. э. (рис. 25, 6).

Втоки дротиков из центрального захоронения Водяной Могилы относятся к двум разновидностям: традиционной для IV в. цилиндрической и значительно более редкой – глухой вток, расширяющийся к основанию (рис. 25, 10–12). Аналогичные последнему неизвестны.

СОБОЛЕВА МОГИЛА. Оружие найдено в погребениях № 2 и 5.

В погребении № 2 погребенного сопровождали горит с луком, меч, ножи, 2 копы и 2 дротика, а также 5 колчанов, наполненных стрелами, которых в общей сложности в погребении насчитывалось 236 шт. (рис. 98–101; 103; 104, 1–2, 8). Практически полный набор наступательного вооружения (за исключением топора) в сочетании с ножами (рис. 104, 10–11) производит впечатление определенной неполноты. Вероятно, здесь присутствовал кожаный защитный доспех.

О присутствии вооружения в женском погребении № 3 свидетельствуют обломки втулки и пера наконечника копья (рис. 111, 1–2).

В погребении № 5, судя по сохранившимся после сокрушительного ограбления фрагментам, был представлен набор наступательного вооружения, включавший лук и стрелы, копье и дротик, а также меч (рис. 111, 4–10).

В погребении № 2 три из пяти колчанов были украшены золотыми и серебряными бусами (рис. 100, 1), а также ворварками с золотым покрытием, установить размещение которых не удалось. Один из них имел застежку в виде бронзовой крестовидной ворварки (рис. 104, 8), идентичной найденным в курганах № 3 у с. Юбилейное, № 7 у с. Львово, № 490 у с. Макеевка, № 6 и 8 у с. Марьянское и др. [Евдокимов, 1993: 11, рис. 7, 4; Теренажкин, 1973; Галакина, 1977: табл. 11, 3; Волковой, 1980: 39–40, рис. 12, 6; рис. 13, 3]. В горите находилось 46 стрел, в колчанах под стенкой, соответственно, 64, 37, 36, 21, 32 стрелы. Во многих наконечниках во втулках сохранились фрагменты истлевших деревянных древков длиной от 1,5 до 6 см, диаметром около 3 мм. На расстоянии 1 см от наконечника на них краской нанесен узкий кольцевой поясок шириной 1 мм. В отдельных случаях выше или ниже поясок отмечены следы окраски черной

или коричневой краской, как это неоднократно отмечалось и в других курганах Северного Причерноморья [Черненко, 1981: 24–25]. Ряд наконечников имеет тамгообразные знаки в виде одиночной или тройной косой полоски (рис. 101).

В целом типы наконечников стрел во всех колчанах характерны для IV в. до н. э., а трехлопастные и для V–IV вв. При рассмотрении наборов наконечников стрел из этого погребения в отдельности выясняется предположительная ситуация. Если бы каждый из этих наборов был найден в разных погребениях, где бы отсутствовали другие датирующие вещи, то каждый из них по набору типов стрел мог быть датирован по-разному. Наборы из горита и колчана № 4 вполне можно было бы отнести к периоду от середины V – до середины IV вв. до н. э. Колчаны № 2, 3 и 5 – ко второй половине IV – началу III вв. до н. э. Тем не менее, все они относятся к одному отрезку времени в пределах третьей четверти IV в. до н. э. Все это лишнее раз подтверждает случайность выборов типов в отдельных колчаных наборах и шаткость подобных логических построений при датировании.

На общем фоне выделяются размерами (4,4–4,6 см) и стройностью форм наконечники из колчана № 4 (рис. 101, 14–16), которые могут быть отнесены к упомянутой выше серии наконечников из курганов высшей скифской элиты.

Из наконечников копий и дротиков погребения № 2 Соболевой Могилы оба наконечника дротиков и один копь с длинным узким, ромбическим в сечении пером, расширяющимся в нижней части, относятся к характерным для IV в. до н. э. формам (рис. 103, 4, 6, 8). Интерес представляет второй наконечник копья – с коротким мощным листовидным пером и толстой длиной, почти на половину общей длины, втулкой с валиком по краю (рис. 103, 2). Судя по мощности наконечника, диаметру древка более 3 см и общей длине копья в 3,25 м, перед нами кавалерийская пика. А.И. Мелюкова отметила такое копье в Подолии, достигавшее, по данным Т. Сулимирского, 3,5 м длины, но, учитывая его единичность, сочла это случайностью. Однако это не так. Такие находки постепенно накапливаются [Черненко, 1971: 36]. В группе Страшной Могилы в кургане № 4 погребении № 2 обнаружено копье длиной 3,1 м с мощным наконечником длиной 53 см несколько иного плана – с узким

лапцетовидным пером и втулкой, достигающей почти половины длины, с муфтой по краю [Орджоникидзе, 1973: 146, рис. 28, 1]. В кургане № 13 в могильнике Золотая Балка в воинском погребении № 7 найден аналогичный наконечник, также являющийся наконечником пика длиной 3,2 м [Кубышев, 1979: 141, табл. 14, 6]. Длина дротиков и второго кося в 2,95 м из погребения № 2 Соболевой Могилы также является необычно большой для металлических орудий и значительно превышает зафиксированные А.И. Мелюковой размеры скифских копей и дротиков в пределах 1,75–2,2 м [Мелюкова, 1964: 43].

Все втулки копий и дротиков из погребения № 2 Соболевой Могилы являются глухими и представлены тремя вариантами рюмковидной формы и одним конической, сужающимся книзу. Втулка пика отличается массивностью, а его внутренний диаметр соответствует диаметру древка в нижней части в 2,4 см.

Золотое покрытие горита. До раскопок Соболевой Могилы было известно 3 типа цельнометаллических покрытий парадных скифских горитов: типа Солоха [Манцевич, 1987: № 53], типа Карагодеуашх-Вергина [Карагодеуашх, 1894: 121–128, табл. IX; *Andronicos*, 1994: 180–186, fig. 147], типа Чертомлык – Ильинцы – Мелитополь – 8-й Пятибратский курган [Чертомлык, 1991: № 189; *Фармаковский*, 1911: 51–61; Мелитополь, 1988: 121–130; *Шилов*, 1961: рис. 10]. Хотя на горите из Солохи изображен скифский сюжет, однако рука греческого мастера чувствуется очень хорошо. На остальных металлических покрытиях изображены сюжеты из греческой мифологии, которые выполнены в чисто греческой манере. Кроме того, все эти гориты имеют одну форму и конструкцию. Внутри существовала деревянная перегородка, которая закреплялась в рельефом выступе металлического дна и разделяла внутреннее пространство горита на отделения для размещения лука и стрел. Последнее находилось спереди и доступ к стрелам осуществлялся через вырез в верхней части металлического покрытия. Отделение для стрел закрывалось сверху кожаным клапаном [Фармаковский, 1911: 58], существование которого подтверждается находкой возле Чертомлыцкого горита золотой стержневидной застежки [ДС, II: 113, Атлас, табл. XXXIX, 9].

Существует также так называемый Кубанский горит с металлическим покрытием из раскопок Н.И. Веселовского у ст-цы Елизаветинская в Прикубанье в 1913 г. Представляет собой бронзовую пластину размерами 60 x 38,5 см, украшенную отдельными ажурными

бляшками с изображениями львов, грифонов и других фантастических животных. Е.В. Черненко, непосредственно изучивший его, пришел к выводу, что это изделие ни по размерам, ни по форме, ни по оформлению горитом быть не может, а является крышкой сундука, о чем свидетельствуют крупные деревянные шарниры, размещенные вдоль одного из краев [Черненко, 1981: 64].

Известны изображения скифских горитов на изделиях торевтики и скифских стелах. Они также демонстрируют разделение горитов на два отделения, из которых наружное предназначалось для стрел. На пекторали из Толстой Могилы, кубке из Куль-Обы, гребне из Солохи и на монете Атея гориты имеют очень узкую нижнюю часть. Здесь отделение для стрел выглядит значительно сужающимся ко дну. Поскольку стрелы укладывались наконечниками вниз и для наконечников внизу требуется значительно больше места, чем для окончаний древка вверх, даже с оперением (если таковое существовало), то такое отделение могло быть рассчитано на сравнительно небольшое количество стрел. На Гаймановой чаше нижняя часть горитов значительно более широкая, соответственно, и отделение для стрел изображено значительно более просторным и, следовательно, более вместительным. На всех этих изображениях отделение для лука в верхней части значительно шире отделения для стрел, которое имеет вид кармана, нашитого на горит. И только у одного из царей на Гаймановой чаше изображен широкий горит, где отделения для лука и стрел имеют почти равную ширину как сверху, так и внизу [Черненко, 1981: 67–93, рис. 45–68]. Соответственно, здесь отделения для стрел отличаются и наибольшей вместительностью. По-видимому, именно к последнему типу относились гориты со сплошным металлическим покрытием типа Солоха, Карагодеуашх и Чертомлык. В них найдено от 50 до 180 наконечников стрел [Манцевич, 1987: 75; Карагодеуашх, 1894: 10; *Фармаковский*, 1911: 53; Мелитополь, 1988: 128; *Шилов*, 1962: 59; *Andronicos*, 1994: 77].

О существовании скифских парадных горитов с иным характером металлического покрытия, состоящего из отдельных пластин скифского стиля, известно давно. Е.В. Черненко собрал сведения о таких горитах и их

реконструкциях, а также предложил ряд своих. Все эти данные, а также реконструкции имеют один недостаток – отсутствие достоверной исходной информации и, следовательно, смелую гипотетичность реконструкций [Черненко, 1981: 44–67]. Особенное удивление вызывает реконструкция горитов из кургана № 4 в Келермесском могильнике, кургана Пастака и Архангельской Слободы, которые, по мнению автора, имели форму Чертомлыцкого горита, но с круглым дном. Такая форма дна горита не зафиксирована ни в достоверных археологических находках, ни в иконографических материалах и по целому ряду соображений представляется совершенно невероятной для такого рода изделий.

В их основе лежит реконструкция горита из Келермесского кургана № 4, откуда происходят большая прямоугольная пластина обкладки горита размерами 40,5 x 22,2 см, а также круглая диаметром 12,6 см неизвестного назначения с изображениями оленей, которые Е. В. Черненко объединяет в горит чертомлыцкого типа, но с круглым дном. При этом также круглый в плане должна быть и верхняя часть горита, однако по рисункам это остается невыясненным [Черненко, 1981: 61–62, рис. 36–41]. Представляется, что это не лучший возможный вариант реконструкции. Учитывая наличие мощного урартского компонента в комплексе вещей из Келермеса, здесь логичнее предполагать круглый цилиндрический колчан урарто-ассирийского типа, украшенный в скифском стиле. Большая прямоугольная пластина при диаметре дна в 12,2 см покрывает чуть больше половины такого колчана, т. е. практически всю часть, обращенную к зрителю, и оставляет свободной часть колчана, прилегающую к телу владельца.

Горит из Соболевой Могилы впервые достоверно продемонстрировал новый тип металлического наборного покрытия, выполненного в скифской манере, возможно, и скифским мастером, с использованием греческих деталей. Он принадлежит к типу горитов с узкой нижней частью, накладным карманом для стрел и расширенной верхней частью.

Общая длина горита (высота), зафиксированная по золотым обивкам, составляла 59 см, а с учетом смещения бокового канта достигала 64 см. Ширина в верхней части достигала 32 см, в нижней – до 20 см. Длина кармана для стрел не более 36 см, длина стрел, соответ-

ственно, определяется не более 34 см (рис. 98; 98а; 99; 99а; табл. 16).

От парадных горитов со сплошным металлическим покрытием он отличается большими размерами по высоте – около 64 см, в то время как все гориты со сплошным металлическим покрытием имеют высоту в пределах 45–47 см²⁴ [Манцевич, 1987: 73; Карагодеуашх, 1894: 56; Andronicos, 1994: 180; Чертомлык, 1991: № 189; Фармаковский, 1911: 52; Мелитополь, 1988: 122]. Здесь карман для стрел, опущенный значительно ниже верхнего края, закрывался сваружа длинным клапаном сверху, который, судя по расположению застежки, закрывал карман сверху на 2/3 длины. Верхний обрез горита был наклонным прямым или чуть изогнутым. Верхний правый угол сверху был украшен подковообразной пластиной, закрепленной горизонтально на краю отделения для лука. Ее ширина в 1 см предполагает не меньшую толщину стенки горита. Ширина разреза этой пластины в 3 см соответствует внутренней ширине отделения горита для лука, что соответствует толщине рукояти лука, зафиксированной по диаметру ее золотой обкладки в 2,7 см. По-видимому, не превышала эту величину и максимальная толщина нижнего рога лука.

Длина золотой накладки в 10 см определяет длину рукояти лука. Фиксированное положение рукояти относительно дна горита позволяет вычислить размеры скифского лука из Соболевой Могилы. Как известно по изображениям, луки укладывались в горит менее изогнутым и более длинным рогом вниз, длина которого здесь достигала 36 см (с учетом толщины дна). Вторая сторона скифского лука была более короткой. Судя по бронзовой модели скифского лука из Ольвии [Козуб, 1973: 270, рис. 1], отношение длины рогов выражается величиной около 5,5:6. Таким образом, длина короткого рога нашего лука может составлять около 32 см. В целом общая длина лука из Соболевой Могилы в боевом состоянии, с учетом длины рукояти, приблизительно составляла 78 см, что соответствует размерам луков скифского времени, которые определяются в пределах 60–80 см [Черненко, 1981: 21].

Кроме того, на горите из Соболевой Могилы крепился меч. В нижней части – с помощью петли-скобы, куда вставлялась нижняя часть меча и дополнительно привязывалась, и вор-

²⁴ Благодарю профессора Ростовского Государственного педагогического университета В. П. Кошлыкова за обмеры горита из 8-го Пятибратнего кургана.

вари в верхнем левом углу, где привязывалась его верхняя часть на уровне устья ножен. Такое прикрепление демонстрирует принципиально новый способ ношения меча, представляющийся весьма рациональным для копника. В этом случае меч, находящийся на левом боку вместе с горитом, не мешает при посадке на коня. Чего не скажешь о традиционно реконструируемом способе ношения меча – на поясе, на правой части живота, наискось к левому колену [Мелюкова, 1964: 63]. Такое расположение меча, даже короткого, мешает не только при посадке на лошадь, но и просто при ходьбе. По-видимому, на ношение меча скифами именно на левом боку указывает зафиксированное в подавляющем большинстве случаев размещение меча слева от погребенного: 27 из 43 захоронений, справа – 4, поперек таза – 5. В остальных комплексах меч находился в стороне от погребенного [Ольховский, 1991: 109].

Что касается золотых деталей оформления горта на Соболевой Могиле, то и в этом отношении здесь почти все ново и оригинально и только для некоторых элементов имеются аналогии или соответствия в уже известных скифских древностях.

В Чертомлыке такой же *камп* (табл. 16; 17, а, с, е) употреблялся для оформления знаменитого золотого горита, хотя из сверхкраткого описания И.Е. Забелина трудно понять, в каком именно месте. Вероятно, как и в нашем горите, он использовался для декора узкого левого борта горита [ДГС, II: 113, Атлас, табл. XXIX, б]. В Александропольском кургане идентичные прямые канты найдены в Центральной гробнице в куче самых разнообразных украшений различного назначения [ДГС, I: 12, Атлас, табл. XI, 1]. В Карагодеуашке аналогичный кант изогнут в кольцо диаметром 16 см [Карагодеуаш, 1894: 26, № 2, табл. VIII, 3]. Возможно, здесь он использовался для оформления верха женского головного убора.

Из 3 разновидностей ажурных *каплевидных бляшек с изображением пальметки* только одна (табл. 17, 2с) имеет единственную аналогию, найденную в первичном погребении № 1 Хоминной Могилы [Мозолевский, 1973: рис. 32, 9]. Две других разновидности представляют новые типы штампованных бляшек для Скифии Северного Причерноморья, как и все остальные элементы декора горита из Соболевой Могилы.

Длинная ажурная пластина с пышным греческим растительным орнаментом (табл. 17d)

по ряду элементов находит соответствия в ажурных пластинах на головных уборах из Татьяниной Могилы и кургана № 22 у с. Вольная Украина [Scythian, 1999: № 108, 109]. В целом такой декор – полоса пышного орнамента с использованием сходных элементов – достаточно широко использовался в различных изделиях торевтики середины – третьей четверти IV в. до н. э. Это, прежде всего, гориты чертомлыцкой серии, бронзовая полоса, украшавшая нагрудный ремень коня № 2 в Мелитопольском кургане [Мелитополь, 1988: рис. 157–158], золотые пластины головных уборов из Деева кургана и Чертомлыка [Scythian, 1986: № 135, 233] и метопида из кургана № 2 у с. Вольная Украина [Scythian, 1999: № 110], пектораль из Толстой Могилы, где этот орнамент выполнен в иной технике. Косо обрезанный верхний край нашей пластины – «поживому» – и пробитые по орнаменту отверстия указывают на ее вторичное использование. Вероятно, первоначально эта пластина предназначалась для иной цели. Возможно, из этой же полосы был вырезан кусочек для оформления дна кармана для стрел.

Длинная пластина с чередой грифонов (табл. 17b) по композиции напоминает череду фантастических зверей на ножках меча из Келермеса, а также череду львов на гризнях из Толстой Могилы и Чертомлыка [Scythian, 1986: № 32–35, 124, 235]. Изображения на пластине из Соболевой Могилы демонстрируют совершенно новый тип грифона, что особенно подчеркивает их трехкрылость. Вероятно, здесь должно быть две пары крыльев, однако плоскостное изображение позволило передать только одно переднее крыло и вторую пару крыльев со значительным смещением. Заданный в чеканке правильный изгиб череды на нижнем краю пластины свидетельствует о том, что она была специально изготовлена для оформления горита.

Гораздо более выразительна ажурная *пластина с изображением двух шестикрылых драконов* (табл. 18, 1) со змеиными телами, скрученными в кольцо. В качестве ближайшей аналогии можно указать лишь пластину из Александрополя с изображениями двух четырехкрылых драконов в геральдической позиции [ДГС, I: Атлас, табл. XII, б]. Несколько более распространены изображения двукрылых драконов со змеиным телом. Они известны на конских нащечниках и 3 навершиях из Краснокутского кургана, на 3 навершиях из

Одесского музея, найденных в Нижнем Поднепровье, навершии из Водославки, золотых метопиде из Чертомлыка и бляшке из Большой Близицы [Мелюкова, 1981: 40, рис. 9, 1–3; 11, 1–3; 12, 1; 21, 2–3; 22, 3; Череланова, 1966: рис. на с. 75; Чертомлык, 1991: 210–211, № 136], на круглых бляшках с изображением двух крылатых драконов в геральдическом расположении из Бабиной Могилы, курганов Орел [ОАК, 1909–1910: рис. 205] и № 15 могильника Золотая Балка [Кубышев, 1982: табл. 15], а также Александропольского кургана [ДГС, I: Атлас, табл. VIII, 9], пластине из Куль-Обы [Scythian, 1986: № 207], круглых бляшках с изображением крылатого дракона в двух вариантах из Соболевой Могилы.

Как отметила А.И. Мелюкова, образ фантастического существа с телом, закрученным в петлю, не имел широкого распространения в искусстве скифского звериного стиля. Он неизвестен для VI–V вв. до н. э. и представлен небольшим количеством изображений в искусстве IV в. до н. э. Н.Н. Погребова считала, что эти животные подражают морскому коню греков – гиппокампу, у которого передняя часть коня, а задняя – рыбы. В то же время она подчеркнула, что на скифских навершиях эти животные функционально выступают в роли грифона. В греческом же искусстве гиппокамп является исключительно средством передвижения Посейдона, Амфитриты или их свиты. А.И. Мелюкова для этих животных употребляет сложное название грифон-гиппокамп [Погребова, 1950: цит. по Мелюкова, 1981: 42]. Морские драконы, в одном случае дракон, в двух других – гиппокампы, на изделиях террактики из Северного Причерноморья изображены на дне килика из Чмыревой Могилы, височных подвесках из Большой Близицы и окончатых браслетов из Карагодеуашка [Онайко, 1970: 21, табл. XV; Scythian, 1986: № 250–253]. Представляется, что для наших крылатых, абсолютно «сухопутных», представителей этого сказочного вида животных наиболее правильным является название «дракон», «крылатый дракон».

Находки в Бабиной и Соболевой могилах, а также в других курганах Нижнего Поднепровья, открытых за последние десятилетия, демонстрируют значительно более широкое распространение и многовариантность образа дракона в скифских древностях середины – третьей четверти IV в. до н. э., нежели это считалось ранее.

Пластина с изображением шамана (табл. 17, 3) представляет совершенно новый для скифской иконографии образ восьмикрылого антропоморфного божества с петушиным хвостом и ногами или жреца в ритуальной одежде в образе этого божества.

Поиск изобразительных соответствий пластине из Соболевой Могилы уводит нас в круг божеств и героев Передней Азии и Восточного Средиземноморья. Здесь подобные образы в мужской и женской ипостасях известны с глубокой древности. Повелительница зверей изображена на золотой пластине XVII в. до н. э. из Эгипта. Богиня в расставленных руках удерживает за шею двух гусей. Сзади, с уровня крестца, по обе стороны тела изображены парные дуговидные крылья в виде змей, поднимающиеся вверх [Archaeology, 1968: fig. on p. 69]. На костяной пластине финикийского стиля начала I тыс. до н. э. из форта Салмансара в Нимруде изображен крылатый герой, удерживающий одной рукой крылатого грифона и пронзающий его копьем [Kalton, 1968: 93–97]. Антропоморфное существо с двумя парами крыльев за спиной с головой орлиноголового грифона изображено на арамейском рельефе 730 г. до н. э. из Сактшапозу. Широко распространен подобный образ с одной парой крыльев («демон-грифон») в новохеттском искусстве в рельефах второй половины IX в. до н. э. из Сенджирли и конца VIII в. до н. э. из Кататепе. Такое же грифоноволосое существо, удерживающее руками по обе стороны тела двух львов, изображено на базе колонны из Кархемыша второй половины VIII в. до н. э. Крылатая богиня, удерживающая в расставленных по обе стороны тела руках львов, изображена на золотых пластинках ожерелья конца VII в. до н. э. из Родоса [Akurgal, 1969: 53, 76, 98–99, 179, Pl. 15a, 21a, 34a, 50, Fig. 65]. Крылатая богиня, удерживающая в руках птиц или зверей, трактуемая как Артемида, известна в греческой вазовой живописи первой половины VI в. до н. э. [Simol, 1985: Abb. 152, 153].

Приведенные параллели указывают истоки образа пластины из Соболевой Могилы, но, к сожалению, мало что дают для его понимания. Крайне неожиданно появление столь архаичного образа в скифском искусстве IV в. до н. э. Эта находка приоткрывает совершенно неведомую для нас страницу скифского мифа и показывает, насколько отрывочны и неполны наши знания в этой области.

Крупные прямоугольные ажурные пластины с изображением пальметки (табл. 17, 4)

и накладка на рукоять лука (табл. 18, 2) со сходным изображением, фигурные пластины-накладки на карман для стрел, украшенные растительным орнаментом (табл. 17, 5), подковообразная пластина и пластина-скоба (рис. 100, 2, 4) являются совершенно новыми для греко-скифской гонимости.

Застежка кармана для стрел на горите из Соболевой Могилы (рис. 100, 5) принципиально отличается от застежек скифских горитов и колчанов [Черненко, 1981: рис. 17; 22–24] новой формой и иным характером использования. Все ранее известные застежки имеют вид круглого стержня различной длины с утолщениями или без таковых на окончаниях и перехватом посередине, обозначенным канавкой. Наша пластина – плоская, восьмиугольная в плане – использовалась совершенно по-другому. Пластина в горизонтальном положении была жестко прикреплена к карману с помощью железных скоб через отверстия по краям с оставлением зазора в несколько миллиметров между кожей кармана и пластиной. Достаточно длинный вырез кожаного клапана кармана вставлялся в этот зазор сверху без дополнительной фиксации.

Однолезвийный меч из Соболевой Могилы имеет золотую орнаментированную обкладку рукояти и серебряный коробчатый наконечник ножен треугольной формы (табл. 19). Дополняет серию аналогичных и сходных находок в курганах Скифии середины – третьей четверти IV в. до н. э. Чрезвычайно близкие, если не идентичные, накладки имеют однолезвийные мечи из Чертомлыка, Рыжановки и кургана № 9 погребения № 1 у с. Пески. Эти мечи имеют также и серебряные коробчатые наконечники ножен. В публикации последнего кургана наконечник ножен не упоминают, и сведения о нем можно найти только в полевом отчете [Чертомлык, 1991: № 72–73; Рыжановка, 1997: фото 4 и 5; Гребенников, 1987: 153, рис. 4, 10; Шапошникова, 1972: 52]. Аналогичный меч с электровым коробчатым наконечником ножен из кургана № 10 погребения № 4 у с. Малая Лепетиха имеет золотую обкладку рукояти, на которой те же олень и терзающий его хищник размещены в иной комбинации [Евдокимов, 1992-В: 25, табл. 106, 4]. Те же сюжеты изображены на золотой обкладке рукояти зеркала из Куль-Обы, сходной по форме с рукоятью меча [ДБК: табл. XXXI, 7].

Однолезвийные мечи из кургана № 487 у с. Турья [Бобринский, 1910-В: 70, рис. 8

и 8-А), рукоять меча из покупок в Керчи [Ростовцев, 1914-Б: 89, табл. V, 1] и Шульговки [Мелюкова, 1964: 62, табл. 19, 8] имеют аналогичные по типу рукояти и также обложены золотыми пластинами. Для их украшения использованы иные композиции из животных. При первом и последнем найдены золотые коробчатые наконечники ножен.

Фрагменты клинков однолезвийных мечей известны и в других курганах степной Скифии – курганах № 35 могильника Широкое-II, № 2 у с. Мирное, № 5 у с. Марьяновка и № 1 у с. Федоровка, погребении № 1 Николаевского могильника [Черненко, 1977: 54; Евдокимов, 1992-В: 46; Блан, 1998: 88, рис. 5, 5; Кубышев, 1977; Дзис-Райно, 1965: рис. 4, 4]. В тот же отрезок времени в Днестро-Дунайском регионе однолезвийные мечи практически полностью вытеснили традиционную скифскую форму, что связывается с мощным фрако-скифским культурным взаимодействием. Появление однолезвийного оружия и на восточной периферии причерноморской Скифии связывается с кавказскими импульсами [Бруско, 1989: 30; Андрух, 1995: 40; Редина, 1999: 226]. В свое время А.И. Мелюкова рассматривала появление скифских однолезвийных мечей как результат влияния греческой махайры [Мелюкова, 1964: 60]. Впоследствии, в результате накопления новых данных, она также пришла к выводу об их появлении в результате фракийского влияния [Мелюкова, 1979: 200; 1995: 31].

Подобная орнаментация рукояти и навершия использовалась и для украшения золотых обкладок рукоятей традиционных скифских двулезвийных мечей этого времени. Это 4 меча из Чертомлыка, меч из кургана Бексуватского близ Керчи из раскопок А. Ашика в 1839 г., кургана № 7 в Колбиво [Чертомлык, 1991: № 184–187; ДБК: табл. XXVII, 9; Гуляев, 2000: рис. 7, 14]. Другая форма перекрестий здесь требовала и иных композиционных решений, для чего использовались симметричные пары животных разных видов.

Рукояти двулезвийных мечей из Куль-Обы, Толстой Могилы, Большой Белоозерки, курганов № 3 группы Частые курганы и № 10 у ст-цы Елизаветовская, 8-го Пятибратнего кургана, кургана у пос. Горняцкий имеют золотые обкладки другого типа, но для их декора также использованы животные или зооморфные мотивы [ДБК: табл. XXVII, 10; Мозолевский, 1979: рис. 52–55; Отрощенко, 1984: 122, рис. 1; Либеров, 1963: табл. 17, 1–2;

Миллер, 1910: 104, табл. V; Шилов, 1962: рис. 4; Филатов, 1972: 123, рис. 1, 1].

В отдельных случаях серебряные коробчатые наконечники делались и для ножен двулезвийных мечей – Чертомлык, курган № 11 группы Частых курганов [Чертомлык, 1991: № 166; Пуликова, 2001: 29, рис. 6, 8; Мелюкова, 1964: табл. 19, 8].

В свое время М.И. Ростовцев всю эту группу мечей с золотыми обкладками рукоятей с зооморфным декором, и курганов, из которых они происходят, считал одновременными [Ростовцев, 1914: 89–90], что совершенно верно. Все эти находки происходят из курганов середины – третьей четверти IV в. до н. э. Е.В. Черненко «чертомлыцкую» и «куль-обскую» серии мечей с золотыми обкладками рукоятей и ножен, золотые обкладки горитов чертомлыцкого типа и типа Карагодеуашх-Вергина считает серийной продукцией одной из мастерских, находившейся в Пантикалее или Ольвии, а возможно, и при скифских царях [Черненко, 1980: 69]. Учитывая кратковременность периода изготовления, не исключено, что и вся серия мечей с золотыми обкладками рукоятей, в том числе и однолезвийных со столь своеобразным оформлением ножен металлическими коробчатыми наконечниками, также принадлежит одной мастерской, местонахождение которой в Пантикалее выглядит наиболее предпочтительным.

Бронзовые поножи из Соболевой Могилы имеют типично кавалерийский характер (рис. 104, 10–11). Если в Греции поножи были принадлежностью тяжеловооруженных пехотинцев, то в Скифии они использовались конными воинами [Стелл, 1989: 95]. Аналогичный факт установлен и для боспорских всадников [Галанина, 1965: 11]. Большинство поножей использовалось в местной среде в первоначальном виде. Лишь отдельные комплекты – из Курджинса, две пары из Керчи, из кургана № 6 у с. Водославка – имеют следы переделок: удалены наколенники, сделаны вырезы с внутренней стороны [Галанина, 1965: 12; Черненко, 1968: 116; Кулрий, 1987: 90], что, вероятно, было вызвано необходимостью их приспособления для верховой езды. Использование поножей скифскими всадниками предвосхитило употребление этого вида защитного доспеха в римской кавалерии в более позднее время – во II–III вв. н. э. [Junkelmal, 1996: 74–76, Abb. 151–159].

Совершенно иной характер переделки отмечен на одной из пар поножей Олонештского клада. По вполне обоснованному предположению Г.П. Сергеева, этот клад был зарыт гоплитами из войска Зопириона. Поэтому переделка здесь преследовала совершенно иную цель и отражает «пехотную» специфику использования. Поножи архаического времени, имевшие очень широкий разъем саади, были дополнены бронзовыми пластинами, практически полностью его закрывавшими [Сергеев, 1966: 136, рис. 5].

Поножи из Соболевой Могилы имеют довольно специфическую форму. Верхние края, наискось обрезанные, прикрывали лишь нижние части коленных суставов и в рельефе передавали их форму. В целом поножи прикрывали ноги от стопы до колена спереди, внешние боковые и отчасти задние стороны икр. Внутренняя сторона голени прикрывалась лишь частично, в нижней части, боковым фигурным выступом. Большая часть внутренней стороны икр оставалась открытой, что, несомненно, обусловлено всаднической спецификой, при которой внутренняя часть ноги всадника, прижатая к телу коня, не нуждается в дополнительной защите. Возможно, здесь играл роль еще один момент – чтобы избежать скольжения металла по шерсти коня [Кулрий, 1987]. При отсутствии стремян у скифов плотность шенкеля играла важную роль для твердости посадки всадника. Судя по сохранившимся парным линиям, прочерченным по всему периметру изделий, поножи сохранили свой первоначальный вид и не подвергались переделкам в скифской среде.

В этой связи возникает вопрос о месте их изготовления. Если Л.К. Галанина считает все цельнометаллические поножи исключительно привозными [Галанина, 1965: 15], то А.И. Мелюкова, наряду с этим, предполагает возможность изготовления какой-то их части на Боспоре [Мелюкова, 1964: 76]. По-видимому, находку в Соболевой Могиле можно считать аргументом в пользу северопрichernоморского изготовления части поножей.

Греческие поножи были сравнительно мало распространены у скифов Северного Причерноморья. В сводках Л.К. Галанниной и Е.В. Черненко учтено 39 находок [Галанина, 1965: 27; Черненко, 1968: 112]. По последней сводке, с учетом скифских поножей, набранных из пластин, известно 60 находок на территории Восточной Европы. Однако их содержание осталось нераскрытым [Черненко, 1988: 13].

Сводки 1965 и 1968 гг. дополняет еще ряд находок: с. Пески курган № 9 [Гребенников, 1987: 154, рис. 4, 4]; Бердинский курган [Фиалко, 1987: 77], с. Шевченко-2 курган № 1 [Зарайская, 1992: 146, рис. 72, 6]; Толстая Могила [Мозолевский, 1979: 54], Первомаевка курганы № 1 и 4 [Евдокимов, 1987: 94, 111, рис. 7, 1; 21], с. Ильинка курган № 1 [Плешиненко, 1991: 63, рис. 7, 1], Водославка курган № 6, Каиры курган № 1 [Кулпий, 1987: 90; 1992], Стеблев курган № 3 [Скорый, 1997: 35, рис. 17–18]. Ряд новых находок не опубликован: Гайманова Могила – Центральная гробница; Соколов Суворова курган № 2 (1972 г.) погр. 2–3 и курган № 29 погребение № 2; с. Отрадное курган № 3 погребение № 1 [СПИ, 1986]. Находки из Стеблева, Шевченко и Каир относятся к V в. до н. э., все остальные датируются в пределах IV в. до н. э., что совпадает с хронологией основного массива находок положее в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе [Галанина, 1965: 11; Черненко, 1968: 120].

4.24. БЫТОВАЯ УТВАРЬ

Бронзовые котлы, судя по практически постоянным находкам костей животных, обильно пропитанных окислами бронзы, являлись обязательной принадлежностью захоронения более менее зажиточного скифа, не говоря уже о представителях скифской знати и царях. Именно эти категории захоронений наиболее часто подвергались разграблению, в результате чего общее число скифских бронзовых котлов, сохранившихся до наших дней, сравнительно невелико. По данным В.С. Ольховского, учевшего скифские курганы, исследованные до 1980 г., в курганах степного Причерноморья и Крыма V–IV вв. до н. э. найдено 53 бронзовых котла [Ольховский, 1991: 70, 112, 142]. С учетом находок из раскопок последующих лет и депаспортизованных котлов, хранящихся в различных музеях Украины и России, их общее количество не выходит за пределы 100 шт. Котлы встречаются преимущественно в мужских и реже – в женских захоронениях.

Те же признаки – находки многочисленных «зеленых» костей животных – свидетельствуют о том, что бронзовые котлы некогда присутствовали и в составе погребального инвентаря гробниц № 1 и 2 Бабиной Могилы, в захоронении Водяной Могилы, в погребении № 1 Соболевой Могилы. В гробнице № 2 Баби-

ной Могилы, помимо костей животных, на былое присутствие котла указывает также и отпечаток бронзовой ножки соответствующего диаметра в нише перед входом в камеру.

Единственный из всех котлов в наших курганах сохранился только в погребении № 2 Соболевой Могилы, избежавшем ограбления (рис. 95). Этот котел принадлежит к господствующему в V–IV вв. до н. э. в степном Причерноморье типу – с эллипсоидным в плане корпусом с вертикальными петлевыми ручками, с тремя выступами и рюмковидным поддоном [Боковенко, 1991: 263]. По форме тулова и ножки, размещению и декору ручек имеет формальное сходство с котлами из кургана Чертомлык, впускного захоронения Солохи, из Куль-Обы и кургана Паганиоти [Чертомлык, 1991: № 143; Манцевич, 1961: рис. 11; 1987: № 72; Яковенко, 1974: рис. 25, 2, 4]. По относительной прямизне верхней части стенок сходствует с котлами из кургана № 6 у с. Нагорное, Чертомлыка и кургана № 6 Орловского могильника [Мозолевский, 1973: рис. 6, 10; Чертомлык, 1991: № 133; Мимасян, 1985: рис. 3, 5].

Фрагмент *костяной пластины греческой шкатулки* из Бабиной Могилы (рис. 62, 18) относится к сравнительно редкой категории находок в скифских курганах IV в. до н. э. Шкатулки обнаружены в захоронениях знатных скифов в курганах Чертомлык, Александрополь, Огуз, № 1 группы Первомаевка-IV, № 4 у с. Владимировка, Трехбратних курганах, Кара-Тюбе, курган у с. Фрунзе, Татьяниной Могилы, курганах № 3 у с. Ольговка, № 11 и 14 у с. Гюновка, № 4 у с. Петровка, № 11 у с. Львово, Сошкиновом кургане [Чертомлык, 1991: № 112; ДГС, I: табл. XI, 24; Евдокимов, 1991-В: рис. 10, 4; Полин, 1997: рис. 22, 4–7; Кирилин, 1968: 185; Бессонова, 1973: 249; Волтрик, 1993: 190, рис. 5, 7, 10; 7; Гаврилов, 1993: 204, рис. 2, 4; Мурзин, 1993: рис. 10; Фиалко, 1987: рис. 4, 1–7].

Костяной двусторонний гребень греческого производства из погребения № 3 Соболевой Могилы (рис. 110) также относится к сравнительно редким находкам в курганах Скифии. Все гребни этого типа имеют одинаковую конструкцию и размеры [Полин, 1997: 48, рис. 22, 8]. Такие гребни найдены в захоронениях скифов знатных, а также среднего уровня зажиточности. Для примера можно указать находки в Хоминной Могиле, в курганах № 11 у с. Львово, № 4 в урочище Носаки, № 4 у с. Владими-

ровка, № 13 у с. Оситняжка, №№ 6 и 8 у с. Поддубное [Мозолевский, 1973: рис. 32, 11–12; Тереножкин, 1973; Носаки, 1977: 93; Полин, 1997: рис. 22, 8; Галанова, 1977: табл. 14, 23–24; Пиоро, 2001: 27, 35, рис. 3]. В Бердянском кургане также найден двусторонний гребень несколько меньших размеров и совершенно иным оформлением боковых лопасти [Фиалко, 1999: 255, рис. 1, 1].

Веретено из Соболевой Могилы (рис. 97). Этой находке веретена в мужской могиле Б.Н. Мозолевский придавал особое значение. Наряду с другими, менее значимыми предметами из инвентаря этого погребения, он видел в нем важнейший символ принадлежности погребенного к жреческому сословию, в частности к корпорации эвареев – женоподобных служителей женского божества плодородия [Мозолевский, 1993: 77–78]. В этой связи не выглядят чуждыми трактовки серебряного, покрытого золотом, веретена из Куль-Обы в качестве скипетра царицы и серебряного веретена из Александрополя, как имеющих некоторое сходство с жезлом [ДБК: 18, табл. II, 4; ДГС, I: 23–24], столь успешно развенчанные в свое время [Яковенко, 1973: 43]. Серебряное и костяное с золотым декором веретена из Чертомлыка, к сожалению, сохранившиеся во фрагментах [Чертомлык, 1991: № 110, 119], несомненно, принадлежат к той же категории. Эти роскошные предметы, заведомо бытового характера, безусловно, имели совершенно иное назначение, и скорее всего, культовое. Поэтому в данной ситуации также определения, как «скипетр» или «жезд», имеют большой смысл, поскольку точнее отражают вероятные функции предметов [Полин, 1997: 47–48].

По своей семантике к той же категории ритуальных предметов относится и костяное наборное веретено из Соболевой Могилы. Здесь отсутствует декор из драгоценных металлов и конструктивно оно полностью соответствует обычным веретенам бытового назначения. Наше веретено является греческим изделием, изготовленным на токарном станке. Такие веретена являются нечастой находкой в скифских курганах Северного Причерноморья. Чаще всего, из-за ограбления, встречаются в виде отдельных фрагментов. Веретено из Соболевой Могилы является единственным на сегодняшний день, сохранившим свой первоначальный вид.

В курганах степной Скифии насчитывается 31 находка подобных изделий различной степени сложности конструкции [Гаврилюк, 1999: 211]. В качестве примеров можно привести следующие: Александропольский курган (помимо упоминавшегося серебряного из боковой гробницы, в центральной найдены фрагменты обычного наборного костяного веретена), Чмырева Могила, погребение № 49 в могильнике у с. Николаевка, курган № 19 у с. Заповитное, Деев курган, курган № 5 у с. Златополя, Казенная Могила, курганы № 1 и 10 у с. Гююновка, № 13 у с. Новосе Запорожье, курган у с. Фрунае, курган № 2 в группе Первсмаевка-П, Хомина и Денисова могилы, Мелитопольский курган (видимо, два), курган № 11 группы БОФ, курганы № 11 и 18 у с. Львово, № 8 у с. Волчанск, № 4 у с. Владимировка, № 2 у с. Великая Знаменка, Огуз, Бердянский курган, и др. [ДГС, I: Атлас, табл. XI, 18–20, 23; ОАК, 1909–1910: 128; Мелюкова, 1975: рис. 53, 10; Видзиль, 1972: 60; СПП, 1986; Пляшневко, 1991: рис. 1, 3; Гаврилюк, 1993: 204, рис. 2, 10; Евдокимов, 1991-В: 79, рис. 5, 7; Мозолевский, 1973: 231, рис. 37, 15; 1980: 131, рис. 67, 3–6; Мелитополь, 1988: 104, № 85–86, рис. 106, 4–6, 13, 16; Орджоникидзе, 1973: рис. 37, 5; Тереножкин, 1973; Кубышев, 1982-А: рис. 8; Полин, 1997: рис. 8, 10–14; рис. 22, 3; Фиалко, 1987: рис. 1, 1–2, 6].

Обивки деревянной чаши. В гробнице № 2 Бабиной Могилы найдены две бронзовые накладные пластинки с точечным пуансонным орнаментом вдоль краев. Верхняя часть прямоугольная, нижние окончания обломаны. Пластинки имеют сквозные отверстия для крепления. Ширина 2,0 см, сохранившаяся длина 1,8–2,0 см. Вероятно, являются декоративными обивками деревянной чаши (рис. 63, 3–4). По форме и орнаментации сходны с достаточно распространенными в IV в. до н. э. треугольными обивками чаш [Рябова, 1984: 40, рис. 4]. Однако до сих пор бронзовые обивки скифских деревянных чаш не были известны. Бронзовые обивки для чаш употреблялись в эпоху бронзы, а уже с киммерийского времени для декора деревянных чаш, которым приписывается исключительно культовое назначение, начинает использоваться только золото [Рябова, 1986: 43; Фиалко, 1993-Г: 49–50].

Однако это не совсем так. А.П. Манцевич отметила использование для декора скифских деревянных сосудов, помимо золотых, также

и серебряных накладок [Манцевич, 1966: 23]. В погребении № 13 кургана № 6 у с. Головоковка киммерийского или раннескифского времени найдены остатки деревянной чаши диаметром 28 см, украшенной четырьмя прямоугольными и фигурными накладками, изготовленными из великолепной золотистой бронзы [Полин, 1994-Д: 6, рис. 8, 5–8]. Нельзя исключить использование бронзовых накладок для оформления чаш и в более позднее время. Ведь скифы в повседневной жизни пользовались и обычными чашами, оформленными более просто, в отличие от ритуальных, воинских и т. п.

Зеркала в наших курганах представлены находками фрагментов: нижнее окончание костяной рукоятки в Водяной Могиле (рис. 25, 3) и частями зеркала диаметром 22 см с небольшим валикообразным утолщением по краю в Бабиной Могиле (рис. 60, 1). Единственное, что о них можно сказать, что оба они принадлежали к типу составных зеркал с боковыми рукоятками.

В курганах Водяна, Бабина и Соболева могилы обнаружены еще целый ряд вещей бытового назначения (ножи, пряслица, ворварки, различного рода скобы, гвозди и т. п.), традиционных для скифских курганов Северного Причерноморья V–IV в. до н. э., на рассмотрении которых мы не останавливаемся. Все это вещи фоновые, обычные как для курганов знати, так и для рядового населения. Не являются они определяющими и в отношении датировок памятников.

4.25. ДАТИРОВКА НАШИХ КУРГАНОВ И ОБЩАЯ ХРОНОЛОГИЯ КУРГАНОВ СКИФСКОЙ ЗНАТИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Различные вещи из Бабиной, Водяной и Соболевой могил имеют прямые аналогии или ближайшие соответствия⁴⁵ в ряде курганов скифской знати Северного Причерноморья, что позволяет достаточно точно определить их относительную и абсолютную хронологическую позицию. Абсолютная дата наших курганов определяется по керамическому импорту (см. раздел 4.20).

БАБИНА МОГИЛА. Курган содержал три последовательных, очень близких во времени,

⁴⁵ Под соответствиями и параллелями понимаются однотипные изделия различного изготовления, иного штампа, иногда с существенными отличиями в деталях и (или) размерах.

захоронения. В первичной в кургане гробнице № 1 найдена раннегероонесская амфора конца второй – третьей четверти IV в. до н. э. В гробнице № 2 Бабиной Могилы и в связанном с ней рву кургана найдены остатки 96–99 амфор и фрагменты чернотерракотовой пиксиды. Амфоры следующих типов: Хиос (колпачковые), выпускавшиеся от начала IV в. вплоть до 320-х гг. до н. э., Пепарет (типа Солоха-II), датирующиеся от начала века до третьей четверти IV в. до н. э. включительно, Синопя, неопределенный центр, Менда (амфоры с рюмкообразной ножкой мелитопольского типа), выпускавшиеся на протяжении второй – третьей четверти IV в. до н. э. Амфоры Менды и Пепарета в комплексах последней четверти столетия уже не встречаются. Фрагменты нижней части крупной аттической чернотерракотовой пиксиды александропольского типа из Бабиной Могилы с учетом размеров, особенностей декора и качества лака датируются серединой – третьей четвертью IV в. до н. э. Гробница № 3 Бабиной Могилы по всем признакам по времени совершения теснейшим образом примыкает к гробнице № 2. В целом керамический комплекс кургана Бабина Могила датируется в пределах третьей четверти IV в. до н. э. (рис. 44–46; 54, 3; 61; 64; 65)

Налобник с изображением крылатой Ники из Бабиной Могилы (табл. 9, 1–2) позволяет уточнить абсолютную дату гробницы № 2. Впервые изображение такой Ники в профиль появляется на статерах Александра Македонского в 336 г. до н. э. Такая же Ника изображена на панафинейских амфорах 336 г. до н. э. с именем магистрата Пифодела. Изображение Геракла на серебряных прямоугольных уздечных бляшках, возможно, передает героизированный облик Александра Македонского. Датировка этих вещей позволяет уточнить дату гробницы № 2 в пределах 336–320 гг. до н. э., что согласуется с результатами исследования М.Ю. Трейстера, согласно которому серебряные украшения узды Бабиной Могилы изготовлены около 340–330 гг. до н. э. (см. Приложение № 3).

ВОДЯНА МОГИЛА. В кургане найдены фрагменты амфор Менды мелитопольского типа, Пепарета (типа Солоха-II), Фассоса, Хиоса (колпачковые), типа Солоха-I с грибовидным венцом, неопределенного центра (рис. 12–14; 24; 25, 4).

Амфоры Менды и Пепарета, как отмечалось выше, датируются не позднее третьей четверти IV в. до н. э. Среди фрагментов амфор Менды выделяется ножка плотного красного

и серебряных накладок [Манцевич, 1966: 23]. В погребении № 13 кургана № 6 у с. Головкивка киммерийского или раннескифского времени найдены остатки деревянной чашки диаметром 28 см, украшенной четырьмя прямоугольными и фигурными накладками, изготовленными из великолепной золотистой бронзы [Полин, 1994-Д: 6, рис. 8, 5–8]. Нельзя исключать использование бронзовых накладок для оформления чаш и в более позднее время. Ведь скифы в повседневной жизни пользовались и обычными чашами, оформленными более просто, в отличие от ритуальных, воинских и т. п.

Зеркала в наших курганах представлены находками фрагментов: нижнее окончание костяной рукоятки в Водяной Могиле (рис. 25, 3) и частями зеркала диаметром 22 см с небольшим валикообразным утолщением по краю в Бабиной Могиле (рис. 60, 1). Единственное, что о них можно сказать, что оба они принадлежали к типу составных зеркал с боковыми рукоятками.

В курганах Водяна, Бабина и Соболева могилы обнаружен еще целый ряд вещей бытового назначения (ножи, пряслица, ворварки, различного рода скобы, гвозди и т. п.), традиционных для скифских курганов Северного Причерноморья V–IV в. до н. э., на рассмотрение которых мы не останавливаемся. Все это вещи фоновые, обычные как для курганов знати, так и для рядового населения. Не являются они определяющими и в отношении датировок памятников.

4.25. ДАТИРОВКА НАШИХ КУРГАНОВ И ОБЩАЯ ХРОНОЛОГИЯ КУРГАНОВ СКИФСКОЙ ЗНАТИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Различные вещи из Бабиной, Водяной и Соболевой могил имеют прямые аналогии или ближайшие соответствия²⁵ в ряде курганов скифской знати Северного Причерноморья, что позволяет достаточно точно определить их относительную и абсолютную хронологическую позицию. Абсолютная дата наших курганов определяется по керамическому импорту (см. раздел 4.20).

БАБИНА МОГИЛА. Курган содержал три последовательных, очень близких во времени,

²⁵ Под соответствиями и параллелями понимаются однотипные изделия различного изготовления, иного штампа, иногда с существенными отличиями в деталях и (или) размерах.

захоронения. В первичной в кургане гробнице № 1 найдена раннехерсонесская амфора конца второй – третьей четверти IV в. до н. э. В гробнице № 2 Бабиной Могилы и в связанном с ней рву кургана найдены остатки 96–99 амфор и фрагменты чернолаковой пиксиды. Амфоры следующих типов: Хиос (колпачковые), выпускавшиеся от начала IV в. вплоть до 320-х гг. до н. э., Пепарет (типа Солоха-II), датирующиеся от начала века до третьей четверти IV в. до н. э. включительно, Синопя, неопределенный центр, Менда (амфоры с рюмкособразной ножкой мелитопольского типа), выпускавшиеся на протяжении второй – третьей четвертей IV в. до н. э. Амфоры Менды и Пепарета в комплексах последней четверти столетия уже не встречаются. Фрагменты нижней части крупной аттической чернолаковой пиксиды александропольского типа из Бабиной Могилы с учетом размеров, особенностей декора и качества лака датируются серединой – третьей четвертью IV в. до н. э. Гробница № 3 Бабиной Могилы по всем признакам по времени совершення теснейшим образом примыкает к гробнице № 2. В целом керамический комплекс кургана Бабина Могила датируется в пределах третьей четверти IV в. до н. э. (рис. 44–46; 54, 3; 61; 64; 65)

Налобник с изображением крылатой Ники из Бабиной Могилы (табл. 9, 1–2) позволяет уточнить абсолютную дату гробницы № 2. Впервые изображение такой Ники в профиль появляется на статерах Александра Македонского в 336 г. до н. э. Такая же Ника изображена на панафинейских амфорах 336 г. до н. э. с именем магистрата Пифодела. Изображение Геракла на серебряных прямоугольных уздечных бляшках, возможно, передает героизированный облик Александра Македонского. Датировка этих вещей позволяет уточнить дату гробницы № 2 в пределах 336–320 гг. до н. э., что согласуется с результатами исследования М.Ю. Трейстера, согласно которому серебряные украшения узды Бабиной Могилы изготовлены около 340–330 гг. до н. э. (см. Приложение № 3).

ВОДЯНА МОГИЛА. В кургане найдены фрагменты амфор Менды мелитопольского типа, Пепарета (типа Солоха-II), Фасоса, Хиоса (колпачковые), типа Солоха-I с грибовидным венцом, неопределенного центра (рис. 12–14; 24; 25, 4).

Амфоры Менды и Пепарета, как отмечалось выше, датируются не позднее третьей четверти IV в. до н. э. Среди фрагментов амфор Менды выделяется ножка плотного красного

теста с примесью мелкого песка, близкая по тесту и, отчасти, по профилировке амфорам типа Пепарета (Солоха-II). Аналогичное сходство было отмечено по материалам тризны кургана Чертомлык [Полына, 1991: 370], амфорный комплекс которого датируется концом 340–330 гг. до н. э. [Монахов, 1999: 368]. Такая находка в Водяной Могиле, учитывая редкость этого явления, указывает на одновременность этих памятников.

Фасосские амфоры относятся к характерному для IV в. до н. э. биконическому типу. На двух ручках имеются клейма с именами ΠΡΑΚΑΕΙΔΑ | ΑΡΙΣΤΟ с эмблемой зайца и ΑΡΕΤΩΝ | ΘΑΣΙΟΝ с эмблемой кадуцей (рис. 14, 1–2). Клейма принадлежат к разным типам фасосских клейм. Клеймо с зайцем относится к ранним клеймам, в которых легенда, включающая два имени и, нередко, этникон, расположена по четырем или трем сторонам рамки. Клеймо с кадуцеем относится к сменяющим ранние поздним клеймам с легендой, включающей одно имя и этникон, расположенные вдоль двух длинных сторон. Ценность находки такого сочетания в Водяной Могиле состоит в том, что она приходится на время перехода от ранних фасосских клейм к поздним.

При всем уважении к нашим коллегам, специалистам в области керамической эпиграфики, следует отметить, что для обоснования жесткой датировки времени этого перехода именно в пределах 335–330 гг. при выборе из существующих датировок в пределах 350–330 гг. до н. э. приведенных аргументов недостаточно. В выборе именно этой даты, при отсутствии твердых доказательств, слишком большую роль сыграли различные привходящие соображения, что не позволяет исключать и другие даты. В пользу иных датировок свидетельствуют и археологические факты, о чем будет идти речь в этом разделе при датировке Каменской Близицы. Как представляется, вопрос о датировке времени перехода на сегодняшний день остается открытым. Соответственно, и датировка фасосских клейм Водяной Могилы определяется в пределах 350–330 г. до н. э.

Представляется возможным уточнение хронологии амфор типа Солоха-I. Установлено, что такие амфоры самой разнообразной формы, но обязательно с грибовидным венцом, производились очень многими центрами Средиземноморья на протяжении IV – первой половины III вв. до н. э. Приведенные данные свидетельствуют о том, что амфоры с развитыми прямыми грибовидными венцами засвидетельство-

ваны в комплексах первой – третьей четвертей IV в. до н. э., а амфоры с грибовидными венцами иной разновидности – прижатым к горловице под углом, клювовидным в сечении, типа протородосских, выделенных В. Грейс по находкам в Александрии и Коринте, – датируются последней четвертью IV – первой половиной III вв. до н. э. (см. раздел 4.20.)

С.Ю. Монахов выделил нашу амфору в специальный тип (+амфоры с грибовидным венцом типа Водяной Могилы+) и нашел ей аналоги, которые, по его мнению, датируются в пределах первой четверти III в. до н. э. [Монахов, 1999: 485–486, табл. 207, 8]. Однако эти аналоги неприемлемы из-за ряда существенных отличий. В определении даты амфоры из Водяной Могилы можно исходить только из датировки фасосских клейм из ее тризны в пределах 350–330 гг. до н. э., что определяет датировку Водяной Могилы в целом.

СОБОЛЕВА МОГИЛА. Здесь в составе тризны, преимущественно связанной с центральным захоронением кургана № 1, найдены фрагменты 24 амфор Пепарета (Солоха II), Гераклея, Менды (мелитопольского типа), Синопы и неизвестного центра. Однако во рву найден фрагмент ручки с венчиком мендейской амфоры с энглифическим клеймом в виде колечка, идентичный по форме, тесту и клейму амфорам из погребения № 2, что указывает на то, что какая-то часть фрагментов амфор из рва относится к чуть более поздней тризне, связанной уже с этим погребением (рис. 87–88).

В погребении № 2 найдены три амфоры производства Менды мелитопольского типа с энглифическими клеймами на ручках в виде несомкнутых колечек с риской или без в разгеме (рис. 94). Амфоры из погребения № 2 и фрагмент венчика и ручки с клеймом идентичной амфоры из тризны по составу теста, небрежности в изготовлении, характеру обработки поверхности, форме и размерам весьма близки мендейской амфоре из Северной Могилы Чертомлыка. Энглифическое клеймо в виде колечка известно и в тризне Чертомлыка на ручке также мендейской амфоры [Чертомлык, 1991: кат. 226; Полына, 1991: 370, 372, рис. 3, 16–19].

Амфора из погребения № 6 также производства Менды мелитопольского типа (рис. 119). По форме и размерам сходна с амфорами из погребения № 2, заметно отличаясь от них высоким качеством теста и обработки поверхности. В погребении № 3 найдена ручка амфоры, совершенно идентичная по форме, составу теста и характеру обработки поверхности амфоре из погребения № 6.

В составе тризны и в погребениях господствуют амфоры Менды мелитопольского типа середины – третьей четверти IV в. до н. э. – 22 амфоры из 29 найденных во всех комплексах кургана. Гераклеийские амфоры по характерной форме цилиндрических ножек и ломаной профилировке ребра тулова относятся к позднему типу гераклеийских амфор – тип II по И.Б. Брашинскому, хорошо известному в курганах середины – второй половины IV в. до н. э. Амфора неизвестного центра принадлежит к редкому типу. Такая же амфора найдена в тризне кургана № 8 группы Черединой Могилы, датирующейся началом 340 гг. до н. э. [Монахов, 1999: 346]. Датировка амфор Пепарета (Солоха-II) и Синопы охватывает это время.

В целом амфорные комплексы Соболевой Могилы обнаруживают тесное хронологическое единство и принадлежат к короткому периоду времени в пределах третьей четверти IV в. до н. э. Согласно исследованию М.Ю. Трейстера, серебряная посуда из Соболевой Могилы изготовлена в середине – третьей четверти IV в. до н. э.

Аналогии и параллели в других курганах Скифии

Относительная датировка

Здесь суммированы аналогии и прямые соответствия нашим находкам в курганах высшей скифской элиты Северного Причерноморья, имеющие значение для определения их относительной и абсолютной датировки. Соответствующий анализ проделан в разделах 4.17–18., 4.21–24. Там же приведены все ссылки на литературу.

БАБИНА МОГИЛА. На одном из псалиев из Бабиной Могилы сохранилась орнаментация в виде поперечных нарезок (рис. 68, 2). Орнаментация сходного характера в виде поперечных рельефных поясков отмечена на одном из псалиев в Чертомлыке. Ромбический налобник с изображением Эроса или Диониса (табл. 9, 4.) имеет форму, сходную с налобниками из Цимбаловой и Толстой могил. Овальный налобник с изображением крылатой Ники из Бабиной Могилы (табл. 9, 1–2) является абсолютной аналогией налобнику из Александрополя (табл. 9, 3 – ДГС, I: Атлас: табл. XIV, 5). Высока вероятность изготовления этих налобников одной матрицей.

Бронзовые навершия с фигурками птичек сверху, сходные с нашим, найдены в Александропольском (2 экз.) и Краснокутском (2 экз.)

курганах, Чертомлыке (2 экз.), Каменской Близнице (1 экз.). В целом наше навершие органически вписывается в эту серию, хотя и не имеет полных соответствий (рис. 47, 1). Фрагментированное навершие с плоскостным изображением животного и человека чрезвычайно похоже на навершия из Близницы Слоновской (рис. 47, 2).

Для всего набора круглых блях всех размеров из украшений погребального кортежа (рис. 48, 1–5; 51; 111, 3) имеются соответствия только в Краснокутском кургане. Бляхи крупного и среднего размера найдены в Толстой, Плоской, Деисовой и Гаймановой могилах, в насыпи Чертомлыка, Огузе, в Александропольском и Мелитопольском курганах, в курганах № 2 в Носаках, № 14 в Гюповке, № 6 в Водославке, № 3 в Песках. Бляхи малого диаметра – 2,5 см, наряду с крупными диаметром 6 см, найдены в Татьянинной Могиле. Ромбические плоские бляшки (рис. 48, 6–9; 52, 2–3, 8–9) являются редкой находкой и представлены только в Огузе и Мелитопольском кургане. Трубочки-пронизи и муфточки, частично надетые на эти пронизи (рис. 52, 4–7, 10–14), известны только в Толстой Могиле, в Бердянском и Александропольском курганах.

Золотой венчик с шумящими подвесками от головного убора из Бабиной Могилы (рис. 66) имеет прямые аналогии по конструкции в Девом и Рыжановском курганах. Серию из 4 аналогичных по конструкции венчиков, дают женские головные уборы из Чертомлыка. В Куль-Обе и в кургане в Аджимушкае в окрестностях Керчи представлены сходные венчики головных уборов, отличающиеся более изысканной работой.

Золотая миниатюрная поделка в виде щитка с 5-лепестковой розеткой и подвеской (табл. 12, 3) имеет аналогии в Александрополе, в знаменитых феодосийских серьгах, а также в ожерелье из кургана № 1 в Феодосии 330–300 гг. до н. э., в паре золотых подвесок из каменной гробницы в некрополе Пантиконея 1840 г., датирующейся около 350 г. до н. э., и в декоре пары серег из Куль-Обы. Сходные подвески, но с иными щитками, использованы в оформлении непарной серьги из Куль-Обы, в паре серег из Большой Близницы. Такие же подвески без щитков использованы в оформлении женского головного убора из Куль-Обы и Александрополя.

Крупная круглая бляшка с изображением двух крылатых драконов в геральдическом расположении относится к редким (табл. 12, 30).

Бляшки несколько меньших размеров с аналогичным сюжетом и без ажурных прорезей происходят из курганов Орел и № 15 могильника Золотая Балка, а также Александропольского кургана.

Круглая золотая бляшка с изображением Медузы (табл. 12, 31) пополняет многочисленную серию находок таких бляшек, отличающихся исключительным разнообразием. Прямые аналоги среди них отсутствуют. Подобные бляшки найдены в Куль-Обе, Толстой, Хоминой, Чмыревой, Татьяниной и Денисовой могилах, Александропольском, Мелитопольском, Геремесовом, Деевом и Рыжановском курганах, Цимбалке, Чертомлыке, Огузе, Большой Близице, Верхнем Рогачике, Шульговке, кургане Ташенак.

Крупные золотые бляшки в виде пальметки (табл. 12, 37–39) обнаружены в Мелитопольском кургане, в Гаймановой Могиле, в кургане Ташенак, Шульговке, в кургане № 15 могильника Золотая Балка. Сходные бляшки малого размера найдены в Александрополе.

Золотая бляшка с изображением летящего орла (табл. 12, 29) имеет соответствия, но не аналогии, в таких курганах, как Огуз, Александрополь, Желтокаменка, Карагодеуашх, Большая Близица, Старший Трехбратний курган, Чмырева Могила, Орел, Носаки курган № 4.

Золотая бляшка со схематичным изображением лотоса (табл. 12, 25) в нескольких вариантах обнаружены в Куль-Обе, кургане Ташенак, Гаймановой и Татьяниной могилах, Большой Близице. Аналогичные найденной в Бабиной Могиле бляшки присутствуют только в комплексе Александрополя.

Золотые круглые бляшки с гладкой полусферической серединкой и кольцом орнамента по краю в виде двойного меандра (табл. 12, 1–2) имеют аналогии только в кургане Александрополь.

Золотая круглая бляшка со схематическим изображением пышного соцветия с гладкой полусферической серединкой и рубчатым пояском по краю (табл. 12, 6) имеет определенные соответствия в Огузе и Татьяниной Могиле, где также изображения лишены пояса.

Круглая золотая полусферическая гладкая бляшка с узким рубчатым пояском по краю (табл. 12, 5) имеет аналогии только в Чертомлыке и Александрополе.

Золотая круглая бляшка с выпуклым схематичным изображением в фас личины то ли человека, то ли льва с рубчатым пояском по

краю (табл. 12, 27) имеет аналогии в Огузе, 1-м Мордвиновском кургане и Шульговке.

Золотая фигурная бляшка с изображением 8-лепесткового цветка с чередующимися заостренными и закругленными лепестками (табл. 12, 24) имеет единственную аналогию в Александрополе.

Фигурная миниатюрная бляшка в виде багтика (табл. 12, 26а) представлена в Александрополе, Рыжановском кургане, Малом кургане возле Огуза, кургане № 4 у с. Владимировка, Кальковой Могиле.

ВОДЯНА МОГИЛА. В составе тризны кургана имеются фрагменты амфор Менды (мелитопольского типа) имеющие точные соответствия в тризне кургана Чертомлык.

Нахрапник из конского захоронения (рис. 19, 1) ближайшее сходство находит в узле Лемешева кургана, а по основным характеристикам входит в большую серию нахрапников типа Соболева Могила – Мелитопольский курган – Александрополь – Толстая Могила – Огуз – Краснокутский курган – Чертомлык – Козел – Страшная Могила.

«Птицеклювые» нащечники из того же захоронения (рис. 19, 2–3) также хорошо представлены в курганах высшей знати Северного Причерноморья той же серии: Огуз, Чертомлык, Толстая, Чмырева и Страшная Могила, Мелитопольский и Лемешев курганы. При известном сходстве формы и близости размеров, они различаются между собой по характеру гравированного орнамента.

СОБОЛЕВА МОГИЛА. Три амфоры из погребения № 2 производства Менды (рис. 94) и фрагмент венчика и ручки с клеймом идентичной амфоры из тризны весьма близки амфоре из Северной Могилы Чертомлыка, датированной С.Ю. Монаховым рубежом 340–330 гг. до н. э. [Монахов, 1999: 406].

Шейная гривна из погребения № 2 (табл. 14, 1) по орнаментации стержня сопоставима с гривнами из Куль-Обы, погребения № 3 Гаймановой Могилы, из СЗ камеры Чертомлыка, Рыжановского кургана, кургана № 2 у с. Пески и ряда других памятников этого времени, не содержащих надежных датировочных материалов. Все они, за исключением гривен из Куль-Обы и Песков, имеют и близкое оформление наконечников в виде лежащих на брюхе хищников. Спиральные многовитковые браслеты (табл. 14, 5) имеют сходство с браслетом из Деева кургана. Золотые бляшки, украшавшие одежду, в виде 9-лепестковой розетки (табл. 18, 5в) хорошо известны в курганах скифской

знати – в Куль-Обе, Огузе и Гаймановой Могиле. Очень близкие бляшки, отличающиеся только меньшей величиной круглой серединки, найдены в Чертомлыке, Александрополе, Большой Близнице и Татьянинной Могиле.

Канты горита из Соболевой Могилы (табл. 17, 1, а, с, е) имеют прямые аналогии в Чертомлыке, в Александропольском кургане и Карагодеуашхе.

Из трех типов ажурных бляшек с изображением пальметок, украшавших горит, только каплевидные бляшки (табл. 17, 2, с) имеют единственную аналогию в первичном погребении № 1 Хоминой Могилы.

Длинная ажурная пластина с пышным греческим растительным орнаментом, украшавшая горит (табл. 17d), по ряду элементов находит соответствия в ажурных пластинах из Татьянинной Могилы, кургана № 22 у с. Вольная Украина, в полосах пышного орнамента с использованием сходных элементов на горитах чертомлыцкой серии, на бронзовой полосе нагрудного ремня коня из Мелитопольского кургана, золотых пластинах головных уборов из Деева кургана и Чертомлыка и метопиде из кургана № 2 у с. Вольная Украина, на пекторали из Толстой Могилы, где этот орнамент выполнен в икной технике.

Ажурная пластина с изображением двух шестикрылых драконов со змеиными телами, скрученными в кольцо (табл. 18, 1), находит соответствия на пластине из Александрополя с изображениями двух четырехкрылых драконов в геральдической позиции.

Золотая орнаментированная обкладка рукояти однолезвийного меча из Соболевой Могилы (табл. 19, 2-3) чрезвычайно близка, если не идентична, накладкам однолезвийных мечей из Чертомлыка, Рыжановки и кургана № 9 у с. Пески. Эти мечи имеют также и серебряные коробчатые наконечники ножен.

Четыре серебряных нахрапника из тайника в погребении № 3 (табл. 21, 3, 4f, 5) пополняют большую серию находок этого типа из курганов высшей скифской знати Северного Причерноморья, таких как Мелитопольский и Краснокутский курганы, Толстая и Страшная могилы, Огуз, Александрополь, Чертомлык, Козел.

Нащечники из того же тайника (рис. 113) среди древностей Скифия имеют параллели только в Краснокутском кургане.

Детская шейная гривна из погребения № 6 (табл. 22, 2) по орнаментации стержня на участках, прилегающих к наконечникам,

и гладкий стержень на большей части обнаруживает сходство с гривнами из Куль-Обы, из СЗ камеры Чертомлыка, Рыжановского кургана и кургана № 2 у с. Пески и др.

Серьги с подвеской, сходные с серьгой из погребения № 6 (табл. 22, 3), с иными изображениями на подвесках известны в захоронении конюха в кургане Чертомлык, кургане № 17 в Золотой Балке и Песочинских курганах.

Подведем итог этому беглому перечню.

БАБИНА МОГИЛА по основным категориям инвентаря имеет полные аналогии в Александрополе (6 случаев), Чертомлыке (2 сл.), Огузе (1 сл.), Рыжановке (1 сл.). Прямые соответствия и параллели имеются в Александрополе (9 сл.), Краснокутском кургане (7 сл.), Толстой Могиле (6 сл.), Огузе (6 сл.), Мелитополе (5 сл.), Чертомлыке (4 сл.), Куль-Обе (3 сл.), Большой Близнице (3 сл.), Гаймановой Могиле (3 сл.), Цимбалке (2 сл.), Рыжановке (2 сл.), Чмыревой Могиле (2 сл.), Ташенаке (2 сл.), Бердянском кургане (1 сл.), Хоминой Могиле в погребении № 3 (1), кургане Орел (1), Деевом кургане (1), Каменской Близнице (1), Близнице Слоновской (1), Шульговке (1), Желтокаменке (1), Карагодеуашхе (1), Старшем Трехбратнем кургане (1), Татьянинной Могиле (1) и Золотой Балке курган № 15 (1).

ВОДЯНА МОГИЛА. Вещи отсюда имеют прямые соответствия в Чертомлыке (3), Толстой Могиле (2), Мелитополе (2), Огузе (2), Страшной Могиле (2), Лемешевом кургане (2), Краснокутском кургане (1), Александрополе (1), кургане Козел (1) и Чмырева Могиле (1).

СОБОЛЕВА МОГИЛА. Аналогии отмечены в курганах Чертомлык (4), Рыжановка (2), курган № 9 у с. Пески (2), Куль-Оба (1), Огуз (1), Александрополь (1), Гайманова Могиле (1), Карагодеуашх (1), Хомина Могиле погребение № 1 (1). Прямые соответствия имеются в курганах Чертомлык (8), Куль-Оба (3), Мелитополь (2), Александрополь (2), Толстая Могиле (2), Огуз (2), Краснокутский курган (2), Гайманова Могиле (2), Рыжановка (2), Пески курган № 2 (2), Деев курган (2), Козел (1), Страшная Могиле (1), Лемешев курган (1), Большая Близница (1), Татьяна Могиле (1), 8-й Пятибратний курган (1), Ильинцы (1), Золотая Балка курган № 17 (1), Песочинские курганы (1).

Случаи прямых аналогий являются решающими для определения относительной и абсолютной хронологии как для наших курганов, так и для исследованных ранее. Не меньшее значение имеют и установленные многочисленными единичными прямыми соответ-

вия, поскольку комплексы Бабиной, Водяной и большинства захоронений Соболевой могил из-за сокрушительных ограблений, нередко двойных, известны нам далеко не полностью, как не полностью, по тем же причинам, нам известен и состав инвентаря большинства курганов, использованных для сопоставления.

В таблице все это выглядит следующим образом:

Наименование памятника	Бабина Могила (аналог/соотв.)	Водяна Могила (аналог/соотв.)	Соболева Могила (аналог/соотв.)
Александрополь	6/9	0/1	1/2
Чертомлык	2/4	0/3	4/8
Огуз	1/6	0/2	1/2
Рыжановки	1/2		2/2
Краснокутский к-н	0/7	0/1	0/2
Толстая Могила	0/6	0/2	0/2
Мелитопольский к-н	0/5	0/2	0/2
Куль-Оба	0/3		1/3
Большая Близница	0/3		0/1
Гайманова Могила	0/3		1/2
Цимбалка	0/2		
Чмырева Могила	0/2	0/1	
Желтокаменная	0/1		
Старший Трехбратний к-н	0/1		
Карагодеушх	0/1		1/0
8-й Пятибратний к-н			0/1
Хомина Могила П. № 1			1/0
Хомина Могила П. № 3	0/1		
Каменная Близница	0/1		
Близница Слоновская	0/1		
Ильинцы			0/1
Шульговка	0/1		
Орел	0/1		
Дев курган	0/1		0/2
Татьянина Могила	0/1		0/1
Золотая Балка к-н № 15	0/1		
Золотая Балка к-н № 17			0/1
Козел		0/1	0/1
Страшная Могила		0/2	0/1
Лемешев к-н		0/2	0/1
Пески курган № 2			0/2
Пески курган № 9			2/0

За исключением курганов Бердянского и Ташенак, датирующихся первой – началом второй четвертей IV в. до н. э. [Полім, 2000: 109], все имеющиеся прямые аналогии и соответствия содержатся в курганах середины – второй половины IV в. до н. э.

Из этих курганов для нас имеют решающее значение датировки курганов Чертомлык, Краснокутского и Рыжановского, Александрополя, Каменной Близницы, Хоминой Могилы погребение № 3.

Остановимся на курганах, дата которых на сегодняшний день достаточно уверенно определяется по датировкам греческой керамики.

СОЛОХА. И.Б. Брашинский по амфорам датировал первой половиной – серединой IV в. до н. э. центральное захоронение и серединой столетия боковое захоронение Солохи [Брашинский, 1965: 97–98]. Согласно А.П. Манцевич, установить разницу во времени между захоронениями Солохи по вещам невозможно, что свидетельствует об их практической одновременности или чрезвычайно малой, археологически неуловимой, разнице во времени. Абсолютную дату обоих погребений Солохи А.П. Манцевич определяла около рубежа V–IV вв. до н. э. [Манцевич, 1987: 118–121].

Определенную эволюцию прошла датировка Солохи у А.Ю. Алексеева. Первоначально он, отмечая близость ряда вещей из Толстой Могилы вещам из впускного погребения Солохи, предлагал достаточно поздние датировки кургана, близкие предложенным И.Б. Брашинским. Для чернолакового килика из впускного захоронения, датированного Н.А. Онайко не позднее второй четверти IV в. до н. э. [Онайко, 1970: № 326], А.Ю. Алексеев нашел ближайшие аналогии на Афинской Агоре среди сосудов рубежа V–IV, начала IV в. до н. э. Но по датировкам таких сосудов Т. Иванова из Апполонии Понтийской он предлагал расширить эту дату до середины столетия [Алексеев, 1987: 32]. Однако, как показал специальный анализ основ хронологии некрополя Апполонии Понтийской, она построена на ошибочных основаниях и абсолютно непригодна для датирования керамики IV–III вв. до н. э. [Полім, 1992: 147–152]. Поэтому нет никаких оснований для выведения датировки впускного погребения Солохи за пределы первой – позднее начала второй четверти IV в. до н. э. [Алексеев, 1984: 75]. В более поздних работах даны следующие даты: 420–400 гг. для Центральной гробницы, и 400–380/370 гг. до н. э. для впускной [Алексеев, 1992: 146–148; 1996: 103].

С.Ю. Монахов килик из впускного погребения Солохи датирует ранним IV в. до н. э., а амфоры оттуда же – 350-ми гг. до н. э. [Монахов, 1999: 240–243].

БЕРДЯНСКИЙ КУРГАН. Первоначально предполагалась датировка кургана около рубежа V–IV вв. до н. э. на основании близости ряда вещей к находкам из Солохи [Фалко, 1987: 77; 1988: 165; Болтрик, 1994: 135; Алексеев, 1992: 148]. По комплексу клейменных фасосских амфор, набору краснофигурной и чернолаковой керамики курган надежно датируется концом первой – началом второй четверти IV в. до н. э. [Монахов, 1999: 287; Полин, 2000: 109].

ТАЩЕНАК. Фрагменты краснофигурного кратера первой четверти IV в. до н. э. происходит из впускного погребения [Болтрик, 1991-Б: 7, рис.; Фалко, 2001: 83]. Учитывая характер инвентаря и развитой тип погребальных катакомб, погребение может датироваться второй четвертью IV в. до н. э.

ДВУТОРБАЯ МОГИЛА. По набору фасосских и гераклийских амфор датируется рубежом 390–380-х гг. до н. э. [Монахов, 1999: 163].

ТОЛСТАЯ МОГИЛА. И.В. Брашинский датировал мендейские амфоры из трианы в пределах второй–третьей четвертей, уникальную трехручную фасосскую амфору из Центральной гробницы первой половиной IV в. до н. э., а сооружение кургана отнес к третьей четверти столетия. Позднее он отодвинул эту дату к середине века [Брашинский, 1978: 68; 1979: 138]. На основании датировок греческой керамики из погребений и трианы кургана В.Н. Мозолевский все три захоронения кургана, очень близкие во времени, датировал в пределах середины – начала третьей четверти IV в. до н. э. [Мозолевский, 1979: 229].

Н.А. Онайко отметила близость стеклянных фиал из Толстой Могилы и Курджипса, а также установила хронологические рамки для бляшек с изображением нападения льва на ланя в пределах 350–330 гг. до н. э. и на этом основании датировала Толстую Могилу третьей четвертью IV в. до н. э., возможно, даже ее концом [Онайко, 1982: 258]. Однако эти поправки не имеют силы. Стеклянная фиала из Курджипса на основании надежных аналогий датирована Л.К. Галаниной серединой – второй половиной IV в. до н. э. находка подобной чаши в Грузии в погребении середины V в. до н. э. указывает на возможность и более ранней датировки [Галанина, 1980: 33–34]. Ограничение датировки типа золотых бляшек по

херсонесским монетам 350–330 гг. вряд ли правомерно, поскольку сама Н.А. Онайко отметила, что изображение для херсонесских монет заимствовано с кизакинов, что значительно расширяет ранний хронологический диапазон. Да и херсонесские монеты имеют достаточно широкую датировку – «около 350–330 гг. до н. э.» [Зограф, 1951: 148, табл. XXXV, 11; Амохин, 1977: 136, № 57–59, табл. IV, 57–59].

Близкую предложенной Н.А. Онайко, дату – 345/340–320 гг. – предложил и А.Ю. Алексеев, несколько расширив аргументацию. О более позднем возрасте кургана, по его мнению, свидетельствует общность ряда находок из Толстой Могилы с более поздними курганами, такими как золотая пектораль в склепе 4 Большой Близницы, датируемом концом IV или рубежом IV–III вв. до н. э. [Пругло, 1974: 77], стеклянная фиала и трехручная амфора в Курджипсе 325–300 гг. до н. э. [Галанина, 1980: 55]. Если парадная золотая пектораль и стеклянная фиала, имеющие широкий хронологический диапазон, не дают узкую дату кургана, то находка трехручной амфоры в Курджипсе, по мнению А.Ю. Алексеева, гораздо убедительнее свидетельствует о более позднем возрасте Толстой Могилы. О том же свидетельствует и близость Толстой Могилы и Цимбалки, датируемой по фасосскому клейму 340–320 гг. до н. э. Кроме того, целый ряд золотых бляшек и украшений головного убора из Толстой Могилы имеют соответствия или аналоги в Мелитопольском и Чертомлыцком курганах, а также в Огузе. Все это, по мнению А.Ю. Алексеева, свидетельствует о датировке Толстой Могилы в пределах 340–320 гг. [Алексеев, 1982: 35; 1987: 32].

Позднее А.Ю. Алексеев несколько расширил дату Толстой Могилы до 350/340–320 гг. до н. э. для всех трех захоронений кургана [Алексеев, 1992: 150]. Еще позже Толстая Могила была отнесена к середине – третьей четверти столетия и в целом ко времени Атея, захоронение которого в первичной гробнице предполагает исследователь [Алексеев, 1996: 103–104]. Последнее требует определенного насилия над датировкой амфорных и керамических материалов, ее затягивание в третью четверть столетия.

Из дальнейшего анализа датировок скифских курганов Северного Причерноморья станет ясно, что из приведенных А.Ю. Алексеевым аргументов в пользу «омоложения» Толстой

Могилы мог бы иметь силу только случай находки идентичных трехручных амфор в Толстой Могиле и Курджипсе. Но так ли это?

В Северном Причерноморье известны 4 находки трехручных амфор. Помимо упомянутых, это амфоры из Елизаветовского городища и кургана № 66 у с. Бобрца [Брашинский, 1980: 33, табл. XXIII, 10; Бобринский, 1901: 129–130]. Елизаветовскую амфору А.Ю. Алексеев исключил из числа аналогий, поскольку ее ручки имеют овальное сечение и равномерно располагаются вокруг горла, что ее отличает от сосуда из Толстой Могилы. Но это неверное основание для исключения. Дело в том, что ручки елизаветовской амфоры отбиты, и сохранились лишь их основания в местах прикрепления к корпусу. Но ведь и ручки амфоры из Толстой Могилы внизу, в месте прикрепления к тулову, также имеют овальное сечение. На них наложен валик, расположенный по длине ручки, не доходит до ее окончаний [Монахов, 1979: 66]. Так что формально елизаветовская амфора вполне пригодна для сопоставления с амфорой из Толстой Могилы. Но самое интересное в елизаветовской амфоре другое. И.Б. Брашинский по тесту сопоставил ее с родосскими амфорами. Любопытно и ее метрические данные – диаметр плечей 26 см. Пифонидная фасосская амфора из Толстой Могилы имеет диаметр плечей 49 см. То есть, елизаветовская амфора относится к обычным амфорам с коническим туловом средней емкости. Из всего сказанного важно то, что такие, единственные в своем роде, амфоры, тем не менее, не составляли единовременный малотиражный выпуск одного центра, а являются продукцией разных производителей, относятся к различным типам и имеют различную хронологию.

Амфора из Курджипса, по мнению А.Ю. Алексеева, удовлетворяет все требования аналогии. Что же мы о ней знаем? Рисунка ее нет, и можно руководствоваться только скупым описанием В.М. Сысоева, из которого следует, что ручки сосуда длиной около 25 см, толщиной 4,5 x 4 см, были свиты «из трех глиняных веревочек. Дно кончается тупиком (? – П.С.), длина обломка до 15 см (? – П.С.), диаметр дна около 6 см. Глина красноватая; полная длина сосуда около 1 арш.» Из изображения амфоры сверху на плане погребения А.Ю. Алексеев сделал вывод о неправильном расположении ручек курджипской амфоры вокруг горла [Алексеев, 1987: 30–31; Галанина, 1980: 32, 117, № 140].

Из этого описания можно понять только, что амфора имела высокие витые ручки – явление совершенно уникальное для амфор. Их длина в 25 см свидетельствует о совершенно другой морфологии курджипской амфоры – наличии высокого цилиндрического горла при общей высоте сосуда около 70 см. В описании нет ничего для характеристики размеров и формы тулова (является ли оно пифонидным), трудно понять, сохранилось ли дно. А как показало сопоставление амфор из Толстой Могилы и Елизаветовского городища, все это весьма существенно.

Ручки амфоры из Толстой Могилы сложно-профилированные, снизу овальные, сверху фигурно уплощены и снабжены по длине округлым в разрезе валиком. Здесь нет ни малейшего намека на их витой характер. Просто овальные ручки, с учетом объема (по С.Ю. Монахову – 52,53 л) и соответствующего веса амфоры, усилены наленным валиком. Высота мощных коротких ручек здесь составляет 16,5 см при высоте сосуда 78 см, что обусловлено общей морфологией амфоры – ее пифонидностью.

О трехручной амфоре из кургана № 66 у с. Бобрца известно немного: большая красноглиняная амфора с тремя ручками, полностью раздавленная грунтом. Однако весьма красноречива ее датировка началом IV в. по набору греческой керамики [Бобринский, 1901: 129–130; Ильинская, 1983: 274; Овайко, 1970: № 662, 734].

Кажется, всего изложенного по трехручным амфорам вполне достаточно, чтобы отвергнуть предполагаемую тождественность амфор из Курджипса и Толстой Могилы, а тем более их синхронность или хронологическую близость [Алексеев, 1987: 31]. Амфора из Толстой Могилы имеет вполне твердую датировку в пределах первой половины IV в. до н. э. [Брашинский, 1978: 68] и по своей форме прочно связана с фасосскими формами V в. до н. э. [Монахов, 1996: 71, рис. VII, 1–2; Абрамов, 1998: 11, Рис. 1, тип III-A]. Совершенно неожиданную дату для амфоры из Толстой Могилы недавно предложил С.Ю. Монахов. Выделяя «порфмийскую» серию редких форм фасосских амфор, все документированные находки которых датируются первой третью IV в. до н. э., совершенно уникальную амфору этой же серии из Толстой Могилы, по-видимому, отталкиваясь от датировки курджипской амфоры, он отнес к третьей четверти IV в. до н. э. [Мона-

лов, 2002: 61). Такая датировка не может быть принята в силу приведенных выше аргументов.

В целом представляется, что нет оснований для пересмотра датировки Толстой Могилы, предложенной Б.Н. Мозолевским, – середина – начало третьей четверти IV в. до н. э.

ЦИМБАЛКА. А.Ю. Алексеев отметил близость кургана по ряду черт Толстой Могиле с одной стороны и курганам Чертомлык и Козел с другой. В насыпи найдено фасосское клеймо позднего типа с надписью в две строки вдоль длинных сторон – ΘΑΣΙΩΝ / ΑΡΙΣΤ ... и эмблемами «букраший» и «звезда». «Звезда» является решающей в определении даты. По хронологии Ю.Г. Виноградова, клейма с такими звездами относятся к подгруппе 5-А 340–320 гг. до н. э. [Виноградов, 1970: 35, сл.].

На этом основании, а также по ряду аналогий вещам из кургана в курганах Чертомлык, Курджипс и склепе № 4 Большой Близицы, которые, по его мнению, датируются последней третью IV в. до н. э., А.Ю. Алексеев предложил и Толстую Могилу отнести к этому же – 340–320 гг. или чуть более раннему времени – 345–320 гг. до н. э. [Алексеев, 1982: 35]. Последняя датировка Цимбалки А.Ю. Алексеева 340 г. до н. э. [Алексеев, 1996: 104].

По датировкам С.Ю. Монахова и В.И. Каца, группа фасосских клейм с эмблемой «звезда» находится в интервале 340–335 гг. до н. э., когда происходит переход от клейм ранних к поздним [Монахов, 1999: 390; Кац, 1999: 107]. Однако в последней фундаментальной классификации фасосских клейм И. Гарлан клейма с эмблемой «звезда», в том числе и клеймо из Цимбалки, включил в группу P-1, которую датирует 350–350 гг. до н. э. [Garlan, 1999: 68–69, 199, 201, 217, 230, № 602]. По-видимому, при таком разном в подходах оптимальной будет датировка в пределах 350–330 гг. до н. э., с вероятностью ее размещения где-то около середины интервала – в 350–340 гг., что определяет датировку Цимбалки и, соответственно, снимает необходимость омоложения Толстой Могилы.

МЕЛИТОПОЛЬСКИЙ КУРГАН. Н.А. Онайко отметила, что золотые бляшки из женского погребения копируют тип боспорских статеров второй половины, не позднее начала последней четверти IV в. до н. э. По форме мотива изображения голова сатира на этих бляшках стоит ближе к монетному типу 330–315 гг., а по сравнению мягкой трактовке лица этого божества к эмблемам монет более раннего времени. По-видимому, в определении датировки здесь

сыграла роль и чернолаковая керамика из того же погребения, датированная ею серединой IV в. до н. э. [Онайко, 1970: 17, 49, № 301, 343, 346, 356, 494-ж].

А.Ю. Алексеев в датировке кургана сделал акцент на бляшках монетного типа, без учета более ранних датировок чернолаковой керамики. Он соотнес их со статерами позднего типа последней трети столетия или 330–315 гг. до н. э., на основании чего датировал курган в интервале 330–310 гг. до н. э. [Алексеев, 1984: 75; 1987: 35; 1992: 152–153], что неверно, поскольку хронология боспорских монет не является твердо установленной, особенно для пантикапейских статеров поздних типов (см. ниже раздел 4.26). Здесь более точными являются датировки по керамическим материалам. Б.Н. Мозолевский, по сходству амфор Мелитопольского и Желтокаменского курганов, датировал женское погребение Мелитопольского кургана по последнему на основании фасосских клейм в пределах 340–320 гг., ограничивая в целом время кургана концом третьей – началом последней четверти IV в. до н. э. [Мелитополь, 1988: 147–148]. С.Ю. Монахов комплекс керамики из женского погребения датирует концом 340 – первой половиной 330 гг., исключая Мелитопольский курган в целом в круг памятников 340–330-х гг. до н. э. [Монахов, 1999: 405], что вполне согласуется с датировками чернолаковой керамики Н.А. Онайко и позволяет твердо помещать памятник в пределы третьей четверти IV в. до н. э.

КУЛЬ-ОБА. И.Б. Брашинский по клейму и форме фасосской амфоры из насыпи датировал курган концом третьей – последней четвертью IV в. до н. э. [Брашинский, 1965: 104; 1975: 37]. Н.Л. Грач установила параллели разновременных погребений в Куль-Обе, первичного – времени впускного погребения Солохи, и более позднего – времени Чертомлыка, хронологическая близость комплекса Куль-Обы к которому подтверждается многими, почти буквальными, вещевыми соответствиями [Алексеев, 1992: 156; Чежина, 1994: 108]. В последней работе А.Ю. Алексеев дает дату 390–380 гг. для первичного захоронения и для впускного (или двух?) – около 330 г. до н. э. [Алексеев, 1996: 104].

Вопрос о датировке позднейшего погребения Куль-Обы подробно рассматривался в разделе 4.20 в связи с датировкой фасосских клейм из Водяной Могилы, где сделан вывод о датировке фасосской амфоры с клеймом Аретона из Куль-Обы и, соответственно, впуск-

ного погребения этого кургана в пределах 350–330 гг. до н. э.

ГАЙМАНОВА МОГИЛА. А.Ю. Алексеев для Гайманки называет дату 350 г. до н. э. и в целом относит ее к середине – третьей четверти IV в. до н. э. – времени деятельности Агея [Алексеев, 1996: 103–104], т. е., ранее 339 г. до н. э. Согласно последней хронологии И. Гарлана, клеймо фасосской амфоры из Северной гробницы кургана входит в группу F-1, которая датируется в пределах 360–350 гг. до н. э. [Garlan, 1999: 68–69, 199, 220, № 614, Pl. VI, 614/5]. По разработкам С.Ю. Монахова комплекс амфор из Северной Могилы с учетом даты фасосского клейма датируется серединой 330-х гг. до н. э. [Монахов, 1999: 390]. По-видимому, как и в случае с Цимбалкой, будет логично избрать среднюю дату в интервале 360–330 гг. до н. э. около 350–340 гг. до н. э.

КАРАГОДЕУАШХ – раннехерсонесские амфоры из кургана датируются не позже третьей четверти IV в. до н. э. С.Ю. Монахов, отмечая, что за последние годы появились данные для удреждения нижней границы этого типа амфор где-то до 360-х гг., полагает, что верхняя граница – конец третьей четверти – осталась неизменной, и наиболее вероятная дата кургана находится в пределах третьей четверти IV в. до н. э. [Виноградов, 1993: 70; Монахов, 1999: 412].

8-Й ПЯТИБРАТНИЙ КУРГАН. Отсюда происходит комплекс амфор, состоящий из 5 синопских амфор (одна с клеймом ХΑΒΡΙΑ | ΑΣΤΥΝ | ΘΥΑΙΟ – эмблема «гроздь») и 9 гераклийских с клеймами магистратов Андроника и Лисифей (ΑΤΤΗΣ | ΕΠΙ ΑΝΔΡΟΝΙ και ΑΤΤΗΣ | ΛΥΣΙΦΕ – эмблема «гроздь» – 3 экз., ΣΤΑΣΙΧΟΡΟΣ | ΛΥΣΙΦΕ – эмблема «гроздь») Архина и Писиграта (ΙΑΧΧΟΥ ΕΠΙ Π | ΕΙΣΙ – 2 экз. и ΙΑΧΧΟΥ ΕΠ | Ι ΑΡΧΙΠΠΟ). Датировка этого комплекса давно является предметом споров, причем все упирается в датировку синопского клейма Хабрия. И.Б. Брашинский первоначально, отталкиваясь от хронологии Б.Н. Гракова, датировал его рубежом третьей и четвертой четвертей IV в. до н. э. Б.А. Василенко, значительно удреждавший синопскую хронологию, относил Хабрия к началу второй четверти столетия, в результате чего И.Б. Брашинский отнес Хабрия и весь комплекс кургана к третьей четверти IV в. до н. э. [Василенко, 1970: 17; 1971: 247, сл.; Брашинский, 1980: 43, сл.; 1984: 139]. А.Ю. Алексеев датирует синопское клеймо Хабрия 350–320 гг. до н. э., находит аналогии монетным

типам бляшек из кургана в боспорских монетах 340–315 гг., и, по-видимому, предпочитает дату в последнем интервале [Алексеев, 1992: 154]. С.Ю. Монахов по материалам комплексов клейм из других курганов датировал клейма Хабрия 345–340 гг. до н. э. Гераклийские клейма дают более широкий разброс дат в интервале 355–335 гг. до н. э., что в целом и определяет дату кургана [Монахов, 1999: 358–362]. По-видимому, последняя датировка на сегодняшний день является наиболее точной.

А.Ю. Алексеев относит к монетному типу бляшки из 8-го Пятибратнего кургана с изображением мужской безбородой головы вправо, которые по его мнению находят соответствие в боспорских монетах 340–315 гг. до н. э. [Алексеев, 1987: 35–36; 1992: 154]. Однако у Д.Б. Шелова эти монеты датируются по разному: № 41 – 375–360 гг., № 52 – 340–330 гг., № 55 – 330–315 гг. [Шелов, 1956: 215–216, табл. IV, 41, 52; V, 55]. По В.А. Анохину это, соответственно, 349–344 гг., 379–369 гг. и 314–310 гг. [Анохин, 1986: 140–141, № 96, 101, 113]. Этот разнобой в датах только подчеркивает условность соотнесения бляшек с монетными типами (см. раздел 4.26.).

ЧЕРТОМЛЫК. М.И. Артамонов датировал Чертомлыкский курган по серебряным амфоре и тазу, золотым обкладкам горита и ножки меча серединой IV в. до н. э., а И.Б. Брашинский по синопскому клейму из насыпи – концом IV – III в. до н. э. [Артамонов, 1966: 52; Брашинский, 1965: 100–101].

Н.А. Онайко датировала чернолаковую чашечку из камеры V Чертомлыка серединой – третьей четвертью и фрагмент венчика канфара – второй–третьей четвертями IV в. до н. э. Херсонесское клеймо из насыпи она отнесла к первой половине III в., синопское – к концу IV – началу III в. до н. э., родосское оставила без определения и датировки, а все металлические изделия из кургана импортного происхождения датировала в пределах IV в. до н. э. [Онайко, 1970: № 61, 137, 245, 310, 344, 402, 408, 409, 415, 422, 423, 433, 434, 441, 449, 461, 477, 488, 491].

А.Ю. Алексеев в датировках чернолаковой керамики, по-видимому, руководствуясь поздней датировкой амфорных клейм из насыпи Чертомлыка из раскопок И.Е. Забелина²⁰,

²⁰ При раскопках Чертомлыка в 1862–63 гг. в насыпи кургана были найдены клейма на ручках амфор: херсонесские ΕΑΝΧΟΥ | ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ, синопское ΒΟΥΥΟΣ | ΑΣΤΥΝΟ | ΦΑΣΚΡΑΤΟΥ – эмблема «гроздь» и родосское ΠΙΜΑΡΧΟΥ – в одну строку.

которые, по его мнению, существовали на рубеже IV–III вв. до н. э., ориентировался на поздние датировки в пределах второй половины IV в. до н. э. Из хронологического диапазона изделий этих типов без всяких на то оснований исключена вторая четверть – середина столетия и сделан акцент на второй половине столетия. Чашечка датирована 350–320 гг., фрагмент канфара – 350–300 гг. до н. э. [Алексеев, 1981: 76–82]. Точная аналогия с Самоса, приведенная А.Ю. Алексеевым, имеет слишком широкую датировку в пределах IV в. до н. э. и не может подтверждать позднюю дату [Tschani, 1929: 42–46, Abb. 32, 2]. Остальные аналогии для поздней датировки чашечки нельзя назвать точными. Наиболее соответствуют по профилировке – характерному утолщению стенки в месте изгиба – чашечки из Афин, датируемые 400–380 гг., 375–350 и около 325 гг. до н. э. [Sparkes, 1970: Fig. 8, № 826, 828; Rotroff, 1997: № 1075], и Фасоса середины столетия. Последняя имеет и очень близкий по схеме и характеру пальметок штампованный орнамент внутри чаши [Blonde, 1985: 299, № 99, Fig. 13, 99]. Формально сопоставимые изделия продолжают существовать на протяжении третьей четверти, одно даже заходит в последнюю четверть и датируется 325–310 гг. Но все они отличаются равномерной малой толщиной стенки [Sparkes, 1970: Fig. 8, № 830–837; Rotroff, 1997: №№ 966–984], и по этой причине их нельзя считать аналогиями. Круг наиболее точных аналогий для чашечки твердо указывает на время в пределах второй – третьей четвертей IV в. до н. э.

При датировке фрагмента канфара совершенно неоправданно обойдены весьма многочисленные аналогии конца первой четверти – середины столетия [Sparkes, 1970: № 695–699]. По материалам Олинфа, разрушенного в 348 г. до н. э., и Фасоса именно во второй – третьей четвертях IV в. до н. э., отмечается пик их производства и появление всех вариантов форм, представленных в Северном Причерноморье [Olynthus, 1950: 284–292, № 500–522, Pl. 183–192; Histria, 1978: 88–89, № 567–569, 571–572, 574–577; Blonde, 1985: 303–305, № 123–131]. Как установлено по взаимовстречаемости с клейменными амфорами в погребениях некрополей греческих городов, время бытования таких канфаров в Северном Причерноморье ограничивается второй-третьей четвертями IV в. до н. э. [Рагова, 1998: 167].

Кроме того, при анализе фрагмента венчика даже не учитывалась возможность того,

что этот фрагмент мог быть частью килико-канфара, датировка которых вообще не выходит за пределы второй-третьей четверти столетия [Sparkes, 1970: №№ 651–663].

Такие формы канфаров и килико-канфаров как будто существуют в Афинах и в последней четверти IV в. до н. э. [Rotroff, 1997: 433–473, № 36–43, 80–83]. Но при анализе комплексов, в которых обнаружены эти канфары, выясняется, что везде присутствуют материалы второй-третьей четверти столетия, и датировка таких канфаров, входящих в состав наиболее ранних материалов в этих комплексах, именно последней четвертью IV в. до н. э. представляется натяжкой. По-видимому, к этому времени такие канфары выходят из употребления, и единичные находки в комплексах последней четверти столетия можно рассматривать в качестве наследия предшествующего периода [Sparkes, 1970: 118–119; Histria, 1978: 88–89, № 570, Fig. 14, 570]. Тем более это справедливо для килико-канфаров. В целом представляются наиболее точными датировки чернолаковой керамики Н.А. Онайко в пределах второй-третьей четвертей IV в. до н. э. с акцентом на середину – третью четверть столетия [Онайко, 1970: № 310 со ссылкой на №№ 307, 344].

Поскольку даже при таком омоложении датировок чернолаковой керамики из погребения не удалось получить их согласования с датировками амфорных клейм из насыпи, А.Ю. Алексеев предложил целый набор датировок для Чертомлыка. «Широкая» дата вещевого комплекса охватывает хронологический диапазон от самой древней до самой поздней вещи в пределах V – рубежа IV–III до н. э. Основное ядро вещевого набора кургана датируется 340–320 гг. или чуть более поздним временем. «Узкая» дата кургана, установленная по чернолаковой керамике и вооружению, определялась в пределах 330–300 гг. до н. э. Захоронение в кургане было произведено в конце IV, на рубеже IV–III вв. до н. э., не ранее двух последних десятилетий IV вв. до н. э. [Алексеев, 1982-А: 18].

На основании сходства наборов золотых штампованных бляшек была установлена наибольшая близость Чертомлыка с курганами Куль-Оба, курган № 4 погребение № 1 в уроч. Носаки, Башмачка, Толстая, Чмырева и Вишневая могилы, Цимбалка, Мелитопольский, 8-й Пятибратний и Александропольский курганы, Шульговка погребение № 1, Большая Близица склеп 1, Верхний Рогачик, по како-

вечникам стрел – Башмачка, Малая Цимбалка, Цимбалка, Деев курган погребение № 1, Огуз, Краснокутский и Александропольский курганы [Алексеев, 1983: 77; 1984: 69–73; 1986: 73]. На основании степени совпадений наборов различных курганов делается вывод о хронологической близости или удаленности курганов во времени и предлагается их распределение на четыре пласта в интервале между датировками Солохи и склепа № 4 Большой Близицы. Такое распределение крайне сомнительно, поскольку большинство привлекаемых для сравнения курганов разграблено, и полнота наборов найденных в них бляшек и наконечников достаточно случайна. Поэтому оценивать степень близости памятников по количеству совпадений сложно. Даже единичное совпадение может указывать на синхронность памятников. По тем же причинам на основании их единичности, или даже отсутствия, нельзя делать вывод об отдаленности памятников во времени. Сам же автор отмечает синхронные курганы, наборы бляшек в которых совершенно различны по составу [Алексеев, 1984: 72].

Для обоснования датировки Чертомлыка А.Ю. Алексеев привлек также отдельные вещи из кургана, для которых, по его мнению, возможна точная датировка.

Четырехугольные золотые бляшки с изображением нападения льва на оленя близки к изображению на херсонесских монетах 350–330 гг., на что уже обращала внимание Н.А. Онайко [Онайко, 1982: 258], и киликийских монетах Мавра 361–333 гг. до н. э. В связи с этим А.Ю. Алексеев полагает, что нижняя дата таких бляшек ограничивается началом второй половины IV в. до н. э., а верхняя, по причине их отсутствия в наиболее поздних Александропольском, Деевом и Краснокутском курганах конца IV в., в пределах 330–320 гг. до н. э. В связи с этим возникает ряд вопросов. Н.А. Онайко в качестве исходного прототипа для этих изображений указала киликийцы, что несколько расширяет ранний рубеж. И, кроме того, если киликийские монеты датируются начиная с 361 г., то почему время изготовления бляшек исчисляется только после 350 г.? Ведь такие бляшки присутствуют в комплексе Толстой Могилы, что совершенно определенно указывает на более раннюю дату. Неблагополучно обстоит дело и с поздним рубежом. По комплексу клейм Деев курган датируется первой половиной 340-х гг. до н. э. [Монахов,

1999: 354]. Несколько более ранним временем датируются и остальные курганы.

Четырехугольные бляшки с изображением богини с зеркалом и скифа с ритонном, идентичного, по мнению А.Ю. Алексеева, с чертомлыцкими бляшками штампа, найдены в Куль-Обе, кургане № 4 в Носаках и боковой могиле Огуза. Бляшки иного штампа с тем же сюжетом, по определению А.Ю. Алексеева более позднего времени по отношению к чертомлыцкому, найдены во впускном погребении 1-го Мордвиновского, мужском захоронении Мелитопольского кургана, а также в Верхнем Рогачике. Куль-Обу А.Ю. Алексеев ошибочно датирует по датировке фасосского клейма по Ю.Г. Виноградову после 320 г., но тут же оговаривается, что полностью переносить эту дату на бляшки нельзя, поскольку синхронность амфоры, бляшек и погребений в кургане не установлена. По-видимому, отсюда следует, что бляшки должны датироваться более ранним временем, но насколько? Ведь в то время была хорошо известна точка зрения А.А. Передольской о датировке захоронения Куль-Обы концом V – началом IV в. до н. э. [Передольская, 1945: 78].

Не имея возможности установить датировку бляшек с богиней и скифом раннего штампа (хотя вопрос о том, какой из них раньше, какой позже – аргументированного решения не имеет и определяется произвольно), А.Ю. Алексеев действует от противного – определяет датировку бляшек позднего штампа и на основании этой датировки принимает более ранние даты для чертомлыцких бляшек. Датировка поздних по А.Ю. Алексееву бляшек определяется по датировке впускного погребения № 2 Мелитопольского кургана²⁷. На основании аналогий изображениям на золотых бляшках из женского погребения Мелитопольского кургана на статерах Боспора, бляшки из основного погребения датируются после 330-го г. до н. э. Соответственно, и курган датируется в интервале 330–310 гг. Чертомлыцкие бляшки, которые должны быть синхронными мелитопольским или несколько более ранними, датируются

²⁷ По наблюдениям авторов раскопок, основным погребением в Мелитопольском кургане является женское погребение № 1, вокруг которого на древнем горизонте прослежен материковый выкад, а впускным – мужское № 2 [Тереножкин, 1955; Покровская, 1955; Мелитополь, 1988: 12–14], что принял А.Ю. Алексеев. Ю.В. Волтрик изменил последовательность погребений на противоположную, что повторил С.Ю. Монахов [Монахов, 1999: 404]. Такой пересмотр призывен и не подтверждается доказательствами.

в интервале 340–320 гг. до н. э. [Алексеев, 1987: 34–35].

С.Ю. Монахов комплекс керамики из женского погребения № 1 Мелитопольского кургана датирует в пределах 345–335 гг. и включает курган в целом в круг памятников 340–330-х гг. до н. э. [Монахов, 1999: 405]. Впускное погребение Огуза по амфорам датируется 330–320 гг. до н. э. [Монахов, 1999: 406], а позднее захоронение Куль-Обы – в интервале 350–330 гг. до н. э. (см. выше).

Решающее значение для установления ранней хронологии блюшек этого типа, а также для предыдущих блюшек с изображением нападения льва на оленя имеет находка обоих этих типов в первичном захоронении № 1 в кургана № 4 в ур. Носаки. Здесь во впускном погребении № 3, самом позднем в кургане, найден великолепный набор керамики – пепаретская амфора (Солоха-II), чернолаковые килик и миска [Носаки, 1977: 117, рис. 20, 1–3]. А.Ю. Алексеев обратил внимание на аналогичность киликов из впускного захоронения Солохи и погребения № 3 кургана № 4 в ур. Носаки [Алексеев, 1992: 147]. С.Ю. Монахов, помимо этого, отмечает и аналогичность пепаретских амфор, найденных в Носаках и Солохе. Обе чернолаковые аттические чаши из кургана № 4 в Носаках относятся к началу IV в. до н. э. по аналогии с Афинской Агоры [Монахов, 1999: 241]. Миска по форме датируется около 380 г. [Sparkes, 1970: № 803], по лаковой росписи донышка снизу тем же временем и находит соответствия даже в изделиях V в. до н. э. [Sparkes, 1970: № 802, 811], по штампованному орнаменту внутри чаши находит ближайшие соответствия среди изделий 430–420 гг. до н. э. [Sparkes, 1970: № 482, 504, 532–533, 789]. Килик по форме соответствует изделиям конца V – первой четверти IV в. до н. э. [Sparkes, 1970: 617–623]. Все это указывает на датировку первичной гробницы в Носаках в пределах первой четверти IV в. до н. э. И хотя она использовалась для захоронений дважды, поскольку время первичного использования по датировке впускного погребения № 3 определяется не позднее середины первой четверти IV в. до н. э., время подзахоронения в первичную гробницу не может выходить за пределы середины столетия.

Также в пределах второй четверти, не позднее середины IV в. до н. э., датируется впускное захоронение в кургане Тащевак, где имеются аналогичные блюшки с богиней и ски-

фом [Болтрик, 1991-В: 7, рис. 1–2; Фидло, 2001: 83].

Весь этот набор дат и определяет хронологию блюшек с изображением богини с зеркалом и скифа с ритонном в пределах второй-третьей четвертей IV в. до н. э.

Датировку квадратных блюшек с двумя цветками А.Ю. Алексеев на основании аналогичных находок в женском погребении № 1 Мелитопольского кургана, центральном склепе Огуза, детском погребении Толстой Могилы определил в пределах 340–320 гг. до н. э. [Алексеев, 1987: 35; Чертомлык, 1991: № 77]. Центральный склеп Огуза, более ранний по отношению к впускной могиле кургана, датируемой 330–320 гг. до н. э. [Монахов, 1999: 406], несомненно, датируется в пределах третьей четверти IV в. до н. э., что хорошо согласуется с датировкой детского захоронения Толстой Могилы, позднейшего в кургане, тем же временем и женского захоронения Мелитопольского кургана концом 340 – первой половины 330-х гг. Поэтому наиболее приемлемая датировка этого типа блюшек – середина – третья четверть IV в. до н. э.

Круглые блюшки так называемого монетного типа – бородастая голова вправо, по мнению А.Ю. Алексеева, датируются последними двумя-тремя десятилетиями IV в. до н. э. Как ни странно, этот вывод сделан на основании их сопоставления с изображениями на реверсе монет Филиппа II Македонского [Чертомлык, 1991: 115–117, № 212, 22]. Нужно ли напоминать, что монетная чеканка Филиппа прекратилась в 336 г. до н. э. по независящим от него обстоятельствам? Разумнее, при таком сопоставлении речь может идти только о датировке середины – третьей четвертью IV в. до н. э.

Два типа круглых блюшек – 9-лепестковая розетка и личина Медузы, аналогии которым, оттиснутые тем же штампом, найдены в 1-й «жженой» гробнице Большой Близины, датируемой по погребительному статеру Александра Македонского последним десятилетием IV в. до н. э. На этом основании чертомлыцкие блюшки датируются «не раньше последних десятилетий IV в. до н. э.» Правда, А.Ю. Алексеев сам отметил противоречивость сведений о находке блюшек-розеток в кургане [Алексеев, 1987: 35, прим. 4; Зограф, 1945: 89]. Да и блюшки с изображением 9-лепестковой розетки, рассмотрившиеся в разделе 4.21, имеют более широкий хронологический диапазон, судя по находкам в Соболевой и Татьяниной могилах, прочно

охватывающий третью четверть IV в. до н. э. Как отметил А.Ю. Алексеев, бляшки с Медузой, идентичного с чертомлыцкими штампа, найдены также и в Чмыревой Могиле, которую сам же А.Ю. Алексеев датировал 350–320 гг. или 350 г. [Алексеев, 1985: 34; 1996: 104]. Кроме того, и датировка 1-й «жженой» гробницы «а» Большой Близицы в связи с передатировкой статера требует некоторого удреждения (см. ниже).

А.Ю. Алексеев также предлагает памятники, в которых найдены гориты чертомлыцкого типа, а также типа Карагодеуашх, т. н. «тройской» серии, датировать в пределах 340–320 гг. до н. э. [Алексеев, 1987: 35–36]. Гориты чертомлыцкой серии найдены во впускном мужском захоронении Мелитопольского кургана, 8-м Пятибратнем и Ильинецком курганах. Мелитопольский курган совершенно правомерно отнесен С.Ю. Моныховым к кругу памятников 350–330 гг., 8-й Пятибратний курган датируется в интервале 355–335 гг. до н. э. [Моныхов, 1999: 358–362, 405].

Ильинецкий курган из-за отсутствия керамических материалов точной даты не имеет. Здесь, кроме обивки горита чертомлыцкого типа, найдены большой пластинчатый налобник и два крыловидных нащечника [Фармаковский, 1911: 54, табл. III]. По мнению А.Ю. Алексеева, ближайшая аналогия этим налобнику и нащечникам происходит из кургана № 1 у с. Волковцы, который В.А. Ильинская датировала второй половиной IV в. до н. э. [Ильинская, 1968: 79]. Но килик, происходящий оттуда, может быть отнесен к середине – третьей четверти IV в. до н. э. На этом основании наиболее вероятный интервал для Ильинецкого кургана А.Ю. Алексеев определяет в пределах 350–320 гг., [Алексеев, 1992: 149]. Этот килико-канфар [ДП, II 1899: табл. XXXIV, 797] по материалам Афинской Агоры датируется серединой – третьей четвертью [Sparkes, 1970: № 658, 661, 663], в Олинфе – второй четвертью IV в. до н. э. [Olynthus, 1950: 291, Pl. 186, 189, 191, № 518], что позволяет датировать волковецкий сосуд, а также и курган серединой – третьей четвертью IV в. до н. э. Налобники такого типа в сочетании с крыловидными нащечниками найдены в Солохе, Бердянском кургане, Толстой Могиле и Цимбалке. Крыловидные нащечники в сочетании с ними украшениями оголовья встречены в Чмыревой Могиле и 8-м Пятибратнем кургане [Алексеев, 1987: 36–37]. Если учесть, что

Чмырева Могила датируется в пределах 350–340 гг., а 8-й Пятибратний – 355–335 гг. до н. э., то становится совершенно очевидным, что тип скифской узды, сочетающий большие пластинчатые налобники с крыловидными нащечниками, выходит из употребления в середине IV в. до н. э., что определяет датировку Ильинецкого кургана и кургана у с. Волковцы.

Курган Карагодеуашх твердо датируется в пределах третьей четверти IV в. до н. э. [Виноградов, 1993: 70; Моныхов, 1999: 412–413], как и гробница Филиппа II в Вергине [Andronicos, 1994: 224].

Согласно исследованию М.Ю. Трейстера, золотые и серебряные обкладки горитов (в том числе и из Вергины) и ножен мечей троянской серии изготовлены в мастерских Веспора в 360–340 гг. до н. э. К продукции того же времени и тех же мастерских он также относит золотые обкладки ножен из Толстой Могилы, Большой Белозерки, Куль-Обы, серебряную амфору из Чертомлыка, а также серию золотых и серебряных изделий из Чертомлыка, Куль-Обы, Старшего Трехбратнего и Деева курганов, кургана Чалн, Волковцев, Карагодеуашха, Чмыревой Могилы и др. [Treister, 1999: 75–79]. О датировке изготовления обкладок троянской серии около 350 г. до н. э. несколько ранее высказались В.И. Кац и А.Н. Щеглов [Shcheglov, 1991].

Эти наблюдения о времени изготовления горитов и ножен троянской серии прекрасно согласуются с хронологией курганов, в которых они найдены. Первый во времени – курган в с. Ильинцы, датирующийся около середины IV в. до н. э. Промежуточное положение занимает захоронение Филиппа Македонского в Вергине – 336 г. до н. э. и последнее – мужское захоронение в Мелитопольском кургане, совершенное в конце 330-х гг. до н. э. Все остальные совершены в этом интервале. Таким образом, датировка курганов, в которых найдены гориты «тройской» серии прочно укладывается в пределы середины – третьей четверти IV в. до н. э.

А.Ю. Алексеев установил тождественность наконечников стрел из Чертомлыка и могилы «слуги» из Деева кургана, которая по набору клейм, по его мнению, датируется последней четвертью – концом IV – началом III в. до н. э. [Алексеев, 1987: 36]. По последним данным, эти клейма датируются первой половиной 340-х гг. до н. э. [Моныхов, 1999: 354].

Основной вывод А.Ю. Алексеева о совпадении временных интервалов большинства датируемых вещей в пределах 330–310 гг. до н. э. и определении узкой даты комплекса Чертомлыка и времени совершения захоронений в рамках последней трети или четверти IV в. до н. э. [Алексеев, 1987: 36], не может быть принят. Абсолютно все аналогии для вещевого комплекса захоронений надежно указывают на период в пределах середины третьей четверти IV в. до н. э. И только клейма из насыпи из находок И.Е. Зябелкина по своим датировкам оторваны от вещевого комплекса кургана почти на четверть столетия.

В процессе доисследования Чертомлыка в 1981–1986 гг. был найден фрагмент гераклейского клейма. По определению И.Б. Брагинского, это клеймо с именем Амфистрата датируется первой половиной – серединой IV в. до н. э. [Алексеев, 1987: 35, прим. 5; Чертомлык, 1991: №215]. Его дальнейшее изучение позволило установить иное прочтение: ΑΜΙΟΥ ΕΠΙΣΤΡΑΤ [Полин, 1994-В]. В процессе доисследования в период 1981–1985 гг. в кургане в общей сложности были найдены 118 амфор из тризны, связанной с Центральной гробницей, несколько фрагментов амфор из Центральной гробницы из раскопок И.Е. Зябелкина, а также из шюль открытой Северной гробницы. Изучение амфорного комплекса позволило датировать его и, соответственно, курган в пределах середины – третьей четверти IV в. до н. э. [Полин, 1991; 1994-А; 1994-В].

Даже после получения новой информации в процессе доисследования Чертомлыка А.Ю. Алексеев считает, что захоронение в Центральной гробнице кургана совершено в интервале 335/330–320 гг. до н. э., а именно в 328 г. до н. э., когда в Скифии, согласно Арриану, умер некий царь. Он полагает, что чернолаковая и амфорная керамика относится к 350–320 гг., некоторые типы нашивных украшений и наконечники стрел датируются последней третью IV в. до н. э. В этот же интервал попадает и херсонесское клеймо, последним десятилетием IV в. датируется синопское клеймо. Как он заметил, остается неясным, с какой именно из двух одновременных гробниц Чертомлыка или же с поминальными обрядами следует синхронизировать находки клейм из крепиды. Северную Могилу он датирует после 328 г., около 300 г. до н. э. Вполне вероятно синхронизация с ней синопского и херсонесского клейм из крепиды. Родосское клеймо

найденно в насыпи и поэтому, безусловно, связано с Центральной гробницей, как и гераклейское [Чертомлык, 1991: 136; Алексеев, 1992: 151–153; 1996: 103–104; 2001: 74; 2001-А].

По трактовке С.Ю. Монахова все клейма происходят из крепиды кургана. Родосское – второй половины IV в. до н. э., гераклейское – середины 340-х – середины 330-х гг. до н. э., синопское и херсонесское датируются самым концом столетия. Как он полагает, в датировке клейм всей второй половиной IV в. до н. э., которые как будто должны дать точную узкую дату кургана, не стоит искать погрешностей в хронологии клеймения. Все эти клейма связаны с одновременными тризнами, что и обуславливает такой разброс в датах. Хронологически единый комплекс составляют амфоры из насыпи, связанные с комплексом винного склада и погребением № 1 1984 г. при нем. В составе этого комплекса обнаружены амфоры Пепарета (Солеха-II) и Менды мелитопольского типа, фрагменты синопских, херсонесских амфор и неопределенного центра (особый вариант хиосской тары середины – третьей четверти IV в. до н. э. по С.Ю. Монахову), в целом датирующиеся третьей четвертью IV в. до н. э. Только гераклейское клеймо Пейсистраата, датирующееся в пределах середины 340-х – середины 330-х гг. до н. э., по времени совпадает с комплексом амфор из насыпи, и, соответственно, весь курган датируется в пределах его даты. Мендейскую амфору из Северной Могилы С.Ю. Монахов датировал рубежом 340–330 гг. до н. э. [Монахов, 1997: 207; 1999: 362–369, 406].

РАСКОПАНА МОГИЛА. Долгое время этот курган считался одним из эталонных памятников степной Скифии V в. до н. э. [Ростовцев, 1925: 14; Артамонов, 1965: 29; Мурлин, 1984: 25], хотя уже в 1959 г. И.В. Яценко датировала его самым концом V–IV в. до н. э. [Яценко, 1959: 69–70]. Н.А. Онайко определила принадлежность ножки амфоры из кургана к типу амфор с рюмкообразной ножкой, распространенных в Северном Причерноморье в IV в. до н. э., и датировала чернолаковый аттический канфар первой половиной IV, возможно, концом V в. до н. э. [Онайко, 1966: 18, № 10, 15, 18, с. 66, Дополнение, № 1]. А.Ю. Алексеев датировал канфар второй-третьей четвертями IV в. до н. э. и предлагает датировку кургана по этому канфару с учетом типов наконечников стрел в пределах второй четверти столетия [Алексеев, 1987-В: 30].

Особый интерес этот курган вызывает в связи с находкой в нем уникального великолепного, богато орнаментированного бронзового котла, сходного с котлом, найденным в 1984 г. в Северной Могиле Чертомлыка [Онайко, 1966: № 35, табл. XVI; Чертомлык, 1991: № 229; Алексеев, 1992: 152]. И хотя котел из Чертомлыка отличается формой, орнаментирован гораздо скромнее, и в орнаментике ощущается какая-то робость, неуверенность почерка мастера, эти изделия объединяет определенная общность стиля, что свидетельствует о близком времени изготовления и дополнительно подтверждает датировку Северной Могилы Чертомлыка в пределах третьей четверти IV в. до н. э.

ЧМЫРЕВА МОГИЛА – А.Ю. Алексеев отметил теснейшую близость обоих комплексов Чмыревой Могилы с Толстой Могилкой, Солохой (прежде всего впускное захоронение), а также Цимбалкой и отнес совершение обоих захоронений Чмыревой Могилы к интервалу 350–320 гг. или к третьей четверти IV в. до н. э. [Алексеев, 1985: 34; 1992: 151]. По-видимому, поздний рубеж обозначен с учетом широкой датировки фасосского клейма из Цимбалки 340–320 гг. до н. э. С учетом разнобой в подходе к датировке группы фасосских клейм с эмблемой «звезда» (см. выше датировку Цимбалки и Гаймановой Могилы) наиболее вероятной будет датировка в пределах 360–330 гг. до н. э., скорее всего 350–340 гг. В недавней работе А.Ю. Алексеев дал для Чмыревой Могилы дату 350 г. до н. э. [Алексеев, 1996: 104].

М.И. Ростовцев связывал с Чмыревой Могилкой находки английического клейма ΕΥ с эмблемой «гроздь» на горловине и рельефного клейма ΠΡΥΤΟΓΕΝ | ΔΗ[ΜΗΤ]ΡΙΟΥ | ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ, оттиснутого на горловине или тулове амфоры. Такое соотнесение для последнего клейма приняла Н.А. Онайко и определила его в качестве синопского, Д.Б. Шелов датировал его второй-третьей четвертями IV в. до н. э. [Ростовцев, 1925: 424; Придик, 1917: 97, № 733, 124, № 101; Онайко, 1970: № 57]. Однако Ф. Браун отметил отсутствие клейм среди найденных в кургане фрагментов амфор [Браун, 1906: 98 – ср.: Алексеев, 1992: 151, прим. 6]. Кроме того, рельефное клеймо прочтено неверно (среди синопских нет ничего подобного) и не поддается идентификации и датировке.

БЛИЗНИЦА СЛОНОВСКАЯ. Аттический краснофигурный киликс с изображением палестритов в гиматиях из этого кургана

Н.А. Онайко датировала концом IV в. до н. э. [Онайко, 1970: № 304, табл. V]. По форме этот киликс соответствует изделиям 450–375 гг. [Sprules, 1970: № 481–487, 513], по характеру росписи соответствует сюжетам, широко распространенным во второй-третьей четвертях IV в. до н. э. Соответственно, должен датироваться около середины IV в. до н. э., что справедливо и для кургана в целом.

МАЛЫЙ ОГУЗ. Здесь среди разнообразных золотых бляшек присутствуют круглые бляшки с изображением грифона на колосе, являющиеся воспроизведением реверса пантикапейских статеров и подражающие, по определению Н.А. Онайко, раннему типу грифонов на статерах 1-3 типов [Онайко, 1970: 49–50, № 500-к]. А.Ю. Алексеев относит изготовление таких бляшек к последней трети IV в. до н. э. [Алексеев, 1992: 154]. Логика исследователя непостижима, поскольку по всем существующим отечественным схемам (А.Н. Зограф, Д.Б. Шелов, П.О. Карышковский, В.А. Анохин) датировка статеров типов 1-3 определяется в пределах 370–330 гг. до н. э. (см. раздел 4.26).

ОГУЗ, Е.Е. Фялко датирует курган концом третьей четверти IV в. до н. э., последней третью столетия [Фялко, 1993-В: 18; 1993-В: 69], Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фялко – 330–310 гг. до н. э. [Болтрик, 1991-А: 180; Болтрик, 1996: 129]. А.Ю. Алексеев полагает, что все гробницы Огуза совершены в последней трети IV в. до н. э. [Алексеев, 1996: 103]. Впускная Северная Могила Огуза по мендейским амфорам датируется 330–320 гг. до н. э. [Моныхов, 1999: 406], что, соответственно, указывает на датировку знаменитого Центрального каменного склепа Огуза в пределах третьей четверти IV в. до н. э., может быть, даже ее началом.

ЖЕЛТОКАМЕНКА. Амфорный комплекс этого кургана датируется 330-ми гг. до н. э., вероятно, еще первой половиной десятилетия [Моныхов, 1999: 397], что позволяет определять дату кургана в пределах 340–330 гг. до н. э.

ДЕЕВ КУРГАН. С впускным погребением связан комплекс из 11 амфор, от которых сохранилось два клейма – гераклейское магистрата Евксена (?) и синопское ΚΕΡΑΜΕΩΣ | ΠΟΣΕΙ-ΔΩΝΙΟΥ | ΤΟΥ ΝΟΥΜΗΝΙΟΥ. Синопское клеймо А.Ю. Алексеев со ссылкой на Н.Ф. Федосеева датирует 333/2 г. до н. э. [Алексеев, 1992: 153]. С.Ю. Моныхов комплекс клейм на основании синхронизации по другим курганам относит к первой половине 340-х гг. до н. э. [Моныхов, 1999: 354], что можно считать датой кургана.

БОЛЬШАЯ БЛИЗНИЦА. Датировка этого памятника имеет принципиальное значение для общей хронологии курганов скифской знати, поскольку традиционно принято считать его одним из самых поздних. М.И. Ростовцев все захоронения кургана считал весьма близкими во времени и датировал концом IV – началом III вв. до н. э. Помимо античной керамики из захоронений, важное значение для установления даты захоронений он придавал статеру Александра Македонского на 1-го «жженого» захоронения, который отнес к прижизненной чеканке и отмечал его великолепную сохранность [Ростовцев, 1914-А: 19–20]. К сожалению, данные по стратиграфии кургана настолько запутаны, что нет никакой возможности установить последовательность захоронений. Как отмечал М.И. Ростовцев, перанчное захоронение Большой Близницы или не было найдено вообще, или не выделено надлежащими наблюдениями при раскопках среди исследованных [Ростовцев, 1925: 371–372].

Позднее А.Н. Зограф постарался дать максимально точное описание монеты. Это очень важно для статеров Александра Македонского, поскольку их чеканка продолжалась более двух столетий спустя после его смерти. Не берясь установить место чеканки монеты из-за достаточно ограниченного доступа к литературе, он уступил эту честь Э. Ньюзу, располагавшему полным материалом по этому вопросу. При этом А.Н. Зограф высказал ряд соображений по датировке монеты. Он отнес ее к посмертной чеканке по сходству головы Афины с монетами Филиппа Арридея. Далее исходя из ее степени сходства с одной стороны с монетами Филиппа Арридея, с другой стороны, с монетами Тири чеканки 301–290 гг., предложил ориентировочную дату для статера из Большой Близницы последним десятилетием IV в. до н. э. [Зограф, 1945: 86–89, рис. 1, I].

Эта датировка для 1-й «жженой» гробницы Большой Близницы по статеру Александра Македонского посмертного выпуска последнего десятилетия IV в. до н. э. принята А.Ю. Алексеевым [Алексеев, 1987: 35].

Вывод о посмертном характере чеканки статера из Большой Близницы, сделанный лишь на основании сходства головы Афины с монетами Филиппа Арридея, вызывает большие сомнения. Такое сходство, скорее, свидетельствует об обратном – о копировании монет Филиппа Арридея с монет великого предшест-

венника. Об этом же, по-видимому, свидетельствует отсутствие каких-то явных отличий статера из Большой Близницы от прижизненных выпусков статеров Александра 336–323 гг. Учитывая весьма относительный характер своей датировки, А.Н. Зограф предоставлял специалистам судить, в какой мере предлагаемая дата согласуется с датировкой по другим предметам инвентаря погребения [Зограф, 1945: 86].

В настоящее время такие статеры относятся к чеканке Милета и достаточно надежно датируются 325–323 гг. до н. э. Учитывая великолепную сохранность монеты, отмеченную еще М.И. Ростовцевым, можно предполагать, что монета практически не была в обращении и попала в погребение в эти же годы [Price, 1991: 276–278, № 2077b]²⁸.

Не менее важное значение имеет датировка склепа № 4 Большой Близницы, содержавшего неграбленное женское захоронение с великолепным набором инвентаря («захоронение жрицы Деметры»). Для него существует целый набор дат: Л. Стефани – IV в. до н. э., К. Шефольд – 350-е гг., В. Цюхнер – около 300 г., М.И. Ростовцев – начало III в. до н. э. В.И. Пругло по античной керамике датировала его концом IV в. до н. э. [Пругло, 1974: 65–77]. В определении датировки комплекса керамики решающую роль сыграли миниатюрные оvoidный скифос и гидрия, для которых сделан акцент на аналогиях конца столетия, что представляется неоправданным. Оvoidные скифосы, вопреки утверждениям В.И. Пругло, по материалам Афинской Агоры датируются с конца V в. до н. э. Наиболее близкие формы к скифосу из Большой Близницы датируются в пределах середины столетия – начала последней четверти IV в. до н. э. [Sparkes, 1970: № 325–328]. Наиболее оптимальной представляется датировка в пределах третьей четверти IV в. до н. э. Гидрия (гидриск) по наличию вертикальной ручки, помимо двух боковых горизонтальных, при ее миниатюрных размерах по ряду элементов обнаруживает также сходство с лекифами и бальзамариями самых различных типов второй половины IV в. до н. э. Такая форма широко представлена в апулийской керамике третьей четверти IV в. до н. э.²⁹ Поэтому акцент на конец IV в. до н. э. является неоправданным. Более верной представляется датировка в пре-

²⁸ Благодарю А.И. Иванчина за исчерпывающую консультацию по этому вопросу.

²⁹ Благодарю И.И. Вдовиченко за консультацию.

делах второй половины IV в. до н. э. По определению А. Шварцмайер, ювелирные изделия из этого захоронения изготовлены в пределах 340–330 гг. до н. э. [Schwarzmaier, 1996: 115–131], что наилучшим образом согласуется с датировкой гробницы № 4 Большой Близницы в пределах третьей четверти IV в. до н. э.

В то же время датировка А. Шварцмайер остальных погребений Большой Близницы около 300 г. до н. э. со ссылкой на разработки М. Фромера вызывает большие сомнения, поскольку последний исходит из неоправданно поздних датировок скифских памятников (Чертомлык, 8-й Пятибратний курган и др. – первые десятилетия III в. до н. э.). По-видимому, ближе к истине А.А. Передольская, датирующая гробницу № 3 350-ми гг. до н. э. [Передольская, 1962: 46, сл.]. В пределах второй половины IV в. до н. э. должны датироваться и все остальные захоронения кургана, тесно связанные между собой.

КУРДЖИПС. Л.К. Галанина, в результате кропотливой работы над комплексом кургана, поставила точку в многолетней дискуссии о датировке кургана позднеэллинистическим или раннеэллинистическим временем. На основании широкого круга аналогий она пришла к выводу о датировке кургана последней четвертью IV в. до н. э. [Галанина, 1989: 30–54]. Однако эту дату можно считать наиболее поздней из возможных, поскольку весь круг приведенных аналогий из Чертомлыка, Карагодеуниха, Талаевского и Мелитопольского и др. курганов отчетливо указывает на третью четверть IV в. до н. э. как наиболее вероятную датировку памятника.

КРАСНОКУТСКИЙ КУРГАН. М.И. Ростовцев по отдельным вещам отмечал его близость с Александропольским курганом и Огузом [Ростовцев, 1925: 441]. А.И. Мелюкова установила его близость с Толстой Могилой, курганами Чертомлык, Огуз, Большая Цимбалка, Козел, Мелитопольский и Александропольский курганы, в целом с памятниками, как она полагала, второй половины IV – первой половины III вв. до н. э. Более точно – Краснокутский курган, по ее мнению, несколько моложе Чертомлыка, но старше Александрополя, а в абсолютном выражении датируется концом IV или самым началом III в. до н. э. [Мелюкова, 1981: 103–105].

Ю.В. Болтрик и А.Ю. Алексеев включили его в группу позднейших курганов Скифии, наряду с Огузом, Александрополем, Верхним

Рогачиком, Желтокаменной, Рыжановкой и др. [Болтрик, 1987: 146–148; Алексеев, 1992: 156–157].

Недавно А.Ю. Алексеев по архивным рисункам определил в составе гробницы и в могиле Краснокутского кургана находки гераклейской амфоры, амфоры типа Солоха-I с грибовидным венцом, по его мнению, «рыжановского» типа, фрагмента ножки, принадлежавшей, возможно, амфоре типа Солоха-II, и в самой камере нескольких амфор типа Солоха-II и гераклейских II типа по И.Б. Браширскому. В целом, после привлечения ряда аналогий из Гаймановой Могилы, Рыжановки, 8-го Пятибратнего кургана и согласования между собой датировок «по Монахову», «по Алексееву», «по Скорому», А.Ю. Алексеев помещает амфорный комплекс Краснокутского кургана между 340 и 315 гг., при узкой датировке 330–320 гг. до н. э. [Алексеев, 2001: 69–73].

Следует отметить решительность А.Ю. Алексеева, сопоставляющего плохие и неточные архивные рисунки горловины амфоры с грибовидным венчиком именно с амфорами «рыжановского типа». Данных для этого явно недостаточно, поскольку ничего не известно о форме тулова. Еще более поражает его смелость при сопоставлении остальных амфор с амфорами типа Солоха-II [Алексеев, 2001: рис. 1, 2–3]. Что здесь совпадает, так это размеры около 90 см и общий абрис. Но форма ножки решительно иная и напоминает только ножки херсонесских амфор III типа [Монахов, 1989: табл. XV, 100].

В сумме всех наблюдений по параллелям вещам из Краснокутского кургана, дату памятника можно прочно ограничить третьей четвертью IV в. до н. э.

АЛЕКСАНДРОПОЛЬСКИЙ КУРГАН. Курган содержал три погребения. Во входной яме Центральной гробницы были найдены две горловины гераклейских амфор, одна из которых имела клеймо АЧОГО, а также чернолаковая пиксида. Во впускном погребении найдены еще две гераклейских амфоры с клеймами ЕТУ | МОУ и МН. Дата комплекса первоначально была определена М.И. Ростовцевым по чернолаковой пиксиде, которую он датировал первой половиной III в. до н. э. [Ростовцев, 1912: 149; 1925: 432]. Долгое время Александрополь считался позднейшим скифским царским курганом III в. до н. э.

Постепенно назрела необходимость удревнения кургана, обусловленная более ранней

датировкой найденных в нем вещей. И.В. Брашинский по амфорам и клеймам датировал курган первой четвертью III в. до н. э. [Брашинский, 1965: 102]. М.И. Артамонов отнес Александрополь ко времени около 300 г. до н. э. [Артамонов, 1966: 58]. Н.А. Онайко датировала клейма из кургана не позднее конца IV в. до н. э., пиксиду – концом IV – началом III в. до н. э., а блишки и другие вещи кургана – в пределах IV в. до н. э. [Онайко, 1970: №№ 202 со ссылкой на 192, 358, 412, 429, 452, 466 со ссылкой на 461, 497]. В.И. Пругло на основании находки аналогичных александропольским клейм в зольнике в Мирмекии отнесла Александрополь к третьей четверти IV в., не позднее 320 г. до н. э. [Пругло, 1972: 17]. А.И. Мелюкова, с учетом изменений в датировке керамических клейм, пришла к выводу о том, что основное погребение Александрополя с подзахоронением соответствует общим датировкам скифских памятников середины – второй половины IV в. до н. э. и только боковое погребение кургана может считаться одним из самых поздних в царских курганах Нижнего Приднепровья и датироваться в пределах конца IV – первой четверти III в. до н. э. [Мелюкова, 1981: 102]. А.Ю. Алексеев датировал керамику из кургана последней третью IV в., не позднее рубежа IV–III вв. до н. э. [Алексеев, 1986: 37]. В последнее время А.Ю. Алексеев также говорит о датировке кургана в пределах последней трети, больше склоняясь к последней четверти столетия. Под влиянием собственной слишком поздней датировки центральной гробницы Чертомлыка 329/328 гг. до н. э. (по «историко-биографическому методу»), он полагает, что первичное захоронение Александрополя было совершено через какой-то непродолжительный промежуток времени после этой даты, а последнее погребение в Александрополе – в конце IV в. до н. э. или около 300 г. до н. э. [Алексеев, 1996: 103; 2000: 303].

В свое время С.Ю. Монахов, разделявший точку зрения В.И. Пругло на хронологию мирмекийского зольника, датировал александропольские клейма, а соответственно, и курган, 330-ми гг. до н. э. [Монахов, 1993: 68–70]. Позднее он отнес амфоры из впускного погребения ко II или к III типу гераклеийской тары и нашел им аналогии в комплексах середины столетия – третьей – начала последней четверти IV в. до н. э., где они имеют другие клейма. Клейма АЧОГО, нанесенные одним штампом на амфорах II типа, в последнее время обнаруже-

ны в ряде курганов, что дает основание для их широкой датировки в пределах второй половины IV в. до н. э. Клеймо MN до сих пор остается чрезвычайно редким и в комплексных находках неизвестно. Значительно больше известно находок клейм EYU | MOY, нанесенных различными штампами, хотя на сегодняшний день и нельзя установить, каким из них было нанесено клеймо на александропольской амфоре. Известен и ряд комплексных находок, которые, по мнению С.Ю. Монахова, указывают на датировку клейм АЧОГО и EYU | MOY второй половиной последней четверти IV в. до н. э. [Монахов, 1999: 434–438]. Однако согласиться с такой датировкой нельзя.

Именно эта дата не имеет подтверждения по имеющимся комплексам и требует дополнительной аргументации. Судя по известным находкам, хронологический диапазон клейм Апсога достаточно широк, и поэтому из датировки центрального захоронения Александрополя и подзахоронения в него нельзя исключать третью четверть столетия. Да и для клейма Этиома из впускного погребения нет оснований для такого сужения его даты. Клейм с этим именем известно до десятка вариантов, в нескольких написаниях, оттиснутых как минимум на двух типах амфор, что свидетельствует об их относительно длительном бытовании, возможно, о существовании двух фабрикантов с этим именем.

В кургане № 4 (1909 г.) Елизаветовского могильника амфора с клеймом EYU | MOY сопровождалась большим набором чернолаковой керамики, который в свое время И.В. Брашинский отнес к рубежу IV–III вв. На сегодняшний день он датирован не позднее середины – третьей четверти IV в. до н. э. [Монахов, 1999: 436] или третьей, не позднее начала четвертой четверти IV в. до н. э. [Полин, 1992: 33]. Особое место для обоснования датировки клейма EYU | MOY у С.Ю. Монахова занимает комплекс кургана № 9 у с. Пески, который он датировал концом IV в. до н. э. [Монахов, 1999: 428–430, табл. 186; 1989: 57]. В разделе 4.20 уже была показана неприемлемость этой даты. Комплекс кургана № 9 по всем данным не выходит за пределы третьей четверти IV в. до н. э. Увлеченный слишком поздней датировкой кургана № 9 у с. Пески, С.Ю. Монахов мало обратил внимания на комплекс XII Веглицкого некрополя, где клейма Апсога и Этиома найдены совместно с херсонесским клеймом Аполлонида группы I-A, датирующейся в пределах 325–

315 гг. до н. э. по В.И. Каду [Монахов, 1999: 432, табл. 188]. В сумме с комплексом кургана № 4 (1909 г.) Елизаветовского могильника этот комплекс надежно свидетельствует о датировке гераклейских клейм из Александрополя третьей – началом четвертой четверти IV в. до н. э., что прекрасно согласуется с датировкой Бабиной и Соболевой Могил и подтверждается наблюдениями А.Ю. Алексеева о совпадении набора блюшек комплекса Центрального захоронения Александрополя с подзахоронением в него с наборами 8-го Пятибратнего и Деена курганов, а также Огуза, датировка которых по современным представлениям твердо помещается в пределы третьей четверти IV в. до н. э. Правда, А.Ю. Алексеев также называет два типа блюшек из Александрополя (Афина в шлеме в фас и мужская безбородая голова вправо, по-видимому, то, что А.Ю. Алексеев называет монетным типом – см. выше), которые, по его мнению, датируются концом IV в. до н. э. в других курганах, которые не указывает [Алексеев, 1992: 154].

Недавно А.Ю. Алексеев нашел наиболее точную аналогию для навершия с птицей из Александрополя в кургане Каменная Близица, в тризне которого обнаружено херсонесское клеймо 300–285 гг. до н. э. [Алексеев, 2000: 302, табл. IV, 1, 3]. О датировке Каменной Близицы речь пойдет ниже. Здесь же несколько слов об аналогии. Трудно считать аналогичными овальную (Александрополь) и прямоугольную (Каменная Близица) формы крыльев птиц в плане. Еще меньше мыслей об аналогичности возникает, когда выясняется, что грушевидная втулка александропольского навершия имеет традиционные 4 треугольных прореза, в то время как у каменистого навершия их только 2. Такая абсолютно уникальная особенность втулок, наряду с изображениями птиц с прямоугольными в плане крыльями, в Скифии встречена только однажды – на двух навершиях из Чертомлыка [Чертомлык, 1991: № 28]. Эта особенность, в навершиях Скифии более нигде не повторяющаяся, очень много говорит о «правильности» датировки Каменной Близицы по херсонесскому клейму (точнее, о «правильности» существующей хронологии херсонесского клеймения), поскольку дата кургана Чертомлык не выходит за пределы третьей четверти IV в. до н. э.

Наиболее оптимальной датировкой Александрополя является третья четверть (возможно, ее вторая половина) – начало последней четверти IV в. до н. э.

РЫЖАНОВСКИЙ КУРГАН. В 1887 г. было исследовано впускное погребение этого кургана. Керамические изделия из погребения (чернолаковые канфар и фрагмент ножки такого же канфара, сероглиняный флакон) Н.А. Онайко датировала второй половиной IV в. до н. э., не позднее начала последней четверти, и в целом согласовывала их датировку с датировками пантикапейских статов 340–315 гг. до н. э. [Онайко, 1970: 58].

Д.Б. Шелов видел в статорах монеты, изъятые непосредственно из обращения, которые должны датироваться временем чеканки [Шелов, 1956: 140]. Б.Н. Граков, руководствуясь неточными рисунками, отнес эти статоры к 3-му типу 330-х гг. до н. э. [Граков, 1968: 109–110; Зограф, 1951: 173–175, табл. XI, 9], что неверно. М. Мельчарек по оригиналам определял принадлежность обоих статов из перстней к 4-му типу, датирующемуся по Д.Б. Шелову 330–315 гг. до н. э. Вслед за Д.Б. Шеловым, М. Мельчарек полагал, что принадлежность обоих статов к одному типу свидетельствует о том, что при изготовлении перстней они были взяты непосредственно из обращения, а немного лет спустя были использованы случайные монеты, выпущенные из обращения, и, соответственно, датировал впускное захоронение после 330 г. до н. э. [Mielczarek, 1987: 102]. А.Ю. Алексеев обратил внимание на изображения на щитке третьего перстня, соответствующие символическим на монетах Филиппа II и Александра Македонского. Для пантикапейских статов из двух других перстней он принял датировку М. Мельчарекса и на этом основании для впускного захоронения предложил датировку 330–300 гг. до н. э. [Алексеев, 1992: 155].

С.Ю. Монахов по аналогиям чернолаковой керамике из Рыжановки на Афинской Агоре датирует впускное погребение в пределах третьей четверти IV в. до н. э. Подтверждение этой датировке он видит в комплексе амфор из Лесовичей, где две уникальные амфоры с грибовидным венцом и туловом весьма характерной формы, совершенно идентичные амфоре из впускного погребения Рыжановки (на этом основании С.Ю. Монахов выделил их в «рыжановский» тип), найдены в сочетании с амфорой раннехерсонесского типа, надежно датируемого серединой – третьей четвертью IV в. до н. э. [Брашмский, 1984: Табл. XXX; Монахов, 1999: 413–415].

При доисследовании Рыжановского кургана в 1995–1998 г. были получены археологи-

ческие материалы, полностью решающие проблему датировки памятника. Однако авторы раскопок по радиоуглеродному датированию образцов древесины из центрального захоронения предлагают для него дату 270 ± 12 гг. до н. э. Разумеется, такая дата основного погребения еще более омолаживает датировку впускного погребения. Для подтверждения радиоуглеродной датировки совершенно тенденциозно проведен анализ археологических материалов. В связи с радиоуглеродной датой Рыжановского кургана ставится вопрос о некорректности существующей методики датирования скифских памятников по изделиям греческого импорта, которые, как полагают авторы раскопок на примере Рыжановки, могут находиться в использовании чрезвычайно долго – около 50–70 лет. По мнению Я. Хоховского, такая поправка в дату Рыжановского кургана, полученная благодаря радиоуглероду, должна радикально изменить ситуацию как в датировании скифских памятников, так и в целом в понимании исторического процесса этого периода, в частности, в датировке времени присутствия скифов в степях и их смены сарматами [Рыжановка, 1996: 257; 1997: 77–89; Chochorowski, 1998; 1999: 37–40; 1999-C; 2000: 44–45].

Осознание революционного значения радиоуглеродной даты 270 ± 12 гг. до н. э. для Рыжановского кургана, которая должна перевернуть всю существующую хронологию скифских памятников, еще не овладело широкими массами скифологов, но А.Ю. Алексеев уже совершенно справедливо указал на ее невероятность. Как он заметил, если принять радиоуглеродные датировки деревянного «пенька» из центральной могилы 260–250 гг. до н. э. и опорного столба оттуда же – 235–175 гг., предлагаемые авторами раскопок, то придется констатировать абсолютное отсутствие в обеих могилах вещей, которые хотя бы приблизительно соответствовали этому времени. Либо придется коренным образом менять все современные представления о хронологии многих эталонных категорий изделий, включая и греческие, для чего оснований нет.

Пересчет опубликованных данных таблиц радиоуглеродных датировок по соответствующей программе, проделанный А.Ю. Алексеевым, дал совершенно иной результат. Для всех «пеньков» оказывается вероятным их «изготовление» в третьей – начале четвертой четверти IV в. до н. э., что сразу же снимает многочисленные вопросы. Тем не менее, А.Ю. Алексеев,

с учетом анализа вещевого комплекса Рыжановского кургана, предпринятого С.А. Скорым, предлагает датировку вещевого набора Рыжановки концом IV – началом III в. до н. э., в пределах 315–285 гг. до н. э. [Алексеев, 2001: 71–72]. Однако и эта датировка представляется слишком поздней, поскольку не соответствует датировке находок.

Авторы раскопок полагают, что разница в возрасте между основным и впускным погребениями Рыжановского кургана была крайне незначительной – три–четыре года. Такой вывод основан на слабой выразительности линии первичной насыпи кургана, что, по их мнению, свидетельствует об отсутствии выраженного дернового слоя. Вывод неубедительный, поскольку в курганах даже линии древней дневной поверхности, не говоря уже о линиях насыпей, часто не отличаются какой-то супервыразительностью, хотя здесь существовал мощный дерновый слой. И если даже такие линии, отражающие существование девственного травяного покрова, не нарушавшегося тысячелетиями, визуально проявляются далеко не так мощно, как, казалось бы, это должно быть (по старинным описаниям, степи покрывала трава, скрывавшая всадника с конем, и мощный слой т. н. степного войлока – остатки прошлогодней растительности), то что же мы можем достоверно сказать о том, какими могут быть следы травяной растительности, образующейся на поверхности свеженасыпанных курганов? Практически ничего. Даже самые слабые линии насыпей с равной степенью вероятности могут соответствовать и нескольким месяцам (Водяна Могила), и году, и двадцати. И только фиксируемая по вещам археологическая близость комплексов позволяет нам говорить о временной близости погребений, степень которой нам, опять-таки, оценить не просто. Это может быть и год, и десять, и двадцать лет, но не более, что можно считать достаточно надежным пределом, учитывая то обстоятельство, что скифские курганы являются местами захоронений ближайших родственников.

Для чернолаковых канфаров и ножики от такого же из впускного захоронения и чернолаковых миски и канфары из центрального захоронения Рыжановского кургана [Рыжановка, 1996: Рис. 6, 4, 5; Тутанхамон, 1999: 49, № 26, 27] отмечены аналогии на Афинской Агоре 350–325 гг. до н. э. и при этом указывается, что такие же формы канфаров существовали и в первой четверти III в. до н. э. [Скорый, 1998: 126], что неточно. Ссылки на изделия

горизонта «А» по Г. Томпсону означает их датировку в пределах 340–310 гг. до н. э. [Thompson, 1934: 315]. Почему-то при этом для уточнения датировки совершенно не использован штампованный орнамент внутри этих сосудов и лаковая роспись доннышек снаружи.

Как уже отмечалось в связи с датировкой канфара аналогичного типа из Чертомлыка, их существование в последней четверти IV в. до н. э. не подтверждается контекстом комплексов Афинской Агоры. О датировке таких форм первой четвертью III в. до н. э. не может быть и речи. Даже С. Ротрофф, дающая совершенно необоснованные поздние датировки для раннеаллинистической керамики, датирует такой тип канфаров не позднее последней четверти IV в. до н. э. [Rotroff, 1997: № 36–42], что также неприемлемо.

Аналогичные канфары приземистых пропорций на низкой ножке по материалам Афинской Агоры были характерны не только для третьей, но и для второй четверти, и для середины IV в. до н. э. [Sparkes, 1970: № 698–700, 707–708]. А, судя по материалам Олинфа, основной период их массового изготовления приходится на вторую четверть – середину IV в. до н. э. [Olynthus, 1950: 283–286, Pl. 183, 504, 505, 514–516; 184, 512–513]. Что касается миски, то по материалам Афинской Агоры существование такой формы отмечено на протяжении второй–третьей – начала последней четвертей IV в. до н. э. [Тутанхамон, 1999: 49, № 26; Sparkes, 1970: № 802–808; Thompson, 1934: А-9]. Для уточнения даты необходимы точные рисунки профиля, штампованного орнамента внутри чаши и лаковой росписи дна снаружи. Решительным аргументом в пользу поздней датировки миски может быть только полная заливка лаком доннышка снаружи, чего как будто нет.

Амфоры с грибовидными венцами нескольких разновидностей, найденные в центральном и впускном захоронениях, а также их фрагменты в тризне кургана [Рыжановка, 1999: рис. 2; Шилкова, 2001: 151] имеют венцы развитого типа, хронология которых, как отмечалось в разделе 4.20, прочно определяется в пределах первой – третьей четвертей IV в. до н. э.

По мнению А.Ю. Алексеева, сочетание некоторых амфор из тризны Рыжановки, относящихся к разряду позднейших находок в кургане – двух вариантов с грибовидными венцами «рыжановского» типа и типа «Водяной Могилы» по С.Ю. Монахову, аналогичное комплексу находок с усадьбы № 6 поселения Панское-1

325–275 гг., позволяет считать для них максимально возможной верхней границей 270-е гг. до н. э. [Алексеев, 2001: 71–72]. А.Ю. Алексеев чрезмерно вольно оперирует «рыжановским» и «Водяной Могилы» типами амфор, включая в эти типы вообще все амфоры с грибовидным венцом времени позднее Солохи, что позволяет ему необоснованно расширять их датировку до 270 г.

С.Ю. Монахов, выделивший эти типы, подразумевает конкретные разновидности форм амфор с грибовидным венцом. Для первого типа – очень характерной формы амфору из впускного погребения в Рыжановке из раскопок 1887 г., датируемую третьей четвертью IV ст. до н. э., а также амфоры из комплекса у Балеарских островов второй четверти IV в. до н. э. В последних он видит предшествующие разновидности амфор рыжановского типа [Монахов, 1999: 373–374, 413–414, табл. 164, 4–5]⁹⁰. Для амфор типа Водяной Могилы С.Ю. Монахов имеет в виду амфору, найденную в кургане Водяна Могила в 1986 г. и публикуемую в настоящей книге.

Использование материалов усадьбы № 6 поселения Панское-1 для датировки этих типов вообще принципиально невозможно, поскольку в комплексе усадьбы № 6 среди амфор с грибовидным венцом нет амфор «рыжановского» типа, как нет здесь и амфор типа «Водяной Могилы» (см. раздел 4.20. – анализ амфор Водяной Могилы). Следует также напомнить, что амфора типа «Водяной Могилы», а именно сама амфора из Водяной Могилы, датируется по фасосским клеймам в пределах 350–330 гг. до н. э., как и амфоры «рыжановского» типа, которые, помимо комплекса из Лесовичей, по материалам Каллатни также датируются в пределах общей датировки амфор типа Солоха-1 первой половиной – третьей четвертью IV в. до н. э. [Vizolani, 1999: 206, type «b», «c», Pl. V, 2, 3; VI, 2, 3].

Следует отметить, что из найденных в усадьбе приблизительно 150 целых форм и клейм амфор лишь две или три (у третьей не

⁹⁰ Если в отношении амфоры, изображенной на таблице 164,5, имеющей плавные покатые плечи, с таким определением С.Ю. Монахова можно согласиться, то для второй амфоры (табл. 164, 4), имеющей нормальные крутые плечи, характерные для всего типа Солоха-1, такое определение неверно. Также недостоверно отношение к «рыжановскому» типу амфоры из усадьбы № 7 поселения Панское-1, поскольку у нее не сохранился венчик и ее принадлежность к типу амфор с грибовидным венцом вообще недоказуема [Монахов, 1999: 521, табл. 221, 3].

сохранился венчик, что вообще делает проблематичным ее отнесение к этому типу) относятся к амфорам с грибовидным венцом [Монахов, 1999: 497–509], и они не могут характеризовать весь хронологический диапазон усадьбы. Выше уже отмечалось, что начальная дата усадьбы № 6 поселения Панское-I определена неверно. Это отнюдь не начало последней четверти, как считает С.Ю. Монахов, а середина – третья четверть столетия. И амфора с развитым грибовидным венцом усадьбы № 6 Панского-I [Монахов, 1999: Табл. 214, 3] несомненно относится именно к этому времени.

Амфоры с рюмкообразными ножками (Менда) из центрального погребения Рыжановки отнесены к концу IV в. до н. э., поскольку, по мнению С.А. Скорого, амфоры этого типа датируются именно так. Как отмечено выше при характеристике амфор из Бабиной Могилы, мендейские амфоры с рюмкообразной ножкой мелитопольского типа датируются не позднее третьей четверти IV в. до н. э. и в комплексах последней четверти столетия уже отсутствуют. То же самое отмечено по комплексам Северного Причерноморья и для амфор типа Солоха-II (Пепарет), ножка которой была обнаружена в составе гробницы во рву кургана [Рыжановка, 1999: рис. 2, 5].

В центральном захоронении впервые в Скифии найдена коринфская амфора IV в. до н. э.²¹, хронология которой в настоящее время еще находится в стадии первичной разработки [Келер, 1992: Табл. II, b], и дата самой амфоры может быть уточнена только по датировке Рыжановского комплекса. Немногочисленные, но постоянно повторяющиеся находки коринфских амфор на Елизаветовском городище, по условиям находок на городище датируются IV в. до н. э. И.Б. Брашинский ограничил датировку IV в. до н. э., поскольку в Северном Причерноморье в III в. до н. э. такие находки вообще неизвестны [Брашинский, 1970: 16, рис. 5; 1980: 29, табл. XXII, 7–8].

Во впускном захоронении Рыжановки найден сероглиняный лакримарий. По определению Н.А. Онайко, это ранний вариант эллинистического флакона-лакримария, найденный с чернолаковой керамикой второй половины IV в. до н. э. [Онайко, 1970: 61, 115, № 745]. Как полагает С.А. Скорого, подобные сосуды характерны для конца IV – начала III вв. до н. э. Далее приводится в качестве аналогии

бальзамарий из кургана № 4/1908 г. Елизаветовского могильника, не имеющий ничего общего с рыжановским сосудом. Зато очень близок ему по форме лекиф с отбитой ручкой из того же могильника из раскопок 1912 г., датированный широко в пределах IV в. до н. э. [Брашинский, 1980: № 225, 226, табл. XVIII, 225, 226]. Также приводится находка из кургана XXXIV некрополя Истрия, широко датированного в пределах конца IV – начала III вв. до н. э. [Alexandrescu, 1966: 186, 411, pl. 92], которая ничего не доказывает в силу определенных отличий формы сосуда.

С.А. Скорого утверждает, что такие формы существуют и в первой половине III в. до н. э., в подтверждение чему привлекает флакон из ольвийского склепа 52/1902 г. и дома в Керкинитиде. Однако в первом случае склеп по широкому кругу находок, в том числе и монеты, датируется в пределах второй половины II в. до н. э. [Зайцева, 1962: 187, рис. 5; Парович-Пешикан, 1974: 204, № 214]. В Керкинитиде датировка тоже совсем иная. Дом построен на подстиляющем слое конца IV – первой половины III в. до н. э. В доме на полу, помимо керамики, найдены монеты середины и конца III в. до н. э. [Кутайсов, 1987: 170–171, 174–175, рис. 6, 4], что указывает на датировку сосуда не ранее середины, второй половины, а возможно, и конца III в. до н. э. Помимо этого, сосудики из ольвийского склепа и дома в Керкинитиде не являются аналогиями и имеют очень мало общего с рыжановским, разве что только по назначению.

Следует отметить, что рыжановский сосуд не сохранился и известен лишь по рисунку XIX в. Поэтому нет уверенности, что мы имеем дело с завершенной формой. Вполне вероятно, что у него отбита петлеvidная ручка и это был сероглиняный лекиф с шаровидным туловом и петлеvidной ручкой V–IV в. до н. э., среди которых рыжановский флакон находит наибольшие соответствия по форме. Например, лекифы из погребений № 1 и 2 кургана № 13 у с. Львово второй–третьей четвертей IV в. до н. э., сосуды V–IV вв. до н. э. из Ольвии, сосудик с шаровидным туловом из кургана № 27 группы Гаймановой Могилы, найденный с канфаром третьей четверти IV в. до н. э. [Кубышев, 1982: рис. 6, 2; 13, 3; Колуб, 1962: 131–134; табл. V, 4; VI, 1; Тереножкин, 1977: рис. 37, 15, 17]. В Олинфе также известны подобные формы [Olynthus, 1950: pl. 142, 161 № 224, 245, 313], которые датируются не позднее начала третьей четверти IV в. до н. э.

²¹ Доклад С.А. Скорого на заседании Отдела скифо-сарматской археологии ИА НАНУ.

Таким образом, все ближайшие соответствия по форме рыжановскому лакримарию достаточно глубоко «сидят» в IV в. до н. э., не доходя даже до его конца. IV в. до н. э. для подобных сосудов является твердо установленным периодом существования и нет не только необходимости, но и возможности акцентировать внимание на формах первой половины III в. до н. э., поскольку именно к этому периоду не относится ни одна из приведенных аналогий. В целом следует заметить, что данный сосуд из Рыжановки не представляет собой какой-то устойчивый тип, который может определять датировку. Подобные формы, достаточно переменные, встречаются практически в каждом греческом центре на протяжении V–IV вв. до н. э. и везде датируются исключительно по контексту комплексов.

Для узды из центрального погребения Рыжановки предлагается ближайшая аналогия в погребении № 2 Хоминой Могилы, которое по херсонесскому клейму Геродота по В.И. Кацу датируется первой четвертью III в. до н. э., на основании чего тем же временем датируется и весь курган [Скорый, 1998: 131]. Однако узда с палочками этого типа широко распространена на Среднем Дону с конца V до рубежа IV–III вв. В курганах степного Поднепровья такая узда широко представлена в памятниках IV в. до н. э., для части которых установлена более узкая датировка в пределах второй половины IV в. до н. э. [Фіалко, 1996: 96]. Уместно вспомнить, что в конском захоронении Водяной Могилы, датирующимся в пределах третьей четверти IV в. до н. э., конь № 2 имел такую же узду. Датировка погребения № 2 Хоминой Могилы по херсонесскому клейму не представляется надежной (см. ниже датировку Хоминой Могилы).

По мнению А.Ю. Алексеева, начало III в. до н. э. для Рыжановского кургана устанавливается по вещам, которые допускают в том числе и датировку самым концом IV в. до н. э. Это перстни с золотыми статерами из впускной могилы и бляшки с личиной Медузы Горгоны с закрытым ртом из центральной [Алексеев, 2001: 71–72]. Последнее сопоставление подразумевает находки подобных бляшек в Огузе (центральный склеп), Шульговке, Деевом кургане, а в особенности – в Татьяниной и погребении № 2 Хоминой могил, на чем акцентировал внимание и С.А. Скорый [Скорый, 1998: 130–131]. Все перечисленные курганы (см. выше), как и погребение № 2 Хоминой

Могилы (см. ниже), датируются в пределах третьей четверти IV в. до н. э.

О датировке перстней с пантикапейскими статерами из Рыжановского впускного погребения из старых находок уже писал М. Мельчарек, установивший их принадлежность к 4-му типу пантикапейских статеров, датируемому по Д.Б. Шелову в пределах 330–315 гг. [Mielczarek, 1987]. К тому же типу, а отнюдь не к 5-му и 6-му, как полагают авторы раскопок [Рыжановка, 1996: 257; Скорый, 1998: 121, 124], принадлежит и статер в перстне, найденном во впускном погребении Рыжановки в 1995 г., о чем свидетельствует еще достаточно реалистичная трактовка лица сатира и формы локонов на его затылке на лицевой стороне монеты и размещение буквы «А» непосредственно над завитком хвоста грифона на оборотной [Scythian, 1999: № 94]. По принадлежности первых двух статеров к одному типу (добавим к ним еще и третий того же типа из последних находок) М. Мельчарек сделал вывод о том, что они были вальты непосредственно из обращения и их датировка соответствует датировке захоронения. Но хронология пантикапейских монет IV в. до н. э. имеет во многом достаточно ориентировочные датировки. Если дата пантикапейских статеров 3-го типа установлена сравнительно надежно, то для статеров поздних типов 4–6 дано ориентировочное распределение в пределах 330–300 гг. до н. э. (см. ниже раздел 4.26.). Поэтому их датировка не может преваляровать над датировкой, установленной по археологическим материалам, и прежде всего – по греческой керамике. Датировка поздних типов статеров может только уточняться этими материалами.

Керамические материалы из Рыжановского кургана, и прежде всего амфоры, твердо датируются в пределах третьей четверти IV в. до н. э. Весь круг аналогий для разнообразного инвентаря Рыжановского кургана, очерченный С.А. Скорым – Толстая Могила, Деев и Мелитопольский курганы, Чертомлык, Куль-Оба, Гийманова и Денисова могилы, Александрополь (центральная гробница), 8-й Пятибратний курган, Огуз, Желтокаменка, Карагодеуашх, Чмырева и Соболева могилы (перечислены только курганы с четкой датой), – безоговорочно связывает Рыжановский курган с памятниками Скифии третьей четверти IV в. до н. э. и указывает на его датировку в тех же пределах. Лишь некоторые параллели могут указывать на начало последней четверти столетия.

Несколько слов нужно сказать о применении радиоуглеродных датировок в скифской археологии. Бросается в глаза следующая странность. Петербургская лаборатория по единичным образцам, хранившимся более ста лет в малоподходящих по условиям отбора образцов для анализов условиям, почему-то выдает даты, близкие к опубликованным археологическим. В то же время киевская лаборатория по серии образцов дает такой результат, который не только не позволяет их считать уточняющими, но вообще вносит смятение в умы скифологов [Chachorowski, 1998; 1999: 37-40; 1999-C; 2000: 44-45]. В памяти всплывают радиоуглеродные датировки киевской лаборатории для погребений катакомбной культуры, дававшие разброс датировок для одного погребения в 200-300 лет. При датировке захоронений срубной культуры для основного захоронения в кургане той же культуры были получены датировки, соответствующие ямной культуре. Хотя все материалы происходят из стерильного могильника срубного времени.

КАМЕНСКАЯ БЛИЗНИЦА. Исследователи Каменской Близницы на основании аналогичных находкам из кургана датировали его рубежом IV-III вв. до н. э. Они отметили находку херсонесского клейма агоранона Аполлониды в тризне кургана, но в силу слишком поздних датировок, определявшихся для него в период подготовки публикации, 275-215 гг. до н. э. или даже концом III - началом II вв. до н. э., по-видимому, не сочли возможным использовать при определении даты памятника [Андросов, 1987: 73; Кац, 1985; Борисова, 1974: 122, № 1-6]. А.Ю. Алексеев на основании этой находки предположил возможность принадлежности кургана к первым годам III в. до н. э. [Алексеев, 1992: 157]. После появления последней хронологии В.И. Каца он более решительно отнес к началу III в. до н. э. позднейшее в кургане впускное погребение № 3 на основании новой датировки херсонесского клейма в пределах 300-285 гг. до н. э. [Алексеев, 2000: 302; 1994: 76, №16]. С.А. Скорый на том же основании датировал весь курган по дате херсонесского клейма по В.И. Кацу тем же временем [Скорый, 1998: 130].

Однако вопрос о датировке Каменской Близницы решается далеко не так просто. В составе тризны кургана во рву найдены остатки 22 мендейских амфор мелитопольского типа и одной херсонесской амфоры с клеймом ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΑ ΑΓΟΡΑΝΟΜΟΥ. Ножка, изобра-

женная в публикации на том же рисунке в левом нижнем углу, судя по очень низкому расположению нижней границы внутренней емкости амфоры, абсолютно нехарактерному для мендейских амфор мелитопольского типа, по-видимому, принадлежит амфоре типа Солоха-II (Пепарет) [Андросов, 1987: 59-60, рис. 3, 3-4]. Как уже неоднократно отмечалось, амфоры Менды датируются не позднее третьей четверти IV в. до н. э. Еще более справедливо это наблюдение для пепаретских амфор (см. раздел 4.20).

Если руководствоваться существующей хронологией херсонесского клеймени В.И. Каца, то в материалах тризны Каменской Близницы отмечается расхождение в датировке практически всех амфор из тризны с херсонесским клеймом не менее чем в четверть столетия. Опять мы сталкиваемся с проблемой, аналогичной для Чертомлыка. Можно, конечно, предположить существование некой тризны из одной херсонесской амфоры, совершенной на 25 лет позднее самого последнего в кургане захоронения № 3. Но если Чертомлык - памятник царского ранга, где теоретически (поскольку прецедентов мы не знаем) могли совершаться подобные действия в память о великом царе и много лет спустя, то Каменская Близница является родовым памятником значительно более скромного уровня, где это намного менее вероятно.

Если для мендейских и пепаретских амфор датировка не позднее третьей четверти IV в. до н. э. многократно подтверждена различными комплексами, то о прочности датировок херсонесских клейм этого сказать нельзя.

В.И. Кац, в сравнении с предыдущей схемой, переместил клейма агоранона Аполлониды из 2-й хронологической группы в 1-ю, в ее финальную подгруппу 1-В, поскольку недавно стали известны клейма агоранона Истроны, которые также отнесены к подгруппе 1-В на основании существования в ней астинома Истроны [Кац, 1994: 46, 76, 88, № 1-16]. После этого стала понятной логика размещения в схеме очень редких для Херсонеса клейм агоранонов (всего 3 имени). Они размещены в подгруппах, где имеются астиномы с теми же именами. Но в таком случае совершенно неясно, почему агораном Аполлонид соотношен с астиномом Аполлономидом-II из подгруппы 1-В, а не с Аполлономидом-I из подгруппы 1-А, датирующейся по В.И. Кацу 325-315 гг. до н. э. [Кац, 1994: 50-51, 76, 87, № 1215]. Как любит аргументировать В.И. Кац, есть очень веские основания (почти

полный состав триазы кургана Каменская Близица) связывать агораном Аполлонидом именно с Аполлонидом-I и датировать соответствующим образом, хотя и эта датировка представляется недостаточной. Наличие этого клейма в триазе Каменской Близицы совместно с мендейскими амфорами мелитопольского типа указывает на более раннюю датировку херсонесского клейма. Мендейские амфоры, как и пепаретские, отсутствуют в комплексах Северного Причерноморья последней четверти IV в. до н. э. [Момахов, 1999: 529]. В то же время оба этих типа амфор имеются на херсонесских поселениях, хронологический диапазон которых захватывает середину – третью четверть IV в. до н. э. [Колесников, 1984: 85; 1985: 69–72, 79–80, № 1, 11, 12, 18, 20; Ланцов, 1994: 84, рис. 9, 1, 5, 7, 9, 13, 19].

Схема херсонесского клеймени В.И. Каца производит странное впечатление. По своей сути она является совершенно самостоятельной, замкнутой на себя, и имеет очень слабые, явно недостаточные, выходы на схемы клеймени Синоп и Фасоса. Вся хронология построена исключительно на эволюционной типологии клейм и не подкреплена датировками комплексов [Кац, 1994: 47–49, 61–63, Табл. 2; 4]. Такой метод незаменим для первичной систематизации беспаспортного материала. Но он не может ставиться во главу хронологии для комплексов клейм, когда сами комплексы датируются по эволюционной схеме развития херсонесских клейм, а не по массовым материалам поселений, которые вообще не учитываются. Определение периодов существования поселений путем раскладки херсонесских клейм с поселений по типологической схеме, без учета датировок массовых материалов, представляется принципиально неверным. Также неприемлемо растягивание клейм во времени на основании представления о прямой смене типологических групп, что совершенно искажает подлинную хронологию.

Как пишет В.И. Кац, магистраты 1-й группы «были предположительно разделены по трем последовательным подгруппам» на основании «выявленной логики изменения основных признаков, характеризующих херсонесские клейма». И уже для иллюстрации такого распределения привлечены поселенческие комплексы херсонесского клейма, которые никак его не доказывают. В составе 2-й группы В.И. Каца присутствует ряд астиномов, представленных и клеймами в 1-й группе, что, по мнению

В.И. Каца, свидетельствует о периоде сосуществования клейм 1-й и 2-й групп. Поэтому предложенная граница между 1-й и 2-й группами является условной. Отбор астиномов во 2-ю группу и разбивка на подгруппы также проведены на основе типологии клейм и лишь отчасти скорректированы по составу комплексов клейм поселений. Несмотря на несомненный период сосуществования 1-й и 2-й групп (по имеющимся данным, не только в конце 1-й группы), наличие в составе 2-й группы только 48 астиномов, ее длительность определена в 55 лет, с учетом гипотетического резкого спада в производстве амфор, наблюдаемого в середине группы, и возможных спорадических перерывов в клеймени. Ее временные рамки определены в пределах 285–230 гг. до н. э. путем механического прибавления 55 лет к конечному году 1-й группы. В состав 3-й группы также по типологическим соображениям зачислены оставшиеся 40 астиномов, разбитые на три подгруппы. Невзирая на это, ее продолжительность определена в 45 лет в пределах 230–185 гг. до н. э., с учетом затухания производства амфорной тары и возможных перерывов в его конце. Последняя группа практически не обеспечена археологическими комплексами, поскольку таковыми трудно считать единичные находки из слоев городищ Кульчук и Неаполь Скифский, имеющих широкий временной диапазон [Кац, 1994: 46, 55, 66, 76, табл. 2].

Датирование херсонесского клейма по соппадению имен астиномов со встречающимися на херсонесских монетах, надгробьях и надписях, на которых основаны работы Р.Б. Ахмерова, В.В. Борисовой и, в значительной степени, Б.Ю. Михлина, дало в целом негативный результат. По-видимому, еще слишком мал количественно и в целом случаев по составу список имен херсонеситов, имеющийся в нашем распоряжении. Анализ херсонесского амфорного импорта из Елизаветовского городища и Ольвии показал несоответствие датировок херсонесского клейма Р.Б. Ахмерова и В.В. Борисовой реальной ситуации. Более высокую оценку заслужила хронология Б.Ю. Михлина, однако и она, по мнению М.И. Золотарева, не дает возможности детализировать во времени динамику херсонесского ввоза во времени. Наиболее соответствует всем требованиям хронология В.И. Каца [Щеглов, 1973: 28; Золотарев, 1994: 126]. По оценке Н.Ф. Федосеева при возможности дальнейшего уточнения абсолютных дат, в настоящее время предложенные

В.И. Кацем даты следует считать наиболее оптимальными [Федосеев, 1997: 225].

Главным достоинством новой хронологии В.И. Каца могло бы стать достоверное распределение большей части херсонесских клейм во времени на основании синхронизации списков комплексов клейм поселений херсонесской хоры, имеющих относительно узкие хронологические рамки. Впервые в истории изучения хронологии херсонесского клеймения появились реальные возможности для достоверного выделения клейм начального и позднего (хоть и в значительно меньшей степени) периодов клеймения по материалам поселений. Однако списки херсонесских клейм по поселениям у В.И. Каца в сводной таблице [Кац, 1994: 47–49, табл. 2] резко отличаются и по количеству, и по составу имен от приведенных в публикациях материалов поселений.

На поселении у Евпаторийского маяка, которое занимает видное место в рассуждениях В.И. Каца, найдены клейма 24 херсонесских астиномов. Даже без учета омонимов их остается 22 [Колесников, 1985: 80]. В.И. Кац учел только 14 астиномов из этого комплекса. Пропущены ΑΓΑΘΩΝ ΓΝΑΘΩΝΟΣ, ΑΘΑΝΟΔΩΡΟΣ Ο ΝΙΚΕΑ, ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ, ΗΡΟΚΑ, ΗΡΟΚΡΑΤΕΟΣ ΝΕΥΜΗΝΙΟΥ, ΚΟΥΤΥΠΩΝ ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ, ΠΡΥΤΑΝΙΟΥΣ ΤΟΥ ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ, ΦΟΡΜΙΩΝ ΑΠΟΛΛΑ, ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ ΠΑΣΙΑΔΑ ΑΓΟΡΑ. Вместо них у В.И. Каца появился дополнительно астином ΠΑΣΙΩΝ [Кац, 1994: 47–49, табл. 2, № 1–93].

По сведениям В.И. Каца, в комплексе керамических печей в Херсонесе представлены отщепки большинства херсонесских астиномов 1-й группы, одного подгруппы 2-А и клейма трех более поздних чиновников [Кац, 1994: 63]. Однако, по сведениям автора раскопок В.В. Борисовой, уделявшей особое внимание херсонесским клеймам, состав обнаруженных здесь клейм выглядит гораздо скромнее [Борисова, 1955: 6–8; 1956: 10; 1957: 5–7]. Конечно, можно предполагать некоторое увеличение состава имен за счет трех неверно прочтенных и нескольких не прочтенных В.В. Борисовой клейм. Но пополнение списка, в три раза превышающее первоначальный состав, требует каких-то пояснений. Так, В.И. Кац, помимо перечисленных В.В. Борисовой, называет следующие клейма: ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΑΣ-1, ΚΡΑΤΩΝ, ΣΩΠΟΛΙΟΣ, ΣΩΠΑΔΑΣ, ΑΙΣΧΙΝΑΣ, ΑΠΟΛΛΑΘΕΟΣ, ΗΡΟΓΕΙΤΟΣ, ΜΑΤΡΙΣ, ΞΑΝΘΟΣ, ΑΓΑΣΙΚΑΝΣ, ΗΡΟΔΟΤΟΥ, ΙΕΤΡΩΝ, ΞΕΝΩΝ, ΠΑΣΙΩΝ, ΠΟΛΥΣΤΡΑΤΟΣ, ΤΕΛΑΜΩΝ, ΧΟΡΕΙΟΣ, ΑΘΑΝΟΔΩΡΟΣ Ο ΝΙΚΕΑ, ΑΠΟΛΛΑ ΧΟΡ-

ΕΙΟΥ, ΗΡΟΚΑΣ Ο ΗΡΟΤΙΜΟΥ, ΗΡΟΚΡΑΤΕΟΣ ΝΕΥΜΗΝΙΟΥ, ΘΕΟΓΕΝΗΣ [Ο] ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΑ, ΣΙΜΟΣ Ο ΔΑΜΑΤΡΙΟΥ [Кац, 1994: 47–49, табл. 2, № 1–15, 1–68, 1–112, 1–116, 1–7, 1–12, 1–52, 1–74, 1–88, 1–2, 1–54, 1–63, 1–90, 1–93, 1–95, 1–118, 1–125, 1–6, 1–11, 1–55, 1–56, 1–61, 1–106].

Кроме того, по данным В.И. Каца, в комплексе гончарных печей, исследованных В.В. Борисовой, присутствуют клейма синопских магистратов конца 3-й группы – Мнесикла и середины следующей Эскина, являющихся самыми поздними находками этого комплекса. Правда, однажды В.И. Кац отметил, что эти клейма обнаружены в засыпи, перекрывающей керамические печи, и являются синхронными могильнику, появившемуся на месте этого производственного комплекса после его разрушения. Но уже в таблице 4 эти клейма фигурируют как происходящие из комплекса печей [Кац, 1994: 59, 62–63, табл. 4]. Но у В.В. Борисовой среди находок в комплексе печей синопские амфоры, а тем более клейма, вообще отсутствуют [Борисова, 1957: 6–7]. Есть ряд вопросов и по находке фассосского клейма магистрата Клейта, которое, согласно В.И. Кацу, происходит из слоя над цистерной «б», подстилающей печь № 9. В.И. Кац использовал его для обоснования начальной даты херсонесского клеймения. [Кац, 1994: 71]. Здесь найдена большая группа гераклейских, фассосских и синопских клейм более раннего времени, однако фассосское клеймо Клейта здесь отсутствует [Фонды ГХМ, кол. опись 36582].

В составе клейм усадьбы надела 25 на Гераклейском полуострове у В.И. Каца среди херсонесских астиномов отсутствуют ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΑΣ, ΤΕΛΑΜΩΝ, ΠΡΥΤΑΝΙΟΣ Ο ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ, ΘΕΟΓΕΝΗΣ [Ο] ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΑ [Туровский, 1996: 166]. Вместо них появились ΞΕΝΩΝ, ΗΡΟΚΡΑΤΗΣ [Ο] ΝΕΥΜΗΝΙΟΥ, ΚΟΥΤΥΠΩΝ [Ο] ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ и ΜΗΝΙΣ [Ο] ΔΑΜΟΚΛΕΟΣ [Кац, 1994: 47–48, табл. 2, № 1–90, 1–56, 1–67, 1–79].

В комплексе клейм усадьбы надела 26 на Гераклейском полуострове у В.И. Каца среди херсонесских астиномов отсутствуют Евклид, Лагория Парфеноклеев, агораном Аполлонис Пасиадов [Туровский, 1992: 148–149]. Зато появилось могучее пополнение: ΗΡΟΝΙΚΟΣ, ΚΡΑΤΩΝ, ΑΠΟΛΛΑΘΕΟΣ, ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ, ΗΡΑΚΛΕΙΟΣ, ΗΡΟΓΕΙΤΟΣ, ΗΡΟΞΕΝΟΣ, ΜΑΤΡΙΣ, ΞΑΝΘΟΣ, ΣΩΚΡΙΤΟΣ, ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΔΑΣ, ΑΓΑΘΩΝ ΓΝΑΘΩΝΟΣ, ΑΘΑΝΟΔΩΡΟΣ Ο ΝΙΚΕΑ, ΗΡΟΚΑΣ Ο ΗΡΟΤΙΜΟΥ, ΘΕΟΓΕΝΗΣ [Ο] ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΑ, ΣΙΜΟΣ Ο ΔΑΜΑΤΡΙΟΥ, ΜΑΡΩΝ Ο ΒΑΒΩΝΟΣ, ΜΑΤΡΙΣ Ο ΗΡΟΞΕΝΟΥ

[Кац, 1994: 47–49, табл. 2, № 1–57, 1–68, 1–12, 1–20, 1–47; 48, 1–52, 1–58, 1–74, 1–88, 1–110, 1–40, 1–1, 1–6, 1–55, 1–61, 1–106, 1–73, 1–77].

Есть расхождения и с комплексом клейм поселения Песчанка. Так, у В.И. Каца отсутствуют астиномы ΜΗΝΙΣ ΔΑΜΟΚΛΕΟΣ, ΑΘΑΝΟΛΩΡΟΣ, ΣΙΡΕΚΟΣ, ΔΑΜΟΚΛΕΟΣ [Коваленко, 1991: 30–31]. Вместо них появились ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΔΑΣ и ΗΡΟΚΡΑΤΗΣ [Ο] ΝΕΥΜΗΝΙΟΥ [Кац, 1994: 47–49, табл. 2, № 1–40, 1–56].

Столь же необъяснимые расхождения отмечаются и для комплекса херсонесских клейм поселения Пляское-I. У В.И. Каца отсутствуют астиномы ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ, ΕΥΑ..., ΗΡΟΔΟΤΟΥ, ΑΠΟΛΛΑ ΧΟΡΕΙΟΥ, ΚΟΥΤΥΠΩΝ ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ, ΠΡΥΤΑΝΙΟΣ ΤΟΥ ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ, перечисленные в каталоге клейм поселения в итоговой публикации, основным автором которого является сам В.И. Кац [Равякоуе, 2002: 114, 119–123, Table, 2]. Вместо них значатся ΑΠΟΛΛΑΘΕΟΣ, ΗΡΕΑΣ, ΠΟΛΥΣΤΡΑΤΟΣ, ΦΙΛΙΠΠΟΣ, ΘΕΟΓΕΝΗΣ (Ο) ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΑ, ΜΗΝΙΣ ΔΑΜΟΚΛΕΟΣ [Кац, 1994: 47–49, табл. 2, № 1–12, 1–51, 1–95, 1–121, 1–61, 1–79]. У С.Ю. Монахова, который использовал результаты обработки коллекции усадьбы № 6 поселения Панское-I, сделанной В.И. Кацем, эти многочисленные дополнения отсутствуют, но, по сравнению с последней публикацией, в которой С.Ю. Монахов выступает в роли соавтора [Равякоуе, 2002: 114, 119–122, № 1–99], отсутствуют астиномы Геродот и Евв... Всего, по данным С.Ю. Монахова, на усадьбе № 6 найдено 95 херсонесских клейм, в то время как в последней публикации их значится 99 [Монахов, 1999: 503; Равякоуе, 2002: 119–122, № 1–99].

Частично эти расхождения объясняются тем, что В.И. Кац в работе 1994 г. суммарно учел херсонесские клейма обеих усадеб № 6 и 7 поселения Панское-I. В усадьбе № 7 действительно есть клейма астиномов Героя и Филиппа, отсутствующие в усадьбе № 6. Но ни в усадьбе № 6, ни в усадьбе № 7, ни в целом на поселении Панское-I, не обнаружены клейма Аполлотея, Полистрата, Теогена Аполлонидова и Миниса Дамоклова [Монахов, 1999: 516; Кац, 1994: 47–48, табл. 2, № 1–12, 1–95, 1–61, 1–79].

Состав херсонесских клейм Елизаветовского городища, по В.И. Кацу, также вызывает вопросы. Конечно, в последней работе, по сравнению с первой публикацией, количество херсонесских клейм в результате новых раскопок значительно возросло. Но почему-то здесь

учтены только выборочно старые материалы И.Б. Брашинского, из которых по совершенно неясным причинам выпали астиномы Аполла, Архандр, Ветилла, Ксенон и Пасион [Брашинский, 1980: 196–198, № 712–769; Кац, 1986: 100; 1994: 47–49, табл. 2]. Также остаются совершенно неясными основания для распределения херсонесских клейм между скифским Елизаветовским городищем, закончившим существование не позднее рубежа IV–III вв. до н. э., и боспорским эмпорием, возникшим на его развалинах.

В книге из единичного упоминания в тексте следует, что речь идет о поселении, завершившем существование не позднее середины III в. до н. э., т. е., о боспорском эмпории, в то время как в таблице значится Елизаветовское городище [Кац, 1994: 43, 47–49, табл. 2]. В публикации клейм боспорского эмпория сообщается, что из найденных здесь в 1982–1984 гг. 78 определяемых клейм три четверти принадлежит к заключительному периоду существования предшествующего во времени Елизаветовского городища, что объясняется многочисленными позднейшими перекопами и перепланировкой территории под боспорский эмпорий. Если в отношении клейм других центров эта пропорция в целом выдерживается, то в анализе херсонесских клейм В.И. Кац руководствовался исключительно своей типохронологией и из 14 херсонесских клейм 11 экз. отнес ко времени эмпория исключительно на основании собственной схемы, согласно которой имена из этих клейм принадлежат поздним астиномам его 1-й группы и датируются соответствующим образом [Кац, 1986: 100, 104].

Но такое разделение является совершенно искусственным, поскольку ряд аналогичных и иных херсонесских клейм, в том числе и 2-й по В.И. Кацу группы, был обнаружен в слоях Елизаветовского городища в предшествующие годы. И.Б. Брашинский отмечал значительное место, занимаемое херсонесскими амфорами в комплексе амфорной тары Елизаветовского городища, и ставил вопрос о необходимости расширения круга типов ранней херсонесской керамической тары IV – первой половины III вв. до н. э. и о передатировке в сторону некоторого удреждения отдельных типов херсонесских амфор и, соответственно, клейм [Брашинский, 1980: 196–198, № 712–769]. Херсонесские амфоры на Елизаветовском городище являются одним из ведущих видов амфорной тары второй половины IV – первой четверти III в. до н. э. [Марченко, 2000: 158–159].

В последнее время В.И. Кац пересмотрел это распределение коренным образом. Ко времени эмпория теперь принадлежат только клейма группы 2-Б, по его датировкам, позднейшие из найденных здесь херсонесских клейм. Все остальные клейма теперь отнесены ко времени функционирования городища, датировку которого В.И. Кац доводит до начала 270-х гг., а время существования эмпория определяет, соответственно, в пределах конца 270 – середины 260 гг. до н. э. [Кац, 2001: 90].

Такой решительный пересмотр хронологии был предпринят на основании привлечения нескольких родосских клейм магистратов Антилеона, Аристиона, Полиарата, Христора и Агрия, которые, по мнению В.И. Каца, по материалам лагеря в Корони в Аттике твердо датируются 265–260 гг. до н. э. [Кац, 2001: 87; Брашинский, 1980: 761–764, 770]. Такую «твердую» датировку этой группы клейм в пределах 268–259 гг. до н. э. недавно предложил Г. Финкельштейн в своей новой схеме родосского клеймения. Однако сам же В.И. Кац в последней работе называет эту дату гипотетической и пытается подтвердить ее с помощью весьма значительного пересмотра хронологии Елизаветовского городища и эмпория [Кац, 2002: 156, сл.]. Предлагаемая В.И. Кацем датировка родосских клейм резко диссонирует с хронологией всех остальных категорий находок и требует пересмотра хронологии и городища (его конечной даты), и эмпория.

При том, что датировка военного лагеря в Корони достаточно надежно ограничивается годами Хремонидской войны, керамический комплекс лагеря представляет собой набор керамики, датирующейся самым разным временем – от конца IV до 260-х гг. до н. э., собранной наемниками на окрестных поселениях, а также привезенной с собой. Несмотря на то, что все эти изделия обнаружены в крепости в единых комплексах, это не меняет сути – керамика эта разновременная [Vanderpool, 1962: 58–59; 1964: 69–75; Edwards, 1963: 109–111; Grace, 1963: 319–332]. И в полной мере это относится к раннеродосским амфорам с упомянутыми клеймами. Исследователи лагеря отмечали, что вода на безводное плато, где находился лагерь, доставлялась из долины. И в крепости она хранилась во всех пригодных для этого емкостях, в том числе и в старых амфорах, собранных на окрестных поселениях. И датировка, предложенная для них В. Грейсе 280–270 гг. до н. э., – это отнюдь не проявление лу-

качества с ее стороны, как полагает В.И. Кац, а вывод, обоснованный многолетними исследованиями авторитетнейшего специалиста по хронологии родосского клеймения [Grace, 1974: 197]. И находка этих клейм на Елизаветовском эмпории, время существования которого по самым различным категориям находок ограничивается 280–270 гг. до н. э., только подтверждает ее датировку. Эта дата для раннеродосских клейм принята современными исследователями родосского клеймения [Barker, 1998: 13–14; Johrens, 1999: 11, periode 1b].

Если в своей основе хронология херсонесского клеймения В.И. Каца во многом базируется на синхронизации с синопским клеймением, то в попытке серьезного пересмотра хронологии Елизаветовки для уточнения даты Елизаветовского эмпория В.И. Кац начинает уточнять датировку синопских клейм по херсонесским. Так, найденное в помещении № 52 Елизаветовского эмпория херсонесское клеймо Никия, сына Геротейта, подгруппы 2-Б, которое, по мнению В.И. Каца, не может датироваться ранее второй четверти III в. до н. э., выступает датирующим для нескольких синопских клейм IV группы, датирующихся по последней хронологии Н.Ф. Федосеева серединой 280-х гг. Такое же объяснение предлагается и для строительных комплексов № 6, 8, 16, землянки № 3 и подвала 1998 г. Здесь найдены синопские клейма конца III группы эстивомов Микрия, Миескила, Пасихара и Питокла и херсонесское клеймо Формиона, сына Аполлы, которое, согласно схеме В.И. Каца, принадлежит к подгруппе 2-А. Все эти объекты В.И. Кац уже связывает со скифским Елизаветовским городищем, в отличие от автора раскопок К.К. Марченко, исследовавшего их в составе эмпория [Марченко, 2000-А: 225]. Как полагает В.И. Кац, по аналогии с поселениями северо-западного Крыма, на которых присутствуют те же клейма, можно полагать, что скифское поселение на Елизаветовском городище также прекратило существование не ранее конца 280-х гг. до н. э. [Кац, 2001: 85].

Но ведь это недоразумение. Хронология херсонесских клейм В.И. Каца в целом и на поселениях северо-западного Крыма в частности была установлена на основании синхронизации с датировками синопских клейм²⁴. И поэтому при удравнении датировок синопских

²⁴ Сама эта синхронизация проделана с большими погрешностями и вызывает целый ряд возражений [Федосеев, 1997: 223–224].

клеим должна соответственно меняться и датировка херсонесских клейм. Не может старая дата херсонесских клейм уточнять новую дату синопских.

Особенно красноречив в этом отношении способ датирования амфорного комплекса из подвала № 30 Елизаветовского городища, в котором найдены 20 херсонесских амфор с клеймами гончара Дрима при астиноме Хорее (группа 1-B). В состав этого комплекса также входит целый ряд синопских амфор с клеймами 6 магистратов конца III–IV групп. Разница в датировке синопских и херсонесских клейм достигает более 15 лет. Для сохранения в неприкосновенности своей херсонесской хронологии В.И. Кац предлагает рассматривать этот комплекс как два комплекса!!! [Кац, 2001: 88–89]. Если раньше по весьма схематичной типохронологии В.И. Каца датировались поселения, на которых ее проверить невозможно, то теперь, когда огрехи этой схемы вылезают наружу уже в пределах единого узкого археологического комплекса, предлагается расчленить комплекс на части и датировать его отдельно, лишь бы сохранить в неприкосновенности собственную схему любой ценой.

В целом В.И. Кац не имеет убедительных доказательств в пользу столь решительной перемены финальной даты Елизаветовского городища и боспорского эмпория на его территории. Наиболее оптимальную датировку, не требующую насилия над источниками, предлагает К.К. Марченко, согласно которому прекращение существования скифского Елизаветовского городища относится к рубежу IV–III или к самому началу III в. до н. э. При отсутствии сколько-нибудь заметного хронологического разрыва время основания боспорского эмпория относится к тому же времени. Его гибель определяется в пределах 280–270 гг. до н. э., а период существования эмпория ограничивается 15 – максимум 25 годами [Марченко, 2000-А: 225–227]. Возможно, более точны датировки Н.Ф. Федосеева по синопским клеймам, согласно которым основание эмпория относится к 305/4 гг., а его гибель – не позднее 275 г. до н. э. [Федосеев, 1999: 17, 20].

Определенные возможности для уточнения хронологии херсонесского клейменения дают материалы Танаиса. Здесь найдены 9 херсонесских клейм, из которых читаются ΑΓΑΣΙΚΛΕΟΣ, ΑΒΑΝΟΜΕΡΟΥ ΤΟΥ ΝΙΚΕΑ, ΗΡΟΕΕΝΟΥ, ΣΙΛΑΝΟΥ и ΜΑΤΡΙΟΣ [Шелов, 1975: 149–150; 1994: 38; Johrens, 2001: 456–457, № 405–406]. Для Ели-

заветовского городища и эмпория всего, вместе с неучтенными В.И. Кацем, насчитывается 26 херсонесских астиномов, а с учетом монограммных клейм это число существенно больше. Дата основания эмпория Танаиса определяется Н.Ф. Федосеевым по синопским клеймам одновременно с боспорским эмпорием Елизаветовского городища – 305/4 г. до н. э. [Федосеев, 1999: 14–15]. Хотя здесь известны находки бронзовых боспорских монет чеканки 330–315 гг. до н. э. [Bezuglov, 1998: 425]. При том, что синопские клейма конца IV – начала III вв. до н. э. представлены в Танаисе, как и на Елизаветовском городище, достаточно широко, столь большая редкость херсонесских, а также гераклеидских (одна находка) клейм в Танаисе представляется далеко не случайной. Такое соотношение дает основания основную массу херсонесских клейм Елизаветовского городища относить ко времени ранее 305/4 г., независимо от их типологической принадлежности.

Таким образом, получается, что херсонесское клеймение охватывает не менее 30 лет заключительного периода существования скифского Елизаветовского городища и большая часть из обнаруженных клейм должна связываться именно с ним. Это находит подтверждение в материалах городища и могильника. В последнем обнаружены херсонесские амфоры типа II-A по В.В. Борисовой, на которых известны клейма астинома Кратона и других, а также боспорская амфора, ныне относимая к раннехерсонесской продукции середины – третьей четверти IV в. до н. э. [Брашинский, 1980: 1222, № 140–143; Борисова, 1974: 105–107; Монахов, 1989]. Слабая представленность херсонесской продукции в могильнике не должна удивлять. По каким-то причинам амфоры в могильнике IV в. до н. э. в подавляющем большинстве случаев представлены гераклеидской продукцией и лишь в единичных курганах здесь найдены амфоры иных центров. В то же время продукция Гераклеи, Фасоса, Синоп, Херсонеса и других центров в материалах городища второй половины IV в. до н. э. представлена очень широко.

Состав херсонесских клейм из Роксоланского городища (Никокий) полностью проверить не удалось. Полная публикация клейм этого памятника еще впереди. Вполне вероятно, что В.И. Кац располагает более обширной информацией по его составу [Кац, 1994: 47–49, табл. 2]. Но почему у него не учтены данно опубликованные клейма, остается совершенно

неясным. Среди последних – Аполла, Нанон, Кеаф, Неамений Филистиев, Притан Аристонов, Эвклид¹⁵, Геродот, Агагон Гнагонов, Никий Герогейтов [Василенко, 1971-А: 147; Мартыненко, 1997: 224–225].

В целом очень существенные расхождения по составу херсонесских клейм отмечены для всех 8 поселенческих комплексов из 8 использованных В.И. Кацем при разработке хронологии херсонесского клеймения.

Н.Ф. Федосеев также отметил значительное расхождение данных В.И. Каца по комплексам усадеб № 25 и 26 на Гераклеяском полуострове, поселений Песчанка и Панское-1 и по составу синопских клейм. Если учесть, что на основе синхронизации с хронологией синопских клейм на 99% построена хронология херсонесского клеймения, легко представить достоверность результатов [Федосеев, 1995: 224].

В чем причина столь существенных расхождений, остается только гадать. Но при таком состоянии исходной источниковой базы какое-либо достоверное распределение клейм по группам и серьезные детальные хронологические обоснования для подгрупп, групп и всей схемы херсонесского клеймения в целом на такой основе возможны лишь в самом общем виде. Поэтому совершенно неправомерны утверждения В.И. Каца вроде того, что некое клеймо датируется не ранее или не позднее какой-либо даты и что эта датировка не позволяет датировать иным временем какую-либо иную группу находок. Хронология В.И. Каца может рассматриваться лишь как первое приближение к действительной хронологии херсонесского клеймения. Необходимость дальнейшего выделения хронологических групп клейм вне зависимости от их типологии и уточнения их абсолютных дат совершенно очевидны.

Недостоверность жесткого распределения имен астиномов по подгруппам ощущается при обработке крупных серий клейм, связанных датировками сопутствующих массовых материалов. С.Б. Ланцов при датировании херсонесских клейм поселения у с. Ново-Федоровка, принимая в целом датировку 1-й группы клейм, отказался от распределения клейм по трем подгруппам внутри нее по В.И. Кацу как

необоснованного [Ланцов, 1994: 84]. И это нормально, поскольку никаких убедительных доказательств по группировке астиномов, кроме «внутренней логики развития», В.И. Кац не приводит.

Предложение А.Б. Колесникова коренным образом пересмотреть схему херсонесского клеймения, основанное на составе комплекса разнотипных клейм из усадеб у Евпаторийского маяка, датированных по чернолаковой керамике и монетам, семи группам клейм и амфор различных центров и синхронизации с находками в других пунктах, В.И. Кац отверг лишь на том основании, что «столь решительная ломка, существенно меняющая представление о логике типологического развития херсонесских магистратских оттисков неправомерна». Но «логика типологического развития» не может иметь приоритет, если археологический комплекс с достаточно четко определенной датой дает сочетание нескольких типов клейм. Ни слова не сказано о датировке массового археологического материала поселения. Проверка правильности установленной А.Б. Колесниковым конечной даты существования усадеб делается не по датировке всех материалов, а на основе схемы херсонесского клеймения В.И. Каца и синопского клеймения, хронология 3-6 групп которого по-прежнему остается дискуссионной. В противовес датировке синопских клейм 3-й группы 305–275 гг., предложенной А.Б. Колесниковым, приводится датировка этой группы 309–285 гг. румынских ученых, предлагающих также несколько иное распределение магистратов внутри нее. Но ведь это никак не противоречит общей дате поселения по А.Б. Колесникову и еще неизвестно, какая дата 3-й группы синопских клейм является более верной. В доказательство неправильности датировки А.Б. Колесникова приводятся также гераклеяские клейма из этих усадеб, которые, по мнению румынских исследователей, могли бытовать и во второй четверти III в. до н. э. [Кац, 1994: 39–40]. Этот аргумент вообще нельзя принимать всерьез, поскольку завершение гераклеяского клеймения в первой четверти III в. до н. э. является общепризнанным фактом [Кац, 1997: 216; Моисаев, 1999: 529–530]. В сущности, В.И. Кац не смог привести никаких решающих контраргументов против датировки А.Б. Колесникова, кроме «типологических», сводящихся к защите собственной схемы.

¹⁵ Б.А. Василенко не дал распределение клейм по памятникам восточного берега Днепровского лимана, но А.И. Мартыненко подтверждает происхождение всех херсонесских клейм, приведенных Б.А. Василенко, именно из Николии [Мартыненко, 1997: 221].

Идея А.В. Колесникова, основанная на комплексе достоверно датированного материала усадеб у Евпаторийского маяка, остается весьма плодотворной. Ведь совершенно логично предполагать, что на поселения херсонесской хоры херсонесские амфоры поступали регулярно, с небольшими пробелами. Поэтому представляется вполне обоснованным рассмотрение комплексов херсонесских клейм с каждого поселения как более-менее монолитных хронологических групп, где херсонесские клейма представляют достаточно полные хронологические ряды, в отличие от амфор всех других центров, поступающих спорадически, в несравнимо меньших или вообще незначительных количествах. Поэтому выводы А.В. Колесникова весьма и весьма актуальны и сегодня. Выделение хронологических групп херсонесских клейм по датированным археологическим комплексам вне зависимости от их типологии – это единственный нормальный путь создания реальной, работающей хронологической схемы херсонесского клеймения. Для этого необходимы тщательная датировка массовых материалов каждого из поселений на современном уровне, составление и тщательная сверка списков клейм по каждому из поселений, что и даст возможность создания сплошной хронологической колонки херсонесского клеймения.

Для обоснования начальной даты херсонесского клеймения В.И. Кац использовал материалы культурного слоя из-под развалин херсонесского театра, в котором еще отсутствуют херсонесские клейма. Перекрывающий слой такие клейма уже содержит, и, следовательно, конечная дата нижнего слоя должна дать дату начала херсонесского клеймения. Однако имеющаяся датировка этого материала не может считаться удовлетворительной, поскольку установлена только на основании прежних датировок фасосских и синопских клейм в пределах 380–320 или 380–330 гг. до н. э. [Зеденидзе, 1976: 33; Махнева, 1994: 110]. Богатейшие материалы по расписной и чернолаковой керамике практически не учтены. А ведь их датировка весьма красноречива, поскольку лишь несколько фрагментов заходят в третью четверть IV в. до н. э. В.И. Кац уточнил конечную дату слоя до 330 г. до н. э. на основании датировки И. Гарлана времени перехода от ранних к поздним клеймам в фасосском клеймении, а также находки в херсонесском слое фасосского клейма с именем Клейта – одного из первых магистратов позднего

этапа фасосского клеймения. Отсюда сделан вывод о датировке начала херсонесского клеймения вскоре после 330 г., вероятнее всего в 325 г. до н. э. [Кац, 1994: 70–71].

Как отмечалось выше при рассмотрении датировки фасосских клейм из Водяной Могилы, по имеющимся на сегодняшний день данным исторических, археологических, нумизматических и эпиграфических источников, переход к новому типу клейм на Фасосе по мнению различных исследователей датируется в интервале от 350 до 330 гг. до н. э. И. Гарлан склоняется к дате в пределах 335–330 гг. до н. э. [Garlan, 1999: 45, 48–54, 266, 291, № 959], как и В.И. Кац и С.Ю. Монахов [Монахов, 1999: 390; Кац, 1999: 107]. Учитывая достаточную условность определения начальной даты фасосского клеймения, было бы преждевременным ограничивать время перехода к позднему типу клейм только 335–330 гг. и полностью отказываться от свободы маневра датировки времени перехода от «старых» к «новым» фасосским клеймам в пределах 350–330 гг. до н. э.

В.И. Кац в обоснование датировки начала херсонесского клеймения 325 г. до н. э. приводит также комплексы находок у Евпаторийского маяка и херсонесских гончарных мастерских, уже содержащих херсонесские клейма и где найдены фасосские клейма магистратов Деалка и Клейта, входящих в число наиболее ранних фасосских магистратов позднего этапа. Отсюда сделан вывод о том, что начало херсонесского клеймения приходится на временной промежуток между деятельностью Клейта и Деалка или в год исполнения последним магистратских обязанностей, что, по расчетам В.И. Каца, приходится именно на 325 г. до н. э. [Кац, 1994: 71]. Однако клеймо Деалка содержится на амфоре в основном погребении кургана № 8 группы Чередниковой Могилы, тризна которого содержит остатки 23 гераялейских (14 клейменных), 7 хиосских колпачковых, 2 фасосских биконических, 1 с грибовидным венцом и 1 неустановленного центра, безусловно датированных по комплексу клейм, амфор и чернолаковому сосуду в пределах 350 – начала 340-х гг. до н. э. С.Ю. Монахов, по мнению которого фасосское клеймо Деалка, согласно существующим на сегодняшний день схемам, должно датироваться 335–330 гг., не берется объяснить этот феномен [Монахов, 1999: 340–348]. Но этот случай в силу своей абсолютной достоверности может и должен объясняться неверностью существующих датировок време-

ни перехода к поздним клеймам в фасосском клеймени и, соответственно, начала херсонесского клеймения, поскольку датировка погребения кургана ни при каких обстоятельствах не может быть позднее даты тризны. Кроме того, согласно данным М. Дебидура, деятельность фасосского магистрата Клейта относится к концу 340 – началу 330 гг. до н. э. [Debidour, 1986: 330; *Poenaru-Bordea*, 1988: 342].

Таким образом, данные по датировке клейм Деалка и Клейта указывают на то, что переход к поздним клеймам в фасосском клеймени и, соответственно, начало херсонесского клеймения датируются не позднее 340 г. до н. э.

Датировка начала херсонесского клеймения 330-ми гг. или 340-ми гг. до н. э. [Яценко, 1972: 77; Михлин, 1979: 141; Колесников, 1985: 74; Иванчик, 1987: 61; Мартыненко, 2002: 65] представляется значительно более соответствующей находкам на территории Скифии и поселениях херсонесской хоры. Датировка начала херсонесского клеймения в начале второй половины IV в. до н. э. автоматически вызывает перемещение групп клейм во времени, что снимает большинство вопросов по херсонесскому клеймению в связи с находками в Скифии. С перемещением датировок ряда клейм в пределы третьей четверти IV в. до н. э. прекрасно решаются проблемы соотношения датировок херсонесских клейм с датировками Чертомлыка, Каменской Вязницы и погребения № 2 Хоминной Могила.

Все эти находки при существующей хронологии выглядят довольно странно. Получается, что херсонесский импорт начинает поступать в скифскую степь тогда, когда здесь практически исчезает население. Можно, конечно, предполагать, что херсонесские амфоры маркируют позднейшие скифские курганы, но это совершенно не подтверждается другими группами греческого керамического импорта. Амфор других центров и чернолаковой керамики конца IV – начала III в. до н. э. в степи нет, а состав тризны Чертомлыка и Каменской Вязницы, где найдены херсонесские клейма, твердо указывает на IV в. до н. э., не позднее третьей четверти столетия.

На поселении у с. Песчанка присутствуют материалы третьей четверти IV в. до н. э. [Коваленко, 1991: 20], что позволяет соотносить с ними наиболее ранние херсонесские клейма этого поселения. А.Б. Колесников мало уделил внимания обоснованию начальной даты поселения у Евпаторийского маяка и в ответе ее

к началу последней трети IV в. до н. э. Да и обоснование конечной даты трудно признать достаточным, поскольку публикация массовых материалов отсутствует и представлены лишь выводы. Насколько они соответствуют современным датировкам, судить невозможно. Однако наличие в числе тарной керамики амфор Менды мелитопольского типа, в том числе и клейменных, Пепарета (Солоха-II), хиосских колпачковых, твердо датирующихся третьей четвертью IV в. до н. э., а также ряда клейм Синопя, Гераклеи и Фасоса, безоговорочно указывают на принадлежность части херсонесских клейм к этому же периоду. Здесь есть клейма Геродота 1-го и 2-го и Ксанфа, аналогичные найденным в Хоминной Могила и Чертомлыке, Притана, сына Аристова, клеймо которого найдено в Зелеском кургане, Героксена, Кевова, Агинадора Никеева, находки клейм которых известны на Каменском городище [Колесников, 1984: 85; 1985: 69–72, 74, 79–80, № 1, 11, 12, 18, 20]. Весьма выразительные материалы середины – третьей четверти IV в. до н. э. имеются и на усадьбе № 6 поселения Панское-I. Это амфора Гераклеи, фрагменты амфор Менды, клейма Синопя, расписная краснофигурная керамика [Panskoye, 2002: Ad 38, 92, Ae 100–110, 117–118, 125, B 1–3]. Особенно многочисленные свидетельства существования поселения в этот период содержатся в материалах некрополя Панское-I [Монахов, 1990: 135–139; Рогов, 1998]. К сожалению, в этом отношении непонятны материалы наделов 25 и 26 на Гераклейском полуострове, опубликованные слишком неполно.

В целом имеющиеся материалы поселений херсонесской хоры неопровержимо указывают на контекст третьей четверти IV в. до н. э. для начала херсонесского клеймения. Как отмечалось выше, эта дата может быть определена около 340 г. до н. э.

Решительные доказательства такой датировки начала клеймения и сосуществования части клейм 1-й и 2-й групп В.И. Каца еще в пределах IV в. до н. э. содержатся в материалах керамических печей Херсовеса. Слой, перекрывавший мастерскую № 1 с печами № 1–6, где были найдены херсонесские клейма астиномов Героксена, Аполлония, Нанона, Антибиона, Архандра, Дамотелия, Гераклея и еще нескольких, неверно прочтенных, содержал бронзовую херсонесскую монету 350–300 гг. или второй четверти IV в. до н. э. [Зограф, 1951: табл. XXXV, 15; Амлин, 1977:

135, № 9–12; *Туровский*, 1997: 51, № 10]. Кроме того, в помещении «А», где находились печи № 1–6, найдена еще одна бронзовая херсонесская монета типа «квадрига – воин» 350–330 гг. [*Борисова*, 1955: 6–8; 1956: 10; 1958; *Зограф*, 1951: табл. XXXV, 10; *Анохим*, 1977: № 35–56; *Туровский*, 1997: № 31–52].

В мастерской № 2 открыты печи № 7 и 8 начала III в. до н. э. Ниже, под площадкой, на которой были установлены печи № 7 и 8, обнаружена печь № 9. В слое этой площадки были найдены две бронзовых херсонесских монеты 320–310 и 310–300 гг. и одна Керкинитиды 300–290 гг. до н. э. [*Борисова*, 1957: 5–7; *Зограф*, 1951: табл. XXXV, 18, 23; XXXVIII, 17–18; *Анохим*, 1977: 138, № 70–71, 75–76; 1989: 115, № 413–414; *Туровский*, 1997: 56, № 67–68, 76].

Печь № 9 перекрывала цистерну «б». В слое над цистерной «б» собрано большое количество керамики, преимущественно амфор херсонесского производства. На амфорных ручках херсонесские клейма, среди которых особенно много клейм Гераклея, а также Навон, Никей – сын Гераклея, Никей – сын Герогейта, два клейма ΔΑΜΟCΙΟΝ, которые иногда употреблялись индивидуально, а иногда ставились на второй ручке амфоры при клеймах астинома Героксена на первой [*Борисова*, 1974: 109; *Кац*, 1994: 132], а также несколько монограммных. Для обеспечения жесткости основания печи № 9 цистерна «б» была забутована одновременно камнями и обломками керамики. Большинство фрагментов принадлежит амфорам, но состав их иной, чем возле печей – основная масса гераклеяских, для которых упоминается наличие некоторого количества клейм. На втором месте стоят фрагменты фисосских амфор, для которых клейма не отмечены. Обнаружено также немного фрагментов амфор неопределенных центров, возможно Херсонеса [*Борисова*, 1957: 5–7].

В связи с комплексом херсонесских печей нельзя не вспомнить находку амфоры с клеймом астинома Героксена в кургане № 8 некрополя у с. Заозерное совместно с монетой типа «квадрига-воин» [*Яценко*, 1972]. А.В. Колесников обращал внимание на то, что такие монеты, судя по составу кладов, находились в обращении и в начале III в. до н. э. [*Колесников*, 1985: 73]. Но вторая аналогичная находка, к тому же подкрепленная другими близкими по времени монетами, по-видимому, все же указывает на то, что это клеймо, а также, по

крайней мере, часть из клейм, найденных возле печей, должны датироваться временем чеканки монет типа «квадрига-воин» еще в пределах третьей четверти IV в. до н. э.

Поэтому положение В.И. Каца о том, что типологические группы херсонесских клейм являются хронологическими, представляется слишком прямолинейным. Не существует ни одного «чистого» комплекса, содержащего только клейма 1-й или 2-й групп. Хорошо датированный в пределах второй половины IV в. до н. э., комплекс херсонесских печей содержит клейма как 1-й, так и 2-й групп.

Более того, опубликованная В.Ю. Михлиным черепица с двумя клеймами астиномов Геродота-1 и Агатона, сына Гнатона, по В.И. Кацу 1-й и 2-й групп, неопровержимо свидетельствует о параллельном одновременном употреблении клейм различных типов [*Михлиным*, 1979: 144, рис. 2]. Об этом же свидетельствует клеймо Притана, сына Аристора, из тризны Зеленского кургана, которое по сопровождающим синопским и фисосским клеймам датируется в пределах IV в. до н. э. По В.И. Кацу Притан является астиномом группы 2-А, датирующейся 285–272 гг., что, безусловно, неприемлемо [*Федосеев*, 1997: 222–226].

Находки херсонесских клейм Героксена, Ксенона, Атанадора Никеева на Каменском городище, где большинство материалов датируется в пределах IV в. до н. э., А.Б. Колесников по синхронизации с поселением у Епифаньского маяка вполне логично отнес также к IV в. до н. э. [*Колесников*, 1985: 72]. О том, что эти клейма относятся именно к IV в. до н. э., свидетельствует и единство состава имен на херсонесских клеймах Каменского и Елизаветовского городища [*Золотарев*, 2000: 24]. Время завершения существования последнего относится еще ко времени до конца IV в. до н. э. [*Копылов*, 1991: 32–33; *Федосеев*, 1999: 15].

Недавно в Днепре была найдена херсонесская амфора с астиновым клеймом. В.В. Нефедов читает имя астинома как Дамокл [*Нефедов*, 1992: 172, рис. 1], хотя на самом деле это Дамотелий. Последнего В.И. Кац относит к хронологической подгруппе I-B, которую датирует 300–285 гг. до н. э. [*Кац*, 1994: 51, 76, кат. 1–35, 1–4]. Однако эта амфора представляет новую форму для Херсонеса, ранее здесь не зарегистрированную [*Монахов*, 1989]. По общим пропорциям и форме ножки она является подражанием амфорам Менды с рюмкообразной ножкой мелитопольского типа. Это

указывает на ее датировку не позднее третьей четверти IV в. до н. э., что соответственно корректирует и дату клейма. Косвенно эту дату Дамотеллия может подтверждать находка его клейма в контексте материала второй четверти IV – первой четверти III в. до н. э., где большая часть материала относится к начальному периоду, на виноградном плантаже на Евпаторийском мысу [Колесников, 1998: 128].

Подводя итог рассмотрению хронологии херсонесского клеймения, следует отметить, что нет никаких препятствий для датировки клейм агораномов Аполлониды и астинома Ксанфа, найденных в Каменской Близнице и Чертомлыке, в пределах третьей четверти IV в. до н. э., в контексте общей даты всего массива материалов триады этих курганов. С другой стороны, клейма Ксанфа и Геродота, аналогичные найденным в Чертомлыке и Хоминой Могиле, обнаружены во всех без исключения комплексах херсонесских клейм поселений, хронологический диапазон которых захватывает третью четверть IV в. до н. э. Клеймо агораномы Аполлониды относится к числу уникальных. Известно буквально несколько таких находок. Его находка в комплексе триады Каменской Близницы является первой и единственной находкой в составе надежно датированного археологического комплекса, и поэтому пренебрегать датой комплекса для датировки этого клейма нет никаких оснований. Клейма двух других агораномов – Истрона и Аполлония Паснадова – обнаружены на поселении возле Евпаторийского Маяка, в хронологический диапазон которого входит третья четверть IV в. до н. э. Все это, по-видимому, указывает на кратковременность практики применения клейм агораномов в этот период.

ХОМИНА МОГИЛА. В свое время по характеру скифского инвентаря, в рамках существовавшей тогда общей хронологии скифских курганов Северного Причерноморья, Б.Н. Мозолевский датировал Хомину Могилу концом IV – началом III вв. до н. э. [Мозолевский, 1973: 234]. В этих пределах В.В. Борисова датировала деятельность астинома Геродота по находке амфоры с таким клеймом в кургане Хомина Могилы, что также согласуется с херсонесскими надписями IV–III вв. до н. э. [Борисова, 1974: 102–103, 116, № 50–52]. В.Ю. Михлин при уточнении хронологии херсонесского клеймения на том же основании датировал деятельность астинома Геродота рубежом IV–III вв. до н. э. и, благодаря находке амфоры

с клеймом в Хоминой Могиле, считал такую дату надежно установленной [Михлин, 1979: 144].

Так возникла спорная дата для херсонесского клеймения, начавшая самостоятельную жизнь. Дальнейшие изменения в хронологии скифских курганов на нее уже не повлияли, и у В.И. Каца эта дата изменилась до 300–285 гг. до н. э. [Кац, 1994: № 54]. На основании последней даты С.А. Скорый датировал Хомину Могилу первой четвертью III в. до н. э. [Скорый, 1998: 131]. Более осторожно подходит к датировке кургана А.Ю. Алексеев, синхронизирующий дату амфоры с клеймом в пределах 300–285 гг. лишь с впускным погребением № 2, где она найдена. Соответственно, первичное захоронение кургана он отнес к предшествующему времени – к концу IV или рубежу IV–III вв. до н. э., при этом оставляя открытым вопрос о дате впускного захоронения № 3 [Алексеев, 2001: 71].

В итоге получились нонсенс: дата херсонесского клейма, установленная в свое время на основании устаревшей датировки скифских курганов, давно уже утратившей силу, вернулась к нам в еще более омоложенном виде и теперь является основанием для очень позднего датирования той самой Хоминой Могилы, в которой клеймо было найдено и первоначально датировано, благодаря именно этой находке.

Рассмотрим имеющиеся возможности датирования кургана. В первичном погребении кургана № 1 найдена ножка мендеевской амфоры мелитопольского типа [Мозолевский, 1973: рис. 32, 5]. Этот факт, а также синхронизация погребения № 1 Хоминой Могилы с погребением № 2 Соболевой Могилы (табл. 17, 3с) по находке золотой бляшки уникальной формы [Мозолевский, 1973: рис. 32, 9] твердо указывает на датировку в пределах третьей четверти IV в. до н. э.

В погребении № 2 найдена упомянутая херсонесская амфора с клеймом астинома Геродота. В.И. Кац отнес его к подгруппе 1-В и датировал 300–285 гг., причем Геродот является позднейшим астиномом в группе [Кац, 1985: 102; 1994: 57, № 54]. Но возможна и другая датировка клейма. А.В. Колесников по материалам поселения у Евпаторийского маяка датирует двух астиномов, носивших имя Геродота, 320-ми гг. и концом IV – началом III вв. до н. э. [Колесников, 1985: 73, 80, табл. II, № 11–12]. Наконечники стрел из погребения № 2 из Хоминой Могилы по типам отнюдь не

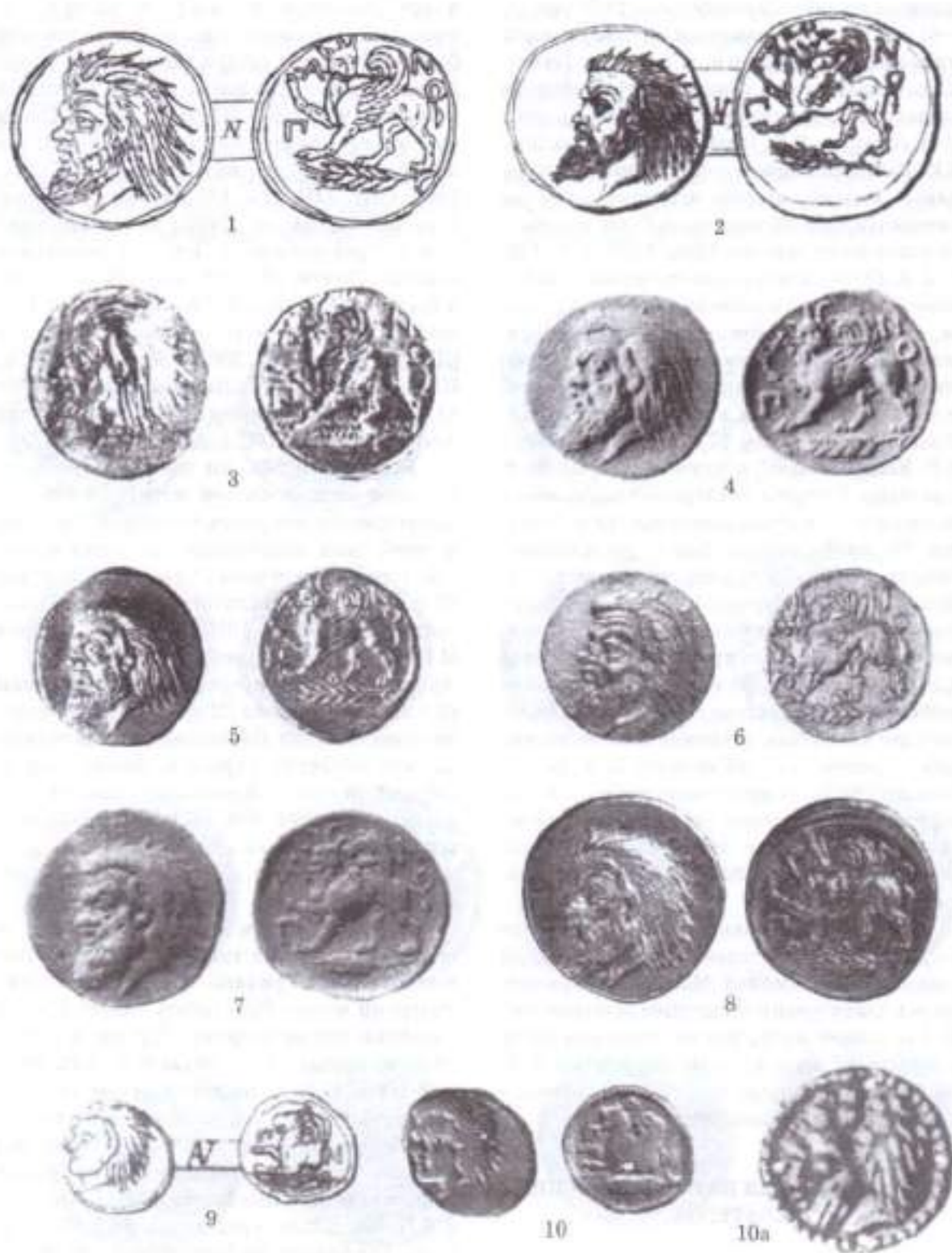

Рис. 139. Пантикапейские статеры 1-го типа

1 – коллекция Кочубен. Вес 9,025 г [Кене, 1857: Pl. III, 2]; 2 – коллекция Бурячкова. Вес 9,0 г [Бурячков, 1884: Табл. XIX, 28]; 3 – клад из Принапато. Вес 9,15 г [Fegitay, 1931: Taf. IX, 166]; 4 – коллекция Гилья. Вес 9,1 г [Гилья, 1892: Табл. IV, 19]; 5 – Пуленцовский клад. Вес 9,05 г. Одесса, ОАМ НАНУ, инв. № 52210 [Greek, 2002: № 145]; 6 – вес 9,02 г [Lanz, 1995: № 107]; 7 – Британский музей [Seitman, 1966: Pl. XXXIX, 12]; 8 – Вена. Вес 9,13 г. Kunsthistorisches Museum, инв. № 28.500 [Gold, 1993: № 154].
 Гетас: 9 – коллекция Бурячкова. Вес 1,5 г [Бурячков, 1884: Табл. XX, 61]; 10 – Британский музей. Вес 1,47 г [Анохин, 1986: № 92]; 10а – Курган воле Огуза. Штампованная бляшка [Штацен, 1906: Табл. XIV, 21]

являются поздними [Мазолевский, 1973: рис. 34, 1–6], что хорошо согласуется именно с ранним астиномом 320-х гг. до н. э. Астинома Геродота все исследователи херсонесского клейменния единодушно относили к числу наиболее ранних (Р.Б. Ахмеров, В.В. Борисова, В.Ю. Михлип), В.И. Кац, в свое время разделявший это положение, выделил второго астинома с тем же именем (Геродот-2), несколько более позднего, но близкого по времени [Кац, 1979: 130, 133, № 2–3, 49–50]. Позднее, на основании находки черепицы с двумя клеймами Геродота и Агатоны, сына Гнатона, руководствуясь исключительно типологическими соображениями, он отказался от такого разделения и отнес деятельность Геродота к началу III в. до н. э. [Кац, 1985: 102; 1994: 52]. Однако аргументы В.И. Каца основаны исключительно на представлении о строго последовательной смене типов клейм. На основании скифских материалов Хоминой Могилой более убедительной представляется его традиционная трактовка, согласно которой Геродот-1 является одним из наиболее ранних херсонесских астиномов, деятельность которого протекала по датировке А.Б. Колесникова в 320-х гг. до н. э. А с учетом необходимости удренения даты начала херсонесского клейменния возможна и более ранняя дата в пределах третьей четверти IV в. до н. э. Недавно с серьезными обоснованием более ранней даты начала херсонесского клейменния в начале 330-х гг. до н. э. выступил А.И. Мартыненко [Мартыненко, 2002: 65], что, пожалуй, все же недостаточно.

Стратиграфическая позиция в кургане погребения № 3 устанавливается по общей планировке Хоминой Могилой. Сопряженность в планировке с первичным захоронением № 1 указывает на то, что оно было совершено вскоре после него, но ранее погребения № 2. Соответственно, определяется и его датировка – в пределах третьей четверти IV в. до н. э.

4.26. ХРОНОЛОГИЯ ПАНТИКАПЕЙСКИХ СТАТЕРОВ

Хронология пантикапейских статов имеет немаловажное значение не только для нумизматики Восточного, но и для скифоведения. М.И. Ростовцев в целом ряде курганов нижнеднепровской группы отметил штампованные бляшки, более или менее грубо воспроизводящие тип пантикапейских статов и других боспорских монет. Наиболее показательными

в этом отношении он считал бляшки из кургана возле Огуза, где имеются не только два типа бородатой головы сатира, но и оборот монет данного типа – грифон с копьем на колесе [Слащым, 1906: табл. XIV, 6, 21, 22]. В Деевом кургане представлен как бородатый тип, так и безбородая голова юного сатира [Слащым, 1906: табл. XIII, 1, 5, 13]. Два типа, воспроизводящих бородатого сатира пантикапейских монет, представлены в 1-м Мордвиновском кургане [Лесков, 1974: 46, рис. 36], по одному в Верхнем Рогачике [ОАК, 1913–1915: 135, рис. 221] и в кургане в окрестностях Николая [ДП VI, 1907: табл. V, 530], в Чертомлыке [ДГС, II: Атлас, табл. XI, 7; Чертомлык, 1991: 115–117, № 212, 22] и в центральном погребении Александрополя [ДГС, I: Атлас: табл. VIII, 3].

Как он отметил, ни одна из бляшек не является точной копией монет, но все они воспроизводят изображения сатиров с золотых и серебряных пантикапейских монет одного стиля и одного времени от середины до конца IV в. до н. э., приблизительно эпохи Александра [Ростовцев, 1925: 442–444]. Позднее М.И. Ростовцев датировку пантикапейских статов определял в пределах второй половины IV – первой половины III вв. до н. э., по времени существования Нижнеднепровской группы царских скифских курганов, позднейшим из которых он считал Александропольский [Ростовцев, 1931: 393–409, 430]. Впоследствии он вернулся к датировке в пределах IV в. до н. э., временем незадолго до Александра [Rostovtzeff, 1934: 219–220].

Следует отметить, что далеко не все сопоставления монетных типов бляшек М.И. Ростовцева можно принять. С пантикапейскими статами можно сопоставить только бляшки с изображениями грифона и бородатой головы влево из кургана возле Огуза (рис. 139, 10-А) и со значительно меньшей степенью достоверности – бляшку с бородатой головой влево из 1-го Мордвиновского кургана. Для остальных упомянутых типов гораздо более точным представляется сопоставление И.И. Толстого и Н.П. Кондакова, а вслед за ними А.Ю. Алексеева, для бляшек из Чертомлыка с монетами Филиппа II Македонского [Чертомлык, 1991: 115–117, № 212/22; Заваф, 1951: XI, 1], справедливого и для всех остальных случаев, где тип Филиппа воспроизведен в различной степени стилизации, вплоть до слабо узнаваемой. Эту серию дополняет бляшка из Татьяниной Могилой [Мурзин, 1993: рис. 4, 5]. Разумеется, при таком сопоставлении подавляющее боль-

шинство бляшек этого типа, за исключением наиболее стилизованных (Александрополь), должны датироваться временем Филиппа, а не последними двумя-тремя десятилетиями IV в., как это предлагает А.Ю. Алексеев.

Д.В. Шелов принял наблюдения М.И. Ростовцева в части сопоставления со статерами и пришел к заключению, что оригиналами для этих бляшек послужили статеры поздних

типов – от 3-го до 5-го, что точнее определить невозможно [Шелов, 1956: 140].

Н.А. Овайко на штампованных золотых бляшках из 1-го Мордвиновского и Мелитопольского курганов, кургана возле Огуза также видела изображения, заимствованные с пантикапейских статеров. Мелитопольские бляшки она сопоставляла с изображениями сатира на статерах, датирующихся не позднее начала

Рис. 140. Пантикапейские статеры 2-го типа

- 11 – Пуленцовский клад, Коллекция Кочубей, Эрмитаж. Вес 9,05 г [Кенг, 1857: Pl. III, 1];
 12 – Пуленцовский клад, Эрмитаж [ДБК: 148, табл. LXXXV, 2]; 13 – коллекция Гиль. Вес 9,1 г [Гиль, 1892: Табл. IV, 20]; 14 – клад из Прикишо. Вес 9,2 г [Regling, 1931: Taf. IX, 165]; 15 – Лондон. Вес 9,1 г [Анакин, 1986: № 97]; 16 – Пуленцовский клад. Вес 9,05 г, Одесса. ОАМ НАНУ, лив. № 52146 [Greek, 2002: № 147]; 17 – коллекция Уварова. Вес 9,08 г [Орсиаников, 1887: табл. II, 371];
 18 – Берлин. Вес 9,1 г [Regling, 1924: 35]

последней четверти IV в. до н. э., а именно с 3-м и 4-м типами статеров 330–315 гг. до н. э., а по сравнительно мягкой трактовке лица этого божества – с монетами более раннего времени [Онайко, 1970: 49, Табл. ХLI, № 494-ж; Лесков, 1974: рис. 36; Спицын, 1906: табл. XIV, 21; Зограф, 1951: табл. XI, 9, 10; Шелов, 1956: табл. III, 31, 32]. А.Ю. Алексеев мелитопольские бляшки по характерной особенности – вздернутой бороде сатира – сопоставил со статерами 4-го и 5-го типов последней трети IV в. до н. э. [Алексеев, 1987: 35]. И хотя Д.В. Шелов действительно писал, что такая трактовка бороды характерна для двух последних типов [Шелов, 1956: 101], однако эта деталь свойственна преимущественно 4-му типу (рис. 142). У сатиров на статерах 5-го типа борода пышная, но укороченная, и говорить о ее вздернутости не приходится [Зограф, 1951: табл. XI, 11; Шелов, 1956: табл. III, 33; Анохин, 1986: табл. 3, 115] (рис. 142; 143). Такая же укороченная, можно сказать, приподнятая борода изображена у сатиров на статерах 1-го типа (рис. 139). И бляшки из Мелитопольского кургана в точности воспроизводят бороду и общий тип сатира статеров именно 4-го типа, о чем также свидетельствует упрощенная линейная трактовка волос на затылке (рис. 142, 41). Бляшки с изображением сатира из кургана возле Огуза (рис. 139, 10-А) и 1-го Мордвиновского кургана по отсутствию венка сопоставимы со статерами 1-го типа.

Грифон монетного типа на колесе на бляшках из кургана возле Огуза, по мнению Н.А. Онайко, как по форме бляшки, так и по типу грифона и размеру колоса, подражает ранним боспорским статерам 1-3-го типов [Онайко, 1970: 49-50, Табл. ХLI, № 500-к; Зограф, 1951: табл. XI, 7-9]. Н.А. Онайко также совершенно справедливо видела изображения грифона монетного типа и на бляшках из жезского захоронения Толстой Могила и на перстне из Красноперкопского кургана № 22 на Херсонщине. Форма передней лапы и трактовка фигуры указывают на те же типы статеров [Онайко, 1982: 254; Мозолевский, 1979: 131, рис. 113, 8; 115; Лесков, 1974: 82, рис. 70]. Тот же грифон представлен на бляшках из кургана Татьяна Могила [Мурзин, 1993: рис. 4, 9]. Следует уточнить, что изогнутая вниз передняя поднятая лапа грифона характерна именно для 3-го типа пантикапейских статеров (курган возле Огуза – рис. 141, 29), изогнутая кверху – для 1-го и 2-го типов (Татьянина Могила – рис. 141, 30).

В курганах Скифии известно и несколько находок пантикапейских статеров в составе перстней. Два таких перстня найдены в Рыжановском кургане в XIX в. М. Мельчарек по оригиналам определил принадлежность обоих статеров из перстней к 4-му типу по Д.В. Шелову 330–315 гг. до н. э. Он также поддержал датировку рыжановских монет Д.В. Шелова временем их обращения и, соответственно, датировал курган после 330 г. до н. э. [Mielczarek, 1987: 102; Шелов, 1956: 140].

В 1995 г. при доисследовании Рыжановского кургана в том же впускном захоронении был обнаружен еще один перстень с боспорским статером (рис. 142, 40), который, по мнению С.А. Скорого и Я. Хохоровского, принадлежит к 4-6-му, или к 4-му и 5-му, или к 5 и 6-му типам, которые по Д.В. Шелову датируются 330–315 и 315–300 гг. до н. э., а согласно В.А. Анохину, соответственно, 314–310, 310–304 и 304–294 гг. до н. э. [Рыжановка, 1996: 257, fot. 4, Рус. 11; Скорогый, 1998: 124; Chochorowski, 1999: 37–40; 2000: 44–45]. Еще один такой же перстень был обнаружен в 1975 г. в кургане № 92 у с. Марьявка Днепропетровской обл. (раскопки Н.Н. Черединочкин). Здесь в перстне использован пантикапейский статер 5-го типа (рис. 143, 43), который по хронологии В.А. Анохина должен датироваться 310–304 гг. до н. э. [Chochorowski, 1999: 37].

Таким образом, важная роль пантикапейских статеров в датировании позднейших курганов скифской знати является совершенно очевидной. Поэтому представляется необходимым уточнение хронологии статеров, что также возможно и на основе материалов курганов Скифии второй половины IV в. до н. э.

Изучение пантикапейских статеров началось вскоре после их открытия в начале XIX в. [ДБК: 148, табл. LXXXV, 1; Спасский, 1846: 13, № 20–21; Кёне, 1857: 340–341, 346]. С самого начала была определена их датировка в пределах IV в. до н. э. или около 350 г. А. Вертье-Делагард в целом считал золотую чеканку Пантикапея достаточно кратковременной и первоначально относил ее к 350–320 гг. до н. э. При взвешивании он, вслед за Б. Кёне и Х.Х. Гилем, обнаружил несколько статеров и в единственном экземпляре половинный номинал, чеканенных по аттической системе в облегченном весе. Он отметил единство их чекана со статерами типов 3-5 по современной типологии и пришел к выводу о том, что после появления на международном рынке колоссальной массы золотых монет Филиппа II,

Рис. 141. Пагикалейские статеры 3-го типа

19 - Плитовая гробница 1835 г. в Катерлесе возле Керчи. Вес 9,06 г. Эрмитаж. Инв. № ГЭ №632 [ДБК: Табл. LXXXV, 1; Алохин, 1986: № 162]; Клад на Пронкино, вес в пределах 9,14-9,2 г; 20 - *Regling*, 1931: Taf. IX, 167; 21 - *Regling*, 1931: Taf. IX, 168; 22 - *Regling*, 1931: Taf. IX, 169; 23 - *Regling*, 1931: Taf. IX, 170; 24 - *Regling*, 1931: Taf. IX, 171; 25 - *Regling*, 1931: Taf. IX, 174; 26 - *Regling*, 1931: Taf. IX, 178; 27 - коллекция Уварова. Вес 8,34 г [Орешников, 1887: Табл. II, 384]; 28 - Москва. Вес 8,37 г. ГИМ. Инв. № ГИМ 382 [Фролова, 2002: Табл. VII, 6]; 29 - курган возле Огуза [Спицын, 1906: табл. XIV, 22]; 30 - курган Татьянины Могила [Мурзин, 1993: рис. 4, 9]

а в особенности – Александра Македонского, Пантикапей быстро прекратил свою собственную чеканку золотых монет тяжелого веса, ограничившись пробными выпусками по новой аттической системе при Александре Великом. Колоссальные убытки, понесенные городом при перечеканке золотых монет Александра в собственные, по его мнению, привели к кризису монетного дела, который Восток переживал на протяжении III в. до н. э. Позднее он датировал всю золотую серию Пантикапея в пределах второй половины IV в. до н. э., относя золотые, чеканенные по аттической системе, к концу IV в. до н. э. [*Бертье-Делагард*, 1911: 31–33, 51–53; 1913: 82–86, №№ 139–140].

К. Реглинг при изучении клада из Принкипо, найденного на Принцевых островах в Мраморном море в 1930 г., разработал типологию и хронологию пантикапейских статеров. В составе клада из 207 золотых монет найдены 160 кизикнов, 4 статера Ламисака, 16 статеров Пантикапея и 27 статеров Филиппа II Македонского²⁴. Он отметил значительную редкость типов статеров Филиппа, найденных в кладе в Принкипо, и отнес их к последним годам чеканки Филиппа. Поэтому при отсутствии в составе клада монет Александра Великого, он мог быть зарыт в 335 г., не позднее 334 г. до н. э.

14 пантикапейских статеров из клада в Принкипо принадлежали к 3-му типу, до этой находки известному всего по двум экземплярам из Эрмитажа и ГИМа. Эти статеры К. Реглинг датировал временем, непосредственно предшествовавшим зарытию клада. По степени потертости единственный статер с фасовым изображением си выделил в качестве наиболее раннего 1-го типа и, соответственно, отнес к промежуточному 2-му типу статер с профильным изображением сатира без венка, с волосами, уложенными длинными параллельными прядями. Он также обобщил информацию обо всех известных на то время статерах и разработал их стройную классификацию и хронологию.

Лицевые стороны статеров 3-го типа из Принкипо в изображении сатира демонстрируют удивительное разнообразие деталей при-

чесок и венков (рис. 141, 20–26), плотно сближающее их с одной стороны со статерами 2-го типа и с другой – со статерами 4-го типа. К. Реглинг вслед за Э. Минном полагал, что золотая чеканка Пантикапея началась только после появления золотых монет Филиппа, как считалось в то время – в 356 г. до н. э., и датировал 1-й тип пантикапейских статеров временем незадолго до 350 г. до н. э., тип 2 – вскоре после 350 г., тип 3 – незадолго до 335 г., тип 4 – около 330 г. Тип 5 с его вариантами переходных изображений тесно примыкает к типу 4. Выпуск 5-го типа, отчеканенного штемпелем «σ» в аттическом весе, как он полагал вслед за Робинсоном²⁵, прекратился в 320–300 гг. до н. э.

К. Реглинг описал также и известные на то время поддельные пантикапейские статеры. Один из них, известный как подделка или новодел Becker'a [*Kene*, 1857: 346, № 25], подражает 4-му типу. Более многочисленны подделки, подражающие 3-му типу, которые К. Реглинг назвал «русским» типом поддельных статеров. Они отличаются тем, что сатир здесь имеет человеческое ухо и эти подделки отчеканены в аттическом весе, как в золоте, так и в серебре²⁶. Третий вариант подделок, соответствующий типам 3–4, имеет безобразный рисунок головы, с тем же человеческим ухом, шишка внизу на лбу преувеличена, пучок волос спереди имеет вид лиры, на обороте грифон стройностью и рисунком головы напоминает скорее оленя, чем льва, «л» оформлено как «П» [*Regling*, 1931: 1–2, 29–32, 33 прим. 2, 38–39, 42 прим. 2, 43].

А.Н. Зограф принял разработки К. Реглинга, но при этом внес некоторые изменения в типологию и датировки пантикапейских статеров. Необычно высокий вес пантикапейских статеров (около 9,1 г) дал основания А.Н. Зографу доказывать независимое и более раннее возникновение пантикапейской золотой чеканки. В типологии

²⁴ Х.Х. Гиль такой золотой статер из своей коллекции считал сомнительным. Позднее в королевском музее-набавате в Берлине он обнаружил идентичный экземпляр, но изготовленный из серебра, а в мюнхенской коллекции – такой же золотой статер, но другого штемпеля, после чего окончательно пришел к выводу о поддельности всех этих монет. Как полагал Х.Х. Гиль, образцом для этих подделок послужил статер из собрания А.С. Уварова, на котором, в отличие от перечисленных, сатир имеет козлиные уши, как на всех подлинных пантикапейских статерах [*Гиль*, 1895: 222, № 44, Pl. XIX, 44]. Поддельный экземпляр с человеческим ухом привела Л.А. Казамамова в качестве иллюстрации 3-го типа пантикапейских статеров [*Казамамова*, 1969: табл. I, 16].

²⁵ По количеству монет в этом кладе в отечественной литературе иногда указываются ошибочные цифры. А.Н. Зограф в одном случае назвал 17 пантикапейских статеров, в другом – 16 статеров только 3-го типа и по одному 1-го и 2-го [*Зограф*, 1935: 186, № 2; 1951: 173]. Л.А. Казамамова правильно назвала 16 пантикапейских статеров, но указала 273 статера Филиппа II Македонского [*Казамамова*, 1969: 141].

Рис. 142. Пантикапейские стaterы 4-го типа

- 31 – Одесса. Вес 9,06 г. ОАМ НАНУ, Инв. № 52143 [Grek, 2002: № 146]; 32 – коллекция Уварова. Вес 9,06 г [Орешников, 1887: табл. II, 369]; 33 – Коллекция Буряковского. Вес 9,9 г [Буряков, 1884: табл. XIX, 47]; 34 – коллекция Гила. Вес 9,06 г [Гиль, 1892: табл. IV, 21]; 35 – коллекция Гила. Вес 9,08 г [Гиль, 1895: № 43]; 36 – Британский музей. Вес 9,1 г [Miles, 1913: Pl. V, 16]; 37 – Берлин. Вес 9,09 г [Анохин, 1986: № 109]; 38 – Британский музей [Seibtal, 1968: Pl. XXXIX, 13]; 39 – Москва. Вес 9,06 г. ГИМ [На права, 2002: № 60]; 40 – Рыжковский курган. Вес стatera 8,60 г. Фонды ИА НАНУ. Инв. № 3-4395 [Scythian, 1999: № 94]; 41 – Мелитопольский курган. Штампованные бляшки (МНДУ)

К. Реглинга А.Н. Зограф поменял местами первые два типа. По А.Н. Зографу 1-й тип (сатир в профиль без венка – рис. 139, 1–7) и 2-й тип (сатир в фас без венка – рис. 140, 11–18) приходится на время между 370 и 340 гг. и датируются, соответственно, концом 370–360 гг. и 360–340 гг. Он отметил плавный переход 1-го во 2-ой тип, возможность их одновременного обращения, на что указывают экземпляры обоих типов из Эрмитажа, оборотные стороны которых биты одним штемпелем. Хотя А.Н. Зограф и писал, что «с хронологической схемой Реглинга, начиная с 3-й группы, можно в полной мере согласиться», даты К. Реглинга для поздних типов он изложил с существенными отступлениями. Так, он несколько расширил датировку 3-го типа до 340–330 гг. Если 340 г. в качестве ранней границы типа вполне вытекает из датировки клада из Принкипо, то 330 г. в качестве поздней границы типа выглядит уже натяжкой. Еще менее оправданно отнесение 4-го (рис. 142, 31–40) и 5-го (рис. 143, 42–44) типов к последней четверти IV в. до н. э., поскольку теснейшая связь 3–5 типов считается безусловной. Выпуск статов 5-го типа по аттической системе весом 8,55 г он отнес к последнему десятилетию IV в. до н. э., когда монеты Александра окончательно вытеснили с рынка кизикины. Таких статов очень немного, и, как установил К. Реглинг, все они биты одним штемпелем лицевой стороны (рис. 143, 45–47). По мнению А.Н. Зографа, они были последними накануне кризиса денежного обращения Пантикапея, переживавшегося городом с начала III в. до н. э. и выжившегося, прежде всего, в отсутствии монет из драгоценных металлов [Зограф, 1951: 171–177].

А.Н. Зограф высказал предположение о наличии еще и 6-го типа пантикапейских статов по единственной монете из коллекции князя А.А. Сибирского, отличавшейся упрощенностью рисунка, что, по его мнению, свидетельствовало о ее принадлежности уже к III в. до н. э. [Зограф, 1951: 173, 177]. Однако сатир на этом стате имеет человеческое ухо, что указывает на его поддельность [Карышковский, 1964: 139, прим. 44]. В целом различные существенные неточности в цитировании создают впечатление, что А.Н. Зограф знакомился с исследованиями К. Реглинга в процессе личной переписки и не имел в своем распоряжении опубликованного варианта работы.

Д.Б. Шелов принял типохронологию К. Реглинга с поправками А.Н. Зографа и предложил

некоторые уточнения для позднейших типов, более близкие к датировкам К. Реглинга, но несколько растянутые во времени, что противоречит констатации Д.Б. Шеловым типологической близости трех последних типов, свидетельствующей о сравнительно небольшом временном промежутке, в который все они должны укладываться. Это противоречие отразилось в расхождениях между датировками в тексте книги и в таблицах. В тексте кратковременная чеканка 4-го типа отнесена к 320-м гг. Выпуск 5-го типа пантикапейского золота отнесен к последнему десятилетию IV в. до н. э. В таблицах приведены следующие даты: 1-й тип – 375–360 гг., 2-й тип – 360–340 гг., 3-й тип – 340–330 гг., 4-й тип – 330–315 гг., 5-й тип – 315–300 гг. Д.Б. Шелов предполагал необходимость выделения в особый, 6-й, тип группы пантикапейских статов с облегченным весом 8,55 г, которые типологически относятся к последнему 5-му типу и также должны датироваться последним десятилетием IV в. до н. э. Совместно со статами 6-го типа, который он также считал последним выпуском пантикапейского золота, согласно Д.Б. Шелову, чеканились и мелкие золотые номиналы: полустатер с безбородым молодым сатиром в венке на лицевой стороне и протомой грифона на обороте, известный по уникальному экземпляру из Эрмитажа (рис. 143, 48–49), и столь же редкие золотые гекты с той же символикой (рис. 139, 9–10). Д.Б. Шелов также полагал, что завершение золотой чеканки на рубеже IV–III вв. предшествовало началу кризису монетного дела на Боспоре в III в. до н. э. [Шелов, 1956: 93–96, 107, сл., 125, сл., 139, табл. на с. 114, табл. III].

П.О. Карышковский поддержал выделение Д.Б. Шеловым позднейшего 6-го типа пантикапейских статов аттического веса и предложил уточнения датировок трех последних типов, 4-й тип должен датироваться 330–315 гг. (скорее, первой половиной этого периода), 5-й тип – временем правления Евмела (310/309–304/303 гг.), а 6-й тип (аттического веса) – первыми годами правления Спартока в пределах 303–294 гг. до н. э. [Карышковский, 1957: 277]. Позднее П.О. Карышковский подробнее остановился на датировке 6-го типа статов и более решительно отнес его к годам правления Евмела (310/9–304/3 гг. до н. э.), со значительно меньшей вероятностью датировки первыми годами правления его преемника Спартока [Карышковский, 1964: 137].

На основе работ К. Реглинга, А.Н. Зографа, Д.Б. Шелова и П.О. Карышковского устновилось общее представление о начале, хронологической последовательности типов монет и окончании золотой чеканки Боспора в пределах IV в. до н. э. Это принял и В.А. Анохин, полагавший, что где-то во второй половине IV в. до н. э. прекращается чеканка кизикинов, судьбу которых должен был разделить и пантикапейский статор, уступивший свое место золотым статерам Александра Македонского. [Анохин, 1971: 13]. В итоговой работе по монетному делу Боспора в сущности повторяются все эти положения, но предложенная хронология выпусков пантикапейского золота категорически им противоречит. По мнению В.А. Анохина, все предшествующие хронологии отличались отсутствием исторического подхода, который автор увидел в необходимости сопоставления отдельных выпусков с конкретными боспорскими правителями, последовательно сменявших друг друга с 379 по 283 гг. до н. э.

Согласно В.А. Анохину, первые два выпуска приходится на правление Левкона I и осуществлялись в 379–369 и 369–359 гг. Третий выпуск, после 15-летнего перерыва, состоялся уже при Перисаде I в 344–334 гг., и при нем же, после 20-летнего перерыва, в 314–310 гг., – четвертый выпуск. Пятый выпуск по В.А. Анохину приходится на правление Евмела в 310–304 гг. Золотые монеты аттического веса, наиболее поздние, В.А. Анохин разделил на два последовательных самостоятельных выпуска, которые отнесены уже к правлению Спартока III в 304–294 гг. (статеры) и 294–284 гг. (полустатеры). Таким образом, по В.А. Анохину 7 выпусков боспорского золота охватывают 379–284 гг. до н. э. – без малого 100 лет.

Стремление снабдить каждого из последующих правителей собственными золотыми монетами почти до начала денежного кризиса на Боспоре – по Анохину – 275 г. до н. э. – привело к необходимости введения 15–20-летних перерывов между выпусками, а также выведения за пределы общепризнанного периода существования пантикапейской золотой чеканки в пределах IV в. до н. э. статеров и полустатеров аттического веса и разделения их на два отдельных последовательных выпуска, что представляется весьма искусственным [Фролова, 1988: 134; 1992: 209]. В отступление от традиции, В.А. Анохин гекту объединил со статерами I-го типа, по-видимому, вслед за А.Л. Бертье-Делагардом [Бертье-Делагард, 1913:

83, № 118], что и составило по В.А. Анохину первый золотой выпуск Пантикапея. Такое объединение вполне логично, поскольку вес гекты (1,48–1,5 г) является кратным по отношению к статерам тяжелого веса, а прическа сатира весьма близка изображениям на статерах I-го типа (рис. 139, 1–10).

Выведение пантикапейских золотых монет аттического веса в III в. до н. э. представляется необоснованным. Такое запоздалое приведение Пантикапеем собственных монет в соответствие с общепринятыми стандартами – более чем через 30–40 лет после массового появления на Боспоре статеров Филиппа Македонского и Александра Великого и выхода из обращения кизикинов – выглядит настолько удивительным, что требует серьезных обоснований, которые в работе отсутствуют [Анохин, 1986: 32–36, 41–42, 54–55, табл. IV]. В.А. Анохин, учитывая датировку П.О. Карышковского начала кризиса денежного обращения на Боспоре около 275 г. [Карышковский, 1964: 137–138], попытался механически заполнить образовавшуюся лауну с существующей хронологией пантикапейских статеров соответствующими выпусками золотых монет, для чего понадобилось неоправданно растянуть всю чеканку во времени и выделить в отдельный выпуск полустатеры. Но начало надчеканки медных монет еще в конце IV в. до н. э. указывает на начало кризиса уже в это время, и такое растягивание хронологии статеров является неоправданным [Фролова, 1992: 213].

Представляется безосновательным упрек В.А. Анохина в адрес предшественников в отсутствии историзма в подходе к решению хронологии пантикапейских статеров. Именно на нем, с учетом находок кладов и отдельных монет, и построена вся типология и хронология пантикапейского золота. Стилистический анализ изображений на первых пантикапейских статерах позволил Б. Кёне определить их более ранний возраст в сравнении со статерами Филиппа Македонского. Открытие Б. Кёне, Х.Х. Гилем и А.Л. Бертье-Делагардом монет с весом по аттической системе позволило исторически ограничить время финала всей серии пантикапейского золота в пределах IV в. до н. э. Руководствуясь именно историческими соображениями, А.Н. Зограф обосновал независимость пантикапейской золотой чеканки и определил ее начальную дату. Клад в Принкипо позволил К. Реглингу определить основополагающую для всей серии боспорских статеров

датировку 3-го типа и разработать обоснованную типологию и хронологию. Ряд уточнений, в том числе и исторического плана, сделанных А.Н. Зографом, Д.Б. Шеловым и П.О. Карышковским, привели к созданию вполне достоверной типохронологической схемы. Многочисленные профессиональные нумизматические наблюдения А.Л. Бертье-Делагарда, К. Реглинга, А.Н. Зографа, Д.Б. Шелова, П.О. Карышковского по единству чеканов 1-го и 2-го типов, 1-го и 3-го типов, близости последних четырех типов и в том числе монет аттического

веса, отвергать которые нет ни малейших оснований, поскольку им нечего противопоставить, показывают их плотную сопряженность во времени при отсутствии каких-либо интервалов. Поэтому на сегодняшний день представляется более обоснованной хронология боспорских статеров в пределах IV в. до н. э. [Фролова, 1988: 133-135; 1992: 209-211] с внесением некоторых уточнений.

Недавно появилась работа, являющаяся по замыслу полным каталогом пантикапейских статеров [Фролова, 2003]. Такая работа должна

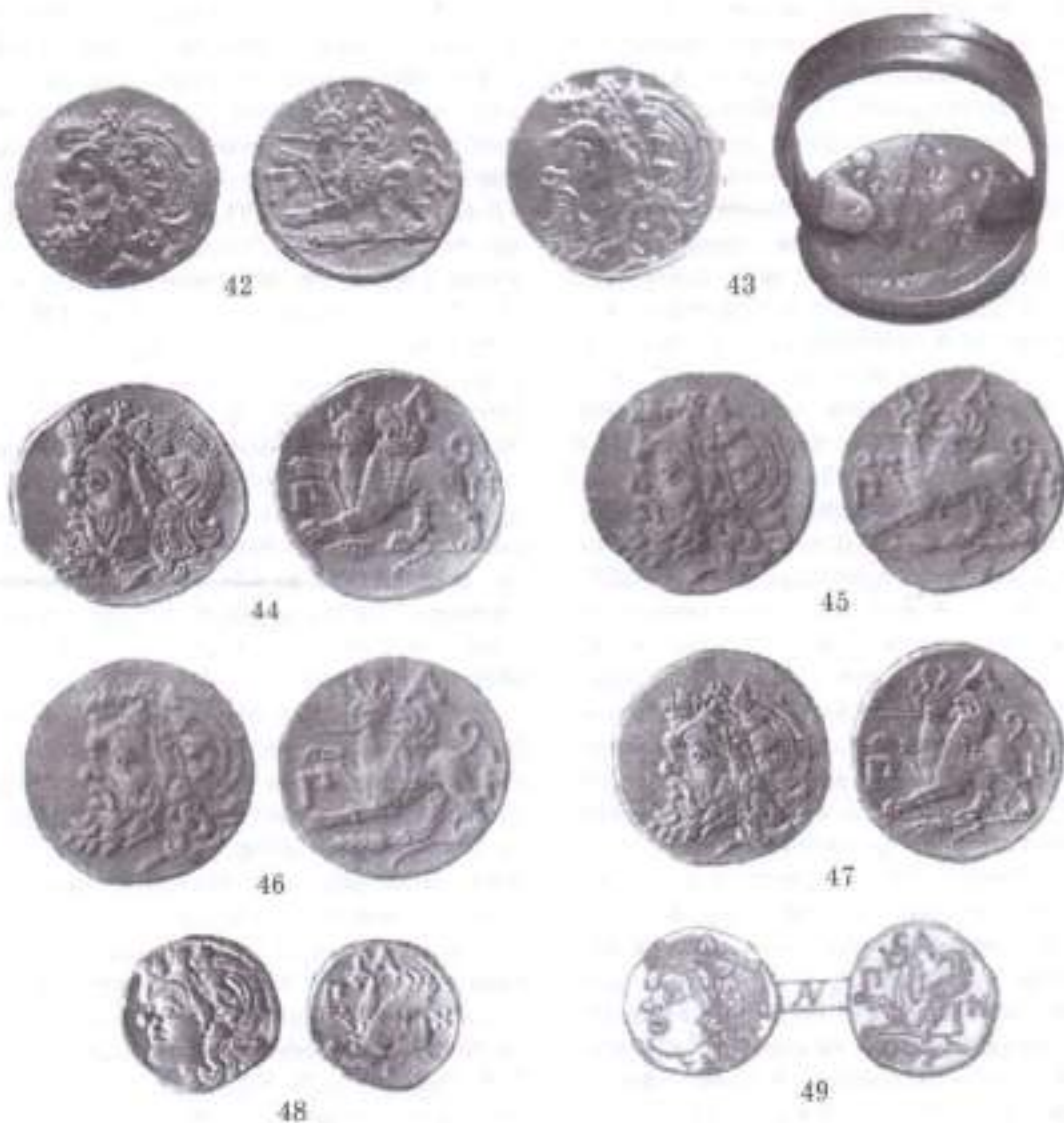

Рис. 143. Пантикапейские статеры 5-го типа

42 – коллекция Micher'a. Вес 9,07 г [Ditrich, 1959: 86-87, № 101]; 43 – Марьевка, курган № 92. МИДУ. Инв. № КИМ/МК, № AZS-3100 [Gold, 1993: № 135]; 44 – Нью-Йорк. Вес 9,05 г [Анохин, 1986: № 115].

Статеры 6-го типа:

45 – коллекция Гилья. Вес 8,35 г [Гилья, 1892: № 22]; 46 – коллекция Гилья. Вес 8,35 г [Гилья, 1892: № 23]; 47 – Лондон. Вес 8,58 г [Анохин, 1986: № 116].

Полустатер:

48-49 – Эрмитаж. Инв. № ГЭ 635 [Анохин, 1986: № 119; Бурачков, 1884: табл. XX, 61]

быть итоговой, вносящей ясность и детализацию многих вопросов, достаточно бегло освещенных предшественниками. Но, к сожалению, этого не случилось. Прежде всего удивляет заявление о том, что хронологическая классификация пантикапейских статеров не нуждается в каких-либо исправлениях. Такое открытие в устах специалиста по боспорской нумизматике выглядит, по меньшей мере, несерьезно, поскольку обоснованной является только датировка 3-го типа, а все остальные являются производными от нее с различной степенью достоверности. При анализе этой работы Н.А. Фроловой я не даю ссылки на страницы, поскольку ее текст насчитывает всего лишь 6 стр. (!), а структура – отсутствие сплошной нумерации монет – максимально затрудняет этот процесс. Поэтому даются ссылки только на изображения статеров на таблицах.

Прежде всего смущает общее количество статеров, учтенных Н.А. Фроловой. Списки реально существующих статеров по группам дополнены данными о статерах, в свое время взвешенных А.Л. Бертье-Делагардом, местонахождение многих из которых на сегодняшний день неизвестно, а также монетами, известными только по изображениям в различных каталогах без весовых характеристик. Ценность дополнения списка данными А.Л. Бертье-Делагарда крайне сомнительна. Ни один из статеров коллекции Эрмитажа не совпадает по весу с данными Бертье-Делагарда. Также не совпадают его весовые данные с реальными весами статеров 1-го, 2-го и 4-го типов Одесского археологического музея, статера 4-го типа из Минц-кабинета в Берлине. Сомнения по этому поводу высказывал еще К. Реглинг [*Диамант*, 1971: 86; *Greek*, 2001: 73, № 145–147; *Beschreibung*, 1888: 9, № 11; *Regling*, 1931: 32, примеч. 10].

Коллекция Великого князя Александра Михайловича с вошедшими в нее собраниями Х.Х. Гиля и А.М. Подшивалова, насчитывавшая наиболее значительное количество пантикапейских статеров, а также уникальную гекту – 26 экз. (!!!), разошлась по зарубежным собраниям. Многие из статеров в современных зарубежных коллекциях, а также время от времени появляющиеся в аукционных каталогах, наверняка происходят из нее и коллекций других российских собирателей, вывезенных за рубеж, в том числе и самого А.Л. Бертье-Делагарда. Но неверные весовые данные А.Л. Бертье-Делагарда не позволяют иденти-

фицировать монеты его же списка с реально существующими сегодня не только в зарубежных, но и в отечественных собраниях. А.Л. Бертье-Делагард, К. Реглинг и В.А. Анохин приводят данные о 12–17 статерах 1-го типа и 14–17 статерах 2-го типа. Н.А. Фролова называет соответственно 32 и 28 статеров тех же типов. Такое внезапное увеличение количества этих очень редких монет совершенно недостоверно, поскольку сведений о новых находках подобных статеров не имеется с 1930 г. Тогда было найдено 2 экз. 1-го и 2-го типов в кладе на о. Принкипо. Сведения же о находках всех остальных статеров этих типов уходят вглубь XIX в. и, в основном, связаны с Пулендовским кладом. В то же время в каталоге, за исключением неполных сведений по кладу из Принкипо, не учтена сводка К. Реглинга, которая, по оценке А.Н. Зографа, являлась корпусом по статерам поздних типов из европейских собраний [*Regling*, 1931: 35–38; *Зограф*, 1951: 173].

При некритическом суммировании всех сведений, когда-либо появлявшихся в литературе, происходит произвольное умножение общего числа в целом чрезвычайно редких монет. Так, А.Л. Бертье-Делагард на 1913 г. учел 81 статар, 1 полустатар и 2 гекты [*Бертье-Делагард*, 1913: 82–83, 86]. К. Реглинг в 1931 г. с дополнением по кладу из Принкипо располагал сведениями о 99 статерах, 1 полустатере и 2 гектах [*Regling*, 1931: 31–37]. В.А. Анохин на 1985 г. имел информацию о 86 статерах, 1 полустатере и 1 гекте. Н.Н. Фролова учла 119 статеров, 1 полустатар и 2 гекты. Если добавить еще 8 статеров из различных зарубежных каталогов коллекций и аукционов, 3 в перстнях из Рыжановского кургана и 1 такой же из Марьянки, а также 7 статеров из Принкипо, не учтенных Н.А. Фроловой, их общее число дойдет до 140 [*Gold*, 1993: 364, № 154; *Lanz*, 1995: № 107; *Otto*, 1928: 258, № 3734; *Seibal*, 1988: 15, № 26A; *Auction*, 1912: 20, № 237; *Persy*, 1911: 42, № 438; *Miller*, 1963: 161, № 79; *Ditrich*, 1959: 167, № 101; *Анохин*, 1986: 141, № 115–116]. Несомненно многократное дублирование информации, что совершенно недопустимо, поскольку создается ложное представление о постоянном росте объема источника, чего на самом деле нет. В этой связи весьма поучителен пример К. Реглинга, проследившего судьбу каждой конкретной монеты по смене их владельцев и дальнейшему их прохождению по различным аукционам. Такая работа безусловно

сложна, требует колоссальных затрат времени, но она необходима для получения полноценного достоверного корпуса пантикапейских статеров.

Опорной для Н.А. Фроловой является типология К. Реглинга, с уточнениями А.Н. Зографа, Д.Б. Шелова и П.О. Карышковского. Однако ее практическая реализация у Н.А. Фроловой во многом ей противоречит. Группировка статеров 1-го и 2-го типов не вызывает возражений, поскольку эти типы отличаются весьма выразительными особенностями изображений как лицевых, так и оборотных сторон. Но в списке 1-го типа не удалось отыскать статер, изображенный на табл. I, 14. В списке 2-го типа дважды учтен статер Одесского музея – в первый раз с неизвестным весом, во второй – по списку А.Л. Бертье-Далагарда с неправильным весом 9,1 г вместо реального 9,05 г.

Странности с типологией начинаются в 3-м типе. Для Н.А. Фроловой остались неизвестными отличия лицевой стороны 3-го типа от всех последующих. На первых трех типах лицо сатира сохраняет вполне человеческий облик, в отличие от более поздних. Достаточно реалистично переданы и волосы прически, борода и усы. Также неизвестным осталось для Н.А. Фроловой и то, что схема оборотной стороны одина для первых трех типов. Вероятно, поэтому в 3-й тип совершенно неправомерно зачислен ряд статеров 4-го типа [Фролова, 2002: табл. IV, 3, 8–12]. Отличия оборотной стороны 3-го типа от 1-го и 2-го состоит в том, что окончание передней поднятой лапы, начиная с него, изображается согнутым вниз. Главной же новацией 3-го типа, в сравнении с предыдущими, является появление венка на голове сатира (рис. 141, 19–28).

Не меньше странностей и с 4-м типом. По мнению Н.А. Фроловой, лицевая сторона этого типа отличается от трех предыдущих только «густотой бороды и количеством листьев в венке». Для оборотной стороны вообще какие-либо отличия не отмечены. По-видимому, такое поверхностное знакомство с предметом позволило ей поместить три статера 3-го типа изклада в Принкипо в свой 4-й тип (табл. V, 5–7). Обнаружение в этом кладе каких-либо типов, помимо 1–3-го, которые выделил К. Реглинг и подтвердили А.Н. Зограф и Д.Б. Шелов, могло бы явиться открытием первостепенной важности, если бы не было результатом элементарной ошибки. Статеры изклада в Принкипо вообще учтены в работе лишь частично. По

одному отнесено к 1-му и 2-му типам, четыре – к 3-му, три – к 4-му, а семь – вообще не упоминаются ни в одной из групп. Ошибочно отнесены к 4-му типу статеры 5-го типа (табл. IV, 6, 9, 12; V, 9). В то же время ряд статеров 4-го типа ошибочно отнесен к 5-му типу (табл. V, 12, 13; VI, 1–6).

В этой связи следует подробно охарактеризовать 4-й тип. Лицевая сторона – профиль сатира в венке влево, что по схеме совпадает с 3-м типом. Но, начиная с 4-го типа, сатир изображается во все более гротескной манере, с характерным наростом на лбу, выделенными надбровными дугами, выразительным широкообразным носом, толстыми губами, выпученными глазами и действительно с более пышной вадернутой длинной бородой. Если на всех предыдущих типах прическа сатира представляет собой вполне реалистичную копну волос, более или менее уложенную, то здесь волосы над венком изображены схематично, в виде параллельных дуговидных полос с двумя завитками сверху. Резко выделен хохолок сверху спереди. Грива на затылке изображена крупными схематичными локонами. Листья и остальные детали венка на статерах 4–6-го типов более крупные. Решительно отличается от первых трех типов схема расположения легенды на оборотной стороне. Если у первых трех типов буква А находится слева от головы грифона, а буква N – между крылом и петлей хвоста грифона, то в 4-м типе буква А располагается между крылом и петлей хвоста, а буква N – ниже хвоста грифона. Особое внимание при этом нужно обратить на букву А. В 4-ом типе она расположена правее крыла, непосредственно над петлей хвоста или вблизи от нее (рис. 142, 31–40). По-видимому, только незнанием таких деталей можно объяснить появление в 4-м типе Н.А. Фроловой статеров 3-го [Фролова, 2002: Табл. V, 5–7] и 5-го типа (табл. IV, 6, 9, 10, 12; V, 9).

Предельно простым является определение статеров 5-го типа, которые, по мнению Н.А. Фроловой, «отличаются от первых групп по стилю изображений». Кроме стиля изображений для лицевой стороны, особенностью именно 5-го типа является беспорядочная «многоэтажность» расположения петельчатых завитков пышных локонов на затылке сатира и укороченность бороды в сравнении с 4-м типом (рис. 143, 42–44). Для оборотной стороны очень характерным является расположение буквы А над верхним окончанием крыла грифона или

в непосредственной близости справа. Есть также и характерная именно для этого типа статеров разновидность изображения колоса [Фролова, 2002: табл. VI, 7], правда, характерная лишь для одного штампа. Поэтому к 5-му типу неправомерно отнесены статеры 4-го типа [Фролова, 2002: табл. V, 11–13; VI, 1–6, 8].

Уверенно проделано выделение группы статеров 6-го типа по их характерному весу, выдержанному по аттической норме. Вопросы вызывает великолепный статер, помещенный на таблице VII между №№ 1,3 и 2,4, не имеющий своего собственного номера. Разыскать ссылки на него в тексте не удалось. По всем признакам, в зависимости от веса, он принадлежит к 5-му или 6-му типу.

После декларации Н.А. Фроловой приверженности общепринятой типохронологической схеме очень странным и внезапным выглядит появление VII группы. Нигде в тексте нет ни малейших упоминаний о ней, не дается ее характеристика и не определяется датировка. Сомнительная честь ее выделения приписывается П.О. Карышковскому, который никогда и нигде не выделял такую группу. Такой группы или типа пантикапейских статеров вообще не существует. Эта группа Н.А. Фроловой выглядит очень странно, поскольку в нее включены статеры аттического веса, но типологически разные. Я не буду останавливаться на статерах 3-го типа аттического веса из коллекций Гийа и Монтегю с изображением сатира с человеческим ухом [Фролова, 2002: Табл. VII, 3, 7], по меткому определению К. Реглинга – «русского» типа поддельных статеров. Для подтверждения их подлинности Н.А. Фролова привела наблюдение Х.Х. Гийа об их сходстве со статером из коллекции А.С. Уварова, где сатир имеет козлиное ухо. Но ведь Х.Х. Гийа, безупречно доказавший фальшивость статеров с сатиром с человеческим ухом, на основании этого сходства полагал, что статер А.С. Уварова послужил образцом для изготовления фальшивок [Гийа, 1895: 222]. Остальные статеры этой фантастической группы Н.А. Фроловой принадлежат к 3-му типу, но аттического веса, [Фролова, 2002: Табл. VII, 4, 6] и 6-му типу, для которого аттический вес является нормой [Фролова, 2002: Табл. VII, 5, 8].

Полустатер и гекты Н.А. Фролова по типу изображений на обороте протомы грифона, колоса и буква PAN относит к концу IV в. до н. э. и традиционно связывает со статерами 6-го типа аттического веса [Фролова, 2002: 287].

В.А. Анохин вполне логично отделил текту от заключительного выпуска и соотнес ее с 1-м типом статеров.

Н.А. Фролова проделала также распределение статеров по штампам внутри типов. Эта чрезвычайно важная кропотливейшая работа во многом оказывается бесплодной, поскольку крайне низкое качество приведенных иллюстраций в большинстве случаев не позволяет понять индивидуальные особенности этих штампов, а также провести сравнение между ними. Обесценивает эту работу и бесконечная путаница в распределении статеров 3–5-го типов. Кроме того, не проведено перекрестное сравнение для оборотных сторон между типами 1–3, крайне необходимое, поскольку давно уже для ряда статеров 1-го и 2-го типов установлено единство штампа. Нельзя исключать возможность существования общих штампов этих типов и с 3-м типом, поскольку, как уже отмечалось, 1-3-й типы отличаются единой схемой оборотной стороны. К. Реглинг отмечал чрезвычайное сходство штампов оборотной стороны для двух экземпляров из клада в Принкипо своих 2-го и 3-го типов (1-го и 3-го типов по А.Н. Зографу). По-видимому, только незнание с оригиналами и работа с гипсовыми отливками и фотографиями не позволили ему высказаться по этому поводу более определенно [Regling, 1931: 31, № 166 и 167]. Крайне необходимо также проведение сравнения штампов лицевых и оборотных сторон и между типами 3–6, которое является решающим для решения вопросов их абсолютной хронологии.

В целом работа Н.А. Фроловой представляет собой полезную первичную сводку сведений о статерах, требующую дальнейшего скрупулезного критического анализа. Наконец-то стали доступными сведения о статерах ГИМа, ГМИИ, Эрмитажа, некоторых зарубежных собраний. Однако бесконечные ошибки в распределении статеров по 3–6 типам, выделение мифического 7-го типа статеров делают ее непригодной для использования в качестве нумизматического определителя.

Большое значение для решения проблем хронологии пантикапейского золота имеет работа Б. Похитонова. Помимо некоторых совершенно неприемлемых идей автора по истории Веспора периода Александра Македонского, в статье содержатся ценные соображения по датировке клада из Принкипо и общей хронологии чеканки пантикапейских статеров.

К. Реглинг в свое время в датировке клада исходил из датировки статеров Филиппа. Все экземпляры клада К. Реглинг отнес к наиболее поздним образцам чеканки Филиппа и на основании отсутствия в кладах монет Александра отнес зарытие клада к 335 г., не позднее 334 г. до н. э. Е. Похитонов на основании частоты упоминаний в аукционных каталогах определил наиболее массовые серии статеров Филиппа и совершенно логично предположил их поздний возраст. Это позволило ему разделить все выпуски статеров Филиппа на ранние и поздние, отличающиеся расположением имени и типом лицевой стороны. Согласно Е. Похитонову, все статеры Филиппа из Принкипо принадлежат к ранним типам. Однако он исходил из начала золотой чеканки Филиппа в 356 г. и на этом основании датировал время зарытия клада около 350 г. до н. э. Еще А.Н. Зограф обращал внимание, что чеканка Филиппа началась позднее начала его правления – не ранее 352, а возможно, и в 348 г. до н. э. [Зограф, 1951: 174]. Ч. Селтмен датировал начало золотой чеканки Филиппа временем после разгрома Олифа (после 348 г.), а наибольшей массовости его выпуски достигли к году его смерти в 336 г. Он также считал статеры Филиппа из Принкипо ранними, но при этом принимал дату клада по К. Реглингу 335/334 гг. [Seltman, 1960: 201]. По современным данным, начало золотой чеканки Филиппа относится к 342 или даже 340 г. до н. э. [Карышковский, 1988: 76]. Поэтому уточнение даты К. Реглинга клада из Принкипо возможно лишь в пределах 342/340–335 гг., вероятно, несколько ближе к 340 г. до н. э.

Е. Похитонов также обратил внимание на следующий момент. Мощнейшая, в сравнении с пантикапейской, электровая чеканка Кизика под давлением массового появления статеров Александра Македонского быстро прекращается к 330 г. до н. э., а Боспор, как ни в чем не бывало, продолжает чеканить свое тяжелое золото еще в течение 30 лет, что выглядит крайне сомнительным. На основе этого, а также уточнения датировок сопутствующих монет из клада он предложил свою хронологию боспорской золотой чеканки в пределах 380–330 гг. [Pochitov, 1968: 51–58]. Если начальная дата пантикапейской чеканки определена Е. Похитоновым на основе неверной даты начала чеканки Филиппа и не может быть принята, то ковенная дата заслуживает всестороннего внимания.

Все известные клады с боспорскими статерами ранних типов – с острова Принкипо, Таманский 1844 г.²⁶ и Пуленцовский 1845 г. – включали статеры трех первых типов [Ашик, 1848: 17–19; Кёне, 1857: 340; Regling, 1931: 35, сл.; Зограф, 1951: 172; Шелов, 1956: 132; Дьямант, 1971: 85].

Д.В. Шелов рассматривал это как свидетельство длительности совместного обращения всех трех типов [Шелов, 1956: 132]. Можно оценить эти факты и иначе: совместное – да, длительное – нет. Из расхищенного многочисленного Пуленцовского клада, насчитывавшего более 70 золотых монет, сохранилось 17 пантикапейских статеров, в том числе 11 с головой сатиры в фас и 6 – в профиль. Два из последних шести имели плющевые венки. А.Н. Зограф отметил вероятное сосуществование первых двух типов на основе единства штампа оборотной стороны (грифон). Кроме того, идеальная сохранность статеров двух первых типов с оборотной стороной одного штампа из Пуленцовского клада²⁷, два из которых хранятся в Одесском археологическом музее, при совместном их пребывании в составе клада со статерами 3-го типа, не менее удивительная сохранность статеров в кладах из Принкипо²⁸ недвусмысленно указывают на близость во времени чеканки 1–3-го типов. На то же указывает единый тип оборотной стороны с характерным расположением буквы у статеров 1–3-го типов. Кроме того, для двух статеров 1-го и 3-го типов из клада в Принкипо К. Реглинг отметил чрезвычайную близость штампа оборотной стороны [Regling, 1931: 31, 34, сл., №№ 166 и 167; Зограф, 1951: 173, прил. 2, табл. XL, 7–9; Дьямант, 1971: 86, рис. 1].

С другой стороны, К. Реглинг отметил близость и наличие общих элементов изображения

²⁶ Как установила И.В. Тужкина, сведения о Таманском клада 1844 г. ошибочны и речь идет о все том же Пуленцовском клада 1845 г. [Тужкина, 2002: 270].

²⁷ По сведениям И.В. Тужкиной, многие монеты Пуленцовского клада попали в Эрмитаж, где имеются все три разновидности пантикапейских статеров из клада [Тужкина, 2002: 270]. Это справедливо в отношении монет 1-го и 2-го типа, но единственный имеющийся в Эрмитаже экземпляр 3-го типа пантикапейских статеров [ГЭ, № 632], легко опознаваемый по характерному смещению штампа обеих сторон, происходит из платовой гробницы 1835 г. в Катерлесе в Керчи [ДБК: 148, табл. LXXXV, 1; Фролова, 2002: 289, Табл. III, 1].

²⁸ Заключение К. Реглинга о идентичности статера 2-го типа из клада в Принкипо представляется преувеличенным при взгляде на великоформатную фотографию [Regling, 1931: 38, Taf. IV, 165].

в 3-м и 4-м типах, очень тесную сопряженность 4-го и 5-го типов, в том числе и со статерами аттического веса [Regling, 1931: 32, 35–38], что принял Д.Б. Шелов и что дало ему основания относить все три типа к достаточно узкому временному промежутку [Шелов, 1956: 95]. К. Реглинг, А.Н. Зограф, Д.Б. Шелов и П.О. Карышковский, вслед за Б. Кенс, Х.Х. Гилем и А.Л. Бертье-Делагардом уверенно определили монеты аттического веса в качестве позднейшего, завершающего боспорскую золотую чеканку, выпуска. Все это свидетельствует о теснейшей сопряженности во времени, скорее даже частичной синхронности, типов 4-го, 5-го и 6-го.

Заключительный этап пантикапейской золотой чеканки представлен только одним кладом, найденным на территории Грузии, возле Кутавси, «где-то в Сванетии» в 1901 г. [Regling, 1931: 36, 38; Дундуа, 1987: 53]. Клад известен лишь частично²⁰. Информация о нем поступила в два приема. Известно, что 21 монета являлась пантикапейскими статерами 5-го типа полного веса, а из последующих 10 монет известен оттиск, принадлежавший позднему боспорскому статеру аттического веса 6-го типа.

Д.Б. Шелов установил, что появление на боспорском рынке статеров Филиппа II Македонского еще не вызвало вытеснения кизикинов и, соответственно, пантикапейских статеров [Шелов, 1949: 95–98], что подтверждается составом клада из Принкино, где наряду с 27 статерами Филиппа присутствовали 160 кизикинов, и Пуленцовского клада, где также отмечено 4 кизикина [Зограф, 1951: 173]. По данным В.К. Голенко, в Керченском кладе кизикинов 1834 г. были найдены и пантикапейские статеры, хотя другими источниками это не подтверждается [Голенко, 1977: 39; Ашик, 1849: 93–94]. На Тамани в 1866–1867 гг. были найдены пять кизикинов и три пантикапейских статера неустановленного типа, которые, по мнению Д.Б. Шелова, являлись кладом [Герц, 1870: 45–46; Шелов, 1949: 96]. Таким образом, при всей ограниченности данных вырисовывается достаточно надежный хронологический контекст. В составе кладов, в которых найдены пантикапейские статеры, встречены только

кизикины, лампсакины и статеры Филиппа Македонского.

В свою очередь, кизикины упоминаются в источниках третьей четверти IV в. до н. э. (псевдо-Демосфен), а в кладах на территории Малой Азии, Болгарии, Румынии и Северозападного Причерноморья встречаются только с монетами Филиппа Македонского, и неизвестны в комплексных находках с монетами Александра Великого и Филиппа Арридея [Regling, 1931: 24–27; Булатович, 1980: 52, сл., табл. 2 и 3; 1982: 104]. В кладе из Саида (Саидон, Финикия), зарытого около 310 г. до н. э., присутствовали несколько тысяч статеров Александра Великого, отдельные монеты Кноса, Родоса и Пифагора Саламинского, а также единственный пантикапейский статер 1-го типа [Бертье-Делагард, 1911: 33]. Наличие пантикапейского статера 50-летней давности, монеты тяжелого веса, давно уже вышедшего из употребления, в кладе, зарытом около 310 г., можно рассматривать как случайный анахронизм. Но красноречивее другой факт: отсутствие в нем кизикинов, широко обращавшихся в Причерноморье и Эгейском бассейне в предшествующее время [Карышковский, 1958: 136; 1988: 72; Булатович, 1976: 98–106], что, несомненно, является хронологическим показателем.

Все это указывает не только на прекращение чеканки кизикинов в третьей четверти или даже ближе к середине IV в. до н. э. [Карышковский, 1958: 136; 1977: 15; 1988: 65; Булатович, 1980: 52; 1982: 103], но и на время выхода кизикинов из обращения к концу 330–320-х гг., как и полагал Д.Б. Шелов, считавший, что массовое появление статеров Александра Македонского в это время вызвало исчезновение кизикинов на денежном обращении античного мира, в том числе и на Боспоре [Шелов, 1949: 95–98; 1954: 69; Зограф, 1951: 41]. И в свою очередь прямо указывает на время прекращения боспорской золотой чеканки, попыток приведения ее в соответствие с аттической весовой нормой и выхода пантикапейских статеров из обращения в интервале 330–320 гг. до н. э.

В свое время А.Л. Бертье-Делагард датировал окончание золотой чеканки Пантикапея временем Александра – 330-ми гг. до н. э., что связывал с появлением на международном рынке массы золотых монет Филиппа, а в особенности статеров Александра. Позднее он расширил эту дату на всю вторую половину столетия, полагая, что Пантикапей прекратил

²⁰ А.Н. Зограф и Д.Б. Шелов разделяли его на два клада, найденных «в бывш. Кутавской губ. и в Сванетии» [Зограф, 1935: 187, № 8, 9; Шелов, 1956: 132–133], в отличие от К.Реглинга, полагавшего, что речь может идти об одном кладе, найденном в районе Кутавси.

свою собственную чеканку, ограничившись пробным выпуском золотых по новой аттической системе в конце IV в. до н. э., за чем непосредственно последовал кризис монетного дела Пантикапея, длившийся на протяжении III в. до н. э. Такая причинно-следственная последовательность событий была принята всеми исследователями [*Бертье-Делагард*, 1911: 33, 51–53; 1913: 82–86, №№ 139–140; *Зограф*, 1951: 175; *Шелов*, 1949: 95–98; 1956: 137–138; *Анохин*, 1971: 13].

П.О. Карышковский отнес последний выпуск пантикапейского золота к правлению Евмела (310/309–304/303 гг. до н. э.). Он полагал, что осуществление монетной реформы – переход к аттической весовой системе – вполне гармонирует со всем тем, что известно об этом правителе. За неполных 6 лет царствования Евмел освободил от пиратов Понт со стороны южного берега Крыма и Кавказского побережья, оказывал постоянные услуги южным причерноморским городам – Синопу, Византии и др., принял 1000 переселенцев из Каллатии, присоединил значительную часть соседних варварских земель, задумал покорить все племена, окружавшие Понт. Но смерть помешала завершить планы [*Карышковский*, 1961: 116; 1964: 137; *Diod.*, XX, 25; *Гайдукевич*, 1949: 73–75].

Но ведь это только одна сторона медали. Еще при Персасе I около 330 г. до н. э. Боспор вел кратковременную войну с неким скифским царем, что известно из речи Демосфена [*Demosth.*, *Phorm.* XXXIV,8]. Насколько продолжительной и серьезной была эта война, неизвестно, но она вызвала застой в торговле и расстроила на некоторое время экономическую жизнь Веспора⁶. Но гораздо более губительными для боспорских финансов, по мнению Д.Б. Шелова, были междуусобные войны сыновей Персаса, в которых братья использовали наемные армии и контингенты союзных скифских войск. Войны эти должны были стоить весьма дорого и могли в короткий срок опустошить государственную казну. Д.Б. Шелов привел расчеты В.Д. Блаватского общего бюджета Боспорского государства того периода. При всей гипотетичности и приблизительности приводимых цифр, они показывают, что

доходная часть бюджета почти целиком поглощалась расходами на содержание армии и флота. Но у В.Д. Блаватского речь шла об обычной боспорской армии, которую имел Сатир в момент борьбы с Евмелом. Как справедливо отметил Д.Б. Шелов, Евмел также имел армию, сражавшуюся за него небескорыстно, а также, по-видимому, наемников. К этому следует добавить и немалые расходы на подарки союзникам Сатира и Евмела, а затем – Евмела и Притана [*Шелов*, 1956: 136, 149–150; *Блаватский*, 1953: 201–204]. Иными словами, Евмел, пришедший к власти в результате кровопролитной войны, несомненно к этому моменту не был обременен ничем, кроме долгов. Дальнейшая деятельность этого правителя также отличалась необычайной, но весьма дорогостоящей, активностью.

П.О. Карышковский соглашался с тем, что военные расходы периода междуусобицы оцутимо отразились на состоянии казны боспорских владык, но при этом не считал, что к моменту воцарения Евмела она могла быть опустошена. Подтверждение этому он видел в сообщении Диодора о том, что Евмел по воцарении возобновил беспощадность, которой пользовались жители Пантикапея прежде, и освободил граждан от податей [*Карышковский*, 1960: 117; 1961: 116–117]. Однако не следует переоценивать бескорыстие Евмела. Не бывает беспощадных и безналоговых государств [*Брашинский*, 1958: 130, сл.]. Несомненно, речь может идти только об освобождении от пошлин каких-то определенных категорий населения или некоторых видов торговых операций, а также упразднении наиболее обременительных налогов. И не следует забывать, что основной доход боспорские правители получали от хлебного импорта. Также нужно уточнить, что, по сведениям Диодора, Евмел обещал освободить от всех податей, а выполнил ли обещанное и в какой мере, об этом можно только догадываться [*Diod.*, XX, 24–25]. Постоянная военная и политическая активность Евмела несомненно была настолько «затратной», что вполне могла перекрывать с лихвой все государственные доходы.

Разумеется, речь не идет о полном отсутствии золота в казне Боспора в этот период, в чем совершенно прав П.О. Карышковский. Имеются в виду свободные запасы металла, необходимые для обеспечения золотой чеканки. Ими то Евмел, скорее всего, и не располагал. Да и не было необходимости выпуска доро-

⁶ По мнению П.О. Карышковского, это, как он назвал, столкновение со скифами, отсюда не имело таких катастрофических последствий для боспорской торговли, как это стремился изобразить обивавшийся Демосфеном Формион [*Карышковский*, 1958: 133; 1961: 116].

гостящей собственной золотой монеты (по мнению большинства исследователей – из привозного золота, тех же статеров Александра и др., что связано с их переплавкой, неминуемыми потерями металла при этом, и расходами на чеканку новых монет), когда рынок был наполнен золотыми монетами Александра Македонского и его эпитонов. П.О. Карышковский сам видел вероятную причину отказа боспорских правителей от выпуска собственной золотой монеты в рискованности этого мероприятия в период широкого распространения в мире общепризнанной монеты Александра [Карышковский, 1960: 121; 1961: 119]. В целом вопрос о необходимости собственной золотой чеканки в этот период и финансовых возможностях Евмела для ее обеспечения имеет отрицательный ответ.

П.О. Карышковский установил последовательность этапов боспорского денежного кризиса. Он показал, что чеканка серебряных монет в Пантикапее продолжалась и во втором десятилетии III в. до н. э., что позволило отнести начало денежного кризиса к рубежу первой и второй четвертей III в. до н. э. Однако надчеканка медных монет, начавшаяся в начале III в. или даже в конце IV в. до н. э., свидетельствует о начале кризиса уже в это время [Карышковский, 1964: 137–138; Шелов, 1981: 32–33; Фралова, 1992: 213]. Прекращение золотой чеканки Боспора предшествовало кризису и было связано с коренным изменением ситуации на мировом денежном рынке в результате колоссального наплыва золотых монет Александра Македонского в 330–320 гг. до н. э.

С учетом всего изложенного, хронология чеканки пантикапейских статеров может быть представлена следующим образом. К. Реглинг относил начало пантикапейской чеканки золотых монет ко времени незадолго перед 350 г., под влиянием чеканки золотых статеров Филиппа Македонского, начавшейся, как в то время предполагалось, в 356 г. до н. э. На сегодняшний день начало македонской золотой чеканки относится к 342 или к 340 г. до н. э. Поэтому начало пантикапейской чеканки, возникшей, как доказал А.Н. Зограф, ранее македонской, может быть отнесено ко времени около 350 г. до н. э., как и предполагал К. Реглинг, или даже в пределах 350–340 гг. до н. э. При такой датировке может и не иметь особого значения перестановка 1-го и 2-го типов, произведенная А.Н. Зографом, поскольку он установил идентичность штампа оборотной стороны для ряда

статеров 1-го и 2-го типов, хранящихся в Эрмитаже. То же установлено и для двух экземпляров из Одесского музея [Диамант, 1971: 86, рис. 1] (рис. 1, 5; 2, 16). А.Н. Зограф полагал, что между этими типами нет резкой временной грани и предполагал их сосуществование [Зограф, 1951: 176]. Это свидетельствует также о том, что первые два типа составляли единый выпуск, чеканившийся непрерывно. Поэтому последовательность типов лицевой стороны могла быть именно такой, как предполагал К. Реглинг: 1-й тип – сатир в фас и далее профильные типы. При такой последовательности значительно более объяснима близость штампов оборотных сторон статеров 2-го и 3-го типов по Реглингу (1-го и 3-го по Зографу), отмеченная для статеров из Принкипо [Regling, 1931: 31, № 166 и 167]. При датировке начала чеканки около 350 г. до н. э. становятся более понятными и объяснимыми общий тип оборотной стороны типов 1-3 и их встречаемость в кладах.

А.Н. Зограф, отрицая зависимость возникновения пантикапейской золотой чеканки от македонской, полагал, что она началась под влиянием золотой чеканки Лампсака, начавшейся, по его данным, во втором десятилетии IV в. до н. э. Однако это предположение достаточно противоречно, поскольку, по мнению А.Н. Зографа, Пантикапей по примеру Лампсака выбрал лишь тип металла для своего статера – высокопробное золото, но по стоимости приравнял его к кинанину, имевшему совершенно иной состав металла [Зограф, 1951: 174–175]. Но в этом случае примером для подражания мог быть и не Лампсак, который, согласно Ч. Селтмену, начал чеканить золотую монету с 394 г. до н. э. [Seltman, 1960: 181]. В первой половине – середине IV в. до н. э. существовало достаточное количество и других примеров золотой чеканки для подражания [Карышковский, 1961: 118].

Д.Б. Шелов поддержал предложенную А.Н. Зографом дату начала чеканки и дополнительно подтвердил ее стилистической близостью головы сатира на 1-м типе золотых статеров к изображению той же головы на первых выпусках пантикапейского серебра начала IV в. до н. э. Отсюда выстраивалась логическая цепочка из изображений на монетах Фанагории начала IV в. и Пантикапея конца V в. до н. э., что, по мнению Д.Б. Шелова, составило непрерывный ряд выпусков, не позволяющий отодвигать начало золотой чеканки

Пантикапей в середине IV в. до н. э. [Шелов, 1956: 94–95].

Стилистическая близость заключается в изображении на обоих типах монет профиля бородатого сатира влево. Но если на серебре это изображение передано в упрощенно-обобщенной манере, то на 1-м типе золотых статов помещен чуть ли не портрет конкретного сатира с высокой степенью реализма (если понятия портрета и реализма применимы к сатиру). Монеты «лучшего времени греческого искусства», «являющиеся триумфом монетной чеканки Пантикапея» [ДБК: 148, табл. LXXXV, 1; *Mills*, 1913: 629]. Такие характеристики первых боспорских золотых даже приблизительно нельзя отнести к уровню изображений на серебряных монетах. Поэтому такая стилистическая близость – это все же еще не единство, а различий вполне достаточно, чтобы допустить около 20–30 лет разницы между ними. В противном случае выглядят довольно странными единство штампа оборотных сторон ряда экземпляров первых двух типов статов (по сути – единый выпуск, в процессе осуществления которого заменен один из пришедших в негодность штемпелей) и постоянная встречаемость вкладах первых трех типов для монет, которые, если принимать датировку А.Н. Зографа и Д.Б. Шелова, чеканились на протяжении более 40 лет. В последнем случае придется предполагать чрезвычайно высокие тиражи выпусков, что не подтверждается общим количеством известных пантикапейских статов.

Для статов 3-го типа по датировкеклада из Принкипо достаточно надежной является датировка в пределах 340–335 гг. Датировка статов 4-го типа около 330 г. до н. э., предложенная К. Реглингом, представляется вполне логичной и обоснованной. Она находит блестящее подтверждение в находках золотых штампованных бляшек монетного типа с изображением сатира со статов 4-го типа в захоронении Мелитопольского кургана (рис. 142, 41), которое по комплексу амфор и чернолаковой керамики датируется в пределах конца 340 – первой половины 330 гг. до н. э. [Монахов, 1999: 405], что с одной стороны подтверждает датировку К. Реглинга, с другой – указывает, что 330 г. может являться заключительной датой для чеканки статов этого типа.

Совершенно неожиданное решение по хронологии 3-6 типов пантикапейских статов предполагают статов из коллекции А.С. Уваро-

ва и чрезвычайно близкий ему статов из ГИМа [Орешников, 1887: 52, № 384, табл. II, 384; Фролова, 2002: табл. VII, 6]. Эти статовы, по весу 8,34 и 8,37 г., принадлежат к группе статов аттического веса. Но по типологическим признакам они принадлежат к 3-му типу пантикапейских статов (рис. 141, 27–28). И хотя эти статовы послужили образцом для изготовления серии поддельных «русских» статов с изображением сатира с человеческим ухом, ни А.В. Орешников, ни Х.Х. Гиль, ни А.Л. Бертъе-Делагард не имели ни малейших сомнений в их подлинности.

Более того, А.Н. Зограф со ссылкой на В. Кёне писал о том, что из двух пантикапейских статов Пуленцовскогоклада с профильным изображением сатира с венком 3-го типа один находился в собрании А.С. Уварова. Ссылка А.Н. Зографа на каталог коллекции А.С. Уварова неточна: № 385 – это мелкая серебряная монета. Единственный статов в собрании А.С. Уварова, соответствующий 3-му типу, имеет номер № 384 [Зограф, 1951: 173, прим. 2; Орешников, 1887: 52, № 384, табл. II, 384]. Э.И. Дьямант относил эту ссылку к статову № 369 уваровского собрания, который принадлежит к 4-му типу, допуская также принадлежность к Пуленцовскомукладу и статов № 371 и 379 1-го и 2-го типов, и почему-то абсолютно обошел молчанием интересующий нас № 384 [Дьямант, 1971: 84, прим. 4, 86, прим. 20]. Находка в составе Пуленцовскогоклада статова 4-го типа имела бы важнейшее значение. Однако В. Кёне отметил однотипность оборотной стороны всех пантикапейских статов Пуленцовскогоклада, прежде всего по расположению букв легенды ΠΑΝ, что однозначно указывает именно на статов № 384 А.С. Уварова аттического веса, типологически соответствующий 3-му типу [Кёне, 1857: 346, № 23].

В этом случае возникает предельно интересная ситуация. По манере изображения лица сатира уваровский статов и его аналог из ГИМа близки к поздним типам статов и на этом основании должны быть отнесены к позднейшим образцам 3-го типа. Их вес – 8,34 и 8,37 г – показывает, что переход к аттической весовой системе в пантикапейской золотой чеканке начался еще в конце существования 3-го типа. Таким образом, выходит, что практически одновременно, наряду со статами 3-го типа тяжелого веса, должны были чеканиться и статовы тяжелого веса 4-го и 5-го типов. Об одно-

временности чеканки статеров тяжелого веса 4-го и 5-го типов свидетельствуют статеры из коллекции Micher'a и Марьевского кургана, лицевая сторона которых отчасти соответствует 4-му типу по типу бороды сатира, но усложненной многоэтажностью доконов на затылке уже сходна с 5-м типом. Обратная сторона по расположению букв дегады – буква А над крылом грифона – полностью повторяет схему статеров 5-го и 6-го типов (рис. 143, 42–43). А уже в конце завершения чеканки 3-го типа чеканкой статеров этого же типа, но уже в аттическом весе, одновременно происходила и чеканка статеров 4-го и 5-го типов аттического веса. Статеры 5-го типа аттического веса хорошо известны. Это статеры, в свое время выделенные в отдельный 6-й тип пантикапейских статеров и полустватер, известный по единственному экземпляру (рис. 143, 45–49). Для полноты картины не хватает только статеров аттического веса 4-го типа.

И такой статер существует. Пантикапейский статер из перстня в Рыжановском кургане, найденный в 1995 г., относится к 4-му типу, о чем свидетельствуют длинная пышная вздернутая борода и характерное оформление прядей прически на затылке сатира на лицевой стороне, а также расположение буквы А справа от крыла грифона над петлей хвоста на оборотной (рис. 142, 40). Этот статер изготовлен иным вариантом штампа, нежели статеры из рыжановских перстней, найденных в 1887 г., но все того же 4-го типа. Но самое любопытное – его вес по данным пробирного анализа составляет 8,60 г [Ив. книга: 125, № 3-4395]¹⁴. Впускное погребение Рыжановки по керамическому комплексу датируется в пределах третьей четверти IV в. до н. э. [Момахов, 1999: 413–414], что полностью подтверждается всеми вновь полученными данными при доисследовании Рыжановского кургана в 1995–1998 г. (см. выше). В свое время А.Ю. Алексеев обратил внимание на изображения на щитке третьего перстня, соответствующие символически на монетах Филиппа II и Александра Македонского [Алексеев, 1992: 155]. Ту же дату в пределах третьей четверти IV в. до н. э. дает весь керамический комплекс кургана, как из старых,

так и новых находок, и на ту же дату указывают пантикапейские статеры из перстней.

Судя по наличию статеров 3-го, 4-го и 5-го типов, отчеканенных как в традиционном для пантикапейских статеров тяжелом весе около 9,1 г (соответственно рис. 141, 19–26; 142, 31–39; 143, 42–44), так и по облегченной аттической весовой норме – около 8,5 г (соответственно – рис. 141, 27–28; 142, 40; 143, 45–47), финал чеканки пантикапейских статеров был достаточно бурным и кратковременным и продолжался в течение буквально нескольких лет после 330 г. до н. э.

Все приведенные наблюдения, подчеркивающие непрерывность чеканки, сопряженность и сосуществование различных типов статеров во времени, заставляет вспомнить Б. Кёне, синхронизировавшего пантикапейские статеры аттического веса со статерами Филиппа и Александра [Кёне, 1857: 346, № 25], первоначальное мнение А.Л. Бертье-Делагарда о непродолжительности всей пантикапейской золотой эмиссии в пределах 350–320 гг., окончания пантикапейской чеканки временем Александра, что предполагал и Е. Похитонов [Pochitov, 1968: 51–58], и в целом ограничить время пантикапейской золотой чеканки и выхода из обращения пантикапейских статеров пределами тех же 330–320 гг. до н. э. Из этого следует, что каждый из выпусков отнюдь не продолжался в течение 10–15 лет, а все они следовали один за другим на протяжении около 30 лет, отчасти или в большей части сосуществуя друг с другом.

Общее небольшое количество реально существующих пантикапейских статеров (до 100 экз.), единство штампов оборотной стороны 1-го и 2-го типов, 1-го и 3-го типов, лицевой 6-го типа, небольшое количество штампов, использованных для чеканки каждого из типов, очень высокая для такого небольшого количества известных монет повторяемость штампов¹⁵ сви-

¹⁴ По подсчетам Н.А. Фроловой, в 1-ом типе лицевая сторона 3 экз. отчеканена штампом «А», 2 экз. – штампом «В», 3 экз. – «Г», 2 экз. – «Е», оборотная сторона – 3 экз. штампом «в», 2 экз. – штампом «д». Во 2-м типе – лицевая сторона: 3 экз. – штампом «А», 3 экз. – «Б», 2 экз. – «Г». В 3-м типе – 2 экз. отчеканены одной парой штампов. В 4-м типе – лицевая: штамп «А» – 5 экз., «Б» – 2 экз., «В» – 3 экз., «К» – 3 экз., оборотная: штамп «а» – 2 экз., «в» – 2 экз., «д» – 3 экз., «с» – 2 экз. В 5-м типе – лицевая: штамп «З» – 2 экз., оборотная: штамп «г» – 2 экз. [Фролова, 2002: 288–291]. Полагаю, что таких совпадений будет намного больше при перекрестном сопоставлении штампов между группами.

¹⁵ К сожалению, такое раздельное определение веса не было сделано при апробировании перстня из Марьевки. Однако его общий вес 12,55 г, в сравнении с Рыжановским (11,44 г), при несколько большей массивности шипки, все же указывает на то, что в Марьевском перстне статер тяжелого веса свыше 9,0 г.

детельствуют о достаточно скромном объеме пантикапейской чеканки. А.К. Марков привел очень интересные данные по этому вопросу. Хотя и неизвестны подлинные греческие монетные штампы, считается, что греки изготавливали их из довольно мягкого материала – железа или бронзы, которые не могли служить для изготовления большого числа монет, при чекане быстро сбивались и должны были постоянно обновляться. Среди парфянских тетрадрахм Фраата IV известны монеты, отчеканенные в одном месяце двумя разными штампами. В коллекции Кольба в Вене отмечен 1491 вариант монет римских императоров Тацита и 510 вариантов Флориана. Первый из этих императоров царствовал один год (275–276 г. н. э.), второй – только три месяца (276 г.). А.К. Марков отмечал, что вообще древние монеты одного и того же штампа встречаются столь же редко, сколь часто попадают варианты [Марков, 1901: 50–51]. Конечно, масштабы римской чеканки несопоставимы с пантикапейской. Известно также, что римляне уже применяли стальные штампы, что позволяло получить значительно большее число монет. А.Н. Зограф писал о высокой производительности штампов римского времени, которая намерзлась не десятками, а многими сотнями изготовленных ими монет [Зограф, 1951: 33]. Но даже при такой высокой технологии монетного дела цифры А.К. Маркова красноречиво свидетельствуют о быстром износе монетных штампов и что относительно долговечные штампы, все же, являлись исключениями, а не правилом.

Конечно, как справедливо считает Н.А. Фролова, объем золотой чеканки определить невозможно [Фролова, 1988: 134], но все же можно в какой-то мере представить себе порядок объема пантикапейской чеканки в сравнении с другими. С одной стороны – необычайно массовая чеканка Александра, на порядок ниже золотая чеканка Филиппа, затем очень массовая, но все же, по-видимому, значительно уступающая по объему золотая чеканка Кизита. И с другой – золотая чеканка Пантикапея, все стaterы которого считаются весьма редкими, а полустатер и гекта – вообще уникальны. За ней можно поставить разве что только городскую золотую чеканку IV в. до н. э. в Ольвии, известную всего по нескольким монетам.

Для сопоставления объема чеканки Кизита и Пантикапея можно привести и иные фак-

ты. Все археологические находки золотых монет Пантикапея [ДБК: 146, LXXXV, 1; Славский, 1846: 13, № 21], а также находки вкладах в Северном Причерноморье сделаны на протяжении 1835–1904 гг. В это же время появились и все известные на сегодняшний день пантикапейские стaterы в различных коллекциях мира. Последняя находка клада пантикапейских стaterов, уже в 1930 г., сделана на территории Турции (о. Принкиво). То есть, за последние сто лет на территории Северного Причерноморья не обнаружено ни одного нового экземпляра. Находки пантикапейских стaterов за пределами Боспора известны наперечет: около 30 стaterов в упомянутых одном или двух кладах в Грузии, 16 экз. в кладе в Принкиво и 1 экз. в кладе в Сидоне в Финикии. В то же время находки клинзиозов в Северном Причерноморье, в том числе и на Боспоре, а также на Балканах и в Малой Азии продолжают вплоть до настоящего времени и почас в значительных количествах [Булатович, 1976; 1995; Абрамов, 2001; Павленков, 2001].

Видимо, в целом чеканка пантикапейских стaterов все же была достаточно скромной по объему и уже прежде всего по этой причине стaterы, в основном, оставались монетами внутреннего обращения.

4.27. РЕКОНСТРУКЦИЯ УЗДЕЧЕК ИЗ БАВИНОЙ, ВОДЯНОЙ И СОБОЛЕВОЙ МОГИЛ

На изображениях лошадей в тюретине Северного Причерноморья представлены четыре варианта ремennого оголовья с минимальным количеством украшений. В пяти случаях изображен вариант, наиболее выразительно показанный на фризе Чертомлыцкой амфоры (рис. 145, 1, 5), а также гребне и чаше со сценами охоты из Солохи (рис. 144, 3; 145, 3), обкладке ножен меча из Чертомлыка (рис. 145, 5) и ритоне из Мерджан (рис. 144, 4). Здесь в уздечке имеются нащечные, нахрапный, затылочный и подбородный ремни. Налобный ремень отсутствует. У оседланной лошади чертомлыцкого фриза показан также и подгубный ремень. Из украшений на всех уздечках этого варианта изображены мелкие круглые бляхи-фалары на перекрестках нащечных ремней с нахрапным и подбородным. На уздечке оседланной лошади на фризе Чертомлыцкой амфоры на нахрапном ремне размещен нахрапник

детельствуют о достаточно скромном объеме пантикапейской чеканки. А.К. Марков привел очень интересные данные по этому вопросу. Хотя и неизвестны подлинные греческие монетные штампы, считается, что греки изготавливали их из довольно мягкого материала – железа или бронзы, которые не могли служить для изготовления большого числа монет, при чекане быстро сбивались и должны были постоянно обновляться. Среди парфянских тетрадрахм Фреата IV известны монеты, отчеканенные в одном месяце двумя разными штампами. В коллекции Кольба в Вене отмечен 1491 вариант монет римских императоров Тацита и 510 вариантов Флориана. Первый из этих императоров царствовал один год (275–276 г. н. э.), второй – только три месяца (276 г.). А.К. Марков отмечал, что вообще древние монеты одного и того же штампа встречаются столь же редко, сколь часто попадаются варианты [Марков, 1901: 50–51]. Конечно, масштабы римской чеканки несопоставимы с пантикапейской. Известно также, что римляне уже применяли стальные штампы, что позволяло получить значительно большее число монет. А.Н. Зограф писал о высокой производительности штампов римского времени, которая измерялась не десятками, а многими сотнями изготовленных ими монет [Зограф, 1951: 33]. Но даже при такой высокой технологии монетного дела цифры А.К. Маркова красноречиво свидетельствуют о быстром износе монетных штампов и что относительно долговечные штампы, все же, являлись исключениями, а не правилом.

Конечно, как справедливо считает Н.А. Фролова, объем золотой чеканки определить невозможно [Фролова, 1988: 134], но все же можно в какой-то мере представить себе порядок объема пантикапейской чеканки в сравнении с другими. С одной стороны – необычайно массовая чеканка Александра, на порядок ниже золотая чеканка Филиппа, затем очень массовая, но все же, по-видимому, значительно уступающая по объему золотая чеканка Кизика. И с другой – золотая чеканка Пантикапея, все статеры которого считаются весьма редкими, в полустатер и гекта – вообще уникальны. За ней можно поставить разве что только городскую золотую чеканку IV в. до н. э. в Ольвии, известную всего по нескольким монетам.

Для сопоставления объема чеканки Кизика и Пантикапея можно привести и иные фак-

ты. Все археологические находки золотых монет Пантикапея [ДБК: 146, LXXXV, 1; Спасский, 1846: 13, № 21], а также находки вкладах в Северном Причерноморье сделаны на протяжении 1835–1904 гг. В это же время появились и все известные на сегодняшний день пантикапейские статеры в различных коллекциях мира. Последняя находкаклада пантикапейских статеров, уже в 1930 г., сделана на территории Турции (о. Прикипо). То есть, за последние сто лет на территории Северного Причерноморья не обнаружено ни одного нового экземпляра. Находки пантикапейских статеров за пределами Боспора известны наперечет: около 30 статеров в упомянутых одном или двухкладах в Грузии, 16 экз. вкладах в Прикипо и 1 экз. вкладах в Сидоне в Финикии. В то же время находки кизикяков в Северном Причерноморье, в том числе и на Боспоре, а также на Балканах и в Малой Азии продолжают входить до настоящего времени и подчас в значительных количествах [Булатович, 1976; 1995; Абрамов, 2001; Павленков, 2001].

Видимо, в целом чеканка пантикапейских статеров все же была достаточно скромной по объему и уже прежде всего по этой причине статеры, в основном, оставались монетами внутреннего обращения.

4.27. РЕКОНСТРУКЦИЯ УЗДЕЧЕК ИЗ БАБИНОЙ, ВОДЯНОЙ И СОБОЛЕВОЙ МОГИЛ

На изображениях лошадей в тюретнике Северного Причерноморья представлены четыре варианта ремennого оголовья с минимальным количеством украшений. В пяти случаях изображен вариант, наиболее выразительно показанный на фризе Чертомлыцкой амфоры (рис. 145, 1, 5), а также гребне и чаше со сценами охоты на Солохи (рис. 144, 3; 145, 3), обкладке ножен меча из Чертомлыка (рис. 146, 5) и ритоне из Мерджан (рис. 144, 4). Здесь в уздечке имеются нащечные, нахрапный, затылочный и подбородный ремни. Налобный ремень отсутствует. У оседланной лошади чертомлыцкого фриза показан также и подгубный ремень. Из украшений на всех уздечках этого варианта изображены мелкие круглые бляхи-фалары на перекрестьях нащечных ремней с нахрапным и подбородным. На уздечке оседланной лошади на фризе Чертомлыцкой амфоры на нахрапном ремне размещен нахрапник

Рис. 144. Изображения скифских уздечек

1 – рельеф из Нинруда (883–859 гг. до н. э.);
2 – Керченский ритон; 3 – чаша из Солохи; 4 – ритон
из Мерджан; 5 – костяная пластинка из Куль-Обы

(рис. 145, 5). На оковках ритона из Мерджан на уздечке отсутствуют какие-либо бляхи, но при этом все ремни оголовья украшены мелкими точками. Возможно, таким способом показаны мелкие декоративные бляшки, нашитые на уздечные ремни (рис. 144, 4).

На пяти изображениях показана уздечка той же конструкции, дополненная налобным ремнем (чаша из Братолобовки – рис. 146, 2, гривна и нашивные бляшки со сценой охоты на зайца и всадника с копьем из Куль-Обы – рис. 146, 1, 4, Керченский ритон – рис. 144, 2). Украшения на этом варианте уздечки более разнообразны. Прежде всего, это те же круглые бляхи-фалары на перекрестьях нащечных ремней с нахрапным и подбородным. Серию уздечных украшений в этом варианте оголовья дополняет мелкая круглая бляха, помещенная на налобном ремне (бляшка из Куль-Обы со сценой охоты на зайца). На чаше из Братолобовки уздечки, кроме того, украшены большими пластинчатыми налобниками, закрепленными на нахрапном и налобном ремнях – типа Солохи, Большой Цимбалки, Талстой Могилы

и др. Что любопытно, здесь повторен тип оголовья и налобника, изображенных на костяной головке лошади из кургана Аржан IX–VIII вв. до н. э. На последней в уздечке как будто присутствует еще и подгубный ремень, хотя утверждать это сложно (рис. 149, 1).

В уздечках, изображенных на ритонах из Уляпа (рис. 149, 2) и Карагодеуашка (рис. 149, 3), рукоятки топора из Келермеса (рис. 145, 2), есть нащечные, затылочный и подбородный ремни, налобные ремни, но отсутствуют нахрапные. Из украшений на уздечках этого варианта изображены только мелкие круглые бляхи-фалары на перекрестьях нащечных ремней с налобным и подбородным. Для ритона (рога) из Уляпа предполагается происхождение из материковой Греции. По мнению Е.В. Власовой, конструкция оголовья характерна для Греции первой половины V в. до н. э., а псални – для второй половины VI – первой половины V в. до н. э. [Власова, 1998: 19]. Поэтому его использование для реконструкции скифской уздай неправомерно (рис. 149, 2).

Уникальный для Северного Причерноморья вариант оголовья изображен у лошадей на горите из Солохи (рис. 147). От нахрапного ремня поднимается вверх между глазами ремень. На лбу он раздваивается и уходит между ушами на затылок, охватывая с двух сторон челку. Там он, по-видимому, соединяется с затылочным ремнем. Изображения узды на горите нечеткие и отчасти фрагментированы. Понять конструкцию данного типа оголовья, узнать его варианты помогают росписи Казанлыкской гробницы, где лошади имеют аналогичные уздечки (рис. 148) [Живкова, 1974: рис. 13, 31, 34–36].

Мнение о сравнительно редком употреблении налобных ремней в скифских уздечках IV в. до н. э. [Руденко, 1953: 151; Ильянская, 1973: 58; Мелюкова, 1981: 77] противоречит приведенным данным, свидетельствующим о том, что налобный ремень в узде скифов Северного Причерноморья употреблялся весьма широко, о чем, помимо изображений в то-реватике, которых оказалось не так уж и мало, свидетельствуют также и все уздечки, реконст-

руированные по археологическим находкам после выхода в свет работы В.А. Ильинской [Орджоникидзе, 1973: 138; Мозолевский, 1973: 221, рис. 31; 1979: 35, рис. 20; 1980-В: 91, рис. 35; Tessori, 1996: 55; Фялко, 1996: рис. 4].

На изображениях уздечек на горите из Солохи и у оседланной лошади на фризе амфоры из Чертомлыка имеются подгубные ремни [Ильинская, 1973: 60]. Как будто этот ремень изображен и на ритоне из Мерджан [ИАК, 49: табл. XI]. Впрочем, относительно последнего высказаны серьезные сомнения в его подлинности [Передольская, 1966: 46]. На всех остальных изображениях место расположения подгубного ремня чаще всего скрыто псалнями или поводом. Поэтому трудно судить о частоте его употребления. Археологически такой ремень не фиксируется. Подгубный ремень, как уже упоминалось, возможно, изображен на головке из Аржана. Такие ремни не отмечены в Пазырыкских уздечках [Руденко, 1953: 151].

В целом по данным скифской иконографии можно констатировать, что по сравнению с VII в., или даже IX-VIII вв. до н. э., конструкция ременного оголовья верхних лошадей практически не изменилась. Схема узды на рукояти топора из Келермеса аналогична изображенной на ритоне из Карагодеуашха. На головке из Аржана изображен тип оголовья Братолюбовской чаши и других изображений.

Нельзя также не упомянуть о специфичности такого источника, как изображения в теревтике и основанных на этом возможностях реконструкции скифской узды. Основное внимание уделялось изображениям людей, в меньшей степени – лошадям и весьма малая толика доставалась на долю конского снаряжения. За исключением Братолюбовской чаши, фриза Чертомлыцкой амфоры, отчасти гребня из Солохи и ритона (рога) из Уляна, все остальные изображения узды отличаются предельной

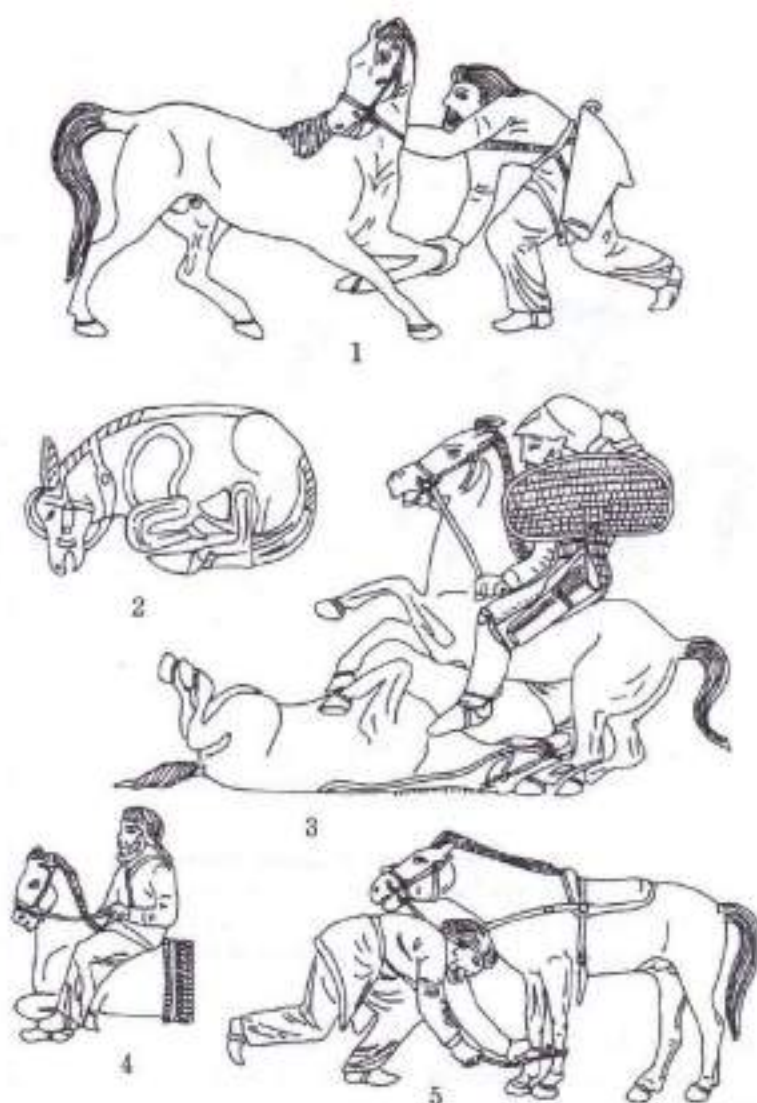

Рис. 145. Изображения скифских уздечек

- 1, 5 – фриз амфоры из Чертомлыка;
2 – рукоять топора из Келермеса;
3 – гребень из Солохи; 4 – гризана из Куль-Обы

схематичностью и в целом необязательностью. Нередко показаны только начатки ремней, иногда они лишь намечены, порой так бегло, что нет уверенности в том, что это вообще ремень узды. Иногда полному суждению мешает сохранность объекта. Так, например, на оковке ритона из Карагодеуашха уздечки двух лошадей как будто различаются наличием налобного ремня. Заложено ли такое различие в изображении изначально? Думается, что нет. Но полной уверенности в этом нет. И такое ощущение неполноты изображения возникает при изучении практически всех изображений.

Реконструкция скифских уздечек IV в. до н. э. по данным археологии.

После появления работ В.А. Ильинской конструкция узды и седловки лошадей При-

черноморской Скифии IV в. до н. э. стала достаточно ясной и наглядной [Ильинская, 1968: 1973]. Использование общезвестных изображений в торевтике и материалов захоронений лошадей в скифских курганах IV в. до н. э., исследованных в 1950–1970-х гг., позволили В.А. Ильинской на основе практически полностью сохранившихся уборов лошадей из Пазырыкских курганов и реконструкций савроматской узды VI–IV вв. до н. э. предложить реконструкции скифских уздечек и других элементов конского убора Северного Причерноморья IV в. до н. э. [Руденко, 1953: 151, сл.; Смирнов, 1961: 87; Ильинская, 1973: рис. 3 и 6].

В.А. Ильинская констатировала определенное разнообразие в оформлении узды при наличии общего типа уздечного устройства и системы украшений, составлявших специфику конского убора причерноморских скифов, имевшего определенные отличия от убора других народов Евразийского континента скифского времени [Ильинская, 1973: 57–58]. И с этим нельзя не согласиться. Вместе с тем, появились новые возможности внести обоснованные коррективы в реконструкции некоторых уздечек.

Реконструкции В.А. Ильинской простейших уздечек с минимальным количеством металлических украшений представляются достоверными, благодаря имеющимся аналогам на изображениях в торевтике. Сложнее обстоят дело с реконструкциями парадных конских оголовий с большим количеством металлических украшений в конских захоронениях курганов скифской знати. Размещение этих украшений на уздечке вызывает определенные затруднения, поскольку в иконографии богатые конские уборы не отражены [Мелюкова, 1981: 78]. Для преодоления этого препятствия В.А. Ильинская прилегла чертежи конских захоронений из скифских курганов (Мелитопольский и 2-й Мордвиновский курганы, Страшная и Гайманова могилы, курган № 6 возле Старинской птицефабрики, курган № 29 группы Гаймановой Могилы). Однако информативность этих источников достаточно ограничена. Кожаные ремни оголовья в курганных захоронениях степного Северного Причерноморья, в силу

Рис. 146. Изображения скифских уздечек
1, 4 – блиски из Куль-Обы; 2 – чаша из Братолобовки;
3 – пластина из Карагудеуашха;
5 – обкладка ножен меча из Чертомлыка

почвенных условий, не сохраняются. Как правило, лошадиные черепа в захоронениях имеют вертикальное или наклонное положение, что чаще всего приводит к утрате первоначального положения и смещению вниз под воздействием грунта металлических украшений узды после перегнивания кожаных ремней. Иногда уздечки в конских захоронениях только наброшены на конские головы, как это имело место в Мелитопольском кургане [Ильинская, 1973: 46, 48]. Поэтому надежность восстановления первоначального положения металлических блях на уздечке на такой основе далеко не всегда бесспорна, и их размещение в реконструкции нередко определяется интуицией исследователя. Только в единственном случае – в захоронении лошади в кургане № 6 у Старинской птицефабрики – череп взнузданной лошади в погребении лежал на боку и все

Рис. 147. Изображения скифских уздечек. Горит из Солохи

металлические бляхи, украшавшие оголовье, сохранили изначальное положение [Ильинская, 1973: рис. 1]. Однако здесь уздечка имела простейшую конструкцию и минимальное количество металлических украшений.

В захоронении лошадей Мелитопольского кургана ситуация осложнена наложением двух лошадиных костяков одного на другой. Кроме того, украшения оголовий наложились и на набор бронзовых украшений нагрудника нижней лошади [Мелитополь, 1988б: рис. 54–58], что не исключает путаницы между украшениями уздечных наборов и нагрудника, поскольку оба были украшены сходными круглыми бляхами. Все это отразилось в предложенных реконструкциях. Так, необъяснимое изобилие круглых блях в уздечке коня № 2 (8 экз.) вынудило исследовательницу пересечение подбородного с нащечными ремнями разместить ближе к затылку, на уровне ушей, выше пересечения налобного с нащечными ремнями [Ильинская, 1973: рис. 3, 3–4], что маловероятно, поскольку такая конструкция уздечки вообще неизвестна. Произвольным в данном случае представляется и расположение нащечников на нащечных ремнях между пересечениями с накрайным и налобным ремнями или даже на затылочном ремне [Ильинская, 1973: рис. 3 и 6]. Если первое все же отмечено в отдельных скифских уздечках Причерноморья и традиция украшения нащечных ремней, хотя и несколько иного характера, зафиксирована в отдельных

случаях в Пазырыкских курганах, то размещение нащечников на затылочном ремне представляется совершенно невероятным. В Пазырыкских курганах только в одной уздечке затылочный ремень украшен двумя мелкими бляшками, что сопоставимо с размещением амулетов-оберегов (коготь птицы и собачья косточка) на затылке коня № 2 в Мелитополе [Руденко, 1953: рис. 127; Ильинская, 1973: 50].

В.А. Ильинская обратила внимание на то, что большинство пластинчатых нащечников с гравированным изображением, т. е. «птицеклювых», и литых с рельефом, т. е. «петушков», на обороте имеет по одной петле для крепления их на ремне в вертикальном положении, что исключает их горизонтальное размещение. Руководствуясь своими реконструкциями уздечек из Волковцев, она размещала их на затылочных ремнях. Впрочем, это наблюдение не помешало ей поместить «птицеклювый» нащечник с гравировкой с одной петлей на обороте на нащечном ремне коня № 1 из Мелитополя в горизонтальной позиции [Ильинская, 1973: 53, 56, рис. 2, 6; 3, 1].

В реконструкции уздечек из Волковцев (курган № 1 1897 г.) В.А. Ильинская использовала в качестве основы фотографию уздечки № 1 из каталога Б.Н. и В.И. Ханенко, в которой сохранилась большая часть кожаных ремней оголовья [ДП, II 1899: табл. XVII]. При этом был перепутан затылочный ремень, не имеющий украшений, с подбородным. На последнем

по бокам с двух сторон подеты бляхи круглые и в виде медвежьей лапы, а посередине – миниатюрный зооморфный нахрапник [Ильинская, 1968: рис. 28]. На предложенной исследовательницей графической реконструкции подбородный ремень с украшениями занял место затылочного. Сам же подбородный ремень в данной реконструкции не показан вовсе [Ильинская, 1968: рис. 29, 1]. Во всех остальных уздечках из кургана № 1 у Волковцев реконструированы подбородные ремни без украшений и затылочные, украшенные крупными бляхами [Ильинская, 1968: рис. 29, 2–4].

Следует отметить, что на фото уздечки № 1 из коллекции Б.Н. и В.И. Ханенко не все может быть принято за достоверное. На фотографии хорошо видны пробелы на месте несохранившихся ремней – в левой части налобного, в соединении нахрапного с левым щечным и ремешком крепления налобной бляхи, отсутствуют соединения ремешков креплений налобной бляхи с налобным ремнем. Кроме того, в отдельных местах несохранившиеся ремешки

на левом щечном и подбородном ремнях заменены нитью [ДП, II 1899: табл. XVIII]. То есть, имел место монтаж находки для экспонирования. При этом уздечка была дополнена беспаспортными вещами. Так, в описи к таблице, в которой указано количество деталей узды по типам, не упомянут третий нахрапник (на подбородном ремне) и псални, что, по-видимому, свидетельствует об их произвольном добавлении к данной уздечке. То же подтверждает и анализ описей к таблицам XV, XVI, XIX, XXI, на которых изображены остальные уздечки из кургана № 1 у Волковцев. На этих таблицах помещено чрезмерное количество поддужных пряжек, щечников и других мелких деталей. В целом проведенный анализ показывает, что уздечки из кургана № 1 у Волковцев требуют весьма осторожного, критического отношения и не могут безоговорочно использоваться в качестве основы для реконструкций.

Что касается расположения щечников на щечных ремнях между их пересечением с нахрапным и налобным, то и здесь не все благополучно. В.А. Ильинская полагала, что щечники с гравировкой и рельефом («птицеклювые» и «петушки») с двумя петлями для крепления на обороте размещались именно на щечных ремнях, как это, по ее мнению, имело место на узде лошади из впускного захоронения Гаймановой Могилы [Ильинская, 1973: рис. 6, 3]. Не оспаривая возможность такой реконструкции в целом, все же замечу, что на чертеже захоронения не обозначена круглая бляха на перекрестье щечного и подбородного ремней. Таким образом, расположение щечника на щечном ремне между его пересечениями с налобным и нахрапным не зафиксировано. Сам же щечник лежал значительно ниже глаза на нижней челюсти в наклонном, то есть, отличающемся от направления щечного ремня положении [Ильинская, 1973: рис. 8, 1], что скорее указывает на его расположение на подбородном ремне.

Щечные ремни в Пазырыкских уздечках сплошь покрыты крупными орнаментированными вытянутыми пластинами [Руден-

Рис. 148. Фракийские лошади.
Настенная роспись гробницы в Калавалыке

ко, 1953]. Изображения на них ориентированы перпендикулярно к их длине (и, соответственно, к нащечным ремням) и, следовательно, предназначены для обозрения сбоку. В волковецких уздечках №№ 1 и 2, благодаря сохранности кожаных ремней, надежно зафиксировано расположение только круглых блях среднего и малого размеров (по одной) в средней части нащечных ремней, между их пересечением с налобным и нахрапным [Ильинская, 1968: рис. 28; 30].

В.А. Ильинская была абсолютно права, когда разломанную пластину, размещенную

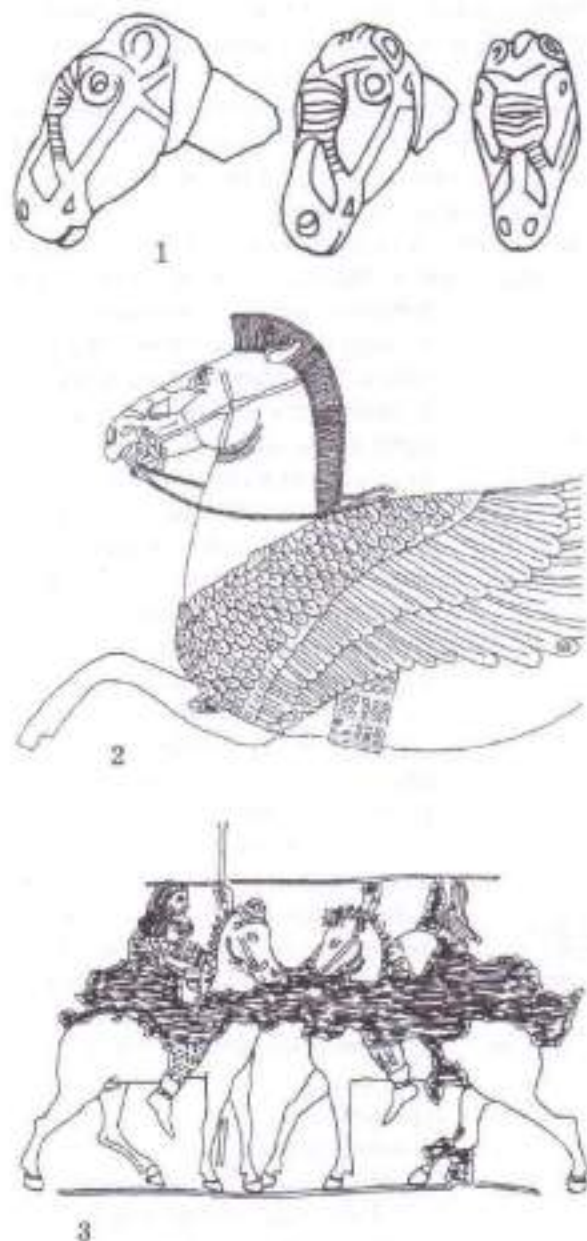

Рис. 149. Изображения уздечек
1 — головка из Аркана; 2 — ригон из Уляни;
3 — ригон из Карагодеуашха

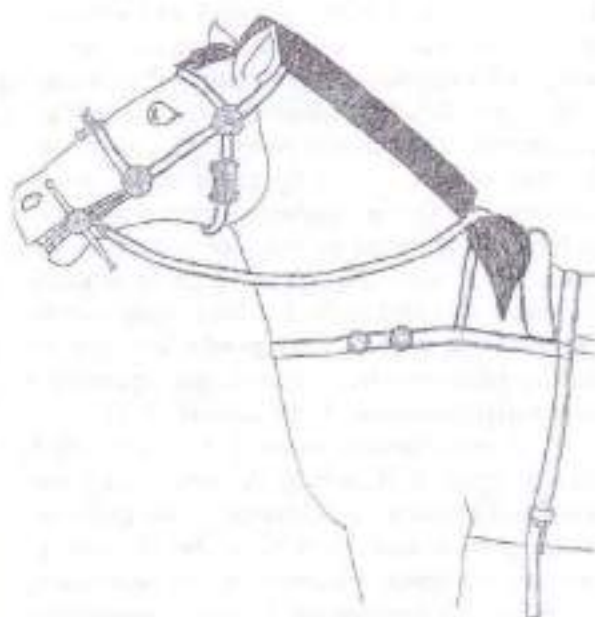

Рис. 150. Реконструкция уздечки и седловки коня № 1 из Водливой Могилы

в качестве налобника на произвольно восстановленной уздечке № 4 собрания Б.Н. и В.И. Ханенко [ДП II, 1899: табл. XXII, 402], определила в качестве хорошо известного по находкам в скифских курганах птичеклювого нащечника с гравированным изображением. В своей реконструкции этой уздечки она убрала вертикальный ремешок, проходивший от налобного к нахрапному ремню между глазами лошади, произвольно реконструированный Б.Н. и В.И. Ханенко, и разместила этот нащечник на нащечном ремне между нахрапным и налобным ремнями [Ильинская, 1968: 126, рис. 29, 4; 36]. Последнее трудно считать обоснованным.

К сожалению, эти ошибки сыграли отрицательную роль в дальнейшем. На этой основе реконструированы уздечки из Краснокутского кургана, поскольку, по данным В.А. Ильинской, такое расположение нащечных блях на нащечных и затылочных ремнях считалось установленным. В числе достоверных случаев фиксации такого расположения А.И. Мелюнова назвала конские могилы при впускном погребении Солохи, в курганах Козел, Чертомлык, Чмырева Могила, Мелитовольский, № 1 1897 г. у Волковцев [Мелюнова, 1981: 78-79, рис. 24, 1-3].

Об уздечных наборах из кургана № 1 у Волковцев речь шла выше.

В описании захоронения пяти лошадей, сопровождавшего впускное погребение Солохи, Н.И. Веселовский действительно писал о раз-

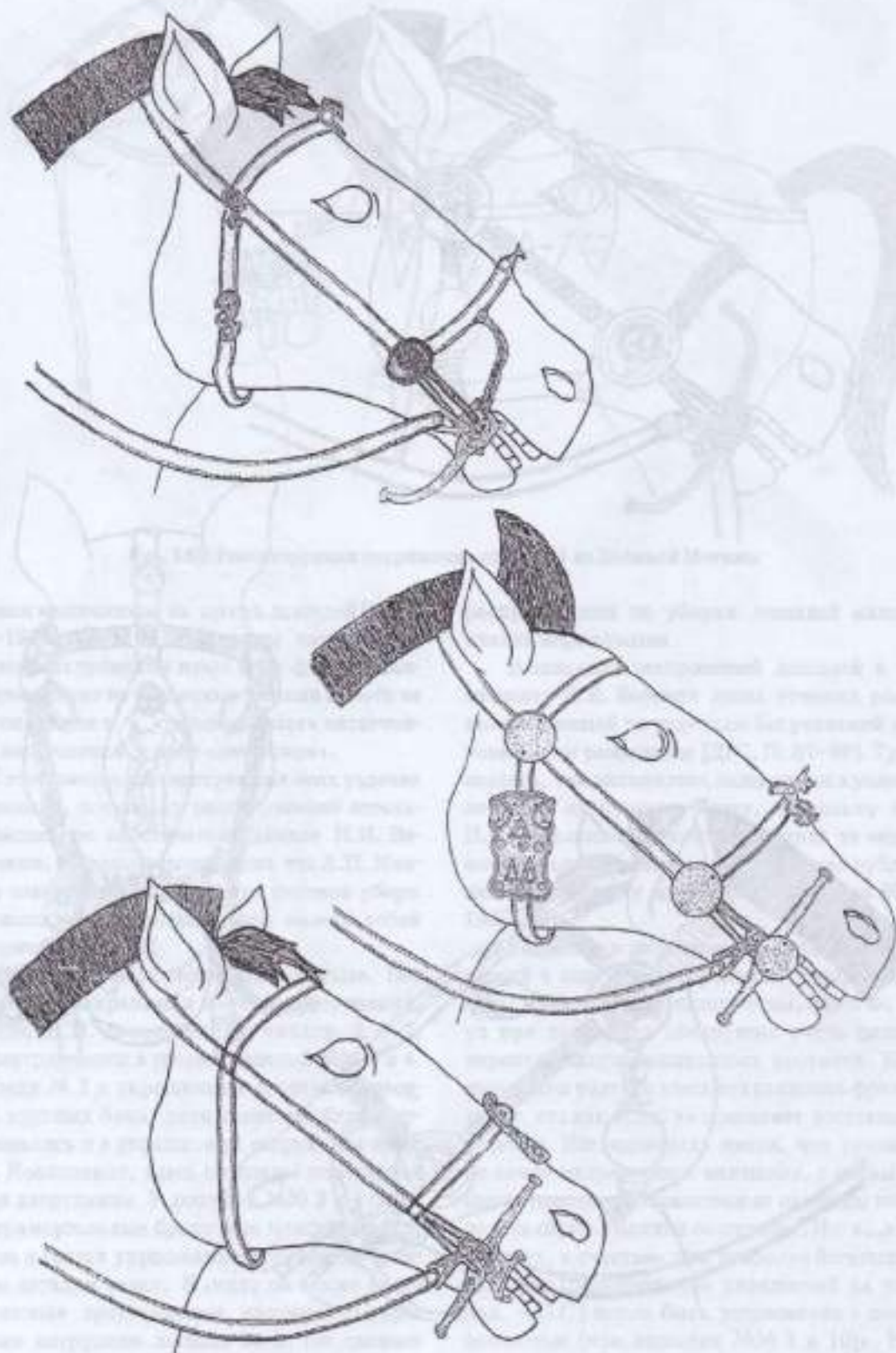

Рис. 151. Реконструкции уздечек

1 – Вабина Могила (уздечка из скопления украшений погребального котуртежа из рва);
 2 – Соболева Могила. Узда из тайника в погребении № 3; 3 – Водяна Могила. Конь № 2

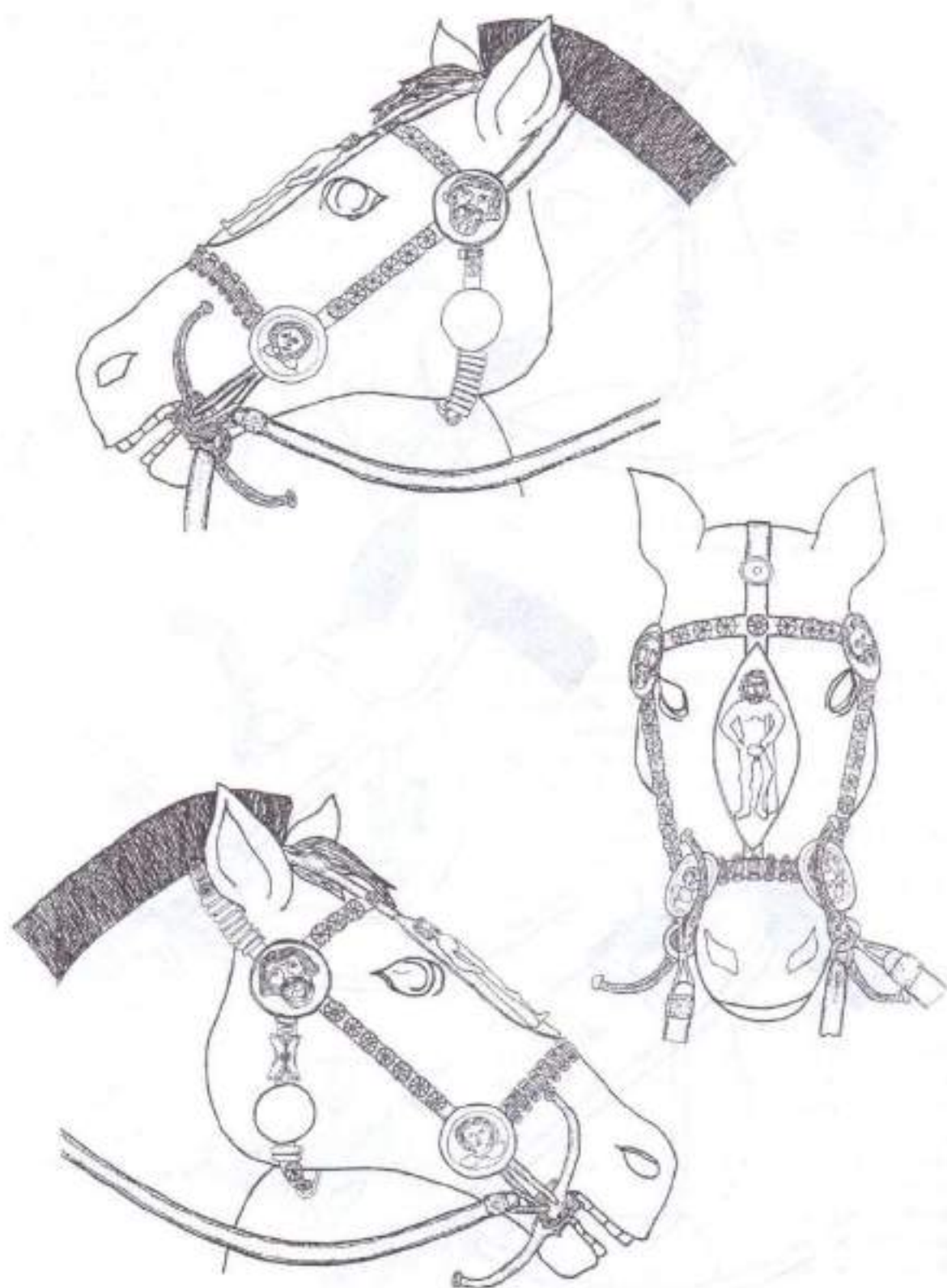

Рис. 152. Реконструкция уздечки коня № 1 из Бабинной Могины

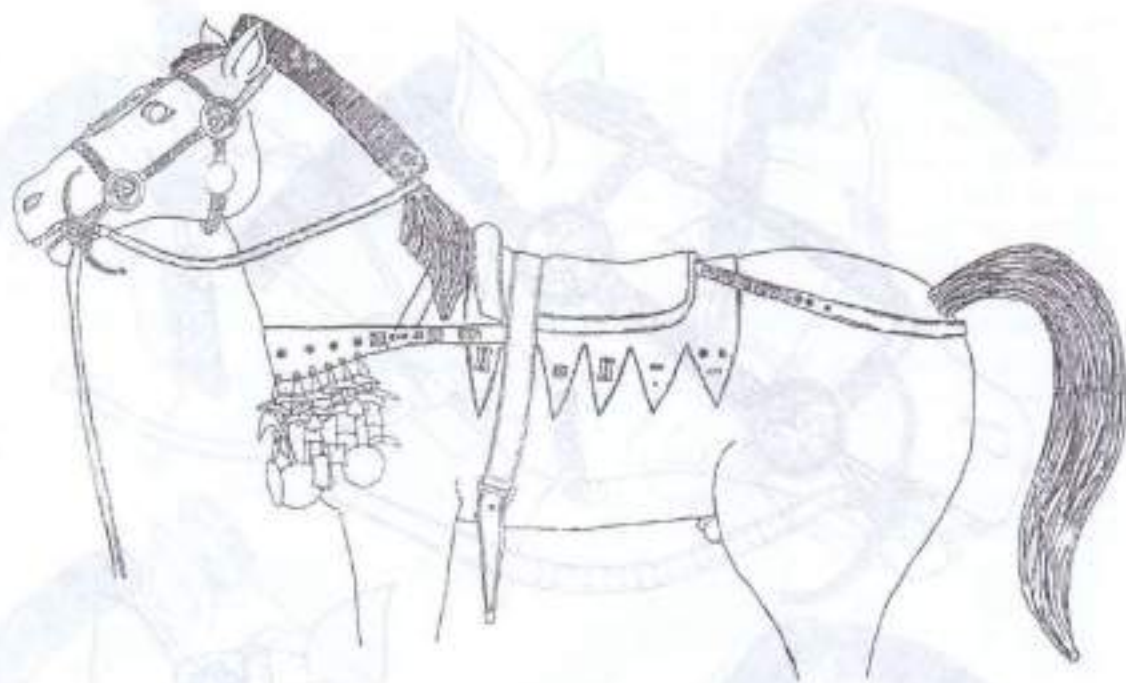

Рис. 153. Реконструкция снаряжения коня № 1 из Бабиной Могилы

мещении нашечников на щеках лошадей [ОАК, 1913–1915: 125–129]. Но типы нашечников в данном захоронении иные и их фиксированное размещение на нашечных ремнях ничего не разъясняет для т. н. «птицеклювых» нашечников и нашечников в виде «петушков».

К сожалению, реконструкция этих уздечек невозможна, поскольку распределение остальных вещей по комплектам, данное Н.И. Веселовским, настолько невероятно, что А.П. Манцевич совершенно справедливо считала уборы всех лошадей перемешанными между собой [Манцевич, 1987: 27].

Неточны и количественные данные. Все зооморфные нахрапники из этого захоронения, согласно Н.И. Веселовскому числом 9 и 7, сконцентрированы в уборах лошадей №№ 2 и 4. У лошади № 2 к украшениям оголовья отнесено 15 круглых блях, хотя такие же бляхи использовались и в украшениях нагрудника этого коня. Несомненно, здесь смешаны украшения узды и нагрудника. У лошадей №№ 3 и 4 большие прямоугольные бронзовые пластины, входившие в состав украшений нагрудника, отнесены к деталям седел. К седлу он также стнес и бронзовые треугольники, несомненно украшавшие нагрудник лошади № 5. По данным А.П. Манцевич, количество круглых блях и зооморфных нахрапников, найденных в этом захоронении, несколько меньше [Манцевич, 1987: 106–116, кат. 82–135] и при более равномерном

распределении по уборах лошадей является вполне нормальным.

В описании захоронений лошадей в Чертомлыкe И.Е. Забелин лишь отметил распределение вещей по уздечкам без указания на их конкретное размещение [ДГС, II: 87–89]. Трудно сказать, где находились нашечники в уздечках лошадей из кургана Козел, поскольку отчет И.Е. Забелина о раскопках кургана не опубликован, а единственная существующая публикация не содержит нужной информации [ОАК, 1865: XI].

Сведения о расположении уздечных украшений в конском захоронении Чмыревой Могилы достаточно противоречивы. Здесь Ф. Браун при раскопках обнаружил очень сильную перемешанность лошадиных костяков. Кожаые ремни уздечек здесь сохранились фрагментарно, что как будто не позволяет восстановить уздечки. Исследователь писал, что «несмотря на самое напряженное внимание, с первых же шагов пришлось отказаться от надежды восстановить сбрую в полном ее составе». Но: «...в двух случаях, к счастью, при наиболее богатых уборах, оно [расположение украшений на уздечках. – П.С.] могло быть установлено с полной точностью (при лошадях №№ 3 и 10)». Впрочем, далее дано распределение вещей по лошадям без указания на их точное расположение [Браун, 1906: 100–105]. По-видимому, и это

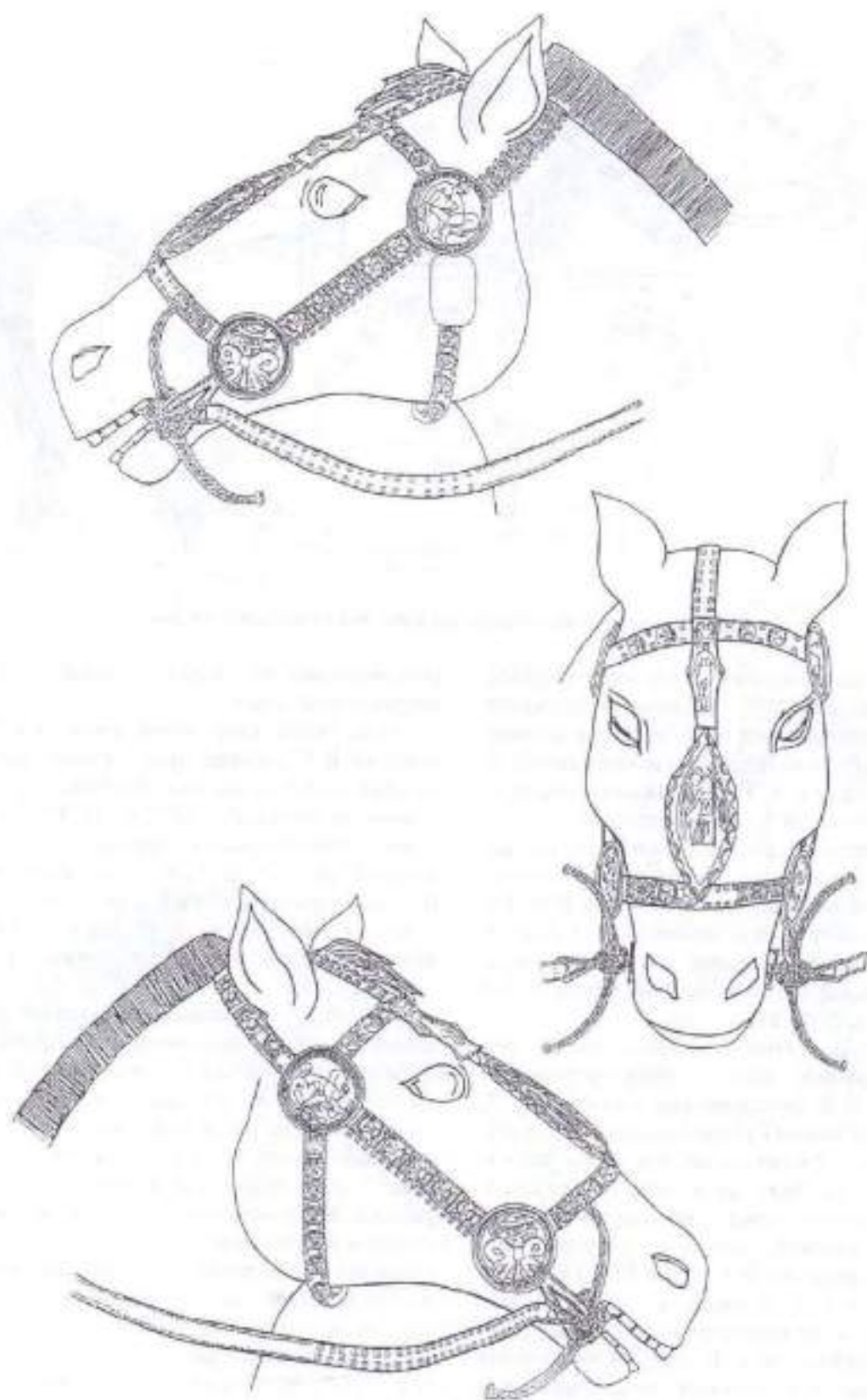

Рис. 154. Реконструкция уздечки коня № 2 из Бабиной Могилы

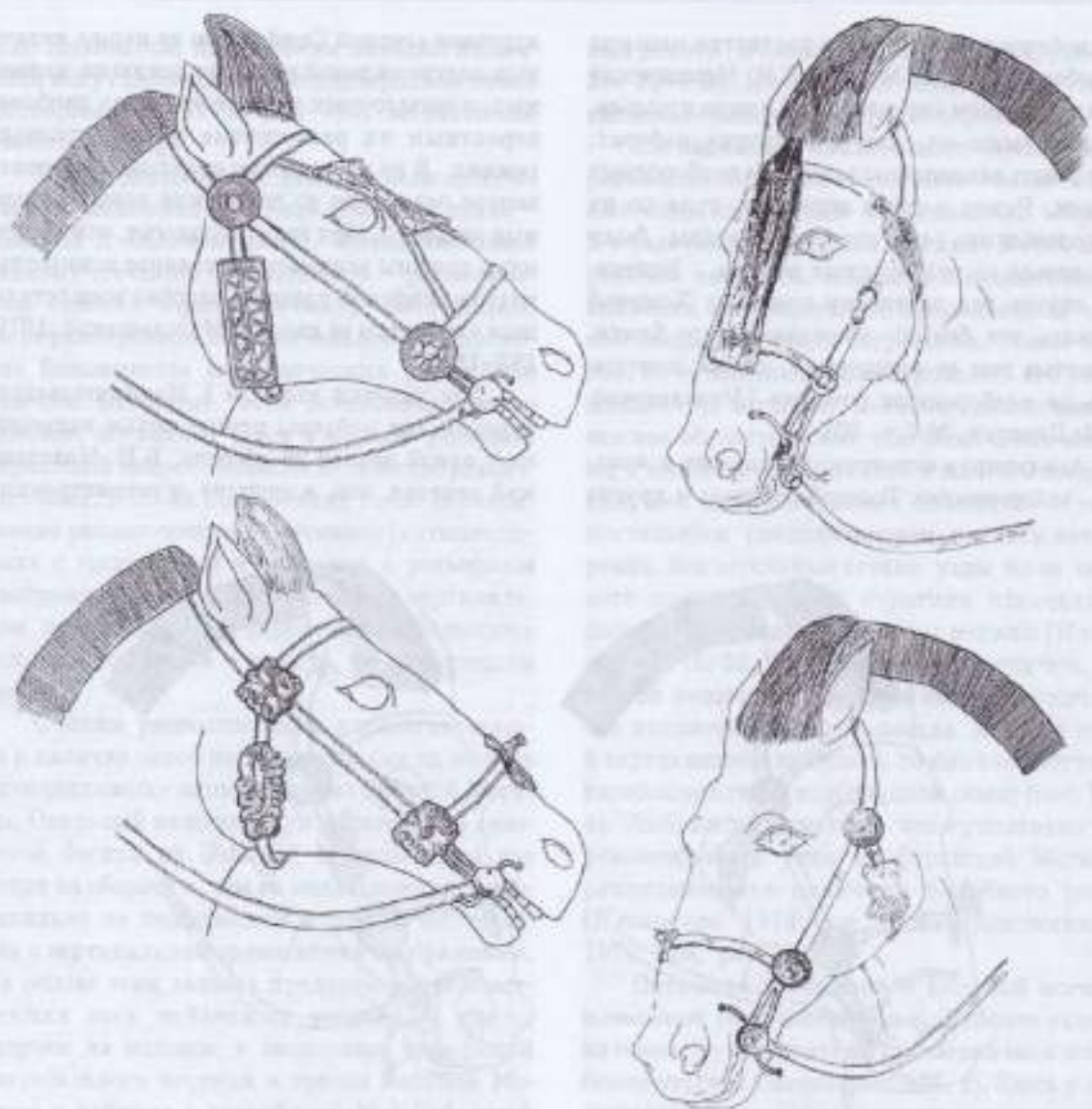

Рис. 155. Реконструкция уздечек:
1, 3 – Хожина Могила; 2 – Солоха; 4 – Страшная Могила

распределение достаточно приблизительное и, как представляется, не всегда удачное.

В Мелитопольском кургане, как уже отмечалось выше, уздечки не были надеты, а лишь выброшены на головы лошадей, что исключает надежное восстановление изначального расположения бронзовых украшений. По зафиксированному на чертежах положению деталей видно только, что нащечники находились ниже линии нащечных ремней, непосредственно под круглыми бляхами, расположенными на перекрестье нащечных ремней с лобными и подбородными, и занимали строго вертикальное положение по отношению к нащечному ремню [Мелитополь, 1988: 58, рис. 54]. Все это бес-

спорно свидетельствует о размещении нащечников на подбородных ремнях именно в вертикальном положении. Необходимо отметить, что здесь представлены обе разновидности «птицеклювых» нащечников с гравировкой – с одной и с двумя петлями крепления на обороте.

Археологическая судьба предоставила возможность Б.Н. Мозолевскому принять участие в раскопках многих конских погребений в скифских курганах Нижнего Поднепровья, исследованных в 1970–80-х гг. Накопленный опыт заставил его усомниться в правомерности размещения т. н. «нащечников» на нащечных ремнях между пересечениями с нахрапным

и налобным ремнями. При расчистке конских погребений Толстой Могилы Б.Н. Мозолевский писал: «В таком случае, бляхи в виде крыльев, идущие выше их, как и в других наборах, могли быть закреплены только на подбородных ремнях. Рядом с ними ворварки, судя по их расположению, они также должны были находиться на подбородных ремнях... Вспоминная спустя год расчистку коней из Хоминной Могилы, все больше убеждаюсь, что бляхи, принятые там за нащечники, также помещались на подбородных ремнях» [Мозолевский, 1971: Дневник, № 2, с. 20].

Анализируя конструкцию уздечек в конских захоронениях Толстой Могилы и других

курганов степной Скифии, он не нашел надежных подтверждений их размещению на нащечных и затылочных ремнях и считал наиболее вероятным их размещение на подбородных ремнях. В то же время он предложил оставить вопрос открытым до получения новых надежных сведений. При этом он полагал, что нащечники должны занимать постоянное конкретное место в скифской уздечке, подобно всем остальным элементам ее декора [Мозолевский, 1979: 183–184].

Для уздечки коня № 1 Мелитопольского кургана, где найдены птицеобразные нащечники с одной петлей на обороте, Б.Н. Мозолевский отметил, что, в отличие от реконструкции

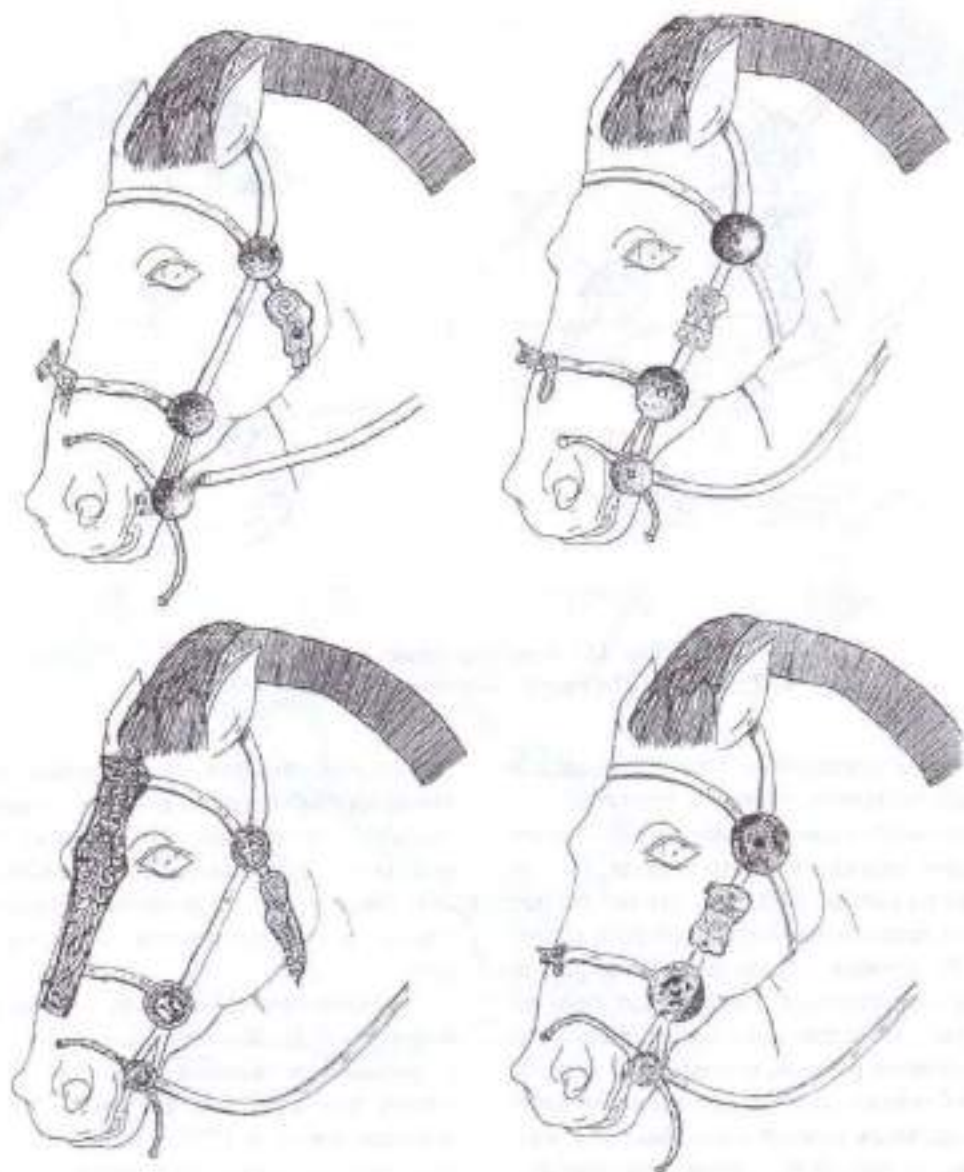

Рис. 156. Реконструкции уздечек из Толстой Могилы

В.А. Ильинской, по условиям находки нащечники могут размещаться на подбородном ремне [Мозолевский, 1979: 183–184; Мелитополь, 1988: 135–136].

Новые достоверные данные были получены при раскопках курганов скифской знати – Бабиной и Водяной могил. Здесь, благодаря редкому стечению обстоятельств – расположению конских черепов на боку, – было надежно зафиксировано первоначальное расположение большинства металлических украшений уздечки. Открытие этих захоронений ценно вдвойне, поскольку здесь в составе уздечных украшений найдено большое количество различных блях. В обоих погребениях точно зафиксировано расположение нащечников («птицеклювых» с гравировкой и овальных с рельефным изображением змееной богини) в вертикальном положении, под пересечением нащечных ремней с налобным – то есть, на подбородном ремне.

С таким расположением хорошо сочетается и наличие одной петли крепления на обороте «птицеклювых» нащечников из Водяной Могилы. Овальный нащечник с изображением змееной богини из Бабиной Могилы имел две петли на обороте и, тем не менее, крепился вертикально на подбородном ремне, в соответствии с вертикальной ориентацией изображения. На основе этих данных предлагается реконструкция всех найденных уздечек, а также уздечек из находок в скоплении украшений погребального кортежа в тризне Бабиной Могилы и тайнике в погребении М 3 Соболевой Могилы (рис. 150–154).

Новая достоверная информация позволит пересмотреть реконструкции уздечек из Хоминой и Толстой могил (рис. 155, 1, 3; 156). Под влиянием авторитета В.А. Ильинской – в то время ведущего специалиста по скифской узде – В.Н. Мозолевский реконструировал их по ее схеме, согласно которой нащечники размещались на нащечных ремнях. Хотя, как отмечалось выше, имелись полевые наблюдения, свидетельствовавшие об ином. Вновь вернуться к этому вопросу побуждают совершенно бесспорные материалы из Водяной и Бабиной могил. В Хоминой Могиле зафиксированное на полевых чертежах расположение пластин этому противоречит: они расположены ниже предполагаемой линии нащечного ремня, под углом в 45 градусов к нему, непосредственно под бляхами, лежащими на перекрестках нащечных, налобных и подбород-

ных ремней [Мозолевский, 1973-А: 212, рис. 25; 26; 1973-В]. Их позиция точно соответствует расположению на подбородных ремнях.

По-видимому, аналогичным образом были расположены «птицеклювые» нащечники, имеющие одну петлю крепления на обороте, и в уздечке из Страшной Могилы. В этом захоронении коня В.А. Ильинская антагировала внимание на нащечнике, придавленном черепом лошади к стенке погребения. Таким образом, по ее мнению, зафиксировалось его расположение на затылке. Осталось незамеченным важное обстоятельство: оба нащечника найдены в вертикальном, то есть в висячем положении, что никак не может сочетаться с горизонтальным расположением на затылочном ремне. Все остальные детали узды из-за сильного наклона черепа утратили изначальное положение и оказались на дне могилы [Ильинская, 1973: 52, рис. 5, 1]. Если же считать, что второй нащечник сохранил свое первоначальное положение (найден позади и ниже глаза в вертикальной позиции), то оно соответствует расположению на подбородном ремне (рис. 155, 4). Любопытно отметить, что существуют две реконструкции узды из Страшной Могилы, различающиеся наличием налобного ремня [Ильинская, 1973: рис. 6, 1; Орджоникидзе, 1973: 139, рис. 21, 1].

Открытия в Бабиной и Водяной могилах позволяют восстановить конструкцию уздечек из конского захоронения при первичном погребении кургана Солоха (рис. 155, 2). Здесь у двух лошадей найдено два идентичных комплекта украшений узды, состоявших из налобника, пары нащечников и удила с бронзовыми псалиями. Набор бронзовых деталей (подпружная пряжка, 2 пряжки крепления повода, 2 нащечника в виде лапы), по-видимому, принадлежали одному из коней. Малкие бронзовые кольца и ворварки (по 4 экз.) делились пополам между наборами. Более крупное бронзовое кольцо, по-видимому, выполняло функции пряжки при соединении повода с удилами, аналогично пряжкам с прямоугольной рамкой, или чамбура [Манцевич, 1987: 39–45, кат. 14–28]. По описанию Н.И. Веселовского, «четыре височных украшения по два на каждой лошади, имеющие вид птичьих крыльев... были расположены горизонтально, т. е. перпендикулярно к налобнику, как бы представляя крыло в действительности, в полете; завиток помещался между глазом и ухом лошади... Рыба головой обращена вверх и немного выдавалась над че-

репной костью» [Веселовский, 1913: 99–100; ОАК, 1912: 46]. Здесь также наблюдается зависимость между типом золотых нащечников и их вертикальным расположением: каждый из них на обороте имел по одной поперечной петле крепления, расположенной в 5 см от края отрезка. Судя по описанию автора раскопок, они могли располагаться только на пересечениях нащечных ремней с налобным и подбородным в вертикальном, висячем положении. Как пишет А.П. Манцевич, «нащечники находились на вертикальном ремне оголовья» [Манцевич, 1987: 14, 42, кат. 14–15, 17–18]. Бронзовые нащечники в виде лап хищников имеют по две петли крепления на обороте [Манцевич, 1987: 45, кат. 27], что указывает на возможность их расположения как в горизонтальной, так и в вертикальной позиции. При наличии золотых нащечников наиболее вероятно их горизонтальное расположение на нащечных ремнях.

Аналогичная конструкция предполагается и для уздечек коней №№ 1 и 3 из конской могилы № 1 Толстой Могила, где найдены нащечники, близкие солохинским, а также узды из Большой Цимбалки и кургана в Ильинцах, исследованного Н.Е. Бранденбургом в 1901–1902 гг. Последняя представляет особый интерес, поскольку здесь большой налобник в виде рыбы и нащечники в виде крыльев изготовлены из тонкого золота и должны были иметь деревянную основу, к которой, судя по большому количеству дырочек по краям, крепились многочисленными гвоздиками [Фармаковский, 1911: 54, табл. III]. К сожалению, этот курган не вошел ни в одну публикацию и в целом его комплекс неизвестен [ЖРБ, 1908; Галанкина, 1977: 32–33, табл. 16]. Все это позволяет реконструировать в уздечке расположение только упомянутых деталей.

Разумеется, нельзя полностью отрицать вероятность размещения нащечников и на нащечных ремнях в горизонтальной позиции, в особенности памятуя о Пазырыкских материалах. Как будто такое положение зафиксировано Н.И. Веселовским в сопровождающем впускное погребение захоронении лошадей в кургане Солоха (см. выше). Так могли размещаться нащечники в уздечках коня № 2 из Медитопальского кургана, коня № 2 из конской могилы № 1 и коней №№ 1–3 из конской могилы № 2 в кургане Толстая Могила. Могли, но было ли так на самом деле, неизвестно, по-

скольку достоверных фактических подтверждений этому на сегодняшний день нет.

4.28. ОБ ИСТОЧНИКАХ СКИФСКОГО ЗОЛОТА

Дальнее Северное Причерноморье в представлении древних греков всегда ассоциировалось с изобилием золота. Миф об аргонавтах, совершивших отважное путешествие в Колхиду за золотым руном, является наиболее ранним свидетельством добычи золота на Кавказе. Сюжет о грифонах, стерегущих золото от падких до него людей в далеких Рипейских горах, отражен в творчестве ряда греческих и римских авторов. В последних предполагается Урал, Кавказ, Алтай или даже Карпаты. Аристей из Проконнеса в VII или VI в. до н. э. совершил далекое путешествие на восток, описанное в поэме «Аримаспейя», сохранившейся во фрагментах, откуда, по-видимому, этот сюжет получил широкое распространение у греков. Как полагал Л. Стефани, далекая северо-восточная Скифия (в широком смысле) была вторым главным источником золота для греков [Стефани, 1864: 51–54; Доватур, 1982: 220, 257, прим. 181, 250].

Если перейти от легенд к действительности, то мы увидим изобилие золота в курганах скифов Северного Причерноморья, не сопоставимое ни с одним народом, обитавшим в этом регионе когда-либо. Если учесть, что это только самая незначительная часть, уцелевшая от грабителей, настойчиво опустошающих скифские гробницы на протяжении почти 2500 лет, то совершенно очевидно, что в скифское время существовало фантастическое количество благородного металла в виде различных изделий. Упоминается только одна находка самородка золота весом 5,5 золотников в Ольвии, как полагал П. Бурачков, алтайского происхождения, доказательств чему не приводится [Бурачков, 1875: 78].

Вопрос об источниках поступления скифского золота чрезвычайно сложен. Его решение возможно только при проведении детального минералогического изучения всей коллекции золотых изделий из скифских курганов. Работа в этом направлении только начинается, и таких данных еще очень мало. Учитывая многочисленные войны скифов, а также интенсивные связи с ближними и дальними соседями, это могло быть малоазийское, уральское, алтай-

ское, североафриканское, индийское, среднее и центральноазиатское, кавказское или европейское золото.

На сегодняшний день сделаны анализы золотых пластинок с инкрустацией и фигурки кабана из кургана у с. Александровка Днепропетровской обл., обкладки ножен меча из Толстой Могилы, фрагментов украшений из Ольвии, 1-й Завадской Могилы, Бердянского кургана и разных скифских захоронений из Донецкой, Запорожской, Черкасской, Херсонской и Сумской обл., всего в количестве 102. Результаты исследований образцов показали, что эти изделия изготовлены преимущественно из электра (чаще всего к нему относят золото пробы 350–700) с содержанием золота 37–55%, иногда 60–72%. Остальное – серебро, немного меди. Только некоторые из них имеют высокое содержание золота – 78% (проба 750) и 93% (проба 950). Многие образцы изготовлены из достаточно однородного золота. Иногда в одном изделии в основной массе низкопробного золота встречаются высокопробные участки – 70–80% Au. Характерным признаком большинства исследованных изделий является высокое содержание в золоте примесей меди – 0,5–7%. В некоторых образцах достаточно много ртути, иногда железа, олова, цинка, сурьмы, молибдена, висмута, телура, следы мышьяка, кобальта и никеля. Олово зафиксировано как в матрице образца (около 10%), так и в прожилках трещинах (4,5%). Эти части образца отличаются и по содержанию золота (78% и 83% соответственно). Кроме того, в матрице фиксируются и микроучастки, почти полностью состоящие из серебра (98,5% Ag; 1,4% Au). В большинстве случаев состав металла указывает на то, что это сплавы, полученные в процессе изготовления той или иной лигатуры или в ходе плавки рудных концентратов. Наиболее отвечает составу самородного золота фрагмент украшения из Ольвии, в котором золото высокой пробы содержит примеси меди нормальной концентрации [Квасница, 1996: 34, 37–41; 2001: 14–18]. Состав электровой накладки на знаменитом Келермесском зеркале соответствует составу природного электра Лидии в Малой Азии [Вахтина, 2000: 56].

По мнению В.М. Квасницы и И.К. Латыша, наиболее вероятными регионами, откуда могло поступать все это золото, являются Трансильвания, Балканы, Кавказ и Малая Азия. Почему-то авторы полагают, что ни богатый на золото Урал, ни близкие к нему золотосные

районы Северного Казахстана и Алтай не могли быть источниками скифского золота, поскольку не упоминаются среди древних золотосных районов мира [Квасница, 1996: 34, 37–41; 2001: 14–18].

Однако это лишь предварительные выводы, обоснованные очень скромным количеством исследованных образцов. Представляется более взвешенной точка зрения о том, что источниками скифского (в широком плане – всех скифо-сибирских культур Евразии) могли быть Донбасс, Южный Урал, Северный Казахстан, Алтай, хотя для ее подтверждения еще требуются геолого-археологические исследования [Марфуни, 1987: 24]. Утверждение о том, что Урал, Северный Казахстан и Алтай не могли быть источниками поступления золота в Северное Причерноморье в скифское время, не стоит принимать во внимание, поскольку древняя добыча цветных металлов, в том числе и золота, в этих регионах надежно зафиксирована в натуральном проявлении – в виде древних, т. н. «чуждских», копей, начиная с эпохи бронзы, собственно по которым в XVIII в. велся первичный поиск различных руд. Исключать добычу золота здесь в скифское время нет никаких оснований. Н.Л. Членова интерпретирует торговый путь Геродота на Урал, восстановленный Б.Н. Граковым по находкам зеркал ольвийского типа, как путь за золотом [Граков, 1947; Членова, 1983: 60], что представляется вполне вероятным.

Добыча золота в Восточном Казахстане и области Алтай-Саян в скифское время, помимо многочисленных копеей, принадлежность которых к скифскому времени установлена [Грязнов, 1935: 192–193], подтверждается также составом золота в изделиях пазырыкской культуры, соответствующим составу руд в местных золоторождениях [Феномен, 2000: 184–187]. Следует отметить, что в этом регионе, при высоком развитии технологии обработки золота, в целом ювелирное искусство оставалось довольно слабо развитым. Ассортимент весьма скромный, и сами изделия отличаются простотой конструкции. По-видимому, металл этих изделий, в отличие от Северного Причерноморья, не подвергался многочисленным переплавкам и добавлениям лигатуры, что позволяет легко сопоставлять его с рудами местных золотых месторождений. Достаточно многочисленные находки вещей скифского типа в восточносибирской тайге, в районах распространения выходов золота, Н.Л. Членова

связывает с деятельностью населения южных районов, носителей культур скифского типа, добывавших золото в тайге [Членова, 2002: 139–140].

В начале 1930-х гг. ГАИМК проводила работы по выявлению древней золотодобычи на Кавказе и в Восточном Казахстане. К сожалению, для исследования в качестве районов возможной древней добычи были выбраны только неизвестные ранее, которые могли послужить новыми источниками драгоценного металла для народного хозяйства. Были исключены старые районы традиционной добычи (Урал и др.). На Кавказе зафиксированы следы древней добычи золота в виде остатков древних горных работ, следов древней промывки россыпей. Ни в одном случае их время не установлено. Литературные источники отмечают широкое использование золота в этом регионе с VI в. до н. э., однако ни один из них, вплоть до позднесредневековых, не указывает на Северный Кавказ как на место добычи. По археологическим находкам были определены районы максимальной концентрации драгоценных металлов, выделены группы древних изделий местного изготовления. Был сделан ряд спектральных анализов северокавказских вещей скифо-сарматской эпохи, в том числе и знаменитой Келермесской пантеры, а также ряда других известных курганов (ст. Костромская, Карагодеуашх, Курджинск и др.), позволивших охарактеризовать качественный состав металла изделий. Вся эта работа так и не была доведена до логического завершения, поскольку ГАИМК так и не получила составы золотых руд кавказских месторождений для сравнения [Иссен, 1935: 163–172].

Несколько больше литературных свидетельств о золоте Закавказья. Страбон и Анниан сообщают о золотосодержащих реках Иберии. Добыча золота колхами засвидетельствована Плинием. И такие сведения имеются вплоть до нового времени. Все эти свидетельства приурочены к району Колхиды. Зафиксированы также следы древней золотодобычи неуставленного времени. Авторы пришли к выводу, что в Западном Закавказье можно наметить с начала I тыс. до н. э. центр золотодобычи [Иссен, 1935: 172–177].

К сожалению, в Украине ситуация совершенно иная. Более-менее планомерные геологические исследования южных территорий начались только в 1860–1870-х гг. в связи с составлением геологической карты России. Раз-

работка рудных ископаемых также началась поздно, во второй половине XIX в. К сожалению, здесь не было таких исследователей-энциклопедистов, как Паллас, Герман, Ренованц, Сласский, Щуровский и др., оставивших описания многочисленных «чуждских» копей Урала и Алтая. Сообщение горного инженера Носова 2-го об открытии древних разработок медной руды возле Бахмута около хуторов Клиновских [Н.Л., 1868: 104–105] является уникальным.

С начала 1970-х гг. в Донбассе начали периодически проводиться археологические обследования древних рудников по добыче меди, которые продолжают до сих пор. Основная масса находок из них связана со срубной культурой. Находки скифского времени на некоторых карьерах свидетельствуют об их разработке и в скифское время [Черных, 1976: 17; Татаринцов, 1993: 6–26]. К сожалению, вероятно, в значительной мере утрачен для исследования район Кривого Рога, где по старым источникам известны места добычи меди. Здесь в балке Большой Дубовой в середине XIX в. были открыты древние разработки медной руды. В одной из штолен найдено несколько ольвийских монет [Бурачков, 1877: 134]. В 1946 г. Б.Н. Граков посетил Кривой Рог для осмотра места предполагаемых древних рудников. В балке Большой Дубовой он осмотрел пещеру. Однако для каких-либо заключений было необходимо проведение раскопок. Местный знаток инженер Гиришоло указал на место в Червоной балке, где имелись следы древних меднорудных выработок. Но, выяснилось, что это место уже уничтожено карьером имени ГПУ. В результате Б.Н. Граков пришел к выводу, что вопрос о древних медных рудниках в этом районе становится неразрешимым [Граков, 1946: 33].

Если по добыче меди на территории Украины определенные археологические работы все же проводятся, то в отношении поисков мест добычи золота вопрос пока не ставился. А.Л. Бертье-Деллагард вообще считал обилие золота у скифов результатом развитой торговли со средиземноморским югом [Бертье-Деллагард, 1911: I, сл., 99]. Б.А. Шрамко предполагал, что источниками золота в скифское время являлись уральские, среднеазиатские и сибирские месторождения, чему видел подтверждение в торговом пути Геродота-Гракова на восток, на Урал и его ответвлении в Казахстан. Он категорически не соглашался с А.П. Манцевич,

считавшей, что единственным источником снабжения Скифии золотом и серебром, причем в готовых изделиях, были страны, связанные с карпато-балканскими металлургическими центрами [Шрамко, 1965: 310–311; Манцевич, 1964: 14–16].

В XIX – начале XX вв., когда в Украине бурно развивалась добыча рудных полезных ископаемых, вопрос о золоте не возникал. Поскольку и в СССР, как и в царской России, золотодобыча по-прежнему велась на востоке, в Украине целевые геологические работы по поиску золота не проводились. Только в начале 1990-х гг., после обретения независимости, такие работы были проделаны, в результате чего определились перспективные районы золотодобычи в ряде регионов Украины. В частности, на Днепропетровщине в Никопольском р-не у с. Кирово была заложена шахта в балке Широкой. Однако доступной информации по этим месторождениям нет и могли ли скифы их использовать, мы не знаем. По предварительным данным, золото балки Широкой залегает на весьма значительной глубине, и его извлечение из руды возможно только путем сложных химических процессов. Такое золото, конечно, было недоступным для древних. По непроверенным данным, поверхностные золотые россыпи существовали на Нижнем Дунае, Днепре, в районе пересечения кристаллического щита, в Донбассе и некоторых других районах. Неизвестно, имеются ли у геологов данные по поверхностным месторождениям, достаточные для характеристики их минералогического состава. Такие источники могли быть выработаны еще в древности, как это было в Малой Азии, и, по-видимому, их поиск сопряжен с определенными трудностями.

По данным исследований Лаборатории инженерной геологии Одесского Государственного университета, в аллювиальных песках Днепровско-Бугского лимана содержатся незначительные запасы золота. Как полагает А.С. Островерхов, греки Березани, занимавшиеся промывкой песков для извлечения железной руды, вполне могли извлекать и золото [Островерхов, 1978: 141].

4.29. ОБ ОГРАВЛЕНИИ КУРГАНОВ

С начала научного изучения скифских курганов в Северном Причерноморье археологи столкнулись с фактом ограбления подавляющего большинства скифских могил. Возник

естественный вопрос о том, кто и когда грабил курганы. А. Ашик по наблюдениям в Керчи полагал, что керчанские гробницы грабились в позднее время генуэзцами и турками, о чем он судил по наличию воронок на поверхности курганов. Грабежи, не имевшие внешних признаков, когда грабительская воронка давно заплывала грунтом и курган сохранял внешне целостную форму, он относил к временам древних греков – современников захоронений [Ашик, 1848: 32–33].

Последняя ситуация очень часто подтверждалась в процессе раскопок. Устройство многих грабительских ходов предполагает точное знание местонахождения гробниц в курганах, их глубин, наличия в них драгоценных изделий, что выдает в грабителях современников, возможно, непосредственных свидетелей и участников погребальных церемоний, или их ближайших потомков [Герц, 1876: 4; Забелин, 1908: 286; МРЗ: 141; Спицын, 1910: 66; Бобринский, 1910-В: 63; Артамонов, 1935: 142; Руденко, 1960: 103–104; Березовец, 1960: 88; Граков, 1971: 71].

Курганы в Северном Причерноморье начали грабить с тех пор, как среди вещей, сопровождавших погребенных в потусторонний мир, начали помещать изделия из драгоценных металлов. Курганы единственного в своем роде могильника XIV–X вв. до н. э. у с. Гордеевки в Побужье были ограблены современниками похорон [Березанська, 1994: 150]. Ограбленными в древности оказались все богатые захоронения и остались нетронутовыми все захоронения, где отсутствовали ценности, в курганном могильнике белозерской культуры XI–X вв. до н. э. у с. Степное в Запорожской обл., что недвусмысленно указывает на причастность к этому современников [Отрощенко, 1975: 193]. Аналогичные факты известны и для киммерийского времени [Черныков, 1977: 33].

Для курганов скифского периода ограбленность является массовым явлением, хотя и не все ограбления относятся к этому времени. По подсчетам А.М. Хазанова и Б.В. Черняк по 6 могильникам степной Скифии, ограбленность курганов в них составляла от 70 до 100%. Причем нетронутыми остались, как правило, наиболее бедные захоронения. Как полагают исследователи, в Скифии отсутствовало представление о святости могил предков для всего этноса в целом. Священными для каждого коллектива были только свои могилы или могилы родственных групп [Хазанов, 1979: 18, 25].

Иногда в грабителях скифских курганов предполагаются сарматы, сменившие скифов в Северном Причерноморье [Гракс, 1971: 71]. Однако, как указывают А.М. Хазанов и Е.В. Черненко, реальных свидетельств этого нет.

Для средневековья А.М. Хазанов и Е.В. Черненко отметили отдельные находки скифских наконечников стрел в погребениях раннесредневековой салтовской культуры, но их попадание в эти захоронения не связывают с ограблением скифских могил, поскольку скифские наконечники стрел нередко находят на поверхности и в наши дни [Хазанов, 1979: 21; Плетнева, 1967: 174, № 142]. Для чуть более позднего времени известно несколько случаев размещения впускных половецких погребений в скифских курганах, непосредственно в камерах скифских погребений (курган № 1 у пгт Новостроицкое, курган № 1 у с. Богдановка, курган № 5 у с. Новокаменка и др. на левобережной Херсонщине, исследованные экспедицией А.И. Кубышева в 1974–76 гг.). Такие случаи известны и на Николаевщине [Кубышев, 1982-Б: 241], восте Большого Токмака на р. Молочной [Смирнов, 1960-Б: 177], в районе Скадовска [Ковпаненко, 1973: 253] и на Керченском полуострове [Хазанов, 1979: 20]. Во всех этих случаях половцы впускали захоронения в центр курганов и таким образом попадали на входные ямы скифских центральных захоронений. При том, что погребения половцев даже высокого статуса в этих районах не отличаются значительной глубиной (до 2 м), в этих случаях были прокопаны скифские входные ямы на полную глубину (до 5 м) и половецкие покойники были размещены в скифских камерах. Здесь можно предполагать и участие половцев в грабеже скифских могил, если они не были опустошены еще до них в скифское время. Решение этого вопроса затруднено еще и тем, что и половецкие погребения этого рода также подвергались ограблению в новое время. Из здесь уже совершенно невозможно разобраться, кто кого грабил и после кого.

Вероятно, для периода позднего средневековья, когда степи входили в состав Дикого Поля, можно предполагать спад грабительской активности. Известно о раскопках большого кургана в районе древнего Таманса, средневековой Таны, предпринятых группой венецианских купцов в 1437 г. в районе Кобыкова городища на Нижнем Дону. С помощью 120–150 землекопов в кургане разыскивался легендарный клад аяков. Длительные и значительные по

объему раскопки оказались безрезультатными [Барбара, 1971: 137–140, 166]. Как уже упоминалось выше, значительную активность венетцианцев и турок в ограблении древних курганов предполагал А. Ашик в районе Керчи.

В лесостепи этот процесс, по всей видимости, не затихал и в этот период. В междуречье Ворсклы и Сулы, по данным А.В. Супруненко, ограблено почти 100% скифских курганов VII–IV вв. до н. э. Единичные могилы, избежавшие ограбления, являются бедными, практически безинвентарными захоронениями. Первый период ограбления здесь, как и везде, приходится еще на скифское время. Следующий период весьма активного грабежа, по мнению А.В. Супруненко, относится ко второй половине XVI–XVII вв., когда польско-литовские гарнизоны, нередко остававшиеся без жалования, занимались грабежом курганов. Наибольшего размаха ограбление курганов достигло в XVII в., когда многочисленные магнаты-промышленники (Бартоломей Обалковский, Иеремия Вишневецкий и др.) на окраинных землях Левобережья вели активную добычу селитры. Огромные курганы Скоробора, Саранчевого поля, Осняг, вала Бельского городища, многочисленные курганы в Среднем Поворсклье стали объектами разработки именно в этот период [Супруненко, 2000].

Здесь в этот период в необъятных имениях Вишневецких существовала так называемая «селитренная держава» [Андриенко, 1971: 75–76]. Добыча селитры в эти времена непрерывных войн в Польше, как и в России, осуществлялась в государственных масштабах. Сохранились специальные запросы из Москвы к сибирским воеводам, нет ли где «старых городищ и селищ», которых «земля к селитренному делу пригодилась бы». Гораздо более активная деятельность по розыску курганов и городищ для селитроварения предпринималась на юго-западных территориях России. Можно предполагать, что в это время в лесостепи исчезло с лица земли значительное число крупных курганов. Несомненно, при этом разрушались и курганные захоронения. Имеется сыскное дело 1626 г. о находке селитренным мастером Романом Гавриловым в кургане восте Путиала значительного количества золотых «прутков», «перней», «пуговиц» и «иных мелких статей» [Оглоблин, 1893: 118–119].

К этому времени А.В. Супруненко относит наклонные грабительские ходы из северной половины больших курганов, которые он датирует

по следам лопат и кайл. Неясно, о каких курганах идет речь, поскольку в наше время в левобережной лесостепи не копались ни один большой курган и подтвердить такую датировку нечем. Ограбление кургана на Замковой горе в Лубнах, которое датировано XVI–XVII в. по находке кресала, по мнению В.В. Антоновича, казачьего периода, судя по разрушению впускной раннесарматской могилы, ограблено с вершины кургана [Сулрумченко, 2000].

В описании Каневского замка 1552 г. в перечне доходов старосты замка с уходов (отхожих промыслов) упоминается следующее: «Переказа от копачевъ. А еще переказуют уходом иным таковымъ же обычаем копачи з драбв, которые по городищам и селищам оным ходячи, могилы роскопывают, ищущи там оброчей и перстней, моци погребенных выкидывают, на помъсту за то живымъ и невиннымъ». Судя по контексту, драбы были людьми служивыми, по трактовке авторов публикации, из них остояло постоянное войско гарнизона Каневского замка [Архив, 1886: 103,105; 1890: 45–46].

В. Зуев, путешествовавший из Санкт-Петербурга в Херсон в 1781–1782 гг., по дороге от Полтавы до Кременчуга наблюдал целый ряд больших курганов с выемками на вершинах глубиной до 2 сажень. Он полагал, что это результат просадки насыпей над могилами [Зуев, 1787: 207], однако, несомненно, это были частично заплывшие остатки грабительских колодцев сравнительно недавнего происхождения.

Совершенно поразительная в этом отношении ситуация складывалась на бескрайних сибирских просторах, где на огромных территориях разбросаны многочисленные курганы различных народов скифо-сарматской эпохи. Здесь в древности также широко практиковался обычай помещения в могилы изделий из драгоценных металлов. В XVII в. грабеж курганов вновь пришлым российским населением здесь велся поистине с сибирским размахом. Воеводы городов Тары, Томска, Красноярска из года в год снаряжали вольные отряды из «гулящих людей» для разграбления могильных бугров и заключали с ними договор о выделении в их пользу десятой части найденного золота, серебра, меди, камней и прочего. При окончательном дележе вещи разламывались на куски для раздела на равные доли между участниками промысла. В донесении царю Алексею Михайловичу в 1670 г. сообщалось,

что количество серебряных и золотых вещей, найденных в курганах Тобольского уезда и на р. Исети, столь велико, что дано поручение собрать известия откуда это золото и серебро в прежние годы могло быть получено. Голландский путешественник XVII в. Витсен под впечатлением рассказов о сибирских «бугровщиках» счел чертой национального характера то, что «русские не любят древностей».

Сибирские «бугровщики» в процессе своей деятельности накопили колоссальный эмпирический опыт, руководствуясь которым по типу кургана предварительно оценивали свои шансы на пожизну. Была разработана своеобразная классификация курганов по характеру насыпи – «чуждские», «калмыцкие» могилы, «маяки», «сланцы», «курганы», – по которой определялся характер погребального сооружения под курганом. Поэтому в Сибири курганы эпохи бронзы сохранились нетронутыми, в то время как курганы скифо-сарматского времени чаще всего разрушены грабителями.

Вещи из сибирских курганов, поднесенные Никитой Демидовым царице Екатерине и царю Петру сибирским губернатором князем Гагариным в 1715–1716 гг., составили знаменитую «Сибирскую коллекцию Петра I», хранящуюся в петербургском Эрмитаже. «Могильные вещи» заинтересовали любознательного царя, и он дал поручение собирать сами вещи и сведения о них. Стремясь пресечь разграбление курганов, Петр повелел «гробкопателей, что сыскивают золотые стремена и чашки, смертью казнить, ежели пойманы будут».

Однако и при Петре грабеж курганов в Сибири не утихал. Путешественники петровского времени описывают гробкопательство как один из основных промыслов населения верхнего течения Оби, наравне с хлебопашеством и торговлей мехами. По последнему санному пути жители окрестных деревень группами по 200 человек и более забирались далеко в степь, где разбивались на мелкие отряды, поддерживавшие связь между собой, чтобы отбиться при набегах калмыков или казаков. В таких случаях нередко приходилось расплачиваться жизнью. Этот промысел породил и своеобразную инфраструктуру – появились скупщики могильного золота, массовый наплыв которого даже привел к падению рыночных цен на золотые изделия. И только позднее, по-видимому, этот промысел несколько исчерпал себя. В 1739 г. академик Г.Ф. Миллер писал: «Еще много людей застал я в Сибири, кормившихся прежде

такой работой; но в мое время никто больше на сей промысел не ходил, потому что все могилы, в коих сокровища найти надежду имели, были уже разрыты». Хотя известны и более поздние примеры. В 1745 г. бригадир Колыванов-Воскресенских заводов А. Безр направил в горную часть Северо-Восточного Алтая на добычу золота команду из 120 человек. Тайное «бугрование» курганов в значительно меньших масштабах, в общем-то, не прекращалось вплоть до 1920-х гг. [Вадецкая, 1981: 5–16; Формозов, 1986: 12, 123, 126; Марсадалов, 1996: 6–8].

Очень высокий процент скифских курганов, ограбленных современниками, квалифицированность проделанной работы при ее весьма большой трудоемкости позволяют предполагать существование групп профессиональных грабителей уже в скифское время [Хазанов, 1979: 22].

Известны два типа ограбления крупных скифских курганов в степном Причерноморье. Первый: копался вертикальный колодец у края кургана, чаще всего возле северного, и после его углубления в материк до известной глубины пробивалась наклонная штольня, направленная в центральное захоронение кургана. Размещение начала ходов возле северных склонов курганов, вероятно, было вызвано необходимостью сохранить производимые работы в тайне, а северные склоны у крупных курганов, в силу природных условий, всегда значительно круче, что, по-видимому, позволяло лучше маскироваться в их тени.

Чаще всего ориентация грабительского хода по направлению и глубине весьма точна. Иногда входной колодец грабительского хода «садится» сверху на входную яму или камеру впускного бокового захоронения, которое сверху, с поверхности насыпи кургана, без знания точных координат обнаружить невозможно. Есть случаи, когда грабительская штольня, направленная в центр, попутно «пронизывает» и другие впускные захоронения, что вряд ли случайно. Все эти факты указывают на точное знание грабителями подкурганной планировки.

1-й Мордвиновский курган 7-метровой высоты ограблен подземным лазом из СЗ полы. Здесь центральная гробница устроена по типу Чертомлыка – 4 камеры по углам большой квадратной входной ямы. Что примечательно, были ограблены только 2 камеры из 4, но именно те, где содержались захоронения хозяев. Остальные две, содержавшие захоронения слуг и хозяйственную утварь, остались нетронуты-

ми. Входы в них остались «замазанными строителями». В кургане отсутствовало позднее ограбление сверху [Макаренко, 1916: 271]. Аналогичным образом было ограблено центральное захоронение Солохи. Как установил Н.И. Веселовский, ограбления сверху не было. Первичная насыпь, перекрытая сверху слоем выкида из боковой гробницы, нигде не была нарушена. В северной поле кургана сохранились многочисленные ямы и западины – начало грабительского хода, шедшего в северную камеру центральной гробницы [ОАК, 1912: 40–41].

Второй тип ограбления: вертикальный колодец копался непосредственно на вершине кургана. Вершина кургана в подавляющем большинстве случаев находится точно над центральным захоронением и такой способ ограбления, даже при незнании планировки погребений, точно приводил к цели. Такие ограбления чаще всего являются повторными, произведенными уже после древних ограблений. Они же являются и наиболее сокрушительными, когда разрушаются погребальные сооружения, а содержимое, нередко вплоть до последней косточки, выбрасывается наверх, на поверхность кургана, для тщательной переборки. Иногда в таких колодцах находят вещи XVII–XIX вв. В целом такие ограбления принято считать поздними. Косвенно позднюю датировку таких ограблений подтверждают случаи, когда такие грабительские колодцы обнаруживаются в курганах ямной культуры. Грабители скифской эпохи таких ошибок не совершали. Кроме того, в крупных курганах не редки двойные ограбления, осуществленные обоими способами, и чаще всего ограбления второго типа стратиграфически являются более поздними. Этот вывод, в основном, справедлив для крупных курганов. Мелкие курганы и в скифское время, и в позднее чаще всего грабались вторым способом. Для малых курганов первый способ применялся очень редко.

Впрочем, и для больших курганов в датировании обоих типов ограбления встречаются исключения. Имеются достаточно многочисленные свидетельства ограбления вторым способом еще в скифское время. В Соболевой Могиле и в кургане № 4 у с. Первомаевки грабительские колодцы перекрыты половицками святилищами [Елдокимова, 1991-А: 264; 1991-В: 75]. Курган Верхний Рогачих высотой 11 м грабился дважды – ходом из СЗ полы и колодцем сверху. По мнению Н.И. Веселов-

ского, удачливее оказался грабитель, шедший сверху, что, по-видимому, свидетельствует о большей древности верхнего ограбления. На уступах колодца в грунте, выброшенном из погребения, и на пути, которым грабитель шел к покойнику, попадались потертые золотые украшения [ОАК, 1913–1915: 133–134].

В одном из четырех крупнейших курганов Причерноморской Скифии – Александрополе – зафиксированы оба типа ограбления. Из СВ полы кургана в центр были направлены две почти параллельные штольни [ДГС, II: Атлас, табл. I, мины №№ XIV, XV], заканчивавшиеся, несколько не доходя до центральной могилы кургана. Как отметил И.Е. Забелин, мины эти, направленные к центральной гробнице чрезвычайно верно, не удалось потому, что шли в материке слишком глубоко, значительно ниже подземных сооружений кургана, и врезались в водоносные слои [ДГС, I: 25]. Такую ошибку трудно отнести на счет грабителей скифского времени, и, по-видимому, данная попытка была предпринята уже позднее.

В центре кургана в нижней части насыпи (о раскопках верхней части, производившейся А. Терещенко, мы не знаем ничего) А.Е. Люденко зафиксировал «камни, часто значительной величины, которые ближе к подошве кургана лежали сплошными рядами. Иногда встречались также черепки от простых амфор, кости человеческие и разных животных» [ДГС, I: 8]. Наверняка это остатки грабительского хода с вершины кургана. Такое же каменное наполнение колодцев, пронизывавших насыпь, позже фиксировал И.К. Забелин в Краснокутском кургане, Византидах Слоновской и Томаковской, Каменной Могилах. Эти колодцы сверху ко времени раскопок полностью заткнулись грунтом и не выделялись на поверхности насыпи, что указывает на их очень давний возраст.

Именно через такой колодец с вершины кургана, попавший во входную яму Центрального захоронения Александрополя, были ограблены Центральное захоронение и подзахоронение в него через дромос на СВ полы кургана [ДГС, I: Атлас, табл. I, объекты №№ IV, VII]. Признаков прохождения грабителей через входную яму подзахоронения (№ VIII) как будто нет. Лежавшие здесь в начале дромоса несколько костяков лошадей остались непо потревоженными. В насыпи кургана на половине его высоты с восточной стороны, по рассказам крестьян, существовала некая нора весьма зна-

чительных размеров, в которой Я. Лазаревский предполагал начало грабительского хода [Лазаревский, 1894: 26]. Однако ее размещение на 10-метровой высоте указывает на иное назначение.

Судя по обвалам подземных сооружений Александрополя, с которыми столкнулись грабители в центральной гробнице (для «очистки» камеры центрального захоронения им пришлось пробивать штольни в обход завалов – объекты №№ V, VI), ограбление было произведено спустя некоторое время после погребения, хотя и трудно определенно сказать, какое именно. Эти обвалы не позволили грабителям произвести свои работы с должной тщательностью, и на долю исследователей осталось очень много находок.

В истории ограбления Александропольского кургана остаются неясности. Здесь была обнаружена подземная штольня (№ XII) из впускного захоронения, находившегося под СВ полкой кургана (№ IX), в обход центральной гробницы кургана и завершающаяся тупиком. В ней на дне обнаружены несколько мелких золотых вещей, обломки панциря, костяные пластины шкатулки, фрагменты ваз (?) . Коротким ходом (№ XIII) по пути она соединялась с дромосом подзахоронения в центральную могилу [№ VII – ДГС I: 24]. Ни время ее сооружения, ни назначение остаются непонятными. С одной стороны, впускное захоронение (№ IX), в отличие от центрального и подзахоронения в него, осталось нетронутое. С другой – в штольне обнаружены следы грабительской деятельности. Если этот ход уже существовал к моменту ограбления центральной гробницы, то почему грабители им не воспользовались, чтобы попасть во впускное захоронение, неясно. Автор ДГС без сомнений называет его грабительской миной. Впрочем, существует еще гипотеза о ритуальном характере ограбления скифского времени, о чем речь пойдет ниже. Возможно, такое объяснение и снимает все противоречия.

Второй курган-гигант Скифии – 20-метровый Огуз. Центральный саркофаг кургана грабился дважды: дважды грабители проникали в саркофаг по подземному дромосу, сбоку кургана, один раз вырыли вертикальный колодец сверху. О его существовании также свидетельствовала впадина на вершине [ОАК, 1891: 72; 1894: 9–10]. Не избежали ограбления и впускные захоронения кургана [Золотрих, 1991: А].

Раскопки Александрополя, Краснокутского кургана, Влизиц Сосновской и Томаховской, Каменной Могилы, в сущности, были первыми раскопками скифских курганов в степях, происходившими вскоре после заселения края, когда еще ничего не было известно об их содержимом. По ряду признаков можно полагать, что ограбления вертикальным колодцем сверху были совершены еще в скифское время.

А.М. Хазанов и Е.В. Черненко обоснованно предполагают существование достаточно значительного промежутка времени между временем захоронений и ограблений в Страшной и Толстой могилах, совершенных, возможно, в сарматское время [Хазанов, 1979: 23]. Оба ограбления осуществлены первым способом. Неясно только, почему называется именно сарматское время.

Отдельного рассмотрения заслуживает ограбление Чертомлыка, входящего в четверку крупнейших курганов Скифии. Здесь ограбление также произведено через боковую штольню, бравшую начало в северной поле кургана, по-видимому, дважды. В скифское время и в период первоначального заселения земель Новороссии. В пользу близости времени первичного ограбления дате самого кургана свидетельствует то обстоятельство, что начало грабительского хода точно «садится» сверху на шпильную Северную Могилу, обнаружить которую сверху на поверхности кургана при его гряднозных размерах и отсутствии внешних признаков на поверхности невозможно. Северная Могила была при этом, в основном, опустошена. С другой стороны, глубина грабительской штольни примерно вдвое меньшая, чем глубина Центральной гробницы кургана, указывает на незнание грабителями ее устройства. Это свидетельствует о том, что ограбление было произведено «чужими», располагавшими незначительной информацией. Только натолкнувшись на завалы грунта в просадке свода над камерой № V Центральной гробницы, а возможно, и на пустоту, грабители начали резко углубляться в направлении ее дна. Они перекапывали обвалы материкового грунта и смогли лишь частично ограбить камеру № V, не дойдя до остальных подземелий кургана. Основные покровища так и остались не найденными [Чертомлык, 1991: 60–61]. Чертомлык вошел в историю скифоведения как единственный степной царский скифский курган, Центральная гробница которого, в основном, уцелела от разграбления. При доисследовании Чертомлыка

в 1981–1986 г. в Северной могиле на границе грабительского хода и погребальной камеры была найдена железная оковка деревянного заступа [Чертомлык, 1991: 258, кат. 231], несомненно, оставленная грабителями. По определению Б.А. Шрамко и Л.А. Солнцева, оковка изготовлена из железа очень плохого качества, неизвестного для скифского времени. Как полагают исследователи, «находка на дне грабительского хода может свидетельствовать о том, что ограбление совершено в период, когда скифы утратили свое господство в степях Северного Причерноморья» [Шрамко, 1991: 396].

Первый исследователь Чертомлыка И.Е. Забелин на основании находок скопления человеческих костей в грабительском ходу полагал, что здесь был обнаружен скелет грабителя, погибшего при обвале свода [ДГС, I: 207]. В литературе этот сюжет получил более живописную трактовку – рядом с костяком грабителя, раздавленного обвалом, стояло ведро с собранными золотыми вещами и буквально где-то рядом находилась знаменитая Чертомлыцкая ваза и многое другое, уцелевшее от разграбления лишь благодаря обвалу [Голшевич, 1903: 4].

Как считают авторы доисследования Чертомлыка, И.Е. Забелин нашел в грабительском ходу лишь отдельные разрозненные человеческие кости, выброшенные грабителями из погребальной камеры. По их мнению, скопление костей, которое И.Е. Забелин назвал остатками грабителя, было местом, где грабители перебирали грунт, извлеченный из погребальной камеры [Чертомлык, 1991: 61]. Такая «решительность» в пересмотре наблюдений представляется не обоснованной. Это скопление было обнаружено в месте резкого снижения грабительского лаза. Как писал И.Е. Забелин, здесь «лазейка почти отвесно опускалась вглубь, в подземелье». Для расположения здесь грабительской «сортировочной площадки» просто нет места. Здесь не могло лежать скопление костей. Оно могло только «висеть» в грунте заполнения хода. Кроме того, прохождение грабительского хода через свежий обвал вообще невозможно. Представляется, что на время ограбления обвал свода был лишь частичным, что позволило грабителям проникнуть в пустоту, где они и имели возможность перекапывать толщу обвала, и только окончательное падение потолка прекратило их деятельность. В целом интерпретация И.Е. Забелина – прекращение грабежа вследствие обвала и гибели одного из

его участников – хорошо объясняет, почему ограбление камеры № V было таким поверхностным и почему грабители не обнаружили камеру № IV и прочие подземелья⁴⁸.

Такая трактовка хорошо объясняет также и обстоятельства, связанные с поздним ограблением. Найденная в Северной могиле в 1985 г. железная оковка деревянной лопаты, скорее всего, относится уже к новому времени – началу заселения Новороссии. Ни один кочевой народ, сменивший скифов в Северном Причерноморье, не имел таких лопат. Поздние грабители уже ничего не знали ни о Северной могиле, ни о конструкции Центральной гробницы, и только благодаря куче выкида, лежавшего возле кургана, обнаружили и расчистили старый грабительский ход. Нет доказательства тому, что они повторно очистили камеру Северной могилы. Остатки лопаты были найдены на дне на входе в грабительский лаз из камеры Северной могилы. Поздние грабители не смогли разобраться в материковом обвале камеры Северной могилы, прошли поверх завала камеры к началу лаза, бросили здесь поломанную лопату и прошли в центр кургана вплоть до начала провала над камерой № V, который к тому времени уже достиг толщи насыпи. Вследствие последнего обвала они уже не смогли повторно проникнуть в камеру № V и другие подземелья. Представляется, что последнее ограбление (точнее, попытка) было безрезультатным, и только благодаря этому Чертомлык сохранил свои сокровища, в отличие от большинства царских курганов. Таким образом, через один и тот же ход состоялось два ограбления – одно в скифское время и второе, вероятно, в XVIII – начале XIX вв. [Полін, 2003].

Наклонная грабительская штольня, шедшая из полы кургана в центр, была обнаружена при раскопках большого кургана эпохи бронзы в г. Никополе [Хазанов, 1979: 23], что определенно указывает на очень позднее время ограбления. Курганы Башмачка, как и Желтокамен-

ка, грабились дважды – ходом из полы кургана и колодезем сверху [Слицым, 1901: 78; Мазолевский, 1982], по-видимому, в скифское и уже в новое время.

Через наклонную штольню из полы кургана был ограблен 2-метровый курган № CDLXXXI у с. Капитановна. Кроме лошадиных и человеческих костей, в заполнении грабительского хода были найдены «кирпичи и предметы новейшего времени» [Бобринский, 1910-А: 59]. Несомненно датировка ограбления XIX в.

6-метровый курган № 3 могильника Носаки был ограблен вертикальным колодезем с вершины насыпи. Также колодезями сверху были ограблены и оба погребения Мелитопольского кургана. А.М. Хазанов и Е.В. Черненко привели надежные аргументы для датировки обоих ограблений скифским временем, причем вскоре после похорон. Также и Гайманова Могила была ограблена современниками и свидетелями ее создания. Здесь особо интересный случай: все впускные захоронения, расположенные под крепидой кургана, ограблены сверху через входные ямы, причем впускная Северная Могила грабилась через обе входные ямы. Затем из одной из входных ям был прокопан подземный ход в Центральную гробницу [Хазанов, 1979: 20].

И для Соболевой Могилы имеются веские основания считать, что повторное ограбление кургана вторым способом было осуществлено еще в скифское время людьми, хорошо представлявшими себе ее устройство. Первичное ограбление кургана, произведенное первым способом, было более ранним. Как видим, здесь оба метода применены еще в скифское время с некоторым малым промежутком времени между ними.

В 8-м Пятибратнем кургане на Нижнем Дону в заполнении грабительской воронки на вершине кургана В.П. Шилов обнаружил несколько захоронений середины XIX в., на основании чего датировал ограбление XVII–XVIII вв. [Шилов, 1961: 153–156, рис. 2]. На позднюю дату ограбления указывает также неточность попадания колодезя в цель. Грабители обнаружили лишь одно крайнее помещение погребального сооружения и, по-видимому, даже не подозревали об остальных. Произошло это уже после того, как перегибли и обрушились с бревна потолка погребальных камер.

По-видимому, в XIX в. на степных территориях развернулись довольно интенсивные кладовыскательские поиски. Косвенно об этом

⁴⁸ В кургане № 4 у с. Шолохово в начале грабительского хода, вырытого из полы кургана, найден скелет грабителя, погибшего при обвале свода. Лежал на груди, головой к выходу, правая рука была поднята вверх и согнута в локте, левая отведена от тела и согнута в локте под острым углом. Таз и кости ног были раздроблены лежавшей на них глыбой материка. При этом найдены мелкие золотые амулеты, настоящие бусы, раковины каури. Ход долго стоял открытым, а, вероятно, это было уже повторное проникновение в грабительский лаз [Волков, 1979: 47; Ковалев, 1977: 17].

можно судить по широчайшему распространению курганных топонимов «Раскопана Могила», «Разрыта Могила», зафиксированных повсеместно на топографических картах середины XIX в.

А.В. Терещенко, описывая высокую концентрацию крупных курганов в районе Токмака на р. Молочной, отмечал, что некоторые из них уже разрыты. Ему же принадлежит и одно из немногочисленных описаний «действующего» кладонскателя. Некий Иван Карнис, меннонитский поселенец, в 1842 г. разрывал крупные курганы близ устья Молочной и в районе Бердянска. Среди находок уверенно опознаются скифские и греческие вещи. А.В. Терещенко также упоминает некоего человека, организовавшего акционерное общество по ограблению курганов. Деятельность его, по сведениям автора – безуспешная, длилась несколько лет [Терещенко, 1853: 11; 1866: 28].

О деятельности грабителей в XIX в. документальных свидетельств сохранилось немного. Как отмечал В.И. Гошкевич, большинство подобных предприятий, в силу их незаконности, и, соответственно, желания скрыть от окружающих как сам процесс, так и его результаты, сохранялись в тайне. Однако даже те далеко не полные сведения, которые удалось собрать В.И. Гошкевичу и В.Н. Ястребову только по Херсонской губернии, указывают на широкий размах данного рода деятельности. Десятки и сотни курганов в различных местностях носили следы грабительских раскопок, либо сведения об их ограблении были получены от местного населения. И это при том, что на ценные находки можно было надеяться только в скифских курганах, которые по подсчетам И.Т. Черникова составляют лишь 2–3 % общего числа курганов [Черников, 1993: 7].

Кладонскательством в курганах занимались «лица обоих полов и всех классов общества: и разорившиеся помещики, и мещане, и крестьяне, и отставные военные и чиновники, и даже представители духовенства» [Ястребов, б/г: 18; 1886: 89; 1894: 128–174; Эварницкий, 1885: 708; Гошкевич, 1903]. Сообщения о пресечении подобных действий со стороны полиции встречаются нечасто. Справедливости ради нужно сказать, что, в отличие от нашего времени, если такие меры предпринимались, то это происходило быстро и достаточно эффективно. По-видимому, активизацию кладонскательства в это время следует связывать, с одной стороны, с освобождением крестьянства в 1861 г.

и переходом части земель в ведение крестьянских общин, с другой – как это ни грустно звучит, с выдающимися открытиями археологов в причерноморских степях, происходившими в этот период.

После раскопок Куль-Обы, Александрополя, Чертомлыка, Огуза и других курганов, когда стало известно о колоссальных ценностях, скрывающихся в скифских курганах, по-видимому, подавляющее большинство курганов как на юге Украины, так и в лесостепи было перекопано кладонскателями. Приведем лишь несколько примеров, сохранившихся в литературе. В 1878 г. Киевский генерал-губернатор обращался в Московское археологическое общество за разъяснением. В Киевской губернии некоторые лица вошли в соглашение с частными владельцами о раскопках находящихся на их земле курганов. По статье 420 т. X ч. I Законов Российской империи, собственник земли владел всем, вплоть до недр. Генерал-губернатор просил указать постановления, которыми бы ограничивались права собственников в отношении находок, имеющих археологическое значение. Такие постановления существовали в виде циркуляров МВД о «недопущении кладонскательства и неизбежного от того разрушения памятников древности». В XIX в. в законодательствах других европейских государств уже существовали законы, воспрещавшие произвольные раскопки курганов и повреждение древностей не только на казенных, но и на землях частных лиц [Протоколы, 1881: 6–8, № 155–156].

В 1903 г. по указанию Херсонского губернатора более чем в 10 селах губернии полиция преекла грабительские раскопки, изъяла находки и передала их в Херсонский музей [АЛЮР, 1903: 392]. В 1905 г. отмечено массовое кладонскательство и разрушение курганов в Елизаветградском уезде Херсонской губ. [АЛЮР, 1905: 53]. В течение 1900 г. крестьяне с. Паруткино, вследствие неурожая 1899 г., усиленно занимались хищническими раскопками городища и некрополя Ольвии. Найденные древности сбывались зезжим скупщикам древностей [АЛЮР, 1901: 42].

Впрочем, А.Л. Вертье-Делагард, отмечая массовый характер ограбления, полагал, что преследование грабителей со стороны властей в это время весьма усилилось, что с его точки зрения привело к массовому уничтожению древностей, находимых в погребениях. Если в прежние времена грабители работали спо-

койно, не торопясь, весьма осторожно извлекая находки из земли, после чего сбывали их желающим, не скрывая место находки, то теперь они были вынуждены действовать втайне, впопыхах выхватывать отдельные куски из древних погребений, не рискуя впоследствии вернуться обратно за недостающими частями и даже назвать место своих раскопок. С риском для грабителей сопряжен и сбыт найденного. Нередко найденные золотые изделия, во избежание хлопот, попросту переплавались в металл. Так поступил некий господин, переплававший 5-6 фунтов древних золотых вещей [Вертье-Делагард, 1896: 32-33].

Во время работ на Толстой Могиле В.Н. Мозолевский познакомился с родственницей местного грабителя, действовавшего в районе Чертомлыка в конце XIX – начале XX вв. Житель Чертомлыцких хуторов Ларион Павлович Живица в возрасте 10-12 лет присутствовал на раскопках Чертомлыка И.Е. Забелина. Войдя в возраст, как и некоторые его односельчане, начал тайком промышлять грабежом курганов. И как будто неудачно [Мозолевский, 1983: 78-79]. Реальность этой фигуры подтверждается записью начала 1900-х гг. в записной книжке Д.И. Яворницкого, где среди любителей старины упомянут Живица Ларион из Ново-Николаевки – ныне с. Чкалово [Богущ, 2000: 43]. Здесь уместно вспомнить, что при раскопках В.Н. Мозолевого в 1979 г. Малого Чертомлыка, помимо древнего ограбления, было прослежено также и позднее ограбление кургана сверху. Судя по полустлевшим палке и початку кукурузы, ограбление была совершено в конце прошлого века [Мозолевский, 1987: 69]. В 1980 г. при исследовании кургана № 5 у с. Изобильное в грабительском ходу был найден медный пятак XIX в. [Мозолевский, 1980-Д: 58]. При раскопках Чертомлыцкой Близницы в 1984 г. в полностью разграбленной гробнице найдены осколки водочной кварты XIX в. В кургане № 5 у с. Кирово, расположенном неподалеку от с. Чкалово, в камере погребения грабители оставили табакерку из папьемаше и обломки поливной миски. По этим вещам ограбление (повторное в кургане) датируется XIX в. [Черненко, 1961: 188].

Документальное свидетельство о деятельности грабителей в курганах в районе Чертомлыка в начале нынешнего столетия хранится в Научном архиве Института археологии НАНУ. Этнограф-археолог П. Рябков в 1910 г. в г. Николаеве свел знакомство с местными кладовска-

телями и описал все это в письме к Ф. Вовку. Учитывая уникальность документа, приводим его целиком, сохраняя язык и пунктуацию оригинала.

«Близ с. Ново-Николаевка Екатеринославской губ. и уезда в апреле 1910 г. я предпринял раскопку одного небольшого курганчика, как с целью ознакомиться с приемами и способами раскопок, практикующимися кладовскателями, так и для того, чтобы ближе с ними сойтись. Для этого я уговорил одного из них указать мне какую-нибудь могилку (курганчик) и в моем присутствии раскопать его. Могилка была указана среди множества других таких же, но уже раскопанных раньше кладовскателями. Эта могилка уцелела лишь потому, что находилась у всех на виду при большой дороге и кроме того не обещала ничего ценного для кладовскателей. – Уже много таких раскопали, говорит мой кладовскатель, та все чорт зна що! Это значит, что он не находил в них ни золота, ни серебра, что одно могло бы вознаградить за тяжелый труд, так как раскопки производятся по ночам осенью или даже зимою, и притом крайкома, чтобы никто не бачыва.

Заручившись надлежащим разрешением владельцев земли, мы отправились к могилке, захвативши с собою все необходимое: ведро и канат для вытаскивания земли, две-три лопаты – одну для копания, другую для выбрасывания земли, нож, щуп, свечу, спички, запас пицци и бутылку водки. Когда работают по ночам, берут с собою несколько лампочек крестьянского типа и гас (керосин). По мере углубления колодца (обычный способ проникать в могилы) лампы устанавливают в особо шурбленых в земле нишах. Лампы особенно необходимы, когда работы начинаются в подземных галереях и самих могильниках («склепах»), где происходит самый тщательный осмотр предметов, которые там находятся. Если замечают, что есть золото в виде мельчайших блесточек, чешуек, то землю просеивают. Такое внимание оказывается только золоту, на все остальное не обращается никакого внимания или «со злости», что ничего не найдено ценного, все «трошат», ломают, портят и тут же оставляют и засыпают землей, редко что выносят наружу и то, лишь предметы из металла. Черепя, костяки, сосуды из глины меньше всего интересуют кладовскателей и никакой цены они им не придают. В последнее только время, когда по деревням начали разъезжать скушники древностей, крестьяне начали осторожнее относиться к находкам.

Кладовскатель, с которым я познакомился в м. Никополе и предпринял раскопку могильника, резко отличается от своих многочисленных собратьев тем, что был хорошо грамотен, много читает и по развитию своему стоит выше аурадных крестьян, хотя сам был им. Уже достаточно будет сказано: у него имеется библиотечка более чем на сто рублей, и состоит она из книг преимущественно по истории Южной России, особенно по истории Запорожья и казачества. У него есть сочинения Эварницкого и, кажется, Скальковского, а также кой-что по археологии. Особенно его интересует Запорожье. Он прекрасно знает все чем либо замечательные места по Чертомлыку а также и самое местоположение двух сичей в с. Капуловка и с. Покровское. Будучи средней заможности крестьянином, он в то же время со страстью предается раскопке курганов, которых он на своем веку перепортил изрядное количество, подвергая свою жизнь опасности, быть раздавленным землею, быть заживо погребенным в каком-нибудь «склепу», куда его завлекла жажда золота, а то и любопытство. Если верить ему и другим кладовскателям, при том способе раскопок, который он и его товарищи практикуют, весьма неудивительно если это и случится.

Нацупавши щупом⁴⁴ рушенную землю, кладовскатель начинает врываться в нее колодцем или идут минуой, стараясь все время держаться рушенной земли в самом материке. Это значит напасть на самый ход, которым шли и хоронившие покойника. Дойдя до самой могилы (склепа), начинают ее очищать от земли пока не наткнутся на самого покойника.

Здесь начинается более тщательная работа в поисках за ценными предметами, которые обычно и находятся на этом покойнике или подле него. Если склеп не был заполнен землею, то это делается легко: ограничиваются одним осмотром скелета, роясь в его костях; стенки, пол склепа ощупывают щупом или роются в них — нет ли где замаскированного хода или заветного казана (котла) либо горшка с грошми. Если найдет замаскированный ход, начинается спешная торопливая работа при скудном освещении курящих ламп в спертном, душливом воздухе. Это работа самая

опасная, страшная и не для робкого человека. Познакомившись с психикой нескольких кладовскателей, с их суеверием, я удивляюсь их храбрости, решимости заниматься таким делом, где, по их представлениям, приходится иметь дело с самим чертякою, не любящим шутить...

По уверению моего знакомого кладовскателя ему приходилось спускаться в землю до пяти саженей и там находить склепы и разные ходы, компаты (кимваты), что лежали покойники по одному или по нескольку вместе, а также иногда и кони. И такие колодцы и склепы бываюот далеко не в самых больших «могилах» (курганах), но и в «средних» по величине.

Та могила, которую я с ним раскопал, также состояла из колодца глубиной в 3 аршина и бокового склепа, где лежал покойник.

Могила эта находится на левой стороне отворшка Казарки [балки. — П.С.], вдающейся в балку (речку) Чертомлык, у самой большой дороги идущей из г. Никополя через с. Ново-Николаевку в г. Кременчуг, в двух верстах от вышеназванного села. В 30 саженях на северо-восток от этой могилки лежит довольно большая, но уже разрытая кладовскателями могила. Вообще эта местность богата большими и малыми, а особенно средней величины курганами. Замечу еще, что в 2—2,5 верстах отсюда находится и та знаменитая Чертомлыкская могила, откуда добыта серебряная ваза, хранящаяся ныне в Эрмитаже. Курган этот, как известно, был научно вскрыт еще в 1863 году.

Раскопанная нами могила едва была заметна своею выпуклостью; в поперечнике она имела около четырех саженей, вышины не более 3/4 аршина. Не смотря на тщательное исследование щупом и сятие земли в центре курганчика ничего не удалось открыть — везде была целина. Зато в юго-восточной стороне его мне удалось достать щупом рушенной земли и именно там, где по словам кладовскателя, не полагается быть ходу. Раскопавши этот ход мы нашли его сильно затрамбованным глиной в перемежку с черноземом. Форма его была овальная в 2 на 1 и 1/2 аршина в диаметре. На глубине 1 и 1/2 метра оказалась ступенька, ниже которой продолжалось углубление сильно затрамбованное черной землей с прослойками желтой глины. Здесь попадались куски земли с ясными следами трамбовки (валков или праников по терминологии кладовскателя). На некоторых кусках, ближе находившихся ко входу в склеп, был черный налет, как бы

⁴⁴ Щуп состоит из стального дамного прута длиной аршина 2 с ручкой в виде кольца с острием, похожим на маляжское долото. Такой щуп при давлении на него довольно легко идет в землю. Употребляют и другие виды щупов [Пояснение П. Рабкова].

от сажи. По объяснению того же кладовщика, так часто бывает: это, говорил он, такие испарения, цдль.

На глубине двух метров обнаружилась подонна самого колодца в цельном материке, а к СВ замечен был вход в боковую нишу, ведущую в склеп, где лежал скелет ребенка или подростка. Склеп был засыпан землей снизу доверху, а самый вход был сильно затрамбован почти чистой глиной. Склеп вырыт в четком слое глины, в которой много гнезд «земляного сердца», если не ошибаюсь известняка с кварцем. Шуп показал, что в его стенах нетронутый материк. Но есть некоторые намеки, что в этом же кургане скрыто еще другое погребение, но уже с другим ходом.

Глина которой заполнен был склеп не была утрамбована, но несколько умята, особенно в ногах. Она была несколько сыровата, что сильно способствовало порче костяка и предметов, найденных при нем. Труп положен был в выгнутом положении на спине прямо на материке, тщательно выровненном, а может быть и смазанном другой глиной, следов которой, вследствие сырости, могло и не сохраниться, — положен он был головою к востоку, лицом вверх. От тяжести земли нижняя часть лица со сгнившими челюстями опустилась, зубы выпали и перемешались с землей; череп же лежал теменем вверх. Остальные кости хотя и сохранили свое относительное положение, но были настолько хрупки, что ломались от самого легкого соприкосновения к ним. Зубы, числом 24, считая и молочные, находились под черепом и у черепа. Браслетка бронзовая, совершенно истлевшая, с пустотой в середине (в виде трубочки) и с кувшинчиком на ней, вынута была первой и притом не мною, а кладовщиком. Когда я вошел в склеп, то увидел часть обнажившегося черепа и плечо. С этого момента я уже сам работал над костяком, тщательно снимая землю и насыпая ее в ведро, которое затем вытягивалось наверх и содержимое его тщательно еще раз пересматривалось тремя лицами. Часть проволоки (ободка) от браслета была найдена мною на груди ближе к левому боку.

Бусы большие и малые были рассыпаны начиная от головы до пояса, а более мелкие до колен. Это дало повод кладовщику заключить, что кроме ожерелья на шее, платье девочки было ими украшено. Других каких-либо предметов в склепе не оказалось, если не упомянуть о тех косточках грызунов, которые были найдены в глине, заполнявшей склеп.

Выбрать весь костяк я не мог, так как сырость и душный воздух в склепе не позволили мне там больше работать. Выборку ножных костей, начиная от колен, делал кладовщик. По окончании его работы я вторично опустился в склеп и при свете свечи с ножом и шупом в руках исследовал его, но уже совершенно свободный от земли.

Верх, бока склепа не носили следов каких-либо инструментов, так как от сырости глина обваливалась, нарушая тем самым первоначальные формы его.

— Оце, яка бідна могилка! — сказал мой кладовщик, не стояло и рыть...

Он и его товарищи были немало удивлены, когда я пожелал взять череп и кости. — На що все то вам? спрашивали они. От якобы золота, або гроши, а то кытки! недоумевали они. Я уже выше сказал, что к костякам они относятся не то с боязнью, не то с презрением. При спешности работы, они троцат и ломают их, разбивают череп, тут же их бросаю и зарывая землей; никогда не оставляют не зарытыми. Иногда их поражает величина ножных и ручных костей, тогда их сравнивают со своими. Случается, что особенно большие черепа уносят с собою для показа своим знакомым, и затем их или хоронят в земле или бросают в речку.

Судя по зубам, хорошо сохранившимся, это был субъект в возрасте не моложе 5–6 лет. По черепу, прекрасно сформированному, это долихоцефал, головной показатель которого приблизительно 72 с дробью. Для более точного измерения у меня не было инструментов. Что касается роста, то этого не удалось установить более или менее точно. От головы до тазовых костей приблизительно 1 аршин, а весь рост около 7 четвертей.

Раскопка обошлась (подвода, наем людей, угощение) в четыре рубля» [Рябов, 1910].

Указанные координаты легко позволяют установить место раскопок П. Рябова. Ново-Николаевка или Чертомлыцкие хутора — это современное с. Чкалово. Курган же находился в группе курганов Чертомлыцкой Близины, исследованной в 1984 г. [Мурлин, 1984]. Большой курган, находившийся рядом с раскопанным с П. Рябовым, — это и есть Чертомлыцкая Близина или курган № 28 по экспедиционной нумерации. При его раскопках было обнаружено сокрушительное ограбление подкурганых склепов, имевших здесь весьма значительную площадь. По находке характерной бутылки было установлено, что ограбление большого

кургана было совершено во второй половине XIX в. Ко времени раскопок П. Рябкова его центральная часть представляла собой довольно значительную яму, которая к 1984 г. залыла почти полностью⁴⁸.

Весьма печальные для науки события в то же время происходили на территории левобережной Херсонщины. Возле Нижних Серогоз в 1891–1894 гг. Н.И. Веселовский проводил раскопки скифского царского кургана-гиганта Огуза более 20 м высотой. В целом исследования оказались малорезультативными. Удалось открыть уникальный для скифских степей каменный склеп с уступчатым сводом боспорского типа, но он оказался сокрушительно разграбленным в древности. При этом большая часть кургана осталась нераскопанной, хотя официально Археологической комиссией памятник после раскопок Н.И. Веселовского считался исследованным. На протяжении последующих 7 лет курган достаточно успешно копался местными крестьянами, отсылавшими найденные вещи в Санкт-Петербург в Императорскую Археологическую комиссию, за что получали отсюда весьма солидное вознаграждение. Согласно пункту 10 Положения об Археологической Комиссии, последняя, для поощрения предоставления ей древностей, выплачивала вознаграждение находчикам, исходя из стоимости драгоценных металлов в находках и с учетом их научной ценности. Особенно успешными для крестьян были раскопки в 1901-м – начале 1902 гг., после обвала одной из стенок раскопа Н.И. Веселовского. Благодаря этому открылся дромос, где обнаружилось в больших количествах самые разнообразные вещи, в том числе и золотые – 651 предмет. Особенно обильно здесь были представлены украшения узды, седел и нагрудников. Информация о находках попала в газеты, после чего было произведено полицейское расследование. С трудом местным властям удалось пресечь кладонискательскую лихорадку и произвести

сбор найденных вещей. Однако и после полицейских репрессий, в результате которых к ответственности перед законом было привлечено 33 человека, прибывший на место представитель Археологической комиссии В.Н. Рот скупил у местных крестьян немало ценных вещей [Нейман, 1902: 159–172]. В 1916–1917 гг. Археологическая Комиссия приобрела вещи из Огуза и других курганов у Нижних Серогоз в Харькове [Случайные находки, 1918: 164]. В 1902 г. Императорская археологическая комиссия возобновила работы по доисследованию кургана. Впрочем, и в этот раз исследования были достаточно поверхностными. Раскопки кургана действительно были завершены только в 1981 г. [Болтрик, 1991-А: 178].

В 1891 г. Н.И. Веселовский перед раскопками Огуза, для ознакомления с устройством погребальных сооружений в курганах этой местности, предпринял раскопки 4-х-метрового кургана в земле крестьянина Деева. Здесь он открыл совершенно разграбленное Центральное захоронение, после чего раскопки прекратил. В 1897 г. местные крестьяне обнаружили в обвалившейся стенке раскопа Н.И. Веселовского проход к неграбленной боковой могиле знатной скифянки. О многочисленных находках золотых вещей стало известно местному уряднику, который частично скупил, частично отобрал найденные вещи, впоследствии переданные в Императорскую археологическую комиссию и далее в Эрмитаж. Эти находки, многократно умноженные и приукрашенные молвой, привели к тотальному грабежу окружающих курганов местными крестьянами. Новые находки в них золотых вещей, все же случавшиеся время от времени, только подогревали золотую лихорадку [Лесков, 1974: 19–29].

Не менее любопытными с этой точки зрения были раскопки Рыжановского кургана в Черкасской обл. В 1884 г. владелец Рыжановского имения поручил раскопки Ю. Талько-Гриценичу, который частично исследовал окрестности кургана, ничего при этом не обнаружил и на том раскопки завершил. От дождей в оставленных траншеях начала скапливаться вода, и в 1887 г. грунт просел над не обнаруженной при раскопках могилкой. На дне провала торчало горло большого глиняного сосуда. Крестьяне ближайших сел Рыжановка и Залесское начали рыться в этом месте, и один из них, наиболее удачливый, добыл золотые и иные вещи, в том числе – греческую амфору. Напуган-

⁴⁸ Не прекращалась грабительская деятельность и позднее. Л.Д. Дмитриев в 1935–1936 гг. при осмотре останков Чертомлыка видел большое число свежих грабительских ям. И на Долгой Могиле, находившейся рядом, он также заметил свежие глубокие шурфы, заломленные «как будто несколько дней назад» [Дмитриев, 1950: 154–155]. Хотя, по-видимому, в целом пран А.А. Миллер, писавший в 1934 г., что «это бедствие почти прекратилось на территории Союза, главным образом вследствие отсутствия перекупщиков, частных коллекционеров и запрета вывоза памятников за границу без особого на то разрешения» [Миллер, 1934: 160].

ный находкой человеческого черепа, рассыпавшегося в его руках, крестьянин раскопки бросил, а все находки передал в Рыжановскую усадьбу. После этого владелец имения пригласил для раскопок Г. Оссовского, который и произвел исследования случайно открывшегося погребения. При этом большая часть кургана так и осталась нераскопанной, и его исследование было завершено только в наши дни [Нейман, 1902: 169; МРЗ: 72; Рыжановка, 1996; 1997; 1999].

Видимо, в украинском селе конца XIX – начала XX вв. фигура кладовщика была достаточно привычной и типичной. Недаром у И. Карпенко-Карого в пьесе «Сто тысяч» фигурирует Бонаventura-копач, 30 лет роющий курганы и никак не могущий разбогатеть [Карпенко-Карий, 1985: 335].

Определенную роль в разрушении курганов сыграли и просвещенные дилетанты. С вхождением в моду новой увлекательной науки археологии появлялось достаточно много желающих из просвещенной публики покопать курганы. Владелец книжного магазина в Санкт-Петербурге Е. Гаршин, специализировавшийся на продаже исторической и археологической литературы, издал специальное пособие по раскопкам курганов, содержащее экстракты из соответствующих руководств И.П. Сахарова, П.С. Савельева, Д. Самохвасова, Л. Ивановского, В. Антоновича. Будучи не чуждым археологии (Е. Гаршин состоял в Санкт-Петербургском археологическом обществе), он снабдил книжечку выдержками из законов, знакомившими желающих попробовать себя на ниве археологии с их обязанностями как перед Законом, так и перед Императорской Археологической Комиссией [Гаршин, 1888: VII].

Не всегда в ладах с законом были и археологи. Широко известна деятельность Д.Г. Шульца на Кубани в связи с Келермесскими и другими курганами [Галанина, 1997: 16–26]. Любопытные подробности о работе М. Эберта в России сохранились у Э.А. Симоновича. При его раскопках позднекифского могильника у с. Николаевка Бериславского р-на Херсонской обл. в 1966 г. были еще живы участники раскопок 1912 г., проводившихся М. Эбертом. Вероятно, М. Эберт не согласовал свои действия с Археологической комиссией и проводил раскопки самочинно. По рассказам участников раскопок, а также бывшего местного сельского писаря В.И. Магера, сообщившего по инстан-

ции губернатору о раскопках, как только М. Эберт узнал о предстоящем приезде полиции, он немедленно покинул село. Несколько погребений, пятна которых были зачищены на уровне материка, так и остались неисследованными [Симонович, 1966: 5].

Совершенно особое место в истории разграбления древностей нашего юга занимают районы Керчи и Тамани. После присоединения этих земель к Российской империи здесь появляется новое население, начинается освоение земель, сопровождаемое интенсивным строительством. Академик Паллас, посетивший Керчь в 1792 г., отметил разрушение гробниц некрополя при работах в крепости, сопровождавшихся многочисленными находками древностей, в основном уничтожавшихся солдатами. Кроме того, он наблюдал естественное разрушение морем курганов на побережье как в Керчи, так и на Тамани [Паллас, 1883: 54, 58, 73–74]. Тогда же генерал Ван-дер-Вейде раскопал на Тамани и первый курган, где были обнаружены роскошные находки, в основном разворованные его подчиненными [Брашинский, 1979: 16].

Еще в конце XVIII в. керченские жители поднесли в дар знатному путешественнику П. Сумарокову редкости из древних погребений [Марта, 1926: 1–2]. Для нужд городского строительства осуществлялась ломка камня в окрестных курганах, сложенных здесь в основном из камня. При этом попутно массово раскрывались гробницы некрополя древнего Пантикапея и местного варварского населения. В 1820 г. грек-обыватель при ломке камня в одном из курганов открыл склеп, известный в науке под названием курган Пантикоти. Так же была открыта и знаменитая Куль-Оба [К истории, 1889: 79–80, 85, 117, 135].

С развитием Керчи в качестве города, ростом числа кораблей, посещавших керченскую гавань, возраставшим наплывом иностранных купцов, отечественных и зарубежных просвещенных путешественников, желавших ознакомиться с древностями столицы Боспорского царства, по-видимому, уже в начале XIX в. происходит сложение рынка древностей. Возникает и профессия «счастливчиков» – профессиональных раскопщиков-грабителей, сделавших добычу древностей источником существования.

Уже в 1805 г., по представлению академика Г.К.Э. Келера о массовом разграблении и разрушении керченских древностей и настоя-

цию ряда российских ученых, Александр I издал Высочайшее распоряжение об ограждении от разрушения и расхищения древностей Крыма [Кулаковский, 1914: 141]. На этом основании Херсонский военный губернатор д-р Риншель приказал «иметь надзор, чтобы частными лицами, по Крыму путешествующими, не было собираемо древних редкостей...» [Смалин, 1917: 133]. Академик Келер, вновь посетивший Крым по поручению Академии наук в 1821 г., писал, что «из всего доселе найденного в Крыму и на Тамани много хороших вещей частью вывезено в чужие края, частью же ... совсем потеряно...» [Тизенгаузен, 1872: 376].

Статский советник С. Капнист, посетивший Керчь в 1822 г., отмечал, что в связи со строительством Керченского порта широко добывается камень в окрестностях города и попутно открывается большое количество древних захоронений. При этом ценные находки утаиваются и при удобном случае сбываются иностранным купцам для вывоза за границу [Тизенгаузен, 1872: 399–401]. Правительство предпринимало шаги по исследованию и охране керченских древностей: здесь были назначены специальные правительственные чиновники, осуществлявшие раскопки и палвор за памятниками. С 1826 г. после открытия Керченского музея древностей тем же занимался и директор музея. Тем не менее, деятельность «счастливчиков» не прекращалась. Особенно вызывающим было разграбление склепа Куль-Обы при его раскопках в 1830 г.

К тому моменту исследования склепа Куль-Обы были уже практически завершены. После богатейших находок, обнаруженных здесь, уже трудно было надеяться на что-либо еще. Раскопки завершились осенью, и охрана страдала от ночных холодов. После того как перекрытие склепа начало обваливаться на глазах у сотен любопытствующих, сочли возможным надеяться на то, что туда уже никто не посмеет войти. Вход в склеп был дополнительно завален камнями, и в одну из пещер курган был оставлен без охраны. Однако утром археологи обнаружили открытый вход и полностью очищенный от обвалов склеп. Пол его, вымощенный громадными плитами, был вскрыт по всей площади. Лишь благодаря личному вмешательству, уже зимой, П. Дюбрюкс смог напасть на след грабителей и один из них – грек Дмитрий Бавро – поведал подробности ограбления. После того как археологи и охрана покинули

курган, 8 или 10 человек, скрывавшихся за ближайшим холмом, расчистили вход и принялись хозяйничать в склепе. Под обвалом свода, на нерасчищенном археологами участке, они нашли россыпь золотых бляшек, а под вывернутыми плитами пола обнаружили то ли тайник, то ли еще одно захоронение, откуда извлекли огромное количество различных драгоценных изделий. После этого были приняты строжайшие меры по охране кургана, днем выставлялся караул, а ночью курган охранялся конным разъемом. Но, тем не менее, каждую ночь склеп посещали 5–6 человек, исчезающие лишь при появлении всадников. И только 28 сентября, когда двое из ночных посетителей были серьезно покалечены обвалом, визиты прекратились. Вместе с тем, завершили свою работу и археологи. Лишь незначительную часть украденных вещей удалось вернуть. За одну из них – знаменитую куль-обскую бляху в виде оленя – по распоряжению императора Николая I тому же Дмитрию Бавро было выплачено 1200 рублей, сумма весьма значительная по тем временам. Большая часть находок, по видимому, была продана ювелирам на переплавку, а тайная распродажа отдельных находок из Куль-Обы продолжалась еще в 1859 г. [Брашинский, 1979: 51–53; Мозолевский, 1983: 57–59].

Вопрос охраны памятников от разграбления оставался остро актуальным и в дальнейшем. В инструкции МВД директору Керченского музея от 7.04.1852 г. предписывалось: «...в случае каких-либо замечательных открытий, должны быть принимаемы меры против похищений и недопускаемы посторонние лица к осмотру найденных древностей, пока не будет все описано и принято под надлежащий надзор» [Марти, 1926: 20].

К.Е. Думберг, возглавивший Керченский музей с 1891 г., отмечал слабость надзора за «счастливчиками» и вследствие этого гибель и разорение некрополя Пантикапей. «Керченские лазки переполнены древностями», судьи в большинстве случаев оправдывают хищников. «Ни от полиции, ни от городских судей, ни от города нельзя ожидать обязательной помощи. Археологической комиссии придется надеяться на свои собственные силы и средства». Новый директор в 1890-х гг. всерьез вел борьбу со «счастливчиками», а также скупщиками древностей. О накале этой борьбы свидетельствует тот факт, что В.В. Шкоринин, сменивший К.Е. Думберга на посту директора, 27.12.1918 г., скончался от ран, нанесенных грабителями.

Работа «счастливиц» активизировалась в годы революции. Музей, лишенный средств на проведение самостоятельных раскопок, занимался исключительно доисследованием курганов, разоренных грабителями. В 1920 г. директор музея К.Э. Гриневич обнародовал воззвание к кладонскаателям, в котором разрешал раскопки всем лицам, но только под наблюдением музея и с сохранением права первой покупки найденных древностей за музеем. Объявление завершалось перечнем всевозможных наказаний по закону за самочинные раскопки. Кто-то из «счастливиц» пошел на такое сотрудничество. Однако в феврале 1922 г., в результате вооруженного ограбления, музей лишился экспонатов, изготовленных из золота. Наиболее ценные вещи с помощью Уголовного розыска все же удалось вернуть [Марти, 1926: 35, 39–45].

Как полагают А.М. Хазанов и Е.В. Черненко, мотивы поздних ограблений ясны и однозначны и продиктованы жаждой наживы. В древности, помимо этого, существовала и иная мотивация – страх перед покойниками, необходимость их обезвредить, стремление при заятии новой территории уничтожить таким образом прежних владельцев и т. п. При ограблении выполнялись определенные ритуальные действия для нейтрализации потустороннего мира и облегчения жизни живущим. Особенно массовый характер такие действия приобретали в периоды межплеменных столкновений, переселений, завоеваний [Хазанов, 1979: 24–26].

Поздние скифы в Крыму безжалостно разоряли греческие могилы для использования греческих склепов для собственных захоронений. В свою очередь позднескифские склепы Веллуса ограблены гуннами при совершении собственных захоронений в V в. н. э. Известны также случаи ограбления позднескифских захоронений сарматами во II–III в. н. э., а также разорения скифских могил V–IV вв. до н. э. поздними скифами во II в. до н. э. [Дашевская, 1994: 80–83].

Э.А. Симонович пришел к выводу, что массовое полное или неполное разрушение ранних ингумационных могил черняховской культуры II–IV вв. н. э. производилось с магическими целями, чтобы уберечь живых от влияния умерших, населением, близким по времени и, видимо, этнически родственным, от которого до нас дошли непо потревоженные погребения. Характер же разрушения позднескифских и сарматских могил по материалам некрополей

Неаполя, Золотой Балки и Николаевки совершенно иной и свидетельствует о грабеже. Определить, кем и когда эти могилы были ограблены, не удалось [Симонович, 1963: 57–59]. В черняховских могильниках и могильниках ранне-средневековых кочевников на Волге, Каме, Дону, Северном Кавказе и в Нижнем Подунавье как будто прослежен ритуал обезвреживания покойников, заключающийся в проникновении в могилы родственников с целью нарушения скелета и (или) изъятия части вещей. При осуществлении такого обряда чаще всего нарушается расположение костей стоп. Об этом также, по мнению авторов гипотезы, может свидетельствовать отсутствие отдельных костей скелета. После таких действий целостность могилы восстанавливалась до первоначального состояния [Флеров, 1989: 177–186; 1992: 29–32; 1998: 138].

Трудно сказать, насколько возможно достоверно установить такой обряд при реальных раскопках. Во всяком случае, собственный многолетний опыт раскопок говорит о том, что погребения всех времен и народов активно подвергаются воздействию различных видов землероев, нередко используются для устройства нор как мелкими, так и более крупными животными (лисы и т.п.). Доказать, что смещение отдельных костей скелета или даже их отсутствие является результатом такого обряда, практически невозможно. Однако вероятность такого объяснения вполне реальна. По представлениям алеутов, пока тело оставалось неповрежденным, оно продолжало быть членом родной общины и было потенциально опасно для человека, который убил его. Напротив, расчлененные тела теряют силу, заключенную в теле, и могут безнаказанно оскорбляться. Расчленение преследовало цель рассеять силу, заключенную в теле [Лафлин, 1981: 33–44].

По материалам раскопок огромного скифского могильника рядового населения на Мамий-горе большая часть погребений не ограблена или нарушена в ходе ограбления лишь частично. Здесь получены данные о времени и методах ограбления скифских курганов: 1) до разложения тканей и обвала свода; 2) до разложения тканей после обвала свода; 3) после разложения тканей. После ограбления захоронения иногда перекрывали более поздними скифскими или средневековыми захоронением. Ограбление происходило через входную яму, через свод или через гребитальский лаз со стороны [Тоцев, 1999; Андрух, 2000].

Д.В. Нелин говорит о неадекватности отражения термином «ограбление» причин и целей нарушения погребений эпохи бронзы, что справедливо и для иных эпох, в том числе и для скифских курганов. В синташтинской, петровской и алакульской культурах эпохи бронзы ограбленные погребения представляют значительную часть погребений. Из 192 синташтинских погребений потревожено (в т. ч. и норными животными) 47%. Из больших ям площадью около 13 м² ограблен 91%, из детских захоронений площадью 1,2 м² – 16%. Ограбления иногда носят странный характер, поскольку после них часто сохраняются крупные вещи. Нередко вторжения происходили еще в стоящую погребальную камеру, когда еще не полностью разложился скелет. По данным судебной медицины разложение мягких тканей с сохранением связок и хрящей может длиться от 3–6 месяцев до 1 года, полное скелетирование – от 1 года до 5 и более лет. Можно полагать, что в пустых, свободных от грунта камерах процессы разложения шли достаточно быстро. Таким образом, вторжение в камеру с не полностью разложившимся скелетом происходило в промежутке от 3 месяцев до 5 лет. Вторжение в могилу происходило по следующим причинам. 1) с целью изъятия вещей – собственно для ограбления, которое совершалось либо исключительно с меркантильной целью, либо для изъятия определенных вещей в ритуальных целях; 2) вторжение с целью разрушения тела также могло преследовать две цели: а) в рамках обряда обезвреживания покойного, что отчасти находит подтверждения в индоиранских ритуальных представлениях. В индийской традиции существовало представление, что души грешников, похороненных в земле, становились злыми духами. Как безгрешные могли погребаться в земле только святые и дети. У скифов обычай отрубать правые руки у принесенных в жертву пленников может объясняться стремлением помешать человеку вернуться после смерти для мести или равносильно изощренному надругательству над трупом злейшего врага [Дьямезиль, 1990: 192]. Однако эта гипотеза не объясняет всех фактов. Подавляющее большинство социально значимых захоронений ограблены, где вряд ли можно предполагать слишком большое количество грешников, как и многие детские захоронения; б) для освобождения души. Представление о необходимости быстрого и полного разрушения плоти для освобождения души

и последующей реинкарнации занимало важное место в индоиранской традиции. Для этого праиндоиранцы использовали огонь при кремации, или тело выставлялось в пустынном месте, где стервятники и хищники, питающиеся падалью, быстро пожирали его. В обряде ингумации такая цель могла достигаться намеренным разрушением нескелетированного трупа. При этом разрушалась часть тела, где содержалась душа, – прежде всего туловище. Примечательно, что предполагаемый срок вторжения в могилу – от 3 месяцев до 5 лет – совпадает с временным интервалом в 5 лет, в течение которого, по данным Авесты, тело умершего человека, лежащего на земле, смешивается с землей Дахмы – поля умерших [Нелин, 2001: 317–321].

А.С. Суразаков по материалам захоронений раннего железного века в Горном Алтае также выделяет несколько традиций. Наравне с обычным грабежом, имевшим место во все времена, выделяются и другие мотивы, такие как «осквернение захоронений», мстить ушедшему в иной мир человеку или какому-либо конкретному клану. При этом погребение может быть существенно потревожено, однако ценный инвентарь остается в захоронении. Сведения об этом обычае содержатся в древних китайских летописях, повествующих о действиях ухуаньцев относительно захоронений гунских вождей. В других случаях можно предполагать «обычай приобщения». Курганы всегда выступали символом связи соорудивших их с конкретной территорией, являясь своеобразным знаком собственности территории («земля предков»). Новые мигранты сооружали рядом свои курганы, либо погребали своих покойников в структуре более ранних сооружений, при этом, однако, не тревожа более ранние захоронения. Наконец, «обычай замещения» – когда в более ранние курганы на место предшественников укладывались свои покойники и при этом более древнее захоронение разрушалось частично или полностью. Чаще всего разрушалась верхняя часть скелета, а нижняя со всеми находившимися здесь вещами оставалась на месте [Суразаков, 1999: 171–173].

Существует также объяснение массовости ограблений курганов в скифское время, трактуемое погребальный обряд как длительный процесс, в ходе которого осуществляется периодическое активное физическое общение живых и мертвых, как это называется в север-

ных мифологиях, «путешествия к обитателям курганов» [Жук, 1990: 62; Савинов, 1992: 109; Курочкин, 1993: 30].

Являются ли грабительскими абсолютно необъяснимые с «грабительской» точки зрения ходы под Александрополем? В больших сакских курганах Казахстана обнаружены подобные ходы-штольни высотой до 2 м, современные захоронениям в курганах (могильник Уштобе курган № 3, Весшатырские курганы №№ 3 и 6 высотой 11,5 и 8 м). Они не связаны с погребениями. При этом они имеют сложную планировку, очень тщательно отделаны – входы оформлены бревенчатыми окладами, тщательно оформлены своды, устроены специальные ниши для светильников. По мысли Р.Б. Исмагилова, эти ходы служили местом проведения брачных действий как отражения концепции кругооборота жизни и смерти, символа единства жизни и смерти [Исмагилов, 1992: 34–35; Акишев, 1963: 62].

В целом, как справедливо писал К. Герц, «расхищение богатых гробниц уже в самой древности не есть черта исключительно принадлежащая нашей местности: оно подтверждается аналогичными примерами из финикийской, египетской и этрусской древности» [Герц, 1876: 5].

И действительно, свидетельства разграбления древних могил в истории более чем достаточно. Из 16 царских гробниц Ура III тыс. до н. э., исследованных Л. Вулди, уцелели от ограбления только две [Мильчик, 1967: 26].

История борьбы с расхитителями гробниц египетских фараонов и знати в Долине царей запечатлена в документах и дополнена информацией, добытой при археологических исследованиях. Знаменитые гигантские пирамиды фараонов IV династии (XXVII в. до н. э.) – Хеопса, Хефрена и Микерина – остались в истории единственными в своем роде гигантами. Вскоре после них постройка столь огромных пирамид стала редкостью, а затем и прекратилась вовсе, хотя последующие фараоны были не менее могущественными и обожествлялись даже в большей степени. Считается, что одной из причин отказа от сооружения грандиозных памятников была все возрастающая смелость грабителей. В связи с этим строители начали применять совершенно новые меры защиты – сооружение подземных гробниц или применение особых технических приемов в пирамидах. В пирамиде фараона Аменемхета XIX в. до н. э. вход в гробницу был размещен совершенно

с противоположной стороны, на пути к нему созданы искусственные препятствия – ложные ходы и т. п. И тем не менее, исследователь этой пирамиды У.Ф. Петри пришел к выводу о том, что грабители располагали точной информацией о ее конструкции, то есть ограбление совершено современниками фараона. Чиновники, руководившие постройкой, при сооружении некоторых гробниц, особенно частных лиц, намеренно оставляли проходы для грабителей. К началу XVIII династии (XVI в. до н. э.) в Египте не осталось почти ни одной не ограбленной царской усыпальницы. С этого времени начинают применять новые антиграбительские приемы. Аменхотеп I впервые выстроил отдельно стоящий поминальный храм над могилой, а сама гробница, без всяких внешних признаков на поверхности, была тайно размещена в отдаленных скалах в специально вырубленном туннеле (т. н. «сиринги»). Еще дальше в этом отношении пошел Тутмос I – храм и гробница находились по разные стороны хребта на расстоянии 2,5 км. Древний архитектор Инен, наблюдавший за постройкой, специально отметил тайность этой процедуры. Как полагал Г. Картер, сотня или более рабочих, строивших гробницу, для сохранения тайны были умерщвлены. Таким образом хоронили на протяжении XVIII–XX династий, но и это не привело положительного результата. В гробницу Тутанхамона грабители проникли уже через 10–15 лет. Тутмоса IV – всего через несколько лет. В последней гробнице грабители оставляли автографы. Последующие фараоны концентрировали свои гробницы в одном месте, в надежде, что наследники будут охранять не только свои, но и могилы предшественников. Но и это не помогало. Мумии царей пытались сохранить от осквернения и разграбления путем переноса их в другие гробницы. Мумия Рамсеса III не менее трех раз перемещалась с места на место. И эта практика осуществлялась достаточно широко. В конце концов, не менее 13 мумий фараонов были перенесены в гробницу Аменхотепа II, около 40 были извлечены из гробниц в Долине царей и перенесены за ее пределы в тайную гробницу в Дейр-эль-Бахри. После этого использование Долины царей в качестве места захоронения прекращается. Апогей грабежа приходится на время XX династии (XIII–XII вв. до н. э.). Сохранился папирус времени Рамсеса IX (1142–1123 гг. до н. э.), содержащий материалы судебного разбирательства по ограблению

гробниц царей, жрецов и частных лиц. К грабежу оказались причастными и начальники охраны Некрополя, и местный правитель нома. Через два года была арестована группа грабителей, состоявшая из «обслуживающего персонала» некрополя. И заключительный эпизод в этой истории уже относится к недавнему времени. Крупнейшее коллективное захоронение фараонов в Дейр-аль-Бахри было открыто археологами в 1875 г. по следам грабителей. В процессе расследования было установлено, что Абд-аль-Расул, нашедший гробницу, происходит из деревушки Курва, все жители которой являются профессиональными грабителями древностей. Здесь это ремесло передавалось по наследству чуть ли не с XIII в. до н. э. [Картер, 1959: 40–45; Керам, 1960: 142–165].

Разорение греческих могил самими греками зафиксировано с V в. до н. э. По свидетельству Фукидида, афиняне при Фемистокле при укреплении Пирея использовали много надгробных стел [Фукидид, I, 93, 2]. Однако подобные действия практиковались не только при экстраординарных обстоятельствах, но и в обычной жизни. Археологические данные по Греции и Северному Причерноморью показывают, что по прошествии около столетия для греков могилы предков уже не являлись святыней. Разорение некрополей, выражавшееся в их застройке, снятии надгробных памятников для вторичного использования, было вполне обычным явлением и совершалось даже в государственных масштабах. Имело место и использование для захоронений чужих склепов с предварительным очищением от костей прежних хозяев [Дашевская, 1994: 80–83].

Страбон писал о римских ветеранах, поселенных в Коринфе, тайком раскапывавших старинные могилы в погоне за древними предметами, которые можно было выгодно сбыть [Жебелев, 1923: 62]. Наемники Пирра галаты, захватившие Эги – старинную резиденцию македонских царей, – разрыли могилы царей, сокровища расхитили, а кости, осквернив, разбросали. Гробница Кира Персидского была разграблена одним из знатнейших граждан города Пеллы Полимахом, за что Александр Великий предал его казни. По-видимому, это явление было настолько типичным в древности, что на гробнице Кира была помещена надпись-обращение к будущему грабителю: «О человек, кто бы ты ни был и откуда бы ты ни явился, – ибо я знаю, что ты придеишь, – я, – Кир, создавший персидскую державу. Не лишай же меня той

горстки земли, которая покрывает мое тело» [Плутарх, 1963: 59, 444].

В середине XVIII в. академик Гмелин отмечал трепетное отношение у обороненного сибирского населения к древним могилам. Хотя им было известно о том, сколько драгоценностей добывалось в курганах русскими «бугровщиками», никто из них не собирался богатеть подобным образом. Суеверия прочно охраняли курганы от разграбления. В 1847 г. хакасы рассказывали о том, как академик Паллас в 1772 г. раскопал несколько курганов, чем вызвал падеж скота. То же наблюдал Е.Д. Фелицын в 1879 г. на Кавказе: бережное отношение к памятникам старины со стороны горцев и абсолютное варварство со стороны унаследовавших Закубанские земли казаков. У адыгов существовало поверье о том, что разрушение древних склепов вызывает мор и нечестья. Как утверждает А.А. Формозов, так было во всех частях света [Формозов, 1986: 116].

То же происходило и в причерноморских степях. Появление нового земледельческого населения, никакими традициями не связанного со степью, отчасти даже враждебного ей, вызвало такое же враждебное, потребительское отношение и к существовавшим здесь памятникам древности – курганам, каменным бабам и проч.

Следует отметить, что и к старинным христианским могилам отношение было столь же варварским. В 1709 г. отряды полковников Яковлева и Галагана, по приказу Петра I в отместку за измену кошевого атамана Головки в пользу Карла XII, уничтожили под корень Чертомлыцкую Сечь и находившееся при ней запорожское кладбище. Эти действия все же имеют какое-то объяснение – накал войны, кара за измену. Но на протяжении конца XVIII – первой половины XIX вв. все запорожские кладбища на Нижнем Днепре были разорены местными крестьянами, связанными с могилами каменные кресты для хозяйственных нужд, перекапывавшими могилы в поисках мифических сокровищ. Ко времени Д.И. Яворницкого сохранились нетронутыми считанные запорожские могилы [Запорожжя, 1995: 212, 225, 237, 272, 315–316, 326, 395]. И такое отношение существовало не только на Нижнем Днепре. В с. Пархомовка Харьковской губернии на кладбище существовали старинные могилы, по-видимому, также казацких времен, в которых время от времени находили кварталы с водкой. В селе существовал специалист по поиску

именно таких могил с водкой Мусий Ткаченко [АЛЮР, 1901: 224].

В 1920-х гг., после нарезки земли селянам, отмечался новый всплеск массового грабежа курганов. Есть документы той поры, согласно которым в 1926 г. в Кременчугском округе происходило массовое ограбление курганов и городищ, приобретшее эпидемический характер. Самовольными раскопками были захвачены как отдельные лица, так и целые общества. Копали и днем и ночью по каким-то «кубанским плавам», которые распространялись неизвестными приезжими. Цель – найти бочки с золотом и казацкое оружие. В ряде случаев представители власти попадали под обстрел со стороны раскопщиков. Раскопки также производились и с более прагматическими целями – добыть подходящую посуду, кирпич для печи, найти глину для изготовления черепицы, вывезти грунт из курганов для подсыпки дорог и различных строений, снести курганы только потому, что при новой нарезке по ним прошли дороги. Сносились неназанные курганы на новых участках, поскольку за них

налог все равно нужно платить. Решительными действиями властей незаконные действия были пресечены [Чаркова, 1998: 121–123].

Новая и, пожалуй, наиболее трагическая страница в истории ограбления древностей Украины открылась в наши дни. В средствах массовой информации регулярно появляются сообщения об уничтожении и ограблении памятников древности. Зарубежные аукционы постоянно пополняются вещами из Северного Причерноморья. Появились и новые коллекционеры, скупающие награбленное и при этом выставляющие себя в роли благодетелей нации. Но ведь согласно украинскому законодательству археологические памятники являются собственностью государства. А скупка краденого всегда оставалась противозаконным деянием, подпадающим под действие уголовного кодекса, какими бы красивыми словами оно не маскировалось. На современном этапе грабеж ведется на высоком организационном уровне, с помощью современной поисковой аппаратуры, людьми со специальным высшим образованием [Супруненко, 2000].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1986, 1991–1992 гг. в районе г. Орджоникидзе Днепропетровской обл. под руководством В.Н. Мозолевого были исследованы курганы высшей скифской знати Водяна, Бабина и Соболева могилы, представляющие колоссальный научный интерес. Материалы этих курганов вносят много нового буквально по всем вопросам скифской археологии и истории. Материалы по структуре насыпей курганов позволяют более реалистично подойти к пониманию вопроса о продолжительности строительства таких курганов, реконструкции внешнего вида курганов в целом. Особый интерес представляют выдающиеся находки из этих курганов, во многих случаях раскрывающие различные новые стороны скифской идеологии и быта.

Доказано вхождение данного района в скифский Геррос – легендарное место захоронения скифских царей Геродота. Традиция захоронения в этом регионе скифских царей и знати, сложившаяся около середины V в. до н. э., в середине – третьей четверти IV в. до н. э. приобретает совершенно гипертрофированные формы. Именно в этот короткий промежуток времени сооружается подавляющее большинство курганов высшей скифской знати, в том числе и знаменитые курганы-гиганты 20-метровой высоты – Александрополь, Чертомыль, Огуз, а также основная масса курганов высотой 5–15 м. Уточнение хронологии курганов Северного Причерноморья показывает, что этот процесс прекращается очень быстро. Позднейшие из курганов высшей скифской знати и царей сооружаются не позднее первой половины последней четверти IV в. до н. э., что очень точно согласуется с последним упоминанием о скифах в 310/309 гг. до н. э., об их участии в войне за боспорский престол. Отдельные курганы рядового скифского населения продолжали сооружаться, по-видимому, вплоть до начала III в. до н. э. Однако не позднее конца первой

четверти – трети III в. до н. э. Великая Скифия Причерноморских степей прекращает свое существование.

И только в первой половине II в. до н. э. на Нижнем Днепре и Дунае, а также в предгорном Крыму фиксируется существование Малых Скифий, представленных в Крымско-Днепровском регионе достаточно многочисленными городищами и могильниками. Однако это уже принципиально новая культура оседлых земледельцев и скотоводов, сохраняющая преемственность от культуры скифов IV в. до н. э. лишь по отдельным категориям материальной культуры. Такой новационный характер позднескифской культуры привел некоторых исследователей к отрицанию ее скифской принадлежности, что представляется поспешным. Все-таки это культура скифская, но на качественно ином хозяйственном уровне и в абсолютно новом этно-культурном окружении, придавшем ей совершенно отличный от прежнего колорит.

Попытки связать эти перемены с сарматским вторжением в Северное Причерноморье, несмотря на многочисленность сторонников этой гипотезы, не имеют под собой фактических оснований. Теория набегов, якобы осуществлявшихся в Северное Причерноморье из Нижнего Поволжья-Приуралья, ни в малейшей мере не объясняет практически одновременного прекращения существования населения степи и лесостепи Северного Причерноморья. Более того, есть основания полагать, что аналогичные изменения происходили на всем протяжении Великого Евразийского пояса степей, где в это время происходит смена всех предшествующих культур. По-видимому, сарматы в этот период переживали не меньше потрясения, чем скифы. Такие всеобщие изменения могли быть вызваны только причинами глобального порядка, такими как, например, климатические колебания.

SUMMARY

Supreme Scythian nobility barrows named as Vodyana, Babina, and Soboleva mogyla were investigated in 1986 and 1991-1992 under the direction of B.N. Mozolevskiy in the area of Ordzhonikidze town, Dnepropetrovsk region, Ukraine. Materials from these kurhans are of great scientific interest. These burial-mounds are located within a constellation of row of the largest and richest Scythian barrows, among which are well-known Chertomlyk, Tolstaya Mogyla, Alexandropol' and many others (Fig.1).

VODYANA MOGYLA. The kurhan of Vodyana Mogyla was situated near the village of Kamenka, Apostolovski district of Dnepropetrovsk region. The height and diameter of the barrow during excavations constituted, respectively, 6.5 and 60 m. Initial height of the kurhan is estimated as ca. 8 m. On its base the barrow was surrounded by wall constructed of natural stones and by circular ditch with diameter of 70 m and depth of 1.5-2.0 m. Menhir was erected on the top of the barrow. The main tomb of Vodyana Mogyla contained double man and woman burial and was accompanied by burials of horseman and two horses accomplished in separate pits. The mound of this barrow had complex structure. Five stages of construction were traced; fragments of sod were used during all stages. The main tomb was plundered twice, during Scythian times and in XIX-th century. Survived funerary goods include Greek amphorae, armament items, horse bridle ornaments etc. Evidence of funeral feast was recorded in the ditch. Fragments of 32 Greek amphorae, river pebbles, and bones of horse, bull and red deer were recovered here (Fig. 2-25; Tab. 2).

BABYNA MOGYLA. The kurhan of Babyna Mogyla was located near the village of Tarasogrygorevka, Apostolovski district of Dnepropetrovsk region. During the excavations the diameter and height of the kurhan constitute, respectively, 60 and 8.15 m, though its initial height was no less than 10 meters. This kurhan was named after Scythian anthropomorphic stele survived on the top of barrow till XIX century A.D. Polovetsi

sanctuary was functioned at the top of kurhan in XI-XII centuries A.D.

Babyna Mogyla was erected in the third quarter of the fourth century BC through three phases, separated by short intervals of time and associated with distinct burials. Sod was used during all phases of barrow construction; each phase is marked by circular stone wall, 1.3 to 1.8 meters high and 1 meter wide. The initial woman burial accompanying by servant was accomplished in the center of kurhan. Concentration of bronze ornamentation of funerary cart recovered in the mound is distinctly associated with this burial. The next burial was characterized by long dromos (corridor) that was entered into the kurhan from the north-east. Remains of man and woman accompanied by servants and two horses were recovered in single chamber. The latest was the burial of man.

The kurhan of Babyna Mogyla was encircled by ditch of approximately 72 meters in diameter. Passages enabling access of funerary procession to burials and kurhan were traced in the western and eastern sections of this ditch. Evidence of funerary feast was discovered in the ditch and contained fragments of Attic black-glazed pottery, grindstone, fragment of stone dish, series of bronze cart ornaments, bronze items of horse bridles and harnesses, sherds of more than 90 Greek amphorae, river pebbles, and animal bones belonged to horse, bull, sheep, dog, deer, and wild boar. Remains of human offering was also discovered and includes bones of hand.

The kurhan was plundered twice. The first loot took place soon after the accomplishing of the latest burial, into which the robbers come through its entrance chamber. Accuracy of location of robbers hole suggests they were familiar with exact peculiarities and plan of burial construction and were even probably directly participated in funeral ceremony. Second grabbing was undertaken in the XIX-th century through vertical shaft downed from the top of the kurhan. Gold decoration of headgear and garment, highly

artistic silver bridle plaques, armament items, remains of various household goods like Greek amphorae and handmade pottery were survived in graves even after these two robberies (Fig. 26-75; Tab. 3-11).

SOBOLEVA MOGYLA was located near the village of Gorniat'skoye, Nikopol' district of Dnepropetrovsk region. Soboleva Mogyla, with diameter of 50 meters and height of 6 meters, was constructed of sod during the third quarter of the fourth century BC. Construction was carried out in three phases, each of which is associated with male burial (# 1, 2, and 5). The remainder kurhan burials are represented by woman (# 3), adolescent (# 6), accompanying burials of three servants (# 4, 7, 8), and bridled horse (# 2A).

Circular ditch around the kurhan contained fragments of 24 Greek amphorae, obviously used in the funerary feast, and horse, ox, dog, and wild boar bones.

The majority of graves were plundered twice, for the first time not too long after the funerary ceremonies and presumably by people who directly took part in funeral. However, one of male burials (# 2) survived intact and yields numerous grave goods. Adolescent burial (# 6) was also survived safely. Massive silver bridle decorations and Greek silver wine vessel fortunately appeared unnoticed by robbers in the female burial (# 3). On the top of the kurhan in eleventh or twelfth centuries A.D. erected stone sculpture of warrior was erected by Polovetsi (Fig. 76-120; Tab. 13-22).

Records from Vodysna, Babina, and Soboleva mogyla sufficiently add to current knowledge on virtually all questions of Scythian archeology and history. Information gained on peculiarities of construction of barrow embankments allows to elaborate detail and more realistic approach to the restoration of duration of construction of such kurhans and to reconstruct more objectively the exterior of these kind of barrows in general. Special interest deserve the outstanding finds from these barrows, in many cases shed light on different new aspects of Scythian ideology and way of life.

There is convincing evidence to refer the area of localization of reported kurhans to the legendary Scythian Gerros, i. e. to the described by Herodot burial-place of Scythian tsars. Tradition of burial of Scythian tsars and nobility in this area was formed somewhere in the middle of V-th century BC and obtain completely hypertrophied forms in the middle and the third quarter of IV-th century BC. The overwhelming majority of barrows of supreme Scythian nobility - including such well-known kurhan-giants of

20-meter height as Alexandropol', Chertomlyk, and Oguz - was erected just in this short period of time. Elaboration of precise chronology of Black Sea North Littoral barrows demonstrates rapid termination of this process. The latest barrows of supreme Scythian nobility and tsars were constructed not later than the first half of the last quarter of IV-th century BC. This data is in complete accordance with the last historical mention of Scythians under 310/309 yr. BC in respect of their participation in war for Bosphorus throne. As it seems, isolated barrows of ordinary Scythian people were continued to be constructed till the beginning of III-d century BC. However, the Great Scythia of Black Sea North Littoral steppe came out existence no later than the first quarter or first third of III-d century BC.

Rather numerous hillforts and cemeteries reported for the Crimea and Lower Dnieper points to existence of Small Scythias in the area of Crimean foothills and Dnieper-Danubian interfluvium in the first half of II-d century BC. Nevertheless, this principally new culture of settled farmers and hardaman retains similarity with Scythian culture of IV-th century BC only by few categories of material culture. Highly innovative character of the late Scythian culture allowed certain scholars to express - to our point somewhat premature - negativism in respect of its Scythian affiliation. Late Scythian culture demonstrates qualitatively new economic base and was survived under the terms of principally different ethno-cultural environment. These significant differences evidently add to original and distinct appearance of this culture which remains, nevertheless, still Scythian.

There are no grounds to suggest any correlation between the changes in Scythian culture and Sarmatian invasion into the steppes of Black Sea North Littoral, though this point of view has numerous advocates. The theory of incursions purport to be conducted from the Lower Volga and Southern Ural into the Black Sea North Littoral, in a slightest measure can explain virtually simultaneous disappearance of Black Sea North Littoral steppe and forest-steppe population. Besides, there are all grounds to assume the similar changes took place throughout the whole space of the Great Eurasian belt of steppe and forest-steppe where radical changes of preceding cultures were occurred exactly in this time. Apparently, Sarmatians during this period were pressed no less than Scythians. Such global changes might be caused only by global reasons, e.g. by climatic fluctuations.

ИНДЕКС

- Абдзехская, станция 26
Абд-аль-Расул 444
Абхаз Е. 18
Абрамов А.И. 325-327, 338, 363, 410, 516, 536
Абрамова М.П. 536
Ава 304, 516
Авеста 442
Аврам А. 325, 328
Австро-Венгрия 52, 57, 221
Агнос Атанасиос 514
Аджигюль 316
Аджигюль 510, 518, 547
Аджикушская 331, 358
Адигея 208, 538, 566
Ал-Алаха 278, 274, 563
Ал-Бурун 21, 25
Алишев К.А. 246, 278, 299, 337, 443, 536
Ал-мечеть 21, 25
Алсютинцы 21, 209, 333, 335
Алдыбальская культура 246
Александр I 227, 440
Александр Македонский 308, 309, 311, 313, 314, 328, 343, 356, 368, 372, 375, 392, 396, 398, 399, 403-405, 407, 409, 410, 444, 540, 541, 547, 562
Александрия 324, 326, 328, 367
Александровск 18, 52, 336, 558
Александровское 52, 334, 335, 561
Александровка, с. 50, 57, 63, 207, 425
Александрополь 21, 32, 30, 31, 198, 221, 239, 243, 256, 260, 277, 292, 298, 300, 302, 303, 306-308, 313, 315-319, 323, 331, 332, 340, 344, 350, 355, 358, 359, 360, 361, 373-375, 393, 431, 432, 434, 443, 458, 471, 472, 479, 480, 482
Александропольский курган 22, 28, 30, 35, 197, 198, 200, 206, 210, 219, 223, 231, 232, 241-243, 260, 277, 279, 282, 288, 306, 317-319, 322, 331-333, 346, 350, 351, 354, 355, 358-361, 366, 367, 373, 379, 392, 431, 446, 459, 474, 476, 478-480, 482, 483, 506, 507, 509, 511, 512, 516, 517, 536, 537, 541, 553, 557, 569
Алексеев А.Ю. 28, 207, 304, 315, 319, 324, 328, 329, 332, 340, 346, 361-377, 379, 380, 390, 392-394, 409, 457, 467, 470, 476, 503, 504, 506, 507, 509, 512, 513, 516-518, 536, 570, 571
Алексеев В.П. 536
Алексеева Е. 457, 557
Алексеевский ядвиз 44
Алкалия 211, 567
Алтай 199, 246, 252, 254, 268, 273, 275, 299, 338, 339, 424-426, 430, 442, 555, 557, 564, 567
Альма 25
Амшонок 303, 504, 508, 510, 512
Аменмахет 443
Амсахотел 338, 443
Анапа 26, 313
Андроновская станция 26
Анновка 199
Анохия В.А. 314, 362, 365, 371, 388, 389, 391, 393-395, 397, 399, 400, 401, 403, 406, 537, 570
Антонович В.Б. 429, 439
Антонич Е.М. 10, 41
Апан-Сарча 333
Аполлоид 322, 374, 380, 381, 383, 390
Апостолово 232
Апсее 322, 374
Ашперонская, станция 26
Арей, Арес 45, 206, 293, 294, 539
Аретон 328, 329, 364
Аржан 246, 273, 411, 412, 416, 544, 565
Арзос 510, 514
Аристон 329, 386, 388, 389
Армавир 26, 548, 558, 559, 565, 566
Арриан 311, 370
Армазово М.И. 19, 29, 311, 313, 315, 316, 331, 335, 343, 345, 365, 370, 374, 427, 471, 537
Артемид 351
Архангельская Слобода 21, 210, 349, 471, 472, 479, 483, 495
Артахово 275
Атей 343, 344, 348, 362, 365, 537, 548
Аттила 213
Аттила 324, 384
Афанасий Тужбинский Н.А. 227, 538
Афина 308, 309, 315, 372, 375, 505, 506, 512
Афинская Агора 309, 325, 361, 368, 369, 372, 375-377, 514
Афинская станция 26
Алмеров Р.В. 381, 392
Баба, курган 21, 24, 43, 93, 222, 223, 232, 344, 536
Бабина Могила 7, 8, 12, 15, 20, 21, 36, 46, 47, 71, 93-105, 108-115, 117-121, 123-129, 131, 133-141, 196, 201, 219, 223, 224, 227-229, 232, 234, 235, 238, 239, 243, 256, 267, 270-273, 276, 278-280, 285-287, 291-294, 297, 298, 300, 301, 303, 304, 306-308, 311-319, 321-324, 330-333, 345, 346, 361, 354-356, 358-361, 375, 378, 410, 417-420, 423, 446, 455, 460, 476, 477, 479, 480, 493, 502-507, 509, 511, 512, 517, 528-531, 557, 565
Бакро Д. 440
Башаклук 18, 33-35, 38, 46-48, 50, 51, 57, 68, 71, 200, 221, 270, 277
Башаклучок 71, 277
Балабанова М.А. 480, 538
Балабаты 203
Балейские о-ва 326, 377
Балчанская А. 325, 538
Балканы 410, 425, 512, 519
Балки 10, 32, 202, 208, 215, 222, 231, 241, 293, 519, 560
Балонин Ф.Р. 208, 209, 294, 538
Баран В.Д. 41
Баран Я.В. 457, 561
Баранов Н.А. 213, 538
Барберо 203, 428, 538
Бастис Ч.Г. 504

- Батуревич Е.Ю. 457
 Бельый 214
 Бельякина Могила 277
 Башадарские курганы 246, 252, 274, 337-339
 Башкирия 278
 Башмача 21, 24, 43, 201, 206, 210, 219, 223, 247, 261, 282, 300, 302, 332, 333, 345, 366, 367, 433, 542, 567
 Баштановка 205
 Беглицкий некрополь 322, 374
 Бекетова В.М. 538
 Белая Могила 217, 220
 Белая Куманья 230
 Бельяное 202, 203, 224, 241, 247
 Беллерфонг 504
 Белов А.Ф. 252, 294
 Белогородские курганы 21
 Белогордец 225, 338
 Белогрудовский лес 224
 Белоэ 26
 Белоэерна 224, 251
 Белоэерскан культура 206, 207, 219, 276, 427, 483, 538
 Белоэерский могильник 306, 333, 567
 Белзор Н.П. 15, 16, 20, 144, 457, 551, 557
 Белозильское поле 197
 Белоречевская ставка 26
 Бельское городище 273, 428, 573
 Бенешуто Челлини 312, 570
 Берда 215, 218, 222
 Бердянский курган 21, 198, 211, 215, 222, 248-251, 278, 296, 296, 296, 304, 306, 317, 318, 320, 332, 333, 338, 339, 345, 354, 355, 358, 360-362, 369, 425, 469, 472, 474, 475, 477-480, 483, 495, 515, 518, 540, 558, 562, 569-571
 Березавская С.С. 204-206, 427, 538
 Березкин А.П. 308
 Березнеговатов 197
 Березовец Д.Т. 33, 427, 538
 Берислав 218, 227
 Бертоэ Деласард А. 394, 396, 399-402, 405, 406, 408, 409, 426, 434, 435, 538
 Бесланевская станция 26
 Бесчастная Могила 202
 Бештырские курганы 245, 442
 Беш-Оба 21, 326, 550
 Безр А. 430
 Баба П. 50
 Библикова В.И. 41, 253, 273, 290, 291, 457, 458, 539
 Видица В.И. 10, 13, 14, 35, 37, 41, 202, 208, 241, 242, 287, 320, 355, 464, 465, 539, 553, 559
 Блаватский В.Д. 406, 539
 БМСК 204, 205
 Бобриня 21, 316, 343, 363
 Бобушка 44, 45, 453, 563
 Богданов С.В. 237, 539
 Богданова Н.А. 226, 451, 539
 Богдановка 38, 41, 428
 Боглянский А.В. 41
 Болгария 205, 225, 230, 244, 246, 311, 337, 341, 405
 Болтрак Ю.В. 13, 14, 26, 198, 206, 222, 243, 247, 249, 251, 252, 264, 265, 276, 293, 305, 306, 317, 318, 320, 321, 331, 332, 354, 362, 367, 368, 371, 373, 431, 438, 465, 471, 483, 539, 540, 552, 553, 559, 560, 567, 571
 Большая Александровка 208
 Большая Белоэерка 25, 27, 352, 369, 469, 518
 Большая Близица 21, 25, 313, 330-333, 340, 351, 358-362, 364, 366-369, 372, 373, 506, 509, 561, 563
 Большая Знаменка 25, 27, 210, 299
 Большая Могила 198, 222
 Большая Цембалка 21, 25, 210, 232, 243, 373, 411, 424, 507
 Большая Яблоновка 239
 Большенихайловка 276
 Большой курган 28, 262, 277, 282, 437, 554
 Большой Рыжиковский курган 509, 511, 513, 517, 566, 572
 Бон А. и М. 328
 Бондаренко Д.Я. 219, 457
 Бондаренко И.М. 549
 Бондаренко Ф.С. 43, 457
 Бондарь 47, 305
 Бондарь Н.Н. 537, 540
 Бондарь Р.Д. 549
 Бони 45, 502
 Боняк 230
 Бонлан Г. 217, 540
 Борисова В.В. 380-382, 385, 389, 390, 392, 540
 Борисовка 205
 Бористопь 548
 Бористопьские курганы
 Борисфен 311, 538
 Бородецкий А.П. 339, 340, 540
 Воспор 313, 314, 331, 341, 343, 353, 367, 369, 392, 396, 398, 399, 403-407, 410, 512, 537, 538, 540, 542, 544, 547, 548, 550, 551, 556, 564, 570, 572
 ВОФ 35, 333, 355, 450
 Бонкареэ В.С. 36, 572
 Бранденбург Н.Е. 228, 231, 236, 424, 540, 543, 546, 583
 Братолюбивский курган 21, 221, 234, 235, 278, 285-287, 344, 345, 515-518, 552
 Братченко С.Н. 36, 567
 Браун Ф. 27, 30, 202, 261, 280, 282, 301-303, 314, 316, 371, 419, 540
 Браунер А.А. 290, 540
 Брашицкий Н.Б. 29, 32, 79, 239, 291, 321-323, 325, 327-329, 358, 361-365, 370, 373-375, 378, 383-385, 406, 439, 440, 540, 541
 Бредэ К.А. 33, 541
 Брилевка 211
 Брун Ф. 29, 541
 Брунетто д'Уэсо 51-53
 Брюсов А.Я. 29
 Бугай В.М. 43
 Будки 341
 Бужилова А.П. 473, 474, 541
 Буйских А.В. 8
 Букрин 343
 Булаховка 201
 Бурнак В.В. 462, 470, 477, 554
 Бурляк Е.П. 15, 33, 35, 38, 198, 295, 457, 482, 541, 551, 558, 562, 570, 571
 Бурацкое П. 197, 203, 236, 391, 397, 400, 424, 425, 538, 541
 Бурсучень 215, 538
 Бухтеев М. 22, 23, 200, 243, 260, 282, 541
 Буччино 517
 Байнштейн С.И. 336, 541
 Ван-дер-Вейде 439
 Вани 504, 514, 554, 571

- Ванчуров В.П. 306, 207
 Варениковская станция 25
 Васильенко В.А. 363, 386, 541
 Васильенко В.А. 15, 16, 144, 457, 557
 Васильевна 212, 284
 Васильков 197
 Васильченко С.А. 537, 540
 Великая Белозерка 560
 Великая Греция 324, 505
 Великая Знаменка 476, 516, 560
 Великая Яблоновка 21
 Великие Будки 343
 Великодальнее 197
 Величко М.Е. 43, 457
 Вербица, курган 304, 510
 Вергина 314, 341, 348, 353, 369, 502, 510, 514, 537, 554
 Верещаго С. 25
 Вертикаль Н. 29, 542
 Верхнеднепровск 22
 Верхне-Тарасовка 473, 541
 Верхний Рогачик 21, 27, 206, 210, 223, 282, 305, 311, 326, 331, 332, 359, 356, 367, 373, 392, 430
 Верхний хутор 507
 Веселовский Н.И. 25-28, 30, 31, 35, 198, 207-209, 219, 223, 227, 228, 231, 232, 237-239, 247, 248, 260, 261, 277, 281, 282, 296, 307, 315, 335, 348, 416, 419, 423, 424, 430, 438, 542, 543, 553, 560, 569, 574
 Ветштейн Р.И. 33, 542
 Водяев М.Ф. 68, 70
 Византий
 Виноградное Ю.Г. 328, 364, 365, 367, 369, 542, 568
 Виноградовка 211
 Висуня 197
 Витт В.О. 353, 390, 542
 Витца 513
 Вишневая Могила 21, 36, 243, 251, 252, 280, 366, 465, 466, 477, 479, 480, 493
 Вишневская О.А. 337, 542
 Владимировка 25, 243, 247, 248, 288, 291, 326, 332, 334, 355, 359, 462, 477-479, 483, 519, 570
 Владычье 211
 Власова Е.В. 343-345, 411, 511, 515, 516, 519, 542
 Волк Ф. 435, 565
 Водославка 36, 248, 317, 318, 342, 351, 353, 354, 358
 Водная балка 219
 Водяна Могила 7, 8, 12, 20, 21, 36, 46, 47, 71, 73, 75-77, 79, 9, 98, 120, 148, 202, 219, 224, 229, 232, 239, 264, 267, 268, 271, 272, 279, 286, 287, 291, 293, 294, 297, 300, 301, 302, 319, 320, 324, 326-329, 347, 354, 356, 357, 361, 364, 376, 377, 379, 387, 416, 417, 423, 446, 455, 460, 472, 479, 483, 493, 565
 Водяные курганы 30
 Воздвиженская, станция 26
 Воскресенский курган 198
 Волкобой 47, 219, 261, 347, 433
 Волковы 21, 309, 239, 298, 307, 335, 338, 343, 369, 414-416
 Волосский хутор 198
 Волошское 202
 Волчанск 248, 296, 296, 355
 Вольная Г.И. 542
 Вольная Украина 21, 283, 286, 350, 360
 Ворона 201
 Воронеж 255, 256, 547, 551
 Воронежские курганы 21
 Воронежская станция 21
 Воронцов М.С. 22
 Врагель 143
 Всеволодский С. 22, 226
 Всеволодский Н.С. 542
 Вудки Л. 443
 Выводово 247
 Высшая Могила 202, 208, 222, 241, 242, 539
 Высокое 31
 Вязь 18
 Вюрцбург 505
 Вяземский А.А. 50
 Гаврилов А.В. 354, 355, 542
 Гаврилов Н.А. 290, 341, 355, 542
 Гагарин, южная 429
 Гайманова Могила 10, 13, 21, 31, 36, 39, 206, 210, 232, 234, 239, 243, 247, 286, 287, 293, 295, 296, 303, 304, 317, 318, 329-333, 336, 340, 342-345, 354, 358-361, 365, 371, 373, 378, 379, 413, 415, 433, 464, 465, 474, 475, 477, 479-483, 495, 509, 511-513, 517, 539
 Гайманка 479, 482
 Галаган 444
 Галаганка 223
 Галаганка Л.К. 27, 28, 208, 244, 332, 336, 338, 347, 353-355, 362, 363, 373, 424, 439, 543
 Галуццано 303
 Галица О.Д. 41
 Гаришченко А.И. 226
 Гарлан Н. 81, 323, 327, 328, 364, 387, 543
 Гарман Е. 439, 543
 Гаставенская станция 26
 Гетелина Могила 30
 Геманг В.В. 457, 543
 Геманг В.Ф. 44, 543
 Герман 129, 122, 133, 134, 141-143, 304, 306, 311-314, 316, 356, 502-504, 506, 508-510, 512, 529-531, 543, 544, 565
 Германья 157, 158, 169, 291, 311, 327, 329, 357, 385, 388, 389, 504, 549, 563
 Гераськова Л.С. 226, 228, 230, 543
 Геремесов курган 219
 Геремесовская Ближница 23
 Герсе Г. 45, 457
 Геродот 3, 17-20, 41, 76, 207, 208, 253, 268, 275, 293-294, 297-299, 301, 335, 340, 379, 383, 386, 388-390, 392, 425, 426, 446, 473, 539, 544, 545, 558, 559, 571
 Героевское 25
 Геррен А. 18
 Герры, Герр, Геррос 3, 14, 15, 17-20, 22-24, 35, 42, 213, 299, 446, 557
 Герц К. 405, 427, 443, 543
 Гетя 311, 545
 Гнигоская станция 26
 Гнило 322
 Гилевич А.М. 543
 Гилей 313
 Гиль Х.Х. 391, 393, 396, 397, 400, 403, 408, 543
 Гильденштедт 217
 Гипакрис 17
 Гиподамия 506
 Глевах 21, 36, 210, 567

- Гмелли 444
 Гойты 298, 355
 Голла Пристань 218
 Големко В.К. 405, 543
 Головки 444
 Головкина Н.Н. 543
 Головоковка 225, 356, 562
 Гомер 313
 Горняшина 298, 551
 Горгоша 122, 142, 315, 379, 509
 Горностаевка 25
 Горняцкий 61, 352
 Горняцкий 41, 48, 51, 61, 143
 Горовенко Р.Ф. 33
 Горохниц 51, 61
 Горохцов В.А. 19, 27, 30-33, 46, 227, 231, 236, 237, 260, 276, 543, 558
 Гурьян 314
 Гюстра Могилы 31, 239
 Гушлевич В.И. 219, 223, 432, 434, 543
 Граков Б.И. 239, 262, 280, 288, 290, 294, 298, 303, 319, 365, 375, 425-427, 542-544, 554, 555, 563, 568
 Грач А.Д. 246, 254, 275, 294, 299, 314, 329, 341, 342, 364, 511, 517-519, 544
 Грач Н.Л. 342, 544, 548
 Грачев А.В. 457
 Гречановка 198
 Гречковка 256
 Григорьев В. 198, 221, 544
 Григорьева Г.В. 457
 Гриневич К.Э. 441
 Грицова Могилы 220
 Гросс Ф.И. 25
 Грушевка 21, 339
 Гройс В. 324-328, 357, 384
 Грязнов М.П. 198, 199, 237, 246, 252, 425, 539, 544, 565
 Губская станция 26
 Гуляев В.И. 316, 335, 352, 473, 544
 Гупты 3, 213, 441, 442
 Гурийская станция 26
 Гущина Н.И. 27, 544
 Гыновка 243, 251, 280-317, 318, 354, 355, 368, 465, 467-469, 472, 475-480, 483, 495

 Даблагони 514, 568
 Давида Галицкий 214
 Данилова Е.И. 470
 Дарий Гистопы 17, 562
 Дашевская О.Д. 30, 441, 444, 544
 Дзугорбая Могилы 21, 198, 211, 222, 249, 271, 285, 293, 320, 362, 563
 Дебидур М. 328, 388
 Де Гролмонд Н. 325
 Дедова Могилы 45, 463
 Деза курган 21, 25-27, 211, 220, 243, 280, 282, 300, 330-333, 346, 350, 355, 358-361, 367, 369, 371, 375, 379, 392, 516
 Дейр-эль-Бахри 443, 444
 Деканчикова Ю.А. 8
 Де-Люк 215, 545
 Демидов А. 545
 Демидов Н. 226, 429
 Демосфен 406

 Демьяненко Ф.С. 60-63
 Дендрит 308
 Демисова Могилы 7, 11, 21, 41, 219, 317, 318, 330, 331, 345, 355, 358, 352, 379, 452, 514, 565
 Дерзени 502, 510
 Дерзьянко Г.А. 41, 457
 Дзюгутевская станция 26
 Джосер 241
 Дьямант Э.И. 401, 404, 407, 408, 545
 Дивизия 211, 567
 Димчис П. 313
 Дионис 304, 308, 358, 507
 Диоскурид 503
 Дирова Могилы 220
 Диррахий 504, 505
 Дистрай Полворки 311
 Дмитров Л.Д. 29, 30, 197, 438, 548
 Дмухайловка 211
 Днепр 17-20, 23, 25, 29, 31-34, 42, 46, 50, 52, 56, 57, 198, 199, 201, 213, 215, 217, 218, 222, 226, 230, 243, 247, 317, 338, 389, 427, 444, 446, 460, 473, 538, 540, 544, 550, 558, 561, 562, 566, 571
 Днепровка 206
 Днепровские пороги 18
 Днепродзержинск 39
 Днепронетровск 57, 68-70, 202, 217, 537, 542, 545, 550, 551, 556, 558, 583, 584
 Днепрорудный 32
 Днестр 197, 198, 202, 213, 221, 223, 227, 236, 311, 481, 482, 544, 545, 561, 572
 Добровольский А. 201, 545
 Добровольский Г. 9
 Добрыцкий А.О. 214-216, 230, 236, 538, 544, 545, 567
 Добруджа 311
 Добрынин А.Е. 68
 Добрынская О.Ю. 457
 Доватур А.И. 19, 293, 299, 424, 474, 545
 Довга Могилы 16, 203, 220, 250, 557
 Довженко Н.Д. 224, 545, 572
 Додова Могилы 220
 Долгая Могилы 30, 41, 205, 206, 222, 234, 453
 Долгишицево 51
 Долна Косница 304, 305, 311, 315
 Долгер В.А. 51, 68, 69
 Домнина Могилы 220
 Дон 19, 25, 26, 201, 203, 211, 223, 227, 228, 246, 248, 249, 276, 296, 302, 343, 379, 428, 433, 441, 540, 541, 543, 544, 550, 551, 553, 555, 565, 570, 572, 573
 Дондуковская станция 26
 Дракулы 212, 215, 216
 Дрива Кохта 13, 41, 43
 Дубацкая Н.Д. 29
 Дубовская С.Р. 19, 207, 336-338, 546
 Дуванлы 510, 569
 Дулчаны 21, 36, 247, 265, 278, 285, 570
 Дулебы 345
 Думберг К.Е. 26, 440
 Дунай 19, 201-203, 205, 207, 212, 278, 311, 344, 427, 446, 544, 571, 572
 Душман Могилы 220
 Дурная Могилы 220
 Дуровка 332, 337, 343, 345, 515-517
 Дибрикс П. 440

- Евдокимов Г.Л. 28, 41, 206, 211, 225, 229, 232-235, 247, 262, 265, 275, 278, 285, 292, 321, 336, 337, 347, 352, 354, 355, 430, 457, 546, 559
- Евмел 398, 399, 406, 407
- Евпаторийский налс 326, 327, 382, 386-390, 550
- Евпатория 25, 550, 561
- Ейск 9
- Екатерина I 429
- Екатерина II 22, 50
- Екатеринослав 18, 30, 35, 50, 69, 70, 198, 219, 545, 548, 553, 558, 559
- Елизаветинское городище 249, 328, 363, 378, 381, 383-385, 389, 549, 555, 569
- Елизаветинская станция 25, 335, 348, 352
- Елизаветовский мог-к 246, 248, 296, 322, 374, 375, 378, 572
- Ефремовка 220, 342
- Желтецкая 46
- Желтокаменка 15, 21, 36, 41-43, 47, 75, 106, 200, 202, 210, 238, 247, 262, 263, 267-269, 272, 285, 290, 293, 297, 300-311, 319, 323, 332, 333, 346, 359-361, 364, 371, 373, 379, 433, 452, 459, 460, 471, 475, 478-480, 483, 551, 557
- Желтокаменная (Толстая) Могила 7, 11, 12, 42, 47, 93, 245, 269, 504
- Жилица Л.П. 435
- Жуковский М.П. 31, 69, 457
- Журовка 21, 210
- Забелла И.Е. 7, 18, 23, 25, 30, 44-47, 107, 199, 200, 203, 206, 219, 221-224, 232, 227, 236, 237, 239, 241, 253, 258, 260, 261, 264, 267-269, 277, 278, 280, 281, 283, 287, 289, 290, 296, 298, 317, 350, 365, 370, 419, 427, 431, 432, 435, 459, 547, 572, 574
- Завидская балка 52, 56, 143
- Завидские могилы 7, 11, 41, 42, 48, 52, 143, 144, 210, 256, 257, 271, 284, 299, 425, 452, 456-458
- Завидский А.М. 51-54
- Загребельный А.Н. 39, 41, 457, 546
- Залесское 438
- Замятин С.Н. 547
- Завурько М.А. 34, 68, 69, 457, 547
- Зосарино 389
- Западнободановская группа 44, 284, 452
- Западно-Сибирская измененность 244
- Заповитное 243, 294, 355
- Запорожский курган 212, 572
- Запорожье 18, 50-52, 203, 212, 536, 537, 540, 547, 548, 554, 559-562, 564, 568, 569, 572, 583
- Зарайская Н.П. 13, 41, 276, 354, 457, 539, 547, 553, 563
- Збекович В.Г. 41, 202, 276, 547
- Зволицкое 333
- Зевс 305, 308
- Зейферт 35
- Зеленский курган 343, 345, 388, 389, 514, 519
- Земляна 218
- Зиграф А.Н. 305, 314, 343, 363, 368, 371, 372, 375, 388, 389, 392, 394, 395, 396, 398, 399-405, 410, 547
- Золотарев М.Н. 381, 389, 547
- Золотая Балка 21, 36, 235, 238, 229, 234, 235, 243, 247, 266, 269, 272, 279, 284, 286, 291, 295, 296, 331, 340, 342, 348, 351, 359, 360, 361, 441, 462, 464, 471, 472, 476
- Золотая Орда 214, 221, 546, 569
- Золотой курган 21, 25, 276
- Зольное 208
- Зосарино 311, 353
- Зубовский курор 26, 225
- Зурт В. 22, 198-200, 221, 223, 226, 231, 232, 241, 244, 429, 547
- Ивановичи 210
- Иванов И.В. 547
- Иванов Т. 361
- Ивановка 292
- Ивановская станция 313, 506, 508
- Ивановский Л. 439
- Иванчик А.В. 547
- Идафаре 17, 19
- Изобильное 45, 293, 342, 435, 453, 454
- Или 245, 299, 536
- Илрия 505
- Ильин Г.В. 29
- Ильинский курган 28, 369
- Ильинка 247, 266, 271, 345, 354, 514
- Ильинская В.А. 9, 10, 13, 14, 19, 30, 33, 37, 41, 42, 44, 209, 255, 299, 300, 302-304, 307, 315, 335, 338, 341, 343, 345, 363, 369, 411-416, 423, 471, 503, 511-513, 548, 553, 560, 568
- Ильинцы 21, 348, 360, 361, 369, 424, 569
- Ингулец 198, 201, 230, 278, 481, 482, 544, 552, 562, 566, 572
- Ингуло-Каменная 21
- Иран 275
- Исмаилов Р.Б. 225, 443, 547, 548
- Испановы могилы 41, 42, 44, 45, 210, 219, 229, 303, 451, 452, 454, 458
- Иссык 246, 337, 536
- Истр 311
- Истрия 378
- Итларь 230
- Казаклия 211
- Каламашова Л.А. 396, 548
- Казвинская гробница 411, 415, 546, 569
- Казинская станция 26
- Кавказстан 50, 199, 236, 244, 245, 254, 271, 278, 337, 425, 426, 443, 482, 544, 547, 548
- Казбегн 345
- Казенная Могила 21, 206, 320, 335, 355, 465, 466, 472, 478, 483, 539
- Казры 25, 206, 276, 277, 354, 536, 552
- Каланчак 197
- Калининское 278
- Калиновка 283, 333
- Калпа 198, 544, 572
- Калпакия 328, 377, 406
- Калмакия 278
- Калужская станция 26
- Калькова Могила 46, 47, 225, 256, 280, 321, 332, 359, 455
- Кальмиус 18, 218, 249, 271, 544, 568
- Каменский Н.С. 215, 275, 548
- Каменка 18-20, 30, 32, 43, 46-48, 51, 71, 214, 218, 277, 455
- Каменная Могила 21, 23, 25, 43, 211, 261, 281, 431, 432
- Каменская Ближняя 21, 47, 243, 267, 271, 286, 290, 292, 295, 317, 328, 357, 358, 360, 361, 375, 380, 381, 388, 390, 537
- Каменные кучугуры 29, 30, 197

- Каменское городище 29–31, 388, 389, 544
 Каменское курганное поле 46–48, 71, 346, 537
 Камышня 312, 507
 Камышевская 198
 Канат-Могила 206
 Капитан, курган 223
 Капитановка 433
 Калмык С. 440
 Капулянка 35, 218, 436, 450
 Караватка, курган 223
 Карагодешухи 21, 25, 304, 305, 332, 343–345, 348–351, 353, 359–361, 365, 369, 373, 379, 411–413, 416, 426, 516, 542, 548, 553, 554
 Кара-Оба 221, 254, 271, 547
 Кара-Тюбе 243, 305, 332, 354, 540
 Карл XII 444
 Кармир-Влур 338, 561
 Карнис И. 434
 Карпекко Карис И. 439, 548
 Картер Г. 443, 444, 548
 Кархеман 351
 Карышковский П.О. 371, 398–400, 402–407, 548, 557
 Касаткина Н.А. 327
 Кастакону 514
 Кастро-Тигани 327
 Катакомбная культура 203, 304, 214, 224, 225, 276, 308, 450–457, 548, 558, 564, 568
 Катанки 311
 Катигея 351
 Катраны 509
 Каторос 342, 395, 404
 Каховка 28, 197, 203, 276, 482, 483, 481
 Каховское водохранилище 33
 Кац В.М. 25, 322, 328, 364, 369, 375, 379–390, 392, 549, 569
 Кача 25
 Качалова Н.К. 537
 Коасница В.М. 425, 549
 Кавказская культура 201
 Келер Г.К.Э. 378, 489, 440, 549
 Келермеская станция 26, 208, 341, 349, 350, 411, 412, 536, 554
 Келермеские курганы 26, 28, 244, 335, 337, 345, 349, 439, 543
 Келермесский могильник 20, 21, 349
 Кеме Б. 394, 399, 404, 405, 408, 409, 549
 Керкилигиди 326, 378, 389, 553, 555, 556
 Керчь 22, 25, 313, 331, 342, 345, 352, 353, 358, 395, 404, 427, 428, 439, 440, 481, 538, 542, 555, 556, 572
 Клеп 9, 11, 13–15, 18, 29, 37, 41, 43, 220, 305, 513, 548, 556, 562, 564, 565, 570, 583, 584
 Клеки 311, 404, 410, 504, 541
 Клыччи 198
 Климмериды 16, 207, 208, 224, 225, 275, 341, 355, 356, 427, 450–457, 537, 543, 548, 550, 561, 565, 566, 568, 569
 Клебург 197
 Клеп 324
 Клеп 444
 Кираков Ф.Н. 29
 Киренки 324, 325
 Кирюшка 555
 Кирилл Д.С. 314, 332, 354, 549
 Киркатицы 203
 Киркларели 503
 Кирово 11, 33, 34, 427, 435
 Кировоград 15, 26, 502, 569
 Киселев С.В. 246, 505, 549
 Китин 230
 Качкас 198
 Кияшко В.Я. 36
 Кияд 324, 516
 Ковалев Н.В. 549, 552, 562, 564
 Ковалев Н.С. 198, 248, 276, 515
 Ковалева Н.Ф. 41, 47, 202, 204–206, 433, 550
 Ковалевки 333, 340
 Ковалевская В.В. 550
 Коваленко С.А. 550
 Ковальщина Могила 223
 Ковалыченко Г.С. 33, 41, 212, 221, 292, 298, 303, 304, 428, 457
 Ковалыченко Г.Т. 9, 10, 33, 41, 547, 550
 Кодекс 220
 Козани 513
 Козел, курган 21, 25, 210, 222, 248, 281, 293, 300, 301, 315, 346, 359–361, 364, 373, 416, 419
 Коллесская М.В. 473–476, 541, 550
 Коллесский А.А. 570
 Козуб Ю.И. 41, 349, 378, 550
 Козырцкий А. 144
 Колбино 335, 352, 473–476, 550, 565
 Колесников А.Б. 326, 327, 381, 382, 386–390, 392, 550
 Колодистое 278
 Колошия 277
 Колоски 215
 Коловщина 197
 Колхиди 424, 426, 514
 Комаровский мог-к 338
 Кондаков Н.И. 25, 313, 340, 392, 550, 564, 568
 Кондуктарова Т.С. 459, 480, 550
 Коники 18, 218
 Константиновка 210
 Копани Могила 220
 Копани 20
 Копелькина Л.В. 313, 315, 329, 340, 504, 508, 509, 550
 Корневка 248, 515, 549
 Корони 325, 326, 357, 384
 Кос 324, 325, 516, 568
 Косенко Н.Я. 457
 Косиков В.А. 198, 547, 551, 553
 Косихово 34
 Костенко В.И. 47, 93, 211, 551
 Костомаров Н.И. 216, 217, 551
 Костромская станция 21, 26, 208, 426, 559
 Костюшко 217
 Коцевский Н.Л. 51, 69
 Кочковатое 207, 215
 Крайова 316
 Краков 217
 Кралево 305
 Красногригорьевка 52
 Красное Знамь 208, 244, 278
 Красное 215
 Краснознаменские курганы 21
 Краснознаменский могильник 20
 Краснокутский курган 21, 23, 47, 210, 219, 258, 261, 267, 281, 289, 301–303, 306, 307, 315–318, 342, 346, 350, 358–361, 367, 373, 416, 431, 432, 519, 537, 555, 566
 Краснопереконские курганы 21, 36, 333, 394

- Красный Подол 228, 342, 474, 562
 Кремничуг 200, 429, 436
 Крестьянов А.Ф. 219
 Кравой Рог 51, 52, 55, 198, 202, 211, 276, 426, 556
 Крицова-Гракова О.А. 30, 32, 551
 Кришик 314
 Кришечка, балка 71
 Кришечское 212
 Крулла Могилы 46, 222, 455
 Крулла А.В. 330, 551
 Круллак 201
 Круллакова И.Т. 223, 298, 551
 Круллао Е.И. 29
 Круц В.А. 33
 Круц С.М. 41, 215, 292, 295, 299, 457, 459, 472, 475, 478, 480, 482, 483, 551
 Крымковский А.Д. 94
 Крылова Л.П. 41
 Крыла Н.Д. 71, 457
 Крым 15, 21, 22, 25, 26, 33, 196, 198, 204, 208, 211, 213, 221, 224-226, 228, 229, 249, 256, 276, 280, 326, 339, 341, 342, 344, 354, 384, 406, 440, 441, 446, 573
 Крымская станция 25, 26
 Крымское ханство 18, 221
 Кубинская станция 26
 Кумюрская станция 26
 Кулаковский Ю.А. 25, 440, 552
 Кулашова 346
 Куль-Оба 21, 22, 221, 276, 311, 313-315, 328, 329, 331-333, 335, 336, 340-342, 345, 348, 351, 352, 354, 355, 358-361, 364, 366-369, 379, 411-413, 434, 439, 440, 459, 475, 477, 504, 506, 508, 509, 511, 515-519, 540, 542, 544, 550, 561, 564, 570, 573
 Кульчук, городище 381
 Курган Кекуэвского 21, 346, 352
 Курган Кулаквского 21, 25
 Курган Пастака 332, 349
 Курган Патимоти 21, 329, 342, 354, 439, 517
 Курджити 21, 332, 353, 362-364, 373, 426, 543
 Куршестан 275
 Курна 444
 Кут 33, 481, 482, 538
 Кутаревы могилы 243, 277
 Кутайсов В.А. 378, 553

 Лабинская станция 26, 313, 508
 Ладомская станция 26
 Лазаревский Я.М. 23, 24, 30, 198, 221, 223, 260, 289, 298, 331, 431, 553
 Ланцое С.Б. 326, 327, 381, 386, 553
 Лаос 505
 Ларисса Кремасте 504, 505
 Латыш Н.К. 425
 Латышев В.В. 28, 207, 219, 262, 282, 553, 573
 Лаурки, курган 45, 454
 Лаур Г. 45, 457
 Лахар 309
 Лебедева Е.Ю. 344, 553
 Лебединиц Н.Л. 8
 Лебединское 30, 197
 Лев земнойский 122, 141, 304, 311, 504, 506, 509, 530
 Левченко В.Н. 15, 94, 457, 557
 Лемешевы курганы 21, 27, 210, 223, 243, 261, 282, 302, 306, 359-361
 Ленинское 47
 Лесное А.М. 9, 26, 28, 203, 210, 247, 263, 265, 276, 283, 341, 471, 549, 553
 Лесников С.В. 68, 70
 Лесовичи 326, 375, 377
 Либера П.Д. 30, 335, 339, 345, 352, 553
 Лисург 309
 Лиднер Ф. 18
 Лисинах 311, 313, 541
 Лисина 314
 Лиски Е.Ф. 553
 Лисья Могилы 41, 44, 345, 451, 452, 458, 514
 Литая Могилы 20
 Литвиненко Р.А. 553
 Литвинова Л.В. 551, 553
 Литвинченко Г.Р. 291, 554
 Лишик К.И. 199, 200, 554
 Луговая Могилы 22, 197, 219, 242
 Луканья 504, 505
 Лушкова 31
 Лушкет 315, 510, 518
 Лысенко Г.Н. 8
 Лысье могилы 277
 Львов Н.М. 52
 Львово 21, 36, 232, 233, 235, 239, 247, 265, 278, 285, 287, 292, 321, 347, 354, 356, 378, 462, 464, 546, 552
 Любимовка 276, 320, 539
 Люботинский курган 344, 345
 Люботинское городище 254, 256, 538, 573
 Людвиг IX 196
 Люченко А.Е. 22, 25, 243, 431
 Лысого Эрик 29, 230

 Мадит 331
 Маерова Могилы 336, 558
 Мазарак С.А. 239, 298
 Мазин Р.А. 51
 Майкоп 26
 Макаревич М.Л. 29
 Макаренко Н.Е. 20, 24, 28, 35, 239, 247, 255, 258, 262, 283, 430, 554, 570
 Максименко 276, 347
 Максимов Е.В. 32, 41, 554
 Максимов К.Р. 58
 Максимов М.И. 323, 343-345, 514, 554
 Малая Лаурка 202, 279
 Малая Лепетиха 21, 27, 28, 207, 210, 219, 262, 277, 283, 317, 326, 352
 Малкина Е. 303
 Малый Чертомлык 15, 44, 294, 453, 557
 Малыберг В. 548, 553
 Маларенко А.И. 68
 Маларенко И.М. 71, 457
 Мамай-гора 206, 215, 292, 320, 441, 481, 482, 537, 554, 568
 Малюкова Н.Н. 477, 554, 556
 Малу-хан 196
 Мамченко А.П. 27, 29, 31, 41, 210, 236, 239, 300-304, 307, 314, 319, 339-345, 348, 349, 354-356, 361, 419, 423, 424, 426, 427, 510, 511, 517, 519, 554
 Мамычевская станция 334, 336
 Маргивец 50, 51, 53, 54, 57, 59, 61, 277, 285
 Мариполь 56, 198, 549
 Маришанский могил 346

- Марс 296
 Марта Ю. 555
 Мартин Р. 478, 493, 499-501
 Мартовичи 21, 210, 221, 232, 298
 Мартыненко А.И. 386, 388, 392, 555
 Мартынов А.И. 246, 555
 Мартыновка 215
 Мартыненко Д.В. 537, 550
 Марсабала Л.С. 273, 430, 555
 Марченко К.К. 249, 383-385, 555
 Марчина 504
 Маршалл Ф.Х. 506
 Марьяна 23, 219, 243, 394, 400, 401, 409
 Марьяновка 220, 278, 352
 Марьяновское 347
 Массон В.М. 300, 555
 Мастюгино 21, 255, 333, 335, 339, 341, 342, 345, 510, 515-517, 519, 554
 Матеуши 333
 Машкова, Малгина Могила, Машк 217
 Медвизка Могила 220
 Медведи 513
 Медведева М.Б. 472, 475, 478, 555
 Медуза Горгона 27, 128, 132, 315, 331, 359, 368, 369, 379, 504, 509, 528-530
 Межевая Могила 218, 457
 Менка 215
 Мелентьев А.Н. 36
 Мелитополь 16, 25, 29, 46, 211, 222, 248, 267, 280, 300, 302, 303, 306, 307, 315, 317, 318, 323, 331, 345, 348-350, 355, 360, 367, 414, 421, 423, 471, 483, 514, 518, 548, 555, 561, 565, 567
 Мелитопольский курган 12, 15, 21, 33, 35, 209, 243, 248, 249, 280, 293, 300, 302, 303, 306, 307, 315, 318, 318, 322, 331, 332, 345, 350, 355, 358-362, 364, 367-369, 373, 379, 393, 394, 397, 408, 413, 414, 416, 421, 422, 424, 433, 514, 516, 518, 555, 562, 568
 Мелос 331
 Мельгунов А.П. 20
 Мельгуновский курган 20, 21, 209, 232
 Мельник Е. 535
 Мельник О. 556
 Мельников О.Н. 556
 Мельниковская О.Н. 30
 Мельчарен М. 375, 379, 394
 Мелюкова А.И. 19, 23, 30, 32, 41, 261, 267, 280, 292, 301-303, 307, 315-318, 340-342, 346-348, 350-353, 355, 373, 374, 411, 413, 416, 519, 555
 Мелца 79, 82, 83, 124, 130, 143, 157, 158, 169, 194, 291, 309, 322, 324, 327, 329, 330, 356-359, 370, 378, 380, 388, 389, 540
 Мерджаны 345, 410-412
 Меркерт Н.Я. 30
 Мессана 314
 Мессерлидт Д.Г.
 Метрополитен-музей 25, 504, 505, 514, 517
 Микеланджело 312
 Микерат 241, 443
 Микашевский А.М. 247
 Миллер А.А. 196, 217, 248, 296, 335, 345, 353, 438, 556
 Миллер Г.Ф. 22, 429
 Минусинская котловина 246, 274, 296, 552
 Мирное 215, 276, 352, 568
 Мир Рахия 502, 503, 507
 Митина 331
 Михайлов Г.А. 457
 Михайловский А.О. 51
 Михайловская Т.С. 556
 Мухомов Б.Ю. 326, 381, 388-390, 392, 556
 Машурин Рог 22
 Мищенко Ф.Г. 19
 Могила Гуреева 45, 453
 Могила 18
 Могила 198
 Моисеевская В.Д. 71
 Моложавский Б.Н. 3, 7-13, 19, 20, 22, 25, 29, 31, 33, 34, 37-39, 40-48, 52, 71, 75, 93, 94, 143-145, 148, 152, 162, 198, 292, 293, 210, 211, 219, 222, 225, 229, 239, 243, 245, 247-251, 253, 256, 257, 262, 263, 267-269, 271-273, 279, 280, 283, 284, 289, 290, 293-303, 305, 307, 311, 315-319, 321, 331-333, 335, 337, 342, 344-346, 350, 352, 354, 355, 362-364, 390, 392, 394, 412, 421-423, 433, 435, 440, 446, 450, 460, 465, 471, 472, 474, 483, 502, 503, 507, 509, 514, 516, 518, 519, 548, 551, 555-557, 559, 566, 568, 573
 Молочанск 198
 Молчанские мосты 211
 Молочанское святилище 202, 563
 Молочаня 25, 33, 46, 197, 214, 215, 224, 248, 428, 434, 542, 564, 568
 Молочные воды 18, 566
 Монахов С.Ю. 19, 128, 269, 291, 299, 314, 319, 321-324, 326-330, 357-359, 362-365, 367-371, 373-375, 377, 378, 381, 383, 385-389, 408, 409, 503, 504, 506, 512-514, 516-518, 557, 558
 Мордановские курганы 21, 28, 36, 459, 545, 516
 Мордановский курган, 1-й 35, 210, 238, 239, 247, 262, 283, 296, 298, 311, 332, 333, 343, 359, 367, 392-394, 430
 Мордановский курган, 2-й 210, 247, 279, 280, 283, 300, 302, 303, 413
 Москаль О.Л. 15, 457
 Москвинуло К.Д. 198, 276
 Мусманова бабка 219
 Мрамор-Могила 304, 311
 Мрестуца Могила 222
 Мурлы В.Ю. 11, 15, 45, 46, 200, 247, 249, 253, 277, 306, 317, 370, 487, 457, 536, 541, 548, 558, 571
 Мишевский С.И. 217, 220
 Нагорное 14, 38, 41, 211, 212, 345, 354, 460, 451, 514, 556
 Надеждин Н. 18, 558
 Назаренко А.В. 457
 Наксос 324
 Неаполь Скифский 25, 313, 381, 441
 Нейгардт А.А. 19, 558
 Некрасовская станция 26
 Нелин Д.В. 442, 558
 Немейский лев 122, 141, 304, 311, 504, 506, 509, 530
 Нерушый 215
 Нефедов В.В. 389, 558
 Нецаев Б.А. 31
 Нецаев Г.В. 30
 Нецаева Могила 11, 30-32, 38, 41, 42, 197, 201, 206, 219, 223, 239, 243, 240, 560

- Нижнее Поволжье 244, 274, 337, 446, 480, 482, 538, 545, 549, 566
 Нижние Серогозы 25, 31, 222, 438, 558
 Низамы 231
 Никс 140, 308-311, 356, 358, 507, 530
Никитенко М.М. 539
Никитин В. 558
Николаев Е.И. 70
 Николаевка 9, 52, 61, 323, 355, 439, 441, 545, 555
Николаев А.В. 8, 14-16, 144, 201, 457, 546, 552, 556-558, 562
 Николай 323, 385, 386, 549, 555, 557
 Николай 18, 23, 29-34, 50, 51, 56, 89, 200, 219-221, 299, 339, 392, 433, 435, 436, 460, 481, 482, 539, 540, 543-545, 554, 561
 Никопольский музей 29-31, 33, 457
 Никопольское курганное поле 29-33, 288, 290, 294, 303, 544, 551
 Никопольстрой 29
 Нимруд 351, 411
 Нимфа 131, 330, 528
 Нимфей 305
 Нимфейские курганы 25
 Новосалександровка 25, 222
 Ново-Алексеевка 215
 Новоситовское 47
 Новосладимировка 303, 304
 Ново-Григорьевка 25, 202, 210, 213, 277
 Новосе 552
 Новосе Запорожье 248, 355
 Новосавадениное 244, 278, 472, 475, 478, 555
 Новоштановка 46
 Новосапры 202, 276
 Ново-Камеанка 552
 Новокиевка 277
 Новолабинская станция 26
 Новомыхайловка 552
 Новомосковск 18
 Новониколаевка 25
 Ново-Николаевка 50, 54, 435-437, 565
 Ново-Подкрыж 211
 Новорайск 232, 572
 Новорозановка 278, 572
 Нововоронцовка 201
 Новороссийский край 20, 196, 217, 220, 432, 433, 561, 563, 565, 566, 568
 Новоселица 21
 Новоселовка 61
 Новосельское 211
 Новосербия 221
 Ново-Федоровка 326, 327, 386, 553
 Ногайск 20, 232, 239, 574
 Ногайцы 218-217, 221, 222, 566
 Ногайчинский курган 213
 Носки 10, 13, 14, 44, 206, 243, 262, 293, 303, 317, 318, 332, 342, 346, 354, 355, 358, 359, 366-368, 438, 465, 481, 482, 539, 559, 560
 Носов 2-й 426
 Нью-Йорк 25, 400, 503, 505
 Ньюэл Э. 372
 Обвалы 254, 271, 547
 ОГРОК 7, 8, 34, 38, 42, 44, 48, 49, 63, 65, 66, 68, 72, 144, 197, 219, 243, 250, 457, 584
 Огородное 211
 Огуз 21, 25-27, 31, 197, 200, 210, 222, 243, 247, 259, 260, 284, 269, 281, 282, 293, 298, 300, 302, 305-307, 315, 317, 318, 323, 331-333, 340, 345, 354, 355, 358-362, 367, 368, 371, 373, 375, 379, 391-395, 431, 434, 438, 446, 503, 508, 509, 516, 519, 540, 569
 Одесса 13, 25, 29, 391, 393, 397, 538, 541, 542, 544, 545, 549, 551, 555, 557, 559-562, 564-568, 571, 573, 583, 584
 Одиссей, Одиссея 312, 313
 Озера 47, 456
 Ольвер Э. 514
 Олиф 328, 366, 369, 377, 378, 404
 Олонецкий клад 353, 566
 Ольвия 29, 30, 332, 349, 353, 378, 381, 410, 424, 425, 434, 481, 537, 547, 548, 553-555, 560, 502, 509, 573
 Ольгова Могила 220
 Ольгонки 285, 354
Олаховский В.С. 27, 200, 206, 225, 226, 228, 229, 244, 249, 256, 276, 278, 280, 281, 284, 287, 294, 296, 299, 319-321, 334-336, 344, 350, 354, 559, 560
 Олаховчик 334-335, 338
 Олшанка 218
Олейко Н.А. 30, 305, 308, 311, 313, 315, 331, 332, 341-343, 345, 351, 361-367, 370, 371, 374, 375, 378, 393, 394, 503, 504, 506, 508, 509, 511-513, 518, 560
 Органы 326
 Орджоникидзе 7, 8, 10-15, 17, 19, 20, 21, 33-35, 37-46, 48-50, 61, 63, 64, 71, 202, 205, 206, 210, 218, 219, 225, 229, 239, 245, 248, 253, 256, 257, 277, 283, 289, 291, 293, 295, 302, 321, 333, 340, 348, 355, 412, 423, 446, 450, 451, 458, 460, 506, 557, 560, 562, 563, 584
 Орджоникидзепартизан 34, 63
 Орел, курган 21, 27, 243, 331, 332, 351, 359-361
 Орлов Р.С. 512
 Орлова З.С. 221, 560
Орловский А.В. 393, 395, 397, 408, 560
 Орленко Д.Г. 33
 Орлова балка 30
 Орлова Могила 30-32, 219
 Орловская гора 30
 Осетинка 355
Осоевский Г. 439
 Острая Могила 31, 219, 222, 224, 232, 239, 240, 279, 298
 Острая Топавковская Могила 23, 276
Островерхов А.С. 427, 541, 560
 Острый Шпиль 222
 Отрадное 354
Отроценко В.В. 19, 36, 203-208, 210, 214, 223, 231, 232, 243, 249, 251, 252, 292, 299, 337, 338, 344, 352, 427, 465, 469, 518, 538, 539, 543, 553, 554, 559, 560
 Очанов 214
 Паловка 212
 Паллоград 18
 Палькирские курганы 246, 252, 255, 256, 273, 274, 337, 339, 413, 414, 538, 542, 544
Паллас П.С. 226, 426, 439, 444, 561
 Пальтиоритте 504
 Пальмос 326
 Пальское-1 326, 327, 377, 378, 383, 386, 388, 557, 564
 Пантикалей 22, 305, 331, 341, 342, 353, 358, 394, 396, 398, 399, 405-408, 410, 439, 440, 515, 570

- Павченко Н.А.* 250
 Парос 324
 Парутино 434, 554
 Паркомово 248
 Паркомово 444
Пархомчук С.М. 10
 Пелопс 506
 Песарет 79, 124, 158, 169, 291, 322-326, 329, 356-358, 370, 378, 380, 388
 Первоконстантиновка 202
 Первомайевка 36, 211, 225, 228, 232, 235, 243, 247, 285, 292, 337, 354, 355, 430, 546
 Первомайское 355
 Перевозские хутора 50, 51
Переводчихина Е.В. 317, 561
 Передериева Могила 21, 198, 278, 553, 558, 564
 Передняя Азия 20, 22, 208, 335, 351
Передольская А.А. 329, 367, 373, 412, 561
 Перекоп 25, 203
 Перевят 220
 Перевятиха 21, 209, 220, 247, 249, 298
 Перещопинский могильник 273, 538
 Перьялла-Хмельницкий 205
 Перьяд 399, 406
Перовский Л.А. 22, 226
 Персей 504
 Пески 21, 248, 278, 285, 317, 318, 321-323, 333, 335, 339, 340, 342, 352, 354, 358-361, 374
 Песочинские курганы 340, 360
 Песочинский могильник 21
 Песчанка 383, 386, 388
 Петр I 429, 444
Петренко В.Г. 41, 202, 208, 244, 276, 316, 333, 335, 342, 513, 515, 561, 566
Петри У.Ф. 443
Петрова В.П. 9
 Петровка 354
Петровская Е.А. 41, 457, 547, 554
 Петродолина 207
 Петропавловская станция 26
 Печенеги 213
Печениш Н.М. 546
 Пирей 444
 Пирр 444
Пирсон К. 470
 Пифодол 309, 356
 Плато Карпини 214, 563
Плетнева С.А. 226, 227, 230, 231, 428, 561
 Плоская Могила 222, 280, 317, 318, 358, 540
Плутарх 311, 314, 444, 562
Погрелова Н.Н. 33, 351, 562
 Подгородное 211
 Поддубине 47, 355
Подковырин В.Н. 12
 Полунавье 207, 211, 222, 228, 341, 343, 441, 510, 559, 564, 565, 567
Подшивалов А.М. 401
Поенару-Борда Г. 328
 Поингулье 204, 248, 278, 544, 572
 Показовое 281, 345
 Покровка 197, 243, 317
 Покровск 50
Покровский Е.Ф. 29, 30, 367, 561, 562
 Покровский мог-к 254
 Покровское 32, 42, 50, 436
 Поликет 506
 Полоним 77, 213, 214, 226, 228, 230-232, 234, 235, 428, 541
Поль А.И. 24, 548
 Поле 406, 549, 556
 Поповка 255, 257
 Пороги 212
 Портучалло 322
 Посейдон 313, 351, 506
Постоловский В.В. 8
 Посулье 19, 209, 307, 547, 548
Потилов А.А. 30
 Потемкин Г. 30
 Потуден 514
 Потоцкий Я. 18
Похитонов Е. 403, 404, 409
 Праздничное 26
 Прегралак станция 229
 Прелестное 198
 Пренесте 505
 Приазовье 25, 196, 206, 211, 213, 220, 221, 224, 230, 248, 271, 275, 278, 388, 291, 295, 305, 337, 342, 543, 551, 558, 564, 565, 570, 572
 Прибрежное 202
 Придубине 21, 25, 26, 28, 208, 225, 244, 348, 257, 506-508, 515, 544
 Прикляк 391, 393, 395, 396, 398, 399, 401-405, 407, 408, 410
 Пришивашье 205, 215, 221, 293, 481, 482, 548, 550, 552, 573
 Приют 44, 45, 453
Проценко Н.Г. 68
Пруцко В.И. 362, 372, 374, 563
Прус Г.Ф. 457
 Прусы 514
 Прусы 316
 Псебайская станция 26
 Птичата Могила 225
 Пуленцовский клад 391, 393, 401, 404, 405, 408, 545, 569
Пустовалов С.Ж. 14, 16, 45, 196, 202, 203, 457, 566, 557, 563
Пыхтия Г.М. 144, 457
Патковский М.Ш. 8, 457
 Пятибратие курганы 21, 323, 335, 342, 343, 345, 348, 349, 352, 360, 361, 365, 366, 369, 373, 375, 379, 433, 516
 Пять братьев 223, 249
Рабинович Б.З. 30, 563
Раевский Д.С. 229, 317, 561
 Радершиново 198
Райнберг К. 507
 Рамсес III 443
 Раскопаная Могила 21, 43, 219, 223, 370, 434, 536
 Раскопанная Могила 24, 42
 Рассамкин Ю.Я. 199, 201, 202, 292, 546, 558, 560, 564
 Регкум 314
Резанис К. 396, 398-405, 407, 408
 Режико Калифория 505
 Репаховатя Могила 7, 11, 21, 42
Ридер Э. 512
 Рисовое 215
 Ринелье 440

- Росачик 27, 252
 Росачинский курган 206
 Росачинское курганное поле 206
 Росовская станция 26
 Росовское сокровище 304, 510
 Родос 324, 351, 405, 513, 549
 Ролле Р. 11, 15, 41, 45, 247, 253, 270, 457, 536, 557, 558, 564, 571
 Романов М. 50
 Романченко Г.Н. 70
 Роскопанца-могила 220
 Ростовцев М.И. 27, 28, 35, 36, 238, 239, 260, 317, 323, 329, 330, 335, 336, 340, 341, 343, 352, 353, 370-373, 392, 393, 517, 564
 Рот В.Н. 26, 438
 Ротроф С. 377
 Ротштейн А. 52
 Ротшильдина Могила 220
 Рохлин Д.Г. 459, 475, 477, 564
 Рубин В.В. 323, 564
 Рубрук Г. 196, 200, 214, 230, 231, 563
 Руденко С.И. 236, 237, 244, 246, 252, 254, 255, 268, 273, 274, 337, 339, 411-415, 427, 564
 Русская Тростинка 335
 Русская А.С. 564
 Русская М.В. 304, 336, 503, 504, 506, 508, 509, 517, 564
 Рыбков В.А. 19
 Рыжковская 292, 330-333, 340, 343, 345, 352, 360, 361, 373, 375-379, 394, 409, 438, 439, 513, 565
 Рыжковский курган 21, 292, 330-333, 340, 358-361, 373, 375, 376, 379, 394, 397, 401, 409, 438, 509, 511, 513, 517, 566, 572
 Рыбин Могила 198, 202, 223
 Рыбков П. 227, 435-438, 565
 Рыбков В.А. 14, 202, 330, 340-344, 355, 457, 556, 565
 Савельев П.С. 439
 Савосский И.П. 14, 222, 465, 539, 540, 559, 580
 Сакла-Бажи 254
 Саклашская культура 246, 254, 275
 Сайд (Сидон) 405, 410
 Саянская культура
 Саяншагузу 351
 Салбыкские курганы 246, 549
 Салтыр 276, 573
 Салерно 504, 517
 Сажар В.А. 205, 237, 565, 568
 Самоквасов Д.И. 19, 25, 197, 236, 239, 257, 277, 439, 558, 565
 Самос 314, 324, 326, 327, 366
 Самос 29
 Санкт-Петербург 22, 24, 28, 240, 243, 429, 438, 439, 542, 564
 Саргашевский этап 274
 Сарматы 3, 14, 211-213, 376, 428, 441, 446, 450-457, 480, 537-539, 541, 545, 546, 549-552, 555, 560, 562, 563, 565, 586, 588, 571
 Сатур 119, 120, 134, 136, 304, 305, 364, 379, 392-394, 396, 398, 399, 402-404, 406-409, 502, 503, 510, 512, 529
 Саханов В.В. 26
 Сахаров И.П. 439
 Св. Елизаветы форт 20
 Свищарова Могила 38, 205, 206, 221
 Светуцково 199
 Северное Причерноморье 15, 17-20, 22, 25, 28, 196, 199, 200, 207, 208, 210, 211, 219, 220, 222-224, 226, 231, 236, 238, 241, 244, 246, 256, 275-277, 280, 281, 299, 302, 304, 311, 313, 315, 319, 323-327, 330-332, 336, 337, 339-345, 347, 350, 351, 353-356, 358-360, 362, 363, 366, 370, 378, 381, 390, 410, 411, 413, 424, 425, 427, 428, 432, 433, 444-446, 459, 480, 483, 506, 508, 510, 515, 519, 537, 539, 540, 543, 546-550, 553-555, 557-560, 562, 564-572, 574, 583, 584
 Северный Кавказ 20, 199, 208, 225, 228, 229, 241, 244, 298, 338, 341, 343, 344, 354, 426, 441, 555, 561
 Северская станция 26
 Северский Донец 201, 553
 Севтополь 325, 538, 545, 569, 571
 Сельва 211
 Сельвите 212
 Семенов С.А. 252; 566
 Семенов-Зусер С.А. 23, 566
 Семеновка 23, 212, 294
 Семилетние курганы 21, 25, 510, 519
 Семилетняя станция 26
 Семипетрове 245
 Семь Машков 230
 Седжиджан 351
 Сергеев А.А. 566
 Сергеев Г.П. 221, 353; 566
 Сердюков Д.Л. 30
 Середи Г.Л. 10, 11, 34, 38, 40, 41, 63, 68, 70
 Серен 29
 Сехемлет 241
 Сибиряк 334, 336, 338
 Сибирский А.А. 398
 Сибирь 199, 227, 228, 231, 246, 429, 552, 553
 Сиватовка 192
 Симоненко А.В. 541, 546, 552, 566, 571
 Симферополь 23, 538, 542, 550, 560, 571, 573, 584
 Синопа 124, 158, 169, 291, 322, 327, 329, 356-358, 381, 385, 388, 406
 Синоха 199
 Сиракузы 504
 Сирко И.Д. 218, 538
 Сирциля 324, 505, 542
 Складовск 215, 303, 304, 428
 Складовский Г.Л. 197, 224, 236, 566
 Складла 122, 142, 308, 312, 313, 530
 Скоробор 21, 343, 345, 428, 573
 Скорый С.А. 16, 207, 209, 210, 220, 249, 298, 345, 354, 373, 376, 378-380, 390, 394, 550, 566, 567, 571
 Стависка 47, 71, 542
 Слободж 207, 574
 Слоновская Блажаница 21, 23, 43, 125, 126, 200, 239, 243, 261, 277, 281, 296, 298, 317, 358, 360, 361, 371, 431, 432
 Смирнов К.Ф. 33, 244, 278, 339, 413, 428, 566
 Снофру 241
 Соболев Д.С. 143, 144, 219
 Соболева Могила 7, 8, 12, 16, 20, 21, 36, 48, 71, 143-154, 156-168, 170-185, 189-195, 198, 219, 224, 227, 230, 236, 238, 243, 298, 300, 315-317, 320, 321, 329, 330, 333, 335, 340, 343, 347-361, 368, 375, 379, 390, 410, 417, 423, 430, 433, 446, 456, 460, 461, 473, 474, 476-478, 511, 513-528, 531, 533-535, 562
 Соколов В. 566
 Соколов И.А. 30, 51

- Сokolova Могилы 212
 Солена 7, 33, 34, 50-52, 54, 56, 197, 249-251, 270
 Солонен Л.А. 432, 572, 573
 Солотка 209
 Солоха 21, 27, 31, 32, 79, 81, 90, 91, 197, 210, 211, 223, 238, 239, 261, 280-282, 291-293, 295, 298, 300-304, 306, 307, 319, 320, 322-327, 329, 332, 333, 342-345, 348, 354, 356-358, 361, 362, 364, 367-371, 373, 377, 378, 380, 388, 410-412, 414, 416, 421, 423, 424, 430, 459, 511, 512, 537, 543, 554, 555, 564
 София 313, 505, 538, 542, 545, 546, 554, 568, 569, 571
 Сошкин курган 354
 Сварток 398, 399
 Славской Г. 226, 394, 410, 426, 567
 Славское 198, 201
 Сладков А.А. 24, 35, 206, 219, 223, 224, 247, 259-261, 267, 282, 300, 302, 307, 316, 332, 333, 391, 392, 394, 395, 427, 433, 565, 567
 Срубная культура 204-206, 212, 225, 236, 275, 276, 293, 337, 338, 380, 426, 450-457, 483, 553, 560, 565
 Ставрополье 25, 208, 229, 244, 278, 336, 561
 Ставропольский курган 1984 г. 244
 Стайск Верх 209
 Стамбул 503
 Старинская птицефабрика 333, 413
 Старовозм А.С. 94, 144
 Старое 215
 Староселье 202
 Старосельцо 254
 Старшая Могилы 21, 209, 255, 298
 Старший Трехбратский курган 314, 332, 359-361, 369
 Старые Куконевы 212
 Старый Крым 25
 Старый Мерчик 335, 343
 Стеблов 21, 354, 506
 Стеблевская станция 25
 Степанов П.К. 564, 567
 Степаны 298
 Степисе 427
 Степной курган 38, 206, 450
 Стареца Могилы 217
 Стефан Л. 304, 313, 372, 424, 567
 Стородневая Могилы 42, 202, 217, 220, 452, 567
 Страбон 428, 444, 548
 Страшная Могилы 11, 21, 31, 35-38, 41, 210, 239, 240, 247, 279, 283, 295, 300, 302, 305, 315, 347, 350-361, 413, 421, 423, 432, 450-452, 458
 Стрелков Г.С. 35, 221
 Стрляк Д.В. 144, 457
 Сулимарский Т. 347
 Сухой 20
 Супруненко А.В. 428, 429, 445, 541, 567
 Супрунов О.В. 565
 Супрунова Могилы 219
 Сура 277
 Сурижков А.С. 442, 567
 Сурский 201
 Сымонов Э.А. 439, 441, 567
 Сыр-Дарья 337, 542
 Тавакшаный 201
 Таврия 26, 538, 552, 566, 584
 Татарская культура 246, 274, 546, 555, 561
 Ташевский курган 21, 25, 338, 339, 343, 344, 345, 373, 515, 554
 Талко-Григорьев Ю. 438
 Тамань 21, 25, 404, 405, 439, 440
 Тамань 26, 385, 428, 553, 555, 569, 572
 Таранова Могилы 21
 Таранов Яр 254
 Тарас-Григорьевка 41, 43, 46, 47, 93, 455, 502
 Тарент 305, 331, 505, 507, 508, 511
 Таре 504
 Татаринов С.И. 426, 567
 Татарка 335, 336
 Татарская Могилы 221
 Татьяна Могилы 317, 318, 331-333, 340, 345, 350, 354, 358-361, 368, 379, 392, 394, 395, 558
 Ташлык 218
 Ташевы 21, 222, 243, 331, 332, 359-362, 368, 540
 Ташлыно 210
 Тельзин Д.И. 36, 214, 537, 567
 Теремешки А.И. 9-16, 29-31, 33-35, 37-39, 41, 44, 46, 197, 198, 202, 205, 209, 210, 217, 220, 224, 225, 239, 240, 247-249, 265, 299, 347, 355, 367, 378, 450, 474, 548, 553, 555, 560, 561, 565, 567-569, 572
 Терещенко А.В. 18, 22, 29, 30, 31, 35, 196, 198, 200, 201, 216, 221, 223, 226, 232, 241, 243, 247, 431, 434, 568
 Терское 276, 473-475, 544, 550, 553, 563
 Терры 212
 Тимарин В.Г. 25, 440, 568
 Тилгул 230
 Тимофеевка 201
 Тителко Г.Г. 39
 Тифлисская станция 26
 Токоский 48, 457
 Толстая Могилы 7, 11-14, 21, 30, 36, 37, 39-44, 46, 47, 73, 93, 106, 198, 202, 203, 206, 210, 219, 221-224, 239, 241, 243, 245, 247, 249-253, 262, 263, 269, 273, 279, 280, 284, 289-291, 293, 297, 298, 300-303, 305-307, 313, 315, 317-319, 331-333, 335, 337, 338, 342-345, 348, 350, 352, 354, 358-364, 366-369, 371, 373, 379, 394, 411, 422-425, 432, 435, 451, 459, 460, 471, 472, 474, 478, 503, 504, 507-509, 512, 514-516, 518, 539, 541, 555, 556
 Толстой С.И. 568
 Толстой И.И. 340, 392, 564, 568
 Томанова 23, 38, 47, 51, 52, 198, 219, 221, 223, 232
 Томановская Ближняя 21, 23, 43, 200, 219, 223, 243, 261, 280, 281, 431, 432
 Толстов Г. 309, 311, 377
 Толчова Г. 338, 568
 Топала 323
 Топки 213
 Тощев Г.И. 16, 202-204, 215, 337, 276, 441, 537, 544, 554, 567, 568
 Трансильвания 425
 Трейдлер Г. 18
 Трейдлер М.Ю. 8, 300, 304, 305, 307, 312, 340, 356, 358, 359, 502, 508, 513, 520-527, 568
 Третьяк 255, 257
 Троицкая Т.Н. 568
 Троицкое 198, 215, 341, 548
 Тромко И.Г. 11, 42
 Туна 244, 246, 254, 273, 275, 299, 553, 554, 563

- Тугорская 230
 Тункина И.В. 404, 564, 569
 Турецкая Могила 221, 222
 Турлаки 211
 Туратта 338
 Турция 18, 218, 221, 222, 410, 566
 Турия 352
 Туталхамон 376, 377, 443, 548, 569
 Тутмос I 443
 Туэтинские курганы 255, 268, 273
 Тюрки 274
 Тягунова Могила 202, 563
 Тлемми 18, 256, 548
 Уайров А.С. 29, 196, 222, 223, 232, 393, 395-397, 403, 408, 560, 569
 Уайрова П.С. 228
 Уйгарак 337
 Уккерт Ф. 18
 Укок 273, 563
 Украина 7, 10-20, 29, 30, 33, 34, 38, 42, 46, 47, 49, 60, 55, 57, 61, 63, 66, 69, 196-199, 202-205, 213-216, 219, 223, 224, 227, 248, 256, 273, 275, 281, 305, 364, 426, 427, 434, 445, 459, 480, 502, 513, 537-539, 541, 544, 545, 550, 552, 554, 556, 560-564, 567, 569, 570, 583, 584
 Уландрык 273, 552
 Ульская станция 26, 208
 Ульские курганы 21, 27, 543
 Ульский аул 26, 208
 Уляпский аул 208, 209, 294, 345, 411, 412, 416, 515
 Уруская станция 26
 Усатово 202, 561
 Усатовская культура 202, 224, 265, 275
 Усть-Каменка 211, 551, 555
 Усть-Лабинская станция 225
 Узская культура 246, 554
 Факларис П. 509
 Фальк И.П. 223
 Фармаковский В.В. 26, 348, 349, 369, 424, 569
 Фасос 79, 81, 82, 291, 322, 324, 325, 356, 66, 381, 385, 387, 388, 542
 Федоров Давыдов Г.А. 200, 214, 226, 230, 231, 236, 545, 569
 Федорова 352
 Федосеев Н.Ф. 371, 381, 382, 384-386, 389, 549, 569
 Фелиция Е.Д. 25, 444
 Фемистокл 444
 Феодосия 314, 331, 358
 Фергана В. 309
 Фессалия 504, 505, 508
 Фессалоника 514
 Фестус 314
 Фиваки Е.Е. 200, 243, 247, 249, 264, 270, 282, 298, 316, 339, 345, 354, 355, 362, 371, 540, 569-571
 Фидий 309, 311
 Филатовна 249, 539
 Филипп Армадей 311, 372, 405, 502, 511
 Филипп Македонский 311, 314, 325, 328, 341, 368, 369, 375, 383, 392-394, 396, 399, 404, 405, 407, 409, 410, 541
 Филос В. 246, 305, 504, 569
 Фирштейн Б.В. 459, 476, 478, 480, 482, 569
 Флэйшман 505
 Фокиды 513
 Форосия 384, 406
 Формозов А.А. 228, 430, 444, 570
 Форт Салманисара 351
 Фракийские курганы 246, 316
 Фролов Э.Д. 335, 570
 Фролова Н.А. 393, 399-404, 407, 408-410, 570
 Фроммер М. 373
 Фрунас 354, 355, 542
 Фукар П. 309
 Фукидид 444, 570
 Фус П.Н. 226
 Хадямус 203, 570
 Хазанов А.М. 427, 428, 430, 432, 433, 441
 Халки 513
 Халенко Е.М. и В.И. 24, 303, 414-416, 545
 Хансен А. 18
 Ханская станция 26
 Хатажуклевский аул 26
 Хеос 241, 443
 Херсонес 128, 321, 326, 380, 382, 385, 388, 389, 517, 537, 540, 547, 549, 557, 563, 569, 573
 Хери В. 45, 457, 570
 Хейрен 241, 443
 Хиос 79, 81-83, 124, 291, 322, 324, 356
 Хичунов И.П. 249
 Холмское 212
 Хомина балка 51
 Хомина Могила 7, 11, 13, 14, 21, 38, 211, 219, 247, 283, 331, 345, 350, 354, 355, 359-361, 379, 388, 390, 392, 422, 423, 451, 514, 519, 556
 Хошей 246
 Хорват 221
 Хортица 198, 230, 558
 Хохаровский Я. 376, 394
 Цалкин В.И. 288, 291, 570
 Царева Могила 198, 203, 276
 Царская станция 26
 Цыткова Могила 305, 316
 Цезинное 551
 Цербер 122, 141, 311, 312, 503, 504, 506, 509, 512, 530
 Цимбалка 508, 536
 Цимбалова Могила 223, 307
 Цимлянское городище 25
 Циммерман Н. 514
 Цыганок М.И. 68
 Цыкин В.П. 457
 Цюльмер В. 372
 Чабанцова Могила 19, 37, 41, 42, 44, 210, 219, 247, 283, 286, 461, 458
 Чабинно 255, 257
 Чамлырская станция 26
 Частые курганы 21, 223, 255-257, 343, 352, 353, 511, 512, 517, 547
 Чаян 369
 Черверская Могила 198
 Червона Колонна 47, 455
 Черединова Могила 47, 219, 321, 322, 326, 329, 330, 358, 387, 456
 Чередищенко И.И. 215, 232, 247, 249, 278, 304, 306, 318, 345, 394, 462, 469, 515, 518, 519, 538, 540, 541, 553, 562, 570, 571

- Черная Могала 44, 45, 453
 Черненко Б.В. 9, 12, 13, 15, 33, 34, 37, 38, 41, 215, 256, 257, 303, 317, 330, 338, 346, 347-349, 352-354, 427, 428, 432, 433, 435, 441, 457, 514, 518, 553, 554, 558, 560, 567, 568, 569-571
 Чернецов А.В. 581
 Черныгов 18
 Черников С.С. 244, 571
 Черногородна 276
 Черноморск 25
 Черных Л.А. 426, 457, 539, 551, 562, 571
 Черников И.Г. 196, 202, 204, 207, 214, 427, 434, 552, 567, 571, 572
 Чертомлык 7, 11, 14, 15, 21, 23-25, 29-36, 41, 44-46, 50, 51, 53, 54, 56, 57, 59, 60, 62, 75, 100, 107, 197, 200, 202, 203, 206, 210, 221-223, 227, 229, 231, 232, 236, 238, 239-241, 243, 247-251, 253, 258, 260-262, 264, 268-273, 277, 279, 280-283, 286, 288-290, 292, 293, 295, 296, 298-304, 306, 311, 313, 315, 317, 318, 321, 323, 324, 326, 329-333, 335, 336, 339, 340, 342, 345, 348-355, 357-362, 364-371, 373-375, 377, 379, 380, 388, 390, 392, 410, 412, 413, 416, 419, 430, 432-436, 438, 446, 549, 460, 472, 475, 477, 504, 509, 511-514, 536, 537, 546, 547, 549, 551, 556-558, 560, 562, 564, 569-571, 573, 574
 Чертомлыкская балка 50
 Чертомлыкская Близница 200, 306, 435, 437
 Чертомлыкская Сечь 444
 Чертомлыкские курганы 50, 435, 437
 Чиликтинская долина 244
 Чиликтинские курганы 244
 Чирков А. 29, 571
 Чиркова М.Ю. 445, 571
 Чклов 23, 44, 45, 50, 54, 204, 293, 435, 437, 453, 568
 Членова Н.Л. 225, 425, 426, 571
 Чмырева Могала 21, 27, 28, 306, 211, 223, 243, 261, 280, 282, 300-303, 305, 306, 311, 314-317, 331, 332, 342, 345, 351, 355, 359, 360, 361, 366, 369, 371, 379, 416, 419, 502-504, 509-511, 519, 536, 542
 Чмырев Н.А. 205, 537, 540, 571
 Чорба Н.М. 43
 Чудова Могала 220
 Чумань 23
 Чумные Могалы 218
 Шарифутдинов И.Н. 41, 538, 572
 Шахта № 22 35, 41, 46, 63, 210, 450, 455
 Шадринский А. 373, 502
 Шацки М.Л. 230, 231, 236, 375, 572
 Шевченко 198, 354
 Шевченко А.В. 572
 Шевченко Н.П. 14, 457, 556
 Шевченко Ф.П. 11, 41, 274
 Шелест П.Ю. 11
 Шелов Д.Б. 395, 313, 314, 367, 371, 375, 379, 385, 393, 394, 398, 399, 400, 402, 404-408, 548, 572
 Шедольд К. 305, 372
 Шилов В.П. 202, 212, 246, 335, 342, 343, 345, 348, 354, 433, 572
 Шилов Ю.А. 205, 536, 552, 553, 561, 572
 Широкая Могала 207, 219, 222
 Широкое 256, 257, 303, 330, 345, 352, 476, 481, 482, 514, 571
 Шкорпил В.В. 205, 246, 440, 514, 572
 Шолохово 47, 50, 143, 433, 456, 542
 Шонин Г. 9
 Шрамко Б.А. 253-257, 262, 345, 426, 427, 432, 572, 573
 Штейн Х. 18
 Штиглиц 35, 50, 223
 Шульгиска, Шульгесовский курган 21, 25, 243, 280, 282, 311, 331-333, 346, 352, 359-361, 366, 379
 Шульги М. 292, 299, 459, 475, 477, 573
 Шульга Д.Г. 26, 231, 276, 439
 Шульга П.Н. 573
 Шушайко 21, 209, 298
 Щелов А.Н. 25, 369, 381, 543, 573
 Щенавина 220
 Щербачев В.В. 11
 Эберт М. 439
 Эванет, Эвайнот 311, 504
 Эварницкий Д.Н. 24, 25, 196, 198, 223, 224, 227, 232, 434, 436, 545, 547, 573
 Эварх 329
 Эвина 351
 Энци 503, 506
 Эрмигак 24, 28, 29, 30, 41, 308, 312, 313, 393, 395, 396, 398, 400, 401, 403, 404, 407, 429, 436, 438, 457, 503, 537, 544, 548, 554, 555, 563, 583, 584
 Эрот 307, 308, 358, 507
 Эрурия 505
 Этон 322, 374
 Юбилейное 347
 Южная Сибирь 246, 549, 550, 552, 555
 Южное Приуралье 200, 225, 236, 244, 274, 480, 538, 547, 548, 566
 Южный Буг 46, 197, 550, 561
 Юстид 254, 552
 Яблоновка 197
 Яворницкий Д.Н. 24, 31, 42, 45, 198, 217, 218, 221, 239, 243, 435, 444, 539, 547, 573
 Яковенко В.Н. 547
 Яковенко Э.В. 33, 342, 354, 355, 517, 539, 550, 573
 Яковлев 444
 Яковлев Ф.Б. 33
 Янная культура 202, 203, 214, 220, 224, 225, 274, 275, 380, 430, 450-457, 572
 Ярославская станция 26
 Ястребов В.Н. 46, 198, 201, 217-219, 222-224, 229, 232, 277, 298, 434, 574
 Ястребов С.Б. 41, 553
 Яценко Н.В. 10, 30, 32, 253, 261, 264, 268, 270, 370, 388, 389, 474, 542, 555, 574

Тугорка
Тумкани
Турецька
Турлак
Туратта
Турция
Турьм 31
Тутанька
Тутмос I
Тутхотп
Турки 2
Тягунов
Тисман

Уваров
408,

Уварова
Уйгаров
Укерт
Унон 27

Україна
55, 5
219,
426,
544,
583,

Уландри
Ульська
Ульське
Ульський
Ульські
Уруська
Усатово
Усатово
Усть-Ка
Усть-Ла
Уюкська

Фанлар
Фазьк I
Фармак
Фасос 7
387,

Федорова
569

Федорова
Федоссе
Феліци
Фемілет
Фелоса
Фермокс
Фессал
Фессалс
Фестус
Фидіко
339,

Фидий
Филато
Филант
Филант
375,
410,

Филов I
Фидит
Фліайш

Наукове видання

**Кургани скіфського Герросу IV ст. до н. е.
(Бабина, Водяна та Соболева могили)**

(російською мовою)

Редактор О. Шелудченко
Технічний редактор І. Риндюк
Художній редактор О. Расовська
Коректор О. Мореза

Підп. до друку 01.08.2005. Формат 60x84/8.

Папір офс. Друж офс. Гарнітура SchoolBook.

Ум. друк. арк. 78,0. Обл.-вид. арк. 69,8.

Замовл. № 031-05.

ТОВ «Видавничий дім «Скільки»

04080, Київ-80, вул. Олександрівська, 8, к. 2. Тел.: (044) 467-53-50, 467-53-20
Свідоцтво Держкомінформу України серія ДК № 1465 від 13.08.2003 р.

Надруковано ТОВ «Поліграфічний центр «Філіант»

04176, Київ-176, вул. Електриків, 26. Тел.: (044) 467-53-50, 425-30-01
Свідоцтво Держкомінформу України серія ДК № 149 від 16.08.2000 р.

1970 г.

Населенный пункт, группа	№ кургана	Высота	Степ. инволит	Ямная к-ра	Катакомб. к-ра	КМК	Срубная к-ра	Климмерийцы	Скелеты	Сарматы	Средневековые	Неопредел.
Нагорное	1	3,4	-	7	5	-	-	-	-	-	-	-
*	2	3,2	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-
*	3	0,6	-	2	2	1	-	-	1	-	-	-
*	4	0,25	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
*	5	1,2	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-
*	6	0,6	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
*	9	0,3	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
*	10	0,55	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
*	11	1,5	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-
*	12	0,6	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
*	13 Хомина Могила	3,2	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-

1971 г.

Населенный пункт, группа	№ кургана	Высота	Степ. инволит	Ямная к-ра	Катакомб. к-ра	КМК	Срубная к-ра	Климмерийцы	Скелеты	Сарматы	Средневековые	Неопредел.
Орджоникидзе	1 Толстая Могила	8,6	-	-	-	-	-	-	3+ 3 ко- ноха + 6 коней	-	-	-
Богдановка	1	1,4	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-
*	2	2,5	-	4	4	-	-	-	-	-	-	-

1972 г.

Населенный пункт, группа	№ кургана	Высота	Степ. инволит	Ямная к-ра	Катакомб. к-ра	КМК	Срубная к-ра	Климмерийцы	Скелеты	Сарматы	Средневековые	Неопредел.
Группа Странной Могилы	5 Чабанцова Могила	2,7	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-
Испановы могилы	1	1,2	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
*	2	4	-	7	2	-	-	-	-	-	-	-
*	3	0,6	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-
Группа Лясей Могилы	1	1,2	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-
*	2	0,5	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
*	3	0,3	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-

Населенный пункт, группа	№ кургана	Высота	Степ. энеолит	Ямная к-ра	Катакомб. к-ра	КМК	Срубная к-ра	Киммерийцы	Скифы	Сарматы	Средневековые	Неопредел.
*	4	0,5	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
*	5	0,3	-	2	1	-	1	-	-	-	-	-
*	6 Денисова Могила	2,0	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-

1973 г.

Населенный пункт, группа	№ кургана	Высота	Степ. энеолит	Ямная к-ра	Катакомб. к-ра	КМК	Срубная к-ра	Киммерийцы	Скифы	Сарматы	Средневековые	Неопредел.
Западные могилы	1	4,3	-	-	-	-	-	-	-	1+ 2 коня	-	-
*	2	1,0	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
*	3	0,4	-	2	-	-	-	-	-	2	-	-
*	4	1,5	-	8	4	-	-	-	-	-	-	-
*	5	0,4	-	3	-	-	1	-	-	-	-	-
Группа Страшной Могила	7	0,5	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
*	8	1,5	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-
Группа Сторожевой Могила	1	1,5	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
*	2	2,0	-	9	3	-	-	-	-	-	1	-
*	3	0,6	-	1	-	-	1	-	-	1	-	-
Восточная группа	1											

1974-1975 гг.

Населенный пункт, группа	№ кургана	Высота	Степ. энеолит	Ямная к-ра	Катакомб. к-ра	КМК	Срубная к-ра	Киммерийцы	Скифы	Сарматы	Средневековые	Неопредел.
Желтокамешка		9,2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Группа Лиесей Могила	7 Лиесей Могила	2,4	-	6	3	-	-	-	-	-	-	-
Испановы могилы	4	1,2	-	-	-	-	-	-	1+ коня	-	-	-
*	5	0,7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
*	6	4,0	-	7	2	-	-	-	-	-	-	1
*	7	2,0	-	2	-	-	-	-	1	-	-	-
Западно-Вогданоаская группа	1	0,8	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-
*	2	2,5	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-

1979 г.

Населенный пункт, группа	№ кургана	Высота	Степ. эрозии	Ямная к-ра	Катакомб. к-ра	КМК	Срубная к-ра	Каммерийцы	Сарматы	Средневековые	Неопредел.
Чкалово	Долгая Могилы	7,4	1	8	1	5	-	-	-	-	1
Чкалово	Малый Чертомлык	1,9	-	-	-	-	-	-	1	-	-
Чкалово, группа Приют или Бобушка	1	0,4	-	-	-	-	2	-	1	-	-
"	2	0,6	-	-	-	1	1	-	-	-	1
"	3 Бобушка	3,5	7	17	12	2	1	-	-	-	-
"	4	0,5	-	-	-	-	-	-	1	-	-
"	5	0,2	-	-	-	-	-	-	1	-	-
"	6	0	-	-	-	-	-	-	1	-	-
Группа Черной Могилы	1	0,7	-	3	1	-	4	1	-	-	-
"	2	0,6	-	3	-	-	-	-	-	-	-

1980 г.

Населенный пункт, группа	№ кургана	Высота	Степ. эрозии	Ямная к-ра	Катакомб. к-ра	КМК	Срубная к-ра	Каммерийцы	Сарматы	Средневековые	Неопредел.
Группа Черной Могилы	3 Черная Могилы	2,9	-	18	9	7	-	-	-	-	-
Группа Могилы Гуреевского	2	0,5	-	9	12	3	4	-	-	17	2
Группа Дедовой Могилы	1 Дедова Могилы	3,5	-	9	6	1	1	-	-	17	-
"	2	0,5	-	17	-	1	-	-	-	-	-
"	3	0,3	-	-	-	-	-	-	2	-	-
"	4	0,8	-	-	-	-	-	-	2	-	-
"	5	0,3	-	-	-	-	1	-	-	-	-
"	6	0,3	-	-	-	-	-	-	1	-	-
Группа у с. Изобильное	1	1,7	-	-	-	-	-	-	1	-	-
"	2	0,25	1	-	-	-	27	4	-	-	-
"	3	0,65	-	-	-	-	-	-	2	-	-
"	4	0,5	-	-	-	-	-	-	1	-	-
"	5	2,45	-	5	1	-	1	-	1	-	-
"	6	0,75	-	-	-	-	-	-	1	-	-
"	7	0,5	-	-	-	-	-	-	1	-	-
"	8	1,5	-	-	-	-	-	-	2	-	-

Населенный пункт, группа	№ кургана	Высота	Степ. энеолит	Язык к-ра	Катакомб. к-ра	КМК	Срубная к-ра	Каммерийцы	Скифы	Сарматы	Средневековые	Неопредел.
Испанова Могила	9	0,8	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-
Группа Лаурки	1 Лаурка	1,0	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
*	2	0,2	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
*	3	0,25	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
*	4	0,3	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-
*	5	1,4	-	6	-	-	1	3	-	-	-	-
*	6	0,3	-	1	1	-	-	-	-	-	1	-

1981 г.

Населенный пункт, группа	№ кургана	Высота	Степ. энеолит	Язык к-ра	Катакомб. к-ра	КМК	Срубная к-ра	Каммерийцы	Скифы	Сарматы	Средневековые	Неопредел.
Группа у с. Изобильное	9	0,3	-	2	-	1	-	-	-	-	-	-
*	10	0,4	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
*	11	0,3	-	2	-	-	1	-	-	-	-	1
*	12	0,35	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
*	13	0,3	-	2	-	2	1	-	-	-	-	-
*	14	1,9	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
*	15	0,6	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
*	16	0,3	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Группа Лаурки	7	0,7	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-
*	8	0,5	-	3	-	-	-	-	-	-	-	1
Чкаловская группа 1	7	0,8	-	3	7	-	2	-	1	-	-	-
Чкаловская группа 2	1	2,5	-	10	8	-	4	-	-	-	-	-
*	2	0,3	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-
*	3	0,3	-	1	1	3	1?	-	-	-	-	-
*	4	0,2	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-

1983 г.

Населенный пункт, группа	№ кургана	Высота	Степ. энеолит	Ямная к-ра	Катакомб. к-ра	КМК	Срубная к-ра	Каммерийцы	Сисифы	Сарматы	Средневековые	Неопредел.
Группа Круглой Могилы	1 Круглая Могила	1,0	2	8	6	-	5	-	-	-	-	-
*	2	0	-	-	-	-	-	-	2	-	1	-
*	3	0	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
*	4	0,2	-	2	-	-	-	-	-	-	1	-
*	5	0,3	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
*	6	1,0	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1
*	7	0	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-
*	8	0,9	-	5	4	2	1	-	1	-	-	-
*	9	0	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
*	10	0,6	-	2	3	-	1	-	1	1	1	-
*	11	1,1	1	9	6	1	2	-	-	-	-	2
*	12	0	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-
*	13	0	-	-	-	-	-	-	2	-	1	-
*	14	0,6	-	4	3	-	-	-	-	-	1	-
*	15	0	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
*	16	0	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
*	17	0,8	1	5	1	-	1	-	-	-	-	-
*	18	0	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
Группа Шахты № 22	2	2,05	-	10	6	-	1	-	-	-	-	-
*	3	0,4	-	-	1	-	1	-	2	-	-	1
*	13	0,15	-	-	-	-	-	-	1?	-	-	-
*	14	0,1	-	1	2	-	2	-	-	-	-	2
*	15	0,4	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
*	16	0	-	3	-	-	-	-	1	-	-	3

1986 г.

Населенный пункт, группа	№ кургана	Высота	Степ. энеолит	Ямная к-ра	Катакомб. к-ра	КМК	Срубная к-ра	Каммерийцы	Сисифы	Сарматы	Средневековые	Неопредел.
Каменка	Водяна Могила	6,5	-	-	-	-	-	-	1+ 2 конца + конных	-	-	-
Тарасо-Григорьевка	Бабина Могила	8,15	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-
*	Калькова Могила	2,5	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-
Червона Колонка	1	1,5	2	17	16	2	-	-	-	-	-	2

1992 г.

Населенный пункт, группа	№ кургана	Высота	Стел. аэолиты	Языки к-ра	Каталоги к-ра	КМК	Срубная к-ра	Калмырийцы	Скифы	Сарматы	Средневековые	Неопредел.
Группа Завадских могил	12	0,6		4	6		1					2
Токовские могилы	1	3,2						1				
"	2	1,2						1			1	
Межевая Могила	1	1,3		3	2	1						3

В разные годы в составе Орджоникидзевской экспедиции трудились многие сотрудники Института археологии: Е.В. Черненко, Е.А. Петровская, Н.М. Вокий, С.И. Круп, Н.П. Зарайская, Г.С. Копаненко, Г.Л. Евдокимов, А.Н. Загребельный, С.В. Поли, В.А. Рябова, Н.П. Шевченко, С.Ж. Пустовалов, Л.А. Черных, Н.А. Рычков, В.Н. Левченко, Ю.В. Пауленко, О.В. Битковский, С.А. Балакин, В.В. Генинг, А.В. Николова, Е.П. Бунятян, В.И. и Л.С. Ключко, В.Ю. Мурзин, Я.В. Баран, Г.А. Пашкевич, М.М. Иевлев, Е.М. Паламарчук, О.Л. Москадыня, М.Ш. Пятковский, В.П. Белозор, Е.Ю. Батуревич, В.А. Василенко, Д.В. Ступак, С.А. Куприй, Е. Алексеева. Здесь трудились и сотрудники других научных учреждений: В.И. Бибилова (Институт зоологии АН УССР), Г.А. Деревянко, М.А. Занудько (Орджоникидзевский народный музей), Г.А. Михайлюк (Музей Криворожского горного института), П.К. Ганжа, Н.М. Жаринова, М.П. Жуковский, В.В. Шатунов, Т.М. Будыменко, Г.В. Григорьева (Никопольский музей), Ю.А. Лукьянченко (Криворожский Музей), Р. Ролле, Г. Герке, Г. Лауэр, В. Херц (ФРГ, Геттингенский университет), А.Ю. Алексеев (Эрмитаж), В.В. Боровик, Л.В. Череватенко, А.В. Грачев, А.В. Назаренко, О.Ю. Добрянская.

Проходческие и крепёжные подземные работы при раскопках скифских курганов осуществляли шахтеры-пенсионеры Орджоникидзевского ГОКа Д.Я. Бондаренко, Ф.С. Бондаренко, И.Я. Косенко, М.Е. Величко, И.М. Удод, И.Д. Крыль, Г.Ф. Прус, В.П. Цыкин, И.М. Маларенко, Г.М. Пыхтин. Многие годы в составе экспедиции работали В.А. Коптев, В.П. Жорж, А.П. Пасечник, М.А. Рудов, А.Д. Крыжановский и многие другие, в процессе работы приобретшие археологическую квалификацию и ставшие незаменимыми помощниками в таком непростом деле, как раскопки курганов.

Определения костей животных из скифских курганов из раскопок Орджоникидзеградской экспедиции 1972 г. и 1994–2001 г.²

Наименование памятника	Лошадь домашняя	Крупный рог. скот	Мелкий рог. скот	Кабан дикий	Олень благородный	Другие
Группа Лисей Могилы Кург. № 1, ров*	1к/1ос	-	-	1к/1ос	-	-
Группа Лисей Могилы Кург. № 6, ров*	79к/6ос	-	-	32к/8ос	-	-
Группа Лисей Могилы Кург. № 6, погр. 1*	14к/2ос	-	овца 7к/1ос	-	-	-
Группа Испановых могил, Кург. 1 погр. 1*	-	-	Кости из котла, овца 7к/1ос	-	-	-
Группа Испановых могил, Кург. 2 погр. 1*	-	-	1к/1ос	-	-	-
Группа Страшной Могилы кург. 5 – Чабинцова Могила, ров*	98к/10ос	-	15к/3ос	33к/9ос	-	Волк 3к/2ос
Группа Завадских могил Кург. 6, ров	1 взросл. ос.	-	-	-	-	-
Группа Завадских могил Кург. 6 погр. 1	1 взросл. ос.	-	-	-	-	-
Орджоникидзе Кург. 12, ров	1млод.+ 1 взросл. особи	-	-	-	-	Собака – 1 взросл. ос.
Кург. 12, погр. 1–2	-	Бык – 1 взросл. особь	Коза – 1 полувар. особь	-	-	-
Кург. 13, погр. 3	-	-	Овца/коза 1 вар. ос.	-	-	-
Кург. 15, ров	1 вар. +1 полувар. особи	-	-	1вар.+1 полувар. особи	1 ос.	Косуля – 1 ос., Лиса – 1 ос.
Кург. 15, погр. 1	1 вар. ос.	-	-	-	-	-
Кург. 15, погр. 2	3 вар. ос.	Бык – 1вар.ос.	-	-	-	-
Кург. 15, погр. 3	1 вар. ос.	-	-	-	-	-
Кург. 15, погр. 4	1 вар. ос.	-	-	-	-	-
Кург. 19, ров	3 вар.ос.	-	-	-	-	-
Кург. 20, погр. 1	-	-	Овца 1 вар.ос.	-	-	-
Кург. 25, погр. 1	1 вар.ос.	-	-	-	-	-
Кург. 26, ров	1 вар.ос.	-	-	-	-	-
Кург. 27, погр.1	2 вар.ос.	-	-	-	-	Зяц-русак – 1 мол. особь

² Определения, отмеченные *, принадлежат В.И. Бибиковой. Все остальные сделаны О.П. Журавлевым.

С.И. Круц

Новые антропологические материалы из курганов скифской знати Северного Причерноморья

Список исследованных курганов верхушки скифского общества, т. е. «знати», значительно пополнился за последние 30 лет благодаря усилиям многих археологов Украины. И если ранее определение пола и возраста погребенных в большинстве своем давалось на основании сопровождающего инвентаря (или его остатков) – Солоха, Чертомлык, Мордяновский и многие другие, за редким исключением (Александрополь), – то начиная с 1960-х гг. все (или почти все) скелетные остатки изучались антропологами. Частично результаты этих исследований опубликованы [Круц, 1979; 1985; 1991; Шультц, 1991].

Из раскопанных в середине XIX – начале XX вв. больше всего «повезло» знаменитому Александропольскому кургану – черепа из его погребений исследовались антропологами неоднократно [Бэр, 1866; Фирштейн, 1966; Кондукторова, 1972; Ефилова, 2001]. Несколько меньше – Куль-Обе, из которой описана только нижняя челюсть «скифского царя» – крепкого мужчины 35–40 лет с хорошо выраженным мышечным рельефом «на наружной и внутренней поверхности кости» [Рохлин, 1965: 248–250], которая изучалась с целью выявления патологических изменений зубо-челюстного аппарата.

В Александропольском кургане были зафиксированы два, резко различающихся между собой, антропологических типа: мезобрахикраний, «принадлежащий скифским «царям» или вождям племен (три мужских черепа из богатых захоронений кургана), и долихокраний средиземноморский («мужской и женский черепа из галерей, принадлежащие, по-видимому, слугам...») [Фирштейн, 1966: 76]. Такое четкое соотношение господ и слуг, совпадающее с различием в их антропологическом типе, не может быть принято безоговорочно, учитывая то, что курган был ограблен и первоначальное расположение скелетов было нарушено. Так или иначе, но

последующее изучение антропологического материала из курганов «знати» при полном обследовании скелетных остатков подобной картины пока не обнаружило. Я имею в виду исследование кургана у с. Желтокаменка [Круц, 1982], где присутствуют и брахикрании, и более длинноголовые экземпляры, но подобная корреляция не наблюдается, возможно, из-за отсутствия четкой дифференциации основных и подчиненных погребений, вследствие неоднократного ограбления кургана.

Центральное погребение Толстой Могилы было частично разрушено. По скелетным остаткам (фрагмент затылочной кости черепа и длинных костей нижних конечностей), обнаруженных на месте, был определен пол, возраст погребенного и восстановлена длина тела. Скелеты «слуги» и трех «конюхов», относящиеся к данному захоронению, не были обследованы из-за очень плохой сохранности костей. В боковой неограбленной гробнице, принадлежащей женщине с ребенком, похороненной в сопровождении обслуживающих лиц, из-за неудовлетворительного состояния скелетных остатков возможно было произвести только поло-возрастные определения и длину тела знатной дамы [Круц, 1979].

В Чертомлыцком кургане, к сожалению, не сохранилось ни одного полного скелета, несмотря на большое количество погребенных. То, что раскапывались И. Забелиным, не сохранились и ныне, естественно, не описаны, а на доисследованных участках Чертомлыка в 1981–1986 гг. были выявлены практически только обломки, в основном, на периферии кургана [Шультц, 1991] и скелет «виночерпия» с разрушенным черепом [Круц, 1991].

Этим и ограничиваются представленные в литературе сведения о результатах антропологических исследований курганов скифской элиты.

Материал постепенно накапливался, и необходимость в его публикации назрела давно.

Толчком для нее послужили результаты раскопок новых курганов скифской «знати» (Бабина, Водяна и Соболева могилы), расположенных на том же правом берегу Днепра, в районе Никополя – Орджоникидзе, неподалеку от таких известных курганов, как Толстая Могила, Чертомлык, Желтокаменка и др., исследованных экспедицией под руководством В.Н. Мозолевского [Мозолевский, 1987; 1992; Полин, 2002-А].

Описание антропологического материала

Из *Бабиной Могилы* было исследовано семь скелетов: два мужских, три женских (один из них определен с некоторой долей сомнения как женский) и два подростково-юношеских.

Скелет мужчины зрелого или старческого возраста представлен обломками свода черепа, немногочисленными фрагментами лицевого скелета, найденными в разных местах: фрагменты свода – в центральной гробнице № 1, остальные обломки в дромосе входной ямы № 1 гробницы № 2. К нему также относятся обе плечевые, обе локтевые, обе бедренные, левые лучевая и большеберцовая, найденные в катакомбе гробницы № 2, в скоплении у западной стенки, в устье катакомбы центральной гробницы (Табл. 1). На правом локтевом суставе наблюдаются мощные костные разрастания, особенно на локтевом и плечевом эпифизах, с полной деформацией суставной поверхности и образованием новых суставных площадок, связанные, очевидно, с травматическим повреждением в верхней трети локтевой кости, возможно, очень старого перелома с последующим сильнейшим кровоизлиянием. Обезображенные суставные поверхности ограничивали подвижность сустава и отражались на его трудоспособности. Длина тела, определенная по формуле Л. Мануврие, большая – 174,9 см.

Скелет мужчины 35–40 лет. От него сохранился фрагмент лобно-теменной части мезокранного (определен визуально) черепа с метопическим швом, найденный в центральном погребении. К нему, видимо, можно отнести две плечевые кости (правая с разрушенным нижним эпифизом), обе лучевые, и обломки правой локтевой, найденные в дромосе входной ямы № 1 гробницы № 2. Трубчатые кости конечностей средней длины со средне развитым мышечным рельефом, за исключением очень развитой дельтовидной бугристости на плечевых костях (Табл. 1). Длина тела средняя – 166,6 см по Л. Мануврие.

Скелет женщины 25–35 лет представлен черепом отличной сохранности без нижней челюсти, найденным в скоплении костей у западной стенки катакомбы гробницы № 2, а также длинными костями конечностей – обе бедренные, обнаруженные в центральной гробнице (устье камеры и во входной яме), обе большеберцовые (дромос и катакомба гробницы № 2) и левая плечевая (катакомба гробницы № 2). Череп небольшой, грацильный, мезокранный с метопическим швом, высоким слодом, высоким и среднешироким, ортогнатным, резко профилированным лицом, мезокоихными орбитами и узким средневыступающим носом (Табл. 2). Длинные кости конечностей тонкие, гладкие, без следов видимой патологии (Табл. 1). Длина тела ниже средней – 150,8 см по Л. Мануврие.

От *скелета молодой женщины (не более 25 лет)* сохранилась нижняя челюсть (все зубы сформировались, без следов стертости), левая бедренная кость с разрушенным нижним эпифизом, обе лучевые кости (найденны в катакомбе гробницы № 2), диафиз правой бедренной кости (устье камеры центральной гробницы). Кости тонкие, гладкие, еле заметна линия сращения головки бедренной кости (Табл. 1). Длина тела, определенная только по лучевой кости, большая – 170 см по Л. Мануврие. Некоторые измерения на нижней челюсти приводятся в таблице 3.

От *скелета подростка 13–15 лет* сохранились обломки черепного свода, правая плечевая кость с несформировавшимися эпифизами и нижний эпифиз левой. Обнаружены в дромосе гробницы № 3.

Во входной яме центральной гробницы № 1 найдены некоторые кости верхних и нижних конечностей (правая плечевая со сформировавшимся нижним эпифизом и несросшейся головкой, обе бедренные, без эпифизов, фрагменты локтевых костей), а также фрагменты черепа от *юношеского скелета (16–18 лет)*, вероятнее всего, девушки.

Из *Водяной Могилы* исследовано три скелета: два из центральной гробницы (№ 3) и один так называемого «кошюха» из сопровождающего захоронения № 1.

Скелет 1 из центральной гробницы представлен прекрасной сохранности черепом без нижней челюсти, а также некоторыми костями посткраниального скелета – обоими плечевыми, локтевыми, левой лучевой, обоими бедренными (левая из двух обломков), правой больше-

берцовой, тазовыми костями, обеими лопатками, рукояткой грудины, несколькими позвонками и обломками ребер. Кости конечностей выше средней длины, довольно грацильные, но с хорошо развитыми мышечными прикреплениями (Табл. 1). Явных следов патологии не обнаружено. Рост большой – 171,0 и 173,0 см. Череп долихокраний с высоким сводом, со значительно развитым надпереносьем. Лицо широкое и средневысокое, ортогнатное, хорошо профилированное в области назиона, несколько слабее – в средней части лица. Нос среднеширокий, значительно выступающий, орбиты низкие. Скелет принадлежал мужчине 35–45 лет (Табл. 2).

От скелета 2 из центральной гробницы сохранились: затылочно-теменная часть свода черепа, фрагмент нижней челюсти, почти все длинные кости конечностей, лопатки, некоторые позвонки. Не вызывает сомнения, что скелет принадлежал молодому существу, несколько старше 15 лет (прорезались почти все постоянные зубы, за исключением третьего моляра, который находится в состоянии формирования, синостезирование скелета не завершено). Рост (150 см) определен несколько приблизительно, на основании измерения плечевой кости, эпифизы которой еще не срослись.

Скелет из погребения «конюха» № 1 очень плохой сохранности и, видимо, принадлежал подростку 13–15 лет.

Из восьми погребений *Соболевой Могилы* для исследования взяты скелетные остатки от десяти погребенных. Пять из них принадлежали мужчинам (погребение 1, скелет 3; погребения 2, 3, 5, 8; в погребении 3 пол определен с некоторой долей сомнения), два – женщинам (погребение 1, скелеты 1 и 2), два – детям первого детского возраста (погребения 6 и 7), один – юноше (погребение 4).

Погребение 1. В нем содержались остатки от трех скелетов. Скелет 1 принадлежал женщине зрело-старческого возраста, скорее всего – старший *maturus*, 40–50 лет, о чем свидетельствуют грибовидные разрастания в области коленных суставов, острые края эпифизов и т. п. (сохранились длинные кости верхних и нижних конечностей, нижняя челюсть – Табл. 1; 3). Судя по деформации нескольких лунок на нижней челюсти, зубная система претерпела некоторые болезненные изменения: утрачен правый третий моляр с последующим зарастанием альвеолы, что, возможно, связано с прижизненным воспалительным процессом

(кариес?). По внутреннему краю альвеолярной дуги на нижней челюсти четко выражены ореховидные вздутия (*torus mandibularis* – 2–3 балла). Рост средний – 153,5 см по Л. Мануврике.

Скелет 2. От него сохранились длинные кости верхних конечностей. Кости тонкие, но с хорошо развитыми нижними эпифизами. Скелет, очевидно, женский. О молодом возрасте погребенной говорят видимые линии сращения верхних эпифизов на плечевых костях и несросшийся нижний эпифиз на левой лучевой кости (20–23 года). Рост – 156,2 см по Л. Мануврике.

Скелет 3, представленный обломками правых лучевой и локтевой костей взрослого человека, судя по массивности диафизов, принадлежал мужчине.

В погребении 2 был похоронен мужчина старческого возраста (55–65 лет). От скелета сохранились незначительные фрагменты черепа (в том числе фрагмент левой половины лобно-теменной части с глазницей и носовыми косточками), а также обломок локтевой кости со следами старого перелома в нижней трети диафиза; диафизы лучевых, фрагмент левой плечевой с межмышцелковым отверстием, обломки бедренных. Грибовидные разрастания отмечены на эпифизах плечевой и локтевой костей. Форма черепа, видимо, долихокраний, орбиты мезоконхные (орбитный указатель – 77,8 от mf), выступание носовых костей среднее (симметрический указатель 47,4).

В погребении 3 от скелета сохранился свод черепа с повреждениями в области лобной, теменных и височных костей. Определение пола в данном случае вызывает сомнения: рельеф на черепе выражен средне, сосцевидные отростки крупноваты (2 балла) – мужчина под большим вопросом. Швы все заросли, зубы утеряны. Возраст, возможно, зрело-старческий. Следует отметить сплошной небный валик (*torus palatilis* – 3 балла). В области лба (на внутренней поверхности кости наблюдается утолщение стенок за счет рыхлой компакты) – следы какого-то заболевания. Этот факт заслуживает особого внимания, о чем будет сказано ниже.

В погребении 4 был захоронен, видимо, юноша (16–18 лет). Он был представлен, в основном, невыразительными фрагментами длинных костей верхних и нижних конечностей.

Погребение 5. От скелета сохранились только фрагмент затылочной части свода черепа, обломок нижней челюсти и длинные кости конечностей (обе бедренные, обе больше- и ма-

лоберцовые, левая плечевая, фрагменты диафиза лучевых и локтевых) (Табл. 1). Строение затылка, высокая нижняя челюсть с хорошо развитым подбородочным выступом, длинные и крупные трубчатые кости, особенно локтевая, не вызывают сомнения в принадлежности скелета мужчине 25–30 лет. На левой плечевой кости – межмышечковое отверстие. Рост большой – 176,9 см по Л. Мануврие. Некоторые размеры нижней челюсти приведены в таблице 3.

Погребение 7. Сохранились мелкие обломки черепа и трубчатые кости конечностей с несформировавшимися эпифизами, которые принадлежали ребенку первого детского возраста (5–7 лет).

Погребение 8. Скелет представлен крупными обломками сильно посмертно деформированного черепа, не поддающегося реставрации, а также костями правого предплечья (Табл. 1). Вероятнее всего, скелет принадлежал мужчине (строение надбровья, покатый лоб, крупные зубы). Сомнение вызывает очень маленький сосцевидный отросток (речь идет о правом, левый разрушен). Возраст – до 30 лет. Рост, вычисленный только по двум костям верхних конечностей, ниже среднего – 163,5 см по Л. Мануврие (Табл. 2).

К правобережной группе курганов скифской эвнаты относятся также курган 12 из Владимировки (раскопки Н.Н. Чередииченко, 1975, 1976), курган 18 из Львово Херсонской области [Кубышев, 1982-А], курганы 15 и 22 у села Золотая Балка [Кубышев, 1980; 1982], скелетные остатки из которых также были исследованы.

Владимировка, курган 12, погребение 1. Из него были изъяты остатки от двух скелетов. **Скелет 1**, найденный в дромосе, состоял из черепа без нижней челюсти и многих костей посткраниального скелета: правых и левых плечевых, лучевых, локтевых, большеберцовых, правой бедренной, малоберцовой, ребер, ключиц.

Череп массивный со значительно развитым надбровьем, выйной линией не менее 5-ти баллов и крупными сосцевидными отростками. Рельеф длинных костей грубый, бугристый, размеры их большие (Табл. 1). На плечевых костях очень сильно развита дельтовидная бугристость и гребень большого бугорка, на малой берцовой кости – костные разрастания в местах прикрепления мышц, что может указывать на их мощное развитие. На суставных поверхностях патологические костные разра-

стания не обнаружены. Скелет мужской, зрелого возраста (определен на основании степени стертости зубов и облитерации швов – 40–45 лет). По форме череп мезокраниальный, высокий. Лицо широкое и высокое, мезогнатное, с ослабленной горизонтальной профилировкой. Нос широкий, выступающий; переносье высокое. Орбиты низкие, хамэкзонхные (Табл. 2).

На верхней челюсти утеряны при жизни первый правый моляр, латеральные резцы и левый премоляр, следы гранулем. Отмечен хорошо развитый небный валик – *torus palatina* – 2 балла.

Рост, определенный по пяти формулам (Л. Мануврие, М. Троттер и Г. Глезер, В.В. Бунак, Г.Ф. Дебец, Ж. Олизье) относится к категории больших – от 174,9 см по Бунаку до 181,9 см по Троттер и Глезер.

От второго скелета (погребение 1, скелет 2) для антропологического анализа взяты обломки нереставрируемого черепа, челюстей, правая лучевая, диафиз правой локтевой и большеберцовой, фрагменты тазовых и других костей посткраниального скелета (Табл. 1). Мышечный рельеф довольно грубый, наблюдаются костные разрастания в области ягодичной бугристости большого вертела и пилеистра. Суставной рельеф лучевой и локтевой костей острый, что может также указывать на процесс старения. Межкостный край – шероховатый. Суставная поверхность ребер резко деформирована, уплощена и увеличена в размерах. На правой большеберцовой кости в области суставных площадок верхнего эпифиза – выраженные краевые разрастания, связанные, возможно, с наличием хронического деформирующего артрита, видимо, в начальной стадии. Скелет женский (с некоторой долей сомнения) зрелостарческого возраста. Рост большой – от 162,8 см по Л. Мануврие, до 165,0 см по Ж. Олизье.

Из погребения 2 сохранились только молочные зубы ребенка 3–5-летнего возраста. Из погребения 3 – несколько постоянных зубов взрослого человека.

Золотая Балка, курган 15. Для исследования были отобраны все скелетные остатки, найденные в кургане.

Погребение 1 («хозяйка»). От скелета сохранились обломки черепа, нижней челюсти, кости конечностей в обломках, таза и др. Кости небольшие, тонкие. Седалищная вырезка имеет почти прямой угол; диаметр вертлужной впадины – 43 мм; максимальная длина правой ключицы – 134 мм. Все эпифизы срослись.

Судя по обломкам, рельеф на черепе сглаженный, лоб прямой с хорошо выраженными лобными буграми. Скелет женский, возраст – 22–25 лет, все швы открыты, третьи моляры на верхней челюсти сформировались и прорезались, на нижней – в состоянии прорезывания, причем, справа третьему моляру не хватило места в альвеолярном ряду и он прорезался сбоку, на восходящей ветви челюсти. Наблюдается метопический шов и небольшие вставочные косточки по веночному шву справа. Нижний край грушевидного отверстия антропной формы. Некоторые измерения, проведенные на лицевом отделе, приводятся ниже:

Верхняя высота лица – 71 мм
 Скуловой диаметр – 128 мм (?)
 Верхняя ширина лица – 111 мм (?)
 Средняя ширина лица – 98 мм
 Высота носа – 55 мм (?)

Результаты измерений на нижней челюсти приведены в таблице 3.

«Слуга» у входа. От скелета сохранились обломки черепного свода, нижней челюсти, зубы, несколько обломков посткраниального скелета. Черепной свод реставрации не поддается. Визуально череп долихокраний. Наименьшая ширина лба – 98 мм. Стенки свода тонкие. Произошла смена почти всех молочных зубов, за исключением третьего моляра и второго премоляра. Судя по порядку прорезывания зубов, возраст определяется в 12–13 лет. Состояние фрагментов посткраниального скелета указывает на более «зрелый» возраст погребенного: синостезирован нижний эпифиз плечевой кости, начался крестцовый – 15–17 лет (?). Сравнительно развитый мышечный рельеф на плечевых костях позволяет предположить, что скелет принадлежал юноше.

Несколько измерений, взятых на обломках нижней челюсти, приводятся ниже:

Наименьшая ширина ветви – 31 мм
 Высота тела – 28 мм
 Толщина тела – 14 мм.

Погребение 2 («хозяин»). Сохранились фрагменты черепного свода, нижняя челюсть (лицевой отдел разрушен и утерян при ограблении), некоторые кости посткраниального скелета: диафизы верхних и нижних конечностей, кости таза.

Скелет типично мужской: развитое надбровье (не менее 3-х баллов), крупные носевидные отростки, хорошо выраженная выйная линия на затылочной кости. Длинные кости

массивные, с развитым мышечным рельефом. Диаметр вертлужной впадины – 51 мм. Возраст – 45–55 лет. Швы на черепе уплотнены, веночный и сагиттальный заросли, края эпифизов острые.

Лоб широкий – 105 мм. На лобной кости, слева от сагиттального валика, небольшое поверхностное нарушение кости – следы от удара, возможно, стрелой (?). Некоторые измерения на черепе представлены ниже. По внутреннему краю альвеолярной дуги – ореховидные вдутия (*torus palatinus* – 2 балла).

Наименьшая ширина лба – 105 мм
 Наибольшая ширина лба – 126 мм
 Ушная ширина – 132 мм
 Ширина затылка – 114 мм
 Длина основания черепа – 107 мм
 Скуловая ширина – 134 мм

Погребение 3 («хозяин»). Сохранились обломки черепного свода, верхней и нижней челюстей, не поддающиеся реставрации. На верхней и нижней челюстях прорезались все постоянные зубы (в отличном состоянии), за исключением третьих моляров, для которых нет и места. Собраны также обломки плечевых и локтевых костей, обломки бедренных и большеберцовых. Головки и дистальные эпифизы бедренных костей срослись, хорошо видна линия сращения. Скелет, без сомнения, женский (общая грациальность, маленькие челюсти и т. д.), возраст – не более 20–22 лет.

Визуально череп долихокраний. Ширина альвеолярной дуги – 54 мм, длина альвеолярной дуги – 52 мм; длина неба – 45 мм. Небный валик не развит. Нижний край грушевидного отверстия имеет антропную форму, со слабо выступающей носовой остью – 1 балл. На фрагменте нижней челюсти отмечена интересная особенность – три питательных отверстия (*foramen mentale*) справа, левая половина разрушена. Передняя ширина нижней челюсти – 46 мм, высота симфиза – 33 мм, высота тела – 31 мм, толщина тела – 11 мм.

Погребение 3, «слуга». Исследованы обломки черепного свода, нижней и верхней челюстей, не поддающиеся реставрации, и фрагменты нескольких длинных костей конечностей (обеих плечевых и бедренных), принадлежавших молодой особи, скорее всего, женщине (?) 20–23 лет. Кости тонкие, грациальные, а соседние отростки несколько крупноваты. Все постоянные зубы сформировались, за исключением третьего моляра, находящегося в состоянии прорезывания. Зубы в отличном состоянии,

на внутренних резцах отмечается выраженная лопатообразность (балл 2–3). Небный валик разрушен. Ширина альвеолярной дуги – 58 мм; наименьшая ширина ветви нижней челюсти – 35 мм (правая сторона). Нижний край грушевидного отверстия острой, антропной формы; передне-носовая ось – 2 балла. Череп визуально долихокраний, наименьшая ширина лба – 96 мм. На обеих плечевых костях обнаружены межмышечковые отверстия.

Погребение 4. От скелета сохранились только несколько обломков свода черепа взрослого человека, вероятнее всего, мужчины, о чем свидетельствует значительно развитый затылочный рельеф, крупный сосцевидный отросток (левый).

Золотая Балка, курган 22, погребение 1. В нем сохранились остатки от двух скелетов. Скелету 1 принадлежали, очевидно, обломок левой половины верхней части лицевого отдела со скуловой костью и сосцевидным отростком, а также фрагмент затылочной части черепа с затылочным отверстием. Размеры этого фрагмента небольшие и могут указывать на принадлежность его женскому скелету (сосцевидный отросток неразвитый – 1 балл), о чем говорят и обломки посткраниального скелета: лопатка (ее длина – 126 мм), несколько шейных (ширина атланта – 73 мм), грудных и поясничных позвонков со следами деформации, обломки диафизов костей конечностей. Определение возраста вызывает затруднения – вероятнее всего, зрелый.

Скелету 2 принадлежал плохо сохранившийся черепной свод (кость очень рыхлая) с разрушенным лобным участком и основанием. Череп небольшой (мезокраний, визуально), похож на женский. Возраст – не более 30 лет.

Львово, курган 18.

Погребение 1. Скелет 1. Сохранившиеся обломки черепного свода, нижней челюсти, левые плечевая и бедренная (кости плохой сохранности, рыхлые) принадлежали женскому скелету. Возраст – 22–25 лет. На сохранившемся фрагменте нижней челюсти отмечено двоянное питательное отверстие (*foramen mentale*) с правой стороны, левая разрушена. Ореховидные вздутия по альвеолярной дуге слабо выражены (балл 1). Передняя ширина нижней челюсти – 43 мм, высота симфиза – 28 мм, высота тела – 27 мм, толщина тела – 12 мм. Длинные кости тонкие и гладкие. Рост по Л. Мануврие – 155,3 см.

От скелета 2 сохранился фрагмент черепного свода (разрушены левые и правые теменно-затылочные участки) и обломки нижней челюсти, принадлежащие женщине старческого возраста (60–70 лет?). Череп долихокраний – продольный диаметр – 196 мм. На нижней челюсти отмечены ореховидные вздутия – балл 2.

Погребение 2. Правая бедренная кость и обломки таза принадлежали мужскому скелету с небольшой долей сомнения (кости довольно грацильные, но с хорошо выраженными местами прикрепления мышц). Возраст – зрелый. Рост, вычисленный по Л. Мануврие, – 169,2 см.

Погребение 3. Сохранился только фрагмент левой половины черепа, без сомнения, принадлежащий мужчине 30–40 лет. Форма низкого края грушевидного отверстия, судя по сохранившемуся фрагменту, в виде предносовых ямок, передне-носовая ось – 4 балла.

Погребение 5. Очень мелкие обломки нижней челюсти, молочные зубы принадлежали ребенку 3–5 лет.

Курганы левобережной степи

Одним из сенсационных событий конца 1960-х – начала 1970-х гг. явились раскопки *Гаймановой Могины* [Бидзила, 1971]. Судя по археологическим описаниям, в кургане было захоронено не менее 11 человек. Для антропологического определения было передано четыре черепа различной степени сохранности и обломки посткраниального скелета от пятого погребенного. Описание их дано ниже, соответственно паспортным данным, приложенным к находкам в процессе раскопок, которые сейчас трудно соотнести с действительным расположением скелетов в кургане.

Череп из «основного погребения. Драмос». Хорошей сохранности черепной свод с повреждениями лицевого отдела, без нижней челюсти принадлежал мужчине 40–50 лет. Череп долихокраний, средневысокий со среднешироким прямым лбом. Лицо сравнительно узкое и невысокое, мезогнатное. Нос широкий, глазницы низкие (Табл. 2).

Череп из «катакомбы 1, найденный в драмосе входной ямы» принадлежал женщине зрелого возраста (40–50 лет). Рельеф надбровья и затылка сглаженный. По форме череп мезокраний, высокий; лоб широкий, средненаклонный. Лицо широкое, высокое (по указателю – узкое), мезогнатное, резко профилированное. Нос широкий, выступающий с высокими носовыми косточками и переносьем. Нижний край

грушевидного отверстия невыразительной конфигурации (возможно, в форме предносовых ямок). Орбиты мезоконхные (Табл. 2). На верхней челюсти фиксируется четко выраженный небный валик (*torus palatinus* – 3 балла); на нижней – костный валик, опоясывающий всю альвеолярную дугу с внешней стороны, за исключением участков на уровне двух передних резцов и двух моляров. Следует отметить еще одну особенность – при значительной стертости зубной системы (3–4 балла), третьи моляры не прорезались, возможно, в связи с укорочением альвеолярной дуги.

Череп «из завала над полом погребальной камеры со стороны 2-ой входной ямы» относительно хорошей сохранности, с незначительными повреждениями, без нижней челюсти принадлежал мужчине зрело-старческого возраста (50–60 лет), что подтверждается облитерацией всех швов и степенью стертости зубов. Череп мезокраниальный, средней высоты. Лоб широкий, покатый, с выступающим надпереносьем; затылок с развитой выйной линией, осцевидные отростки крупные.

Лицо узкое и очень высокое. Нос узкий, выступающий, переносье высокое; нижний край грушевидного отверстия имеет форму предносовых ямок. Орбиты высокие и очень широкие, по указателю хамэконхные (Табл. 2). Небный валик только намечен (*torus palatinus* – 1 балл).

Кости посткраниального скелета плохой сохранности на нише 2 принадлежали, очевидно, мужской особи юношеского возраста («воин-стражник»?).

Особого внимания заслуживает череп из погребения 4. Хорошо сохранился, в основном, лицевой отдел. Черепная коробка, за исключением лобно-теменной части, разрушена, но, благодаря сохранившемуся фрагменту затылочной кости, полностью реставрирована. Определение пола вызывает некоторые сомнения: при довольно крупном в целом черепе рельеф выражен слабо, надбровье сглажено (мужчина под вопросом). Наблюдается несовпадение в степени зарощения черепных швов (швы заросли, возраст – старческий) и незначительной стертостью зубов, указывающая на несколько более молодой возраст погребенного, (старший паиуигус?). Затылок уплощен и несет на себе, возможно, следы искусственной деформации (затылочно-теменной?).

Лицо неширокое и средневисокого, резко профилированное. Нос очень широкий, с невы-

сокими сравнительно носовыми косточками и достаточно высоким переносьем. Глубина клыковой ямки небольшая. Орбиты высокие и очень широкие (Табл. 2).

Кроме трудностей в определении пола и возраста, вызванных в какой-то мере и отсутствием костей посткраниального скелета, обращают на себя внимание следы патологии на внутренней поверхности лобной кости.

Из погребения 7 (гробница 1–2 могила, скелет «раба») на определение взяты обломки свода черепа, нижней и верхней челюстей ребенка 10–12 лет. Стенки черепа тонкие. Постонные зубы в состоянии прорезывания: первый моляр прорезался, второй сформировался и оказался в альвеоле, премоляры еще молочные. На верхней челюсти правые клык и внешний резец зафиксированы в состоянии формирования в теле челюсти, равно как и правый клык – в нижней.

Недалеко от Гаймановой могилы, на юго-запад от нее, в урочище Носаки и в окрестностях села Гюновка в 1976–1977 гг. были раскопаны еще несколько курганов, несомненно принадлежащие богатым скифам (раскопки В.И. Видзильи, Ю.В. Болтрика, Б.Н. Мозолевого, В.В. Отрощенко, И.П. Савовского), обозначенных номерами 10, 11, 12, 14, а также «Вишневая Могила», занимающая заметное место среди названной группы. К юго-востоку от них – Каменная Могила вблизи с. Шмальки, исследованная В.И. Видзильей в 1974 г. [Видзилья, 1975; Носаки, 1977].

Урочище Носаки, курган 13. Из-за очень плохой сохранности и малочисленности скелетных остатков, которые находились в дромосе входной ямы, с трудом удалось определить наличие, как минимум, трех погребенных. Обломки от двух из них находились в дромосе входной ямы 3. Массивная лобная кость (до 13 мм толщиной), со значительно развитым надбровьем, несомненно, принадлежала мужской взрослой особи (возможно, зрелого возраста). Теменная кость (очень тонкая), с сохранившимися участками открытых швов, вероятнее всего, принадлежала женщине возмужалого возраста. В дромосе входной ямы 1 был обнаружен фрагмент нижней челюсти ребенка 6–7 лет. Некоторые измерения, проведенные на челюсти, приводятся ниже.

Передняя ширина – 44 мм
 Высота симфиза – 27 мм
 Высота тела – 25 мм
 Толщина тела – 12 мм
 Наименьшая ширина ветви – 27 мм.

Казенная Могила. Из центрального погребения исследованы нижняя челюсть и левые бедренная и большеберцовая кости, принадлежащие мужскому скелету (табл. 1). Возраст – зрелый (младший *maturus*, 35–40 лет, судя по стертости зубов – 3 балла по шкале М.М. Герасимова). Ореховидные вадутии по внутреннему краю альвеолярной дуги не менее 2-х баллов, наблюдаются двоянные питательные отверстия (*foramen mentale*). Видимые патологические изменения на длинных костях не обнаружены. Рост по Л. Мануврие – 164,6 см (левая сторона).

Погребение 2. От скелета, принадлежавшего, вероятнее всего, женщине возмужалого возраста (зубы стертые слабо, не более 2-х баллов), сохранились фрагмент свода черепа и нижняя челюсть. Нижняя челюсть средних размеров, средневдлинная (от мыщелков) и широкая (на грани со среднеширокой), невысокая, со средневыступающим подбородком и небольшой толщиной тела (Табл. 3). Ореховидные вадутии развиты слабо (балл 1); справа отмечены двоянные питательные отверстия (*foramen mentale*).

Погребение 3. От скелета сохранились левая большеберцовая и фрагменты правой бедренной костей, принадлежавшие женщине (определение пола вызывает некоторые сомнения) зрело-старческого возраста – на суставных поверхностях костей обнаружены грибовидные разрастания, носящие, возможно, патологический характер. Рост, определенный по одной кости, по формуле Л. Мануврие – 160,3 см – высокий.

Вишневая Могила. Центральное погребение № 1 было ограблено. Скелетные остатки, собранные для анализа, принадлежали четырем погребенным.

Скелет 1 представлен только фрагментом довольно массивной нижней челюсти мужчины зрело-старческого возраста (50–60 лет). Видимых патологий нет, степень стертости зубов не менее 4–5 баллов. Отмечены ореховидные вадутии по альвеолярной дуге (*torus mandibularis* – 2 балла).

Передняя ширина нижней челюсти – 51 мм
Высота тела – 34 мм
Толщина тела – 17 мм.

Скелет 2 принадлежал, очевидно, женщине 25–35 лет, от которого сохранился только фрагмент нижней челюсти (Табл. 3).

Скелет 3 также представлен фрагментом нижней челюсти с разрушенной левой ветвью

и несколькими обломками диафизов костей нижних конечностей, принадлежавшие молодому мужчине возмужалого возраста.

Скелет 4. От него сохранилось также немного фрагментов – левая половина нижней челюсти (некоторые измерения приведены в Таблице 3) и несколько костей посткраниального скелета: диафиз левой плечевой и левая бедренная, а также обломок ключицы. Пол – женский. Возраст – 22–25 лет, определенный по состоянию зубной системы. Рост, определенный только по длине бедренной кости, 150,5 см по Л. Мануврие. На левой плечевой кости отмечено межмышечковое отверстие.

Обращает на себя внимание факт отсутствия в этой камере даже обломков черепов и наиболее хорошо сохраняющихся трубчатых костей конечностей. Создается впечатление, что ограбление было совершено еще в то время, когда тело не полностью разложилось и было утащено грабителями на поверхность в полном богатом облачении.

В погребении 2 кости почти полностью истлели, за исключением нескольких молочных зубов ребенка первого детского возраста (3–5 лет?).

Погребение 4 представлено черепом относительно хорошей сохранности и правыми плечевой и локтевой костями. Скелет женский – ослабленный рельеф на черепе (слабо развитые надбровье, сглаженный затылок) и длинных костях. Возраст – 35–40 лет.

Череп мезокраниальный, высокий, с широким прямым лбом. Лицо высокое, довольно широкое, если судить по верхней ширине лица (скуловые кости разрушены), ортогнатное, резко профилированное в верхней части и слабее – в средней. Нос широкий, выступающий, при ослабленной переноске и небольшой высоте носовых косточек. Орбиты высокие (Табл. 2). Отмечено наличие небного валика на верхней челюсти (*torus palatinus* – 2 балла), наличие двоянных питательных отверстий справа. При значительной стертости зубов (не менее 3 баллов), степени уплотненности черепных швов, соответствующих возмужало-зрелому возрасту, третий моляр еще не прорезался.

Рост, определенный по двум костям верхних конечностей (Табл. 1), относится к категории больших – от 161,9 см по Л. Мануврие, до 163,7 см – по М. Троттер и Г. Глезер. Отмечено межмышечковое отверстие на правой плечевой кости, аналогично женскому скелету 4 в центральной камере (погребение 1). В этом кургане

подобное явление встречено дважды, на что необходимо обратить внимание, учитывая небольшую частоту встречаемости этого признака в популяциях [Алексеев, 1966].

Гюмоака, курган 10. Единственное в кургане, *Погребение 1*, ограблено. Из него сохранились остатки от пяти скелетов.

Скелет 1 представлен только длинными костями верхних конечностей: правой плечевой (от левой – только обломки диафиза), левая лучевая, обе локтевые и правая ключица. Кости средней длины, со слабо выраженным рельефом (Табл. 1). Скелет, безусловно, женский. Возраст – *adultus*. Рост, вычисленный по формуле Л. Мануарие, – 159,1 см, по М. Троттер и Г. Глезер – 161,0 см.

Скелет 2. От него сохранились также лишь обломки плечевых и локтевых костей. На правой плечевой хорошо выражена дельтовидная бугристость. Скелет мужской. Возраст – возможно зрелый. Некоторые измерения, которые можно было взять на диафизе правой плечевой кости, приводятся ниже:

- Верхняя эпифизарная ширина – 53 мм
- Наибольший диаметр середины диафиза – 23 мм
- Наименьший диаметр середины диафиза – 20,5 мм
- Наименьшая окружность диафиза – 70 мм
- Окружность середины диафиза – 72 мм.
- Наименьшая окружность локтевой кости – 44 мм.

Скелет 3 принадлежал юной женщине, не более 20–22 лет, судя по фрагментам костей верхних конечностей (локтевых, левой лучевой, правой ключице), на которых еще окончательно не срослись дистальные эпифизы. Кости тонкие, гладкие. Рост, вычисленный с некоторой степенью приближенности, по Л. Мануарие – 158,2 см, по М. Троттер и Г. Глезер – 159,5 см.

От **скелета 4** сохранились правые кости верхних конечностей и левая большеберцовая. Кости сравнительно длинные, со среднеразвитым рельефом (Табл. 1). Рост по Л. Мануарие – 173,9 см, по М. Троттер и Г. Глезер – 177,5 см, относится к категории больших величин.

Скелет 5 принадлежал, видимо, подростку, более точный возраст определить невозможно, т. к. от скелета сохранились только фрагменты ключицы.

В **кургане II** обнаружено шесть погребений, в пяти из них сохранились скелетные остатки.

Погребение 1. Взяты для определения череп без нижней челюсти и кости верхних и нижних конечностей, за исключением бедренных. Среднеразвитый мышечный рельеф на черепе, небольшое развитие надпереносья (балл 2), гладкие, средней длины длинные кости позволяют определить скелет как женский, с небольшой долей сомнения, из-за несколько повышенного развития затылочного рельефа (балл 3) и формы альвеолярной дуги верхней челюсти – параболической, в большей степени характерной для мужских групп.

Состояние швов на черепе и степень стертости зубов (не менее 3-х баллов) определяют возраст погребенного в границах 30–40 лет. Но на проксимальных эпифизах большеберцовых костей обнаружены костные разрастания, связанные, возможно, с возрастными изменениями, что наталкивает на мысль о более зрелом возрасте, хотя нельзя исключить и патологический характер наблюдаемого явления.

Череп брахикранный, высокий; лоб прямой; лицо среднеширокое и очень высокое (по указателю – узкое), мезогнатное, с ослабленной горизонтальной профилировкой на уровне назиона (145,8). Нос среднешироким, резко выступающий, с невысокими носовыми косточками и высоким переносьем (Табл. 2). Развитие небного валика (*torus palatinus*) определяется в 2 балла. Рост, вычисленный по формуле Л. Мануарие, – 161,9 см, по М. Троттер и Г. Глезер – 163,3 см, относится к категории больших величин в женских группах.

В **погребении 3** скелет лежал непогребенным и принадлежал ребенку не более 2-х лет. Сохранились обломки черепа и трубчатых костей.

Погребение 4 ограблено, из него сохранились обломки от трех скелетов. От **скелета 1** – фрагмент черепного свода и нижняя, довольно массивная, челюсть, а также длинные кости верхних и нижних конечностей, некоторые из которых представлены только диафизами – плечевые, бедренные, большеберцовые. На плечевой кости хорошо развита дельтовидная бугристость. Кости крупные (Табл. 1). Скелет, без сомнения, мужской. На позвонках заметны старческие краевые разрастания, два грудных – срослись. Наблюдается остеомнодобное окостенение передней продольной связки (спондилоартрит?). Возраст – старческий (55–65 лет). Зубы стертые очень сильно, многие утрачены при жизни с последующей атрофией лунок, возможно, вследствие заболевания зубной

системы (кариес?). Череп массивный, долхокраний (визуально). Измерения нижней челюсти приводятся в Таблице 3. Рост очень высокий – 182,1 см по Л. Мануврие и 181,5 см по М. Троттер и Г. Глезер.

От скелета 2 сохранился фрагмент черепного свода и нижней челюсти, длинные кости верхних и нижних конечностей. Пол – мужской; кости массивные, значительных размеров (Табл. 1). На бедренной кости отмечена мощная *Dlea asprella*. Обращают на себя внимание костные разрастания на диафизах и суставах, возможно, связанные с какими-то патологическими процессами. По состоянию зубной системы, данному субъекту не более 40 лет. Рост, как и у предыдущего погребенного, очень большой – 180,4 см по Л. Мануврие, 180,2 см по М. Троттер и Г. Глезер.

Скелет 3 также разрушен, сохранился только фрагмент лобно-теменной части черепа с метопическим швом и обломки челюстей, принадлежащие мужчине (?), но значительно более молодому – 22–25 лет.

В погребении еще найдены длинные кости верхних и нижних конечностей (от плечевых и левой большеберцовой сохранились только диафизы) – от мужского скелета 4. Возраст – *tauticus*. Кости довольно грацильные, хотя на плечевых отмечается значительное костное развитие в местах прикрепления мышц (дельтовидной бугристости). Рост для правой стороны вычислен по одной кости, по Л. Мануврие и М. Троттер и Г. Глезер, соответственно, 169,7 см и 174 см, для левой – по трем, 168,1 см и 171,0 см. По принятой в антропологии классификации относится к категории от выше средних до больших величин.

Рядом со скелетами лошадей с богатым снаряжением (здесь же была найдена и золотая ажурная пластина со сценой охоты) находился еще один скелет – «коник», очень плохой сохранности, принадлежащий юноше 18–20 лет. В области лобно-теменной кости (справа) обнаружено небольшое сквозное отверстие (пролом?) без видимых следов зарощения. Очевидно, юноша был убит, а не задушен.

Из погребения 5, находившегося в перемычке ровика, окружавшего курган (погребенный вытянут на спине, головой ориентирован на запад), взяты для анализа всего несколько трубчатых костей конечностей: левая бедренная с несросшимся эпифизом и диафиз левой плечевой. Остальные сильно разрушены. Скелет принадлежал ребенку 9–10 лет.

Погребение 6, представленное несколькими обломками черепа и неполным комплектом постоянных зубов минимальной степени стертости, возможно, принадлежало молодой (22–25 лет) женщине (?).

Гютовка, курган 12. Обнаружены остатки от двух скелетов. **Скелет 1.** Сохранился череп с некоторыми повреждениями в лицевой части, почти все длинные кости конечностей, за исключением правой бедренной. Они принадлежали мужчине старческого возраста. Кости очень массивные, с мощными прикреплениями мышц и костными разрастаниями на эпифизах большинства костей, особенно на проксимальных эпифизах локтевых костей. К этому же скелету, возможно, относится и два сросшихся шейных позвонка. Рост по Л. Мануврие – 170,1 см (правая сторона), 171,1 см (левая).

Череп мезокраний, длинный, широкий, с широким лбом, среднеразвитым рельефом в области надбровья и затылка и крупными сосцевидными отростками. Лицо, видимо, широкое (судя по верхней ширине лица, скуловой отросток разрушен) и высокое, с несколько ослабленной горизонтальной профилировкой в верхней части и хорошо профилированное в средней. Нос высокий и среднеширокий, с высоким переносьем; нижний край грушевидного отверстия антропной формы (Табл. 2). Следует отметить очень сильное развитие небного валика и ореховидных вздутий (*torus palatinus* – 3 балла, *torus mandibularis* – 3 балла). На нижней челюсти обнаружены зубные камни, кариес на третьих молярах.

Скелет 2 представлен черепом хорошей сохранности, но без нижней челюсти. От посткраниального скелета сохранились обе плечевые, обе локтевые, правая лучевая, левая большеберцовая кость с некоторыми повреждениями в верхней трети и обе бедренные с отбитыми головками (довольно симметрично, что наталкивает на мысль о преднамеренном повреждении). Скелет принадлежал женщине 45–55 лет.

Череп мезокраний, длинный, среднеширокий, высокий, со среднешироким прямым лбом. Лицо широкое (на грани со средним), высокое (по указателю узкое), ортогнатное, хорошо профилированное, со среднешироким, значительно выступающим носом и средневысоким переносьем (Табл. 2). Нижний край грушевидного отверстия острой, антропной формы с хорошо выраженным поднососым шипом (балл 5). Небный валик невыразительный (балл 1). В области переносья – следы травмы;

левая половина носовых косточек разрушена при жизни (в результате удара?), обломанные края со следами длительной облитерации.

На посткраниальном скелете видимые патологические изменения, связанные с возрастом, не отмечены. Рост по Л. Макуврие – 157,8 см; 155,4 см.

От скелета 3 сохранился фрагмент очень грациальной правой плечевой кости, принадлежащей, вероятнее всего, молодой женщине.

Гюновка, курган 14.

В погребении 1 найден обломок лобной кости и несформировавшиеся молочные зубы, принадлежащие, видимо, новорожденному – не более одного года.

Из центральной погребальной камеры изъятые остатки от трех скелетов. От скелета 1 сохранились фрагмент верхушечной части черепного свода с нижней челюстью и кости конечностей. Скелет массивный, судя по размерам длинных костей и нижней челюсти (табл. 1; 3), соседний отросток – 3 балла. По внутреннему краю альвеолярной дуги нижней челюсти фиксируется значительное развитие ореховидных вадутий (*torus mandibularis* – 3 балла!). Рост 167,8 см по Л. Макуврие; 172,0 см по М. Троттер и Г. Глезер – от выше среднего до высокого (по мировой классификации).

Скелету 2 принадлежат фрагмент нижней челюсти (подбородочная часть) и обломки диафизов правых плечевой и бедренной костей. Скелет мужской, возраст – 20–22 года (третий моляр в состоянии прорезывания). На нижней челюсти слева отмечены двойные питательные отверстия (*foramen mentale*). Некоторые измерения нижней челюсти имеются в Таблице 3.

От скелета 3 сохранились: фрагмент черепного свода, нижняя челюсть, обломки костей посткраниального скелета, в том числе правая плечевая и левая локтевая, на которых обнаружены старческие (а возможно, и патологические) разрастания на эпифизах. В скоплениях костей были найдены также сросшиеся шейные (первые два) и несколько грудных позвонков, несколько сросшихся ребер, деформированная грудная кость, вероятнее всего, принадлежащие данному скелету.

Рельеф на черепе сглажен, кости средней длины, тонкие – скелет, очевидно, женский. Очень большая стертость зубов, особенно, первых и вторых моляров (не менее 5-ти баллов), состояние костей конечностей – все говорит о преклонном возрасте погребенной женщины, не менее 50–55 лет.

На нижней челюсти (справа) отмечены двойные питательные отверстия. Рост восстановлен с большой долей вероятности, т. к. практически определен по одной кости – локтевой, которая дает несколько завышенные размеры: по Л. Макуврие – 165,0 см, по М. Троттер и Г. Глезер – 165,5 см.

К гюновской группе элитных курганов примыкает и *Сажнова Могила*, расположенная вблизи с. Большая Белозерка (раскопки В.В. Орощенко 1979 г.). Очень плохой сохранности костный материал дает нам возможность восстановить только поло-возрастной состав погребенных.

Погребение 2 (гробход). Сохранились небольшие фрагменты черепного свода, нижней челюсти, а также обломки диафизов левой бедренной и правой большеберцовой костей. Череп, очевидно, был средних размеров, на нижней челюсти следы довольно мощных мышечных прикреплений, что дает нам право, хотя и с некоторой долей сомнения, говорить о мужской его принадлежности. Возраст – 40–50 лет. В области брегмы – вставочная косточка на сагитальном шве.

Погребение 3 (впускное). Собранные в нем очень мелкие обломки черепа и костей рук не реставрируются. Сглаженное надбровье и тонкие кости конечностей говорят о том, что скелет принадлежал женщине возмужалого возраста (30–35 лет), судя по незначительной стертости зубов. Очевидно, женщина была небольшого роста, грациального телосложения.

Погребение 4. Из него сохранились только незначительные обломки длинных костей с разрушенными эпифизами. Определение пола вызывает затруднения; возможно, в погребении была захоронена женщина (поверхность костей гладкая) зрелого возраста (?).

В погребении 6 найдены остатки скелета ребенка 3–5-ти лет, от которого сохранились только обломки черепа и несколько молочных зубов. На внутренних резах наблюдается лопатообразность, не менее 2-х баллов.

В наибольшем удалении в юго-восточном направлении от описываемых курганов скифской знати находится *Бердянский курган* [Чердыченко, 1988, 1996]. Для антропологического исследования были переданы скелетные остатки от четырех особей.

Из центральной гробницы изучены кости верхних и нижних конечностей мужчины зрело-старческого возраста: обе плечевые, правые лучевая и локтевая, левые бедренная,

больше- и малоберцовые кости хорошей сохранности и диафиз правой бедренной (Табл. 1). Кости средней массивности, средней длины, с хорошо развитыми местами прикрепления мышц, в частности, дельтовидная бугристость на плечевых костях, свидетельствующая о значительно развитом плечевом поясе. На краях суставных поверхностей обнаружены краевые разрастания, возможно, связанные с возрастными изменениями (?). Рост по Л. Мануврие 170,2 см; по М. Троттеру и Г. Глезер – 175,3 см. Эти данные были получены на основании измерений правой половины скелета. Трубчатые кости левой стороны сохранились лучше (нижние конечности были представлены в полном комплекте), в результате чего можно было применить формулы В.В. Бунака и Г.Ф. Дебеца [Алексеев, 1966] как наиболее универсальные. Полученный на основании этих формул рост (167,0 см и 167,3 см соответственно) относится к категории чуть выше средней [Рогинский, 1978].

Из *центральной гробницы* был исследован еще один мужской скелет, значительно моложе первого (22–25 лет), найденный на две входной ямы. Он представлен черепом хорошей сохранности без нижней челюсти и длинными костями верхних и нижних конечностей (табл. 1; 2).

Череп долихокраний, высокий; лоб среднеширокий, средненаклонный со значительно развитым надбровьем; сосцевидные отростки крупные, выйные линии среднеразвитые. Лицо среднеширокое, на границе с узким, достаточно высокое (по указателю – узкое), хорошо профилированное. Нос широкий, носовые косточки сравнительно невысокие, переносье высокое. Нижний край грушевидного отверстия антропной (острой) формы. Орбиты мезоконные. Небный валик заметно развит (*torus palatinus* – 2 балла). На верхней челюсти с левой стороны на третьем моляре обнаружены следы воспалительного процесса.

Трубчатые кости конечностей средней длины. На обеих плечевых костях фиксируются межмышечные отверстия. Рост выше среднего: по Л. Мануврие – 168,0 см; по В.В. Бунаку и Г.Ф. Дебецу – 168,2 см и 169,9 см соответственно (определено по левой стороне в двух последних формулах).

Из *Восточной могилы* взяты кости от двух скелетов – взрослого и подростка. От *скелета* № 1 сохранились почти все кости, за исключением левой лучевой. Он, вероятнее всего, принадлежит женщине, о чем свидетельствуют

и небольшие размеры длинных костей, с гладкой поверхностью, без мышечных разрастаний, и размеры черепа, и его рельеф. Некоторые сомнения вызывают несколько увеличенные сосцевидные отростки, а также строение тазовых костей, в особенности форма большой седалищной вырезки – она узкая и образует почти острый угол, что не характерно для женского скелета и что позволило Е.И. Даниловой, квалифицированному морфологу, которая смотрела эти кости, сказать, что перед нами тазовые кости «нерожавшей женщины»¹.

Возраст, первоначально определенный как старческий, по степени зарастания черепных швов и общему состоянию посткраниального скелета, возможно, несколько завышен, т. е. наблюдается несоответствие между состоянием швов и степенью стертости зубной системы – швы заросли, а зубы стерты незначительно.

Череп короткий, очень широкий, брахикраний, средневысокий. Лоб широкий, покатый со слабо выраженным надбровьем. Лицо среднеширокое и высокое (узкое по указателю), мезогнатное, с ярко выраженным альвеолярным прогнатизмом, хорошо профилированное. Нос широкий, средневыступающий, переносье невысокое (Табл. 2). Небный валик и ореховидные вадуты хорошо развиты: *torus palatinus* – 3, *torus mandibularis* – 2 балла. По внешнему краю альвеолярной дуги на нижней и, особенно, верхней челюстях отмечены костные наросты. На внешнем реде – выраженная лопатообразность (2 балла).

Размеры длинных костей небольшие (Табл. 1). Рост, вычисленный по нескольким формулам, в пределах средних и ниже средних величин: по Л. Мануврие – 154,9 см; по В.В. Бунаку – 152,0 см; по Г.Ф. Дебецу – 151,6 см; по К. Пирсону – 151,3 см. Наблюдаются значительные патологические разрастания на суставных поверхностях конечностей, заплывовка на коленных суставах, частично сросшиеся шейные, грудные и поясничные позвонки (окостенение передних и боковых связок), ребра.

От *скелета* 2, принадлежащего подростку 11–13 лет, сохранились только некоторые кости конечностей – правые большеберцовая (282 мм), бедренная (337 мм) и плечевая (246 мм). В скобках указаны размеры диафизов.

¹ Патологические нарушения на посткраниальном скелете в большинстве случаев определялись при консультации доктора биологических наук Е.И. Даниловой, за что я ей бесконечно благодарна.

К списку погребений из курганов скифской знати Степной Скифии относится и единственное захоронение V в. до н. э., происходящее из кургана 5 у с. Архангельская Слобода (раскопки А.М. Лескова в 1969 г.). Исследован череп относительно хорошей сохранности (разрушено основание и нижняя челюсть), правая плечевая, левые бедренная (с разрушенным верхним эпифизом) и большеберцовая кости.

Скелет, несомненно, принадлежал мужчине зрело-старческого возраста (по состоянию зубов и черепным швам – 55–65 лет; старческих проявлений на костях не обнаружено). Череп отличается массивностью – все описательные признаки, характеризующие степень развития рельефа, оцениваются наивысшими баллами. Он очень длинный, широкий, долихокраний (Табл. 2). Лоб широкий, наклонный, с очень сильно развитым надбровьем (балл 5), представляющим почти сплошной надбровный валик. Затылок с ярко выраженным затылочным бугром (балл 5), очень крупными сощевидными отростками (балл 3). Лицо широкое, средневысокое, мезогнатное, резко профилированное. Нос широкий (относительно и абсолютно), невысокий, со средневыступающими носовыми костями и средневысоким переносием; нижний край грушевидного отверстия невыразительных очертаний (*anthropina?*), передненокосовая ось – балл 3. *Torus palatinus* – 3 балла – сплошной небный валик. На длинных костях очень развиты места мышечных прикреплений. Рост, определенный для правой и левой сторон, не совпадает – для правой по плечевой кости, что дает всегда заниженные результаты, – 168,6 см, для левой – только по большеберцовой (всегда больше) – 175,4 см. Очевидно, истина где-то посередине, что позволяет отнести рост погребенного к категории высокорослых.

Поло-возрастной состав

По мнению многих скифологов (В.А. Ильинской, М.И. Артамонова, В.Н. Мозолевского и др.), большая часть курганов (если не все) скифской знати IV в. до н. э. представляла собой семейные усыпальницы [Мелитополь, 1988: 162 и др.]. Подобное утверждение было основано на тщательном исследовании погребального инвентаря, структуры курганных насыпей. Антропологические определения, за небольшим исключением (Александрополь, Толстая Могила, Желтокаменка), отсутствовали.

В настоящее время раскопано около 65 курганов скифской знати различного ранга на территории Степного Причерноморья, за исключением Крыма, относимые, в основном, к IV в. до н. э., и только из 24 курганов исследованы скелетные остатки, что составляет чуть больше одной трети (35%) от всех известных. Изучено более чем 120 скелетов различной степени сохранности. На 119 из них определен пол и возраст.

Во всех курганах, независимо от социального статуса, количество погребенных колеблется от трех до десяти индивидуумов. Исключение составляют курган 22 из Золотой Балки, относящийся к третьему рангу социальной лестницы, где было обнаружено всего два погребенных, и курган 5, погребение 1 из Архангельской Слободы – четвертого ранга, где был захоронен только один человек. В данном случае я пользуюсь традицией социального статуса курганов, предложенной В.Н. Мозолевским, а также Ю.В. Волтриком [Мозолевский, 1979; Мелитополь, 1988; Балтрак, 1998]. Все остальные курганы, в которых обнаружено три и более погребенных, содержали в себе различные по полу и возрасту захоронения – от детей первого детского возраста (до семи лет) до мужчин и женщин старческого возраста. Преобладали захоронения мужчин (45%), женские составляли значительно меньший процент – 36%, дети и подростки – 19%, причем в последнем случае больший процент составляли захоронения детей до семи лет (11%). Аналогичная ситуация наблюдается и в захоронениях скифских так называемых рядовых могильников Степной Скифии рубежа V–IV вв. до н. э. (исследовано 298 скелетов): мужские захоронения составили 50%, женские – 31%, дети и подростки – те же 19%, что и в курганах знати.

Сходство демографических процессов, отмеченных для рядовых и элитных групп скифов, проявляется и в процентном соотношении возраста смерти для мужчин и женщин, тех и других. Наибольшее количество мужчин умирали в зрело-старческом возрасте (от 35 и выше): рядовые скифы – 70%, знатные – 65%, причем доживавшие до старости составили одинаковый процент – 20. Наибольшее количество женщин, наоборот, умирали до 35 лет: у рядовых – 64%, у знатных – 58%. В курганах знати чуть больше женщин (42%) доживало до

зрело-старческого возраста². Сходство демографических показателей, наблюдаемых при исследовании рядовых и элитных скифских захоронений, объясняется, видимо, невозможностью в большинстве случаев выделить «основных», занимающих более высокий ранг» погребенных, от сопровождающих их лиц из среды рядовых скифов, а может быть, и общими демографическими процессами для всего скифского общества в целом.

И все же, можно выделить некоторые из курганов знати, в которых определяются «основные». Это, прежде всего, Толстая могила, которая является до сих пор эталонным памятником для реконструкции «набора» сопровождающих лиц при «наследнике» (не более двух лет от роду) и младшей жене знатного скифа (не более 30 лет) — здесь и «стражник», и «вопитчий», и «кухарка», и девица-прислужница, сохранившиеся *in situ*, возраст которых колеблется от 7–8 до 23–25 лет. Определен пол и возраст основного лица, погребенного в кургане, — мужчина зрелого возраста [Мозолевский, 1979; Круц, 1979]. В Бердянском кургане в восточной могиле безусловно знатная особа старческого возраста сопровождалась слугой-подростком. В Казенной могиле в центральном погребении были захоронены мужчина зрелого возраста, знатная дама с богатым инвентарем также немолодого возраста. В кургане 22 у Золотой Балки — знатная женщина зрелого возраста, которую сопровождала молодая женщина. В кургане 5 у Архангельской Слободы — богатый скиф-мужчина старческого возраста. В Водяной Могиле зафиксированы основные погребения — мужчина зрелого и женщина юного возраста, сопровождаемые «конюхом» — подростком. В кургане 15 у Золотой Балки в центральной камере был погребен мужчина 45–55 лет с двумя молодыми особами с богатым инвентарем, которые сопровождали слугами — юншей 16–18 и молодой женщиной не более 23 лет. Список можно продолжить, принимая во внимание описанные выше скелетные остатки из погребений скифской знати и археологическое описание соответствующего курганного комплекса.

² Средний возраст смерти не подсчитывался по нескольким причинам: не всегда можно было с точностью хотя бы до 5–10 лет определить возраст из-за сохранности материала, а также очень трудно, в связи с разрушительным ограблением (иногда неоднократным), выделить «основные» захоронения (как указывалось выше), что, безусловно, не отражало бы объективной картины возраста смерти элитных скифов.

Большинство основных мужских погребений, исходя из приведенного списка, принадлежат лицам возмужало-старческого возраста, хотя возможны и отклонения от этого правила. Возраст женщины, погребенных в качестве основных в кургане (имеются ввиду захороненные с достаточно богатым инвентарем, может быть, жены, уважаемые особы-жрицы, может быть, наложницы), имеет более широкий диапазон — от очень молодого (20–25 лет в кургане 15 у Золотой Балки) до старческого (Восточная могила Бердянского кургана). Дети и подростки, как уже упоминалось, встречаются почти в каждом из исследованных курганов, за исключением Чертомлыка, Александрополя (в обоих случаях курганы раскапывались еще в XIX в., и по-прежнему вопрос остается открытым), Казенной Могилы (не все скелеты брались для исследования). В кургане 5 у Архангельской Слободы, курганах 15 и 22 у Золотой Балки детские погребения отсутствовали изначально.

Как правило, дети и подростки использовались как сопровождающие в загробный мир в качестве слуг, «конюших», иногда их погребения находятся на перемычке рва, замыкающего вход в курган (Гюновка), и только в двух случаях дети первого детского возраста (до 7 лет) обнаружены в погребениях с гривнами и богатым инвентарем, как принадлежащие скифской элите (Толстая Могила, впускное погребение и Соболева Могила, погребение 6).

Для сравнения демографических показателей исследуемой группы были привлечены данные по двум элитным скифским могильникам с сопредельных территорий. Один из них, могильник Новозаведенное-II, расположен в Георгиевском районе Старопольского края, относится «к числу аристократических могильников раннего периода скифской истории, времени завершения скифских походов» и датируется VII — первой четвертью VI в. до н. э. В нем исследовано 18 погребенных (в одном случае пол не был определен), среди которых есть и дети (три особи), и подростки (один), и женщины (шесть), и мужчины (семь). Среди взрослых ни один не дожил даже до зрелого возраста (до 35 лет), все умерли молодыми. Наибольшая смертность женщин отмечена в возрасте 20–24 лет (почти 67%). По заключению М.Б. Медниковой, в данном могильнике захоронены представители какой-то «военнозрелой группы», хотя и элитарной [Медникова, 2000: 51–52, 57].

Второй могильник Колбино-Терновое Воронежской области также считается аристократическим, но датируется уже более поздним временем – от конца V до второй половины IV вв. до н. э. [Гуляев, 1995; 1999; Савченко, 2000]. Исследовано 35 скелетов. Мужские скелеты преобладают (мужские – 52%, женские – 41%), процент детских незначительный – 7%. Подавляющее большинство мужчин, по данным М.В. Коаловской, погибли в возрасте от 30 до 50 лет, а у женщин смертность «равномерно распределена между третьим и четвертым десятком лет» и «не столь выражена в пределах третьего десятка», что является дополнительным косвенным свидетельством в пользу того, что у них (у женщин) «не был столь выражен стресс, связанный с вынашиванием, рождением и выкармливанием младенцев», чем и объясняется малый процент детских захоронений в данной курганной группе [Коаловская, 2000: 46]. Этими данными автор аргументирует свою мысль о низкой рождаемости в среде скифской аристократии, связанной не с культурными факторами (захоронение детей по другому обряду и в другом месте), а с биологическими – гормональными нарушениями, проявления которых встречались в данном могильнике довольно часто – из 32 обследованных взрослых индивидуумов у шести, трех мужчин и трех женщин, что составило 18,8% обследованных. «Симптом этого нарушения выражается, в частности, в появлении специфических структур на внутренней поверхности лобной кости hyperostosis frontalis interna» [Коаловская, 2000: 47]. «... лобный гиперостоз ассоциируется с определенными эндокринными нарушениями ... и выражается появлением у женщины после 50 лет вирилизма (вторичных мужских признаков из-за увеличения продуцирования мужских гормонов), ожирения и связанного с ними общего ухудшения состояния здоровья. Мужчины, у которых отмечается лобный гиперостоз, как правило, страдают снижением уровня мужских гормонов, что внешне выражается в некоторой их женоподобности» [Бужилова, 2000: 36–37].

Значительный процент встреченного в могильнике Терновое-Колбино лобного гиперостоза (превышающего известные показатели для древнего населения Западной Европы), по мнению А.П. Бужиловой и М.В. Коаловской, может служить подтверждением высказывания Псевдо-Гиппократа в его трактате «О воздухе, водах и местностях» о том, что «скифы

отличаются толстым, мясистым, нечленистым, сырым и не мускулистым телом; ... женский же пол отличается удивительно сырою и слабою комплекцией» [Бужилова, 2000: 37]. При таком-то физическом сложении народ не может отличаться плодовитостью. Таким образом, на основании проведенных исследований скелетных остатков из курганного могильника Терновое-Колбино был сделан вывод о низкой рождаемости у скифов вообще и о их «тучности», что особенно категорично прозвучало в совместной статье А.П. Бужиловой и М.В. Коаловской и менее категорично в статье М.В. Коаловской в том же сборнике, но уже с оговоркой на то, что подобное явление присуще «скифским богачам», а не людям «самого низкого происхождения» со ссылкой на того же Псевдо-Гиппократа [Коаловская, 2000: 47].

Прослеженная в могильнике Терновое-Колбино взаимосвязь между низкой рождаемостью и гормональными нарушениями данной популяции заслуживает пристального внимания, но, на мой взгляд, представляет собой частный случай и не затрагивает все скифское общество в целом, особенно для IV в. до н. э. В этой связи можно привести данные по довольно ординарному курганному скифскому могильнику, расположенному на правом берегу Днепра у с. Верхне-Тарасовка, которому «повезло» больше других при сборе остеологического материала. Из 66 исследованных скелетных остатков 29% принадлежали детям, 38% мужчинам и 33% женщинам, причем дети первого детского возраста составляли 22%. В среднем по степной Скифии (и для курганов аристократии, и рядовых могильников) дети и подростки составляют 19%, процент, безусловно, заниженный, учитывая сохранность, ограбленность, а зачастую и выборочность при сборе материала. Тем не менее, не подлежит сомнению тот факт, что вопрос о действительном количестве рождаемости в скифском обществе остается далеким от объективного решения.

Обнаруженные А.П. Бужиловой и М.В. Коаловской в погребениях скифской аристократии следы гормонального нарушения (лобный гиперостоз) могут напрямую связываться с письменными свидетельствами древних авторов (Псевдо-Гиппократа, Геродота) о «женоподобности» некоторых скифов, скорее всего, относящихся к могущественной и богатой прослойке общества.

При изучении многочисленных скелетных остатков из скифских погребений, несмотря на

довольно хорошо выраженный половой диморфизм, иногда приходится сталкиваться с отдельными скелетами, на которых слабо выражены признаки пола – присутствуют и женские, и мужские поровну. Особенное затруднение возникает в случае наличия только черепа или его фрагментов при отсутствии костей посткраниального скелета. К числу таких ярко выраженных случаев можно отнести скелет из погребения из кургана у села Красный Подол [Палин, 1984], а также черепа из погребения 4 Гаймановой Могилы и из погребения 3 Соболевой Могилы, скелет из Восточной могилы Вердянского кургана. Первые три были определены как мужские с большой долей сомнения, последний как «нерожавшая женщина». Любопытно то, что на двух из них (Гайманова и Соболева могилы) на внутренней стороне лобных костей обнаружены костные образования овальной формы, сформировавшиеся из внутренней пластинки черепа, признаки, очень похожие на описанный А.П. Вужиловой и М.В. Козловской лобный гиперостоз из кургана 1 Колбинского могильника. К сожалению, у нас пока нет возможности провести гистологический анализ кости для более точного диагностирования. Если наши наблюдения верны, то, вероятнее всего, и в Гаймановой, и в Соболевой могилах похоронены знатные, могущественные люди, знарей, евнухи, о которых пишет Псевдо-Гиппократ. Несмотря на то, что среди скифологов нет единого мнения о том, кто такие знарей (жрецы-прорицатели либо отдельные скифское племя) [Доватур, 1982: ком. 423], большинство из них склоняется к мысли, что они были жрецами-прорицателями [Яценко, 1959: 113; Тереножкин, 1966: 39; Бессонова, 1983: 56–57 и др.]. С.С. Бессонова считает, что знарей не могли быть общескифским явлением, «они могли быть жрецами одного из племен или племенного союза. Родословная знареев и их близость к царскому дому позволяет предполагать их принадлежность к племени скифов-царских» [Бессонова, 1983: 57]. И если до сих пор погребения скифских жрецов археологически не прослеживались по причине возможности их захоронения на особых кладбищах или в уединенных местах, либо по особому архаическому обряду – трупосожжения (как в кургане 1 могильника Терновое-Колбино?), либо по общему, а предметы культа хоронили отдельно, как, например, навершия с изображением божеств в насыпях Александропольского и Марьяновского курганов [Бес-

сонова, 1983: 59], то можно предположить, что и в Гаймановой (погребение 4), и в Соболевой могилах (погребение 3) жрецы-прорицатели, женоподобные знарей были захоронены по обычаю, принятому для знатных лиц знатного рода.

В этой связи обращает на себя внимание замечательный вывод, сделанный В.Н. Мозолевским, на основании исследования Соболевой Могилы, о том, что данная усыпальница принадлежит жреческой семье и что наконец-то можно выделить настоящее жреческое погребение слугителя женского божества плодородия – женоподобного знарей (он имел в виду погребение 2, не ограбленное, в сопровождающем инвентаре которого наряду с чисто мужскими атрибутами присутствовало и зеретено – вещь, которая встречается, в основном, в женских погребениях) [Мозолевский, 1992: 77]. Но хотя скелетные остатки из данного погребения и не соответствуют описанным в литературе признакам женоподобного евнухондного существа, а принадлежат, без сомнения, физически крепкому мужчине, несмотря на старческий возраст, вывод о присутствии в кургане захоронения жреца подтверждается характеристикой скелета зрело-старческого возраста с невыразительными признаками пола (мужчина под вопросом) и следами гормонального нарушения (лобный гиперостоз?) из следующего погребения 3 (также, видимо, богатого, но ограбленного, в сопровождающем инвентаре которого находился и комплект уздечек).

Прочие патологии, отмеченные на костях и, прежде всего, зубо-челюстные

*Эмалевая гипоплазия*¹ встречается в двух случаях из 32, в Толстой Могиле у сопровождающих лиц боковой могилы – «воина-охранника» 20–23 лет (на первом и втором молярах нижней челюсти) и «кухарки» 18–21 года (на молярах верхней и нижней челюстей), что могло быть вызвано различными причинами (болезни, длительное голодание, стрессовые состояния в период формирования зубной эмали). Это довольно низкий показатель, если

¹ Эмалевая гипоплазия – это неравномерное развитие толщины эмалевого зубного покрытия, которое происходит из-за недостаточности обызвествления в процессе формирования зуба. Экспериментально доказано, что образование эмалевой гипоплазии напрямую связано с периодами стресса. Гипоплазия может быть и следствием целого ряда специфических заболеваний, кроме того, она является показателем хронического недоедания [Бужалова, 1993: 110–111].

сравнить с могильником Колбино-Терновое – 41% [Колловская, 2000: 48], Новозаведенное – 42% (мужчины), 60% (женщины) [Медникова, 2000: 55]. Для рядового могильника вокруг Чертомлыка, по данным М. Шульца, – 56% [Schultz, 1997: 35].

Кариес у мужчин встречен в четырех случаях из 18 обследованных, что составило 22%, у женщин – в одном из 15 (7%), прижизненная утрата зубов с облитерацией альвеолярного отростка зафиксирована в трех случаях из 18 (17%) и только в мужской выборке. Одонтогенный остеомиелит обнаружен у мужчины. В целом, зубо-челюстные патологии, связанные с различными воспалительными процессами, отмечены у восьми индивидуумов из 32, что составляет 24%. Для сравнения: в могильнике Новозаведенное II – 31,3% [Медникова, 2000: 54], у скифов Подолия (Терновое-Колбино) зубо-челюстные патологии вообще не встречены [Колловская, 1997: 160]. В популяции из Чертомлыка (рядовой могильник), по данным М. Шульца [Schultz, 1997: 35], показатели заблещиваний значительно выше, в частности, карнесу было подвержено 32% взрослого населения.

Несмотря на относительную малочисленность материала, можно сделать некоторые выводы. Заболеваниям зубо-челюстной системы были подвержены многие представители различных слоев социальной верхушки скифского общества (достаточно вспомнить и сохранившуюся нижнюю челюсть «скифского царя» из кургана Куль-Оба, исследованную Д.Г. Рохлиным, на которой седьмой справа зуб оказался карнозным [Рохлин, 1965: 248–250]). У погребенных в курганах знати Степной Скифии подобные заболевания встречались относительно нечасто и, в основном, у мужчин. Лучшее состояние зубной системы у женщин отмечено и для аристократического могильника Новозаведенное-II. М.В. Медникова объясняет худшее состояние зубов у мужчин «гендерными» различиями в питании и разным отношением к вопросам гигиены [Медникова, 2000: 54]. Возможно, у женщин, похороненных в курганах знати Степной Скифии, практическое отсутствие зубных патологий связано с меньшим количеством особей зрело-старческого возраста, по сравнению с мужчинами.

Обращают на себя внимание два очень ярких случая утолщения альвеолярного края по всей наружной поверхности на нижней челюсти за счет неравномерно выраженного

костного валика (*torus mandibularis externus*), имеющего волнистые очертания, на двух черепах – женщины 40–50 лет из Гаймановой Могилы и женщины старческого возраста из восточной могилы Бердянского кургана. Подобный костный валик отмечен и на нижней челюсти из кургана Куль-Оба, но на ограниченном участке – в области резцов [Рохлин, 1965: 249].

Состояние посткраниального скелета

Было исследовано 22 мужских и 11 женских скелетов. В 46% случаев, т. е. почти половине, на скелетах мужчин старше 40 лет и практически всех женщин зрело-старческого возраста значительно выражены разнообразные дегенеративно-дистрофические изменения на посткраниальном скелете. Фиксируются краевые разрастания на суставных поверхностях конечностей, особенно на локтевом и коленном суставах. В семи случаях встречены сросшиеся шейные и поясничные позвонки: на четырех скелетах мужчин старческого возраста из геновских курганов (№№ 11, 12, 14) и центрального погребения у Желтокаменки, на двух женских зрело-старческого возраста (Бердянский курган, восточная могила; Гюновка, курган 14) и на одном старческого возраста скелете (пол не определен), обнаруженном М. Шульцем при исследовании костных остатков из Чертомлыка. Значительные краевые разрастания в области тел позвонков и признаки окостенения в шейном и поясничном отделах могут свидетельствовать о том, что позвоночный столб был почти неподвижен. Очевидно, здесь мы наблюдаем проявления деформирующего артроза, старческого спондилоза, а возможно, и болезни Бехтерева [Шульц, 1991].

Описанный ранее случай проявления старческого спондилоза и деформирующего артрита из кургана у Желтокаменки [Круц, 1982: 127–128], возможно, связан с наличием множественных микротравм, длительным пребыванием во влажном и холодном климате. Тем более, что у Псеудо-Гиппократов («О воздухе, водах и местностях») упоминается о холодном и влажном климате, верховой езде у скифов, которые отрицательно сказывались на их здоровье (боли в суставах, затруднение подвижности и т. п.). М. Шульц объясняет подобные дегенеративные проявления на скелетах генетически обусловленным нарушением обмена веществ [Шульц, 1991]. К этой точке зрения склоняется и М.В. Колловская, исследовавшая скелеты из курганов Терновое-Колбино и обнаружившая на них подобные же патологии

[Козловская, 2000: 49]. Не оспаривая предложенную точку зрения о возможной генетической предрасположенности в возникновении патологических изменений на костях посткраниального скелета (этот вопрос требует специальных исследований), замечу только, что частота дегенеративно-дистрофических поражений (деформирующие артрозы и спондилозы, спондилоартрозы) на скелетах из массовых погребений рядовых скифов также велика и составляет 31%.

Травмы

Из 20 исследованных мужских скелетов следы травм обнаружены на пяти, что составляет 25%, на двух из 12 женских – 17%. Это очень большая частота встречаемости травматических повреждений, если сравнивать с могильником Терновое-Колбино, где отмечено три случая из 35 (9%) [Козловская, 2000: 49]. И это количество травм М.В. Козловская считает достаточно большим, учитывая то, что не все травмы и ранения «за затрагивают костные структуры, а сохранность материала скверная», что справедливо и в нашем случае. Старые переломы с образованием костной мозоли зафиксированы на двух мужских скелетах старческого возраста из Бабьей и Соболевой могил, а также перелом, осложненный остеомиелитическим свищем у мужчины и женщины из кургана 2 у Великой Знаменки, возможно, как следствие падения с лошади.

На лобной кости черепа мужчины зрелого возраста из кургана 15 у Золотой Балки («хозяин») – поверхностные нарушения от удара стрелой (?). Наиболее яркий случай ранения стрелой обнаружен в погребении рядового скифа из курганного могильника у с. Широкое Херсонской области, который жил длительное время – следы заживления, даже полной облитерации дышлоз – отверстие сквозное со стрелой внутри. След от перенесенного удара в переносе сохранился на черепе женщины зрело-старческого возраста из кургана 12 из Гюновки. Все эти наблюдения (патологии, отмеченные на посткраниальном скелете, которые образуются часто в результате перегрузок, микротравм; переломы и следы ранений) могут свидетельствовать о далеко не безоблачных условиях жизни, в которых находились особы даже привилегированной части скифского общества – большинство обнаруженных травм и патологий обнаружены на скелетах так называемых «основных» погребенных в курганах.

Дискретно-варьирующие признаки

Дискретно-варьирующие признаки или аномалии на черепе и костях скелета определяют генетическое родство как отдельных групп, так и отдельных индивидуумов. Существуют специальные исследования и большие программы [Рычков, 1969; Мовсесян, 1975; Козинцев, 1980; 1988]. Нами использовались только некоторые из них: наличие метопического шва, вставочных косточек по лямбдовидному шву, развитие небного валика, ореховидных вздутий, количество питательных отверстий на нижней челюсти, а также наличие межмышечковых отверстий на плечевых костях.

Метопический шов встречен чаще на женских черепах, чем на мужских – соответственно в трех случаях из 12 (25%) и в одном из десяти (10%). Общий процент для мужчин и женщин – 18.

Отмечается повышенная частота встречаемости развития небного валика (баллы 2+3) как у мужчин, так и у женщин (87,5%; 83%). Развитие ореховидных вздутий (баллы 2+3) преобладает у мужчин – 67% и значительно меньше у женщин – 15%. Отмечается высокая частота встречаемости *двоенных питательных отверстий* в женской группе – в четырех случаях из 13, что составляет 31%, в мужской – в двух из 11 (18%).

Обращает на себя внимание часто встречающиеся случаи *межмышечковых отверстий* на плечевых костях в обеих группах: в пяти из 20 (25%) – в мужской и в трех из 11 (27%) женской. Если учесть, что в обычной популяции межмышечковые отверстия не превышают 1–2% [Алексеев, 1966], то такая частота встречаемости может свидетельствовать о большой доле кровных родственников в исследуемой нами группе людей.

Еще Б.В. Фирштейн, изучая черепа из Александропольского кургана, обратила внимание на присутствие в нем кровнородственных членов семьи по наличию на двух черепах редко встречающейся формы бугорка над ушным отверстием (*spina suprameatam*) в виде тонкой перегородки или заслонки – мужчины старческого возраста из галереи VII (№ 4), относящегося к «копюху», и на женском ювенально-возмужалого возраста из той же галереи («служанка»), которые отличались от остальных и по физическому типу [Фирштейн, 1966: 65].

При исследовании нового материала из курганов скифской элиты не менее чем в четы-

рех из них (учитывая очень плохую сохранность костей) была встречена повышенная частота редко встречающихся аномалий, которая может указывать на возможное погребение в них близких родственников. В кургане Бабиной Могила на двух черепаха (мужчины 35–40 лет и женщины 25–30 лет из гробницы № 2) из пяти обнаружен метопический шов. В Соболевой и Вишневой могилах неоднократно фиксируются межмышцелковые отверстия. В Соболевой – в трех случаях из семи: на двух мужских скелетах возмужалого (погребение 5) и старческого возраста (погребение 2) и одном женском (возраст – до 25 лет). В Вишневой Могиле из пяти – в двух: на скелете молодой женщины 22–25 лет из центральной камеры (скелет 4) и женщины возмужалого возраста (35–40 лет) из погребения 4. Не вызывает сомнения тот факт, что этот список мы могли бы продолжить, если бы скелетный материал был лучшей сохранности. В кургане 11 у с. Гюновка в погребении 4 обращают на себя внимание скелеты 1 и 2, принадлежавшие мужчинам старческого и возмужалого возраста, отличающиеся одинаковыми пропорциями и большой длиной тела (180–182 см), не характерной для основной массы скифов. Возможно, здесь мы имеем дело с одновременным захоронением отца и сына, учитывая разницу в возрасте. Все эти наблюдения, безусловно, являются документальными подтверждениями суждения, высказываемого археологами о том, что курганы скифской знати являются семейными усыпальницами, служащими, очевидно, не для одного поколения.

Нельзя исключить и возможные родственные связи между особами, захороненными в разных курганах скифской элиты. Так, обращает на себя внимание очень похожее строение, вернее, развитие рельефа на верхней челюсти по внешнему краю альвеолярной дуги у женщины старческого возраста из Восточной Могила Бердянского кургана и женщины зрелого возраста из Гаймановой Могила (катакомба 1, дромос входной ямы). Подобное развитие рельефа на нижней челюсти скифского «царя» из Куль-Обы отмечено и Д.Г. Рохлиным [Рохлин, 1966: 248–249].

В шести курганах из 24 (в одном из них – Гюновка, курган 14 – дважды), в которых исследованы хотя бы частично скелетные остатки, встречаются сросшиеся позвонки (шейные, поясничные), которые свидетельствуют о каком-то специфическом заболевании, возможно,

болезни Бехтерева, о чем пишет М. Шульц, исследовавший остатки скелета из-под крепицы Северной гробницы кургана Чертомлык, принадлежащего особи старческого возраста неопределенного пола [Шульц, 1991]. В их числе упомянуты курганы из Гюновки (курганы 11, 12 и 14), Чертомлыка, а также Бердянский (Восточная могила), курган 12 из Владимировки. Все отмеченные патологии обнаружены на скелетах, как мужчин, так и женщин зрело-старческого возраста. Но следует иметь в виду, что болезнь Бехтерева, как считает Д.Г. Рохлин, не всегда может быть диагностирована правильно при отсутствии полного скелета, что чаще всего и встречается в скифских погребениях [Рохлин, 1965]. Возможно, здесь мы имеем дело с очень похожим заболеванием – фиксирующим лигаментозом, мощным окостенением передней продольной связки, фиксирующим несколько позвонков. Оно поражает и мужчин, и женщин, тогда как болезнь Бехтерева, по Д.Г. Рохлину, встречается исключительно у мужчин [Рохлин, 1966: 115–116]. Не останавливаясь на диагностике (это задача палеопатологов), хочу лишь обратить внимание на схожее проявление заболевания, отмеченное на скелетах из разных курганов скифской элиты, и на возможную генетическую предрасположенность к нему, учитывая одинаковый образ жизни и среду обитания.

Остеометрия

На мужских скелетах большое и умеренное развитие костного рельефа обнаружено у индивидуумов старше 40 лет. Более трети их (38%) можно охарактеризовать как выраженно массивные, что может свидетельствовать о достаточно крупном сложении мужчин из курганов скифской элиты. Длиннотные размеры верхних и нижних конечностей колеблются, в основном, от средних до очень больших величин, преобладают большие и очень большие (для плечевой кости они составляют 60% от общего количества, для большеберцовой – 56%)⁴. Несколько сильнее варьирует длина бедра – от малых до очень больших величин, средние и большие размеры преобладают (они, соответственно, составляют 47 и 40%). О достаточной массивности мужских скелетов свидетельствуют данные различных поперечных

⁴ При определении категорий признаков для длинных костей были использованы таблицы В.В. Бунака, опубликованные Н.Н. Мамонтовой [Мамонтова, 1966: 24, табл. 4].

и сагиттальных измерений, а также обхватов, особенно это проявляется на большеберцовых и бедренных костях, на которых доминируют средние и большие размеры этих признаков. На плечевых костях отмечено несколько иное соотношение – при преобладании больших и очень больших величин (50%) присутствует и увеличение количества малых и очень малых (28%). Принимая во внимание тезис о том, что признаки на костях верхних конечностей обладают большей таксономической ценностью, чем на нижних [Медникова, 1995: 52], подобное соотношение, возможно, отражает неоднородность физического типа людей, похороненных в курганах скифской знати, что особенно проявляется в большом размахе ростовых вариаций – от 163,5 см (Соболева Могила, погребение 8) до 186,7 см (Желтокаменка, центральное погребение мужчины зрело-старческого возраста). При преобладании (55%) больших и очень больших величин (по рубрикации Р. Мартина) длины тела, вычисленной по формуле Л. Мануврие, выделяется небольшая группа индивидуумов среднего и ниже среднего роста, среди которых особи, без сомнения относящиеся к высшему рангу скифской знати – основное погребение «царя» из Толстой Могилы и центральное погребение мужчины зрелого возраста из Казенной Могилы. Все остальные 19 скелетов принадлежали мужчинам от выше среднего до очень высокого роста, среди которых есть и особи, относящиеся к высокому рангу (упомянутая Желтокаменка, погребение мужчины зрело-старческого возраста; Владимировка, курган 12 мужчины зрелого возраста; Гюновка, курган 11, погребение 4, скелеты 1 и 2 и др.), отличающиеся очень высоким ростом. В целом вся мужская группа из курганов элиты относится к разряду высокорослых – 172,4 см. Данный показатель очень сходен с размерами, приводимыми М.Б. Медниковой для аристократической группы ранних скифов из могильника Новозаведенное – 171,2 см, южное происхождение которых для нее не вызывает сомнения [Медникова, 2000: 56–57]. Рост скифов, погребенных в так называемых рядовых могильниках Степной Скифии, очень варьирует по курганным группам. Наиболее высокорослая – каховская группа, наиболее низкорослая – выспетарасовская (исследованы автором).

Женские скелеты в большинстве необычайно грацильные, о чем свидетельствуют минимальные значения поперечных измерений и обхватов конечностей (для плечевой кости –

75%; бедренной – 80%). Исключение составляет только большеберцовая кость, на которой преобладают средние значения наименьших окружностей – 67%. Плечевые и большеберцовые кости в равной степени представлены средними и длинными размерами. Бедро более короткое. Рост в среднем по группе относится к категории выше средней – 158,2 см. Размах вариаций очень большой – от ниже среднего до очень высокого. Высокорослые особи представлены в наибольшем количестве – 42%.

Среди женщин, обладающих довольно высоким социальным статусом, насколько объективно позволяет нам определить расположение скелетов в погребениях (их немного), встречаются как высокорослые (Толстая Могила, неграбленое боковое погребение; Владимировка, погребение 1, скелет 2), так и более низкорослые, в частности, женщина старческого возраста, среднего роста из Восточной могилы Бердянского кургана; женщина зрело-старческого возраста из основного погребения кургана у Желтокаменки – ниже среднего роста (151,5 см).

Краниометрия

Всего по полной краниометрической программе исследовано 10 мужских и семь женских черепов, включая и ранее опубликованные [Фирштейн, 1966; Круц, 1982]. Мужские отличаются исключительным разнообразием сочетания краниологических признаков, которое определяется даже визуально – от низкосободчатых брахикранов до высокосободчатых долхокранов, от резко профилированных, узколиких вариантов до широколиких с ослабленной горизонтальной профилировкой, что справедливо и для форм носа – фиксируются как очень узкие, так и очень широкие. При наличии различных краниологических вариантов отмечала и В.В. Фирштейн, исследуя Александропольский курган [Фирштейн, 1966].

Мужские и женские черепа подверглись факторному анализу, на основе которого были построены пространственные графики и графики кластеризации полученных результатов⁴. Первые три фактора описывают 68% внутригрупповой изменчивости, причем первый и вто-

⁴ Внутригрупповой факторный анализ мужских черепов проведен с использованием 13 признаков – продольного, поперечного, высотного диаметра, наименьшей ширины лба, скулового диаметра, верхней высоты лица, ширины и высоты носа, высоты орбиты, углов вертикальной профилировки, симметрической высоте и ширине.

рой имеют равную долю (Табл. 4). Первый фактор (28% изменчивости) разграничивает черепа, сочетающие брахикранный, с низким сводом и широким лбом, черепную коробку с нешироким, средневысоким, хорошо профилированным лицом, высоким носом и орбитой от черепов с противоположной комбинацией – долихокраний, с высоким сводом, узким, высоким, резко профилированным лицом, более широким носом и низкой орбитой. Вторым фактором (24% изменчивости) разграничиваются известные уже брахикранные, с низким сводом, черепа по степени горизонтальной профилированности.

График, построенный на основе первых двух факторов, обнаруживает два диаметрально противоположных скопления, разделенных заметным расстоянием (Рис. 1; 2). На отрицательном полюсе изменчивости, занимающем нижнюю половину графика, расположились черепа из Александропольского кургана (4а, 4а и 11) и кургана у Желтокаменки (погребение из ниши 4), характеризующиеся мезобрахикранным, низким сводом, среднешироким и средневысоким лицом и узким носом (условное обозначение – «Знать I»). На верхней половине графика (положительном полюсе изменчивости) Александрополь, галерея 7, два черепа из Гайманки, Бердянского кургана и Водяной Могилы – отличающиеся противоположным набором признаков (долхокrania,

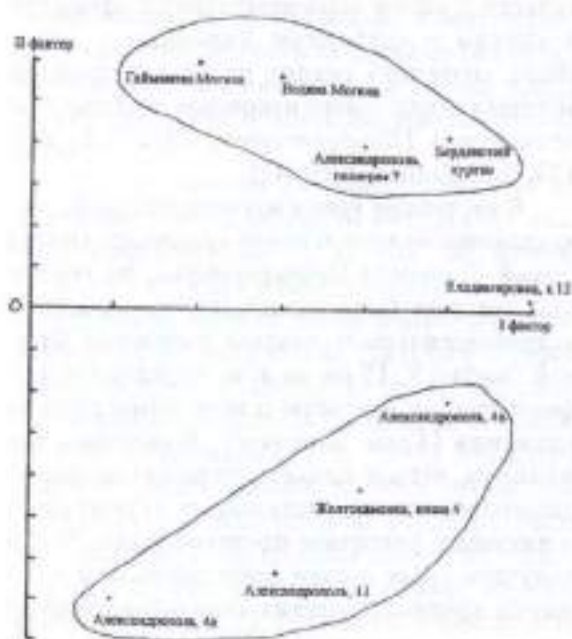

Рис. 1. Положение мужских черепов из погребений скифской «Знати» в пространстве двух факторов

Рис. 2. Дендрограмма кластеризации матрицы расстояний между мужскими черепами из погребений скифской «Знати»

высокий свод, узкое и высокое, хорошо профилированное лицо, более широкий нос) – «Знать II». Между ними отдельную позицию занимает череп из Владимировки (курган 12), с которым очень сходен череп из кургана 5, погребения I Архангельской Слободы (последний был исключен из факторного анализа из-за отсутствия размеров высотного диаметра; анализ, проведенный по девяти признакам, с включением и черепа из Архангельской Слободы, объединил оба черепа в одну группу). Черепа очень крупные, с сильно развитым рельефом, очень длинные, очень широкие (один долихокраний, другой – мезокраний), с высоким сводом (Владимировка). Лицо широкое, средневысокое, с несколько ослабленной горизонтальной профилировкой, широким носом и низкими орбитами – «Знать III» (Табл. 5; Рис. 2).

Женские черепа более однообразны, они, в основном, мезокранные, с высоким сводом, средним и широким, высоким, хорошо профилированным лицом, за некоторыми исключениями.

Факторный анализ, проведенный для семи черепов по 12 признакам, и графики, построенные на основании первых двух факторов, охватывающих более 60% изменчивости, определили две группы черепов. В первую, более многочисленную, входят черепа из Гаймановой, Вишневой и Бабиной могил и кургана 12 из Ююновки. К ним, на некотором отдалении, примыкает череп из Александрополя (галерея VII) (Рис. 3; 4). Они длинные, среднеширокие, мезокранные (александропольский – долихокраний), с высоким сводом. Лица средне-

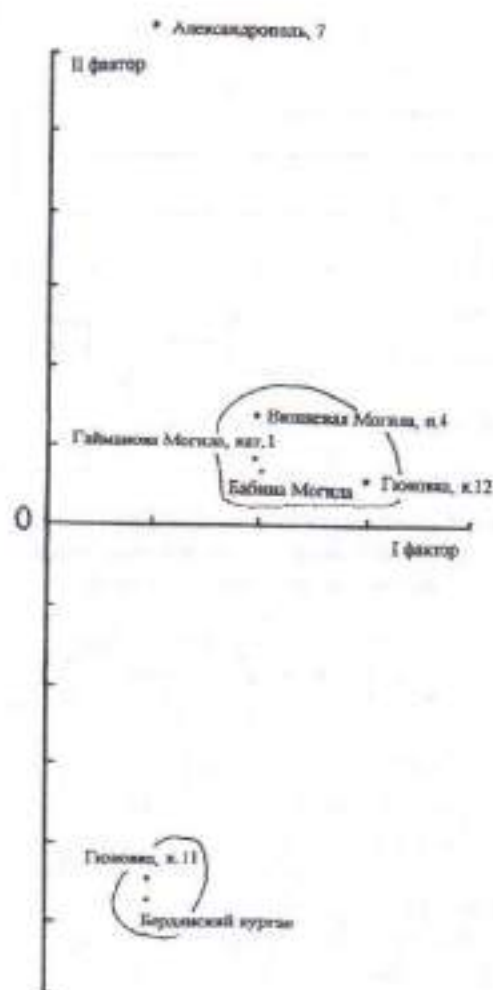

Рис. 3. Положение женских черепов из погребений скифской «Знати» в пространстве двух факторов

широкие (на граница с широкими), высокие, резко профилированные, со среднеширокими и средневысокими, значительно выступающими носами и средневысокими орбитами (Табл. 6) – «Знать-II».

Противоположную позицию занимают два черепа – из кургана 11 у Гююшки и Восточной могилы Бердянского кургана (что подтвержда-

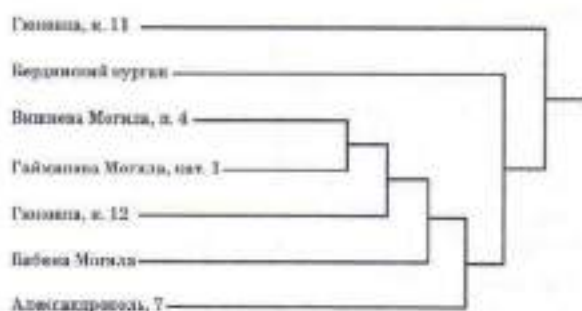

Рис. 4. Дендрограмма кластеризации матрицы расстояний между женскими черепами из погребений скифской «Знати»

ется и кластерным анализом). Они среднедлинные, широкие, брахикранные. Лица среднеширокие, очень высокие, горизонтальная профилировка более ослабленная, по сравнению с первой группой. Нос – более высокий, орбита – чуть выше («Знать-1»). Рост в обеих группах колеблется от низкого до высокого.

На неоднородность антропологического состава, захороненных в знаменитом Александропольском кургане, впервые обратила внимание, как уже упоминалось выше, Б.В. Фирштейн [Фирштейн, 1966]. Различия в антропологических типах соответствовали и социальному статусу погребенных – основные, «царские» захоронения (4а, 4в, 11) принадлежали брахикранным типам, находящим аналогии в сарматских сериях Поволжья. Долхокранные (мужчина и женщина – галерея 7) – сопровождающим лицам – рядовым скифам [Фирштейн, 1966].

В 1982 г. были опубликованы результаты исследования скелетных остатков из кургана у ст. Желтокаменка [Круц, 1982]. Среди них был и брахикранный череп, аналогичный александропольским, но определить его социальный статус в данном случае невозможно. М.А. Балабанова, изучая антропологию савроматов и сарматов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, в сравнительном аспекте касается и скифов Северного Причерноморья. Ссылаясь на Т.С. Кондукторову, она пишет, что «все скифские серии достаточно близки морфологически к своим непосредственным предшественникам – срубникам Украины...», «зато облик «царских» скифов из Александрополя-Желтокаменки¹ имеет некоторое сходство с савроматами» [Кондукторова, 1972: 21, 111, 123; Балабанова, 2000: 42].

В настоящее время изучено 18 серий, происходящих из могильников «рядовых» скифов степей Северного Причерноморья, на основании которых была выявлена неоднородность антропологического состава населения Степной Скифии V–IV вв. до н. э., определены морфологические варианты и возможные пути их сложения [Круц: в печати]. Выделены, как минимум, четыре краниологических варианта, достаточно хорошо разделенных друг от друга и имеющих различное происхождение. Чтобы получить более полное представление о положении краниологических вариантов из погре-

¹ Кстати, удивляет отсутствие ссылки на источник данных об антропологическом материале из кургана у Желтокаменки.

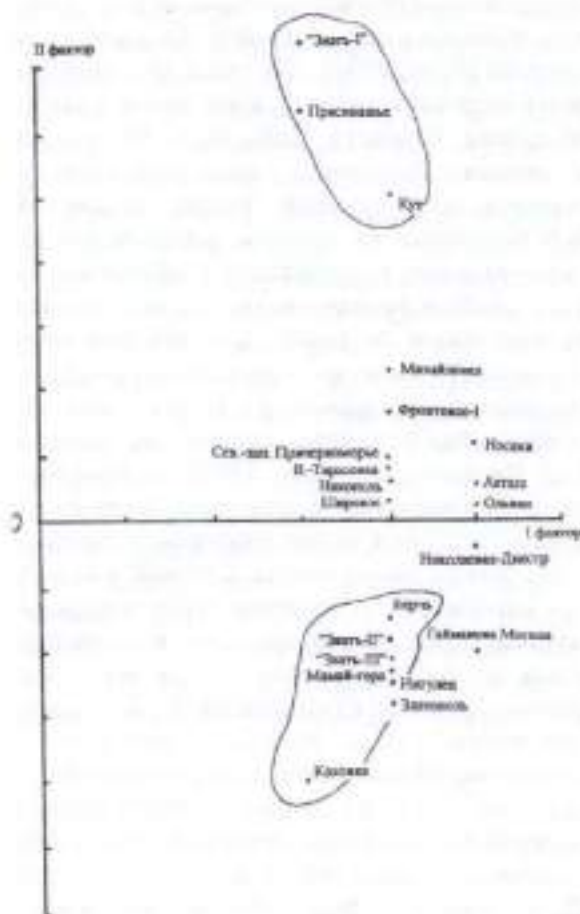

Рис. 5. Расположение мужских серий стеновых скифов в пространстве двух факторов

бений знати, было проведено межгрупповое сопоставление 22 мужских серий по 13 важным таксономическим признакам и 16 женских по 12 признакам при помощи факторного анализа и кластеризации.

По результатам факторного анализа все краниологические варианты из курганов знатных скифов («Знать» I, II, III» для мужчин и «Знать I и II» для женщины) находят себе соответствующие аналоги среди морфологических вариантов из погребений рядовых скифов. Наиболее четко выделяется группа, объединяющая вариант «Знать-I» (мужчины) с сериями из Кута и Присивашья (Рис. 6; 7), характеризующаяся брахикранией, низким сводом черепа, несколько ослабленной горизонтальной профилировкой. На графике сочетания первого и второго факторов она занимает верхний левый угол (Рис. 5). Подобный морфологический вариант, выделенный среди женских черепов («Знать-I»), авалогичен женским сериям из рядовых погребений Носаков, Никополя

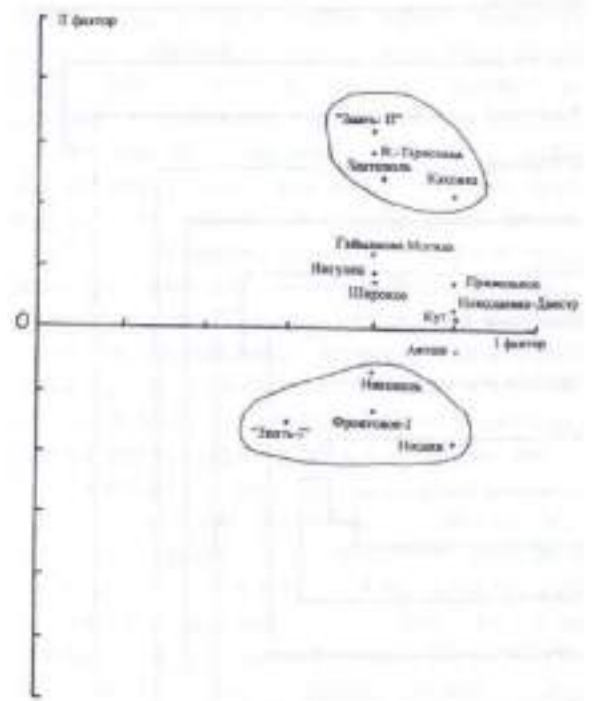

Рис. 6. Расположение женских серий стеновых скифов в пространстве двух факторов

и Фростового-I, что наглядно демонстрирует график расположения серий в двухфакторном пространстве (Рис. 6).

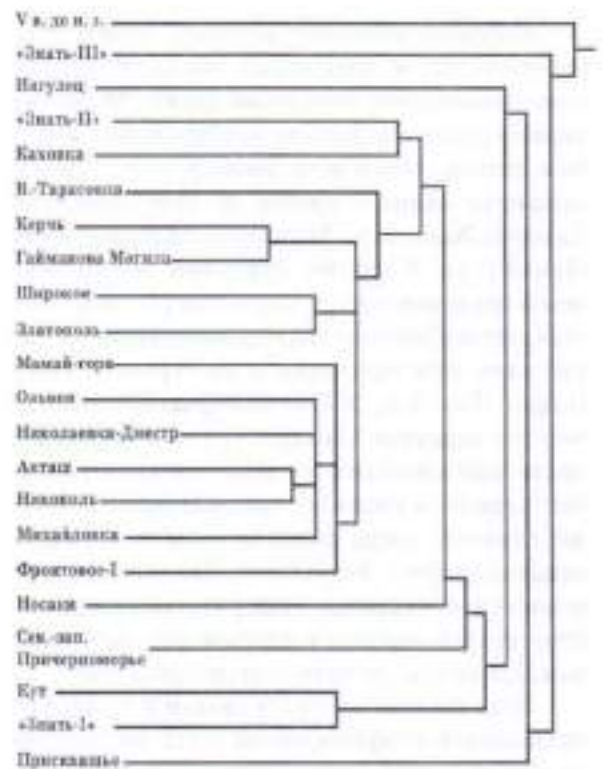

Рис. 7. Дендрограмма кластеризации матрицы расстояний между мужскими сериями стеновых скифов

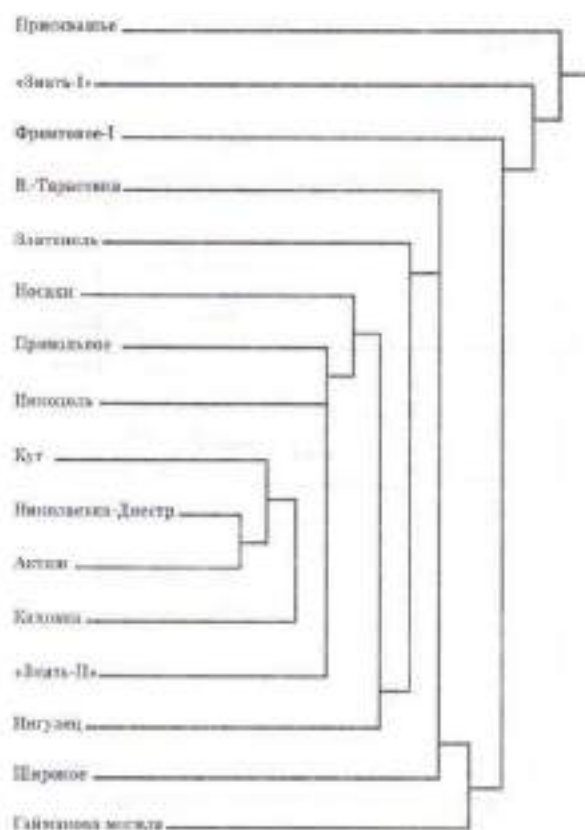

Рис. 8. Дендрограмма кластеризации матрицы расстояний между женскими сериями степных скифов

Морфологический вариант «Знать-II» (и мужчины, и женщины) образует крайне противоположное скопление серий. Мужские характеризуются долихо-мезокрапней, высоким сводом, узким и среднешироким, хорошо профилированным лицом. К ним относятся Каховка, Златополь, Гайманово поле, Ингулец, Мамай-Гора. Наиболее близкими морфологически оказываются группы «Знать-II» и Каховская, что особенно наглядно демонстрирует дендрограмма кластеризации и пространственный график (Рис. 5; 6). Женские черепа морфологического варианта «Знать-II», как и мужские, также наиболее близки каховской и златопольской сериям, а также верхнетарасовской. Иными словами, лица, захороненные в курганах скифской элиты, безусловно, являлись выходцами из той же среды, что и рядовые скифы, но относятся, очевидно, к разным родовым группам, имеющим различное происхождение.

Брахикраны, с низким сводом и несколько ослабленной профилировкой лица, не находят аналогий в предшествующих исторических периодах на территории Степного Причерноморья, если не считать нескольких черепов

неудовлетворительной сохранности из погребений новочеркасского периода предскифского времени [Круц, 2002]. Их сходство с сериями более восточных районов, в частности, с сароматскими Нижнего Поволжья, Приуралья и сакскими Восточного Казахстана, подтверждается статистически. Вывод, сделанный Б.В. Фирштейн на примере Александропольского кургана, подтвердился с привлечением более массового материала. Но он оказался справедливым не только для похороненных в царском кургане, но и для рядового скифского населения. Могильник у с. Кут принадлежал наиболее беднейшей группе скифов по данным Е.П. Бунятян [Бунятян, 1985]. Подтверждением восточного происхождения части скифского населения могут служить и находки в различных могильниках Степной Скифии, как рядовых, так и элитных, черепов со следами искусственной деформации, в частности, в том же Александропольском кургане [Фирштейн, 1966: 65], в Гаймановой Могиле (Северная могила?) и др. Не всегда можно точно диагностировать характер деформации, в большинстве своем из-за фрагментированности материала, но она либо теменная, либо лобнозатылочная (циркулярная пока не встречена). Из описания Б.В. Фирштейн черепа из галереи VII Александрополя можно сделать вывод о том, что в данном случае мы имеем дело с теменной деформацией, в Гайманке – с лобнозатылочной.

Наиболее ранние находки подобных деформаций фиксируются в Средней Азии у скотоводческих племен, в частности, сакских Восточного Приуралья (находки единичных черепов из Южного Тариска VII–VI вв. до н. э., Бабишкуллы, Чирикрабата) [Ходжаев, 2000: 38]. Самые ранние и массовые находки лобнозатылочной деформации наблюдались в могильнике Сакар-чага I в Присарыкамышье, который датируется V–III вв. до н. э. По мнению исследователя, деформация «не была связана с социальным фактором. Можно предполагать, что смысл ее заключался в стремлении данного этноса физически противопоставить себя другим, обладающим несходно близкими краниологическими параметрами» [Яблонский, 2000: 56].

Два долихомезокранных типа с высоким черепным сводом и хорошо профилированным лицом («Знать-II» и «Знать-III»), различающиеся, в основном, массивностью и шириной лица, представленные и в рядовых могильни-

ках (Каховка, Гайманово поле, Златополь и др.), хорошо известны и в более раннее время на территории Северного Причерноморья в погребениях многоваликовой, срубной и бело-зерской культур [Круц, 1984], что дает право говорить о формировании данных морфологических вариантов на местной основе.

Краниотипы, выделенные в погребениях курганов скифской знати, по сути, отражают общую картину формирования антропологического состава всего скифского общества и, к сожалению, пока не могут дать ответ на вопрос, к какому конкретно типу принадлежали лица, ради которых совершались богатые погребения, так как в подавляющем большинстве случаев невозможно установить «хозяев» курганов из-за повсеместных ограблений, за редким исключением. К ним, прежде всего, можно отнести погребение богатого скифского воина из Архангельской Слободы, погребение мужчины зрело-старческого возраста из Владимировки (курган 12). Это, безусловно, представители скифской элиты, хотя

и самого низкого ранга [Мозолевский, 1979; Мелитополь, 1988; Болтрик, 1998]. Череп из этих погребений и составляют краниотип «Знать-III» – очень массивные, долихомезокранные, с широкими лицами и крепким телосложением. Достоверным погребением особы знатного происхождения высокого ранга является и Восточная могила Бердянского кургана.

К погребениям, которые можно определить как основные с некоторой долей вероятности, относятся два мужских и один женский череп из центральной камеры Гаймановой Могилы, мужской череп из Водяной и женские из Гюновки (курганы 11 и 12). Они характеризуются чертами краниотипа, безусловно, имеющего местные корни.

К сожалению, основные погребения Бердянского кургана, Желтокаменки, Казенной Могилы представлены лишь отдельными костями посткраниального скелета. Вопрос об основных и сопровождающих погребениях Александропольского кургана, на мой взгляд, по-прежнему остается пока открытым.

Таблица 1

Индивидуальные измерения длинных костей верхних и нижних конечностей скелетов из курганов скифской знати

№ по порядку	№ по Мэртину	Наименование параметра	Евбана могила						Водина могила					
			М			М			Ж			М		
			мал.-взр.	п	л	п	л	л	п	л	л	п	л	
1	2	3	4	5	7	6	8	9	10	11				
		Плечевая кость												
1	1	Наибольшая длина	345	345?	-	-	-	286	325	330				
2	2	Вся длина	-	-	-	-	-	-	323	328				
3	3	Верхняя эпифизарная ширина	54	53	-	-	-	43	49?	52				
4	4	Нижняя эпифизарная ширина	-	62	-	-	-	56	65	64				
5	5	Наибольший диаметр середины диафиза	27	26	-	-	-	21	22	23				
6	6	Наименьший диаметр середины диафиза	19	19	-	-	-	17	19	19				
7	7	Наименьшая окружность диафиза	72	70	-	-	-	58	65	68				
8	7a	Окружность середины диафиза	80	75	-	-	-	61	68	70				
9	6:5	Указатель сечения	70,4	70,1	-	-	-	81,0	86,4	82,6				
10	7:1	Указатель массивности	21,0	20,3	-	-	-	20,3	20,07	20,6				
		Лучевая кость												
11	1	Наибольшая длина	-	270?	242	241	-	-	-	259				
12	2	Физиологическая длина	-	251	229	229	-	-	-	242				
13	4	Поперечный диаметр диафиза	-	18	16	15	-	-	-	15				
14	5	Сагиттальный диаметр диафиза	-	11	11	11	-	-	-	12,5				
15	3	Наименьшая окружность диафиза	-	44	40	40	-	-	-	47				
16	5:4	Указатель сечения	-	61,1	63,8	73,3	-	-	-	83,3				
17	3:2	Указатель массивности	-	17,5	17,5	17,5	-	-	-	19,4				
		Локтевая кость												
18	1	Наибольшая длина	290	287	-	-	-	-	285?	279?				
19	2	Длина в естественном положении	-	250	-	-	-	-	248	243				
20	21	Мыщечковая ширина	-	-	-	-	-	-	-	-				

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
21	6	Сакитальный диаметр середины диафиза	-	-	-	-	-	-	-	-
22	13	Верхний поперечный диаметр	-	-	-	-	-	-	-	-
23	14	Верхний дорзо-волярный диаметр	-	-	-	-	-	-	-	-
24	3	Наименшая окружность	41	42	-	-	-	-	42	42
25	3:2	Указатель массивности	-	16,8	-	-	-	-	16,9	17,3
26	11:12	Указатель сечения	-	-	-	-	-	-	-	-
27	13:14	Указатель уплощенности	-	-	-	-	-	-	-	-
		Бедренная кость								
28	1	Наибольшая длина	455	462	-	-	386	385	457,9	-
29	2	Длина в естественном положении	-	-	-	-	384	383	-	-
30	21	Мышечковая ширина	-	83	-	-	71	72	84	84
31	6	Сакитальный диаметр середины диафиза	32	32	-	-	24	24	29	30
32	7	Поперечный диаметр середины диафиза	27	26	-	-	25	24	25	25
33	9	Верхний поперечный диаметр диафиза	30	31	-	-	24	24	28	-
34	10	Верхний сакитальный диаметр диафиза	29	29	-	-	25	24	27	-
35	8	Окружность середины диафиза	94	90	-	-	79	78	90	-
36	8:2	Указатель массивности	20,2	1935	-	-	20,5	20,3	19,77	-
37	6:7	Указатель уплощенности	118,5	123,1	-	-	96,0	100	116,0	120,0
38	10:9	Указатель платимерии	96,7	93,6	-	-	104,2	100	96,4	-
		Большеберцовая кость								
39	1	Полная длина	-	3937	-	-	320	-	385	-
40	2	Мышечково-таранная длина	-	-	-	-	-	-	-	-
41	1a	Наибольшая длина	-	-	-	-	-	-	-	-
42	5	Наибольшая длина верхнего эпифиза	-	78	-	-	68	-	81	-
43	6	Наибольшая длина нижнего эпифиза	-	53	-	-	45	-	55	-
44	8	Сакитальный диаметр на уровне середины диафиза	-	31	-	-	27	-	29	-
45	8a	Сакитальный диаметр на уровне for. nigr.	-	-	-	-	29	-	34	-

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
46	9	Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	-	123	-	-	18	-	21	-
47	9a	Поперечный диаметр на уровне for. matr.	-	25	-	-	20	-	24	-
48	10	Окружность на уровне середины диафиза	-	85	-	-	73	-	80	-
49	10б	Наименьшая окружность диафиза	-	78	-	-	65	-	75	-
50	9:8a	Указатель плотности кости	-	67,6	-	-	59,0	-	70,6	-
51	9:8	Указатель сечения	-	74,2	-	-	66,7	-	72,4	-
52	10б:1	Указатель массивности	-	19,9	-	-	20,3	-	19,57	-
		Малоберцовая кость								
53	1	Наибольшая длина	-	-	-	-	-	-	376	-

№ по порядку	Соболеца Могила										Владимирова, курган 12, п. 1				Вишневая Могила				
	погр. 1, ск. 1		погр. 1, ск. 2		погр. 5		М		M		скелет 1		скелет 2		п. погр.		погр. 4		
	Ж	матр.	Ж	до 25 лет	Ж	adultus	Ж	adultus	Ж	adultus	Ж	adultus	Ж	mat. - siml.	Ж	adultus	Ж	Ж	
	п	а	п	а	п	а	п	а	п	а	п	а	п	а	п	а	п	а	
1	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	
2	287	284	295	292	-	343?	-	363	356	-	363	309	-	-	-	-	-	-	
3	284	281	290	286	-	340?	-	356	356	-	356	301	-	-	-	-	-	-	
4	45	44	48	47	-	51?	-	54	53	-	53	45	-	-	-	-	-	-	
5	51	52	60	59	-	64	-	-	71	-	71	56	-	-	-	55	56	-	
6	20	19	17	18	-	25,5	-	26	25	-	25	19,5	-	-	19,5	-	-	-	
7	16	15,5	15	15	-	22	-	20	20	-	20	17	-	-	17	-	-	-	
8	50	49	45	44	-	63	-	74	71	-	71	57	-	-	57	-	-	57	
9	53	50	47	45	-	66	-	77	74	-	74	62	-	-	62	-	-	-	
10																			
11	223	226	217	-	267?	-	227	274	278	238	274	238	-	-	-	-	-	-	

Продолжение таблицы 1

	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
40								372	381			
41	322	322			405	407		103	411	352		
42	687	64			78	75		80	82	70		
43	46	46			53	52		54	53	46		
44	26	25,5			32	31,5		32	33	24,5		
45	29	28			377	37,5		33	37	29		
46	17,5	17			25,5	24,5		23	22	19		
47	19,4	18			297	27		23,5	25	20		
48	63	62			83	82		88	89	72		
49	56	54			75	73		78	80	67		
50								71,2	67,6	69,0		
41								71,9	66,6	77,7		
52								19,7	19,8	19,1		
53	312				398	393			389			

№ по порядку		Головка												
		курган 10				курган 11				курган 14				
погр. 1, ск. 1		погр. 1, ск. 3		п. 1, ск. 4		погр. 1		погр. 4, ск. 2		погр. 4, ск. 3		погр. 4, ск. 1		
Ж		Ж		М		Ж		М		М		Ж		
adultus		20-22		maturus		maturus		maturus		maturus		maturus		
п		п		п		п		п		п		п		
1	302	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38
2	295	-	-	330	-	313	358	358	-	-	-	-	328	324
3	47	-	-	325	-	308	352	353	-	-	-	-	322	316
4	56	-	-	-	-	44?	56	53	-	-	-	-	53	53
5	21,5	-	-	61	-	62	70	69	66	67	59	59,5	63,5	67
		-	-	20,5	-	21	27	27	25,5	25	22	22	36	25,5

Продолжение таблицы 1

	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38
6	17	-	-	-	18	-	15	23	23	22	22	17	17,5	20	19,5
7	60	60	-	-	60	-	55	79	77	70	67	62	58	70	68
8	64	-	-	-	64	-	60	83	83	80	75	68	65	77	76
9	-	-	-	-	-	-	71,4	82,5	85,2	83,6	88,0	77,3	79,6	-	-
10	-	-	-	-	-	-	17,6	22,1	21,5	-	-	-	-	-	-
11	-	219	-	2347	257	233	228	272	274	2707	265	250	250	247	245
12	-	210	-	217	238	215	210	254	255	254	247	237	234	228	226
13	-	16,5	-	14	15,5	18	18	22	23	18	18	19	19	18,5	19
14	-	11	-	11	11	10	10	15	14	13	12	12	12	14	13
15	-	40	-	38	40	37	35	51	50	42	42	43	43	48	47
16	-	-	-	-	-	55,6	55,6	68,2	60,9	72,2	66,7	63,2	63,2	-	-
17	-	-	-	-	-	17,2	16,7	20,1	19,6	16,5	17,0	18,1	8,4	-	-
18	245	242	238	2377	272	251	246	-	298	-	279	-	-	267	-
19	213	211	205	206	236	218	213	-	258	-	270	-	-	229	-
20	12,5	13	13,5	12	12	11	10	-	16	15	15,5	-	-	15	-
21	18,5	18	15	15	16,5	15	17	-	23	16,5	16,5	-	-	19	-
22	23	21,5	23	19	19	20,5	20	-	28	25	24	-	-	26	-
23	26	23,5	24	24	26,5	24	24	-	30	27	27	-	-	27	-
24	35	35	35	36	34	33	32	-	46	-	43	-	-	44	-
25	-	-	-	-	-	15,1	15,0	-	-	-	17,9	-	-	-	-
26	-	-	-	-	-	73,3	58,8	-	-	90,9	93,9	-	-	-	-
27	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
28	-	-	-	-	-	-	-	-	504	-	-	-	445	448	-
29	-	-	-	-	-	-	-	-	502	-	-	-	442	446	-
30	-	-	-	-	-	-	-	-	84	-	-	-	78,5	81	-
31	-	-	-	-	-	-	-	-	39	327	30	-	28	29	-
32	-	-	-	-	-	-	-	-	29	28,5	28,5	-	25	27,5	-

Продолжение таблицы 1

	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38
33	-	-	-	-	-	-	-	-	32	-	33	-	31	29,5	-
34	-	-	-	-	-	-	-	-	36	-	28	-	24	28	-
35	-	-	-	-	-	-	-	-	110	93	90	-	82	91	-
36	-	-	-	-	-	-	-	-	21,9	-	-	-	18,6	-	-
37	-	-	-	-	-	-	-	-	134,5	112,3	105,3	-	112,0	-	-
38	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	84,9	-	77,4	-	-
39	-	-	-	-	412	-	350	4107	-	-	-	-	-	358	-
40	-	-	-	-	385	321	325	390	-	-	-	-	-	337	-
41	-	-	-	-	418	3567	355	417	-	-	-	-	-	363	-
42	-	-	-	-	81	-	72	78	-	-	-	-	-	76	-
43	-	-	-	-	53	49	49	58	-	-	53,5	-	49	54	-
44	-	-	-	-	29	27	26,5	32	-	-	33	-	267	30	-
45	-	-	-	-	35	29	28	42	-	35	36	-	-	32,5	-
46	-	-	-	-	26	18	18	26	-	-	25	-	227	23,5	-
47	-	-	-	-	27	21	19,5	31	-	23	25	-	-	28,5	-
48	-	-	-	-	67	72	70	97	-	-	87	-	75	87	-
49	-	-	-	-	80	69	66	90	-	-	80	-	69	76	-
50	-	-	-	-	-	-	-	73,8	-	65,7	69,4	-	-	-	-
51	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
52	-	-	-	-	-	-	-	22,0	-	-	-	-	-	-	-
53	-	-	-	-	-	-	341	338	-	413?	377?	-	371	-	-

Продолжение таблицы 1

№ по порядку	Шмалец Казенная Могила	Бердзеский курган										Архангельская Слобода	
		Центральная гробница					Восточная могила					курс 5, погр. 1	M
		ск. 1		ск. 2			ЖС		M	L			
		M	maturus - senilis	M	adultus	senilis	maturus						
		п	л	п	л	п	л	п	л				
1	39	40	41	42	43	44	45	46					
2	-	324	323	327	327	297	295	334*					
3	-	320	319	321	322	294	290	333					
4	-	53	53	51	50	46	44	48					
5	-	64	-	66	67	62	60	69					
6	-	24	22,5	23	23	22	22	25					
7	-	19	18	19	18	18	18	24					
8	-	73	68	70	68	62	60	80					
9	-	70	65	66	65	65	64	77					
10	-	79,2	80,0	82,5	78,3	81,8	81,8	96,0					
11	-	22,5	21,1	21,4	20,8	20,9	20,3						
12	-	255	-	259	-	-	227						
13	-	238	-	241	-	-	209						
14	-	17,5	-	17	-	-	17						
15	-	13,5	-	13	-	-	12						
16	-	46	-	44	-	-	40						
17	-	77,1	-	76,5	-	-	70,6						
18	-	19,3	-	18,3	-	-	19,1						
19	-	272	-	-	-	241	239						
20	-	237	-	-	-	108	207						
21	-	15	-	15	-	13,5	13						
22	-	19	-	21,5	-	16,5	16						
23	-	22	-	20	-	21	22						
24	-	23	-	25	-	24,5	24						
25	-	41	-	427	-	26	35						

Продолжение таблицы 1

	39	40	41	42	43	44	45	46
25	-	17,3	-	-	-	17,3	16,3	-
26	-	79,0	-	69,8	-	81,8	81,3	-
27	-	-	-	80,0	-	-	-	-
28	428	-	441	-	457	389	388	-
29	428	-	439	-	455	385	386	-
30	777	-	83	817	81	77	75	90
31	28	30	31,5	30	30	25	24	34
32	28	26,5	26	29,5	28,5	27	27	31
33	37	30	30	34	33	27	28	30
34	27	26,5	27,5	27	26,5	25	27	32
35	87	897	91	93	94	82	80	102
36	20,3	-	20,7	-	20,7	21,3	20,7	-
37	100,0	113,2	121,2	101,7	105,3	92,6	88,9	-
38	73,0	88,3	91,7	79,4	80,3	92,6	96,4	-
39	360	-	379	376	373	332	334	391
40	-	-	353	350	349	315	314	379
41	367	-	385	379	376	338	338	396
42	722	-	747	75	75	75	77	75
43	-	-	53	55	55	47	47	57
44	33	-	30,5	32	31,5	30	30	30
45	35	-	35,5	38	36	30	30	38
46	19	-	22	22	23	22	22	26
47	20	-	24,5	25,5	25	26	24	27
48	85	-	85	90	90	83	83	92
49	77	-	76	81	82	75	75	85
50	-	-	69,0	67,1	69,4	66,9	60,0	71,0
51	-	-	72,1	68,8	73,0	73,3	73,3	-
52	21,4	-	20,1	21,5	22,0	22,6	22,5	21,8
53	-	-	370	-	-	323	325	-

Таблица 2

Индивидуальные измерения черепов из погребений скифской знати

№ по порядку	№ по Мартину	Наименование признака	Бабица	Водяна	Владими-	Вишневая
			Могила	Могила.	ровка,	Могила
			Ж	Центральная	к. 12, п. 1	Ж
			гробница	(дромос)		
			25-30	35-45	35-45	35-45
1	2	3	4	5	6	7
1	1	Продольный диаметр	178	196?	197?	182
2	8	Поперечный диаметр	134	140	153	137
3	8:1	Черепной указатель	75,3	71,4	77,7	75,3
4	17	Высотный диаметр от ба	133	145	142	138
5	20	Высотный диаметр от ро	-	-	124	118
6	17:1	Высотно-продольный указатель	74,1	74,0	72,1	75,8
7	17:8	Высотно-поперечный указатель	99,3	103,6	92,8	100,7
8	9	Наименьший лобный диаметр	95	93	102	103
9	10	Наибольший лобный диаметр	117	120	128	129
10	9:8	Лобно-поперечный указатель	70,9	66,4	66,7	75,2
11	9:10	Лобный указатель	81,2	77,5	79,7	88,0
12	11	Ширина основания черепа	115	127	132	129
13	12	Ширина затылка	101	111	-	104
14	29	Лобная хорда	106	119	121	118,5
15	-	Высота изгиба лба	25,0	25,5	27,5	30,0
16		Указатель изгиба лобной кости	23,6	21,4	22,7	25,3
17	31	Затылочная хорда	92,5	104?	-	97
18	-	Высота изгиба затылка	25,0	-	-	27,5
19		Указатель изгиба лобной кости	27,0	-	-	28,4
20	7	Длина затылочного отверстия	40	37	37,5	36
21	16	Ширина затылочного отверстия	30	27	31	30
22	16:7	Указатель затылочного отверстия	75,0	73,0	82,7	83,3
23	32	Угол профиля лба от назиона	-	82	82	85
24	-	Угол профиля лба от глабелы	-	77	72	82
25		Надбровное (по Мартину 1-5)	1	4	4	1
26		Надбровные дуги (1-3)	1	2	2	1
27		Наружный затылочный бугор (по Брока 0-5)	1	-5	1	
28		Сосцевидный отросток (1-3)	1-2	2	3	
29	45	Скуловой диаметр	124	138	141	
30	40	Длина основания лица	93	103	102	
31	48	Верхняя высота лица	70	70	75	
32	47	Полная высота лица	-	113	-	
33	48:45	Верхнелицевой указатель	56,5	50,7	53,2	
34	47:45	Лицевой указатель	-	81,9	-	
35	40:5	Указатель выступания лица	97,9	93,6	99,0	
36	48:17	Вертикальный фацио-церебральный указатель	52,6	48,3	52,8	

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7
37	43	Верхняя ширина лица	101	105	109	
38	46	Средняя ширина лица	97	92	99	
39	60	Длина альвеолярной дуги	52	57	58	
40	61	Ширина альвеолярной дуги	61	64	-	
41	61:60	Челюстно-альвеолярный указатель	117,3	112,3	-	113,0
42	69	Длина зеба	45	50	48	45
43	63	Ширина зеба	39	40	-	36
44	63:62	Небный указатель	86,7	80,0	-	80,0
45	55	Высота носа	47	49	52	50
46	54	Ширина носа	22	24	26,5	28
47	54:53	Носовой указатель	46,8	49,0	51,0	52,0
48	51	Ширина орбиты от mf	39,0	42,0	46,0	42,5п
49	51a	Ширина орбиты от d	37,5	40,0	43,5	41,5п
50	52	Высота орбиты	30,5	30,5	34,0	34,0п
51	52:51	Орбитный указатель от mf	78,2	72,6	73,9	80,0п
52	52:51a	Орбитный указатель от d	81,3	76,3	78,2	81,9п
53		Бималлярная ширина fmo-fmo	96,0	96,5	100,0	99,5
54		Высота назиона над fmo-fmo	19,0	20,0	14,0	22,5
55	77	Назомаллярный угол	136,5	135	148,5	
56		Зигомаксиллярная ширина zm-zm	96,5	97,5	97,5	99,5
57		Высота zuberinale над zm-zm	27,0	22,5	22,0	22,5
58	Zm	Зигомаксиллярный угол	121	130	131	
59	SC	Симотическая ширина	10,0	10,0	7,5	8,8
60	SS	Симотическая высота	3,0	5,5	5,7	3,0
61	SS:SC	Симотический указатель	30,0	65,0	76,0	34,1
62	MC	Максиллофронтальная ширина	20,5	19,0	19,0	21,0
63	MS	Максиллофронтальная высота	7,5	8,5	9,0	8,0
64	MS:MC	Максиллофронтальный указатель	36,6	44,7	47,4	38,1
65	DC	Дакриальная ширина	21,5	21,0	20,6	23,4
66	DS	Дакриальная высота	12,0	12,0	13,5	11,0
67	DS:DC	Дакриальный указатель	55,8	57,1	65,5	47,0
68		Глубина кликовой ямки (в мм)	2,5	7,0	4,0	4,0
69	72	Общий лицевой угол	-	87	83	86
70	73	Средний лицевой угол	-	92	89	90
71	74	Угол альвеолярной части	-	83	73?	81
72	75	Угол наклона носовых костей	-	53?	52	55
73	75(1)	Угол выступания носа	-	34?	31	31
74		Нижний край грушевидного отверстия	Anthr.	F. pr.	F. pr.	Anthr.
75		Передне-носовая ось (по Брока 1-5)	2	4	3	5
Нижняя челюсть:						
76	65	Мышелковая ширина	-	124	-	120
77	66	Угловая ширина	-	103	-	91
78	67	Передняя ширина	-	45	-	48

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7
79	68	Длина нижней челюсти от углов	-		-	70
80	68(1)	Длина нижней челюсти от мыщелков	-		-	103
81	69	Высота симфиза	-	32	-	33
82	69(1)	Высота тела	-	29	-	31
83	69(3)	Толщина тела	-	12	-	14
84	70	Высота ветви	-		-	58
85	70а	Наименьшая ширина ветви	-		-	-
86	79	Угол ветви нижней челюсти	-		-	123
87	С/	Угол выступания подбородка	-		-	65

№ по порядку	Головка к. 11 п. 1	Гайманова Могила				Бердянский курган		Архангельская Слобода к. 5, п. 1
	Ж?	М	М	Ж	М?	М	Ж	М
	30-40	50-60	40-50	40-50	60-70	22-25	60-65	55-65
	8	9	10	11	12	13	14	15
1	180?	192	191	181	-	194	168	205
2	149?	144	137	138	-	141	137	145
3	82,8?	75,0	71,7	76,2	-	72,7	81,6	70,7
4	138?	135	132	134	-	137	128	-
5	122	118	119	114	-	-	-	110
6	78,7	70,3	69,1	74,0	-	70,6	76,2	-
7	92,6	93,8	96,4	97,1	-	97,2	93,4	-
8	98	102	98	101	95	98	98	100
9	130	123	118	117	110	-	109	125?
10	65,8	70,8	71,5	73,2	-	69,5	71,5	69,0
11	75,4	82,9	83,1	86,3	86,4	-	89,9	80,0
12	125	113	117	123	-	119	121	129
13	110	-	-	111	-	113	110	121
14	-	-	-	-	-	115	98,5	120
15	-	-	-	-	-	27,0	19,5	25,0
16	-	-	-	-	-	23,5	19,8	20,8
17	-	-	-	-	-	97,5	86,5	-
18	-	-	-	-	-	29,5	21,5	-
19	-	-	-	-	-	30,0	24,9	-
20	34	33,5	36,5	34,5	35	38	35	-
21	30	-	30,5	38	28	29	26	-
22	88,2	-	83,6	110,1	80,0	76,3	74,3	-
23	86	72	90?	80	-	82	79	75
24	82	66	85	78	-	77	75	62
25	2	5	-	1	2	4	2	6!
26	2	2	-	1	2	2	2	3!

Продолжение таблицы 2

	8	9	10	11	12	13	14	15
27	3	5	-	2	2	3	2	5
28	2	3	-	2	2	3	2	3
29	125	126	131?	129	130	131	125	139
30	101	102	99	97	-	101?	100	-
31	76	81	65±2	72	70	73?	70	70
32	122	-	113?	-	-	-	118	118
33	60,8	64,3	49,8?	55,8	53,9	55,7	56,0	50,4
34	97,5	-	86,3	-	-	-	94,4	84,9
35	101,0	98,1	96,1	97,0	-	94,4	102,0	-
36	55,1	60,0	49,2	53,7	-	53,3	54,7	-
37	104	111	107?	109	113	108	108	116
38	91	91	96	96	96	99	93	100
39	58	-	-	-	-	53?	53	60?
40	63	61	62	64,7	70	66	66	67
41	108,6	-	-	-	-	124,5?	124,5	111,7
42	49	53	47	45	45	47?	46	-
43	36	36	37	38,0	38	43	44	42
44	73,5	67,9	78,7	84,4	84,4	91,5	95,7	-
45	52	52	46±2	50	49	53	50	49
46	25,5	22,3	24,0	25,5	27,5	27,5	25,0	28
47	49,0	42,9	52,2	51,0	56,1	51,9	50,0	57,1
48	43,5	47,0	-	44,0	47,5	41,5	41,0	48,5
49	42,0	44,0	-	42,0	44,0	40,0	40,0	45,5
50	35,5	35,5	31,0	34,5	36,5	33,5	34,0	34,0
51	81,6	75,5	-	78,4	76,8	80,7	82,7	70,1
52	84,5	80,7	-	82,1	83,0	83,8	85,0	74,7
53	97,5	102,0	-	98,5	103,0	99,5	102,0	107,0
54	15,0	22,7	-	20,5	20,0	19,5	19,5	21,0
55	145,8	132	-	134	137	136,5	138	137
56	90,0	93,0	-	95,8	97,5	96,0	94,0	101,5
57	23,0	28,0	-	27,2	27,0	25,0	22,5	26,0
58	125,8	116	-	121	122	125	128	125
59	10,0	11,7	-	7,0	7,5	11,0	10,9	8,0
60	4,2	6,5	-	4,5	3,6	5,0	5,4	5,0
61	42,0	55,6	-	64,3	48,0	45,5	49,5	62,5
62	17,0	21,0	-	17,2	18,6	20,0	21,0	20,0
63	8,3	9,5	-	9,5	7,6	10,4	8,9	7,5
64	48,8	45,2	-	55,2	40,9	52,0	42,4	37,5
65	17,0	22,5	-	22,8	22,5	20,6	20,5	22,0
66	10,5	15,0	-	12,2	12,5	13,8	10,8	10,2
67	61,8	66,7	-	53,5	55,0	67,0	52,7	46,4
68	5,5	4,5	-	4,5	2,8	4,0	3,0	2,6
69	83	82	84?	82	-	-	82	82

Продолжение таблицы 2

	8	9	10	11	12	13	14	15
70	93	87	917	84	-	-	89	86
71	70	77	65	75	-	-	71	77
72	53	52	-	51	-	-	58?	54
73	30	30	-	31	-	-	24?	28
74	Anthr.	F. pr.	-	F. pr.	F. pr.	Anthr.	-	Anthr.
75	3	5	-	2	2	-	-	3
76	114	-	-	113	-	-	102	-
77	98	-	-	96	-	-	89	-
78	47	-	-	48	-	-	47	48
79	72	-	-	76	-	-	70	-
80	103	-	-	104	-	-	99	-
81	36	-	-	33	-	-	35	36
82	34	-	-	29 _n	-	-	32	35
83	12	-	-	14 _n	-	-	16	14
84	60	-	-	57	-	-	49	-
85	35	-	-	36	-	-	34	37 _n
86	122	-	-	123	-	-	125	-
87	72	-	-	62	-	-	79	67

Таблица 4

Факторные нагрузки краинологических признаков мужских и женских черепов из погребений скифской «Знаги»

№ по Мартану	Мужчины			Женщины		
	I	II	III	I	II	III
1	-0,499	-0,629	0,318	-0,197	-0,059	0,421
8	0,243	0,216	0,882	0,874	-0,089	-0,449
17	-0,737	-0,511	0,231			
9	0,510	-0,111	0,411	0,850	-0,329	0,316
45	-0,527	0,333	0,654	0,693	-0,578	0,371
48	-0,619	-0,294	0,170	0,859	-0,191	-0,377
54	-0,221	0,364	-0,281	0,678	0,539	0,497
55	0,577	0,520	-0,344	0,746	0,602	0,135
51				0,960	-0,254	0,112
52				0,879	0,412	0,227
72	0,887	0,311	0,124			
77	-0,102	0,850	0,280	0,558	0,325	-0,691
∠Zm	-0,624	0,574	-0,190	0,515	0,436	-0,472
SS	0,416	-0,217	0,427	0,030	0,807	0,538
SC	0,364	-0,788	-0,289	-0,587	0,771	-0,239
Собств. числа	3,641	3,133	2,140	6,377	2,918	2,131
%	28,009	24,098	16,460	49,953	22,445	16,394

Таблица 5

Краинологические варианты мужских черепов из погребений скифской «Знаги»

№ по Мартану	Краинологические варианты					
	«Знаги» 1		«Знаги» 2		«Знаги» 3	
	X	Размах	X	Размах	X	Размах
1	178,3	175-181	193,0	191-196	201,0	197-201
8	143,5	138-147	140,0	137-141	149,0	145-153
8/1	80,5	78,9-83,1	72,5	71,4-75,0	74,2	70,7-77,7
17	127,3	122-130	137,8	133-145	142	-
9	98,8	91-106	98,5	93-102	101,0	100-102
45	134,8	130-138	132,0	126-138	140,0	139-141
48	72,8	72-74	73,8	70-81	72,5	70,75
48/45	50,1	52,2-56,9	55,9	50,7-64,3	51,8	50,4-53,2
54	24,0	20,5-26	24,8	22,3-27,5	27,25	26,5-28
55	52,8	50-54	50,4	46-53	50,5	49,52
54/55	45,7	41,0-42,8	49,2	42,9-52,2	52,9	51-57,1
52	35,9	34-38	32,9	30,5-36,5	34,0	34-34
52/51	80,2	78,9-82,6	74,9	70,8-80,7	72,0	70,1-73,9
77	141,7	138,6-147,9	133,9	132-136,5	142,8	137-142,8
∠Zm	128,4	119,4-134,6	128,0	116-133	128,0	125-131

Продолжение таблицы 5

№ по Мартину	Краниологические варианты					
	«Знать» 1		«Знать» 2		«Знать» 3	
	X	Размах	X	Размах	X	Размах
72	83,3	80-87	85,3	82-90	82,5	82-83
75 (1)	29,8	26-34	29,0	28-30	29,5	28-31
SS	5,63	5,0-7,2	5,43	5,0-6,5	5,35	5,0-5,7
SC	9,33	7,8-10,4	10,73	10,0-11,7	7,75	7,5-8,0
SS/SC	61,1	50,0-79,1	50,5	45,5-55,6	69,25	62,5-76,0
Рост	168,5 (1)			168,6-171		168,6-180,1
Численность	4		5		2	

Таблица 8

Краниологические варианты женских черепов из погребений скифской «Знати»

№ по Мартину	Краниологические варианты			
	«Знать» 1		«Знать» 2	
	X	Размах	X	Размах
1	174,0	168-180	181,0	178-183
8	143,0	137-149	136,8	134-138
8/1	84,7	81,6-82,8	75,6	75,3-76,2
17	133,0	128-138	134,5	133-138
45	125,0	125-125	127,0	124-129
48	73,0	70-76	70,8	70-72
48/45	58,4	56,0-60,8	56,1	55,8-56,5
54	25,3	25,0-25,5	24,4	22-26
55	51,0	50-52	48,8	47-50
54/55	49,5	49,0-50,0	50,0	46,8-52,0
52	34,8	34-35,5	33,5	30,5-34,5
52/51	82,3	81,6-82,9	80,2	78,2-84,3
77	141,9	138-145,8	135,0	131-138,6
∠Zm	127,0	126-128	125,1	121-131
72	82,5	82-83	84,3	82-86
75 (1)	27,0	24-30	29,7	27-31
SS	4,8	4,2-5,4	3,58	3,0-4,5
SC	10,5	10,5-10,5	8,8	7,0-10,0
SS/SC	45,75	42,0-49,5	42,3	30,0-64,3
Рост	158,4	154,9-161,1	156,8	150,8-161,9
Численность	2		4	

Таблица 7

Результаты межгруппового анализа главных факторов

№ по Мартыну	Мужчины			Женщины		
	I	II	III	I	II	III
1	0,539	-0,661	-0,191	-0,717	0,027	-0,346
8	0,795	0,499	0,027	0,828	0,131	0,275
17	0,444	-0,808	-0,032	-0,369	0,828	0,200
9	0,480	-0,091	-0,473			
45	0,815	0,083	-0,253	0,462	-0,095	0,409
48	-0,178	-0,217	-0,831	-0,010	0,858	0,104
54	0,723	-0,237	0,289	0,455	0,714	-0,147
55	-0,248	0,415	-0,677	0,883	0,250	-0,167
52	0,229	0,505	0,042	0,621	0,259	-0,531
72	-0,227	0,100	0,026	0,157	-0,564	-0,662
75 (1)	-0,292	-0,457	0,286	-0,435	-0,077	0,790
77	0,611	0,517	0,137	0,442	-0,274	0,553
∑Zm	-0,016	0,759	0,023	0,589	-0,446	0,267
Собств. числа	3,193	2,946	1,662	3,677	2,686	2,183
%	24,559	22,663	12,786	30,640	22,384	18,196

М.Ю. Трейстер

Об изделиях торевтики из скифского кургана Бабина Могила¹

Изделия торевтики из кургана Бабина Могила, раскопанного в 1986 г. у с. Тарасо-Григорьевка Днепропетровской области, специально не публиковались ранее². Начиная с 1991 г. некоторые находки экспонировались на международных выставках³, однако полная презентация серебряных украшений конской сбруи с фигурными мотивами состоялась лишь на выставках 1999–2001 гг. в США и Франции⁴. Между тем, находки из кургана Бабина Могила представляют один из самых богатых комплексов торевтики так называемого греко-скифского стиля, когда-либо найденных в скифских курганах IV в. до н. э. Поскольку подробные описания и размеры публикуемых ниже изделий имеются в указанных выше выставочных каталогах, я не повторяю их, за исключением тех случаев, когда мои наблюдения, существенные для атрибуции вещей, не были включены в каталожные описания.

1. Фалары

1.1. Пара фаларов с головой сатира (табл. 7, 1–2)⁵

Голова сатира на фаларах находит близкие стилистические параллели на апулийском гутте из коллекции Кампана в Лувре, который

¹ Статья была написана весной 2000 г. в Археологическом Институте Университета Кельна благодаря стипендии Фонда фон А. Гумбольдта (Бонн). Автор приносит благодарность директору Института, проф. Х. фон Хесбергу и выражает искреннюю признательность С.В. Поляну за разрешение работать с материалом, а также Н.А. Сою за помощь при работе в специальном фонде Института археологии НАН Украины в период подготовки выставки «Скифское золото» в августе 1998 г.

² Молодцевский, 1987: 8–9.

³ См., например, *Cat. Schleswig*, 1991: No. 139.

⁴ *Cat. San Antonio*, 1999: 54, fig. 12; 93, fig. 1; 282 ff. См. также аналогичные описания в изданном к выставке в Париже в 2001 г. каталоге на французском языке – *Cat. Paris 2001a*.

⁵ *Cat. Schleswig*, 1991: Nr. 139; *Cat. Rimini*, 1995: No. 42a; *Cat. Katowice*, 1996: No. 271; *Cat. San Antonio*, 1999: Nos. 137–138.

относят к III в. до н. э. и на котором, по мнению Йентелла, представлена голова Силена или Геракла⁶. Последняя сопоставляется с головой бородатого Геракла на терракотовой патере из Орвьето, хранящейся в Археологическом музее Флоренции⁷.

Изображение бородатого Геракла, по со львинным скальпом на голове, украшает фалары из Чмыревой Могины⁸. Отметим близость этого образа с изображениями на апулийских гуттах⁹, на нижних атташах греческих бронзовых ойнохой¹⁰, а также на атташах волют бронзового кратера из Дервени в Македонии¹¹. Популярность этого мотива в раннеэллинистической торевтике подтверждается находкой гипсового слепка в Мит Рахине, Египет¹².

Трактовка завитков бороды и украшения ушей параллельными насечками находит аналогии в атташе в форме головы Пана на бронзовой подставке светильника из так называемой гробницы Филиппа в Вергине¹³; подобные завитки встречаются также на атташах в виде голов Силена на серебряных ойнохох из той же гробницы¹⁴, а также на бронзовой ойнохое середины

⁶ *Jentel*, 1976: 46, 62, ET I, 11a, pl. 14, figs. 50–52.

⁷ *Jentel*, 1976: 46, note 20.

⁸ См. ниже прим. 19.

⁹ *Jentel*, 1976: 361–362, pl. LVIII, figs. 189, 191; *Pfrommer*, 1983: 259–260, Abb. 25.

¹⁰ *Richter*, 1915: No. 93; *Archibald*, 1998: Pl. 41; из Поляново.

¹¹ См. кратер из гробницы В в Дервени: *Glouri*, 1978; *Themelis – Touratsoglou*, 1997: 70–72; B1, pls. 14–17, 73–75; *Zimmermann*, 1998: 123–124, 180, SRM 6. См. о датировке погребения: *Touratsoglou*, 1998: 33; 336–323 гг. до н. э. или позднее. По мнению А. Шварцмайера [*Schwarzmaier*, 1997: 77–82, 205], кратер был изготовлен в 320-х гг. вероятнее всего в Македонии, мастером, находящимся под влиянием южноиталийской школы торевтики, тогда как П. Фемелис и Я. Туратсоглу [*Themelis*, 1997: 219] предполагают, что кратер был изготовлен между 320 и 307 гг. до н. э. в мастерской одного из македонских центров Халкидики.

¹² *Reinberg*, 1980: 74 ff., 284, 307, Nr. 28, Abb. 38; *Pfrommer*, 1983: 260–261, Abb. 27.

¹³ *Andronicos*, 1984: 163, fig. 131.

¹⁴ *Andronicos*, 1984: 163, fig. 116.

IV в. до н. э. из Киркларели, хранящейся в Стамбуле¹³.

1.2. Пара фаларов с бюстами безбородого Геракла (табл. 7, 3–4)¹⁴

Бюсты молодого Геракла с завязанными узлом львиными лапами также находят параллели на апулийских гуттах¹⁵. Близкий образ, но в шлеме из львиного скальпа, имеется на эллинистическом гипсовом слепке из Мит Рахине¹⁶.

Львиные лапы в виде «гераклова узла» на груди Геракла прочеканены с лицевой стороны фаларов (рабочий край штампа имел округлую форму диаметром ок. 0,6 см). Края фаларов загнуты вверх и украшены фризом из кружочков дм. ок. 0,15 см, отштампованных с лицевой стороны. Остатки позолоты сохранились на фризе из кружочков, на волосах Геракла и львиных лапах.

Серебряные или бронзовые фалары, обтянутые серебряным листом, украшенные фронтальными изображениями голов божеств, происходят из скифских курганов второй половины IV в. до н. э.: Чмыревой Могилы (переданы в 1932 г. из Эрмитажа в Харьковский Исторический Музей и утрачены во время Великой Отечественной войны)¹⁷, Толстой Могилы¹⁸, Огуза¹⁹, а также из погребения в Элиде, и в настоящее время хранящиеся в Лондоне и Нью-Йорке²⁰.

¹³ Pfrommer, 1993: 347–348, Taf. 39, 3.

¹⁴ Cat. Schleswig, 1991. Nr. 189; Cat. Rimini, 1995. No. 42a; Cat. Katowice, 1996. No. 271; Cat. San Antonio, 1999. Nos. 139–140.

¹⁵ См., например: Jentel, 1976: AP I, 49d. pl. 1, fig. 3; AP I, 32a. pl. 36, fig. 120.

¹⁶ Weisberg, 1980: 60, 94–95, 285, 318, Nr. 45, Abb. 54; ок. 240–230 гг. до н. э.

¹⁷ OAK, 1882–1888: 28. Рис. 29; OAK 1898: Рис. 400; Minns, 1913: 168, figs. 56–59; Овайко, 1970: № 428, Табл. 24; Jentel, 1976: 361, pl. LVIII, fig. 190; Ивановская, 1983: 151, 153; Pfrommer, 1983: 259, Abb. 24; Алексеев, 1985: 33–34; Boardman, 1994: 213–214, fig. 6.40; Русаева, 2001: 53–54, 59, табл. I, 1–2; см. о датировке погребения: Алексеев, 1985: 34–350–320 гг. до н. э.; 1995: 104 – ок. 350 г. до н. э.

¹⁸ Конское погребение № 1, лошадь № 3: Мозолевский, 1979: 37–39, Рис. 22, 1–3; Русаева, 2001: 53–54, 59, табл. I, 3; о дате погребения, см.: Алексеев, 1985: 34: 340–320 гг. до н. э.; 1995: 104: 340 г. до н. э.

¹⁹ Bultrik, 1996: 122, Taf. 8 сверху; Русаева, 2001: 53–54, 59, табл. I, 4; о дате погребения, см.: Монахов, 1996: 48–49 – ок. 330 г. до н. э.; Монахов, 1999: 405–407 – 330–320 гг. до н. э.; Алексеев, 1995: 103; последняя треть IV в. до н. э.

²⁰ Marshall, 1909: 157–158, No. 2a-c, fig. 9; Richter, 1915: Nos. 111–112; Lamb, 1929: 181, pl. 70b.

Очевидно, что стилистически и технологически две пары фаларов из Вабинной Могилы принадлежат к изделиям одной и той же мастерской: это подтверждается трактовкой длинных завитков волос и бороды с прочеканенными линиями и позолотой волос, бороды и атрибутов (львиных лап). Лишь лицо сатира, а также лицо и шея молодого Геракла остались непозолоченными.

Техника изготовления фаларов дает основание предполагать, что они были выполнены не в той же мастерской, в которой были сделаны фалары из Элиды, состоящие из отдельных выпуклых дисков и рельефов, прикрепленных к ним²¹. Рассматриваемые нами фалары отличаются также от фаларов, найденных в Чмыревой Могиле и Огузе; последние меньшего размера, отштампованы из золотых пластинок, и рельефы занимают практически все поле фаларов, тогда как на фаларах из Вабинной Могилы рельефы расположены в центре.

1.3. Фалар с Гераклом и Цербером (табл. 8, 3)²²

Иконографически фалар из Вабинной Могилы представляет редкий тип, который является результатом развития «вне основной линии иконографии подвига, на малоформатных или провинциальных работах, которые не ассоциируются с другими подвигами, именно в них присутствует определенный интерес к яростному противостоянию с Цербером»²³. Композиция, представленная на фаларе, не имеет параллелей ни в аттической чернофигурной вазописи, ни в южноиталийской вазописи IV в. до н. э. В сценах, представляющих противопоставление Геракла и Цербера, Геракл изображен приближающимся к Церберу со своим мечом, как на восточногреческой гемме из горного хрусталя ок. 500 г. до н. э., хранящейся в Лондоне²⁴, или с пелью, как, например, на чернофигурной ойнохосе начала V в. до н. э. в Гамбурге²⁵.

Ближайшей параллелью сцене на фаларе является изображение на камее из сардонитса, подписанной Диоскуридом и датированной серединой I в. до н. э., хранящейся в Берлине, на которой представлен Геракл в профиль справа, заканчивший бедрами голову Цербера и затя-

²¹ Marshall, 1909: 157; Richter, 1915: 68.

²² Cat. Katowice, 1996. No. 27.3; Cat. San Antonio, 1999. No. 141; Русаева, 2001: 58.

²³ Smallwood, 1990: 100.

²⁴ Boardman, 1990: 88, No. 2569.

²⁵ Boardman, 1990: 88, No. 2568.

гинающий веревку²⁸. Позы героя и Цербера на берлинской камее чрезвычайно близки представленным на фаларе из Бабиной Могилы, хотя Геракл, изображенный на камее, – бородастый, его львиная шкура изображена с львиной мордой *en face* (не в профиль, как на фаларе), а дубинка представлена лежащей на земле за фигурой Цербера (не на львиной шкуре). Весьма вероятно, что сцены на камее и фаларе имеют общий прототип. Примечателен тот факт, что в этом случае он относится ко времени не позднее IV в. до н. э.

1.4. Фалар с Гераклом и немейским львом (табл. 8, 4)²⁹

Подобная композиция встречается на фаларах конской упряжи второй половины IV в. до н. э. Два серебряных фалара из погребения в Панагюриште имеют подобные размеры, дм. 8,6 см, представляют аналогичную сцену, но в зеркальном отображении. Б. Филов отмечал, что диски из Панагюриште отличаются в несущественных деталях, предполагая, соответственно, что они были изготовлены в технике *repousse*³⁰. Подобное изображение имеется также на золотом диске с двумя петлями на обороте, также, вероятно, фаларе, случайной находке из Вани³¹. В более схематичном виде подобные сцены переданы на золотых бляшках из Чертомлыка³², Куль-Обы³³, Чмыревой Могилы³⁴ и из погребения № 1 Желтокаменской Толстой Могилы³⁵.

Сцены на фаларах из Панагюриште, Бабиной Могилы и Вани находят прототипы в южноиталийской чеканке конца V – начала IV в. до н. э.: 1) на реверсе статеров Гераклен в Лукании, которые датируются между 433

и 375 гг. до н. э.³⁶; 2) на серебряных диоболах Гераклен, датирующихся между 380 и 281 гг. до н. э.³⁷; 3) на золотых монетах Сиракуз, чеканенных при Дионисии I ок. 390 г. до н. э.³⁸ На монетах Сиракуз имеются подписи Эвайнета, наиболее вероятно, того самого гравера, который подписывал штемпеля в конце V в. до н. э.³⁹, аббревиатура EU на статерах Гераклен также дает основание предполагать, что штемпель был выгравирован знаменитым сиракузским мастером⁴⁰. Сиракузские монеты считаются прототипами для гравированных статеров, чеканенных в Кизикке⁴¹ и Тарсе⁴², хотя композиции на последних представлены в зеркальном отражении, как на диске из Вани. Южноиталийское происхождение композиции и трактовка фигуры Геракла, кроме того, подтверждается подобным изображением колена-преклоненной фигуры Геракла, сражающегося с немейским львом, на южноиталийском антефиксе из Марчины в Салерно, датирующемся первой половиной IV в. до н. э.⁴³ Аналогичная композиция представлена также на штампованных щитках этрусских перстней второй половины V – первой половины IV в. до н. э.⁴⁴

Обрамление в виде плетенки – характерная деталь, которая использовалась для обрамления круглых медальонов V–IV вв. до н. э.: 1–2) двух серебряных дисков с изображениями Персея, отрубавшего голову Медузе, и Беллерофонта, убивающего амазонку, из бывшей коллекции Ч.Г. Вастиса, в Музее Метрополитен⁴⁵; 3) сцены со Сциллой на бронзовой матрице из Лариссы Кремасте в Фессалии, из бывшей коллекции Робинсона, в настоящее время в Кембридже, Массачусетс⁴⁶; 4) серебряного медальона (щитка броши?) с изображением Сциллы из некрополя Диррахия⁴⁷; 5) герракотового позолочен-

²⁸ Boardman, 1990: 93, No. 2628.

²⁹ Cat. Katowice, 1996: No. 27.6; Cat. San Antonio, 1999: No. 142; Руслева, 2001: 57–58. См. анализ сюжета фалара также: Treister, 2000: 99–100; 2001: P. 123.

³⁰ Filov, 1917: 39, Nr. 22, Taf. I; Musil, 1992: 174, No. 139; 266.

³¹ А. Чкония [1981: 147, 82–83, 153. Табл. 57, № 161] предполагает, что исполнение этих фигур отражает традиции местного золотокузнечества.

³² Galanina, 1986: Fig. 261; Алексеев, 1986-A: 69, № 32; С. 160. Рис. 32; Чертомлык, 1998b: 35, Nr. 29a. Farbtaf. 27, 2-4.

³³ Artemov, 1970: Taf. 218; Копейкина, 1986: 55–56, № 25. Рис. 25.

³⁴ Ruzickovskij, 1910: Sp. 219; Олейко, 1970: № 496b. Табл. XXI; Алексеев, 1985: 32–33; 1986: 69.

³⁵ Cat. San Antonio, 1999: No. 113; о дате погребения, см.: Монахов, 1999: 395–397; 330-е гг. до н. э., вероятно, первая половина десятилетия.

³⁶ Ross Holloway n.d.: 17, No. 4; 56, ill. on p. 132; Di Bello, 1997: P. 290, Fig. 6.

³⁷ См., например: Forschner, 1986: 74–75, Nr. 194–199 с аналогиями.

³⁸ Ross Holloway n.d.: 56, ill. on p. 133, сверху; Kraay, 1976: 232, Pl. 48, No. 818.

³⁹ Kraay, 1976: 232.

⁴⁰ Ross Holloway n.d.: 56; об Эвайнете, см. также Guarducci, 1974: 532–534.

⁴¹ Kraay, 1976: 263, Pl. 58, No. 960; ок. 400 г. до н. э.

⁴² Kraay, 1976: 283, Pl. 60, No. 1041; ок. 370 г. до н. э.

⁴³ Ross Holloway n.d.: 56, ill. on p. 133 снизу; Di Bello, 1997: 287, Fig. 2.

⁴⁴ См., например: Cristofani, 1983: Fig. 277.

⁴⁵ Cat. New York, 1987: 299, No. 177; BMetMus Fall, 1996: 11; V в. до н. э.

⁴⁶ См. ниже прим. 60.

⁴⁷ См. ниже прим. 61.

ного медальона с изображением головы Афины Парфенос из собрания Киселева, в настоящее время в Вюрцбурге⁹⁸.

Оба фалара (I.3 и I.4) изготовлены каждый из двух дисков, верхние из которых украшены рельефами, отчеканенными в матрицах (макс. высота рельефа 7–9 мм), наложенными на плоское основание. Рельефы крепились к основанию с помощью загнутых вниз краев шириной около 0,5 см. Следов дополнительной обработки рельефа с лицевой стороны нет. Размеры обоих фаларов идентичны. Идентичность обрамляющих фризов и схожая трактовка камней на обоих фаларах – дополнительные аргументы, позволяющие предположить изготовление этих фаларов в одной и той же мастерской.

1.5. Пара фаларов с изображением Сциллы (табл. 10)⁹⁹

Не вдаваясь в детали типологии изображения Сциллы в искусстве Греции, Этрурии¹⁰⁰ и Южной Италии¹⁰¹, отмечу, что известны изображения Сциллы *en face* в этрусской торевтике. Среди них упомяну штампованные в матрицах изображения на погребальных венках из золотой фольги¹⁰². Известны изображения в таком ракурсе также в торевтике Тарента или Восточной Сицилии: на серебряной позолоченной крышке пиксиды из клада серебряных сосудов и утвари, вероятно, происходящего из Великой Греции, приобретенного Метрополитен-Музеем в 1982 г.¹⁰³, а также на фрагменти-

рованном рельефе из коллекции Фляйшманов, в настоящее время хранящемся в Музее Гетти¹⁰⁴. Подобная фронтальная трактовка Сциллы представлена на крышке бронзовой цисты из Пренесте в Лионе¹⁰⁵, которая, впрочем, считается некоторыми исследователями подделкой¹⁰⁶, а также на бронзовом шлеме первой половины II в. до н. э. из Археологического Музея в Софии¹⁰⁷.

В торевтике конца IV – начала III в. до н. э. Южной Италии, Фессалии и Илирии представлены профильные изображения Сциллы: 1) на бронзовой матрице для штамповки поясных бляшек, приобретенной в 1931 г. в Риме, в настоящее время хранящейся в Берлине¹⁰⁸ и 2) на серебряных бляшках, украшающих пояс из погребения А некрополя Лаоса в Лукании, хранящихся в Реджио Калабрии, отштампованных в матрице той же серии, что и берлинская¹⁰⁹. Известны также профильные изображения Сциллы с верхней частью тулова, развернутой *en face* на упомянутых выше: 1) бронзовой матрице из Лариссы Кремасте¹¹⁰; 2) серебряном медальоне из некрополя Диррахия¹¹¹.

Уже упоминавшийся рельеф на крышке южноиталийской пиксиды в Нью-Йорке со Сциллой, поднявшей руки над головой, представляющий аналогичную трактовку хвоста, является ближайшей параллелью сцене на фаларах из Бабьей Могилы. Это позволяет предполагать по крайней мере южноиталийское происхождение сюжета, использованного создателем матрицы, в которой были изготовлены фалары.

Замет, что он сделан в Сицилии, соответственно, он считает, что и клад происходит из восточной части Сицилии. Однако подобное оформление верхней части имеет также алтарь из Тарента [De Jullis, 1984: 425. Pl. LI: сверху; см. о возможном происхождении алтаря из Тарента: Taranto, 1994: 315]. Таким образом, безоговорочная атрибуция клада как сицилийского или тарентского представляется маловероятной.

⁹⁸ Cat. Malibu, 1994: 123. No. 55B; Waywell, 1996: 89. Note 52.

⁹⁹ Boucher, 1970: 148. No. 159.

¹⁰⁰ Bossen, 1986: 37–38.

¹⁰¹ Dintsis, 1986: Nr. 21, Taf. 5, 3–4.

¹⁰² Kriseleit, 1980: 193–195, Abb. 2a–b; Treister, 2001: 217–229. Figs. 83, 1–2.

¹⁰³ Luppino, 1987: 130; Bottini, 1987: 267. Fig. 360; Koene, 1992: 36. Nr. 36. Pl. VII–VIII. Figs. 2–3; Cat. Venice, 1996: 561, 721. No. 266, V; Treister, 2001: 217–229. Fig. 96.

¹⁰⁴ Robinson, 1934: 219–222; Treister, 2001: 230–235. Fig. 84, 1–2; ср. Miller, 1979: 19. Note 110, которая сомневается в аутентичности матрицы.

¹⁰⁵ Cat. Hildesheim, 1988: 400. Nr. 316; Treister, 2001: 231. Fig. 93.

⁹⁸ Die Sammlung Kiseleff, 1989: 188–189, Nr. 314, Taf. 116; Центральная или Северная Греция, конец IV в. до н. э. Этот медальон заслуживает особого внимания, так как представляет очень близкую параллель золотым медальонам из Куль-Обы: Artamonov, 1970: Taf. 214–215; Galanina, 1986: Fig. 134; Schiltz, 1994: 167, Abb. 122; Williams, 1994: No. 87.

⁹⁹ Cat. Katowice, 1996: No. 27.4; Cat. San Antonio, 1999: Nos. 143–144. См. анализ сюжета на фаларах также: Treister, 2001: 123–124.

¹⁰⁰ Bossen, 1986: 41–52.

¹⁰¹ Schauenburg, 1980: 38–42.

¹⁰² NSc. T. XV 1961: 97–98. Figs. 34–35; Jahrbuch, 1982: Jg. 1. – S. 124–126.

¹⁰³ Bothmer, 1984: 55. No. 95; Waywell, 1996: 88–89. Fig. 13; Zimmer, 1996: 132. См. об этом клада и его датировке: Bothmer, 1984: 54. Nos. 95, 101 – III в. до н. э.; Frommer, 1987: 103 – вторая половина III в. до н. э.; Vickers, 1994: 57; аллиевский; Taranto, 1994: 315–316. Figs. 251–253; III в. до н. э.; Zimmer, 1996: 132; конец III в. до н. э. Ср., однако, датировку серебряного алтарика из того же клада: Berges, 1996: 80–81. Taf. 51, 4 – вторая половина II в. до н. э. На основании сходства с монументальным алтарем из Камарини [Berges, 1996: Taf. 51, 3] Бергес предпо-

Техника изготовления фаларов с изображением Сциллы такая же, как и пары с изображением Геракла, борющегося с Цербером и пемейским львом. Отштампованные в низком рельефе (макс. выс. 4 мм) пластины наложены на гладкую основу и присоединены к ней с помощью загнутого вниз края шириной около 0,5 см. Единственная разница заключается в том, что хвост Сциллы оформлен с лицевой стороны – были использованы штампы с рабочим краем точечной формы и в виде полумесяца.

2. Прометопидии (налобники)

2.1. Прометопидий с изображением старого Геракла (табл. 6, 2)⁴²

Этот прометопидий был отлит по восковой модели, судя по особенностям его оборотной стороны, контуры рельефа на которой нечеткие, а зачастую вообще не видны. Фигура Геракла, особенно его голова, выполнена в высоком рельефе (макс. выс. рельефа 1,7 см). Львиная шкура, точечный орнамент на палице, борода, соски груди, гениталии, а также поверхность земли, на которой стоит Геракл, – позолочены. Детали прически, бороды и львиной шкуры проработаны резцом с лицевой стороны. Штампы с рабочим концом круглой формы двух разных диаметров использовались для дополнительной проработки завитков волос на гениталиях, львиной шкуре (дм. ок. 0,7 мм), а также для украшения палицы и сосков груди (дм. ок. 1,2 мм). Любопытно, что подобные следы инструментов также двух размеров мы встречаем и на фаларах с изображением юного Геракла, найденных в том же погребении (1.2).

Рассматриваемый предмет относится к довольно редкому типу налобников миндалевидной формы с рельефными изображениями⁴³, который получил распространение во второй половине IV в. до н. э. Находки из Большой Близины и Александропольского кургана, рассматриваемые ниже, позволяют предположить изготовление этого типа прометопидиев еще в третьей четверти IV в. до н. э.

1) прометопидий из так называемого погребения жрицы Деметры в кургане Большая Близна украшен изображением борющегося с гигантом Посейдона с трезубцем⁴⁴:

⁴² Cat. San Antonio, 1999: No. 145; Reeder, 1999-a: 15. Fig. 19; Рублева, 2001: 55–56, 60, табл. II.

⁴³ См. в целом: Treister, 1996: 109–110; 2001: 125.

⁴⁴ OAK, 1885: 164, 171. Табл. 5, 5–6; Кат. Ленинград 1985: № 35; Treister, 1996: 109–110; Schwarzmaier, 1997: 21, Abb. 113. См. о датировке погребения: ок. 330 гг. до н. э.; Schwarzmaier, 1996.

2) серебряный позолоченный прометопидий с изображением стоящей Афины был найден в Александропольском кургане⁴⁵:

3) прометопидий, найденный в погребении в Элиде, хранящийся в Британском музее, с изображением колесницы, запряженной четверкой лошадей, на которой восседают бородастый мужчина во фрагийском колпаке и женщина в шлеме и панцире, но предположительно Ф.Х. Маршалла, – Пелопс и Гипподамия⁴⁶.

Изображение на прометопидии из Бабиной Могилы следует типу так называемого копенгагенского-дрезденского Геракла, бронзовый прототип которого был создан последователем Поликлета ок. 360 г. до н. э.⁴⁷ Образ старого Геракла чрезвычайно редко встречается в искусстве Северного Причерноморья – контурные золотые бляшки с изображением Геракла в подобной позе, однако опирающегося не на палицу, а на лук, были найдены в кургане IV в. до н. э. у ст. Ивановская в Прикубанье⁴⁸.

2.2. Прометопидий с изображением обнаженного юноши (табл. 9, 4)⁴⁹

На верхней шестиугольной пластине представлено выполненное в матрице изображение в низком рельефе: обнаженный крылатый юноша движется влево, его ноги опираются на завитки растительного орнамента. В опущенной вниз правой руке он держит лавровый венок; в опущенной левой руке – ветки с листьями. Длинные крылья с заостренными перьями поднимаются высоко над его головой. Нижний элемент прометопидия представляет свал с крылатой женской фигурой в подвешенном поплосе с треугольным вырезом, выполненном в стиле, отражающем знакомство с аттическим искусством конца V в. до н. э.⁵⁰ в левой руке она держит жезл с перекладиной в верхней части, в правой, опущенной вниз, – венок.

⁴⁵ Marshall, 1909: 159–160; Окладко, 1970: 192, № 4296, с литературой; табл. 25; Кат. Ленинград, 1985: № 35; Pfrommer, 1990b: 271. В настоящее время общепринята датировка кургана в рамках последней четверти [Алексеев, 2000: 303] или второй половины последней четверти IV в. до н. э. [Монахов, 1999: 432–438].

⁴⁶ Marshall, 1909: 158–159, No. 2d, fig. 10; ок. 300 г. до н. э.; зеркало с крышечкой с изображением гигантомахии из этого погребения [Marshall, 1909: 161, No. 4, fig. 14] датируется ок. 320 г. до н. э. [Schwarzmaier, 1997: 299, Nr. 159, Taf. 41, 1].

⁴⁷ Boardman, 1990: 762, Nos. 662 ff.

⁴⁸ Амфилов, 1987: 169; Кат. Tokyo, 1991: No. 45.

⁴⁹ Cat. Katowice, 1996: No. 27.3; Cat. San Antonio, 1999: No. 146; Treister, 2001: 124.

⁵⁰ Cat. San Antonio, 1999: 293.

Обе фигуры, изображенные на прометопидии, довольно сложно поддаются атрибуции. Крылатая женская фигура с венком, возможно, является Никой, хотя жезл с перекладиной не относится к ее известным атрибутам. Изображенная фронтально женская фигура с подобными крыльями, но с фимбратерием и кувшином в руках, отштампована в рельефе на трапецевидной золотой пластинке из Трехбратнего кургана¹¹.

Обрамление нижнего элемента прометопидии с женской фигурой находит параллель в обрамлении вышеупомянутого налобника из Александропольского кургана.

Обнаженная фигура юноши, вероятно, представляет Эрота, который часто изображался с одним или даже двумя венками¹². Кроме того, скрещенные ноги довольно типичны для изображений Эрота, например, в эллинистической терракоте¹³ или на геммах¹⁴. В краснофигурной вазописи¹⁵ и среди терракот¹⁶ мы встречаем изображения Эрота с крыльями над головой, с оперением крыльев, завернутым внутрь, как на прометопидии из Бабиной Могилы.

Стоящий Эрот в подобной фронтальной позе и со скрещенными ногами представлен на гипсовом слепке из Мит Рахине¹⁷. К. Райнберг сопоставляет его с изображениями стоящего Эрота или Диониса на группе атташей бронзовых гидрий, на нескольких из которых Эрот представлен со скрещенными ногами¹⁸. Гравированные и рельефные изображения стоящего Эрота со скрещенными ногами встречаются также на крышках бронзовых зеркал¹⁹. Несмотря на то, что Эрот на слепке из Мемфиса изображен с крыльями за спиной и без венка

в руке, стилистически и также типологически (слепок из Мит Рахине был сделан с прометопидии) он представляет довольно близкую параллель налобнику из Бабиной Могилы.

В целом, предложенная атрибуция изображений на двухчастном прометопидии из Бабиной Могилы как образов Эрота и Ники подтверждается тем фактом, что оба божества встречаются как на сохранившихся раннеэллинистических прометопидиях, так и на гипсовых слепках с них. Я уже упоминал слепок прометопидии с фигурой Эрота из Мит Рахине. Образ Ники встречается на раннеэллинистических прометопидиях значительно чаще:

1–2) формы конца V в. до н. э. из Тарента, хранящиеся в Чикаго и Мюнхене²⁰;

3) свинцовая матрица второй половины IV в. до н. э. из Эретрии²¹;

4) серебряный прометопидий из коллекции Кешнели, ок. 300 г. до н. э.²²;

5) гипсовый слепок из Мит Рахине середины II в. до н. э.²³;

6) серебряный фалар или прометопидий на железной основе из погребения конца III – начала II в. до н. э. у хут. Верхнего в Прикубанье²⁴.

Форма налобника из Бабиной Могилы находит параллель на знаменитом золотом налобнике с изображением змееной богини из Большой Цимбалки середины IV в. до н. э.²⁵, а также его реплики из позолоченного серебра, изготовленной в той же матрице и найденной в Толстой Могиле²⁶.

Пальметта в верхней части прометопидии растет из головы и плеч юноши; завитки растительного орнамента в нижней части прометопидии – из его ног. Эти детали также свидетельствуют в пользу определенной близости

¹¹ Treister, 1996: 112, Nos. 1–2, fig. 31.

¹² Treister, 1996: 112, No. 6.

¹³ Treister, 1996: 111–112, fig. 30; 2001: 210, fig. 99.

¹⁴ Reinberg, 1980: 326–327, No. 68; Treister, 1996: 110, No. 1.

¹⁵ Cat. Mannheim, 1989: Nr. 133, fig. 46 внизу в середине; Cat. Tokyo, 1991: No. 58; Cat. Paris, 2001b: No. 151; Mordvinova, 2001: 72, Nr. 9, Taf. 5, 9, крылья высоко над головой – ср. прометопидий из Бабиной Могилы.

¹⁶ Artamonov, 1970: Taf. 186; Galanina, 1986: Fig. 144; Pfrommer, 1990a: 73, Ann. 26, Nr. 5; Cat. Schleswig, 1991: 152, Abb. 1; Cat. Hamburg, 1993: Nr. 52; Boardman, 1994: 209, fig. 6, 32; Jacobson, 1995: 272–273, fig. 142; Kull, 1997b: 386–387, Abb. 99, 2; о литьевке погребения, см.: Алексеев, 1985: 34 – 340–320 гг. до н. э.; 1996: 104 – 340 г. до н. э.

¹⁷ Малоземский, 1979: 39, рис. 23; Rolle, 1979: 106; Jacobson, 1995: 272.

¹¹ Кирилл, 1968: 181–182, рис. 3, 2.

¹² Hermary, 1986: No. 78a.

¹³ Hermary, 1986: Nos. 413, a–b; 675.

¹⁴ Hermary, 1986: No. 957.

¹⁵ Hermary, 1986: Nos. 492, 642, 654e, 664, 748b, 762c, 830, 872, 970.

¹⁶ Hermary, 1986: Nos. 961. См. также подобные изображения на терракотовом тondo IV в. до н. э. из Кампани (?), в Лейпциге [Prittowitz und Gaffron, 2002: 160–161, Abb. 4].

¹⁷ Reinberg, 1980: 21–23, 255, 259, 270, 294–295, Nr. 4; Abb. 7: 340–330 гг. до н. э.; Treister, 1996: 112, No. 3.

¹⁸ Richter, 1946: Pls. XXII, 1; XXIII, 3; XXIV, 4, 6; XXVII, 19; Diehl, 1964: 39–43; Cat. Hildesheim, 1988: No. 207; Schwarzmaier, 1997: Taf. 58, 2.

¹⁹ С. о. Крит, в Британском Музее: Zuchner, 1942: 13–14, KS 14, Taf. 24; Schwarzmaier, 1997: No. 140; Taf. 22; ок. 320 г. до н. э.; неизвестного происхождения, Базель: Schwarzmaier, 1997: Taf. 81, Nr. 258; ок. 310 г. до н. э.

образа к изображению на налобнике из Цимбалки.

3. Бляшки узды

3.1. Бляшка узды с изображением змееной женщины (табл. 6, 4)⁸⁷

Частично сохранившийся рельеф изображает фигуру так называемой скифской змееной богини, известной по нескольким примерам торевтики IV в. до н. э.⁸⁸ Бляшки с изображением женщины с телом змеи, держащей за волосы мужскую голову, происходят из курганов IV в. до н. э. в Прикубанье – у ст. Ивановская⁸⁹ и Лабинская⁹⁰ и чрезвычайно близки находкам из Куль-Обы⁹¹. Вероятно, они изготовлены одним штампом. В этом случае, если принять атрибуцию Л.В. Ковейкиной⁹², они были выполнены в боспорской мастерской в первой половине IV в. до н. э.

Изображения на налобниках из Цимбалки и Толстой Могилы, а также на бляшках из Куль-Обы, будучи локальным арханзирующим вариантом так называемой Rankenfrau⁹³, часто отождествляют со скифской змееной богиней, с которой, как полагали греки, сочетался Геракл и которая стала прародительницей скифов⁹⁴. Действительно, прометопидии из Цимбалки и Толстой Могилы, золотые бляшки из Куль-Обы и Прикубанья, а также вероятно происходящая из Крыма серебряная пластина из московской частной коллекции⁹⁵, образуют связанную между собой группу памятников, для которых характерна как растительная, так и животная ипостась богини.

3.2. Бляшки с изображениями головок во фригийских колпаках (табл. 8, 2)⁹⁶

Бляшки выполнены в одной и той же матрице (макс. выс. рельефа 5 мм, толщ. бляшек 0,3 мм). Поверхность их полностью позолочена, за исключением лица, шеи и жемчужника, обрамляющего головки с обеих сторон. Изображения женских головок во фригийских колпаках с наибольшей вероятностью указывают на то, что на бляшках представлены головки амазонок. В качестве близкой параллели упомянем фронтальное изображение на бронзовой пластине наплечника панциря неизвестного происхождения, хранящейся в Бостоне, которое отождествляют с образом царицы амазонок Пентесилеи и относят к раннеэллинистической эпохе⁹⁷. Подобные изображения головок амазонок сравнительно редко встречаются среди ювелирных изделий из скифских курганов. Впрочем, следует упомянуть фронтальное изображение на подвеске ожерелья из Огуза⁹⁸.

3.3. Бляшка с изображением двойного цветка лотоса (табл. 8, 1)⁹⁹

Бляшка отштампована в матрице; точечный орнамент выбит штампом с лицевой стороны бляшки. Подобные по форме бляшки в виде двойных цветков лотоса с розетками в центре использовались как разделители в ожерельях IV в. до н. э.¹⁰⁰ За исключением редких находок таких ожерелий в Южной Италии (Тарент) и Фессалии (Омолон), большинство находок ожерелий с подобными разделителями происходит из Северного Причерноморья¹⁰¹.

4. Накладки поводий с изображением львиных головок, головок Геракла и горгонейонов (табл. 11)

Поводья были украшены небольшими серебряными бляшками, выполненными в трех различных матрицах. Семь прямоугольных бляшек представляют бюст Геракла в шлеме из

⁸⁷ Cat. San Antonio, 1999: No. 148; Treister, 2001: 194.

⁸⁸ Vermeule, 1987: 34, fig. 6; 1988: 94, No. 119; Schwarzmaier, 1997: 18, 20, Ann. 106; 143 – ок. 270 г. до н. э.

⁸⁹ Boltrif, 1991: 128, Taf. 13 внизу; Cat. Rimini, 1995: No. 76; Cat. Milan, 1995: No. 30; Cat. San Antonio, 1999: No. 101.

⁹⁰ Cat. San Antonio, 1999: No. 149.

⁹¹ Treister, 1999a: 568–569, note 3.

⁹² См. в целом о генеалогии этого мотива: Pfrommer, 1986: S. 65–69.

⁸⁷ Cat. Katowice, 1996: No. 27.2; Cat. San Antonio, 1999: No. 147.

⁸⁸ См. об образе змееной богини в торевтике – Treister, 2001.

⁸⁹ Cat. Москва, 1987: 111, рис. 38; Анфилов, 1987: 127; Cat. Mannheim, 1989: 117–119, Nr. 81–87, Abb. 35; Cat. Tokyo, 1991: Nos. 41–46; Cat. Paris, 2001b: No. 44.

⁹⁰ ОАК, 1909–1910: 214, рис. 245.

⁹¹ Artamonov, 1970: Taf. 230; Бессонова, 1983: 94–95, рис. 19; Galanina, 1986: Fig. 203; Ковейкина, 1986: 54, № 24; Boardman, 1994: 216, fig. 6.43; Русаева, 1995: 25, 26, рис. 2, 4; Jacobson, 1995: 174, IV, E, 6, fig. 58; Cat. Bonn, 1997: No. 77.

⁹² Ковейкина, 1986: 55.

⁹³ Boardman, 1994: 340–341, note 96.

⁹⁴ См., например: Окайко, 1970: 32–33; Бессонова, 1983: 93, сл.; Boardman, 1994: 216; Williams, 1994: 143, No. 85; Jacobson, 1995: 272.

⁹⁵ См. выше прим. 88, а также: Treister, 2001: Fig. 55, 1–2.

львиного скальпа, с львиными лапами, завязанными узлом на шее, изображенный *en face*. Справа и слева бюст обрамлен фризами рельефного жемчужника¹⁰². Десять прямоугольных бляшек представляют львиные маски, также обрамленные по сторонам рельефным жемчужником¹⁰³. Наконец, одиннадцать круглых бляшек представляют голову Медузы Горгоны¹⁰⁴. Особо интереса заслуживают львиные протомы, которые представлены на серии ювелирных изделий, вытесненные по матрицам и происходящие из скифских погребений середины – второй половины IV в. до н. э. Некоторые из них, как мне представляется, являются продукцией «мастерской накладок горитов и ножен мечей», которая, вероятно, работала в столице Восточного царства около середины IV в. до н. э. Возможно, рассматриваемый образ был заимствован из тюреттики Македонии, где он был известен еще с конца V в. до н. э.¹⁰⁵, включая находки прямоугольных бляшек¹⁰⁶ из гробницы в Катерини, которую обычно датируют второй четвертью IV в. до н. э.¹⁰⁷ Также и бляшки с фронтальными бюстами Геракла со львиным скальпом находят параллели в тюретике Македонии, например, на шарнирных фибулах фракийского типа, широко распространенных в Македонии в последней трети IV в. до н. э.¹⁰⁸ Обращают на себя внимание также находки подобных бляшек в упомянутой выше гробнице в Катерини¹⁰⁹.

Что касается круглых бляшек с горгонейном – подобием, хотя и не идентичные бляшки найдены во многих курганах середины – третьей четверти IV в. до н. э.: Чмыревой Могиле¹¹⁰,

Чертомлыке¹¹¹, Толстой Могиле¹¹², Огузе¹¹³, Кузь-Обе¹¹⁴, Большой Близице¹¹⁵, Гаймановой Могиле¹¹⁶, Александропольском¹¹⁷ и Большом Рыжановском¹¹⁸ курганах. Аналогичные бляшки хранятся в некоторых музеях и частных собраниях¹¹⁹.

5. Выводы

Очевидно, что серебряные украшения конской сбруи из Бабиной Могилы были изготовлены в разных мастерских.

Аналогичная конструкция и использование идентичных обрамляющих элементов декора позволяет нам предположить производство в одной и той же мастерской двух пар фаларов: одной – с изображениями Геракла с Цербером и немецким львом (1.3–4) и второй – со Спилдой (1.5). Возможно, там же были изготовлены двухчастный налобник (2.2) и овальная бляха с изображением змееной богини, по крайней мере они относятся к убору того же коня¹²⁰ и при их изготовлении была использована та же техника. Однако отсутствие обрамляющего декора и плохая сохранность овальной бляхи, оставляют окончательное решение этого вопроса открытым.

Наконец, существует определенная близость между небольшими бляшками, украшавшими поводья, в том числе обрамляющий декор в виде жемчужника на бляшках двух типов, а также аналогичная техника изготовления петель крепления. Кроме того, четкость рельефного изображения на бляшках предполагает использование металлических матриц и штампов.

Характерная трактовка завитков волос и бороды, частичная позолота и следы штампов в виде кружочков позволяет отнести к изделиям второй мастерской две пары фаларов с фрон-

¹⁰² Cat. Rimini, 1995: No. 42b; Cat. San Antonio, 1999: No. 150; Руслева, 2001: 54–55, 59, табл. I, 5.

¹⁰³ Cat. San Antonio, 1999: No. 151; Treister, 2001: 145.

¹⁰⁴ Cat. Rimini, 1995: No. 42c; Cat. San Antonio, 1999: No. 152.

¹⁰⁵ Treister, 1999b: 77–78; 2001: 149–150.

¹⁰⁶ Deapini, 1984: Pl. 129, g.

¹⁰⁷ Как мне любезно сообщил П. Факларес, гробница в Катерини следует скорее датировать ок. 315–300 гг. до н. э., т. е. светильник, найденный в погребении, – не аттический первой половины IV в. до н. э., как предполагала Е. Деспина, а местного производства, времени правления Кассандра (письмо от 6.03.2000 г.).

¹⁰⁸ См. об этих фибулах: Treister, 2001: 188–189.

¹⁰⁹ Deapini, 1984: Pl. 129, d; Treister, 2001: 150, 189, fig. 54, 1.

¹¹⁰ Овайко, 1970: № 496д, е, табл. ХLI; Чертомлык, 1991: 113; Čertomlyk, 1998a: 145.

¹¹¹ Алексеев, 1986-А: 67, №№ 19–20; С. 158, рис. 19–20; Чертомлык, 1991: 248–249, Рис. 79; № 212, 16–18; Čertomlyk, 1998b: Nr. 212, 17–19; Taf. 57, 1–2, 4–5; Farbatf. 26, 2, 7, 12–13.

¹¹² Мазалецкий, 1979: 56, рис. 38, 8; Galanina, 1986: Fig. 139.

¹¹³ Cat. Rimini, 1995: No. 74.

¹¹⁴ Колейкина, 1986: 45–46, №№ 12–13; С. 151, рис. 12–13; Чертомлык, 1991: 113; Čertomlyk, 1998a: S. 145.

¹¹⁵ Чертомлык, 1991: 113; Schwarzmaier, 1996: 124, Abb. 11; S. 126; Čertomlyk, 1998a: 145.

¹¹⁶ Galina, 1974: Fig. 56.

¹¹⁷ Овайко, 1970: № 497б, табл. ХLI.

¹¹⁸ Słochowski, 2000-А: 107, Taf. 19.

¹¹⁹ Hackens, 1978: No. 20.

¹²⁰ Reeder, 1999: 54, fig. 12.

тальными головками сатира и молодого Геракла (1.1-2), налобник с изображением старого Геракла (2.1), которые, кстати, были найдены вместе на черепахе одного из коней¹²¹, а также украшения узды с головками амазонок (3.2) и розетт в виде двойных цветков лотоса (3.3). Работа характеризуется менее тщательным исполнением и довольно неуклюже проработанными деталями, особенно на прометопидии.

Заслуживает внимания техника частичного золочения изделий из серебра, которая находит прототипы на группе серебряных сосудов, украшенных так называемыми золотыми фигурами, происходящих из Фракии (Дуванлы) и Северного Причерноморья (Семибратние курганы IV и VI, а также Чмырева Могила) и датирующихся второй половиной V в. до н. э.¹²²

Частичное золочение поверхности серебряных сосудов, медальонов с бюстами и рельефами, украшающих внутреннюю часть чаш, а также блях конской узды получило широкое распространение в античной и местной торевтике IV в. до н. э. Фракии¹²³, региона Северной

Фракии – Нижнего Подунавья¹²⁴ и Македонии¹²⁵. Подобный использованному при золочении клде [Fol, 1989: Nos. 2, 4, 82, 97, 112; 120, 129–132, 140–142, 145–146, 149–150, 155–156, 159, 161, 163–165], включая сосуды с аналогичным украшением прически, бороды и лица: 1) фиала с Гераклом и Аякс: Fol 1989: No. 4; Shefton, 1989: 82–90, pl. 14 – начало IV в. до н. э.; Boardman, 1994: 184–185, fig. 6.1; Kull, 1997a: 698, Ann. 45; Schwarzmair, 1997: 21–22, 48, 55, 93, 169–170 – начало III в. до н. э.; Cat. Saint Louis, 1998: No. 107; IV в. до н. э.; 2–3) кушницы: Fol, 1989: Nos. 155, 159; Ewigleben, 1989: 26–32, pl. IV, a; Hodder-ott, 1989: 53–54, pls. IX, c-d; XII; Kull 1997b: 323–324, 329–330, Abb. 61; 63, 1; Cat. Saint Louis, 1998: Nos. 83, 123].

¹²¹ Фрако-гетская торевтика IV в. до н. э.: ритон из Порогет Маро [Маразов, 1980: 76, рис. 58; Cat. Frankfurt, 1994: Nr. 51]; сосуд в форме головы из Перету [Маразов, 1980: 39, рис. 29; Cat. Frankfurt, 1994: Nr. 48.2; Schneider, 1994: 144, 146, Abb. 2; Kull, 1997b: 361–362, Abb. 78, 1; Alexandrescu, 1999: 218, pls. 20–21]; шлема типа Аджигол [из Аджигола, Перету, Байчени и неизвестного происхождения, хранящиеся в Детройте: Cat. Frankfurt, 1994: Nr. 48.1; 49.1; Schneider, 1994: 161ff., Abb. 11, 15, 21; Zozoff, 1996: 175, Abb. 3, a-c; Kull, 1997b: 284, Abb. 40, 1–5; Alexandrescu, 1999: 209 ff., 233–234, fig. 13.6.2]; поппа из Аджигола [Cat. Frankfurt, 1994: No. 49.3; Schneider, 1994: 179–181, Abb. 24–25; Alexandrescu, 1999: 218]; кубки типа Аджигол [из Аджигола, Рогозена, района Железных Ворот: Taylor, 1989: 91–100; Schneider, 1994: 144 ff., Abb. 1, 5, 7; S. 101 ff., Abb. 10, 12–14, 16–19; Cat. Saint Louis, 1998: No. 162; Alexandrescu, 1999: 232, fig. 13.6.1], которые относят к изделиям так называемой «мастерской Аджигола» [Alexandrescu, 1999: 217–219; Kull, 1997b: 204–206], датирующиеся первой половиной IV в. до н. э. [Taylor, 1989: 96] или периодом 360–340 гг. до н. э. [Schneider, 1994: 148]. См. также группу бляшек конской узды из Летница, которые атрибутируются как изделия «мастерской Летницы» [Маразов, 1980: 47 сл., рис. 39, 38, 58; Hodder-ott, 1989: 54–55, pls. 10–11; Boardman, 1994: 185, fig. 3; Kull, 1997b: 207–209, Abb. 4a-b; Archibald, 1998: 251, 273, fig. 10.5; Cat. Saint Louis, 1998: Nos. 62, 90–101; Alexandrescu, 1999: 221–227, 269–279, pls. 26–28].

¹²² Дарвени: 1) серебряный кубок с позолоченным горноцеюном из погребения В [Themelis, 1997: 65, В 11, pl. 64; Zimmermann, 1998: 160, BM 7 – 330–320 гг. до н. э.]. О датировке погребения, см.: Pfrommer, 1987: 173 f., FK 17 – ок. 300 г. до н. э.; Schwarzmair, 1997: 130–131 – третья четверть IV в. до н. э.; Touratsoglou, 1998: 32–33 – 336–323 гг. до н. э. или позднее. 2) Серебряный кубок с позолоченной головой Силена из погребения Z [Themelis, 1997: 122, Z12, pls. 13, 132, 176, fig. 47]. 3) Серебряная фиала с позолоченной розеттой из погребения В [Themelis, 1997: 66, В 8, pl. 8]. 4) серебряный кушница ахеменидского типа с частично позолоченным растительным орнаментом из погребения В [Themelis, 1997: 68–69, В 14, pl. 10]. 5) два аттаса в форме женских протом из погребения В [Themelis, 1997: 85, В 79–80, pl. 97].

Вергина: 1–2) серебряная патера с головой барана [Andronicos, 1984: 213, fig. 182] и ситуса [Andronicos,

¹²¹ Reeder, 1999: 54, fig. 12.

¹²² Strong, 1966: 78–80; Cat. Ленинград, 1985: №№ 1–5; Musti, 1992: Figs. 135–137; Vickers, 1994: 129–136; Williams, 1996: 235–237, figs. 5–6; Cat. Saint Louis, 1998: Nos. 64, 77, 116; Zimmermann, 1998: 120.

¹²³ Ритон из Дуванлы, Башова Могила [Cat. Saint Louis, 1998: No. 124 – конец V в. до н. э.; Archibald, 1998: 327–328; Zimmermann, 1998: 171, RM 15 – ок. 400 г. до н. э.]; амфора из Дуванлы, Куква Могила [Cat. Venice, 1989: No. 177/6; Archibald, 1998: 327]; кубок из Мизии [Zimmermann, 1998: 171, RM 14 – ок. 400 г. до н. э.]; ритоны [Zimmermann, 1998: 171, RM 16; Archibald, 1998: 264–265, 327], амфора-ритон [Boardman, 1994: 187–188, fig. 6.4a, b; Kull, 1997b: 377, 379, Abb. 85, 2; Archibald, 1998: 264, 326–327, pl. 31] и полихитер [Cat. Venice, 1989: No. 144.5] из клде в Борону (первая половина IV в. до н. э.); чаши из Вербицы [Cat. Venice, 1989: No. 147.2 – вторая половина IV в. до н. э.]; сифос [Archibald, 1998: 269, 319, pl. 32; Cat. Saint Louis, 1998: No. 88 – вторая половина IV в. до н. э.]; позолоченные волосы на женских головках и чаши с канелюрами [Archibald, 1998: 320; позолоченная голова льва] из Стрелчи; медальон чаши с омфалом из Врацы с частично позолоченной женской женской головкой [Archibald, 1998: 320–321, pl. 18]; фиала из Луковита [Маразов, 1980: 27, рис. 18; Cat. Venice, 1989: No. 183.10 – конец IV – начало III в. до н. э.]; бляшки конской узды из Луковита [Cat. Venice, 1989: No. 183.25–27; Archibald, 1998: 269; Cat. Saint Louis, 1998: Nos. 42–45]; наколенники из Врацы [Маразов, 1980: 33 сл., рис. 27, 30–31, 34; Schneider, 1994: 182 ff., Abb. 26; Cat. Saint Louis, 1998: No. 89 – середина IV в. до н. э.]; сосуд в форме головы из Маестогинских курганов [Макевич, 1959: 315–333; 1973: 24, Рис. 5, 1]; серебряный кушница из погребения в Арзое [Thraikien, 1994: 125]; 31 из 165 сосудов, найденных в Рогозен-

нии некоторых изделий из Бабиной Могилы прием украшения голов персонажей, при котором подвергались золочению только волосы, бороды или венки, также типичен для серебряных изделий из Македонии и Фракии. Аналогичное украшение фигурных фризов мы встречаем на двух ритонах с головами оленей и ритоне в виде двойной головы из собрания Ортица. Они датируются началом IV в. до н. э. и, вероятно, происходят с южного побережья Черного моря, будучи изготовленными в местных мастерских, работавших в традициях греческого искусства¹⁹⁸. Подобным образом выполнено частичное золочение на серебряной вазе в виде двойной головы из Телл-эль-Машкутта в Египте, на которой имеется надпись на ливийском диалекте¹⁹⁷. В то же время в Южной Италии рассматриваемая техника использовалась значительно реже¹⁹⁹.

Среди современных предметов из Бабиной Могилы находок серебряных изделий, выпол-

ненных в стиле так называемого греко-скифского искусства, подобная техника золочения имеется на следующих памятниках:

- 1) сосуде со сценой охоты из Солохи²⁰⁰;
- 2) амфоре²⁰¹ и тазе²⁰² из Чертомлыка; 3) сосудах из Куль-Обы: а) круглодонном с изображением уток и рыб²⁰³; б) круглодонном с изображением схватки животных²⁰⁴; в) в форме рога с протомой барана²⁰⁵; г) на крышке сосуда с розеткой, которую обрамляет фриз пальметт²⁰⁶;
- 4) круглодонном сосуде с фризом, изображающим бегущих животных из Рыжановского кургана № 4²⁰⁷;
- 5) круглодонном сосуде с изображением оленя и быка, терзаемых грифонами из Большого Рыжановского кургана²⁰⁸;
- 6) круглодонном сосуде со схваткой животных из Соболевой Могилы²⁰⁹;
- 7) круглодонном сосуде с изображением скифов из Частого кургана № 3²¹⁰;
- 8) круглодонном сосуде с фризом, изображающим уток из Чмыревой Могилы²¹¹;
- 9) сосуде с изображением скифов из Гаймановой Моги-

1984: 211, figs. 176–177] из «гробницы принца»; 3) серебряное ситечко из «гробницы Филиппа» [Andronico, 1984: 148, fig. 108]; 4–5) медалионы двух серебряных кубков из «гробницы Филиппа» в форме головы Силена (лицо и непокрытая волосами часть головы оставлены без позолоты, борода, усы и повязка – позолочены) [Andronico, 1984: 150 ff., figs. 112–114; 179–180].

Никсидия: 1) кубок из погребения А, фриз [Pfrommer, 1987: 234, КаВМ2 – последние четверть IV в. до н. э.; Lazaridis, 1992: 19–20, A 869, fig. 2, pl. 6 – конец IV – первая четверть III в. до н. э.; Zimmermann, 1998: 36–42, 160, BM 12; Touratsoglou, 1998: 32–33 – дата погребения: не ранее 315 г. до н. э.]; 2) кубок с медальоном с изображением позолоченной женской головки из погребения D, которое датируется монетой Кассандра началом III в. до н. э. [Pfrommer, 1987: 60, 67, 180, Алт. 314; 237, КаВМ22, Taf. 62; Lazaridis, 1992: 31, 67; A 870, pl. 16 – конец IV – первая четверть III в. до н. э.; Themelis, 1997: 175, fig. 46; P. 217; Zimmermann, 1998: 160, BM 13].

Курган Пана, погребение 2: три кубка с медальонами в виде бюстов – причеса и венки персонажей позолочены, 350–325 гг. до н. э. [Zimmermann, 1998: 160, BM 4–6; о датировке погребения, см.: Touratsoglou, 1998: 33 – не ранее 336 г. до н. э.].

См. также желтые нагрудники-пекторали с серебряными позолоченными обкладками фрако-македонского типа: Ogdenova, 1951: 528–532, figs. 15–16, 18; Archibald, 1998: 255–257; Faklaris, 1991: 1–16, pls. 1–9, 11–13; Kauf, 1997b: 362, 365, Abb. 78, 3.

¹⁹⁸ Cat. Berlin, 1996: Nr. 152–154.

¹⁹⁹ Strong, 1964: 95–102, pls. 26–28; Pfrommer, 1983: 275, 277, Abb. 40–41; Archibald, 2000: 26–27, figs. 4–5.

²⁰⁰ Серебряные флаконы последней четверти IV в. до н. э. из Тарента с гравированными и позолоченными фризами, имитирующими омерзелья: Cat. Milan, 1985: Nos. 4–5.

²⁰¹ Манцевич, 1987: № 61; Artamonov, 1970: Taf. 152–155; Galanina, 1986: Figs. 157–160.

²⁰² Artamonov, 1970: Taf. 162–176; Онайко, 1970: № 433, табл. 26–27; Galanina, 1986: Fig. 266; Чертомлык, 1991: 174, № 91; рис. на с. 178–179; Čertomlyk, 1998a: 153–155, Taf. 52; 1998b: 17–18, Nr. 91, Taf. 24–31.

²⁰³ Artamonov, 1970: Taf. 177–9; Онайко, 1970: № 434; табл. 28; Pfrommer, 1987: 106, 257, KBk 77; Čertomlyk, 1998a: 155 f.; 1998b: Nr. 92; Taf. 32, 1; Farbtaf. 7.

²⁰⁴ Artamonov, 1970: Taf. 239–240; Греч, 1984: 102–103, рис. 2а–д; Galanina, 1986: Figs. 188–189.

²⁰⁵ Artamonov, 1970: Taf. 242, 245, 246; Galanina, 1986: Figs. 193–195.

²⁰⁶ Artamonov, 1970: Taf. 250; Galanina, 1986: Fig. 211; Власова, 1999: 163 сл., рис. 1; 2000: 59–60, № 18.

²⁰⁷ Кат. Ленинград, 1985: № 9; Vickers, 1999: 21, 55, fig. 5.

²⁰⁸ Бобринский, 1894: 145, № 2, табл. XVI, 7; Онайко, 1970: № 784, табл. XXXII.

²⁰⁹ Chochorowski, 2000-A: 107, Taf. 17.

²¹⁰ Cat. Katowice, 1996: No. 28.4; Cat. San Antonio, 1999: No. 164. См. также наше специальное исследование о серебряных сосудах из Соболевой Могилы. Е.В. Власова [1999: 164, прим. 3] высказалась в пользу хронологической близости Соболевой Могилы и Александропольского кургана. Заметим, что датировка серебряных сосудов из Соболевой Могилы укладывается в рамки середины – третьей четверти IV в. до н. э. (см. ниже).

²¹¹ Artamonov, 1970: Taf. 195–196, 198; Galanina, 1986: Figs. 171–173.

²¹² Pharmakowicz, 1910: Sp. 221–222, Abb. 20–21; Онайко, 1970: № 437, табл. XXX; Ильинская, 1983: рис. на с. 147.

ды¹⁴²; 10) бляшках и налобниках конской уады из Александропольского кургана: фаларах с изображением женских бюстов, воинов, прямоугольных пащечниках с грифонами; круглой бляхе с бюстом Афины и налобнике с изображением стоящей Афины с конем¹⁴³; 11) серебряных круглых фаларах на бронзовой основе из Толстой Могилы¹⁴⁴.

На сосудах с изображением человеческих персонажей (амфора из Чертомлыка, чаши из Солахи и Частого кургана) фигуры позолочены полностью. Таким образом, наиболее близкой параллелью использования техники частичного золочения является сосуд из Гаймановой Могилы, на котором оставлены непозолоченными только лица и руки скифов, тогда как волосы, бороды и одежды покрыты слоем золота. В то же время стилистически чаша из Гаймановой Могилы принадлежит изделиям другой мастерской.

Очевидно, что мастера первой группы изделий из Бабиной Могилы демонстрируют хорошее знание классического искусства Южной Италии, мотивы которого были широко распространены в Средиземноморье, в том числе в Македонии и Египте. Также и техника исполнения рельефных фигурных композиций в матрицах была широко распространена в IV в. до н. э. на территории Средиземноморья, на се-

вере Балканского полуострова и в Боспорском царстве¹⁴⁵. По мнению Э. Ридер, «некоторые серебряные фалары могли быть изготовлены без адаптации сюжетов для скифских клиентов, за исключением их выбора, так как ремесленники знали, что Сцилла и Цербер вполне отвечают скифским вкусам к гибридным формам и связаны с подвигами Геракла»¹⁴⁶.

Мастера второй мастерской также использовали мотивы классического греческого искусства (головки сатиров, Геракла, амазонок, образ пожилого Геракла), возможно, в какой-то степени адаптируя их под вкусы своих клиентов¹⁴⁷. В то же время они демонстрируют худшие навыки изображения человеческой фигуры, значительно примитивнее трактуют детали и особенно увлекаются частичной позолотой рельефов. Последний признак как будто бы позволяет связать технические навыки этих тюретов с мастерскими Фракии и Македонии.

Выделенные здесь «мастерские Бабиной Могила – I и II» расширяют список мастерских тюретов, большинство из которых работало, вероятно, на Боспоре и изделия которых находят в скифских курганах IV в. до н. э.¹⁴⁸ Отмеченные выше параллели произведений тюретники из Бабиной Могилы позволяют датировать их, вероятнее всего, ок. 340–330 гг. до н. э.

¹⁴² *Galanina*, 1986: Figs. 166–170; *Cat. Schleswig*, 1991: Nr. 96; *Cat. Vienna*, 1993: Nr. 24; *Fuhrmeister*, 1997: 164–166, Abb. 60–61. О датировке Гаймановой Могилы см.: середина 330-х гг. до н. э. – *Моляев*, 1996: 45; *Моляев*, 1999: 387–390; ср.: *Алексеев*, 1996: 103–104 – ок. 350 г. до н. э.

¹⁴³ См. выше прим. 65, а также: *Онайко*, 1970: № 429, а-б, табл. XXIII, XXV; *Ильинская*, 1983: 138.

¹⁴⁴ См. выше прим. 20.

¹⁴⁵ *Trister*, 1999b: P. 71–81; 2001. – P. 381 ff.

¹⁴⁶ *Reeder*, 1999: P. 51.

¹⁴⁷ *Reeder*, 1999: P. 51.

¹⁴⁸ См. по поводу выделенных мастерских *Williams*, 1994: 126–127; *Савоскина*, 1999: 199–204; *Trister*, 1999b; 2001: 136–160; 2001 (в печати).

М.Ю. Трейстер

Серебряная посуда из Соболевой Могилы

1. Анализ сосудов

1. Килики (табл. 21, 1-2; рис. 102; 157-159)¹⁴⁹

Килики из Соболевой Могилы имеют довольно глубокие, практически полусферические вместителища, их края загнуты внутрь. Их отличают отдельно изготовленные и припаянные ножки с кольцевыми поддонами. П-образные изогнутые ручки с листовидными нижними атташами, верхняя часть которых возвышается над венчиком. Поддон килика из погребения № 2 гладкий (рис. 157, 3), килика из погребения № 3 – украшен горизонтальными валиками (рис. 159, 3), на одном из атташей этого килика имеются глубокие параллельные насечки (рис. 159, 1), а дно внутри кольцевого поддона, исчеркано линиями, перечеркивающими графито А (рис. 159, 2).

Аналогичные килики происходят из скифских погребений в Гаймановой Могиле¹⁵⁰, кургане № 1 (4) в Рыжановке¹⁵¹, Большом Рыжановском кургане¹⁵², северной гробнице

¹⁴⁹ Cat. Katowice, 1996: No. 28.2; Cat. San Antonio, 1999: No. 162. Выс. без ручек 5,0 см, с ручками – 7,3 см, дм. с ручками 17,5 см, дм. чаши 10,6 см, ножка: выс. 0,7 см, дм. основания 3,0 см, вес. 86,64 гр. (рис. 158; 159) Килик из погребения № 2: не опубликован. Киев, Институт археологии НАН Украины, инв. № КП V-670: выс. 4,1 см, дм. чаши 9,0 см, шир. макс. с ручками 14,8 см. Ножки: дм. основания 3,0 см, выс. 0,9 см (рис. 157).

¹⁵⁰ Ильинская, 1983: 145, рис. на с. 146; Roïle, 1979: 129, 133, Nr. 10; Vlasova, 2001: 94, fig. 15. См. о датировке погребения – Монахов, 1996: 45; Монахов, 1999: 387-390.

¹⁵¹ Вобрицкий, 1894: 141, 145, табл. XVII, 4; Петренко, 1967: 25, табл. 15, 7 (ошибочно называет килик бронзовым); Овайко, 1970: 116, № 773, табл. XXXIII. Уже в первой публикации сосуд был изображен без ножек, однако отмечалось, что ножки «распались от окисления».

¹⁵² Chochorowski, 2000-A: 107, Taf. 18. – Выс. 5,0 см, дм. чаши 10,5 см, шир. макс. с ручками 15,8 см, ножка: выс. 1,1 см, дм. основания 3,4 см. – Киев, Институт археологии НАН Украины, инв. КП V-711. См. о датировке погребения там же, с. 108 – по данным деахро-

нологии 270 (+/- 15) г. до н. э. Ср.: Алексеев, 2001: 71 сл., 277; ок. 300 г. до н. э. или ок. 315-285 г. до н. э.

Чертюмлыка (с подрезкой под краем снаружи).¹⁵² Подобные же серебряные килики известны и за пределами северопричерноморских степей, в частности, из Козани в Македонии, где он был найден в погребении П/1948 третьей четверти IV в. до н. э.¹⁵³, и на острове Халки недалеко от Родоса¹⁵⁴. Среди чернолаковых киликов подобная форма чаши характерна для типа 687 по классификации Спаркса – Талькотта, который датируется ок. 350 г. до н. э.¹⁵⁵ Известна серия подобных бронзовых киликов, имеющих полусферические чаши, происходящих из погребения № 147 третьей четверти IV в. до н. э. в Витце в Македонии¹⁵⁶ и гробницы № 7 ок. 325 г. до н. э. в Медеоне в Фокиде¹⁵⁷. Эта форма характерна уже для времени после середины IV в. до н. э.¹⁵⁸ Интересно, что форма ножек указанных бронзовых киликов¹⁵⁹, особенно килика из Медеона и килика с отогнутым краем из погребения № 71 последней четверти IV в. до н. э. в Витце¹⁶⁰, соответствует ножкам перечисленных выше серебряных киликов из скифских курганов.

¹⁵² Certomlyk, 1998a: 163-164; 1998b: 38, Nr. 228, pl. 64, 1-2; выс. 5,5 см, дм. 10 см. См. о датировке Чертомлыка ножом 340-х – началом 330-х гг. до н. э. – Монахов, 1996: 38-41; ср.: Монахов, 1999: 363-369; конец 340-х – первая половина 330-х гг. до н. э.

¹⁵³ Kallipolitou, 1951: 93, eik. 8; s. 96, No. 6; Cat. Toledo, 1977: 51; Karanitsiou-Mentesidi, 1993: 46, eik. 19; Zimmermann, 1998: 158, SCM 2 (выс. 4,5 см).

¹⁵⁴ Walters, 1921: 5, No. 14, pl. III; Cat. Toledo, 1977: 51.

¹⁵⁵ Sparkes, 1970: 131, 285, No. 687, pl. 28, fig. 7.

¹⁵⁶ Vokatopoulou, 1986: 178, No. 1, pl. 281.1; fig. 83, 6; Zimmermann, 1998: 158, SCM 3, Abb. 7, 4, Taf. 14, 1.

¹⁵⁷ Roïley, 1976: 101 f., B 14, fig. 180; Zimmermann, 1998: 158, SCM 5, Abb. 8, 2, Taf. 14.3; 15, 3.

¹⁵⁸ Zimmermann, 1998: 32.

¹⁵⁹ Zimmermann, 1998: 32-33.

¹⁶⁰ Vokatopoulou, 1986: 189, No. 2, Pl. 301, a-b, fig. 83, 5; Zimmermann, 1998: 158, SCM 7, Abb. 8, 3; Taf. 15, 1.

Серебряные килики из погребения № 3 Хоминной Могилы¹⁶⁵ несколько ниже и имеют более уплощенное вместилище. Такой же поддон, близкие размеры и форму имеет килик из погребения № 2 кургана № 4 у с. Ильинка¹⁶⁶. Возможно, судя по аналогичному поддону, к этому же варианту принадлежали серебряные килики из кургана № 6 у с. Нагорное¹⁶⁷ и из гробницы № 1 Мелитовольского кургана¹⁶⁸, от которых сохранились только поддоны и ручки. Более низкий, но с таким же поддоном, килик из детского погребения Толстой Могилы¹⁶⁹ находит параллель из гробницы II в Вергине¹⁷⁰. Ближайший по форме и по размерам серебряный килик, однако с подрезкой с внешней стороны под краем и профилированным поддоном, происходит из Лисьей Могила (курган № 1, погребение № 1)¹⁷¹. Ближайший к нему по форме тулова и ножки килик неизвестного происхождения, хранящийся в Музее Метрополитен с подрезкой под краем, но с внутренней стороны, на основании сходства с черноточными формами с Афинской Агоры, которые датировались Спарксом и Талькоттом 325–310 гг. до н. э.¹⁷², был отнесен Э. Оливером к концу IV в. до н. э., Н. Циммерманн датирует его последней четвертью IV в. до н. э.¹⁷³

Возможно, к рассматриваемому нами типу относятся и килики из Денисовой Могилы¹⁷⁴ и погребения 1, кургана 11, могильника Широкое III¹⁷⁵, от которых сохранились только ручки.

Рассмотренная выше группа киликов по форме вместилища, широкой и довольно уплощенной по сравнению с киликами из Соболевой Могила или Чертомлыка, приближается к следующей группе сосудов, для которых характерна более узкая, но все же довольно короткая ножка на выделенном кольцевом поддоне с более сложной, чем у ранних киликов, профилировкой. Эти килики имеют отогнутый наружу край. Такие серебряные сосуды, как правило, больших размеров, происходят из Потидеи в Северной Греции¹⁷⁶, из гробницы в Араесе, в районе Хебреса в Македонии¹⁷⁷, из погребения конца IV – начала III в. до н. э. в Агисе Атанаснос, Фессалоники¹⁷⁸, из Зеленого кургана на Таманском полуострове¹⁷⁹, Прусии¹⁸⁰ и Кастамону¹⁸¹ в Малой Азии, Вани¹⁸² и Даблагоми¹⁸³ в Колхиде. Они происходят из комплексов, которые датируются в пределах последней четверти IV – первой половины III в. до н. э.¹⁸⁴

¹⁶⁵ Мазолевский, 1973-А: 231, рис. 37, 2; С. 234, № 9, рис. 39, слева; Rolle, 1979: 134, Nr. 15). Выс. сосуда 3,4 см, поддона 0,7 см, дм. чашечки 9,3 см, поддона – 3,5 см). Датировка Хоминной Могила – кон. IV – начало III в. до н. э. [Мазолевский, 1973: 234].

¹⁶⁶ Плещивенко, 1991: 59. Рис. 4, 5. С. 63, 71. Дм. чашечки 10 см, шир. по ручкам 14 см, выс. сосуда 4,5 см, выс. поддона 1 см, дм. поддона 3,5 см – датировка по находке черноточного килика второй-третьей четверти IV в. до н. э. [Плещивенко, 1991: 59, рис. 4, 4; С. 63, № 10; С. 71] В том же погребении найдена фазосская амфора биконической формы [Плещивенко, 1991: 59, рис. 4, 3; С. 63, № 13].

¹⁶⁷ Мазолевский, 1973-А: 197, № 2, С. 198, рис. 12, 2, 3 – выс. поддона 1 см, нижний дм. 3,5 см, верхний 2,5 см, предположительный дм. впадины 10 см.

¹⁶⁸ Мелитоволь, 1988: 80, рис. 83, 1; С. 100, № 73–74; С. 101, рис. 110. О датировке погребения см. Molodtsov, 1996: 43f.; Монахов, 1999: 405.

¹⁶⁹ Мазолевский, 1979: 142–144, № 207, рис. 128; Rolle, 1979: 134, Nr. 18. (дм. чашки 8,1 см, выс. сосуда 2,9 см, общ. дм. с ручками – 12,3 см).

¹⁷⁰ Andronikos, 1984: 148, fig. 108; Vokotonić, 1996: 161, Be 60.

¹⁷¹ Мазолевский, 1980: 119–121, № 4; рис. 54, 4. Дм. чашечки 9,5 см, выс. с поддоном 4,3 см.

¹⁷² Sparck, 1970: 285, No. 690.

¹⁷³ Cat. Toledo, 1977: No. 18; конец IV в. до н. э.; ср.: Zimmermann, 1998: 158, SCM 8; последняя четверть IV в. до н. э.

¹⁷⁴ Мазолевский, 1980: 131–132, № 13, рис. 67, 2.

¹⁷⁵ Черненко, 1977-А: 17, № 1, 18, рис. 5, 7.

¹⁷⁶ Sigonidou, 1966: 343, pl. 361, d; Cat. Toledo, 1977: 49; Pfrommer, 1983: 137, Abb. 5; Zimmermann, 1998: 32–34, Ann. 215; S. 158, SCM 11, Taf. 15, 2; начало III в. до н. э.; Sideris, 2000: 19, 23, fig. 22.

¹⁷⁷ Cat. Thessaloniki, 1978: No. 462, pl. 61; Cat. Washington, 1980: No. 108; конец IV в. до н. э.; Zimmermann, 1998: 32–34, Ann. 215; S. 158, SCM 10; конец IV – начало III в. до н. э.

¹⁷⁸ Tsimbidou-Andoni, 1998a: 76–77, No. 5, eik. 6; Tsimbidou-Andoni, 1998b: 233, 238, eik. 4; Sideris, 2000: 19, 24, fig. 23.

¹⁷⁹ Pharmakovsky, 1913: 185–186, Abb. 13; Шкорпил, 1916: 31, рис. 19; Strong, 1956: 93; Gajdichovic, 1971: 150, Abb. 35; Монахов, 1979: 72, 74, рис. 23, А1; Gabelmann, 1982: 251; Zimmermann, 1998: 32–4, Ann. 215; 158, SCM 9; конец IV в. до н. э.; Treister, 2002: 64–65, Fig. 4. О дате Зеленого кургана на основании данных керамической эпиграфика – конец IV – начало III в. до н. э. – см. Монахов, 1999: 477–484.

¹⁸⁰ Strong, 1956: 93, pl. 22B; Gabelmann, 1982: 251, 253, Abb. 7; Pfrommer, 1983: 137, Abb. 4; Bothmer, 1984: 47, No. 73; Zimmermann, 1998: 32–34, 158, SCM 13; первая четверть III в. до н. э.; Sideris, 2000: 17, 19, note 50.

¹⁸¹ Cat. Toledo, 1977: 49; Zimmermann, 1998: 34, Ann. 221.

¹⁸² Lordkipanidze, 1983: № 411.

¹⁸³ Голорбава, 1977: 49–50, № 8; Lordkipanidze, 1974: 936; Lordkipanidze, 1983: № 561.

¹⁸⁴ Zimmermann, 1998: 32.

Упомянем также аналогичные киллики неизвестного происхождения из Музея Гетти¹⁸¹ и Лувра¹⁸².

2. Ритон (табл. 20; рис. 160; 161)¹⁸³

Ритон относится к группе сосудов, состоящих из узкого наконечника, сравнительно узкой конической центральной части и раструба, верхняя часть которого резко отогнута вверх. Ритоны подобной формы и близких пропорций происходят из Куль-Обы¹⁸⁴, Толстой Могилы¹⁸⁵, Мордвиновского¹⁸⁶, Мастогинского¹⁸⁷ курганов и кургана № 1 с. Дуровка¹⁸⁸. Указанные выше сосуды были недавно выделены в одну группу Е.В. Власовой¹⁸⁹, несмотря на то, что между

¹⁸¹ Cat. Toledo, 1977: 49, No. 3; Zimmermann, 1998: 158; SCM 15: середина III в. до н. э.

¹⁸² Stronig, 1966: 95; Cat. Toledo, 1977: No. 17; Gabelmann, 1982: 251, 253, Abb. 8; середина III в. до н. э.; Pfrommer, 1983: 137, Abb. 3; Zimmermann, 1998: 32-34, 158, SCM 14: середина III в. до н. э.

¹⁸³ Cat. Katowice, 1996: No. 28.3; Cat. San Antonio, 1999: No. 163; Власова, 1999: 164-165, Рис. 2л. Дл. 25,5 см. Дм устья 6,4 x 8,3 см. Головка барана: дл. 2,2 см; шир. макс. 1,4 см. Выс. фриза ок. 3,0 см. Вес 285,79 гр. В каталогах допущены неточности в описании фриза, которые мы исправляем сейчас. Изначально на фризе представлены две сцены с изображением грифонов, нападающих на животных. Одна из них практически полностью утрачена. Грифон, прыгающий вперед, нападает на бегущего от него оленя, повернувшего голову назад. Тело оленя украшено несколькими группами коротких параллельных насечек. Перед оленем изображена бегущая направо пантера с изогнутым хвостом, кончик которого опущен вниз. Тело пантеры украшено овалом из точечных наколов, голова пантеры утрачена. От второй группы сохранилась часть фигуры грифона, обращенного влево. Оба грифона изображены спиной к друг другу, образуя геральдическую композицию. Фриз ограничен сверху двумя параллельными прочерченными линиями. Отметим, что мастер не совсем точно рассчитал композицию, т. е. копыта оленя и задние лапы пантеры перекрывают нижний бордюр фриза.

¹⁸⁴ Власова, 1999: 164-165, Рис. 2е с литературой; 2000: 60, № 19; Власова, 2001: 97, No. 19, figs. 18, 19b; См. также Artamonow, 1970: Taf. 251.

¹⁸⁵ Власова, 1999: 164-165, Рис. 2г с литературой; 2000: 60, № 21; Власова, 2001: 99-100, No. 21, fig. 19c.

¹⁸⁶ Власова, 1999: 164-165, Рис. 2а с литературой; 2000: 60, № 20; Власова, 2001: 97, No. 20, fig. 19a.

¹⁸⁷ Власова, 1999: 164-165, Рис. 2б с литературой; 2000: 60, № 23; Власова, 2001: 100, No. 23, fig. 19f.

¹⁸⁸ Власова, 1999: 164-165, Рис. 2в с литературой; 2000: 61, № 24; Власова, 2001: 101, No. 24, fig. 19d; начало IV в. до н. э. См. также: Пушкова, 2001: 183, 205, рис. 6, 1.

¹⁸⁹ Власова, 1999: 165-167; 2000: 49, рис. 3, 2-6; Власова, 2001: 74, 99, fig. 19, b-f. Автор ошибочно отмечает, что для ритонов этой группы характерны наконечники в виде головок льва.

этими ритонами, близкими по форме и пропорциям, имеются конструктивные и декоративные различия.

Ритон из Соболевой Могилы, с точки зрения его конструкции, напоминает ритоны из Куль-Обы и Толстой Могилы, также состоящие из трех частей и имеющие золотой наконечник и близкую по исполнению пластинчатую обойму, закрывающую шов между раструбом и средним элементом ритона, в центральной части украшенную напаянным филигранным орнаментом. Традиция изготовления трехчастных ритонов и «маскировки шва» между средней частью и раструбом находят прототипы в сосудах середины V – начала IV в. до н. э. из IV Семзратного кургана¹⁹⁰ и кургана № 4 у аула Улял¹⁹¹. С другой стороны, ритоны из Куль-Обы и Толстой Могилы имеют наконечники, украшенные напаянными филигранным орнаментом в виде двух и одного фриза стилизованных пальметт, состоящих из 5-видных элементов¹⁹²,

¹⁹⁰ Власова, 2000: 55-56, № 5-6 с литературой; Власова, 2001: 82-83, Nos. 5-6, figs. 4-5. См. также Анфилов, 1987: 112-113; Jacobson, 1995: 218, VI.G.2. b-c; Cat. Milan, 2001: No. 51.

¹⁹¹ Власова, 2000: 57-58, № 10 с литературой; Власова, 2001: 90-91, No. 10. См. также Анфилов, 1987: 146-147; Кат. Москва, 2002: № 614.

¹⁹² См. также подобные наконечники ритонов с головкой льва из Прикубанья [Анфилов, 1987: 130, 175; Cat. Paris, 2001: No. 42], кстати, не вошедшие в каталог ритонов из Северного Причерноморья Е.В. Власовой. Любопытно проследить эволюцию подобного декора наконечников ритонов. Так, он появляется еще на ритонах V в. до н. э. из Братолюбовского кургана [Власова, 2000: 59, № 13 с литературой; Власова, 2001: 92, No. 13] и Улялского кургана № 4 (на обойме между центральной частью ритона и раструбом; см. выше прим. 101). Этот мотив украшает в другом присваивении теревтики V-IV вв. до н. э., в частности, «воронки» ожерелья из Братолюбовского кургана [Cat. Rimini, 1995: 71, No. 1.35; Cat. Milan, 1995: No. 53; Cat. San Antonio, 1999: No. 135], «воронки» гривы из погребения № 2, кургана № 2 у с. Корнеевка [Ковалев, 1991: 36, рис. 2, С. 43-44, № 7 - середина - третья четверть V в. до н. э.; Cat. Schleswig, 1991: Nr. 106; Cat. Vienna, 1993: Nr. 30; Cat. Milan, 1995: No. 29], из Талызинского кургана, довольно посредственного качества [Петренко, 1978: Табл. 31, 1; Galalina, 1986: Figs. 236-237; Cat. Hamburg, 1993: Nr. 65], а также относящиеся к началу IV в. до н. э. браслеты с окончанием в виде львиных головок [Williams, 1994: No. 96], спиральчатые серьги [см., например, Williams, 1994: No. 93; из Панталака, ок. 400 г. до н. э.] и обкладку точильного камня из Бердлинского кургана [Чердынецкая, 1996: 73, 76, рис. 10; Cat. San Antonio, 1999: No. 100], которую Е.В. Власова по непонятной мне причине называет наконечником ритона [Власова, 2001: 104-107, No. 29, fig. 22].

соответственно, тогда как наконечник ритона из Соболевой Могилы – гладкий. Наконец, раструбы ритонов из Куль-Обы и Толстой Могилы – неорнаментированные, тогда как раструб ритона из Соболевой Могилы украшен фигурным гравированным фризом.

Наибольшую близость к ритону из Соболевой Могилы по деталям отделки обнаруживает дуровский ритон¹⁸⁸, который также имеет длинный гладкий (правда, выполненный из серебра) наконечник, заканчивающийся головкой барана (в отличие от ритонов из Куль-Обы и Толстой Могилы, имеющих наконечники в виде головок льва; наконечники ритонов из Мордвиновского и Мясюгинского курганов не сохранились). Кроме того, среди упомянутых выше ритонов сосуд из Дуровки – единственный, вдоль края раструба которого нанесен гравированный орнамент, фриз в виде венка лавра, выполненный в такой же технике, как и фриз на ритоне из Соболевского кургана. В отличие от ритона из Соболевой Могилы, на ритоне из Дуровки на месте шва между центральной частью ритона и раструбом имеется узкий гравированный фриз в виде ов. На рассматриваемом сосуде из Соболевой Могилы шов закрыт накладной пластинчатой обоймой, в центральной части украшенной филигранным орнаментом в виде елочка по бокам обрамленным рубчатой проволокой¹⁸⁹. Очевидно, что мастер дуровского ритона в качестве образцов имел ритоны типа соболевского.

Таким образом, ритон из Соболевой Могилы занимает промежуточное место между ритонами из Куль-Обы и Толстой Могилы, с одной стороны, и ритонами из кургана № 1 у с. Дуровка¹⁹⁰ – с другой. К близкому заключению о том, что «сосуды из Соболевой Могилы и Дуровки были сделаны несколько позже, чем остальные», пришла и Е.В. Власова. Вероятнее всего, как предполагает Е.В. Власова, все эти ритоны были изготовлены в течение сравнительно короткого промежутка времени¹⁹¹. По месту расположения орнамента (фриз под краем раструба) и технике его исполнения ритон из Соболевой

Могилы обнаруживает также близость к серебряным ритонам абсолютно иной формы, найденным в кургане Карагодеуашх¹⁹². На одном из найденных там ритонов, так называемом «малом»¹⁹³, под краем раструба имеется фриз в виде пальметт, на «среднем» – в виде схватки животных, в частности пантеры, терзающей оленя¹⁹⁴, а на большом – в виде фриза летящих водоплавающих птиц¹⁹⁵. Все эти соображения, учитывая датировки комплексов Куль-Обы¹⁹⁶, Толстой Могилы¹⁹⁷, Карагодеуашха¹⁹⁸ и кургана № 1 у с. Дуровка¹⁹⁹, позволяют относить ритон

¹⁸⁸ Пузикова, 1966: 89.

¹⁸⁹ Власова, 2000: 61, № 25 с литературой; Власова, 2001: 101–102, No. 25, fig. 20, 1. См. также Artemov, 1970: Abb. 156b; Анфилов, 1987: 162–163; Jacobson, 1995: 220–221, VI.G.6.c.

¹⁹⁰ Власова, 2000: 61, № 26 с литературой; Власова, 2001: 101–103, No. 26, fig. 20, 2. См. также Artemov, 1970: Abb. 156a; Анфилов, 1987: 166–167; Jacobson, 1995: 220, 221, VI.G.6.b.

¹⁹¹ Власова, 2000: 61, № 27 с литературой; Власова, 2001: 102–104, No. 27, fig. 20, 3. См. также Artemov, 1970: Abb. 157; Gajdukevic, 1971: 148, Abb. 33; Анфилов, 1987: 166–167; Cat. Hamburg, 1993: Nr. 67; Jacobson, 1995: 220, 220–221, VI.G.6.a; Stahler, 1997b: 106; Ustinova, 1999: 264–269, pl. 27.

¹⁹² Вторая половина IV в. до н. э.: Shegolev, 1991: 116, 121–122, note 82; ок. 330 г. до н. э.: Алексеев, 1996: 104. Прим. 28; ср. первая половина III в. до н. э.: Pfrommer, 1990: 283–284, FK 153.

¹⁹³ Мозолевский, 1979: 239; 350–320 гг. до н. э.; Алексеев, 1985: 34; 340–320 гг. до н. э.; 1996: 104; 340 г. до н. э.

¹⁹⁴ Алексеев, 1992: 156–157; 340–320 гг. до н. э.; Монахов, 1999: 411–413; третья четверть IV в. до н. э.

¹⁹⁵ В первой публикации А.И. Пузикова [1966: 89] датировала комплекс кургана № 1 на основании находки в нем амфоры началом IV в. до н. э. Очевидно, это послужило для Е.В. Власовой [2000: 61, № 24; Власова, 2001: 101, No. 24] основанием датировать дуровский ритон началом IV в. до н. э. В дальнейшем А.И. Пузикова, ссылаясь на определение А.П. Абрамова, относит амфору производства Коса или Книды ко второй половине IV – первой половине III в. до н. э. [см. Пузикова, 2001: 183, 184, 207, рис. 5, 2]. По мнению А.И. Пузиковой [1966: 87–89], в наборе нашивных штампованных бляшек и в орнаментике ритона отмечается сходство с комплексами находок из погребений в Александропольском, Мелитопольском и Карагодеуашхском курганах. Эта точка зрения была повторена без ссылки Е.В. Власовой [1999: 164, Прим. 2] – набор конского убора и золотых бляшек из кургана № 1 у с. Дуровка близок набору Александропольского кургана. О датировке Мелитопольского кургана, см.: Монахов, 1996: 42–43; ср. Монахов, 1999: 402–405; конец 340-х – первая половина 330-х гг. до н. э.; Алексеев, 1996: 103–104, 111–112; ок. 330 г. до н. э. Как отмечает А.Ю. Алексеев [1986: 35 сл.], набор бляшек Александропольского кургана наиболее тесно связан с бляшками из кургана Пятибратий № 8. Дев. Огуз,

¹⁸⁸ См. выше прим. 188.

¹⁸⁹ Подобным же образом украшены широкие пластинчатые обоймы на ритонах из Братолобовского кургана (см. выше прим. 192) и кургана у Великой Знаменки [Власова, 2000: 58, № 11 с литературой; Власова, 2001: 91, No. 11; Cat. San Antonio, 1999: No. 116].

¹⁹⁰ Следует также учитывать, что прежде чем попасть в погребальный комплекс, ритон из Дуровки подвергался ремонту и переделке [см. Пузикова, 1966: 89].

¹⁹¹ Власова, 1999: 165.

из Соболевой Могилы к середине – третьей четверти IV в. до н. э. Кстати, близки датировки и Мордвиновского кургана № 1²⁰⁵, а также Мастогиинского кургана № 29/21²⁰⁶. Предлагаемая датировка косвенно подтверждается характерными деталями – украшениями фигур оленя и пантеры на фризе публикуемого ритона – они находят прямые параллели на изделиях, которые я отношу к продукции мастерской обкладок ножей мечей и горитов²⁰⁷.

3. Круглодонный сосуд с фигурным фризом (табл. 15; рис. 162; 163)²⁰⁸

Круглодонный сосуд с фигурным фризом относится к серии сосудов, известных по находкам из скифских курганов IV в. до н. э. На некоторых из них также представлены сцены схваток животных, в частности на сосудах из Куль-Обы²⁰⁹ и Большого Рыжановского кургана²¹⁰. Фриз из оа с маленькими прочерченными между овами галочками над фризом с изображениями животных находит ближайше параллели на сосудах из Частого кургана № 3²¹¹ и Гаймановой Могилы²¹² (нижний орнаментальный фриз), а также на утраченном круглодонном датируется третьей четвертью IV в. до н. э. [см., например, *Монахов*, 1999: 433]. О датировке Александропольского кургана, см. *Алексеев*, 1992: 154, 156–157: последняя треть IV в. до н. э.; 2000: 303: последняя четверть IV в. до н. э.; *Монахов*, 1999: 432–438: конец IV в. до н. э. Интересно, что среди близких, найденных в кургане № 1 в Дуровне, имеются близки в форме цветка лотоса [Пулкина, 1966: 87–88. Рис. 29, 12; 2001: 183, 209, рис. 7, 8], которые находят чрезвычайно близкую аналогию в Бабьей Могиле [Cat. Rimini, 1995: 77, L.49d.].

²⁰⁵ *Alexeev*, 1992: 156–157: 340–320 гг. до н. э.

²⁰⁶ *Манцевич*, 1973: 41: 340–320 гг. до н. э.

²⁰⁷ *Treister*, 2001: 146f.

²⁰⁸ Cat. Katowice, 1996: No. 28.4; Cat. San Antonio, 1999: No. 164. – Выс. 11 см, ди. по краю 6,1 см, ди. тулова макс. 10,4 см, вес 228,11 г.

²⁰⁹ *Artamonov*, 1970: Taf. 242, 245, 246; Кат. Ленинград, 1955: № 12; *Galantina*, 1986: Figs. 193–195; *Boardman*, 1994: 202, fig. 6.23; *Schiltz*, 1994: 160, Abb. 118; *Jacobson*, 1995: 207, VI.D.4, figs. 88–89.

²¹⁰ *Chochorowski*, 2000-A: 107, Taf. 17.

²¹¹ *Ростовцев*, 1914: 82 ст., табл. 2, 1–2, 13–14; 3, 1–4; *Artamonov*, 1970: Taf. 195–196, 198; *Galantina*, 1986: Figs. 171–173; *Schiltz*, 1994: 390–391, Abb. 312, A-D; *Jacobson*, 1995: 205–206, figs. 85–86, a-b; Cat. Bonn, 1997: Nr. 39; *Fuhrmeister*, 1997: 162–163, Abb. 58–59; *Medvedev*, 1999: 111, 113, рис. 57, 1.

²¹² *Canina*, 1974: Figs. 49–51; *Rolle*, 1979: 122 f., 129–131; *Galantina*, 1986: Figs. 166–170; Cat. Schleswig, 1991: Nr. 96; Cat. Vienna, 1993: Nr. 24; *Boardman*, 1994: P. 201–202, fig. 6.23a-b; *Schiltz*, 1994: 176–177, Abb. 128–129; *Jacobson*, 1995: 200–202, VI.C.2; *Gebauer*, 1997: 153–154, Abb. 52; *Fuhrmeister*, 1997: 164–166, Abb. 50–61.

донном сосуде с изображением птиц из кургана Патинисти²¹³. Подобным же образом украшен край унгентария середины IV в. до н. э. из погребения № 270 конца IV в. до н. э. в Вуччино (Салерно)²¹⁴, плечики серебряного кувшинчика неизвестного происхождения в Музее Метрополитен²¹⁵. Фриз с плетенкой и лепестки в нижней части тулова сосуда находят параллели на электровом сосуде со скифами из Куль-Обы²¹⁶, лепестки – на круглодонных сосудах из Куль-Обы²¹⁷. Цветы, выгравированные в нижней части фриза, напоминают изображенные на круглодонных сосудах с образами скифов из Куль-Обы²¹⁸ и из Частого кургана № 3²¹⁹, а также на шлеме из Перидериевой Могилы²²⁰. Кроме того, они обнаруживают сходство с изображениями цветов на золотой пластинке с изображением скифов и грифона из Херсонеса, одна часть которой хранится в Москве, а другая – в Берлине²²¹. Композиционно фриз на сосуде может быть сопоставим с фризом на одном из куль-обских сосудов [ГЭ, инв. КО 97], на котором представлено три сцены: лев и львица, напавшие на оленя, два грифона, атакующие горного козла, и лев, терзающий кабана²²². И на сосуде из Куль-Обы, и на сосуде из Соболевой Могилы у львов выделены ребра, правда, на сосуде из Соболевой Могилы – более рельефно, чем на сосуде из Куль-Обы. С этой точки зрения трактовка хищников на сосуде из Соболевой Могилы напоминает изображения на ворварке из Братолобовского кургана²²³.

²¹³ *Potratz*, 1963: 118, Taf. 50; *Яковенко*, 1974: 65–66, рис. 26. О датировке погребения: середина 370-х гг. до н. э., см. *Монахов*, 1999: 631.

²¹⁴ Cat. Trieste, 2002: 260–261, No. 88.26.

²¹⁵ Cat. Toledo, 1977: No. 29: III в. н. э.

²¹⁶ *Artamonov*, 1970: Taf. 226, 229, 232–233; *Galantina*, 1986: Figs. 185–7; Cat. Hamburg, 1993: Nr. 57; Cat. Zurich, 1993: Nr. 41; Cat. Bonn, 1997: Nr. 74; Cat. Milan, 2001: No. 54.

²¹⁷ См. выше прим. 209. Об этих сосудах, см. например, *Греч*, 1984.

²¹⁸ См. выше прим. 216.

²¹⁹ См. выше прим. 211.

²²⁰ Cat. Schleswig, 1991: Nr. 90; Cat. Zurich, 1993: 121–123, No. 63; *Moravjenko*, 1994: 22–23; *Schiltz*, 1994: 335, Abb. 243; 370–371, Abb. 277; Cat. Milan, 1995: No. 17; *Alexeev*, 1997: 35, 38, № 15; 43, рис. 4, 2; *Stahler*, 1997: 70; 1997b: 113; *Лоспан*, 1998: 89 ст., рис. 1; Cat. San Antonio, 1999: No. 124; *Pyessesa*, 1999: 208–215.

²²¹ *Пятыхшева*, 1956: 13–17, табл. II; *Greifenhagen*, 1974: 173–174, Abb. 2–3.

²²² *Греч*, 1984: 104, табл. II, 5; *Galantina*, 1986: Figs. 193–195.

²²³ Cat. Schleswig, 1991: Nr. 120d; *Schiltz*, 1994: 150–155, Abb. 112–115, 364, Abb. 273; Cat. Milan, 1995:

Кроме того, на упомянутом выше сосуде из Куль-Обы на теле львов нет дополнительной орнаментации, тогда как тело хищника на сосуде из Соболевой Могилы украшено кружочками, выполненными точечными наколами, которые очень близки кружкам, покрывающим тело пантер на фризе ритона из этого же кургана. Это наблюдение, возможно, свидетельствует в пользу изготовления круглодонного сосуда и ритона, найденных в Соболевой Могиле, в одной мастерской. Впрочем, подобным образом украшены изображения пантер и на других памятниках торевтики греко-скифского стиля, таких как горит из Мелитопольского кургана²²⁴, наконечник пожен²²⁵ и пектораль из Толстой Могилы²²⁶, наконечник пожен из кургана Большая Беловерка²²⁷. Вряд ли указанные совпадения случайны. Это подтверждается тем, что на более ранних изделиях, например, на ворварке из Братолюбовского кургана, тела пантер украшены или отдельными точками, или кружками с разомкнутыми концами²²⁸. Также отдельными точками украшено тело пантеры на налобнике из Бердянского кургана, который датируется ок. 375–360 гг. до н. э.²²⁹

No. 54; Cat. Rimini, 1995: No. L36; *Kubysov*, 1996: 135, Taf. 16; *Alexeev*, 1997: 32–33, 37, № 11; Cat. San Antonio, 1999: No. 136.

²²⁴ *Овайко*, 1970: 25 сл. № 421, табл. 20, 45; *Черненко*, 1981: 81, рис. 58; Мелитополь, 1983: С. 121–128, № 116, рис. 140–148; Cat. Schleswig, 1991: Nr. 93; *Stahler*, 1991/92: 85–108; Cat. Vienna, 1993: Nr. 20; Cat. San Antonio, 1999: No. 105; *Treister*, 1999: 70–81, figs. 1–4.

²²⁵ *Мозолевский*, 1979: 69–73, 178–179, 234, рис. 31, 35, 52, 53–56; *Galaniina*, 1986: Figs. 150–154; Cat. Vienna, 1993: Nr. 17; *Schiltz*, 1994: 399, Abb. 330; *Jacobson*, 1995: 243–244, VIII.C.5, fig. 110; *Stahler*, 1997a: 75 ff., Abb. 30; Cat. San Antonio, 1999: No. 122.

²²⁶ *Мозолевский*, 1979: 73–93, № 135; *Pfrommer*, 1982: 156–159; *Galaniina*, 1986: Figs. 119–120; *Fakharis*, 1991: 12, рис. 16, b; *Boardman*, 1994: 210–211, fig. 6.35a–b; *Schiltz*, 1994: 202, Abb. 158; *Jacobson*, 1995: 115–118, II.A.1, figs. 11–14; *Schwarzmaier*, 1996: 127–129, Abb. 14; *Fornasier*, 1997: 119 ff.; Cat. San Antonio, 1999: No. 172.

²²⁷ *Отроченко*, 1984: Рис. на с. 123; С. 124–125; Cat. Schleswig, 1991: Nr. 89; Cat. Vienna, 1993: Nr. 18; *Черненко*, 1994: 51–52, fig. 5; *Schiltz*, 1994: 398–399, Abb. 329; Cat. Milan, 1995: No. 15; *Jacobson*, 1995: 240–241, VIII.C2, fig. 109; Cat. San Antonio, 1999: No. 121; *Treister*, 1999: 75; 2001: 133, fig. 69.

²²⁸ См. выше прим. 223.

²²⁹ Cat. Schleswig, 1991: No. 95; *Schiltz*, 1994: 124–125, Abb. 93; Cat. Milan, 1995: No. 10; *Черевиченко*, 1996: 72–73, рис. 5 (конец V – начало IV в. до н. э.). О датировке погребения, см. *Моцахов*, 1996: 33–35; 360–375 гг. до н. э.; ср. *Моцахов*, 1999: 284–289; пер-

Тело горного козла украшено вертикальными рядами параллельных линий, также состоящих из точечных наколов (рис. 162, 1). Любопытно, что подобным образом украшались изображения оленей, львов, баранов, зайцев на произведениях фрако-гетской торевтики IV в. до н. э., например, на бляшках из Луковита IV в. до н. э.²³⁰, а также на изделиях, приписываемых «мастерской Аджигола»²³¹, тогда как в греко-скифской торевтике V–IV в. до н. э. тело оленя, как правило, покрывалось парами параллельных насечек²³². Трактовка фигуры горного козла отличается от изображения горного козла на сосуде из Куль-Обы. Кроме того, на сосуде из Куль-Обы тело горного козла гладкое, оно не проработано дополнительно ни точечными наколами, ни гравированными линиями²³³.

Из проведенного выше анализа очевидно, что рассмотренные сосуды из Куль-Обы и Соболевой Могилы хотя и близки между собой, но, очевидно, выполнены в разных мастерских, при этом мастер сосуда из Соболевой Могилы работал в более архаичной манере. Приведенный выше круг аналогий характерным деталям орнаментации сосуда свидетельствует в пользу его датировки временем около середины – третьей четверти IV в. до н. э.

4. Круглодонный серебряный сосуд с фризом из ов (табл. 22, 1; рис. 164)²³⁴

Второй серебряный круглодонный сосуд, найденный в Соболевой Могиле, можно было бы отнести к группе неорнаментированных серебряных круглодонных сосудов, широко представленных в скифских погребениях IV – на-

вая половина 360-х гг. до н. э.; ср. *Alexeev*, 1996: 163; 370-е гг. до н. э.

²³⁰ Бляшки с изображением льва, терзающего оленя; Cat. Florence, 1997: No. 105; Cat. Saint Louis, 1998: No. 44; бляшки с изображением всадника с копьём, атакующего льва; Cat. Florence, 1997: No. 104.

²³¹ Например, на кубках типа Аджигола – Cat. Frankfurt, 1994: Nos. 49.4–5; шлем из Перету [Cat. Frankfurt, 1994: No. 48.1] См. о возможной локализации этой мастерской – *Stavalov*, 2000: 88–93.

²³² См., например, горит из Мелитопольского кургана (см. выше прим. 224), наконечник пожен меча (см. выше прим. 225) и пектораль (см. выше прим. 226) из Толстой Могилы, наконечник пожен меча из Большой Беловерки (см. выше прим. 227). См. об этом также *Treister*, 1999: 76; 2001: 146–147.

²³³ См., например, *Galaniina*, 1986: Fig. 195; *Schiltz*, 1994, Abb. 188 сверху.

²³⁴ Cat. Katowice, 1996: No. 28.1; Cat. San Antonio, 1999: – No. 165. – Выс. 9,0 см, дм. по краю 5,4 см, дм. тулова макс. 8,3 см, вес 113,91 г.

чала III вв. до н. э.²⁰, если бы не характерный фриз из ов, напоминающий фриз на рассмотренном выше орнаментированном сосуде. Если он и выполнен другой рукой, то, вероятно, сделан или в той же мастерской, или по крайней мере имел близкие прототипы.

II. Выводы

Серебряные сосуды, найденные в кургане Соболева Могила, в целом характерны для богатых скифских курганов середины – третьей четверти IV в. до н. э. Орнаментированные сосуды, ритон и круглодонные сосуды демонстрируют определенную близость к некоторым находкам из Куль-Обы, являясь, впрочем, вероятнее всего, изделиями другой мастерской. Есть определенные основания приписывать указанные выше сосуды одной и той же мастерской, которая, имея в виду характерную форму ритонов, а также круглодонных сосудов с фризами, вероятнее всего находилась в одном из северопричерноморских центров²¹.

Некоторые особенности декора круглодонного сосуда с фигурным фризом, такие как оформление шкуры горного коала вертикальными рядами параллельных насечек, не имеют параллелей ни в декоре таких сосудов, одной из характерных форм греко-скифской торевтики, ни на памятниках торевтики других категорий, относящихся к данному стилю, а находят

ближайшие параллели в торевтике фракогетского круга. Вероятно, это является результатом разнообразного по формам взаимодействия между художественными центрами Балкан и Северного Причерноморья, которое выразилось как в проникновении в Северное Причерноморье произведений фракийской торевтики²², так и в возможной миграции мастеров. В этой связи заслуживают внимания находки в Соболевой Могиле серебряных украшений узды фракийского типа²³, подобных найденным в Огузе и Краснокутском кургане.

Серебряные килики из Соболевой Могилы также могут быть датированы временем ок. середины – третьей четверти IV в. до н. э. Они имеют параллели как в находках из скифских курганов, так и в Македонии, хотя количественно находки подобных киликов в скифских курганах преобладают, что не дает оснований предполагать производство киликов типа находок из Соболевой Могилы на Балканах. В Македонии значительно чаще встречаются килики более поздней формы, характерной для последней четверти IV – начала III в. до н. э., которые получили распространение также в Малой Азии, а в Северном Причерноморье представлены находкой из Зеленского кургана. Вероятно, среди серебряных киликов этой группы имеются изделия македонских мастерских.

²⁰ Максимова, 1979: 73; Рабова, 1986; Çertomlyk, 1998a: 163; см. также Archibald, 1998: 180, fig. 7.4, d-h.

²¹ О северопричерноморском центре изготовления группы ритонов, к которым относятся и ритон из Соболевой Могилы, пишет Е.В. Власова [1999: 165–166]. О центрах изготовления круглодонных сосудов с фризами из Куль-Обы см. Грач, 1984: 107–108.

²² См., например, шлем из Мастюжского кургана [Мамцева, 1969: 104–106, рис. 1–2, см. также реконструкцию; с. 111, рис. 6; 1973: 29, рис. 8; 41–42], серебряные фиалы типа Брезово с канализированным тулоном и вихревой розеткой на дне из Хоминной Могилы [Мозолевский, 1973-А: 231, рис. 37, 1; 234, № 10, рис. 39 слева] и аналогичная ей из погребения № 2 кургана № 4 у с. Владимировна [Чередниченко, 1977: 133, № 9, 135, рис. 9], налобники и украшения конской узды фракийского типа из Хоминной Могилы [Мозолевский, 1973-А: 213 сл., рис. 27–29; 1975; Stoyanov, 2000: 92]. О соотношении налобников, наконечников и папечников конской узды из памятников Скифии (Краснокутского кургана, Огуза, Чмыревой Могилы и т. д.) с соответствующими находками из Фракии, см. также Мелюкова, 1981: 83–94. См. также находку серебряной узды фракийского типа из южной могилы Огуза – Cat. Vienna, 1993: Nr. 23; Cat. Milan, 1995: No. 13; Boltrik, 1995: 178–180, No. 102; Cat. San Antonio, 1999: No. 32.

²³ Cat. Milan, 1995: No. 61; Cat. Rimini, 1995: 78, No. I. 46–47; Cat. San Antonio, 1999: Nos. 166–167.

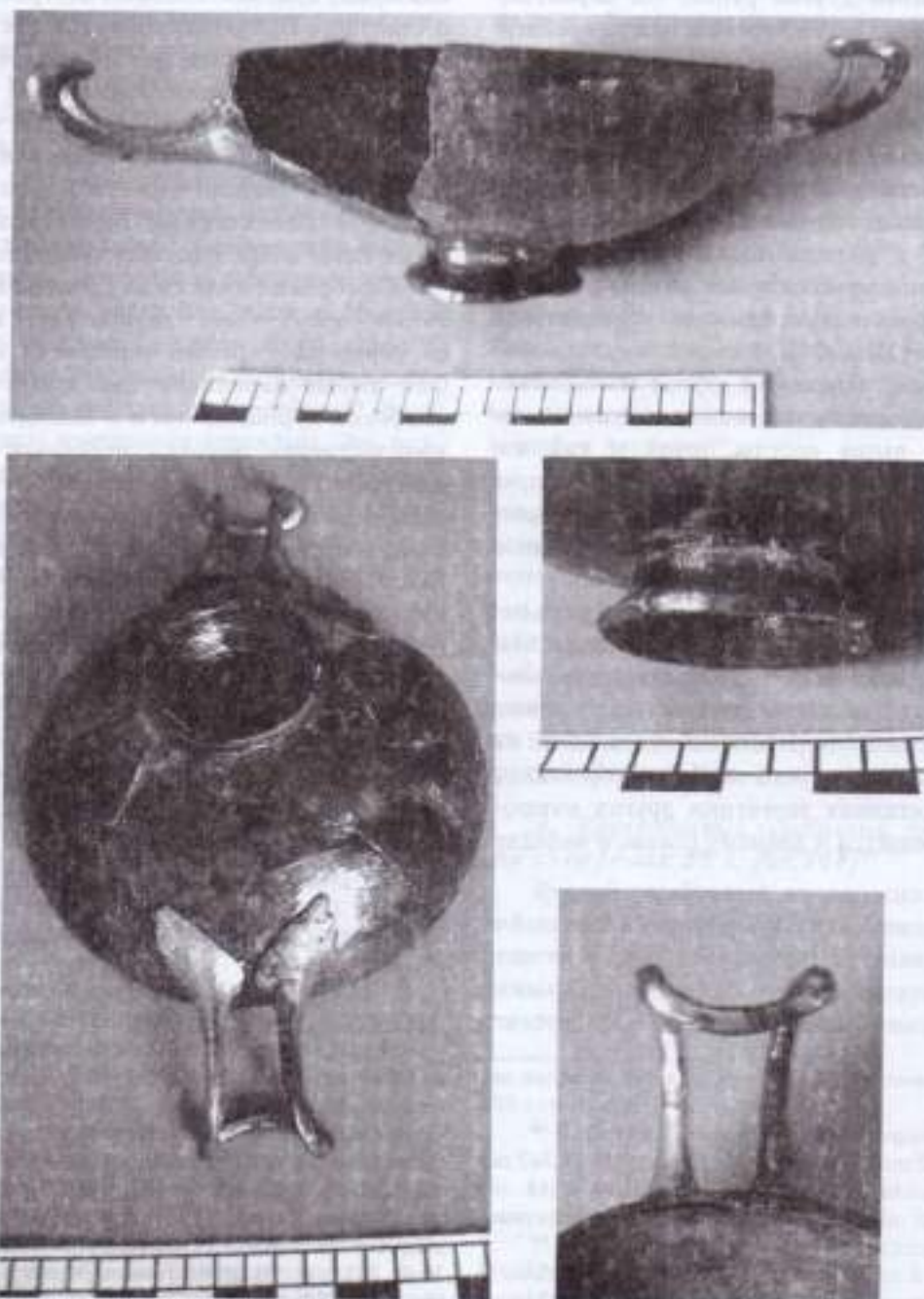

Рис. 157. Соболева Могила. Погребение № 2. Серебряный клык. Фото М.Ю. Трейстера

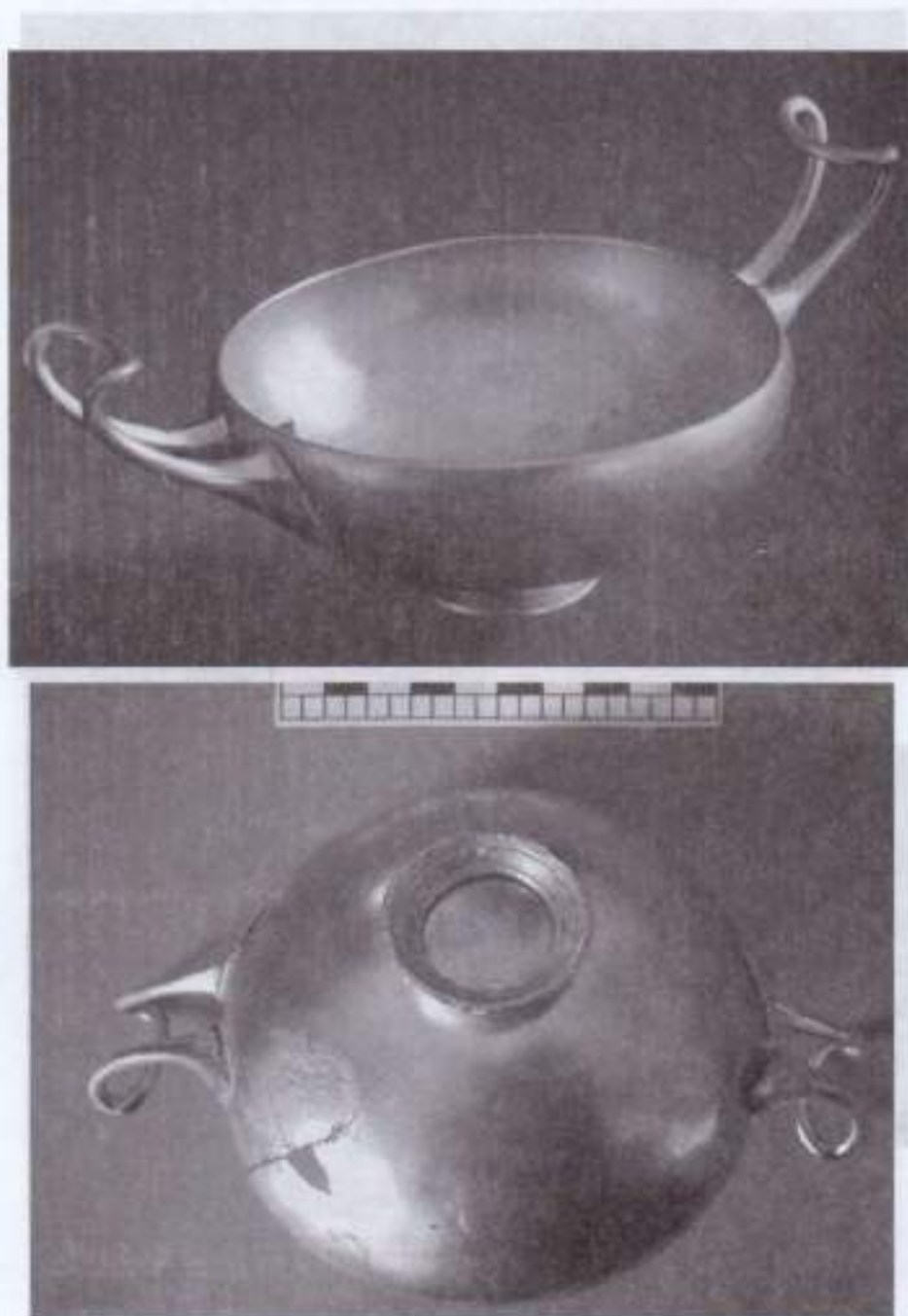

Рис. 158. Соболева Могилы. Погребение № 3. Серебряный килик. Фото М.Ю. Трейстера

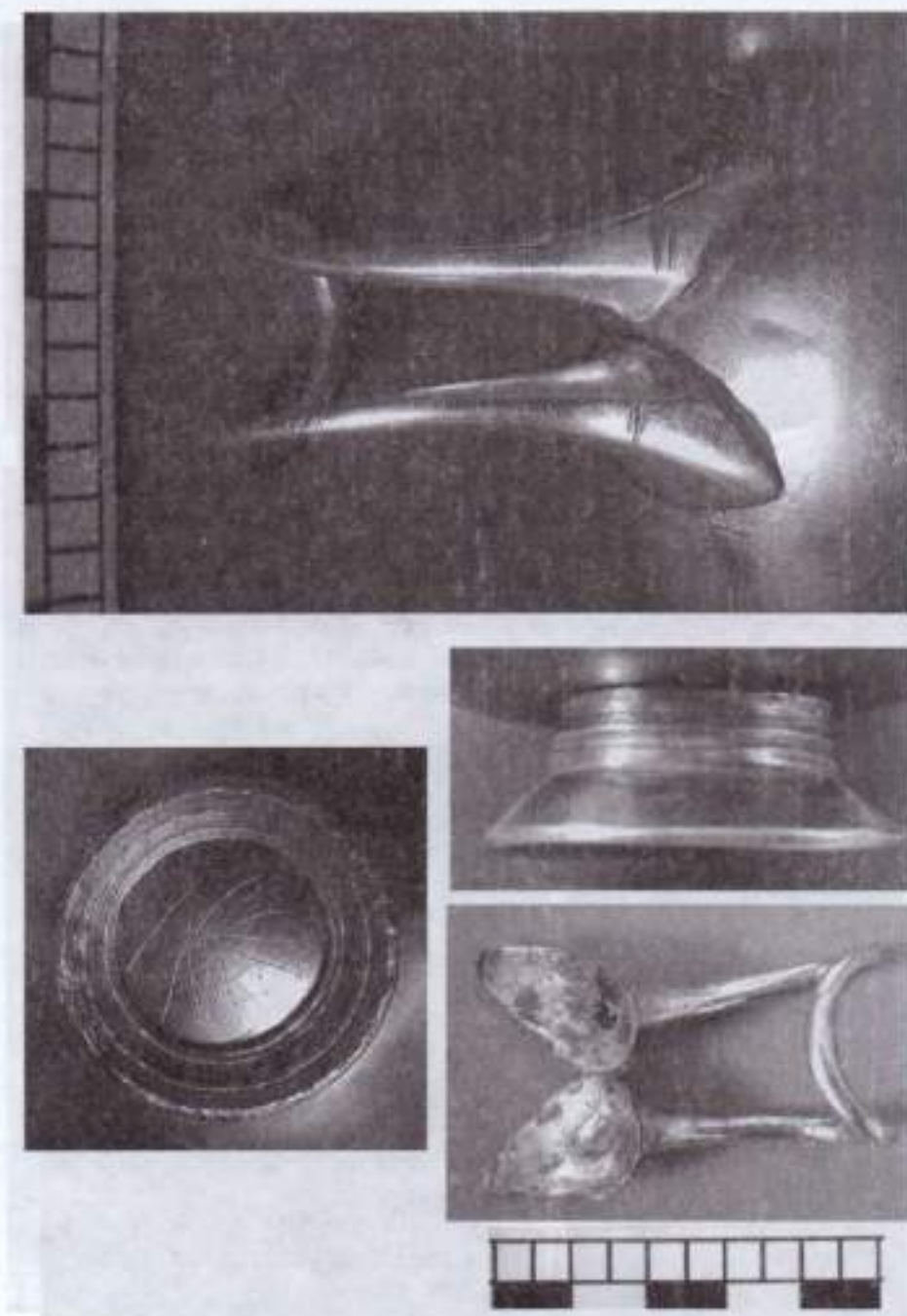

Рис. 159. Соболева Могила. Погребение № 3. Серебряный килик. Детали. Фото М.Ю. Трейстера

Рис. 160. Соболева Могила. Погребение № 2. Ритон (серебра, позолота, золото). Фото М.Ю. Трейстера

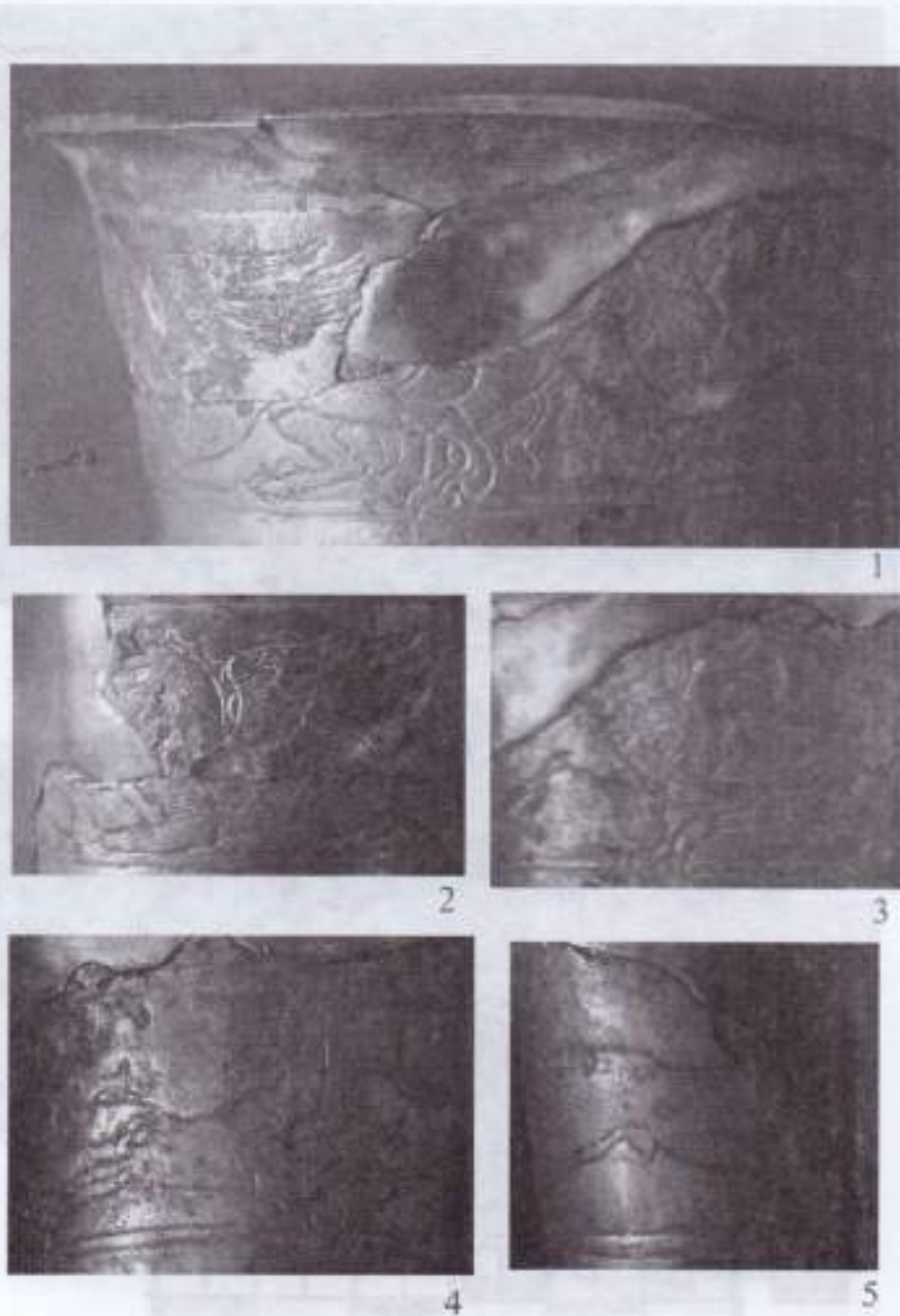

Рис. 161. Соболева Могила. Погребение № 2. Ритон. Резной фриз. Фото М.Ю. Трейстера

Рис. 162. Соболева Мисла. Погребение № 2. Кубок (серебро с позолотой). Фото М.Ю. Трейстера

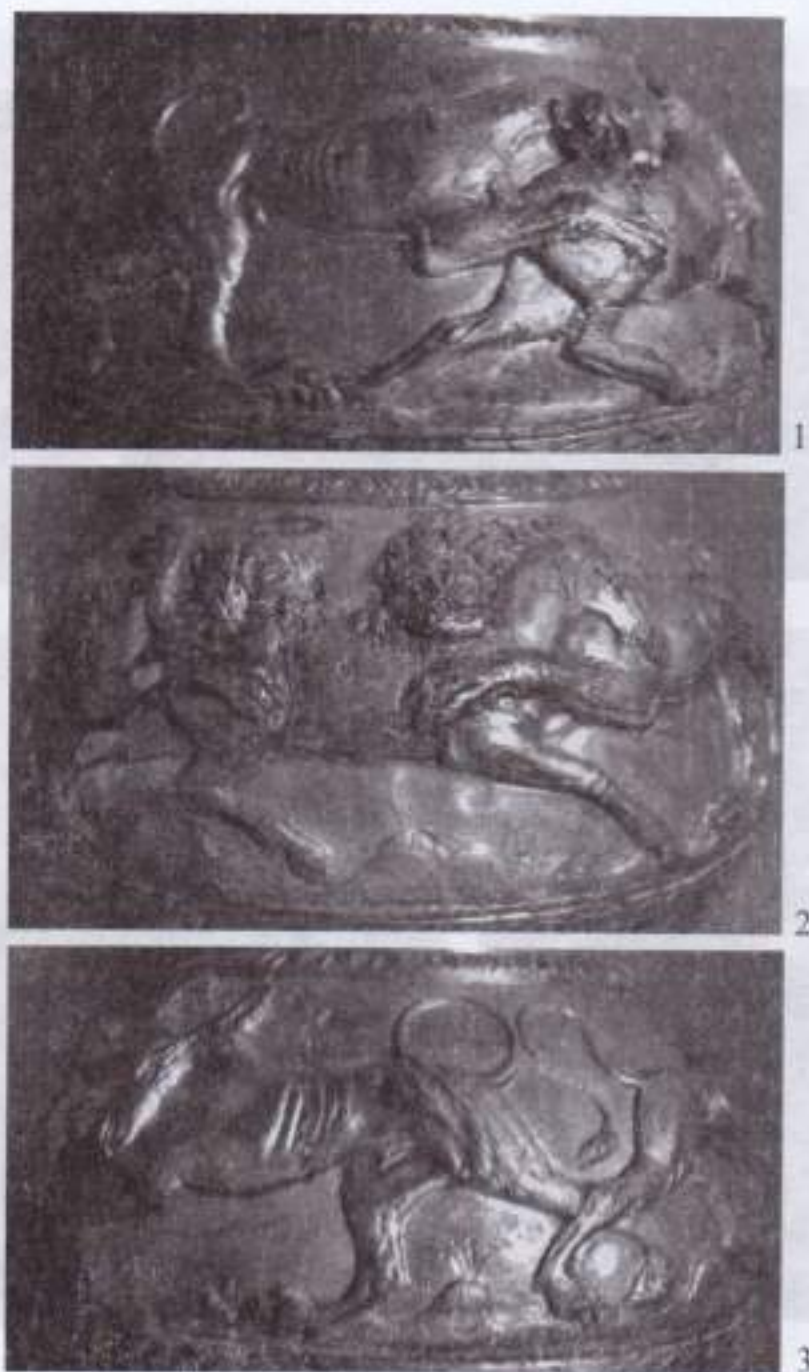

Рис. 163. Соболева Могила. Погребение № 2. Кубок. Изображения на фризе. Фото М.Ю. Трейстера

Рис. 164. Соболева Могила. Погребение № 6. Серебряный кубок. Фото М.Ю. Трейстера

И.С. Витрик
Результаты пробирного анализа драгоценных изделий
из курганов Бабина и Соболева могилы

БАБИНА МОГИЛА. Гробница № 1

№ изделия в тексте	Наименование	Проба	Вес	Изн. номер
32	Золотая треугольная бляшка, покрытая псевдозернью	500	0,26	3-1764
33	Золотая крестовидная бляшка	500	0,57	3-1774
34	Золотая круглая бляшка с изображением Медузы	375	0,69	3-1751
35	Золотая круглая бляшка с изображением мужского лица	375	0,19	3-1747
36	Золотая треугольная бляшка, покрытая псевдозернью, с амфоровидной подвеской	500	1,34	3-1765

БАБИНА МОГИЛА. Гробница № 2

№ изделия в тексте	Наименование	Проба	Вес	Изн. номер
50	Золотая треугольная бляшка, покрытая псевдозернью	583	0,54	3-1763
51	Золотые крестовидные бляшки – 2 экз.	750	0,51	3-1775
		750	0,59	3-1776
52	Золотые подпрямоугольные бляшки с изображением цветка – 3 экз.	583	1,82	3-1767
		583	1,62	3-1768
		583	1,76	3-1769
53	Золотые круглые бляшки с меандром по краю – 2 экз.	583	0,71	3-1771
		583	0,78	3-1772
54	Золотая круглая бляшка с изображением соцветия	500	1,89	3-1770
55	Золотые полусферические пуговицы – 11 экз. Общий вес – 2,57 г	500	0,15	3-1752
		750	0,21	3-1753
		583	0,27	3-1754
		500	0,28	3-1755
		375	0,28	3-1756
		583	0,22	3-1757
		583	0,22	3-1758
		583	0,22	3-1759
		375	0,24	3-1760
		375	0,24	3-1761
		583	0,24	3-1762
56	Золотая круглая бляшка с рубчатым пояском по краю	500	0,78	3-1773
66	Золотая ажурная пластина с изображением нимфы	750	13,54	3-1745
67	Золотой вичник головного убора	750	56,38	3-1746

№ изделия в тексте	Наименование	Проба	Вес	Инд. номер
68	Золотая круглая ажурная бляшка с изображением двух драконов	583	4,28	З-1749
69	Золотые круглые бляшки с изображением львиной морды в фас - 2 экз.	375	0,16	З-1749
		375	0,17	З-1780
70	Золотая круглая бляшка с изображением Медузы	375	0,13	З-1781
71	Золотая круглая бляшка с изображением человеческой маски	375	0,16	З-1778
72	Золотая круглая бляшка с изображением цветка	375	0,64	З-1784
73	Золотая фигурная бляшка с изображением цветка лотоса	583	0,52	З-1782
74	Золотая фигурная бляшка с изображением летящего орла	900	1,3	З-1750
75	Золотая миниатюрная розетка с подвеской	583	1,17	З-1766
76	Золотые рифленные пронызы - 2 экз.	583	0,52	З-1747
		500	0,13	З-1748
77	Золотая фигурная бляшка в виде бантика	583	0,05	З-1783
79	Золотая плоская муфточка	500	0,06	З-1785

БАБИНА МОГИЛА. Гробница № 2. Захоронение коней. Конь № 1

№ изделия в тексте	Наименование	Проба	Вес	Инд. номер
90	Серебряный овальный налобник с изображением отдыхающего Геракла	950	81,82	С-216
91	Серебряные круглые фалары с изображением зрелого бородатого сатира - 2 экз.	960	35,15	С-217
		960	34,68	С-218
92	Серебряные круглые фалары с изображением молодого сатира - 2 экз.	960	Общий	С-219
		960	64,40	С-220
93	Серебряные круглые бляшки в виде розетки - 46 экз. (22 в обломках). В настоящее время сохранилось 17 целых и 29 фрагментированных бляшек. Апробировано 6 экз.	700	0,7	С-242
		700	0,8	С-243
		700	0,8	С-244
		700	0,8	С-245
		700	0,7	С-246
		700	0,6	С-247
94	Серебряные гладкие грубчатые пронызы - 23 экз. (большинство в обломках)	860	1,0	КП-IV-260/1
		860	1,1	КП-IV-260/2
		700	1,1	КП-IV-277
		800	0,8	КП-IV-251/1
		800	0,7	КП-IV-251/2
		800	1,1	КП-IV-251/3
95	Серебряные фигурные пластины с изображением розетки в центре - 9 экз. (8 фрагментированных)	800	0,9	КП-IV-251/4
		800	0,8	КП-IV-271/5
		800	3,9	С-254
		800	2,3	С-235
		800	1,2	С-236
95	Серебряные фигурные пластины с изображением розетки в центре - 9 экз. (8 фрагментированных)	800	1,2	С-237
		800	2,2	С-238
		800	3,2	С-239
				С-240
				С-241

№ изделия в тексте	Наименование	Проба	Вес	Инв. номер
96	Серебряная круглая бляшка в виде розетки с петелькой на обороте – 3 экз.			КП-IV-269 Апробация не подлежит
97	Серебряные кольца – 3 экз.	800	3,5	C-223
		800	2,9	C-224
		875	2,5	C-225
98	Серебряные гладкие круглые бляшки с петелькой на обороте – 2 экз.			
99 121-а	Серебряная прямоугольная бляшка с розеткой в центре – 2 экз. (1 фрагм.)			
100	Серебряные удлинённые фигурные бляшки с каннелюрами – 9 экз. (4 в обломках)			
101	Серебряная крупная удлинённая бляшка с каннелюрами	800	1,8	C-233
104	Серебряные ворварки – 2 экз.	875	3,7	C-221
		875	4,5	C-222
109	Серебряные прямоугольные бляшки с изображением женской головы – 14 экз. (13 фрагментированы)	875	2,4	C-226
		875	2,1	C-227
		875	1,8	C-228
		875	2,5	C-229
		800	2,4	C-230
		700	2,6	C-231
		800	2,0	C-232
				КП-IV-262/3-5 и КП-IV-278/1-3 апробация не подлежит

БАБИНА МОГИЛА. Гробница № 2. Захоронения коней. Конь № 2

№ изделия в тексте	Наименование	Проба	Вес	Инв. номер
111	Серебряный налобник – шестиугольная пластина с изображением юноши	950	24,80	КП-IV-284
112	Серебряный налобник – овальный с изображением крылатой Ники	925	24,0	КП-IV-283
113	Серебряный фалар с изображением псединка Геракла с Цербером	960	52,30 Ag – 48,0	КП-IV-285
114	Серебряный фалар с изображением псединка Геракла с немейским львом	960	31,80	КП-IV-282
115	Серебряные фалары с изображением Скиллы – 2 экз.	960	29,29	КП-IV-283 В/1
		960	37,82	КП-IV-283 В/2
116	Серебряный овальный нащечник с изображением змееногой богини	960	27,15	КП-IV-286
117	Серебряные круглые бляшки с изображением Медузы – 17 экз.	960	Ср. вес 1,93	КП-IV-388/1-17

№ изделия в тексте	Наименование	Проба	Вес	Инв. номер
118	Серебряные кольчатые бусины – 426 экз.	800	266 экз. – по 0,1 г, 58 – по 0,2	КП-IV-258 апробировано 324 экз.
119	Серебряные прямоугольные бляшки с изображением головы льва – 13 экз.	960	Ср. вес 1,48	КП-IV-383/1-13
120	Серебряные прямоугольные бляшки с изображением Геракла – 12 экз.	960	Ср. вес 4,58	КП-IV-387/1-12
121-6	Серебряная повязка			

БАБИНА МОГИЛА. Гробница № 3

№ изделия в тексте	Наименование	Проба	Вес	Инв. номер
123	Золотая рифленая прошивка			

СОБОЛЕВА МОГИЛА. Погребение № 2

№ изделия в тексте	Наименование	Проба	Вес	Инв. номер
14	Серебряные бусы – 16 экз. (10 в обл.)			Апробация не подлежат
17	Золотая гривна	958	520,4	З-1825
18	Золотая серьга	958	9,01	З-1828
19	Золотой браслет	958	181,13	З-1829
20	Золотой браслет	958	180,66	З-1830
21	Золотой перстень с изображением	958	25,8	З-1826
22	Золотой перстень цитковый	958	16,8	З-1827
24	Золотая обмотка рукояти нагайки	958	16,86	З-1997
25	Золотой кант (внешний)	958	44,0	З-1989-1991
26	Золотой кант (средний)	958	20,33	З-1992
27	Золотой кант (внутренний)	958	10,85	З-1993
28	Золотая ажурная пластина с грифонами внешняя – в 2-х фрагментах	958	20,32	З-1986-1987
29	Золотая ажурная пластина с растительным орнаментом	958	21,75	З-1988
30	Золотая пластина с изображением божества-мужчины	958	26,62 Au – 25,52	З-1968
31	Золотая ажурная пластина с грифонами	958	18,94 Au – 17,24	З-1969
32	Золотая фигурная пластина	958	12,1 Au – 10,01	З-1970
33	Золотая фигурная пластина	958	12,01 Au – 10,51	З-1971
34	Золотая ажурная пластина с растительным орнаментом	958	2,33	З-1972
35	Золотая подковообразная пластина	958	2,71 Au – 2,51	З-1973

№ изделия в тексте	Наименование	Проба	Вес	Инв. номер
36	Золотая квадратная ажурная пластина с пальметкой	958	5,57 Au - 5,47	3-1974
37	Золотая квадратная ажурная пластина с пальметкой	958	5,82 Au - 5,42	3-1975
38	Золотая каплевидная бляшка с треугольным окончанием	958	1,37 Au - 1,32	3-1976
39	Золотая каплевидная бляшка с треугольным окончанием	958	1,67 Au - 1,62	3-1977
40	Золотая каплевидная бляшка с треугольным окончанием	958	1,51 Au - 1,46	3-1978
41	Золотая каплевидная бляшка с ромбическим окончанием	958	2,13 Au - 2,08	3-1979
42	Золотая каплевидная бляшка с ромбическим окончанием	958	1,90 Au - 1,70	3-1980
43	Золотая каплевидная бляшка с ромбическим окончанием	958	2,20 Au - 2,15	3-1981
44	Золотая каплевидная бляшка с фигурным окончанием	958	2,21 Au - 2,16	3-1982
45	Золотая каплевидная бляшка с фигурным окончанием	958	2,32 Au - 2,27	3-1983
46	Золотая каплевидная бляшка с фигурным окончанием	958	2,32 Au - 2,27	3-1984
48	Золотая фигурная застежка кириция для стрел	958	3,61	3-1985
49	Золотая обкладка рукояти лука	958	15,41 Au - 14,41	3-1995
50	Золотая обкладка рукояти меча	958	26,56	3-1998
50	Золотая муфта на ножках			3-1999
50	Серебряный наконечник ножен			КП-V-631/3
52	Золотое покрытие ворварки	375	1,60	3-1994
53	Золотая пластина крепления меча	958	8,64 Au - 8,04	3-1196
54	Золотое покрытие ворварки	958	0,41	3-2034
55	Золотые круглые бляшки с изображением дракона с раздвоенным окончанием хвоста - 36 экз.	750	Ср. вес 1,22	3-1902-1937
56	Золотые круглые бляшки с изображением дракона с тройным окончанием хвоста - 71 экз.	750	Ср. вес 1,30	3-1831-1901
57	Золотые круглые бляшки с изображением розетки - 30 экз.	750	Ср. вес 1,56	3-1938-1967
58	Серебряный ритон с золотыми наконечником и муфтой	Ag - 960 Au - 583	228,79 14,84 После реставрации - 285,79 Добавлено Ag 925 - 37,56 г + клей, бумага	КП-V-600

№ изделия в тексте	Наименование	Проба	Вес	Инв. номер
59	Серебряный кубок с изображением сцен терзания	960	225,77	КП-V-661
60	Серебряный килик			КП-V-659
61	Золотые ленты – обкладки деревянного сосуда – 4 экз.	900	1,79	З-2000
		900	1,86	З-2001
		900	0,43	З-2002
		900	0,54	З-2003
77	Золотые бусины – украшения колчанов. Крупные – 10 экз. Общий вес 15,6 г	500	Ср. вес 1,56	З-2004-2013
77	Золотые бусины – украшения колчанов. Мелкие – 10 экз. Общий вес 12,37 г	500	Ср. вес 1,24	З-2014-3023
77	Серебряные бусы – украшение колчанов. Крупные – 8 экз. (6 во фрагментах)			КП-V-672 Апробации не подлежат
77	Серебряные бусы – украшение колчанов. Мелкие – 12 экз.			КП-V-673 Апробации не подлежат
78-а	Золотые ворварки – 5 экз. Общий вес 2,8 г	500	Ср. вес 0,56	З-2024, З-2030-2033
78-б	Золотое покрытие костяных ворварок – 5 экз. Общий вес покрытия 1,66 г	958	Ср. вес 0,33	З-2025-3029
80	Серебряная ворварка от меча			КП-V-671

СОВОЛЕВА МОГИЛА. Погребение № 2А (захоронение лошади)

№ изделия в тексте	Наименование	Проба	Вес	Инв. номер
81	Серебряные бусы (мелкие) – 40 экз. (6 в обломках). Общий вес 20,4 г	5 экз. – 500	Ср. вес 0,60	КП-V-678/1-34 6 экз. апробации не подлежат
		13 экз. – 700		
		16 экз. – 800		
82	Серебряные бусы (крупные) – 6 экз. (4 в обломках)			КП-V-677
83	Серебряное кольцо			КП-V-686
84	Серебряные бляхи-фалары – 2 экз. (1 во фрагментах)			КП-V-679
86	Серебряная ворварка			КП-V-680
87	Серебряная дужка			КП-V-687

СОВОЛЕВА МОГИЛА. Погребение № 3

№ изделия в тексте	Наименование	Проба	Вес	Инв. номер
92	Золотые полусферические пуговицы – 86 экз. Общий вес – 36,44 г	750	Ср. вес 0,42	З-2035-2120
94	Серебряный килик	875	75,06	КП-V-670
95	Серебряный нахрапник	916	61,8	КП-V-665/3
96	Серебряный нахрапник	916	64,1	КП-V-665/1
97	Серебряный нахрапник	916	69,6	КП-V-665/2
98	Серебряный нахрапник	875	58,5	КП-V-682/1
99	Серебряный нащечник	916	45,0	КП-V-662/1
99	Серебряный нащечник	916	55,0	КП-V-662/2
99	Серебряный нащечник	916	52,7	КП-V-662/3
99	Серебряный нащечник	916	43,0	КП-V-662/4
99	Серебряный нащечник	916	38,7	КП-V-662/5
99	Серебряный нащечник	916	55,1	КП-V-662/6
100	Серебряная бляха-фалар малого размера	900	16,4	КП-V-664/1
100	Серебряная бляха-фалар малого размера	900	20,8	КП-V-664/2
100	Серебряная бляха-фалар малого размера	900	21,0	КП-V-664/3
100	Серебряная бляха-фалар малого размера	900	14,4	КП-V-664/4
100	Серебряная бляха-фалар малого размера	900	19,8	КП-V-664/5
100	Серебряная бляха-фалар малого размера	800	19,3	КП-V-682/2
100	Серебряная бляха-фалар малого размера	800	16,6	КП-V-682/3
100	Серебряная бляха-фалар малого размера	800	11,3	КП-V-682/4
101	Серебряная бляха-фалар большого размера	900	31,5	КП-V-663/1
101	Серебряная бляха-фалар большого размера	900	21,7	КП-V-663/2
101	Серебряная бляха-фалар большого размера	900	30,0	КП-V-663/3
101	Серебряная бляха-фалар большого размера	900	17,9	КП-V-663/4
101	Серебряная бляха-фалар большого размера	900	21,9	КП-V-663/5
101	Серебряная бляха-фалар большого размера	900	32,4	КП-V-663/6
101	Серебряная бляха-фалар большого размера	900	32,5	КП-V-663/7
101	Серебряная бляха-фалар большого размера	900	15,9	КП-V-663/8
101	Серебряная бляха-фалар большого размера	900	15,4	КП-V-663/9
101	Серебряная бляха-фалар большого размера	900	19,3	КП-V-663/10
101	Серебряная бляха-фалар большого размера	900	30,9	КП-V-663/11
101	Серебряная бляха-фалар большого размера	900	26,4	КП-V-663/12
101	Серебряная бляха-фалар большого размера	800	31,0	КП-V-682/5
102	Серебряная ворварка тонкая			КП-V-684/1
102	Серебряная ворварка тонкая			КП-V-684/2
102	Серебряная ворварка тонкая			КП-V-684/3
102	Серебряная ворварка тонкая			КП-V-684/4
102	Серебряная ворварка массивная	875	8,1	КП-V-685/1
102	Серебряная ворварка массивная	875	8,0	КП-V-685/2
102	Серебряная ворварка массивная	875	8,0	КП-V-685/3
102	Серебряная ворварка массивная	875	7,8	КП-V-685/4

СОБОЛЕВА МОГИЛА. Погребение № 5

№ изделия в тексте	Наименование	Проба	Вес	Инв. номер
109	Серебряные бусы (мелкие) – 5 экз.			

СОБОЛЕВА МОГИЛА. Погребение № 6

№ изделия в тексте	Наименование	Проба	Вес	Инв. номер
110	Золотая гривна	958	47,57	З-2121
111	Золотая серьга	750	3,5	З-2122
112	Серебряный кубок	960	110,41	КП-V-661-A

СОБОЛЕВА МОГИЛА. Погребение № 7

№ изделия в тексте	Наименование	Проба	Вес	Инв. номер
114	Серебряная серьга			КП-V-684/5

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- А.Л. 1889* А.Л. Запоздалая ревность Запорожья к своему имени // Киевская старина. - 1889. - № 3.
- Абрамов 1993* Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Восточный сборник. - М., 1993. - Вып. 3.
- Абрамов 2001* Абрамов А.П., Волдырев С.И. «Клады» 1998 г. из Патрея // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конф. - СПб., 2001. - Ч. 1.
- Абрамова 1974* Абрамова М.П. Погребения скифского времени Центрального Предднестрия // СА. - 1974. - № 2.
- Андруси 1959* Андруси Д.А. Археологические разведки и раскопки. - М., 1959.
- Агульников 1983* Агульников С.М., Хахоев В.П. Курганный могильник белозерского времени у п. Тараклия // АИМ - 1983. - Кишинев, 1983.
- Агульников 1990* Агульников С.М., Шилов Ю.А. Курган белозерской культуры у с. Кляры // ДСПК. - 1990. - Вып. 1.
- Акимова 1996* Акимова Л.И. Троянский мэр в античной мифологической традиции // Сокровища Трои. Из раскопок Генриха Шлимана. - М., 1996.
- Акишев 1963* Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура скифов и усуней долины р. Или. - Алматы, 1963.
- Акишев 1978* Акишев К.А. Курган Иссык. - М., 1978.
- Алексеев 1964* Алексеев В.П., Дебед Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. - М., 1964.
- Алексеев 1966* Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. - М., 1966.
- Алексеев 1981* Алексеев А.Ю. К вопросу о дате Чертомлыкского кургана // АСГЭ. - 1981. - № 22.
- Алексеев 1982* Алексеев А.Ю. Курган Цамбалка и дата его сооружения // СГЭ. - 1982. - № 47.
- Алексеев 1982-А* Алексеев А.Ю. Чертомлыкский курган и его место среди погребений скифской элиты IV - начала III вв. до н. э. - Автореферат диссерт. на соискание уч. степени канд. ист. наук. - Л., 1982.
- Алексеев 1983* Алексеев А.Ю. О наконечниках стрел из Чертомлыкского кургана // АСГЭ. - 1983. - № 24.
- Алексеев 1984* Алексеев А.Ю. О месте чертомлыкского кургана в хронологической системе погребений скифской элиты IV-III вв. до н. э. // АСГЭ. - 1984. - № 25.
- Алексеев 1985* Алексеев А.Ю. Курган Чмырева Могилы и дата его сооружения // СГЭ. - 1985. - № 50.
- Алексеев 1986* Алексеев А.Ю. Греческая керамика Александровского кургана // СГЭ. - 1986. - № 51.
- Алексеев 1986-А* Алексеев А.Ю. Нашивные бланки из Чертомлыкского кургана // Античная торговля. - Л., 1986.
- Алексеев 1987* Алексеев А.Ю. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э. // СА. - 1987. - № 3.
- Алексеев 1987-А* Алексеев А.Ю. Хронография Скифии второй половины IV в. до н. э. // АСГЭ. - 1987. - № 23.
- Алексеев 1987-Б* Алексеев А.Ю. О датах скифских курганов Вавы и Раскопана Могилы // СГЭ. - 1987. - № 52.
- Алексеев 1991* Алексеев А.Ю., Мурашки В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. - К., 1991.
- Алексеев 1991-А* Алексеев А.Ю., Кузнецова Т.М. Новое о Калермесе // Древности Кубани. Материалы конференции. - Краснодар, 1991.
- Алексеев 1992* Алексеев А.Ю. Скифская хронология. Скифы в VII-IV вв. до н. э.: историко-археологический очерк. - СПб., 1992.

- Алексеев 1993* Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохташев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. - СПб., 1993.
- Алексеев 1994* Алексеев А.Ю. К идентификации погребений кургана Солоха // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. - Запорожье, 1994.
- Алексеев 1996* Алексеев А.Ю. Скифские цари и «царские» курганы V-IV вв. до н. э. // ВДИ. - 1996. - № 3.
- Алексеев 1997* Алексеев А.Ю. К реконструкции одного утраченного предмета адлино-скифской гониматис V-IV вв. до н. э. // STRATUM + Петербургский археологический вестник. - СПб.; Кишинев, 1997.
- Алексеев 2000* Алексеев А.Ю. Наконечники стрел из Александропольского кургана и их значение для истории скифских древностей IV в. до н.э. // ΣΥΣΤΗΛΑ. Памяти Ю.В. Андреева. - СПб., 2000.
- Алексеев 2001* Алексеев А.Ю. Греческие амфоры из Краснокутского кургана // РА. - 2001. - № 4.
- Алексеев 2001 А* Алексеев А.Ю. Когда и кто был погребен в Чертомыхальском кургане? // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. - СПб., 2001. - Ч. 2.
- АЛЮР 1899-1905* Археологическая летопись Южной России. - К., 1899-1905.
- Амброз 1972* Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель // СА. - 1972. - № 4.
- Андрієнко 1971* Андрієнко В.П. Майдани і майдановидні споруди України // Вісник Харківського Університету. - Харків, 1971. - Т. 62. - Історія. - Вип. 5.
- Андроникос 1991* Андроникос М. Царские гробницы в Вергине // ВДИ. - 1991. - № 1.
- Андросов 1985* Андросов А.В. Надпорожская группа памятников степной Скифии // ИАП. - 1985.
- Андросов 1987* Андросов А.В., Мухомад С.Е. Скифский аристократический курган «Каменская Вязица» // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. - Днепрпетровск, 1987.
- Андросов 1990* Андросов А.В., Мухомад С.Е. Скифские могильники Каменского курганного поля // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Тезисы докладов юбилейной конференции. - Херсон, 1990. - Ч. 2.
- Андросов 1990-А* Андросов А.В., Яременко И.И., Мартюшенко Д.В. Курганы эпохи неолита - бронзового века Каменского поля // ИАП. - 1990.
- Андрух 1985* Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в VI - начале I в. до н. э. - Запорожье, 1985.
- Андрух 1989* Андрух С.И., Тошев Г.Н. Могильник Мамай-гора. - Запорожье, 1989. - Кн. 1.
- Андрух 2000* Андрух С.И. Могильник Мамай-гора в Нижнем Поднепровье // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология. - М., 2000.
- Андрух 2000-А* Андрух С.И. «...Смешанные с фракийцами скифы» (Apol. Rhod. IV. 320) // ВДИ. - 2000. - № 3.
- Анохин 1971* Анохин В.А. Относительная стоимость золота и серебра в Ольвии и на Боспоре в конце V-IV вв. до н. э. // Нумизматика и сфрагистика. - 1971. - Вып. 4.
- Анохин 1973* Анохин В.А. Монеты Атея // Скифские древности. - К., 1973.
- Анохин 1977* Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. - XII в. н. э.). - К., 1977.
- Анохин 1986* Анохин В.А. Монетное дело Боспора. - К., 1986.
- Анохин 1989* Анохин В.А. Монеты античных городов северо-западного Причерноморья. - К., 1989.
- Анохин 1999* Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. - К., 1999.
- Античные камни 1988* Античные камни в собрании Эрмитажа. Каталог. - Л., 1988.
- Антоненко 1975* Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Васильченко С.А., Елизов И.М., Д.Я. Телегин. Раскопки курганов в зоне Каменской оросительной системы // АО - 1974. - М., 1975.
- Антоненко 1976* Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Васильченко С.А., Гладких М.И., Пшоро И.С., Л.Г. Самобыленко, Н.А. Чмышев. Раскопки курганов в зоне Каменской оросительной системы // АО - 1975. - М., 1976.
- Анфимов 1987* Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. - Краснодар. - 1987.
- Артамонов 1935* Артамонов М.И. Из истории методики археологических раскопок // Проблемы истории докапиталистических обществ. - М., Л., 1935. - № 1-2.
- Артамонов 1950* Артамонов М.И. К вопросу о происхождении скифов // ВДИ. - 1950. - № 2.
- Артамонов 1961* Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСИЭ. - 1961. - Вып. 2.
- Артамонов 1966* Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. - Прага-Ленинград, 1966.
- Археология УССР 1985* Археология Украинской ССР. - К., 1985. - Т. 1.

- Археология УССР 1986 Археология Украинской ССР. - К., 1986. - Т. 2.
- Архив 1886 Архив Юго-западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов. - К., 1886. - Ч. 7. - Т. 1.
- Архив 1890 Архив Юго-западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов. - К., 1890. - Ч. 7. - Т. 2.
- Афанасьев-Чужбинский 1891 Афанасьев-Чужбинский Н.А. Поездка в Южную Россию. Очерки Днепра. Собр. соч. - СПб., 1891. - Т. VII.
- Ашик 1848 Ашик А. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. - Одесса, 1848. - Ч. 2.
- Ашик 1849 Ашик А. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. - Одесса, 1849. - Ч. 3.
- Балабанова 2000 Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. - М., 2000.
- Балабанова 2001 Балабанова М.А. Краниоскопическая характеристика сарматов // Вестник антропологии. - М., 2001. - Вып. 7.
- Балканска 1984 Балканска А. Амфори и амфорни печати // Севтополис. - София, 1984. - Т. 1.
- Балонов 1987 Балонов Ф.Р. Святилища скифской эпохи в Адыгее // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. - Новосибирск, 1987.
- Бандуровский 1998 Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К. Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина // Люботинское городище. - Харьков, 1998.
- Бандуровский 2000 Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени. Северскодонецкий вариант. - К., 2000.
- Баранов 1990 Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. - К., 1998.
- Барбаро 1971 Барбаро и Контарини о России. - Л., 1971.
- Баркова 1979 Баркова Л.Л. Погребения коней в кургане Шлябе // АСГЭ. - 1979. - № 30.
- Баркова 2001 Баркова Л.Л., Гохман И.И. Еще раз о мумиях человека из Падырыжских курганов // АСГЭ. - 2001. - № 35.
- Батчаев 1985 Батчаев В.И. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на южнороссийских Кабардино-Валкарии. - Нальчик, 1985. - Вып. 2.
- Бачинский 1990 Бачинский А.Д., Добролюбовский А.О. Конец Буджакской Орды (по монетным находкам в погребальном инвентаре могильника у с. Вурсучень) // Нумизматические исследования по истории Юго-восточной Европы. - Кишинев, 1990.
- Безусько 1999 Безусько Т.В., Тихоненко Ю.Я. Реконструкція флори та рослинності за матеріалами розкопок скифського могильника (урочище Черещинне, Полтавська обл.) // Український ботанічний журнал. - 1999. - Т. 56.
- Бекетова 1999 Бекетова В.М. К истории переработки конского мяса Сарко // Летопись Причерноморья. - Херсон, 1999. - Вып. 3.
- Белов 1991 Белов А.Ф., Ляшко С.Н. Об одном из аспектов возникновения курганного погребального обряда степей Восточной Европы // ДСПК. - 1991. - Вып. II.
- Белянский 1998 Белянский И.Л., Лезина И.Н., Суперанская А.В. Крым. Географические названия. Краткий словарь. - Симферополь, 1998.
- Беньковский 1903 Беньковский П. О теракотовых пивоскоках из Керчи // ИАЕ. - 1903. - Вып. 9.
- Березанская 1986 Березанская С.С., Отропенко В.В., Чередищенко Н.Н., Шарфутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. - К., 1986.
- Березанська 1994 Березанська С.С., Лобай В.І. Курганний могильник бронзової доби поблизу с. Гордіяка на Південному Бузі // Археологія. - 1994. - № 4.
- Березовець 1960 Березовець Д.Т. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скифського часу в с. Кут // АП УРСР. - 1960. - Т. 9.
- Бертье-Делагард 1896 Бертье-Делагард А.Л. Подделка греческих древностей на юге России // ЗООИД. - 1896. - Т. 19.
- Бертье-Делагард 1907 Бертье-Делагард А.Л. Исправки общего каталога монет П.О.Бурачкова. - М., 1907.
- Бертье-Делагард 1911 Бертье-Делагард А. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до н. э. // Нумизматический сборник. - М., 1911. - Т. 1.
- Бертье-Делагард 1913 Бертье-Делагард А. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // Нумизматический сборник. - М., 1913. - Т. 2.
- Бессонова 1973 Бессонова С.С. Погребение IV в. до н. э. из Трехбратнего кургана // Скифские древности. - К., 1973.
- Бессонова 1982 Бессонова С.С. О скифских поножах // ДСС. - 1982.

- Бессонова 1983* Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. - К., 1983.
- Бессонова 1984* Бессонова С.С. О култе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. - К., 1984.
- Бессонова 1984-А* Бессонова С.С., Черных Л.А., Кузрий С.А. Курганы у с. Филатовка // Курганы степного Крыма. - К., 1983.
- Бибикина 1973* Бибикина В.И. К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая Могила // СА. - 1973. - № 4.
- Бидзля 1969-70* Бидзля В.И. Отчет о работе Северорогачицкой экспедиции ИА АН УССР за 1969-1970 гг. Раскопки Гаймановой Могила // ИА ИА НАНУ, № 1969-70/37.
- Бидзля 1969-70-А* Бидзля В.И., Болтрик Ю.В. и др. - Отчет о работе Северорогачицкой экспедиции ИА АН УССР за 1969-1970 гг. Раскопки курганов группы Гаймановой Могила // ИА ИА НАНУ, № 1969-70/37-А.
- Бидзля 1971* Бидзля В.И. Дослідження Гайманової Могили // Археологія. - 1971. - № 1.
- Бидзля 1972* Бидзля В.И., Отрощенко В.В., Болтрик В.Ю. Отчет о работе Запорожской экспедиции в 1972 г. // ИА ИА НАНУ, № 1972/36-В.
- Бидзля 1974* Бидзля В.И., Ляшко С.Н., Никитенко М.М., Отрощенко В.В., Савоский И.П., Томашевский В.А. Отчет о работах Запорожской экспедиции за 1974 г. // ИА ИА НАНУ, № 1974/10.
- Бидзля 1974-А* Бидзля В.И., Яковенко Э.В. Киммерийские погребения Высокой Могила // СА. - 1974. - № 1.
- Бидзля 1975* Бидзля В.И. Скифский курган «Казенная Могила» // Новейшие открытия советских археологов. Тез. докл. конф. - К., 1975. - Ч. 2.
- Вілян 1998* Вілян Ю.О., Солтис О.Б. Скифські кургани поблизу с. Мар'янівка на Миколаївщині // Археологія. - 1998. - № 1.
- Білецький 1993* Геродот. Історія в 9-ти книгах. Переклад А.О. Білецького. - К., 1993.
- Билимович 1962* Билимович З.А. Зерцало на Артюховского кургана // ТГЭ. - 1962. - Т. 7.
- Бичурин 1950* Бичурин Н.Я. (Накинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.; Л, 1950. - Ч. 1.
- Блаватский 1953* Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. - М., 1953.
- Бобринский 1894* Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. - СПб., 1894. - Т. 2.
- Бобринский 1901* Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. - СПб., 1901. - Т. 3.
- Бобринский 1910-А* Бобринский А.А. Исследования в Чигиринском у. Киевской губ. в 1907 г. // ИАК. - 1910. - Вып. 35.
- Бобринский 1910-Б* Бобринский А.А. Отчет о раскопках в Чигиринском у. Киевской губ. в 1908 г. // ИАК. - 1910. - Вып. 35.
- Бобринский 1913* Бобринский А. Вновь открытая могила скифского пара // ИТУАК. - 1913. - № 50.
- Вогданов 1998* Вогданов С.В. Большой Дедуровский Мар // Археологические памятники Оренбургская. - Оренбург, 1998. - Вып. 2.
- Вогданова 1961* Вогданова Н.А. Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму // СА. - 1961. - № 2.
- Вогданова 1965* Вогданова Н.А. Скифские и сарматские стелы Заветинского могильника // СА. - 1965. - № 3.
- Восги 2000* Восги П.В. Записная книжка Дмитрия Ивановича Яворницкого. - Николаев, 2000.
- Вокшай 1971* Вокшай Н.М. Археологические работы на Кировоградщине в 1968 г. // АИНУ-1968. - К., 1971. - Вып. 3.
- Вокшай 1991* Вокшай Н.А. Этнод о скифских бронзовых котлах Северного Причерноморья // Клейн Л.С. Археологическая типология. - Л., 1991.
- Болтрик 1971* Болтрик Ю.В., Зарайская Н.П. Раскопки курганов близ с. Любимовки Каховского района // АИНУ-1968. - Вып. 3. - К., 1971.
- Болтрик 1978* Болтрик Ю.В. Святилище Арея в урочище Носаки // Археологические исследования на Украине в 1976-77 гг. Тезисы докладов XVII конференции ИА АН УССР. - Ужгород, 1978.
- Болтрик 1986* Болтрик Ю.В. О хронологии камерных погребальных сооружений степной Скифии // Холяисто и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. - М., 1986.
- Болтрик 1987* К вопросу о наиболее позднем хронологическом пласте курганов скифской знати // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов обл. научн. конференции. - Омск, 1987.

- Болтрик 1991* Болтрик Ю.В., Савонский И.П. Курган Плоская Могила // Курганы степной Скифии. - К., 1991.
- Болтрик 1991-А* Болтрик Ю.В., Фіалко О.С. Огуз - курган скифського царя кінця IV ст. до н. е. // см.: Золото степу 1991.
- Болтрик 1991-Б* Болтрик Ю.В., Фіалко О.С. Дослідження скифського «царського» кургану Тапенак // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. - К., 1991.
- Болтрик 1993* Болтрик Ю.В. Курган Кара-Тюбе // ДСПК. - 1993. - Вып. 4.
- Болтрик 1994* Болтрик Ю.В., Фіалко Е.В., Чередищенко Н.Н. Бердянский курган // РА. - 1994. - № 3.
- Болтрик 1995* Болтрик Ю.В., Фіалко О.С. Могилы скифских царів другої половини IV ст. до н. е. (пошук історичних реалій) // Археологія. - 1995. - № 2.
- Болтрик 1997* Болтрик Ю.В. Про місце жіночих поховань в курганах скифської еліти // Археологія. - 1997. - № 1.
- Болтрик 1998* Болтрик Ю.В. Попытка социальной стратификации Скифии второй половины IV в. до н. э. // Проблемы археологии Восточной Европы. VII-я Донская археологическая конференция. - Ростов-на-Дону, 1998.
- Болтрик 2002* Болтрик Ю.В. Курганы скифской элиты в междуречье Нижнего Днепра и Дона // Великая Скифия. - К.; Запорожье, 2002.
- Вондарь 1975* Вондарь Р.Д. Древнее золото. - М., 1975.
- Вондарь 1977* Вондарь Н.Н., Антощенко Б.А., Васильченко С.А., Пшоро И.С., Самойленко Л.Г., Н.А. Чмыков. Работы Каменской экспедиции Киевского университета // АО - 1976. - М., 1977.
- Воллан 1832* Воллан Г. Описание Ураины. - СПб., 1832.
- Борисова 1955* Борисова В.В. Отчет о раскопках гончарных печей и склепа в Херсонесе в 1955 г. // НА ИА НАНУ. - № 1955/13-В.
- Борисова 1956* Борисова В.В. Отчет о раскопках гончарных мастерских и некрополя древнего Херсонеса // НА ИА НАНУ. - № 1956/36.
- Борисова 1957* Борисова В.В. Отчет о раскопках гончарных мастерских Херсонеса Таврического в 1957 г. // НА ИА НАНУ. - № 1957/12-О.
- Борисова 1958* Борисова В.В. Гончарные мастерские Херсонеса // СА. - 1958. - № 4.
- Борисова 1974* Борисова В.В. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор // НЭ. - 1974. - Т. XI.
- Бородовский 1987* Бородовский А.П. Плетки и возможности их использования в системе вооружения племен скифского времени // Воинское дело древнего населения Северной Азии. - Новосибирск, 1987.
- Борухович 1966* Борухович В.Г. Греки в Египте (От древнейших времен до Александра Македонского). Автореферат дисс. на совск. уч. ст. д.и.н. - Л., 1966.
- Брабич 1956* Брабич В.М. Особенности кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н. э. // КСИИМК. - 1956. - Вып. 66.
- Бранденбург 1897* Бранденбург Н.Е. К вопросу о намоленных бабах // Тр. VIII АС. - М., 1897. - Т. 3.
- Бранденбург 1901* Бранденбург Н.Е. Выписка из журнала раскопок курганов со скелетами в скорченном положении // Тр. XI АС. - М., 1901. - Т. 1.
- Браун 1899* Браун Ф.А. Рассуждения в области готто-славянских отношений. - СПб., 1899.
- Браун 1906* Браун Ф. Отчет о раскопках в Таврической губ. // ИАК. - 1906. - Вып. 19.
- Браун 1906-А* Браун Ф. Осмотр курганов в Екатеринославской и Херсонской губерниях // ИАК. - 1906. - Вып. 19.
- Браунер 6/1* Браунер А.А. Остатки домашних животных из раскопок 1934-1935 гг. на площадке трубного Металлургического завода близ Николая // НА ИА НАНУ. - Фонд ИИМК. - Ф. 12, № 229.
- Брашинский 1958* Брашинский И.В. Торговое посредство и право беспошлинности на Боспоре (IV в. до н. э.) // ВДИ. - 1958. - № 1.
- Брашинский 1965* Брашинский И.В. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // EIRENE. - Praha. - 1965. - IV.
- Брашинский 1967* Брашинский И.В. Сокровища скифских царей. - М., 1967.
- Брашинский 1970* Брашинский И.В. Новые данные о греческом импорте на Нижнем Дону // КСИА. - 1970. - № 124.
- Брашинский 1975* Брашинский И.В. Флесская амфора с илеймом из кургана Куль-Оба // СГЭ. - 1975. - XL.
- Брашинский 1976* Брашинский И.В. Амфоры Менды // Художественная культура и археология античного мира. - М., 1976.

- Брашинский 1978* Брашинский И.В. К вопросу о датировке кургана Толстая Могила // XVII конференция ИА АН УССР. Тезисы докладов. - Ужгород, 1978.
- Брашинский 1979* Брашинский И.В. В поисках скифских сокровищ. - Л., 1979.
- Брашинский 1980* Брашинский И.В. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V-III вв. до н. э. - Л., 1980.
- Брашинский 1984* Брашинский И.В. Методы исследования античной торговли. - М.: Л., 1984.
- Бреде 1960* Бреде К.А. Розкопки Гаврильського городища рубежу нашої ери // АП УРСР. - 1960. - Т. 9.
- Броневский 1867* Описание Крыма Мартина Броневского // ЗООИД. - 1867. - Т. 6.
- Брун 1880* Брун Ф.И. Черноморье. - Одесса, 1880. - Ч. 2.
- Бруско 1989* Бруско И.В. Однолезвийное клинковое оружие степной Скифии // Проблемы історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доповідей. - К., 1989.
- Бужилова 1993* Бужилова А.П. Оценка палеопатологических характеристик у древнерусского городского и сельского населения (в сравнительном аспекте). // Этнологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. - М., 1993.
- Бужилова 2000* Бужилова А.П., Козловская М.В. Выли ли скифы гучными? (Антропологический анализ кремнированных останков из скифского погребения) // Скифы и сарматы VII-III вв до н. э. Палеоэкология, антропология, археология. - М., 2000.
- Будатович 1976* Будатович С.А. Обращение александровых монет Малой Азии в Эгейском бассейне и в Причерноморье // МАСП. - 1976. - Вып. 8.
- Будатович 1980* Будатович С.А. Распространение золотых монет Филиппа II, Александра и Лисимаха в Северо-западном Причерноморье // Исследования по античной археологии юго-запада Украинской ССР. - К., 1980.
- Будатович 1981* Будатович С.А. Визитные типологии кизикнов на монетное дело городов Причерноморья // Памятники древних культур Северо-западного Причерноморья. - К., 1981.
- Будатович 1982* Будатович С.А. О классификации и хронологии александровых монет Кизика // Византизм античного Причерноморья. - К., 1982.
- Будатович 1995* Будатович С.А. Находка кизикна на Таманском полуострове // Памятники древнейшей истории Северо-западного Причерноморья. - К., 1995.
- Бунятян 1977* Бунятян Е.П. Погребальный обряд рядовых скифов южной Херсонщины (по материалам Краснознаменной экспедиции) // Курганы южной Херсонщины. - К., 1977.
- Бунятян 1977-А* Бунятян Е.П., Чердынченко Н.Н., Мураш В.Ю. Скифский могильник у с. Верхне-Тарасовка // Курганы юга Днепровщизны, - К., 1977.
- Бунятян 1985* Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. На материале скифских могильников IV-III вв. до н. э. - К., 1985.
- Бунятян 1998* Бунятян Е.П., Мураш В.Ю., Савченко О.В. На слітку історії. - К., 1998. - Т. 1.
- Бурачков 1875* Бурачков П. О местоположении древнего города Карзинитеса и монетах ему принадлежащих // ЗООИД. - 1875. - Т. 9.
- Бурачков 1877* Бурачков П. Опыт исследования о куманях или половцах // ЗООИД. - 1877. - Т. 10.
- Бурачков 1884* Бурачков П. Общий каталог монет, принадлежащих аллианским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. - Одесса, 1884. - Ч. 1.
- Бухтеев 1852* Бухтеев М. Александропольский курган // ЗООИД. - 1852. - Т. 3.
- Бэр 1866* Бэр К.М. Описание черепов, вынутых из Александропольского кургана // ДГС I.
- Вадецкая 1981* Вадецкая Э.В. Сказы о древних курганах. - Новосибирск, 1981.
- Вадецкая 1986* Вадецкая Э.В. Археологические памятники в степях Среднего Евказа. - Л., 1986.
- Вайнштейн 1972* Вайнштейн С.И. Историческая этнография тунгусов. - М., 1972.
- Вайнштейн 1984* Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Седло и стремя // СЭ. - 1984. - № 6.
- Ванчугов 1984* Ванчугов В.П., Островерхов А.С. Поднекаммерийский курган близ Одессы // Новые археологические исследования на Одессине. - К., 1984.
- Ванчугов 1990* Ванчугов В.П. Белоозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. - К., 1990.
- Вараванська 1996* Вараванська Т.В., Супруненко О.В. «Розрита Могила». - Полтава, 1996.
- Василенко 1970* Василенко Б.А. Заметки о гераклейских клеймах // СА. - 1970. - № 3.
- Василенко 1971* Василенко Б.А. К вопросу о датировке сионских клейм // СА. - 1971. - № 3.
- Василенко 1971-А* Василенко Б.А. Древнегреческие керамические клейма, найденные на восточном берегу Днестровского лимана // МАСП. - 1971. - № 7.
- Вахтина 2000* Вахтина М.Ю. Келермесское зеркало, сектор б: лиса, медведь и птица // Stratum plus. - 2000. - № 3.

- Вдовиченко 1999* Вдовиченко В.В. ΠΑΝΑΘΗΝΑΪΚΑ ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΟΝ // Археология и история Боспора. – Герц., 1999. – Т. 3.
- Вертильях 1858* Вертильях Н. Описание Белозерского городища // ЗООИД. – 1858. – Т. IV.
- Веселовский 1905* Веселовский Н. Минимые каменные бабы. – СПб., 1905.
- Веселовский 1907* Веселовский Н. В запрету русских археологов // ИАК. – 1907. – Прибавление к вып. 21.
- Веселовский 1910* Веселовский Н. Чмырев курган // Гермес. – 1910. – Т. 7 (август-декабрь).
- Веселовский 1911* Веселовский Н.И. Записка по вопросу о приемах при производстве раскопок // Труды XIV АС. – М., 1911. – Т. 3.
- Веселовский 1913* Веселовский Н.И. К вопросу о технике золотых рельефных украшений // ИАК. – 1913. – Вып. 47.
- Веселовский 1915* Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах» // ЗООИД. – 1915. – Т. 32.
- Веселовский 1918* Веселовский Н.И. Бронзовый панцирный нагрудник с изображением головы Медузы // ИАК. – 1918. – Вып. 65.
- Веселовский 1921* Веселовский Н.И. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение // Записки Восточного отделения РАО. – Т. 25.
- Венедиков 1960* Венедиков И. Тракийската колесница. – София, 1960.
- Венедиков 1973* Венедиков И., Герасимов Т. Тракийското изкуство. – София, 1973.
- Венедиков 1996* Венедиков И. Тракийското съкровище от Летница. – София, 1996.
- Ветштейн 1960* Ветштейн Р.І. Розкопки внутрішньої лінії оборонних споруд Гаврилівського городища // АП УРСР. – 1960. – Т. 9.
- Вильямс 1995* Вильямс Д., Отлен Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н. э. – СПб., 1995.
- Виноградов 1971* Виноградов Ю.Г. Керамические клейма о. Фасос // ИЭ. – 1971. – Т. X.
- Виноградов 1990* Виноградов Ю.Г., Яценко Л.В. Археологічна діяльність Б.М. Гракова на Україні // Археологія. – 1990. – № 3.
- Виноградов 1993* Виноградов Ю.А. О ритонах из кургана Карагодеуших // ПАВ. – 1993. – № 6.
- Витт 1952* Витт В.О. Лошади Памирских курганов // СА. – 1952. – Т. XVI.
- Вишневская 1973* Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V до н. э. – М., 1973.
- Власова 1998* Власова Е.В. Рог-Пегас из IV-го Уланского кургана // Эрмитажные чтения памяти В.Б. Пиотровского. Тезисы докладов. – Санкт-Петербург, 1998.
- Власова 1999* Власова Е.В. Сосуды в форме рога из кургана Куль-Оба // Археологические вести. – 1999. – Вып. 6.
- Власова 2000* Власова Е.В. Скифский рог // Античное Причерноморье. – СПб., 2000.
- Волковой 1979* Волковой С.С., Шалобудов В.Н., Лихачев В.А. Скифский могильник «Слаянка» у с. Шолохово на Днепропетровщине // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. – Днепропетровск, 1979. – Вып. 3.
- Волковой 1980* Волковой С.С., Андросов А.В., Лихачев В.А., Мухомад С.Е., Шалобудов В.Н. Скифские могильники IV–III вв. до н. э. юга Днепропетровской обл. // Курганы степного Поднепровья. – Днепропетровск. – 1980. – Вып. 4.
- Волковой 1981* Волковой С.С., Лихачев В.А., Шалобудов В.Н., Андросов А.В. Могильник у с. Башмачка // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. – Днепропетровск, 1981.
- Волошинов 1997* Волошинов А.А. Новое антропоморфное изваяние из подднеськифского некрополя у с. Краснозорье // Вахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 1997. – Вып. 1.
- Вольная 1997* Вольная Г.Н. Об иконографии одного типа скифского конского палобника // Ювелирное искусство и материальная культура. Тез. докл. – СПб., 1997.
- Всеволожский 1839* Всеволожский Н.С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу, в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 гг. – М., 1839. – Т. I.
- Вязьмитина 1960* Вязьмитина М.І. Сарматські поховання в долині р. Молочної // АП УРСР. – 1960. – Т. 8.
- Гаврилюк 1993* Гаврилюк А.В. Скифское погребение у с. Фрунзе в Крыму // ДСПК. – 1993. – Вып. 4.
- Гаврилюк 1987* Гаврилюк Н.А. Пища степных скифов // СА. – 1987. – № 1.
- Гаврилюк 1989* Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. – К., 1989.
- Гаврилюк 1992* Гаврилюк Н.А., Вилкова В.П., Кравченко С.Н. Скифские поселения IV в. до н. э. и степном Поднепровье. – К., 1992. – Ч. 1 и 2.
- Гаврилюк 1995* Гаврилюк Н.А. Скотоводство степной Скифии. – К., 1995.
- Гаврилюк 1999* Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI–III вв. до н. э. – К., 1999.

- Гайдукевич 1949* Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. - М.; Л., 1949.
- Галанина 1965* Галанина Л.К. Греческие пояски Северного Причерноморья // АСГЭ. - 1963. - Т. 7.
- Галанина 1977* Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) // САИ. - М., 1977.
- Галанина 1980* Галанина Л.К. Курджинский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н. э. - Л., 1980.
- Галанина 1983* Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. - 1983. - № 24.
- Галанина 1997* Галанина Л.К. Келермесские курганы // Степные народы Евразии. - М., 1997. - Т. 1.
- Галанина 1999* Галанина Л.К. Ульский курган (раскопки Н.И. Веселовского в 1910 г.) // АСГЭ. - 1999. - № 34.
- Герлан 1992* Герлан I. Про походження амфор типу Солоха // Археологія. - 1992. - № 4.
- Гаршин 1888* Гаршин Е. Курганы, их раскопки, исследование и находжение кладов. - СПб., 1888.
- Генниг 1992* Генниг В.Ф., Зданович Г.Б., Генниг В.В. Сикташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. - Челябинск, 1992. - Т. 1.
- Географический словарь 1989* Географический энциклопедический словарь. - М., 1989.
- Гераськова 1991* Гераськова Л.С. Скульптура середньовічних кочовців степів Східної Європи. - К., 1991.
- Гершкович 1998* Гершкович Я.П. Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье-Северо-восточное Приазовье-Подонцовье) // Археологический альманах. - Донецк, 1998. - № 7.
- Герц 1870* Герц К. Археологическая топография Таманского полуострова. - М., 1870.
- Герц 1876* Герц К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. - М., 1876.
- Гилевич 1996* Гилевич А.М., Щеглов А.Н. Херсонсец Батилл, сын Накагора // Неробоген. - 1996. - Vol. 2, Fasc. 2.
- Гиль 1892* Гиль Х.Х. Новые приобретения моего собрания // ЗРАО. - 1892. - Т. V. - Вып. 3-4.
- Гиль 1895* Гиль Х.Х. Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892 и 1893 гг. // ЗРАО. - 1895. - Т. VII. - Вып. 3-4.
- Голенко 1977* Голенко В.К. Кизикский стигер, найденный на Таманском полуострове // История и культура античного мира. - М., 1977.
- Головкова 1980* Головкова Н.Н., Лукьяненко С.И. Новые данные о херсонесском импорте на Нижнем Дону // Очерки древней этнической и экономической истории Нижнего Дона. - Ростов-на-Дону, 1980.
- Городцов 1905* Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. 1901 г. // Труды ХПАС. - М., 1905. - Т. 1.
- Городцов 1907* Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ. // Труды ХПАС. - М., 1907. - Т. 1.
- Городцов 1910* Городцов В.А. Бытовая археология. Курс лекций. - М., 1910.
- Городцов 1914* Городцов В.А. Руководство для археологических раскопок. - М., 1914.
- Гошко 1986* Гошко Т.Ю., Отрощенко В.В. Погребения киммерийцев в катакомбных и надбойных сооружениях // СА. - 1986. - № 1.
- Гошкевич 1903* Гошкевич В.И. Клады и древности Херсонской губернии. - Херсон, 1903.
- Граков 1937* Граков Б.Н. Отчет Николапольской археологической экспедиции о раскопках и разведках летом 1937 г. // НА ИА НАНУ, фонд ИИМК, № 21.
- Граков 1939-А* Граков Б.Н. Археологические раскопки близ Никополя // ВДИ. - 1939. - № 1.
- Граков 1939-Б* Граков Б.Н. Отчет Николапольской археологической экспедиции за 1939 г. // НА ИА НАНУ, фонд ИИМК, № 30-33.
- Граков 1946* Граков Б.Н. Николапольская археологическая экспедиция. Отчет о работе 1946 г. // НА ИА НАНУ, № 1946/13.
- Граков 1947* Граков В.М. Чи мала Ольвія торговельні зв'язки з Поволжжям та Приураллям в архаїчну і класичну епохи? // Археологія. - 1947. - Т. 1.
- Граков 1947-А* Граков Б.Н. Отчет Скифской (Никопольской) экспедиции ИИМК АН СССР за 1947 г. // НА ИА НАНУ, № 1947/36.
- Граков 1947-Б* Граков Б.Н. Николапольская экспедиция // КСИИМК. - 1947. - Вып. XXI.
- Граков 1949* Граков Б.Н. Інформаційний звіт Нікопольської археологічної експедиції за 1946 р. // АП УРСР. - 1949. - Т. 2.
- Граков 1950* Граков Б.Н. Скифский Геракл // КСИИМК. - 1950. - Вып. 34.
- Граков 1951-А* Граков Б.Н. О работе степной экспедиции // КСИИМК. - 1951. - Вып. 37.
- Граков 1951-Б* Граков Б.Н. Отчет о работе Скифской степной экспедиции ИИМК об археологических раскопках и разведках 1951 г. // НА ИА НАНУ, № 1951/19

- Граков 1954 Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА. - 1954. - № 36.
- Граков 1962 Граков Б.Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // МИА. - 1962. - № 115.
- Граков 1964 Граков Б.Н. Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии // АСЭ. - 1964. - Вып. 6.
- Граков 1968 Граков Б.Н. Легенда о скифском царе Арманте (Геродот, кн. IV, гл. 81) // История, археология и этнография Средней Азии. - М., 1968.
- Граков 1971 Граков Б.Н. Скифы. - М., 1971.
- Грантовский 1980 Грантовский Э.А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. - 1980. - № 4.
- Грач 1976 Грач А.Д. Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя // Социальная история народов Азии. - М., 1976.
- Грач 1980 Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. - М., 1980.
- Грач 1984 Грач Н.Л. Круглодонные серебряные сосуды из кургана Куль-Оба // ТГЭ. - 1984. - Т. XXIV.
- Грач 1994 Грач Н.Л. Пластинчатые браслеты из кургана Куль-Оба // ВДИ. - 1994. - № 1.
- Гребенников 1987 Гребенников Ю.С. Курганы скифской знати в Понгулье // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. - К., 1987.
- Гребенников 1991 Гребенников Ю.С., Ребедаило Г.П. Скифское погребение V в. до н. э. на Ингульце // Курганы степной Скифии. - К., 1991.
- Грейвс 1992 Грейвс Р. Мифы древней Греции. - М., 1992.
- Григорович 1874 Григорович В. Записка антиквара о поезде его на Калку и Кальмиус, в Корсунскую землю и южные побережья Днепра и Днестра. - Одесса, 1874.
- Громова б/г Громова В.И. Археологические работы по последованию Никополя. Определения костей животных // НА НА НАНУ. - Фонд ИИМК. - Ф. 16, № 247.
- Гросу 1979 Гросу В.И. Сарматский курган у с. Корняч // СА. - 1979. - № 2.
- Гросу 1990 Гросу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. - Кишинев, 1990.
- Грязнов 1935 Грязнов М.П. Золото Восточного Казахстана и Алтая // ИГАНМК. - 1935. - Вып. 111.
- Грязнов 1950 Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. - Л., 1950.
- Грязнов 1961 Грязнов М.П. Курган, как архитектурный памятник // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. - М., 1961.
- Грязнов 1980 Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. - Л., 1980.
- Гутуев 1991 Гутуев Ю.К., Гуриян С.В. Половецкое святилище середины XI - начала XIII вв. на правом берегу Дона // Донские древности. - Азов, 1991. - Вып. 1.
- Гудкова 1980 Гудкова А.В., Добрылюбский А.О., Тоцкая Г.Н., Фокиев М.М. Отчет о работе Иманьельской наводосточной экспедиции ИА АН УССР в 1980 г. // НА НА НАНУ. № 1980/7.
- Гудкова 1984 Гудкова А.В., Фокиев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н. э. - К., 1984.
- Гуляев 1995 Гуляев В.И., Савченко Е.И. Терновое I - новый скифский курганный могильник на Среднем Дону // РА. - 1995. - № 4.
- Гуляев 1999 Гуляев В.И., Савченко Е.И. К вопросу о роли золота в погребальном ритуале скифов // Евразийские древности. 100 лет В.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. - М., 1999.
- Гуляев 2000 Гуляев В.И., Савченко Е.И. Новое погребение знатного воина скифской эпохи на Среднем Дону // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2000. - № 1.
- Гуляев 2001 Гуляев В.И. О фракгийских влияниях в курганных материалах // РА. - 2001. - № 4.
- Гуцина 1994 Гуцина И.И., Зисецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. - СПб., 1994.
- Давня історія 1997 Давня історія України. Первісне суспільство. - К., 1997. - Т. 1.
- Давыдов 1997 Давыдов Л.И. Статуя Геракла IV в. до н. э. на собрании Эрмитажа. Иконография и атрибуция // ТГЭ. - 1997. - Т. 28.
- Дателайский 1894 Дателайский В. Крылатые фигуры в античном искусстве // ЗРАО. - Т. VII. - Вып. 1-2. - СПб., 1894.
- Дашевская 1994 Дашевская О.Д. О разорении греческих и скифских могил в древности // СА. - 1994. - № 4.
- ДБК Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. - СПб., 1854. - Т. I-III.

- Дворниченко 1989 А* Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. – М., 1989.
- Дворниченко 1989 Б* Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. – М., 1989.
- ДГС I* Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. – СПб., 1866. – Вып. I.
- ДГС II* Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. – СПб., 1872. – Вып. II.
- ДГС II: Атлас* Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. – СПб., 1872. – Вып. II. Атлас.
- Деген 1940* Деген В.Е. О «загадочных предметах» из скифских погребений // КСНММК. – 1940. – № 7.
- Де-Люк 1879* Описание переконских и погайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. Жала Де-Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // ЗООИД. – 1879. – Т. 11.
- Демидов 1853* Демидов А. Путешествие в Южную Россию. – М., 1853. – Т. 1.
- Дергачев 1986* Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. – Кишинев, 1986.
- Дергачев 1991* Дергачев В.А., Манзура И.В. Погребальные комплексы позднего триполья. Свод источников. – Кишинев, 1991.
- Дзиговский 1981* Дзиговский А.Н. Сарматские памятники II–III вв. в низовьях Днестра // Древности Северо-западного Причерноморья. – К., 1981.
- Дзиговский 1993* Дзиговский О.М. Сарматы на западе степового Причерноморья наприкінці I ст. до н. е. – перший півоміч IV ст. н. е. – Одеса, 1993.
- Дзис-Райко 1965* Дзис-Райко Г.А. О раскопках древнего могильника в с. Николаевка на Днестровском лимане // КООГАМ – 1963. – Одесса, 1965.
- Диамакт 1971* Диамакт Э.И. Новые данные о Пулешовском кладе золотых монет // Нумизматика и сфрагистика. – К., 1971. – Вып. 4.
- Дмитров 1984* Дмитров К. Античные монеты от Севтополис // Севтополис. – София, 1984. – Т. 2.
- Дмитров 1935–36* Дмитров Л.Д. Кургани Никопольбуду. Звіт про роботу археологічної експедиції // НА НАНУ, фонд ІНММК, № 10–11.
- Дмитров 1938* Дмитров Л.Д. Археологические работы по исследованию Никополь в 1936 г. Предварительный отчет и перспективные предложения Национальной археологической экспедиции // НА НАНУ, фонд ІНММК, № 12.
- Дмитров 1946* Дмитров Л.Д. Археологічне вивчення Нікопольщини в 1935–1936 рр. // Наукові записки Інституту історії і археології. – К., 1946. – Кн. II.
- Дмитров 1950* Дмитров Л.Д. Археологічне вивчення Нікопольщини в 1935–1936 рр. // Археологія. – 1950. – Т. III.
- Добровольский 1949* Добровольский А. Кам'яні закладки в околицях Тавілжаного острова // АП УРСР. – 1949. – Т. 2.
- Доватур 1982* Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны и «История» Геродота. – М., 1982.
- Довженко 1980* Довженко Н.Д. О реконструкции обряда погребений с антропоморфными статуями // Археологические исследования на Украине 1978–79 гг. Тезисы докладов XVIII конференции Института археологии АН УССР. – Днепропетровск, 1980.
- Добролюбовский 1986* Добролюбовский А.О. Кочевники Северо-западного Причерноморья в эпоху средневековья. – К., 1986.
- Добролюбовский 1991* Добролюбовский А.О., Гребеняков Ю.С. Группа памятников кочевой знати первой половины XIV в. в Северо-западном Причерноморье // Древности юго-запада СССР (I – середина II тыс. н. в.). – Кишинев, 1991.
- Доклад 1904* Доклад профессора Д.И. Зварницкого о произведенных им раскопках курганов и исторических исследованиях // Вестник Екатеринбургского земства. – Екатеринбург, 1904. – № 2–3.
- ДП II 1899* Б.Н. и В.И. Ханенко. Древности Приднепровья и побережья Черного моря. – К., 1899. – Вып. II.
- ДП V 1907* Б.Н. и В.И. Ханенко. Древности Приднепровья и побережья Черного моря. – К., 1907. – Вып. V.
- ДП VI 1907* Б.Н. и В.И. Ханенко. Древности Приднепровья и побережья Черного моря. – К., 1907. – Вып. VI.
- Древности 1846* Древности, изданные временною Комиссиею для разборки древних актов. – К., 1846.

- Дубовская 1989* Дубовская О.Р. О некоторых критериях отбора раннескифских погребений циркумпоптийского региона // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. – Тезисы докладов. – Донецк, 1989.
- Дубовская 1997-А* Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. – Донецк, 1997. – № 6.
- Дубовская 1997* Дубовская О.Р. Плеть как возможный атрибут предскифских погребений // Древности Подонцовья. – Луганск, 1997.
- Дундуа 1987* Дундуа Г.Ф. Нумизматика античной Грузии. – Тбилиси, 1987.
- Дюмезиль 1990* Дюмезиль Ж. Скифы и сарты. – М., 1990.
- Дэлет 1958* Дэлет М.А. Погребальные сооружения Тагарской культуры // Вестник МГУ. – Ист.-фил. серия. – 1958. – № 4.
- Евдокимов 1975* Евдокимов Г.Л., Симонович А.В., Загребельный А.Н. Отчет о работе Астаховского отряда Севернородонской экспедиции ИА АН УССР // НА ИА НАНУ. – № 1975/60.
- Евдокимов 1977* Евдокимов Г.Л., Рассамкин Ю.Я., Николаев А.В. Отчет об исследованиях курганов Краснознаменной экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства ОС в Херсонской обл. в 1977 г. // НА ИА НАНУ. № 1977/22.
- Евдокимов 1981* Евдокимов Г.Л., Порудкий А.Г., Гершкович Я.П. Отчет Краснознаменной экспедиции о раскопках курганов в зоне строительства ОС в Херсонской области в 1981 г. // НА ИА НАНУ, № 1981/21.
- Евдокимов 1984* Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Порудкий А.Г. и др. Отчет Краснознаменной экспедиции о раскопках курганов в зоне строительства ОС в Херсонской области в 1984 г. // НА ИА НАНУ, № 1984/16.
- Евдокимов 1987* Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья. – К., 1987.
- Евдокимов 1991-А* Евдокимов Г.Л., Куприй Н.М. Нові половецькі святилища Північного Причорномор'я // см. Золото степу 1991.
- Евдокимов 1991-В* Евдокимов Г.Л., Куприй Н.М. Работы Краснознаменной экспедиции // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. – К., 1991.
- Евдокимов 1991-В* Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине // Курганы степной Скифии. – К., 1991.
- Евдокимов 1992-А* Евдокимов Г.Л. Погребения эпохи поздней бронзы Астаховского могильника. Препринт. – К., 1992.
- Евдокимов 1992-В* Евдокимов Г.Л. Скифский курган у с. Львово на Херсонщине // ДСРК. – 1992. – Вып. III.
- Евдокимов 1992-В* Евдокимов Г.Л., Куприй Н.М., Рычков Н.А. Отчет Краснознаменной экспедиции. Исследования курганов в зоне орошения земель Херсонской обл. в 1992 г. // НА ИА НАНУ, № 1992/2.
- Евдокимов 1993* Евдокимов Г.Л., Рычков Н.А., Куприй Н.М. Отчет о работе Краснознаменной экспедиции в Херсонской обл. в 1993 г. // НА ИА НАНУ, № 1993/18.
- Египет 1997* Египет: земля фараонов. Энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации». – Москва, 1997.
- Егоров 1985* Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 1985.
- Елинова 1985* Елинова Л.П., Голубчик Л.Н., Чурилова Л.Н. Отчет Днепропетровского Исторического музея об археологических раскопках в зоне промышленных разработок Марганецкого ГОКа в 1985 г. // НА ИА НАНУ, № 1985/90.
- Ельников 1998* Ельников М.В. Исследования могильника Мамай-Сурия в 1997–1998 гг. // Археологічні відкриття в Україні в 1997–1998 рр. – К., 1998.
- Ефимова 2000* Ефимова С.Г. Сравнение лесостепных и степных групп населения Евровы. Скифия по данным краниологии. // Скифы и сарты в VII–III вв до н. э. Палеоэкология, антропология и археология. – М., 2000.
- Жебелев 1923* Жебелев С.А. Введение в археологию. История археологического знания. – Пг, 1923. – Ч. I и II.
- Живкова 1974* Живкова Л. Казанлъшката гробница. – София, 1974.
- ЖРБ 1908* Печенкин Н.М. Журнал раскопок Н.Е. Бранденбурга 1888–1902 гг. – СПб., 1908.
- Жук 1990* Жук А.В. Курганные жители и путешествия к ним. (По отчетам графа А.А. Бобринского 1901–1912 гг.) // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. – Л., 1990.
- Журавлев 1981* Журавлев О.П. Фауна поселения Черноморка-II // Использование методов естественных наук в археологии. – К., 1981.
- Журавлев 1991* Журавлев О.П. Костные остатки млекопитающих из курганной группы Чертомлыка // Чертомлык 1991.

- Журавлев 1995* Журавлев О.П. Фауна из скифских поселений Нижнего Поднепровья // Гаврилюк Н.А. Скотоводство степной Скифии. - К., 1995.
- Журавльов 1997* Журавльов О.П., Яковенко В.І. Таариницитво на античному поселенні Аджигол-1 // Археологія. - 1997. - № 2.
- Забелин 1865* Забелин И.Е. Скифские могилы. Чертомлыцкий курган // Древности. Труды Московского археологического общества. - М., 1865. - Т. 1.
- Забелин 1876* Забелин И. Древняя Скифия в своих могилах // История русской жизни с древнейших времен. - М., 1876. - Ч. 1.
- Забелин 1908* Забелин И. История русской жизни с древнейших времен. - М., 1908. - Ч. 1.
- Зайцева 1962* Зайцева К.И. Местная керамика Ольвии эллинистического периода // ТТЭ. - 1962. - Т. VII.
- Закон 1980* Закон УССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». От 13.7.1978 г. - К., 1980.
- Законодавство 1970* Законодавство про пам'ятники історії та культури. - К., 1970.
- Замятин 1946* Замятин С.Н. Скифский могильник Частые курганы под Вороньем // СА. - 1946. - Т. 8.
- Занудько 1973* Занудько М.А. Орджоникидзевский народный историко-краеведческий музей. - Днепропетровск, 1973.
- Запоріжжя 1995* Д.И. Зваринский (Д.И. Яворницкий). Запорозьке в остятках старини в преданнях народу. - К., 1995. - Ч. I и II.
- Зарайская 1992* Зарайская Н.П., Приналов А.И. Скифские памятники Шевченковского могильника // ДАС. - Донецк, 1992. - Вып. 2.
- Зарайская 1992-А* Зарайская Н.П., Косиков В.А. Курганы у поселка Гусельск // Археологический вестник. - Запорожье, 1992. - № 3.
- Заседания 1908* Заседания Московского Предварительного Комитета XIII Археологического Съезда // Труды XIII АС. - М., 1908. - Т. 2.
- Засецкая 1999* Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). - СПб., 1999.
- Збенович 1974* Збенович В.Г. Позднеэллинистические племена Северного Причерноморья. - К., 1974.
- Зданович 1984* Зданович Г.В., Иванюк И.В., Хабудуллина М.К. Опыт использования в археологии палеоэкологических методов исследования (курганы Кара-Оба и Облы в Северном Казахстане) // СА. - 1984. - № 4.
- Зеденцидзе 1976* Зеденцидзе А.А. Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе // КСИА. - 1976. - № 145.
- Зевст 1960* Зевст И.В. Керамическая тара Боспора // МИА. - 1960. - № 83.
- Зограф 1945* Зограф А.Н. Статуи Александра Македонского из Керченских и Таманских находок // Труды Отдела истории искусства и культуры античного мира. - Л., 1945. - Т. 1.
- Зограф 1951* Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. - 1951. - № 16.
- Золото Боспора 1995* Золото Боспора // Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V-IV вв. до н. э. - СПб., 1995.
- Золото степу 1991* Золото степу. Археологія України. - Київ - Шлезвіг, 1991.
- Золотарев 1994* Золотарев М.И. Взаимосоотношения Ольвии и Херсонеса в IV-II вв. до н. э. (по материалам херсонесских керамических клейм из Ольвии) // Северо-западный Крым в античную эпоху. - К., 1994.
- Золотарев 2000* Золотарев М.И. Торговые коммуникации между Херсонесом и Скифией в конце IV - первой трети III в. до н. э. // Донская археология. - 2000. - № 1.
- Зуев 1787* Зуев В. Путешественные записки Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г. - СПб., 1787.
- Зуев 1999* Зуев В.Ю., Исмагилов Р.В. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье // Археологические памятники Оренбуржья. - Оренбург, 1999. - Вып. 3.
- Зыблин 1955* Зыблин Л.П. О «татарских» курганах // СА. - 1955. - Т. 22.
- Иванчик 1987* Иванчик А.В. О конечной дате производства амфор эллинистического Херсонеса // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тезисы докл. конф. - К., 1987.
- Иессен 1935* Иессен А.А., Пассек Т.С. Золото Кавказа // ИГАИМК. - 1935. - Вып. 110.
- Извлечение 1855* Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разисланиях в 1853 году. - СПб., 1855.
- Іллінська 1960* Іллінська В.А., Ковпаненко Г.Т., Петровська Є.О. Розкопки курганів епохи бронзи поблизу с. Первомайки // АП УРСР. - 1960. - Т. IX.
- Іллінська 1961* Іллінська В.А. Скифська вузда VI ст. до н. е. (за матеріалами Посудля) // Археологія. - 1961. - Т. XII.

- Глініська 1963* Глініська В.А. Про скифські навершники // Археологін. – 1963. – Т. XV.
- Ильинская 1966* Ильинская В.А. Скифские курганы около г. Борисполя // СА. – 1966. – № 3.
- Ильинская 1968* Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посульа). – К., 1968.
- Ильинская 1973* Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н. э. // Скифские древности. – К., 1973.
- Ильинская 1975* Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. – К., 1975.
- Ильинская 1980* Ильинская В.А., Мозолевский В.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия в Кавказ. – К., 1980.
- Ильинская 1983* Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н. э. – К., 1983.
- Глініський 1999* Глініський А.О., Мураїн В.Ю. До історії вивчення Мелітопольського кургану // Археологін. – 1999. – № 3.
- Ильюков 1994* Ильюков Л.С. О нижнеднепровских каменных стеллах эпохи средней бронзы // Каталогные культуры Северного Причерноморья. – К., 1994.
- Ияз. книга* Фонды ИА НАНУ. Инвентарная книга.
- Инструмент 1848* Инструмент разграничения земель между Россией и Портою в 1742 г. // ЗООИД. – 1848. – Т. 2.
- Иордан 1960* О происхождении и деянях гетов. «Getica». – М., 1960.
- Исмаилов 1988* Исмаилов Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. – 1988. – № 29.
- Исмаилов 1992* Исмаилов Р.Б. Об одном саяском обряде // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной памяти А.И. Тереножкина. – Мелитополь, 1992.
- Исследования 1903* Исследования и раскопки // АЛЮР. – 1903. – № 3–4.
- Історія 1969* Історія міст і сіл УРСР. Дніпропетровська область. – К., 1969.
- Історія 1972* Історія міст і сіл УРСР. Херсонська область. – К., 1972.
- Кадырбаев 1962* Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1962.
- Казаманова 1969* Казаманова Л.А. Введение в античную нумизматику. – М., 1969.
- Как составлялось 1915* Как составлялось собрание «камонных баб» Музея Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. – 1915. – Т. 32.
- Каллистов 1969* Каллистов Д.П. Свидетельство Страбона о скифском царе Агее // ВДИ. – 1969. – № 1.
- Каменецкий 1951* Каменецкий И.С. Отчет о раскопках курганов у с. Троицкое Запорожской обл. в 1951 г. (курган № 1) // Клейн Л.С. Отчет о раскопках курганов у с. Троицкого Мелитопольского р-на Запорожской обл. в 1951 г. // ИА ИА НАНУ, № 1951-е.
- Каменецкий 1995* Каменецкий И.С. О бальзамировании умерших царей у скифов // Историко-археологический альманах. – Армавир, 1995.
- Карагодеуаш 1894* Липпо-Данилевский А., Мальмберг В. Курганы Карагодеуаш // МАР. – СПб., 1894. – № 13.
- Карпенко-Карий 1985* Карпенко-Карий I. Сто тысяч // Твори. – К., 1985. – Т. 1.
- Картер 1959* Картер Г. Гробница Тутанхамона. – М., 1959.
- Карышковский 1957* Карышковский П.О. Рец. на: Д.Б. Шелов. Монетное дело Востора VI–II вв. до н. э. – М., 1956 // СА. – 1957. – № 1.
- Карышковский 1958* Карышковский П.О. Стоимость монетных металлов в Ольвии и в Боспорском государстве в IV в. до н. э. // ВДИ. – 1958. – № 3.
- Карышковский 1960* Карышковский П.О. Об обращении кизимитов в Ольвии // НЭ. – 1970. – Т. 2.
- Карышковский 1960А* Карышковский П.О. Из истории депозитного обращения в Северном Причерноморье в III в. до н. э. // ЗОАО. – 1960. – Т. 1 (34).
- Карышковский 1961* Карышковский П.О. Заметки по нумизматике античного Причерноморья (7–9) // ВДИ. – 1961. – № 4.
- Карышковский 1964* Карышковский П.О. Заметки по нумизматике античного Причерноморья (10, 11) // ВДИ. – 1964. – № 1.
- Карышковский 1977* Карышковский П.О. К вопросу об обращении статеров лисимаховского типа в Причерноморье // Нумизматический сборник. – Тбилиси, 1977.
- Карышковский 1988* Карышковский П.О. Монеты Ольвии. – К., 1988.
- Каряка 1992* Каряка А.В. Длинный курган в Крымском Присиватье // ДСПК. – Запорожье, 1992. – Вып. 3.
- Каталог 1893* Каталог коллекции А.Н. Поль в Екатеринославе. Сост. К. Мельник. – Киев. – 1893. – Вып. 1.
- Кат. Ленинград 1985* Грач Н.Л. (ред.). Античное художественное серебро. Каталог выставки. Гос. Эрмитаж. – Л., 1985.

- Кат. Москва 1987 Лесков А.М. (ред.), Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. - М., 1987.
- Кат. Москва 2002 Журавлев Д.В. (ред.), На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Евксинского. - М., 2002.
- Кац 1985 Кац В.И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВЦИ. - 1985. - № 1.
- Кац 1986 Кац В.И., Федосеев Н.Ф. Керамические клейма «боспорского амфора» на Елизаветовском городище // АМА. - 1986. - № 6.
- Кац 1994 Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. - Саратов, 1994.
- Кац 1997 Кац В.И. Хронология клейм Гераклии Понтийской (состояние и перспективы изучения) // Античный и античный мир Северного Причерноморья. - Одесса, 1997.
- Кац 1998 Кац В.И. Основные закономерности распределения фасосских амфорных клейм // АМА. - 1998. - № 10.
- Кац 2001 Кац В.И. К вопросу о времени существования боспорской колонии на Елизаветовском городище // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полиса, образование государства. - СПб., 2001. - Ч. 1.
- Кац 2002 Кац В.И. Революция хронологии ранних керамических клейм Родоса // АМА. - 2002. - Вып. 11.
- КВЧ 1950 Книга Большому Чертежу. - М.: Л., 1950.
- Квасница 1996 Квасница В.М., Латип И.К. Самородное золото Украины. - К., 1996.
- Квасница 2001 Квасница В.М., Бондаренко И.М., Пидвисоцька О.П. Про хімічний склад золотих виробів скіфського періоду // Музейні читання. Матеріали наукової конференції. Грудень 2000 р. - К., 2001.
- Кёлер 1992 Кёлер К. Общая типология и хронология коринфских транспортных амфор // Греческие амфоры. - Саратов, 1992.
- Кёне 1857 Кёне В. Описание музея покойного князя В.В. Кочубей (составлено по рукописному каталогу) и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России, равно как царств Понтийского и Босфора Киммерийского. - СПб., 1857. - Т. 1.
- Келлер 1837 Келлер П.И. Список известнейшим курганам России // Северная пчела. - СПб., 1837. - №№ 1, 2, 3.
- Келлер 1908-А Келлер П.И. Список курганов, составленный академиком П.И. Келлером // ИТУАК. - 1908. - Т. 42.
- Келлер 1908-Б Келлер П.И. О курганах // ИТУАК. - 1908. - Т. 42.
- Керям 1960 Керям К. Боги, гробницы, ученье. - М., 1960.
- Керцелли 1876 Керцелли Н.Г. Об историко-географических изысканиях В.И. Мочульского о курганах и каменных бабах Южной России // Известия Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. - М., 1876. - Т. 20.
- Кирилин 1965 Кирилин Д.С. Археологические работы Орталейской античной экспедиции Керченского историко-археологического музея в 1965 г. // НА НА НАНУ. - № 1965/72.
- Кирилин 1968 Кирилин Д.С. Трехбратние курганы в районе Тобечинского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. - Л., 1968.
- К истории 1889 К истории археологических исследований в южной России // ЗООИД. - 1889. - Т. 15.
- Киселев 1951 Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - М., 1951.
- Киселев 1956 Киселев С.В. Исследования Большого Салыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. - М.; Л., 1956.
- Кламм 1991 Кламм М. Исследование ошловых фибул, найденных в кургане Чертомлык // Чертомлык 1991.
- Кламм 1991-А Кламм М., Фиброн Г., Мейер В. Почвоведческие исследования скифского кургана Чертомлык // Чертомлык 1991.
- Клейн 1960 Клейн Л.С. Курганы біла с. Троицького // АП УРСР. - 1960. - Т. 8.
- Клейн 1963 Клейн Л.С. Происхождение скифов дарских по археологическим данным // СА. - 1963. - № 4.
- Кляшников 2002 Кляшников В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV-II вв. до н. э. - Волгоград, 2002.
- Клюев 1892 Клюев Н.А. Азовское побережье // Маркуполь и его окрестности. - Маркуполь, 1892. - Кляуэр Ф.И. О курганах, раскопанных в Южной Бессарабии // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. - К., 1889. - Кн. 3.
- Ковалев 1991 Ковалев Н.В., Ползи С.В. Скифские курганы у с. Корнеевца в Запорожской обл. // Курганы степной Скифии. - К., 1991.

- Ковалева 1977* Ковалева И.Ф., Волковой С.С., Шалобудов В.Н. Исследование археологических памятников в районе строительства оросительной системы колхоза им. Богдана Хмельницкого // НА ИА НАНУ, № 1977/66-Б.
- Ковалева 1983* Ковалева И.Ф. Отчет об исследованиях в 1983 г. // НА ИА НАУ, №1983/44.
- Ковалева 1984* Ковалева И.Ф. Север степного Поднепровья в энеолите – бронзовом веке. – Днепропетровск, 1984.
- Ковалева 1985* Ковалева И.Ф., Андросов А.В., Мухомад С.Е., Шалобудов В.Н. Раскопки курганов в Среднем Приорелье // ПАП. – 1985. – Вып. 2.
- Ковалева 1988* Ковалева И.Ф. Культурные комплексы так называемых длинных курганов эпохи бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. – Днепропетровск, 1988.
- Ковалева 1989* Ковалева И.Ф., Андросов А.В., Шалобудов В.Н., Мартошенко Д.В. Курганы эпохи бронзы степного правобережья Днепра // ПАП. – 1989.
- Ковалевская 1977* Ковалевская В.В. Конь и всадник. – М., 1977.
- Коваленко 1991* Коваленко С.А. Античное сельскохозяйственное поселение возле села Пещаное // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. – М., 1991.
- Ковпаненко 1973* Ковпаненко Г.Т., Яковенко Э.В. Скифские курганы на юге Херсонщины // Скифские древности. – К., 1973.
- Ковпаненко 1986* Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. – К., 1986.
- Ковпаненко 1988* Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А. К изучению погребального обряда скифского времени в Поросье // СА. – 1988. – № 2.
- Когонашвили 1969* Когонашвили К.К. К вопросу о средневековом населении Северного Крыма (по материалам археологических раскопок 1962–1964 гг.) // Щелинский А.А., Черепанова Е.Н. Северное Прииславье в V–I тыс. до н. э. – Симферополь, 1969.
- Кожин 1969* Кожин П.М. О сарматских повозках // Древности Восточной Европы. (МИА № 169). – М., 1969.
- Козинцев 1980* Козинцев А.Г. Дискретные признаки на черепе эпохи бронзы из Южной Сибири (к проблеме методики изучения краниологического полиморфизма) // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. – Л., 1980.
- Козинцев 1988* Козинцев А.Г. Этническая краниоскопия: расовая изменчивость швов черепа современного человека. – Л., 1988.
- Козловская 1996* Козловская М.В. Антропологическая характеристика материалов из скифских курганов Среднего Дона. // РА. – 1996. – № 4.
- Козловская 1997* Козловская М.В. Новые антропологические материалы из среднедонского скифского могильника у сел Терновое и Колбино. // РА. – 1997. – № 4.
- Козловская 2000* Козловская М.В. Об образе жизни среднедонского населения скифского времени. // Скифы и сарматы в VII–III вв до н. э. Палеозоология, антропология и археология. – М., 2000.
- Козуб 1962* Козуб Ю.И. Лекции ольвийского некрополя V–IV ст. до н. э. // Археология. – 1962. – Т. XIV.
- Колесников 1984* Колесников А.Б. Античные сельские усадьбы у Евпаторийского маяка // Вестник МГУ. – Серия 8. История. – 1984. – № 4.
- Колесников 1985* Колесников А.Б. Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // ВДИ. – 1985. – № 2.
- Колесников 1988* Колесников А.Б. К интерпретации источников по античному виноградарству // Древности Восточной Европы. – М., 1988. – Вып. 1.
- Колотухин 1996* Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. – К., 1996.
- Колотухин 2000* Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. – Симферополь, 2000.
- Колпинский 1970* Колпинский Ю.Д. Искусство Эгейского мира и древней Греции (Памятники мирового искусства). – М., 1970.
- Колтухов 1997* Колтухов С.Г. Образы рыб в греко-варварском искусстве Северного Причерноморья // Археология Крыма. – Симферополь, 1997. – Т. 1.
- Колтухов 1999* Колтухов С.Г. Керамика из кургана Беш-Оба-IV // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. – СПб., 1999.
- Кондаков 1888* Кондаков Н.П. Описание некоторых древностей, найденных в 1881 и 1882 годах // ОАК 1882–1888. – СПб., 1891.
- Кондукторова 1972* Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). – М., 1972.
- Копейкина 1986* Копейкина Л.В. Золотые блишки из кургана Куль-Оба // Античная торевтика. – Л., 1986.

- Копьева 1990* Копьева Т.А. Курган у с. Акимовка в Крыму // ДСПК. – 1990. – Вып. I.
- Копылов 1987* Копылов В.П. О времени прекращения существования варварского торгового центра в дельте Дона в свете боспоро-скифских отношений конца IV – начала III вв. до н. э. // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Тезисы докладов к семинару. – Новочеркасск, 1987.
- Копылов 1991* Копылов В.П., Васильев А.Д. Боспор и скифы дельты Дона (вторая половина IV – начало III в. до н. э.) // Вопросы археологии и истории Боспора. – Воронеж-Велгород, 1991.
- Копылов 2000* Копылов В.П. Население Северо-Восточного Приазовья в конце VII–IV вв. до н. э. – Автореферат дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. – СПб., 2000.
- Корвяко 1976* Корвяко В.А. Исследование курганов в Ставропольском крае // АО-1975. – М., 1976.
- Корж 1842* Устное повествование бывшего запорожца, жителя Екатеринославской губ. и уезда, селения Михайловки, Никиты Леонтьевича Коржа. – Одесса, 1842. Репринтное переиздание. – Днепропетровск, 1991.
- Королькова 2001* Королькова Е.Ф. Звериный стиль в оформлении гривен скифо-сарматской эпохи // Ювелирное искусство и материальная культура. – СПб., 2001.
- Корпусова 1977* Корпусова В.Н., Бессонова С.С., Нечитайло А.Л., Вулягги Е.П., Черных Л.А., Куприй С.А., Баран Я.В., Белозор В.П. Отчет о работе Северо-Крымской археологической экспедиции в 1977 г. // НА ИА НАНУ, № 1977/16.
- Корпусова 1980* Корпусова В.Н., Белозор В.П. Могила киммерийского воина у Джанкоя в Крыму // СА. – 1980. – № 3.
- Корпусова 1984* Корпусова В.Н. Курганы у с. Целинное // Курганы степного Крыма. – К., 1984.
- Косиков 1976* Косиков В.А. Отчет о работе отдельного отряда Донецкого ГУ в 1976 г. // НА ИА НАНУ, № 1976/152.
- Костенко 1985* Костенко В.И. Раскопки сарматского могильника у с. Усть-Каменка Апостоловского р-на Днепропетровской обл. в 1985 г. // НА ИА НАНУ, № 1985/54.
- Костенко 1986* Костенко В.И. Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н. э. – IV в. н. э. – Днепропетровск, 1986.
- Костенко 1988* Костенко В.И., Марина З.П., Мухомад С.Е., Ромашко В.А., Шалобудов В.Н. Работы в Днепропетровской обл. // АО – 1988. – М., 1988.
- Костенко 1988-А* Костенко В.И. Отчет о полевых исследованиях в 1988 г. Сарматской археологической экспедиции ДГУ на территории Апостоловского р-на Днепропетровской обл. у с. Усть-Каменка // НА ИА НАНУ, № 1988/67.
- Костенко 1993* Костенко В.И. Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника). – Днепропетровск, 1993.
- Костомаров 1878* [Костомаров Н.И. 1878] – Протоколы заседаний съезда. Третье заседание, 15 августа утром // Труды III АС. – К., 1878. – Т. 1.
- Кривоша-Гракова 1962* Кривоша-Гракова О.А. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // МИА. – 1962. – № 115.
- Красильников 2001* Красильников К.І. Антропоморфні стели доби середньої бронзи із Подоння'я // Археологія. – 2001. – № 3.
- Кругликова 1980* Кругликова И.Т. История исследования Горгишши и ее некрополя // Горгишши. – Краснодар, 1980. – Т. 1.
- Круглов 1997* Круглов А.В. Неантичные рельефы с менадами – копии Каллимаха или новаторство? // ТГЭ. – 1997. – Т. XXVIII.
- Круц 1979* Круц С.І. Коротка характеристика палеоантропологічного матеріалу з Товстої могили. // В кн.: В.М. Мозолевський. Товста Могила. – К., 1979.
- Круц 1982* Круц С.И. Палеоантропологические материалы из кургана Желтокаменка. // ДСС. – К., 1982.
- Круц 1984* Круц С.И. Палеоантропологические исследования степного Поднепровья (эпоха бронзы). – К., 1984.
- Круц 1986* Круц С.И., Шенель В.А., Сегида С.П., Потехана И.Д., Покас П.М., Назарова Т.А., Литвинова Л.В., Рудич Т.А. Каталог палеоантропологических коллекций Института археологии АН УССР. – К., 1986. – Ч. 2 // НА ИА НАНУ, № Пч 118.
- Круц 1991* Круц С.И. Антропологические материалы из кургана Чертомлык // Чертомлык 1991.
- Круц 2002* Круц С.И. Антропологические материалы к киммерийской проблеме // Сучасні проблеми археології. – К., 2002.
- Круц 2002* Круц С.І. Антропологічні дані до киммерійської проблеми. // Археологія. – 2002. – № 4.

- Ксенофонт 1874* Ксенофонт. О коннице. – СПб., 1874.
- Кубарев 1987* Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск, 1987.
- Кубарев 1991* Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск, 1991.
- Кубышев 1978* Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Симоненко А.В. и др. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР. Исследование курганной группы «Рядовые Могилы» в зоне строительства Золотоваляновской оросительной системы в Нововоронцовском р-не Херсонской обл. в 1978 г. // ИА ИА НАНУ, № 1978/17.
- Кубышев 1979* Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Полин С.В. Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции в зонах строительства орошаемых участков Каховской оросительной системы в Херсонской обл. в 1979 г. // ИА ИА НАНУ, № 1979/32.
- Кубышев 1980* Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А. и др. Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции в 1980 г. // ИА ИА НАНУ, № 1980/15.
- Кубышев 1982* Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Полин С.В. и др. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции в 1982 г. // ИА ИА НАНУ, № 1982/4.
- Кубышев 1982-А* Кубышев А.И., Николаева А.В., Полин С.В. Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине // ДСС.
- Кубышев 1982-Б* Кубышев А.И., Орлов Р.С. Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки // СА. – 1982. – № 1.
- Кубышев 1983* Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А. и др. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской и Запорожской областях в 1983 г. // ИА ИА НАНУ, № 1983/26.
- Кубышев 1984* Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Нечитайло А.Л. Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской и Запорожской областях в 1984 г. // ИА ИА НАНУ, № 1984/11.
- Кубышев 1985* Кубышев А.И., Черняков И.Т., Полин С.В. Погребение раннежелезного века на Ингульде // СА. – 1985. – № 4.
- Кубышев 1985-А* Кубышев А.И. Скифский могильник у с. Водославка // АО-1983. – М., 1985.
- Кубышев 1986* Кубышев А.И., Волтрак Ю.В., Симоненко А.В. и др. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской, Запорожской обл. УССР в 1986 г. // ИА ИА НАНУ, № 1986/13.
- Кубышев 1988* Кубышев А.И., Шилов Ю.А., Симоленко А.В. и др. Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции в 1988 г. в зоне строительства орошаемых участков в Херсонской области. // ИА ИА НАНУ, № 1988/20.
- Кубышев 1990* Кубышев А.И., Шилов Ю.А., Ковалев Н.В. Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции в Херсонской обл. в 1990 г. // ИА ИА НАНУ, № 1990/10.
- Кубышев 1991* Кубышев А.И., Саенко В.Н. Скифский курган у г. Генчицка // ДСПК. – 1991. – Вып. II.
- Кубышев 1994* Кубышев А.И., Ковальов М.В. Скифский Братоловбівський курган V ст. до н. э. на Херсонщині // Археологія. – 1994. – № 1.
- Кузьмин Н.Ю. 1985* К реконструкции погребального обряда населения Минусинской котловины в скифское время (по материалам Среднеенисейской экспедиции) // Археологические исследования в зонах мелнорации. Итоги и перспективы их интенсификации. Тезисы докладов научно-практической конференции. – Л., 1985.
- Кузьмин 1994* Кузьмин Н.Ю. Курганы у деревни Новомихайловка. – СПб., 1994.
- Кузьмина 1977* Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве сарматов и скифов // Скифы и сарматы. – К., 1977.
- Кулаковский 1914* Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. – К., 1914.
- Куприй 1987* Куприй С.А. Скифский могильник в Северном Приднестровье // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тезисы докл. VI-й республиканской конференции молодых ученых. – К., 1987.
- Куприй 1989* Куприй Н.М. Половецкое святилище у с. Новое // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Довбассе. Тезисы докладов. – Донецк, 1989.
- Куприй 1992* Куприй С.А. Погребение скифского воина с поножами у с. Казры // История и археология Слободской Украины. – Харьков, 1992.
- Курочкин 1988* Курочкин Г.Н. Таварские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелнорации Южной Сибири. – Л., 1988.
- Курочкин 1993* Курочкин Г.Н. Ергаты курганы скифской эвнаты на юге Сибири. – СПб., 1993.
- Курочкин 1993-А* Курочкин Г.Н. Путешествие в предисловии: шаманские мастерни в глубинах скифского кургана // Скифы, Сарматы, Славяне, Русь. – Петербургский археологический вестник. – СПб., 1993. – Вып. 6.

- Кутайсов 1987* Кутайсов В.А. Эллинистический дом Кернштайды // СА. – 1987. – № 1.
- Кыласов 1958* Кыласов Л.Р. Этапы древней истории Тулы // Вестник МГУ. – Ист. фил. серия. – 1958. – № 4.
- Лагодовська 1949* Лагодовська О. Кам'яні закладки Надпоріжжя // АП УРСР. – 1949. – Т. 2.
- Лазаревский 1894* Лазаревский Я. Александропольский курган. Могилы скифского царя // ЗРАО. – 1894. – Т. 7. – Вып. 1-2.
- Ландов 1994* Ландов С.В. Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры // Северо-западный Крым в античную эпоху. – К., 1994.
- Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894* Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. Курган Карагодеуаш // МАР. – СПб., 1894. – № 13.
- Латышев 1895* Латышев В.В. О поддельных греческих надписях из Южной России // ЗООИД. – 1895. – Т. 18.
- Латышев 1926* Латышев В.В. Раскопки Н.И. Веселовского в 1916 и 1917 гг. // Сообщения ГАИМК. – Л., 1926. – Т. 1.
- Латышев 1993* Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – СПб., 1992. – Вып. 1.
- Латышев 1947* Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. – 1947. – № 2.
- Латышев 1993* Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – СПб., 1993. – Вып. 2.
- Лафлин 1981* Лафлин У.С. Алеутские мумии: их значение для исследования продолжительности жизни и изучения культуры // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. – М., 1981.
- Лебедева 2000* Лебедева Е.Ю. Металлические ритоны в погребальной практике населения Северного Причерноморья скифского времени // Музейні читання. Матеріали наукової конференції. – К., 2000.
- Легранд 1998* Легранд С. Загадочный золотой предмет из кургана Передериева Могила // РА. – 1998. – № 4.
- Лейпунская 1981* Лейпунская Н.А. Керамическая тара из Ольши. – К., 1981.
- Леонтьев 1854* Леонтьев П. Археологические разведки на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Пропаганд. – М., 1854. – Кн. 4.
- Лесков 1967* Лесков А.М. Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории племен бронзового века Северного Причерноморья // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. – К., 1967.
- Лесков 1968* Лесков А.М., Черненко Е.В., Болтрик Ю.В., Видзала В.И. и др. Отчет о работе Каховской экспедиции ИА АН УССР в 1968 г. // ИА ИА НАНУ, № 1968/15.
- Лесков 1969* Лесков А.М., Кубышев А.И., Черненко Е.В., Терепожкина А.И., Ильинская В.А., Болдин Я.И., Зарайская Н.П., Ястребова С.В., Отрощенко В.В. Отчет о работе Каховской экспедиции ИА АН УССР в 1969 г. // ИА ИА НАНУ, № 1969/22.
- Лесков 1970* Лесков А.М., Кубышев А.И., Болдин Я.И., Зарайская Н.П., Отрощенко В.В., Румянцев А.Н., Чередииченко Н.Н., Ястребова С.В. Отчет о работе Каховской экспедиции ИА АН УССР в 1970 г. // ИА ИА НАНУ, № 1970/36.
- Лесков 1971* Лесков А.М., Кубышев А.И., Румянцев А.Н., Болдин Я.И., Зарайская Н.П., Соловьева Н.А., Шаматрина Г.И., Шидов Ю.А., Ястребова С.В. Отчет о работе Херсонской экспедиции 1971 г. // ИА ИА НАНУ. – 1971/23.
- Лесков 1974* Лесков О. Скарби курганів Херсонщини. – К., 1974.
- Лесков 1981* Лесков А.М. Курганы, находки, проблемы. – Л., 1981.
- Лесницкая 1990* Лесницкая М.М. К вопросу о специфике греческого портрета IV в. до н. э. // ВДИ. – 1990. – № 1.
- Летопись 1899* Археологическая летопись // Киевская старина. – 1899. – Сентябрь.
- Летопись 1915* Летопись ученой Екатеринославской архивной комиссии // Екатеринослав, 1915. – Вып. 10.
- Либеров 1965* Либеров П. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. – М., 1965.
- Лискин 1949* Лискин Е.Ф. Экстерьер сельскохозяйственных животных. – М., 1949.
- Литвиненко 1994* Литвиненко Р.А. Срубная культура бассейна Северного Дона (по материалам погребальных памятников). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – К., 1994.
- Литвиненко 1994-А* Литвиненко Р.А., Косиков В.А. Курганы срубной культуры у с. Тервовое // ДАС. – Донецк, 1994. – Вып. 5.
- Литвинова 1994* Литвинова Л.В. Антропологические материалы скифской культуры из Северо-Западного Причерноморья // Ольшиа – 200. Тезисы докладов международной конферен-

- ции, посвященной двухсотлетию археологического открытия Ольвии (5–9 сентября 1994 г. с. Парутино). – Николаев, 1994.
- Литвинова 1999* Литвинова Л.В. Население скифской культуры IV–III вв до н. э. (по материалам могильника Мамай-Гора) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). – Запорожье, 1999.
- Литвинова 1999* Литвинова Л.В. Антропологический материал из могильника Мамай-Гора. // В кн.: Андрух С.И., Тошев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Книга I. – Запорожье, 1999.
- Литвинова 2001* Литвинова Л.В. Антропологический материал из могильника Мамай-Гора. // В кн.: Андрух С.И., Тошев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Книга II. – Запорожье, 2001.
- Литовченко 1979* Литовченко Г.Р., Воробьев П.А. Овцеводство. – М., 1979.
- Литонис 1929* Литонис музею. Херсонський історико-археологічний музей. – Херсон, 1929. – Вып. 9.
- Липин 1881* Липин К.Н. Отчет К.Н. Липина о раскопке курганов в Херсонской обл. // Древности. Труды МАО. – М., 1881. – Т. IX. – Вып. 1.
- Лордкипанидзе 1983* Лордкипанидзе О.Д. (ред.). Античный импорт в Вали. – Тбилиси, 1983.
- Лосев 1957* Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. – М., 1957.
- Лышко 1987* Лышко С.М., Фрицман М.И. Скифская антропоморфная скульптура Нижнего Подпирья // Археология. – 1987. – № 60.
- Лышко 1988* Лышко С.Н., Острошенко В.В. Валковский курган // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. – К., 1988.
- Макаренко 1911* Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 годов // ИАК. – 1911. – № 43.
- Макаренко 1916* Макаренко Н.Е. Первый Мордвиновский курган // Гермес. – 1916. – № 12.
- Макаренко 1916-А* Макаренко Н.Е. Художественные сокровища Императорского Эрмитажа. Краткий путеводитель. – Пг, 1916.
- Макаренко 1916-Б* Макаренко Н. Материалы по археологии Полтавской губернии. – Полтава, 1916. (Отд. Оттиск из XIV выпуска трудов Полтавской Ученой Архивной Комиссии).
- Максимов 1964* Максимов Б.В., Петровская Е.А., Черняк В.В. Отчет об охранных раскопках кургана в г. Николаев // НА ИА НАНУ, № 1964/17.
- Максимова 1956* Максимова М.И. Ритон из Келермеса // СА. – 1956. – Т. XXV.
- Максимова 1979* Максимова М.И. Артиковский курган. – Л., 1979.
- Мамонтова 1986* Мамонтова Н.Н. Опыт применения таблиц В.В.Буцака при разработке остеометрических материалов // Проблемы эволюционной морфологии человека. – М., 1986.
- Маянаб-Оол 1970* Маянаб-Оол М.Х. Тува в скифское время (ужская культура). – М., 1970.
- Миневич 1945* Миневич А.П. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху // ВДИ. – 1945. – № 2.
- Миневич 1957* Миневич А.П. Ритон Талаевского кургана // История и археология древнего Крыма. – К., 1957.
- Миневич 1959* Миневич А.П. Серебряный сосуд Мастюгинского кургана // ААН. – 1959. – Т. 9.
- Миневич 1961* Миневич А.П. Бронзовые котлы в собрания Государственного Эрмитажа // Исследования по археологии СССР. – Л., 1961.
- Миневич 1964* Миневич А.П. О пластине из кургана Карагодеуаш // АСГЭ. – 1964. – № 6.
- Миневич 1964* Миневич А.П. О происхождении предметов торевтики на скифских курганах. Тезисы докладов на юбилейной научной сессии. Гос. Эрмитаж. – Л., 1964.
- Миневич 1966* Миневич А.П. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. – 1966. – № 8.
- Миневич 1969* Миневич А.П. Парадный меч из кургана Солоха // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. – МИА № 150. – М., 1969.
- Миневич 1969-А* Миневич А.П. Бронзовые пластины из Второго Мастюгинского кургана (к вопросу о фракийских шлемах) // АСГЭ. – 1969. – Вып. 11.
- Миневич 1973* Миневич А.П. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ. – 1973. – Вып. 15.
- Миневич 1987* Миневич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. – Л., 1987.
- Миневич 1991* Миневич А.П. Находки в Большом кургане в Вергине и проблемы торевтики эпохи раннего эллинизма // ВДИ. – 1991. – № 1.
- Маразов 1973* Маразов И. За дятла и прохода на полтавский ритон с протома на коп от Эрмитажа // Археология. – София. – 1973. – Кн. 4.
- Маразов 1978* Маразов И. Ритоните в древна Тракия. – София, 1978.
- Маразов 1980* Маразов И. Наколенник от Враца. – София. – 1980.
- Марина 1990* Марина З.П., Романко В.А., Фещенко Е.Л., Войтюк П.В. Курганный могильник у с. Вербки // ИАП. – 1990.
- Марина 1998* Марина З.П., Романко В.А., Попков М.В. Срубные курганы у с. Дубовики на р. Чаплинки // ПАП. – 1998.

- Марков 1901 Марков А.К. Древняя нумизматика. – СПб., 1901. – Ч. 1.
- Маркова 1997 Маркова Е.В. Лошади из Ольвии и ее хоры (по остеологическим материалам) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. – Одесса, 1997.
- Марковин 1965 Марковин В.И. Скифские курганы у с. Гойты (Чечено-Ингушетия) // СА. – 1965. – № 2.
- Марсадолов 1996 Марсадолов Л.С. Итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н. э. – СПб., 1996.
- Марсадолов 1998 Марсадолов Л.С. Новые исследования Эрмитажа в Саяно-Алтае // АСРЭ. – 1998. – № 33.
- Марсадолов 2000 Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н. э. горных районов Алтая, как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры). – Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии. – СПб., 2000.
- Марти 1928 Марти Ю. Сто лет Керченского музея. Исторический очерк. – Керчь, 1928.
- Мартыненко 1997 Мартыненко А.И. Динамика поступления херсонесской клейменной продукции в Никоний // Археология и этнология Восточной Европы. – Одесса, 1997.
- Мартыненко 2002 Мартыненко А.И. Про проблему хронології херсонесских астиномних клейм «раннього» періоду // Записки історичного факультету. Одеський національний університет ім. П. Метичкова. – Одеса, 2002. – Вип. 12.
- Мартынов 1979 Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск, 1979.
- Марфуни 1987 Марфуни А.С. История золота. – М., 1987.
- Марченко 2000 Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону // Pontus septentrionalis II. Tanais 2. – М., 2000.
- Марченко 2000-А Марченко К.К. Хронология Елизаветовского городища на Дону // СУХСНА. Памяти Ю.В. Андреева. – СПб., 2000.
- Массон 1976 Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. – Л., 1976.
- Матвеев 1884 Матвеев А.А. К вопросу об археологических исследованиях в Южной России. – Одесса, 1884. – Вып. III. Археология.
- Матье 1961 Матье М.Э. Искусство древнего Египта. – Л., 1961.
- Махнева 1994 Махнева О.А. Керамические клейма Керсипитиды (общий обзор) // Северо-западный Крым в античную эпоху. – К., 1994.
- Махно 1960 Махно С.В. Раскопки памятников эпохи бронзы та сарматского часу в с. Усть-Кам'яниця // АП УРСР. – 1960. – Т. 9.
- Махортых 1991 Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. – К., 1991.
- Мачинский 1978 Мачинский Д.А. О смысле изображений на чертомлыцкой амфоре // Проблемы археологии. – Л., 1978. – Вып. II.
- Мачинский 1978 Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой могилы и великие женские божества Скифии // В кн.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье. – Л., 1978.
- Медведев 1999 Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. – М., 1999.
- Медникова 1995 Медникова М.Б. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. – М., 1995.
- Медникова 2000 Медникова М.Б. Жизнь ранних скифов: реконструкция по антропологическим материалам могильника Новоаведенное II // Скифы и сарматы VII–III вв до н. э. Палеоэкология, антропология, археология. – М., 2000.
- Мелитополь 1988 Терешовкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. – К., 1988.
- Мелюкова 1964 Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. – М., 1964.
- Мелюкова 1975 Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. – М., 1975.
- Мелюкова 1976 Мелюкова А.И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М., 1976.
- Мелюкова 1979 Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. – М., 1979.
- Мелюкова 1981 Мелюкова А.И. Красновутский курган. – М., 1981.
- Мелюкова 1995 Мелюкова А.И. Новые данные о скифо-фракийских взаимоотношениях в IV–III вв. до н. э. // РА. – 1995. – № 1.
- Мелюкова 1999 Мелюкова А.И. Скифские курганы возле Солохи (раскопки 1961–1962 гг.) // Евразийские древности. 100 лет В.Н. Граккову: архивные материалы, публикации, статьи. – М., 1999.
- Мелюкова 1999-А Мелюкова А.И., Яценко И.В. Первые экспедиции с В.Н. Гракковым // РА. – 1999. – № 4.
- Мельник 1905 Мельник Е. Древний раскопок. Курганы близ с. Кариковки // Тр. XII АС. – М., 1906. – Т. 1.

- Мельник 2002* Мельник О. Розкопки святилища IV–III ст. до н. е. Біля міста Кривого Рогу // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр. – К., 2002.
- Мельников 2002* Мельников О.Н. К вопросу о проблемах нумизматики Боспора IV–III вв. до н. э. // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник научных материалов III Боспорских чтений. – Керчь, 2002.
- Мемуары 1890* Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. – К., 1890. – Вып. I.
- Миллер 1910* Миллер А.А. Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. – 1910. – Вып. 35.
- Миллер 1934* Миллер А.А. Археологические разведки // ИГАИМК. – 1934. – Вып. 83.
- Мильчик 1967* Мильчик М.И., Бореико Б.М. Город крылатых быков. – М., 1967.
- Минасян 1986* Минасян Р.С. Литье бронзовых котлов у народов степей Евразии (VII в. до н. э. – V в. н. э.) // АСГЭ. – 1986. – № 27.
- Минасян 1991* Минасян Р.С. Техника изготовления золотых и серебряных вещей на Чертомлыкского кургана // см.: Чертомлык 1991.
- Мифы 1988* Мифы народов мира. – М., 1988. – Т. 2.
- Михлин 1979* Михлин В.Ю. К изучению херсонесских керамических клейм // ВДИ. – 1979. – № 2.
- Михлин 1981* Михлин В.Ю. Раскопки некрополя Керкинитиды в 1975 г. // СА. – 1981. – № 3.
- Миронов 1911* Миронов А. Изображение богини Победы в греческой пластике // Ученые записки Казанского университета. – 1911. – Вып. 1–4.
- Мовсисян 1975* Мовсисян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г. Программа и методика аномалий черепца // Вопросы антропологии. – 1975. – Вып. 51.
- Мозолевский 1971* Мозолевский Б.М. Звіт про роботу Орджонікідзевської експедиції за 1971 р. // НА ИА НАНУ. – № 1971/29.
- Мозолевский 1972* Мозолевский Б.Н. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1972 г. // НА ИА НАНУ, № 1972/19.
- Мозолевский 1973-А* Мозолевский Б.Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. – К., 1973.
- Мозолевский 1973-В* Мозолевский Б.Н. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1973 г. // НА ИА НАНУ. – № 1973/11.
- Мозолевский 1973-В* Мозолевский Б.Н. Отчет о работе Покровской археологической экспедиции в 1973 г. // НА ИА НАНУ. – № 1973/11 А.
- Мозолевский 1974* Мозолевский Б.Н., Михольская Т.С., Рябова В.А. Раскопки на Днепропетровщине // АО-1973. – М., 1974.
- Мозолевский 1975* Мозолевский Б.Н. Скифские курганы V в. до н. э. у г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Новейшие открытия советских археологов. Тез. докл. конф. – К., 1975. – Ч. II.
- Мозолевский 1975-А* Мозолевский Б.Н. Фракийская уада из Хоминей Могилы // Studia Thracica. – 1975. – Т. I.
- Мозолевский 1975-В* Мозолевский Б.Н., Рябова В.А., Шевченко Н.П. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1974–75 гг. // НА ИА НАНУ – № 1975/8.
- Мозолевский 1976* Мозолевский Б.Н., Палик С.В., Рябова В.А., Шевченко Н.П. Работы Орджоникидзевской экспедиции // АО – 1975. – М., 1976.
- Мозолевский 1977* Мозолевский Б.Н. Стремление передать философскую картину мира // Курьер ЮНЕСКО. – 1977. – Январь.
- Мозолевський 1978-А* Мозолевський Б.Н. Синтез скифо-античної думки. До інтерпретації пекторалі із Товстої Могили // Всесвіт. – 1978. – № 2.
- Мозолевский 1978-В* Мозолевский Б.Н. Головной убор скифияки из Толстой Могили // Археологические исследования на Украине в 1976–1977 гг. Тезисы докладов XVII конф. ИА АН УССР. – Ужгород, 1978.
- Мозолевський 1979* Мозолевський Б.М. Товста Могила. – К., 1979.
- Мозолевський 1979-А* Мозолевський Б.Н., Пустовалов С.Ж., Витковский О.В., Николаев А.В. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции ИА АН УССР за 1979 г. // НА ИА НАНУ, № 1979/9.
- Мозолевський 1980-А* Мозолевський Б.Н. Раскопки в курганной группе Чертомлыка // АО – 1979. – М., 1980.
- Мозолевський 1980-В* Мозолевський Б.Н. Задачи исследования Чертомлыка // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. – Днепропетровск, 1980.
- Мозолевський 1980-В* Мозолевський Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ. – К., 1980.
- Мозолевський 1980-Г* Мозолевський Б.Н. Толстая Могила. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Институт археологии АН УССР, Киев. – 1980.

- Мозолевский 1980-Д* Мозолевский Б.Н., Николова А.В. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1980 г. // НА ИА НАНУ, № 1980/11.
- Мозолевский 1981-А* Мозолевский Б.Н. Раскопки курганов скифского времени у г. Орджоникидзе // АО – 1980. – М., 1981.
- Мозолевский 1981-В* Мозолевский В.Н. Отчет за 1981 г. о доисследовании Чертомлыка // НА ИА НАНУ, № 1981/6.
- Мозолевский 1982* Мозолевский Б.Н. Скифский «царский» курган Желтокамника // ДСС. – 1982.
- Мозолевский 1983* Мозолевский Б.М. Скифский степ. – К., 1983.
- Мозолевский 1983-А* Мозолевский Б.Н., Николова А.В. Работа Орджоникидзевской экспедиции // АО – 1981. – М., 1983.
- Мозолевский 1983-В* Мозолевский В.Н., Ролле Р. Исследования Чертомлыка // АО – 1981. – М., 1983.
- Мозолевский 1984* Мозолевский Б.Н. Отчет о работе Скифского степного отряда 1984 г. // НА ИА НАНУ, № 1984/12а.
- Мозолевский 1985* Мозолевский В.Н. Отчет о работе Скифского степного разведотряда в 1985 г. // НА ИА НАНУ, № 1985/24а.
- Мозолевский 1986* Мозолевский В.Н. К вопросу о скифском Герросе // СА. – 1986. – № 2.
- Мозолевский 1986-А* Мозолевский Б.Н., Полин С.В., Николова А.В., Левченко В.Н. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1986 г. // НА ИА НАНУ. – № 1986/15.
- Мозолевский 1987* Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Скифский курган «Вябина Могила» // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. – М., 1987.
- Мозолевский 1987-А* Мозолевский В.Н. Малый Чертомлык // Скифы Северного Причерноморья. – К., 1987.
- Мозолевский 1988* Мозолевский Б.Н., Николова А.В., Полин С.В. и др. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции за 1988 г. // НА ИА НАНУ – № 1988/33.
- Мозолевский 1989–1990* Мозолевский В.Н. Отчет о работе Скифского степного разведотряда за 1989–1990 гг. // НА ИА НАНУ, № 1989–1990/9а.
- Мозолевский 1990* Мозолевский Б.М. Кургани вищої скифської знаті і проблема політичного устрою Скіфії // Археологія. – 1990. – № 1.
- Мозолевский 1990-А* Мозолевский В.Н., Николова А.В., Василенко В.А. Отчет о работе Орджоникидзевской хоздоговорной экспедиции в 1990 г. // НА ИА НАНУ. – № 1990/9-В.
- Мозолевский 1991* Мозолевский В.Н., Николова А.В., Белозор В.П., Полин С.В. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции за 1991 г. // НА ИА НАНУ – № 1991/
- Мозолевский 1992* Під скіфським небом. Есе // Київська старовина. – 1992. – № 4.
- Мозолевский 1992-А* Мозолевский В.Н., Куприй С.А., Алексеева Е. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1992 г. // НА ИА НАНУ – № 1992/
- Мозолевский 1999* Мозолевский Б.М., Пустовалов С.Ж. Курган «Донга Могила» а групи Чертомлыка // Культурологічні студії. – К., 1999. – Вып. 2.
- Молодин 1997* Молодин В.И. Некоторые итоги археологических исследований на юге Горного Алтая // РА. – 1997. – № 1.
- Монахов 1989* Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. – Саратов, 1989.
- Монахов 1990* Монахов С.Ю., Рагова Е.Я. Амфоры некрополя Пансион I // АМА. – Саратов. – 1990. – Вып. 8.
- Монахов 1992* Монахов С.Ю. Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. – Саратов, 1992.
- Монахов 1993* Монахов С.Ю. К хронологии Александропольского кургана // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. – Краснодар, 1993.
- Монахов 1993-А* Монахов С.Ю., Абросимов Э.Н. Новое о старых материалах из Херсонесского некрополя // АМА. – Саратов, 1993. – Вып. 9.
- Монахов 1996* Монахов С.Ю. О фалосском импорте первой половины V в. до н. э. в Северное Причерноморье // Древнее Причерноморье. III чтения памяти профессора П.О. Карышевского. Тезисы докладов. – Одесса, 1996.
- Монахов 1997* Об амфорных комплексах «чистых» и «нечистых», узких и широких // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. – Одесса, 1997.
- Монахов 1999* Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. – Саратов, 1999.
- Монахов 2001* Монахов С.Ю. Медейский импорт в Причерноморье в V–IV вв. до н. э. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. – Материалы международной научной конференции. – СПб., 2001. – Ч. 2.

- Монахов 2002 Монахов С.Ю. Редкие формы фасосских амфор IV–III веков // Международное отделение в бассейне Черного моря в древности и средние века. – Ростов-на-Дону, 2002.
- Моруженко 1992 Моруженко А.О. Скифский курган Перелеріва Могила // Археологія. – 1992. – № 4.
- Мошкова 1963 Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. – М., 1963.
- МРЗ Самоквасов Д. Могилы русской земли. – М., 1908.
- Мурзин 1984 Мурзин В.Ю., Бунятян Е.П., Махортых С.В., Николова А.В., Полин С.В. Отчет о раскопках Чертомлыкской экспедиции в 1984 г. // НА ИА НАНУ, №1984/33.
- Мурзин 1984-А Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. – К., 1984.
- Мурзин 1985 Мурзин В.Ю., Ролле Р., Вессолова С.С. О работе Чертомлыкской экспедиции // АО – 1983. – М., 1985.
- Мурзин 1985-А Мурзин В.Ю., Ролле Р., Полин С.В., Николова А.В., Махортых С.В. Отчет о работе Чертомлыкской экспедиции в 1985 г. // НА ИА НАНУ, № 1985/24.
- Мурзин 1986 Мурзин В.Ю. О работе Чертомлыкской экспедиции // АО – 1984. – М., 1986.
- Мурзин 1987 Мурзин В.Ю. Исследования кургана Чертомлык и окружающего курганный поля // АО – 1985. – М., 1987.
- Мурзин 1988 Мурзин В.Ю. О работе Чертомлыкской экспедиции // АО – 1986. – М., 1988.
- Мурзин 1989 Мурзин В.Ю., Ролле Р. Основні підсумки сучасного дослідження кургану Чортюмлик // Археологія. – 1989. – № 1.
- Мурзин 1991 Мурзин В.Ю., Ролле Р. «Пираміди» степів – пасовиська потойбічного світу (Курган Чортюмлик) // Золото степу. Археологія України. – Київ-Штутгарт, 1991.
- Мурзин 1993 Мурзин В.Ю., Полин С.В., Ролле Р. Скифський курган Тетяніна Могила // Археологія. – 1993. – № 2.
- Мурзин 1998 Мурзин В.Ю., Фіалко О.Є. Архітектура Вердінського кургану // Археологія. – 1998. – № 2.
- Мухомад 1986 Мухомад С.Е. Сарматские погребения с бронзовыми котлами в Орельско-Самарском междуречье // ПАИ. – Днепропетровск, 1986.
- Мухомад 1992 Мухомад С.Е., Шалобудов В.Н., Ромашко В.А., Гусак О.А. Скифские курганы группы «Маерова Могила» в Днепровском Надпорожье // ПАИ. – Днепропетровск.
- Мышецкий 1847 Мышецкий С.И. История о колах залоронских. – М., 1847.
- Навроцкий 1995 Навроцкий Н.И. Половецкие каменные изваяния Армавирского краеведческого музея // Историко-археологический альманах. – Армавир; М., 1995. – Вып. 1.
- Надеждин 1844 Надеждин Н. Геродотова Скифия, объясненная чрез сравнение с местностями // ЗООИД. – 1844. – Т. 1.
- Народа 1997 Народа Північного Пріазов'я. – Запоріжжя, 1997.
- Неверов 1985 Неверов О. Серия гравюр Эвео Вико «Из античных камней и гемм» и ее источники // Западноевропейская графика XV–XX веков. – Л., 1985.
- Неймай 1904 Неймай Ц.Г. Разграбление большого кургана «Огюз» близ с. Нижние Серогозы Мелитопольского уезда // Киевская старина. – 1904. – № 4.
- Нейхардт 1982 Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. – М., 1982.
- Нелин 2001 Нелин Д.В. «Грабление» погребений эпохи бронзы: проблема интерпретации // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы междунауч. конф. «К столетию периодизации Н.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». – Самара, 2001.
- Нефедов 1992 Нефедов В.В. Античная херсонесская амфора со дна реки Днепр у о. Хортица // ДСПК. – 1992. – Вып. 3.
- Нечитайло 1984 Нечитайло А.Л. О крымском варианте катакомбной культуры // Курганы степного Крыма. – К., 1984.
- Нечитайло 1984-А Нечитайло А.Л., Бунятян Е.П. Курганная группа близ с. Чкалово // Курганы степного Крыма. – К., 1984.
- Никитин 1967 Никитин В., Черненко К. Скифский курган в Николаеве // АИНУ 1965–1966. – К., 1967.
- Николаевщина 1926 Николаевщина. Краеведческий сборник. – Николаев, 1926.
- Николова 1985 Николова А.В., Рассамкина Ю.Я. О позднелеолитических памятниках Правобережья Днепра // СА. – 1985. – № 3.
- Н.Л. 1868 Н.Л. Открытие следов древних полей в Южной России // Известия имп. археологического общества. – СПб., 1868. – Т. VI.
- Новицкий 1905 Новицкий Я.П. С берегов Днепра // Сборник статей Екатеринославского исторического общества по изучению края. – Екатеринослав, 1905.
- Новицкий 1908 Новицкий Я.П. Залоронские и гайдамацкие клады. Малорусские народные предания, поверья и рассказы, собранные в Екатеринославщине. 1873–1906 г. – Александровск, 1908.

- Новицкий 1911* Новицкий Я.П. Народная память о Запорожье. Предания и рассказы, собранные в Екатеринославщине в 1875-1905 гг. // Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. - Екатеринослав, 1911. - Вып. 7.
- Новицкий 1990* Новицкий К.Ю. Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-западного Причерноморья. - Одесса, 1990.
- Носаки 1977* Видзилья В.И., Болтрик Ю.В., Мололевский Б.Н., Савонский И.П. Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясские Могилы и Носаки. - К., 1977.
- ОАК 1859* ОАК за 1859 г. - СПб., 1862.
- ОАК 1860* ОАК за 1860 г. - СПб., 1861.
- ОАК 1861* ОАК за 1861 г. - СПб., 1863.
- ОАК 1864* ОАК за 1864 г. - СПб., 1865.
- ОАК 1865* ОАК за 1865 г. - СПб., 1866.
- ОАК 1866* ОАК за 1866 г. - СПб., 1868.
- ОАК 1868* ОАК за 1868 г. - СПб., 1870.
- ОАК 1872* ОАК за 1872 г. - СПб., 1875.
- ОАК 1882-1888* ОАК за 1882-1888 г. - СПб., 1891.
- ОАК 1889* ОАК за 1889 г. - СПб., 1892.
- ОАК 1890* ОАК за 1890 г. - СПб., 1893.
- ОАК 1891* ОАК за 1891 г. - СПб., 1893.
- ОАК 1892* ОАК за 1892 г. - СПб., 1894.
- ОАК 1893* ОАК за 1893 г. - СПб., 1895.
- ОАК 1894* ОАК за 1894 г. - СПб., 1896.
- ОАК 1895* ОАК за 1895 г. - СПб., 1897.
- ОАК 1897* ОАК за 1897 г. - СПб., 1900.
- ОАК 1898* ОАК за 1898 г. - СПб., 1901.
- ОАК 1899* ОАК за 1899 г. - СПб., 1900.
- ОАК 1900* ОАК за 1900 г. - СПб., 1902.
- ОАК 1904* ОАК за 1904 г. - СПб., 1907.
- ОАК 1905* ОАК за 1905 г. - СПб., 1908.
- ОАК 1908* ОАК за 1908 г. - СПб., 1912.
- ОАК 1909-1910* ОАК за 1909-1910 гг. - СПб., 1913.
- ОАК 1911* ОАК за 1911 г. - СПб., 1914.
- ОАК 1912* ОАК за 1912 г. - СПб., 1916.
- ОАК 1913-1915* ОАК за 1913-1915 г. - Пг., 1918.
- Об археологических разрысках 1886* Об археологических разрысках и открытиях в Южной России, предшествовавших учреждению Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. - 1886. - Т. 14.
- Оглоблин 1893* Оглоблин Н.Н. «Сыские дела» о вкладах в XVII в. // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. - К., 1893. - Кн. 7.
- Ойстрах 1989* Ойстрах Т.И. «Предскифские» погребения Суворовского могильника // История и археология Нижнего Подунавья. Тезисы докл. конф. - Рени, 1989.
- Ойстрах 1991* Ойстрах Т.И. О датировке Суворовского курганного могильника // Северо-западное Причерноморье - контактная зона древних культур. - К., 1991.
- Олофон 1850* Олофон Г. Примечательнейшие курганы Бессарабской области в Вендерском уезде // ЗООИД. - 1850. - Т. 2.
- Ольховский 1977* Ольховский В.С. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА. - 1977. - № 4.
- Ольховский 1978* Ольховский В.С. Риннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. - 1978. - № 4.
- Ольховский 1990* Ольховский В.С. Скифские изваяния Крыма // Проблемы скифо-сарматской археологии. - М., 1990.
- Ольховский 1991* Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Салфии (VII-III вв. до н. э.). - М., 1991.
- Ольховский 1991 А* Ольховский В.С., Отрощенко В.В. Курганный святилище эпохи бронзы в Крыму // Древности степного Причерноморья и Крыма. - Запорожье, 1991. - Вып. II.
- Ольховский 1994* Ольховский В.С., Бедикова Г.Л. Скифские изваяния VII-III вв. до н. э. - М., 1994.
- Ольховский 1995* Ольховский В.С. Первый Разменный курган у станицы Коостромской // Историко-археологический альманах. - Армавир-М., 1995. - Вып. I.

- Ольховский 1997* Ольховский В.С. Скифские изделия из Крымского краеведческого музея // Выхиссарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 1997. – Вып. 1.
- Онайко 1966* Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н. э. // САИ. – М., 1966.
- Онайко 1970* Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. // САИ. – М., 1970.
- Онайко 1982* Онайко Н.А. О новых публикациях античной торевтики из скифских курганов Приднепровья // СА. – 1982. – № 4.
- Орешников 1887* [Орешников А.В. 1887]. Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова. – М., 1887. – Вып. VII.
- Орлова 1993* Орлова З.С., Ратнер И.Д. Из истории заселения Херсонщины. – Херсон, 1993.
- Орджоникидзе 1973* Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. – К., 1973.
- Островерхов 1978* Островерхов А.С. Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII – середина V вв. до н. э.). – Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – К., 1978 // НА ИА НАНУ № 378.
- Островерхов 1985* Островерхов А.С. Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии // ВДИ. – 1985. – № 3.
- Островерхов 1990* Островерхов А.С. Стеклянные антропоморфные бусы-маски в памятниках на юге Восточной Европы V–III вв. до н. э. (опыт комплексного исследования) // Охраняемые историко-археологические исследования на юго-западе Украины. – Одесса; Запорожье, 1990.
- Отроценко 1975* Отроценко В.В. Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. – К., 1975.
- Отроценко 1976* Отроценко В.В., Вессонова С.С., Болтрик Ю.В. Отчет Запорожской экспедиции за 1976 г. // НА ИА НАНУ. – № 1976/6.
- Отроценко 1977* Отроценко В.В. Катакомбные и срубные курганы в окрестностях с. Балки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. – К., 1977.
- Отроценко 1977-А* Отроценко В.В., Савоский И.П., Томашевский В.А. Курганный комплекс Рясные Могилы у с. Балки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. – К., 1977.
- Отроценко 1981* Отроценко В.В. Срубная культура степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников). – Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – К., 1981 // НА ИА НАНУ, Фонд 12, опись 2, № 79.
- Отроценко 1982* Отроценко В.В. О каменных изделиях у племен срубной культуры // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. – К., 1982.
- Отроценко 1982-А* Отроценко В.В., Болтрик Ю.В. Культурно-хронологическое и территориальное распределение могильников Днепро-Молочанской степной области // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – К., 1982.
- Отроценко 1984* Отроценко В.В. Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов. – К., 1984.
- Отроценко 1985* Отроценко В.В., Рассамкин Ю.Я. До тасинців Геродотової Скіфії // Наука і культура. Щорічник. – К., 1985. – Вып. 19.
- Отроценко 1986* Отроценко В.В. Костяные детали плеток из погребений срубной культуры // СА. – 1986. – № 3.
- Отроценко 1986-А* Отроценко В.В., Рассамкин Ю.Я. Раскопки скифского кургана у с. Великая Знаменка // АО – 1984. – М., 1986.
- Отроценко 1986-Б* Отроценко В.В., Рассамкин Ю.Я. Половецкий комплекс Чингульского кургана // Археологія. – 1986. – № 53.
- Отроценко 1986-В* Отроценко В.В., Рассамкин Ю.Я. Половецкий хан или? ... // Знання – сила. – 1986. – № 7.
- Отроценко 1989* Отроценко В.В. Особенности погребений черноморской группы // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1989. – I.
- Отроценко 1991* Отроценко В.В., Рассамкин Ю.Я. Половецкий хан в Чингульском кургане // см. Золото степу 1991.
- Отроценко 1991-А* Курганы эпохи бронзы в Чертомлыке // см.: Чертомлык 1991.
- Отроценко 1993* Отроценко В.В. Клейноды срубного суспільства // Археологія. – 1993. – № 1.
- Отроценко 2001* Отроценко В.В. Проблеми періодації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні аспекти). – К., 2001.
- Отчет 1997* Отчет Н.И. Веселовского о раскопках Майкопского кургана в 1897 г. // Древнее общество Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). – СПб., 1997.

- Охорона 1927 Охорона пам'яток культури на Україні. – Харків, 1927. – Збірник 1.
- Охрана 1973 Охрана памятников истории и культуры. – М., 1973.
- Павленков 2001 Павленков В.И. Кизилки из Емпатории // МАИЭТ. – 2001. – Вып. VIII.
- Падалка 1891 Падалка Л. Каменная Затон и Белозерское городище на Днепре // Киевская старина. – 1891. – Т. 35.
- Паллас 1883 Паллас П.С. Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского п-ова и на о. Тамань // ЗООИД. – 1883. – Т. 13.
- Пам'яті 1996 Пам'яті Євгенії Федорівни Покровської // Археологія. – 1996. – № 1.
- Парусимов 1992 Парусимов И.Н. «Курган Разрытый» // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Международной конференции, посвященной памяти А.И. Тереновского. – Мелитополь, 1992.
- Пассек 1838 Пассек В. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов // Русский исторический сборник. – 1838. – Т. 3. – Кн. 2.
- Патокова 1967 Патокова Э.Ф. Обряд погребения усатовских курганных могильников // ЗОАО. – Одесса, 1967. – Т. 2 (35).
- Патокова 1979 Патокова Э.Ф. Усатовское поселение и могильник. – К., 1979.
- Патокова 1989 Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.В., Полищук Л.Ю. Памятники трипольской культуры в Северо-западном Причерноморье. – К., 1989.
- Паульс 2000 Паульс Е.Д. Курганы тагарской культуры с входами // Евразия символ века. – СПб., 2000.
- Переводчикова 1980 Переводчикова Е.В. Типология и эволюция скифских нагробных // СА. – 1980. – № 2.
- Переводчикова 1981 Переводчикова Е.В., Раевский Д.С. Еще раз о назначении скифских нагробных // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. – М., 1981.
- Передольская 1945 Передольская А.А. Слоновая кость из кургана Куль-Оба // ТОАМ. – Л., 1945. – Т. 1.
- Передольская 1962 Терракоты из кургана Большая Близица и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. – 1962. – Т. 7.
- Передольская 1966 Передольская А.А. Оригинал или подделка? (По поводу луврского серебряного ритона) // СА. – 1966. – № 1.
- Петренко 1974 Петренко В.Г., Найденко А.В., Куйбышев А.В., Чернецов А.В., Моргунов Ю.Ю., Пронин Г.Н. Раскопки кургана у с. Александровского // АО – 1973. – М., 1974.
- Петренко 1967 Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. – САИ. – М., 1967.
- Петренко 1978 Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–V вв. до н. э. – САИ. – М., 1978.
- Петренко 1980 Петренко В.Г. Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополе // КСИА. – 1980. – № 162.
- Петренко 1983 Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе // АСТЭ. – 1983. – № 23.
- Петренко 1990 Петренко В.Г. К вопросу о хронологии ранних скифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. – М., 1990.
- Петренко 1992 Петренко В.Г., Шилов Ю.А. Новый усатовский памятник в междуречье Днестра и Южного Буга // Археологический вестник. – Запорожье, 1992. – № 3.
- Пидопличко б/г Пидопличко И.Г. Список животных из курганов окрестностей г. Николая // НА ИА НАНУ. – Фонд ИИМК. – Ф. 16. № 235.
- Пиоро 2001 Пиоро В.И., Самойленко Л.Г. Находки древнегреческих амфор в скифских курганах Днепропетровщины // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. – К., 2001.
- Пиотровский 1955 Пиотровский Б.В. Кармир-Влур. Результаты раскопок 1951–1953 гг. – Ереван, 1955. – Вып. 3.
- Пискарев 1851 Пискарев А.И. О местонахождении каменных баб // Записки императорского археологического общества. – СПб., 1851. – Т. III.
- Писларий 1983 Писларий И.А. Культура многозаливной керамики Восточной Украины. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1983.
- Писларий 1988 Писларий И.А. Проблемы изучения курганного обряда в эпоху бронзы на территории Донбасса // Актуальные проблемы охраны и исследований археологических памятников в Центральном Донбассе. Тезисы докладов конференции. – Перевальск, 1988.
- Пишчевич 1884 Пишчевич А. Примечания Александра Пишчевича на Новороссийский край // Киевская старина. – 1884. – Т. 8.
- Плетнева 1974 Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. – М., 1974.
- Плещивенки 1987 Плещивенко А.Г., Поляндюк З.Х. Отчет о раскопках курганов в Запорожской обл. на территории Каменско-Днепровского, Приморского, Вольнянского и Запорожского р-нов в 1986 г. // НА ИА НАНУ, № 1986/42.

- Плешивенко 1991* Плешивенко А.Г. Исследование скифских курганов в Днепровском Надпорожье // ДСПК. – 1991. – Вып. 2.
- Плешивенко 1992* Плешивенко А.Г. Скифский курган у Белозерского лимана // Курганы степной Скифии. – К., 1992.
- Плутарх 1963* Плутарх. Сравнительные жизнеописания. – М., 1963. – Т. 2.
- Плутарх 1993* Плутарх. Об удаче и доблести Александра // В кн.: Книгу Курций Руф. История Александра Македонского. – М., 1993.
- Погребова 1950* Погребова Н.Н. Грифон и его изображение в искусстве Северного Причерноморья в эпоху греческой колонизации. – Диссертация на соискание уч. степ. канд. ист. наук. – Архив ИА АН СССР. – № 364.
- Погребова 1958* Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА. – 1958. – № 64.
- Покровская 1955* Покровская Е.Ф. Мелитопольский скифский курган // ВДИ. – 1955. – № 2.
- Полин 1984А* Полин С.В. Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине // Вооружение скифов и сарматов. – К., 1984.
- Полин 1984Б* Полин С.В. Про сарматские завоевания Північного Причорномор'я // Археологія. – 1984. – № 45.
- Полин 1987* Полин С.В. Хронологія ранньоскифських пам'яток // Археологія. – 1987. – № 59.
- Полин 1991* Полин С.В. Амфоры кургана Чертомлык // Чертомлык 1991.
- Полин 1992* Полин С.В. От Скифии к Сарматии. – К., 1992.
- Полин 1993* Полин С.В. Еще раз об амфорах кургана Чертомлык // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. – Краснодар, 1993.
- Полин 1994А* Полин С.В. Еще раз об амфорах кургана Чертомлык // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического общества. – Одесса, 1994.
- Полин 1994Б* Полин С.В. Гераклеяские клеймо из кургана Чертомлык // Ольвия – 200. Тезисы докладов международной конференции, посвященной 200-летию археологического открытия Ольвии. – Николаев, 1994.
- Полин 1994В* Полин С.В. Комплекс амфор второй четверти IV в. до н. э. из кургана у г. Орджоникидзе Днепропетровской обл. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. конф. – Ростов-на-Дону, 1994.
- Полин 1994Г* Полин С.В. О походе Дария в Причерноморскую Скифию // Древности скифов. – К., 1994.
- Полин 1994Д* Полин С.В., Тупиченко Н.П., Николаева А.В. Курганы верхоязья Ингульда. – Вып. 3. (Курганы у сс. Головажонка, Звездигородка и Протишпованка). – Кировоград, 1994.
- Полин 1995А* Полин С.В., Бунятян Е.П., Николаева А.В. Отчет о работе Орджоникидзевской археологической экспедиции в 1995 г. // НА ИА НАНУ. – № 1995/2.
- Полин 1995* Полин С.В. К гипотезе о назначении т. н. майдамов в качестве военных укреплений // Археологические исследования. – Вып. 20. – Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара НИМК). – Спб., 1995.
- Полин 1996* Полин С.В. Про хронологію ранньоскифської культури // Археологія. – 1996. – № 4.
- Полин 1997* Полин С.В., Кубышев А.И. Скифские курганы Утлюкского междуречья. – К., 1997.
- Полин 1997А* Полин С.В. Панажи из Соболевой Могилы // Новые страницы древней истории южной Украины. Тезисы докл. между. конференции. – Николаев, 1997.
- Полин 1998* Полин С.В., Николаева А.В. Отчет о работе Орджоникидзевской археологической экспедиции в 1998 г. Раскопки курганов у г. Орджоникидзе Днепропетровской обл. в зоне горных работ ОАО «Орджоникидзевский горно-обогатительный комбинат» на Чкаловских №№ 1 и 2 карьерах // НА ИА НАНУ, № 1998/46.
- Полин 1998А* Полин С.В. О хронологии раннескифской культуры (по И.Н.Медведской) // РА. – 1998. – № 4.
- Полин 2000* Полин С.В., Ковальов М.В., Чердніченко М.М. Про датування Бердишського кургану (за керамічними матеріалами) // Археологія. – 2000. – № 1.
- Полин 2001* Полин С.В., Черных Л.А., Куприй С.А. Работы Орджоникидзевской экспедиции в 1999–2000 гг. // Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр. – К., 2001.
- Полин 2002* Полин С.В., Черных Л.А., Куприй С.А. Курганы эпохи бронзы и скифского времени у г. Орджоникидзе Днепропетровской обл. // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр. – К., 2002.
- Полин 2002А* Полин С.В. Курганы скифской знати Степного Правобережья. // Великая Скифия. – Киев: Запорожье, 2002.
- Полин 2003* Про пограбування скифських курганів в районі Чертомлики // Археологія. – 2003. – № 2.

- Полосьмак 1994* Полосьмак Н.В. «Стерегищие золото грифы» (Ак-александринские курганы). – Новосибирск, 1994.
- Полосьмак 1994-А* Полосьмак Н.В. Балзамирование у пазырыжцев Укока // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. – М., 1994.
- Попандопуло 1983* Попандопуло З.Х., Тихомолова И.Р. Исследования Запорожского краеведческого музея // АО – 1981. – М., 1983.
- Попова 1976* Попова Е.А. Об истоках традиции и эволюции форм скифской скульптуры // СА. – 1976. – № 1.
- Посты 1875* Росписанные, в таких местах, для предосторожности, чрез всю зиму, от неприятеля из войска Запорожского Низового, учреждены посты (1772 г.), а именно: // ЗООИД. – 1875. – Т. 9.
- Пояснительная записка 1966* Пояснительная записка к проекту вскрытия скифского захоронения («Нечаяной Могила») в Днепропетровской области. – Орджоникидзе, 1966.
- Привалова 1982* Привалова О.Я., Зарайская Н.П., Привалов А.И. Двугорбая Могила // ДСС. – К., 1982.
- Привалова 1998* Привалова О.Я., Миненкова Н.Е. О двух культовых памятниках средневековых кочевников степей юга Восточной Европы // ДАС. – Довенц, 1998. – Вып. 8.
- Придик 1902* Придик Е.М. Анадолийский клад золотых статеров 1895 г. // ИАК. – 1902. – Вып. 3.
- Придик 1911* Придик Е. Мельгуновский клад 1763 г. // МАР. – 1911. – № 31.
- Придик 1912* Придик Е. Два серебряных ритона из коллекции Императорского Эрмитажа // ЗОСИД. – 1912. – Т. 30.
- Придик 1917* Придик Е. Иллюстрированный каталог изделий из амфорных ручках, горлышках и черепках Эрмитажного собрания. – СПб., 1917.
- Примечания 1884* Примечания Александра Пипченича на Новороссийский край // Киевская старина. – 1884. – Т. 8.
- Протоколы 1881* Протоколы // Древности. Труды МАО. – 1881. – Т. 9. – Вып. 1.
- Протоколы 1887* Протоколы // ЗРАО. – 1887. – Т. 3. – Вып. 2.
- Протоколы 1911* Протоколы заседаний Московского предварительного комитета XIV археологического съезда // Труды XIV АС. – М., 1911. – Т. III.
- Природа 1984* Природа Украинской ССР. Климат. – К., 1984.
- Природа 1985* Природа Украинской ССР. Растительный мир. – К., 1985.
- Природа 1986* Природа Украинской ССР. Почвы. – К., 1986.
- Пругло 1972* Пругло В.И. Эпиграфические клейма Геракла Понтийской из Мирмекия // КСИА. – 1972. – № 130.
- Пругло 1974* Пругло В.И. К вопросу о дате кургана Большая Близица // СА. – 1974. – № 3.
- Пузикова 1966* Пузикова А.И. Новые курганы скифского времени в Белгородской области // КСИА. – 1966. – Вып. 107.
- Пузикова 1999* Пузикова А.И. Торговые, экономические и этнокультурные связи средневековых племен в раннем железном веке // Евразийские древности. 100 лет В.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. – М., 1999.
- Пузикова 2001* Пузикова А.И. Курганная могила скифского времени Среднего Подолья. – М., 2001.
- Пустовалов 1997* Пустовалов С.Ж. Реконструкція чисельності катакомбного населення за курганами похованнями Північного Причорномор'я // Археологія. – 1997. – № 3.
- Пустовалов 1999* Пустовалов С.Ж. Розкопки кургану «Бобушка» (к. 3, Чваловська курганна група) // Культурологічні студії. – К., 1999. – Вып. 2.
- Пустовалов 1999-А* Пустовалов С.Ж. Молочавське святилище // Проблеми археології Подніпров'я. – Дніпропетровськ, 1999.
- Пустовалов 2000* Пустовалов С.Ж. Курган Тигунова Могила и проблемы колесного транспорта многокатакомбной эпохи в Восточной Европе // Stratum+. – Кишинев. – 2000. – № 2.
- Путешествия 1957* Путешествия в восточные страны Пяво Карпини и Рубрука. – М., 1957.
- Пшеничнюк 1983* Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М., 1983.
- Пшеничнюк 1988* Пшеничнюк А.Х. Раскопки Филищовских курганов // АО-1986. – М., 1988.
- Пятыхшева 1956* Пятыхшева Н.В. Ювелирные изделия Херсонеса. Конец IV века до н. э. – IV в. н. э. // Труды ГИМ. – 1956. – Вып. XVIII.
- 50 лет 1984* 50 лет Институту археологии АН УССР. – К., 1984.
- Рабинович 1936* Рабинович В.З. О датировке некоторых скифских курганов среднего Приднпровья // СА. – 1936. – Т. 1.
- Рягинсарматская культура 1997* Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Выпуск II. Рягинсарматская культура. – М., 1997.

- Раппопорт 1979* Раппопорт Ю.А., Трудновская С.А. Курганы на возвышенности Чаш-Теле // Кочевники на границах Хорезма. – М., 1979.
- Рассамакин 1987* Рассамакин Ю.Я. Энеолитические погребения бассейна р. Молочной // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. – К., 1987.
- Рассамакин 1990* Рассамакин Ю.Я. Энеолитичні поховання Північно-Західного Приазов'я // Археологія. – 1990. – № 1.
- Рассамакин 1991* Рассамакин Ю.Я. О погребениях предкатакомбного времени в Северо-западном Приазовье // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К., 1991.
- Рассамакин 1999* Рассамакин Ю.Я. Степная культовая монументальная архитектура: в поисках истоков традиции // Матеріали міжнародної археологічної конференції «Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по ранню середовіччя)». – Дніпропетровськ, 1999.
- Раскопки 1902* Археологические раскопки Н.Ковалева // Киевская старина. – 1902.
- РД 1889* Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. – СПб., 1889. – Вып. 2.
- Редина 1989* Редина Е.Ф. Погребальный обряд скифов Днепро-Дунайских степей // Археологические памятники степей Поднепровья и Подунавья. – К., 1989.
- Редина 1999* Редина Е.Ф. К вопросу о фрако-скифских культурных взаимоотношениях (скифское одновлезийное оружие) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1999.
- Рогинский 1978* Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. – М., Высшая школа, 1978.
- Рогов 1998* Рогов Е.Я., Тушкина И.В. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское-I // Археологические вести. – 1998. – №5.
- Ролле 1999* Ролле Р. О фризе чертомлынской амфоры. – К., 1999.
- Ростовцев 1912* Ростовцев М.И. Пиксиды расписного склепа кургана Вассоринной горы // ЗООИД. – 1912. – Т. 30.
- Ростовцев 1913* Ростовцев М.И. Представление о монархической власти в Скифии и на Восторе // ИАК. – 1913. – Вып. 49.
- Ростовцев 1914-А* Ростовцев М.И. Английская декоративная живопись на юге России. – СПб., 1914.
- Ростовцев 1914-Б* Ростовцев М.И. Воронежский серебряный сосуд // МАР. – 1914. – № 34.
- Ростовцев 1916* Ростовцев М.И. К вопросу о датировке погребений Куль-Обы, Чертомлыка и Солоха // ИАК. – 1916. – Вып. 60.
- Ростовцев 1916-А* Ростовцев М.И. Давно минуло нашего півдня. – Пг, 1916.
- Ростовцев 1918* Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. – Пг, 1918.
- Ростовцев 1918-А* Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР № 34. – 1918.
- Ростовцев 1917* Ростовцев М.И., Степанов П.К. Эллино-скифский головной убор // ИАК. – 1917. – Вып. 63.
- Ростовцев 1925* Ростовцев М.И. Скифия и Востор. – Л., 1925.
- Рохлин 1965* Рохлин Д.Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох – нормальные и патологически измененные). – М.; Л., 1965.
- Рубан 1976* Рубан В.В. Фасосская амфора с эгипетским клеймом // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. – Киев; Одесса, 1976.
- Руденко 1918* Руденко С.И. Отчет о раскопках Прохоровских курганов // Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. – 1918. – № 37.
- Руденко 1952* Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. – М.; Л., 1952.
- Руденко 1953* Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. – М.; Л., 1953.
- Руденко 1960* Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л., 1960.
- Рудинський 1949* Рудинський М. Мачухська експедиція // АП УРСР. – 1949. – Т. 2.
- Русяева 1995* Русяева М.В. Дионисийские сюжеты на памятниках терракоты из скифских курганов // Археологія. – 1995. – Вып. 1.
- Русяева 1996* Русяева М.В. Зіставлення свідчень античних авторів із зображеннями кочових скіфів на пам'ятках терракоти // Археологія. – 1996. – № 1.
- Русяева 1999* Русяева А.С. Золотой предмет ритуально-культового назначения из кургана Пердеряева Могила // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. – Спб., 1999.

- Русева 2001* Русева М.В. Образ Геракла на пам'ятках ювелірного мистецтва IV ст до н. е. з Північного Причорномор'я // Музейні читання. Матеріали наукової конференції. Грудень 2000 р. - К., 2001.
- Рыжановка 1996* см.: Spochogowski 1996.
- Рыжановка 1997* см.: Spochogowski 1997-A.
- Рыжановка 1999* см.: Spochogowski 1999-B.
- Рыков 1925* Рыков П. Суэховский курганный могильник. - Саратов, 1925.
- Рычков 1969* Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира). - М., 1969.
- Рябов 1910* Рябов П. Раскопка курганчика [у с. Ново-Николаевка Екатеринославского уезда Екатеринославской губ.] // НА ИА НАНУ, фонд Ф. Возва, рукопись П. Рябова, № В/70.
- Рябов 1914* Рябов П. Музей Елисаветградского общества грамотности, Прошлое Новороссии. - Елисаветград, 1914. (Отд. оттиск из газеты «Голос Юга» за 1914 г., № 32).
- Рябова 1979* Рябова В.А. Женское погребение из кургана Девцова Могила // Памятники древних культур Северного Причерноморья. - К., 1979.
- Рябова 1984* Рябова В.О. Дерев'яні чаші з оббишками з курганів скіфського часу // Археологія. - 1984. - № 46.
- Рябова 1986* Рябова В.А. Металлические кубки из скифских курганов // Исследования по археологии Северо-западного Причерноморья. - К., 1986.
- Рябова 1987* Рябова В.А. Двуручные чаши из скифских курганов // Скифы Северного Причерноморья. - К., 1987.
- Рябова 1998* Рябова В.А., Супрунов О.В. Жертовник IV ст. до н. е. у кургані біля Гермонаякового селища та башти Неоптолема у гирлі Тирасу // «Музейні читання». Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-літтю видатного українського археолога О.І. Тереножкіна. - К., 1998.
- Сазва 1992* Сазва Е.Н. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. - Кишинев, 1992.
- Сазинов 1992* Сазинов Д.Г. Реконструкция погребального комплекса кургана Аржики и церемониальный центр кочевников Тувы // Северная Евразия от древности до средневековья. Театр. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. - СПб., 1992.
- Савостина 1996* Савостина Е.А. «Змееногая богиня» - прорастающая дева // Историко-археологический альманах. - Армавир; Москва, 1996. - Вып. 2.
- Савостина 1999* Савостина Е.А. Греческая гонимка на «скифские» темы: заметки о стиле скульптурного декора // Восточный феномен: греческая культура на периферии античного мира. - Спб., 1999.
- Савроматская эпоха 1994* Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Выпуск I: Савроматская эпоха. - М., 1994.
- Савченко 2000* Савченко Е.И. Погребальный обряд населения Среднего Дона в V-IV вв. до н. э. (по материалам могильников Терновое-1, Колбино-1) // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология, археология. - М., 2000.
- Самар 1991* Самар В.А. Курган срубного времени из Приазовья // ДСПК. - 1991. - Вып. II.
- Самойленко 1997* Самойленко Л.Г. Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. - Киев; Николаев; Южноукраинск, 1997.
- Самоквасов 1886* Самоквасов Д.Я. Могильные древности Александровского уезда Екатеринославской губернии // Труды VI АС. - Одесса, 1886. - Т. 1.
- Самоквасов 1892* Самоквасов Д.Я. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей Профессора Д.Я. Самоквасова. - Варшава, 1892.
- Сведениа 1903* Сведениа 1873 г. о городищах и курганах. С предисловием А.А. Сплицына // ИАК. - 1903. - Вып. 5.
- Секерская 1989-A* Секерская Е.П. Анализ остеологического материала из поселения Лысыя Гора // Проблемы історії та археології давнього населення Української РСР. Театр. доп. конф. - Одеса; Київ, 1989.
- Секерская 1989-B* Секерская Е.П. Остеологический материал из античных памятников Нижнего Поднестровья VI-III вв. до н. э. // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. - К., 1989.
- Секерская 1992-A* Секерская Е.П. Исследование археологических материалов из курганов Бабина и Водяна могила // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной памяти А.И. Тереножкіна. - Мелитополь, 1992.

- Секерская 1992-Б* Секерская Е.П. Анализ остатков лошадей из курганов скифской знати // ДСПК. – 1992. – Вып. 3.
- Семенов 1983* Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Мезолит – энеолит. – Л., 1983.
- Семенов-Зусер 1939* Семенов-Зусер С.А. Краснокутские курганы // Ученые записки Харьковского университета. – Харьков, 1939. – № 15.
- Семенов-Зусер 1947* Семенов-Зусер С.А. Скифская проблема в отечественной науке. – Харьков, 1947.
- Сергеев 1912* Сергеев А. Ногайцы на Молочных водах (1790-1832 г.) // ИТУАК. – 1912. – № 48.
- Сергеев 1913* Сергеев А.А. Уход Таврических ногайцев в Турцию в 1860 г. // ИТУАК. – 1913. – № 49.
- Сергеев 1966* Сергеев Г.П. Олонештский античный клад // ВДИ. – 1966. – № 2.
- Симоненко 1987* Симоненко А.В. О семантике среднего фриза Чертомлыцкой амфоры // Скифы Северного Причерноморья. – К., 1987.
- Симоненко 1993* Симоненко А.В. Сарматы Таврии. – К., 1993.
- Симоненко 1991* Симоненко А.В., Лобай В.И. Сарматы Северо-западного Причерноморья в I в. до н. э. – К., 1991.
- Синицын 1960* Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Бруслана // МИА. – 1960. – № 73.
- Скадовский 1897* Скадовский Г.Л. Белоозерское городище Херсонского уезда, Белоозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульда и началом Днепровского лимана // Труды VIII АС. – М., 1897. – Т. 3.
- Скальковский 1842* Скальковский А. Ногайская колония // ЖМНП. – 1842. – Кн. 11.
- Скальковский 1843* Скальковский А. О ногайских татарях, живущих в Таврической губернии // ЖМНП. – 1843. – Ч. 40, отд. II.
- Скальковский 1850* Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края. – Одесса, 1850. – Ч. 1.
- Скальковский 1885* Скальковский А. История Новой сечи или последнего коша Запорожского. – Одесса, 1885. – Ч. 1.
- Скальковский 1886* Скальковский А. История Новой сечи или последнего коша Запорожского. – Одесса, 1886. – Ч. 3.
- Скорый 1990* Скорый С.А. Курган Перел'ятиха. – К., 1990.
- Скорый 1997* Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. – К., 1997.
- Скорый 1998* Скорый С. Основы археологического датирования Большого Рыжакловского кургана // MSROA. – Kleszow, 1998. – Т. XIX.
- Скорый 1999* Скорый С.А. Киммерийцы в украинской лесостепи. – К., 1999.
- Словник 1970* Словник української мови. – К., 1970. – Т. 1.
- Словник 1977* Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. – К., 1977. – Т. 1.
- Случайные находки 1918* Случайные находки и приобретения за 1916 и 1917 годы // ИАК. – 1918. – Вып. 65.
- Смекалова 1999* Смекалова Т.Н., Смекалов С.Л., Мыц В.Л., Болтухов С.Г. Метод магниторазведки курганов греко-варварской и скифской знати в Крыму // Археологічні відкриття в Україні 1998–1999 рр. – К., 1999.
- Смирнов 1957* Смирнов К.Ф. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // СА. – 1957. – Т. XXVII.
- Смирнов 1960-А* Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. – 1960. – № 78.
- Смирнов 1960-Б* Смирнов К.Ф. Курганы близ ж. Великого Токмака // АП УРСР. – 1960. – Т. 8.
- Смирнов 1962* Смирнов К.Ф. Новые сарматские памятники на Бузулуке // КСИА. – 1962. – № 89.
- Смирнов 1963* Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Сарматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. – М., 1963.
- Смирнов 1964* Смирнов К.Ф. Сарматы. – М., 1964.
- Смирнов 1975* Смирнов К.Ф. Сарматы из Илека. – М., 1975.
- Смирнов 1984* Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М., 1984.
- Смолин 1917* Смолин В.Ф. Краткий очерк истории законодательных мер по охране памятников старины в России // ИАК. – 1917. – Вып. 63.
- Соколов 1892* Соколов В. Белоозерское городище на Днепре // Киевская старина. – 1892. – Т. 38.
- Соколовский 1971* Соколовский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья // МИА. – 1971. – № 178.
- Сокровища 1985* Сокровища курганов Адыгеев. – М., 1985.
- Соломатина 1999* Соломатина Н.В. Два новых изваяния скифского времени из Ставропольского музея // Историко-археологический альманах. – Армавир; Москва, 1999. – Вып. 1.

- Солтыс 1999* Солтыс О.В., Білая Ю.О. Дослідження кургану ранньоскіфського часу на Київщині // Археологічний літопис Лівобережної України. – Полтава, 1999. – № 2.
- Сосса 2000* Сосса Р.І. Історія картографуваної території України. Від найдавніших часів до 1920 р. – К., 2000.
- Спасский 1844* Спасский Г. Днепровские курганы // ЗООИД. – 1844. – Т. I.
- Спасский 1846* Спасский Г. Воевод Киммерийский с его древностями и достопримечательностями. – М., 1846.
- Спицын 1895* Спицын А.А. Производство археологических раскопок. – СПб., 1895.
- Спицын 1899* Спицын А.А. Курганы с опрашенными костяками // ЗРАО. – 1899. – Т. 11.
- Спицын 1901* Спицын А.А. Раскопки, произведенные в 1897 г. близ д. Башмачки Енакерово-Славянского уезда // ИАК. – 1901. – Вып. 1.
- Спицын 1906* Спицын А.А. Серогозские курганы // ИАК. – 1906. – Вып. 19.
- Спицын 1910* Спицын А.А. Археологические раскопки. – СПб., 1910.
- СПИ 1986* Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полли С.В., Скорый С.А., Боний Н.М., Гребенникова Ю.С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. – К., 1986.
- Срезневский 1989* Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. – М., 1989. – Т. 2. – Ч. 1 (Л-О).
- Станко 1972* Станко В.Н. Отчет о полевых исследованиях в 1972 г. // НА ИА НАНУ, № 1972/356.
- Стеланов 1925* Стеланов П. Надгробия из дерева в курганах Сусливского курганного могильника // Рылов П. Сусливский курганный могильник. – Саратов, 1925.
- Степи 1989* Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. – М., 1989.
- Степная полоса 1992* Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992.
- Степи Евразии 1981* Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. – М., 1981.
- Стефани 1864* Стефани Л. Описание некоторых вещей, найденных в 1863 г. в Южной России // ОАК 1864. – СПб., 1865.
- Стефани 1872* Стефани Л. Объяснение некоторых художественных произведений, найденных в 1871 г. в Южной России // ОАК 1872. – СПб., 1875.
- Струве 1867* Струве Ф. Археологические разведки в Южной России по отчетам ИАК. – Одесса, 1867.
- Субботин 1973* Субботин Л.В., Черников И.Т. Франкиский кельтаф у с.Зализничное на левобережье Нижнего Подунавья // СА. – 1973. – № 2.
- Субботин 1990* Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. – Препринт. – К., 1990. (Вып. 1 – Курганные могильники Алжани и Хаджидер II; Вып. 2 – Курганные могильники Диназиевский и Белолесский; Вып. 3 – Курганные могильники Васильевский и Кубей).
- Субботин 1995* Субботин Л.В., Добролюбовский А.О., Тоцков Г.Н. Памятники эпохи бронзы курганного могильника Грещина // ДСПК. – 1995. – Вып. V.
- Супруненко 2000* Супруненко О. До питання про погребування в курганах на Палтавіщині за козацької доби // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. – К., 2000. – Вип. 9.
- Сумцов 1890* Сумцов Н.Ф. Народные переживания // Киевская старина. – 1890. – № 10.
- Суразаков 1999* Суразаков А.С. О традициях нарушения древних погребальных сооружений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999.
- Сымонович 1963* Сымонович Э.А. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху // СА. – 1963. – № 1.
- Сымонович 1966* Сымонович Э.А. Отчет о работах Николаевского отряда ИА АН СССР и Института антропологии при МГУ в 1967 г. // НА ИА НАНУ, № 1966/68.
- Татаранов 1993* Татаранов С.И. Древний металл Восточной Украины. – Артемовск, 1993.
- Телегин 1974* Телегин Д.Я., Братченко С.М. Раскопки курганов эпохи бронзы за помощью механизмов // Археология. – 1974. – № 13.
- Телегин 1991* Телегин Д.Я. Вартові тисячоліть. – К., 1991.
- Тереножкин 1950* Тереножкин А.И. Отчет о раскопках кургана у с. Глевах // НА ИА НАНУ, № 1950/1-В.
- Тереножкин 1951* Тереножкин О.І. Курган Старокозова Могила // Археологія. – 1951. – Т. 5.
- Тереножкин 1954* Тереножкин О.І. Курган біля с. Глевах // Археологія. – 1954. – Т. 9.
- Тереножкин 1955* Тереножкин А.И. Скифский курган в г. Мелитополь // КСИА АН УССР. – К., 1955. – № 5.
- Тереножкин 1955-А* Тереножкин А.И. Скифский курган в г. Мелитополь // Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук, на пленуме ИИМК и сессии ученого совета Института

- этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1954 г. - М., 1955.
- Тереножкин 1960* Тереножкин А.И. Курганы в долине р. Молочной // АП УРСР. - 1960. - Т. 8.
- Тереножкин 1963* Тереножкин А.И. Отчет о работе Среднеднепровской археологической экспедиции в 1963 г. // НА ИА НАНУ, № 1963/8.
- Тереножкин 1965* Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В. Отчет о работе Скифской Николапольской экспедиции 1965 г. // НА ИА НАНУ, № 1965/7.
- Тереножкин 1966* Тереножкин А.И. Об общественном строе скифов // СА. - 1966. - № 2.
- Тереножкин 1973* Тереножкин А.И., Кубышев А.Н., Ильинская В.А. и др. Отчет о работе Херсонской экспедиции в 1973 г. // НА ИА НАНУ, № 1973/10.
- Тереножкин 1976* Тереножкин А.И. Киммерийцы. - К., 1976.
- Тереножкин 1977* Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Мололевский Б.Н. Скифский курганный могильник Гайманово поле (раскопки 1968 г.) // Скифы и сарматы. - К., 1977.
- Тереножкин 1978* Тереножкин А.И. Киммерийські стели // Археологія. - 1978. - № 27.
- Тереножкин 1988* Тереножкин А.И., Мололевский Б.Н. Метггопольский курган. - К., 1988.
- Терещенко 1853-А* Терещенко А. Очерки Новороссийского края // ЖМНП. - 1853. - Ч. 78. - №№ 4-6.
- Терещенко 1853-В* Терещенко А. Очерки Новороссийского края // ЖМНП. - 1853. - Ч. 79. - №№ 7-9.
- Терещенко 1866* Терещенко А. О могильных насыпях и каменных бабах в Екатеринославской и Таурической губ. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском Университете. - М., 1866. - Кн. IV.
- Техническая энциклопедия 1931* Техническая энциклопедия. - М., 1931. - Т. 8.
- Тизенгаузен 1872* Тизенгаузен В.Г. О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД. - 1872. - Т. 8.
- Толстов 1948* Толстов С.П. Древний Хорезм. - М., 1948.
- Толстой 1889* Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. - СПб., 1889. - Вып. 2.
- Толордава 1977* Толордава В.А. Погребение с черепичным перекрытием из Даблагоми // КСИА. - 1977. - Вып. 151.
- Тончева 1974* Тончева Г. За ранното тракийско ювелирно майстерство // Изкуство. - София. - 1974. - № 4.
- Топографическое описание 1868* Топографическое описание доставшихся по мирному трактату от Оттоманской порты во владение Российской Империи земель 1774 г. // ЗООИД. - 1868. - Т. 7.
- Тоцев 1978* Тоцев Г.Н. Раскопки кургана у с. Мирное в Одесской области // Археологические исследования Северо-западного Причерноморья. - К., 1978.
- Тоцев 1990* Тоцев Г.Н. Катакомбные памятники Крыма // ДСПК. - 1990. - Вып. I.
- Тоцев 1990-А* Тоцев Г.Н., Самар В.А. Исследования курганного могильника эпохи бронзы на Херсонщине // ДСПК. - 1990. - Вып. II.
- Тоцев 1994* Тоцев Г.Н. Западный ареал памятников катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. - К., 1994.
- Тоцев 1999* Тоцев Г.Н., Андрух С.И. Мамай-гора (1988-1998 гг.): итоги и перспективы исследований // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). - Запорожье, 1999.
- Трейстер 1994* Трейстер М.Ю. Сарматская школа художественной торевтики (К открытию серписа из Косика) // ВДИ. - 1994. - № 1.
- Трейстер 2001* Трейстер М.Ю. Серебряный рельеф с образом «RANKENFRAU» из Крыма // ANAXARXES. Памяти Ю.Г. Виноградова. Херсонесский сборник. - 2001. - Вып. XI.
- Трефильев 1905* Трефильев Е.П. Курганы с каменными бабами Купянского уезда Харьковской губ. // Труды XII АС. - М., 1905. - Т. 1.
- Трефильев 1907* Трефильев Е.П. Археологическая экскурсия по течению реки Кальмиуса и Кальчика в пределах Мариупольского уезда Екатеринославской губ. летом 1904 г. // Труды XIII АС. - М., 1907. - Т. 1.
- Троицкая 1957* Троицкая Т.Н. Погребение у с. Белоглинка // СА. - 1957. - Т. XXVII.
- Труды 1886* Труды VI-го Археологического съезда в Одессе (1884 г.). - Одесса, 1886. - Т. 1
- Труды 1902* Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII археологического съезда. - Харьков, 1902. - Т. 1.
- Туровський 1992* Туровський Є.Я. Хронологія і будівельна історія садиби наділу 26 на Гераклейському півострові // Археологія. - 1992. - № 3.
- Туровский 1996* Туровский В.Я. О времени существования усадьбы наделя 25 на Гераклейском полуострове // Херсонесский сборник. - 1996. - Вып. VII.

- Туровский 1997 Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса. – Севастополь, 1997.
- Тункина 2002 Тункина И.В. Неизвестные архивные материалы о Пуленцовском кладе // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. – СПб., 2002. – Ч. 1.
- Тутанхамон 1999 Snochowski J., Ryzdewski J., Skoryj S. Wielki Kurhan Ryzhanowski. Przewodnik po wystawie «Tutanchamon ukraińskich stepów», – Krakow, 1999.
- Уваров 1851 Уваров А.С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. – СПб., 1851. – Вып. 1.
- Уваров 1871 Уваров А.С. Сведения о каменных бабах // Труды I АС. – М., 1871. – Т. II.
- Уваров 1873 Уваров А.С. О существенных и второстепенных признаках народности могильных насыпей. – М., 1873.
- Уварова 1908 Уварова П.А. К вопросу о каменных бабах // Труды XIII АС. – М., 1908. – Т. II.
- Фабрициус 1951 Фабрициус И.В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. – К., 1951. – Вып. 1.
- Фармаковский 1911 Фармаковский Э.В. Золотые обвесы налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах // Сборник археологических статей, поднесенный графу А.А. Вобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской археологической комиссии. – СПб., 1911.
- Фармаковский 1921 Фармаковский В. Н.И. Веселовский – археолог // ЗВОРАО. – 1921. – Т. 25.
- Федоров-Давыдов 1966 Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966.
- Федоров-Давыдов 1981 Федоров-Давыдов Г.А. Монгольские завоевания и Золотая Орда // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. – М., 1981.
- Федосеев 1990 Федосеев Н.Ф. О времени сосуществования Елизаветовского городища и Танаиса (по данным керамической эпиграфики) // АМА. – 1990. – Вып. 7.
- Федосеев 1997 Федосеев Н.Ф. Рецензия: Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Тааврического. Саратов, 1994 // ВДИ. – 1997. – № 1.
- Федосеев 1999 Федосеев Н.Ф. Елизаветовское городище – Псол – Танаис // Донская археология. – 1999. – № 3–4.
- Фенмен 2000 Фенмен алтайских мужий. – Новосибирск, 2000.
- Фялко 1987 Фялко Е.Е. Оружие Бердянского кургана // Киммерийцы и скифы. Тезисы докл. Всесоюз. семинара посвящ. памяти А.И. Тереножкина. – Кировоград, 1987. – Ч. 2.
- Фялко 1993 Фялко Е.Е. Нагайка из Бердянского кургана // ДСПК. – 1993. – Вып. 4.
- Фялко 1993-А Фялко Е.Е. Скифский царский курган Огуз. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – К., 1993. // НА НА НАНУ, № 743.
- Фялко 1993-Б Фялко Е.Е. Скифский царский курган Огуз. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – К., 1993.
- Фялко 1993-В Курган Огуз – величайший царский курган Скифии // Первая международная конференция «Севастополь». «Надгробные могилы в юго-восточной Европе». Клавдия, Болгария. – 1993.
- Фялко 1993-Г Фялко О.Е. Новый тип деревянных чаш у скифов // Археология. – 1993. – № 1.
- Фялко 1994 Фялко Е.Е. Погребальный комплекс кургана Огуз // Древности скифов. – К., 1994.
- Фялко 1995 Фялко Е.Е. Фракийская узда из кургана Огуз // РА. – 1995. – № 1.
- Фялко 1996 Фялко О.Е. Скифські вудечки з залізними нахрапниками // Археологія. – 1996. – № 4.
- Фялко 1996-А Фялко Е.Е. Наборы античной металлической посуды из скифских погребений // Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника. К 90-летию профессора Л.М.Славина. – К., 1996.
- Фялко 1999 Фялко Е.Е. Костяные гребни из скифских памятников // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1999.
- Фялко 2001 Фялко О.Е. Червонофігурні кратери з скифських пам'яток // Археологія. – 2001. – № 1.
- Филатов 1972 Филатов О.П., Черненко С.В. Скифський курган на Воронцовградщині // АИНУ – 1969. – К., 1972. – Вып. 4.
- Филонъ 1934 Филонъ Б.Д. Надгробные могилы при Дуванлий въ Плодивско. – София, 1934.
- Фирштейн 1966 Фирштейн Б.В. Череп из Александропольского скифского кургана // Вопросы антропологии. – Вып. 22. – 1966.
- Флеров 1989 Флеров В. Обряд обезвреживания погребенных у праболгар // Проблемы на прабългарската история и култура. – София, 1989.
- Флеров 1992 Флеров В.С. О методике раскопок могильников с обрядом обезвреживания погребенных // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. – Днепропетр., 1992.

- Флеров 1998* Флеров В.С. Обезвреживание погребенных в Северном Приднепровье и на Дону в I-VIII вв. // Проблемы археологии Юго-восточной Европы. VII-я Довская археологическая конференция. – Ростов-на-Дону, 1998.
- Фридман 1987* Фридман М.И. Скифские курганы у с. Дудчаны на Херсонщине // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. – К., 1987.
- Формозов 1961* Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. – М., 1961.
- Формозов 1986* Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. – М., 1986.
- Формозов 1995* Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. – М., 1995.
- Фракийское искусство 1974* Фракийское искусство и культура болгарских земель. Каталог выставки. – М., 1974.
- Фролов 1998* Фролов Э.Д. Скифы в Афинах // ВДИ. – 1998. – № 4.
- Фролова 1964* Фролова Н.А. Монеты скифского царя Спилурга // СА. – 1964. – № 1.
- Фролова 1988* Фролова Н.А. Проблемы монетной чеканки Восточного Боспора VI-II вв. до н. э. (По поводу выхода книги В.А. Анохина «Монетное дело Восточного Боспора». Киев, 1986) // ВДИ. – 1988. – № 2.
- Фролова 1992* Фролова Н.А. Монетное дело Восточного Боспора VI в. до н. э. – середины IV в. н. э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Восточного Боспора. – М., 1992.
- Фролова 2002* Фролова Н.А. Каталог золотых статовров Пантикалея IV в. до н. э. // Древности Восточного Боспора. – Вып. 5. – М., 2002.
- Фукидид 1981* Фукидид. История. – Л., 1981.
- Фундуклей 1848* Фундуклей И. Обзорение могил, валов и городищ Киевской губернии. – К., 1848.
- Хазанов 1979* Хазанов А.М., Черненко С.В. Час і могила пограбування скифських курганів // Археологія. – 1979. – № 30.
- Харламов 1908* Харламов В.А. О каменных бабах Донской области // Труды XIII АС. – М., 1908. – Т. II.
- Херц 1991* Херц В. Курган Чертомлык и некоторые закономерности в планировке скифских гробниц // см.: Чертомлык. 1991.
- Ходжайов 2000* Ходжайов Т.К. Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии. // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. – М., Старый сад, 2000.
- Ходза 2000* Ходза Е.Н. Терракотовый бюст из Пантикалея: попытка интерпретации // Античное Причерноморье. – СПб., 2000.
- Худяков 1933* Худяков М.Г. Русская дореволюционная археология на службе эксплуататорских классов. – Л., 1933.
- Цалкин 1960* Цалкин В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. – 1960. – № 53.
- Цалкин 1965* Цалкин В.И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА. – 1965. – № 135.
- Цалкин 1971* Цалкин В.И. Животноводство населения Северного Причерноморья в эпоху поздней бронзы и раннего железа // МИА. – 1971. – № 177.
- Цвейбель 1989* Цвейбель Д.С. К биографии Н.Е. Макаренко // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов конференции. – Донецк, 1989.
- Чеботаренко 1989* Чеботаренко Г.Ф., Яровой Е.В., Тельнов Н.П. Курганы Буджанской степи. – Кишинев, 1989.
- Чежина 1994* Чежина Е.Ф., Алексеев А.Ю. Олень из кургана Куль-Оба // Памятники древнего и средневекового искусства. – СПб., 1994.
- Челлини 1987* Челлини В. Жизнь Бенvenuto, сына мастера Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции. – М., 1987.
- Чередищенко 1976* Чередищенко Н.Н. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы // Эволюция и бронзовый век Украины. – К., 1976.
- Чередищенко 1976 А* Чередищенко Н.Н., Вессолова С.С., Болдин Я.И., Булятян Б.П., Колосовский А.А. Работы Стржковского отряда Верхне-Тарасовской экспедиции // АО – 1975. – М., 1976.
- Чередищенко 1977* Чередищенко Н.Н., Болдин Я.И. Скифские курганы у с. Владимировка // Курганы юга Днепропетровщины. – К., 1977.
- Чередищенко 1977–1978* Чередищенко Н.Н. Отчет о раскопках Бердянского кургана в 1977–1978 гг. // НА ИА НАНУ, № 1977-78/9а.
- Чередищенко 1987* Чередищенко Н.Н., Филатов Е.Е. Охраняемые раскопки скифского царского кургана в Приазовье // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов областного научно-практического семинара. – Донецк, 1987.

- Чердичченко 1988 Чердичченко Н.Н., Филко Е.Е. Погребение жрицы из Бердянского кургана // СА. – 1988. – № 2.
- Чердичченко 1996 Чердичченко М.М., Мурзин, В.Ю. Основні результати дослідження Бердяньського кургану // Археологія. – 1996. – № 1.
- Черепанова 1966 Черепанова Е.Н., Щепинский А.А. Там, где пройдет Северо-Крымский... – Симферополь, 1966.
- Черненко 1961 Черненко Е.В. Отчет о работе Скифской Днепропетровской экспедиции в 1961 г. // НА ИА НАНУ, № 1961/9а.
- Черненко 1967 Черненко Е.В. Скифские курганы на Николаевщине // ЗОАО. – Одесса, 1967. – Т. 2 (35).
- Черненко 1968 Черненко Е.В. Скифский доспех. – К., 1968.
- Черненко 1971 Черненко Е.В. О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии // Проблемы скифской археологии (МИА. – № 177). – М., 1971.
- Черненко 1974 Черненко Е.В., Полин С.В., Бреловская Э.И. Отчет о работах Краснознаменной экспедиции в 1974 г. // НА ИА НАНУ. – № 1974/7.
- Черненко 1977 Черненко Е.В., Буяцкий Е.П. Курганный комплекс Широков-II // Курганы южной Херсонщины. – К., 1977.
- Черненко 1977 А Черненко Е.В., Симоненко А.В. Курганный комплекс Широков-III // Курганы Южной Херсонщины. – К., 1977.
- Черненко 1980 Черненко Е.В. О серийном производстве парадного оружия скифского времени в античных центрах Северного Причерноморья // Тезисы докладов всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии». – Харьков, 1980.
- Черненко 1980 А Черненко Е.В., Мурзин В.Ю. О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ. – К., 1980.
- Черненко 1981 Черненко Е.В. Скифские лучники. – К., 1981.
- Черненко 1986 Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.В., Скорый С.А., Божий Н.М., Гребенников Ю.С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. – К., 1986.
- Черненко 1988 Черненко Е.В. Военное дело скифов (вооружение, тактика, стратегия). Диссертация на соискание учен. степ. доктора ист. наук в форме науч. доклада. – К., 1988.
- Черненко 1990 Черненко Е.В. Про що нагадали фотографії // Археологія. – 1990. – № 3.
- Черников 1951 Черников С.С. Восточноказахстанская экспедиция // КСИИМК. – 1951. – Вып. XXXVII.
- Черных 1976 Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-западе СССР. – М., 1976.
- Черняков 1977 Черняков И.Т. Киммерийские курганы близ устья Дуная // Скифы и сарматы. – К., 1977.
- Черняков 1985 Черняков И.Т. Северо-западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. – К., 1985.
- Черняков 1993 Черняков И.Т. Курганы в культуре Украины // Чичиков М.О. Курганы на рубеже древней культуры. – К., 1993.
- Чертомляк 1991 Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомляк. Скифский царский курган IV в. до н. э. – К., 1991.
- Чирков 1867 Чирков А. Краткий очерк городищ, находящихся по Днепру и его лиману // ЗООИД. – 1867. – Т. 6.
- Чиркова 1998 Чиркова М.Ю. З історії охорони пам'яток археології на Полтавщині в 20-х роках ХХ ст. // Археологічний вісник Львівщини України. – Полтава. – 1998. – № 1-2.
- Чичикова 1984 Чичикова М. Античная керамика // Севтополис. – София, 1984. – Т. 1.
- Чокота 1981 Чокота А. Золотые украшения из древнего города Вази // Вази. – Тбилиси. – 1981. – Т. VI.
- Членова 1981 Членова Н.Л. Тагарские лошади // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. – М., 1981.
- Членова 1983 Членова Н.Л. Предыстория «торгового пути Геродота» (на Северном Причерноморье на Южный Урал) // СА. – 1983. – № 1.
- Членова 1984 Членова Н.Л. Оленные казны как исторический источник. – Новосибирск, 1984.
- Членова 2002 Членова Н.Л. Добывали ли золото в восточносибирской тайге в скифскую эпоху? // Археологія, етнологія та антропологія Євразії. – 2002. – № 1(9).
- Шалобудов 1985 Шалобудов В.Н., Яремка В.Н. Кочевнические захоронения X-XII вв. на р. Валцвей // ПАП. – 1985. – Вып. 2.

- Шаловалов 1997* Шаповалов Г.И. О культурах водного коня и золотой рыбы у скифов // ДСПК. – 1997. – Вып. VI.
- Шапошникова 1972* Шапошникова О.Г., Бочкарев В.С. Отчет о работе Ингульский экспедиции // НА ИА НАНУ, № 1972/3.
- Шапошникова 1977* Шапошникова О.Г., Ребедайо Г.П. Курганный группа у с. Новорозановка // Древности Повигуль. – К., 1977.
- Шапошникова 1977А* Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Балущин А.М. Курганный группа близ с. Старогорожепо // Древности Повигуль. – К., 1977.
- Шапошникова 1977Б* Шапошникова О.Г., Бочкарев В.С., Шарафутдинова И.Н. О памятниках эпохи меди – ранней бронзы в бассейне р. Ингуля // Древности Повигуль. – К., 1977.
- Шапошникова 1986* Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Дожженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) // САИ. – К., 1986.
- Шахров 1990* Шахров Г.И. Исследование курганный группа у с. Новорайск на Херсонщине // ДСПК. – 1990. – Вып. I.
- Швецов 1979* Швецов М.Л. Половецкие святилища // СА. – 1979. – № 1.
- Шваченко 1986* Шваченко А.В. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. – Л., 1986.
- Швачук 1993* Швачук С.П. Археологические исследования в Приднепровье И.Е. Забелина в 1859–1868 гг. (в пределах современной Запорожской области). – Запорожье, 1993.
- Шедеры 1987* Шедеры древнего искусства Кубани. – М., 1987.
- Шелов 1949* Шелов Д.В. Кизикские статыры на Боспоре // ВДИ. – 1949. – № 2.
- Шелов 1960* Шелов Д.В. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье // КСИИМК. – 1960. – Вып. 34.
- Шелов 1961* Шелов Д.В. К вопросу об изображениях львиной головы на ранних боспорских монетах // КСИИМК. – 1961. – Вып. 39.
- Шелов 1964* Шелов Д.В. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. // МИА. – 1964. – № 33.
- Шелов 1966* Шелов Д.В. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. – М., 1966.
- Шелов 1975* Шелов Д.В. Керамические клейма из Таманса III–I вв. до н. э. – М., 1975.
- Шелов 1981* Шелов Д.В. Еще о боспорских монетах периода денежного кризиса III в. до н. э. // СА. – 1981. – № 2.
- Шелов 1994* Шелов Д.В. Новая коллекция эллинистических керамических клейм из Таманса // Вестник Таманса. – Ростов-на-Дону. – 1994. – Вып. 1.
- Шелко 1998* Шелко Л., Швецов М. Скифо-сарматские комплексы в бассейне р. Калка в Приазовье // Музейні читання. Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-літтю з дня народження видатного українського археолога О.І. Тереновського. – К., 1998.
- Шилов 1961* Шилов В.П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. – 1961. – № 1.
- Шилов 1962* Шилов В.П. Золотой клад скифского кургана // Археологические раскопки на Дону. – Ростов-на-Дону, 1962.
- Шилов 1983* Шилов В.П. Запорожский курган (К вопросу о погребениях авресской элиты) // СА. – 1983. – № 1.
- Шилов 1975* Шилов Ю.А. Залишки возів у курганах лямної культури Нижнього Подніпров'я // Археологія. – 1975. – № 17.
- Шилов 1977* Шилов Ю.А. Перший та четвертий Старосільські кургани // Археологія. – 1977. – № 22.
- Шнянова 2001* Шнянова А.В. Реставрация античных амфор из Большого Рыжановского кургана // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. – СПб., 2001. – Ч. 2.
- Шкорпил 1907* Шкорпил В.В. Из архива Керченского музея // ИТУАК. – 1907. – Т. 40.
- Шкорпилъ 1898* Шкорпилъ Х. и К. Могилы. – Плоадивъ, 1898.
- Шкорпил 1916* Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. // ИАК. – 1916. – Вып. 60.
- Шмаллий 1970* Шмаллий Н.М., Черняков И.Т. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра // МАСП. – 1970. – Вып. 6. – Ч. 1.
- Шmidt 1863* Шmidt А.А. Материалы по географии и статистике России, собранные офицерами генерального штаба. Херсонская губерния. – СПб., 1863.
- Шрашко 1961* Шрашко В.А. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе // СА. – 1961. – № 1.
- Шрашко 1963* Шрашко В.А., Солнцева Л.А., Фомин Л.Д. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии // СА. – 1963. – № 4.

- Шрамко 1965* Шрамко Б.А. Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. - К., 1965. - Т. 1, 2 // НА НА НАНУ, фонд 12, № 528.
- Шрамко 1984* Шрамко Б.А. Модель бычьей упряжки скифского времени // Древности Варази и скифо-сарматское время. - М., 1984.
- Шрамко 1984-А* Шрамко Б.А. Рецензии: Милошевский Б.М. Тавата Могила. - К., 1979 // СА. - 1984. - № 1.
- Шрамко 1987* Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). - К., 1987.
- Шрамко 1991* Шрамко Б.А., Солнцева Л.А. Металлографические исследования железных изделий из скифского кургана Чертомлык // см.: Чертомлык 1991.
- Шрамко 1994* Шрамко Б.А. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор // Древности 1994. Харьковский историко-археологический ежегодник. - Харьков, 1994.
- Шрамко 1998* Шрамко Б.А. Люботинское городище // Люботинское городище. - Харьков, 1998.
- Штери 1895* Штери Э.Р. Несколько заметок по поводу статьи В.В. Латышева «О поддельных греческих надписях из южной России» // ЗООИД. - 1895. - Т. 17.
- Штери 1896* Штери Э.Р. О подделке предметов классической древности на юге России // ЖМНП. - 1896. - Ч. 308. - № 11-12.
- Штери 1897* Штери Э.Р. О новейших подделках в области керамики на юге России // ЗООИД. - 1897. - Т. 20 (протоколы).
- Штери 1899* Штери Э.Р. О подделках классических древностей на юге России // Труды Х АС. - М., 1899. - Т. 1.
- Штери 1901* Штери Э.Р. Археологические заметки // ЗООИД. - 1901. - Т. 23 (протоколы).
- Штери 1902* Штери Э.Р. Вазы с рельефными украшениями из Ольвии // ИАК. - 1902. - Вып. 3.
- Штери 1904* Штери Э.Р. О новом способе подделки античных расписных vaz. - Одесса, 1904.
- Штери 1906* Штери Э.Р. О новом способе фальсификации в мраморе и серебре // ЗООИД. - 1906. - Т. 26.
- Штери 1911* Штери Э.Р. Из жизни детей в греческих колониях на северном побережье Черного моря // Сборник археологических статей, подвешенный графу А.А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской археологической комиссии. 1886-1911. - СПб., 1911.
- Шульц 1991* Шульц М. Osteологические исследования скелетов, найденных в кургане Чертомлык // Чертомлык 1991.
- Шульц 1937* Шульц П.Н. О работах Екаторийской экспедиции // СА. - 1937. - Т. 3.
- Шульц 1958* Шульц П.Н., Столяр А.Д. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира // КСНИМК. - 1958. - Вып. 71.
- Щеглов 1973* Щеглов А.Н. Херсонес и Нижний Дон в IV-III вв. до н. э. // Археологические раскопки на Дону. - Ростов-на-Дону, 1973.
- Щеняцкий 1962* Щеняцкий А.А. Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА АН УССР. - К., 1962. - Вып. 12.
- Щеняцкий 1969* Щеняцкий А.А., Черепанова Е.Н. Северное Причерноморье в V-I тысячелетиях до нашей эры. - Симферополь, 1969.
- Эварницкий 1885* Эварницкий Д.И. Археологические раскопки // Киевская старина. - 1885. - № 12.
- Эварницкий 1890* Эварницкий Д.И. Каменные бабы // Исторический вестник. - 1890. - № 7.
- Эварницкий 1901* Эварницкий Д.И. Раскопки курганов в Херсонской губернии Херсонского и Александровского уездов // Труды XI АС. - М., 1901. - Т. 1.
- Эварницкий 1907* Эварницкий Д.И. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии // Труды XIII АС. - М., 1907. - Т. 1.
- Эрлих 1994* Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. - М., 1994.
- Юргевич 1889* Юргевич. Исторический очерк 50-летия Императорского Одесского общества истории и древностей. - Одесса, 1889.
- Яблоцкий 2000* Яблоцкий Л.Т. Краниологические материалы из склепов присармакитского могильника Самар-Чага (V-III вв. до н. э.). // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. - М.; Новый сад, 2000.
- Яворницкий 1990* Яворницкий Д.І. Історія запорозьких козаків. - К., 1990. - Т. 1.
- Яковенко 1973* Яковенко Е.В. «Скипетр париж» в Куль-Оби // Археологія. - 1973. - № 11.
- Яковенко 1974* Яковенко Е.В. Скифы Східного Криму в V-III ст. до н. е. - К., 1974.
- Янюк 1998* Янюк М.П. Топонімічний словник України. - К., 1998.
- Яровой 1990* Е.В. Яровой. Курганы энеолита - эпохи бронзы Нижнего Поднепровья. - Киспинец, 1990.

- Яровой 1994* Яровой Е.В., Кашуба М.Т. Курган предскифского времени у пгт Слободзея // Древнейшие общины земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. – V в. н. э. – Тирасполь, 1994.
- Яровой 2002* Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортык С.В. Каммерийский курган у пгт. Слободзея // Северное Причерноморье: от энеолита до античности. – Тирасполь, 2002.
- Ястребов 1886* Ястребов В.Н. О глиняной чаше, найденной в м. Седневке Елизаветградского уезда Херсонской губ. // Древности. Труды МАО. – 1886. – Т. 11. – Вып. 2.
- Ястребов 1894* Ястребов В.Н. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губ. // ЭОСИД. – 1894. – Т. 17.
- Ястребов 6/2* Ястребов В.Н. Курганы и городища Херсонского края // Новороссийский календарь. – Отд. отделка без выходящих датых.
- Яценко 1958* Яценко И.В. Скифские погребения близ Ногайска (по материалам раскопок Н.И. Веселовского в 1887 г.) // ВДИ. – 1958. – № 1.
- Яценко 1959* Яценко И.В. Скифия VII–V вв. до н. э. – М., 1959.
- Яценко 1972* Яценко И.В. Херсонская амфора с клеймом астинома Героксея // Новое в археологии. – М., 1972.
- Яценко 2002* Яценко И.В. Представления И.Е. Забелина о строении насыпи кургана Чертомлык // РА. – 2002. – № 4.
- Akurgal 1969* Akurgal E. Orient et Occident, la naissance de l'art Grec. – Paris, 1969.
- Alexandrescu 1966* Alexandrescu P. Necropola tumulara. Sapaturi 1955–1961 // Histria. – 1966. – II.
- Alexandrescu 1999* Alexandrescu P. L'aigle et le dauphin. Etudes d'archéologie pontique. Bucharest – Paris. – 1999.
- Ancient Gold 1998* Marazov I. (ed.). Ancient Gold: The Wealth of the Thracians. Treasures from the Republic of Bulgaria. – New York. – 1998.
- Andronicos 1980* Andronicos M. The Royal graves in Vergina. – Athens, 1980.
- Andronicos 1984* Andronicos M. Vergina: The Royal Tombs. – Athens. – 1984.
- Andronicos 1994* Andronicos M. Vergina. The royal tombs and the ancient city. – Athens, 1994.
- Archaeology 1968* Archaeological News // Archaeology. – 1968. – №1.
- Archibald 1998* Archibald Z.H. The Odrysian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked. – Oxford. – 1998.
- Archibald 2000* Archibald Z.H. Mothers and Daughters in Cretan Cult // Tsjetskladze G.R., Prag A., J.N.W., Snodgrass A.M. (eds.), Periplous. Papers on Classical Art and Archaeology presented to Sir John Boardman. – London. – 2000.
- Artamonov 1970* Artamonov M.I. Goldschatz der Skythen. – Prag. – 1970.
- Auction 1912* Auction Griechischer, Römischer und Byzantinischer Münzen. – München, 1912.
- Avram 1988* Avram A., Poenaru-Bordea G. Nouveaux Timbres amphoriques thasiens de Callatis // Dacia. – 1988. – Vol. XXXII. – № 1–2.
- Avram 1989* Avram A. Wo sind die Amphoren vom tip «Solocha-I» hergestellt worden? // Dacia. – 1989. – Vol. XXXIII, № 1–2.
- Barron 1966* Barron J.P. The Silver Coins of Samos. – L., 1966.
- Bass 1968* Bass G.F., Katzev M.L. New tools for underwater archaeology // Archaeology. – 1968. – Vol. 21. – № 3.
- Berges 1996* Berges D. Rundaltere aus Kos und Rhodos. – Berlin. – 1996.
- Bezuglov 1998* Bezuglov S.I. Die Münzfunde aus den Ausgrabungen der deutsch-russischen Expedition in Tanais 1993–1996 // Eurasia Antiqua. – 1998. – № 4.
- Blonde 1985* Blonde F. Un remblai Thasien du IV e. Avant notre ère: La ceramique // BCH. – 1985. – CIX. – I.
- Blonde 1991* Blonde F., Muller A., Mulliez D. Le comblement d'un puits public a Thasos (les abords nord-est l'agora de Thasos II.5). 5.– Le materiel amphorique // BCH. – 1991. – 115, I.
- Boardman 1990* Boardman J. et al. «Herakles» // LIMC. Vol. V. – 1990.
- Boardman 1994* Boardman J. The Diffusion of Classical Art in Antiquity. – London. – 1994.
- Boltrik 1996* Boltrik Ju. V., Fialko E.E. Der Oguz-Kurgan. Die Grabanlage eines Skythenkönigs der Zeit nach Ateas // Hamburger Beiträge zur Archäologie. – Band 18. – 1991. Beiträge zur Archäologie im nordlichen Schwarzmeerraum. – Mainz, 1996.
- Bon 1957* Bon A.-M. et Bon A. Les timbres amphoriques de Thasos // Etudes thasiennes. – Paris – 1957. – Vol. IV.
- Boosen 1986* Boosen M. Etruskische Meeresmischwesen: Untersuchungen zur Typologie und Bedeutung. – Rom. – 1986.
- Berker 1998* Berker C., Burow J. Die hellenistischen Amphorenstempel aus Pergamon. – Berlin – New York. – 1998.
- Bothmer 1984* Bothmer D. A Greek and Roman Treasury // BMetMus. – 1984 – XLII, 1.

- Bottini 1987* Bottini A. I Lucani // Pugliesi Carratelli, G. (ed.), *Magna Graecia*. Vol. 2. *Lo*
- Boucher 1970* Boucher S. *Bronzes grecs, hellénistiques et étrusques: Collections des musées de Lyon*. – Lyon. – 1970.
- Buzolana 1999* Buzolana L. *Types d'amphores hellénistiques découvertes à Callatis // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire*. – Provence, 1999.
- Cat. Berlin 1996* Ortis G. *Faszination der Antike. The George Ortis Collection*. – Bern. – 1996.
- Cat. Bonn 1997* Barkova L., Kalaschnik Ju. (hrsg.). *Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold*. Bd. I (Die grossen Sammlungen VI). – Bonn. – 1997.
- Cat. Florence 1997* Berti R., La Porta E. (eds.). *Glorie di Tracia. L'oro più antico i tesori i miti*. – Florence. – 1997.
- Cat. Frankfurt 1994* Deppert-Lippitz B., Meier-Arendt W. (hrsg.). *Goldhelm. Schwert und Silberschatze. Reichtümer aus 6000 Jahren rumanischer Vergangenheit*. – Frankfurt. – 1994.
- Cat. Hamburg 1993* *Gold der Skythen, Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg. Katalog*. – Hamburg. – 1993.
- Cat. Hildesheim 1988* Eggebrecht A. (hrsg.). *Albanien: Schätze aus dem Land der Skipetaren*. – Mainz. – 1988.
- Cat. Katowice 1996* Chochorowski J. (ed.). *Kocznownicy Ukrainy. Muzeum Slaskie*. – Katowice. – 1996.
- Cat. Mannheim 1989* Laskov A.M. (hrsg.). *Gold und Kunsthandwerk vom antiken Kuban*. – Stuttgart. – 1989.
- Cat. Milan 1985* De Jullis E.M. (ed.). *GH ori di Taranto in eta ellenistica*. – Milan. – 1985.
- Cat. Milan 1995* see: Tessori 1996.
- Cat. Milan 2001* Aruz J., Parkas A., Alekseev A., Karolkova E. (eds.). *Oro. Il misterio dei Sarmati e de gli Sciti*. – Milano. – 2001.
- Cat. New York 1987* *Antiquities from the Collection of Christos G. Bastis*. – New York. – 1987.
- Cat. Paris 2001a* Reeder E. (ed.). *L'or des rois scythes*. – Paris. – 2001
- Cat. Paris 2001b* Schiltz V. (ed.). *L'or des Amazones*. – Paris. – 2001.
- Cat. Rimini 1995* *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo-25 giugno 1995*. – Milan. – 1995.
- Cat. Saint Louis 1998* see: *Ancient Gold 1998*.
- Cat. San Antonio 1999* see: *Scythian 1999*.
- Cat. Schleswig 1991* Rolle R., Müller-Wille M., Schietzel K. (eds.). *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. – Schleswig. – 1991.
- Cat. Thessaloniki 1978* *Treasures of Ancient Macedonia: Catalogue*. – Thessaloniki. – 1978.
- Cat. Tokyo 1991* *The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia*. – Tokyo. – 1991.
- Cat. Toledo 1977* Oliver Jr. A. *Silver for the Gods. 800 Years of Greek and Roman Silver*. – Toledo. – 1977.
- Cat. Trieste 2002* Giunitta-Mair A., Rubinič M. (eds.). *Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia*. – Trieste. – 2002.
- Cat. Venice 1989* *Traci. Arte e cultura nelle terre di Bulgaria dalle origini alla tarda romanità*. – Milano. – 1989.
- Cat. Venice 1996* Pugliese Carratelli G. (ed.). *The Western Greeks*. – Venice. – 1996.
- Cat. Vienna 1993* see: *Gold 1993*.
- Cat. Washington 1980* *The Search for Alexander. An Exhibition*. – Washington. – 1980.
- Cat. Zurich 1993* Karabelnik M. (hrsg.). *Aus den Schatzkammern Eurasiens*. – Zurich. – 1993.
- Cat. Malibu 1994* True M., Hamma K. (eds.). *A Passion for Antiquities. Ancient Art from the Collection of Barbara and Lawrence Fleischmann*. – Malibu. – 1994.
- Certomlyk 1998a, b* Rolle R., Murrin V. Ju., Alekseev A. Ju. *Königskurgan Certomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. vordhrstlichen Jahrhunderts // Hamburger forschungen zur Archäologie*. B. 1, 2. – 1997. – Mainz, 1998.
- Chernenko 1994* Chernenko E.V. *Investigations of the Scythian Tumuli in the Northern Pontic Steppe // ACSS*. – 1994. – No. 1.1.
- Chochorowski 1985* Chochorowski J. *Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde*. – Warszawa-Krakow, 1985.
- Chochorowski 1996* Chochorowski J., Grigor'ev V., Skoryj S. *Badznie wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego w Ryzhanowce na Ukrainie // MSROA*. – 1996. – T. XVII.
- Chochorowski 1997* Chochorowski J., Skoryj S. *The «collateral» (female) Burial at the Groute Ryzhanowka Barrow // Studies in ancient art and civilization*. – Krakow, 1997. – T. 8.
- Chochorowski 1997-A* Chochorowski J., Skoryj S., Grigor'ev V., Rydzewski J. *Centralny pochywek Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego // MSROA*. – 1997. – T. XVIII.
- Chochorowski 1998* Chochorowski J., Kovaljusz N., Skripkin V. *Subkalibrowane datovanie radioweglowe grobowca «kaiserica» scytyjskiego z Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego // MSROA*. – 1998. – T. XIX.

- Chochorowski 1999* Chochorowski J. Rings with Panticapaeum staters from the Great Ryzhanowka barrow // *Zapiski numizmatyczne*. - Krakow, 1999. - T. III/IV.
- Chochorowski 1999-A* Chochorowski J., Skoryj S. Kobięce nakrycie głowy z centralnego grobowca Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego // *MSROA*. - 1999. - T. XX.
- Chochorowski 1999-B* Chochorowski J., Skoryj S., Grigor'ev V., Rydzewski J. Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego - etap koncowy (sezon 1998) // *MSROA*. - Rzeszow. - 1999. - T. XX.
- Chochorowski 1999-C* Chochorowski J., Kovaljuch N., Skripkin V. Nowe dane do chronologii radiowęglowej kurhanow grupy ryzhanowskiej // *MSROA*. - 1999. - T. XX.
- Chochorowski 2000* Chochorowski J. Problems of the chronology of the Great Ryzhanowka kurgan // *Geochronometria. Journal on Methods and Applications of Absolute Chronology*. - 2000. - Vol. 49.
- Chochorowski 2000-A* Chochorowski J., Skoryj S. Die Zentralbestattung des Gross-Grabhügels von Ryzhanowka im rechteitigen Teil des ukrainischen Waldsteppengebietes // *Hommage a Gavriil Simion. Pratiques funeraires dans l'Europe des XIIIe - IVe s. av. J.-C. Actes du IIIe Colloque International d'Archaeologie Funeraire organise a Tulcea, Breila, Calarasi et Slobozia, 15-20 septembre 1997*. - Tulcea. - 2000.
- Cristofani 1983* Cristofani M., Martelli M. L'oro degli Etruschi. - Novara. - 1983.
- Davidson 1943* Davidson G.R., Tompson D.B. Small objects from the Pnix: I // *Hesperia*. - Princeton, 1943. - Suppl. VII.
- De Julius 1984* De Julius E.M. L'attivita archeologica in Puglia nel 1983 // *Crotone. Atti del 23. Convegno di studi sulla Magna Grecia, Taranto, 7-10 ottobre 1983*. - Taranto. - 1984.
- Debidour 1986* Debidour M. En classant les timbres Thasiens // *BCH*. - 1986. - Suppl. XIII.
- Debidour 1999* Debidour M. Kleitos, un magistrat thasien atteste sur les rives de la Mer Noire // *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire*. - Aix-en-Provence. - 1999.
- Despini 1984* Despini A. «Καπριωνη» // *Δελτιον*. - 32. - B2. (1977).
- Di Bello 1997* Di Bello F. Elea-Velia. Polis, Zecca e monete di bronzo. - Napoli. - 1997.
- Die Sammlung Kiseleff 1989* Simon E. (hrsg.). Die Sammlung Kiseleff im Martin-von-Wagner-Museum der Universitet Würzburg: Teil 2, Mincische und griechische Antiken. - Mainz. - 1989.
- Diehl 1964* Diehl E. Die Hydria. - Mainz. - 1964.
- Dintsis 1986* Dintsis P. Hellenistische Helme. - Rom, 1986.
- Ditrich 1959* Ditrich K. Antike Münzen aus Olbia und Pantikapaum. - Praha, 1959.
- Doulgeri-Intzessiloglou 1990* Doulgeri-Intzessiloglou A., Garland Y. Vin et amphores de Peparethos et d'Tkos // *BCH*. - 1990. - Vol. 114, I.
- Edwards 1963:* Edwards G.R. Koroni: the hellenistic pottery // *Hesperia*. - 1963. - № 1.
- Empereur 1986* Empereur J.-Y., Picon M. Des Ateliers d'Amphores a'Paros et a'Naxos // *BCH*. - 1986. - Vol. 110, I.
- Ewigleben 1989* Ewigleben C. An Atelier of Silversmiths in Western Thrace; the Jug. Cat. No. 155 from Rogozen and its Connections to the Vessels with Figural Reliefs from Porosina, Strelca, Loukovit and Vratsa // *The Rogozen Treasure*.
- Faklaris 1991* Faklaris P. «Περπρωχωνιον» // *Δελτιον*. (Deltion). T. 40.A (1985).
- Ferguson 1932* Ferguson W.S. Treasurers of Athena. - Cambridge, 1932.
- Filow 1917* Filow B. Denkmaler der thrakischen Kunst // *RM*. - 1917. - Bd. 32.
- Fol 1989* Fol A., Tsvetkov B., Mihailov G., Venedikov L., Marazov I. The Rogozen Treasure. - Sofia. - 1989.
- Fornasier 1997* Fornasier J. Das Pektorale aus der Tolstaja Mogila - Vergleichende Untersuchungen zur Form und Funktion // see: *Zur graeco-skythischen Kunst 1997*.
- Forschner 1986* Forschner G. Die Münzen der Griechen in Italien und Sizilien. Historisches Museum Frankfurt am Main. - Frankfurt. - 1986.
- Foucart 1888* Foucart P. Les Victoires en Or de l'Acropole // *BCH*. - 1888. - IV.
- Fuhrmeister 1997* Fuhrmeister K. Zweiergruppen und Brudermotiv? // see: *Zur graeco-skythischen Kunst 1997*.
- Furtwangler 1900* Furtwangler A. Die Antiken Gemmen. Geschichte der Steinschneidekunst im klassischen Altertum. - Leipzig-Berlin, 1894-1900. Bd. 1-3.
- Gabelmann 1982* Gabelmann H. Eine spathellenistische Silberschale in Keln // *Bonner Jahrbucher*. - 1982. - Bd. 182.
- Gajdukevici 1971* Gajdukevici V.F. Das Bosporanische Reich. - Berlin - Amsterdam. - 1971.
- Galanina 1986* Galanina L., Grach N. Scythian Art. - Leningrad. - 1986.
- Ganina 1974* Ganina O.D. Kiev Museum of Historical Treasures. - Kiev. - 1974.

- Garlan 1979* Garlan Y. Koukos. Données nouvelles pour une nouvelle interpretation des timbres amphoriques thasiens // *Thasiaca*. – BCH. – Suppl. V. – 1979.
- Garlan 1985* Garlan Y. Un remblai Thasien du IV s. Avant notre ère: B. Amphores et timbres amphoriques // BCH. – 1985. – II.
- Garlan 1990* Garlan Y. A propos de la chronologie des timbres amphoriques Thasiens // MNHMH D. LAZAPIDH. – ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ, 1990.
- Garlan 1999* Garlan Y. Les timbres amphoriques de Thasos. – I. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens // *Études Thasiennes*, XVIII (Corpus International des Timbres Amphoriques. Fasc. 6). – Paris, 1999.
- Gauglitz 1998* Gauglitz E., Jager G., Jager W. Bautechnische einschätzungen des Čertomyk-kurgans aus der sight des Modernen Ingenieure // Čertomyk 1998.
- Gebauer 1997* Gebauer J. Rankengedanken – zum Pektoriale aus der Tolstaja Mogila // *see: Zur graeco-skythischen Kunst 1997*.
- Gilevic 2002* Gilevic A.M. Coins // Hannestad L., Stolba F., Sceglov A.N. Panskoye I. – Aarhus University Press, 2002. – Vol. 1.
- Giouri 1978* Giouri E. Ο σπυρμαρος του Δεσφουου. – Athens. – 1978.
- Gold 1993* Seipel W. (hrsg.). Gold aus Kiew. Ausstellungskatalog des Kunsthistorischen Museums. – Wien, 1993
- Golden Deer 2000* The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes. Catalog of an exhibition held at the Metropolitan Museum of Art. – New York, 2000.
- Grace 1956* Grace V. Stamped Wine Jar Fragments // *Hesperia*. – Small Objects from the Pryx II. – Suppl. X. – 1956.
- Grace 1963* Grace V. Notes on the Amphores from the Coroni Peninsula // *Hesperia*. – 1963. – Vol. 32, № 3.
- Grace 1971* Grace V. Samian Amphoras // *Hesperia*. – 1971. – № 1.
- Grace 1974* Grace V. Revision in early Hellenistic Chronology // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*. – 1974. – B. 89.
- Grace 1985* Grace V. The Middle Stos Dated by Amphora Stamps // *Hesperia*. – 1985. – Vol. 54, № 1.
- Greek 2001* Greek and cypriote antiquities in the archaeological museum of Odessa. – Nicosia. 2001
- Greifenhagen 1970* Greifenhagen A. Schmuckarbeiten in Edelmetall. B. 1. – Berlin, 1970.
- Greifenhagen 1974* Greifenhagen A. Fragmente eines skythisches Goldbleches aus Chersonnes in Berlin und Moskau // AA. – 1974. – H. 1.
- Guarducci 1974* Guarducci M. Epigrafia Greca. – Roma. – 1974. – Vol. III.
- Guldenstodt 1791* Guldenstodt. Reisen durch Russland. – II. – SPb., 1791.
- Hackens 1976* Hackens T. Catalogue of the Classical Collection. Classical Jewelry. Museum of Art, Rhode Island. School of Design. Providence. – 1976.
- Hannestad 2002* Hannestad L., Stolba V.F., Hastrup H.B. Black-glazed, Red-Figure, and Ware Pottery // Hannestad L., Stolba F., Sceglov A.N. Panskoye I. – Aarhus University Press, 2002. – Vol. 1.
- Hermay 1988* Hermay A., Cassinatis H., Volkommer R. «Eros» // LIMC. – 1988. – Vol. III.
- Higgins 1961* Higgins R.A. Greek and Roman Jewellery. – London, 1961.
- Histria 1978* Alexandrescu P., Dimitriu S., Coja M. La ceramique d'epoque archaïque et classique (VII-IV a.) // *Histria*. – 1978. – IV.
- Hoddinott 1989* Hoddinott R. Rogozen and Thracian Religion: the Indo-European Factor // *The Rogozen Treasure 1989*.
- Huttel 1978* von Huttel H.-G. Keltische Zierscheiben und thrakischer Pferdegeschirrschmuck // *Germania*. – 1978. – № 56. – H. 1.
- Jacobson 1995* Jacobson E. The Art of the Scythians. The Interpretation of Cultures at the Edge of the Hellenic World (Handbuch der Orientalistik, 8.2). – Leiden, New York, Köln. – 1995.
- Jahrbuch 1982* Jahrbuch des Museums für Kunst und Gewerbe Hamburg. – 1982.
- Jentel 1976* Jentel M.-O. Les gutti et les askoi a reliefs etrusques et apuliens. Essai de classification et de typologie. – Leiden. – 1976.
- Johrens 1999* Johrens G. Amphorenstempel im Nationalmuseum von Athen. – Mainz, 1999
- Johrens 2001* Johrens G. Amphorenstempel hellenistischer Zeit aus Tanais // *Eurasia Antiqua*. – 2001. – B. 7.
- Junkelman 1996* Junkelman M. Reiter wie Statuen aus Erz. – Mainz am Rhein, 1996.
- Kac 2002* Kac V.I., Monachov S.Y., Stolba V.F., Sceglov A.N. Tiles and Ceramic containers // Hannestad L., Stolba F., Sceglov A.N. Panskoye I. – Aarhus University Press, 2002. – Vol. 1.

- Kaenel 1992* von Kaenel H.-M. I cinturoni // Greco, E., Guzzo, P.G. (eds.), Laos II. La tomba a camera di Marcellina (Magna Grecia; 7). - Taranto, - 1992.
- Kallipolitou 1951* Kallipolitou V.G., Feytmans D. Nekropolis klassikon chronon en Kozane // AE (1948-1949) - 1951.
- Kantor 1968* Kantor H.J. Nimrud and its Remains: A Review Article // Archaeology. - 1968. - № 2.
- Karamitriou-Mentesidi 1993* Karamitriou-Mentesidi G., Kozani. Poli Elmotidia. - Thessaloniki. - 1993.
- Katzev 1969* Katzev M. The Kyrenia Shipwreck // Expedition. - 1969. - Vol. 11. - № 2.
- Katzev 1970* Katzev M.L. Resurrecting the Oldest Known Greek Ship // National Geographic. - 1970. - Vol. 137. - № 6.
- Kopcke 1964* Kopcke G. Golddekorierte attische Schwarzfirniskeramik des vierten Jahrhunderts. V. Chr. // AM. - 1964. - B. 79.
- Kraay 1976* Kraay C.M. Archaic and Classical Greek Coins. - London. - 1976.
- Kriseleit 1980* Kriseleit I. Antike Guss- und Treibformen // Funde und Berichte. Staatliche Museen zu Berlin. - 1980. - Jg. 20/21.
- Kubysev 1996* Kubysev A. Der Brestoljubovka-kurgan. Die Grabanlage eines skythischen Nomarchen // Hamburger Beiträge zur Archäologie. - Band 18. - 1991. Beiträge zur Archäologie im nördlichen Schwarzmeerraum. - Mainz, 1996.
- Kull 1997a* Kull B. Orient und Okzident. Aspekte der Datierung und Deutung des Hortes von Rogozen // Becker, C., Dunkelmann, M.-L. et al. (eds.), Cronos. Beiträge zur prähistorischen Archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa. Festschrift für Bernhard Hansel. - Eschelkamp. - 1997.
- Kull 1997b* Kull B. Tod und Apophyse. Ikonographie in Grab und Kunst der jüngeren Eisenzeit an der unteren Donau und ihrer Bedeutung für die Interpretation von «Prunkgräbern» // BerRGK. - 1997. - Bd. 78.
- Lamb 1929* Lamb W. Greek and Roman Bronzes. - London, 1929.
- Lanz 1995* Auktion 74. Münzen der Antike. 20 november 1995. Numismatik Lanz München, 1995.
- Lazaridis 1992* Lazaridis D., Rhoimiopoulou K., Touratsoglou G. Ο τυφός της Νοκράνης. - (Athena). - 1992.
- Lordkipanidze 1974* Lordkipanidze O.D. La Georgie et le monde grecque // BCH. - 1974. - T. 98.
- Lungu 1999* Lungu V. Remarques sur la chronologie des timbres Thasiens // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. - Aix-en-Provence. - 1999.
- Luppino 1987* Luppino S. Laos. La necropoli: Il corredo della tomba A camera // Lattanzi, E. (ed.), Il Museo Nazionale di Reggio Calabria. - Roma. - 1987.
- Malkina 1926* Malkina K. Ein Motiv aus dem skythischen Tierstil // JDAI. - 1926. - XLI, 2.
- Mantsevich 1982* Mantsevich A.P. Finds in the Zaporozhe Barrow: New Light on the Siberian Collection of Peter the Great // AJA. - 1982. - Vol. 86, N 4.
- Marshall 1909* Marshall F.H. Some Recent Acquisitions of the British Museum // JHS. - 1909. - Vol. XXIX.
- Mielczarek 1987* Mielczarek M. Gold Panticapaeen Coins set in rings found in the Great Ryzhanovka barrow (Ukraine) // Archeologia. - XXXVII. 1986. - 1987.
- Miller 1963* Miller M. Münzen des Altertums. - Berlin, 1963.
- Miller 1979* Miller S. Two Groups of Thessalian Gold. - Berkeley - Los Angeles. - 1979.
- Minns 1913* Minns E.H. Scythians and Greeks. - Cambridge, 1913.
- Monahov 1996* Monahov S.-Ju. La chronologie de quelques kourganes de la noblesse scythe du IVe siècle av.n.e. du littoral septentrional de la Mer Noire // Il Mar Nero. - T. II (1995/96).
- Montpereux 1843* Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Arménie, en Crimée. - Paris, 1839-1843. - Vol. 1-6; Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Arménie, en Crimée. Atlas. - Neuchatel, Paris. - 1843. - Atlas. IV série d'archéologie.
- Mordvinceva 2001* Mordvinceva V. Sarmatische Phaleren // Archäologie in Eurasien. - 2001. - Bd. 11. - Rahden.
- Moroujenko 1994* Moroujenko A.A. Le kourgane scythe de Perederieva Moguila // Les Dossiers d'Archéologie. - 1994. - No.194.
- Müller 1855* Müller L. Numismatique d'Alexandre le Grand, suivie d'un appendice contenant les monnaies de Philippe II et III et accompagnée de planches et tables in quarto. - Copenhague, 1855.
- Musti 1992* Musti D., Benzi M., Rocchetti L. et al. L'oro dei Greci. - 1992. - Navarra.
- Ognenova 1961* Ognenova L. Les cuirasses de bronze trouvées en Thrace // BCH. - 1961. - T. 85.
- Olynthus 1950* Robinson D.M. Excavations at Olynthus. - Baltimore, 1950. - P. XIII.

- Otto 1928* Otto Helbingnacht. München, Bapersstrasse 20. Münzauktion 8 November 1928. – München, 1928.
- Panskoye 2002* Hannestad L., Stolba P., Soeglov A.N. Panskoye I. – Aarhus University Press, 2002. – Vol. 1.
- Parducz 1952* Parducz M. La cimatière hallstatische de Szentes-Vekerny // AAH, 1952.
- Persy 1911* Griechische und Römische Münzen. Aus dem Besitze des Rev. Persy Barron (Whyteleaf) und eines bekannten englischen Gelehrten. – München, 1911.
- Pfrommer 1982* Pfrommer M. Griechische und mittelitalische Einflüsse in der Rankenornamentik frühhellenistischer Zeit // JDAI. – 1982. – Bd. 97.
- Pfrommer 1983* Pfrommer M. Griechische Originale und Kopien unter römischen Tafelsilber // GettyJ. – 1983. – Vol. 11.
- Pfrommer 1983* Pfrommer M. Italien-Makedonien-Kleinasien. Interdependenzen spätklassischer und frühhellenistischer Toreutik // JDAI. – 1983. – Bd. 98.
- Pfrommer 1986* Pfrommer M. Ein orientalisches Motiv in der griechischen Schmuckkunst - Zu einem vergoldeten Kettenglied aus Ton in Milet // IstMitt. – 1986. – Jg. 36.
- Pfrommer 1987* Pfrommer M. Studien zu alexandrinischer und großgriechischer Toreutik frühhellenistischer Zeit // Archaische Forschungen. – Berlin. – 1987. – B. 16.
- Pfrommer 1990a* Pfrommer M. Ein achemenidisches Amphorenrhyton mit ägyptischem Dekor // AMI. – 1990. – Bd. 23.
- Pfrommer 1990b* Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks // Istanbulische Forschungen. – Tübingen. – 1990. – B. 37.
- Pfrommer 1993* Pfrommer M. Ein Grab - Drei Kulturen // IstMitt. – 1993. – Jg. 43.
- Pharmakowsky 1910* Pharmakowsky B. Archaische Funde im Jahre 1909. Russland // AA. – 1910.
- Pharmakowsky 1913* Pharmakowsky B. Archaische Funde im Jahre 1912. Russland // AA. – 1913.
- Pochitonov 1968* Pochitonov E. Nove datovani pokladu antickich mince z nalezu na ostrove Prinkipo r. 1930 // Numismatitsky Sbornik. – Praha, 1968. – № 10.
- Poenaru-Bordea 1986* Poenaru-Bordea G. Les timbres amphoriques de Thasos a Callatis // BCH. – 1986. – Suppl. XIII.
- Polin 1998* Polin S.V. Zum Amphorenbestand des Certomlyk-kurgans // Rolle R., Murzin V.Ju., Alekseev A.Ju. 1998 – Königsgraben Certomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts // Hamburger Forschungen zur Archaische. B.1. – 1997. – Mainz, 1998.
- Potratz 1963* Potratz J.A.H. Die Skythen in Sudrussland. – Basel. – 1963.
- Price 1991* M.J. Price, The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus. A British Museum Catalogue. – Zurich, London, 1991.
- Prittowitz 2002* Prittowitz und Gaffron H.-H. The Goddess on the shield-boss in Bonn // Mattusch C.C., Brauer A. and Knudsen S.E. (hrsg.). From the Parts to the Whole: Vol. 2. Acta of the 13th International Bronze Congress held at Cambridge, Massachusetts, May 28-June 1, 1996 (JRA Suppl. Ser., 39). – Portsmouth. – 2002.
- Raftopoulou 1991* Raftopoulou E.G. Etude iconographique sur un theme la toreutique // BCH. – 1998. – 115.
- Rassamakin 1999* Rassamakin Y. The Eneolithic of the Black Sea Steppes: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500-2300 BC // Levine M., Rassamakin Y., Kislenko A., Tatarintseva N. Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe. – Cambridge, 1999.
- Reeder 1999* Reeder E. Scythian Art // Scythian 1999.
- Reeder 1999a* Reeder E., Scott III G.D. and Welis, S.L. Gold of the Nomads. Scythian Treasures from Ancient Ukraine // Minerva. – 1999. – Vol. 10. No. 6.
- Regling 1906* Regling K. Die griechische Münzen der samlung Warren. – Berlin, 1906.
- Regling 1924* Regling K. Die antike Münze als Kunstwerk. – Berlin, 1924.
- Regling 1931* Regling K. Der Griechische Goldschatz von Prinkipo // ZfN. – 1931. – XLI.
- Reinsberg 1980* Reinsberg C. Studien zur hellenistischen Toreutik. Die antiken Gipsabgüsse aus Memphis (Hildesheimer ägyptologische Beiträge, 9). – Hildesheim. – 1980.
- Richter 1915* Richter G.M.A. The Metropolitan Museum of Art. Greek, Etruscan and Roman Bronzes. – New York. – 1915.
- Richter 1932* Richter G.M.A. A Greek Sword Sheath from South Russia // Metropolitan Museum Studies. – 1932. – № 4.
- Richter 1946* Richter G.M.A. A Fourth-Century Bronze Hydria in New York // AJA. – 1946. – Vol. L.
- Robinson 1934* Robinson D.M. The Bronze State Seal of Larissa Kremaste // AJA. – 1934. – Vol. 38.
- Rolle 1979* Rolle R. Totenkult der Skythen. Teil I: Das Steppengebiet (Vorgeschichtliche Forschungen 18: 1,1). – Berlin - New York. – 1979.
- Rolle 1980* Rolle R. Die Welt der Skythen. – Frankfurt, 1980.

- Rolley 1976* Rolley C. Objets de metal // Vatin C. - Bruneau P. - Rolley C. - Hackens T. (eds.), *Médon de Phocide. V. Tombes hellénistiques. Objets de metal. Monnaies.* - Paris. - 1976.
- Ross Holloway n.d.* Ross Holloway R. Art and Coinage in Magna Graecia. - Bellinzona. - n.d.
- Rostovtzeff 1934* Rostovtzeff M. A Gold Necklace and a Gold Armlet from South Russia // *ESA.* - 1934. - IX.
- Rostowzew 1931* Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. - Berlin, 1931.
- Rotroff 1997* Rotroff S. Hellenistic pottery, Athenian and imported wheelmade table ware and related material // *The Athenian Agora.* - 1997. - P. I, II.
- Scepiniski 1994* Scepiniski A.A. Über die Aristokratie der Sarmaten im nordlichen Schwarzmeergebiet // *Zeitschrift für Archäologie.* - Berlin. - 1994. - N 28/1.
- Schauenburg 1980* Schauenburg K. Skylla oder Tritonin? Zu einer Gruppe kanonischer Askoi // *RM.* - 1980. - Bd. 87.
- Schefold 1934* Schefold K. Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. - Berlin-Leipzig, 1934.
- Schiltz 1979* Schiltz V. Deux gorytes identiques en Macédoine et dans le Kouban // *RevArch.* - 1979. - Fasc. 2.
- Schiltz 1994* Schiltz V. Die Skythen und andere Steppenvölker. - München. - 1994.
- Schneider 1994* Schneider L., Zazoff P. Konstruktion und Rekonstruktion. Zur Lesung thrakischer und skythischer Bilder // *JDAI.* - 1994. - Bd. 109.
- Schultz 1997* Schultz M. Das Skelettfunde aus dem Kurgan. // see: Čertomlyk 1998.
- Schwabacher 1974* Schwabacher W. Griechische Münzkunst. Kurze Kunstgeschichte an Beispielen aus der Sammlung S.M. Gustaf VI. Adolf, König von Schweden. - Mainz am Rhein, 1974.
- Schwarzmaier 1996* Schwarzmaier A. Die Gräber in der Grossen Blizniza und ihre Datierung // *JDAI.* - 1996. - Bd. 111.
- Schwarzmaier 1997* Schwarzmaier A. Griechische Klappspiegel // *AM.* - 18. - 1997.
- Scythian 1986* Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: mid-7th to 3th century B.C. - Leningrad, 1986.
- Scythian 1992* Scythian Gold. Museum of Historic Treasures of Ukraine. - Japan, 1992.
- Scythian 1999* Reeder E. (ed.). Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine. - New York. - 1999.
- Seibal 1988* Seibal J. Antické mincovní umění. Moravské museum v Brně. - Brno, 1988.
- Seltman 1960* Seltman C. Greek coins. - London, 1960.
- Seyrig 1969* Seyrig H. Monnaies hellénistiques // *RN.* - 1969.
- Shcheglov 1991* Shcheglov A.N., Katz V.L. A Fourth-Century B.C. Royal Kurgan in the Crimea // *Metropolitan Museum Journal.* - 1991. - № 26.
- Shefton 1989* Shefton B. The Auge Bowl // *The Rogozen Treasure 1989.*
- Sideris 2000* Sideris A. Les tombes de Derveni: quelques remarques sur la toréutique // *RevArch.* - 2000. - Fasc. 1.
- Sigaridou 1966* Sigaridou M. Poteidaia // *Deltion.* - 1966. - T. 21.
- Simon 1981* Simon E. Die Griechischen Vasen. - München, 1981.
- Simon 1985* Simon E. Die Götter der Griechen. - München, 1985.
- Smallwood 1990* Smallwood V. // Boardman J. et al. Herakles // *LIMC.* - 1990. - Bd. V.
- Sparkes 1970* Sparkes B.A., Talcott L. Black and plain pottery of the 6-th, 5-th and 4-th centuries B.C. // *The Athenian Agora.* - Princeton, 1970. - Vol. XII. - P. I, II.
- Stahler 1991/92* Stahler K., Nieswandt H.-H. Der skythische Goryt aus dem Melitopol-Kurgan // *Boreas.* - 1991/92. - Bd. 14-15.
- Stahler 1997a* Stahler K. Zum Relief der Schwertscheide von Čertomlyk // see: Zur graeco-skythischen Kunst 1997.
- Stahler 1997b* Stahler K. Zum Gorytrelief aus dem sog. Philippsgrab in Vergina // see: Zur graeco-skythischen Kunst 1997.
- Steppens 1994* Steppens nomader - skovens bonder. Ukraines arkeologi i 2000 ar (900 f. Kr. - 1240). - Fyns Oldtid, Holufgard, 1994.
- Stoyanov 2000* Stoyanov T. Notes on the Toreutic Workshops: Production in Northeastern Thrace 4th-3rd Centuries BC // Avram A. - Babea M. (eds.), *Civilisation grecque et cultures antiques périphériques. Hommage à Petre Alexandroescu à son 70e anniversaire.* - Bucarest. - 2000.
- Strong 1964* Strong D. E. A Greek Silver Head Vase // *British Museum Quarterly.* - 1964. - Vol. 28.
- Strong 1966* Strong D.E. Greek and Roman Gold and Silver Plate. - London. - 1966.
- Swindler 1929* Swindler M.H. Ancient painting from the earliest times to the period of Christian art. - New Haven - London, 1929.

- Taranto 1994 Lippolis E. (ed.). Taranto. La necropoli: aspetti e problemi della documentazione archeologica tra VII e I sec. a.C. (Catalogo del Museo nazionale archeologico di Taranto, III, 1). - Taranto. - 1994.
- Taylor 1989 Taylor T. An Agighiol-type Beaker in the Rogozen Hoard // see: The Rogozen Treasure 1989.
- Technau 1929 Technau W. Griechische Keramik im Samischen Heraion // AM. - 1929. - Bd. LIV.
- Tesori 1996 Curletti M.G. (ed.). Tesori delle Steppe. Cimмери, Sciti, Sarmati, Unni, Avari e Cazari. - Milano. - 1995.
- The Rogozen Treasure Cook B.F. (ed.). The Rogozen Treasure. Papers of the Anglo-Bulgarian Conference, 12 March 1987. - London, 1989.
- Themelis 1997 Themelis P., Touratsoglou I. Οι Τροφές του Αρσένιου. - Athens. - 1997.
- Thompson 1934 Thompson H.A. Two Centuries of Hellenistic Pottery // Hesperia. - 1934. - III.
- Thompson 1940 Thompson H.A. A golden Nike from the Athenian Agora // Athenian studies presented to William Scott Ferguson. - Cambridge, 1940.
- Thompson 1972 Thompson H.A., Wycherley R.E. The Agora of Athens // The Athenian Agora. - Princeton, 1972. - Vol. XIV.
- Thracian Treasures 1979 Thracian Treasures from Bulgaria. Exhibition of the Thracian Treasures from Bulgaria, 3 march - 6 may 1979. - Tokio, 1979.
- Thrakien 1994: Papoulis V., Meraklis M. et al. (eds.). Thrakien. - Athens. - 1994.
- Tolle-Kastenbein 1974 von Tolle-Kastenbein R. Das Kastro Tigani. Die Bauten und Funde griechischer, römischer und byzantinischer Zeit // Samos. - 1974. - B. XIV.
- Tonceva 1980 Tonceva G. Necropole tumulara pres village Belogradec du VII e. s. ann. ers. // Thracia. - 1980. - T. V.
- Touratsoglou 1998 Touratsoglou I. Dated Gold: The Evidence from Hellenistic Macedonia // Williams D. (ed.). The Art of the Greek Goldsmith. Proceedings of the international conference, London, 4-6 October 1994. London. - 1998.
- Treister 1996 Treister M.Yu. Essays on the Bronzeworking and Toreutics of the Pontus // Tsatskhladze G.R. (ed.). New Studies on the Black Sea Littoral (Colloquia Pontica I). - Oxford. - 1996.
- Treister 1999a Treister M.Yu. Some Classical Subjects on Sarmatian Phalerae (to the origin of phalerae) // Tsatskhladze G.R. (ed.). Ancient Greeks West and East. - Leiden. - 1999.
- Treister 1999b Treister M.Yu. The Workshop of the Gorytos and Scabard Overlays // see: Scythian 1999.
- Treister 2000 Treister M.Yu. Early Classical Motifs in the 4th Century BC Toreutics from North Pontic Area (The Ways of Style Transfer in the Toreutics) // Avram A. - Babes M. (eds.). Civilisation grecque et cultures antiques peripheriques. Hommage a Petre Alexandrescu a son 70e anniversaire. - Bucarest. - 2000.
- Treister 2001 Treister M.Yu. Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics (Colloquia Pontica, VIII). - Leiden. - 2001.
- Treister 2001 (в печати) Treister M.Yu. Masters and Workshops of the Jewelry and Toreutics from the 4th Century BC Scythian Barrows // Braund D.C. (ed.). Scythians and Greeks. Proceedings of the conference, Exeter, January 2000. - Cambridge. (в печати).
- Treister 2002 Treister M.Yu. Grecia settentrionale e il Regno del Bosforo. Produzione metallurgica come riflesso dei contatti nella seconda meta del IV secolo a.C. // Giunilia-Mair A. Rubinich M. (eds.). Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia. - Milano. - 2002.
- Tsimbidou-Avlonti 1995a Tsimbidou-Avlonti M., Agios Athanasios 1994. The Tomb of the Young Warrior // Athens Annals of Archaeology 23-28 (1990-95). - 1998.
- Tsimbidou-Avlonti 1995b Tsimbidou-Avlonti M. Ag. Athanasios 1994. To chroniko mias apokalypsis // AEMT 8 (1994). - 1998.
- Ustinova 1999 Ustinova Yu. The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God. (The Religions in the Graeco-Roman World, 135). - Leiden, Boston, Koln. - 1999.
- Vanderpool 1962 Vanderpool E., McCredie J.R., Steinberg A. A Ptolemaic Camp on the East Coast of Attica // Hesperia. - 1962. - № 1.
- Vanderpool 1964 Vanderpool E., McCredie J.R., Steinberg A. Koroni: the Date of the Camp and the pottery // Hesperia. - 1964. - № 1.
- Vermeule 1987 Vermeule C.C. The God Apollo, a Ceremonial Table with Griffins, and a Votive Basin // GettyMusJ. - 1987. Vol. 15.
- Vermeule 1988 Vermeule C.C., Comstock M.B. Sculpture in Stone and Bronze. Additions to the Collections of Greek, Etruscan, and Roman Art 1971-1988. - Boston. - 1988.

- Vickers 1994 Vickers M., Gill D. *Artful Crafts. Ancient Greek Silverware and Pottery*. – Oxford. – 1994.
- Vickers 1999 Vickers M. *Images on Textiles. The Weave of Fifth-Century Athenian Art and Society* (Xenia, 42). – Konstanz. – 1999.
- Vlasova 2001 Vlasova E.V. *The Scythian Drinking Horn* // Boardman J., Solovyov S., Tsatskhelidze G. (eds.), *Northern Pontic Antiquities in the State Hermitage Museum (Colloquia Pontica, 7)*. – Leiden, Boston, Köln. – 2001.
- Vokotopoulou 1986 Vokotopoulou I. *Bitsa. Ta nekrotafeia mias melossikes komes*. – Athena. – 1986.
- Vokotopoulou 1996 Vokotopoulou J. *Führer durch das Archäologische Museum Thessaloniki*. – Athen. – 1996.
- Walters 1921 Walters H.B. *Catalogue of the Silver Plate (Greek, Etruscan and Roman) in the British Museum*. – London. – 1921.
- Waywell 1996: Waywell G.B. *The Scylla Monument from Bargylla* // *Antike Plastik*. – 1996. – Jg. 25.
- Williams 1994 Williams D., Ogden J. *Greek Gold. Jewelry of the Classical World*. – New York. – 1994.
- Williams 1996 Williams D. *Refiguring Attic Red-figure: A review article* // *RevArch*. – 1996.
- Wilson 1920 Wilson L.M. *Contribution of Greek Art to the Medusa Myth* // *AJA*. – 1920. – Vol. XXIV. – № 3.
- Woodward 1937 Woodward A. *The golden Nikai of Athens* // *ΑΡΧΑΙΟΛΟΓΙΚΗ ΕΦΗΜΕΡΙΣ*. – 1937.
- Zazoff 1996 Zazoff P. *Bildchiffren der skytho-thrakischen Kunst* // *Hamburger Beiträge zur Archäologie* 18 (1991). – 1996.
- Zimmer 1996 Zimmer G. *Prunkgeschirr hellenistischer Herrscher* // Hoepfner W., Brands G. (hrsg.), *Basileia. Die Paläste der hellenistische Könige*. – Mainz. – 1996.
- Zimmermann 1998 Zimmermann N. *Beziehungen zwischen Ton- und Metallgefäßen spätklassischer und frühhellenistischer Zeit* (Internationale Archäologie, 20). – Rahden. – 1998.
- Zuchner 1942 Zuchner W. *Griechische Klappspiegel*. – Berlin. – 1942.
- Zur graeco-skythischen Kunst 1997 K.Stahler (hrsg.), *Zur graeco-skythischen Kunst. Archäologisches Kolloquium Munster 1995* (Eikon, 4). – Munster. – 1997.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГСП - Античные государства Северного Причерноморья
 АИМ - Археологические исследования в Молдавии
 АИНКБ - Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии
 АИНУ - Археологические исследования на Украине. - К.
 АДУ - Археологічні дослідження на Україні. - К.
 АМА - Античный мир и археология. - Саратов
 АО - Археологические открытия. - М.
 АП - Археологічні пам'ятки Української РСР. - К.
 АС - Археологический съезд
 АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа. - Л., СПб.
 ВДИ - Вестник древней истории. - М.
 ВССА - Вопросы скифо-сарматской археологии
 ВУАК - Всеукраїнська археологічна комісія
 ВЯ - Вопросы языкознания
 ГИМ - Государственный исторический музей
 ДАС - Донецкий археологический сборник. - Донецк
 ДГУ - Днепропетровский государственный университет
 ДСП - Древности степного Причерноморья
 ДСПК - Древности степного Причерноморья и Крыма. - Запорожье
 ДСС - Древности степной Скифии. - К., 1982
 ЖРВ - Журнал раскопок Н.Е. Брандербурга
 ЗВОРАО - Записки восточного отделения Русского археологического общества. - СПб.
 ЗОАО - Записки Одесского археологического общества. - Одесса
 ЗООИД - Записки Одесского Императорского общества истории и древностей. - Одесса
 ЗРАО - Записки императорского Русского археологического общества. - СПб.
 ИА - Институт археологии
 ИАК - Известия императорской археологической комиссии
 ИАП - Исследования по археологии Поднепровья. - Днепропетровск
 ИГАИМК - Известия Государственной Академии Истории материальной культуры. - М.
 ИМФ - Известия Молдавского филиала
 КГУ - Киевский государственный университет
 КДСП - Курганские древности степного Поднепровья
 КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР. - М.
 КСИА АН УССР - Краткие сообщения Института археологии АН УССР. - К.
 КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры. - М.
 КСОАО - Краткие сообщения Одесского археологического общества. - Одесса

- КСОГАМ – Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея. – Одесса
 КСП – Курганы степного Поднепровья
 МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь
 МАО – Московское археологическое общество
 МАР – Материалы по археологии России
 МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья. – Одесса
 МГУ – Московский государственный университет
 МДАПВ – Материалы та дослідження з археології Прикарпаття і Волині
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. – М.
 МИДУ – Музей исторических драгоценностей Украины
 НА НА НАНУ – Научный архив Института археологии НАН Украины. – К.
 НАНУ – Национальная Академия наук Украины
 НИМУ – Национальный Исторический музей Украины. – К.
 НЭ – Нумизматика и эпиграфика. – М.
 ОАК – Отчет императорской археологической комиссии
 ОГОК – Открытое акционерное общество «Орджоникидзевский горно-обогатительный комбинат» в г. Орджоникидзе Днепропетровской обл.
 ОИШК – Отдел истории первобытной культуры ГЭ
 ПАВ – Петербургский археологический вестник
 ПАП – Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск. – или Проблемы археологии Подніпров'я. – Дніпропетровськ
 ПАСК – Проблемы археологии степной Евразии
 Пг. – Петроград
 ПИСПАЭ – Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху
 ПССА – Проблемы скифо-сарматской археологии
 РА – Российская археология. – М.
 РАО – Русское археологическое общество в Санкт-Петербурге
 СА – Советская археология. – М.
 САИ – Свод археологических источников СССР. – М.
 СГМИИ – Сообщения Государственного музея изящных искусств
 СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. – Л., СПб.
 ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. – Л., СПб.
 ТОАМ – Труды отдела истории античного мира. Государственный Эрмитаж. – Л.
 Труды АС – Труды археологического съезда
 ХКАМ – Художественная культура и археология античного мира. – М, 1976
 ШДИК – Шедьры древнего искусства Кубани

 АА – Archaeologischer Anzeiger
 ААН – Acta Archaeologica Hungarica (Budapest)
 АССС – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia
 АЕ – Archaeologische Ephemeris
 АЕМТН – To archaioiogiko ergo Makedonia kai Thrake
 АЖА – American Journal of Archaeology
 АМ – Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Atenische Abteilung
 АМИ – Archaeologische Mitteilungen aus Iran

- AP - *Archeologia Polska*
 AVA - *Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden archäologie*. München
 BCH - *Bulletin de correspondance hellénique*
 BerRGK - *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*
 BMetMus - *Bulletin of the Metropolitan Museum of Arts*
 BMQ - *The British Museum Quarterly*. - London
 BSA - *Annual of the British School at Athens*
 CVA - *Corpus vasorum antiquorum*
 Deltion - *Archaiologikon Deltion*
 EIRENE - *Studia graeca et latina*. - Praha
 ESA - *Eurasia septentrionalis antiqua*. - Helsinki
 GettyJ - *The J. Paul Getty Museum Journal*
 HambBeitA - *Hamburger Beiträge zur Archäologie*
 HBA - *Hamburger Beiträge zur Archäologie*
 IOSPE - *Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*
 IPE - *Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*
 JDAI - *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*. - Berlin und Leipzig
 JHS - *Journal of Hellenic Studies*
 LIMC - *Lexicon iconographicum mythologiae classicae*
 MetMusJ - *Metropolitan Museum Journal*
 MSROA - *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*. - Rzeszów
 Praktika - *Praktika tes archaiologikes Etairias*
 RevArch - *Revue archéologique*
 RGZM - *Römisch-Germanische Zentralmuseum Mainz*
 RM - *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung*
 RN - *Revue Numismatique*
 SA - *Slovenska archeologia*
 SC - *Latyshev B. Scythica et Caesica e veteribus scriptoribus Graecis et Latinis. [Приложение к «Запискам Императорского Русского Археологического общества»]. - T. 1. - СПб., 1890-1900; T. 2. - СПб., 1904-1906*
 WA - *Wiadomości Archeologiczne*
 ZfN - *Zeitschrift für Numismatik*
 ZNUJ - *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego*

МОЗОЛЕВСКИЙ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ (1936–1993) – выдающийся украинский археолог и поэт, крупнейший исследователь курганов скифской знати.

В начале своей археологической деятельности принимал участие в исследованиях Страшной Могилы, курганов Гайманового поля и Гаймановой Могилы, курганов в урочище Носаки в Запорожской области, Репяховатой Могилы на Черкашине и др. В 1969–1992 гг. возглавлял Орджоникидзевскую экспедицию Института археологии, проводившую охраняемые исследования курганов возле г. Орджоникидзе Днепропетровской области на карьерах Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината.

Исследования Толстой Могилы (1971), Хоминой, Чабанцовой, Денисовой, Завадских могил, Желтокаменной Толстой Могилы (1974–1975), исследования Чертомлыка (1979 и 1981), завершённые позднее В.Ю. Мурашным и Р. Ролле, Бабиной и Водяной (1986), Соболевой (1991–1992) Могили

и многих других курганов поставили его имя в один ряд с такими крупнейшими исследователями скифских курганов XIX ст., как И.Е. Забелин и А.А. Бобринский. Б.Н. Мозолевский был бессменным начальником Орджоникидзевской экспедиции Института археологии Национальной академии наук Украины на протяжении 1969–1992 гг. Раскопки возле г. Орджоникидзе ознаменовались открытиями мирового значения. Из многочисленных находок шедевров древнего искусства достаточно вспомнить только открытие пекторали в Толстой Могиле (нагрудного украшения скифского царя), ставшей визитной карточкой, символом Украины.

Его перу принадлежит более 60 печатных работ, в том числе монографии «Товста Могила» (1979), «Скіфський степ» (1983), «Мелітопольський курган» (1988, в соавт. с А.И. Тереножиным), а также поэтические сборники: «Начало марта» (1963), «Шиповник» (1967), «Зарево» (1971), «Червоне вітрило» (1976), «Веретено» (1980), «Кохання на початку осені» (1985), «І мить як вік» (1986), «Дорогою стріли» (1991).

ПОЛИН СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – род. в 1952 г. в Киеве в семье военнослужащих.

После срочной службы в пограничных войсках СССР в 1981 г. закончил Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко. В 1989 г. защитил кандидатскую диссертацию «Население северо-причерноморских степей в III–II вв. до н.э. (этнополитический аспект)».

Специализируется в хронологии скифских и раннесарматских памятников. Более 30 лет принимает участие и ведет самостоятельные исследования курганов различных эпох в степях Украины на территории Херсонской, Запорожской, Кировоградской, Черкасской и Днепропетровской областей. Принимал участие в раскопках Красноперекопских курганов (Архангельская Слобода, Вольная Украина, 1-й и 2-й Мордвиновские курганы), Желтокаменной Толстой Могилы, курганов возле Первомаевки, вел раскопки скифских курганов на юге Херсонщины (Метрополь, Ново-

Федоровка, Подовое, Новотроицкое, Сергеевка), в северо-западном Приазовье (Волчанское, Малая Терновка), на правобережье Нижнего Днепра (Золотая Балка), в окрестностях г. Орджоникидзе (в курганном окружении Чертомлыка, в группе Чередниковой Могилы, Бабиной и Кальковой могил). С 1994 г. возглавляет Орджоникидзевскую экспедицию Института археологии, проводящей исследования курганов на карьерах Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината.

Опубликовал более 70 работ. Из основных: «Сарматське завоювання Північного Причорномор'я» (1984), «Хронологія ранньоскіфських пам'яток» (1987), «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья» (1990, в соавт. с А.В. Симоненко), монография «От Скифии к Сарматии» (1992), «Про хронологію ранньоскіфської культури» (1996), «О походе Дария в Причерноморскую Скифию» (1998), «О хронологии раннескифской культуры (по И.Н. Медведской)» (1998).

